Питирим Сорокин
на борту парохода «Марта Вашингтон»
на пути в Нью-Йорк (1923)

Питирим Сорокин
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Редакционная коллегия:

А. К. Конюхов, П. П. Кротов, В. П. Марков, В. В. Сапов

ЦЕНТР «НАСЛЕДИЕ» ИМЕНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

PITIRIM A. SOROKIN FOUNDATION

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН

Питирим Сорокин

ЛИСТКИ ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Сыктывкар
2015

УДК 316.4
ББК 60.51(2)
С65

Издано при поддержке
Правительства Республики Коми

Сорокин П. А.

С65 Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. – 848 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-91669-185-6

В настоящий том собрания сочинений П.А. Сорокина вошли первые две книги, написанные им в США в 1923–1924 гг. «Листки из русского дневника» представляют собой книгу воспоминаний, охватывающих период с начала Февральской революции 1917 г. до сентября 1922 г., когда ученый был выслан из Советской России. Книга читается с захватывающим интересом, а по своей глубине и публицистической страстности вполне может быть поставлена в один ряд с такими шедеврами российской мемуаристики XX века, как «Окаянные дни» И.А. Бунина и «Бывшее и несбывшееся» Ф.А. Степуна. В полном объеме перевод «Листков» издается в России впервые.

«Социология революции» была написана на русском языке, когда П.А. Сорокин находился в Чехословакии. После переезда в Америку он перевел ее на английский язык и издал в 1925 г. Машинопись книги на русском языке пролежала в архивах (сначала в Праге, потом в Киеве) больше 80 лет, прежде чем стала доступной для российского читателя. Непреходящее значение книги состоит в том, что она нанесла первый серьезный удар «идолу Революции», которому европейское человечество поклонялось на всем протяжении XIX и XX веков.

Обе книги выходят в преддверии 100-летней годовщины Русской революции и будут интересны не только социологам, историкам и тем, кто интересуется творчеством Питирима Сорокина, но и самым широким кругам читателей.

ББК 60.51(2)

© Сорокин П. А., наследники, 2015
© Сапов В. В., перевод, составление, подготовка текста, комментарии, 2015
© Оформление. ООО «Анбур», 2015

ISBN 978-5-91669-185-6

ИДОЛ РЕВОЛЮЦИИ

Революция – отверстый гроб для
добродетели и – самого злодейства.
Н.М. Карамзин

Две книги, вошедшие в настоящий том Собрания сочинений П.А. Сорокина, несмотря на их жанровое различие, объединены одной темой, и тема эта – революция. Обе книги впервые были изданы в Америке и вышли в свет почти одновременно: «Листки из русского дневника» появились на прилавках книжных магазинов в конце 1924 г., «Социология революции» – в самом начале 1925 г. И обе они знаменуют «рождение» нового «американского» социолога – Pitirim A. Sorokin, – который с этого времени до самой своей смерти в 1968 г. будет играть в американской и мировой социологии роль чуть ли не первой скрипки (или, по крайней мере, одной из первых).

В Америку П.А. Сорокин приехал осенью 1923 г. Сам он рассказывает об этом торжественно: «Солнечным октябрьским днем 1923 года я сошел с парохода на берег американского мегаполиса»[1]. На самом деле он прибыл в США 3 ноября 1923 г., о чем свидетельствует его письмо к Генри Мак-Кракену (президенту женского колледжа Вассара, основанному в 1861 г. в городе Паукипси недалеко от Нью-Йорка)[2]. Колледж Вассара стал первым научным пристанищем Сорокина в Америке; здесь в течение 6 недель он оттачивал свой английский, посещал лекции и библиотеку и здесь же рискнул прочитать свою первую лекцию на английском языке. По прошествии 6 «вассаровских» недель Сорокин получил приглашение на чтение лекций в нескольких американских университетах: в Иллинойсе, Чикаго, Принстоне, Висконсине, Корнелле и, наконец, в Миннесоте, где он провел первые «шесть продуктивных лет» в США. Лекции в основном были посвящены русской революции – теме, которой в то время живо интересовались не только в Америке, но и во всем мире. Лекции Сорокина пользовались успехом, тем более что читал их живой свидетель и активный участник этой революции, бывший секретарь премьера Керенского, чуть ли не личный враг Ленина и, по счастливой случайности, «ex-professor of sociology, University of Petrograd; Vice President Russian Sociological Society». «Несмотря

[1] *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М., 1992, с. 151.

[2] *Johnston B.V.* Pitirim A. Sorokin. An Intellectual biography. University Press of Kansas, 1995, p. 281.

на ужасный английский, – пишет Сорокин, – мои лекции хорошо посещались, вызывали значительный интерес и противоречивую реакцию – благосклонную со стороны тех, кто не принимал коммунизм и выступал против советского тоталитаризма, и отрицательную у той части моих слушателей, которые симпатизировали коммунистической фазе русской революции. В то время значительная часть американских интеллектуалов в университетских кругах идеализировала коммунистическую революцию, считая ее чем-то вроде прекрасной Дульсинеи Дон Кихота, чистой и лишенной всех недостатков, свойственных прозаичным тобосским девушкам. Поскольку в лекциях я особенно упирал на деструктивность, жестокость и зверства пяти первых лет коммунистической революции,.. такое противоречие с образом революционной Дульсинеи, естественно, вызывало у них протест по отношению ко мне и моим лекциям. Эта оппозиция мне длилась несколько лет и проявлялась в различных попытках дискредитировать не только мои лекции и работы по русской революции, но и саму мою научную деятельность, и публикации по другим проблемам. Эти люди пытались представить меня как одного из невежественных политических эмигрантов, которые ничему не научились и не смогли забыть прошлое. Поскольку книги, изданные в России, оставались незнакомыми американским ученым, кампания такого рода против меня имела значительный успех до тех пор, пока не получила энергичный отпор со стороны некоторых знаменитых американских социологов: Чарльза Эллвуда, Чарльза Х. Кули, Э.О. Росса, Франклина Гиддингса и других и пока аргументы противников не были подавлены всемирным престижем моих написанных в последующие годы книг»[3]. В архиве Сорокина, находящемся ныне в Саскачеванском университете (Канада), сохранились газетные вырезки с анонсами и кратким изложением его лекций, прочитанных им в конце 1923 – начале 1924 г. К сожалению, на большинстве этих вырезок нет ни дат, ни указаний, откуда они сделаны, поэтому приведем только их заголовки: «Доктор Сорокин из России читает лекцию ученицам Вассара» (Dr. Sorokin of Russia gives talk to Vassar girls); «Доктор Сорокин расскажет о России» (Dr. Sorokin to Speak on Russia; эта заметка как раз имеет дату, указанную самим Сорокиным: 2/1/24), анонс двух лекций Питирима Сорокина, которые он прочтет в пятницу 21 марта: «Истоки и природа русского коммунизма» (начало в 4–30 дня), «Итоги русского коммунизма в свете истории и социологии» (начало в 8–15 вечера); «Сорокин рассказывает о влиянии русской революции» (Sorokim <sic! и так по всему тексту> speaks on influence of Russ revolution)[4]; «Проф. Сорокин: Русскую революцию начали женщины и дети. Бывший Петроградский социолог читает лекцию об “изменении

[3] *Сорокин П.А.* Дальняя дорога, с. 154.

[4] В конце заметки сообщается, что «сегодня вечером, в 7–30, в Морроу-холле проф. Сороким прочтет свою третью лекцию о социологии и психологии революции. Тема лекции – деформация структуры общества во время революции».

поведения людей во время революции”»[5]; «Доктор Сорокин читает лекцию. Его тема: деформация социальной структуры»[6]; «Профессор Сорокин прочтет здесь цикл лекций. Будет сделано 12 докладов о “Социологии революции”»[7]; «Сорокин обсуждает русскую политику»; «Революция изменяет поведение»[8]; «Впервые здесь прочтет лекцию русский. Сорокин, социолог, изгнанный советским правительством, рисует печальную картину положения крестьян. Сегодня он будет говорить о “Причинах революции”»[9]; «Говорят, что Советы падут через два года. Преподаватель из Петрограда утверждает в городском клубе, что русские так же ненавидят красных, как раньше ненавидели царизм»[10]; «7 февраля форум обсудит доклад о России»[11]; «Тема Сорокина – Россия. Во вторник секретарь

[5] Излагается содержание лекции Сорокина и в конце статьи сообщается о том, что на этой неделе он продолжит читать свои лекции в Морроу-холле в то же время – 7–30 вечера.

[6] «Вчера вечером в колледже Вассара, – сказано в заметке, – доктор Питирим Сорокин в своей четвертой лекции о “Социологии революции” говорил о деформации социальной структуры».

[7] И далее: «Сегодня днем в 3–30 в Баском-холле, 165, профессор Питирим Сорокин, бывший профессор социологии Петроградского университета, прочтет свою первую из двенадцати лекций на тему “Социология революции”. Лекции будут происходить по вторникам, средам и четвергам в течение четырех недель. Профессор Э.А. Росс с факультета социологии разрешит своей группе, которой он преподает общую социологию, посещать одно занятие в неделю, понимая, что занимающиеся в его группе захотят послушать лекции профессора Сорокина». Поскольку указано место проведения лекций, то понятно, что речь идет о Висконсинском университете и его центральном здании, расположенном на вершине Баском-холла. В заметке сообщается также, что «профессор Сорокин уже читал лекции в Принстоне, Колумбии и Вассаре» и что свои лекции он «иллюстрирует фактами и данными, почерпнутыми из его собственного знания о том, что происходит в России при коммунистах».

[8] Объявление о 5 лекциях на тему «Поведение человека в революционном обществе», которые профессор Питирим Сорокин будет читать по вторникам в 10–30 утра по адресу Room 35 Rockefeller. Кратко излагается содержание лекций и формулируется их конечный вывод: «В любом случае человек вынужден бывает возвратиться к тем законам и формам правления, которые он пытался отвергнуть».

[9] Эта статья имеет точную дату: 23 апреля 1924 г. Вчера, отмечается в статье, Сорокин прочитал лекцию на тему «Нынешнее состояние России», сегодня будет читать «О причинах революции и изменение поведения людей во время революции», третья, заключительная, лекция будет посвящена «Влиянию революции на биологические свойства населения и жизненные процессы». Все лекции начинаются в 4 часа дня и будут происходить в Newberry auditorium. В конце статьи говорилось, что «он [т.е. Сорокин] считается одним из самых видных мыслителей современности и находится в этом городе по специальному приглашению профессора А.Э. Вуда с социологического факультета». Упоминание проф. Вуда дает основание утверждать, что лекции Сорокина происходили в Мичиганском университете.

[10] Слова в конце статьи о том, что «профессор Сорокин является гостем профессора Самуэля Харпера из Чикагского университета», позволяют утверждать, что в Чикаго «преподаватель из Петрограда» был в начале февраля 1924 г. См.: Эпистолярное наследие П. Сорокина (переписка с С. Харпером) // Социологические исследования. 1996, № 1.

[11] «Известный российский изгнанник доктор П. Сорокин прочтет свой доклад “Современная Россия и ее будущее” в Городском Клубе во вторник 7 февраля на форуме во время официального завтрака». Судя по дате, речь идет о Городском Клубе Чикаго.

Керенского сделает доклад в Городском Клубе»[12]; «Правда о России»[13]; «Сорокин делает доклад о политической ситуации в России». В этой – последней из имеющихся в нашем распоряжении – заметке говорится следующее: «Вторая лекция доктора Питирима Сорокина состоится во вторник 19 августа, в четыре часа дня в Малом театре. Ее тема – "Политическая ситуация в России" – относится к числу тех, что неизменно привлекают внимание. Это вдвойне справедливо, если учесть, что доктор Сорокин был одно время секретарем Керенского, членом Российского Учредительного собрания и других послереволюционных организаций. Первая лекция доктора Сорокина собрала большую аудиторию и вызвала к себе интерес, подогретый еще и тем, что слушатели получили информацию о загадочной ситуации в России из первых рук. Вход на лекцию – свободный». 19 августа Сорокин уже читал лекции (или, по крайней мере, готовился к их чтению) в университете Миннесоты. В таком случае можно предположить, что Little Theater, о котором говорится в статье, это Малый театр в городе (точнее говоря, «тауншипе», т.е. поселке) Нью-Лондон, находящемся недалеко от Миннеаполиса и Сент-Пола.

Наконец, когда Сорокин уже достаточно укоренился в университете Миннесоты и стал здесь почти «своим», в местной газете «The Minneapolis Kiwanian»[14] от 11 ноября 1924 г. появилась заметка, в которой, в частности, говорилось: «Героем дня стал проф. Сорокин, до недавнего времени живший в России, а сейчас работающий в университете Миннесоты на кафедре социологии, рассказы кото-

[12] В том же Городском Клубе Чикаго и на том же форуме; и тема доклада – та же. На вырезке сделана надпись рукой Сорокина: Daily News 2/5/24. Вероятнее всего, эту дату надо читать как «5 февраля 1924 г.», т.е. это анонс доклада 7 февраля. Следует отметить, что в газете помещена фотография П.А. Сорокина – наверное, одна из самых ранних его фотографий, сделанных в Америке.

[13] Статья помещена в разделе скандальной хроники (Jungle Rumbles); в ней сообщается: «...благодаря регенту нашего университета Лайону А. Дж. Лоббу, мы сегодня днем получили необычное угощение – доктора П. Сорокина, который, будучи приглашенным лектором на летний семестр в университете, любезно согласился быть почетным гостем на официальном завтраке и рассказать нам о нынешних политических условиях жизни в России, т.е. о предмете, судить о котором он может лучше кого бы то ни было, так как знает о нем не понаслышке». Дальше кратко излагается – с некоторыми преувеличениями – биография Питирима Сорокина. Упомянутый Лайон Лобб входил в состав регентского совета университета Миннесоты.

[14] Название газеты можно перевести как «Киванианец Миннеаполиса». Международный Киванис клуб возник в Детройте как организация так называемых «клубов на службе общества» [service club] (до 1987 г. – исключительно мужских), ставящая целью содействие развитию профессиональной и деловой этики, а также занимающаяся благотворительностью. Основной объект благотворительной деятельности – помощь детям. Слово «Kiwanis» на языке индейцев племени аджибве означает «дурачиться», «валять дурака», «шумно играть»; по другой версии слово заимствовано из языка индейцев алгонкинов и означает «заявлять о себе». В настоящее время клуб насчитывает более полумиллиона членов и почти 10 тысяч клубов в 91 стране мира (с недавнего времени – и в России).

рого о политической ситуации в России нашли отклик в сердцах и умах всех слушателей. Почему-то кажется, что любовь к родине у американцев больше всего проявляется, когда они уезжают в чужую страну и находятся вдали от своей или когда кто-то знающий рассказывает им о том, как на самом деле живут народы Старого Света. Послушав в минувший вторник то, что рассказал проф. Сорокин о России, мы еще больше полюбили Америку, ее идеалы, ее правительство и ее народ. Вот почему его рассказ так много дал и так много значил для всех нас».

Помимо выступлений и чтения лекций Сорокин в эти первые месяцы своего пребывания в США написал еще немалое число статей, которые со временем как-то померкли в ослепительных лучах его более поздних больших трудов, редко привлекают внимание исследователей[15] и до сих пор остаются практически неизвестными читателям. Об этих своих статьях Сорокин почему-то вовсе не упоминает в своей автобиографической книге, между тем как в становлении его «имиджа» американского социолога они сыграли немаловажную роль. Едва ли не первой из таких статей стало открытое письмо Сорокина в редакцию газеты «Нью-Йорк Таймс», датированное 31 декабря 1923 г. и опубликованное в газете 7 января 1924 г. под заголовком «Бора вредит России. Идентификация народа с советским правительством ухудшает дело». В письме говорилось:

«Один из главных аргументов сенатора У.Э. Бора в пользу признания Советского правительства заключается в том, что в настоящее время Советская Россия может закупать большое количество американской продукции и способствовать оживлению американской торговли и промышленности. Это утверждение он подтверждает фактами, что “в этом году одно коммерческое учреждение в России приобрело хлопок в этой стране на сумму 40 млн долларов и расплатилось за него. А один производитель обуви в Соединенных Штатах реализовал большой заказ обуви для России и получил деньги. Английская торговля с Россией весьма значительна и стремительно растет”.

Боюсь, что эти заявления сенатора Бора совершенно ошибочны, и, по-видимому, он говорит о том, чего он совсем не знает. Если сенатор Бора посмотрит “Правду” (официальную газету Российской Коммунистической партии), № 257, от 13 ноября 1923 г., он прочтет, что “за год с октября 1922 по октябрь 1923 г. общий объем импорта из России составил 152,1 млн золотых рублей” (всего лишь около 76 млн долларов), “а с октября 1921 по октябрь 1922 г. российский импорт равнялся 282,3 млн рублей. Это означает, что в прошлом году импорт сократился почти в два раза по сравнению с предыдущим годом” (“Правда”, № 257, статья “Экономический отдел”).

[15] Отрадное исключение в этом отношении представляет труд Ю.В. Дойкова, в котором представлен сокращенный перевод 7 рецензий П.А. Сорокина, написанных в 1924 г. См.: *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009, с. 154–159.

Это ясно показывает, что внешнюю торговлю России вряд ли можно назвать “весьма значительной”, и уж совершенно невозможно сказать, что она “стремительно растет”. Покупка хлопка “одним коммерческим учреждением в России” на сумму 40 млн долларов, т. е. 80 млн золотых рублей при объеме всего импорта в 152,1 млн рублей, весьма сомнительна.

Сенатор Бора прав, настаивая на невозможности восстановления Европы без возрождения России; но, отождествляя русский народ с советским правительством и защищая последнее, он на самом деле не только не облегчает положение русского народа, но и усугубляет его, помогая коммунистическим преступникам и дальше угнетать свои жертвы. Этим фактом и объясняется, почему имя сенатора Бора – одно из самых непопулярных среди русского народа в Советской России.

Если сейчас сенатор Бора не понимает реальной ситуации в России и объективной вредности своей политики в отношении России, то я уверен, что в ближайшие два-три года даже он и его последователи поймут это»[16].

Следует напомнить, что Уильям Эдгар Бора (1865–1940) с 1907 г. был членом Сената США от Республиканской партии, в 1924–1933 гг. он возглавлял сенатскую комиссию по иностранным делам и был сторонником установления дипломатических отношений между США и СССР. Он был очень популярен среди простых американцев и пользовался большим авторитетом в политических кругах США. Столь дерзкая атака на «Льва из Айдахо» (как называли У. Бора) со стороны иммигранта, буквально только что (меньше 2 месяцев назад) приехавшего в Америку, была, надо думать, удивительна для тех немногих еще американцев, которые лично знали Сорокина и его обстоятельства. Даже благоволивший ему С. Харпер обратился к Сорокину за разъяснениями. «Я отметил Ваше письмо в “Нью-Йорк Таймс” на днях, – писал он ему 11 января 1924 г. – Если позволите, сделаю Вам предложение – как-нибудь поскорее дайте здесь понять, что в России очень непопулярно имя Бора. Несколько коллег спрашивали меня, не могли бы Вы привести этому доказательства, ведь до нас доходят рассказы о коммунистическом контроле над прессой и любыми выражениями мнений. Этот вопрос не мой – я, как мне кажется, знаю на него ответ. Но я чувствую, что Вам будет интересно узнать, что подобные вопросы возникают в умах некоторых компетентных людей, прочитавших Ваше письмо». Сорокин в ответном письме от 15 января 1924 г. разъяснил свою позицию американскому коллеге и другу: «Что касается моего заявления о Бора, я должен честно признаться, что описал его в такой неопределенной форме (в “Сов. России”) намеренно с тем, чтобы не обвинять русскую интеллигенцию. Более строго это заявление должно быть написано так: Бора совершенно непопулярен среди ученых, исследовате-

[16] *Sorokin P.* Borah’s Injury to Russia: Identifying the People With Soviet Government Makes Matters Worse // New York Times. 1924, January 7.

лей, писателей и даже просто “специалистов” за исключением коммунистических кругов. Пробольшевистские высказывания коммунисты охотно публикуют в своих газетах. По ним у нас есть возможность узнать их (эти мнения). И хотя в России нет свободных газет, связь и обмен мнениями в среде интеллигенции существуют в более интимной форме (в Домах ученых, писателей, в ун-те, во время частных встреч и т. д.). Таким образом можно узнать мнения людей. И я ни разу не слышал какого-либо положительного мнения о Бора. Более того, о нем в 1922 г. ходила пословица “Бора нагородит вздора”. Вот коротко о том, откуда у меня эта информация, и я считаю, она соответствует истине. Нет необходимости добавлять, что его имя непопулярно и у всех русских за границей (кроме сменовеховцев)»[17].

Политические мотивы, по которым Сорокин выступил с критикой влиятельного американского сенатора, понятны. Но, наверное, был тут и другой мотив: стремление как можно скорее укорениться в чужой (пока еще) для него стране – и в качестве ученого, и в качестве гражданина (которым станет еще не скоро), и в качестве политика, а для этого необходимо принимать активное участие во всех сторонах ее жизни. Пройдет, в общем-то, совсем немного времени, и он станет в Америке «экспертом № 1 по русско-американским отношениям», а о себе скажет: «Я – стопроцентный русский, ставший стопроцентным американцем»[18]. Как и в России, у него будут и сторонники, и противники, поклонники и даже поклонницы[19]. Но все это – потом, спустя годы. А пока Питирим Сорокин не упускает ни единой возможности, чтобы прочитать лекцию (или цикл лекций) о «современном состоянии России», о русской революции, о «социологии революции», убивая при этом сразу трех зайцев – ломая сложившееся у американцев стереотипное представление о русских, совершенствуясь в языке и укрепляя в сознании американских коллег и широких общественных кругов свой имидж социолога с мировым именем. Что касается американского стереотипа о русских, то показательна в этом отношении книга Джерома Дэвиса «Русский иммигрант», вышедшая за год до приезда Сорокина в Америку[20].

---

[17] Цит. по: *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009, с. 94–96.

[18] *Cutler J.H.* He’s an Encyclopedia wired for shock (Неопубликованная машинопись, хранящаяся в архиве Саскачиванского университета, л. 2; машинопись не датирована, но на л. 11 говорится о том, что «Сорокин в свои 59 лет высок и строен», что дает возможность датировать ее концом 1940-х гг.).

[19] В конце 1956 г. Сорокину напишет письмо американская поэтесса Розалия Гудиер (Goodyear) (1886–1969?), вдохновившаяся его исследованиями о любви. На следующий год она напишет и посвятит «профессору Петериму <sic!> Сорокину» поэму «Love calls» (хранится в архиве Саскачеванского университета). Подробнее о Р. Гудиер см.: *McKay M.J.* Walt Whitman in Canada: The Sexual Trinity of Horace Traubel and Frank and Mildred Bain // Walt Whitman Quarterly Review. 2012, vol. 30, № 1, pp. 1–30.

[20] *Davis J.* Russian Immigrant. New York, 1922.

В России эта книга практически неизвестна даже в среде профессиональных социологов (для которых, к примеру, знание книги У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» считается обязательным), что очень жаль, поскольку она, во-первых, выдержала испытание временем (о чем свидетельствует ее переиздание в Америке в 1969 г.), а во-вторых, написана автором с большой любовью к своему «предмету»[21]. В конце книги, ссылаясь, правда, на французского политолога Э. Антонелли (который в свою очередь ссылается на авторитет большинства русских писателей), Дж. Дэвис перечисляет следующие социально-психологические особенности «русских крестьян»:

1) У крестьянина чувство преобладает над волей.

2) Он не чувствует противоречий и равнодушен к идеям.

3) Он испытывает отвращение ко всякой власти и ко всякому принуждению.

4) Он не смотрит вперед и предпочитает жить одним настоящим.

5) Он считает, что страсть оправдывает все.

6) У него нет представления о парламентском правлении, и он не уважает никакой закон.

7) Он любознателен.

8) Душу или человека он ставит превыше всего, к материальным предметам питает презрение и не способен на сильную ненависть.

9) Он верит в смирение. Человек должен подавлять себя во всем[22].

Конечно, Сорокин не соответствовал (во всяком случае, не во всем соответствовал) этому стереотипу. Он не был «крестьянином» и, хотя был «сыном рабочего и крестьянки», сумел тем не менее стать профессором, лидером революционной партии, секретарем премьер-министра, т.е. «выбился в люди», стал тем, кого в Америке принято называть self-made man, а к таким людям стереотипы – никакие – неприложимы по определению. У него самого тоже были, надо полагать, стереотипные представления об американцах, хотя надо отметить, что в России эти стереотипы вплоть до середины, а то и до конца XX века носили преимущественно книжный характер. Не одно поколение русских подростков было воспитано на произведениях Фенимора Купера, Майн Рида, Г. Бичер-Стоу, Марка Твена, Джека Лондона… Потом им на смену придут Э. Хемингуэй, У. Фолкнер, Дж. Стейнбек и др. Некоторые из этих писателей так «прижились» в России, что уже перестали восприниматься

[21] Книга посвящена «русским рабочим, тяжкий труд которых помогает укреплять промышленную мощь Америки, но которые в большинстве своем, несмотря на эту их работу, все еще не заслужили сердечного участия и дружеского расположения со стороны нашего народа». Подробнее об этой книге см. «археорецензию» М. Денисенко и О. Хараевой «Русские не понимают США, а США не понимают русских» (Отечественные записки. 2004, № 4).

[22] *Davis J.* Russian Immigrant. New York, 1922, p. 211.

как американцы, стали «своими» в буквальном смысле слова. Но с «живыми американцами» русские, живущие в России, общались мало, можно сказать – совсем не общались. Поэтому и в самодержавной, да и в советской России Америка большинством населения воспринималась как заветный рай, царство свободы, воплощенная на земле Телемская обитель с ее девизом «Делай, что хочешь». Так сказать, прямой антипод «тюрьме народов»[23]. Были, конечно, и другие представления об Америке, но от них или отмахивались, или не принимали всерьез, а иногда даже и вовсе о них не знали. Например, А.С. Пушкин (в статье «Джон Теннер») писал: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов…»[24]

В.Г. Белинский (Письмо к М.А. Бакунину от 16 августа 1837 г.): «Живя в Пятигорске, я перечел множество романов и между ними несколько Куперовых, из которых вполне понял стихии североамериканских обществ: моя застоявшаяся, сгустившаяся от тины и паутины, но еще не охладевшая кровь кипела от негодования на это гнусно-добродетельное и честное общество торгашей, новых жидов, отвергшихся от Евангелия и признавших Старый завет. Нет, лучше Турция, нежели Америка; нет – лучше быть падшим ангелом, т.е. дьяволом, нежели невинною, безгрешною, но холодною и слизистою лягушкою! Лучше вечно валяться в грязи и болоте, нежели опрятно одеться, причесаться и думать, что в этом-то состоит все совершенство человеческое»[25].

П.Я. Чаадаев (Отрывки и разные мысли, фр. 228; написано перед началом или во время Крымской войны): «Не начинайте войны для сохранения целости Турции. Америка единственная соперница, которой вы должны бояться; в наше время варварство не ниспровергнет просвещение. Не владение Константинопо-

[23] Типичный тому пример находим в рассказе В.Г. Короленко «Без языка» (1895): «И пошел по деревне говор. Осип Лозинский разбогател в Америке и стал таким важным человеком, что с ним уже советуются, кого назначить в президенты… Если уже Осипа спрашивали, кого он хочет в президенты, то что там наделают другие, получше Осипа!.. Потому что там – свобода!» (*Короленко В.Г.* Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1954, т. 4, с. 12).

[24] *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1981, т. VII, с. 161.

[25] *Белинский В.Г.* Избранные письма. М., 1955, т. 1, с. 68.

лем доставит могущество России. Турция владеет Константинополем, а посмотрите, в каком она жалком положении»[26].

Так же и для Ф.М. Достоевского – «бежать в Америку из отечества – низость, хуже низости – глупость»[27].

Но, повторим еще раз, все эти и подобные им точки зрения на Америку на протяжении всего XIX и значительной части XX века оставались на периферии общественного сознания в России. В целом русские в массе своей, имея об Америке преимущественно книжные представления, относились к заокеанской стране с дружеской симпатией, а то и с нескрываемым восхищением. К числу последних относился, по-видимому, и Питирим Сорокин, недаром же еще в России друзья называли его «русским американцем». К тому же следует учесть, что он отнюдь не был так называемым экономическим эмигрантом, и Соединенные Штаты меньше всего привлекали его к себе как «обетованная земля, Ханаан, для капитализма» (по выражению В. Зомбарта[28]). Вопрос «Вот человек и в Америке… что же теперь будем делать?» перед ним не стоял. «В года два-три, – писал он, – надеюсь выплыть в качестве одного из самых видных американо-русских социологов»[29]. Америка для Сорокина была, прежде всего, «обетованной землей» именно для социологии, вообще для свободного научного исследования, способной обеспечить лично ему присущий ему размах, предоставить ему возможность полной реализации его грандиозных замыслов и способной его по достоинству оценить. И на первых порах Америка его не разочаровала. Вот несколько выдержек из его писем того времени:

---

[26] *Чаадаев П.Я*. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991, т. 1, с. 510. Мысль о том, что «Америка единственная страна, которую вы должны бояться», возникла у Чаадаева в результате чтения Токвиля, который 2-й том своей книги «О демократии в Америке» заканчивает словами:

«В настоящее время существуют на земле два великих народа, которые, начав с различных точек, приближаются к одной цели: это русские и англо-американцы.

Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал и об их появлении, и об их величии [...].

Для достижения своей цели первый полагается на личный интерес и предоставляет свободу действий, не направляя их, силам и разуму отдельных лиц.

Другой сосредоточивает, так сказать, в одном человеке все силы общества.

Для одного главное средство действия есть свобода, для другого – повиновение.

Их исходные точки различны; и однако каждый из них предназначен, по-видимому, тайной волей провидения держать когда-нибудь в своих руках судьбу половины мира» (*Токвиль А. де.* О демократии в Америке. М., 1897, с. 340).

[27] *Достоевский Ф.М*. Братья Карамазовы, ч. IV, Эпилог. Подробнее см.: *Сараскина Л.И.* Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года. Великий Новгород, 2008, с. 199–213.

[28] *Зомбарт В*. Избранные работы. М., 2005, с. 214.

[29] *Сорокин П.А*. Социология революции. М., 2008, с. 548.

«Живем мы с материальной стороны недурно. Снимаем на лето целый коттедж в 30 минутах езды от New York'a. Насчет пищи и комфорта никаких недостатков не чувствуем. Надеюсь и в будущем будет all right. Я рад, что не сижу ни у кого на шее и не завишу ни от кого. Отношения с американцами хорошие, кроме "американцев" из "наших" – кишиневских, – которые пытались и пытаются напортить мне чем могут. Но пока ничего не могут сделать существенного»[30].

«Профессора – народ хороший. А в этом семестре я оказался chairman'ом, т.е. главой всего Departament of Sociology. Вообще, должен сказать, что за все время лекторства я здесь ни разу не встретил плохого отношения от американских профессоров. Если встретил раз "интригу", правда, безрезультатную, в Висконсинском университете, то… от русских "испанцев" и, извините, таких не очень умных "украинцев", как Ваш Грановский (он, кстати, не только еще не профессор, но только… инструктор и от профессорства – даже Assistant Professor – на расстоянии, по крайней мере, 7–10 лет, если вообще когда-либо будет Professor'ом. С американскими же профессорами, в том числе с радикалами, я в самых приятельских отношениях, ибо "американский радикал" и "русский радикальный дурак" – вещи разные, как небо и земля»[31].

«Университетская обстановка в корне отлична от нашей и Европейской. Отлично и преподавание. Но в общем – мне здешняя система по душе. По душе даже то огромное место, которое занимает здесь спорт и военное обучение в Университетах. Даже сам я начал "американизироваться" и около часу каждый день занимаюсь спортом в великолепном здании для гимнастических и физических упражнений gimnasium, имеющемся здесь при каждом Университете. Американские профессора – отличный народ. Я легко с ними схожусь. И что хорошо – здесь как-то среди американцев – нет наших академических интриг. Самое большое различие мнений не мешает быть друзьями»[32].

«Работаем оба очень много. Но по-американски это не мешает мне каждый день упражняться час-полтора в теннис, hand-ball и т.д. Миннесотский университет – третий по обширности в Америке. Библиотека отличная. Народ славный, город Minneapolis – очень хороший. Так что в этом отношении я очень доволен»[33].

«Штат Миннесота – фермерский и считается одним из самых радикальных. Но, опять таки, этот радикализм (рабочих, приезжающих в собственных автомо-

[30] Письмо Н.Е. Шаповалу, июнь 1924 г. Цит. по: *Сорокин П.* Социология революции. М., 2008, с. 544.

[31] Письмо Н.Е. Шаповалу 2 августа 1924 г. (Там же, с. 546).

[32] Письмо Д.А. Лутохину 21 октября 1924 г. Цит. по: *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009, с. 112.

[33] Письмо Н.Е. Шаповалу 18 октября 1924 г. Цит. по: *Сорокин П.* Социология революции. М., 2008, с. 548. «Мы оба», т.е. он сам и его жена Елена Петровна, приехавшая в США в марте 1924 г.

билях, и фермеров имеющих не только автомобили, но огромное большинство – дорогое радио, через кои каждый день узнают, сидя у камина, цены на все по всей Америке к Европе, слушают концерты, речи, и т.д., из New York`a, San-Francisko или Чикаго). Пришлось и мне говорить уже по радио три раза. Этот радикализм, я говорю, не похож на наш. Российский радикализм – это либо анархия, либо упадочничество, либо подлость, либо – глупость (извините – такова его история, сущность и общ. роль). В здешнем радикализме – подчас очень здравомысленном – вы чувствуете реализм; баланс, силу, напор свежих сил. Он не отрывается от реальности, он очень по-своему консервативен. Такой радикализм я понимаю и принимаю. Наш российский – да будь он трижды проклят. Теперь еще больше, чем год раньше, я презираю этих наших "социалистов" и всю шатию. Читаю, например, "Дни" и так и хочется мне обозвать всех этих "стоящих на посту" – телятами, именно телятами – тех, кто из них честен, и мелкими плутами и бездельниками тех, около коих Вы вертитесь (шатию из "Воли России", "Пламени" и т.д.). На что они? Куда они, эти паразиты, всю жизнь жившие на субсидиях либо из кармана глупого капиталиста, либо… из государственной казны. Поистине, великим несчастьем для России будет, если эти телята и балаболки станут у власти снова. Не дай господи. Всю свою жизнь они болтают о демократизме, а так и не знают, что такое демократизм.

С их точки зрения, например, автократическая власть президента университета, назначающего профессоров, – это реакция! Военное обучение студентов – реакция! А вот, в демократической Америке это считают нормой – и хорошо делают. Ну довольно об этом. Вы видите, Америка меня не "исправила" (с Вашей точки зрения) а укрепила в моей "реакционности"»[34].

Публицистическая активность, судя по всему, в скором времени начала тяготить Сорокина, тем не менее на протяжении почти всего 1924 г. она не снижалась. В конце января в газете Вассаровских новостей появилось следующее сообщение:

«Профессор Сорокин получил формальное приглашение от Советского правительства вернуться в Россию и занять его прежнее место в качестве редактора крестьянского журнала. Другие редакторы этого журнала получили сходные предложения. Но профессор Сорокин не вернется в Россию, пока большевики у власти. Он полагает, что нынешнее правительство, разрешая ему вернуться обратно, надеется на его поддержку в примирении крестьянской партии с большевиками. Если даже он примет такое предложение правительство не сможет предотвратить его убийство крайними экстремистами, полагает Сорокин. Сомнительно также, что он останется в живых, когда начнет обучать большевиков своей собственной психологической науке. Если, как пишет нью-йоркская газе-

[34] Письмо Д.А. Лутохину 21 октября 1924 г. Цит. по: *Дойков Ю.В*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009, с. 112–113.

та, Троцкий брошен в тюрьму своей собственной партией, то конец большевиков очень близок»[35].

В другой статье, появившейся, видимо, одновременно с вышеприведенной и озаглавленной «Профессор Сорокин остается в США» (Professor Sorokine to remain in US), говорилось:

«Нынешнее руководство России направило профессору Сорокину, который в настоящее время гостит у президента Вассар-колледжа Мак-Кракена, официальное приглашение вернуться в эту страну и снова взять на себя редактирование российского крестьянского журнала, чем он занимался до вынесения ему приговора.

Профессор Сорокин сообщает, что не намеревается принимать это приглашение, поскольку считает, что будет арестован правящей кликой, если не станет соглашаться с ее мнением. Кроме того, он будет обязан, вопреки своему желанию, выполнять инструкции коммунистического правительства. В среду он заявил:

“Если правда, что коммунисты, как это стало известно сегодня, взяли Троцкого под стражу, то я убежден, что нынешнее российское правительство обречено и в самом скором времени падет. <…>”»[36].

Заметка, как видим, по своему содержанию почти полностью совпадает с той, что была напечатана в газете «The Vassar Miscellany News». Но она интересна тем, что на ней к словам «formal invitation» (формальное, точнее – официальное, приглашение) сделано (по-видимому, рукой самого Сорокина) исправление: «informal (т.е. неофициальное) invitation». Остается только гадать: от кого и через кого, как и при каких обстоятельствах Сорокин получил это «неофициальное приглашение» (неофициальное – значит устное, или сделанное в частном письме, или в письме третьего лица). Не исключено, что это приглашение исходило от Г.Л. Пятакова, который обещал Сорокину перед высылкой, что, «возможно, года через два-три мы пригласим вас назад»[37], а в 1923 г. стал чле-

[35] Soviet Requests Sorokine’s Return // The Vassar Miscellany News. 1924, vol. 8, № 24, Junuary 19, p. 1. Цит. по: *Дойков Ю.В*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009, с. 150–151.

[36] На этом текст заметки (хранящейся в архиве Саскачеванского университета) обрывается. Ни источник, ни дата не указаны. Слухи об аресте Троцкого оказались ложными. Но они широко распространялись по всей Советской России – от Белоруссии до Дальнего Востока. Вместе с ними в начале 1924 г. циркулировали слухи о том, что Ленин умер уже 6 месяцев назад и вместо него хоронят восковую фигуру (по другой версии – замороженное тело). Ходили слухи и о том, что Троцкий подослал убийц, чтобы самому стать на место Ленина, был арестован, но сбежал. Следует отметить, что с момента прихода к власти большевиков, слухи и анекдоты стали чуть ли не главным источником информации. Такая ситуация сохранялась практически до конца Советской власти. И это – несмотря на то, что, как утверждал великий пролетарский поэт, «в “Правде” пишется правда, в “Известиях” – известия».

[37] Наст. изд., с. 232.

ном ЦК ВКП(б) и заместителем председателя ВСНХ, на которого Ленин среди прочих обязанностей возложил «работу над удешевлением госаппарата по типу американского треста: непроизводительные расходы – долой»[38]. Вряд ли когда-нибудь удастся установить это с точностью, да и не это главное. Главное то, что Сорокин как тогда, так и теперь был непреклонен: «Я надеюсь вернуться в свою страну без вашего приглашения», – ответил он Пятакову при последней с ним встрече[39].

А теперь писал: «Что касается меня – я органически презираю теперешних головотяпов – т.е. правителей (даже не ненавижу, а презираю) России и, несмотря на беспредельную любовь к России… и готовность вернуться и работать для нее в самых тяжелых условиях – теперь мой возврат бесполезен и ни на какие покорности и малейшие уступки этим мерзавцам я органически не могу пойти. Пока же, живя тут и работая, я, по выражению губернатора штата – делаю для России больше, чем я мог бы сделать в самой России»[40].

Хотя и спустя 2 года мысль о возвращении в Россию еще не покинула его окончательно: «Оседать в Америке, – писал он Н.Е. Шаповалу 15 января 1926 г., – я, конечно, не думаю навсегда. С изменением обстоятельств в России – вернусь туда: родина есть родина»[41].

Но в январе 1924 г. произошло еще одно важное историческое событие, которое с точки зрения шансов на возвращение в Россию трудно было поначалу оценить как положительное или отрицательное и которое произошло буквально через два дня после того, как американская пресса оповестила своих читателей о полученном Сорокиным «неофициальном предложении»: 21 января умер Ленин. В Советской России долгое время главным литературным произведением, посвященным этой дате, был очерк А.М. Горького «В.И. Ленин», начинающийся почти как «Илиада»:

«Владимир Ленин умер.

Даже некоторые из стана врагов его честно признают: в лице Ленина мир потерял человека, “который среди всех современных ему великих людей наиболее ярко воплощал в себе гениальность”. <…>

[38] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений, т. 54, с. 288.

[39] Конец самого Г.Л. Пятакова был страшен. Когда его арестовали в 1936 г., то первые показания против него дала его бывшая жена, испугавшаяся за сына (вскоре арестовали и ее и тоже приговорили к расстрелу). В ходе следствия Пятаков просил «предоставить ему любую форму реабилитации, в частности, со своей стороны вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу на процессе, в том числе и свою бывшую жену». В своем последнем слове на суде он сказал: «В ближайшие часы вы произнесете свой приговор; и вот я стою перед вами весь в грязи... потерявший партию, свою семью, самого себя».

[40] Письмо Д.А. Лутохину 1 февраля 1925 г. Цит. по: *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009, с. 118–119.

[41] Письмо Н.Е. Шаповалу 15 января 1926 г. Цит. по: *Сорокин П.* Социология революции. М., 2008, с. 555.

Пресса русской эмиграции не нашла в себе ни сил, ни такта отнестись к смерти Ленина с тем уважением, какое обнаружили буржуазные газеты в оценке личности одного из крупнейших выразителей воли к жизни и бесстрашия разума»[42].

Но горьковский очерк далеко не сразу обрел статус догматического источника о вожде мирового пролетариата. В 1920-х гг. таким источником служила книга «У великой могилы» – внушительных объемов дайджест тогдашней советской прессы, посвященный смерти и похоронам В.И. Ленина. Вскоре, однако, эта книга была изъята из свободного обращения, поскольку в числе ее авторов оказалось много таких, чьи имена попали под запрет, под которым они и находились до самой «перестройки» (Н. Бухарин, Л. Каменев, Г. Зиновьев, А. Рыков, К. Радек и др.). Были среди ее авторов и лица, лично знакомые Сорокину: бывший его студент Михаил Кольцов, Л. Рейснер, Ф. Ротштейн. Некоторые статьи и отдельные строчки из этой книги заставляют, мягко говоря, «задуматься». Вот, например, некоторые из лозунгов Московского комитета партии по случаю смерти вождя: «Ленин – солнце грядущего» (ну, это хоть и через край, но в общем-то понятно). Но вот как это понять: «Могила Ленина – колыбель свободы всего человечества»[43]? Интересно, сами-то авторы лозунга понимали его зловеще-апокалипсический могучий смысл? Есть в книге очерки, которые если сами не вошли, то легли, по крайней мере, в основу будущей хрестоматийной «Ленинианы». В газете «Крестьянская Россия» 27 января 1924 г. под общим заголовком «Крестьянский сосед – Ильич» были опубликованы собранные Гольдебаевым[44] рассказы крестьян о Ленине, один из которых станет со временем известен всей стране. Рассказик настолько хорош, что не избежим соблазна и приведем его полностью. Называется рассказ – «Обложил».

«– А у меня какой случай был, – рассказывает другой из соседей[45]. – Подымаюсь как-то вечерком, уж затемнело, бором. Слышу – треск: кто-то сучья ломает. Парнишки какие-то, разглядел, наутек, а с другой стороны один кто-то ко мне. Я, не будь дурень: "Ах, вы так вашу, разэдак»", – матом покрыл. Всмотрелся, а передо мной он, Владимир Ильич, сам товарищ Ленин. Ну, думаю, пропала моя голова. Всю ночь ворочался. "Что теперь будет!.." И действительно, на утро шлют: "Такой-то, по ремеслу печник, в совхоз, как можно скорее!" Иду, – ног не чую. Пришел. – "Вы будете печник?" – там спрашивают. – Так точно говорю, печники будем, между прочим. – Так вот, эта вот печь не годится, –

[42] *Горький М.* Собрание сочинений в 16-ти тт. М., 1979, т. 16, с. 135–136. Очерк написан в 1924 г. и опубликован в журнале «Русский современник», № 1, но большинству читателей известен по второй редакции 1930 г.

[43] У великой могилы. М., 1924, с. 6.

[44] По-видимому, это писатель и журналист Александр Кондратьевич Гольдебаев (1863–1924), постоянный корреспондент газеты «Беднота».

[45] Перед этим Иван Тимофеевич Чувинин рассказывал, как он с Лениным ловил рыбу.

чинить ее надо. Ладно, – работаю, ничего пока. А сам про себя думаю: “Может так пройдет, ежели постараюсь, на совесть починю”. Разошелся, орудую. Вдруг – он! Сам!.. Посмотрел, как я работаю, о том о сем спрашивает. Дал я ответ, а он обернулся, глянул на меня – “Мг-мг! – говорит, – это ты вчера меня в лесу обложил?” Затрясся я. – “Извините, говорю, ваше превосходительство, нечаянно, не разглядевши, сдуру”. Смеется. “Ну, говорит, чини хорошенько. Да запомни, – не превосходительство я, а – товарищ Ленин, и все тут”. И хоть бы тебе слово, что обругал я его, милого, в обмишулках!

“Наш милый”, “наш добрый”, “наш сердечный” – такой оставил по себе образ в памяти соседей-крестьян величайший из людей, творец нового человеческого мира. Очаровывал их простотой, безграничной добротой, беспредельной доступностью Ильич. – “Как свой!” – этот теплый и светлый облик близости великого Ленина, грозного для капиталистов целой земли и как голубь безобидного для соседей-крестьян, сохранится навеки»[46].

Конечно, любой советский школьник безошибочно узнал бы в этом рассказе сюжет хрестоматийного стихотворения А.Т. Твардовского «Ленин и печник». Все эти сюжеты, разумеется, не могли быть известны Сорокину, да и нас они здесь интересуют исключительно в плане ответа на вопрос: могла ли смерть Ленина хоть каким-то образом повлиять на судьбу Сорокина? Только одним: если бы после смерти Ленина пала власть большевистского правительства (на что рассчитывали русские эмигранты, в том числе и Питирим Сорокин, и многие зарубежные политики), это дало бы ему возможность вернуться в Россию (хотя и не факт, что он этой возможностью воспользовался бы).

Вообще, если судить по книге «У великой могилы», то американская пресса на смерть Ленина отреагировала вяло (сравнительно с прессой западноевропейских стран), никаких официальных соболезнований не было (поскольку не было еще и дипломатических отношений), а среди имен крупных общественных и политических деятелей, высказавшихся по поводу смерти Ленина, не было ни одного американца. Корреспонденция из США свидетельствовала о том, что здесь на смерть Ленина откликнулись лишь весьма немногочисленные маргинальные слои населения. Так, например, 28 января «на митинге рабочих партий в Чикаго решено отправить тов. Калинину следующую телеграмму: “Выражаем наше сочувствие СССР по поводу потери величайшего вождя рабочего класса. Сомкнем ряды. Мы с вами”», а «по адресу Коминтерна отправлена следующая телеграмма: “Скорбим вместе с рабочими всего мира по поводу величайшей утраты международного рабочего класса. Ленин умер, но идеалы его живут в нас”»[47].

Центром жарких событий стал почему-то небольшой шахтерский городок в Пенсильвании Уилкс-Барре (Wilkes-Barre), по-разному в то время транскриби-

[46] У великой могилы, с. 306.

[47] Там же, с. 618.

руемый по-русски. В конце января «в Уилкесбаре, небольшом городке угольного района штата Пенсильвании, члены “Американского Легиона” вместе с полицией ворвались в помещение траурного митинга и грубой силой заставили присутствовавших рабочих салютовать американскому флагу». А в начале февраля «полиция снова отказалась разрешить чествование памяти Ленина в Вильксбаре (Пенсильвания). После запрещения властями первого собрания, сотрудничающий с “Уоркерс партии” “Союз защиты гражданских свобод” устроил второе собрание с целью проверить право свободы речи. Это собрание было запрещено полицией»[48]. Так и неизвестно, удалось ли рабочим этого городка провести собрание по случаю смерти вождя мирового пролетариата. По-видимому, нет. Зато в Нью-Йорке 5 февраля «состоялось грандиозное собрание, посвященное памяти Ленина, на котором присутствовало более 15 000 человек. С речами выступали Рутенберг, Фостер[49] и другие»[50].

В корреспонденции из Нью-Йорка от 31 января 1924 г. содержится информация, которая пусть и косвенным образом затрагивала Сорокина, делавшего в то время свои первые шаги в Новом свете. В ней говорилось:

«Противники признания СССР пользуются смертью т. Ленина как поводом для усиления пропаганды против переговоров с советским правительством и запугивания сторонников признания СССР. Вашингтонские официальные круги инспирируют всякого рода слухи по поводу дискуссии в РКП, предсказывают раскол внутри советского правительства, отказ от нэп’а и пр. Противники СССР рисуют совершенно вымышленную фантастическую картину политического положения Советской России, выдумывая какие-то две несуществующие фракции, одну из которых возглавляет Зиновьев, руководитель Коминтерна, и революционеры, пытающиеся водрузить красное знамя на Белом Доме. Другая фракция, возглавлявшаяся Лениным и Троцким, стоит за нэп, за ослабление коммунизма, за примирение с иностранным капиталом. Смерть Ленина и болезнь Троцкого дали победу Зиновьеву и левой группе, ввиду чего переговоры о признании СССР стали совершенно невозможными. Пользуясь всеобщей неосведомленностью Америки относительно положения дел в СССР, эта антисоветская пропаганда оказывает влияние даже на либеральные буржуазные круги, которые считали политику Ленина гарантией невозможности возвращения к военному коммунизму,

[48] Там же, с. 622.

[49] Чарльз Эмиль Рутенберг (1882–1927) с 1919 г. был генсеком организованной в том же году Компартии США, по просьбе ВКП(б) после его смерти американские коммунисты перевезли его прах в СССР, где урна с его прахом была помещена в Кремлевской стене. В январе 1924 г. от имени Коммунистической партии США он направил соболезнование «рабочим и крестьянам России» – «глубокое сочувствие в утрате нашего великого вождя Ленина» (Там же, с. 202). Уильям Фостер (1881–1961) возглавил компартию США после смерти Рутенберга и руководил ею до 1957 г.

[50] У великой могилы, с. 621.

а потому стояли за признание СССР. Смерть Ленина и разные нелепые слухи о Троцком пугают либералов, страшащихся усиления крайних течений в советском правительстве, восстановления военного коммунизма, революционного террора и т. п. В то же время лидеры республиканской партии, крайне нуждаясь в поддержке прогрессистов для того, чтобы потушить нефтяной скандал, дают последним неопределенные обещания, что они примут меры для разрешения русского вопроса и других вопросов, возбуждаемых прогрессистами»[51].

Питирим Сорокин не сразу откликнулся на смерть Ленина. Две его статьи об Ильиче появились соответственно в марте (The passing of Lenin // The Current History Magazine. 1924, March) и апреле (Lenin the destroyer // The Forum. 1924, vol. 71). Первая из них носит преимущественно публицистический характер и содержит много эмоционально-окрашенных негативных оценок Ленина.

«Мания величия,.. навязчивая вера в неизбежность мировой революции, неспособность понять реальные результаты своих действий – эти черты являются характеристикой прогрессивного паралича на последнем этапе болезни. Это означает, что Ленин со времени своего возвращения в Россию был больным человеком. Посмотрите на лицо Ленина. Разве это не лицо, которое можно найти в альбоме “прирожденных преступников” Ломброзо? Крайняя грубость, выраженная в безжалостных убийствах, в безжалостных резолюциях разрушить весь мир по своей личной прихоти, свидетельствует об этих зловещих чертах».

«Вскоре распространился слух, что Ленин сошел с ума, что со словами: “Боже мой! Что я сделал с Россией и русским народом”, обхватив голову руками, он бегал по Кремлю. Вскоре после этого его увезли в Горки, национализированное поместье русского фабриканта С. Морозова, расположенное под Москвой.

Высокие стены были возведены вокруг дома, и идиллическое и мирное окружение из цветов, садов, собак, коз, птиц и ульев было создано для этого отнюдь не мирного человека. Новая стена укрыла мир от Ленина и его от мира. Его настоящая жизнь была окончена. Здесь этот полуидиот, который не мог ни говорить, ни писать, ни даже что-то понимать, исключая нескольких моментов в период сравнительного улучшения, провел последние два года своей жизни в безнадежном и беспомощном состоянии...

“Сам бог наказал его” – так понимали лучшие элементы русского народа состояние Ленина в последние годы его жизни. Теперь эта агония закончилась. Она была символична и значительна»[52].

Вторая статья – под названием «Ленин – разрушитель» – написана в более спокойных тонах, но по сути дела дает ту же оценку политической деятельности главы большевиков. Эпиграфом к ней можно было бы поставить евангельское

[51] Там же, с. 619.

[52] *Сорокин П.* Ленин. Фанатик и антисоциальный экстремист // Новое время. 20 января 2002 г., № 37.

изречение: «По делам их узнаете их». Перечислив вкратце все те «достижения» русской революции, о которых он писал в книге «Состояние современной России» и многочисленных статьях, написанных после высылки из России, Сорокин делает окончательный вывод: «Только невежественные и наивные люди, с одной стороны, и лица, выжившие из ума, антисоциальные и находящиеся на низших ступенях общества (а таких довольно много среди экстремистов правого и левого толка, радикалов и "безнадежных идеалистов"), с другой, обманутые "яркими речами" Ленина, – только они могут считать его "спасителем человечества", "освободителем людей", "великим реформатором", "новым Иисусом Христом" и т.п. У меня нет никакого желания спорить с ними, потому что их нужно не убеждать, а скорее всего лечить»[53].

С тех пор как были написаны эти слова, прошло почти целое столетие, а споры о Ленине все не утихают, причем время от времени они вспыхивают с такой ожесточенной силой, что впору поверить: Ленин и вправду «живее всех живых». И размах оценок остается тот же: «гений» или «злодей». В том же номере журнала, где была опубликована статья Сорокина «Ленин – разрушитель», сразу же за ней помещена была статья Анны Луизы Стронг «Ленин – величайший человек нашего времени», причем обе эти статьи печатались в рамках единой рубрики «Был ли Ленин неудачником? – Полемика». Заголовок статьи А.Л. Стронг ясно указывает на то, что ее статья была прямой антитезой статьи Сорокина. С первых же строк начинается «осанна» Ильичу: «Ни один публичный человек нашего времени не внес такого вклада в прогресс человечества, как Ленин. Ни к одному человеку не испытывали такой же любви многие миллионы людей. Ни один человек не достигал такого триумфального успеха, как бы ни измерять этот успех: результатами, достигнутыми на момент его смерти, или блестящими перспективами, открываемыми на будущее»[54].

Полемика между «бывшим секретарем бывшего премьера» и «красной журналисткой» закончилась, конечно, ничем: каждый остался при своем, как, впрочем, и их многочисленные читатели. И, повторим еще раз, не закончилась она и по сей день, особенно у нас, в России, хотя о Ленине мы знаем сегодня в сотни раз больше, чем знали его современники. Безусловно, никакой истори-

[53] *Sorokin P.* Lenin the destroyer // The Forum. 1924, vol. 71, p. 422.

[54] *Strong A.L.* The greatest man of our time // Ibid., p. 423. Анна Луиза Стронг (1885–1970) – американская журналистка и писательница. С августа 1921 г. по декабрь 1923 г. она находилась в России, после чего написала книгу «Впервые в истории» (The First Time in History, 1925), предисловие к которой написал «сам» Л.Д. Троцкий. В последующие годы она неоднократно приезжала в СССР, в 1932 г. вышла замуж за Джоэля Шубина, редактора «Крестьянской газеты», но дело кончилось тем, что в 1949 г. по указанию И.В. Сталина ее выслали из страны как «американскую шпионку». По прибытии в США ее обвинили в шпионаже в пользу СССР. В 1950-х гг. она переехала в Китай, где и умерла. Она, между прочим, была в числе тех немногих иностранцев, которые были приняты в хунвейбины. Во время «культурной революции» принимала участие в кампаниях «чисток».

ческий спор не бывает и не может быть решен безоговорочно и раз и навсегда. Но «спор об Ильиче» не может быть решен в России еще и по той (а может быть, именно по той) причине, что ведется он, как правило, в нравственной плоскости и решается в парадигме «гения и злодейства», которая в традициях русской культуры решается однозначно: «гений и злодейство – две вещи несовместные». Поэтому для одних достаточно привести хотя бы один «расстрельный» документ с подписью Ленина, чтобы безоговорочно отнести его в разряд злодеев, для других даже тысячи таких документов не будут иметь никакой доказательной силы, поскольку для них он был, есть и останется навсегда «величайшим гением всех времен и народов» (в смягченном варианте: все зверства и жестокости первых лет большевистской власти объясняются и оправдываются обстоятельствами времени и места). Поэтому в России мало кто согласится с такой «окончательной» оценкой Ленина: «…Это история сломленного, измученного, невероятно щедро одаренного природой человека, единственного в своем роде, которого без колебаний можно назвать политическим гением. <…> Отныне имя его пребудет в ряду таких имен, как Навуходоносор, Чингисхан, Тамерлан, и своим чередом отойдет в область преданий»[55]. Но помимо нравственной оценки личностей и событий существуют и другие: оценка юридическая, оценка социологическая, политическая и т.д. Социологическую оценку сам Ленин вряд ли бы признал: слово *социолог* он чаще всего брал в презрительно-иронические кавычки и считал социологию наукой буржуазной, т.е. наукой вообще не признавал. Политическая оценка… Если понимать ее в духе Макиавелли, то здесь Ленину нужно не только поставить пятерку с плюсом, но еще и наградить золотой медалью. Вся его деятельность с момента приезда в Россию и до захвата власти в октябре 1917 г. напоминает стремительный полет стрелы, выпущенной из лука твердой и опытной рукой и точно попавшей в цель. Остается одна оценка: юридически-правовая, от которой никак не отмахнуться даже Ленину. Конечно, он, как марксист, считал, что «право есть возведенная в закон воля господствующего класса»[56], тем не менее право как таковое, право вообще он не отрицал (не следует при этом забывать, что Ленин по образованию был юристом). Он отрицал «буржуазную» мораль, презирал «буржуазную» социологию, не признавал классовый буржуазный суд, но он не мог с таким же презрением относиться к воле рабочего класса и трудового крестьянства, от имени которого он выступал. Этим, по-видимому, и объясняется его столь странная и не сразу понятная реакция на санкционированный им разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. Вот что расска-

[55] *Пейн Р.* Ленин. М., 2002, с. 12, 659.

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии»: «… Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 4, с. 443).

зывал об этом Н.И. Бухарин: «В ночь разгона Учредительного собрания Владимир Ильич позвал меня к себе. У меня в кармане была бутылка хорошего вина, и мы (следовало перечисление) долго сидели за столом. Под утро Ильич попросил повторить что-то из рассказанного о разгоне Учредительного собрания и вдруг рассмеялся. Смеялся он долго, повторял про себя слова рассказчика и все смеялся, смеялся. Весело, заразительно, до слез. Хохотал. Мы не сразу поняли, что это истерика. В ту ночь мы боялись, что мы его потеряем»[57]. Из других источников известно, что Ленин долго и мучительно искал оправдания этой по сути дела антидемократической и антинародной (а выражаясь юридическим языком – преступной) акции и, по словам Н.К. Крупской, «окончательно утешился», вспомнив латинское изречение, которое Г.В. Плеханов процитировал в своей речи на II съезде РСДРП в 1903 г.: Salus revolutionis suprema lex (Успех революции – высший закон). «Это изречение, – пишет Р. Пейн, – очень пригодилось и потом, потому что не было такого преступления, совершаемого большевиками, которое не оправдывалось бы этим "высшим законом"»[58]. Но разгон Учредительного собрания был первым и, пожалуй, самым страшным преступлением в этом ряду, чем и объясняется истерическая реакция Ленина, о которой поведал Н.И. Бухарин.

Конечно, Сорокин-социолог прекрасно понимал, что развенчание лидера того или иного движения, носителя той или иной идеи еще не означает развенчания ни самого движения, ни самой идеи. Поэтому в основном его критика касалась реальных достижений и реальных провалов советского строя. В ноябре 1924 г. он опубликовал еще одну статью – на сей раз посвященную новому Уголовному кодексу РСФСР, принятому в 1922 г.[59] Видимо, кое-кто в Америке счел, что сам факт принятия нового уголовного кодекса свидетельствует о том, что большевики пытаются ввести свое правление в правовое русло, «легитимизировать» свое правление, и тем самым советская республика становится (или, по крайней мере, пытается стать) таким же государством, как и все прочие. Сорокин, однако, убедительно показал, что ни о каком праве в Советской России говорить нельзя, что новый кодекс, по сути дела, есть не что иное как «узаконенное беззаконие».

Этими тремя статьями теоретические счеты Сорокина с русской революцией, Лениным и социализмом были на тот момент закончены. Но в запасе у сторонников социализма и революционного преобразования общества оставался еще один аргумент, который условно можно назвать «первый паровоз». Действительно, первый паровоз развивал скорость до 16 км в час, а лошади,

[57] *Икрамов К.* Дело моего отца. М., 1991. с. 162.

[58] См.: *Пейн Р.* Ленин, с. 450.

[59] *Sorokin P.* The New Soviet Codes and Soviet Justice. // Michigan Law Review. 1924, November, vol. XXIII, p. 38–52.

даже при медленном галопе, скачут со скоростью до 20 км в час (а при максимально быстром галопе – до 60 км), хотя галопировать могут на дистанции не больше 2–3 км. Тем не менее лошадь спокойно обгоняла первые модели паровозов, что в течение какого-то времени служило серьезным аргументом для противников этого технического нововведения. В случае с русской революцией ее сторонники (преимущественно, конечно, большевики) объясняли резкое снижение производительности труда, уровня жизни населения и вообще падение экономики тем, что социализм – молодая общественно-экономическая формация, еще не успевшая развить все заложенные в ней потенциальные возможности. При этом никогда не уточнялось, сколько же времени нужно на то, чтобы «социалистический паровоз» наконец-то обогнал «капиталистическую лошадь». Именно поэтому при втором издании «Листков из русского дневника» Питирим Сорокин дополнил книгу специальной главой, в которой проанализировал все достижения и все провалы Советской власти за всю ее историю. Но даже спустя 30 лет провалов и неудач оказалось больше, чем достижений. Пройдет еще 40 лет, и аргументы сторонников социализма будут все те же: 30 лет – слишком короткий срок для полного развития его возможностей, но и 70 – срок тоже, в сущности, небольшой, капитализм в Европе развивался в течение столетий. Так и останется Советский Союз «молодым», «недавно возникшим» государством, со всех сторон окруженным врагами нового строя (хотя в учебниках для ВУЗов история СССР начиналась с… государства Урарту, находившегося на территории современной Армении, т.е. с XIII в. до н.э.).

Если теперь подведем итоги первого года пребывания Сорокина в Америке, то результат окажется более чем впечатляющим: по крайней мере, три статьи, десятки прочитанных лекций, несколько выступлений по радио и при этом еще… две книги, которые на фоне всего сделанного Сорокиным за год кажутся написанными как бы между прочим. И в течение этого же года он получил звание «полного профессора» («вдвое быстрее, чем положено», – отмечает его сын С.П. Сорокин[60]). Для полноты картины следует добавить, что в марте в Америку приехала Елена Петровна, так что семья наконец-то воссоединилась, причем в 1925 г. она тоже получила степень доктора философии в университете Миннесоты. В октябре 1924 г. в США прибыл Н.Д. Кондратьев, с июля находившийся в загранкомандировке. Здесь он пробыл до 10 января 1925 г. и за эти два с половиной месяца неоднократно встречался с Сорокиным. От того времени сохранилась фотография: Кондратьев с женой и Сорокин с женой. 1924 год, осенний пасмурный день… Две семейные пары – на ступеньках какой-то лестницы, Питирим присел на верхнюю ступеньку, левую руку положил на обшарпанное бетонное ограждение, Кондратьев держит трубку во рту, они оба – в очках и в шляпах.

[60] Питирим Александрович Сорокин. М., 2013, с. 446.

Типичные русские интеллигенты из народа. Сохранилась еще одна фотография, на которой запечатлены оба друга: год 1906 или 1907, они – ученики Хреновской церковно-учительской школы. Питириму на этой фотографии лет 17–18, а Кондратьеву, соответственно, на 3 года меньше, вид у него совсем еще детский[61]. Начало жизни и… Нет, еще, конечно, не конец, но встреча – последняя. В марте 1930 г. Питирим Сорокин получит от Кондратьева письмо (нелегально вывезенное в Финляндию и отправленное оттуда) с призывом о помощи. «Я поставлен в безвыходное положение, – писал в нем Кондратьев. – Развертывается волна невиданных преследований. В деревне – террор и ужас. В городах насилие и издевательство; от интеллигенции требуют публичного покаяния, отказа от всех своих взглядов, раболепства и т. д. Кругом паника. Быстро растут самоубийства. Большинство сдается. Отказывающихся единицы, и участь их ужасна. Я в числе их и мое положение ужаснее, чем чье-либо иное. Сейчас лишили меня всякой работы. В наших условиях это голодная смерть. В ближайшем будущем, если я не сдамся, будет неизмеримо хуже. Что именно, я не знаю, но может быть все, что угодно, решительно все, что угодно… Хочу надеяться, что ты поймешь меня, бросишь все и сделаешь все, что только в силах человека. Речь идет буквально о моем физическом и моральном спасении»[62]. Сорокин пытался сделать все, что мог, а мог он только одно: через своих американских друзей направить Кондратьеву приглашение от какого-нибудь университета США для чтения лекций на «нейтральные» (неполитические) темы. Но было уже поздно (а по тем временам, что наступили в Советском Союзе, и невозможно): летом 1930 г. Кондратьев был арестован по делу так называемой Трудовой крестьянской партии и приговорен к 8 годам тюремного заключения. Последние 6 лет он проведет в Суздальском политизоляторе, где напишет свой главный труд «Основные проблемы экономической статики и динамики» (название явно перекликается с «Социальной и культурной динамикой» Сорокина) и более 200 писем к жене и дочери, которые, будучи собраны в одном томе, составляют величественный эпистолярный памятник той страшной эпохи и научным дерзаниям, вдохновлявшим не только Сорокина и Кондратьева, но и все их поколение… 17 сентября 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорит Кондратьева к расстрелу, в тот же день на печально знаменитом полигоне «Коммунарка» приговор будет приведен в исполнение. Было ему всего 46 лет…

Но пока запечатленные на той фотографии 1924 г. люди не знают, что их ждет в будущем, причем Кондратьев на ней выглядит даже более уверенно, чем Сорокин: он – молодой преуспевающий ученый, основатель и директор Конъ-

[61] Обе фотографии приведены в книге: *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. М., 2004, с. 801, 807.

[62] *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009, с. 107.

юнктурного института, власть в стране как будто опомнилась и занялась экономикой, года через два–три, может быть, даже и призовет к себе несправедливо изгнанных ею ученых, в том числе и Сорокина: довольно ему есть горький хлеб чужбины… «Мечты, мечты, где ваша сладость?» Впрочем, и Сорокин не может жаловаться на судьбу. Профессор университета Миннесоты, автор двух книг на английском языке (одна из них уже вышла или вот-вот выйдет, другая тоже на подходе), он уже составил себе имя в американских научных кругах, его приглашают прочитать лекцию, дать интервью, выступить по радио. Рядом – любимая и любящая жена, а главное – голова полна замыслов и идей, и никаких внешних препятствий для их реализации нет. Так что, как любил он повторять, – «знай работай да не трусь» (дальше, правда, не по Некрасову: «Вот за что всех стран ребята так хотят работать в Штатах»). Возможно, что несколько сумрачный вид Сорокина на осенней фотографии 1924 г. объясняется не столько погодой, сколько другим, чисто бытовым (если можно его так назвать) обстоятельством. На фоне всех прочих прошлых и будущих событий это обстоятельство не очень существенно, но для полноты картины стоит, наверное, упомянуть и о нем. Тем более что сам Сорокин в своих письмах того времени упоминает о нем по крайней мере дважды. 22 декабря 1924 г. в письме Д.А. Лутохину (тогда еще – другу) он писал: «Не вы один чувствуете себя неважно, я также: у меня вытащили семь зубов, и больше месяца я был беззубым; теперь вставили новые, но пока я чувствую себя с ними не очень комфортабельно. Надо привыкнуть. Вот нет тут ничего и выпить, а там у Вас есть. Но ничего. Хорошо и без оного»[63]. В тот же день он написал об этом и Н.Е. Шаповалу: «А тут случилась беда с зубами: 7 штук выдернули, и массу времени пришлось убить, чтобы получить новые»[64]. Семь «штук» зубов! Тем, кто понимает, что это такое, объяснять ничего не надо, а тем, кто не понимает, объяснять бесполезно – им можно только позавидовать.

…Но вернемся к главной теме. В конце октября вышли в свет «Листки из русского дневника», до конца года могла бы выйти и «Социология революции», но из чисто финансовых соображений ее выход отложили до января следующего года[65]. И тотчас же посыпались рецензии. «Мои “Leaves from a Russian Diary”

[63] Там же, с. 115–116. «Нет ничего и выпить» – потому что в США с 1920 по 1933 г. действовал «сухой закон».

[64] *Сорокин П.* Социология революции. М., 2008, с. 548–549.

[65] «“Социология революции”, – писал Сорокин Н.Е. Шаповалу в письме от 22 декабря 1924 г., – выходит в начале января (издатель, не желая делать книгу на один год старше сразу по выходе, предпочитает выпустить ее не в декабре, а в январе – отсюда задержка» (*Сорокин П.* Социология революции. М., 2008, с. 549). И в письме к С. Харперу 22 ноября 1924 г.: «...только что получил письмо от компании Липпинкотт, в котором издатель пишет, что “с деловой точки зрения гораздо лучше выпустить *Социологию революции* в январе 1925 г., с тем чтобы авторское право не постарело на год через 30 дней” (если книга будет опубликована в декабре). Причина убедительна, хотя и не очень приятна для меня, так как я хотел бы иметь книгу перед встречей социологов» (Социологические исследования. 1996, № 1, с. 127–128).

встречены здесь очень хорошо. Кроме одной кислой рецензии в пробольшевистской “Nation”, все другие (я имею около 12 статей и рецензий – но это далеко не все) больше чем похвальные»[66].

Примерно так же он оценивал и успех второй своей книги, изданной в Америке – «Социологии революции». «Моя “Социология революции, – писал он Н.Е. Шаповалу 17 июня 1925 г., – нашла прекрасный прием и в общей печати, и у специалистов. Из ряда статей и рецензий о ней я знаю лишь одну “холодную”. Все остальные – очень положительны. Ряд подписанных особенно крупными учеными, например, проф. Abbot’ом из Гарвардского университета – он считается самым крупным историком по истории Америки – восторженны: Abbot поставил работу выше работ таких [ученых], как Тэн или Лебон. Даже пробольшевистская “Nation” только что напечатала вполне положительную рецензию проф. Barnes’a. Ross, Ellwood, Cooley, Bogardus, Paten и другие социологи и психологи прислали мне и издателю весьма похвальные отзывы. New York Times, Boston Transcript, Saturday Review of Literature, Review of Review, Journal of Applied Sociology и т.д. дали статьи и отзывы очень положительные. Словом – я вполне удовлетворен, хотя я сам знаю многие недочеты книги, вызванные главным образом тем, что в Праге не было массы нужных книг. Зато первый русский отзыв в “Воле России”, написанный Репейниковым, сиречь моим приятелем Д. Лутохиным, коего я устроил в Чехословакии, что называется, облил не только книгу, но и меня самого грязными помоями. Как это типично для российско-беспардонно-интеллигентского перекати-поле. Я не в обиде за резкий отзыв о книге – в этом всякий волен иметь какое угодно мнение, особенно такой безграмотный рецензент, как Лутохин. Но… не только приятель, который после писания продолжает мне слать самые приятельские письма и просьбы, но и честный недруг прежде, чем обвинять “в продаже капиталистам”, обязан выяснить, так ли это. Сей рецензент-приятель не сделал этого. А если бы сделал, то увидел бы, что быть “розовым” социалистом для карьеры в здешних университетах выгоднее, чем быть тем, что я есть. Я очень порчу себе “карьеру” своим “черносотенным” упрямством. Во-вторых, он узнал бы, что университет Миннесоты – государственный, что штат Миннесота здесь один из самых радикальных и что он в зависимости от капиталистов не состоит. И если тем не менее меня пригласили сюда и теперь предложили остаться на будущее, то, очевидно, не “из-за политики” (ибо я сравнительно консервативен – и очень – на общем фоне профессоров социальных наук), а из-за дела. И вот тут-то и разница между американцем и нашими растяпами; первый говорит: “Я с вами не согласен в взглядах политики, но я вижу, что вы крупный научный работник, посему – мы хотим вас!” Русский “приятель” вместо всего этого – взял и окрестил меня мошенником!

[66] *Сорокин П.* Социология революции. М., 2008, с. 549.

Я не обижен, потому что взглядами Лутохина и "Воли России" абсолютно не дорожу. Но мне жаль, что это продолжает делаться среди нашей интеллигенции вообще. Прочтя статью Лутохина и получив от него потом очень милое письмо, я ответил лишь, что его поведение кажется мне странным: назвав меня публично почти мошенником, он продолжает писать мне. Со своей стороны я – так называемый "продажный блудный сын" – отныне не нахожу возможным иметь какие бы то ни было сношения с ним, так как всякому снисхождению есть мера»[67].

Конечно, критическая статья Репейникова-Лутохина во многом не свободна от тех же самых недостатков, которые он усмотрел в рецензируемой книге. Она слишком пристрастна и субъективна, что во многом объясняется, возможно, тем, что в момент ее написания автор уже подумывал о возвращении в Советскую Россию (он вернулся в 1927 г.), и вернуться он хотел не с пустыми руками. В 1928 г. он написал воспоминания «Пастыри зарубежные» (в числе «пастырей» – П.Б. Струве, В.В. Шульгин, А.И. Гучков, П.Н. Милюков и др.), где представлен окарикатуренный образ П.А. Сорокина[68]. Психологические мотивы, побудившие Лутохина написать откровенно ругательскую рецензию на книгу своего близкого друга (о чем свидетельствует его переписка с Сорокиным), понять довольно трудно, да, наверное, их и не нужно понимать. Ограничимся поэтому цитатой из самой рецензии: «Чужая душа – потемки. Не будем строить наших предположений».

Для современного читателя гораздо важнее будет ознакомиться с негативным отзывом другого современника и соотечественника Сорокина – Ф.А. Степуна и правильно оценить его, поскольку история распорядилась так, что ныне в нашем читательском восприятии они связаны очень крепкими «метафизическими» узами: их труды стали возвращаться в Россию почти одновременно, оба помимо своей основной специальности обнаруживали явную склонность к художественному творчеству, наконец, оба написали воспоминания (Сорокин – «Листки», а Степун – книгу «Бывшее и несбывшееся», одну из лучших мемуарных книг России XX века), которые, безусловно, заслуживают почетные места в «золотом фонде» русской послереволюционной литературы. И внешне их судьбы, несмотря на все различия, имеют некоторые символические точки пересечения. И Степун, и Сорокин занимали довольно ответственные посты во Временном правительстве и поэтому имели возможность наблюдать революционные события с близкого расстояния (Ф.А. Степун был начальником политуправления военного министерства), после революции они оба были первыми русскими читателями О. Шпенглера и первыми по достоинству оценили «Закат Европы» (хотя Сорокину в бытность его в Советской России так, видимо, и не удалось ознакомиться с этим трудом). Оба, по словам В.И. Ленина, оказались в 1920-х гг.

[67] Там же, с. 552–553.

[68] См.: Минувшее. СПб., 1997, [вып. 22], с. 13–111.

в самом центре «белогвардейщины» (Ильич расценил сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы», одним из четырех составителей которого был Ф.А. Степун, как «литературное прикрытие белогвардейской организации», а журнал «Экономист», активным сотрудником которого был П.А. Сорокин, назвал «явным центром белогвардейцев»[69]). И Степун, и Сорокин были высланы из Советской России, причем в один и тот же день, и ехали они в одном поезде (отходившем с Виндавского, ныне Рижского, вокзала 23 сентября 1922 г.). Степун художественно-поэтически описал этот день, и его описание прекрасно дополняет рассказ Сорокина: «День отъезда, – пишет Степун в "Мыслях о России", – был ветреный, слякотный и мозглый. На темной платформе Виндавского вокзала перед неосвещенными окнами дипломатического вагона стояли родные, друзья и знакомые, приехавшие проводить нас в дальний и совсем еще неизвестно куда ведущий путь.

Раздался свисток; поезд медленно тронулся; кончилась платформа – потянулись вагоны; кончились вагоны – побежали дома, улицы; затем поля, дачи, леса и, наконец, деревни: одна за другой, близкие, далекие, черные, желтоглазые, но все сирые и убогие в безучастных, снежных полях.

Под окном мелькает шлагбаум. Куда-то вдаль под темную лесную полосу отбегает, вращаемое движением поезда, черное по белому снегу шоссе. И в сердце вдруг… зажигается непонятная мечта не стоять у окна несущегося в Европу поезда, а труском плестись в розвальнях по этому неизвестно куда бегущему грязному шоссе»[70]. Вот, наконец, и Себеж, за которым – Европа, пусть хотя бы и Латвия. Поезд пересекает границу, и пассажиры наконец-то могут вздохнуть с облегчением. И издать вечный затаенный наш стон: «О русская земля, уже за шеломенем еси!» И легко и радостно, и вместе с тем очень грустно, потому что – уже навсегда. «Весь вагон давно спит, – продолжает свой рассказ Ф.А. Степун, – лишь мы с женой стоим у окна. Я смотрю в черную ночь и страницу за страницей листаю свои воспоминания за пять безумных лет. И странно, чем дальше я листаю их, тем дальше отодвигается от души приближающаяся ко мне разумная Европа, тем значительнее вырисовывается в памяти удаляющаяся от меня безумная Россия»[71].

Если до этого Степун и Сорокин не были лично знакомы, то здесь, в «философском поезде», они наверняка познакомились, и обменялись впечатлениями, и поделились планами. А планы у всех высланных русских мыслителей были примерно одинаковы: как-то устроиться на чужбине и попытаться найти смысл того, что произошло в России и с Россией. Возможно, Сорокин рассказал Степуну о своем замысле написать «Социологию революции», Степун поведал ему свои планы, обещал, что будет ждать, когда выйдет сорокинская книга. Дальше

[69] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 54, с. 198, 190.
[70] *Степун Ф.А.* Сочинения. М., 2000, с. 206.
[71] Там же, с. 207.

их жизненные пути разошлись: Степун весь остаток жизни проведет в Германии, Сорокин после годичного пребывания в Чехословакии переедет в США, где тоже останется навсегда. Оба умрут вдали от родины, один за другим, в один и тот же месяц – в феврале, только Степун в 1965, а Сорокин – в 1968 году.

Ждать появления «Социологии революции» Степуну пришлось долго. Немецкий перевод книги задержался из-за финансовых проблем и появился только в 1928 г. В 1929 г. в Париже в 40-й книге «Современных записок» была опубликована большая статья Степуна «Религиозный смысл революции», в которой о «Социологии революции» говорилось следующее: «В своей научно очень несолидной, но публицистически очень страстной "Социологии революции" Питирим Сорокин собрал большой материал и, безусловно, доказал не требовавшую доказательств истину, что все революции роковым образом описывают один и тот же порочный круг: разрушают в процессе своего развития те принципы, во имя которых начинают свой путь»[72].

Отзыв этот – особенно со стороны Ф.А. Степуна, а не какого-нибудь Д. Лутохина – неприятно поражает и своей «научной несолидностью», и «публицистической страстностью». И, кроме того, Сорокин вовсе не доказывал той истины («не требующей доказательств»), доказательство которой ему приписывает Степун – он ее знал и из нее исходил. Следует однако оговориться, что как обыденному, так и философскому (и религиозному) сознанию часто кажется, что социология доказывает очевидное. В свою очередь социологам некоторые философские утверждения нередко представляются слишком общими и бессодержательными. К какому выводу приходит сам Степун в конце своей, безусловно, содержательной и глубокой статьи? «Если у революции есть смысл, – пишет он, – то он должен быть смыслом общим, смыслом для всех, смыслом, явственно возвышающимся над всеми партийными осмысливаниями ее.

Таким смыслом может быть только религиозный смысл. Узрение религиозного смысла революции тождественно узрению греха безрелигиозной жизни и безрелигиозного творчества. Всякий грех – такова природа нравственного сознания – может быть осознан только как свой собственный грех. Только через узрение своего собственного греха отдельными людьми, группами, партиями, сословиями, классами, т.е. только через какое-то общенациональное покаяние возможно существенное пореволюционное творчество.

Причина революции – в распаде национального сознания. Из этого следует, что путем к ее преодолению должен быть путь национального единения.

Причина распада национального сознания – в отрицании абсолютного, т.е. религиозного значения культурных ценностей и благ. Из этого следует, что путем его восстановления может быть только возвращение всем областям культуры их вечного религиозного значения»[73].

[72] Там же, с. 388.
[73] Там же, с. 398.

Религиозный смысл… Общенациональное покаяние… Очень знакомые слова. Именно в этом кругу до сих пор вращается русская (или, если угодно, российская) философская мысль. Конечно, если национальное сознание распалось, его надо соединить. Но как? Вечный гамлетовский вопрос: «Распалась связь времен, и самое смешное, что должен я соединить ее». Всякий грех – мой собственный грех. Надо признать, что в этом вопросе Ф.А. Степун был последователен: свой личный грех он признавал, и относительную (может быть, лучше сказать, частичную) правоту большевиков – тоже[74]. Но к социологии все это не имеет никакого отношения. По определению Сорокина, «революция – это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок – с другой»[75]. Смысл, тем более религиозный смысл революции, Сорокина, как социолога, не интересует вовсе[76]. Таким образом, можно предположить, что негативный и даже несколько пренебрежительный отзыв Ф.А. Степуна о «Социологии революции» обусловлен тем, что он не обнаружил в ней того, что хотелось бы ему обнаружить, а в результате не увидел и того, что в ней на самом деле есть. Основной же пафос

[74] Сказанное относится, впрочем, и к Сорокину. В его книге «Современное состояние России» находится масса примеров того, как большевики, придя к власти, в сущности выполняли – и выполнили! – экономические и политические задачи, стоявшие и перед царским, и перед Временным правительством, но которые они в силу ряда причин (главная из них – отсутствие политической воли) выполнить не могли или не хотели. Одна из таких задач, например, введение продразверстки.

[75] Наст. изд., с. 268.

[76] Если все-таки мыслить в категориях Ф.А. Степуна и попытаться найти общий и притом религиозный смысл революции, то каким он будет? Каким он может быть? За 150 лет на этот вопрос уже ответил один наш национальный герой (или антигерой): «Богу было угодно наказать Россию через мое окаянство», – сказал Емельян Пугачев на одном из допросов (*Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1981, т. 7, с. 80). Эта же идея нашла выражение и в знаменитом стихотворении Максимилиана Волошина «Россия», написанном в ноябре 1917 года:

С Россией кончено… На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,

Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.

О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,

Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

«публицистически страстной» (этого нельзя отрицать) книги Сорокина заключается в развенчании идола Революции, главного социально-политического идола XIX и XX вв. (отчасти, может быть, и XXI), из-за которого в эти столетия были пролиты реки крови. «Среди многочисленных бэконовских idola, – пишет Сорокин, – есть и "идол Революции". В ряду многих идолопоклонников и догматиков, приносящих живого человека в жертву разным "божкам", одно из первых мест занимают идолопоклонники Революции... Этому "идолу" уже принесены в жертву миллионы людей, и все еще мало! Его почитатели продолжают требовать все новые и новые гекатомбы. Не пора ли отказаться от таких человеческих жертвоприношений молоху Революции! Памятуя о том, что "не человек для субботы, а суббота для человека", во имя Человека я отказываюсь от поклонения этому идолу. Если я не могу предотвратить этих гекатомб, ибо революция – стихия, то могу воздержаться от славословия и благословения несчастной Трагедии Революции. Как всякая тяжелая болезнь, Революция бывает неизбежным результатом многих причин. Но неизбежность болезни не обязывает меня хвалить и одобрять ее. Если такое воззрение есть "реакция", то я охотно принимаю на себя кличку "реакционера"»[77].

Но каким образом «революция» превратилась в «идола»? Особенно в России? И вообще – откуда, когда и каким ветром занесло в Россию само это слово «революция»? Вопрос риторический: конечно, с Запада. До поры до времени в России бывали только бунты, восстания, мятежи, дворцовые перевороты, ни о каких революциях и понятия не имели. Даже когда в середине XVII в. узнали на Руси о событиях того времени в Англии, а царь Алексей Михайлович сильно осерчал и издал указ отменить торговые привилегии английских купцов, дарованные ранее Иваном Грозным, и выслать их всех из страны, то мотивировалось это тем, что «англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля убили до смерти»[78]. В России еще не осознавали это событие как революцию. Впрочем, и в Англии не осознавали, считали ее (что в общем-то правильно) гражданской войной. При этом надо иметь в виду, что англичан казнь короля не потрясла и не могла потрясти так, как потрясла она подданных других королевств, потому что 62 года тому назад у них уже был «прецедент»: в 1587 г. была судима и по приговору суда казнена королева Мария Стюарт – до тех пор действительно неслыханное дело в христианском мире, в котором все лица королевской крови считались сакральными и неподвластными земному человеческому суду. Суд и казнь Марии Стюарт стали первыми вехами на пути десакрализации королевской власти. Дальнейшее развитие процесса пошло проще и быстрее. Французам в этом отношении было совсем легко: и прецеденты были налицо, да и философы-просветители достаточно хорошо подготовили

[77] Наст. изд., с. 270.

[78] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. II, с. 169.

идеологическую почву для грядущей казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты («гражданина» и «гражданки» Капет, впрочем, и в России отрекшийся от престола Николай II сразу же стал именоваться «гражданином Романовым»). Получило свое политическое гражданство и слово «революция». Известно, что, когда герцог де Лианкур сообщил Людовику XVI о взятии Бастилии, тот воскликнул: «Да ведь это же бунт!» «Нет, ваше величество, – возразил герцог, – это революция!» Видимо, герцог читал, по крайней мере, Монтескье, который в своем знаменитом трактате «О духе законов» вполне свободно, как с хорошо известным ему и всем читателям словом, оперирует понятием «революция», не давая ему при этом никакого определения. «Когда совершалась какая-нибудь революция, – пишет Монтескье, – и государству придавалась новая форма, то все это могло осуществиться лишь посредством бесконечных усилий и трудов и редко – при наличии испорченных нравов и праздности. Те самые люди, которые совершали революцию, желали сделать ее блага ощутимыми для всех, и они могли достигнуть этого лишь посредством установления хороших законов»[79]. Теперь уместно сказать несколько слов о происхождении самого понятия «революция».

Как установила Ханна Арендт, «первоначально слово “революция” являлось астрономическим термином, и его роль в естественных науках особенно возросла после *De revolutionibus orbium coelestiam*[80]. В этом научном употреблении оно сохранило свое точное латинское значение, указывающее на постоянное, подчиненное закону вращательное движение звезд, неподвластное человеку и потому неодолимое, которому очевидно не была свойственна новизна и которое не подвергалось какому бы то ни было насильственному влиянию извне. Это слово явственно указывает на возвратное, циклическое движение…»[81]

И далее: «Применительно к земным делам эта метафора означала, что имеющиеся формы правления под действием неодолимой силы вечно повторяются и переходят одна в другую так же, как звезды следуют предписанным им путем в небесах. И ничто не находилось настолько далеко от первоначального значения слова “революция”, как та идея, которой были одержимы все действующие лица революций, а именно что они участвуют в процессе, который знаменует конец старого порядка и ведет к рождению нового мира.

Выбор слова “революция” показался бы нам еще более удивительным, если бы и с современными революциями дело обстояло столь же просто, как об этом написано в учебниках. Слово “революция”, когда его впервые спустили с небес на землю и использовали для описания событий, происходящих в мире смертных людей, служило главным образом метафорой, вносящей в случайные события, взлеты и падения человеческой судьбы – а их с незапамятных времен

[79] *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955, с. 202–203.

[80] О вращении небесных сфер (*лат.*) – название главного труда Н. Коперника (1543).

[81] *Арендт Х.* О революции. М., 2011, с. 50–51.

уподобляли восходу и заходу солнца, движению луны и звезд – элемент вечного, неодолимого и постоянно повторяющегося движения. В XVII веке, когда слово "революция" впервые применили в качестве политического термина, его метафорическое содержание находилось гораздо ближе к первоначальному значению слова, поскольку оно использовалось для обозначения повторяющихся процессов, возвращения на круги своя. Так, впервые это слово употребили не в тот момент, когда разразилась Английская революция и Кромвель установил первую революционную диктатуру, но, напротив, в 1660-м, уже после падения Долгого парламента и восстановления монархии. Тот же смысл мы обнаруживаем в нем и в 1688-м, когда Стюарты были изгнаны и на трон взошли Вильгельм III Оранский и Мария II. Эта "Славная революция" – событие, благодаря которому термин "революция" парадоксальным образом получил "вид на жительство" в политическом и историческом языке, – вовсе не мыслилось как революция. Скорее наоборот: она подразумевала реставрацию королевской власти во всем присущих ей прежде величии и славе»[82].

Таким образом, политическое значение слова «революция» хотя и имеет некоторое родство со смыслом изначально астрономического термина, но гораздо шире его по объему, настолько шире, что может менять свой смысл на прямо противоположный. «Революция» = «реставрации» – это еще не самый яркий пример. «Революция» = «контрреволюции» – вот что на первый взгляд кажется поразительным. Если в России в феврале 1917 г. произошла революция (а это действительно была революция, никто ее никак иначе и не воспринимал), то как назвать то, что произошло в октябре 1917? Ленин первое время не стеснялся говорить об «октябрьском перевороте», а генерал Н.Н. Головин свою книгу так и назвал – «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» (1937). Ему вторит и современный автор (руководствующийся, правда, другими основаниями): «Сам-то Владимир Ильич, конечно, считал себя революционером. И разгон Учредительного собрания тоже, наверно, считал сугубо революционным актом. Но на деле вышло иначе, и теперь уже мало кто сомневался в том, что захват власти большевиками был не революцией, а – контрреволюцией»[83].

Проследить подробно все этапы проникновения и идолатризации идеи революции в России – задача, конечно, невыполнимая в рамках короткой статьи, поэтому ограничимся лишь самыми крупными вехами. Начало революционного движения в России большинство историков относят к восстанию декабристов в 1825 г. При Николае I ни о какой революции (даже о самом слове) нельзя было даже заикнуться. Впервые заговорили о революции (не в России, конечно, а «вообще») в эпоху великих реформ, когда настал у нас первый период «гласности». Но наибольший «рывок» в этом отношении произошел за четверть века с 1881

[82] Там же, с. 51–52.

[83] *Сарнов Б.* Сталин и писатели. М., 2010, кн. 3, с. 548.

по 1905–1906 гг. Общество (имеется в виду, конечно, «образованное общество») буквально помешалось на идее революции, которая органично сочеталась с идеей свержения самодержавие и (в той или иной пропорции) с идеями социализма. Считалось, что стоит только совершить революцию и свергнуть самодержавия, все проблемы будут решены тотчас же и как бы сами собой. Популярной стала песня на слова Василия Курочкина:

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол:
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Стало модой быть «революционером». Даже те, кто в душе был не согласен, наружно должны были выражать симпатию к революции, иначе они могли стать, выражаясь современным языком, «нерукопожатными». Барышни влюблялись в гимназистов-революционеров, в студентов-революционеров. Расхожим стало выражение «Россия – тюрьма народов», пущенное в оборот еще маркизом де Кюстином. Справедливости ради надо отметить, что правительство вело себя не лучше, во всяком случае, не лучшим образом. Царствование Николая II началось со знаменитых слов о «бессмысленных мечтаниях»[84]. Его реакция на события «кровавого воскресенья» по сей день способна превратить в революционера любого консерватора и охранителя: «Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многое надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливыми и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять Мне о своих нуждах – преступно. <…> Я верю в честные чувства рабочих людей и непоколебимую преданность их Мне, а потому прощаю им вину их»[85]. По поводу Ленского расстрела в 1912 г. министр внутренних дел А.А. Макаров заявил: «Так было, так и будет!»[86] И таких фактов можно набрать сотни, если не тысячи. Тем не менее

[84] В речи к представителям дворянства, земств и городов, произнесенной в 1895 г., Николай II сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». На самом деле в записке, вложенной в круглую шапку, которую Николай держал в руках, было написано «беспочвенные мечтания». Царь то ли оговорился, то ли неправильно прочитал, но в историю вошли именно «бессмысленные мечтания».

[85] Правительственный Вестник. 1905, 20 января (2 февраля), № 15, с. 1.

[86] Эти слова, однако, стоили ему жизни: большевики расстреляли его в 1919 г. Будучи членом общественной комиссии по расследованию расстрела рабочих на Ленских золотых приисках, заработал свой первый политический капитал А.Ф. Керенский.

ни один из них в отдельности, ни все они вместе не объясняют массового поклонения «идолу Революции». Чтобы борьба против несправедливости переросла в борьбу за справедливость, нужно еще что-то, и это что-то – идеология. Социалистические идеи начали проникать в Россию в конце 1840-х гг. (благодаря кружку Петрашевского), но были сразу же пресечены, хотя и пустили уже корни в общественном сознании через труды Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и др. Как ни странно, но официальная наука оказалась бессильной в борьбе с этими идеями. Возможно, что медвежью услугу в этом деле оказала «помощь» цензуры, а возможно, и сама наука оказалась не на высоте. Прав, наверное, Ф.И. Тютчев, который однажды остроумно сравнил «наших ученых с дикими, кои бросаются на вещи, выброшенные к ним кораблекрушением»[87]. Авторитет западной науки сыграл в данном случае злую шутку с Россией, что и вылилось в чеканную ленинскую формулу: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно»[88]. Идея революции превратилась в идола Революции, а каждый идол требует жертвоприношений, лучше всего – кровавых. «Дело свято, когда под ним струится кровь» – эта некрасовская строка вдохновила не одно поколение русских революционеров.

Каким образом идол Революции завладевает душами обыкновенных людей (т.е. не революционеров и не контрреволюционеров) лучше всего видно по их реакции на революционные события, потому что эти непосредственные реакции включают в себя и бессознательную оценку. Вот как описывает это Б.Л. Пастернак: «Мальчики играли в самую страшную и взрослую из игр, в войну, притом в такую, за участие в которой вешали и ссылали. Но концы башлыков были у них завязаны сзади такими узлами, что это обличало в них детей и обнаруживало, что у них есть еще папы и мамы. Лара смотрела на них, как большая на маленьких. Налет невинности лежал на их опасных забавах. Тот же отпечаток сообщался от них всему остальному… И главное, главное – револьверным выстрелам, все время щелкавшим оттуда. “Мальчики стреляют, – думала Лара. Она думала так не о Нике и Патуле, но обо всем стрелявшем городе. – Хорошие, честные мальчики, – думала она. – Хорошие, оттого и стреляют”»[89]. Стоит дать волю «социологическому воображению» и переместить подобную ситуацию на 90 лет вперед, т.е. из 1905 примерно в 1995 г., и сразу станет понятно, насколько идол Революции способен затуманить сознание. Вряд ли в 1995 г. хоть один бывший советский (а теперь – неизвестно какой) человек, услышав за окном выстрелы, подумал бы, что это «хорошие, честные

[87] Литературное наследство. М., 1989, т. 97, кн. 2, с. 13.

[88] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 23, с. 40 (статья «Три источника и три составные части марксизма», 1913).

[89] *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. СПб., 2002, с. 54.

мальчики» стреляют, и усмотрел бы в их «забавах» «налет невинности». Скорее всего, реакция была бы примерно такой: «Опять бандитская разборка!.. Господи, да когда же это кончится! Хоть бы они поскорее перестреляли друг друга… А может быть, это милиция накрыла наконец-то бандитскую малину?.. Дай-то Бог!» Примерно так. И при расстреле Российского парламента осенью 1993 г. вряд ли кто подумал (на какой бы стороне конфликта он ни стоял): «Какая прекрасная хирургия!» Потому что идол Революции был уже повержен, и все понимали, что «спор нельзя решить железом, вложи свой меч на место, человек…»[90]. И повержен он был в том числе и благодаря «Социологии революции» Сорокина. Стоило бы заключительные ее строки поместить на обороте школьных тетрадей, чтобы люди с детства знали и понимали:

«Общество, не умеющее жить, не способное своевременно производить целесообразные реформы и бросающееся в объятия революции, платит за эти грехи вымиранием значительной части своих членов, становится данником этой всемогущей Повелительницы…

Только заплатив эту дань, оно, если не погибает совершенно, получает некоторую возможность существовать и жить дальше, но не путем полного отрыва от своего прошлого и не путем зверской взаимной борьбы, а, напротив, путем обратного возвращения к большей части своих прежних устоев, институтов и традиций,.. путем мирной работы, кооперации, взаимопомощи и солидарности членов и групп общества друг с другом. Если общество не способно вступить на этот путь – революция кончается его окончательным декадансом и гибелью…»[91]

После «Социологии революции» Сорокин к теме России не возвращался до самой войны, точнее говоря, до 1944 г., когда вышла его книга «Россия и Соединенные Штаты»[92]. Уже к концу 1924 г. темы, связанные с русской революцией и революцией вообще начали его тяготить. Последний раз он выступал на эти темы на XI-й конференции Американского социологического общества, проходившей в Чикаго 29–30 декабря 1924 г., где он представил доклад «Международная деятельность Советского правительства». Выступил, как видно по его письмам того времени, вопреки собственному желанию, явно идя на уступки своим американским коллегам. «28 декабря, – писал он Д.А. Лутохину, – буду на Чикагском конгрессе Социологов, где я должен читать, помимо научного сообщения, о Международной политике Советских головотяпов. Не хочется мне этого делать: надоело говорить о России. Хотя доклад и написал и послал его содоклад-

[90] Там же, с. 574.

[91] Наст. изд., с. 590.

[92] Ю.В. Дойков считает, что сыграла свою роль кампания по «дискредитации Сорокина» (см.: *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009, с. 154). Возможно, что какую-то роль и сыграла, но отнюдь не главную.

чику проф. J. Davis'у из Jale University – но постараюсь от него отвертеться: я имею кой-что другое – научно более ценное для congress'а»[93].

В тот же день он писал Н.Е. Шаповалу: «28 декабря еду в Чикаго на социологический съезд. В связи с ним я чувствую себя немного не в духе. Дело в том, что социологи захотели, чтобы я непременно читал доклад о "Международной политике" советских головотяпов. Я так много читаю и пишу о России без того, чтобы читать еще на съезде, где я мог бы предложить что-либо более интересное и ценное. Между тем я уже стою в программе съезда. Скрепя сердце, я написал доклад и послал его своему содокладчику профессору J. Davis'у из Йельского университета. Но имею намерение, если только будет можно, отвертеться от него, или не читать ничего, или прочесть две другие работы, стоящие далеко и от политики, и от советских мерзавцев»[94].

Здесь, на Чикагском съезде американских социологов, упоминавшийся уже неоднократно профессор Джером Дэвис «обрушился» на Сорокина с резкой критикой[95]. Причина «обрушения» не совсем понятна, но сам Сорокин отнесся к ней вполне благодушно. «Г-н Дэвис, – писал он С. Харперу 27 января 1925 г., – согласившись с основными моими заключениями, критиковал другие положения моего доклада и все. Критика была не совсем честной (потому что Дэвис получил мой доклад за три недели до встречи, и этот факт обязывает его рассмотреть мои заключения объективно) и объективной – но… Но все это "нормально", потому что не сомневаюсь в том, что г-н Дэвис знает ситуацию в России лучше, чем Вы, я или г-н Кондратьев. Между нами, впоследствии я сказал ему несколько "теплых" слов лично, напомнив, что Платон был прав в своей "Республике", когда советовал не разрешать появляться в государстве великим гуманитариям вроде Эпикура из-за их естественных симпатий к тиранам. Вот и все»[96].

Трудно судить о том, в чем именно разошлись во мнениях П. Сорокин и Дж. Дэвис, но, судя по контексту этого письма, заспорили они о высылке интеллигенции из Советской России – ведь именно Платон в своем «Государстве» утверждал, что «демократия… осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных

---

[93] Письмо от 22 декабря 1924 г. Цит. по: *Дойков Ю.В*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009, с. 117.

[94] Там же, с. 131.

[95] Там же, с. 101.

[96] Там же, с. 102. У Платона в «Государстве» речь идет, конечно, не об Эпикуре, родившемся чуть ли не в год его смерти, а об Еврипиде. «Он [Еврипид] считает,.. что тиран общается с мудрецами. И… до небес превозносит тираническую власть.. – он и остальные поэты! Поэтому, раз уж трагические поэты такие мудрецы, пусть они и нас… извинят, если мы их не примем в наше государство именно из-за того, что они так прославляют тираническую власть» (*Платон*. Государство, 568b).

уравняют в гражданских правах…»[97]. Возможно, что цитату из Платона Сорокин и привел Дэвису с тем, чтобы подчеркнуть свои «консервативно-реакционные» взгляды и чтобы навсегда прекратить подобные споры. Впрочем, цитаты из Платона всегда звучат очень внушительно, но почему-то никогда и никого ни в чем не убеждают. А стоило бы задуматься всем революционерам и сторонникам диктатуры над тем, что, по словам Платона, «царь живет в семьсот двадцать девять раз приятнее, а тиран во столько же раз тягостнее»[98]. В 729 раз!

«Более ценное и интересное», о которых упоминается в обоих письмах, – это наверняка темы, связанные с социальной мобильностью, к разработке которой Сорокин уже приступил. Социологу из России, оказавшемуся в Америке, естественно было заинтересоваться социологическими проблемами своей новой родины. А главное, глядя из Америки, как с другой планеты, на события, происходившие совсем недавно в России и во всем Старом свете, становилось понятнее, что все там происшедшее и происходящее является следствием какого-то глубинного, но пока еще недоступного теоретическому анализу кризиса. Иными словами, в голове Сорокина уже подспудно созревал замысел будущей «Социальной и культурной динамики», пока еще в очень общих и очень туманных контурах. Через 10 лет он приступит к реализации этого замысла и в 1937–1941 гг. его реализует. Но до этого еще далеко, а пока он успешно и окончательно вписался в американскую академическую среду, был ею по достоинству оценен и в будущее мог смотреть с вполне оправданным оптимизмом. В ближайшие годы к его фамилии в американских газетах и журналах будут делать приписку: Author of «Leaves from a Russian Diary».

Две книги, вошедшие в этот том, выходят в свет накануне 100-летия русской революции. Нетрудно предвидеть, что споры по ее поводу вспыхнут с новой силой и будут порой, как это нередко бывает в России, перерастать в настоящие «собачьи бои». Кто-то будет ниспровергать, кто-то будет оправдывать, будут грозить друг другу и друг друга обвинять. Увы, нам еще, пожалуй, рано Площадь Революции переименовывать в Площадь Согласия. Поэтому и обе эти сорокинские книги встретят неоднозначный прием. Это, в общем-то, нормально. Но об одном только не следует забывать: что идол Революции повержен во многом именно благодаря усилиям Питирима Сорокина. При этом не будем впадать и в противоположную крайность: если идол этот развенчан и повержен, значит никаких революций не будет уже никогда. Так же наивно было бы думать, что после «Войны и мира» не будет в мире никаких войн. Но одно тем не менее несомненно: без «Войны и мира» (и подобных ей книг, если есть та-

[97] *Платон.* Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1994, т. 3, с. 343 (Государство, 557а).
[98] Там же, с. 383 (587е).

ковые) войны не прекратятся никогда. И развенчание идола Революции само по себе еще не гарантирует от революций. Но и без этого развенчания они тоже не прекратятся.

Поэтому – будем читать Питирима Сорокина. И не забудем сказать ему «спасибо» в сердце своем. За то, что выжил, за то, что донес до нас ту правду, свидетелем которой он был, в том виде, как сам ее понимал.

В.В. Сапов

ЛИСТКИ
ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА

Leaves from
A RUSSIAN DIARY
— and Thirty Years After

PITIRIM A. SOROKIN

Enlarged Edition

Boston · THE BEACON PRESS · 1950

KRAUS REPRINT CO.
New York
1970

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1950 ГОДА

Вскоре после первого издания этой книги в 1924 году несколько Дон Кихотов революции обвинили автора в низведении образа прекрасной Дульсинеи революции до образа кровожадной шлюхи из Тобосо. В настоящее время таких наивных донкихотов осталось немного, а может быть, их и вовсе нет, за исключением коммунистов, разумеется. Поскольку они поборники революции, ее прославление предполагается их профессией. События доказали, что мое изображение революции «крупным планом» вполне адекватно. Миллионы жертв революции, ее ненасытная кровожадность, переполненные тюрьмы, концентрационные и трудовые лагеря – все это за прошедшие тридцать лет стало слишком очевидным, чтобы не развеялись последние романтические иллюзии о красоте, человечности, добродетельности и великодушии революции.

Если чем и страдает нынешнее общественное мнение на Западе, так это односторонностью противоположного свойства – приписыванием революции множества грехов и непризнанием и отрицанием некоторых ее настоящих достоинств. Это общественное мнение страдает также и от двух других ошибок: оно рассматривает русскую революцию как самодостаточное явление, опасное для западной культуры и диссонирующее ей; и оно относит ее к особому страшному типу революций, совершенно отличному от других революций, которыми реакционные потомки наших собственных революционных предков – сыновей и дочерей той или иной революции – гордятся. Голая правда заключается в том, что ужасы русской революции свойственны не только ей, но характерны практически для всех насильственных революций, независимо от времени, места, расы, вероисповедания и национальности. Точно так же и русская революция – не локальная болезнь, каким-то чудесным образом вызванная дьявольским гением Ленина, а одно из четырех самых ярких проявлений дезинтеграции нашего западного чувственного социокультурного порядка наряду с обеими мировыми войнами и революциями фашистского и нацистского толка. Не русская революция породила бесчисленные бедствия человечества, начавшиеся с 1914 года, а именно этот фундаментальный процесс распада нашего чувственного строя породил и Первую мировую войну, и русскую революцию, и фашистско-нацистские революции, и Вторую мировую войну, и многочисленные перевороты и бес-

порядки как на Востоке, так и на Западе. И пока эта дезинтеграция западного чувственного строя продолжается, все попытки предотвратить войны и революционные процессы обречены на провал.

Бессмысленно пытаться остановить эти процессы путем создания «санитарного кордона»[1*] вокруг советского блока: пока бациллы дезинтеграции заразны и многочисленны как на Западе, так и на Востоке, «санитарным кордоном» их не уничтожишь. Еще большая глупость – пытаться лечить эту болезнь посредством взаимной агрессивности, жесткости, «холодной войны» и приготовлениями к новой апокалиптической войне. Все виды такого рода политики суть не что иное, как близнецы-братья самой революции – с ее разрушительностью, кровожадностью, тиранией и тоталитаризмом. Все такого рода крестовые походы, какими бы консервативными именами и какими бы высокопарными девизами они ни прикрывались, только усиливают, приумножают и распространяют эти болезнетворные микробы. Только фундаментальная реинтеграция нашей культуры способна остановить распространение и рост этих разрушительных процессов. А сама реинтеграция не может быть осуществлена ни методами революции, ни аналогичными им по сути методами крикливых крестовых походов против революции. Культивирование любви, а не ненависти, творческого создания вместо разрушения, благоговения перед жизнью вместо служения смерти, истинной свободе вместо насилия и псевдосвободы – таковы средства, необходимые для восстановления дома человечества. В очерке «Тридцать лет спустя» предпринята попытка в какой-то степени обосновать основные утверждения, высказанные в этом предисловии, – утверждения, одинаково неприемлемые и для сторонников, и для противников русской революции. Не будучи согласен ни с теми, ни с другими, я могу в свое оправдание только повторить старинное изречение: Amico Plato sed veritas amicissima[2*].

Winchester, Mass., 1950

ЧАСТЬ I

1917

Прелюдия

Январь–февраль, 1917 –

Ведение дневника есть чистой воды ребячество, однако в данном случае это может быть делом весьма полезным даже для серьезного человека[1*]. Очевидно, что нас настигла революционная буря. Авторитет царя, царицы и всего правительства сокрушен. Поражение русских войск, обнищание и повсеместное недовольство народа неизбежно ведут к росту революционного протеста. Страшным эхом отозвалась страна на речи Шульгина, Милюкова и Керенского в Думе, особенно на открытое обвинение правительства в «глупости и измене» со стороны Милюкова[2*].

На вчерашнем заседании депутатов[3*], политиков, ученых и писателей в доме Шубина–Поздеева даже самые убежденные консерваторы высказывались о приближающейся революции как о чем-то неизбежном. Графы и бароны, помещики и капиталисты – все они шумно одобряли едкую критику, прозвучавшую в адрес правительства, и приветствовали начинающуюся революцию. Любопытное зрелище являли собой эти уставшие от скуки, женоподобные, привыкшие жить в комфорте люди, призывавшие революцию. Словно неразумные дети, они воспринимали это «интересное событие» с радостью и любопытством. Я словно бы воочию увидел поведение правящих классов Франции XVIII века накануне революции. Французская изнеженная аристократия, как и эти русские баре, радостно приветствовала бурю, не понимая, что она угрожает их собственности и даже их жизни.

То же самое происходило в аудиториях во время моих лекций. Когда я касался пороков аристократических обществ, студенты встречали мои слова бурными аплодисментами. Университетская жизнь становится все более и более беспорядочной. На стенах туалетов можно прочитать такие надписи: «Долой царя!», «Смерть царице Распутина!», «Да здравствует Революция!». Блюстители порядка все эти надписи стирают, но они тотчас же появляются снова. Газеты, критикуя правительство, потеряли всякий страх.

Один из моих слушателей в Университете для рабочих[4*], расположенном на Выборгской стороне в Петрограде, спросил:

– Как вы думаете, в ближайшем будущем нам тоже понадобится гильотина?

– Не знаю, – ответил я. – Но уверен, что, если вы отправите на гильотину ваших врагов, на той же гильотине чуть позже отрубят голову и вам. Гильотина в первую очередь всегда убивает сытых и богатых, а потом добирается и до бедных. Не забывайте об этом. Это вам пригодится, если действительно грянет революция.

Цены пугающе растут. Очереди за хлебом перед магазинами становятся все длиннее и длиннее. Все более взрывоопасным становится ропот бедноты, часами простаивающей в этих очередях или, как их называют, «хвостах». Сегодня я встретил трех своих знакомых солдат, только что вернувшихся с фронта. Один из них отзывался о правительстве с такой ненавистью, а двое других рассказывали о возмущении и недовольстве в армии такие вещи, что я был потрясен. Армия, пожалуй, может стать зачинщицей революции. Не хотел бы я, чтобы это произошло… Впрочем, может быть, я и ошибаюсь.

Уличные демонстрации, в которых участвуют женщины и дети из малообеспеченных слоев, проходящие под вечным лозунгом всех революций – «Хлеба и селедки!»[5*], уже привели к разграблению одной или двух лавок; а сегодня демонстрация стала еще более многочисленной и более шумной. Ее участники останавливали трамваи, некоторые из них переворачивали, разграбили довольно много лавок и даже нападали на полицейских. Масса рабочих присоединилась к женщинам, в результате чего волнение усилилось и началась всеобщая забастовка. Вслед за перевернутыми трамваями может быть низвергнуто и нечто более значительное – царский трон, например. Все к тому идет.

Если будущие историки станут искать зачинщиков русской революции, пусть они не выдвигают какую-нибудь замысловатую теорию. Русскую революцию начали голодные женщины и дети, требующие хлеба и селедки. Сначала они переворачивали трамваи и грабили продовольственные лавки. И лишь позднее – объединившись с рабочими и политическими деятелями – посягнули на такое мощное здание, как российское самодержавие.

Ситуация накаляется. Вчера были убиты трое мужчин и одна женщина. Сегодня жертв больше. Привычный порядок жизни нарушен. Магазины и учреждения закрыты. В университете вместо лекций происходят политические митинги. Газеты выходят нерегулярно. Революция сделала первый шаг по территории моей страны.

Сегодня то же самое. Толпа на Невском проспекте стала еще больше. Полиция бездействует и колеблется. Говорят, что даже казаки отказались разгонять толпу. Это означает, что правительство беспомощно и его механизм сломан. Мятежники начали убивать полицейских.

Восстал Павловский полк[6*]. Говорят, что Протопопов, министр внутренних дел, формирует специальные полицейские отряды, вооружает их пулеметами, чтобы установить их на крышах домов и жестоко разогнать демонстрации. Этот полубезумный паралитик ничего иного придумать не мог. Конец уже совсем близок… или это только начало?

Очередь у хлебной лавки (рисунок А.И. Вахрамеева)

Глава первая

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Ну, наконец-то. Два часа ночи – я только что вернулся из Думы и спешу зафиксировать захватывающие события сегодняшнего дня. Утром, почувствовав себя не очень хорошо и учитывая, что лекции в университете фактически прекращены, я решил остаться дома и почитать новую работу В. Парето «Трактат по общей социологии». Время от времени меня отвлекал телефон – друзья звонили узнать новости и в ответ рассказывали свои.

«Сегодня толпа на Невском больше, чем когда-либо».

«Рабочие Путиловского завода и Выборгской стороны вышли на улицы».

«Ожесточенная стрельба слышна во всех районах города».

«Говорят, Дума распущена».

В полдень перестал работать телефон, и я, никем не тревожимый более, продолжил свои занятия до трех часов – в этот момент один из моих студентов буквально влетел с сообщением о том, что два вооруженных полка покинули свои казармы и, размахивая красными флагами, двинулись к Думе, намереваясь объединиться с рабочими[1*].

– Это правда? – недоверчиво воскликнул я.

– Собственными глазами видел.

Поспешно выйдя из дома, мы направились к Троицкому мосту. Здесь собралась огромная, но спокойная толпа, которая с жадным пьянящим возбуждением внимала каждому новому сообщению. Никто толком ничего не знал. Конная полиция сдерживала толпу и не давала переходить через Неву.

Были слышны звуки ружейной пальбы.

– Кто стреляет? В кого?

– Пойдем к центру города, – предложил я. – Там, возможно, что-нибудь узнаем.

– Но мосты разведены.

– Ну а лед на Неве на что? – убеждал я.

– Ладно, попробуем.

Не без трудностей, но реку мы перешли и оказались перед Промышленным комитетом Союза городов и земств (Местных Советов)[2*], где я рассчитывал узнать что-то конкретное, но там знали не больше, чем мы. Так или иначе, мы должны были выяснить, что происходит. Мне пришло в голову, что если полки

направились к зданию Думы, то их, вероятно, надо будет накормить. Поэтому моим друзьям из комитета я сказал: «Постарайтесь раздобыть какой-нибудь еды, а когда я дам знать, доставьте ее к Думе». Тем временем к нам присоединился один наш старый знакомый, некто Кузьмин, и мы тронулись в путь. На Невском проспекте около Екатерининского канала было пока спокойно, но, когда мы свернули на Литейный, толпа увеличилась и стрельба стала слышнее. Отчаянные усилия полиции разогнать толпу не давали никакого результата.

– У-у! Фараоны! Конец ваш настает! – орали из толпы.

С того места, где мы стояли, видно было красное зарево пожара около Николаевского вокзала[3*].

– Наконец-то! Наконец-то! – кричал какой-то человек, указывая на зловещее пламя.

– Что горит?

– Полицейский участок, – радостно сообщил он.

– Но в том же здании находится и пожарное депо.

– Это не поможет. Мы уничтожим все правительственные учреждения, сожжем, сокрушим, убьем всех полицейских, всех тиранов, всех деспотов! – неистовствовал он.

Осторожно продвинувшись вперед по Литейному, мы увидели на тротуаре свежие пятна крови и два трупа. И прямо на наших исполненных ужаса глазах замертво упал человек, пытавшийся перейти улицу и сраженный пулей. Замысловато петляя, мы наконец добрались до Таврического дворца и обнаружили, что он окружен со всех сторон толпами крестьян, солдат и рабочих. Они еще не делали попыток ворваться в здание российского парламента, но повсюду торчали пушки и пулеметы.

– Революционеры готовы защищать свою Думу, – одобрительно произнес мой друг Кузьмин[1].

– Ничего подобного, – отозвался я, – безумная толпа втянет Думу в революцию, которой та не хочет. Скоро увидишь настоящую цель этой демонстрации.

Атмосфера внутри Думы радикально отличалась от того грохота, который был за ее стенами. Здесь царили спокойствие, чопорность, порядок. В углах депутаты маленькими группами обсуждали ситуацию. В дверях я столкнулся с социал-демократом Скобелевым.

– Ура! Наконец-то! – приветствовал он нас, протягивая руку.

– Солдаты что-нибудь ели? – спросил я.

– Совсем немного. Можешь что-нибудь предпринять насчет этого?

– Попробую, – пообещал я.

[1] Многих лиц назвать здесь я не могу, ибо это может навлечь на них гонения со стороны советского правительства.

Депутат Ржевский сообщил мне, что Дума уже распущена, а исполнительный комитет теперь выступает в роли временного правительства[4*].

– Означает ли это, что вы примкнули к революции? – спросил я.

– Нет… Хотя, может быть, и да, – неуверенно ответил он.

Такую же растерянность и двусмысленность я заметил в высказываниях и других депутатов. Капитаны, направляющие государственный корабль навстречу буре, еще не вполне были уверены в своем курсе. «Плохой признак, – отметил я про себя. – Впрочем, возможно, я не прав в своей оценке».

Затем я попытался связаться с друзьями, но телефонное сообщение к тому времени уже было прервано, поэтому я вернулся во двор перед Думой и объяснил группе солдат, что хочу достать для них продовольствие. Они нашли автомобиль с развевающимся красным флагом, и мы двинулись сквозь толпу.

– Этого вполне достаточно, чтобы всех нас повесить, если революция будет подавлена, – сказал я в шутку своим защитникам.

– Не бойтесь. Все будет как надо, – ответили они.

Недалеко от Думы жил адвокат Грузенберг[5*]. Его телефон оказался исправным, и я связался со своими друзьями, которые заверили, что еда для солдат скоро будет доставлена. Вернувшись к Думе, я увидел, что толпа стала еще больше. Во дворе Думы и во всех прилегающих к ней улицах возбужденные группы людей, окружив ораторов – членов Думы, солдат и рабочих, обсуждали события дня, приветствовали революцию и падение царского деспотизма. Все с восторгом говорили о зарождающейся власти народа и призывали всех граждан поддержать революцию. Эти страстные речи вызывали бурный восторг. Толпа перед входом во дворец требовала выхода то одного, то другого из наиболее почитаемых депутатов, которые были вынуждены подниматься на трибуну и говорить.

– Эти пустоголовые политиканы сейчас упиваются своим положением, – скептически заметил мне один мой друг, стоявший рядом со мной. – Посмотрим, что они будут думать обо всем этом через несколько дней.

Но я, проникнувшись духом этого часа, самоуверенно заявил:

– О пессимист! Ты не знаешь людей. Сегодня они довольствуются речами своих вожаков. Завтра они потребуют активных действий.

– К черту их всех, – резко возразил он. – Пойдем внутрь.

Зал и коридоры Думы были забиты народом. Здесь толпились солдаты с винтовками за плечами и пулеметами. Но порядок пока сохранялся; улица сюда еще не проникла.

– Ну, товарищ Сорокин, наконец-то революция! Наконец-то настал этот славный день! – закричал один из рабочих, мой студент. Те, что были с ним, радостно приветствовали меня. Их лица выражали восторг и надежду.

– Что вы здесь делаете, ребята? – спросил я.

– Нам сказали прийти сюда и помочь в организации Совета рабочих, как это было во время революции 1905 года, – в один голос ответили они.

– Зачем нужен какой-то совет?

– Чтобы защищать революцию и интересы рабочих, чтобы контролировать деятельность правительства и провозгласить нашу диктатуру, – был их ответ. – Вы же присоединитесь к нам, правда?

– Спасибо, но меня никто не выбирал, – холодно отозвался я.

– Нас тоже, но это неважно. В такие моменты подобные формальности не требуются.

– Не согласен, – сказал я. И добавил:

– Возможно, для поддержки революции комитет рабочих и впрямь должен быть сформирован, но что касается диктатуры – тут будьте осторожны.

Войдя в комнату комитета, я обнаружил здесь нескольких депутатов социал-демократов и около двадцати человек рабочих – ядро будущего Совета. Они настоятельно предлагали мне войти в число членов Совета, но я не испытывал ни малейшего желания присоединяться к ним и поэтому ушел оттуда на встречу с писателями, которые собрались, чтобы организовать официальный пресс-центр революции. Среди них были Стеклов-Нахамкес, Суханов-Гиммер, Ерманский и еще двое или трое социал-демократов, обсуждавших ситуацию и споривших по поводу должностей в комитете.

«Кто выбрал этих людей в качестве представителей прессы?» – снова подумал я про себя. Это были настоящие блюстители порядка, цензоры, которые самовольно присвоили себе право запрещать нежелательные, на их взгляд, газеты, сводя на нет свободу слова и печати. Мне на ум вдруг пришли слова Флобера: «В каждом революционере таится жандарм»[6*]. Но я сказал себе, что не стоит делать выводы на основании опрометчивых поступков нескольких человек. Между тем кабинеты и коридоры Думы все более наполнялись людьми.

– Какие новости? – спросил я депутата, пробиравшегося сквозь толпу.

– Родзянко пытается связаться с царем по телефону. Исполнительный комитет обсуждает вопрос о создании нового кабинета министров, ответственного одновременно перед царем и перед Думой.

– Кто-нибудь контролирует и регулирует эту революцию?

– Никто. Она развивается сама по себе.

– Что будет с монархией и царем?

– Абсолютно ничего не знаю.

– Это уж чересчур, если даже вы ничего об этом не знаете, – заметил я с сарказмом.

Привезли питание, был устроен буфет, и курсистки начали кормить солдат. Наступило внезапное затишье. Но снаружи – я слышал это – дела шли поху-

же. Стрельба не прекращалась. Возбуждение людей доходило до истерики, что же до полиции – то она попряталась. Я снова оказался во внутреннем дворике Дворца. Толпу буквально лихорадило от ощущения свободы. Всюду были слышны страстные речи и гром одобрительных аплодисментов. Незаметно для себя я тоже оказался захваченным всеобщим волнением, я слушал и аплодировал и лишь к полуночи смог выбраться оттуда.

Трамваи не ходили, извозчиков не было видно, поэтому длинный путь от Думы до Петроградской стороны мне пришлось пройти пешком. Было очень темно – ни один уличный фонарь не горел. Я слышал звуки непрекращающейся стрельбы, иногда казалось, что стреляют где-то совсем рядом, и прохожие замирали, озираясь в поисках укрытия. Группы горожан прижимались к стенам, чтобы не стать жертвами пролетающих пуль. Вдруг на Литейном я увидел пламя пожара. Полыхало величественное здание Окружного суда[7*].

Кое-кто задавал вопрос: «Кто устроил этот пожар? Разве новой России совсем не нужно иметь здание суда?» Вопрос остался без ответа. Горели и другие правительственные здания, в том числе и полицейские участки, и не принималось никаких попыток погасить эти пожары. В красных отблесках пожара лица собравшихся зевак казались дьявольскими, когда они орали, смеялись и плясали. То там, то здесь валили наземь резные изображения российского двуглавого орла; эти символы империи срывали с правительственных зданий и под одобрительные крики толпы швыряли в огонь. Старый режим обращался в пепел, и никто не сожалел об этом. Никто не забеспокоился даже тогда, когда огонь перекинулся на частные дома. «Пусть горят, – вызывающе изрек один мужик. – Лес рубят – щепки летят».

Дважды я натыкался на кучки солдат и уличных бродяг, которые грабили винные склады, не встречая ни с чьей стороны ни малейшей попытки остановить их[8*]. Впрочем, чем более я отдалялся от Думы, тем спокойнее и привычнее становилась обстановка. Здесь несколько полицейских все еще дежурили на своих постах. Перестрелка была вялой. Но, перейдя Неву, мы вновь оказались на территории жестокой перестрелки, так что все мы падали на лед и ждали, когда она прекратится. Перейдя на тот берег, мы обнаружили на снегу несколько трупов.

В два часа я добрался до дома и сел писать эти торопливые заметки. Радуюсь я или огорчаюсь? Трудно сказать, но, конечно, душу мою терзают мрачные предчувствия. Сегодня в руках революционеров лишь часть города, но что будет завтра? Как долго продлятся беспорядки? Сколько людей погибнет? Ослабят ли эти события армию – а может, и вовсе уничтожат? Возможно ли, чтобы все закончилось вторжением немцев в Россию? Сейчас чрезвычайно опасное время, чтобы устраивать революцию. Хотя, может быть, мои опасения напрасны. Такая масса радующихся, охваченных патриотизмом людей не может ошибаться.

Кто это сказал: «Отдельные люди могут ошибаться, но целая нация – никогда»? Ну что же, да здравствует революция! Самодержавию нужно было положить конец. Так что – прочь сомнения и предчувствия.

Я взглянул на свои книги и рукописи. Видимо, на какое-то время придется их отложить, подумал я. Сейчас не время для занятий. Время действовать. До свидания, мои любимые друзья.

Снова слышна стрельба…

Глава вторая

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

28 февраля, 1917

Утром я вместе с двумя друзьями пешком отправился в Думу. Улицы были заполнены возбужденным народом. Все магазины были закрыты, все дела – оставлены. С разных сторон слышна была стрельба. С ревом проносились автомобили с солдатами и молодежью, вооруженными винтовками и пулеметами. Они разыскивали полицейских и контрреволюционеров, которые, по слухам, скрываются в своих домах и готовятся к вылазке и подавлению бунта. Время от времени солдаты и мужчины окружают какой-нибудь дом и стреляют по окнам. Опасность, какую они представляли, навела меня на мысль о том, что больше всего мы должны присматривать за стайками подростков, склонных к разрушению из хулиганских побуждений. Я не видел, чтобы им попался хоть один полицейский, зато видел многих жителей этих злосчастных домов, некоторые из которых были ранены. Кроме того, я заметил, что число поджогов еще больше увеличилось по сравнению со вчерашней ночью.

На пересечении Бармалеевой улицы и Большого проспекта мы наткнулись на группу мужчин, которые безжалостно избивали полицейского, орудуя рукоятками револьверов и ногами, обутыми в массивные ботинки. Несчастная полумертвая жертва лежала на тротуаре, окровавленная и бесчувственная, в то время как на ее голову и тело сыпались удары.

– Прекратите, скоты! – закричал мой спутник. – Арестуйте его, если хотите, но не убивайте.

– А кто ты такой, что не даешь нам убивать фараона? – заорали они. – Ты тоже контра?

С помощью прохожих мы заставили этих хулиганов оставить беднягу в покое и убраться прочь.

– И это лишь начало, – возмущенно произнес мой друг.

– Увы, это, может быть, только предвестие того, что будет дальше, – согласился я, и снова мною овладели мрачные предчувствия.

Пока мы шли, до нас долетали самые тревожные слухи. Многие полки, располагающиеся в Петрограде и окрестностях, перешли на сторону восставших. Однако Петропавловская крепость, Адмиралтейство и правительственные

учреждения Петрограда все еще находились в руках царского режима, а толпа овладела лишь частью города. Что же происходило за пределами Петрограда, в армии, в Москве и в стране вообще, по-видимому, не знал никто. Но никто не сомневался в том, что революцию поддержит вся империя.

Всюду носились автомобили. Всюду толпились взволнованные люди и вели себя, словно безумные. Всюду можно было ощутить запах горящих зданий и увидеть солдат и рабочих, разыскивающих полицейских и контрреволюционеров. Перед одним из домов на Неве, недалеко от Зимнего дворца, собралась особенно буйная толпа.

– Что здесь происходит?

– Обыскивают дом генерала-реакционера, – рявкнули нам в ответ.

В этот момент окно четвертого этажа дома распахнулось, и несколько солдат вышвырнули из него человека, который упал на асфальт с пронзительным предсмертным воплем, утонувшим в торжествующих криках толпы. Как только тело упало на камни, люди бросились к нему, начали избивать его всем, что было у них в руках. Потрясенные этим безобразным зрелищем, мы с товарищем поспешили уйти. Чем ближе мы подходили к Думе, тем гуще становилась толпа, а красных плакатов и флагов, прославляющих революцию, становилось все больше. Вдруг кто-то отчаянно схватил меня за локоть.

– Сорокин! Я знаю, Вы человек великодушный. Спасите меня! Ради Бога, спасите!

Я узнал в этом человеке шпиона секретной службы, который два года назад донес на меня и помог меня арестовать.

– Бегите скорее домой, – посоветовал я. – Уничтожьте свою форму и по возможности смените место жительства. Если что-нибудь случится, дайте мне знать.

Больше я ничего не мог сделать для него.

– Вот они! Вот они! Их ведут! Ведут!

Проследив за тем, куда смотрели люди, я увидел одного царского министра, окруженного взводом солдат, во главе которого показалась худощавая фигура Керенского.

– Попался! Попался! Да здравствует революция! Смерть врагам народа! – сотня кровожадных рук тянулась к несчастному чиновнику.

– Именем революции запрещаю вам прикасаться к нему, – закричал Керенский. – Не вам его судить. Дела таких, как он, будут расследованы, и клянусь вам, справедливость восторжествует.

Эти слова спасли царского министра от зверской расправы.

– Да здравствует Керенский! – кричала опьяненная толпа.

И действительно, как он и обещал, министры и придворные сановники были арестованы и доставлены в Думу![*]. Если бы не этот арест и изоляция, едва ли им удалось бы спастись.

Сегодня зал заседаний Думы являл собой совершенно другую картину, нежели вчера. Сюда набились солдаты, рабочие, студенты и прочие граждане – мужчины и женщины, старики и молодежь. В глаза бросалось отсутствие порядка, чистоты и выдержки. Его Величество Народ – великий актер. В каждой комнате, в каждом углу собирались импровизированные митинги и гремела патетическая риторика: «Долой царя!», «Смерть врагам народа!», «Да здравствует революция и демократическая республика!». Бесконечное повторение этих лозунгов стало надоедать. Сегодня сделалось очевидным наличие двух центров власти. Одним из них был Исполнительный комитет Думы во главе с Родзянко, другой – Совет рабочих и солдатских депутатов, заседающий в противоположном конце российского парламента, председателем которого стал социал-демократ Чхеидзе, а его товарищем (заместителем) – Керенский. Керенский играл роль связующего звена этих двух центров. С группой своих студентов из рабочих я проник в комнату Совета. Вместо прежних двенадцати сюда набилось теперь человек триста-четыреста. Кажется, членом этого органа мог стать каждый желающий – настолько неформальна была процедура выборов. В переполненной комнате в клубах табачного дыма шли дикие шумные дебаты, по нескольку одновременно. Председатель Чхеидзе тщетно звонил в колокольчик и до предела напрягал свой голос, призывая «делегатов» к порядку. Никто не обращал на это ни малейшего внимания. Ораторы, отчаянно жестикулируя, перебивали друг друга. Когда мы вошли, обсуждался в основном один вопрос: арестовывать председателя Думы Родзянко как контрреволюционера или не арестовывать?

Я был поражен. Неужели за минувшую ночь эти люди совсем потеряли рассудок? Я попросил у председательствующего, чтобы мне предоставили слово, и он дал свое согласие. Однако я понимал, что едва ли кто-нибудь меня услышит, отчасти и по той причине, что как раз в этот момент чуть ли не у самых дверей Думы началась сильная стрельба. «Царские войска напали на Думу!» – прозвучало в комнате, и тотчас всех членов этого воинственного собрания охватила дикая паника. Делегаты бросились наутек, отталкивая друг друга и больше всего желая убежать. Лихорадочно протискиваясь к дверям, они лишь устроили почти непроходимую пробку. Паника распространялась по всему зданию, и через несколько минут началось неописуемое столпотворение.

Внезапно стрельба прекратилась, и послышались голоса: «Нападения нет! Царской армии нет! Недоразумение!» Тогда депутаты храбро возвратились в комнату Совета.

– Глупцы! – обратился я к собравшимся. – Поскольку еще не весь Петроград охвачен революцией, эта паника показывает и ее, и вашу слабость. Революция только начинается, и, чтобы она победила, нам необходимо объединиться со всеми, кто выступает против царизма. Не должно быть анархии. В этот смутный час вы, крохотная кучка людей, обсуждая такой вопрос, как арест Родзянко, просто

зря тратите время. Неужели вы не понимаете, что вы сами и есть революция? Если вы будете упрямо следовать вашей жалкой политической программе, то неизбежно принесете лишь вред России, русскому народу и самим себе. Я призываю сразу же прекратить обсуждение этих второстепенных вопросов.

Выступавший после меня Максим Горький говорил в том же духе, и на время вопрос об аресте Родзянко был отложен[2*]. Однако становилось все более очевидным, что на поверхность пробивается разум толпы и что в людях выходит наружу не только зверское, но и глупое начало.

Тем временем нам стали известны последние новости. Родзянко ратовал за формирование нового правительства, ответственного перед царем и Думой. Царь вроде бы собирается вернуться в Петроград. Говорили также, что революционная волна достигла Москвы, где не обошлось без насилия. Генерал Иванов движется к столице, чтобы с помощью казаков восстановить порядок. Гучков, Шульгин и другие депутаты требуют отречения Николая от престола в пользу цесаревича, а железнодорожные рабочие отказываются пропустить поезд царя обратно в Петроград. По пути в комнату, где заседал Исполнительный комитет Думы, я встретил одного из его членов, Ефремова, от которого узнал, что борьба между комитетом и Советом разыгрывается не на шутку и что обе власти борются за право руководить революцией. Ефремов, будучи невероятно взволнованным, признался, что усилия Думы по достижению согласия с Советом безнадежны. Он предвидит подмену ответственного правительства толпой.

– Но что мы можем сделать? – говорил он в отчаяньи.

– Кто же действует от имени Совета?

– Суханов, Нахамкес, Чхеидзе и некоторые другие, – ответил он.

– Есть возможность приказать солдатам арестовать их и разогнать Совет? – спросил я, понимая в то же время всю бессмысленность этого предположения.

– Такую агрессивность и такой конфликт нельзя допустить в первые дни революции, – был его ответ.

– Тогда готовьтесь к тому, что вас самих распустят очень скоро, – предостерег я его. – Будь я членом вашего Комитета, я сделал бы это немедленно. Дума пока еще высшая власть в России.

В этот момент к нам подошел профессор Гронский.

– Можете ли вы написать воззвание от имени будущего правительства? – спросил он меня.

– Почему я? В этих делах специалист Набоков. Пойдемте к нему.

В разгар нашей беседы в комнату влетел какой-то офицер и потребовал отвести его в Комитет Думы. «Что случилось?» – спросили мы.

– Солдаты и матросы Балтфлота убивают всех офицеров! – закричал он. – Комитет должен вмешаться[3*].

Внутри у меня похолодело. Было бы, конечно, безумием ожидать, что революция обойдется без крови, хотя что еще можно было сделать, кроме того, что

делал этот офицер, спешащий в Комитет в надежде, что тот приложит все свои силы для спасения человеческих жизней? Преодолевая свои страхи, я произнес две речи на улице перед толпой, прославлявшей свободу и революцию. После этого я вернулся в Думу. Участвуя в конференции Комитета по продовольствию в качестве его члена, я узнал, что рынки полностью разграблены народом. Домой я добрался глубокой ночью. В душе у меня не было радости, хотя я еще заставлял себя надеяться. Может быть, завтра дела будут лучше.

Назавтра дела были не лучше. Те же неуправляемые толпы на улицах, те же автомобили с беспорядочно стреляющими ездоками, те же облавы на полицейских и контрреволюционеров. В Думе мы достоверно узнали, что царь отрекся от престола в пользу цесаревича Алексея[4*].

Сегодня вышел в свет первый номер газеты «Известия»[5*].

Состав Совета возрос до четырехсот или пятисот человек. Комитет Думы и Совет создают Временное правительство, Керенский действует как посредник между ними и миротворец. Он – сопредседатель Совета и министр юстиции. Я встретился с ним. Он выглядел утомленным.

– Прошу вас, телеграфируйте всем начальникам тюрем России об освобождении всех политических, – попросил он.

– Если вы считаете, что так надо, – согласился я.

Когда я составил телеграмму, он подписал ее: «Министр юстиции, гражданин Керенский»[6*]. Это словечко – «гражданин» – звучит непривычно и немного театрально, но, кажется, подходяще. Не уверен, насколько эффективными окажутся посреднические усилия Керенского, но предчувствую, что двоевластие Временного (или воображаемого) правительства[7*] и экстремистов из Совета продлится недолго. Одна власть, несомненно, поглотит другую. Какая же именно? Разумеется, Совет, народные представители слишком слабы и не выдержат ни малейшего натиска или насилия. Что ж, возможно, это к лучшему.

Вместе со всеми я выслушал в Думе речь Милюкова о возможности установления конституционной монархии с великим князем Михаилом в качестве царя[8*]. Толпа холодно отнеслась к такому предложению. Монархия пала. Сознание народа стало крайне республиканским. Даже простая буржуазная республика многим кажется недостаточно радикальной. Они требуют социализма. Я боюсь этих радикалов. Меня пугают устремления толпы.

Страшные новости! Резня офицеров усиливается. В Кронштадте убиты адмирал Вирен и множество морских офицеров. Говорят, что офицеры были убиты по списку, заготовленному немцами. Не знаю, правда ли это, но убийство наших лучших офицеров остается фактом. Что произойдет, если этот ужас

продолжится? Это может привести к полной деморализации наших военных и оккупации страны немцами.

Мои теперешние наблюдения за петроградскими солдатами, за тем, как они себя ведут, и за выражением их лиц, не сулят ничего хорошего. Что-то явно угрожающее есть в их поведении.

Я только что прочитал «Приказ № 1», изданный Советом, который, в сущности, позволяет солдатам не подчиняться приказаниям своих офицеров[9*]. Какой безумец сочинил и издал такой приказ?

В библиотеке Думы я встретил среди прочих и г-на Набокова; он показал мне свой набросок Воззвания Временного правительства. В этом документе все права и конституционные гарантии обещаны не только гражданам, но и солдатам. Россия должна стать самой демократичной и самой свободной страной в мире.

– Что вы думаете об этом? – спросил он с гордостью.

– Восхитительный документ, но...

– Что – «но»?

– Боюсь, что в нем кое-что хватает через край, есть учесть, что революция происходит в разгар мировой войны, – вынужден был признаться я.

– У меня тоже есть некоторые опасения, – согласился он, – но я надеюсь на лучшее.

– Могу только присоединиться к вашей надежде.

– Теперь я собираюсь написать декларацию об отмене смертной казни, – сказал Набоков.

– Как! Даже в армии и в военное время?

– Да.

– Но это же безумие! – закричал один из присутствовавших. – Только лунатики могут придумать такую вещь в тот час, когда офицеров режут, как овец. Я, как и все, ненавижу царизм, но жалею, что ему суждено было пасть именно теперь. В таких случаях он лучше знал, как надо править, чем все эти мечтательные глупцы.

Вопреки самому себе я чувствовал, что он прав. Старый режим погиб окончательно. Население Петрограда и Москвы ликует, как на Пасху. Все радостно приветствуют новый режим и республику. «Свобода! Святая свобода!» – кричат и скандируют все вокруг. «Замечательная революция! Революция без крови, чистая, как одежды безгрешных ангелов!» Последние слова я слышал в толпе студентов, маршировавших по улицам.

Конечно, все это верно в каком-то смысле. Крови было пролито немного. Если больше никто не станет жертвой фанатиков, то наша революция войдет в историю под названием бескровной.

Да здравствует бескровная революция!

Глава третья

«РАЗ СВОБОДА – ТО ВСЕ ДОЗВОЛЕНО»

Март– апрель 1917

Старый режим пал по всей России, и мало кто сожалел об этом. Вся страна ликовала. Царь отрекся от престола и от имени сына, и от своего собственного. Великий князь Михаил от престола отказался[1*]. Было избрано Временное правительство; выпущенный им манифест был самым либеральным и демократичным из всех когда-либо изданных документов[2*]. Все царские служащие, от министра до полицейского, были уволены и заменены людьми, преданными республике – так как нет никаких сомнений, что у нас будет республика. Народ в большинстве своем надеется и ожидает, что война пойдет теперь более успешно. Солдаты, государственные деятели, студенты, горожане и крестьяне – все проявляют чрезвычайную активность. Крестьяне снабжают зерном города и армию, иногда совершенно бесплатно. Войсковые части и группы рабочих пишут на своих знаменах: «Да здравствует революция!», «Крестьяне – на поля, рабочие – к станкам, солдаты – в окопы!» «Свободный народ России сумеет защитить страну и революцию!».

– Смотри, каким замечательным стал народ! – радовался один мой приятель, показывая на одну из таких демонстраций.

– Кажется, и правда все пойдет на лад, – ответил я.

Но, хотя я и пытался убедить себя, что дела пойдут на лад, я не мог закрыть глаза на некоторые вещи. Рабочие шли под лозунгом «Рабочие – к станкам и по заводам!», хотя сами побросали работу и почти все свое время проводили на политических митингах. Они выдвинули требование восьмичасового и даже шестичасового рабочего дня. Солдаты с виду готовы были воевать, но вчера, когда одному из полков приказали отправляться на фронт, они отказались под тем предлогом, что им необходимо оставаться в Петрограде, чтобы защищать революцию. На днях мы получили известие, что крестьяне захватывают дворянские поместья, грабят их и жгут. На улицах я встречал толпы пьяных, которые грязно матерились и орали: «Да здравствует свобода! Раз мы свободны – то все дозволено!»

Час спустя у здания Бестужевских курсов[3*] я столкнулся с толпой зевак, которые дико смеялись и жестикулировали. Под воротами, у всех на виду, какие-то мужчина и женщина занимались самым непристойным делом. «Ха-ха! – потешались в толпе. – Раз свобода – все дозволено!»

Сегодня на Бассейной улице несколько мерзавцев у всех на виду грабили винный магазин Черепенникова.

– Теперь мы свободны, поэтому не мешайте нам! – кричали они тем, кто пытался их урезонить. Подобные инциденты многочисленны, и это пугает. Но – терпение. Возможно, мои предчувствия преждевременны.

Сегодняшний день был полон сенсациями. Утром два моих товарища, исследующие архивы царской охранки (государственного органа по преследованию политической и революционной деятельности), поведали мне, что некоторые руководители партии эсеров и социал-демократической партии большевиков, считавшиеся надежными, также были агентами и шпионами охранки. Среди них – главный редактор большевистской газеты «Правда» Черномазов, близкий друг Ленина, и один из наших рабочих, человек, которого принимали за самого преданного социалиста-революционера. Эти люди работали на революцию и в то же время за 25–50 рублей в месяц выдавали своих товарищей, обрекая тех на арест, заточение в тюрьмах и ссылки.

Вот мерзавцы! Теперь понятно, почему в течение всех этих лет царские агенты так легко раскрывали революционные организации и почему так много участников тайных сходок были арестованы в 1913 году. Преданы своими же единомышленниками! Как часто это происходило в последние годы, начиная с дела Азефа. Получается, все это время в революционных и социалистических партиях обитали провокаторы – те, кто притворялись революционерами, готовыми в любой день покончить с царем и его министрами, а на самом деле плели интриги против своих друзей, отдавая их в руки палачей. Какое разоблачение человеческой подлости!

Прошлой ночью состоялось первое собрание старых членов партии эсеров, их было человек двадцать или тридцать из числа надежных и проверенных руководителей. В их среду бесстыдным образом затесался и тот рабочий-провокатор, еще не знающий о своем разоблачении. Наше собрание было посвящено выработке отношения к Временному правительству и завершению легализации партии. Вслушиваясь в дискуссию, я понимал, что она становится все более радикальной, многие, включая и провокатора, настаивали на непризнании Временного правительства, выступали за немедленное прекращение войны согласно Кинтальской и Циммервальдской резолюциям 1916 года[4*] и, наконец, за создание чисто социалистического правительства. Как только провокатор закончил свою тираду, мы с товарищем отозвали его в сторонку и сказали:

– Ваша причастность к охранке нам известна. Завтра это будет известно всем. Если вы немедленно не покинете это собрание, то мы разоблачим вас здесь и сейчас.

– Вы меня оскорбляете! – зашумел он, однако же побледнел при этом.

– Мы спасаем вашу никчемную жизнь. Если вы сейчас же не уберетесь отсюда, мы расскажем все, что знаем.

Он схватил свое пальто и исчез. После чего я дал отпор предложениям экстремистов и в конце концов настоял на принятии резолюции в поддержку Временного правительства. Резолюция была принята большинством голосов, но с характерной оговоркой: «При условии, что правительство будет выполнять свою программу». Это собрание показало мне, что единодушие, царившее среди старых и надежных членов партии, стало рушиться. И если даже среди них, то чего ждать от толпы? Поистине, мы вступили в критический период, даже более критический, чем я опасался.

Сегодня мы провели еще одно собрание руководителей партии эсеров с целью организовать газету и назначить ее редакторов. Дискуссия проходила бурно и отчетливо вскрыла внутри партии наличие двух разных течений – социал-патриотического и интернационалистского. Первые – более умеренны. Они готовы поддержать Временное правительство и выступают против немедленного введения социализма в стране. Они соглашаются с курсом на «отказ от аннексий и контрибуций», но в то же время выступают за продолжение войны с целью обороны России и революции. Они хотят, чтобы война окончилась как можно скорее, но выступают против сепаратного мира, который означал бы предательство по отношению к союзникам. Что касается экстремистов, то они, со своей стороны, хотели бы, чтобы оборонительная война переросла в классовую борьбу. Они требуют немедленного прекращения военных действий – пусть даже за счет сепаратного мира с Германией. Они призывают к незамедлительной социализации земли и заводов, к диктатуре рабочих и крестьян, подчинению нынешнего буржуазного правительства социалистическому государству. После долгих и утомительных дебатов было избрано пять редакторов газеты, названной «Дело народа». Избраны были Русанов, Иванов-Разумник, Мстиславский, Гуковский и я. Я не совсем понимаю, каким образом мы придем к общему согласию относительно политической линии газеты, поскольку мы с Гуковским относимся к очень умеренному крылу социал-патриотов, остальные же – интернационалисты.

Увы, на первом же собрании редакторов при обсуждении первого номера газеты пять часов было потрачено на пустые споры. Мы отвергали статьи, которые предлагали интернационалисты, они осуждали все наши статьи. Трижды мы чуть было не покинули комнату, но каждый раз возвращались. Наконец, мы все бросились еще раз читать главные передовицы, безжалостно вычеркивая друг у друга самые эффектные места. В результате обе статьи – умеренная и радикальная – потеряли все свои достоинства, что, однако, не устранило ни малей-

шего противоречия между ними. Хорошенькое начало! «Делу народа» суждено было превратиться в газету, в которой на одной и той же странице одна статья совершенно явно противоречит другой. Дело не могло так продолжаться, и мы все это поняли. Мы решили продолжать публикацию в подобной форме лишь до следующего съезда петроградского отделения партии, но как разрешится спор – предсказать несложно. Толпа все более склоняется к крайним радикалам. Газеты, даже реакционная «Новое время», соперничают друг с другом по предмету радикальных высказываний. Все монархические газеты закрыты, а их печатное оборудование конфисковано. Социалисты с легкостью восприняли, что теперь это их законная собственность, но как согласовать это со свободой печати, которую они же сами некогда столь пылко отстаивали? Как только «властолюбья долг оплачен»[5*], так тут же оказывается, что радикалы еще более деспотичны, чем реакционеры. Власть порождает тиранию.

На рабочих митингах я все чаще и чаще слышу требование положить конец войне. Все чаще я слышу обвинения и даже угрозы в адрес «капиталистов». Рабочие твердо убеждены, что все их неудачи обусловлены происками изворотливых буржуев. В народе стремительно распространяется идея о том, что правительство должно быть полностью социалистическим и что «эксплуататоров» нужно повсеместно истреблять. Все попытки инженеров и управляющих поддержать дисциплину на рабочих местах, выполнить норму заводского производства или уволить бездельников рассматриваются как контрреволюционные акции. Среди солдат ситуация не лучше. От повиновения и дисциплины фактически не осталось и следа. Солдаты слоняются без дела, не признавая никакой власти, называя себя героями, имеющими право делать, что хотят, и присваивать себе, что заблагорассудится. На фронте обстановка кажется не столь безнадежной. Но сотням агитаторов и пропагандистов разрешено бывать в войсках для «поддержания духа» армии, которые вскоре, как я думаю, преуспеют в деле ее деморализации.

Что касается мужиков (крестьян), то среди них тоже начинаются волнения, и в скором времени они наверняка перейдут на сторону Советов. Боже мой! Эти авантюристы, самоизбранные депутаты от солдат и рабочих, эти беспомощные интеллигенты, играющие главную роль в революционной драме, подражают французским революционерам. Разговоры, разговоры, бесконечные разговоры – вся их энергия направлена на подрыв Временного правительства и на подготовку «диктатуры пролетариата», которая их собственному Совету внушает страх. Совет вмешивается во все, и, какими бы конструктивными ни были идеи некоторых его членов, их действия приводят лишь к дезорганизации правительства, пробуждая у толпы дикие звериные инстинкты.

А правительство? Быть может, лучше вообще ничего не говорить про этих людей. Эти заумные идеалисты не знают даже азбуки науки управления. Похоже, что они сами не знают, чего хотят, а если даже и знают, то все равно ничего не могут сделать. Странно, быть может, но иногда мне очень хочется, чтобы возникла какая-нибудь властная сила, которая надела бы узду на все эти неуправляемые толпы безумцев. Это было бы для нас лучше, чем повсеместные беспорядки и смятение, которые грозят обернуться большими бедами для моей страны.

Сегодня состоялись похороны жертв, павших за революцию[6*]. Волнительное зрелище! Сотни тысяч людей шли за морем знамен, на которых начертаны слова: «Слава павшим за свободу!» Изумительная музыка – голоса поющих и звуки оркестра сливались в похоронный гимн. Абсолютный порядок и дисциплина сохранялись все время, пока нескончаемая процессия несколько часов продвигалась по улицам. Лица идущих были торжественны и воодушевлены. Вид этой толпы привел меня в трепет. Это так человечно[1].

Сегодня вечером была моя очередь исполнять обязанности главного редактора «Дела народа». Газета была отправлена в типографию около трех часов утра, и я, как обычно, пошел домой пешком. Ночью на улицах меньше народу, и поэтому больше заметны изменения, которые произошли в Петрограде за месяц революции. Картина не очень приятная. На мостовых валяются обрывки газет, всюду пыль, навоз, шелуха от семечек (российский эквивалент земляного ореха)[7*]. Во многих домах окна, разбитые пулями, заклеены бумагой. На стенах обгоревших комнат отчетливо видны следы от пуль. В парках деревья и кустарники безжалостно поломаны, а на каждой когда-то голой стене висят листовки, объявления и политические прокламации. В любой подворотне можно наткнуться на солдат с проститутками, потерявшими всякий стыд.

– Товарищ! Давай соединимся, как пролетарии всех стран. Пошли ко мне домой, – обратилось ко мне одно из размалеванных созданий. Довольно оригинальное применение революционного лозунга.

Всюду обнимаются и целуются прогуливающиеся или сидящие на крышах домов парочки. Некоторые пускаются в безумную пляску на улицах. Время от времени слышны звуки стрельбы. Смех и крики женщин прорываются сквозь общий хор, возвещающий: «Свобода! Теперь фараоны не имеют права нас трогать. Да здравствует революция!»

Все политические заключенные выпущены из тюрем и толпами возвращаются домой из Сибири и из-за границы[8*]. Их встречают, как триумфаторов, правительственные комитеты, солдаты, рабочие и широкая публика. Каждую новую

[1] Стоит отметить, что многие из этих героев революции стали жертвами толпы, заподозрившей в них контрреволюционеров.

группу приезжающих приветствуют с оркестром, знаменами и речами. Возвращающиеся из тюрем держатся как герои-победители, достойные поклонения со стороны народа как его освободители и благодетели. Забавно при этом то, что многие из них никогда не были политическими, а суть обыкновенные уголовники, воры, убийцы и мошенники. Со всеми, тем не менее, обращаются одинаково – как с жертвами царизма. Кажется, что среди прочих видов тщеславия появилось еще и революционное тщеславие, которое требует к себе всеобщего внимания. Эта разновидность тщеславия смешна, но очень легко может стать и опасной.

Многие из этих вернувшихся «политических» явно обнаруживают смятение ума и неуравновешенность чувств. Полные жажды мести, они естественно смыкаются с экстремистами, пытаясь до предела ужесточить революционную волну. С их прибытием силы тех, кто способствует социальной дезинтеграции, увеличились. Есть серьезная опасность, что в руках этих людей в конечном итоге и окажется власть, как это происходило во всех предыдущих революциях. Проведя долгие годы в тюрьмах и ссылках за тяжким и унизительным трудом, они неизбежно начинают переносить на общество те методы жестокого обращения, которым подвергались сами. Ненависть, жестокость, неуважение человеческой жизни и чужих страданий – вот черты их психического склада.

– Для победы революции необходимо уничтожить или посадить в тюрьмы всех капиталистов, всех богачей и аристократов, – говорил один из таких бывших ссыльных, который незамедлительно начал подстрекать крестьян поджигать имения и убивать богатых помещиков.

– Мне кажется, ваша программа очень уж свирепа, – пытался я ему возразить.

– Ничуть, – горячо заспорил он. – Это самая основательная и действенная из всех возможных программ.

Совет, состоящий из таких «героев», все больше теряет чувство реальности. Вся его энергия уходит на то, чтобы устраивать обструкции правительству, проповедовать социализм и ровным счетом ничего не делать для преобразования и реорганизации российского общества. Его воззвания адресованы «Всем, всем, всем» или – «Всему миру». Речи и манеры лидеров помпезны до абсурда. По-видимому, у них отсутствует чувство юмора и они не способны увидеть, сколь комично выглядит их рисовка. Стеклов-Нахамкес, который два года тому назад просил у царя разрешения добавить к своей плебейской фамилии Нахамкес более аристократическое «Стеклов», сейчас выступает в качестве бывалого революционера. Это отвратительно. Грязная личность, грязная и физически, и умственно; совершенно ясно, что свои взгляды он меняет с легкостью, если ситуация этого требует. Гиммер, этот полуеврей, полунемец, никому неизвестный журналист, строит из себя то Робеспьера, то Талейрана. Словно Робеспьер, он ходит с цветком красной розы в петлице, пускаясь в длинные, утомительные речи без всякого смысла. Чхеидзе, глава Совета, весьма недалекий, но симпатич-

ный грузин, обладающий сильным голосом и лексиконом марксиста. Либер – очень эмоциональный еврей, хороший оратор, помешанный на революции, но иногда высказывающий вполне здравые суждения. Церетели, тоже грузин, один из умнейших людей в Совете. Полагаю, он может стать нормальным и очень даже результативным государственным деятелем. Скобелев – глуповатый отпрыск купеческого семейства. Он являет собой типичный пример русского лавочника, самовлюбленного и считающего, что вся женская прислуга в него влюблена. Он ничего собой не представляет ни в плане умственных, ни ораторских способностей. На Гоца, добродушного еврея, умного и талантливого, негативное влияние оказало тюремное заключение и навязчивые идеи о социализме. Дан, хирург-еврей, сведущ в своей специальности столько же, сколько и я, знающий основные положения медицины; но он считает себя блестящим политиком. Представьте себе типичного марксиста, коренастого тугодума, лишенного какой-либо ясности в мыслях, добавьте сюда еще все социалистические девизы и лозунги – и вы получите портрет Дана. Мстиславский – не боец, противник войны, но носит мундир и жаждет нового революционного всплеска, хотя и был сотрудником официальных царских газет. Истинный Тартюф. Что до других лидеров, то это в основном незваные гости неизвестно откуда. И эти люди рассказывают армейцам, что война началась по инициативе капиталистов, преследующих свои эгоистические цели! Их заявления напрочь лишены логики. То они говорят солдатам: «Все ваши командиры – реакционеры. Проявляйте неповиновение при малейшей возможности и прекращайте войну как можно скорее». И в то же время дают такие наказы: «Солдаты, подчиняйтесь своим командирам, боритесь, отстаивайте революцию!» Что может быть результатом подобных противоречий, кроме хаоса и беспорядка?

Что касается правительства, то оно столь же хаотично, сколь и бессильно. Разделение власти теперь полное, и у правительства с каждым днем уходит почва из-под ног.

– Какой чертовщиной они занимаются? Кого они посылают в армию и с какой целью? – вопрошал недавно в моем кабинете молодой офицер, только что вернувшийся с фронта. Он слышал речи агитаторов, посланных Советом, и, полный негодования, вернулся в Петроград.

– Если мы продолжаем военные действия, – говорил он, – то необходимо остановить всю эту пропаганду, которая лишь деморализует армию. Если мы выходим из войны, то пусть правительство и Совет прямо объявят об этом. После этого пусть читают наставления о преимуществах социализма, сколько им заблагорассудится. Сейчас же правительство и Совет приказывают нам защищать свою страну, но в то же время посылают на фронт агитаторов, чтобы те втолковывали солдатам, что война ведется в интересах капиталистов, что самое

время прекратить ее и что командиры, дающие приказания сохранять дисциплину, являются лишь контрреволюционерами. Сумасшествие!

Мне импонировал этот офицер, бывший студент, который отважно сражался во всех кампаниях, но все, что я мог сделать, – это направить его к господину Мстиславскому, который и был одним из тех самых деморализаторов армии. Час спустя офицер возвратился из кабинета Мстиславского, покрасневший и возбужденный. Я спросил его, что он услышал, и он с горячностью ответил:

– Я понял, что нужно в первую очередь сделать в России, чтобы выжить. Нужно направить армию на Петроград, схватить всех изменников и отправить их в Германию. Если этого не сделать, то страна будет разрушена, войну мы проиграем, а революция потерпит поражение.

В душе я боюсь, что этот человек прав.

Господин Флеккель, секретарь петроградского крыла партии эсеров, сказал мне сегодня, что «дела идут хорошо», что сотни тысяч людей, студентов, крестьян и рабочих, вступают в партию.

– Разве это не замечательно? – улыбнулся он.

– Действительно, просто чудесно, когда за один месяц миллионы людей внезапно становятся социалистами, притом что месяц назад они ни малейшего понятия не имели, что такое социализм, – заметил я саркастически. – Но меня бы больше обрадовало, если бы партия вместо того, чтобы принимать в свои ряды всех этих людей, для начала наметила бы курс, одобряемый ее руководителями.

– Что же, по-вашему, нужно, чтобы победила революция?

– Мне хотелось бы побольше взвешенности и здравого смысла, поменьше обещаний и обличений, и прежде всего – противостояния зверским инстинктам толпы. Внезапный успех социалистических партий я расцениваю как отсутствие обыкновенного здравого смысла и осмотрительности, что пробуждает в людях животных.

Разозлившись, секретарь удалился.

Сегодня в двух главных книжных магазинах (Вольфа и Карбасникова) мне рассказали, что особенно быстро раскупаются книги о революции – особенно о французской. На столе у многих политических деятелей я и впрямь видел эти книги. Так вот почему в своих речах и манерах они столь часто напоминают французских вождей и санкюлотов![9*]

Глава четвертая

СВЕТ И ТЕНИ

Сегодня, 22 апреля, проходила конференция партии социал-революционеров Петрограда. Настроение новых «мартовских» социалистов-революционеров радикально до крайности. Многие старые лидеры партии, Зензинов, Гоц и другие, пытались согласовать противоречивые идеи, но преуспели только в укреплении левого крыла политической партии. Конференцию посетили «бабушка» Брешковская, почтенная «бабушка революции», и Керенский, «министр юстиции, гражданин Керенский», одетый в простой френч. Брешковская тоже, как обычно, оделась непритязательно. Напрасно эти двое поддерживали наши попытки убедить конференцию проявлять сдержанность. Все было бесполезно. Экстремисты просто намекали на то, что Керенский вовсе не настоящий революционер, а всего лишь министр буржуазного правительства. Sic transit Gloria mundi![1*] Сегодня новые «революционисты» обращаются со старыми руководителями партии, как со своей прислугой. Эти новые составили большинство конференции и провели резолюцию о немедленном прекращении войны и образовании социалистического правительства. Я заявил, что не могу принять их программу, покинул конференцию и сложил с себя обязанности редактора «Дела народа». Многие старые члены партии, составляющие большинство правого крыла конференции, покинули ее, последовав моему примеру. Рано или поздно это должно было случиться, так что было бы лучше, если бы это произошло теперь.

Мы с Гуковским основали газету правых эсеров «Воля народа». В состав редакции кроме нас войдут «бабушка» Брешковская, Миролюбов, Сталинский и Аргунов. Надеяться на успех в такое время невозможно; и все же мы должны поступать так, как велит нам долг. «Дело народа» после нашего ухода стало еще более радикальным, чем прежде. Теперь оно в руках центра и левого крыла партии.

Продолжают возвращаться политические эмигранты. Из наших руководителей вернулись: Чернов, Авксентьев, Бунаков, Сталинский, Аргунов, Лебедев и др. На днях ожидается приезд большевистских лидеров – Ленина, Троцкого, Зиновьева и прочих[2*]. Они едут через Германию с разрешения немецкого правительства, предоставившего им специальный «пломбированный» вагон. В народе кое-кто негодует на Временное правительство за то, что оно разрешило этим

особам вернуться. Распространяется слух, что Ленин и его спутники (около сорока человек) подкуплены германским штабом для того, чтобы подстрекать Россию к гражданской войне и еще сильнее деморализовать русскую армию. Я не знаю, правда ли это, но если это так, то что может сделать правительство, чтобы это предотвратить? Любая попытка правящей партии будет расцениваться взбудораженными массами как контрреволюция.

Наряду с подготовкой нашей новой газеты мы организуем членов правого крыла партии – группу, названную «Воля народа». Фанатизм трудящихся классов и интеллигентных пролетариев города возрастает с каждым днем. Эти меньшинства хотят править Россией, не считаясь с крестьянством, которое, как известно, составляет большинство. Без участия крестьян невозможно решать будущую судьбу России. Я убежден в необходимости созыва Всероссийской крестьянской конференции или совета в противовес Совету праздношатающихся рабочих и солдат города.

Ночь... Неимоверно устав от речей, митингов и от сотни гнетущих происшествий, я вернулся домой, чувствуя себя так, как человек, пытающийся остановить голыми руками ледник, сползающий с горы. Безнадежная задача. Может быть, лучше отступить и позволить льду обрушиться вниз, круша деревню и все ее население. Конечно же, я так поступить не могу.

Мы с друзьями начали подготовку к созыву Всероссийской крестьянской конференции.

Сегодня я выехал из Петрограда в Великий Устюг[3*] по приглашению крестьян и других жителей этого уезда. Какое счастье после столицы с ее постоянной толчеей, беспорядком, грязью и нервозностью снова оказаться в любимых, покойных местах! Пароход быстро скользил по Сухоне. Надо мной – голубое небо, а внизу – прозрачные воды реки и чудесный пейзаж. Кругом царил полный покой! Воздух был чист, ни дуновения ветерка – словно и нет никакой революции! Только непрерывная болтовня пассажиров напоминала о ней. На пароходе плывет мой прежний друг Ветошкин. Увы, этот человек, который был патриотом три месяца назад, теперь стал большевиком и направляется в Великий Устюг, чтобы агитировать за большевиков. Увидев меня, он сначала немного сконфузился, но потом начал излагать мне свои новые взгляды. Я в ответ не сказал ни слова, и мое молчание возмутило его больше, чем если бы я стал ему возражать. Я подозреваю, что мотивы, по каким он переменил свои убеждения, отнюдь не бескорыстны, и он ждет от этого выгоды. Возможно, он догадался, какого я мнения о нем.

В милом моему сердцу Великом Устюге меня встретила группа друзей. С парохода меня отвезли на рыночную площадь, где собралось несколько тысяч человек. Моя речь вызвала большой патриотический подъем. Сотни людей рвались подписать государственный «Заем Свободы»[4*], выпущенный правительством для стабилизации экономики страны. Многие крестьяне, приехавшие в город продавать зерно, отдали его армии безвозмездно. Такой же успех я имел и на митинге учителей, и среди жителей трех ближайших к городу деревень.

На учительской конференции пытался выступить и Ветошкин, но публика отказалась его слушать. Слава Богу, люди здесь более вменяемы, чем в Петрограде.

Страшно было возвращаться в нездоровую атмосферу столицы, с царящими в ней беспорядком и распущенностью.

Ленин и его спутники прибыли. Их первые выступления на конференции большевиков привели в замешательство даже крайне левых. Ленин и его группа вернулись в Россию очень богатыми людьми, и, как следствие, сильно возросло число большевистских газет, памфлетов, прокламаций и т.п. Троцкий поселился в очень богатых апартаментах. Откуда у них столько денег – вот вопрос.

Началась «национализация». Большевики силой завладели дворцом балерины Кшесинской, анархисты захватили дачу Дурново и другие здания, бесцеремонно выселив их владельцев. И хотя последние обратились в суд и к правительству, ничего не было сделано для того, чтобы вернуть им их собственность.

21 апреля 1917. Сегодня мы реально ощутили на себе, что такое взбунтовавшаяся чернь. Нота министерства иностранных дел, направленная правительствам стран Антанты, в которой говорилось о том, что Временное правительство сохранит верность всем договорам и союзническим обязательствам, взятым на себя Россией, подверглась яростным нападкам со стороны Советов и большевиков, которые усмотрели в этой декларации склонность к «аннексиям и контрибуциям» и к давним империалистическим стремлениям. Любому здравомыслящему человеку очевидно, что абсурдно говорить об «аннексиях» со стороны уже полумертвой России. Безусловно, реальной целью этой атаки было свержение «буржуазного» правительства. Город наводнили сотни пропагандистов, протестующих и устраивающих демонстрации. Сотни тысяч прокламаций, призывающих к восстанию, требующих отставки Милюкова и других министров-«капиталистов», распространяют на фабриках, в казармах, в конторах и на улицах. Повсюду – на улицах и в помещениях – устраиваются митинги. Бок о бок с представителями большевиков стоят те, кто защищает политику правительства. Ожесточенные речи часто перерастают в драки. Сегодня, ближе к полудню, распространился слух, что два полка в полном вооружении покинули свои казармы,

чтобы поддержать мятежников. Началась стрельба. Ограбление магазинов преступниками стало обычным делом. Ситуация напоминает первые дни восстания против царя, но в те дни горожане еще способны были контролировать массы. Вчера, уже ближе к ночи, бунтовщиков разогнали, но они все же добились своей цели. Правительство объявило, что Милюков уходит в отставку[5*].

Это означает, что правительство пало, ибо эта первая уступка толпе и большевикам станет началом конца Временного правительства. Мы все теперь оказались как на вулкане; в любой момент может начаться извержение. Не очень приятная ситуация, но постепенно мы сумеем приспособиться к ней. Во всяком случае, все это достаточно интересно.

Сегодня мы выпустили первый номер «Воли народа»[6*]. Газета сразу же стала пользоваться успехом, почти все старые социалисты-революционеры покупают ее, шлют нам письма и поздравления, задают вопросы. Я настроен не очень оптимистично, но все-таки думаю, что мы сможем оказать влияние. Подготовка к созыву Всероссийской крестьянской конференции продвигается успешно и приближается к завершению.

Сегодня нашу редакцию посетили руководители бельгийских социалистов Вандервельде и Де Брукер[7*].

– Вы первые русские социалисты, которые не осуждают нас за патриотизм и «буржуазные взгляды», – сказал мне Вандервельде, пожимая руку.

Это правда. К этим выдающимся личностям, вождям международного социализма, так же как и к Гендерсону, Альберу Тома и представителям английского, бельгийского и французского рабочего класса, Совет и многие из тех, кто два или три месяца назад были умеренными членами Социалистической партии, относятся с пренебрежением. Мне очень стыдно за это, но Вандервельде, кажется, понимает, в каких ненормальных условиях мы ведем борьбу.

Сегодня вечером мы давали обед в честь Альбера Тома[8*]. Он, как и Вандервельде, оценивает ситуацию весьма мрачно, а к невоспитанности Совета относится с мягким юмором.

– Они безответственны, как дети, – сказал он.

Беспорядочный образ жизни, который я веду, стал системой. У меня нет определенного времени, когда я обедаю, ложусь спать, встаю или работаю. День за днем я устаю до предела от агитации, нервозности, множества неотложных дел. Порой я чувствую себя бездомной собакой.

Глава пятая

АГОНИЯ

Май–июнь 1917

Открылся Крестьянский съезд[1*], на которую съехалось около тысячи представителей настоящих крестьян и солдат-фронтовиков, сохранивших верность правительству. Судя по всему, у крестьян склад ума несравнимо более здоровый и уравновешенный, чем у рабочих и солдат. Патриотизм, искреннее желание положить конец беспорядкам и даже готовность воздержаться от захвата земли до тех пор, пока не будет выработано определенное решение по этому вопросу, полная готовность поддержать правительство и противостоять большевикам – все эти чувства получили искреннее выражение на съезде.

Из интересных эпизодов отмечу появление на съезде Ленина. Поднявшись на трибуну, он театральным жестом скинул с себя пальто и начал говорить[2*]. Лицо этого человека напоминает мне лица прирожденных преступников из альбома Ломброзо, и в то же время в нем есть что-то похожее на религиозных фанатиков из числа староверов. Он неважный оратор, и все его усилия пробудить энтузиазм к большевикам пропали совершенно напрасно. К его речи отнеслись холодно, личность его возбудила неприязнь, и, закончив выступление, он удалился в явном замешательстве. Большевистская «Правда» и другие газеты интернационалистов возобновили свои нападки на Крестьянский съезд, называя ее «цитаделью социал-патриотов и мелких буржуа». Ладно, пусть нападают. По крайней мере мы можем быть уверены, что некоторое время душевный покой этим представителям обеспечен.

Крестьянский съезд прервал свою работу после того, как проголосовали за организацию особого Крестьянского Совета и решено было избрать депутатов, исполнительный комитет и направить своих представителей в различные институты. Я был избран членом исполнительного комитета и делегатом в Комиссию по выработке закона о выборе членов Учредительного собрания.

Направляясь к центру города, я проходил мимо дворца Кшесинской, который был захвачен большевиками и служил им штабом. День за днем с балкона дворца они обращались с речами к толпам солдат и рабочих. Все усилия правительства изгнать оттуда захватчиков ни к чему не привели. Дворец Дурново,

занятый анархистами, а также и другие особняки, незаконно занимаемые преступниками, именующими себя анархистами или коммунистами, по-прежнему остаются в их владении. Напрасно суд приказывал захватчикам освободить помещения, с тем же успехом издавал свои приказы и министр юстиции. Ни малейших результатов. Либо правительство не имеет сил, чтобы их выдворить, либо оно боится действовать в создавшейся обстановке. Я остановился у дворца Кшесинской, чтобы послушать Ленина. Хотя он и неважный оратор, мне кажется, что этот человек пойдет далеко. Почему? Потому что в нем есть готовность и решимость поощрять любое насилие, преступность и непристойность, которые в нынешних деморализующих обстоятельствах пока еще сдерживаются.

– Товарищи рабочие, – так начал Ленин свою речь, – отбирайте фабрики у тех, кто вас эксплуатирует! Товарищи крестьяне, отбирайте землю у ваших врагов, помещиков! Товарищи солдаты, кончайте войну, идите по домам. Заключайте мир с Германией и объявляйте войну богатым! Бедняки, вы умираете с голоду в то время, когда кругом полно банкиров и плутократов. Почему бы вам не отнять все это богатство? Грабьте награбленное! Разрушим до основания капиталистическое общество! Долой его! Долой это правительство! Долой всякую войну! Да здравствует социальная революция! Да здравствует классовая борьба! Да здравствует диктатура пролетариата!

Такая речь всегда вызывает живой отклик. В данный момент это благая весть для преступников, лентяев, грабителей, паразитов и всех неустойчивых умов. Ленин хорошо знает, что кратчайший путь к его цели лежит в пробуждении самых низменных животных инстинктов у бездумных масс. За Лениным следует Зиновьев. Что за отвратное создание этот Зиновьев! В его писклявом бабьем голосе, в его лице и жирной фигуре есть что-то отвратительное и непристойное; это редкий моральный и умственный выродок. Прекрасного ученика нашел себе Ленин.

Послушав около часа, я пересек Троицкий мост, направляясь в редакцию. День был чудесный. Ярко светило солнце, и безоблачное небо отражалось в Неве. Но душу мою переполняла мрачная тоска. Я знал, что эти люди – предвестники ужасных событий. На месте правительства я бы арестовал их без всяких колебаний. Если необходимо, я бы казнил их для того, чтобы предотвратить ужасающую катастрофу, в которую они хотят ввергнуть страну. Армия стремительно разлагается. Дисциплина и повиновение почти исчезли. Настойчиво требуют мира и по-прежнему безнаказанно зверски убивают офицеров. Бедняга Керенский делает все, что может. Он произносит одну цветистую речь за другой, но диких зверей не обуздать речами, хотя бы и цветистыми. Над городами нависла угроза голода, ибо работать почти прекратили. Большевики с их неисчерпаемыми финансовыми возможностями проявляют неистовую энергию. Должен признать, что как пропагандист газета «Правда» действует очень искусно. Особым блеском отличаются статьи Троцкого, в которых он бичует и высмеивает своих

противников, в том числе и меня[3*]. Блестящая сатира. На фабриках, в парках и на улицах проходят бесконечные большевистские митинги с их неизменными лозунгами: «Долой буржуазное правительство!», «Долой войну!». Даже «Долой Совет!». Мы пытаемся, с большим или меньшим успехом, нейтрализовать деятельность этих пьяных илотов, как называет Керенский революционные массы. Честное определение, хотя оно и сильно отличается от его же прежнего: «Благородный народ, не совершающий ошибок».

Как Керенский, Дан, Гоц, Либер, так и другие лидеры в Совете начинают осознавать, что мы несемся к пропасти. Если раньше они подстрекали к анархии, то теперь призывают к умеренности. Фатальная слабость всех этих людей заключается в том, что еще больше, чем большевизма, они боятся воображаемой контрреволюции. Они боятся уронить свою репутацию революционеров, которые в эти дни стали аристократией. Поэтому они остаются и беспомощными, и безнадежными. В последнее время я много раз беседовал с Керенским и с Брешковской. «Бабушка» на вид сохраняет бодрость духа, хотя она прекрасно осознает, что надвигается катастрофа. Керенский явно обеспокоен дезорганизованным Советом, большевиками и армией. Он очень надеется на готовящееся наступление, которое, как он думает, притормозит надвигающийся развал армии. Действительно, есть шанс, что если армия перейдет в наступление, то в тылу начнется наступление против анархии.

Крестьянский Совет еще остается нашим оплотом. Большинство мужиков, представителей широких крестьянских масс, еще сохраняют благоразумие. Левые эсеры Спиридонова, Кац, Натансон и другие пытаются деморализовать их, но тщетно. Жаль, что Спиридонова такая экстремистка, ибо она яркая личность, хотя, к сожалению, бесхитростная и доверчивая.

– Чтобы предотвратить наступление голода и достичь всеобщего благополучия, нам нужно всего лишь изъять всю наличность из банков, – сказала она мне.

– Как много денег вы надеетесь обнаружить в банках? – спросил ее я.

– О, да там миллиарды рублей золотом! – воскликнула она.

– А знаете ли вы, что весь национальный доход России меньше десяти миллиардов золотых рублей в год?

– Нет, – ответила она. – И не верю я этому.

– Тем не менее это так, – заверил ее я. – Если вы захватите банки, вы найдете в них облигации, ценные бумаги и акции, но очень мало денег. Единственное, чего вы этим добьетесь, это уничтожите кредит и разрушите экономическую жизнь.

– Чушь! – гневно воскликнула она.

Трагическая ситуация, когда вожди не понимают даже основ экономики.

26 мая 1917 года был днем моей женитьбы[4*]. Это была настоящая революционная свадьба. После венчания в церкви, куда я пришел прямо с одного важного митинга, мы с женой и нашими друзьями всего лишь полчаса посидели за легким завтраком, после чего я побежал на другую чертову конференцию. Только во время войны или революции бывает такое. Вечером я плюнул на революцию и вернулся домой к своей любимой. Приближается буря, но, несмотря ни на что, я благословляю этот день.

Сегодня у меня в редакции побывал профессор Масарик из Праги[5*]. Очень приятно было поговорить с этим умным, интеллигентным, серьезным и широко мыслящим человеком. Мы обсудили чешскую проблему, о которой я писал. Безусловно, с такими лидерами, как Масарик, чешский народ вернет себе независимость. На страницах «Воли народа» мы поддерживаем их дело.

В Крестьянском Совете дела идут сносно. Основные проблемы будущей России – аграрная реформа, конституция, организация правительства, оборона страны и т.д. – предварительно уже решены. Собрания Исполнительного Комитета проводятся ежедневно, конференции Совета – три или четыре раза в неделю. Местные Крестьянские Советы организуются по всей России. Членам приходится изрядно потрудиться, чтобы организовать митинги, посетить армейские части на фронте, участвовать в правительственных комиссиях и решать спорные вопросы в провинции. Митинги, которые созывают Советы – рабочих, солдат и крестьян, – происходят раздельно. Старый Совет вначале пытался сохранить за собой господствующее положение, но теперь был вынужден признать равный статус всех Советов, в том числе и Крестьянского. В зале Думы члены нашего Крестьянского Совета занимают правую сторону, в то время как на крайне левых местах сидят большевики, интернационалисты и левые эсеры. Справа от президиума мы видим Чхеидзе, Церетели, Дана, Гоца, Авксентьева; слева – Троцкого, Луначарского, Каменева, Ногина и других большевиков. Когда наши представители входят в зал, красные с насмешкой кричат им: «Сюда идите, мелкая буржуазия!» На что мы парируем: «Нет уж, здесь сидят предатели!» Речи большевиков забавляют Совет, и вообще их слушают с насмешками.

Возник очень серьезный кризис. В то время когда Исполнительный Комитет Крестьянского Совета проводил заседание, нам по телефону сообщили, что большевики организуют утром следующего дня вооруженную демонстрацию солдат и рабочих с требованием: «Долой буржуазное правительство! Долой войну! Вся власть Советам!» Не оставалось никаких сомнений, что такая демонстрация будет означать свержение правительства и приведет к окончательному разва-

лу наступления. Это будет означать гражданскую войну, кровопролитие, смерть. Мы сразу же при содействии другого Совета решили выпустить воззвание к солдатам, рабочим и горожанам воздержаться от этой демонстрации. Мы предупредили заводы и казармы, что большевики, созывая демонстрацию от имени Советов, грубо обманывают людей. В качестве противовеса их акции мы высказались за участие в мирной демонстрации, назначенной на следующую неделю. Посетив два полка и одну фабрику, я ощутил, что там господствуют пробольшевистские настроения. И все же мои речи были восприняты неплохо. Вернувшись домой, я понял, что полностью сорвал голос, и провел бессонную ночь. Ничего страшного. Мы нарушили планы тех, кто затевал вооруженную демонстрацию. На следующее утро в «Правде» было напечатано объявление о том, что большевики присоединятся к нашему мирному шествию. На сей раз мы выиграли, но боюсь, что в следующий раз победа будет на их стороне.

Мирная демонстрация прошла успешно, но повсеместное влияние фанатиков было очевидно. По меньшей мере половина стягов имели такие лозунги: «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Мир хижинам, война дворцам!». Вечером были отмечены беспорядки и произошло несколько уличных убийств. Бескровные ризы революции все более и более пятнаются кровью. Голод усиливается.

Наше наступление на фронте началось блестяще[6*]; дух народа сразу же чрезвычайно поднялся. Улицы заполонили патриотические демонстрации, а популярность Керенского стала еще больше. Большевики на время совсем затихли. О, если бы так все и дальше шло. Но вряд ли можно надеяться, что полуразвалившаяся армия сможет продолжить победное шествие. Боюсь, что столь блестящее начало закончится позорным поражением. Что тогда? Катастрофа. Не меньше.

Да, катастрофа произошла. Наша революционная армия разбита[7*]. Она раздроблена на части и бежит в панике, обезумев; на своем пути она рушит все, убивает, насилует, грабит; путь ее отмечен опустошенными полями и разрушенными деревнями. Ни дисциплины, ни власти, ни даже милосердия к невинным женщинам или штатским. Генерал Корнилов и Б. Савинков настаивают на восстановлении смертной казни для дезертиров[8*]. Тщетно! Бессильные правительство и Советы даже в этом критическом положении не способны к действию. Большевики и анархисты снова торжествуют.

Сегодня Савинков пришел к нам в редакцию и рассказал ужасные подробности событий. Невозможно вообразить больший кошмар.

– В армии необходимо восстановить железную дисциплину и суровые наказания, иначе Россия погибнет, – заявил Савинков.

– Но можно ли еще найти подразделения, чтобы осуществлять подобные меры? – спросили мы в отчаянии.

– Пока еще можно, – сказал он. – Но очень скоро будет нельзя.

В этом человеке есть что-то от авантюриста, но в нашей кризисной ситуации он может оказаться полезным.

Произошло знаменательное событие. Сегодня на митинге, на котором выступали «бабушка» Брешковская, Савинков, Плеханов, Чайковский и я, со стороны слушателей – солдат и рабочих – послышались свист и оскорбления в адрес этих вождей революции. В лицо таким мученикам, как Брешковская и Чайковский, были брошены эпитеты «предатели», «контрреволюционеры». Вскочив на ноги, Савинков закричал:

– Кто вы есть, чтобы оскорблять нас такими словами? Что вы, бездельники, сделали для революции? Ничего вообще. Шли вы когда-нибудь на риск? Никогда. А эти мужчины и женщины (указал на нас) сидели в тюрьмах, умирали от голода и холода в Сибири, снова и снова рисковали своей жизнью. Это я, а не кто-нибудь из вас бросал бомбу в тирана – царского министра. И за это мне, а не кому-нибудь из вас царское правительство вынесло смертный приговор. Как же вы смеете обвинять меня в том, что я контрреволюционер? Кто же вы, как не толпа придурков и бездельников, замышляющих погибель России, уничтожение революции и самих же себя?

Эта отповедь отчасти убедила толпу и произвела на нее впечатление. Но очевидно, что все эти великие революционеры оказались в трагическом положении. Дело их жизни и жертвы, которые они принесли, – забыты. По сравнению с «мартовскими революционерами» они выглядят реакционно и старомодно.

– Вы когда-нибудь думали, что окажетесь реакционной контрой? – спросил я у ветерана Плеханова.

– Если эти маньяки – революционеры, то я предпочитаю называться реакционером, – ответил основатель социал-демократической партии.

– Берегитесь, г-н Плеханов, – сказал я, – как бы вас не арестовали эти люди, ваши же ученики, как только они станут диктаторами.

– С тех пор как они стали реакционерами похуже царского правительства, чего, кроме ареста, могу я ожидать от них? – ответил он с горечью.

Мне нравится Плеханов. Я думаю, он понимает истинное положение вещей лучше своих учеников, заседающих в Совете, которые даже не пригласили его к себе. Все старые революционеры и основатели российского социализма причисляют себя к умеренным, или, как выражаются большевики, к «контрреволю-

ционерам». Замечаю, что и моя «речь» становится такой, какую во всех революциях и социальных переворотах чернь называет «контрреволюцией». Все мы начинаем понимать, что революция и радикализм на практике совсем не то, что в теории.

Распад России начинается, и не на шутку. Финляндия, Украина и Кавказ провозгласили свою независимость. Независимыми объявили себя также Кронштадт, Шлиссельбург и многие другие районы в разных концах России. Даже группа анархистов, забаррикадировавшаяся на даче Дурново, и большевики в особняке Кшесинской имеют наглость называть себя независимыми государствами. Моя бедная страна разваливается на части. Вчера ко мне пришли несколько зырян, жителей севера России, попросивших, чтобы наша газета провозгласила независимость Зырянской республики, и предложивших мне стать президентом новой республики! Безумие овладевает умами всех.

Вчера я опубликовал статью по поводу неизбежной катастрофы, которую я назвал «Гибель русской нации»[9*]. Все сегодняшние газеты отозвались на нее, а с большевистских полос в мой адрес несутся угрозы. Тем не менее многие выражают мне благодарность за статью. Их сочувствие, конечно, не может спасти ситуацию, которая теперь совершенно безнадежна. Что касается меня, то за себя лично я не боюсь.

Социал-демократическая партия, так же как и партия эсеров, раскололась на три крыла – правое, левое и центр. Попытки нашего Центрального Комитета сформировать коалицию из правых и левых эсеров полностью провалились. Теперь все, что может сделать комитет, – это балансировать между двумя крылами. Такая же ситуация сложилась и у социал-демократов. Сегодня я и мои коллеги были приглашены на заседание Центрального Комитета, и здесь Чернов, Зензинов и другие стали нас уговаривать:

– Мы считаем, что должны вас предостеречь от того чересчур консервативного направления, в каком вы ведете «Волю народа». От имени Центрального Комитета мы требуем, чтобы вы сделали свою газету менее патриотичной и более радикальной или же откажитесь от членства в партии. В любом случае ваша газета должна снять наш партийный лозунг «В борьбе обретешь ты право свое»[10*].

– Дорогие друзья, – усмехнувшись, сказал я, – в каждом выпуске вашего «Дела народа» вы публикуете явно противоречащие друг другу статьи. В каждом решении, которое вы принимаете, вы показываете такую же несовместимость. Ваш пример не очень хорош для подражания. Лозунг партии мы не снимем, поскольку у нас столько же прав выражать мнение партии, сколько и у вас. Вы

можете уйти в отставку, если вам этого хочется, но не можете заставить нас поступить так же. Будьте здоровы.

Жизнь в Петрограде становится все труднее и труднее. Беспорядки, убийства, голод и смерть стали обыденными явлениями. Мы ждем очередного извержения, отчетливо осознавая, что оно неизбежно. Вчера на публичном митинге я вел полемику с Троцким и мадам Коллонтай. Что касается этой женщины, то, несомненно, ее революционный энтузиазм – не что иное, как опосредованное удовлетворение ее нимфомании. Несмотря на ее многочисленных «мужей», Коллонтай, сначала – жена генерала, позднее – любовница дюжины мужчин, до сих пор не насытилась. Она ищет новые формы сексуального садизма. Мне хотелось бы, чтобы ее понаблюдали Фрейд и другие психиатры. Она, конечно, оказалась бы редким объектом для них.

Что касается Троцкого, то если сложатся благоприятные условия, он, безусловно, достигнет высокого положения. Этот театральный бандит – настоящий авантюрист. Его товарищи по социал-демократической партии (меньшевики) отзываются о нем так: «Троцкий на каждый митинг приходит со своим креслом. Сегодня он сидит с одной партией, завтра – с другой». В настоящее время его кресло – в рядах коммунистической партии. Что ж, с точки зрения авантюриста, делающего карьеру, это не противоречит здравому смыслу. Большевики, вероятно, дадут ему все, к чему он столь страстно стремится.

Глава шестая

ВЗРЫВ

Июль–сентябрь 1917

3–5 июля 1917 года. Извержение вулкана началось. Днем третьего числа, когда послеобеденное заседание крестьянского Совета было в самом разгаре, нас по телефону вызвали в Таврический дворец на совместное заседание с Советом рабочих.

– Приезжайте как можно скорее, – настоятельно просили нас, – большевики устроили новый мятеж.

Мы отправились немедленно. На Сергиевской улице все было спокойно, но, как только мы свернули на Литейный, мы увидели несколько больших грузовиков, полных вооруженных солдат и матросов с пулеметами, бешено мчавшихся по направлению к Таврическому дворцу. Мятежники останавливали и захватывали частные автомобили. Мы увидели взбунтовавшийся полк, пересекающий Литейный мост, и совсем близко от нас услышали выстрелы из винтовок. Революция опять проголодалась и требовала человеческих жертв. Около ворот своих домов стояла группа напуганных горожан, переговаривающихся шепотом. Улицы, прилегающие к дворцу, и его обширный внутренний двор были заполнены солдатами и матросами из Кронштадта, а с платформы автомобиля на них обрушивал поток своего дешевого красноречия Троцкий:

– Товарищи матросы, вы – гордость и слава русской революции! Вы – ее главные зачинщики и лучшие защитники. Своими героическими деяниями, своей преданностью коммунизму, своей безжалостной ненавистью и поголовным истреблением всех эксплуататоров и врагов пролетариата вы вписали бессмертные страницы в историю революции. Теперь перед вами стоит новая задача – довести революцию до конца, построить царство коммунизма, установить диктатуру пролетариата и начать мировую революцию. Великая драма началась. Нас ожидают победа и вечная слава. Пусть трепещут наши враги! Никакой жалости к ним, никакой пощады! Обрушьте на них всю вашу ненависть. Уничтожьте их раз и навсегда!

В ответ на эту речь раздался дикий звериный рев.

С большим трудом мы все-таки пробились во дворец, где в зале заседаний Думы нашли многих представителей Совета рабочих депутатов и членов социал-демократической партии. Атмосфера была чрезвычайно напряженной.

– Это ужасно! Это преступление против революции! – кричали лидеры левых.

– Ах, глупцы! – орал Чернов Камкову-Кацу и Шнейдеру, лидерам левого крыла партии эсеров, своим собственным ученикам. – Что вы наделали? Вы понимаете, что вся кровь, которая сегодня прольется, будет на ваших руках?

Ученики иронично улыбались.

– Мы сделали именно то, – возражали они, – чему вы нас учили и что вы боитесь сделать сами.

И они были правы. Ученики Чернова просто настаивали на доведении до конца его теорий. В то время как Чернов, Чхеидзе, Дан, Церетели и Гоц стояли бледные и охваченные ужасом, шум снаружи становился все более сильным и неистовым, и в самый его разгар в здание с победоносными улыбками ворвались Троцкий, Луначарский, Зиновьев и другие большевики. «Ну что, кто победил на сей раз?» – было написано на их торжествующих физиономиях. Так, под звуки ружейный выстрелов и громкие демонические крики, доносящиеся с улицы, Чхеидзе открыл заседание Соединенных комитетов двух Советов – рабоче-солдатского и крестьянского.

– От имени руководителей Советов, – сказал Дан, – предлагаю вынести постановление, согласно которому здесь останутся только те члены Совета, которые поклянутся подчиниться его решениям, которые осознают, что его власть верховная, и не станут отрекаться от высшего органа русской революции, не предпримут попытки свергнуть или хотя бы подвергнуть его нападкам. Во-вторых, все члены Совета, присутствующие здесь, должны присягнуть, что сделают все от них зависящее – даже умрут, если это от них потребуется, – чтобы подавить этот преступный бунт против Советов и революции. Те, кто не пожелает дать такую клятву, пусть немедленно удалятся из зала.

На какой-то момент воцарилась полная тишина, затем раздались оглушительные аплодисменты. Вокруг себя я видел бледные лица депутатов. Слышал пылкие приглушенные возгласы: «Да, мы готовы умереть». Какое-то трагическое и героическое ощущение охватило всех нас. Окруженные разнузданной толпой, под грохот артиллерии и треск пулеметов, охраняемые лишь двумя солдатами, стоящими на карауле у дверей зала, члены Совета впервые поднялись до таких высот величия и благородства, когда человек действительно готов победить или умереть.

В следующий момент кто-то из большевиков, интернационалистов и левых эсеров, предводительствуемых Троцким, Луначарским, Гиммером и Камковым, прорвались к трибуне.

– Мы протестуем! – кричали они в один голос. – Посмотрите на море рабочих и солдат, собравшихся вокруг этого здания. От их имени мы требуем, чтобы Совет объявил Временное правительство низложенным. Мы требуем, чтобы вся власть перешла к Советам. Мы требуем, чтобы война была закончена немедленно. Мы требуем установления диктатуры пролетариата, отмены капиталистического строя и введения вместо него строя коммунистического. Если вы не согласитесь на это добровольно, мы заставим вас силой. Время колебаний прошло. Вы должны подчиниться требованиям революционного пролетариата.

К этому сводилась суть их речей. Большевики, чувствуя себя победителями, больше не апеллировали к Совету – они издавали приказы. Стараясь сдержать свой гнев и негодование, члены Совета слушали их молча.

– Чего же вы все-таки требуете? – спросил председательствующий. – Диктатуры Совета или вашей собственной диктатуры над Советом? Если первого, то перестаньте угрожать, садитесь на свои места, ждите решения Совета и подчиняйтесь ему. Если же, наоборот, вы добиваетесь диктата над Советом, то почему вы здесь находитесь? Неужели вы считаете нас такими трусливыми, чтобы запугать нас угрозами, или столь беспринципными, чтобы отдать бразды правления Советом в ваши руки? Ни у кого в этом зале нет никаких сомнений относительно ваших намерений. Ваша цель – не «вся власть Советам», а «вся власть вам в Советах». Для этого вы занимались подстрекательством невежественных и введенных в заблуждение масс. Для этого вы пытаетесь развязать гражданскую войну. Что ж, мы принимаем ваш вызов. Уходите и делайте свое черное дело.

Таким был наш ответ большевикам. После нескольких минут колебаний они с шумом удалились, и резолюция Дана была единогласно принята.

Пламенные речи произносились одна за другой. Время от времени они прерывались дикими слухами и новостями, поступавшими снаружи, которые руководители Совета пытались проверить, посылая запросы в войсковые части в Петрограде и на фронте. В Петрограде сделать это было достаточно сложно, а связаться с армией на фронте казалось иногда совершенно невозможным. Тем временем толпа снаружи переросла в плотную толчею. Выступающие большевики призывали ее взломать двери дворца и разогнать Совет. Голова у меня раскалывалась от напряжения в душной атмосфере зала, и я вышел во двор перед зданием Думы. В серых сумерках июльской ночи я увидел бушующее море солдат, рабочих, матросов... Здесь и там стояли пушки и пулеметы, нацеленные на дворец, повсюду развевались красные знамена, доносились звуки непрерывной стрельбы. Все это походило на сумасшедший дом. Толпа, требующая «Вся власть Советам!», одновременно с этим наводила на Советы артиллерийские орудия, угрожая им смертью.

Как только меня узнали, я оказался окруженным толпой, засыпавшей меня острыми вопросами и свирепыми угрозами. Я пытался объяснить толпе, что Советы не могут взять на себя всю полноту власти, поскольку требования большевиков невыполнимы. Я пытался растолковать им, какие бедствия могут произойти из-за их максимализма. Но я разговаривал не с толпой, а с чудовищем. Глухой к любым доводам, свихнувшийся от ненависти и слепой ярости, этот монстр просто громко и тупо выкрикивал идиотские лозунги большевиков. Никогда не забуду лиц, мелькавших в этой обезумевшей толпе. Они потеряли всякий облик человеческий, превратившись в настоящих зверей. Толпа вопила, пронзительно кричала и яростно грозила кулаками:

– Члены Совета продались капиталистам!

– Предатель! Иуда! Враг народа!

– Смерть ему!

Я сумел-таки перекрыть этот многоголосый гул:

– И что же? Моя смерть даст вам землю или наполнит ваши пустые желудки?

Странно, но это вызвало у некоторых из этих животных взрыв смеха. С какой легкостью у толпы одно настроение сменяется другим!

– Сейчас я пойду обратно и посмотрю, что делают Советы, – прокричал я, перекрывая их голоса.

– Возвращайся, – закричали они в ответ, – и скажи им, что мы не уйдем, пока Совет не возьмет всей власти!

В зале заседаний Думы по-прежнему звучали бесконечные речи... К рассвету некоторые члены Совета обессилели и заснули от изнеможения. Другие, пошатываясь от усталости, продолжали разглагольствовать. Толпа по-прежнему стояла на улице, став еще сильнее благодаря вновь прибывшему многочисленному подкреплению. Мятежные солдаты захватывали одну стратегическую позицию за другой. Только несколько казачьих полков и две или три армейские роты оставались верными правительству, но даже среди них было много таких, что проявляли нерешительность и колебания. Последней надеждой Советов и правительства было сообщение с фронта, которое гласило: «Вам послано подкрепление».

Поощряемая Зиновьевым и другими большевиками, толпа начала выкрикивать имена Чернова и Церетели. Еще несколько дней назад эти двое были народными идолами, но сейчас они стали объектами сильнейшей ненависти. Бледный, но бесстрашный Чернов вышел и сделал попытку обратиться к толпе. Но в него вцепились десятки рук, и, если бы не вмешательство Троцкого, его разорвали бы на части[1*]. С каждым часом ситуация становилась все более отчаянной. Около полудня в зал ворвалась толпа примерно в две сотни человек, которые заявили, что они представители рабочих и явились в Советы как его полномочные члены. Совет отказался признать их, после чего дворец наполнился бранью, криками и ревом. Члены Совета пытались восстановить порядок, но матросы, толпившиеся на балконах, свистели, улюлюкали, наставляли на них дула своих винтовок. Раздался одиночный выстрел, после которого в зале начался настоящий бедлам.

Чхеидзе прокричал во всю мощь своих легких:

– Члены Совета! Сядьте и успокойтесь! Я тоже займу свое место и не покину его. Пусть эти хулиганы орут, пока им не надоест. Посмотрим, кто кого пересидит.

Эти слова, произнесенные с кавказским акцентом, полусердито, полуиронически, восстановили внешний порядок. На минуту стало относительно тихо.

– Теперь, – воскликнул овладевший собой Чхеидзе, – когда вы перестали бесноваться, я хочу объявить, что теперь самое время перекусить. Конечно, если есть чем. Немного подзаправившись, вы сможете поспокойнее отнестись к этому кризису. Я объявляю перерыв до четырех часов, члены Совета должны, однако, оставаться в здании или во дворе.

Члены Совета, «уполномоченные от народа» и зрители быстро покинули зал. Тем временем в зал заседаний поступила новая информация. На Литейном между казаками и мятежниками произошла перестрелка, есть раненые с обеих сторон. Отряды большевиков, встретив отпор со стороны верных правительству войск, начали укрываться на верхних этажах и чердаках зданий. Дело в том, что в Петроград на подавление мятежа прибыл отряд самокатчиков[2*]. Более того, два казачьих полка и те броневики, что еще оставались в Петрограде, выдвинулись для защиты Совета.

В зале заседаний Думы ситуация тем не менее оставалась сложной. Стрельба зазвучала чаще, чем ночью, и пули очень часто попадали в стены здания. Измученный бессонной ночью, я снова вышел в дворцовый сад. Здесь я увидел три броневика. За или против нас? Против, разумеется. Солдаты и матросы с винтовками толпились в саду. Внезапно раздался громкий взрыв, и все эти доблестные вояки со страху попадали ничком на землю. Громко застрочил пулемет, и засвистели пули.

Вдруг все смолкло – так же внезапно, как и началось, и испуганные солдаты и матросы поднялись на ноги, несколько смущенные. Панику вызвали сами большевики. Один из их солдат уронил ручную гранату, убившую несколько человек. Решив, что их атакуют части, поддерживающие правительство, большевистские пулеметчики открыли беспорядочный огонь, убив еще больше людей. После чего некоторые бунтовщики решили разойтись по домам.

В пять часов дня Совет собрался снова, пришли и депутаты-большевики со своими последователями. Они знали, что настал момент, когда они должны либо победить, либо быть побежденными, и, чтобы победить, они готовы были прибегнуть к крайним средствам. Но как раз в тот момент, когда один из них гремел на трибуне, произнося речь, полную кровавых угроз, дверь распахнулась, в зал вошли трое офицеров в пропыленной и запачканной форме и устремились к Чхеидзе, сидевшему в президиуме. Небрежно козырнув, они повернулись к залу, и старший из офицеров обратился к группе большевиков с такими словами:

– В то время, как русская армия, не жалея живота своего, защищает страну от врага, вы, солдаты и матросы, никогда не видевшие войны, лоботрясы и предатели, день и ночь занимающиеся злобной болтологией, авантюристы и дезертиры, что делаете вы здесь? Вместо того чтобы драться с вторгшимся к нам врагом, как подобает мужчинам, вы убиваете мирных граждан, устраиваете беспорядки, помогаете врагам и встречаете нас, воинов великой русской армии, пулеметами и пушками. Какая мерзость! Но все ваши козни тщетны. Я, командир полка самокатчиков, сообщаю вам, что мои подразделения вошли в Петроград. Ваши повстанцы рассеяны. Ваши пулеметы в моих руках. Ваши бойцы, такие смелые против невооруженных горожан, столкнувшись с настоящими солдатами, бежали, как трусы, каковыми они и являются. И я предупреждаю вас, что всех, кто сделает хотя бы попытку продолжить этот мятеж или попробует взбунтоваться еще раз, мы перестреляем, как собак.

Повернувшись к председателю и козырнув ему еще раз, он добавил:

– Имею честь доложить Совету, что мы находимся в его распоряжении и распоряжении правительства и ждем их приказаний.

Взрыв бомбы вряд ли произвел бы такой эффект. Бешеные, радостные аплодисменты, с одной стороны, вопли, стенания, проклятия – с другой. Что касается Троцкого, Луначарского, Гиммера, Каца и Зиновьева, то они, как выразился один мой товарищ, «скуксились, как черт от святой воды». Кто-то из них пытался было что-то сказать, но ему тотчас же заткнули рот. «Вон отсюда! Убирайтесь!» – кричали им члены Совета, и большевики покинули зал, а следом за ними удалились и их сторонники.

Спустя полчаса коридоры и залы дворца наполнили звуки военной музыки. В Думу вошли два полка петроградского гарнизона в полном вооружении. Большевики явно потерпели поражение, а силы порядка победили еще раз. После того, как толпы были быстро рассеяны, мятежных солдат разоружили и посадили под арест. Около двух часов утра я добрался домой, повалился на кровать и тотчас же заснул.

5–6 июля 1917 года. Сегодняшние газеты опубликовали документы, свидетельствующие о том, что перед возвращением в Россию большевистские лидеры получили крупные суммы денег от немецкого генерального штаба[3*]. Новость вызвала всеобщее негодование.

– Изменники! Немецкие шпионы! Убийцы!

– Смерть им! Смерть большевикам!

Так ревела и бесновалась толпа, которая не далее как вчера точно с такой же страстью жаждала крови врагов большевиков. Настроение общественности изменилось столь радикально, что теперь защищать от насилия было необходимо уже большевистских лидеров. Стеклов-Нахамкес, как и некоторые другие, чтобы спасти свою жизнь, сдался властям добровольно. С целью не допустить самосуда над матросами из Кронштадта, Чайковскому и мне поручили сопровождать их из Петропавловской крепости до кораблей, на которых они служат. Понимая, какая участь их ждет, если они попадут в руки переменчивой толпы, «гордость и слава революции», как Троцкий называл их не далее как пару дней назад, теперь, как собаки, «поджали хвосты» под крики и ругательства уличных зевак.

От моей жены, находившейся в Самаре, пришла телеграмма: «Ты жив? С тобой все в порядке?» Конечно, со мной все в порядке.

Сегодня были арестованы Троцкий, Коллонтай и еще кое-кто. Ленин и Зиновьев бежали[4*]. Теперь вопрос в том, что делать дальше? Мы, умеренные, некровожадны, тем не менее для того, чтобы предотвратить повторение таких бунтов, мы должны проявить большую твердость. Если необходимо казнить несколько тысяч бандитов, чтобы спасти миллионы жизней русских людей, мы должны

быть готовы сделать это. Совет склонен быть более терпимым, но разве не прав был Наполеон, сказавший однажды: «Если о правителе говорят, что он слишком добр, значит царствование его не удалось»[5*]. Я же считаю, что терпимость при таких обстоятельствах – не что иное, как слабость.

Бунт подавлен, но ничего не сделано, чтобы запретить подстрекательство к нему и наказать мятежников.

Проходя через Фонтанку, на углу Невского проспекта я услышал такой разговор:

– Товарищи, я объездил весь свет, видел все страны, и вот что скажу вам: если всю землю разделить поровну, то каждому человеку достанется не меньше двухсот десятин. Что же, поделим землю?

– Да, да! Поделим землю! – закричала толпа.

– Я был во всех странах, товарищи, я изучал экономику и скажу вам, что если поделить все деньги, какие есть в мире, то каждый получит не меньше десяти тысяч рублей золотом. Что вы на это скажете, товарищи?

– Замечательно! Браво! Ура!

– Я был во всех странах, видел все народы, но таких ослов, как вы, не видел нигде. Что вы скажете по этому поводу, товарищи мои тупоголовые?

В толпе опять раздались смех и аплодисменты.

Впоследствии я бывал свидетелем других столь же характерных сцен. Вот выступает большевик, одетый в солдатскую форму, а на груди у него сияет медаль. Он страстно поносит царя, аристократов, офицеров, громко призывает к отмене всех наград и привилегий, всех знаков различия.

– А что же ты сам носишь медаль на груди? – поинтересовался кто-то.

– О, эта медаль – совсем другое дело, – ответил оратор. – Мне ее сам царь вручил за военную службу.

Толпа на эти его слова засмеялась, и я засмеялся со всеми.

Каждый уравнитель хочет равенства только как отмены чужих привилегий. А как только дело касается его самого, он уже сторонник неравенства. Какой яркий штрих к человеческой комедии!

Мне предложили занять один из трех постов при Временном правительстве: помощника министра внутренних дел, директора русской телеграфной службы и секретаря премьер-министра Керенского. Подумав, я решил быть секретарем, хотя и сомневаюсь, что в нынешних обстоятельствах принесу большую пользу стране. Тем не менее в качестве помощника Керенского сделаю все от меня зависящее. Керенский теперь обосновался в Зимнем дворце, хотя почему он поселился во дворце, а не на частной квартире, я не знаю. Боюсь, что это может послужить поводом для неприятных сплетен, хотя другие, и среди них Брешковская, тоже живут во дворце; Брешковская – в двух скромных комнатах, Керенский занимает три или четыре. Прежние царские слуги тоже остаются во дворце.

Они вежливы и почтительны и, по-видимому, не считают нас за бесцеремонных самозванцев и выскочек. Хотя, по правде сказать, мы ведем себя довольно тихо. Возможно, если бы мы вели себя не так скромно, это больше производило бы впечатление власти и стабильности.

Выработка закона о выборах в Учредительное собрание почти завершена. Закон в высшей степени демократичен, предусматривает прямо пропорциональное представительство – только сдается мне, что он столь же подходит для нашей несчастной России, как фрак для лошади.

За несколько дней до того, как я приступил к обязанностям секретаря Керенского, произошло событие, которое глубоко потрясло всех нормальных русских людей, даже тех, кто много лет служил делу революции. Я имею в виду высылку царя Николая II и его семьи в Тобольск[6*]. Сделано это было тайно, но за несколько дней до того мой старый друг и соратник господин Панкратов зашел в редакцию «Воли народа» и поведал мне, что назначен начальником охраны императора, которая будет сопровождать царя в ссылку. Панкратов был старым революционером, проведшим двадцать лет своей жизни в тесном каземате Шлиссельбургской крепости. Несмотря на это, он был чрезвычайно гуманным человеком и к царю, как и к старому режиму, относился без малейшей враждебности. Поэтому я был рад, что такой выбор пал именно на него и был уверен, что он сделает все от него зависящее, чтобы члены императорской семьи чувствовали себя настолько комфортно, насколько это только возможно в их положении. Мотивы ссылки никоим образом не были злонамеренными. Напротив, я знаю, что именно Керенский хотел, чтобы царская семья была отправлена в Англию. Его план не осуществился лишь потому, что на это не согласился Совет. Именно экстремисты из Совета – особенно Стеклов, Гиммер, Мстиславский, Соколов и другие левые депутаты – несут ответственность за то самое плохое, что выпало на долю царя во время его заключения в Царском Селе. В конце концов его положение там стало чрезвычайно опасным, и, если бы июльский мятеж продолжался еще хоть несколько дней, я уверен, что большевики непременно убили бы его. Было совершенно необходимо отослать семью в какое-нибудь такое место, где их жизнь была бы в безопасности, и в то же время прекратились бы споры с экстремистами по поводу безопасности революции. В Тобольске в то время революционных настроений почти не было и совсем не было фанатизма, так что под охраной, возглавляемой Панкратовым, жизни царской семьи ничто не угрожало.

– И все же, – сказал Панкратов, – если большевики когда-нибудь одержат верх, один Бог знает, что может случиться.

Панкратов считал, что если случится самое худшее, то можно будет отправить царскую семью за границу через Сибирь.

Глава седьмая

НОВЫЕ КРИЗИСЫ

Наряду с телеграммами от городов, земств, крестьян и рабочих, выражающих преданность правительству, поступают сообщения о забастовках на заводах, солдатских бунтах и анархических настроениях среди крестьян. Все это я читаю и наиболее важные сообщения передаю Керенскому. Однако пользы от этого почти никакой, так как Керенский практически не занимается конструктивной работой, а вместо этого составляет резолюции, с которыми правительству нечего делать. Колеса государственной машины крутятся вхолостую. Иногда я чувствую симпатию к Керенскому, иногда злюсь на него. Как человек он честен, искренен и готов отдать свою жизнь ради блага страны. Но он некомпетентен, безволен, не имеет четкой позиции. Он ничего не знает об искусстве управления и воображает, что делает большое дело, когда пишет бумажные планы по отмене смертной казни в условиях войны и революции. Насилие, принуждение и жестокость ненавистны ему, и он верит, что вполне можно управлять с помощью добрых слов и возвышенных чувств. Больше всего он, по-видимому, упивается сознанием собственной чистоты, человечности и высокого идеализма. Хороший человек, но слабый руководитель, типичный представитель русской интеллигенции.

Я пришел к выводу, что принесу наибольшую пользу, если львиную часть времени буду посвящать газете и Совету, оставляя для работы в Зимнем дворце один или два часа в день.

Прошло несколько дней, и я убедился, что это мое решение вполне оправданно, ибо постепенно приближался новый кризис. Опять бессонные ночи, бесплодные дискуссии и бесконечные перестановки в правительстве. Чтобы добиться хоть некоторой стабильности, решено было созвать в Москве Всероссийскую конференцию всех социальных сословий, групп и организаций[1*]. Эта конференция вряд ли даст серьезные результаты, но... Правительство объявило большевистскую газету «Правда» вне закона и наконец-то добилось выселения анархистов из захваченных ими особняков[2*]. В то же время эти особняки (или некоторые из них) заняли другие элементы – консервативные граждане, капиталисты, патриоты, военные и интеллигенты, которые, как и радикалы, почти не скрывают своего презрения к правительству. Новый центр общественных сил призван положить конец анархии. Дай Бог, чтобы это не было слишком поздно.

Несколько часов тому назад мы выехали из Петрограда в Москву для участия во Всероссийской конференции[3*]. Утром перед отъездом у меня произошел весьма интересный разговор с Керенским. Когда я вышел из своей комнаты в Зимнем дворце и направился к его кабинету, находившемуся за стеной, то встретил профессора Кокошкина, государственного контролера, как раз закончившего деловую встречу с Керенским. Видя, что он чем-то взволнован, я спросил:

– В чем дело, что случилось?

Безнадежно махнув рукой, он ответил:

– Мы, министры, члены партии кадетов, только что все вместе подали в отставку. Мы не можем больше работать в таких условиях.

– Но ведь это означает новый правительственный кризис, – запротестовал я.

– Да, это так. А может быть, и что-то более серьезное, – пробормотал он и удалился.

Войдя к Керенскому, я обнаружил, что он мечется по кабинету в сильном волнении.

– Это ужасно! – воскликнул он. – Уйти в отставку буквально за день до Конференции – это же настоящее преступление. Вы видели Кокошкина?

– Да, только что встретил его.

– Он передал мне заявление об отставке от имени всех министров-кадетов, – выложил мне премьер-министр.

– Какие же причины он назвал? – спросил я.

– Причины! Да ведь эти люди требуют немедленной милитаризации железных дорог, жесточайшей дисциплины в армии, ограничения вмешательства Совета в работу правительства и даже, если понадобится, роспуска Совета. Короче говоря, они считают, что нужна диктатура. Это, может быть, не так уж и плохо – если бы только была возможность ее установить, но у меня сомнения на сей счет. На самом деле это совершенно невозможно. Где мы найдем силы, чтобы осуществить такой план? Нигде. Они обвиняют меня в бездействии, они думают, что я цепляюсь за власть. Глупцы! Да если бы я только мог уйти в отставку, убежать от всего этого и укрыться в какой-нибудь тихой деревушке, я был бы самым счастливым человеком на свете. Но кому бы я мог передать свой пост? Где такой человек? Я знаю, что они плетут интриги против правительства. На днях такой же самый план мне предлагал Савинков, потом Корнилов, а теперь вот Кокошкин. Бог свидетель, если бы я имел хоть малейшую возможность его реализации, я бы всей душой был за. Но я знаю, что первая же попытка осуществить его закончилась бы новыми и еще более страшными восстаниями.

– Наверное, так и будет, – согласился я, – но какой же выход вы видите из сложившейся ситуации? Если так будет продолжаться, то обязательно закончится анархией и хаосом.

– Я это прекрасно понимаю, – сказал Керенский, – но уверен, что их план закончится анархией сразу же. Если же мы потянем время, то, может быть, и найдем какое-то решение. По крайней мере, министрам следовало бы подождать результатов Московской конференции.

И воскликнул:

– Ах, если бы вы знали, как я устал от всей этой безнадежной борьбы, устал смотреть на то, как страна все ближе и ближе подходит к пропасти!

– А что если мы, – сказал я, – прекратим войну, дадим землю крестьянам, пойдем на все уступки трудящимся классам? Может быть, тогда мы смогли бы избежать конечной катастрофы?

– Все это тоже невозможно, – ответил он стоном отчаяния. – Сепаратный мир был бы позором. Нет, нет. Лучше погибнуть с честью, чем сгинуть бесславно.

Глубоко потрясенный, я оставил Керенского одного в его кабинете. Яснее, чем когда-либо, я понял, что глава государства не знает, в каком направлении ему двигаться. Ничего, кроме краха, не могло произойти из-за такой нерешительности. Москва временно могла помочь в такой ситуации. Я надеялся на это всей душой.

Я пишу эти заметки, когда поезд, рассекая ночь, спешит в Москву. Настроение безрадостное. Бедная моя страна, куда несешься ты? Кто может спасти тебя от распада? Я никого не вижу, совсем никого.

Москва. Чудо Кремля, старинных церквей, дворцов, древних памятников. Из своего окна я вижу столетия русской истории. Что за страшное время русской истории мы переживаем сегодня, когда все традиции, все национальные идеалы как ветром сдуло. Большие и страшные события случались в Москве. Перед моим мысленным взором встает сначала небольшое древнее городище, потом город под игом татар. Я вижу, как Русь постепенно складывается в нацию, сбрасывает иго восточных тиранов, строит сильное и независимое государство, создает национальную культуру. Затем приходит анархия семнадцатого столетия, сопровождаемая, как и сейчас, кровопролитием, мятежами, иностранным вторжением, голодом, людоедством, смертью. Но, когда казалось, что нет уже никакой надежды, Россия воспрянула с новой силой, ожила, наполнилась новым национальным духом. Как далека от нас та эпоха и как она похожа на то, что происходит сейчас. Здесь, на этих вот улицах, в этих самых дворцах, происходили самые кровавые события за всю нашу историю. Вот правит здесь вместо царя какой-то русский проходимец. Здесь его и убили. Здесь строили свои козни и бесчинствовали анархисты и экстремисты того времени, слепая и опьяненная толпа. Сюда слетелись иностранцы и авантюристы всех стран. Но здесь же Минин и Пожарский, сокрушив банду и освободив Москву от проходимцев, восстанавливали порядок и единство. Кажется, что со своего великого впечатляющего

монумента они, как и встарь, говорят нам: «Если понадобится, то, чтобы спасти страну, мы даже жен и детей своих продадим»[4*]. Им не пришлось их продавать, но Россию они спасли. Где теперь спасители России? Есть ли они или мы снова должны, как во тьме семнадцатого столетия, пережить годы ужаса и страданий?

У меня нет ответа на мои печальные размышления. Я не вижу никакого сильного лидера. Всем сердцем я верю, что Россия не останется навсегда игрушкой дьявола, нет, не после ее тысячелетнего существования. Мы не обречены на уничтожение. Пусть анархия делает свое черное дело. Пройдя, если это неизбежно, через сверхчеловеческие страдания, моя страна выживет и, как в семнадцатом столетии, наберется в конце концов умственных и духовных сил, чтобы снова подняться. Появятся великие лидеры... Бой кремлевских курантов прервал мои тревожные думы... «Коль славен наш Господь…»[5*]

Душа моя наполнилась верой, которой не страшны никакие беды, я отвернулся от окна и почти с надеждой пошел на открытие конференции. Большой театр в Москве, где проводилась конференция, был набит битком. Правая сторона зала была занята представителями «капиталистических» групп и высшими армейскими чинами. Слева сидели члены Совета, крестьяне и рабочие. Большевики своих представителей на конференцию не направили.

Керенский открыл заседание речью почти истеричной по своему тону. Он обличал как левых, так и правых заговорщиков, грозил беспощадно расправиться с ними, но за его угрозами не ощущалось никакой силы. «Гамлет мечется из стороны в сторону»[6*] – такое впечатление складывалось о Керенском[7*]. Выступали представители многих партий, и возникала, по крайней мере, видимость гармонии. Так, лидер левого крыла Церетели и Бубликов, видный представитель буржуазии, торжественно обнялись в знак союза обеих партий[8*]. Многие сентиментальные люди казались глубоко растроганными. Были разыграны и другие чувствительные сценки, другие эпизоды, как комичные, так и трагические, но конечный результат оказался нулевым.

Самым серьезным результатом Московской конференции стали жаркий спор и окончательный разрыв между Керенским и генералом Корниловым. Приезд генерала Корнилова в Москву вызвал бурю восторгов, а когда он появился на Конференции, вся правая сторона зала поднялась и приветствовала его оглушительными аплодисментами. Левая, наоборот, осталась сидеть, причем некоторые делегаты даже освистали командующего русской армией. Сделано это было по желанию Керенского, если не по прямому его указанию. Он, несомненно, ревновал к Корнилову, и эта его ревность привела к катастрофическому расколу конференции, чего не могли прикрыть никакие демонстративные объятия делегатов. Корнилов в длинном и хорошо продуманном выступлении четко заявил, что армия дезорганизована, и попросил полномочий для восстановления дисциплины, введения суровых наказаний для всех дезертиров и работников военных пред-

приятий. С этим Керенский молчаливо согласился, но в своей прочувствованной речи, в которой выражал ужас и раскаяние за свою «слабость», выразившуюся в одобрении смертной казни даже для дезертиров с поля боя, сделал много, чтобы развеять эффект, произведенный призывом Корнилова. Каждый мог понять, что этот антагонизм между Керенским и Корниловым, т.е. между премьер-министром и руководителем армии, непременно обернется величайшим несчастьем для государства. Кончилась конференция, и энтузиазм испарился, трения между правыми и левыми остались такими же, как и были. Что касается трудящихся классов Москвы, то они показали свой моральный облик, призвав ко всеобщей забастовке в то время, когда конференция еще работала. Все закончилось резолюцией о созыве Демократического совещания в Петрограде. Еще одна конференция! Безумие!

Из Москвы я отправился в Вологду, чтобы организовать кампанию по выборам в Учредительное собрание[9*]. Крестьянские сходы в трех уездах Вологодской губернии единогласно выдвинули меня в депутаты, и то же самое сделала партия эсеров в Вологде[10*].

На железнодорожном вокзале в Москве я столкнулся с трудностями как при покупке билета, так и при получении места в вагоне и снова имел возможность наблюдать разрушительную тенденцию в умах людей. Я услышал, как какой-то человек сказал:

– Жаль, что железнодорожники не устроили всеобщей забастовки. Если бы они ее устроили, то делегаты конференции и этого буржуазного совета не выехали бы из Москвы.

В Вологде состояние умов было гораздо лучше. Хотя и здесь большевизм имел некоторое влияние, но большинство населения, и особенно крестьяне, было настроено против большевиков. Я произнес множество речей, посетил местные конференции крестьян и, дав все необходимые указания, поехал домой, чтобы по пути заехать в Саратов, где жили родители моей жены. Перед отъездом из Вологды я имел разговор с г-ном Элиавой, который вдруг примкнул к большевикам. Я спросил его о причинах, и он так смутился, заговорил так путано и бессвязно, что я сказал:

– Не надо изобретать мотивы. Ты уверен, что большевики на подъеме, и хочешь обеспечить себе и жизнь, и карьеру. Разве это не причина?

– Наверное, да, – согласился он.

Поезд на Саратов был переполнен тем же самым буйным, бесцеремонным и грязным элементом. Видимо, они могли изъясняться только на гадком и непристойном языке. Как я ни старался, но я не мог не слышать их разговор.

– Э, пусть офицеры воюют сами с собой, – говорил какой-то неопрятно одетый солдат. – Мне все равно, кто выиграет войну. Это имеет значение только для кучки капиталистов.

– А как же Россия? Кто ее защитит от вторжения? – спросил его один старик-крестьянин.

– Ну, мой дом от фронта далеко, – отвечал этот патриот. – Немецкая армия до моей деревни никогда не дойдет. Пусть воюет, кто хочет. А я не хочу, вот и весь сказ.

– Однако в прежние времена наши солдаты рассуждали иначе, – упорствовал крестьянин. – Я темный старик и не понимаю этой революции, но сдается мне, – махнул он рукой, – что плохо все это кончится. Плохо, плохо, – повторял он словно бы самому себе.

Поездки в эти дни сопровождались чрезвычайными неудобствами. Ни я, ни мои соседи, стиснувшиеся в углу купе, не могли ни двигаться, ни выйти в коридор. С этим ничего нельзя было поделать, и мы оставались в таком зажатом положении до самой Москвы. Там я пересел на другой поезд. В суматохе кто-то украл мой небольшой саквояж, но это происшествие в том общем состоянии хаоса, в котором мы живем, показалось мне незначительным. Рано утром я подошел к дому наших родственников в Саратове. Какое счастье на два-три дня забыть о революции, пожить мирно, как живут нормальные люди, без политических собраний, мятежей, без бандитов и без убийц. Конечно, в Саратове был местный Совет, но очень умеренный и разумный. Мы гуляли с женой по берегу тихой реки под голубым небом, стояла замечательная осенняя погода, и все это очень меня освежило, я обновился и телом, и душой.

Снова Петроград, по-прежнему грязный, по-прежнему деморализованный и голодающий. Политическая ситуация стала еще хуже, и момент чтобы покончить с анархией, боюсь, уже окончательно упущен. Германская армия наступает, а наша – на краю гибели.

Солдатские депутаты шумят на пороге Совета: «Дайте нам мир, даже позорный мир. Мы не можем больше терпеть. Если вы не объявите мир, мы сами это сделаем». Большевики очень энергично ведут антивоенную пропаганду, замаскировав ее требованиями «хлеба, мира и свободы». От отчаяния все патриотические элементы страны объединились не только против большевиков, но и против Совета и призрачного правительства. Правительство фактически перестало функционировать. Надвигается новое бедствие.

Вот, наконец, и произошла катастрофа, случился гигантский катаклизм. 26 августа ее начал генерал Корнилов, двинув армию на Петроград с целью свергнуть Совет и правительство и провозгласить себя диктатором. Такой, по крайней мере, была версия событий у Керенского, мне же Корнилов представлялся не таким уж преступником.

– Это, должно быть, недоразумение, – говорил я Керенскому. – Разве не вы сами приказывали послать войска в Петроград, чтобы пресечь угрозу распространения большевизма? Безусловно, Корнилов только выполнял ваши приказы.

– Нет, Корнилов через Львова предъявил мне ультиматум.

– Не может быть, чтобы это было так, – настаивал я, – Львов что-то перепутал, не так понял.

– Нет здесь никакого недоразумения, – сказал Керенский. – Я пытаюсь добиться мирной договоренности, но в то же время я должен был объявить генерала Корнилова преступником и отдать распоряжение о мобилизации всех сил против него и призвать демократию подавить эту преступную попытку задушить свободу и революцию.

– Умоляю вас не действовать чересчур поспешно, – сказал я.

Но единственным ответом Керенского был безапелляционный приказ проинформировать Советы о его решении и потребовать от них помощи для пресечения попытки государственного переворота, якобы предпринятой Корниловым. Я вышел от него чрезвычайно встревоженный, глубоко потрясенный тем глубоким кризисом, с которым мы столкнулись. Я знал, о взаимоотношениях Керенского и Корнилова задолго до этого критического момента, знал, что антисоциалистически настроенная группа сторонников Корнилова находилась в непримиримой оппозиции к правительству Керенского, которое они считали виновным в том, что Россия так быстро стала распадаться. Керенский, со своей стороны, называл Корнилова и его сторонников государственными изменниками. Для защиты от большевиков начали было формироваться новые силы, но вместо того чтобы объединиться против общего врага, армия патриотов разделилась на три отдельных лагеря. Кто был в ответе за это? Чьим агентом был Львов? Я не мог этого решить, совершенно понятен мне был только страшный смысл этого раскола. При таких безнадежных разногласиях между правительством и Советами и при наличии крепко спаянных большевиков каковы шансы, что Корнилову удастся реорганизовать армию и контролировать ее? А если ему не дадут реорганизовать армию, тогда непременно восторжествуют большевики.

Не сделано было ничего. Были выпущены прокламации, противоречившие друг другу и опровергавшие друг друга, и Корниловский марш на Петроград начался. Большевики, конечно, были вне себя от радости. Какого еще подарка могли они просить у судьбы? В Совете шла лихорадочная деятельность. Был избран Верховный комитет по борьбе с контрреволюцией, состоявший из двадцати двух человек, в числе которых был и я[11*]. Характерно, что Комитет включил в свой состав несколько большевиков, и мы оказались в противоестественном положении, так как должны были вместе с красными подавлять патриотически настроенные силы. Эти члены комитета в первую очередь потребовали, чтобы из тюрьмы были выпущены их товарищи по партии: Троцкий, Коллонтай и другие, и, несмотря на мои энергичные протесты, это их требование было удовлетворено[12*].

Если в других случаях Совет был бессильным, то теперь он вдруг проявил энергию. Из Кронштадта были вызваны военные корабли и моряки, полковые

части выведены на огневые позиции, и масса пропагандистов была направлена навстречу корниловским войскам с целью их деморализации. Большевик Рязанов был одним из самых деятельных участников Верховного комитета, он писал прокламации и выпускал бюллетени. Кто-то из членов комитета однажды заметил: «Кто бы мог поверить, что Рязанов и Сорокин когда-нибудь будут работать вместе? Меня это, во всяком случае, обнадеживает».

Но меня это не очень-то обнадеживало. Единственное, что я понял, – это то, что революция, как и политика, иногда странным образом сводит вместе совершенно разных людей.

Армия Корнилова по-прежнему двигалась на Петроград, и были серьезные сомнения, смогут ли неорганизованные войска Советов справиться с закаленными ветеранами. Вооруженные силы революции – слабое оружие против хорошо обученных солдат, и мы больше надеялись на наших пропагандистов, чем на наших солдат и матросов. У населения приближение Корнилова вызывало и надежду, и страх. Некоторые считали генерала освободителем и спасителем, другие смотрели на него как на безжалостного диктатора. Перетрусившие члены правительства, озабоченные только личной безопасностью, какая бы партия ни победила, один за другим подавали в отставку. Из самых надежных соратников Керенского остались только социалисты Скобелев (министр труда) и Авксентьев (министр внутренних дел). Все остальные просто сбежали: одни подали в отставку, другие уехали без каких-либо объяснений. Я нашел Керенского сидящим в одиночестве в дальнем кабинете Военного штаба Петроградского округа, подавленного досадой и разочарованием. Вид у него был как у сироты, беспомощного и бездомного. Вчера правитель, сегодня развенчанный идол, он лицом к лицу столкнулся с крахом и отчаянием. Я подумал, что теперь он сожалеет о своих многочисленных ошибках, особенно об этой последней роковой ошибке – о своей ссоре с Корниловым, командующим армией, единственным, что еще осталось от могущества России. В этот миг я ощутил к Керенскому чувство острой жалости и выложил ему самые последние новости в максимально ободряющих тонах, заверяя его, что все еще наладится. По крайней мере Совет сделает все возможное, чтобы спасти положение.

Выйдя из комнаты, я столкнулся с Авксентьевым, министром внутренних дел.

– Господин министр, – обратился я к нему шутя, – как один из ваших верных сторонников, осмеливаюсь просить вашей защиты в случае, если Петербург будет взят генералом Корниловым. Хотя буду вам благодарен, если вы обеспечите меня надежным укрытием сегодня вечером и завтра днем.

– Я и сам не знаю, где такое место, – воскликнул он. – Сам ищу его. В любой момент жду ареста.

– А как насчет того, чтобы пойти ко мне домой? – спросил я. – Там, я думаю, мы оба проведем ночь в безопасности.

– Спасибо, я согласен, – ответил Авксентьев, и при виде министра и секретаря премьер-министра, оказавшихся в столь плачевном состоянии, мы оба рассмеялись.

Ночь прошла без происшествий, и на следующее утро Авксентьев пошел в свое министерство, а я – в Совет.

В Верховный комитет поступила информация, о том, что наша пропаганда оказалась настолько успешной, что войска Корнилова уже заколебались и выражают нежелание продолжать наступление на Петроград. Часа через два или три пришло вполне определенное подтверждение того, что в армии Корнилова назревает мятеж. На следующее утро генерал Крымов, командующий «контрреволюционными» войсками, явился к Керенскому и после короткого разговора вышел от него и застрелился. На мой взгляд, все дело Корнилова было трагедией. Его мотивы, так же как и мотивы Крымова, его главного помощника, были совершенно бескорыстными и патриотическими. Ни в коей мере они не были «контрреволюционерами». Теперь триумф большевизма стал всего лишь вопросом времени. Правительство, утратив доверие всех несоциалистических групп, висело теперь на волоске, и падение его было неизбежным, хотя оно все еще уповало на Демократическое совещание как на последнюю надежду.

После этого ситуация стала стремительно ухудшаться. Большевистских вождей освободили, армия их была наготове, и тысячи рабочих и преступных элементов ежедневно маршировали по улицам, вооруженные и оснащенные для борьбы. Из Кронштадта, Выборга и из других мест на фронте ежедневно приходили сообщения о массовых убийствах офицеров.

Демократическое совещание открылось в запланированный срок[13*]. Александринский театр заполнили участники. В то время как снаружи собиралась гроза, эти люди снова развлекались бесконечными спорами. Слушая дискуссию между Церетели и Троцким за и против коалиции с буржуазными классами, я хватался за голову и твердил себе: «Боже правый! Мы что – в Академии наук?»[14*] Повсюду люди, болтающие о партийной политике, а вокруг нас бушует ураган!

Рядом со мной сидела Мария Спиридонова, которая, несмотря на наши радикальные расхождения во взглядах, была моим другом.

– Вы хоть и консерватор, но симпатичны мне, – сказала она.

– Вы мне тоже, – ответил я, – но убежден, что вы и большевики собираетесь превратить страну в руины.

– Это почему же? Диктатура пролетариата и уничтожение капитализма должны принести народу счастье. Когда вы увидите, что это так, уверена – вы присоединитесь к нам.

– Более вероятно, что это вы, когда увидите катастрофические результаты своей политики, присоединитесь к нам, – по-дружески ответил я ей.

Большевики в течение всего совещания вели себя как хулиганы, постоянно прерывали выступающих и все время нагнетали атмосферу скандала. Это вызывало протесты с другой стороны, и совещание вскоре превратилось в подобие анархического собрания, на котором нет никакого порядка и никакой системы. Пока я выступал, шум становился все сильнее, и закончил я под гром аплодисментов с одной стороны и яростные крики с другой.

Керенский воспользовался случаем, чтобы сделать еще одну из своих знаменитых ошибок. Отвечая большевистскому оратору, обвинявшему его в восстановления смертной казни в армии, он сказал:

– Да, закон восстановил смертную казнь, но она вплоть до нынешнего дня еще ни разу не была применена и, хочу заверить вас, не будет применена и в будущем. На моих руках нет и не будет крови. Я не запятнан[15*].

Эта речь не возымела никакого результата, разве что нейтрализовала действие спасительного закона и ярко продемонстрировала готовность Керенского пожертвовать интересами государства ради собственной лелеемой им репутации гуманного и великодушного правителя. Никто из тех, кто слышал ее, не был обманут. Конференция была закрыта после того, как ее участники избрали еще один орган, на сей раз Российский Совет республики, который должен быть временным парламентом до открытия Учредительного собрания[16*]. Я был избран депутатом в этот теневой «парламент», но не обольщался по этому поводу. На поздравления моих коллег в редакции «Воли народа» я ответил так:

– К черту все эти Советы республики, совещания и Советы! Лучше было бы мобилизовать сотню тысяч хороших солдат, поставить над ними сильного военачальника, который первым же своим приказом упрятал бы нас всех в психиатрические лечебницы.

– Ты злишься, потому что голоден, – произнес Аргунов со смехом. – Позволь преподнести тебе буханку свежего хлеба, и ты почувствуешь себя не таким пессимистом.

– Мне бы хотелось, чтобы у всех людей был хлеб, – спокойно ответил я. – Тогда и я, и они будем подобрее.

– Так-то оно так, но, увы, Сорокин, это невозможно.

– Тогда все мы будем злы, – ответил я.

Я приступил к более глубокому изучению Великой французской революции. Как повторяется история! Кто мы, как не русские жирондисты[17*]? Какая ждет нас судьба? Такая же, как у них? Что случится с Отечеством? Вероятно, тот же ужас, кровопролитие и разруха, безо всякой военной славы, последовавшей за политическим и общественным переворотом во Франции.

Я вынужден наблюдать, как моя жена и все наши друзья страдают от постоянного недоедания. Никто не жалуется, но за шутливым разговором мы стараемся забыть о наших пустых желудках. Что ж, это тоже своего рода закалка.

Совет республики начал свою работу, и по высокой тональности его первых дебатов иностранный наблюдатель мог бы, пожалуй, подумать, что это настоящий парламент[18*]. Правительство участвовало в первых его заседаниях и в происходивших на них дискуссиях. А мне все происходившее казалось чем-то вроде спектакля на тему революции, разыгрываемого недорослями. Иногда, слушая бесконечные дискуссии по поводу той или иной пустячной проблемы, я терял самообладание и говорил с раздражением. Но – безрезультатно. Делегаты от большевиков, озвучив свою экстремистскую программу, покинули Совет в полном составе.

«Наша армия больше не сможет воевать, и единственное, что мы должны сделать, – это как можно быстрее заключить мир». Вот слова военного министра Верховского, сказанные им на Военной комиссии Совета. На представителей революционной демократии эти слова обрушились как гром среди ясного неба. Хотя некоторые и осудили за это Верховского, все знали, что он сказал правду. Или кровавая и железная дисциплина в армии должна быть восстановлена, или война должна быть остановлена. «Демократия» не потерпит ни железной дисциплины, ни продолжения войны. Но она не хочет столкнуться с другой альтернативой – анархией. «Демократия» напоминает того русского богатыря, который стоит на распутье трех дорог: по одной пойдет – конь падет, по другой пойдет – жена умрет, пойдет по третьей – сам пропадет. Кажется, мы выбрали третью дорогу.

Опять правительственный кризис, которым конца не видно. Опять бессонные ночи в Зимнем дворце и Совете. Теперь это вопрос о назначении министра земледелия.

– Кого, вы думаете, можно назначить на этот пост? – спрашивает Керенский.

– Ну, если это должен быть социалист, то почему бы не Огановского? – предлагаю я.

– Чудесно! Как экономист-аграрник и автор книги, отмеченной Академией наук, он именно тот, кто нужен. Пожалуйста, разыщите его немедленно и предложите ему портфель, – говорит Керенский.

Еду в Совет и нахожу Огановского.

– Нет уж, спасибо, – говорит он, не задумываясь, – слишком большая ответственность. Но я мог бы поработать товарищем министра.

– Ерунда, – заспорил я. – Если уж я вправе назначать министра, значит сама эта должность ненамного выше должности полицейского в нормальные времена.

– И тем не менее я не готов ее занять.

С этими новостями возвращаюсь к Керенскому, которого нахожу лежащим на диване.

– Ладно, – говорит он уставшим голосом, – но кого-то же надо назначить. Ваши предложения?

– Может, попробовать Семена Маслова?

– Семена Маслова? Что ж, поезжайте и уговорите его.

Опять сажусь в машину Керенского и еду в Совет. Маслов сначала категорически отказывается, но в конце концов сдается на мои уговоры.

– Вы должны поставить одно условие, – сказал один наш общий друг, присутствовавший при разговоре. – Маслов должен постричься и купить себе новый галстук. Посмотри на него: министру нельзя появляться в таком затрапезном виде.

– Революционный министр может надевать галстук, какой захочет, – смеюсь я. – Может и вовсе обойтись без галстука и ходить в одних только штанах. Наверное, мы скоро все так будем ходить.

Вся эта сценка очень характерна. Во время революции власть валялась на улице, и подобрать ее мог кто угодно[19*]. Мое собственное положение как человека, формирующего кабинет министров, могло бы быть смешным, если бы только за ним не скрывалась трагедия. Что ж, «пьеса продолжается»!

Во всех полках большевики организовали Военно-революционные комитеты. Значит, будут новые мятежи. Я обзавелся револьвером, но смогу ли выстрелить хоть в кого-нибудь? Вряд ли.

Ввиду приближающегося шторма Керенский потребовал от Совета республики полной и безоговорочной поддержки. Социалистическое большинство снова проявило нерешительность. Вместо немедленного действия они, как всегда, устроили свои долгие дебаты с обычным «постольку… поскольку». Неисправимы! Неисправимы!

Керенского я вообще не могу понять. Он ясно видит приближение большевистской революции. Он знает, что у правительства нет верных ему войск, тем не менее, выступая сегодня в Совете, он заверил членов Совета, что «правительство готово немедленно подавить мятеж». Что это: глупость или вера в свою счастливую звезду? Не могу понять.

Тысячи людей бегут из Петрограда, да и для чего им здесь стоило бы оставаться? Чтобы голодать или стать жертвой резни, устроенной большевистскими бандитами?

– Советую тебе тоже уезжать, – сказал мне один мой друг, которого я провожал на вокзал. – Уезжай отсюда как можно скорее, еще чуть-чуть – и будет поздно.

Но уехать из Петрограда сейчас? Я не должен и не могу.

Глава восьмая

БЕЗДНА

Октябрь–декабрь 1917

Бездна наконец-то разверзлась. Большевизм одержал победу… Все произошло очень просто. Временное правительство и первый Всероссийский Совет были свергнуты так же легко, как и царский режим. Через свои Военно-революционные комитеты большевики получили контроль над военными силами. С помощью петроградского Совета рабочих депутатов получили власть над рабочим классом. Эти солдаты и рабочие Петрограда захватили все автомобили на улицах, заняли Зимний дворец, Петропавловскую крепость, железнодорожные станции, телефоны и почтамты. Для того, чтобы свергнуть старое правительство и образовать новое, потребовалось всего лишь двадцать четыре часа.

Двадцать пятого октября, несмотря на болезнь, я направился к Зимнему дворцу, чтобы узнать новости. На улицах я увидел привычное зрелище: мчащиеся автомобили, полные матросами и солдатами-латышами; ни одного трамвая, ни дрожек. Эта ситуация настолько обыкновенна для нас, выросших в таких условиях, что я ничему не удивился. Подойдя к Зимнему, я увидел, что он окружен большевистскими войсками. Было бы чистейшей глупостью идти прямо в их лапы, поэтому я развернулся и направился в Мариинский дворец, чтобы найти кого-нибудь из Совета республики. Там я узнал, что в то время, когда Керенский в спешном порядке отправился на фронт за военной поддержкой, Коновалов и другие министры, в том числе и петроградский губернатор Пальчинский, забаррикадировались в Зимнем дворце, который защищали лишь женский батальон и три сотни юнкеров.

– Это возмутительно! – бушевал депутат от меньшевиков. – Мы заявим решительный протест против этого насилия.

– Что, мы собираемся принять еще одну резолюцию? – съязвил я.

– От имени Совета депутатов, Совета республики и правительства мы обратимся к стране и мировой демократической общественности, – ответил он, оскорбленный моим легкомыслием.

– И что это будет, как не еще одна резолюция? – спросил я не без иронии.

– Мы должны обратиться к армии.

– К какой такой армии?!

– К офицерам и казакам, которые еще верны правительству.

– То есть к тем самым людям, которых революционеры и демократы поносили как контрреволюционеров и мракобесов, – настаивал я. – Неужели вы забыли, как оскорбляли их, особенно после провала корниловского мятежа? И после всего этого вы воображаете себе, что они захотят нас защищать? Я, наоборот, думаю, что они скорее обрадуются тому, что произошло.

На открывшейся сессии Совета республики на обсуждение был вынесен протест против преступного свержения правительства и попрания прав народа. Но дискуссия была непродолжительной, потому что в зал заседаний внезапно ворвались солдаты, которые объявили:

– Согласно указу нового правительства, Совет республики должен быть распущен. Покиньте помещение немедленно. В случае неповиновения вы будете арестованы.

Председатель Совета произнес:

– Все слышали резолюцию о протесте. Кто за, поднимите руку.

Резолюция была принята. Затем председатель добавил:

– Под угрозой силы Совет республики вынужден временно прекратить свою работу.

Таким был конец первой республики, такой же бесславный, как и роспуск Думы.

С большим трудом я пробрался через толпу к исполкому Совета крестьянских депутатов. Здесь тоже царило крайнее возбуждение. Меньшинство Совета под руководством Спиридоновой, Натансона, Штейнберга, Каца и Шрейдера уже готово было присоединиться к большевикам. Большинство Совета выглядело беспомощным, но я все же обнаружил признаки активности: в одном из помещений депутаты были вооружены револьверами и ручными гранатами. Это, по крайней мере, больше походило на дело, чем пустые разговоры.

– Товарищ Сорокин, есть у вас револьвер? – спросил у меня глава военной секции. И на мой утвердительный ответ сказал:

– Возьмите еще один. Может пригодиться.

Было принято решение, что наши представители должны встретиться сегодня вечером с членами Всероссийского Совета, и, поскольку большевики, безусловно, попытаются при поддержке петроградского Совета вынудить большинство Всероссийского Совета присоединиться к ним, договорились, что местом встречи с этим большинством будет городская Дума, центр антибольшевистских сил.

Я простудился и пролежал весь день в постели. Слышал несмолкающий грохот орудий, стрекотание пулеметов и треск винтовок. По телефону я узнал, что большевики привели из Кронштадта военное судно «Аврора» и открыли огонь по Зимнему дворцу, потребовав от членов Временного правительства,

забаррикадировавшихся в нем, сложить свои полномочия. В семь часов вечера я отправился в городскую Думу. Из многих вопросов, стоявших перед нами, была и та ужасная ситуация, что сложилась на данный момент в Зимнем дворце. Отчаянное сопротивление атаке большевистских войск оказывали женский батальон и отряд юнкеров, да еще министр Коновалов призывал на помощь по телефону. Несчастные девушки и несчастные парни – положение их было безнадежно, и мы понимали, что озверевшие матросы после взятия дворца, скорее всего, порвут их на куски. Что мы могли сделать? Наскоро посовещавшись, мы приняли решение, что все мы, т.е. члены Советов, городской управы, комитетов социалистических партий, члены Совета республики, должны организовать шествие к Зимнему дворцу и предпринять все возможное для спасения министров, женщин-солдат и юнкеров. Мы уже приготовились идти, когда раздался телефонный звонок и в трубку прокричали:

– Ворота Дворца взяты. Началась бойня… Скорее! Толпа уже захватила первый этаж. Все кончено. Прощайте… Они ломают дверь. Они…

Последние слова Коновалова заглушил крик.

Мы поспешно построились в нечто похожее на колонну и двинулись в темноте по неосвещенным улицам, находя путь лишь с помощью нескольких тусклых фонариков. Никогда еще Петроград не видел столь безотрадного шествия. Мы, как призраки, шли в полной тишине. Около Казанского собора дорогу нам преградили три автомобиля, забитые матросами с пулеметами и бомбами.

– Стой! Кто идет?

– Представители управы, Советов, Совета республики и социалистических партий.

– И куда направляетесь?

– К Зимнему дворцу, чтобы закончить гражданскую войну и спасти его защитников.

– К дворцу никому нельзя. Поворачивайте назад, иначе откроем по вам огонь.

Делать нечего – в зловещей тишине мы вернулись в здание Городской думы. Там мы попытались связаться с Зимним дворцом, но провода к тому времени уже были обрезаны. Огонь прекратился, и мы предполагали, что бойня идет полным ходом.

В непроглядной тьме я доплелся до своего дома. Жена от страха за меня была полужива. Но я успокоил ее.

– Дорогая моя, теперь мы должны быть готовы ко всему что угодно. И наверное, к худшему.

На следующий день я пошел на встречу с моими несчастными товарищами. Положение вещей было ужасающим. На углу Знаменской и Бассейной я натолк-

нулся на толпу солдат, грабивших винный склад. Уже зверски набравшись, они выкрикивали: «Да здравствуют большевики! Смерть министрам-капиталистам!» Аналогичные сцены наблюдались повсюду. Огромные толпы солдат, матросов и рабочих грабили подвалы Зимнего дворца. Сквер был завален осколками бутылок. Крики, вопли, стоны, матерщина наполнили ясное утро. Многие из тех, кто забирался в подвалы, не могли оттуда выбраться из-за натиска тех, кто, обезумев, заталкивал их назад, стремясь попасть внутрь. Подвалы были буквально затоплены вином из разбитых бочек и бутылок. И многие на самом деле утонули в этом потопе.

Осажденных министров не убили, а отправили в Петропавловскую крепость, к царским министрам. Но судьба женщин оказалась гораздо хуже, чем можно себе представить. Многие из них были убиты, тех, которым не удалось избежать легкой смерти, большевики зверски изнасиловали[1*]. Некоторые женщины-солдаты подверглись такому извращенному насилию, что они умерли в страшной агонии. Некоторые чиновники Временного правительства также были убиты с садистской жестокостью.

О, свобода, какие преступления, какие невыразимо тяжкие преступления совершаются во имя твое!

От Керенского поступали сбивчивые известия. Руководители партии эсеров и социал-демократов на встрече попытались собрать юнкеров и учащихся кадетских училищ.

В помещении редакции нашей газеты я написал свою первую статью о победителях, заклеймив их как убийц, насильников, бандитов и грабителей[2*]. Я подписался под этой статьей своим полным именем, несмотря на протесты моих коллег и даже наборщиков текста. «Пусть моя подпись останется, – ответил я. – Мы все так или иначе стоим лицом к лицу со смертью». Если говорить без ложной скромности, моя статья имела такой успех, что нам пришлось тираж этого номера газеты увеличить втрое по сравнению с обычным. Пока мои друзья радовались этому, банды на улицах все более распоясывались, врывались даже в частные дома. Повсюду убийства, нападения, повешенные, особенно в винных магазинах. Страсть к выпивке росла так быстро, что целые толпы рисковали умереть от этого. Необходимо было произвести безотлагательную «национализацию» магазинов алкогольной продукции. Отчаявшиеся жители готовились к защите своих домов. С наступлением вечера вооруженная группа людей ворвалась в редакцию нашей газеты с целью арестовать всех сотрудников. К счастью, в то время там был только Лебедев, экс-министр военно-морского флота в кабинете Керенского, и он сумел скрыться через черный ход. Друзья уговаривали меня не ночевать дома, и я решил последовать их совету. Я согласился также изменить свою внешность, и поэтому перестал бриться. Многие сделали то же

самое: раньше всегда чисто выбритые мужчины отращивали бороды, а бывшие прежде бородачами начали бриться.

На следующий день от Керенского не поступило никаких известий, но мы узнали о сражении под Гатчиной и массовых убийствах учащихся всех кадетских училищ Петрограда. Эти юные герои сражались как львы и погибли, как настоящие патриоты. Все общественные заведения были закрыты: школы, магазины, банки, конторы. Голод повсеместно усиливался.

Керенский потерпел поражение. Большевики захватили банки, государственные и частные, и мой друг Пятаков назначен министром финансов. С фронта приходят новые ужасающие известия. Верховный главнокомандующий Духонин был убит вместе с сотнями других офицеров[3*]. Наша армия сейчас – это одичавшая толпа, бегущая сломя голову и сметающая все на своем пути. Немецкое вторжение теперь неизбежно.

Чиновники и служащие государственных и частных учреждений устроили забастовку в знак протеста против большевистского произвола. Этот саботаж является серьезной угрозой новым правителям, которые обрушили на них беспощадные репрессии. Многие брошены в тюрьму. Несмотря на это, забастовщики держатся стойко. Сегодня я выступал на их собрании, и, как только закончил, председатель крикнул:

– За вами пришли! Бегите через эту дверь!

Я выскочил на улицу и был быстро увезен на автомобиле, который эти простые герои держали на всякий случай.

Началась игра в кошки-мышки. Отлично, пусть я буду мышкой. Нас в конце концов поймают, но, пока этого не произошло, мы должны сохранять совесть и неуклонно делать то, чего требуют разум и долг.

Сегодня мой коллега Аргунов, один из основателей партии социалистов-революционеров, попался в кошачьи когти. Издание и печатание газет будет теперь сопряжено с большими трудностями. Вторжения в редакционные и типографские помещения стали событиями заурядными. Солдаты-большевики уничтожают тиражи газет и даже типографские станки. Формально мы подчиняемся постановлениям о запрещении наших газет, но они сразу же появляются снова под несколько измененными названиями. «Воля народа», запрещенная вчера, сегодня выходит как «Воля», а затем – как «Народ», «Чаяния народа» и т.п. Газета «День» появляется как «Утро», «Полдень», «Вечер», «Ночь», «Полночь», «Час ночи», «Два часа ночи». Главное – это то, что наши газеты продолжают выходить. Читатели, которые не смогли достать газету утром, прочтут ее вечером.

Сегодня я опять едва избежал ареста. Как только я вошел во двор нашей редакции, за мной устремилась банда преследователей, одни вошли в редакцию, другие остались у ворот. К счастью, они не знали меня в лицо, и, поскольку было темно, я задержался снаружи, чтобы обдумать план побега. Один из наших наборщиков появился в дверях, я подозвал его и обрисовал ему свою ситуацию. «Минуточку», – сказал он и через некоторое время вернулся с документом, удостоверяющим, что я работник типографии. «Ну, теперь порядок. Выходим вместе, как будто хотим поужинать». Возле ворот нас остановили и потребовали документы. Мы их предъявили, и охранник грубо сказал: «Проходите». Таким образом, мышка снова ускользнула. Интересно, что этими преследованиями занимаются те самые люди, которые совсем недавно громче всех выступали за свободу печати.

Наше домашнее дневное меню стало, мягко говоря, экзотическим. Хлеба нет, но вчера в небольшой лавке мы нашли несколько банок консервированных персиков. Вместо хлеба мы приготовили «пирог» из картофельных очистков, и оказалось, что есть его не так уж и противно. Да здравствует революция, поощряющая изобретательность и делающая людей скромнее в их аппетитах и желаниях!

Выборы в Учредительное собрание проводятся по всей России. Эти выборы станут ответом страны на большевистскую революцию. Если правда на стороне большевиков, то они должны получить большинство голосов. Конечно, большевики делают все, что в их силах, для того, чтобы сорвать выборы, а преследуемые ими мыши прилагают все усилия, чтобы выборы состоялись. В течение последней недели я выступил на двенадцати митингах. У трудящихся наступила первая стадия отрезвления. Рай, нарисованный большевистской идеологией, начал тускнеть, как и враждебность по отношению к социал-патриотам. Трижды простые рабочие спасали меня от ареста. На митинге у Трубочного завода[4*] появилась группа вооруженных людей, которые прервали мою речь криками: «Наконец-то ты попался! Ты арестован!» Я крикнул в ответ: «Я буду арестован, если присутствующие здесь рабочие согласятся на это».

– Руки прочь от товарища Сорокина! – заревела толпа. Пока одна часть толпы удерживала солдат, другая окружила меня и помогла скрыться.

Опубликованы предварительные результаты выборов: большевики проиграли. Вместе с левыми эсерами они оказались далеко позади правых эсеров и в Учредительном собрании составляют меньшинство. В Вологодской губернии я и другие мои товарищи собрали приблизительно девяносто процентов всех голосов. Вчера вечером мы устроили чрезвычайно экстравагантный банкет:

для каждого из нас на столе был кусочек хлеба, половина сосиски, консервированные персики и чай с сахаром.

Большевики потерпели явное поражение[5*], но наша ситуация осложняется, ответственность несоизмеримо возрастает. Если бы большевики получили большинство голосов, мы вынуждены были бы подчиниться, но народное голосование провозгласило их правительство незаконным. Мы, конечно, понимаем, что они не собираются мириться с этим приговором. Пока они надеялись на благоприятный для них исход выборов, они не возражали против созыва Учредительного собрания. Теперь они попытаются воспрепятствовать этому. На силу мы должны ответить силой. Другого пути у нас нет.

Создан Комитет защиты Учредительного собрания[6*]. Он хорошо действует в сфере пропаганды, но не так успешно – в деле формирования вооруженных сил. У нас есть какое-то количество войск, но явно меньше, чем у большевиков. Я выступаю каждый день, посещаю заседания, на которых разрабатываются законы, декреты и политика Учредительного собрания. Тем временем я по-прежнему играю роль мышки, убегающей от кошки. По закону все депутаты пользуются правом неприкосновенности, но закон – это одно, а действия большевиков – совершенно другое. Все дороги теперь ведут в тюрьму. Я устал, я измотан отчасти работой и нервотрепкой, отчасти – голодом. Но я повторяю слова поэта: «Подожди немного, отдохнешь и ты»[7*]. В тюрьме или в могиле.

Атака на Учредительное собрание началась с того, что большевики приказали всем депутатам отправиться к Урицкому, специально назначенному комиссаром, для регистрации наших имен и адресов и предъявления документов, подтверждающих факт выбора в Учредительное собрание, открытие которого перенесено с 27 ноября на 5 января 1918 года.

Мы объявили этот приказ незаконным. Народные депутаты не могут уклониться от явки к Урицкому, поскольку проверка их полномочий является задачей специальной комиссии депутатов, большинство которых составляют большевики. Кроме того, мы заявили протест по поводу произвольного переноса неформального созыва депутатов, назначенного на 27 ноября.

27 ноября. Этот день, который по закону должен был стать днем открытия Учредительного собрания, начался изумительным рассветом. Голубое небо, ослепительно белый снег – все это стало прекрасным фоном для видневшихся повсюду плакатов: «Да здравствует Учредительное собрание – хозяин земли Русской!» Толпы людей с этими плакатами приветствовали высшее руководство

страны, истинный голос русского народа. Когда депутаты дошли до площади Таврического дворца, тысячи людей приветствовали их оглушительными криками. Но подойдя к дворцовым воротам, депутаты обнаружили, что они закрыты и охраняются вооруженными до зубов латышскими стрелками.

Нужно было что-то делать, причем безотлагательно. Взобравшись на железную ограду дворца, я обратился к народу, а тем временем другие депутаты, следуя моему примеру, перелезали через решетку ограды. Им удалось отпереть ворота, и толпа, ворвавшись во двор, заполонила его. Ошеломленные смелостью этого прорыва, латышские стрелки пребывали в нерешительности. Мы напирали на двери дворца, также охраняемые латышскими стрелками, позади которых находились Урицкий и другие большевики. Переговорив еще раз с людьми, я решил обратиться к латышским стрелкам с благодарностью за гостеприимство по отношению к высшей власти России и их явную готовность защищать свободу. В заключение своей речи я обнял командующего ими офицера. Вокруг царила полная неразбериха, в результате чего дверь была открыта, и мы вошли внутрь. За нами вошли и многие простые граждане. На пути встал Урицкий, еврей с чрезвычайно отталкивающей внешностью, потребовавший от нас пройти в его кабинет для того, чтобы зарегистрироваться, но мы презрительно оттолкнули его, заявив, что Учредительное собрание не нуждается в его услугах. Была принята резолюция, что, несмотря ни на какие препятствия, Учредительное собрание откроется 5 января.

Чтобы обеспечить его открытие, мы проводили ежедневные митинги на заводах и среди солдат. В это же время наши лидеры продолжали свою работу по подготовке основных законов и постановлений, процедурных и других вопросов. Эти совещания происходили, как правило, у меня на квартире. Перед лицом глубочайшего кризиса мы стремились к тому, чтобы похоронить все расхождения во взглядах и пытались работать абсолютно согласованно. До сих пор обнаруживались признаки общей слабости.

Сегодня на митинге представителей петроградского гарнизона предметом обсуждения стало отношение солдат к Учредительному собранию. Были представлены докладчики от всех партий. Гарнизон занял скорее выжидательную позицию, не враждебную, конечно, но и не агрессивно-оборонительную. Обозленный этим проклятым пацифизмом, я вспылил и попросил солдат вспомнить, сколько поколений русский народ мечтал о созыве Учредительного собрания как о величайшем благе, которое может быть в их жизни.

– Тысячи мужчин и женщин, – говорил я, – жертвовали собой, чтобы воплотить эту мечту в жизнь. И сейчас, когда дело идет к тому, что Учредительное собрание вот-вот откроется, вы тешите себя идеей рая, который вам обещают

большевики, отказываетесь выполнять свой долг. Вы – изменники Родины! Если вы поддадитесь этому безумному обману, вам потом придется пожинать его плоды. Не пройдет и несколько месяцев, как на вас обрушатся тирания, гражданская война, ужасы, которые вы даже не в состоянии себе представить. Тогда вы вспомните того, кто предупреждал вас о том предательстве, которое вы собираетесь совершить. Вот все, что я могу сказать.

Два отряда пообещали защищать Собрание. На другие надежды нет.

На Петроград обрушилась тяжкая длань разрухи. Вся деловая жизнь давно уже парализована. Магазины закрыты. На фабриках царит разруха, работники проводят дни за пустыми разговорами. Горы грязного снега заблокировали улицы. Днем и ночью слышится стрельба. Безумие, грабежи, мародерство захлестнули города и села. Армии больше нет, и немцы могут идти куда им угодно.

Вот и последний день 1917 года. Я оглядываюсь на него с чувством горечи и разочарования. 1917 год принес нам революцию, но что принесла эта революция, кроме разрушения и позора? Получили ли мы свободу? Улучшила ли она положение народа? Нет, революция превратилась в зверя, она как порочная проститутка, от которой ожидали, что она – чистая богиня, как это описывали некоторые революционеры.

Новый год мы встречаем вместе: лидеры эсеров и депутаты. Все наши разговоры пронизаны глубокой печалью, смешанной с мрачной решимостью умереть в борьбе за свободу. Это траурное настроение достигло апогея после слов, произнесенных моим другом К.[8*], – а мы в это время слушали знаменитую арию из оперы Мусоргского «Хованщина» («Стрелецкий сон»):

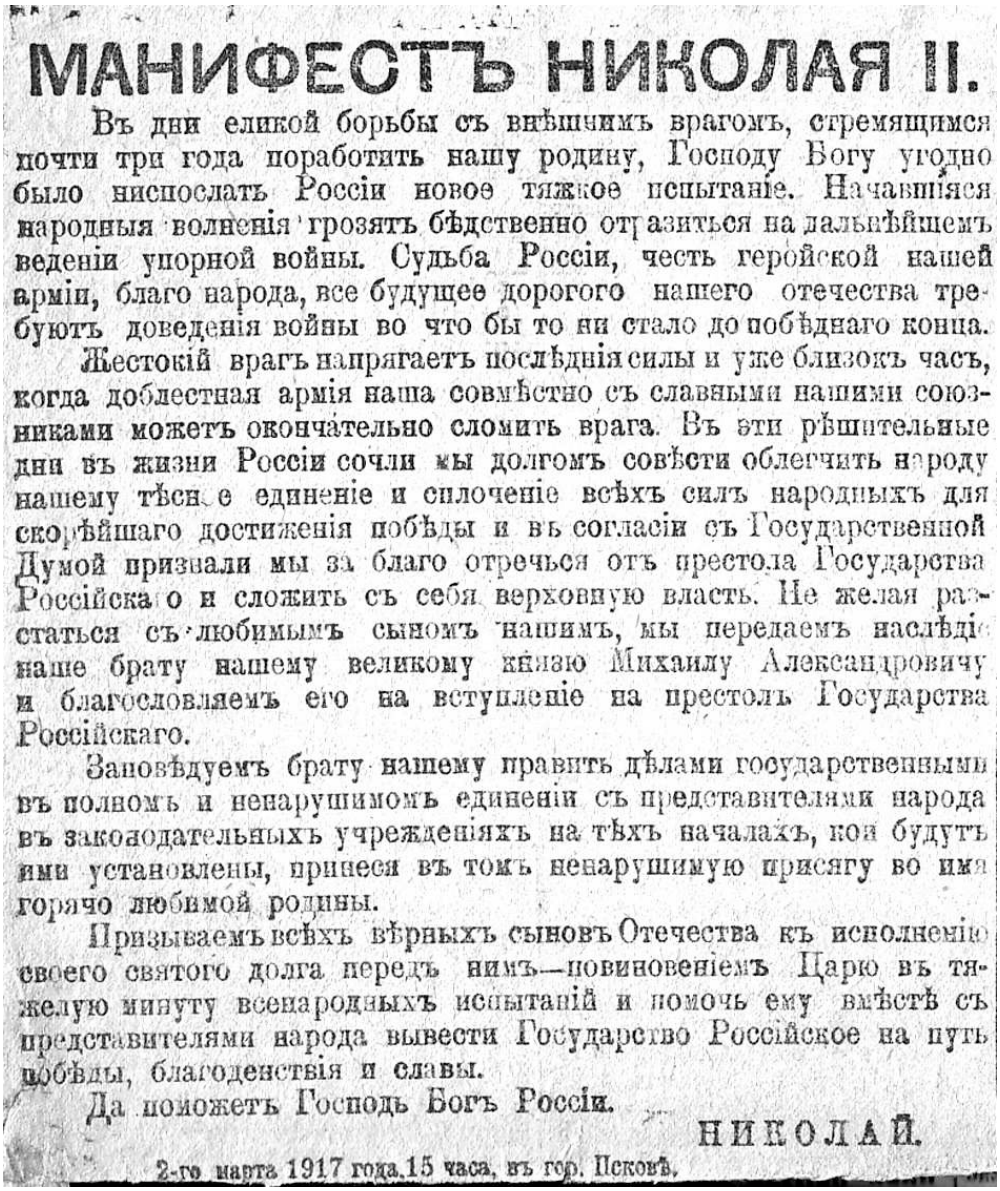
– Моя несчастная Россия спит; она окружена врагами! Иноземцы грабят ее. Много лет назад она была под татарским игом, стонала под ярмом бояр. Моя несчастная Россия! Кто теперь спасет тебя от врагов? Кто теперь убережет тебя от злосчастной участи? О, моя любимая, бедная Россия!»[9*]

Эти слова потрясли нас до глубины души.

«Мы не знаем, кто спасет нашу Россию. Но какие бы горести ни обрушились теперь на тебя, любимая наша страна, ты не погибнешь. Ты воскреснешь из праха, великая страна, великий народ, самая могучая из всех могучих на всей земле. Если от нас потребуется, чтобы мы ради этого отдали свои жизни, – мы готовы.

Таковы были слова нашего красноречивого К., ими мы и закончили празднование Нового года.

Перспективы 1918 года покрыты мраком, но, что бы ни случилось, я верю в мою страну и ее историческую миссию. Рано или поздно мы найдем выход. Я благословил каждый день и каждую ночь моей любимой страны.



МАНИФЕСТЪ НИКОЛАЯ II.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно съ славными нашими союзниками можетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи сочли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго.

Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ—повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

НИКОЛАЙ.

2-го марта 1917 года. 15 часа. въ гор. Псковѣ.

Манифест отречения от престола императора Николая II

ЧАСТЬ II

1918

Глава девятая

В ПЕТРОГРАДСКОЙ БАСТИЛИИ

Мышеловка захлопнулась! Наконец большевистский кот поймал свою мышь, и теперь у меня будет много времени для отдыха. Моя работа на время приостановлена, и сейчас я могу лежать целый день в своей тихой камере, слушая, с безопасного расстояния дьявольскую музыку пушек. Меня арестовали 2 января 1918 года[1*]. Когда кончилось заседание комитета Учредительного собрания, мы с Аргуновым пошли в редакцию «Воли народа». Поднявшись на третий этаж, где находилась редакция, мы не обнаружили ничего подозрительного. Но едва открыли дверь, как на нас налетело пять или шесть человек с направленными на нас револьверами.

– Руки вверх! – скомандовали они.

– В чем дело?

– Вы арестованы!

– Члены Учредительного собрания пользуются правом неприкосновенности и не могут быть арестованы, – сказал я, вполне понимая, что словам моим грош цена.

– Еще чего! У нас ордер на ваш арест. И – точка.

Оглядевшись по сторонам, я увидел, что все находившиеся в комнате были уже повязаны, а помещение тщательно обыскано.

– Но большинство из этих людей – простые сотрудники, – возмутился я, – и не имеют никакого отношения к политике. Я требую их освобождения.

Их старший в конце концов уступил и согласился забрать только редакторов, Аргунова, Сталинского, Гуковского и меня, а из обслуживающего персонала – жену Аргунова и троих служащих. Всех нас отвезли в ЧК, в это недавно созданное и наводящее ужас учреждение.

Здесь нас развели по отдельным кабинетам и оставили ждать. Примерно через час в комнату, где я находился, зашел человек и велел следовать за ним. В канцелярии ЧК я встретился с Аргуновым, нас посадили в автомобиль и на бешеной скорости куда-то повезли. Охранники наши молчали, окно было занавешено, так что мы не могли определить, где находимся. Минут через пятнадцать машина остановилась, мы вышли и поняли, что находимся в Петропавловской крепости, этой Бастилии Петрограда.

В комендантской, кроме нас, было шесть или семь солдат-большевиков. Они оживленно разговаривали о чем-то, не обращая на нас никакого внимания, хотя один из них, поигрывая револьвером, раза два направлял его в нашу сторону. Мы наконец нарушили молчание.

– Как долго нам еще ждать? Кто-нибудь собирается нас допрашивать?

– Через пять минут придет комендант.

– Можем ли мы получить какую-нибудь еду? Мы голодны.

– Здесь еды нет.

– Разрешены ли заключенным свидания с родственниками и передачи от родных с едой, бумагой, книгами и бельем?

– Вообще – да, но вам не разрешат.

– Почему?

– Потому что вас мало посадить, вас надо сразу расстрелять.

– Это за что же?

– За покушение на Ленина.

– Покушение на Ленина! Вы хотите сказать, что нас обвиняют в этом?

– Вы арестованы за попытку убить Ленина.

Новость, конечно, была потрясающая. В то время, когда мы обсуждали ее, в комнату вошел комендант Павлов, знаменитый своей патологической жестокостью. Он смерил нас ледяным взглядом и приказал солдатам отвести нас в 63-й номер. Через несколько минут дверь в тюремной камере Трубецкого бастиона закрылась за нами, и мы стали узниками Петропавловки.

В 63-й камере этого знаменитого бастиона было всего лишь одно окно с тяжелой решеткой. В ней было тесно, холодно и грязно, стены и пол обледенели. Ни табуреток, ни коек здесь не было. Вместо этого на полу валялся рваный соломенный тюфяк. Постепенно наши глаза привыкли к полумраку, и мы увидели, что на стене нарисованы фигуры двух мужчин, а ниже надпись, сделанная карандашом: «Здесь сидели румынский посол и атташе румынского посольства». Их, должно быть, арестовали за несколько дней до нас, и теперь мы были в камере, куда их сначала поместили[2*].

– И то хоть утешение, что находимся в таком аристократическом обществе, – пошутил Аргунов.

– Ну, а я сидел при царе, теперь сижу при коммунистах. С таким богатым опытом я стану не только теоретиком, но и практиком-криминологом, – заметил я в свою очередь.

– Я, пожалуй, буду называть тебя рецидивистом, – со смехом согласился Аргунов.

– Ничего себе компания подобралась, – пошутил я в ответ.

Так мы перешучивались, пока Аргунов не заметил, что хорошо было бы поесть, на что я возразил ему, что коммунисты, с тех пор как они стали пере-

довым отрядом человечества, лучше нас знают, что для нас хорошо. Повеселившись так около часа, мы стали укладываться спать, кое-как разместившись вдвоем на сыром, рваном тюфяке. В наступивших тишине и темноте мы пытались побороть одолевавшие нас тайные страхи. Я думал о том, как моя жена напрасно ждет меня дома, как будет ей тяжело, когда она узнает о причине моего отсутствия; о тех испытаниях, которые ожидают Учредительное собрание; об участи нашей газеты. От этих тревожных мыслей, соединенных с холодом, сыростью и голодом, сон совсем улетучился. Вдруг мой товарищ, почти уже спавший, рассмеялся:

– Мог ли кто-нибудь из нас, из тех, кто готовил и приветствовал революцию, предположить, что будет арестован революционным правительством?

Мы оба рассмеялись, и потом я спросил Аргунова:

– Как бы ты сравнил эту тюрьму с царской?

– Примерно как деревенскую ночлежку с первоклассной гостиницей, – ответил он, не задумываясь.

– Вот это и доказывает, что ты контра.

И снова наступила тишина, нарушаемая только звуками воды, капающей со стен, доносившимися время от времени стаккато[3*] пулеметных очередей и мелодичным звоном крепостного колокола, отбивавшего каждый час «Коль славен…»[4*]. Сколько сотен революционеров слышали в свое время этот колокол! Какие трагедии разыгрывались под его звон! Сколько отчаяния, потрясений, смертей и казней повидали эти обшарпанные стены за два века! В крепостных стенах погребены тела многих революционеров. Здесь же, в крепостном соборе, покоятся бренные останки Романовых, начиная с Петра Великого и заканчивая Александром III. Тени бунтарей, равно как и тени царей, наблюдают теперь этот неистовый ураган революции, разбушевавшийся над их прахом. Пройдет революция, исчезнут ее участники, а эти тени останутся и будут свидетелями новых трагедий и комедий, которым суждено свершиться на этой земле.

Наутро в семь часов дверь камеры открылась и надзиратель принес кипяток, немного сахару и по четвертушке хлеба на каждого.

– Вас скоро переведут в камеру получше, – пообещал он нам. – Во всяком случае, я постараюсь.

И действительно, приблизительно через час он вернулся и весело скомандовал: «На выход!»

Новая камера в самом деле была лучше – в ней было тепло и не сыро, имелись две койки и что-то вроде стола, приделанного к стене.

– Бог ты мой! – услышали мы голос, приветствовавший нас через небольшое отверстие в двери. – Кто бы мог подумать, что мы встретимся здесь!

Присмотревшись, я узнал профессора Кокошкина и доктора Шингарева, бывших министров в правительстве Керенского.

– Представители суверенного народа, добро пожаловать в Храм Свободы, – обратился к нам бывший министр внутренних дел Авксентьев.

Вскоре и другие стали подходить к двери, чтобы поприветствовать нас. Это были: министры Терещенко, Кишкин, Бернацкий; князь Долгоруков, лидер партии кадетов; Пальчинский, бывший военный губернатор Петрограда; и Рутенберг, ныне один из главных организаторов еврейского государства в Палестине. Они снабдили нас хлебом, чаем, сахаром, кое-какими книгами, а также рассказали тюремные новости. Все они были арестованы сразу же после большевистской революции и находились в крепости уже около двух месяцев; они, так сказать, были здешними старожилами и пользовались кое-какими привилегиями. Вместе с ними сидели и прекрасно уживались представители старого режима: Пуришкевич, лидер монархистов в Госдуме, Щегловитов, бывший министр юстиции, и Сухомлинов, военный министр царского правительства. Увидев нас здесь, они, я думаю, испытали немалое удовольствие от того, что члены нового правительства оказались, как и они, за решеткой.

В четыре часа нас вывели на прогулку во двор тюрьмы, где нам посчастливилось свидеться с нашими друзьями. Внешне все они ужасно изменились, а Кокошкин и Шингарев выглядели совершенно больными. Терещенко, который всегда был настоящим comme il faut[5*], всегда был гладко выбрит и безукоризненно одет, превратился в бородатого мужика в драных портах и какой-то фуфайке. Пуришкевич был похож на дворника – он и в самом деле дворничал в тюрьме. Во время прогулки во дворе наши товарищи предупредили нас, что положение наше в крепости чрезвычайно опасно. Охрану бастиона осуществляли меньшевики-интернационалисты, люди вполне приличные, зато сам гарнизон подчинялся большевикам. В связи с попыткой покушения на жизнь Ленина они издали воззвание, в котором грозились устроить Варфоломеевскую ночь и Сентябрьскую резню[6*] всем узникам крепости. «Чем быстрее уничтожим всю эту контру, тем лучше», – говорилось в конце воззвания.

Впоследствии все мы узнали правду об этом покушении на жизнь Ленина. Шина автомобиля, в котором он ехал, прокололась, и Ленин с перепугу решил, что это произошло от пистолетного выстрела. Вот и все дела. Как вскоре выяснилось, у Кокошкина и Шингарева был сильно запущенный туберкулез, и их вскоре перевели в Мариинскую больницу.

– Конечно, мы рады, что уходим отсюда, – сказал Шингарев, – но наше счастье омрачено тем, что вы должны остаться.

Даже находясь в таком плачевном состоянии, этот человек не мог забыть о несчастьях других.

Мы постепенно привыкли к однообразию тюремной жизни. В семь часов мы просыпались и получали кипяток, немного сахару и четверть фунта хлеба

на весь день. В полдень кормили обедом, который состоял из горячей похлебки, в которой плавало немного капусты и кусочек мяса. В четыре часа пили чай – т.е. кипяток, и в семь часов ужинали – еще раз кипяток. Наша диета включала в себя чересчур много кипятка и слишком мало всего остального, но, поскольку нас подкармливали наши друзья, голода мы не испытывали. Трудно было переносить постоянный тюремный полумрак. В нашей камере с одним окном наверху, выходившим на крепостную стену, было трудно читать и писать даже в разгар дня. Утром и днем в ней было почти совсем темно. Иногда от шести до десяти вечера включали электрический свет, да и то бывало, что всего лишь на час за весь день. Большую часть времени мы вынуждены были проводить в унылом безделье. Тем не менее тяготы революционной жизни развили во всех нас тонкое чувство юмора, и мы были способны встречать все новые испытания с подлинно философским спокойствием.

Во время ежедневной получасовой прогулки мы беседовали с друзьями и обменивались новостями, очищали двор ото льда и снега, смотрели на голубое небо, стараясь не падать духом и держаться. Пока было светло, мы читали, писали, а некоторые из нас изучали английский язык. Больше всего развлекали нас приключенческие романы Конан Дойла и Александра Дюма. С мальчишеским азартом читали мы эти романы, употребляя в наших разговорах фразы, которые произносили наши любимые герои. Популярным выражением стала фраза из Конан Дойла: «Клянусь пятью пальцами своей руки»[7*].

В послеполуденное и вечернее время, когда смеркалось, было невыносимо скучно. Эти часы мы проводили или лежа, или меряя шагами камеру, и беспрестанно думали о своих семьях и друзьях, о нашей несчастной стране. Прошла целая неделя после нашего ареста, прежде чем мы получили известия от наших жен. Жена Аргунова была арестована вместе с нами, и я боялся, что и мою жену тоже могли взять. Где она сейчас? Если на свободе, то что делает? Жизнь в Петрограде была настолько опасна, что я, естественно, сходил с ума за нее.

С большим беспокойством мы ждали 5 января, дня открытия Учредительного собрания. В газетах, принесенных нам охраной, мы прочитали, что всем арестованным членам Собрания будет разрешено посетить его первое заседание. Мы даже прочитали, что Аргунов, Авксентьев и я были освобождены 4 января, а наши речи, тексты которых были опубликованы, вручены депутатам! Мы с тревогой ожидали сообщений о первом заседании. Стрельба, начавшаяся около 12 часов этого дня, обеспокоила нас, но мы все еще верили, что это повседневная музыка революции. Известие пришло в 8 часов, отчасти от надзирателя, отчасти из вечерних газет, которые он нам принес. Учредительное собрание было открыто. Церемония открытия, избрание председателя, первые речи, буйство толпы на галерке и спокойствие, которое сохраняли депутаты

в таких ужасных условиях, – все это не было для нас неожиданностью. Но в той же газете я с изумлением прочитал свою речь, которую намеревался произнести на первом заседании. Она была изложена так подробно, что только знавшие о моем заключении в крепости могли быть уверены, что я ее вообще не произносил. Газета еще печаталась в типографии, а положение Учредительного собрания стало уже чрезвычайно критическим. Утром тысячи людей собрались в знак его поддержки, большевики открыли по ним пулеметный огонь, было много убитых и раненых. Как мы узнали впоследствии, улицы были усеяны трупами расстрелянных. Такой ответ дали большевики Учредительному собранию России и безоружным гражданам, которые решили посмотреть, как сбываются их заветные мечты. «Разгон Учредительного собрания и арест депутатов – вопрос всего лишь нескольких часов», – решили мы, когда прочли и узнали об этих ужасных событиях.

К тому времени все антибольшевистские силы сделали все возможное, чтобы избежать гражданской войны, но какой прок был от такой политики, если теперь эти убийцы жестоко истребляли сотни и тысячи невинных людей, силой подавляя волю народа и отдавая Россию на растерзание немцам? Такими были наши чувства и чувства всех честных людей по всей стране.

На следующее утро, в праздник Крещения, нам разрешили присутствовать на службе в Петропавловском соборе в крепости. Мы отстояли службу среди гробниц русских императоров, мирно спящих здесь вечным сном.

«Разгон Учредительного собрания», – прочитали мы в тот же день в газете[8*]. Совсем упавшие духом, мы встретились в полдень в тюремном дворе и попрощались с Кокошкиным и Шингаревым, которых вечером должны были перевести в больницу. На другой день один из надзирателей, принеся нам обед, спросил:

– Вы что-нибудь слышали о своих друзьях?

– Нет. Что-то случилось?

– Вчера ночью они были убиты большевиками, которые ворвались в больницу[9*].

Мы ужаснулись, узнав об этом. Угроза убить Кокошкина и Шингарева высказывалась, когда они еще сидели в крепости, и угрозе этой комендант Павлов потворствовал.

– Должен предупредить вас, – сказал надзиратель, – что, может быть, попытаются и вас убить. Мы постараемся не допустить этого, но, если их будет слишком много, мы сможем только выпустить вас из камер и открыть этот проход во двор.

– Сделайте хоть это, – взмолились мы, – лучше уж погибнуть на свежем воздухе, чем как крысы в своих норах.

В течение всей получасовой прогулки мы обсуждали сложившуюся ситуацию. Рутенберг, которого мы за его отчаянные и остроумные предложения прозвали Ринальдо Ринальдини[10*], был за то, чтобы разоружить надзирателей, вырваться из бастиона и, перебив часовых, выйти из крепости. План, конечно, был безнадежным. Пуришкевич знал о старинном подземном ходе, ведущем из Монетного двора к старому домику Петра I около Троицкого моста. В каком состоянии был этот подземный ход, трудно было себе представить. Но, если дверь оставят открытой, можно будет добраться до Монетного двора и попытаться проникнуть в этот подземный ход. Мы согласились попробовать этот вариант. Когда мы вернулись в свои камеры, нами снова овладели мрачные мысли о Кокошкине и Шингареве. Трудно было представить себе что-нибудь более бесцельное и жестокое, чем их убийство. Они посвятили свои жизни служению родине и обществу, и вот теперь, безнадежно больные, были зарезаны на своих больничных койках как «враги народа». Настала ночь, но мы не могли уснуть.

Около одиннадцати часов мы услышали голоса, звуки открываемых и закрываемых дверей, скрежет ключей.

– Не пугайтесь, – сказал надзиратель через дверь, – это всего лишь готовятся принять новых заключенных, их сейчас приведут.

На следующий день мы встретились со многими из этих заключенных, которые были руководителями Крестьянского совета, членами ЦК социал-демократической партии и депутатами Учредительного собрания. Их арестовали, сказали они, потому что их кто-то выдал. Некоторых отправили в Кресты и другие небольшие тюрьмы, а самых «выдающихся» заточили в крепость.

В эти дни антибольшевистская газета «Чертова перечница»[11*] писала: «Известный курорт Петропавловская крепость блестяще открыл свой зимний сезон. Бывшие министры, государственные деятели, представители народа, писатели и прочие знаменитости царского и Временного правительства, члены Советов и Учредительного собрания, лидеры монархической, кадетской, социал-демократической и социал-революционной партий проводят свои отпуска на этом прославленном курорте; методы лечения, применяемые здесь, хорошо известны: холод, голодание и принудительный покой, прерываемый иногда хирургическим вмешательством, поножовщиной и прочими возбуждающими средствами. Есть основания предполагать, что в недалеком будущем здешний круг избранных значительно расширится и станет еще более блестящим. Количество отдыхающих на других курортах, особенно в Крестах и на Гороховой, тоже увеличивается».

В некоторых отношениях наши условия немного улучшились. Мы стали получать письма, и нам разрешили два раза в неделю свидания с ближайшими родственниками. По вечерам, с восьми до десяти, двери наших камер не запирались, и мы могли общаться с соседями. Мы обменивались новостями и были

довольно хорошо осведомлены о том, что происходило за стенами тюрьмы. Мы даже смогли издавать газету, писать заметки и статьи, которые забирали на волю и печатали без исправлений. Это напомнило мне мое первое заключение в Кинешме при царе, когда наша тюрьма превратилась в главный центр революционной пропаганды. Такое, я уверен, может быть только в России.

Еженедельные свидания с женой и одним моим хорошим другом были счастливейшими моментами в моей тюремной жизни. Как-то раз меня глубоко тронул визит одного крестьянина из Вологодской губернии, который, оказавшись проездом в Петрограде всего на несколько дней, потратил немало времени и сил, чтобы получить разрешение на свидание со мной. В конце концов он своего добился и, придя в крепость, принес мне полфунта масла – все, что он сам имел.

– Негодяи! Что они делают с вами! – вырвалось у него в сердцах.

– Поосторожней, уважаемый, – предостерег я его, – они могут и вас арестовать.

– Пусть арестуют. Мне уже шестьдесят семь лет. Что мне могут сделать эти мерзавцы? Ничего.

Если бы у нас было побольше таких решительных крестьян, мы бы не оказались в том положении, в каком находимся сейчас.

Жена и наши друзья делали все возможное, чтобы добиться нашего освобождения. Пока что их усилия не достигли успеха, но безнадежными тоже не были. Обвинения в покушении на Ленина оказались, конечно, дутыми, но теперь против нас выдвинули новое обвинение: «нагнетание панических настроений, благоприятствующих свержению большевистского правительства». Обвинение было общим, никаких особых причин для нашего ареста нам не предъявили. Прошел месяц, и мы решили направить протест против нашего заключения и потребовать немедленного освобождения. Он был адресован «так называемому наркому юстиции так называемого Советского правительства» господину Штейнбергу. Этот крайне левый социалист-революционер и его помощник Шрейдер были знакомы нам по партии эсеров и Совету крестьянских депутатов. Господин Штейнберг стал социалистом только в марте 1917 года, но, переходя на все более радикальные позиции, обеспечил себе карьеру и после большевистской революции был назначен наркомом юстиции. Шрейдер, которого из-за длинной его бороды и неповоротливости ума в крестьянском совете прозвали «козлом», был глуп, но очень претенциозен. Мы думали, что наш протест ни к чему не приведет, но через несколько дней после того, как он был отправлен, дверь нашей камеры открылась, и в полумраке мы увидели фигуру Шрейдера. Он вошел в камеру и протянул руку, но мы сделали вид, что не заметили этого.

– Как поживаете, товарищи?

– Нормально, спасибо, господин нарком, или господин Козел, если хотите, – сказал кто-то из нас.

Другие стали обвинять его в том, что нас арестовали без причины и содержат в условиях, неслыханных во времена царизма.

– Вас арестовала ЧК, а не мы, – оправдывался Шрейдер.

Но мы настаивали, что он и его «сотоварищ Штейнберг», будучи руководителями наркомата юстиции, несут ответственность за это, и закончили разговор, посоветовав ему убираться вон и хорошенько подумать об этом, если он вообще умеет думать.

Мы несколько приободрились, когда узнали о том, что убийство Кокошкина и Шингарева вызвало такую бурю негодования в Петрограде, что даже Ленин понял, насколько далеко он зашел, так что повторение подобного зверства сделалось на время невозможным. Однако кровожадности у солдат и матросов не поубавилось, и гарнизон крепости стал еще более настойчиво агитировать за массовые убийства заключенных. Как-то ночью четыре солдата, заступившие на дежурство, стали требовать ключи от камер. Руководство, надо отдать ему должное, ключи дать отказалось, мотивируя это тем, что без письменного приказа наркома юстиции ключи ни в чьи руки передавать не положено. Пообещав, что такой приказ скоро будет получен, «охотники за головами» ушли. На следующий день они связались с наркоматом юстиции, но там еще помнили о том, какое негодование в народе вызвало убийство Кокошкина и Шингарева, и наркомы издали приказ о запрещении любых покушений на жизнь заключенных.

Ничто не вечно в этом мире; наступил конец и моему заключению в Петропавловке. Как-то вечером в мою камеру вошел надзиратель и сообщил потрясающую новость: «Ваша жена и ваш друг сидят в приемной с приказом о вашем освобождении. Собирайте вещи и выходите». Друг оказался совершенно незнакомой мне личностью. Это был старый революционер по фамилии Крамаров. Теперь он был интернационалистом и сотрудничал с большевиками. Тем не менее он смело протестовал против методов, применяемых ЧК, и, когда услышал о моем аресте, стал энергично добиваться моего освобождения. Теперь, когда его усилия наконец-то увенчались успехом, он лично пришел в крепость, чтобы убедиться, что охрана тюрьмы не учинит надо мной расправы.

Я тепло пожал руку тем, кто оставался в заточении, ибо миг освобождения всегда бывает омрачен мыслью о тех, кто еще не может вырваться из застенков. Перед тем как выйти из крепости, мы зашли в приемную, чтобы комендант поставил свою подпись на приказе о моем освобождении, и Крамаров, не скрывая своего презрения к этому зверю, обратился к Павлову:

– Как думаешь, когда тебя, паразита этакого, повесят?

Эти оскорбительные слова ничуть не обидели коменданта и даже, кажется, пришлись ему по душе.

– Какой же черт сможет меня повесить? – ответил он со смехом.

Крамаров заметил ему на это, что знает многих людей, которые с удовольствием сделали бы это, на что Павлов сказал в свою очередь с видимым удовольствием:

– Знаю, знаю, только большинство из них сейчас находится здесь, в моей гостинице.

Через десять минут после пятидесяти семи дней и ночей заключения я вышел за ворота крепости[12*].

Глава десятая

ИГРА В КОШКИ-МЫШКИ

Примерно еще неделю мы с женой оставались в Петрограде, после чего отправились в Москву[1*]. Город Петра Великого умирал, а вместе с ним заканчивалась целая эпоха российской истории, длившаяся два столетия, в течение которых Московское царство превратилось в Российскую империю и были достигнуты большие успехи в искусстве, литературе и науке. Теперь все это прошло. Тысячи петроградских семей, столкнувшись с угрозой голода и испытывая смертельный страх перед нашествием немцев, которые стремительно приближалась к столице, убегали из города. Даже большевистское правительство перебралось в Москву. Кое-как закончив свои дела и заручившись твердым обещанием правительства, что мои товарищи будут освобождены из Петропавловки, мы с женой после невероятных усилий достали билеты с местами на московский поезд. С тяжелой душой покидали мы Петроград, потому что за спиной у нас оставалось все наше прошлое, а что ждало нас впереди, мы и сами не знали. В грязном переполненном вагоне нас окружали изможденные лица, исстрадавшиеся тела, преступные физиономии большевистских прихвостней, всякий гнусный и разнузданный сброд. Мы прижались лицом к немытым окнам. Прощай, любимый город, прощай! Памятник Петру Великому, пока еще стоящий на Адмиралтейской набережной[2*], вселяет надежду, что Россия, и русский народ все-таки не окончательно обречены. Теперь вперед! Пока еще живы наши надежды, пока еще не иссякло наше мужество[3*]… Не было ли сказано: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»[4*]. И не говорил ли основатель Петербурга: «Знайте, что жизнь для Петра ничего не значит. Главное для меня – то, что Россия будет жить и процветать»[5*]. С таким настроением мы спокойно перенесли 37-часовой путь до Москвы, хотя в нормальные времена на дорогу уходило около 14 часов.

Москва! «Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось»[6*]. Теперь же, если Петроград производил впечатление умирающей столицы, то Москва напоминала растревоженный муравейник. Беженцы толпами устремляются в город, большевистские власти пытаются вдолбить коммунистические доктрины в народ, который их ненавидит; крестьяне незаконно ввозят и продают продукты и хлеб, тем самым спасая население от голода, препирающиеся между собой политики и интеллектуалы – все это вместе

со взбудораженными массами производит впечатление бурно кипящего котла. Многие дома сгорели, еще больше повреждено, на стенах видны следы от пуль и снарядов. Некоторые улицы, например Пречистенка и Никитская, полностью разрушены[7*]. Приехав в Москву, я позвонил одному своему другу. Раньше он был богатым торговцем, теперь его «национализировали»; все его имущество, даже мебель и домашнюю утварь, «реквизировали». Оставили только голые стены и велели съехать с квартиры в трехдневный срок. Я спросил его, что он думает делать.

– А что тут поделаешь? – невозмутимо ответил он. – Вместе с больной женой переедем на время в дом моего друга, который предложил нам комнату. Мне не так уж плохо, как ты мог подумать. Им больше нет дела до меня. А я, как свободный пролетарий, могу гулять, смотреть, наблюдать. О чем я больше всего жалею, так это о том, что богатство мое пошло не на общее благо, а досталось прохвостам.

На следующий день я встретился с другими своими друзьями, среди них – ученые, студенты, политики, много рабочих и крестьян. У всех вызывал яростный гнев и негодование позорный Брест-Литовский договор[8*], отдающий Россию в руки беспощадной Германии и разрушающий ее как в финансовом, так и в нравственном отношении. В Москву тысячами устремились те, кто решил выработать конструктивный план спасения имени России от позора и бесчестия. Что-то надо было сделать, чтобы остановить процесс разрушения, причем быстро, ибо нравственность населения начала падать. Обезумевшие от голода крестьяне и рабочие начали уже бастовать, устраивать мятежи и грабить. Большевики ничего не делали, чтобы восстановить мир. Наоборот, после разгона Учредительного собрания они начали разгонять все недавно избранные Советы, которые в какой-то мере сопротивлялись их тирании. Деспотичная природа их политики с каждым днем становилась все более очевидной. В то время как самовольно назначенная (не избранная) Всероссийская конференция Советов проводила свою встречу в Москве, в которой активное участие принимал глава американского Красного Креста полковник Раймонд Роббинс и которая приветствовала «власть рабочих и крестьян»[9*], мы возобновили нашу деятельность. Мы знали, что страна слишком измучена и крайне деморализована, чтобы рассчитывать на победу, и все же надеялись, что в общественной и частной жизни нации есть еще силы для возрождения. По этой причине мы организовали ядро Союза возрождения России[10*], в который вошли либеральные партии, начиная с социалистов и заканчивая более радикальными членами Конституционно-демократической партии. Мы хотели, во-первых, выяснить умонастроение народа во всех областях России, а во-вторых, разработать планы военной обороны нашей страны от дальнейшего вторжения германских войск. Все наши собрания и совещания должны были

сохраняться в тайне, так что пришлось оживлять старые методы конспирации, которые, как мы думали, навсегда остались в прошлом после свержения царя.

– Хорошие привычки всегда пригодятся, – говорил Аргунов, обладавший большим опытом революционной работы, что делало его в этом отношении кем-то вроде лидера даже среди таких же опытных революционеров, как и он сам.

Моя личная связь с этим новым обществом была ограничена по причине плохого состояния здоровья, вызванного нервным перенапряжением, интенсивной научной работой перед самой революцией, последующим тюремным заключением и, наконец, недоеданием. Мне были предписаны отдых и хорошее питание, и, чтобы обеспечить себе и то и другое, я решил провести три или четыре недели в одном из городов на Волге[11*]. И вот в один мартовский вечер мы с женой отправились на Павелецкий вокзал с билетами в карманах в надежде занять места в поезде. Билеты в нашей коммунистической стране достать было непросто, но после двух дней хлопот и уговоров мы их получили. На вокзале никто не мог сказать, когда отправляется поезд, но огромная толпа готовилась кинуться в него, как только он подойдет. После 7 часов он прибыл на станцию, и тут началось нечто неописуемое. Вся эта огромная толпа бешено рванулась вперед, люди давились, орали, дрались, не пропускали друг друга, карабкались по телам других, чтобы наконец-то занять места в поезде, на крыше вагонов, на платформах между вагонами и даже на тормозных колодках под ними. Нам с женой мест вообще не досталось, так что мы вынуждены были вернуться назад в наше временное пристанище. На следующий день мы попробовали опять, и, я думаю, мы бы никогда не вырвались из Москвы, если бы не находчивость одного моего опытного друга.

– Я этот вопрос решу, – сказал он и действительно на следующий день решил, так что еще до того, как поезд подошел к станции, мы уже удобно устроились в спальном вагоне. Мы поинтересовались, как же он добился этого чуда, и он ответил:

– Наивный ты человек! Я просто повернул ключ, которым в нашем коммунистическом раю отпирают все двери: сунул взятку комиссару.

Мы решили, что получать таким способом преимущество перед обычными пассажирами неэтично, но мы так измучились, а в купе было так тепло и уютно, что у нас не хватило мужества покинуть наши места. Мы возражали, но довольно слабо.

– Не будьте дураками, – сказал наш практичный друг. – С волками жить – по-волчьи выть.

– А что, все, кто сидит в этом поезде, получили места таким же способом? – спросил я.

– Конечно. А как же еще?!

Когда поезд подошел к платформе, мы наблюдали из окна ту же самую шокирующую картину: обезумевшие люди, дерущиеся, чтобы попасть в поезд, кто-то карабкается на крыши вагонов, кто-то залезает на тормозные колодки. Страшно было слышать истошные вопли тех, кто получил травмы или оказался под ногами толпы, ругань более сильных и жестоких. Через полчаса после отправления поезд остановился от внезапного сотрясения, из-за которого сорвались два пассажира, державшиеся на площадке за поручни. Их изувеченные тела подобрали и небрежно бросили в багажный вагон, после чего движение продолжилось. Это случилось еще несколько раз, освободившиеся места жертв сразу же занимали те, кто сидел на местах менее удобных. На каждой станции повторялась одна и та же дикая картина: давка, драки и прокладывание дороги в битком набитый душный поезд. Станционные служащие и солдаты с винтовками пытались удерживать толпу, но тщетно. В одном месте солдаты даже открыли огонь по людям.

Наконец, претерпев все эти мучения, мы добрались до Козлова[12*]. До этого купить какую-нибудь еду было невозможно, но здесь был и хлеб, причем настоящий хлеб, и полно мяса и молока. Пассажиры с риском потерять свои места в поезде сделали безумную вылазку за этими продуктами. Чтобы это понять, нужно знать, что такое голод. Как дикие звери, мы дрались друг с другом, тащили, толкали, пинали друг друга и хватали, сколько могли, этого драгоценного хлеба и мяса, после чего скорее давились им, чем проглатывали. О, какое это счастье – держать в своих руках хлеб, настоящий хлеб! Вдыхать его запах, откусывать от него, медленно пережевывать, упиваться каждым его кусочком, пока ты не почувствуешь наконец, что больше не голоден! Прав был Гюйо, когда писал, что иногда выпить стакан молока в швейцарских горах – значит испытать не меньшее ощущение красоты, чем какое испытываешь при чтении прекрасного романа[13*]. Люди, которые никогда не испытывали голод, не могут этого понять.

На следующее утро мы добрались до Волги. Здесь тоже революция оставила свои кровавые следы, так как крестьяне в деревнях поднимали яростные мятежи. Коммунистические войска забирали у крестьян зерно, молоко и мясо, а они пытались защитить свою собственность силой, в результате чего с обеих сторон были убитые и раненые. К моменту нашего приезда в этот волжский городок коммунисты собрали большое количество войск для подавления крестьянской «анархии». Умонастроение в городах, особенно среди рабочих, было очень враждебно по отношению к большевикам. Через несколько дней после нашего приезда состоялись выборы в городской и губернский Советы. Коммунисты собрали лишь ничтожное меньшинство голосов, поэтому они захватили Совет, разогнали его, арестовали большинство его членов и вместо них назначили своих депутатов. Возмущение населения этим произволом было так велико, что с минуты на минуту ожидался всеобщий взрыв, равный по силе гражданской войне. Сопоставив все эти сведения и желая оказать помощь в организации сил для будуще-

го всероссийского движения против коммунистов и немцев, я тайно оставался в этом городе четыре недели. Имея немного свободного времени, я возобновил свои прерванные научные занятия и сделал первые наброски моей «Системы социологии». Относительно хорошее питание, покой и правильный образ жизни способствовали быстрому улучшению моего здоровья. Но, получив несколько срочных телеграмм из Москвы, 4 мая я оставил свое сельское уединение.

Если поездка от Москвы до Волги была малоприятной, то обратная дорога оказалась еще хуже. Поезд был забит мешочниками[14*], преимущественно крестьянами, везущими мешки с мукой и картошкой, чтобы продавать их в Москве. Эта безобидная торговля, которую коммунисты преследовали как контрреволюцию, была чрезвычайно опасна для тех, кто ею занимался. В поездах полно было специальных отрядов, основными задачами которых была конфискация продуктов питания и арест мешочников. Но надежда заработать пересиливала страх наказания, поэтому мешочники продолжали свое дело. Давая взятки правительственным чиновникам и используя все мыслимые ухищрения, они ездили туда и обратно, и те продукты, которые они умудрялись тайком провозить в города, безусловно, спасали тысячи людей от настоящего голода. Магазины и лавочки были закрыты, вся частная торговля запрещена, но продажа и покупка продуктов продолжались, как продолжалась и сама жизнь. Большевистские агенты ворвались в наше купе, арестовали одного из мешочников и увели его в последний вагон поезда, где сидели другие «преступники» и «контрреволюционеры». Через короткое время он вернулся, и остальные пассажиры полюбопытствовали:

– Сколько же ты заплатил?

С отчаянием в голосе он ответил:

– Все, что у меня было. Два пуда муки и десять фунтов масла. Надеялся, что продам их и куплю косы и гвозди. А теперь – ни кос, ни муки, ни масла.

– Не расстраивайся, дружище, – сказал ему один крестьянин (из числа пассажиров), – может, тебе еще повезет.

Вскоре два правительственных агента снова вошли в наш вагон, и этот крестьянин обратился к ним со словами:

– Послушайте, товарищи, вы забрали у этого малого все, что у него было. Не слишком ли это много?

– Заткнись! – заорал на него большевик. – Не твоего ума дело.

– Не кричите на меня, товарищи, я не собака. Вы должны вернуть этому человеку хотя бы половину.

– Заберите его в задний вагон, – скомандовал агент.

Но крестьянин улыбнулся и, погладив свою бороду, сказал довольно приветливо:

– Не торопитесь. Я не боюсь ареста, но если вы меня арестуете, то обо всех полученных вами взятках, обо всех ваших поборах, в том числе и об этих

двух пудах муки и десяти фунтах масла, станет известно, и как бы вам самим не оказаться в той же тюрьме. Не лучше ли будет отдать обратно половину муки и масла?

– Что ж, мы подумаем над этим, – проворчал агент.

Мешочник получил обратно половину своей собственности. За две версты до Москвы торговцы едой выбросили из поезда свои мешки и спрыгнули сами, рискуя сломать себе шею. Только так могли они избежать ареста на станции.

В Москве продолжали действовать всевозможные антибольшевистские группировки. Союз возрождения России, Союз спасения родины и революции[15*], возглавляемый Савинковым, социалисты-революционеры, социал-демократы и партия конституционных демократов – все они боролись, усердно помогая друг другу. Вынашивались планы всеобщего восстания против большевиков и немцев. Назревал конфликт левых эсеров и большевиков: эсеры подозревали, что вожди большевиков предательски сговариваются с немцами. Возник даже конфликт между большевиками и чехословацкими легионерами. Одним словом, большевистские вожди настолько дискредитировали себя, что вынуждены были для укрепления своих вооруженных сил набирать в них латышей, немецких и австрийских военнопленных, китайцев и всякого рода авантюристов и преступников. Именно в это время, когда возобладало антибольшевистское общественное мнение, и началось настоящее царство большевистского террора.

В результате серьезных изменений, которые произошли внутри социалистических партий, многие из тех, кто раньше имел крайние и доктринерские взгляды, сделались более умеренными. Многие, увидев, как воплощается социализм на практике, и почувствовав к этому отвращение, отреклись и от теории.

Сразу после моего возвращения мы затеяли издание своей газеты «Возрождение», но едва вышел первый номер, как большевистские агенты ворвались в редакцию и арестовали редакторов[16*]. Они уничтожили весь тираж газеты, разбили формы и матрицы, переломали печатные станки. Тем не менее мы продолжали писать и за месяц наладили регулярный выпуск газеты. Снова началась игра в кошки-мышки, но теперь она велась с большей жестокостью. Изобретательность «мышки» состояла в том, что она разработала систему условных знаков, оповещавших об опасности, которые использовались во всех домах и квартирах, часто посещаемых по редакционным делам. Были разработаны особые способы выхода изо всех зданий, и многие из них помогли нам избежать даже малейшей ошибки. Здесь не место о них рассказывать, но они были изобретательными, хитроумными, а иногда и просто рискованными.

В эти дни я встретился в Москве с Керенским, которого не видел с момента большевистской революции. Когда я пришел к нему домой, мне навстречу вышел обросший бородатый мужчина в толстых синих очках; внешностью он походил на интеллигента 60–70-х годов. За те шесть месяцев, что он скрывался,

Керенский совершенно изменил свою внешность и теперь мог передвигаться, не опасаясь, что его кто-нибудь узнает. Он рассказал мне, что за это время написал свою версию корниловского дела[17*], и хотел, чтобы мы напечатали некоторые ее главы в нашей газете. Мы на это согласились. Керенский казался спокойнее и проще в обращении и произвел на меня впечатление умного и искреннего человека, который мог бы быть учителем или проповедником. С трудом можно было поверить, что этот человек всего лишь несколько месяцев назад фактически правил всей Россией[18*].

К концу мая подавляющее большинство членов Учредительного собрания и Союза возрождения России начали разъезжаться из Москвы, и я решил, что, по крайней мере временно, должен поработать где-то еще. Проведя два дня в Петрограде, я отправился в Великий Устюг Вологодской губернии на севере России[19*]. Время разглагольствований и прочих приготовлений прошло. Настало время действовать.

В Архангельске продолжалась самая беспощадная «чистка». Большевистский комиссар Кедров отправлял людей на тот свет сотнями и тысячами. Жертв расстреливали, топили или убивали, изувечивая неописуемым образом. Крестьян «национализировали», то есть отнимали у них почти все зерно. Горожан, особенно тех, кто осмелился протестовать против зверств, брали на заметку, обирали и арестовывали. Чувствуя, что земля уходит у них из-под ног, большевики стремились упрочить свое положение с помощью безграничного террора.

В Вологодской губернии ситуация была несколько лучше, хотя наступление красного террора здесь тоже ощущалось. Поэтому я должен был передвигаться с осмотрительностью и скрывать подлинный характер своей миссии, которая заключалась в том, чтобы организовать в Устюге и Котласе работу в соответствии с планом свержения большевиков в Архангельске. Район Устюг–Котлас играл важную роль в этом плане. Расположенный между Вологдой и Архангельском в устье трех рек – Вычегды, Сухоны и Двины, этот район был центром, где сосредоточилось огромное количество стратегических запасов. Как соединительному звену с антибольшевистской Сибирью, этому району предстояло сыграть чрезвычайно серьезную роль и в предполагавшемся открытии Восточного фронта против немцев, и в свержении большевиков, и в восстановлении Учредительного собрания. Освободить Север России – Архангельск, Устюг, Вологду и Ярославль, с одной стороны, Поволжье и Центральную Россию, с другой, – так по плану должно было осуществиться соединение с Сибирью и окружение столиц, оккупированных большевистскими войсками. То обстоятельство, что район Устюг–Котлас был моим родным краем, где я обычно проводил лето, очень помогало мне в осуществлении моей миссии.

Встретившись в Вологде со многими людьми, занимавшимися той же политической работой, что и я, мы с женой отправились в Устюг на «национализиро-

ванном» пароходе, который заполонили крестьяне, направлявшиеся из голодных областей в Устюг в надежде разжиться там хлебом и мукой. Истощенные, одетые в лохмотья, они громко проклинали коммунистов и всю их «коммунию». В тот вечер я гулял по палубе, когда меня неожиданно окликнул один мужик.

– А мне кажется, что я вас знаю, – сказал он.

Вот уж чего я меньше всего хотел во время этой поездки, так это узнавания. Поэтому я не отозвался.

– Помните митинг полковых представителей в Петрограде сразу после большевистской революции? Помните, как вы предостерегали нас против большевиков? Я был на том митинге и хорошо помню ваши слова. Какие же дураки мы были! Слепые и глупые бараны! Мы тогда не поверили вам, а теперь видим, что вы были правы. Тогда мы этого не понимали, а теперь поняли, но, наверное, уже слишком поздно.

– Лучше поздно, чем никогда, – сказал я.

– Конечно. В течение этих ужасных месяцев я много раз вспоминал ваши слова. Если бы сейчас были выборы, я голосовал бы только за вас. Потому что вы понимаете.

– Пожалуйста, не говорите никому, что узнали меня, – попросил я.

И он пообещал[20*].

На следующий день большевистские комиссары проверили у меня документы и, не зная меня в лицо, отпустили. Мышь ускользнула еще раз, и мы благополучно сошли на берег в Устюге. Здесь застали ожесточенную борьбу между коммунистами и устюжским Советом, городским и губернским самоуправлением (Земством). Большевики, которые не могли получить большинства ни в одном из этих представительных органов, пытались, конечно, разогнать их, но тех поддержало население, и они продолжали функционировать. Тем не менее рано или поздно к их руководителям и членам применили бы силу и арестовали. О моем приезде сразу же стало известно, и не только национально настроенным сторонникам, но и большевикам, которые следили за мной днем и ночью. Я прикинулся, что приехал сюда только на ежегодный отдых, не посещал публичных собраний, не произносил речей и отказывался от любых приглашений на участие в политических мероприятиях. Я спокойно продолжал свои занятия, писал «Общую теорию права»[21*], ходил в гости к друзьям, гулял по лесу и купался в чистейших водах Сухоны. Столь невинное поведение несколько снижало подозрительность по отношению ко мне, сбивало с толку шпионов и пробуждало ко мне доверие со стороны многих коммунистов, которые в прежние времена были моими студентами и друзьями. Они не хотели, чтобы меня арестовали, и моя нейтральная позиция, таким образом, облегчала им жизнь.

Не стоит и говорить о том, что моя нейтральность была чистой фикцией. Мои прогулки, развлечения, купания и визиты были на самом деле встречами, на

которых мы подробно обсуждали планы и готовились к свержению большевиков в Устюге и Котласе, и за две недели после моего приезда наши приготовления были практически завершены. К середине июня, однако, ситуация осложнилась. Центральное правительство, недовольное примиренческой политикой местных коммунистов, прислало комиссию из латышских, еврейских и русских коммунистов, чтобы ускорить процесс ликвидации капитала и установить диктатуру пролетариата. Эти вновь прибывшие вели себя, как победители среди побежденного народа. Они пытались изгнать представительные органы из занимаемых ими помещений, арестовать лидеров и всех торговцев, изгнать «капиталистов» из их домов, закрыть рынки и выкачать из буржуазии непомерно большие налоги. Местные коммунисты не осмелились протестовать против этой повальной коммунизации, а мы со своей стороны решили, что единственно правильная наша позиция – это пассивное сопротивление. До переворота в Архангельске мы не могли раскрывать наши планы, поэтому старались только освободить тех, кто отказывался платить огромные налоги. Крестьян, отказывавшихся закрывать рынки, а городскую и земскую управу и другие представительные органы, которые каждый день разгоняли, мы просто снова собирали. Комиссары издавали указы один за другим, но у них не хватало сил, чтобы следить за их исполнением.

Однажды мы отправились на «пикник» недалеко от старинного Троицкого монастыря – на противоположном берегу реки[22*]. В самый разгар собрания из Устюга пришел один друг с известием о том, что группа коммунистов ворвалась ко мне в дом и в дом Зепалова с ордерами на его и мой арест. Зепалов – молодой поэт и криминолог, руководитель устюжских социал-демократов. До революции он прятал от ареста некоторых из этих самых коммунистов и помогал им деньгами. Это был очень талантливый, великодушный и чрезвычайно обаятельный молодой человек. После революции он, как и многие другие, занял умеренную позицию, а теперь был одним из принципиальных противников большевиков. Нам пришлось менять наши адреса на новые, неизвестные коммунистам, и мы той же ночью перебрались в деревенский дом неподалеку от города. На Двине есть множество островов, вот на одном из них мы и нашли убежище. На берегу не оказалось ни одной лодки, поэтому мы разделись, чтобы по возможности не намочить свои вещи, и доплыли до первого острова. Не одеваясь, мы прошли его насквозь.

– Жаль, нет у нас фотоаппаратов, чтобы сделать сейчас наши снимки, – сказал Зепалов. – Представители русского народа и русский редактор на революционном пикнике.

– Никогда не думал, что умение плавать необходимо для революции, – признался я.

– Ты должен предложить в Учредительном собрании закон, обязывающий каждого серьезного политика заниматься спортом, – сказал Зепалов.

Освежающий ветерок, песок под ногами, вечерняя красота настроили нас на добродушно-веселый лад. Мы, словно дети, смеялись, шутили и радовались всему, совсем не опасаясь, что нас могут поймать. Наконец мы переплыли последний пролив, надели намокшую одежду и пошли к деревенскому дому. На следующее утро Зепалов, который был очень весел во время нашего перехода, вышел к завтраку бледный и расстроенный.

– Сон мне приснился, – объяснил он. – Страшный сон. Будто я стою в церкви на собственной свадьбе. Стою с невестой у алтаря и вдруг вижу себя на гильотине, а рядом – Ветошкин (бывший друг, а теперь ярый коммунист) в роли моего палача. Я хотел поцеловать свою невесту и мать, но он сунул мою голову под нож и крикнул: «Боги жаждут!» Нелепо, конечно, придавать значение жутким снам, но я не могу избавиться от нехорошего предчувствия.

Зепалов собирался жениться и к тому же читал в то время роман Анатоля Франса о Французской революции «Боги жаждут»[23*] – этим, по-видимому, и объяснялся его дурной сон, от которого он пробовал отшутиться. Прелесть дня и красота полей и лесов, по которым мы гуляли, вернули ему его обычное хорошее настроение. С этого времени мы и другие «конспираторы» перешли на нелегальное положение, продолжая разрабатывать наши планы и ожидая их выполнения.

В конце июня Николай Чайковский отбыл из Вологды на пароходе «Учредитель»[24*]. Перед этим я получил неподписанную телеграмму, в которой мне советовали сесть на тот же пароход и выехать вместе с Чайковским в Архангельск. В телеграмме сообщалось, что разрешение на въезд в город будет ожидать меня в Котласе или в Усть-Пинеге. Это сообщение меня обеспокоило, потому что могло навести на подозрение, что мой отдых не такой уж невинный, каким я его изображал. Но, поскольку это был приказ, я изменил свою внешность и присоединился к Чайковскому на пароходе. Он тоже преобразился: подстригся и сбрил бороду. Поездка была чрезвычайно опасным делом. Документы, как нам было известно, проверялись очень строго, а единственными бумагами, какие мы могли предъявить, были удостоверения, в которых значилось, что мы направляемся в Пинегу для исследования деревенских коммун. На наших документах не было официальных печатей и подписей, но мы надеялись, что они хотя бы неформально защитят нас от подозрений. Попади мы в лапы выродка Кедрова, и легко предугадать, какая участь нас ожидала бы. Все наши надежды были на пропуска, разрешающие въезд в Архангельск, которые мы должны были получить в Котласе. В остальном мы рассчитывали на тупость большевистских контролеров и на слово «коммуна» в наших бумагах. Прибыв в Котлас, не застаем там никаких пропусков. Может быть, они будут в Усть-Пинеге. Во всяком случае, нам надо ехать дальше.

Мы старались по возможности не выходить из своей каюты. Многие на пароходе знали меня, и если я выйду на палубу, то меня может кто-нибудь узнать,

и пойдут расспросы. Так, одним прекрасным вечером мы сидели в нашей каюте, любуясь на то, как Двина за бортом сверкает в лучах заходящего солнца. Вдруг послышался громкий стук в дверь, и вошли два комиссара для проверки наших документов. Мы их сразу достали, и комиссары, просмотрев их, спросили:

– Почему нет официальной печати?

– А это что такое? – спросил я, указывая на штамп Вольного экономического общества[25*].

– Я не знаю такого советского учреждения, – сказал один из них.

– Вот как? – удивился я. – А ведь это общество, которое первым начало бороться против царя еще сто лет тому назад. Вы что, не знаете, что сам Ленин и многие другие революционеры участвовали в его работе? Удостоверения этого общества лучше, чем любого другого советского учреждения. Вы разве не читали, что Ленин предоставил ему особые льготы?

Комиссар явно смутился.

– Нельзя же требовать от нас, чтобы мы читали все декреты, – сказал он.

– Конечно, нельзя, – милостиво согласился я. – Мы едем в Пинегу организовывать коммуну среди крестьян. Русский коммунизм, как вы знаете, не вчера родился. Он возник много лет назад, чем и объясняются наши нынешние великие успехи.

Теперь уж бедный комиссар совсем сконфузился.

– Простите нас, товарищи, – сказал он напоследок. – Так много развелось контрреволюционеров, что мы должны быть очень бдительными, чтобы ни один не проскочил.

Через двое суток мы добрались до Усть-Пинеги, но там нас опять ждало разочарование: на почте никаких писем не было. Нам ничего не оставалось делать, как послать телеграмму и ждать в деревне, которая была в 60 верстах от Архангельска. Деревня была настолько бедной, что никаких продуктов достать было невозможно, и к тому же крестьяне, принявшие нас за большевистских агентов, не хотели нам ничего продавать.

– Идите к комиссарам, – говорили они. – У них все есть, а у нас ничего.

Вскоре нас подозвали два комиссара, матросы из Кронштадта, и потребовали предъявить документы. Мы опять соврали удачно. Прошел еще один день, телеграмма не пришла, и мы уже начали думать, что случилась какая-то беда. На второй день прислали пропуск, но только для Чайковского. Мы договорились, что сразу по приезде в Архангельск он свяжется со мной. Мое положение было довольно щекотливым. Пока придет известие от Чайковского, мне придется прождать в деревне по меньшей мере дня три. Пароходы в Пинегу отправляются ежедневно, а я, направляющийся туда для изучения деревенских коммун, зачем-то остаюсь в этой крошечной деревушке. Это не могло не вызвать в скором времени подозрений, да к тому же я остался на полуголодном пайке. Тем

не менее я должен подтвердить свое положение в глазах комиссаров, поэтому я взял бумагу и карандаш и начал обходить дома, задавая крестьянам вопросы об организации их деревенской коммуны, формах крестьянского самоуправления, разделе и перераспределении земель и т.д. С матросами-комиссарами я тоже был на дружеской ноге. Они приглашали меня к себе в дом, кормили хорошим обедом, поили чаем и даже водкой. Обилие еды и алкоголя среди голодающего населения, две любовницы у каждого, не считая насилия над деревенскими девками, – таков был стиль жизни этих борцов за всеобщее равенство и братство. Слушая их доверительные рассказы об их зверствах и насилиях, я испытывал ужас и отвращение, но должен был выдерживать свою роль до конца.

Погода стояла чудная, и я проводил время, занимаясь своими «исследованиями», гулял и купался, осмотрел старую часовню XVI века. Однажды, прогуливаясь по берегу реки, набрел на тело утопленника, прибившееся к берегу. Его сначала застрелили, а потом сбросили в воду, но нельзя было определить, убит ли он в драке или стал жертвой кровавого революционного насилия.

На третий день пришло ожидаемое сообщение. «Груз запаздывает прибытием. Продолжайте исследование сельских коммун», – гласила телеграмма. Это означало: «Английский десант запаздывает, возвращайтесь в Устюг–Котлас». Я телеграфировал в Устюг: «Каковы цены на мех?» Получаю ответ: «Такие же, как были». На следующем пароходе я вернулся в Устюг, где мы продолжили подготовку к свержению большевиков, которое начнется, как только переворот в Архангельске увенчается успехом.

Глава одиннадцатая

СКИТАНИЯ

Большевики концентрировали свои силы в Устюге и Котласе, удары ЧК становились все более и более сильными, а аресты и обыски – ежечасными. Устюг производил впечатление театра военных действий, и казалось, что день переворота[1*] в Архангельске приближается. Тем не менее от наших товарищей не было никаких вестей, как не был прислан и обещанный мне пропуск. Что случилось? Какие-то недоразумения между руководителями? К началу августа признаки переворота в Архангельске стали заметны. Высокие коммунистические чины готовились бежать из Устюга и Котласа и даже погрузились на пароходы, прихватив с собой много заложников из городов и все деньги и ценности, которые смогли прибрать к рукам. Казалось, что в наших местах безопасно, но однажды ночью один друг разбудил меня, предупредив, что большевистская «армада», свергнутая в Архангельске, на двенадцати пароходах приближается к Устюгу. Все члены нашего штаба также были подняты, и остаток ночи мы провели, прячась в лесах.

Что было делать? Мы не получили никаких указаний ни из Архангельска, ни из Вологды, и не знали, преследуют ли «армаду» антибольшевистские силы или нет. Нам удалось только выяснить, что «армада» в панике, и мы решили, что своими небольшими силами сможем рассеять ее. Уповая на подкрепление из Архангельска, мы приготовили баржу для затопления в Сухоне, чтобы предотвратить дальнейшее приближение большевистских пароходов. В полдень один из матросов «армады», член нашей группы, пришел в мое убежище и уговаривал меня бежать из Устюга, так как большевики на пароходах поклялись расстрелять меня. Но я сказал ему, что подожду, пока они меня поймают.

В тот вечер мы пришли к выводу, что наш план остановить большевистские пароходы невыполним, ибо наши силы слишком малы, чтобы действовать без поддержки. Через несколько дней ситуация должна была проясниться. Если большевики сумеют успешно нам противостоять, то единственным результатом наших усилий станет расстрел заложников и всеобщее кровавое побоище. Прошло три дня. Никаких вестей. Никаких признаков приближения наших союзников. «Армада» действительно оправилась, благодаря новым отрядам из Вологды, и началась новая вспышка террора. Поскольку дальнейшее наше сопротивление стало невозможным, мы решили скрыться в лесах, прилегающих к одной ди-

кой речке. Надежда почти умерла в наших сердцах. Наконец мы услышали, что антибольшевистские войска остановлены у Березников, почти в трехстах верстах от нас. Стало ясно, что до Устюга они не дойдут и что единственный возможный для нас способ, каким мы могли теперь добраться до Архангельска, – это форсированный марш. Пока шли приготовления к переходу до Архангельска, мы решили некоторое время провести в окрестностях Устюга, разделившись на несколько групп и договорившись о способах связи. Мы обнялись напоследок и разошлись в разные стороны.

– Прощайте, друзья! Да здравствует Россия!

– Прощайте, прощайте, до лучших времен.

Увы, для многих из нас час следующей встречи так и не настал. Эти храбрые патриоты пали за Родину и теперь покоятся в вечном мире.

Сначала я направился в одну деревню, где провел два дня у знакомого мужика. Затем перебрался в другую – так началось мое «кружение» вокруг Устюга. Не так-то просто жить на нелегальном положении в русской деревне, где каждый посторонний человек возбуждает подозрения. В условиях гражданской войны, когда шпионов было хоть пруд пруди, невозможно было угадать, кто из сотни друзей, готовых предоставить убежище, предаст тебя. Теперь, вспоминая то время, не могу не выразить моей глубокой признательности тем великодушным и смелым крестьянам, которые с риском для себя укрывали меня и помогали перебираться с одного места на другое. Если в настоящий момент я сохранил голову на плечах, то это благодаря тем верным «Иванам», которые спасали меня от грозящей опасности, как могли, заботились обо мне, обеспечивали мою связь и свидания с женой – словом, всячески старались помочь мне. День проходил за днем безо всяких новостей, если не считать бодрого письма, в котором сообщалось, что хотя чекисты не знают, где я – в Устюге или Архангельске, но зато распространили мои фотографии вкупе с приказом о немедленном моем расстреле при задержании. Террор в Устюге становился все более жестоким, и студент Двужильный, один из самых энергичных наших сотрудников, был пойман.

– Бедняга Двужильный. Да поможет тебе Бог, – вздыхал я. – Боюсь, что твоя история подошла к концу.

Утром на второй день моего пребывания у знакомого крестьянина в дверь постучался человек и спросил, как дойти до Галуево. Я догадался, что он не тот, за кого себя выдает, но указал ему направление, поинтересовавшись:

– Кого вы хотите увидеть в Галуеве? Я работаю там учителем и всех знаю.

– Мне сказали, что в Галуеве можно купить муку.

– Лучше идите в Вознесение, – посоветовал я. – Галуево – очень бедная деревня, и вполне возможно, что там вы ничего не получите. А вы откуда?

– Из Грязовца, – был ответ.

Повторив свой совет относительно более богатой деревни Вознесение, я попрощался с ним и посмотрел, как он уходит. Мой знакомый крестьянин, который, как и я, узнал в нем латыша, некоторое время незаметно следовал за ним. Когда он вернулся, я поинтересовался:

– Чекист?

– Безусловно, – ответил он.

Сунув в карман револьвер, я поспешил в соседнюю деревню, где договорился встретиться в тамошней школе со своей женой и одним надежным другом. Они пришли вечером, и мы отправились к деревушке в лесу, находившейся довольно далеко от остальных поселений. Наш друг, у которого здесь жила родня, представил нас как инженера Данилова и его жену, отдыхающих на даче после волнений в Петрограде. Неделю мы провели в этом глухом месте, собирая ягоды и грибы, а также читая «Римскую историю» Моммзена и романы Загоскина. Еды у нас было полно, окрестности живописны, любезные соседи. После того как жена с моим другом под тем предлогом, что им надо побывать в Устюге, ушли, я собирался отдохнуть здесь еще несколько дней. Но вечером ко мне пришел посланник, сообщивший, что завтра, если даже не сегодня вечером, здесь уже будут «охотники за головами».

– Отправляйтесь в деревню X, – посоветовал он, назвав деревушку, лежавшую на расстоянии в пятнадцать верст. – В деревне Y, в семи верстах отсюда, вам дадут адрес крестьянина из X, который вас и приютит. Но постарайтесь добраться туда ближе к ночи, чтобы вас никто не видел.

Если «охотники за головами» доберутся до моего укрытия этим вечером, меня не должно быть в доме, поэтому я пошел спать в баню, которую крестьяне на севере России пристраивают к жилищу. Посреди ночи я проснулся от какого-то шороха, схватил револьвер, выскочил из бани и побежал в лес. Тревога оказалась ложной. Шорох, который я услышал, исходил от крестьянина, решившего своровать несколько картофелин с огорода. Видимо, я напугал его, а он – меня. Ранним утром я направился в Y, где должен был получить адрес того крестьянина, к которому меня направили. Времени у меня было полно, и, идя по красивой лесной тропинке, я остановился и присел около большого муравейника, чтобы понаблюдать за их коммунистическим трудом. Какая же у них чудесная коммунистическая организация! Их дворец, безусловно, затмевает и египетские пирамиды, и греческие храмы, и средневековые соборы, и Эйфелеву башню, и даже американские небоскребы. Не у Маркса и не у прочих невежественных идеологов, а у муравьев следовало бы поучиться социалистам и коммунистам. Если бы им удалось превратить род человеческий в муравьев, остановить процесс эволюции и обратить большинство в абсолютных рабов ничтожного меньшинства, какое замечательное коммунистическое общество они бы построили! Но до тех пор, пока люди любят свободу и независимость, пока они стремятся к прогрессу, коммунистические проекты обречены на неудачу.

Около девяти часов я уже подходил к деревне Y, но, пробираясь по лесу, услышал голоса и спрятался за елкой.

– Ячмень у вас уже сжали? – спрашивал кто-то.

Судя по выговору, человек был не местный, и я стал слушать дальше.

– Только начинают жать, – ответил женский голос.

Я присмотрелся сквозь ветки и увидел, как по тропинке идут в полной амуниции и при оружии семеро солдат-латышей. Я подождал несколько минут, обдумывая, куда мне лучше пойти. До меня доносились звон коровьих колокольчиков, лай собак, блеяние овец, голоса крестьян – и вдруг я услышал выстрел из винтовки. Значит, в деревне осталась охрана, и мне нужно еще посидеть в моем укрытии. Пошел дождь, одежда моя промокла насквозь, живот подводило от голода. С утра я ничего не ел, не считая нескольких лесных ягод. Я не решался разжечь огонь, боялся даже походить взад-вперед, чтобы согреться. Единственное, что я мог, это делать гимнастику, приседая и поднимаясь, но это не особенно согревало.

Часа через три я вжался в землю, как заяц, услышав поступь возвращающихся солдат.

– Проскользнул, – расслышал я слова одного из них, а другой ответил:

– Ну и что? Если этот контра еще здесь, все равно от нас не уйдет.

Я решил выждать еще несколько часов и затем пойти в другую деревню, где у меня был знакомый крестьянин[2*]. Около трех часов утра, продрогший и страшно голодный, я осторожно выбрался на дорогу и днем был дома у своего знакомого. Он живо снарядил своего сына в Устюг с запиской от меня к моим друзьям, с просьбой найти мне убежище в городе. Затем я лег спать, но, несмотря на то, что две ночи не смыкал глаз, сон ко мне не шел. Лежа в мокрой одежде, как в компрессе, я чувствовал как меня лихорадит, и каждые несколько минут вскакивал на постели и прислушивался.

Сын моего друга вернулся и принес записку следующего содержания: «В полночь будь в лесу, около кладбища, где мы встречались раньше». В полночь! У меня, значит, пять часов на то, чтобы пройти почти тридцать верст[3*] по вражеской территории. Надев старый крестьянский пиджак, грязный картуз и фартук[4*] и сняв свои очки, я отправился в путь. Без двух минут двенадцать я был на месте, но там никого не было. Я тихо рассмеялся и вполголоса процитировал: «Едва часы пробили двенадцать, граф Монте-Кристо появился в условленном месте». В ответ услышал сдавленный кашель, и из мрака на тропинку вышли моя жена и один из моих родственников. Мы осторожно пошли к моему пристанищу, а по дороге жена заклинала меня, когда буду на месте, не производить ни малейшего шума, даже не чихать. Убежище оказалось крошечной полуразрушенной лачугой, находившейся так близко от двух небольших домов, что

я понял ее тревогу. Рядом с моей лачугой находилось кладбище. Лачуга, после того как я забрался внутрь и закрыл ветхую дверь, оказалась такой низкой, что я даже не мог сесть прямо; но мои друзья положили на пол войлочный коврик, растянувшись на котором я и попытался заснуть. Но тревожные мысли упорно лезли в голову. Там шла революция, о которой мечтали и за которую боролись столько тысяч людей. А здесь я, революционер, который, как жирондист XVIII века, вынужден скитаться по темным лесам и ночевать на кладбище.

Вдруг – выстрелы из винтовок. Один, два, три… Расстреливают. Я вспомнил, что место расстрела находится рядом, на другом конце кладбища.

– Что ж, – сказал я себе, – у этой лачуги есть свое преимущество. От нее так близко до места вечного упокоения, что мне не придется далеко идти.

В таком лихорадочном состоянии я провел всю ночь. Утром, к своей радости, я увидел, что в углу жена оставила еду, несколько книг и большевистских газет. Я ел и одновременно читал. Какие страшные новости! В Ярославле немцы-большевики расстреляли четыреста двадцать восемь человек! Пятьдесят контрреволюционеров расстреляны в Вологде. Семеро – в Устюге, двое из них крестьяне. «Кто не с нами, тот против нас. Все они – вне закона. Беспощадная смерть всем капиталистам и врагам большевиков. Уничтожим их, как ядовитых змей», – читал я.

Прошел этот долгий день, и я провел еще одну бессонную ночь, прислушиваясь к зловещему треску винтовок, доносившемуся с противоположной стороны кладбища. Было ясно, что я не могу здесь оставаться, и я подумал, что есть смысл уйти как можно дальше на север, где я точно нашел бы убежище у зырян. Оттуда я, может быть, смогу добраться и до Архангельска. Следующей ночью я прокрался в дом моей жены, откуда мы вместе с ней дошли до леса около города. Грустно было у нас на душе в эту дождливую ночь. Я словно бы ходил по кругу, не находя выхода. Тревога моей жены и друзей была еще сильней моей, но я ничем не мог успокоить их. Прячась в ночи, мы еще где-то с час шепотом обсуждали мои планы. Идея моя отправиться к зырянам была отвергнута. Пройти триста верст по местам, где меня знали и где в каждой деревне большевистские патрули арестовывали каждого встречного, было чистым самоубийством. Но как же иначе было решить мою проблему?

Словно в ответ на этот вопрос, наш разговор был прерван выстрелами из винтовок. О да, этот вариант выхода из ситуации представлялся вполне возможным, а может быть, и единственным. Я пытался успокоить жену, уговаривая ее вернуться домой. Бесшумно рыдая, она обняла меня и ушла, оставив меня в одиночестве и полном отчаянии. Лес, в котором я остался, был основательно вырублен, так что я уселся на пне, чтобы осмыслить свое отчаянное положение. Утром в лес пришли люди – собирать ягоды и грибы, валить деревья и еще черт

знает зачем. Меня заметил какой-то мальчишка и стал наблюдать за мной. Я прикинулся лесорубом, он, тем не менее, не отстал. Не шпион ли он? Бессонные ночи, треволнения, голод и холод довели меня до такого состояния, что я плюнул на все свои страхи и пошел на квартиру к знакомому, жившему на окраине города.

«Если мне суждено погибнуть, пусть меня пристрелят поскорее», – решил я про себя.

– Господи Боже! Что с тобой? – воскликнул знакомый.

Он напоил меня горячим чаем со спиртом[5*] и постелил мне в бане. После четырех бессонных ночей я заснул мертвым сном и несколько часов проспал безо всяких сновидений и тревог. Вечером меня остригли наголо, побрили и препроводили в другое приготовленное для меня укрытие. Это было низкое помещение между полом и чердачным потолком, без окон и даже без двери. Здесь я и возлег на медвежью шкуру, «как древнескифский царь», как сказал со смехом мой гостеприимный хозяин. В этой норе я не мог ни писать, ни читать, вообще ничего, кроме как думать. Я стал размышлять над механизмом человеческого поведения, о проблемах, над которыми работал еще до революции. «Мое поведение в данный момент, – думал я, – определенный комплекс реакций. Каковы их стимулы и какой черт загнал меня сюда, словно медведя в берлогу?» Вполне подходящее размышление для психолога.

Каждый вечер я на час выбирался из своего тесного ящика, чтобы поесть и узнать последние новости. Не считая бедного Двужильного, который сидел в тюрьме[6*], все другие конспираторы, как и я, убежали и скрываются. Казалось, я могу присоединиться к ним и попытаться добраться до Архангельска, но сначала нужно было раздобыть карты и дождаться, пока кто-нибудь из беглецов не присоединится ко мне. Мы должны были поодиночке выйти из Устюга и встретиться в условленном месте в лесу. Рано утром после трех дней сидения под низкой крышей я вышел из города под видом рабочего, собирающегося купить муки в деревне. В тридцати верстах от города я встретил одного своего приятеля (тоже беглеца), пребывающего в хорошем настроении и, как и я, готового ко всему, что бы ни случилось. Мы разжились мукой, луком, картошкой на четыре–пять дней, раздобыли топор, ружье и патроны к нему, горшок каши, пачку чая, табак, иголки и нитки. Все это мы сложили в мешки вместе с бельем, несколькими книгами и парусиной для спальных мешков. Ночь мы провели в овине, а на следующее утро отправились в лес с двумя крестьянами – нашими проводниками на часть пути. В полдень того же дня в деревню прискакал отряд красных, чтобы арестовать нас. Но к тому времени мы были уже далеко.

Глава двенадцатая

НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ

Лес! Бесконечный лес! Тридцать верст до ближайшей деревни. После подавленности – чувство свободы. Какое счастье! Веселое настроение охватывает нас, и мы начинаем петь и орать во весь голос. Мы нашли избушку, сколоченную крестьянами, которые зимой приходили сюда охотиться на белок, медведей и прочую живность, и поселились в ней. Над головой была крыша, по бокам – что-то вроде стен, а под нами – мох, сухая трава и наши спальные мешки. Сухие дрова для костра, ручей с чистой водой. Живительный воздух, а главное – никакой революции, никаких «охотников за головами», ничего, что напоминало бы о проклятом безумии коммунизма. Только осенний дождь немного портил картину, но все же совсем немного. Время шло незаметно. Рубка дров, охота, собирание грибов и ягод, разговоры, чтение и написание заметок заполняли досуг. Уставшие после целого дня работы, мы спали ночью как убитые. Так прошло пять дней, и настало время сходить в деревню за едой и новостями.

Мой компаньон знал местность лучше меня и имел больше знакомых в окрестностях, поэтому было решено, что он пойдет первым. Был четверг, и мы договорились, что, если он не придет к полудню воскресенья, я отправлюсь его искать. Воскресенье, наступил полдень – мой приятель не вернулся. Я прождал три часа, после чего, захватив самое необходимое, отправился на поиски. Прошел верст пять или шесть и вижу – впереди человек. Он или не он? Он, точно он, но в каком виде! В одной рубахе и без штанов!

– Где посеял штаны и сапоги? – крикнул я ему.

– В реке, – со смехом ответил он.

– Что ж, придется нам стать коммунистами и поделиться одеждой, – сказал я и отдал ему свои куртку, ботинки и брюки, а сам остался в нижнем белье: друг мой дрожал от холода.

Когда мы добрались до нашей избушки, он поведал мне о своих приключениях. В первой деревне ему не удалось достать еды, он переправился на противоположный берег реки и пошел в другую деревню, где у него был знакомый крестьянин. Там его накормили и на ночь постелили ему в бане. Только он начал засыпать, как услышал голоса и увидел людей перед избой своего друга. Он, не мешкая, побежал в лес, думая, что скоро эти люди уйдут и он сможет забрать свой мешок с едой. Однако утром он увидел рядом с избой трех оседланных лошадей.

Выбравшись из леса, он побежал к берегу Сухоны, к тому месту, где стояла лодка, но, оглянувшись, увидел, что за ним скачут красные. Он быстренько сбросил одежду и кинулся в воду. Вслед ему загремели выстрелы, но он благополучно доплыл до противоположного берега. До самой ночи он, полуголый, прятался в лесу, а затем отправился к нашему укрытию. После опасностей, которым он подвергся, пережитых волнений и переутомления выглядел он ужасно. Я разложил костер, чтобы он согрелся, и отправился раздобыть какой-нибудь дичи, но – безуспешно. На ужин у нас были ягоды и грибы, а на завтрак – ягоды и кипяток. Необходимо было раздобыть еды, поэтому нам пришлось возвращаться к деревне. Три дня мы почти ничего не ели, но, поскольку здесь оставаться было небезопасно, мы решили направиться в сторону Архангельска. К вечеру мы, промокнув до нитки, оказались около той самой деревни, с которой начинали свой путь.

В темноте мы тихо приблизились к дому родственника моего спутника, крестьянина по имени Степан. Однако, до смерти напуганный нашим неожиданным появлением, он лишь шептал:

– Ради всего святого, уходите! В деревне – красноармейцы. Уходите!

Он дал нам немного хлеба, брюки и пару лаптей для моего друга, который все это время ходил босиком. Мы ушли, заручившись обещанием Степана, что на следующий день он принесет нам еды. В лесу мы жадно набросились на хлеб, а потом до самого утра просидели под холодным проливным дождем.

– Мне кажется, что мы слишком часто принимаем душ и чересчур редко едим, – печально произнес мой друг. Но я напомнил ему, что сейчас по-другому мало кто живет.

Наступило утро, прошел час, другой, третий – Степана все нет и нет. В полдень мы услышали, как кто-то матерится на свою лошадь – это был условный знак того, что провизия доставлена. Фунтов пять–шесть муки, пуда три картошки – вот и все, что смог привезти нам Степан. Разложив все это по своим мешкам, мы отправились к своей новой цели – бассейну Нижней Ёрги. Обходя деревни, мы со своим грузом шли под дождем часов пять. Стемнело. Что за черт! По нашим подсчетам, мы уже часа два с лишним как должны были добраться до реки. Похоже, мы заблудились. Выходим на какой-то луг в лесу, и тут – новая неприятность: мой приятель упал и сильно ушиб ногу. Что касается меня, то я чувствовал себя совсем больным. К счастью, мы нашли стог сена и, будучи уже не в силах приготовить хоть что-нибудь на ужин, зарылись в сено и заснули. Утром, хорошо отдохнувшие, мы нашли реку, позавтракали и направились в путь – подальше в глубь тайги, подальше от пекла славной революции.

Месяц с лишним провели мы в этом безбрежном лесу, перебираясь с одного места на другое. Найдя более или менее подходящее место, мы сооружали подобие шалаша из срубленных деревьев, травы, мха и веток. Два ствола, приставленные друг к другу, служили очагом. Меню наше состояло из картошки, мучной похлебки

и ягод, которые удавалось собрать. Иногда удавалось подстрелить мелкую дичь, но мы должны были беречь патроны, которые могли пригодиться против зверей на двух ногах. Пытались мы и рыбачить, но был не сезон, и нам не везло. Днем мы занимались разными делами, а вечером, с наступлением темноты, садились у костра, закуривали самокрутки, беседовали, размышляли и слушали симфонию леса.

Эта лесная музыка, состоявшая их тысячи разнообразных звуков, всегда очаровывала меня. Пианиссимо состояло из странных шепотов, таинственных голосов и тихих, печальных плачей. В своем дичайшем фортиссимо[1*], когда все вокруг нас скрипело, трещало, свистело и гремело, эта музыка становилась поистине величественной. Но больше всего мне нравилось модерато[2*], когда лес, замолкая в глубокой задумчивости, тихо шуршал своими ветвями.

Сон наш был богат сновидениями. Почти каждую ночь я видел себя гуляющим по улицам Архангельска, Лондона или Парижа. Я встречал друзей и вкушал с ними самые изысканные яства. Почти всегда мы просыпались от голода; одежда на нас, а больше всего ноги, обутые в лапти, были постоянно мокрые. Мы начали опухать и чувствовали себя очень слабыми и утомленными. Я все время старался анализировать свои сны и чувство голода с психологической точки зрения. Тщетно! Я постоянно ловил себя на том, что от психологии голода перехожу к мыслям о том, где можно раздобыть еды. Иногда голод и переутомление в соединении с беспокойством за наших любимых, оставшихся дома, приводили нас в безысходное отчаяние. Но бывали моменты, когда мы были спокойны, почти счастливы.

Как-то мы угодили в огромное болото. Мы шли по нему около пяти часов, проваливаясь в трясину по колено. Лапти наши рвались на куски, ноги были изодраны, все тело ныло, но мы все шли и шли, и не было конца этой проклятой мерзости, и негде было передохнуть и подкрепиться. Всюду, куда ни посмотришь, была зыбкая желтовато-серая трясина; кое-где проступала открытая вода, низкорослые чахлые деревца попадались то здесь, то там. Никогда не забыть мне это чертово болото. Вода была ледяная, так что своих ног мы уже не чувствовали. Мы часто падали в изнеможении и лежали, едва дыша, на ложе, усеянном красной клюквой. Были моменты, когда мы чувствовали, что погибаем, что это наш последний вздох, с которым нас оставляет жизнь, и что нам суждено умереть среди этой ярко-красной бескрайней пустыни. Почему бы и нет? И все же, подбадривая друг друга, мы из последних сил боролись за жизнь, и наконец – о счастье! – этот красный кошмар кончился.

На следующий день, как бы в награду за наши мучения, мы нашли охотничью избушку с печкой-каменкой внутри. Разложив огонь, мы сняли свои одежки, выстирали их в реке и развесили сушиться, а сами возлегли в своей «турецкой бане». Когда мы там прохлаждались, прилетела дикая утка и опустилась на речку прямо у нас под носом. Мой приятель схватил ружье и выстрелил. Утка была

убита, но ее стало относить течением. Мы выскочили и бросились за ней в реку. Получилась «турецкая баня» с освежающим купанием и вкусный обед из утки в придачу. А после него мы «кейфовали» за чашкой горячего чая, курили сигареты из сушеных листьев и читали «Рассказы из Аляски» Джека Лондона[3*]. Мы были счастливы и довольны

Так мы и скитались. Неделю спустя посыльные, которым удавалось доставлять нам письма в эту глушь, доставили нам провиант, газеты и письмо от наших друзей, вместе с которыми мы намеревались добраться до Архангельска. В письме были обещаны планы местности, без которых мы не смогли бы дойти до пункта назначения, но никаких планов не было. Позднее мы узнали, что они были зашиты в юбку одной особы, а она, ничего не зная об этом, уехала в этой юбке (вместе с планами) в Питер. Что делать? Чтобы выполнить указания, полученные в последнем письме, и встретиться с нашими друзьями в назначенном месте, нужно было трогаться с места немедленно. Ждать, пока будут снова доставлены планы, – значит опоздать на две недели. Маленькая ошибка сей дамы сделала невозможным путешествие с остальными членами архангельской группы. Впрочем, лишь два человека достигли своей цели. Другие были схвачены и расстреляны.

Пройти нужно было примерно триста пятьдесят верст. Преодолеть это расстояние, не заходя в деревни за провизией, было невозможно. В любой деревне нам грозил риск быть арестованными. Чтобы перейти из деревни в деревню, нужно было получить разрешение от «комбедов». Охранительные пикеты красных были выставлены и в лесу, и на всех главных просеках. Мы подумывали о том, чтобы выстроить в абсолютно дикой и непосещаемой части леса избушку и засесть в ней на зиму. Думали также поселиться в какой-нибудь деревне, не показываться на улице и ни с кем не общаться, кроме хозяина дома. Все это кажется фантастичным, но, увы, жизнь фантастичнее любой фантазии. Двое из моих друзей спаслись, реализовав первый план, а еще один – реализовав второй. Он прожил в крохотной избушке почти два года, ни с кем, кроме хозяйки, не общаясь и нигде не показываясь, и в итоге остался в живых.

Так скитались мы на лоне природы, мечтая порой хотя бы о «кусочке» культуры. В часы досуга мы много толковали о революции, и те сомнения, которые зародились во мне в самом начале этого гигантского переворота, здесь окончательно созрели.

В этом глухом лесу мне открылись полнейшая бесполезность любой революции и вся суетность социализма и коммунизма. Катастрофа революции, глубокие исторические корни большевизма, ненавидимого большинством народа, – да, это так, – но опирающегося на пассивность русского народа, ошеломили меня. Только когда народ испытает на себе все ужасы большевизма, когда переживет трагический, возможно, смертельный опыт коммунизма, только тогда он

вылечится от этой страшной болезни раз и навсегда. Только тогда яды, которыми питается большевизм, будут выведены из организма русского народа. Только тогда исчезнет эта треклятая пассивность, и народ, приученный к тирании, превратится в самоуправляемую нацию.

Исходя из этих соображений, я написал обращение к своим избирателям и отправил его своим друзьям, чтобы они его опубликовали. Отныне я – не революционер, ибо революция есть катастрофа. Отныне я – не социалист, ибо социализм ложен. Я сложил с себя звание члена Учредительного собрания, поскольку народ перестал поддерживать свой собственный представительный орган. Если народ надеется получить «правительство из народа, для народа и во имя народа»[4*], он сам должен проявить активность и не полагаться на лидеров, которые без его поддержки бессильны. Таким было содержание моего письма.

За время моих лесных размышлений я утратил много ослепительных иллюзий, сладких мечтаний, в осуществимость которых я некогда веровал. Они исчезли, я уверен, навсегда. Но я ничуть не жалею о своих утраченных иллюзиях. Жизнь и мир так прекрасны, так чудесны в своей реальности, что иллюзии нужны лишь слепым, глухим и убогим, лишь душевным, нравственным и физическим уродам. Духовно здоровые люди не нуждаются в иллюзиях.

Агитационный плакат партии социалистов-революционеров

Глава тринадцатая

«LASCIATE OGNI SPERANZA VOI CH'ENTRATE»[1*]

С наступлением зимы положение наше стало намного хуже. Ягоды и грибы сошли, а добывание провизии в деревнях было сопряжено с величайшими трудностями. Когда начал падать снег, следы от наших ног еще больше облегчили «охотникам за головами» возможность выследить нас, и теперь они могли охотиться за нами не только в непосредственной близости от поселений, но и в глубине леса. Иногда убивали и самих этих охотников, когда они углублялись в лес верст на сорок–пятьдесят от жилья, но чаще все же удавалось убивать своих жертв им. Одна группа из семи беглецов направилась пешком из Ветлуги в Устюг, и только для того, чтобы, преодолев тысячу верст и бесчисленные препоны, в конце своего путешествия встретить смерть. Все это внушало нам мысль о том, что мы должны покинуть свое лесное укрытие и возвратиться в город. Решив в конце концов, что у нас нет другого выбора, мы сообщили об этом нашим друзьям, которые постарались найти для нас надежное убежище. Накануне нашего «исхода» мы осторожно спустились поближе к деревням. На следующее утро я закопал в лесу свой дневник, сменил лапти на старые поношенные сапоги, чтобы по возможности походить на местного рабочего, и, обняв своего друга, который решил остаться еще на одни сутки, тронулся в путь. До Устюга было сорок семь верст, и в город я пришел между шестью и семью часами вечера. В шесть темнело, а после семи у меня могли потребовать предъявить документы.

Я шагал бодро, зная о том, что, когда жизнь зависит от ног, они обычно не подводят. На унылой осенней дороге я встретил двух комиссаров-большевиков и, сняв шапку, поприветствовал их как крестьянин, издавна приученный к почитанию дворянства, и они, осознавая свое новое высокое положение, ответили мне совершенно по-барски. Позднее я случайно встретился с двумя крестьянками, и, естественно, мы заговорили о политике. Когда речь зашла о правительстве коммунистов, которое они упорно величали «вашим рабочим правительством», я спросил:

– Почему вы говорите «ваше рабочее правительство»? Ведь оно и ваше, разве не так?

– О, если это правительство крестьянское, – сказала одна из женщин, – то я должна быть княгиней.

– Ну, а если рабочее, – засмеялся я, – то я должен быть царем.

– Ну, при царе-то, – доверительно сказала другая женщина, – здесь был порядок, мир и достаток во всем. Сегодня люди оголодали и убивают друг друга.

Затем, понизив голос, спросила:

– А вы слышали о голом мужике?

– О голом мужике?

– Ну да, вы же знаете, как много людей хотят спрятаться где-нибудь от красных нехристей. Красные поймали какого-то человека где-то в верховьях Сухоны. Они схватили его, когда он плыл в лодке по реке. Два дня назад они остановились на ночь в деревне, в которую мы идем. Отвели они его в избу на берегу, сняли с него всю одежду, а руки и ноги связали. Трое красных вернулись в деревню, а четверо остались караулить. Что случилось, никто не знает, но утром караульщиков нашли убитыми, а мужик сбежал. Прошлым вечером один наш парень встретил голого мужика в лесу. Сильно он напугался, а голый мужик схватил его, забрал у него тулуп, штаны и шапку и был таков. Да еще сказал: «Не серчай на меня за это, жив буду – отплачу». Помоги, Господи, горемычному.

И она истово перекрестилась.

Обходя все села и деревушки, я шел к своей цели и без четверти семь благополучно добрался до назначенного домика. Ах, какое это наслаждение после нескольких недель жизни вне цивилизации помыться, надеть чистую одежду, сидеть за приличным столом, спать на гладких простынях! Первая часть моих революционных приключений закончилась. Что ждало меня в будущем, к счастью, было сокрыто от меня завесой судьбы.

В своем убежище я жил совершенно бесшумно, влача существование бесплотного духа. Ни засмеяться, ни кашлянуть, ни подойти к окну, ни выйти из дому; быть готовым при малейшей опасности улетучиться в кладовку, затаиться там и сидеть бесшумно, пока не уйдет случайный гость; день и ночь прислушиваться к каждому подозрительному звуку – так приходилось расплачиваться за спасение жизни. Я похож был на отшельника, давшего обет вечного одиночества и молчания. День проходил за днем, и чем больше я думал, тем неизбежнее приходил к выводу, что надо положить конец моему добровольному тюремному заключению. Я знал, что меня разыскивают, что о моем пребывании в деревне догадываются. Рано или поздно меня схватят. В конце концов я принял бесповоротное решение.

– Друзья мои, – сказал я в тот вечер, когда мы собрались вместе, – я убедился, что бесполезно продолжать это жалкое существование. Я уверен, что меня скоро арестуют, и оставаться здесь дольше – значит подвергать всех вас напрасному риску. Я не имею права и дальше подвергать ваши жизни опасности. Поэтому я решил покончить со всем этим – и со своими страданиями, и с вашими тревогами.

– И что же ты собираешься сделать? – спросили меня.

– Собираюсь сделать то, что делают в крайнем случае наши таежные охотники, когда насмерть борются с медведем. Они затыкают ему рот кулаком, а ножом в другой руке стараются заколоть его. Я хочу сделать нечто вроде этого. Завтра я собираюсь отправиться в пасть ЧК.

– Ты с ума сошел! – закричали мои друзья.

На все их протесты я отвечал, что мое теперешнее положение невыносимо и что оно может обезопасить меня всего лишь еще на несколько дней. Я согласился, что имею не больше одного шанса из тысячи, но и этот один шанс я не должен упустить. Надеюсь, что больше никогда в жизни мне не доведется пережить такую сцену прощания, какая разыгралась вечером следующего дня. Страшная вещь – прощаться, зная, что прощаешься, может быть, навсегда. Моя жена и я, наши верные друзья испытали в тот вечер то, что, наверное, испытывает мать, провожая сына на войну. Дважды я прощался с ними и дважды возвращался назад. Последнее «прощай», последние поцелуи и объятия, последние спазмы рыданий, последние взмахи руки, осеняющей крестом мой лоб, последние взгляды – и вот они уже в утешение мне суют сигареты в мои дырявые карманы и – отпускают. Когда я споткнулся в темноте, в сознании моем промелькнула мысль: «Еще не поздно вернуться». Но нет, жребий был брошен. Я направился в сторону ЧК, приводящей в содрогание[2*].

Два латышских стрелка в высоких сапогах с отворотами, каждый с тремя револьверами, заткнутыми за кожаные портупеи, встретили меня в передней. Бледные лица с яркими губами, тупые глаза, которые смотрели на меня и словно не видели, густой запах перегара – вот мое первое впечатление от ЧК.

– Я – профессор Питирим Сорокин, – объявил я им. – Прошу вас, доложите о моем приходе.

В тупых взорах этих палачей промелькнуло что-то похожее на удивление. Мгновение помедлив, один из них позвонил в колокольчик. Сразу же появились четыре вооруженных человека и молча уставились на меня. Я закурил сигарету. Через некоторое время один из солдат кивнул мне, и я последовал за ним в кабинет начальника ЧК. Этот дом и даже эту комнату я хорошо знал. Я бывал здесь как гость много раз[3*]. Но вместо комфортабельного кабинета с книгами и картинами здесь теперь была грязная конура с обтрепанными гобеленами, разбитой мебелью, грудой грязных тарелок и бутылками на столе. На стенах висели портреты Ленина, Троцкого и Луначарского. За столом сидел Сорвачев, который тогда временно исполнял обязанности начальника ЧК. Он был из местных коммунистов, человек не особенно кровожадный, но робевший перед высшим начальством.

– Садитесь, – пригласил он меня, – и позвольте задать вам несколько вопросов. Откуда вы пришли?

– Из леса.

– Из какого леса?

– В районе Двины, – ответил я, указывая направление, где я на самом деле не был.

– Сколько времени вы провели в лесу?

– Около двух месяцев.

– С кем?

– Один.

– Где вы скрывались до этого?

– В деревнях.

– В каких деревнях?

– Не имеет значения.

– Вы должны назвать их.

– Не назову.

– Я требую.

– Вы можете требовать, сколько вам угодно, я все равно не назову их.

– Ладно. Почему вы скрывались в лесу?

– Потому что ваши агенты уделяли мне слишком много внимания. Кроме того, я люблю бывать на лоне природы.

– Вы были в Архангельске?

– Нет.

– Вы принимали участие в организации контрреволюции в Архангельске?

– Нет.

– У нас есть доказательства, что принимали.

– Я сказал нет. Покажите мне, что у вас за доказательства[4*].

– Это вас не касается.

– Вот как?

– Почему вы пришли к нам?

– Чтобы узнать, за что меня преследуют и что вы намерены со мной сделать.

– Я думаю, вы прекрасно знаете, за что вас преследуют, и о том, что мы должны сделать с вами, думаю, вы тоже хорошо знаете. Лично я не имел бы ничего против того, чтобы отпустить вас на свободу. Но ваша участь не зависит от моей воли. Вас приказано расстрелять на месте. Но вы для нас слишком крупная птица, и, поскольку основная ваша деятельность связана с Москвой и Петроградом, мы должны запросить Всероссийскую ЧК, что с вами делать. Будьте уверены, что это отложит вашу казнь лишь на несколько дней, – заключил он.

– Благодарю вас хотя бы за откровенность, – сказал я.

– Теперь я должен отправить вас в тюрьму.

Через несколько минут в сопровождении четырех вооруженных солдат в кромешной тьме я шагал по направлению к тюрьме. Дойдя до нее, я посмотрел в ту сторону, где оставил самых дорогих для меня людей, и послал им последнее «прощай».

«Lasciate ogni speranza voi ch’entrate» (Оставь надежду всяк, сюда входящий), – вспомнил я слова Данте, писанные на вратах Ада, когда входил в ворота тюрьмы.

Я был в Царстве Смерти.

Глава четырнадцатая

КРАСНАЯ МЕССА[1*]

Снова в тюрьме! Не слишком ли много для человека в течение одного года? Революция не считается с человеческими страданиями. Что же мне жаловаться и роптать? Пусть будет, что будет. Думаю, что мне, наверное, лучше быть оптимистом и смотреть на вещи с их светлой стороны. Философская позиция вольтеровского «Кандида» иногда бывает очень удобна[2*]. Почему, например, не могу я себе представить, что эта тюрьма – «коммунистическая гостиница», я – путешественник, и чувства мои похожи на чувства тех, кто, будучи на свободе, читает о тюрьме? Действительно, я не знаю, что лучше: сидеть в тюрьме или на сыром пеньке в лесу. Я думаю, что спать на грязном полу в тюрьме все-таки гораздо удобнее, чем на мокрой земле. Чтобы отвлечься от этих навязчивых мыслей, я лучше буду писать заметки. Писание поможет мне убить время. Поскольку моя судьба уже решена, я могу не опасаться, что меня арестуют, если прочтут в моем дневнике что-нибудь не то. Утопленник не боится промокнуть. В других странах свобода слова и печати существует за пределами тюрьмы, в нашем коммунистическом раю она только в тюрьме. Поэтому воспользуемся ситуацией и реализуем свои «права человека и гражданина». Быть может, эти замызганные страницы переживут меня и попадут в чьи-нибудь руки. Если нет, что же…

В камере Велико-Устюжской тюрьмы, в которую меня поместили, было около тридцати человек. С некоторыми из них я был знаком. Здесь были три студента, которые участвовали в моих семинарах в Петроградском университете, два учителя, два священника, два адвоката, четыре купца. Большинство остальных были крестьяне и рабочие. Население России, оставшееся за пределами тюрьмы, ужасающими темпами уменьшалось, зато в тюремных стенах стремительно росло. До революции в этой тюрьме едва ли насчитывалось тридцать заключенных, теперь их было больше трехсот. Вдобавок около двухсот человек сидело в здешнем монастыре, превращенном в тюрьму. Поразительный прогресс на пути к свободе!

Некоторые заключенные лежали на полу в своем тряпье. Некоторые сидели и вылавливали вшей. Когда я вошел, на меня набросились с расспросами. Как, почему и когда меня арестовали? Что нового и каковы перспективы на будущее?

– Как обычно, за обыкновенное преступление, – было моим ответом.

– Но мы не знаем, за что нас арестовали, – возразили некоторые из них.

– Вас арестовали во имя революции. Вам же говорили, что революция – это бог, а богу нельзя задавать вопросов, – ответил я с юмором будущего висельника.

Бедняги! Особенно крестьяне и рабочие! «Буржуи», студенты, адвокаты, купцы и священники знали, что их упекли за решетку как «заложников», но эти несчастные работяги никак не могли понять, за что они-то арестованы «рабоче-крестьянским правительством».

– Как вы думаете, что они сделают с нами? – спрашивали некоторые из них.

– Вероятно, вас скоро освободят.

Но я и сам не мог объяснить, что я имею в виду под этим «освобождением». Пусть они думают, что скоро вернутся домой, к женам, родителям и детям. Если в час своего освобождения вместо радостных лиц тех, кого они любят, они увидят страшное лицо Смерти, их последняя агония будет сравнительно краткой. Час уйдет на то, чтобы дойти отсюда до места казни; еще час уйдет, может быть, на ожидание своей очереди на расстрел. И все же гораздо легче отмучиться эти два часа, чем жить в течение многих дней и недель в качестве приговоренного к смерти.

Я закурил сигарету, а остальными угостил своих товарищей, оставив две для себя. Я их оставил с особой целью – выкурить их по дороге на казнь. Это покажется немного странным, но человеческая психика вообще странная вещь. Поэтому мое желание было совершенно нормальным в этом непостижимом средоточии человеческих страданий. Здесь, в тюрьме, все общее. Царит настоящий коммунизм, куда более действенный, чем тот коммунизм, который навязывают силой за ее стенами. Продукты, которые получали заключенные с передачами, делились на всех поровну. Здесь было осуществлено полное равенство. Смерть была нашим общим уделом. Жизненный уровень у всех нас был одинаков. Неравенство распространялось только на сферу психологии и анатомии; но даже и эти различия могли уменьшиться в результате долгого заключения. Жизнь в таких условиях, каким бы ни был ее срок, любого человека может превратить в идиота. Коммунисты с легкостью могут добиться равенства в идиотизме и смерти.

Да здравствует коммунистическое равенство в безумии и смерти!

Тем не менее, несмотря на коммунизм и равенство, все арестанты голодают. И я в том числе. Многомесячное недоедание привело к тому, что я постоянно голоден. Но даже и это имеет свою положительную сторону. У меня опять появилась возможность продолжить изучение психологии голодания. Я убедился, что в любых условиях можно быть оптимистом. Все зависит от точки зрения.

Принесли «обед». Я – «новичок», поэтому для меня обед не приготовили. Тем не менее сокамерники приглашают меня разделить их трапезу. Четверть фунта хлеба, который лишь отдаленно напоминает настоящий хлеб, немного

кипятку и несколько картофелин составляют «обед», «завтрак», «полдник» и «ужин» вместе. По количеству и качеству калорий этот «рацион» слегка отличается от того, который физиологи считают необходимым для человека в течение дня. Но ведь это «буржуазные» физиологи, поэтому их выводы не имеют никакого значения в коммунистическом обществе. Я думаю, что для превращения грешных капиталистов в коммунистических ангелов подобная диета, действительно, наиболее пригодна и эффективна. Большинство моих товарищей жадно проглатывают свои порции в один присест. Некоторые твердо решают отложить немного на вечер. Но не могут утерпеть. Решимости устоять перед соблазном им хватает лишь на полчаса. «Буржуазная» привычка удовлетворять голод берет верх над их благими намерениями. Лишь четверо из всей камеры свободны от греха чревоугодия. Они лежат в углу и не обращают на еду ни малейшего внимания. У них тифозная горячка, и они не воспринимают окружающее.

Странное дело! Мои сотоварищи не только не стараются держаться подальше от этих бедолаг, но скорее даже стремятся поближе к ним.

– Друзья мои, будьте осторожны и держитесь подальше от тифозных, – предостерегаю я их.

Они смеются.

– Не так уж и плохо подцепить тиф, – говорит один из них.

Остальные с ним соглашаются. Вот чудаки!

Ночь! Боже мой! Я чувствую, что теряю способность себя контролировать. Мое хладнокровие улетучилось. Возможно, писание поможет мне овладеть собой.

Около восьми часов обитатели камеры стали укладываться спать. То есть вытянулись на полу и примолкли. Я последовал их примеру. В тишине, а может быть, из-за насекомых, к которым я еще не привык, мои мысли и воображение разыгрались. Несмотря на мое решение не думать о своем положении и о будущем, в голове моей упорно носились мысли об этом. Характер тогдашнего следствия в ЧК и заключительные слова моего следователя не оставляли никаких сомнений насчет моей участи. Хотя у них не было явных доказательств моего участия в подготовке «контрреволюции» в Архангельске, у них были подозрения, а мои преступления были столь многочисленны, что здесь могло быть только одно решение: меня расстреляют.

Я воспринял этот приговор спокойно – если слово «спокойно» уместно в данном случае, – но он дошел только до моего разума, а не до сознания в целом. Теперь, в ночной тьме, я понял весь его страшный смысл.

Заключенные уже спали, когда дверь камеры внезапно распахнулась и в нее вошли человек девять или десять коммунистов. Главный палач, латыш по фамилии Петерсон, грубым голосом скомандовал:

– Петров, Дьяконов, Тахменев, Попов, Сидоров, Константинов! Одевайтесь и следуйте за нами.

– Нет, вещи вам не понадобятся, – сказал он тем мужикам, которые, думая, что их сейчас освободят, решили забрать с собой свои пожитки.

С побледневшими лицами, безумными глазами и трясущимися руками несчастные жертвы пытались надеть на себя свое тряпье. Движения их были лихорадочны. Они двигались, как загипнотизированные лунатики. Лишь двое из них, студент Попов и крестьянин Петров, сохраняли в какой-то мере душевное спокойствие. Они пожали нам руки, Петров сказал:

– Прощайте навек, друзья. Не поминайте лихом. Если вам удастся выйти живыми, не забудьте мою семью и отдайте эти вещи моей жене. Тулуп и сапоги мне уже не понадобятся, а моим детям еще пригодятся.

Он перекрестился и опустился на колени:

– Прощайте навек!

Попов поцеловался с остальными студентами и со мной.

– Да здравствует Россия! Смерть большевикам – палачам русского народа! – прокричал он на прощанье.

– Заткнись, гад! – заорал Петерсон и ударил студента револьвером по лицу. Тонкой струей кровь потекла по щеке Попова.

– Да здравствует Россия! Долой большевиков-палачей! – не унимался Попов.

– Я тебе покажу, контрреволюционное отребье! – заорал палач, направив на Попова свой револьвер.

– Не боюсь я твоего револьвера! Стреляй!

Один за другим прогремели три выстрела. Студент упал. Еще одной жизни не стало! Внезапно нас обступила ужасающая тишина, но через несколько мгновений она была взорвана диким и чисто животным криком, криком ужаса и боли, первобытным ревом и стоном, переходящим в невнятные причитания смертельного ужаса. С Тахменевым случилась истерика, он забился в конвульсиях.

– Заберите труп и следуйте за нами! – приказал Петерсон.

Палачи и их жертвы удалились. В камере снова воцарилась мертвая тишина. Как ужасно было это молчание! Как ужасны были побледневшие лица моих товарищей и их лихорадочно блуждающие взоры! Наконец один из адвокатов произнес:

– Чему быть, того не миновать, а чего не должно случиться – того и не будет. И давайте не думать об этом.

Узники перешли на шепот. Священник, стоя на коленях в углу, молился. Спустя некоторое время мы опять улеглись, но заснуть никто не мог. Смерть была слишком близко от каждого из нас, чтобы не чувствовать ее присутствия.

«Сегодня была их очередь, а завтра, может быть, наступит моя», – вот что думал каждый.

Я попытался мысленно нарисовать свой последний момент. Испытываю ли я страх при этом? Нет. То, что я испытываю, это не страх, а возмущение. Я представляю себе тот путь, что ведет на холм, где состоится казнь. Это место мне хорошо знакомо. Сколько раз бывал я на этом чудном холме, поросшем прекрасными соснами! Как часто я любовался восхитительным видом, открывающимся отсюда! Каким мирным был тогда этот вид, и как он ужасен теперь! Наверно, меня поведут вместе с другими обреченными под конвоем из двадцати или тридцати коммунистов. По дороге я выкурю свои две сигареты. Я должен буду перейти улицу, где сейчас моя жена и мой брат. Почувствуют ли они, что я приближаюсь к ним в последний раз? Подскажут ли им их сердца, что я близко? А вдруг! А вдруг они выйдут на дорогу, и мне выпадет счастье последний раз взглянуть на них. Через полчаса мы дойдем до холма. Потом нам велят копать себе могилы. Я откажусь. Если им угодно похоронить меня, пусть сами коммунисты и копают мне могилу. К своему телу я не питаю никаких чувств. Будет ли оно лежать в могиле или на голой земле – мне все едино. После этого они прикажут нам снять сапоги и одежду, которую поделят между собой как «революционные чаевые». Наконец, они прикажут всем нам построиться. Если обреченных будет много, кто-то из нас будет ждать своей очереди и смотреть, как умирают другие. Затем наступит наша очередь. Они дадут приказ стрелять. Интересно, услышу ли я звуки выстрелов прежде, чем потеряю сознание? Будет острая боль, но, если они стреляют метко, все кончится быстро; если же стреляют плохо, придется помучиться еще какое-то время. Боюсь ли я этого мучения? Совсем не боюсь. Почему же тогда весь мой организм, вся моя душа, все мое «существо» протестуют против этого? Почему я испытываю такое отчаяние? Почему? Не потому, что я боюсь, а потому, что я хочу жить!

Я хочу слышать, видеть, переживать все чудеса жизни! Я хочу делать то, что должен делать, и так много, как никогда раньше не делал! Я хочу увидеть моих друзей, а больше всего я хочу увидеть ее – мое сердце, мою любовь! Боже мой, как она, наверное, переживает все это! Мои страдания по сравнению с ее – ничто. Она будет думать обо мне каждый миг и гадать, жив я или мертв. Она захочет помочь мне, зная свою абсолютную беспомощность, зная, что у нее, возможно, не будет шанса даже попрощаться со мной, бросить на меня последний взгляд; зная, что она может даже не увидеть мое мертвое тело! Все это чересчур много для человека! Где она сейчас и что делает? Возможно, она бродит вокруг тюрьмы в надежде встретить меня, хочет узнать, жив я или мертв. А мои друзья? Моя деревня? Мои научные работы? Нет, я хочу жить и я должен жить! Бегство, бежать, бежать отсюда! Но как? Думаю. Но – нет никаких шансов! Никакой возможности! Тюрьма очень строго охраняется. Двери чересчур крепки, стены слишком высоки. Невозможно! О, если бы можно было заснуть и забыть обо всем! Но, увы, не могу! В камере полумрак. На полу лежит много тел, плоть Революции.

Тишина. Только время от времени тяжкие вздохи и бессвязные восклицания тифозных больных нарушают ее. Тиф? Теперь я начинаю понимать, почему мои друзья не боятся тифа. Действительно, не так уж и плохо лежать в горячке. Все относительно в этом мире.

Сегодня привели семерых – молодых и здоровых, хоть и истощенных. Сбежав из Ветлуги, после ужасных мучений, пройдя тысячи верст, они были схвачены неподалеку от тех мест, где и мы скрывались. Напрасно будут ждать их матери и родственники, жены и возлюбленные. Их жизни – конец. Не нынешней ночью, так завтрашней их расстреляют. Они знают об этом. Трое из них молчат. Они опустились на колени в углу и молятся. Эта молитва – последний и самый глубокий признак жизни, самое высокое и чистое проявление Духа. Их «я» теперь стало чисто духовным, их глаза прозревают глубину Истины, а их тела – не что иное, как оболочка, которую видят остальные, но которую сами они не ощущают. Боже мой! Ради кого или для чьей пользы нужно уничтожить этих молодых и сильных людей, которые не прожили еще и половины отпущенного им срока? «Их смерть необходима для счастья человечества и для безоблачного процветания будущих поколений!» Хотел бы я посмотреть на эти счастливые поколения, которые построят свое счастье на крови и страданиях предыдущих поколений. Думаю, что, если у них сохранится хоть капля совести, они не посмеют быть счастливыми. Если будет у них только покой в душе, значит они величайшие эгоисты, которые когда-либо рождались. Как бы там ни было, но эти счастливые и идеальные поколения – ничто, иллюзия, созданная жалкими калеками, не имевшими ни малейшего представления об изумительной красоте, непостижимых чудесах и беспредельном счастье настоящей жизни. Этот идеал совершенного мира создан тварями, которые, питая презрение к каждой реальной человеческой жизни и человеческому счастью, скрывают свои скотские побуждения под покровом громких лозунгов. Если среди людей есть преступники, опасные для своих собратьев, то, конечно, это те свирепые звери, которых называют «спасителями» и «освободителями»… Стоп! Я начинаю философствовать. Это не совсем кстати сейчас, в этой «коммунистической академии преисподней».

Меня перевели из общей камеры в одиночку. Кажется, мое дело подходит к концу. Здесь, в одиночестве, мои мысли еще неотступнее вращаются вокруг вопроса: «Быть или не быть?» «Мое теперешнее поведение с бихевиористской точки зрения, – внушаю я сам себе, – есть всего лишь проявление инстинкта самосохранения». На какой-то миг мои мысли устремляются в направлении научного любопытства. Я начинаю анализировать свое положение, столь обострившее мои реакции. Я наблюдаю за собой, когда хожу взад и вперед, когда останавли-

ваюсь, за своими общими ощущениями. Интересно было бы провести исследование моих физиологических процессов и сфотографировать мои теперешние движения. Вероятно, они слегка необычны. Вероятно, я сейчас совсем не похож на самого себя. Я не видел себя в зеркале уже много недель, но могу представить себе, как я должен выглядеть в этих отрепьях – небритый, опухший с голодухи, бледный и взъерошенный. Вероятно, не очень отличаюсь от настоящего идиота.

Но только на несколько мгновений мое внимание сосредоточилось на этих научных проблемах. Очень скоро я поймал себя на мысли, что никакая научная проблема не может и никогда уже не сможет представлять для меня хотя бы малейший интерес. Чего ради, если моя жизнь почти закончена? Я ходил взад и вперед по своей камере, слушал голоса, время от времени смотрел через маленькую щель в двери и думал, думал, думал. О чем? Не могу сказать. Мой разум был воспален. Через щель в двери до меня донесся шепот:

– Привет, дружище!

Я присматриваюсь и вижу своего друга Зепалова.

– Боже мой! – вырывается у меня. – И ты здесь?

– Как видишь.

– Значит, тебе не удалось перейти границу красных?

– Нет, меня схватили.

– И что теперь?

– Через несколько дней расстреляют. Здорово будет, если нас расстреляют вместе, как думаешь?

Он так и сказал.

Значит, его ночной кошмар был пророческим. Его скверный сон вот-вот сбудется. Помоги ему Бог.

Через день или два надзиратели сообщили мне, что мой друг расстрелян.

– Он вышел и прокричал: «Да здравствует Россия и подлинная демократия!» и на стене своей камеры написал: «Боги жаждут», – рассказал надзиратель.

Оборвалась еще одна драгоценная жизнь. Посмотреть бы на Смилгу, на Ветошкина и других большевистских деятелей, которых он спасал от ареста и которым так много помогал. Так-то они его отблагодарили. Убийцы!

Семерых из Ветлуги расстреляли нынешней ночью. Это прожорливое чудовище – Революция – не может жить, не упиваясь человеческой кровью.

Я еще жив. Я сделал все последние приготовления. Написаны последние письма жене и друзьям. И последние слова к землякам. Они отданы в руки одного друга, который перешлет их, когда придет срок. Время в камере тянется медленно. Сплю я плохо. Каждое утро я пытаюсь читать и писать, но это пло-

хо удается. Я могу сосредоточиться над страницей только на несколько минут. С шести часов вечера и до полуночи я жду и с волнением прислушиваюсь ко всем звукам и тяжелым шагам, раздающимся в тюрьме. В это время красные «попы» Революции приходят за ежедневными жертвами для своего бога. За мной или не за мной? Когда шаги удаляются, я говорю себе: «Еще не моя очередь!»

Сегодня дверь моей камеры внезапно распахнулась, и вошел комиссар народного просвещения[3*]. Мне рассказывали о нем, что это бывший рабочий из Петрограда и сравнительно порядочный человек. Он хорошенько закрыл дверь за собой и, стараясь говорить тихо, сказал:

– Гражданин Сорокин, теперь вы наш враг, но я помню, как перед революцией вы читали лекции в рабочей школе в Петрограде. Вы тогда делали для нас немало и по-настоящему помогали рабочим.

– Вижу, что плохо учил вас, если вы, один из моих учеников, сейчас заодно с коммунистами.

– Давайте оставим этот бесполезный спор, – ответил он. – Несмотря на ваши нынешние взгляды, я думаю, вы можете принести пользу стране как ученый. Мы собираемся развернуть большую работу в сфере народного просвещения, но у нас очень мало людей, пригодных для этого дела. По моему мнению, такого человека, как вы нельзя расстреливать.

– И чего же вы хотите от меня?

– Согласны ли вы принять участие в организации народного просвещения, если вам сохранят жизнь?

– Я работал преподавателем много лет, и, конечно, готов и сейчас принять участие в этом деле, если оно будет поставлено так, как я его понимаю, – ответил я. – Но у меня есть основания думать, что такая активность с моей стороны снова будет расценена как «контрреволюционная».

– Не могу отрицать этого. Однако я сделаю все, чтобы спасти вас, хотя на это мало надежды. Никому не говорите о нашей встрече. Прощайте.

Дверь закрылась. Довольно необычный «товарищ» этот рабочий-комиссар! Во всяком случае, он смелый человек. Если бы его коллеги из ЧК узнали о его визите ко мне, он мог бы вскоре оказаться на моем месте.

Через крошечное окно в моей камере я могу видеть кусочек поля, начинающегося за стеной тюрьмы. Целыми часами я простаивал у этого окна, надеясь, что, может быть, увижу жену или кого-нибудь из друзей, и вот сегодня я был достойно вознагражден. Я стоял у окна и вдруг увидел ее. Какое счастье! Я окликнул ее и замахал своим грязным полотенцем, чтобы привлечь ее внимание, и она увидела меня. Бедная и любимая моя! Несколько минут мы смотрели друг на друга. Это все, что мы могли сделать, но какое же счастье! Благодарение Небесам!

Наступило 7 ноября – первая годовщина большевистской революции. Вчера красные жрецы устроили своему обжорливому идолу целое пиршество из человеческой плоти. Двенадцать жизней заклали за один раз. Нам сказали, что теперь в течение трех дней казней не будет. В официальной газете об этом сообщается как об «амнистии». Значит, у нас есть три дня жизни, пока Революция переварит свою обильную пищу. А после этого бог, вероятно, будет так голоден, что потребует усиленного питания.

Я переведен обратно в общую камеру. Почему? Не знаю. Я нашел здесь много изменений. Двое из тифозников умерли; одного человека освободили. Из остальных человек двадцать пять были «освобождены» навек. На их место в камеру посажены новые заключенные, главным образом крестьяне. Это «свято место» Революции, и оно не должно пустовать.

Три дня относительно спокойных.

Три дня прошло. Мои мрачные предчувствия о том, что Революция проголодается, подтвердились. Сегодня около десяти часов идолопоклонники Революции опять пришли за добычей. Но вместо трех или пяти человек – ежедневной средней порции – они забрали шестнадцать человек зараз. Верховные жрецы Революции вошли в тот момент, когда заключенные молились. Но молитва их была грубо прервана. Как всегда, фамилии обреченных были зачитаны вслух. Все покорно стали одеваться, и у всех тряслись руки. У всех, кроме одного. Он не двинулся с места и продолжал лежать на полу.

– Не пойду, – заявил он, – если хотите, то и несите меня.

– Тогда, товарищ, может быть, вот это заставит тебя идти, – сказал все тот же Петерсон и приставил револьвер к его голове.

– Стреляй! Мне лучше умереть здесь, чем там, – упрямо твердил заключенный.

– Как хочешь! Тащите его во двор! – крикнул коммунист.

Опять, как тогда, в камере воцарилась зловещая тишина. Потом во дворе тюрьмы один за другим прогремели четыре выстрела.

– Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, прости ему все согрешения, вольные и невольные, и даруй ему мир и живот вечный, – молился старый крестьянин, стоя на коленях и крестясь. Все заключенные стали на колени и начали креститься.

– Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дево, – начал нараспев один из священников.

– Ты нам помози, – в полный голос присоединились к нему все остальные, – на Тебе надеемся и Тобою хвалимся! Твои бо есмы рабы, не отверзи нас…[4*]

То была настоящая молитва. Никогда прежде я не слышал такой. В этих голосах была слышна вся любовь к жизни, все отчаяние, все страдание и вся вера в Бога, какую могут испытывать беспомощные человеческие души.

– Сорокин, надевайте пальто и следуйте за нами.

Так приказал мне один из четырех коммунистов, вошедших сегодня в нашу камеру. Наконец пришла моя очередь. Что ж, я был готов. Я почувствовал только, что внутри у меня что-то словно оборвалось и холодные мурашки пробежали по телу. «Мужайся, мой друг, мужайся, – сказал я себе. – Noblisse oblige[5*]». Итак, собрав все свое мужество и не суетясь, я пожал руки моим друзьям: «Прощайте, друзья мои... Прощайте». Я вышел в прогулочный дворик тюрьмы, впереди и сзади меня следовал конвой.

– Сюда. – Один из сопровождавших меня указал мне на дверь тюремной канцелярии. Я вошел.

Длинноносый мужчина, кажется еврей, предложил мне сесть. Я сел.

– Вам знакома эта телеграмма? – Протянул он мне клочок бумаги.

Я прочитал: «В четверг Н. Чайковский отплывает из Вологды на пароходе “Учредитель”».

– Нет, никогда ее не видел.

– Вы ее получали?

– Никогда.

– Тем не менее она адресована вам, или скажете – нет?

– С таким же успехом могу сказать, что она адресована вам.

– Вы можете сколько угодно отрицать очевидное, – сказал инквизитор, – но это вам не поможет. Мы знаем о вашем участии в Архангельской контрреволюции, и приговор вам уже вынесен.

– Если это так, то чего вы тогда меня теребите?

– Уведите его.

Интересно бы узнать, почему они привели меня в канцелярию, а не на место казни. Даже если бы эти разговоры и имели для кого-то хоть какое-нибудь значение, я предпочел бы умереть, больше в них не участвуя. Они слишком изматывают, слишком действуют на нервы. В камере меня встретили поздравлениями, но надежды от этого у меня не прибавилось. Сегодняшний допрос показал, что моя драма приближается к развязке.

Дни, словно вши, ползут друг за другом. Каждую ночь те же самые сборы обреченных, которых ведут на убой. Наше подвешенное состояние становится почти невыносимым. Легче идти навстречу смерти, чем так медленно умирать день за днем. Трудно сохранять внешнее спокойствие, неделями ожидая конца. Если бы знать, что тебе осталось два дня, или три, или пять, – но недель... Не-

дель! Это очень трудно даже для храбрецов. Я стараюсь простудиться, контактирую с тифозными – авось что-нибудь и ускорит конец. Вижу, что и все остальные делают то же самое. Возникает настоящая конкуренция среди нас за то, чтобы быть поближе к тифозным. Некоторые вылавливали вшей у больных, лежавших без сознания, и умерших и пересаживали на свое тело.

Сегодня было семь жертв.

Сегодня – три.

Сегодня – лишь одна.

Сегодня – девять.

Смерть витает надо мной, но пока еще не трогает меня. Сегодня – еще троих. Боже мой! Сколько будет продолжаться эта пытка? Я вспоминаю описания французского террора. Как похоже. История повторяется.

Только что в камеру ввели шестьдесят семь новых заключенных, среди них пять женщин и четверо детей. Все это крестьяне Никольского уезда, отчаянием доведенные до восстания, когда коммунисты приступили к «национализации» всего их зерна, скота и другого имущества. На подавление взбунтовавшихся деревень бросили артиллерию и пулеметы. Сожгли и разрушили три деревни, многих мужиков убили, больше ста арестовали. Те шестьдесят семь, что присоединились к нам, находятся в ужасном состоянии – все они изранены, в синяках, руки переломаны. Истошный плач детей наполняет теперь нашу тюрьму. Интересно, сколько они проживут в этом аду. Если они останутся в живых, то несомненно, в будущем станут хорошими коммунистами. Обучение нового поколения коммунистов началось и, наверное, не скоро будет забыто. Боже милостивый! Если должны страдать отцы, то за что же наказаны эти безгрешные малютки? Тюрьма переполнена. Вот бы этих болтунов, которые раньше распевали революционные песни, сюда к нам.

Сегодня не так тесно. Большинство крестьян расстреляли. Один из детей остался без отца и матери. И начались новые зверства, напоминающие последний момент отсрочки, которую дали Мезеневу. Сегодня днем этого купца вывели на казнь. Сначала расстреляли четверых, а затем наступила и его очередь.

– Скажи, где спрятал деньги, и я тебя отпущу, – сказал чекист, руководивший расстрелом.

– Не прятал я никаких денег.

– Ну, что ж. Огонь! – скомандовал тот.

Грянул выстрел из винтовок, но купец остался на ногах.

– Этот выстрел был холостой, – объяснил палач. – Но уверен, ты бы не хотел испытать такое еще раз. Лучше скажи, где спрятаны деньги.

Обратно в тюрьму его привели онемевшего и ополоумевшего. За считанные часы он превратился в поседевшую развалину.

К нам поступил очень интересный новый заключенный, бывший комиссар Капков. Этот человек, бывший служащий Северо-Западной транспортной компании, выказывал изрядную прыть при аресте контрреволюционеров, но еще больше проявил себя, присваивая «национализированные» богатства и насилуя девушек и замужних женщин.

«Не придешь ко мне ночью – твоих родных арестуют. Придешь – останутся на свободе», – таким был метод этого апостола нового тысячелетия. По-видимому, он, наконец, до того дошел в своем скотстве, что даже его товарищи не смогли его дольше терпеть. В тюрьме он вел себя омерзительно трусливо. Некоторые из нас хотели его убить, но мы решили, что не стоит марать руки о подобную мразь.

Благословен сей день! Впервые мне вместе с другими разрешили полюбоваться лесом, растущим по берегам Сухоны. Эта великая привилегия до сих пор была предоставлена всем, кроме меня и еще одного или двух политических. Я шел в составе группы человек из шестидесяти, под усиленной охраной. Заключенные жадно хватали попадавшиеся на улице окурки, капустные листья и картофельные очистки. Некоторые из моих друзей узнали меня, когда я проходил мимо, и побежали сообщить об этом моей жене и брату. Через час я увидел вдалеке эти столь дорогие мне существа. В течение двух часов тяжелой работы я имел счастье смотреть на них. Когда нас строем повели обратно в тюрьму, мы прошли близко от них. У меня из глаз потекли слезы. В своем тряпье, грязный, по-тюремному бледный, я, должно быть, показался им жалким. И все же благословляю сей день, что доставил мне несказанную радость еще раз увидеть их.

Глава пятнадцатая

ВОСКРЕШЕНИЕ

Сегодня, 13 декабря, я пишу уже не в тюрьме, а будучи на железнодорожном вокзале в Лузе[1*]. Вчера около трех часов мне опять велели идти в канцелярию. Я вошел. Жена моя – здесь! Что это значит?

– Пожалуйста, профессор Сорокин, присаживайтесь. – Это был мой инквизитор, только говорил он сегодня с заискивающими интонациями в голосе. – Эта статья в «Правде» должна вас заинтересовать.

То была статья Ленина обо мне. Основная ее мысль заключалась в том, что люди наподобие меня – представители крестьянства, демократы по происхождению и предыдущей деятельности, лишь в силу несчастных обстоятельств ставшие врагами коммунистов, – заслуживают особого внимания. Задача коммунистов состоит в том, чтобы превратить их в союзников. Сохранение интеллигенции и образованных людей в Советской России обернется благом для страны[2*].

– Мы получили приказ от самого Ленина, – чекист особо подчеркнул последние два слова, – отправить вас в Москву, где вас передадут во Всероссийскую ЧК. Поедете завтра утром. Договоримся обо всем, что вам необходимо.

– Моя жена может поехать со мной?

– Нет, но ей разрешат присоединиться к вам денька через два-три.

– А может она принести мне чистую одежду? Эта, – я показал на свои грязные обноски, – немного испачкалась.

– Да, конечно.

На следующее утро в сопровождении главного палача латыша Петерсона и еще одного чекиста из русских я был доставлен на вокзал в Лузу. Над головой сияло безоблачное зимнее небо, лицо обдавал свежестью холодный ветер. Жизнь, чудная жизнь опять призывала меня. Я пытался представить, как же произошло это чудо, но – не мог. В одной из деревень нам нужно было переменить лошадей. Петерсон ворвался в какую-то избу и, направляя револьвер на перепуганного крестьянина, проревел:

– Чтоб лошадь была через пять минут, не то застрелю!

Крестьянина как ветром сдуло, но он успел кинуть на представителя пролетарского правительства взгляд, полный ненависти. Ни разу в жизни я не видел, чтобы царские офицеры так обращались с крестьянами.

Подошел поезд, и мы вошли в «Вагон особого назначения», как гласила надпись на нем. Это был комфортабельный международный спальный вагон, предназначенный только для представителей власти, тогда как простой народ набивался на площадки, крыши, тендеры паровозов. Простые пассажиры «постились», а эти «апостолы равенства», комфортабельно устроившись в своих купе, ели икру, мясо, свежий хлеб, пили вино. Ничего себе равенство!

Три дня я ехал в сопровождении и под неусыпным надзором этих чекистов. Между прочим, они рассказали, как охотились за мной по деревням, скольких людей поубивали, называя среди них кое-кого и из моих друзей.

– Одни умирали спокойно, – рассказывал Петерсон, – а другие рыдали, кричали, пытались убежать. Много было проблем с такими людьми. Нам часто приходилось расстреливать их, пока они идут или хотя бы когда отвернутся.

– А как умер Зепалов?

– Вполне достойно. Это был закоренелый реакционер.

– А что вы делали с трупами после казни?

– Снимали одежду и бросали в могилы. Как-то раз выявили таким образом негодяя, каких еще свет не видывал. Сняли с него сапоги, а в них – молоток, который этот ворюга стянул из тюрьмы. – Голос Петерсона, рассказывавшего эту историю о преступлении заключенного, дрожал от негодования.

– А врач при этом присутствовал, чтобы удостоверить смерть расстрелянных? – спросил я.

– Ну, у нас таких буржуазных формальностей не водится. Пролетариат убивает своих врагов просто. А если кто-то и похоронен заживо – результат ведь тот же. Главное, что они мертвы.

Утром 16 декабря[3*] 1918 года мы прибыли во Всероссийскую ЧК в Москве. Здесь среди других заключенных я встретил профессора Каминку, доставленного сюда из Петрограда. Вскоре камеры стали наполняться «свежим уловом»: это были только что арестованные студент и студентка, какой-то священник, два литератора, рабочие, спекулянты, воры-рецидивисты и две проститутки. Сидеть здесь было не на чем, и мы все устроились на полу. Настроение у большинства из нас было подавленным, но оба студента, девицы и один парень, которые сказали, что они анархисты, держались бодро.

Вошел агент ЧК и, обращаясь ко мне и профессору Каминке, спросил:

– Хотите обедать?

Спустя полчаса нам принесли картофельный суп и два маленьких кусочка хлеба. Остальным не дали ничего. Около семи часов вечера в камеру опять вошел представитель власти и объявил мне:

– Вы свободны и можете идти куда угодно.

Стараясь не показать своего сильного волнения, я последовал за ним в канцелярию и, пока подписывали бумаги, осмотрелся в этом сердце машины тер-

рора. В комнате сидела симпатичная женщина, одетая со вкусом и украшенная массой драгоценностей. Весело разговаривая, она работала с кипой бумаг. Окружающие называли ее «товарищ Петерс», из чего я заключил, что это была жена или сестра главного начальника террористов Петерса[4*]. Я не мог отвести глаз от этой красивой женщины – хозяйки террора, участвовавшей в кровавой работе ЧК. Любая женщина за пределами ЧК, которая шла бы по улице в подобной одежде и с такими украшениями, потеряла бы не только весь свой шикарный наряд и свободу, но, возможно, и жизнь. А родственников бы арестовали. По-видимому, коммунисты, раз уж им не удалось добиться всеобщего счастья, весьма заботились о своем собственном.

Наконец мне вручили мои документы, и, прижимая их к сердцу, я шел по московским улицам. Сознание того, что я спасен, что я действительно избежал смерти, совсем ошеломило меня. Какое-то время я шел, не понимая, где я нахожусь. Я с трудом пришел в себя и направился к дому, где жил мой старинный приятель. Но на мой звонок дверь открыл незнакомый человек, не имевший ни малейшего понятия, что сталось с моим приятелем, поэтому я направился на квартиру к другому моему другу. Но и здесь оказались люди незнакомые. Только в третьем месте дверь открыл один близкий мой друг[5*], который сразу и не узнал меня. Когда же я назвал себя, он воскликнул:

– Боже мой, как же ты изменился! Ты выглядишь лет на двадцать старше.

– Это время летит так быстро, – пошутил я. – За несколько месяцев этой славной эпохи проживаешь двадцать лет. А теперь, будь добр, дай мне переодеться в чистое, я весь обовшивел.

Он отвел меня в ванную мыться и переодеваться. Вода была ледяная, но я с удовольствием принял ванну, а потом, наслаждаясь горячим чаем, мы обсуждали приключения, выпавшие на мою долю и на долю наших друзей. Через три дня я имел счастье встретиться с женой и тем самым другом, с которым я так долго скрывался по лесам. На следующий день после моего ухода вышел и он, без приключений добрался до дома своего друга в Устюге, который прятал его в бане. Как-то ночью он проснулся от криков и ружейной стрельбы, посмотрел в щель и увидел, как толпа вооруженных большевиков гонится за каким-то человеком, которого вели на расстрел. Человек отчаянно пытался убежать и направлялся прямо к бане. Если бы ему удалось добежать до нее, то быть бы не одному расстрелу, а двум. Но беглец упал по дороге, и подбежавшие, не дав ему подняться на ноги, закололи его штыками. С помощью друзей он зарегистрировался как безработный пролетарий и в конце концов через большевистскую биржу труда получил разрешение на выезд в Москву.

Несколько слов о моем неожиданном помиловании. Это было дело рук моего бывшего студента, того комиссара, который посетил меня в тюрьме. Он пере-

говорил обо мне с двумя большевистскими вожаками, с которыми мы дружили еще в студенческие годы[6*], и они втроем, не совсем еще изжив старые воспоминания, направились к Ленину с просьбой о моем освобождении. Ленин, в надежде заработать на своем великодушии, написал обо мне статью в «Правде» и приказал освободить меня.

Так как я не давал никаких обещаний, то чувствовал себя вправе поступать так, как велит мне совесть. Поэтому если моя деятельность после возвращения к жизни пришлась большевикам не совсем по душе – это уж их дело, а не мое.

Глава шестнадцатая

ПЕРВЫЕ ШАГИ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ РАЮ

Проведя несколько дней в Москве, я выехал в Петроград. То, что я увидел на Николаевском вокзале[1*], нельзя назвать иначе как мерзостью запустения. Словно стихийное бедствие обрушилось на город. Ни трамваев, ни дрожек. Все магазины закрыты. На стенах домов темными провалами зияли грязные разбитые окна. Все вывески сорваны. На улицах неописуемая грязь, мостовая во многих местах разворочена. Попадавшиеся то там, то здесь разорванные флаги и большевистские афиши довершали бедственную картину. А люди были! В лохмотьях, с изнуренными, бледными, осунувшимися лицами. Несколько прохожих плелись вдоль улицы, придавленные горем и нищетой. Старуха и сгорбленный старик сидели прямо на мостовой и тщетно протягивали свои иссохшие руки:

– Подайте хлебушка Христа ради…

Но никто не подавал. Я свернул на Бассейную и заметил мужчину и женщину, тащивших санки с лежащим на них грубо сколоченным гробом.

Сильно проголодавшись и будучи удручен этим зрелищем, я искал, где бы зайти в магазин, чтобы купить хоть какой-нибудь еды. Ни одного не нашел. А придя на свою квартиру на Надеждинской улице, обнаружил, что она занята каким-то еврейским семейством. Женщина вежливо объяснила, что моя жилплощадь со всей обстановкой была «национализирована» и передана советскими властями ее семье.

– Могу я забрать хотя бы свои книги и документы? Белье, одежду и личные вещи? – спросил я.

– Вон там, в углу, какие-то ваши книги и бумаги… Забирайте, пожалуйста. А что до других ваших вещей, то кроме этих мы ничего не видели.

Все мои вещи, кроме нескольких книг и бумаг, исчезли. Несколько томов лежало около печки, показывая тем самым, какая участь постигла остальные.

– Пожалуйста, простите нас, – сказала женщина. – Мы не знали, вернетесь ли вы когда-нибудь. Было очень холодно, а нам нечем было топить.

– Только, пожалуйста, не жгите те, что остались, – попросил я, – я завтра приду и заберу их.

Все мои ценные книги сгорели, бумаги и вещи исчезли. В одежде с чужого плеча, в поношенных сапогах и пальто, которое я носил в лесу, я пошел к своим старым соседям. Как обычно, меня встретили словами:

– Как вы ужасно изменились!

– А вы посмотрите на себя, – парировал я. – Вы тоже изменились.

– Да уж, – усмехнулась мадам Д[армолатова][2*], – мы с дочерью носим теперь платья на несколько размеров меньше.

И узнав о том, что я остался без жилья, предложила:

– Занимайте здесь одну или две комнаты. Нам уже грозили подселить двух или трех коммунистов. Как бы хорошо было, если бы вместо них поселились вы…

Теперь оставалось решить только одну проблему – с хлебом насущным. Друзья хотели со мной поделиться чем могли, но у них самих было так мало, что я не мог принять от них хоть что-нибудь… Частная торговля была запрещена, и купить продукты было невозможно.

– Вы должны получить карточки. А пока что, если у вас еще остались деньги, можете обедать в этом доме на Конюшенной. Скажите там, что пришли от нас, иначе не примут, – посоветовала Д[армолатова].

Следующим утром я пошел в домком[3*] получать разрешение на проживание в доме госпожи Д[армолатовой]. Получил я его примерно за час. Потом пошел в продком[4*] за продуктовыми карточками. В очереди я вместе с толпой голодного люда простоял четыре часа, после чего нам объявили, что на сегодня контора закрыта. Почти умирая от голода, я пошел в «нелегальную» «столовую». Позвонил в дверь. Открыла какая-то дама. Окинув быстрым взглядом мои лохмотья, она спросила, что мне нужно. Я назвал свое имя и сказал, что меня направила госпожа Д[армолатова].

– Входите, – с улыбкой пригласила дама, – прошу прощения, но вы понимаете, я сначала приняла вас за одного из «товарищей».

В комнате, куда она меня привела, находилось около двадцати человек мужчин и женщин, обедавших «нелегально». Я заметил среди них профессора Розина, моего старого коллегу по кафедре уголовного права и криминалистики, а ныне проректора университета. Он тепло поприветствовал меня, сказав:

– Вы скоро напишете очень занимательную книгу о преступлениях в коммунистическом обществе. Ведь только при коммунизме поесть в таком месте, как это, считается преступлением.

– Непременно напишу, – заверил его я, – и не забуду указать на то обстоятельство, что, не совершая преступлений против коммунистического правительства, можно умереть с голоду.

Мне принесли тарелку пшенной каши, и я «преступно» принялся за еду. По правде говоря, я мог бы съесть и две, и три такие тарелки, но все равно не наелся бы.

На следующее утро еще за два часа до открытия продкома я встал в длинную очередь. Около полудня я получил, но еще не сами карточки, а ордер

на их получение. Пришлось еще далеко идти до районной конторы, но там выстроилась такая очередь, что я понял: карточек мне сегодня не видать. И снова я побрел в секретную столовую и преступно съел там тарелку пшенной каши. Только через два дня я получил вожделенные карточки: хлебную карточку, продуктовую, карточку на табак, на керосин и вещевую карточку[5*]. Как профессор, я получил карточки второй категории. Карточки первой категории полагались только советским служащим и некоторым рабочим. Карточки третьей категории предназначались «буржуазным элементам» и «эксплуататорам». По этим карточкам выдавали столько, чтобы можно было, по словам Зиновьева, «не забыть запах хлеба». И действительно, по ним не выдавали ничего. Профессорам, как «полупаразитарному классу», давали карточки второй категории, которых едва хватало только на то, чтобы не умереть с голоду.

– Наконец-то я закончил сбор этих проклятых карточек, – похвастался я перед друзьями.

– Молодец, – ответили мне, саркастически улыбаясь. – Только учти: иметь карточки на продукты, одежду и топливо, это одно, а вот получить по ним эти продукты, одежду и топливо – это совсем другое. И вообще, можешь выбросить карточки на продукты и топливо. Но остальные оставь, может быть, по ним и получишь что-нибудь.

Целую неделю я угробил на то, чтобы получить эти карточки, а теперь, оказывается, их надо выбросить. Адаптация к большевистскому раю, как я понял, становилась все труднее. Мне пришло на ум, что старую социалистическую формулу «каждому – по потребностям» теперь можно было бы перефразировать в формулу: «каждому – по его карточкам». Вот только карточки, к сожалению, ни съесть, ни надеть на себя нельзя. Поэтому правильно формула должна звучать так: «Никому – ничего, пока сам не добудет, в обход законов коммунистического правительства». И если бы я в эти первые десять дней пребывания в Петрограде не нашел способа обойти их, я бы умер от голода.

Покончив со сбором своей карточной коллекции, я отправился в университет и Психоневрологический институт, чтобы дать знать своим коллегам, что я жив, а заодно разведать, что сталось с моей университетской должностью. Большевики, будучи заняты гражданской войной, еще не до конца уничтожили университетскую жизнь. Мне предложили вернуться на старую профессорскую должность в университете, и это значило, что после Рождества я должен был опять читать лекции и вести семинары. Я также был избран профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. Я согласился работать и там, и там, поскольку совершенно необходимо было иметь дополнительный заработок. В то же время ко мне обратились два крупных кооперативных издательства, еще не национализированных, с предложением написать учебник права и учебник социологии[6*].

В университетской столовой я встретил еще одного издателя[7*] и очень талантливого литератора, который спросил, как долго я еще намерен откладывать работу над «Системой социологии». Я ответил, что все мои материалы, которые я собирал несколько лет, пропали. Да и сам предмет уже почти выветрился у меня из головы, так что – нет, писать книгу больше не смогу. Он стал убеждать меня, говорил, что книга нужна его издательству[8*] и что, как я и сам должен знать по опыту, в наших условиях глупо откладывать работу.

– Сегодня – жив, завтра – мертв. Лучше опубликовать нужную книгу, даже если она и не свободна от недостатков, – заключил он. – Начинайте вашу «Систему», не откладывая, а я ее опубликую.

Я понимал, что он прав, и поэтому принял его предложение. Вскоре приехала из Москвы моя жена, и мы начали жить и работать в лоне коммунистической культуры.

Вечером 31 декабря 1918 года мы вместе с семейством госпожи Д[армолатовой] и еще несколькими ближайшими друзьями собрались встретить Новый год. Каждый из нас принес кусок хлеба, «кекс» из картошки и стакан чая с сахаром. В комнате было так холодно, что все мы сидели, закутавшись в одеяла и не снимая шапок. Пробило полночь, час, когда надо поздравлять и произносить речи в честь наступающих иных времен. Сказать можно было лишь одно:

– Закончился этот ужасный год. Будем благодарны за то, что он прошел. Навсегда сохраним память о наших дорогих друзьях, которые погибли в эти скорбные дни. В наступающем году мы не ждем ни мира, ни радости. Если к концу его мы сами, наши родные и друзья останемся живы – мы будем счастливы. Будем же мужественны при встрече с новыми испытаниями.

Мы сидели молча и в унынии. Каждый из нас с горечью думал о тех, кто умер, и страстно молился за тех, кто еще оставался в пасти красного чудовища. Одна женщина носила траур по сыну, которого забили насмерть. Красавица Вера, дочь госпожи Д[армолатовой], сидела печальная и задумчивая. Ее жених находился в тюрьме. Это обстоятельство вместе с другими ужасами, выпавшими на ее долю, совсем ее подкосило. Мать даже опасалась за ее жизнь, и я понимал, что ее опасения были не напрасны.

ЧАСТЬ III

1919–1920

Глава семнадцатая

В ЛОНЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1*]

«Троглодиты», – называли мы сами себя. Хотя мы и не жили в пещерах, но я уверен, что настоящие пещерные жители пользовались большим комфортом, чем 95% населения Петрограда в 1919 года. Например, квартира г-жи Д[армолатовой] состояла из восьми больших комнат, но в ту суровую зиму жить можно было только в двух из них. Г-жа Д[армолатова] и две ее дочери жили в одной комнате, мы с женой – в другой. Мы называли это «зимней концентрацией». В коммунистическом обществе все должно быть «естественным», и, разумеется, в нашем жилище температура была естественной, т.е. такой, какую мы способны были создать нашим дыханием. Вместо дров у нас были карточки на дрова. И потому мы жгли сами карточки, чтобы добиться того же эффекта, т.е. вскипятить воду и приготовить что-нибудь самое простое. В воде, которой снабжался тогда Петроград, содержалось так много тифозных палочек и других опасных микробов, что пить ее некипяченой было невозможно. У нас была маленькая железная печка, которой пользовалась самая беднота и которая называлась «буржуйкой». Одно отверстие у нее было наверху, а другое – сбоку. К этому боковому отверстию мы присоединяли трубу от самовара и, подкладывая в печку бесполезные карточки на топливо, получали достаточно тепла, чтобы вскипятить воду. Иногда нам удавалось (незаконно, конечно) раздобыть немного дров. Чаще всего мы ходили к Неве и, если везло, отдирали доски и бревна с полузатонувших лодок и барж. Кроме того, мы отрывали доски и балясины от заборов, но чаще всего приходилось жечь стулья, столы, книги, бумаги. Часто бывало так, что, простояв несколько дней в очередях, люди получали от наркомснаба указания о том, где отоварить карточки на дрова, а это оказывались деревянные дома, которые нужно было снести, т.е., как я думаю, выполнить часть советской программы по уничтожению капитализма[2*]. Не удивительно, что мебель и даже карточки, которые мы жгли, были куда как практичнее, особенно если учесть, что разборщики домов, будучи дилетантами в этом деле, иногда, вытаскивая бревна, калечились, а то и погибали под рухнувшими балками и перекрытиями. В 1919 году самым ценным подарком, который можно было преподнести или получить, было сухое полено.

Что же касается санитарных условий, то они просто не поддаются описанию на литературном языке. Все канализационные трубы полопались от сильного мороза, царившего в неотапливаемых домах, и жильцы верхних этажей

не могли пользоваться ни туалетом, ни водопроводом. Так что по своим естественным надобностям мы ходили на двор, а водой пользовались той, что поступала на первые этажи нашего или соседнего домов. Вода пошла только к весне и лету, но, поскольку все трубы разорвало, с потолка текла мокрая жижа, и жить в домах стало совсем невозможно. А как раз над нами поселились матросы, те, кого Троцкий называл красой и гордостью революции. В быту эти люди были до такой степени нечистоплотны, что, когда началась зима, они… Впрочем, мне пора подвести черту под описаниями этих мерзостей.

– Вот она, коммуния-то, – объяснил водопроводчик, пришедший к нам чинить трубы. Мы испытали, что такое «коммуния», и во многих других сферах жизни. Разбитые оконные стекла можно было заткнуть только тряпками. Помыться или принять ванну стало почти немыслимой роскошью. Прачечные – как заведения буржуазные – исчезли. Мыло включено было в продуктовые карточки, но его никогда не выдавали. Поскольку дома дров у нас было мало и мы не могли нагревать воду для мытья, мы иногда ходили в общественную баню, которая работала один или два дня в неделю, но там приходилось часами простаивать в длинной очереди, да к тому же велика была опасность подхватить какую-нибудь заразную болезнь или набраться вшей, а это значит наверняка заразиться тифом.

Но труднее всего было, пожалуй, переносить темноту. Электричество включали только вечером на два или три часа, а очень часто и вовсе не включали. В северных широтах, как известно, зимой в три часа дня уже совсем темно, так что нетрудно представить себе, как жили мы в этом мраке – словно слепые. Керосина было почти не достать. И вот самое лучшее, что мы могли сделать, – это смастерить лампу-«недышалку», как мы ее называли[3*]. Наливали в бутылку керосин или лампадное масло и внутрь вставляли самодельный фитиль. Видеть можно было, но ни читать, ни писать нельзя. Даже сильно шевелиться при ней было нельзя – потому она и называлась «недышалкой», что гасла от малейшего дуновения. По вечерам мы обычно сидели и ничего не делали, поскольку, даже когда бывал свет, мы знали, что его дали, чтобы произвести обыск и арест. И еще для удобства «национализации», ибо чекисты, когда они приходили в дом, забирали все, что им понравится.

По продуктовой карточке мы получали каждый день от восьмушки до полуфунта хлеба очень низкого качества, а иногда получали и того меньше. Обычно мы ходили «обедать» в коммунистическую столовую в университете, но даже здесь можно было получить только жидкие горячие щи. Ходили, несмотря на то, что профессор Введенский, как настоящий ученый, точно подсчитал, что мы тратим энергии на дорогу сюда и стояние в очередях больше, чем получаем от витаминов и калорий, содержащихся в этой пище. Сами слова «обед» и «пообедал» так приятно звучали и создавали впечатление, что мы действительно что-то поели. Но все равно были постоянно голодны. Наши сны всегда были о еде, чаще всего снились горы сливочного масла и прочих жиров. Все, кто раньше страдал от несварения или болел сахарным диабетом, быстро исцелились. Они страшно поху-

дели. Мы же, напротив, от голода распухли, побледнели и ослабли. Эта полнота была, однако, преходящим симптомом. Прошло какое-то время, и похудели все. Многие стали забывчивыми, часто были случаи голодных психозов и неврозов от истощения, возросла смертность. Если бы не «спекулянты» и «мешочники», все население Петрограда, безусловно, вымерло бы за какой-нибудь месяц. Все, за исключением коммунистов. Мы привыкли воровать из кое-каких квартир, особенно из тех, где жили матросы-большевики, и каждый раз, когда мы это делали, мы рисковали свободой, а то и жизнью. Потом мы покупали картошку, крупу, хлеб, а иногда даже немного сливочного масла. Иногда заходили крестьяне-«мешочники» и из-под полы продавали нам продукты или меняли на серебряные или золотые вещи, часы, одежду, занавески, белье, даже картины – на все, что бы им ни приглянулось. Многие собирали все свои ценные вещи, вплоть до старой одежды, и ехали в деревню, чтобы обменять их на еду. Нередко, однако, после того, как им удавалось выменять несколько килограммов картошки, ее у них отбирала охрана, а сами они оказывались в тюрьме. Одни умирали там от тифа, других расстреливали.

Все жители должны были нести круглосуточное дежурство у дверей своих домов. Мы сидели возле них или прохаживались туда-сюда и смотрели на вымерший Петроград. С полуночи до шести утра было запрещено выходить из дома без особого разрешения. Таким образом, единственным, что нарушало монотонность этих ночных бдений, бывали неожиданный вой пожарной сирены, скрип похоронных саней, которые тащили по снегу, звуки стрельбы, когда расстреливали заключенных или чекисты проводили свои операции. И было еще одно нарушение тишины, о котором трудно писать хладнокровно, – это был шумный и непристойный выход пьяных коммунистов из сиротского приюта для девочек, находившегося рядом с нашим домом. Иногда эти несчастные дети приходили в наш дом, в квартиру этажом выше, где жили матросы. Остановить их я не мог, потому что они не были контрреволюционерами. Не мог, потому что они были так голодны, а на квартире «красы и гордости революции» еды было в избытке. Кроме того, новая знать объявила целомудрие «буржуазным предрассудком».

Каждое утро кто-нибудь из нас бежал занимать очередь за хлебом, пока другой усаживался «завтракать». В этих чертовых очередях приходилось стоять по два, по три часа каждый день, да и то почти без всякого толку. Все наше существование было наполнено очередями: очередями за хлебом и солью, за селедкой и табаком, за «кофе» и за крупой, очередями для регистрации по месту жительства, которую надо было проходить раз в месяц; очередями за каждой официальной справкой, какая могла нам понадобиться, очередями за всем, что только можно себе представить. Они стали сущим кошмаром. Вот оно, настоящее научное определение коммунизма, полученное горьким опытом: очереди, бесконечные очереди.

Пока один из наших соседей по квартире томился в очереди, другой колол дрова (если они, конечно, были), приносил воду, разжигал буржуйку и со слезя-

щимися глазами, чуть не задыхаясь от дыма, готовил завтрак, т.е. горячую воду с кусочком сахарина, кусочек хлеба и, если удалось раздобыть, немного ржаной каши. Что было на обед, я уже описывал. А на ужин – еще раз горячая вода с черствым хлебом. После завтрака мы, как могли, убирали нашу комнату, после чего, если не было какой-нибудь принудительной общественной повинности – не моя очередь была идти в караул или еще куда-нибудь, не нужно было навестить больного или хоронить умершего друга, садился писать мою «Систему социологии» или готовился к лекциям в университете. Я напяливал на себя все, что мог, на руки надевал перчатки, а ноги укутывал тряпками. Время от времени я вставал и делал упражнения, чтобы размять свои почти совсем окоченевшие руки и ноги. Во второй половине дня или вечером я шел на работу, и, поскольку от одного института до другого я добирался пешком, в день я проходил по 8–10 верст. От сильного утомления и постоянного голода я рано ложился спать – если не моя очередь была идти на ночное дежурство. Такова была наша жизнь в «Российской Совершенно Фантастической Советской республике», как называли мы РСФСР.

Каждый раз, когда я приходил в университет, меня охватывала тоска. В университетском дворе не слышно было теперь ни смеха, ни молодых голосов. Лекции читались только в вечернее время. Всюду темно, за исключением здания физического факультета: профессору Хвольсону каким-то чудом удалось добыть керосин, и в окнах его лаборатории горит свет. Лекции читались только по вечерам, потому что днем студенты вели борьбу за выживание. Я проходил по знакомым залам и кабинетам и ничего не слышал, кроме звука своих шагов. Все лекции и семинары проходили в студенческом общежитии, которое теперь опустело. Официальная статистика утверждает, что число студентов с девяти тысяч до революции возросло до двадцати тысяч человек. Но где они, эти двадцать тысяч? Ни я, ни кто-либо из моих коллег их в глаза не видели. Во всем университете было не больше трех–четырех сотен.

Проходя впотьмах мимо ректората университета в конце главного здания, я часто читал, поднося тусклый огонек «недышалки», такое объявление:

«Согласно постановлению Петроградского Исполнительного Комитета профессора, ассистенты, преподаватели и прочие сотрудники университета назначаются к выгрузке дров с барж. Те, чьи фамилии начинаются от А до М, должны явиться завтра на Адмиралтейскую набережную к десяти часам утра. Остальные должны быть на том же месте в то же время послезавтра. Неявившиеся подлежат аресту как контрреволюционеры».

Меня эти принудительные работы не очень обременяли: я был молод, силен, привычен к физическому труду. Но какое жалкое зрелище представляли собой другие сотрудники университета, старые профессора и женщины, которые никогда в своей жизни не занимались ничем, кроме умственной работы. У них не было ни сил, ни навыка грузить тяжелые балки, и уже через несколько минут они едва держались на ногах от усталости и полученных травм. С ног до головы замызганные

грязью и кровью, в своей изношенной одежде, часто падающие под непосильной ношей, они больше напоминали египетских рабов, трудящихся под бичом бессердечного фараона. Сходство усиливали надсмотрщики-коммунисты, упитанные и здоровые, получавшие удовольствие от того, как мучаются «буржуи», или, как они их называли, «праздные паразиты». Часто мне хотелось дать кому-нибудь из этих звероподобных надзирателей по морде, но это, конечно, было бы верхом глупости. По правде говоря, эти принудительные работы были абсолютно бессмысленны, но для старых профессоров и ученых, работавших под плетью, они было изощренной пыткой. Со стороны же Зиновьева и прочих подонков, которые дорвались до власти, это было не что иное, как месть, хотя они представляли это как «защиту науки и искусства, ученых и писателей». Эти слова производили глубокое впечатление на иностранцев, приезжавших в Россию и принимавших их за чистую монету.

Занятия по социологии, которые я вел в университете, были самыми посещаемыми. Не оттого, что я был такой талантливый лектор, а потому что социология теперь превратилась в жизненно важный предмет. На мои лекции приходили не только студенты, но и университетские служащие и даже посторонняя публика. Я знал, что посещало их и немало коммунистических шпионов, которые регулярно докладывали в ЧК обо всем, что я говорил. Почти сразу после моего освобождения из тюрьмы Луначарский и Кристи – комиссары народного образования и просвещения – предложили мне пост комиссара высших учебных заведений Петрограда. Они думали, что ленинский план, как сделать меня и других союзниками коммунистов, т.е. превратить в пешек в своей игре, очень умно разработан. Но, если мои коллеги и я были не в силах помешать им физически и морально разрушить страну, нам хватало ума не поддерживать их и не принимать участия в их убийственной деятельности[4*].

На своих лекциях я никогда не «играл в политику». Я никогда напрямую не пытался подорвать существовавшую систему, но сообщал слушателям научные данные, не заботясь о том, подтверждают они или не подтверждают коммунистические теории. Когда я рассказывал о социальном устройстве Древнего Египта при Птолемеях, Древнего Перу и Спарты, Римской империи в III–IV вв. н.э., моей вины не было в том, что аудитория разражалась смехом и возгласами: «Это же в точности как наш коммунистический режим». Не было моей вины и в том, что слушатели единодушно сходились во мнении, что никогда за всю историю коммунистический строй не обеспечивал ни равенства, ни свободы, не улучшал положение масс и не снижал уровень эксплуатации трудящихся. Если моя научная информация приходилась по нраву нашим правителям, я не огорчался, а даже был счастлив от того, что могу представлять факты такими, каковы они есть. Быть социологом в таких условиях было чертовски сложно, но я хотел остаться честным. Мне трудно описать все те препоны, с которыми я сталкивался в своей работе и которые, как я знал, в любой день могли послужить поводом для моего ареста. Я читал лекции в темноте и почти не видел слушателей. Когда мне надо

было заглянуть в свои записи, я просил: «Кто так богат, что одолжит мне свечной огарок?» Обычно кто-нибудь одалживал мне крохотную свечку, которую я старался поскорее задуть; студентам, которые вели свои записи в темноте, иметь чуть-чуть света было совершенно необходимо, чтобы учиться. Несмотря на все препятствия, в том числе и постоянный голод, студенты ухитрялись добиваться почти таких же успехов, как в нормальное время. Я говорю о тех старых студентах, которые вернулись в университет после войны. У нас был группа и новых студентов, направленных Луначарским, который распорядился, чтобы пролетарских детей зачислили в университет без экзаменов. Мы называли их студентами «нулевого курса» и проводили с ними дополнительные занятия.

Днем, как я уже говорил, студенты работали, чтобы хоть как-то выжить. Весь факультет собирался в университете только на совещания и конференции. В нашем читальном зале, как, впрочем, и повсюду, царило запустение. Мы не получали ни новых книг, ни журналов, ни научных альманахов. Отрезанные от всего мира, мы не знали, чем занимаются наши заграничные коллеги. Мы были абсолютно отрезаны даже от наших коллег из других университетов России. Когда мы собирались в столовой, профессора, стоявшие в очереди со своими тарелками и ложками, которые каждый должен был приносить из дома, напоминали нищих, толпившихся на церковной паперти в былые времена. Отстояв в очереди полчаса, эти профессора, многие из которых были всемирно известными учеными, садились за стол с тарелкой горячей воды, в которой плавали сваренные в ней кусочки картошки и капусты. Нет ни хлеба, ни соли, если кто-нибудь не поделится раздобытыми у контрабандистов. Во время еды мы говорили, по крайней мере старались говорить на нейтральные темы или о нашей работе, но чаще всего разговор переходил на то, кто сегодня был арестован, кого расстреляли, кто умер. Иногда разговор принимал довольно жуткий оттенок. Профессора Введенский и С.[5*] просветили нас относительно числа калорий в принимаемой нами пище, о ее химическом составе и сообщили нам, сколько может протянуть человек на такой диете. Профессор С. рассказал о том, что в его лаборатории от голода подохли собаки, и о том, какие у них вырабатывались условные рефлексы. Доктор Л.[6*] описал нам химический состав мозга у двух десятков мужчин и женщин, умерших от жажды. Психологи и психиатры делились с нами результатами своих исследований психозов и неврозов, развившихся на почве революции. О многих своих открытиях мы не могли даже написать, ведь у нас не было ни бумаги, ни ручек или хотя бы карандашей. Мы делились ими друг с другом за разговорами.

Пообедав и наговорившись, мы расходились по домам. «До свидания, надеюсь завтра увидеть вас живым», – такими словами мы обычно прощались. И с каждым днем все меньше и меньше становилось тех, кому можно было это сказать.

Глава восемнадцатая

«MEMENTO MORI»[1*]

Из моего дневника –

Сегодня днем мы хоронили академика Лаппо-Данилевского[2*]. Когда я на прошлой неделе посетил его, он был похож на живой скелет. С грустной улыбкой он рассказал мне, что несколько дней тому назад по пути в академию он упал и немного повредил ногу. Еще через три дня я навестил его в больнице после того, как он перенес хирургическую операцию. Лежа на койке и умирая, он читал «Феноменологию духа» Гегеля. «Всегда не хватало времени изучить ее внимательно, – пояснил он шепотом, – начну теперь». А на следующий день умер.

Вчера дочь г-жи Д[армолатовой], красавица Вера, выбросилась из окна пятого этажа нашего дома. Когда мы подняли ее с тротуара, она была еще жива, но без сознания. Когда она лежала на постели, на прелестном ее теле не было видно ни крови, ни ушибов. Даже ее полуоткрытые, ничего не видящие глаза светились и были безоблачны. Через два часа она умерла. Вера была похожа на чудный цветок, который не смог жить на этой почве скотства и жестокости. Сейчас она лежит на столе в соседней комнате.

В нынешние времена в России легко умереть, но быть погребенным очень трудно. Четыре дня прошло, каждый из нас по нескольку часов отстоял в очереди, мы вели длинные переговоры с целой дюжиной всяких чиновников, прежде чем сумели получить разрешение на похороны Веры. В конце концов мы пригрозили одному комиссару, что, если он не даст нам разрешения, мы принесем ее тело в его комнату. Завтра мы хороним ее. А тем временем нужно хорошенько присматривать за г-жой Д[армолатовой]. Обезумевшая от горя, ничего не ждущая от жизни, кроме нищеты, страдания и воспоминаний этого ужаса, она мечется в состоянии невменяемом и полусумасшедшем.

«Ça ira!»[3*] Несколько дней назад покончил с собой профессор Хвостов[4*]. Профессор Иностранцев вчера принял цианистый калий[5*]. Так умерли видный философ и самый знаменитый геолог России. Последние несколько недель они

с женой были сильно больны. Наконец, будучи не в состоянии достать продукты или лекарства, будучи не в силах даже позвать на помощь, они покончили с собой. Когда мы вошли в холодную, грязную квартиру, чтобы узнать, чем можно им помочь, мы нашли двух мертвецов, а рядом с постелью геолога – следы цианистого калия.

Только что узнал, что и профессор Розенблат покончил с собой[6*]. Боюсь, что слова «Ça ira» из старинной песни времен Французской революции имеют совсем другой смысл.

– Почему они покончили с собой? – цинично спросил профессор Шимкевич. – И так каждый знает, что скоро умрет.

Они предпочли смерть жизни в коммунистическом раю.

Профессора Розин, Дьяков, двое Волковых, Вильев, Капустин, Покровский, Батюшков, Кулишер, Острогорский, Каринский[7*], Арсеньев умерли один за другим; остальные умирают. Умирают от тифа, от гриппа, от воспаления легких, от холеры, от голода – от всех семижды семидесяти казней египетских. Друг, которого сегодня видишь живым, назавтра умирает. Наши факультетские собрания мало чем отличаются теперь от поминальных речей в честь усопших коллег. Закрывая одно из таких собраний, ректор Шимкевич обратился к нам с мрачной шуткой:

– Господа, – сказал он, – прошу вас, не спешите так умирать. Умирая, вы себе делаете облегчение, а нас озадачиваете кучей проблем. Вы знаете, как трудно сейчас доставать для вас гробы; вы знаете, что нет лошадей, чтобы доставить на кладбище ваши бренные останки; и вы также знаете, как дорого стоит выкопать могилы для вашего вечного успения. Прошу вас, пожалейте же своих коллег и постарайтесь жить как можно дольше.

Достать гроб сейчас действительно так сложно, что большинство хоронит своих покойников, просто завернув их в рогожу. Три дня мы хлопотали о гробе для профессора К.[8*], и когда Совет сжалился, предоставив нам один, тот оказался чересчур мал. Только благодаря квалифицированной помощи одного из наших медиков-профессоров мы сумели впихнуть бедного К. в его гроб. На кладбище мы свезли наших мертвых друзей на санях. Лишь для некоторых из них мы смогли добиться отдельных могил, большинство же теперь хоронят в коллективном могильнике. Даже смерть не дает нам убежать от коммунизма!

В сегодняшней «Правде» – а сейчас у нас есть только одна официальная газета – напечатана передовица, в которой восхваляется творческая энергия ком-

мунизма. В ней говорится о решении правительства построить самый крупный в мире крематорий. Автор совсем не замечает иронического смысла своей статьи. Гигантский крематорий – самый подходящий монумент коммунистическому правительству, какой только можно вообразить. Тем не менее я сомневаюсь, сумеют ли они построить даже и крематорий.

Сегодня днем ко мне ворвался профессор Л[азерсон][9*] в таком возбуждении, что похож был на сумасшедшего.

– Я не могу, не могу больше переносить этот кошмар! – закричал он в слезах. – Сестра умерла, все друзья умерли. Вокруг нас только смерть. Я ничего не могу делать. Читаю – и не понимаю того, что читаю. Нет никакого просвета, нет конца этим ужасам!

Я должен напоминать себе, что только люди с очень крепкими нервами не сходят с ума и не кончают самоубийством.

Но даже и этого триумфа смерти недостаточно для строителей нового общества. Механизм красного террора работает безостановочно. С каждым днем и с каждой ночью в Петрограде, Москве и по всей стране все выше растет гора убитых. Щепкин и еще сто пятьдесят человек, среди которых немало профессоров, буквально на днях были расстреляны в Москве[10*]. Более сотни – в Кронштадте. Сообщают о сотнях жертв в Киеве. Всюду людей расстреливают, калечат, стирают с лица земли. Через несколько лет почва между Ириновской и Финляндской железными дорогами, за Охтой[11*] и во дворах ЧК станет чрезвычайно плодородной. Ее удобрили своими телами десяток тысяч мужчин и женщин. Каждую ночь мы слышим грохот грузовиков, на которых вывозят новые жертвы. Каждую ночь мы слышим ружейные залпы с места казни, а нередко кое-кто из нас слышит, как из ям, в которые сбросили тела, доносятся стоны и крики тех, кто не сразу умер от пули. Люди, живущие около тех мест, начинают переезжать. Они не могут спать.

Ежедневно происходит так много арестов, что монастыри и школы приходится превращать в тюрьмы. Просыпаясь поутру, ни один человек, будь то мужчина или женщина, не может быть уверен, что до ночи останется на свободе. Уходя из дому, никто не знает, вернется ли он назад. Иногда оцепляют целый квартал и каждого, кто выходит из дома без пропуска, арестовывают. Автомобиль, стоящий перед домом, почти всегда означает, что приехали арестовать кого-нибудь из его жильцов. Жизнь в эти последние дни полностью зависит от удачи. В сорока семи губерниях Советской России население уменьшилось на одиннадцать миллионов. Все вокруг нас как бы говорит: «Memento mori».

«Не мешайте этому великому эксперименту, построению нового и совершенного общества», – пишет один зарубежный гуманист, побывавший в Советской России. Для нас это означает: не мешайте убийству 150-миллионного русского народа. Если бы эти болтуны сами оказались в числе убитых, это бы нас не очень-то огорчило.

Сегодня я поймал на себе насекомое. Тифозная это вошь или нет? Подождем две недели и узнаем. Если тифозная, значит мне конец. Я слишком слаб, чтобы перенести тифозную лихорадку. Если я выживу, то уверен, что ни я и никто из нас никогда потом не будет знать, что такое страх. Мы каждый день сталкиваемся со страхом смерти.

Глава девятнадцатая

В ЦАРСКОЙ ОБИТЕЛИ

Весной 1920 года мы переехали в Царское Село, некогда бывшее царской резиденцией, а теперь – центр детских колоний. Мы с женой нашли работу в Сельскохозяйственной академии[1*], нам дали две небольшие комнаты и клочок земли под огород, так что устроились мы здесь с гораздо большим комфортом, чем в Петрограде. Изумительные парки этого старинного императорского города, несмотря на их нынешнее запущенное состояние и порубку, все еще были прекрасны. Дворцы, построенные по плану гениального Растрелли, очаровывали глаз и напоминали нам с женой о великолепии нашей некогда великой России. В свободные минуты я бродил по безмолвным и запущенным паркам, и на душу сходила благодать, несмотря на то что часть деревьев была срублена, пруды затянулись ряской, беседки и скамейки были исписаны непристойными надписями, коряво выведенными руками красноармейцев. Все здесь свидетельствовало о долгом и славном царском режиме, а вместе с тем – и о трагедии революции.

Иногда я приходил в Александровский дворец, дом Николая II, и Екатерининский дворец, резиденцию прежних царей. Апартаменты последних царя и царицы не поражали ни роскошью, ни хорошим вкусом. Они выглядели как комнаты богатых буржуа, не более того. В будуаре царицы висел чудесный гобелен с изображением Марии-Антуанетты с сыном, этим несчастным малолетним дофином. Неужели императрицу Александру, когда она смотрела на этот гобелен, никогда не охватывало ужасное предчувствие? На стенах ее спальни были развешаны сотни икон, свидетельствующие о ее глубоко религиозной натуре, возможно, даже фанатизме. Зато обстановка в ее ванной напоминала о древней Помпее. В кабинете царя я просмотрел его библиотеку, но нашел в ней только военные труды и несколько юмористических книг в дешевых народных изданиях. Все в их апартаментах говорило о явной посредственности. Нежный отец, любящий муж, искренний человек и преданный патриот – каким замечательным гражданином он мог бы быть. Но быть царем 180-миллионного народа в самый критический период истории России – вот это и обернулось ужасной трагедией и для него, и для всей нации. В характере Николая II не было той жесткости, которая нужна, чтобы быть царем в такие времена.

Бывший камердинер Николая, теперь один из смотрителей его прежнего дворца, сказал мне:

– Причиной свержения царя стала его доброта. Он был чересчур мягок. Со всеми здоровался за руку. Царь не должен этого делать. Его батюшка, Александр III, вот это был настоящий царь! Он знал, чего хотел, и всегда крепко держал бразды правления в своих руках. Да, – повторил слуга, – это был настоящий царь!

Цари, которые сделали своей резиденцией величественный Екатерининский дворец, были самодержцами, живущими в народном сознании как «цари-батюшки». В дни своего величия эти самодержцы жили в обстановке, отличающейся великолепием, роскошью, изысканным вкусом и потрясающей красотой.

– Чего не хватает в моем дворце? – спросила однажды Екатерина Великая у французского посла.

– Футляра на сию драгоценность, ваше величество, ничего более, – таков был учтивый ответ[2*].

Он был совершенно прав, этот француз, Екатерининский дворец – это настоящая жемчужина. Я ходил по тихим залам дворца, любуясь на их великолепие и мысленно представляя себе прошлое. Да, деспоты, жившие здесь и теперь смотрящие на нас с портретов в золотых рамах, были иногда жестоки, иногда порочны. Они угнетали миллионы людей. Многими жизнями и бесчисленными страданиями оплачен этот дворец, эта жемчужина. Но разве пороки этих самодержцев не оправдываются хоть в какой-то мере той энергией и мощью, какие они проявили, создавая Российскую империю? Теперь с их деспотизмом покончено, но увидит ли мир еще одно такое сооружение, как этот дворец, символ их величия? Демократия обеспечит людей удобствами, но не очарованием романтизма. Главная цель демократии – обеспечить достойный уровень жизни, и это правильно. Только поэтические грезы деспотизма, противоречащие разуму и гуманности, создают ради собственного престижа бессмертную красоту, которой любуются будущие поколения. Вот о таких вещах я размышлял, разглядывая достопримечательности молчаливых царских дворцов.

А за пределами их стен глазам моим предстала безобразная реальность деспотизма коммунистического. Деревянные дома, наполовину разобранные на дрова, разбитые мостовые, загаженные улицы, худые изможденные люди, красноармейцы в рваном обмундировании и голодные дети из коммунистических колоний – вот памятники этой новой «демократии». Со всех сторон об этой демократии можно услышать и увидеть такие отзывы:

«Долой Ленина с кониной, даешь царя со свининой»[3*].

«Долой жидов и коммунистов! Да здравствует Россия!»

«В России были три вора Гришки: Гришка Отрепьев, Гришка Распутин и Гришка Зиновьев. Двух Гришек убили, и третьего убьем».

«При царе был только один Распутин, теперь их тысячи».

«При царе нас грабили всего несколько человек из нашей страны, теперь нас грабят негодяи со всех стран».

«Спокойно – все сдохнут, как собаки».

Такие слова писали на стенах и на скамейках в парках – единственных свободных органах печати, оставшихся у людей.

Стоило мне увидеть детей из коммунистических колоний, как эти слова эхом отзывались в моей душе. Я так близко наблюдал и эти детдома, и этих детей, что меня нельзя было обмануть, как обманывали иностранных визитеров, показывая им одну, специально для этого и организованную колонию. Состояние рядовых колоний на самом деле было ужасающим. Зимой холод, всюду грязь непролазная, нет белья, даже постельного, кормят впроголодь – таковы были условия в этих «детских домах» для новоявленной аристократии. Наши исследования показали, что все дети были с серьезными физическими недостатками. Они отставали в росте, их костная и лимфатическая система имела ряд патологий. По всем показателям они отставали от детей, которые еще не были «национализированы»[4*]. В моральном отношении положение в колониях тоже было весьма плачевным. В двух колониях у каждого ребенка была гонорея. Мальчики и девочки, жившие вместе, были сексуально развращены, некоторые мальчики занимались сводничеством между другими мальчиками и их «возлюбленными». Из-за голода все дети воровали друг у друга и у администрации. Коммунисты, будучи свободны от буржуазных предрассудков, подобные прегрешения считали пустяками, и, разумеется, ни о каком нравственном или религиозном воспитании детей не могло быть и речи.

– Они убивают не только тела, но и души молодого поколения, – признавались некоторые честные из этих заведений, – и мы ничего не можем с этим поделать.

– У меня масса такого материала, – ответил Максим Горький, когда я упрашивал его хоть что-то сделать для выхода из этой ужасающей ситуации. – Но я ничем помочь не могу. Большевики уже злятся на меня из-за того, что я во все вмешиваюсь. Они даже печатать не станут в «Правде» мои статьи на эту тему.

Впоследствии мне довелось читать статьи зарубежных авторов, которые с жаром превозносили это «изумительное достижение» большевиков. Если бы их детей поместили на пару лет в эти колонии,.. но нет, я не могу пожелать им такой судьбы даже в качестве наказания для их отцов за ту ложь, которую они распространяли за рубежом.

Незадолго до нашего переезда в Царское Село после многих проволочек вышла в свет моя «Система социологии». Я часто удивляюсь с тех пор, как же я умудрился тогда написать эти два тома. В финансовом отношении я получил немного, зато сам факт публикации очень меня порадовал. Книга была распродана за считанные недели, а мои коллеги, несмотря на многие недостатки моей

работы, о которых я откровенно высказался в предисловии, отозвались о ней весьма благосклонно. Меня избрали деканом социологического факультета в университете и деканом факультета социальной рефлексологии в Институте мозга.

– Мы тайком читаем вашу «Систему», – признались мне два студента-коммуниста с рабфака.

В прежние времена меня часто приглашали фабричные рабочие прочитать им лекции. Теперь я был благодарен им за высказываемую ими признательность, хотя они и приглашали меня конфиденциально.

Разумеется, творческие розы тоже имеют свои шипы.

– Как, вас еще не расстреляли?! – воскликнул мой друг профессор Р[адлов]. – Я думаю, за такие слова, что напечатаны, например, на 142-й странице вашей «Системы социологии», этой восхитительной власти будет мало расстрелять вас один раз. Еще никто не публиковал такой дерзкой критики существующего порядка, как вы[5*].

– Что ж, – ответил я, – с тех пор как казни сделались нормой жизни, я предпочитаю быть расстрелянным за что-то, чем ни за что.

Через какое-то время книги были запрещены властями, но к тому времени они все разошлись и были на руках у читателей, так что я не беспокоился. Я не избежал участи быть объектом нападок со стороны коммунистической прессы: «Идеолог контрреволюции», «Главарь самой непримиримой части профессуры и интеллигенции», «Самое время разделаться раз и навсегда с подобными субъектами», «Сколько еще будет терпеть ЧК такую деятельность?»

ЧК не собиралась терпеть чересчур долго. Один мой студент, которого сначала арестовали, а потом освободили, сказал мне, что в ЧК ему удалось заглянуть в особую папку с надписью «Университет», и в ней на видном месте значилась моя фамилия. Лед у меня под ногами сделался настолько тонким, что я был вынужден пуститься на хитрости, на какие в то время шли многие. И прежде всего я намеренно не зарегистрировал свой адрес в Царском Селе, а по-прежнему жил там незаконно. Если бы в мою петроградскую комнату пришли с обыском, то, получив от друзей своевременный сигнал об этом, я имел бы время, чтобы скрыться. Поскольку такая перспектива маячила передо мной постоянно, я подыскал несколько мест, где можно было бы спрятаться. Во всех этих местах и везде, где я скрывался, мои друзья ради моей и их собственной безопасности разработали особую систему паролей и предупредительных знаков, поскольку чекисты, если им не удавалось застать человека на месте, устраивали засаду и хватали каждого, кто рискнул появиться в том месте. Именно так были арестованы десятки и сотни невинных людей. Если какого-то мужчину или какую-то женщину разыскивала ЧК, то самое лучшее, что они могли сделать, это где-нибудь хорошо укрыться.

Чекисты арестовывали так много людей, что иногда вовсе забывали о том или ином человеке и вместо него арестовывали других.

В октябре 1920 года «ночные визитеры» пришли по моему петроградскому адресу и спросили, можно ли видеть «товарища» Сорокина. Мои друзья совершенно искренно объяснили им, что я здесь больше не живу, и куда переехал – им не известно. Когда же они поинтересовались, за какое преступление меня разыскивают, то услышали в ответ: «За бандитизм».

– Быть того не может! – изумился мой друг. – Я знаю профессора Сорокина много лет, знаю, что он профессор социологии в университете.

– Сейчас все профессора – бандиты, – ответил один из чекистов.

На следующее утро мои студенты прочли объявление: «В связи с внезапной болезнью проф. Сорокина его лекции временно отменяются. Об их продолжении будет объявлено». Такие объявления появлялись так часто, что студенты прекрасно все понимали. В течение двух недель я спокойно отсиживался в квартире одного своего друга, продолжая здесь свои научные занятия. Когда же я «поправил здоровье», лекции возобновились. Но в промежуток времени между 1920 и 1922 годами эти внезапные болезни становились все чаще и чаще. Я взял за правило после любого публичного выступления или после публикации статьи не ночевать у себя дома. Укладываясь спать, я всегда задавался вопросом: «А не придут ли за мной сегодня ночью?» И я уже привык к этой мысли, поскольку человек вообще привыкает ко всему на свете.

Агитационный плакат партии социалистов-революционеров

Глава двадцатая

КРАСНАЯ «НАУКА»

– Оплата иностранной прессы, – сказал в 1920 году один видный член советского правительства, – требует от нас значительных денежных сумм.

Это понятно, если учесть количество иностранных корреспондентов, писателей и прочих знаменитостей, которые побывали в России в это время, и характер той информации, которую они распространяли за рубежом. Делегация английских тред-юнионов, Герберт Уэллс, Бертран Рассел, равно как и другие иностранцы, видели исключительно то, что им хотели показать коммунисты[1*]. Они вступали в контакт лишь с немногими из тех, кто не состоял в коммунистической партии, и не могли поговорить со многими, с кем хотели бы. Они просто заглатывали любую наживку, какую подсовывало им советское руководство, и возвращались домой, впечатленные диктатурой пролетариата, «неиссякаемым энтузиазмом коммунистов» и преданностью народа советскому правительству. Я не встречался лично с Бертраном Расселом, но с ним встречались мои друзья, которые делали все возможное, чтобы раскрыть ему глаза на истинное состояние дел.

Я присутствовал во Дворце труда[2*] на встрече с Гербертом Уэллсом, на которую ни одного настоящего трудящегося не пустили. Уэллса, как только он приехал, все время опекал Горький. Он посетил Академию наук, но не смог поговорить с академиком Павловым и другими известными учеными. Горький провел его не по всему университету, а показал только одно прилично оборудованное здание, в котором располагалась физическая лаборатория. Во Дворце искусств в честь Уэллса устроили обед. Белоснежные скатерти, чистая посуда, блюда такие, каких ни один интеллигент уже несколько лет не видывал. Даже мясо было на столе. Но, чтобы все это имело пролетарский вид, ложки дали деревянные. Для создания истинно либеральной атмосферы пригласили кое-кого из университетских профессоров и литераторов, хотя большую часть составили коммунисты. И еще присутствовали два чекиста, чтобы присматривать за контрреволюционерами. Возмутившись на то, что устроили такую показуху, я решил сказать речь, хотя в то время еще не мог произнести ее на английском языке. Обращаясь к Уэллсу, а на самом деле говоря коммунистам, я обрисовал реальную ситуацию и рассказал об ужасающей череде убийств, совершенных и совершаемых во имя свободы. Я говорил сдержанно, поскольку здесь же находились и убийцы, но как только я затронул этот вопрос, меня сразу прервал Горький, заявив, что подобные речи неуместны.

– Но тогда зачем мы здесь? – спросил я. – Разве нас пригласили только для того, чтобы обманывать великого английского писателя?

После этих слов несколько известных русских писателей с негодованием встали из-за стола и покинули зал со словами:

– Мы не хотим, чтобы нас считали лжецами!

Знаменитый романист Амфитеатров, который остался, сказал мне:

– Попробую закончить вашу речь.

Он успел произнести лишь несколько фраз, как Горький велел ему сесть на место, объясняя это тем, что тот ведет себя «неприлично». Речь самого Горького представляла собой страстную апологию коммунистической власти, что снискало ему широкую популярность в их кругах. Зато представители интеллигенции перестали его уважать, а многие из них после этого вечера не подавали ему руки. Что касается меня, то сразу же по окончании обеда с Уэллсом я покинул зал и еще раз исчез «по причине болезни»[3*].

В 1920 году, когда все эти иностранные знаменитости с таким энтузиазмом писали о новой демократии, смертность профессоров и ученых возросла до столь невероятных размеров, что советское правительство начало опасаться, как бы в ближайшие годы в России не вымерли все ученые. Тогда был установлен «академический паек», который выдавали каждой семье ученых в качестве месячного содержания. Состав пайка был таким: 40 фунтов некачественного хлеба, 2–3 фунта сахара, 5 фунтов селедки или мяса, 5 фунтов крупы, 1 фунт соли, от 2 до 4 фунтов масла, полфунта жалкого подобия кофе, полфунта табака и пять коробков спичек. Еще нам разрешили организовать Дом ученых, где мы могли встречаться и устраивать конференции. Все эти уступки мы получили не благодаря правительству, которое сделало так много, чтобы приумножить мучения и смертность университетских преподавателей, и не благодаря Горькому, который все время играл роль лукавого посредника, проявляя великодушие, которое не стоило ему ни гроша. Мы были благодарны зарубежным ученым и профессорам, которые присылали нам посылки в дополнение к нашему скудному пайку. Каждые полфунта сахара, каждый кусок мыла, которые мы получали, были для нас сокровищем. Однажды, когда мы получили в посылке от одного чехословацкого профессора 10 фунтов сахара, мы почувствовали себя миллионерами.

Увеличение пайка, конечно, немало нас порадовало. Раз или два в неделю, когда мы приходили за ним в Дом ученых, мы охотно простаивали часами в очередях. «Попрошайки со всего мира» – называли мы себя, глядя на то, как всемирно известные ученые, такие как Павлов и Марков, стоявшие в очереди с корзинами или мешками в руках, как Карпинский, президент Академии наук, упавший в обморок от счастья, когда получил свою первую корзину, и другие, тоже известные ученые, спрашивали друг друга, как нищие: «Что нам дадут на этой неделе?»[4*] Дом ученых стал и местом приятного уединения, когда нам стали присылать

научные журналы и сборники – одним из тех, кто их присылал, был Г. Уэллс. К сожалению, среди этих посылок не было новых работ по социологии, экономике, психологии, истории, философии и праву. У нас были только «The Outlook» за 1919 год, несколько номеров «The Edinburgh Review» за 1917–1918 годы, старые выпуски «The Economic Review» и один выпуск «The Historical Review». И больше ничего. В 1922 году от чехословацких ученых и от профессора Э. Хейса я получил несколько социологических работ, на которые все мы набросились с жадностью.

На сколько улучшалось наше экономическое положение, на столько же снижался наш статус в остальных отношениях. В начале 1921 года был опубликован декрет, подписанный комиссаром Ротштейном, в котором говорилось, что «свобода мысли и научных исследований есть буржуазный предрассудок; что все профессора, преподаватели и писатели должны преподавать и писать в полном соответствии с марксистской и коммунистической теорией; и что те, кто не согласен с этим, будут уволены». На это мы ответили декларацией, в которой заявляли, что свобода мысли – это условие, без которого наука не может ни существовать, ни развиваться; что наука не признает никакой иной диктатуры, кроме диктатуры истины, и что ни один подлинный ученый, ни один настоящий профессор не подчинится и не должен подчиняться такому абсолютно безапелляционному и антинаучному постановлению.

Некоторые университетские профессора были уволены сразу же, других, которым было запрещено преподавать, перевели в исследовательские институты, где «они не могли навредить студентам». Автономия университета была полностью уничтожена, избранные ректоры, деканы были заменены коммунистами, уволенные профессора – красными профессорами, а над ректором академиком Шимкевичем был поставлен специальный комиссар – первокурсник Цвибак. Матроса Балтийского флота, некоего Серебрякова, назначили деканом факультета юридических и социальных наук. Об этих красных профессорах достаточно будет сказать, что на одно факультетское собрание студенты пришли с петицией: «В связи с тем, что было назначено много новых профессоров, чьих научных трудов и преподавательской деятельности в университете мы не знаем, просим факультет обязать новых деканов и профессоров опубликовать список своих научных трудов и краткие curriculum vitae[5*], чтобы можно было ознакомиться с их академической карьерой». Красные деканы и профессора выбрались из этой деликатной ситуации, заявив, что они презирают всю буржуазную науку, и арестовав кое-кого из представителей студенчества.

Студенты подготовили новую петицию, в которой заявили, что лекции новых профессоров свидетельствуют об их незнании читаемых ими предметов, недопустимом даже для первокурсника. В подтверждение своих обвинений они предоставили нам стенографические записи этих лекций и обратились с прось-

бой организовать для них специальные курсы, которые они могли бы посещать. Конечно же, мы не могли ни уволить новых профессоров, ни организовать эти самые курсы, и ректор посоветовал студентам обратиться со своими жалобами к правительству – разумеется, если они очень хотят, чтобы их арестовали.

Новый комиссар университета, еврей Цвибак[6*], отобрал у ректора профессора Шимкевича, самого выдающегося зоолога России, все печати и объявил себя главой университета. За хамское обращение с профессорами, равно как и со студентами, его однажды ночью подловили студенты и жестоко избили. Но и после этого его не выгнали из университета. В 1921–1922 годы должность ректора была отменена, многие профессора были уволены, сосланы или расстреляны. Такая правительственная политика была настоящим испытанием морального духа и общественной значимости русских ученых, и я могу засвидетельствовать, что большинство из них выдержали его и избежали соблазна, какому их подвергали. Лишь некоторые из тех, кто как ученый стоял ступенькой пониже, такие, например, как Святловский, Гредескул, Энгель, Дерябин, решились поступиться истиной в угоду власти. Один из самых великих – И.П. Павлов – показал на своем примере, какие высокие моральные и научные идеалы царили в России в те окаянные дни. Исключительно ради пропаганды, рассчитанной на заграницу, советское правительство в 1921 году издало декрет об особом статусе Павлова, в котором предусматривались публикация всех его работ и создание комиссии, в состав которой входили Максим Горький, Луначарский и Кристи; комиссия должна была заботиться о самом Павлове и его лаборатории. В ответ на этот декрет Павлов сделал следующее заявление: «Я не какой-нибудь торгаш и не продаю свои знания за ваш паек. Собаки моей лаборатории могут соблазниться лучшей едой, если вы им ее предложите, я же не приму никакой привилегии и никакой помощи из тех рук, что разрушают русскую науку и культуру». Другой выдающийся мыслитель, писатель М., отказался даже от «научного пайка» и, хотя был болен туберкулезом в последней стадии, отказался лечь в советскую лечебницу.

– Я лучше умру, чем приму хоть что-нибудь от убийц моей страны, – сказал он.

Такие акты героизма и верности идеалам, противостоящие всем искушениям, происходили в России повседневно после установления советской власти. Промежуточное положение между нравственными героями и теми, кто проявил себя как трус, занимали смешанные типы, среди которых подвизались трое или четверо ученых: ненавидя в душе коммунизм, они вели политику captatio benevolentiae[7*] – лести и раболепства перед власть предержащими. Подавляющее же большинство интеллигенции просто терпело, а когда терпение иссякало – умирало. Пусть тот, кто ищет образцы нравственного героизма, обратит свой взор на те тысячи русских людей, которые в течение многих лет день за днем и ночь за ночью, несмотря на все преследования и искушения, имели твердость ответить большевикам: «Не хлебом единым жив человек» и «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи»[8*].

ЧАСТЬ IV

1921–1922

Глава двадцать первая

МСТИТЕЛИ

В январе 1921 года мне надо было на три недели съездить в Тамбов[1*]. Поездка была делом опасным, так как в поезде едва ли можно было уберечься от вшей, этих разносчиков всякой заразы. Поскольку, однако, наше повседневное существование было непрерывным поединком со смертью, еще на одну опасность едва ли стоило обращать внимание. Преодолев некоторые затруднения, я получил разрешение и билеты, удостоверение от университета, подтверждающее научную цель моей поездки, и со всеми этими охранными грамотами выехал из Петрограда. Почти три дня я добирался только до Москвы. К этому времени моя одежда оказалась, как я и ожидал, покрыта вшами. Сомнений в том, что они заразны, у меня не было, поскольку за время поездки три пассажира заразились тифом. Этих несчастных просто выкинули из поезда и оставили на станционной платформе. Моим соседом по купе оказался учитель из Москвы, который на второй день нашей поездки вручил мне бумажку со своим адресом и Христа ради попросил сообщить его родным, если его тоже выбросят из поезда.

– Я знаю, моя очередь настала, – сообщил он шепотом, – но я постараюсь скрыть свою болезнь. Может быть, мне повезет, и я доеду до Москвы, но, если меня раскроют и выкинут, я точно умру.

Ему повезло, но не знаю, что с ним сталось по приезде в Москву.

После того как поезд выехал из Москвы, картина становилась все более и более страшной. Из-за того, что рельсы занесло снегом, поезд шел очень медленно и почти каждый час останавливался. Во время таких остановок мы выходили и пытались расчистить рельсы, но что мы могли сделать с двумя лопатами? Около Богоявленска мы простояли почти два дня, и эти два дня и две ночи я описать не в состоянии. У некоторых пассажиров никакой еды с собой не было, и, поскольку поблизости не было ни одной деревни, они начали голодать. Многие заразились тифом, и все это время бредовое бормотанье и смех больных, их стоны и крики, клятвы и ругательства смешивались с завыванием ветра. В ночной тьме этот поезд, наполненный больными и умирающими людьми, заедаемыми вшами, казался мне настоящим адом. Когда он в конце концов доехал до следующей станции, на платформе оставили умирать более десятка заболевших тифом. На всех станциях больных оставляли таким образом, так что в городах между Богоявленском и Козловом я видел мертвые тела, брошенные, как дрова. Я даже

видел брошенный труп между станциями, валявшийся на железнодорожных путях. Глядя на эти трупы, я вспомнил высказывание Ленина: «Или коммунизм победит вшей, или вши победят коммунизм»[2*].

Где-то между Козловом и Тамбовом произошел случай, который показал, как страстно коммунисты цепляются за свои жизни. Поезд внезапно остановился, и в наш вагон зашли трое мужчин в военной форме, приказав всем сохранять спокойствие. Все подчинились, но один молодой крестьянин, который сел в поезд на последней станции, поднялся со своего места и сказал вошедшим:

– В этом вагоне только эти два подозрительны.

Он указал на одного мужчину в кожаной куртке и на другого, который в разговоре называл себя коммунистом.

– Ваши документы, – потребовали вошедшие.

Обыскав мужчину в кожаной куртке и найдя у него револьвер, они взглянули на его документы и сказали:

– Коммунист. Выводите его.

Приказ был выполнен молодым крестьянином и одним из мужчин в форме. Другой человек, который говорил, что он коммунист, начал убеждать, что в душе он вовсе не коммунист, а просто служащий в наркомате финансов, куда устроился, чтобы спасти семью от голода.

– Да? Посмотрим. Есть ли у вас крест на груди?

Трясущийся чиновник показал крест, и мужчина в форме сказал:

– Это спасло вам жизнь. Советую вам уйти из вашего наркомата и больше не болтать всякую коммунистическую чушь.

Затем, обращаясь к пассажирам, он сказал:

– До свидания, братцы, езжайте домой, расскажите о том, что вы видели, и постарайтесь делать то же, что делаем мы. Своим друзьям передавайте привет от Антонова. Смерть коммунистам! Да здравствует Россия!

– Антоновцы! – зашумели пассажиры, как только мужчина вышел из поезда.

В этот момент вернулся молодой крестьянин.

– Не очень богатый улов на этот раз, – сказал он, – зато в переднем вагоне специального назначения поймали несколько крупных рыб. Выгляньте, товарищи, и посмотрите, что делается.

Мы выглянули и увидели, как с десяток коммунистов мечутся по рельсам. Внезапно прогремели выстрелы из винтовок, и отряд, быстро оседлав лошадей, ускакал, оставив на снегу истекающие кровью тела.

Несколько минут пассажиры молчали, одни были испуганы, другие довольны.

– Неплохо работают антоновцы, – одобрительно произнес один пожилой крестьянин.

Затем все начали говорить об Антонове, о его энергии и смелости, и ясно было, что в этих местах Антонова считают героем. В Тамбове я вышел из поезда. Над городом кружили аэропланы, полно было красноармейцев, а на стенах был

расклеен приказ, подписанный командующим красными войсками Тухачевским, в котором говорилось следующее:

«Деревни, жители которых активно участвуют в бандитизме, будут сожжены, крестьяне расстреляны, женщины и дети арестованы. Вся деревня несет ответственность за каждого бандита, и, если этот бандит будет из деревни, где его поймали, каждый десятый житель будет расстрелян, его дом сожжен, жена и дети арестованы»[3*].

Кроме того, большое вознаграждение назначалось тому, кто доставит Антонова живым или мертвым в руки властей.

Когда я читал этот приказ, появилась группа деревенских женщин, старых и молодых, у некоторых были дети на руках. Одетые в грязное тряпье, изможденные, с отчаянием на бескровных лицах, они шли молча. В тюрьму, конечно. Я понял, что нахожусь в одном из центров русской Вандеи[4*], но это не Вандея дворян, аристократии или белых генералов, а Вандея крестьянская. Под руководством Антонова эти крестьяне больше года вели беспощадную войну против коммунистов. Руководимые им, они платили жестокостью за жестокость, кровью за кровь. Сам Антонов был революционером, который в марте 1917 года был освобожден из царской тюрьмы. Керенский назначил его начальником тамбовской милиции, и на этом посту он проявил себя настолько хорошо, что скоро вся губерния была очищена от преступников. Вскоре после большевистской революции он допустил промах, арестовав за убийство двух коммунистов. В отместку за эту дерзость коммунисты расстреляли жену Антонова. Он в свою очередь убил тех двоих, кто расстрелял его жену, и скрылся[5*].

Тем временем жизнь в губернии из-за реквизиций и чудовищных зверств коммунистов стала невыносимой. Мало того что коммунисты отнимали у крестьян все их зерно и жалкий скарб, они их еще нередко арестовывали и затем расстреливали, а иногда в лютые холода выгоняли раздетыми из домов и поливали водой до тех пор, пока те не превращались в сосульки. Были случаи, когда какой-нибудь крестьянин выслеживал коммуниста и убивал его. Коммунисты в отместку увечили крестьян перед расстрелом, отрубали руки и ноги, отрезали уши и половые органы у своих жертв, выкалывали им глаза или насиловали их жен и дочерей, заставляя их смотреть на это. Крестьяне тоже врасплох нападали на коммунистов и калечили их таким же образом. Некоторых убивали, привязывая их ноги к верхушкам двух согнутых деревьев, которые медленно выпрямлялись. Других привязывали к хвостам лошадей, которые волокли их, пока те не умрут.

Объявился Антонов и организовал крестьян в дисциплинированные и обученные отряды мстителей. Банды Антонова, как их называли власти, нападали и убивали коммунистов в деревнях и небольших городах, в поездах и даже в их штабах. Вскоре многие районы были очищены от коммунистов. Многих убили, другие были запуганы. Освободив эти районы, «мстители» при поддержке населения устанавливали демократическую систему правления, созданную из наро-

да, для народа и во имя народа[6*]. Движение ширилось. Советское правительство посылало на борьбу с ним один полк за другим, но все они терпели поражение. Антоновское движение охватило около четырех уездов, в других же уездах вскоре вспыхнули аналогичные крестьянские движения со своими вожаками. Правительство собрало огромные военные силы и бросило их на подавление «бандитизма» любой ценой. Артиллерия, аэропланы, конница, пехота и интернациональные полки были брошены против крестьян как «врагов правительства крестьян и рабочих». Многие деревни были разрушены, много крестьян было убито. Месяцами крестьяне храбро сопротивлялись Красной армии, но разница сил была слишком велика, и в конце концов армия Советов начала брать вверх.

Ко времени моего приезда в Тамбов эта война была в самом разгаре. Несмотря на аэропланы и большое численное превосходство, коммунисты не осмеливались выходить в одиночку или небольшими группами. Однажды Антонов в сопровождении нескольких своих «парней» пришел в штаб красных войск в Тамбове и, предъявив поддельные документы, получил боеприпасы, винтовки, пулеметы и провизию. В тот же вечер были найдены тела пяти убитых коммунистов, а поверх их изрешеченных трупов была оставлена такая записка: «Это моя благодарность коммунистическому правительству за подаренные боеприпасы. Антонов».

В доме своего друга в Тамбове я встретился с одним из этих «антоновцев». Высокий, симпатичный крестьянин лет тридцати произвел на меня впечатление весьма умного человека.

– Возможно, нас разобьют или на какое-то время заставят приостановить наши действия, – сказал он мне. – Но кто-то ведь должен был привести в чувство этих взбесившихся псов, поэтому мы и начали и кое-чего достигли. Если даже мы все погибнем, это неважно, потому что такая жизнь слишком ужасна, чтобы за нее цепляться. Важно то, что мы показали пример. Народ пробуждается и рано или поздно избавится от этой проклятой коммунии.

Он вышел, надев на голову шапку с красной звездой:

– Как видите, мы маскируемся, чтобы выглядеть так же, как и они. У меня в кармане куча фальшивых удостоверений. Так мы их и одурачиваем. Доброй ночи.

Десятки тысяч таких мстителей погибли и продолжают гибнуть в России, борясь против коммунистов. Если в 1921 году коммунистическая программа была свернута[7*], если иностранным капиталистам разрешено было создавать концессии, если права на некоторую частную собственность были допущены и при большевизме, то это произошло не по милости Ленина и коммунистического правительства и не благодаря вмешательству иностранных политиков и капиталистов. А произошло прежде всего благодаря этим самым «антоновцам», благодаря тысячам русских крестьян, которые погибли и погибают, чтобы «привести в чувство этих взбесившихся псов».

Глава двадцать вторая

ИСКУПЛЕНИЕ

– Кто из вас, товарищи, может указать мне другую такую страну в целом мире, где бы рабочих кормили, одевали, обеспечивали жильем – и все это бесплатно, как у нас в коммунистической России? – так говорил «Гришка Третий» (он же Зиновьев), коммунистический диктатор Петрограда, на одном из рабочих митингов в начале 1921 года.

– Я могу! – раздался голос из толпы.

– Ну давай, укажи.

– На царской каторге пищу, одежду, жилье и вообще все давали бесплатно, совсем как у нас в коммунистическом обществе. Только там все это было гораздо лучше, – выкрикнул тот же голос.

– Точно! Истинная правда, – засмеялись в толпе.

Гришка пытался снова заговорить, но ему не дали.

– Молчи уж! Наслушались мы тебя, жирный черт!

Терпение рабочих лопнуло, они долго сдерживались, и наконец их прорвало; чекисты с револьверами окружили Зиновьева. Шум не утихал, в адрес Зиновьева неслись оскорбления, и Гришка Третий незаметно исчез.

Сцены наподобие этой не попадали на страницы контролируемых органов печати, которые только и были в России, но за последние три года они превратились в заурядные явления. Я был в Новгородской губернии, когда два продотрядчика[1*], реквизируя зерно, масло, молоко и мясо, пытались, как и Зиновьев, изобразить советскую власть чисто благотворительной организацией. Выразителем настроений ограбленных мужиков[2*] стал один старый крестьянин.

– Послушайте вы, товарищи, что я вам скажу, – заявил он. – Земля наша, это правда, но весь урожай – их. Леса наши, скот наш, но деревья – их, и все молоко, масло и мясо тоже их. Вот что правительство сделало для нас. Пусть они заберут землю назад и едят ее сами.

И, повернувшись к продотрядчикам, продолжил:

– Раньше, когда мы не кормили в долг ваш пролетариат, у нас было много плугов и гвоздей. Три года мы отдавали вам в долг все, что вырастили. Вы все забирали бесплатно, и теперь у нас нет ни плугов, ни гвоздей. Думаю, что настало время перестать вас одалживать.

Загалдели и другие мужики, в словах одних слышалась угроза, другие выступали более миролюбиво, но общее настроение было таким же.

– Прекратите эти контрреволюционные разговоры! – гневно скомандовал один из коммунистов. – Завтра утром все должны сдать продразверстку[3*], и точка. Кто не сдаст, будет арестован.

– Вот тебе и на! – изумился один крепко сбитый крестьянин. – То были «товарищи крестьяне», а то вдруг стали контрреволюционеры. Да вы хуже царских мытарей. Тогда, значит, так: вот вам – Бог, – указал на икону, – а вот вам – порог. Пошли вон!

– Да ведь это явный мятеж! – воскликнул коммунист.

Но в ходе завязавшейся потасовки два продотрядчика оказались бессильны перед толпой крестьян, которые отобрали у них револьверы.

– Идите подобру-поздорову, – сказал сельский староста[4*], когда они выставили коммунистов за дверь, – но если хоть кого-нибудь из нас арестуют, то не сносить вам головы.

К 1921 году разрушительные последствия коммунистической программы стали очевидны даже для самых темных крестьян. Невспаханные поля заросли сорняками. Не было ни семян для сева, ни стимула к труду. Жизнь городов постепенно приближалась к мертвящему оцепенению. Национализированные заводы за неимением топлива прекратили работу. Железные дороги были разрушены. Здания превратились в руины. В школах почти совсем прекратились занятия. Смирительная петля коммунизма медленно душила народ. На заводах и в деревнях возникали стихийные митинги и беспорядки. Но Россия не хотела умирать, и однажды внезапно вспыхнувшее отчаянное восстание на некоторое время разрушило всю систему. Коммунисты, однако, выжили. В некотором смысле это не очень хорошо для них, ибо, если бы их противникам удалось их уничтожить, они навсегда вошли бы в историю как мученики, пытавшиеся установить новый строй, но погибшие прежде, чем их эксперимент успел оправдать себя. Из всех возможных вариантов конца, на который они обречены, им достался самый неудачный: постепенный медленный распад. Им суждено уничтожить свой идеал своими же собственными руками, продемонстрировать его миру во всей его гнилости и со всеми его ужасами; а самим все глубже и глубже погрязать в трясине коррупции, алчности, преступности и скотства, громоздить все более и более высокие горы трупов. Какой еще конец может быть ужаснее этого?

И когда этот неизбежный конец придет, крест, который несет Россия, спадет с ее плеч, несмотря на тех моральных банкротов за границей, которые по незнанию или еще по каким-то причинам поддерживают душителей. Пусть эти иностранные теоретики делают то, что делают. Им не предотвратить того, что

произойдет в конце концов, того, что предвещали ужасные события 1921 года в Петрограде. В середине февраля этого года заводы практически не работали, железнодорожное движение было парализовано, продовольствие в голодающий Петроград не подвозилось. На остановившихся заводах проходили бурные митинги, на одном из которых сильно избили Зиновьева – делегата от правительства. Ходили слухи, что в соседних поселках и городах подняты восстания, крестьянские бунты разрастаются. Даже в Красной армии увеличилось дезертирство.

Идя в университет 24 февраля, я стал свидетелем демонстрации рабочих фабрики «Лаферм» на Васильевском острове[5*], которая поразительно напоминала картины революции в марте 1917 года. Те же самые выкрики «Хлеба!», то же самое требование свободы слова и печати, только на сей раз на плакатах было написано: «Долой Советы!» Дети, бегавшие вокруг, весело распевали частушки, высмеивающие правительство. Популярная пародия на «Интернационал» звучала так:

Я на бочке сижу,
А бочка крутится…
Нас ЧК рассорить хочет –
Не получится…[6*]

На Николаевском мосту демонстрация натолкнулась на правительственные войска, которые открыли огонь и рассеяли рабочих. В последующие дни волнения возобновились. Толпы становились более многочисленными и более агрессивными, и было ясно, что народ пытается объединиться. Многие были арестованы или убиты. Но движение ширилось, и, поскольку русские в Красной армии отказывались подчиняться, правительство, чтобы сдерживать толпы, бросило на них неизменно преданные ему войска, а именно: латышей, башкир и интернациональные отряды. 26 февраля состоялась огромная демонстрация в центре, на Невском проспекте, и на этот раз было убито так много людей, что, казалось бы, правительству удалось полностью подавить восстание.

На следующий день, 27 февраля 1921 года мы услышали о том, что восстали кронштадтские матросы, бывшие до этого ярыми сторонниками коммунизма. Слух этот оказался правдив, и, если бы восстание распространилось, если бы у нас была хоть одна независимая газета, поддержавшая восставших, – это могло бы означать конец советского правительства. Мы отчетливо слышали канонаду, доносившуюся со стороны Кронштадта, и не менее ясно видели панику, какая охватила правительство. В течение двадцати четырех часов была выпущена прокламация, в которой провозглашалось введение новой экономической политики (нэпа)[7*]. Согласно этой прокламации, хлебная разверстка заменялась твердым

налогом с крестьян; возобновлялись торговля и коммерция; многие заводы денационализировались; народ получал право продавать и покупать продукты питания; разрешалось проведение специальных конференций рабочих-некоммунистов с целью повысить их уровень жизни. Так был «кастрирован» коммунизм и введен «нэп».

Расчет был на то, что у полуголодного населения ослабнет дух мятежа. Подкуп мясом и маслом, картошкой и хлебом сделал больше, чем отряды чекистов, чтобы снизить у людей градус ненависти к правительству. Натиск на Кронштадт усилился еще и тем, что советское правительство обещало армии отдать город и все его население, если она подавит восстание моряков. В течение трех недель мы слышали непрекращавшуюся перестрелку, сердца наши замирали от радостного предчувствия, что, может быть, матросы победят в этой схватке, затеянной не на жизнь, а на смерть.

В это время мы оба – моя жена и я – схватили воспаление легких. Она легла в больницу первой, а я на следующее утро, хотя и был очень плох, пошел на приватную встречу с шестью профессорами, двумя адвокатами и двумя священниками, с которыми мы обсуждали план действий, в случае если правительство падет; прикидывали планы формирования нового правительства, реорганизации судов, полиции и т.д. Это был не заговор, а просто деловой разговор. Упоминаю об этом потому, что позже за такие разговоры многие были расстреляны.

На следующий день я разболелся так, что мой врач направил меня в больницу в Царское Село, где моя жена лежала с воспалением легких. В обычные времена эта больница считалась бы скверным местом, но по крайней мере здесь у нас была горячая вода, чистое белье, кормили нормально, и вшей было не много. Температура у меня была не очень высокая, и я лежал на своей кровати вполне довольный. В одной палате со мной лежали пять или шесть рабочих, два советских служащих и университетский профессор. Бум! Бум! – гремели пушки со стороны Кронштадта, а мы шептали про себя: «Храбрецы матросики. Да поможет им Бог». Глубокой ночью я проснулся из-за того, что, как мне сначала показалось, бредил кто-то из пациентов. Но это был один из рабочих, он стоял на коленях, крестился и бормотал:

– Господи, помоги им. Боже всемогущий, помоги им. Избавь нас от этих мучений.

Многие сердца бились с подобными этой молитвами в те дни и те ночи.

Прошла неделя. Канонада по-прежнему не смолкала. Мы с женой пошли на поправку и начали замечать окружающее, особенно звуки стрельбы. Но 18 марта стрельба прекратилась, и мертвая тишина нависла над Петроградом.

Вместо радостного возбуждения в сердцах людей поселился страх. Кронштадтский поединок закончился. Коммунисты победили.

Горе побежденным! В течение трех дней город был полностью во власти красных войск. В течение трех дней интернациональные отряды – латыши, башкиры, венгры, татары, русские и евреи, – служившие в частях особого назначения, обезумевшие и распоясавшиеся от крови, похоти и алкоголя, убивали и насиловали жителей города. Мужчины, женщины, дети, молодые и старики, сильные и слабые – все они в равной степени испытали чудовищные муки, прежде чем смерть избавила их от них[8*].

Во времена своего собственного коммунистического затмения те же кронштадтские матросы совершили немало преступлений. Они тоже убивали и насиловали. Но все, свершенное ими, они теперь искупили еще более страшной ценой. Правительство, которое пришло к власти во многом благодаря поддержке с их стороны, не дало им никакой пощады. Когда кровавое пиршество в Кронштадте закончилось, тысячи этих матросов, составлявших «славу и гордость» новой власти, были расстреляны или посажены за решетку. Примерно десять тысяч человек было расстреляно и почти столько же сослано в места, где они вряд ли долго смогут прожить. И это несмотря на обещания правительства, что тех, кто сдастся, помилуют.

В конце марта, проходя по Миллионной улице, я натолкнулся на группу рабочих, шедших с мешками картошки на спинах. Около Эрмитажа мы увидели большую группу заключенных моряков, которых вели из ЧК в предварилку[9*]. Увидев рабочих, матросы накинулись на них с оскорблениями

– Предатели! Продали наши жизни за большевистскую картошку. Завтра будете жрать вашу картошку с нашим мясом. Жрите и подавитесь!

Рабочие остановились, глядя вслед заключенным. Те вскоре прошли (под охраной) и скрылись за углом. Рабочие тоже потихоньку пошли, но один побежал к Неве и бросил в воду свой мешок с картошкой.

– Я теперь не могу ее есть, – с горечью сказал он. – Эти парни правы. Мы предали их, и их кровь на наших руках.

Через три дня после этого жители Царского Села, жившие вблизи Казанского кладбища, всю ночь не могли заснуть. Им слышны были непрекращавшиеся ружейные выстрелы, и казалось, что каждый выстрел попадает прямо в их сердце. В ту ночь возле кладбища расстреляли пятьсот матросов. Штатные палачи не могли управиться со всем этим, и на подмогу им мобилизовали комсомольцев. Им это вменили как часть их партийного долга. Но у комсомольцев не было большого навыка в стрельбе, а может быть, и руки у них тряслись. На следующее утро люди, проходившие мимо кладбища, слышали, как из наспех засыпанных могил раздавались стоны. Из нашего окна мы видели грузовики,

нагруженные рубашками и брюками, бескозырками и ботинками убитых матросов. Подобное же происходило, как нам рассказывали, и в других пригородах Петрограда. «Нэп» дорого обошелся этим людям из Кронштадта и тысячам крестьянских героев, которые сейчас спят вечным сном. Если политики когда-нибудь забудут об этом, то Россия в будущем им напомнит.

Глава двадцать третья

НОВАЯ БОЙНЯ

Ужасные дни возмездия прошли. Машина красного террора продолжала работать, но теперь она истребляла жизни десятками и сотнями, а не тысячами и десятками тысяч. Новая экономическая политика, на которую вынудили пойти коммунистов, понемногу оказывала на страну свое живительное воздействие. Как в волшебной сказке, мертвая страна возвращалась к жизни. Правда, пределы нашей свободы по-прежнему были узки, но личная инициатива и ответственность заявляли свои права. Открывались магазины и лавочки, частные конторы и мастерские, поначалу очень бедные и примитивные. Это было похоже на чудо – увидеть выставленные в витринах магазинов хлеб и мясо, масло и овощи. Но наибольшую радость доставляло уже то, что безо всякого разрешения, без стояния в длинных очередях каждый мог позволить себе хоть что-то купить. Тот, кто не знает, что такое голод, кого никогда не гоняли бесцельно из кабинета в кабинет, даже представить себе не может, как мы были счастливы.

Понемногу Петроград принимал вид европейского города. Люди ремонтировали дома, стали заботиться о своем внешнем виде и одежде. Приметы смерти и запустения, лежавшие на нас в течение двух лет, к сентябрю 1922 года почти совсем исчезли. Роскошные гостиницы, рестораны с надписями «Все, как раньше», начавшие ходить трамваи, дрожки, театры, кино, прилично одетые люди – таким стал внешний вид города. Внутренние изменения были не столь значительны. Здания, оставшиеся без ремонта, все еще были в плохом состоянии. Каналы были грязными, водоснабжение – никудышным. Много было нищих. Но оживленные улицы, магазины и рестораны и, главное, шикарно одетые коммунисты и нэпманы[1*] придавали городу цветущий вид. В них пробудилось стремление к роскоши и безудержному росту благосостояния, своего собственного, разумеется, а не народного. В погоне за деньгами они использовали все доступные им способы приобретения: мошенничество, вымогательство, взятки, азартные игры, даже воровство. Их словно бы снедало стремление к роскоши, кутежам и любовным похождениям. Своего же презрения к достатку простых людей они почти не скрывали. Вчерашние разрушители капитализма стали теперь страстными защитники священной частной собственности – *их* собственности. Этим чудовищным эгоизмом, еще больше, чем прежней своей кровожадностью, они и дискредитировали в глазах народа идею социализма и коммунизма.

Значительно оживилась и духовная жизнь России. В то время как все прочие здания оставались разрушенными, церкви начали реставрировать. Церковную службу, мало посещаемую с 1917 по 1920 год, теперь стали посещать толпы народа. 1 мая 1921 года[2*] на коммунистическую демонстрацию вышло всего несколько тысяч человек, зато в религиозной процессии, происходившей на следующий день, приняло участие почти триста тысяч. Эта процессия была столь многочисленной и впечатляющей, что сами коммунисты вынуждены были снимать шапки в знак уважения. У тех, кто шапок не снимал, их силой срывали с головы, а на некоторых комиссаров нападали и избивали. Интеллигенция и студенчество, которые прежде исповедовали атеизм, теперь стали религиозными. Профессора Лосский, Гревс, Карсавин и другие начали проповедовать в церквях – вещь ранее неслыханная. Традиционная идеология русской интеллигенции – материализм, социализм и революция – по-видимому, сгорела в пожарище революции и его experimentum crucius[3*], и вместо нее родилась новая, совсем другая идеология.

В день празднования основания университета 3 февраля 1922 года был проведен торжественный и впечатляющий митинг. Одних только профессоров и студентов, не считая приглашенных из других институтов, собралось около пяти тысяч. Сначала ректор Шимкевич зачитал свой адрес, а потом выступил я. В своей речи я указал новые вехи, на которые должно ориентироваться молодое поколение. Старые идолы социализма и коммунизма, атеизма и революции пали, и от них нужно отказаться навсегда. Прежние учителя жизни, Маркс, Энгельс и другие им подобные, утратили свой авторитет и должны быть навсегда забыты. Они привели нас к краю бездны. Личная свобода, личная инициатива и ответственность, сотрудничество, любовь к творчеству, уважение к свободе других людей; реформа вместо революции; самоуправление вместо анархии – вот что представляют и всегда должны представлять собой наши социальные идеалы. Вместо интернационализма, превратившего нашу страну в место охоты для искателей приключений со всех стран, возрождается и будет культивироваться будущим поколением национализм, понимаемый не как враждебность по отношению к другим странам, а как стремление принести благо своему отечеству.

На следующий день коммунистические газеты яростно обрушились на меня, но добились только того, что моя речь распространилась по всей стране и удостоилась бурных аплодисментов[4*]. В то время коммунистическая критика всегда приводила к такому результату. То, что осуждала их пресса, народ хвалил. То, что они хвалили, народ осуждал. Стала появляться даже свободная печать. В конце 1921 года группа экономистов, социологов и историков начала издание научного журнала «Экономист». Несмотря на его высокую цену, он раскупался быстро. И чем сильнее обрушивались коммунисты на публикуемые в нем статьи, на его авторов и издателей, тем более популярным он становился. Когда Зиновьев и Ленин напали на меня лично за мою статью «Влияние войны на население»[5*], журнал был распродан за неделю, и пришлось печатать новый тираж. Коммунисты могли

бы пресечь рост популярности «Экономиста», только запретив его вообще или выслав его издателей, и это нетрудно было бы сделать, так как ни один его номер не печатался без предварительного разрешения цензуры. Тем не менее некоторые из запрещенных статей каким-то таинственным образом переписывались, копировались и распространялись по всей стране среди народа. Научные труды, некоммунистические издания и журналы тоже распространялись вопреки цензуре.

Коммунистическая цензура заслуживает того, чтобы немного о ней рассказать, так как ничего подобного ей никогда не существовала при царском режиме. Один роман был запрещен по той причине, что в нем рассказывалось о том, как сестра Красной армии, болтая с красноармейцами, курила сигарету. Цензор сказал:

– Красная сестра милосердия при нашей дисциплине не могла ни курить, ни болтать. Переделайте ее на сестру белой армии, и роман будет разрешен.

Статья профессора Кизеветтера о последних публикациях российских историков, чисто академическая по тону, была запрещена, потому что «автор хвалит эти книги, тогда как наш большевистский историк профессор Покровский их не одобряет. Раз профессор Покровский дает им низкую оценку, никакая благоприятная критика не может быть пропущена».

Тем не менее коммунистическая смирительная рубашка больше не могла сдерживать людей. Они осмелели, открыто критиковали правящие власти. Революционное обращение «товарищ», которое стало обязательным, презирали. Если кто-то обращался со словом «товарищи», то в ответ он мог услышать «пошел к черту». Циркулировало много рукописных сатирических поэм и стихов. В одной из таких поэм под названием «Приключения бедолаги Карла Маркса в коммунистической России» рассказывалось о том, как Маркс приехал в Россию, как был здесь арестован чекистами и приговорен к расстрелу как контрреволюционер. Красочно описывалось, как он стоял в очередях за продуктами, скитался по комиссариатам, мыкался на национализированных заводах, как ему запретили пропагандировать его взгляды и публиковать собственные сочинения. В конце поэмы он сжигает все свои книги, проклинает социализм и коммунизм и убегает в чем мать родила.

Были случаи, когда уродовали и разрушали памятники, которые коммунисты ставили своим героям. В Одессе однажды утром увидели, что на памятнике Карлу Марксу борода и рот немецкого пророка обмазаны пшенной кашей, а на постаменте написано: «Сыты по горло. Теперь сам жри». Жители Одессы больше года питались одной пшенкой, и до того она им надоела, что их от нее чуть ли не тошнило. В Петрограде как-то ночью расколотили на куски бюст коммунистического деятеля Когана-Володарского, убитого в 1918 году[6*], а на его могиле оставили кучу дерьма с воткнутым в нее красным флагом, на котором были написаны пушкинские строки: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»[7*].

В 1922 году коммунизм в России был практически мертв и правительство находилось на грани краха. Оно держалось только террором, который был эффективен лишь потому, что люди были физически истощены, и удержало власть

только по причине страшного голода, обрушившегося на Россию в 1921 году. Именно голод позволил советскому правительству снова залить страну кровью. Террор и был развязан перед самым началом голода.

– Товарищи, гидра контрреволюции опять поднимает свои головы. Или мы отрубим ей эти головы, или нас самих сожрет чудовище, – так говорил Зиновьев на собрании советских служащих, состоявшемся вскоре после величественного крестного хода на Пасху 2 мая 1921 года. – Мы должны продемонстрировать, что машина красного террора еще жива и работает эффективно, – заключил он.

Вскоре после этого было арестовано более ста человек, главным образом ученых, писателей и священников. В их квартирах, как обычно, чекисты устраивали засады, никого не выпускали и арестовывали всех приходивших. Наутро после этих арестов 80-летний профессор Таганцев, крупнейший криминолог России, пришел посоветоваться со своими друзьями по поводу ареста его сына, геолога Таганцева. Мы встретились на квартире профессора Лазаревского, ведущего специалиста по конституционному праву. В квартире арестованного Таганцева, после того как он и его жена были уведены, остались без присмотра двое детей, которых чекисты и не подумали накормить. Не пошли мы детям еды, они останутся голодными. А если послать, то, значит, арестуют человека, который ее принесет. Мы слишком хорошо знали, как любит ЧК ловить «врагов народа», держа их детей без еды в расчете на то, что рано или поздно кто-нибудь за ними придет. И в конце концов старый профессор Таганцев решил пойти сам. Он пошел и был арестован. К сожалению, в тот день мы не могли послать слишком много еды, и через несколько дней еще один из нас должен был добровольно пойти, чтобы передать еду и быть арестованным.

– Думаю, что меня тоже арестуют, – сказал Лазаревский, – ведь мы с сыном Таганцева – друзья с детских лет, и на его квартире должно быть много моих писем.

Я уговаривал его скрыться, но он сказал, что, как проректор университета, чувствует себя не вправе скрываться именно теперь.

– Поживем – увидим, – сказал он.

Прошло несколько недель. Арестованных становилось все больше, но нескольких человек отпустили. Среди них был почетный профессор Таганцев и его внуки. В июле Лазаревский получил повестку из ЧК, куда его вызывали как свидетеля по делу младшего Таганцева. Он пошел, несмотря на советы друзей, и был задержан «только как свидетель и всего на несколько дней», как объяснили его жене чекисты. Сам Лазаревский писал ей: «Не беспокойся. Мне ничего не грозит, и через несколько дней я надеюсь быть на свободе».

Однако в начале августа «Правда» опубликовала статью о «новом заговоре Таганцева, который раскрыт на днях». Тон статьи не оставлял сомнений в том, что над арестованными нависла смертельная угроза, и все мы, профессора и писатели, друзья и родственники заключенных, принялись за них хлопотать. Старший Таганцев поехал в Москву, чтобы встретиться с Лениным и просить его о помиловании. Но к Ленину его не допустили. Тогда он написал письмо диктатору,

в котором напомнил ему, как много лет назад он, рискуя своим положением сенатора и члена Верховного суда, пытался спасти брата Ленина от казни и как, потерпев неудачу, он нелегально устроил последнюю встречу молодого заключенного с его матерью. «В память об этой услуге, которую вы хорошо помните, и в память о вашем брате, как отец и как человек, я умоляю вас предотвратить это убийство моего сына, его жены и других невиновных людей». Так писал великий криминолог. Письмо вручили Ленину, но ответа не последовало[8*]. Ленину и его компании нужна была новая волна террора, чтобы запугать людей, которые слишком осмелели. Родственники арестованных ничего не могли узнать ни о них, ни от них.

– Очень пугает меня это молчание, – говорила нам госпожа Лазаревская. – Чувствую, что с моим мужем может случиться что-то ужасное.

Мы тоже боялись, но, кроме глухих слухов, о намерениях властей ничего узнать не удавалось. Утром 23 августа я зашел к госпоже Лазаревской, чтобы успокоить ее и узнать, получила ли она какие-нибудь известия. Как раз когда мы разговаривали, пришел почтальон и вручил ей пачку писем.

– Сразу пять писем от мужа! – воскликнула она с просиявшим лицом. – Какое счастье!

Читая их, она говорила мне:

– Все хорошо. Он пишет, чтобы я не волновалась, дело идет к концу, и он скоро будет дома.

Не знаю почему, но меня эти письма насторожили, тем не менее, я ее поздравил и ушел. Дом науки находился совсем недалеко от дома Лазаревских, а на стене соседнего дома я увидел наклеенный свежий номер «Правды». Взволнованный, я остановился и стал читать. «Ликвидирован заговор Таганцева» – бросился мне в глаза заголовок статьи.

«Вчера по постановлению Петроградского Совета за участие в контрреволюционном заговоре расстреляны…» В ужасе мои глаза забегали по списку фамилий, мелко напечатанному на грязно-серой бумаге.

«Таганцев, профессор, организатор заговора;

Таганцева, его жена, за участие и недонесение о деятельности мужа;

Лазаревский, проректор Петроградского университета, за создание проекта нового избирательного законодательства;

Тихвинский, профессор, за неблагоприятный доклад о современном состоянии советской нефтяной промышленности;

Гумилев, писатель и поэт, за монархические взгляды;

Ухтомский, живописец и ученый, за предоставление информации о музеях;

Гизетти и его жена» и так далее – более пятидесяти имен, о каждом из которых кратко сообщался состав его «преступления». О некоторых из них было просто написано: «контрреволюционер». В конце статьи было напечатано: «и другие контрреволюционеры».

«Сразу пять писем от мужа… Он скоро будет дома». Эти слова Лазаревской пылали у меня в мозгу. Теперь я понял, почему это меня так насторожило.

Держать эти письма много дней и отправить их жене после того, как муж ее был расстрелян! Какая дьявольская придумка!

– Потише! Не выражайте свое мнение так громко, – сказал мне один знакомый, который как раз в это время проходил мимо. Я даже не заметил, что заговорил вслух. Первая мысль была пойти к жене Лазаревского, но я был не в силах сделать это. Пусть кто-нибудь другой скажет ей о ее «счастье».

Расстрел за неблагоприятное описание состояния советской нефтяной промышленности! Нефтяная промышленность действительно была в плачевном состоянии, да и Тихвинский писал свой доклад для советских властей по распоряжению самого Ленина. Расстрел за информацию о музеях! Расстрел за написание проекта нового избирательного законодательства! Я вспомнил наши приватные разговоры в дни Кронштадтского мятежа о реорганизации правительственных судов и полиции на случай, если правительство падет. Тогда Лазаревский говорил, что он попытается разработать закон о выборах. Это сочинение попало в руки большевиков, что и обрекло его на смерть. Расстрел за монархические взгляды! Ни тот факт, что Гумилев – один из величайших поэтов России, ни его героическое поведение во время войны, за что его наградили Георгиевским крестом, ни его осторожное поведение в повседневной жизни – ничто его не спасло. Он имел монархические взгляды. В этот «заговор» были вовлечены люди, которые никогда не знали друг друга, и всем им было отказано даже в открытом суде. Если бы в какой-нибудь буржуазной стране такое издевательство над правосудием имело место в отношении коммунистов и анархистов, какой бы шум поднялся в мире против жестокости капитализма.

Но это еще не предел коммунистической жестокости. Когда Лазаревская и родственники других жертв этого кровожадного божка обратились в ЧК с просьбой выдать им тела их близких для похорон, им нагло заявили:

– Какие тела?! Всех их отправили в Архангельскую тюрьму.

Родственники в большинстве своем понимали, что это преднамеренная ложь, и цель ее – причинить им дополнительные страдания, но двое, которые, не особо веря в эту ложь, все-таки надеялись, что их родные еще живы, сошли с ума. Побывав у старого профессора Таганцева, я нашел этого старика совершенно убитым горем.

– Мне пора умирать, – сказал он сквозь слезы. – Для меня все кончено. Но мои внуки – они же отдали их в колонию для молодых преступников. Почему они не разрешили нашим друзьям взять на воспитание эти невинные создания? Я все-таки думал, что они люди, а теперь вижу, что они хуже черта.

В 1922 году, вскоре после моей высылки, несчастный старик Таганцев умер[9*].

– Так пролетарское правосудие еще раз показало нашим врагам наше могущество, – заявил Гришка Третий в одной из своих речей. – Пусть они запомнят этот урок.

Мы – запомнили. Если нам доведется когда-нибудь вершить суд над ним и его соратниками, то да поможет нам Бог не быть слишком мягкотелыми.

Глава двадцать четвертая

SOS

То, чего мы в России боялись больше всего, случилось в 1921 году. Глядя на географическую карту страны, на которой были помечены губернии, где был собран низкий урожай или его вообще не собрали, мы понимали: по меньшей мере двадцать пять миллионов человек обречены на голодную смерть этой зимой, если мир не придет нам на помощь. Мы говорили об этом задолго до того, как правительство и Максим Горький издали свои дикие призывы к народам всей Земли о помощи голодающим массам[1*]. Кто или что несет вину за этот ужасный российский голод? Есть такая пословица: «Неурожай – от Бога, голод – от людей». Была засуха, это правда, но не она стала причиной голода во всем его ужасе. Коммунистическая политика ограбления крестьянства, вынудившая его обороняться и приведшая к тому, что площади обрабатываемых земель сократились почти наполовину; реквизиции зерна, даже с целью высевать его районах, пострадавших от засухи, – вот эта политика и должна считаться ответственной за наиболее катастрофические последствия голода. Если бы советское правительство не проводило свою безумную политику, если бы оно не разрушило железнодорожные пути сообщения, из-за чего невозможной стала доставка продовольствия и систематическая помощь, то этого чудовищнейшего голода 1921 года не было бы. Когда же он начался, никаких средств в наличии не оказалось. Ни в одной губернии не было необходимого излишка зерна. Даже если бы правительство и захотело что-нибудь сделать, оно было бы бессильно.

Представители петроградской и московской интеллигенции хотя и знали, что их могут арестовать, сразу же предложили свою посильную помощь. Правительство сначала разрешило им создать Комитет помощи голодающим, но очень скоро, как мы и опасались, весь комитет был арестован за «контрреволюционную деятельность»[2*]. Их помешательство на заговорах и желание обезопасить себя ценой какого угодно количества человеческих жизней будет вечным проклятьем коммунистической тирании.

Опубликовав два тома «Системы социологии», я отложил работу над третьим томом, чтобы по свежим следам изучить типичные проявления революции и описать их в такой форме, чтобы в нормальные времена их легче было изучать. Вместе со своими студентами и сотрудниками и в тесном контакте с академиком И. Павловым и В. Бехтеревым я начал исследовать социальные изменения,

социальные группы и перегруппировки в нашем обществе. Предполагалось и изучение бюджетов времени наших коллег и сравнительного влияния разных факторов на человеческое поведение. Поведение окружающих меня людей было обусловлено сдерживающими факторами, которые в нормальных условиях маскируют его механизм и препятствуют его выявлению. Главным предметом своего исследования я взял влияние голода на поведение человека, социальную жизнь и социальную организацию. Для изучения этой проблемы у меня был накоплен личный опыт и преимущество, какое обеспечивал мне личный контакт с людьми из моего окружения. Влияние питания и потребности в еде на человеческое поведение прежде никогда серьезно не изучалось.

Имея такой богатый материал, не могу сказать, что окружающая меня обстановка благоприятствовала научным исследованиям, так как надо мной постоянно довлела необходимость «исчезать», чтобы избежать ареста. Но, так как изучение этих явлений в нормальные времена становилось проблематичным, мы решили так или иначе приспособиться к неблагоприятной окружающей среде, и я с удовлетворением могу сказать, что усилия многих из нас увенчались успехом.

Осенью 1921 года многим профессорам, в том числе и мне, советское правительство запретило вести преподавательскую деятельность. Оставшись без работы, за исключением исследования, которое я вел в Институте мозга и Историко-социологическом институте при университете[3*], я чувствовал себя относительно свободным. Голод в условиях города я уже изучил, причем в качестве одного из объектов исследования я наблюдал самого себя, а теперь у меня появилась необъятная лаборатория – голодающие русские деревни. Зимой 1921 года я отправился в охваченные голодом районы Самарской и Саратовской губерний с целью провести научное исследование массового голода[4*]. Признаюсь сразу, что мое намерение потерпело полный крах. Я не смог провести экспериментальное исследование, но я увидел голод; и теперь я знаю, что это такое. То, что я узнал в этих ужасных губерниях, не дало бы мне никакое научное исследование. Мои нервы, уже привыкшие за годы революции ко всевозможным ужасам, совершенно расстроились, когда я увидел картину настоящего голода миллионов людей в моей опустошенной стране. Если как исследователю эта поездка дала мне меньше, чем я ожидал, то не могу сказать этого о себе как о человеке и как о враге тех людей, которые способны причинять такие страдания роду человеческому.

От последней станции железной дороги наша небольшая группа, к которой присоединился один местный учитель, отправилась пешком в сторону охваченных голодом районов Самарской губернии. К полудню мы добрались до деревни Н. Место словно вымерло. Избы стояли опустевшие, без крыш, с дырами в тех местах, где раньше были окна и двери. Соломенные крыши давно были сняты и съедены. Разумеется, никаких животных в деревне не было – ни коров, ни лошадей, ни овец, ни коз, ни собак, ни кошек, ни даже ворон. Все были

съедены. Мертвая тишина царила над заснеженными дорогами – как вдруг мы услышали слабый скрип, а потом увидели сани, которые везли двое мужчин и одна женщина, а на санях – мертвое тело. Они еще немного провезли сани, а потом остановились и, обессиленные, повалились на снег. Когда мы подошли к ним, они тупо посмотрели на нас. А мы с занывшими сердцами уставились на них. Мне приходилось видеть голодные лица в городах, но таких живых скелетов, как эти трое, я не видел никогда. Одетые в лохмотья, дрожащие от холода, они лицом были не то чтобы бледные – а синие, темно-синие с желтыми пятнами.

– Бог в помощь, – обратились мы к ним.

Просто надо же было что-то сказать. Губы у одного мужчины и женщины шевельнулись, но раздалось из них лишь какое-то невнятное бормотание. Третий крестьянин, который казался немного более живым, сказал:

– Бог! Забыли мы Бога, и Он нас забыл.

– Куда вы его везете? – спросил я, показывая на мертвое тело мальчика, лежавшее на санях.

– В тот вон амбар, – ответил крестьянин и повел глазами в сторону какого-то низкого строения. – Там теперь зерна много.

Другой мужчина и женщина хотели встать со снега, но не смогли подняться без нашей помощи. Мы предложили им довезти сани, и все вместе направились к амбару, обычному крестьянскому зернохранилищу, добротному и недавно построенному. Самый сильный из них, как оказалось, был здешним урядником, он достал ключ и открыл амбар. Как он и говорил, здесь зерна было много. Десяток трупов, в том числе и три детских, лежали на полу.

– Почему вы кладете их сюда? – поинтересовались мы.

– Священник за пять верст от нас. Он не может приходить каждый день, а у нас нет лошади, чтобы возить трупы до церкви, поэтому, когда священник приходит раз в две недели, мы устраиваем отпевание, а потом, если можем, хороним их возле церкви.

Мы внесли тело и опустили на пол. Мужчина и женщина, родители мальчика, перекрестились и безмолвно пошли прочь.

– Скоро и они здесь будут, – сказал урядник.

– Скольких вы сюда перенесли за последние две недели? – спросили мы у него.

– Что-то около десятка или полутора. А до того – еще больше. Некоторые удрали из деревни.

– И куда же они пошли?

– Да куда глаза глядят.

Закрывая дверь, он шепотом пояснил:

– Надо запирать... А то сопрут.

– Сопрут?.. Зачем?

– Зачем? Чтобы съесть. Вот до чего мы дошли. В деревне караулят у кладбища, чтобы мертвых не выкопали из могил.

– А случались ли убийства с этой целью? – спросил я, пересилив себя.

– У нас в деревне нет, а в соседних случались. Третьего дня в деревне Г. мать убила своего ребенка, отрезала ему ноги, сварила их и съела. Вот до чего дошли.

В ранних вечерних сумерках мы пошли к уряднику домой. По пути нам встретилось полуразрушенное здание с надписью «Школа».

– Закрыта? – уточнил я.

– А кого в ней теперь учить? Все дети умерли или умирают, а новые не рождаются. Учитель сбежал. Не было ни дров, ни книг, ни еды.

Мы уже подходили к дому, когда нам встретился человек, выглядевший как безумец. Без шапки, в старом расстегнутом тулупе. Он шел, тряся своими длинными волосами и бородой и размахивая руками.

– Звоните в колокол! – кричал он. – Звоните в колокол! Они услышат!

– Сумасшедший, – коротко пояснил урядник. – Он всегда звонит в церковный колокол. Думает, что колокол разбудит мир, и к нам придут на помощь. Но никто не услышит, – мрачно заключил он, – даже Бог.

В то время, когда он говорил, тишину мертвой деревни нарушил звон церковного колокола. Этот призыв ко всему миру, исходивший от сумасшедшего крестьянина, звонившего в колокол, и раздавшийся во мраке запустевших и покинутых российских просторов, терзал нам души, наполняя их горькими слезами. Динь-дон! Динь-дон! То быстро и тревожно, как пожарный колокол: динь-дон! То медленно и печально, как похоронный звон: ди-и-и-нь-д-о-о-он! Почти час звучал он в наших ушах и сердцах. Затем опять наступила мертвая тишина.

Этот сигнал SOS, который сумасшедший крестьянин послал во все концы земли, был услышан. Он пересек океан, ударил в сердца великого американского народа и принес помощь и спасение от мучительной смерти по крайней мере десяти миллионам мужчин, женщин и детей[5*]. Бог никогда не забудет этого подвига. Бог вечно будет благословлять этот щедрый народ.

Мы вошли в дом урядника. Было темно и холодно. С помощью кремния и огнива он высек огонь и затопил печь. При тусклом свете мы рассмотрели женщину, лежавшую на печи. Увидев нас, она сделала усилие, чтобы встать, но мы просили ее лежать.

– Наш сын умер месяц назад, – просто сказал крестьянин, – с тех пор мы съели все, и я не представляю, чем нам жить дальше.

– Вы засеяли вашу землю?

– Одно маленькое поле – столько, сколько смогли. Извините, но нам нечем угощать гостей.

Мы отдали уряднику и его жене часть нашего хлеба, и они с жадностью набросились на него, крестясь и восклицая:

– Господи, настоящий хлеб! Настоящий хлеб! Да благословит вас Бог за него.

Мы переночевали в этом доме, а на следующее утро отправились в другую деревню.

– Будьте осторожны, – предупредил нас хозяин. – В некоторых деревнях люди тронулись умом и стали опасны. Удачи вам, и спасибо за хлеб.

По дороге, занесенной сугробами, мы направились к селу[6*]. По пути не встретили ни души и только совсем уже рядом с селом встретили мужчину с мальчиком и девочкой.

– Ради Бога, дайте что-нибудь поесть. Мы умираем, – закричали они.

Мы дали им немного хлеба из нашего скудного запаса и спросили, куда они путь держат.

– К железной дороге, – неуверенно отвечали они.

– А потом куда?

– Сам не знаю, – сказал мужчина. – А вы часом не комиссары?

– Нет, мы не комиссары. А что?

– Говорят, что у комиссаров есть еда и они иногда забирают девок. Не возьмете моих ребятишек?

– Увы, не можем, – отвечали мы.

– Тогда, если они не умрут, мне придется их бросить, – сказал крестьянин. – Может быть, кто и подберет.

Мы дали ему еще немного хлеба и разошлись.

– Они до железной дороги ни за что не дойдут, – произнес мой спутник.

С самого начала голода десятки тысяч людей поднялись со своих родных мест и направились «куда глаза глядят». Они толпами скитались по дорогам; не находя ни пищи, ни работы, они падали и умирали.

В следующей деревне и еще одной мы наблюдали ту же самую ужасную картину. Смерть от голода и сопровождавшего его тифа. Люди лежали в своих жалких избах и терпеливо ждали, когда умрут с голоду. Апатию прерывали только бред и попытки некоторых женщин и девушек продать себя за кусок хлеба. В некоторых деревнях мы обнаружили явные следы людоедства. Революция обещала избавить народ от деспотизма. Большевики обещали всех обеспечить едой. Если они не сдержали своих обещаний, то по крайней мере обеспечили народу возможность причаститься человеческими жертвами, человеческой плотью и кровью.

«Проклят ты будешь в городе, и проклят ты будешь на поле...

Проклят будет плод чрева твоего и плод земли твоей, плод твоих волов и плод овец твоих...

Пошлет Господь на тебя проклятие, смятение и несчастие...

С женою обручишься, и другой будет спать с нею; дом построишь – и не будешь жить в нем…

Вола твоего заколют в глазах твоих, и не будешь есть его…

Сыновья твои и дочери твои будут отданы другому народу; глаза твои будут видеть и всякий день истаивать о них, и не будет силы в руках твоих.

Плоды земли твоей и все труды твои будет есть народ, которого ты не знал; и ты будешь только притесняем и мучим во все дни.

И сойдешь с ума от того, что будут видеть глаза твои.

И ты будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих…»[7*]

Это ветхозаветное проклятье звучало у меня в ушах во время всей моей поездки и еще долго по возвращении в Петроград. В течение тех двадцати дней, что я провел в голодающих губерниях, я не много собрал научных данных, но память об увиденном и услышанном там превратила меня в бесстрашного обличителя революции и тех чудовищ, которые терзали Россию. Многочисленны и велики были грехи, совершенные русским народом, но за эти годы голода, страданий и смерти он искупил их, заплатив полную цену за все свои прегрешения.

Глава двадцать пятая

НОВЫЕ ПЬЕСЫ

– У нас много причин быть благодарными нашему правительству, – сказал как-то писатель Н., будучи в тот момент в самом ироничном своем настроении. – Мы испытываем здесь такое счастье, какого гражданам капиталистических стран никогда не испытать. Например, ложимся мы ночью спать и не уверены, что проснемся живыми. Зато, когда проснемся утром и увидим, что живы, – какое счастье! Занимаем очередь и никогда не знаем, достанется нам хоть что-нибудь. А простояв в очереди час или больше и получив полфунта хлеба, бываем так рады. Когда вспоминаем, как нас арестовывали, и опасаемся, что снова арестуют, а может быть, и расстреляют, мы можем только поздравить себя с тем, что по крайней мере в данный момент мы на свободе. Какому гражданину «буржуазной» страны дано испытать такое счастье! А главное, наше правительство все время забавляет нас такими волнующими представлениями, что нам никогда не бывает скучно. Не дешевыми зрелищами[1*], заметьте, а потрясающими трагедиями из реальной жизни. Арестами, тюрьмами, казнями! Не так давно мы смотрели «Кронштадтскую трагедию». Затем нам показали «Таганцевский заговор», после него «Процесс над эсерами» – все сплошь душераздирающие трагедии.

Одна из величайших трагедий была разыграна на наших глазах зимой 1921 года. Правительство, истратив все золото из казны, все частные капиталы, которые смогло захватить, спохватилось, что нужны деньги. Следующим источником стали церковные ценности. Под тем предлогом, что деньги нужны для помощи голодающим, правительство потребовало, чтобы церкви сдали все имеющиеся у них богатства. Церковные власти ответили, что готовы отдать свои сокровища, чтобы накормить голодающих, но хотят или сами распределять продукты питания, или через посредство Американской администрации помощи голодающим[2*], которой они вполне доверяют. Правительство пришло в ярость, поскольку, разумеется, собиралось изъять эти ценности для своих собственных целей, и запустило утку о том, что русские церковные власти и православные отказались пожертвовать свое золото на помощь голодающим. После чего они начали силой изымать то, что не отдавали церковные власти. В результате поднялась огромная волна «церковных беспорядков», прокатившаяся по всей стране. Когда чекисты подходили к церкви, их встречали толпы верующих, забаррикадировавших входы. В селах и городах повсеместно разыгрывались такие бурные сцены, было

много убитых и раненых, но что могли сделать безоружные люди против пулеметов и пушек? Дважды отряды чекистов пытались проникнуть в Казанский собор и Александро-Невскую Лавру в Петрограде, и дважды безоружные массы вынуждали их отступить. В третий раз они открыли стрельбу из пулеметов и разграбили-таки эти церкви.

Тысячи священников и простых людей были арестованы за эту демонстрацию «контрреволюции». Большинство из них были расстреляны без суда и следствия, но некоторых подвергли глумлению, названному судом, о котором писали по всему миру. Было чудесное летнее утро 1922 года, когда в Петрограде открылся суд, который я попробую описать[3*]. Около здания Дворянского собрания[4*] собралась огромная толпа, которую окружали солдаты войск ЧК. Около десяти часов появились три грузовика, в которых привезли арестованных «контрреволюционеров», и еще несколько грузовиков с охранниками и пулеметами. В первом грузовике находились митрополит Вениамин и другие священники, профессор Новицкий и прочие поборники веры. В своих поношенных рясах, с непокрытыми головами и длинными волосами, ниспадающими вдоль их изможденных лиц, митрополит и священники были похожи на раннехристианских мучеников. Увидев их, люди упали на колени и запели «Kyrie eleison» и «Достойно есть яко воистину блажити Тя»[5*] – песнопения, которыми во время богослужения встречают архиереев. Митрополит и священники, стоя в окружении вооруженных охранников, благословили коленопреклоненный народ, и песнопения зазвучали громче, смешавшись с рыданиями и криками. Чекисты грубо приказали священникам и верующим слезать с грузовиков, и некоторые люди из толпы с безумным блеском в глазах попытались прорваться к старому митрополиту. Но солдаты прикладами отогнали их назад, и заключенные вошли в здание под крики и свист коммунистов, которые поносили их как «отравителей людских умов».

– Мир вам, – сказал митрополит, благословляя их.

Под звучание этих слов коммунисты и открыли свой судебный фарс.

А на улицах и в Михайловском сквере по-прежнему звучали церковные песнопения. Тем временем к поющим приблизился мужчина в богатой рясе. Это был Введенский, один из руководителей большевистской «живой Церкви» и один из обличителей православных священников. Толпа словно бы обезумела от ярости. Люди выкрикивали самые немыслимые оскорбления в адрес человека, который был для них воплощением Иуды. Когда он подходил ко входу в здание, одна старушка подобрала камень и швырнула его, да так метко, что попала Введенскому в лицо и сбила его с ног. Чекисты схватили старушку и начали разгонять толпу. Но люди проявили упорство. Они удерживали свои позиции, продолжая петь. Тогда чекисты открыли огонь, многих убили, а всех, кто не успел убежать, арестовали. После этого на улице наступила тишина. Теперь за кордон чекист-

ских отрядов не мог пройти ни один человек, кроме коммунистов, обвиняемых и «свидетелей».

Судебный процесс продолжался две недели. «За участие в преступной организации, именуемой иерархия православной церкви» и «за контрреволюционное сопротивление изъятию церковных ценностей…» – говорится в обвинительном заключении. В первом из названных преступлений все обвиняемые, безусловно, были виновны. Православная церковь в России существует уже тысячу лет, и все эти священники и верующие были членами этой «преступной организации». По другим пунктам обвинения они не были виновны. Они не призывали ни к какому физическому сопротивлению и не принимали в нем участия. Они настаивали только на том, чтобы их ценности были потрачены на нужды голодающих людей, а не достались Третьему Интернационалу.

Обвиняемые на протяжении всего процесса проявляли стойкость и выдержку, достойные ранних христианских мучеников. Их героизм, преданность своей религии и стране, их упование на волю Божью были настолько глубоки и искренни, что произвели впечатление даже на некоторых коммунистических судей. Если бы красные божки в лице Зиновьева и прочих руководителей не были столь кровожадны, то даже этот суд никогда бы не осудил митрополита и его товарищей по заключению.

В последнем своем слове митрополит сказал:

– Я и только я, как глава Церкви, несу ответственность за действия, которые вы называете преступными, но на которые я смотрю как на исполнение долга. Эти священники и верующие – только исполнители моих распоряжений и должны быть оправданы. Судите меня, как вам угодно, я приму ваш приговор. Если Господь предназначит мне жить дальше и исполнять Его волю, я буду жить. Если мне суждено умереть, то такова, значит, воля Божья.

Осенив себя крестом, он закончил:

– Господи, прости им, ибо не ведают, что творят. В руки твои предаю дух мой[6*].

Затем последовали десять смертных приговоров, заранее предопределенных, и бурные аплодисменты коммунистической аудитории, тоже предопределенные заранее.

Несколько недель спустя митрополита Вениамина, остриженного и одетого в лохмотья, так что даже его палачи не могли его узнать, расстреляли в Москве. Пятеро других, в том числе Новицкий, профессор Петроградского университета, были к тому времени уже мертвы.

В Петрограде еще продолжалась эта трагедия, а в Москве уже началась другая, под названием «Процесс над эсерами»[7*]. Около пятидесяти тысяч человек прошли маршем по улицам с транспарантами, на которых было написано: «Требуем смертной казни для всех социалистов-революционеров». В этой тол-

пе марширующих я увидел многих своих друзей и знакомых, многих студентов и рабочих, которые вовсе не желали смерти эсерам, которые, как было мне известно, всей душой ненавидели коммунистов. И тем не менее они вышли на этот марш. Почему? Потому что хотели жить. Потому что боялись, нет, знали: если они не выйдут на этот марш, то потеряют работу. За несколько дней до демонстрации власти объявили, что любой советский работник, который не примет в ней участие, будет уволен, а тот гражданин, который откажется от нее, тем самым признает себя контрреволюционером. Таким-то способом легко организовать пятидесятитысячную демонстрацию.

Примерно в это же время пересекли границу России и были на пути в Москву Вандервельде, Розенфельд и другие защитники эсеров. На каждой станции их встречали протестующие и против них самих, и против эсеров. Протесты были организованы вот каким образом. Весь целиком поезд, к которому был прицеплен их вагон, занимали коммунисты, которые на каждой станции выходили и с помощью местных коммунистов устраивали демонстрацию против иностранных визитеров.

Прав был писатель Н. Советское правительство разыгрывало перед нами непрерывную череду трагедий, посмотрев которые молодые люди становились пожилыми, люди средних лет превращались в седовласых старцев, а многие зрители умирали.

Глава двадцать шестая

ВЫСЫЛКА

В мае 1922 года начали печатать мою книгу «Влияние голода на человеческое поведение и социальную организацию». Многие ее параграфы и даже целые главы были вырезаны цензором еще до публикации. Книга как нечто целое была разрушена, но то, что сохранилось, было все же лучше, чем ничего. Объявленная советской властью «война на идеологическом фронте» развернулась теперь с величайшей энергией. Университетская автономия была полностью ликвидирована. Ректоры, деканы и профессора уволены, университетские и факультетские собрания запрещены. Многие студенты-некоммунисты были исключены. В высшие школы теперь разрешено было поступать только коммунистам и молодым людям, рекомендованным властями. Запрещены были все некоммунистические журналы и издания. Кооперативные организации, окрепшие за последние месяцы, «огосударствлены». Все мы жили впроголодь, каждый день ожидая какого-нибудь нового удара.

Тем не менее надежда нас не оставляла. Страна проявляла явные признаки возрождения. Под руинами нашей цивилизации, в глубинах народного сознания и в сердцах людей продолжалось что-то похожее на жизнь и дух обновленного народа. Что бы ни случилось с нами, возрождение России не оставляло сомнений. Нужно было только время, чтобы эти новые силы выросли настолько, чтобы заявить о себе. Мы можем подождать, ибо прошедшие годы приучили нас к терпению.

Что представляли собой эти новые творческие силы? Не будем пока говорить о них, ибо не настало еще время, когда можно будет рассказывать о них, не подвергая их опасности. Придет время, и мир их узнает.

10 августа 1922 года я на несколько дней приехал из Петрограда в Москву. Прямо с вокзала я пошел на квартиру к одному своему другу[1*], который пригласил меня остановиться у него. Мы с ним позавтракали и расстались, договорившись вернуться домой к пяти часам. Покончив с делами и навестив друзей, я вернулся в квартиру моего друга, но его еще не было дома. Он не пришел и к шести часам, и я начал немного беспокоиться. В семь пришел какой-то студент, который спросил жену моего друга. Я сказал ему, что ни ее, ни его нет дома, и спросил, что им передать. Студент пристально посмотрел на меня и спросил:

– А вы кто будете?

Я назвал себя и услышал от него в ответ:

– Профессор, уходите отсюда. Вашего друга арестовали, и здесь в любой момент могут быть чекисты.

Я взял свой чемодан и вышел из дому, но ждал поблизости, пока не увидел, что идет жена моего друга[2*]; мы договорились с ней о наших ближайших планах, и я направился на квартиру к другому своему другу. Увы, оказалось, что и он арестован. Несколько часов спустя мы узнали, что в тот день были арестованы одновременно профессора Кизеветтер и Франк, Бердяев и Ясинский, Софронов[3*] и Озеров, Мякотин и Пешехонов, Осоргин и многие другие – знаменитые ученые, писатели, деятели кооперации, всего около ста пятидесяти человек. Взяли также многих студентов. Было ясно, что начался большой террор, который мог начаться и в Петрограде. Все сомнения на сей счет рассеялись на другой день, когда я прочел телеграмму, отправленную моей женой в Москву одному нашему другу: «Прошу задержать моего сына. У нас в доме скарлатина»[4*].

Вскоре стало ясно, насколько своевременным было это предупреждение, чтобы я не возвращался в Петроград, где были арестованы профессора Лосский, Карсавин, Зубашев, Лутохин, Лапшин, Одинцов, Селиванов, Бруцкус, Замятин и другие – всего около ста человек – и с ними много студентов[5*]. Чекисты пришли по моему петроградскому адресу и здесь, в квартире Д[армолатовой], нашли при смерти вторую ее дочь, Надю. Надин муж[6*] и врач уверяли чекистов, что меня нет в квартире, и просили их не мучить умирающую женщину напрасным обыском. Но чекисты обошли все комнаты и, убедившись, что я здесь не скрываюсь, великодушно согласились не шуметь больше и не оставлять засаду.

Я находился в Москве в сравнительной безопасности, поскольку в лицо меня знали немногие. Я посещал концерты и театры, ходил по музеям и даже занимался в библиотеке Коммунистической академии. Прошла неделя, и стали просачиваться слухи об арестованных профессорах и ученых. Говорили, что их не расстреляют, а вышлют. Вскоре в «Правде» появилась статья Троцкого, в которой эти слухи официально подтвердились. «Эти люди, – писал Троцкий в своей статье, – не могут и не будут заключать мир с коммунизмом. В случае новых политических осложнений мы будем вынуждены расстрелять их как злейших врагов. Чтобы избежать этих погромов, лучше отправить эти товары за границу. Выслав их, мы избавимся от наших худших врагов. Остальных врагов можно подкупить и сделать безвредными. Таким образом, мы ослабляем силы, действующие против нас, и укрепляем свои собственные позиции»[7*].

Арестованных начали выпускать, предупредив, что они будут высланы. Каждого из них обязали подписать две бумаги: в одной с них брали обязательство в течение десяти дней покинуть страну, в другой объявлялось, что если кто-нибудь из них вернется в Россию без разрешения Советского правительства, то

будет расстрелян. Если кто-то протестовал, что у него нет денег и даже визы на въезд в зарубежную страну, власти отвечали: «Получите визы. Не получите – вышлем на север Сибири». Жертвы получили визы, причем, к своему удивлению, без особых трудностей. Правительства Чехословакии, Германии, Латвии и Эстонии выдавали их сразу и без формальностей.

Как только мне стала известна судьба, ожидающая моих арестованных коллег, я решил, что если меня самого вышлют за границу, это будет лучшее, что может со мной случиться. Для своей страны я уже ничего не мог сделать, жил на нелегальном положении и рано или поздно, несомненно, буду арестован. В случае ареста меня ожидало бы либо пожизненное заключение, либо смерть от голода и холода на севере Сибири. Если уж мне суждено жить, то жить я должен с пользой, а я так долго был отрезан от иностранной научной литературы, что даже не знаю, что было написано за эти годы. Все эти соображения побудили меня не прозевать благоприятный момент для высылки, и я незамедлительно отправился в Петроград,чтобы быть арестованным.

Было прекрасное сентябрьское утро, когда я приехал в Царское Село. Жены не было дома, и я сам стал собирать свою тюремную котомку, уложив в нее кое-что из еды, бумагу и пару или тройку книг, которые должны были помочь мне убить скуку тюремной жизни. Когда жена вернулась, она пыталась сначала отговорить меня от моей затеи, поскольку все арестованные в царстве Гришки Третьего все еще сидели в тюрьме и никто не знал, будут ли они высланы вместе с москвичами. Она показала мне номера «Петроградской правды» и «Красной газеты» с яростной критикой и угрозами в мой адрес[8*]. Но все же я считал, что лучше мне быть арестованным, и, взвалив свою тюремную котомку за спину, я в сопровождении жены отправился в Петроград. По дороге мы встретили друзей, которые согласились с моей женой, что надо быть совсем сумасшедшим, чтобы, как я, отважиться на такое дело в Петрограде.

– Если Зиновьев со своей шайкой не расстреляет тебя сразу, – доказывали они, – то тебя сошлют в Сибирь, а ни в какую не заграницу.

В конце концов я согласился с ними, что будет лучше, если меня арестуют в Москве, и на следующее утро отправился туда. Я сам, со своей тюремной котомкой, явился в ЧК и через некоторое время попал в отдел к тому чиновнику, который ведал делами высылаемых ученых и литераторов.

– Моя фамилия Сорокин, – представился я ему. – Ваши товарищи в Петрограде хотели меня арестовать, но я был здесь, в Москве. Хотелось бы узнать у вас, что вы намерены со мной делать.

Чекист, молодой парень с бледным от кокаина лицом, замахал на меня руками:

– У нас в Москве столько народу, что сами не знаем, как быть с ними. Возвращайтесь в Петроград, и пусть тамошняя ЧК решает вашу судьбу.

– Нет уж, – ответил я, – в Петроград я не вернусь. Если хотите арестовать меня, то вот он я. Если же нет, то я, как свободный гражданин, предпочту остаться в Москве или в другом каком-нибудь месте в России, но только не в Петрограде.

– Это невозможно – сказал он, но, немного подумав, добавил: – Ладно, все арестованные университетские преподаватели должны быть высланы за границу. Подпишите эти две бумаги и в течение десяти дней покиньте территорию РСФСР[9*].

Я охотно подписал и спросил, где мне получить свой паспорт.

– В комиссариате иностранных дел, – ответил бледный молодой человек. – Я как раз собираюсь сообщить им о вас.

– Я могу идти?

– Да, разумеется.

Выйдя из здания ЧК, я послал телеграмму жене, чтобы она продавала наше имущество и приезжала ко мне в Москву. Кроме остатков моей библиотеки, продавать было нечего, поэтому ее задача была нетяжелой. Я бы предпочел выехать из России по маршруту Петроград–Гамбург, но зная методы Зиновьева и петроградской ЧК, хвативших людей, не дожидаясь разрешения центральных властей, я решил выбрать маршрут Москва–Рига. И ехать решил как можно скорее.

Процедура получения паспортов и виз оказалась трудной и изматывающей. В комиссариате иностранных дел мне сказали, что мой паспорт будет готов не раньше чем через пять–шесть дней.

– Но если я должен выехать из России в течение десяти дней, то мне просто не хватит времени, чтобы получить визу и все разрешения ваших чертовых комиссариатов, – возразил я.

– Это не наше дело, – прозвучал равнодушный ответ.

– Нет, ваше, – настаивал я, – поскольку это ваше правительство высылает меня в десятидневный срок.

– Ладно, вы получите свой паспорт через три дня.

– Я должен получить его завтра.

– Это невозможно.

Решив сделать невозможное возможным, я отправился к Карахану, который в отсутствие Чичерина исполнял обязанности наркома иностранных дел. Карахан был моим другом в студенческие годы, и я подумал, что будет забавно посмотреть на него теперь, когда он стал большевистским чиновником. Но, когда я протянул его секретарю свою карточку, этот парень заявил, что Карахан занят и не может принять меня. В этот момент кто-то вошел в комнату и поздоровался со мной. Оказалось, это мой бывший студент из Психоневрологического института.

– Что вы делаете здесь? – спросил я его.

– О, я возглавляю отдел печати в Наркомате иностранных дел, – ответил он с гордостью. – Доводилось ли вам читать статьи Кольцова в газетах? Это мой псевдоним.

Я сказал, что доводилось, и он нетерпеливо спросил, что я думаю о них.

– То же, что и о вашем правительстве, – ответил я. – Сейчас вот этот малый отказывается вручить мою карточку его превосходительству. Прошу вас, повлияйте на него.

Они пошептались и исчезли. Вскоре дверь, охраняемая тремя чекистами, отворилась и на пороге появился Карахан.

– Здравствуйте, Питирим Александрович, – произнес он. – Рад видеть вас. Заходите.

Кабинет был обставлен комфортабельно, мебель роскошная, и Карахан – некогда худой и стройный парень – теперь выглядел здоровым и упитанным.

– Ваше превосходительство, – обратился я к нему полушутя, – вам, конечно, известно, что меня высылают. Ваши подчиненные отказываются выдать мне паспорт раньше чем через три дня, и это меня не устраивает. Не будете ли вы столь любезны приказать им, чтобы мой паспорт был готов завтра утром?

– С превеликим удовольствием, – ответил он и по телефону отдал распоряжение. – Завтра ваш паспорт будет готов, – объявил он, – и вы получите его совершенно бесплатно.

Я поблагодарил его, хотя вовсе и не собирался платить за этот паспорт. Не на следующее утро, а только через день паспорт был готов. «Expulsé»[10*] – было написано на нем по-французски. В тот же день я получил чехословацкую, германскую, латвийскую и литовскую визы. Теперь мне надо было получить кучу лицензий и разрешение от Наркомата просвещения, взять с собой некоторые мои рукописи и по одному экземпляру опубликованных мною книг, статей и памфлетов. Затем в Наркомате внешней торговли получить разрешение на то, чтобы взять с собой одно старое пальто, два старых костюма, два полотенца, две простыни, пять рубашек и пять пар брюк. И еще в Наркомате финансов необходимо было получить разрешение на вывоз пятидесяти долларов, одних часов и двух обручальных колец. На получение этих чертовых разрешений у меня ушло три дня.

Все мои рукописи были тщательно просмотрены, пронумерованы и запечатаны цензором. Большое подозрение вызвали ботанические материалы моей жены. Лишь после долгих заверений мы сумели убедить его, что в этих невинных гербариях и ботанических препаратах нет ничего секретного или контрреволюционного. В наркомате финансов нас ожидал сюрприз: там разрешения выдавал один из наших коллег, который вместе со всеми прочими подлежал высылке. В последний момент ему неожиданно запретили выезд за границу и

направили на прежнее место работы. Вчера высылаемый преступник, сегодня он был советским чиновником, выдающим лицензии своим прежним «сотоварищам».

Одним из последних визитов, которые я нанес, был визит к коммунистическому лидеру Пятакову, с которым мы были друзьями в студенческие годы. Я пошел к нему ради одного нашего некогда общего друга, который находился в то время в тюрьме и был серьезно болен. Пятаков обещал сделать все, что сможет, и, покончив с этим делом, сказал мне, что собирается писать статью по поводу моей критики на бухаринскую книгу «Теория марксизма»[11*].

Я спросил у него:

– Пятаков, скажи мне, ты действительно веришь, что вы строите коммунистическое общество?

– Нет, конечно, – признался он откровенно.

– Ты согласен, что ваш эксперимент провалился и вы строите всего лишь примитивное буржуазное общество. Тогда почему же вы высылаете нас?

– Ты не принимаешь во внимание, – ответил он, – что в России происходят два процесса. Один – восстановление буржуазного общества; другой – процесс приспособления к этому Советской власти. Первый процесс идет быстрее, чем второй. Это создает угрозу нашему существованию. Наша задача – замедлить развитие первого процесса, а ты и остальные, кого мы высылаем, ускоряете его. Вот почему вас высылают. Возможно, года через два–три мы пригласим вас назад.

– Спасибо, – ответил я. – Я надеюсь вернуться в свою страну без вашего приглашения.

Пасмурным днем 23 сентября 1922 года первая группа высылаемых собралась в Москве на железнодорожном вокзале[12*]. В ее состав входили члены правления сельскохозяйственного кооперативного союза и другие видные деятели кооперации[13*], бывший министр в правительстве Керенского Пешехонов, один из лидеров народно-социалистической партии профессор Мякотин, их жены с детьми и мы с женой. Я отправил два наших чемодана с латвийской дипломатической машиной, забронированной за мною. «Onmia mea mecum porto»[14*], – мог я сказать о себе. В ботинках, присланных мне одним чешским ученым, в костюме, подаренном Американским комитетом помощи голодающим, и с полусотней долларов в кармане покидал я свою родную страну. Все мои спутники были примерно в таком же положении, но никто из нас особенно не беспокоился. Несмотря на запрет властей, множество наших друзей и знакомых пришли провожать нас – с букетами цветов, обменяться с нами последним рукопожатием и всплакнуть на дорожку. Мы до последнего момента жадно всматривались в их лица, в убегающие назад московские улицы – последний взгляд на родину. Во время поездки мы доставали из карманов и читали письма, тайком присланные нам всем

крестьянскими кооперативными организациями, студентами, профессорами, рабочими и другими людьми.

– Вас изгоняет не народ, а интернационалистское отребье, – говорилось в этих прощальных письмах. – Россия с вами, и вы с Россией. Страдает Россия – страдаете и вы. Когда в России настанет день, вы снова будете с нами.

Мы уничтожили эти письма, чтобы они не попали на границе в руки чекистов.

На следующий день мы были в Себеже, в пограничной полосе России. «Привет Москве», «Привет Петрограду», «Привет Новгороду», – телеграфировали мы назад, пока чекисты обыскивали наши чемоданы. Еще через полчаса мы проехали мимо красного флага – и Советская России осталась позади. Той ночью мы впервые за пять лет легли спать, не задаваясь вопросом, придут сегодня за нами или нет.

Еще через неделю, уже в Берлине, я прочел свою первую лекцию о современном состоянии России[15*]. Вскоре стало ясно, что я ничуть не поторопился с отъездом; в первом же полученном здесь письме мне сообщали: «Наша бабушка (читай: ЧК) очень огорчена, что вы уехали без ее последнего и вечного благословения (читай: жалеют, что не расстреляли)». А в берлинской газете «Дни» я прочитал: «В Москве на совещании народных комиссаров товарищу Уншлихту, возглавляющему ЧК, и комиссару иностранных дел Карахану со стороны других наркомов было высказано порицание за то, что они позволили г-же Кусковой и профессору Сорокину уехать за границу»[16*]. Одновременно с этим по распоряжению советских властей была уничтожена моя книга о голоде.

По приглашению президента Масарика я приехал в Прагу и имел удовольствие встретиться с ним и другими видными деятелями Чехословакии[17*]. Здесь я возобновил свою работу и написал «Социологию революции». Вместе со многими друзьями я принимал участие в издании журналов «Хутор» и «Крестьянская Россия» и оказывал помощь Сельскохозяйственному институту, а также сельскохозяйственным и кооперативным школам в Чехословакии в подготовке грамотных специалистов по сельскому хозяйству в будущей России[18*]. Тысячи студентов учились сами и учили других во имя возрождения нашего отечества. Вместе с ними я испытывал радость, вступая в общение с людьми, жившими в Советской России. Наша новая, активная творческая жизнь приносила плоды как дома, так и за рубежом.

В ноябре 1923 года я приехал в эту великую страну[19*], будучи приглашен для чтения лекций в ряде американских университетов. Здесь я и написал, опираясь на память и свои дневники, эти воспоминания.

Что бы ни случилось со мной в будущем, я уверен, что три вещи навсегда останутся убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, как бы ни была она тяжела, – это самая прекрасная, удивительная и чудесная вещь в мире.

Только посвятив ее служению долгу, можно сделать ее счастливой и тем самым наполнить душу необоримыми силами, чтобы служить идеалам, – таково мое второе убеждение. И, наконец, в-третьих, я убежден, что жестокость, ненависть и несправедливость никогда не были и никогда не будут способны построить на земле Царство Божие[20*].

ЧАСТЬ V

Тридцать лет спустя

Глава двадцать седьмая

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ГИГАНТСКИЙ УСПЕХ И ЧУДОВИЩНЫЙ ПРОВАЛ

Прошло почти тридцать лет с тех пор, как были написаны эти заметки. И около четверти века после того, как они опубликованы. За это время революция достигла зрелости. И стало очевидным, что она была и гигантским успехом, и чудовищным провалом.

Революция как гигантский успех

Первый успех революции состоял в том, что *она выжила в самых трудных условиях и вопреки многочисленным могущественным врагам*. Она одержала верх над внутренними противниками в гражданской войне. Выдержала первое совместное вторжение англо-американо-французских экспедиционных сил в 1918 году. Успешно справилась с последующим военным давлением иностранных держав. Не задохнулась в петле санитарного кордона и не погибла от экономической разрухи, организованной ее противниками. Выстояла под ужасающим натиском гитлеровских и европейских легионов и обратила их в прах. Наконец, она все еще противостоит – бесстрашная, жесткая, спокойная и могучая, как никогда ранее, – всем силам, натравливаемым на нее доктриной Трумэна, планом Маршалла, Атлантическим пактом и Ватиканом, не говоря уже о множестве более мелких групп, альянсов, отрядов и отдельных лиц, пытающихся ее одолеть.

Второй гигантский успех революции заключался в ее *тотальном, безграничном* характере. Русская революция была не просто политической, или экономической, или религиозной. Это революция *и* политическая, *и* экономическая, *и* религиозная, *и* семейно-брачная, *и* образовательная, *и* научная, *и* художественная, *и* философская. Она пыталась революционизировать все основные социальные институты – от семьи до экономики и государства; все сферы культуры – от науки и философии до религии, поэзии и музыки; весь образ мышления и внешнего поведения человека – от колыбели до могилы. В этом смысле это, наверное, была *самая безграничная революция в истории человечества*.

Третий ее успех заключался в ее *беспрецедентно широком размахе и всемирном распространении*. Даже если бы она ограничивалась только Россией,

ее масштабы не имели бы аналогов в человеческой истории. Но вопреки всем санитарным кордонам в течение каких-то тридцати лет она распространилась по всему миру. Сейчас вместе с китайцами и другими союзниками она насчитывает среди своих последователей по крайней мере четверть всего человечества. В любой стране, даже и из числа самых антикоммунистических и антисоветских, у нее есть своя «пятая колонна», состоящая из людей и групп, поражающих своей энергией, фанатизмом и озлобленностью. Даже в интеллектуальном отношении большинство ее приверженцев, если не каждый из них, выше рядового «буржуазного населения». Это беспрецедентное распространение за все эти годы переживало свои взлеты и падения, но в общем оно все еще продолжается.

Четвертый успех революции состоит в том, что она *даже своих непримиримых врагов изменила по своему образу и подобию*. Борясь с революцией, ее враги восприняли многие ее черты, против которых они и боролись. Яростно воюя с революционным тоталитаризмом, деспотизмом и ограничением неотъемлемых прав и свобод индивида, правительственным контролем над хозяйственной жизнью, с национализацией и коммунизацией экономики, разгулом шпионажа и т.д., эти антисоветские и антикоммунистические правительства и организации внедрили в свои страны, хотя и под другими именами и под другим соусом, большинство пороков и ужасов революции. К счастью, в этих странах и организациях революционные болезни не развились пока до такой степени, как в Советской России. Тем не менее эти антикоммунистические организации уже заражены, и инфекция, по-видимому, быстро распространяется. Процедуры и методы работы таких организаций, как Комитет по антиамериканской деятельности[1*] и тайная политическая полиция, начинают до боли напоминать методы ГПУ и НКВД. Растущие ограничения прав и свобод коммунистов и их «попутчиков», всех «подрывных элементов» и всех, кто не согласен с политикой властей – все это чистая копия того, как коммунисты не признают прав и свобод своих оппонентов. Когда Буденц, Чамберс, Бентли и прочие дают чистосердечные признания в измене[2*] – это точная копия чистосердечных признаний в шпионаже на коммунистических процессах и во времена чисток. Коммунистическая революция, безусловно, может гордиться таким преображением даже своих непримиримых врагов. Это ли не триумф!

Но величайший успех, достигнутый революцией, это ее двойная роль – могильщика и могильного червя – распадающегося чувственного (капиталистического, материалистического, светского, приобретательского) социокультурного строя Запада. Эта чувственная форма западной культуры и общества пришла на место средневековой (идеациональной и идеалистической) формы и доминировала в течение последних пяти веков. Достигнув громадных успехов в период своего доминирования, чувственный строй начал обнаруживать явные признаки разложения и снижения творческой активности. (Подробнее об этом см. в моих

работах: «Социальная и культурная динамика» [4 тома] и «Кризис нашего времени».) Первая мировая война была первым катастрофическим ударом этой дезинтеграции. Русская революция, родное дитя этой войны, нанесла второй удар. После этих двух шокирующих ударов один за другим последовали дальнейшие, еще более катастрофические: антикоммунистические революции фашизма и нацизма; растущая дезорганизация капиталистической экономики; деморализация правительств; интеллектуальная, моральная и социальная анархия; и, наконец, катастрофический тромбоз Второй мировой войны с последовавшими за ней революциями по всему миру и подготовка самоубийственной Третьей мировой войны. В этих ударах чувственной культуре Запада русская революция сыграла решающую роль. Будучи уродливым порождением нашего распадающегося чувственного строя, революция начала вырабатывать и распространять вирус чувственной дезорганизации в самой опасной его форме. В этом своем качестве она стала главным могильщиком и самым прожорливым червем, гложущим социокультурное чувственное тело Запада и в конце концов – самой революции. Она успешно пожирает умирающий чувственный строй и, таким образом, пожирает саму себя.

Таким образом, революция очищает почву от обломков умирающего социокультурного порядка и мостит дорогу для нового – идеалистического, или интегрального, – строя.

Во всех этих отношениях революция действительно является гигантским успехом, и этот успех, вероятно, будет нарастать до тех пор, пока умирающий чувственный строй не будет кремирован, а новый созидательный строй – создан.

Революция как чудовищный провал

Успех революции в деле разрушения полностью уравновешивается ее чудовищным провалом в качестве конструктивной и созидательной силы.

Творческий крах революции проявляется, прежде всего, на высших уровнях творчества практически во всех сферах культуры: *на этих высших уровнях она не породила ни одного первоклассного или хотя бы второразрядного гения.* Больше того: вряд ли она создала гения, который мог бы соперничать не только с гениями России былых времен, но даже с ведущими специалистами, родившимися и обученными при старом режиме, но еще живущими и работающими в Советской России. Практически все, чьи имена – как имена великих творцов – пишут на парадных советских плакатах, это люди, которые получили образование и большую часть своей творческой жизни прожили при старом режиме. Нынешние ведущие советские творцы в сфере *музыкального искусства* – Прокофьев, Мясковский, Глиэр, Ипполитов-Иванов, Шостакович, Хачатурян,

Хренников, Кабалевский – все они родились, обучались и начали свою творческую деятельность при старом режиме. Тридцатилетняя русская революция не произвела ни одного имени, которое можно было бы, даже с помощью советской пропаганды, поставить в этот ряд. В музыкальном отношении революция на этом высшем уровне оказалась бесплодной. Своей регламентацией свободной творческой деятельности она подавила и задушила многих музыкальных гениев. Другие, подобно Рахманинову, Глазунову и Гречанинову, вынуждены были уехать из России. То же самое произошло и с такими виртуозами исполнительского искусства, как Шаляпин, Кусевицкий, Хейфец, Горовиц, Пятигорский, Эльман, Боровский и Браиловский. Ни одного нового артиста, сравнимого с ними по статусу, не появилось. Как бы то ни было, революция пресекала тот замечательный взлет музыкального искусства, какой переживала Россия в конце XIX и в начале XX веков, в эпоху Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Лядова, Балакирева, Рубинштейна, Глазунова, Стравинского, Прокофьева и других.

Сказанное относительно музыкального творчества справедливо и по отношению к другим видам искусства. В *поэзии и литературе* революция не создала ни одного имени хотя бы приблизительно сравнимого по величине. Ее официальные поэты – Маяковский, Есенин и др. – лучшие свои произведения создали до революции. Почти все лауреаты Сталинской премии по литературе, особенно те, чьи романы и пьесы не просто пропагандистские произведения, а нечто большее – Шолохов, А. Толстой и даже Илья Эренбург и Симонов – родились и начали свою творческую деятельность еще до революции. Даже виднейшие советские журналисты и публицисты, такие как Эренбург, Д. Заславский и Е. Тарле, свои главные произведения создали до революции. В 1919–1920 годы все они были или посажены советским правительством в тюрьмы и концентрационные лагеря, или бежали за границу. Короче говоря, практически все видные советские писатели и поэты родились, учились и создавали свои произведения до революции. Она оказалась не способной создать своих собственных великих писателей.

Напротив, революция убила, бросила за решетку или выслала целый ряд выдающихся поэтов и писателей, таких как Н. Гумилев, Е. Замятин, Б. Пильняк, Б. Зайцев, Шмелев, И. Бунин (лауреат Нобелевской премии), Бальмонт, И. Северянин и др. Еще большее их число правительство вынудило замолчать и физически лишило возможности заниматься творчеством (Ахматова, Пастернак и др.). Так же как и в музыке, конец XIX и начало XX века был периодом замечательного ренессанса в литературе – эпохой А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева, которую блистательно продолжали до большевистской революции их современники и более молодое поколение литераторов. Революция задушила этот ренессанс и открыла эпоху бесплодия в этой области.

То же самое относится к *драматургии, театру и опере*. Здесь стандарты дореволюционной *оперы и балета* в Мариинском и Большом театрах, *драмы и*

комедии в Московском художественном театре, театре Комиссаржевской и др. в какой-то мере сохранились, но, конечно, остались непревзойденными. Среди взлелеянных революцией пьес и опер нет ни одного значительного произведения. В области *кино* было создано несколько великих фильмов, но они не лучше той замечательной кинопродукции, что имеется в других странах, да и опять-таки они были созданы в основном людьми, воспитанными при старом режиме, а правительство часто только мешало творческой работе некоторых из них, например Эйзенштейна.

Еще меньше революция может похвастаться своими достижениями в области *живописи, скульптуры и архитектуры*. Кроме сотен и тысяч бездарных картин и скульптур, изображающих Ленина, Сталина, Маркса и других «революционных калифов на час» (не сохранилось ведь ни одного из многих тысяч аналогичных изображений Троцкого, Зиновьева, Муссолини, Гитлера и им подобных), и тысяч картин и скульптур, сделанных по заказу правительства и запечатлевших то или иное одобренное сверху событие, – кроме такого рода живописи и скульптуры революция не создала почти ничего. Если что-то более качественное и было создано, то художник воспитывался при старом режиме. Но даже это лучшее намного уступает образцам, созданным дореволюционными художниками, такими как Репин, Левитан, Рерих, Врубель, Кустодиев, Петров-Водкин, Серов и Малявин. И здесь революция остановила тот замечательный творческий élan[3*] русского изобразительного искусства, который был характерен для конца XIX и начала XX века.

Тот факт, что ничего хоть сколько-нибудь выдающегося не было достигнуто в архитектуре, вполне подтверждается недовольством самого советского правительства и его постоянными обвинениями в адрес советских архитекторов, что они просто имитируют «буржуазные» стили или «стиль дореволюционной России». Подобные «признания» со стороны некоторых советских руководителей в бесплодии и буржуазной подражательности в области изящных искусств полностью доказывают творческий провал революции и в этой сфере.

Еще более плачевным было влияние революции в сфере *религии, философии, гуманитарных и социальных наук, этики и права*.

В сфере *религиозного творчества* революция на раннем своем этапе отметилась только яростными нападками и гонениями на религию, а на позднем этапе – попыткой использовать ее в политических целях. Обе политики стары и не раз практиковались многими недалекими правителями. Если же называть коммунизм «религией», то революция не сумела даже создать оригинальной коммунистической теологии, философии или культа. Революционные парады и ритуалы, демонстрации и массовые митинги – всего лишь разновидности старых политических шествий и демонстраций, военных ритуалов и старого революционного культа. Революция просто имитирует их вместо того, чтобы создать нечто новое.

В течение этих тридцати лет в религиозной жизни России продолжались творческие и довольно серьезные процессы. Но они происходили в подполье и вопреки революции и воле революционного правительства.

Таким же бесплодием отмечена и *советская философия*. За тридцать лет революция не смогла создать даже оригинальной или творческой версии диалектического материализма, т.е. марксистской философии. То, что было сделано в трудах Ленина, Бухарина, Деборина, Сталина, не говоря уже о «малых пророках» коммунизма, – это упрощенная и вульгаризированная версия ранних, более содержательных формулировок диалектического материализма, т.е. материалистической философии вообще. Все другие философские направления преследовались советскими властями. Революция ничего не могла сделать, да и ничего не сделала, кроме как удушения творческих усилий идеалистических и прочих философских учений, отклоняющихся от официально проштампованной советской философии.

А ведь Россия в конце XIX – начале XX века и в области философского творчества достигла замечательных результатов. В. Соловьев, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Федоров, С. Трубецкой, П. Новгородцев, И.И. Лапшин[4*], Н. Лосский, А. Введенский, М. Каринский[5*], Н. Бердяев, С. Франк, С. Булгаков и многие другие подняли русскую философию на вполне зрелый уровень. Революция и ее сатрапы пресекли и это движение. Вместо философии мы сейчас имеем занудное и догматическое талдычение примитивного шибболета[6*] марксистско-ленинско-сталинской «материалистической теологии».

Поскольку все социальные науки и все правовые и этические учения, за исключением «теологии» Маркса–Ленина–Сталина, преследовались и запрещались, революция, естественно, ничего не могла создать в этих областях. Вместо блистательного дореволюционного развития правоведения и этики, возглавляемого Л. Петражицким, который был, возможно, самым великим ученым XX века в области права, и целой плеядой выдающихся ученых, специалистов по общей теории права, философии права, уголовному, гражданскому, международному и конституционному праву, вместо передовых, либеральных и научно обоснованных проектов новых правовых кодексов, разработанных этими выдающимися учеными, – революция некоторых из них казнила (Лазаревского, Кокошкина и др.), многих выслала или лишила свободы, других отправила в ссылку или вынудила покончить с собой (например, Петражицкого[7*]) и заменила их такими «учеными», как Стучка и Вышинский, которые вряд ли даже и нюхали-то настоящую науку права. Вместо высокоморальных, социальных и научных кодексов права революция дала народу правовой кодекс мясника – более зверский и варварский, чем любой подлинный варварский кодекс. Ответственные судьи и правосудие были заменены судьями и «правосудием», главной задачей которых было уничтожение всех тех, кто по той или иной причине был неугоден

правительству. И они уничтожали людей пачками. Если с 1880 по 1904 год среднее количество смертных казней в России колебалось от 9 до 18 (смертная казнь в России была отменена в середине XVIII века за все виды преступлений, кроме одного – покушения на жизнь царя и членов его семьи), то в период с 1918 по 1922 год революция казнила, по крайней мере, 150000 человек в год. И это, не считая жертв гражданской войны. Такова была «созидательная деятельность» советского закона и правосудия в первый период революции!

Позднее была принята вполне приличная на вид конституция 1936 года, в которой число преступлений, караемых смертной казнью снизилось по сравнению с советским уголовным кодексом 1926 года. В 1947 году смертная казнь была вообще отменена.

Но конституция 1936 года никогда даже частично не исполнялась на практике, и отмена высшей меры наказания означала просто замену мгновенной смерти от пули медленной и мучительной смертью от непосильного труда в концентрационных лагерях и тюрьмах, где из несчастных жертв, содержащихся в нечеловеческих условиях, предусматриваемых «исправительными мерами», правительство выжимало до капли всю их энергию и труд («во благо человечества и народной демократии») и медленно, но верно убивало их. Большего цинизма, большего лицемерия и большей жестокости в обличии «закона и истинной морали» мир еще не видывал. Только гитлеровские концлагеря были еще омерзительней!

Таким было «созидательное творчество» революции в этой конкретной сфере. Революционные сатрапы, по-видимому, непоколебимо верили в то, что чем больше трупов будет заложено в фундамент коммунистического рая, чем больше крови прольется как удобрение, чем больше будет горя и слез, тем быстрее будет достигнут коммунистический рай, тем великолепнее он будет. Как далеко это от возгласа Достоевского, вложенного им в уста Ивана Карамазова: «Если за вход в Царство Божье необходимо пролиться слезинке невинного ребенка, то я почтительно возвращаю Тебе билет»[8*].

Немного надо сказать и об остальных социальных и гуманитарных дисциплинах. Опять-таки и здесь – в философии истории, социологии, политологии, экономике, антропологии, истории и психологии – дореволюционная Россия на рубеже века испытывала заметный творческий подъем. Н. Данилевский (предвосхитивший основные идеи Шпенглера и Тойнби), Н. Михайловский, П. Кропоткин, П. Лавров, К. Леонтьев и за ними целый ряд первоклассных ученых – с мировой известностью, как и все представители той эпохи, – не только подняли социальные и гуманитарные науки в России на уровень зрелости, но и обогатили их плодами весь мир. Революция пресекла это развитие. Практически все эти дисциплины были отменены в университетах и институтах. Исследования и работа в этих областях были прямо или косвенно запрещены.

Многих ученых расстреляли, выслали, посадили в тюрьмы или подвергли убийственным «исправительным мерам» наказания. Результат тоже оказался смертельным. Как уже упоминалось, даже в области поощряемых сверху «марксистско-ленинско-сталинской» экономики, социологии, антропологии, психологии, политологии и истории безраздельно господствовали заунывное бюрократическое бесплодие.

Позднее советское правительство пошло на крохотные либеральные уступки, поскольку хотело создать хоть что-то значительное в надежде продемонстрировать это всему миру как «великое достижение советской социальной и гуманитарной науки». Увы! Никакого чуда не получилось у этих потенциальных творцов, посаженных на цепь! В психологии революция козыряла моим знаменитым другом Иваном Павловым, великим ученым, который ненавидел революцию и не скрывал своей ненависти. Когда в последние годы советское правительство вознамерилось продемонстрировать светил советской истории и политической науки, оно вытащило из нафталина моего бывшего коллегу по Санкт-Петербургскому университету профессора Е. Тарле, написавшего все свои основные работы до революции, которую он ненавидел, которого в 1919–1920 годах арестовали и сослали в советский Туркестан и который лишь в последнее десятилетие снова снискал благосклонность советских властей. Это означает, что во всех этих сферах революция не смогла создать ни одно собственное светило науки и теперь заставляет играть эту роль тех, кого породил еще дореволюционный режим. И некоторые из этих советских «учёных», разыгрывающие роль светил, при старом режиме нередко считались не первоклассными, а третьеразрядными учёными. Профессор Державин тому пример. До революции он был всего лишь жалким «приват-доцентом» филологии. Сейчас советское правительство превозносит его как великого советского лингвиста, филолога и магистра всех прочих видов магии.

Не стоит поэтому удивляться, что большинство достижений советских социальных и гуманитарных наук, превозносимых советским правительством как высшие достижения советских ученых, такие как коллективные труды «Истории дипломатии» и «Советская энциклопедия», на самом деле представляют собой заурядные творения – посредственные, далеко не полные, игнорирующие многие новейшие открытия за рубежами Советской России, совсем неоригинальные, лишенные малейшей творческой искры.

Немного лучшей представляется ситуация в сфере *естественных наук и технологий*. Советское правительство остро нуждалось в них и поэтому в какой-то степени поощряло их, особенно в их прикладных аспектах. Но пока даже в этих областях не появилось ни одного гения, выращенного советской властью, ни особенно важных открытий или изобретений. Когда советское правительство хочет продемонстрировать своих величайших научных светил, оно в очередной

раз бывает вынуждено обращаться к моим бывшим коллегам по Санкт-Петербургскому или Московскому университетам или, во всяком случае, к выдающимся дореволюционным физикам, химикам, математикам, биологам, инженерам и изобретателям. Даже прославленный – или, лучше сказать, бесславный – доктор Трофим Лысенко стал профессором биологии до революции. Подавляющее большинство членов советской Академии наук в области математики, физики, химии, биологии и техники все еще составляют ученые дореволюционного закала. В других случаях, будучи не в состоянии вырастить ученых у себя дома, советское правительство похищало или возвращало эмигрантских ученых, таких как доктор Капица из Англии, или покупало услуги иностранных ученых.

Эти факты неопровержимо доказывают, что революция явно провалилась даже в этой жизненно важной сфере. Убив, посадив или запугав творческих людей, работающих или могущих работать в этих сферах, революционные сатрапы сильно ослабили творческий élan даже в этой «материалистической» области. Несмотря на огромный рост числа научно-исследовательских институтов и научных кадров, поощряемый советским правительством, современная советская наука и техника вряд ли может похвастаться такой замечательной плеядой ученых и изобретателей, какая была в России до революции: Фаворский, Коновалов, Чернов, Докучаев, А.С. Попов, Чебышев, Ляпунов, Ферсман, Прянишников, Самойлов[9*], Лебедев, Вернадский, Марков, Павлов и т.д. Другие ученые и изобретатели, такие как химик В. Ипатьев, авиаконструктор И. Сикорский и специалист в области телевидения В. Зворыкин, если упомянуть лишь некоторых из них, либо убежали из страны, либо (к счастью для них) были высланы и таким образом получили возможность продолжить свою работу.

В течение тридцати лет революции ее сатрапы, эксплуатирующие интеллектуальные и материальные ресурсы российской нации, так и не смогли сравниться с буржуазной наукой и технологией. Несмотря на значительные достижения в области внутриатомных исследований, советская наука отстала в изобретении атомной бомбы. Советская наука не сделала таких важных открытий, как теория относительности, лекарственные сульфаниламидные препараты, пенициллин, новые витамины и т.д. Фактически большая часть их технических новинок, от автомобилей до аэропланов и атомной бомбы, суть не что иное, как запоздалые и подражательные вариации западных образцов.

Подведем итоги. Революция едва ли может похвастаться своими творческими достижениями в перечисленных выше областях; на этих высших уровнях творческой деятельности она потерпела фиаско.

К несчастью, колоссальный провал имел место не только на высших уровнях, но и *на гораздо более низких, более прозаических и жизненно важных уровнях созидания, улучшение которых является raison d'être*[10*]*, святая святых и единственным оправданием самой революции*.

Она обещала и ставила своей целью создать *новую коммунистическую или социалистическую форму общества, несравненно лучшую, чем капиталистическая или любая другая форма социальной организации, известная истории*. Экономически, политически, социально, интеллектуально, морально и даже биологически это обещанное революцией коммунистическое или социалистическое общество должно было стать чем-то вроде рая на земле. Каждый служил бы ему в меру своих способностей и получал бы соответственно своим потребностям. Бедность, неравенство, эксплуатация и несправедливость были бы ликвидированы. Высокий материальный уровень жизни, свобода каждого для полного развития своей личности, свобода от всех форм эксплуатации и несправедливости, свобода от тиранического правительства, правительство как мудрый и подлинный слуга народа, свободно избираемый и отзываемый; отмена смертной казни и других «варварских» форм наказания; расцвет творчества во всех его формах; всеобщее счастье и прогресс – вот некоторые из обещанных революцией чудес этого нового общества.

Спустя тридцать лет мы находим вместо этого очень старую и очень знакомую разновидность тоталитаризма или полицейского государства, не имеющую ничего общего с обещанным революцией утопическим обществом. После тридцати лет строительства, оплаченного миллионами человеческих жизней, принесенных ему в жертву, невыносимыми страданиями еще большего числа людей, революция построила всего лишь разновидность «коммунистически-тоталитарного» типа общества, бытовавшего в Древнем Египте, особенно в Птолемеевский период; в древнем Китае, в начале нашей эры и в XI веке; в древней Спарте, Липаре, Западной Римской империи после 301 года н.э., в Византии, в древней Мексике и Перу; и затем отчасти представляемого полицейскими государствами (Polizei Staaten[11*]) XVI, XVII и XVIII веков, – если упоминать лишь некоторых предшественников советского типа общества. Во всех этих случаях большая часть орудий и средств производства была национализирована; почти вся хозяйственная деятельность была в руках у правительства, а государство жесточайшим образом контролировало почти каждый поступок, все взаимоотношения и частную жизнь своих подданных. Правители считали себя элитой (милостью Божьей или благодаря собственным усилиям), которая лучше знает, что есть благо для народа, не советуясь с ним и не будучи им избираемой.

Короче говоря, реальное общество, созданное революцией, оказалось разновидностью того типа, который, по заявлениям самого коммунистического правительства, был очень древним, чрезвычайно деспотичным, очень угнетающим, крайне несправедливым и очень плохим – как характеризовали коммунистические правители все эти прошлые тоталитарные общества. Некоторые наивные коммунистические идеологи, возможно, верят, что, поскольку они сами стали все контролирующим и все решающим правительством, их тоталитарная разно-

видность радикально отличается от прошлых разновидностей. Такая наивность, однако, едва ли разделялась большинством вождей революции и еще меньше может быть принята историей, народом и человечеством в целом.

Потерпев трагическую неудачу в этом основном пункте, революция оказалась несостоятельной в том, что касается всех существенных характеристик общества обещанного сравнительно с характеристиками общества реально построенного.

A. Революция обещала многократно поднять материальный уровень жизни людей. *Спустя тридцать лет уровень их жизни все еще ниже дореволюционного.* Значительная часть Европейской России до сих пор лежит в руинах. Ссылки на Вторую мировую войну не оправдывают эту неудачу: без русской революции нацизм и фашизм вряд ли были бы возможны, а без них вряд ли бы была и Вторая мировая война. О достижениях и неудачах любого правительства надо судить на основании действительных условий и фактов, а не таких идеальных условий, как: «*если бы* у нас не было оппозиции, *если бы* у нас не было внешних врагов, *если бы* люди были благоразумны и с энтузиазмом выполняли любое наше решение, *если бы* X, Y и Z были идеальны». При таких условиях любой режим и любое слабоумное правительство были бы успешны.

Неспособность советского режима поднять уровень жизни русского народа по крайней мере до уровня большинства буржуазных стран или хотя бы немного выше дореволюционного уровня в России – это настоящий провал, непростительный и бесспорный, особенно если учесть все жертвы и страдания людей, причиненные этим экспериментом, и все зверства, насилия и массовые убийства, совершенные советским правительством ради того, чтобы повысить этот уровень.

Не следовало бы советскому правительству или его апологетам говорить и о грандиозной индустриализации и урбанизации страны, о колоссальном росте производства. Фактические данные показывают, что до революции темпы промышленного и экономического роста России в период с 1890 по 1914 год были столь же велики, как темпы в период любой пятилеток при советском режиме. Если бы не было революции и социализации, экономический и индустриальный статус России, безусловно, был бы выше, чем нынешний. В этом случае рост был бы достигнут мирно, бескровно, без миллионов человеческих жертв, невыносимых страданий, невероятной жестокости и зверств.

B. Революция обещала *ликвидировать политическое самодержавие, деспотическое правительство, смертную казнь и другие виды физических наказаний; она гарантировала максимум свобод для населения*.

Вместо этого она создала такое деспотическое правительство, какого не знала история на всем ее протяжении – и уж, конечно, несравнимо более тираническое, чем неспособное, бессильное, слабое и очень гуманное конституционное

правительство старого режима. Советские диктаторы и Политбюро не ограничены никаким законом; они выше любого закона; их капризы – это и есть закон. Они контролируют всех своих подданных от колыбели до могилы, особенно все их значимые действия и связи: экономические, политические, профессиональные, религиозные, их образование, отдых, состояние здоровья и биологические отправления. Они вездесущи, всесильны, всезнающи (благодаря армии соглядатаев) и по отношению к своим подданным играют роль беспощадного Бога. Вряд ли там есть хоть какая-нибудь свобода вообще. Их «свобода слова и печати» есть не что иное, как возможность слушать, говорить, писать и читать то, что предписывает правительство, поскольку там есть только правительственные газеты и журналы, радио и телевидение, книги и издательства. Без правительственного одобрения нельзя напечатать даже свою визитную карточку; даже нельзя достать бумагу, чтобы писать на ней. Если кто-нибудь по глупости скажет что-то осуждающее по адресу революционных сатрапов, то он окажется в тюрьме или концентрационном лагере для «лиц, склонных к совершению противоправных действий, к которым необходимо применять суровые воспитательные и исправительные меры наказания». А эти меры носят всеобъемлющий характер: от смертной казни до более или менее легких видов физического труда.

Субъекты не имеют свободы выбора ни в том, в каком регионе России они хотели бы жить, ни в каком городе или районе города, ни в какой комнате или углу комнаты – все это зависит от сатрапов.

Не много у «граждан» и свободы при выборе места работы: их на нее прямо или косвенно назначают. «Граждане», как правило, должны есть, пить и носить то, что предписано правительством. Хотя и не напрямую, но в ряде случаев правительство решает, стоит ли человеку жениться, на ком и когда.

Обобщая все вышеизложенное, можно сказать, что *правительство революционных сатрапов наслаждается полной свободой от любых ограничений, налагаемых на него народом; а у народа мало, а то и вовсе нет свободы от правительства.*

С. «Исправительно-воспитательная работа» революционных сатрапов дает другой критерий свободы русского народа. *В течение тридцати лет революции ее правительство казнило по крайней мере от одного до полутора миллионов своих граждан непосредственно; уничтожило гораздо больше миллионов косвенно; еще несколько миллионов арестовало, заключило в тюрьму, выслало; принудительно переселило из одного региона в другой. В общем, не только в абсолютных числах, но и в процентном отношении ко всему населению страны едва ли за всю историю России был тридцатилетний период, который мог бы соперничать в этом отношении с тридцатью годами революции*. Как уже упоминалось, до революции, в период с 1880 по 1904 год, средняя численность ежегодных казней колебалась от 9 до 18. Сравните это количество с самым осторожным, но

апокалиптическим числом 30000 казней в год в течение 1918–1950 годов. Учтите при этом, что до революции все население тюрем, каторжных лагерей и прочих мест заключения и ссылок составляло малую долю одного процента всего населения. А в течение этих революционных лет оно колебалось приблизительно между десятью и пятнадцатью процентами. В начальный период революции, в 1918–1922 годах, примерно каждый пятый из взрослых по крайней мере один раз подвергался аресту и тюремному заключению.

Весь советский рай в действительности представляет собой одну гигантскую тюрьму, в которой коммунистический «вертухай» самодержавно правит примерно 200 миллионами зеков. Как и в любой тюрьме, все главные ресурсы этого обширного домзака обобществлены и национализированы; зеков держат в строгой дисциплине; от них беспощадно требуется тяжкий труд; зарплата у них ничтожная; а нарушение любого распоряжения вертухая жестоко карается. За малейшую провокацию зеков казнят. Вот картина «свободы», которую правительство построило за тридцать лет работы. Трудно представить себе более страшное банкротство!

D. Точно так же *революция не отменила и эксплуатацию.* Она только заменила ограниченную эксплуатацию наемных работников частным работодателем (бедного – богатым) неограниченной эксплуатацией народа правительством и его подручными. Если до революции гражданин мог обратиться в суд за компенсацией в случае незаконной его эксплуатации, то теперь не к кому (кроме как к Богу) обратиться с жалобой на эксплуатацию со стороны правительства.

E. Революция *не ликвидировала социальное неравенство и социальные слои и классы*. С точки зрения *величины дохода, благосостояния и материального уровня жизни* население России сегодня представляет собой высокую экономическую пирамиду с широким слоем бедняков и со множеством более узких слоев обеспеченных категорий разного уровня благосостояния вплоть до миллионеров на ее вершине, состоящих главным образом из самых высокопоставленных коммунистических должностных лиц и «специалистов» (попутчиков). С точки зрения *объема прав и привилегий* население России ранжируется от «коммунистических Богов» (Политбюро и другие высшие разряды), обладающих неограниченным правом распоряжаться жизнью и смертью остальной части населения и его собственностью, до советских «отверженных», сидящих в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях, и отверженных, которые хотя и не сидят в тюрьмах, но в любой момент могут быть арестованы и лишены всех прав и даже самой жизни.

В дореволюционной России насчитывалось приблизительно 3–4 миллиона царской «знати». Современная Россия имеет от 5 до 6 миллионов коммунистической «знати». И эта новая знать гораздо более привилегированная, чем старое царское дворянство. Действительно, она уже стала в значительной степени

наследственной, с несколькими образовательными и другими привилегированными институтами, открытыми только для ее потомков. В сотнях других форм социальное неравенство, классово-стратифицированное полукастовое общество процветает в России в течение этих тридцати лет «революционного выравнивания». Слова «Beati possidentes!»[12*] снова стали там суровой реальностью.

Подведем итоги. *Какую бы сферу созидания мы ни взяли, от высшей к самой низкой, созидательная деятельность революции оказывается равной нулю или очень малой величиной или даже отрицательной. Как созидательная сила революция и ее сатрапы – полные банкроты*.

Распространение просветительских учреждений и культурных ценностей как главная конструктивная работа революции

Хотя это и не относится к подлинно созидательной работе, но успех в деле распространения *грамотности, школ, науки, технологии, медицинского обслуживания, научно-исследовательских институтов, некоторых здоровых видов отдыха и подобных культурных ценностей и учреждений составляет главное достижение конструктивной работы революции*. В этом деле революция весьма преуспела, поскольку распространяла настоящие ценности. Однако даже в этой полезной работе огромный успех революции, о котором так любят распространяться советские официальные органы, гораздо менее значителен, чем кажется, если сравнить его с тем, что было сделано в этом отношении и мирным путем в дореволюционной России.

Что касается *грамотности и школ*, то по закону, принятому Думой и одобренному царем, всеобщая грамотность должна была быть достигнута к 1919 году. И большая часть этого проекта была фактически осуществлена к 1916 году. Таким образом, без всякой революции распространение всеобщей грамотности было бы достигнуто раньше и в более полном объеме, чем с помощью революции.

То же самое касается и *высшего образования, исследовательских институтов и учреждений соцзащиты*. Все они начали развиваться и стремительно распространялись в дореволюционной России.

Если же говорить о *государственной медицине и бесплатном медицинском обслуживании*, так превозносимыми апологетами революции, то отрезвляющий факт состоит в том, что бесплатное медицинское обслуживание было введено в России задолго до революции; что государственная медицина была главной формой медицинского обслуживания в царской России; что работала она очень

успешно; что в качественном отношении она стояла на очень высоком уровне, а в количественном отношении быстро распространялась перед революцией. Другими словами, бесплатное медицинское обслуживание и государственная медицина – не изобретения революции, они существовали задолго до нее. Если бы революции не было, фактическое распространение государственной медицины было бы по крайней мере столь же широким, как и после революции, а в качественном отношении она, вероятно, была бы лучше.

То же самое следует сказать и о *распространении «рационализаторства», «изобретательства»*[13*]*, механизации и индустриализации*. Как уже упоминалось выше, темпы индустриализации и экономического развития до революции были по крайней мере столь же высоки как и в периоды самых успешных пятилеток. Что до «изобретательства», то количество технических изобретений, сделанных русскими, стремительно росло по мере перехода от XVIII столетия к XIX и далее к XX веку. Само советское правительство невольно признает это, заявляя претензию на большое количество самых важных изобретений (радио, электричество, телефон, паровой двигатель, управляемая ракета, подводная лодка, танк и многое другое), впервые сделанных русскими (до революции). Весьма вероятно, что если бы эта тенденция технических изобретений продолжилась мирно, без революции, русских изобретений сейчас было бы больше, чем было сделано их за время, прошедшее после революции.

Другой минус успешного распространения культурных ценностей и учреждений, осуществленного революцией, составляет *распространение – наряду с распространением действительно истинных ценностей – многих сомнительных ценностей и приумножение сомнительных учреждений*. Распространение исключительно материалистической философии; этики ненависти и насилия; ненависти ко всему «буржуазному» или отклоняющемуся от одобренных советских образцов; распространение многих теорий и идеологий, которые являются фантасмагорическими с научной точки зрения, эстетически уродливыми и деморализующими; распространение нелепых культов Маркса, Ленина и Сталина, с безумным их прославлением (особенно Сталина как «гениальнейшего», «величайшего вождя человечества», «сверхмудрого и никогда не ошибающегося», «несокрушимого победителя всех врагов человечества»), напоминающим те заклинания, с которыми дикие племена обращаются к своим богам, царькам и предводителям, – к сожалению, революция распространила намного больше этой дребедени, чем подлинных ценностей истины, красоты и добра.

Наконец, эта *работа по распространению ценностей была сильно искажена благодаря прямым запретам, препятствиям и замалчиваниям многих реальных ценностей, от эстетических до религиозных, которые чинили ей революционные сатрапы*. Эти факты сильно снижают масштабы этой конструктивной работы революции, делая ее менее существенной в количественном и качествен-

ном отношениях. Тем не менее значительная полезная работа этого типа была революцией проделана и должна быть отмечена.

Проведенный анализ показывает, что революция была наиболее успешна в качестве чисто разрушительной силы, которая устраняет отмирающие социальные и культурные ценности (которые умерли бы и без всякой революции). Она была довольно успешной в деле распространения подлинных ценностей и псевдоценностей. И потерпела позорный провал как сила созидательная.

Причины, в силу которых революция преуспела в качестве разрушительной силы и потерпела провал как сила созидательная

Поскольку чувственный строй и социальные институты западной, а в связи с ней и восточной культуры находятся в процессе распада и поскольку сама революция и обе мировые войны являются наиболее существенными проявлениями этого распада, очевидный успех революции в деле разрушения полностью обусловлен этой болезнью распадающейся чувственной культуры с ее институтами и типом личности. Будучи продуктом этой болезни, революция, в свою очередь, с самого начала превратилась в один из главных ее очагов в западном и восточном мирах. Она помогла разрушению того, что уже разрушалось и со временем само бы умерло, если бы не произошла русская революция. В таком случае были бы другие очаги инфекции, другие «перевороты», «революции» и периоды «анархии», которые выполнили бы задачу русской революции. Фактически множество их, начиная с революций, осуществленных фашистами и нацистами, и заканчивая китайской революцией, индонезийской и прочими, делали то же самое.

Это общее состояние распада объясняет непрерывные потрясения, социальные волнения и взрывы по всей планете – в Европе, Азии, Африке и по всему Американскому континенту. Это объясняет и то, почему провалились и проваливаются попытки остановить эти потрясения. Это происходит не потому, что лидеры антикоммунистических и антиреволюционных движений глупее или менее опытны, чем Ленин, Сталин и коммунистические и революционные лидеры в Китае и Индокитае, а потому что антикоммунистические и антиреволюционные лидеры хотят сделать невозможное – воскресить труп. В таких ситуациях могильщики и черви всегда более успешны, какими бы посредственными или даже глупыми они ни были.

Лишь испуганное воображение лилипутских политиков видит во всех этих потрясениях злые козни дьявольского гения Сталина и Политбюро. Они невольно возвеличивают, прославляют и обожествляют могущество и гениальность

революционных лидеров, превращая их в сверхчеловеков. Таким образом, эти людишки немало способствуют успеху революции. Несколько десятилетий тому назад, делая из Ленина сверхчеловека, они уверяли нас, что никто не сможет заменить его в качестве вождя революции и что после его смерти революция или пойдет на спад, или даже радикально изменит свой курс. Ленин умер – и ничего не произошло. Революция продолжила свой курс, а руководство ею перешло к Сталину, которого в то время почти и не упоминали как возможного «босса» революции. Аналогичные заверения со стороны ничтожных представителей разных комиссий, аналогичных Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности[14*], и записных политиков о незаменимости Сталина, скорее всего, окажутся такой же уткой, как их заверения о сверхчеловеческих способностях Ленина. То же самое относится и к их заверениям, политическим маневрам и ожиданиям по отношению к остальным «лидерам» в Китае и Греции, в Индокитае и Индии, на Ближнем Востоке и в странах Ост-Индии[15*].

Ничего не зная о фундаментальном процессе распада чувственной культуры или рассматривая подобные теории как чисто академические байки оторванных от жизни мечтателей, сидящих в «башне из слоновой кости», эти мелкотравчатые антиреволюционные и антикоммунистические лидеры не способны бороться с реальной болезнью. Вместо этого они борются с красной сыпью, покрывшей социальное тело. Неудивительно, что их усилия оставались бесплодными, а сыпь и высокая температура чрезвычайно увеличились в течение этих тридцати лет!

Подведем итоги. Революция – не изолированное самопроизвольное событие в человеческой истории, а одно из четырех главных проявлений (наряду с нацистско-фашистскими революциями и двумя мировыми войнами) эпохального распада нашей чувственной западной культуры, доминировавшей в течение последних пяти столетий[1]. Поскольку этот строй распадается, разрушительная работа революции (после того, как она произошла) легка; как и разрушительная работа двух мировых войн, это фактически не что иное, как концентрированная форма этого общего разрушительного процесса. В этом кроется главная причина успеха революции в деле разрушения.

Причины провала революции в сфере созидания также лежат на поверхности. *Поскольку революция – одно из главных проявлений смерти чувственного строя, такая агония по самой своей природе не может быть созидательной*. Эта та же причина, по какой обе мировые войны были бесконечно более разрушительны, чем созидательны. Если революция и мировые войны и проявили какую-то созидательную активность, то это капля в море по сравнению с деструктивной деятельностью этих трех мушкетеров распада. Но даже и эта «творческая

[1] Об этом распаде см. мои труды: Social and Cultural Dynamics, 4 vol. (New York, 1937), The Crisis of our Age (New York, 1941), Society, Culture and Personality (New York, 1947) и Reconstruction of Humanity (Baston, 1948).

капля» была в значительной степени ядовитой, подобно атомной бомбе и другим орудиям уничтожения.

В более конкретной форме эта общая причина указана в последнем параграфе «Листков». Революция и две войны предполагают ненависть и насилие вместо любви и свободы; нравственный цинизм вместо всеобщего и вечного «не убий»; уничтожение жизни вместо ее утверждения и продолжения.

В «Листках» эти линии были бегло намечены как итог личного опыта и непосредственного наблюдения Первой мировой войны и революции. За прошедшие тридцать лет эти истины были проверены и перепроверены и подтвердили свою достоверность.

Ненависть в разных ее формах и проявлениях – главный двигатель, или движущая сила, революций и войн. Только во вторую очередь их оживотворяет крошечная толика любви. Но даже эта любовь существует только потому, что есть ненавидимый враг. Именно эта ненависть к общему врагу, а не любовь сплачивает на время членов одной партии или нации в единую стаю и противопоставляет ее другой партии. Не взаимная любовь, а ненависть к Гитлеру и ко всему, что он символизировал, сплотила воедино Сталина, Черчилля и Рузвельта. Как только с этим общим врагом было покончено, прежние товарищи по оружию превратились во врагов. Точно так же преимущественно ненависть к Сталину и коммунизму объединяет членов различных Атлантических и прочих антикоммунистических пактов. Если и когда общий их враг будет устранен, эти союзники, вероятно, начнут воевать друг с другом. Ненависть не питает никакого уважения к объекту ненависти. Она не признает никаких моральных ограничений. Она садистски упивается мучениями и даже процессом убийства ненавистного человека. Призыв «Не убий!» она заменяет на приказ «Убивай! Чем больше – тем лучше!». Она прославляет эту массовую садистскую бойню. Она присваивает за это звания «героя» и «спасителя», оказывает почести и награждает званиями, осыпает медалями и наградами. Она даже кощунственно взывает к имени Всемилостивейшего Бога Любви, чтобы он помог в этом пронизанном ненавистью деле.

Еще меньше движимые ненавистью войны и революции жаждут одарить своего врага свободой. Они упиваются запугиванием и принуждением – физическим и психологическим – ненавистной им стороны и всех, кто не на их стороне.

Запугивание, террор, насилие, пытки, убийство и яростное бездумное разрушение – вот методы ненависти, характерные для ее природы. А поскольку революции и войны – самые яркие вспышки массовой ненависти, эти методы оказываются главными методами войн и революций, вытекающими из их природы.

Будучи наиболее эффективны в деле разрушения, эти методы абсолютно непригодны для творческого строительства: характер, методы и приемы подлинно

созидательной деятельности совершенно отличаются от приемов и методов ненависти, революции, войны – фактически противоположны им.

Творчество – это вдохновенная свободная деятельность гения. Это высшая и самая чистая форма свободы. Творчество – это деятельность любви созидателя во имя созидаемого. Любовь опять-таки высшая и самая чистая форма свободы; в противном случае она была бы принуждением. Таким образом, творчество, свобода и любовь – отчасти одно и то же. По этой причине каждый член этого триединства требует наличия других двух членов. Ни один из этих трех не может быть понят или существовать без двух других. Отсюда – абсолютная необходимость свободы и любви для творчества, творчества и любви – для свободы, свободы и творчества – для любви. Любовь свободно создает и воссоздает. Свобода всегда любит и созидает. А творчество всегда свободно и всегда движимо любовью.

Это особенно справедливо по отношению к *творческой деятельности в сфере межличностных и межгрупповых отношений*. Любое творческое преобразование этих отношений состоит в замене ненависти любовью, борьбы – солидарностью, войны – миром, разобщенности – единством. Ряд наблюдений и экспериментальных данных свидетельствуют о том, что эта цель может быть достигнута только посредством любви и свободы, а не средствами ненависти. В межличностных и межгрупповых отношениях ненависть, эгоизм и агрессивность одной стороны порождают (как считают от 60 до 90% опрошенных) ненависть, эгоизм и агрессивность другой стороны. Доброжелательность, любовь и помощь, проявленные одной стороной, вызывают доброжелательность, любовь и помощь другой стороны (в наших исследованиях – в 65–97% наблюдаемых случаев). Следовательно, сколько бы ни ставила любая революция и любая война своей целью достижение мирного, гармоничного, единого, солидарного и созидательного общества, метод принуждения, опирающийся на ненависть, разрушение и цинизм, никогда не сможет достичь этой цели. Войны и революции, движимые ненавистью и использовавшие этот метод, всегда оказывались неспособными быть действительно созидательными. Несмотря на то, что они часто рождались в головах идеалистов, они всегда осуществлялись убийцами, а прибыль приносили в основном негодяям. Все они несли разрушение, а не созидание. По этой же самой причине все, кто возлагает в настоящее время свои надежды на вооруженное насилие, разрушение и ненависть, и все, кто готовит новые войны и насильственные революции, – все они работают на разрушение, а не на творческое созидание. Независимо от того, кто они, какие у них звания, каким весом они обладают, – они все не спасители и не созидатели, а разрушители творческого духа истины, красоты и добра.

Таковы вкратце причины провала революции и двух мировых войн в деле созидания. Всем, кто стремится принимать участие в подлинном восстановлении

гуманности, этот вывод очевиден. Только в единственной разновидности войн и революций должны они принимать участие: в войне против вечных и непримиримых врагов человечества – против *смерти, болезни, ненависти, нищеты, безумия и разрушения, где бы и когда бы они ни проявлялись*. Война против этих врагов – единственная *священная* война. Это война человечества против враждебных сил, которые постоянно обрушиваются на него и с легкостью искажают творческую миссию человечества. Это страшные враги. Любая успешная кампания против них требует полного объединения человечества – всех его партий, наций, верований, рас и классов. Требует полного прекращения всех междоусобных войн и революций. И требует радикальной замены нынешней человеческой войны всех против всех общей борьбой против бесчеловечных врагов.

Это такая война и такая революция, наше участие в которых не только допустимо, но и обязательно. Это означает, что мы должны продолжить свободную работу любви ко всем борющимся партиям и к человечеству в целом. Эта творческая бескорыстная работа – ключ к восстановлению мира.

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Посвящается всем жертвам
революции и контрреволюции

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга написана в Чехословацкой Республике. Изгнанный из России советским правительством, я нашел в ней братский приют. Считаю своим долгом принести мою глубокую благодарность Великому Чешскому Народу и Правительству Чехословацкой Республики в лице глубокочтимого Президента, профессора Т.Г. Масарика, министра-председателя А. Швегла, министров д-ра Э. Бенеша и д-ра В. Гирса.

Не могу не выразить моей признательности за исключительно внимательное отношение ко всем русским д-ру Алисе Масарик, д-ру К.П. Крамаржу, сенатору Клофачу и многим другим лицам. Они, как и весь чешский народ, в эти тяжелые для России годы проявили столь редкую заботу о русских и оказали такую громадную помощь, которые поистине являются исключительными в истории, которые не могут быть и не будут забыты русскими.

Horni Černošice u Prahy
Октябрь 1923 г.

Поселок Горни Черношице под Прагой

ВВЕДЕНИЕ

1

После ряда лет мирного «органического» развития история человечества снова вошла в «критический период»[1*]. Революция, ненавидимая одними и восторженно приветствуемая другими, наконец разразилась. Одни страны уже пылают в ее пламени, другие стоят перед этой опасностью. Кто может сказать, как широко разольется пожар революции? Кто вполне уверен в том, что если не сегодня, то завтра ее ураган не снесет и его дом? Ignoramus[2*]. Но зато мы можем знать, *что́ она такое*.

Мы живем в ее стихии. Мы можем наблюдать, анализировать и изучать ее, подобно всякому естествоиспытателю. Если ученый бессилен предотвратить революцию, то по крайней мере он должен пользоваться современными, исключительно благоприятными условиями ее изучения. Это важно теоретически… Это важно и практически: более глубокое познание революции может помочь выработке и более целесообразного практического отношения к ней…

В течение пяти лет автор данной работы жил в стихии Великой русской революции. Пять лет он изо дня в день наблюдал ее. Итогом этого наблюдения и изучения и явилась данная работа. Она представляет не идиографическое[3*] описание Русской революции, а попытку социологического анализа явлений, типичных для серьезных и глубоких революций вообще.

Историк заинтересован в точном описании данного исторического явления как такового, во всей его конкретной индивидуальности и неповторимой единичности. Задача социолога существенно иная: при изучении любой категории социальных явлений для него важны лишь те черты, которые являются общими для явлений этого типа, когда бы и где бы они ни происходили. «Битва при *Танненберге*[4*] принадлежит ведению истории, *битва* при Танненберге – ведению социологии; *Берлинский* университет – истории, Берлинский *университет* – социологии», – правильно говорит Зомбарт[1]. Русская революция со всеми ее особенностями – дело историка. Русская революция как тип революции вообще – предмет анализа социолога. Правда, мы часто слышим возражение: «История человечества не повторяется». Но ведь не повторяется и история Земли, Солнечной системы и доступной нам части космоса. Не повторяются с пол-

[1] *Sombart W.* Soziologie. Berlin, 1923, S. 7.

ной тождественностью организмы, клетки и даже элементы последних. Мешает ли это, однако, повторению в этом неповторяющемся процессе множества явлений, описываемых законами физики, химии и биологии? Разве H_2 и O не давало бесчисленное количество раз воду на Земле, несмотря на неповторяющуюся историю последней? Разве не повторялись здесь множество раз обратная пропорциональность объема газа давлению, явления, описываемые законами Ньютона, Авогадро–Жерара, Менделя и т.д.?

Тем самым я хочу сказать, что не повторяющийся в целом исторический процесс соткан из повторяющихся элементов.

То же самое справедливо и по отношению к истории человечества.

И здесь «сходные причины в сходных условиях производят сходные следствия». Война и мир, голод и обогащение, завоевание и раскрепощение, рост и упадок религии, власть меньшинства и большинства и т.д. – все эти явления, взятые в качестве «независимых переменных» (или причин), много раз повторялись во времени и в пространстве. При всем различии условий, в которых они повторялись, основное сходство явлений одного и того же рода, например война, где бы и когда бы она ни происходила, не могло быть целиком уничтожено варьирующимися условиями. В силу этого в большей или меньшей степени должны были повторяться и «функции» (или следствия) таких однородных «независимых переменных».

Старая теория Экклезиаста, заброшенная социологами, увлекшимися отысканием мнимых «исторических законов развития», была не так далека от истины[5*].

Ошибка многих теоретиков «повторения» состояла лишь в том, что они искали «повторения» не там, где их следует искать. Они даны не в сложных и грандиозных событиях истории, а в явлениях элементарных, будничных, из комбинаций которых слагаются и на которые разлагаются эти события[2]. При таком подходе непрерывное творчество истории становится не столь уж бесконечно разнообразным. Она становится похожей на автора, без устали пишущего все новые и новые драмы, трагедии и комедии с новыми действующими лицами, с новой обстановкой, но… с сюжетами, много раз уже фигурировавшими в предыдущих произведениях этого неутомимого и плодовитого творца. Подобно «исписавшемуся писателю», история при всем своем творческом богатстве невольно «повторяется».

Все сказанное относится и к «трагикомедии», называемой «Революцией». На исторической сцене она шла и идет довольно часто. При этом каждая по-

[2] Подробное обоснование теории повторения см. в третьем томе моей «Системы социологии», приготовленном к печати. См. также: *Ross E.* Foundations of Sociology. New York, 1920, p. 75–76, 61; *Тард Г.* Социальные законы. СПб., 1906, гл. I; *Nowikow J.* Consicence et volanté sociales. Paris, 1897, p. 96–97; *Bauer A.* Essai sur les Révolutions. Paris, 1908, p. 1–8; *Майр Г.* Закономерность общественной жизни. М., 1899.

становка не похожа на другую. Различны условия времени и места, различны декорации и актеры, костюмы и грим, монологи, диалоги и хор толпы, число актов и размах «исторически-театральных эффектов». И тем не менее во всем этом несходстве повторяется множество сходств: при всем различии декораций, актеров и т.д. разыгрывается одна и та же пьеса, что и дает основание называть разные ее постановки одним и тем же названием – «Революция».

Все это дедуктивно следует из вышесказанного. Это же читатель увидит и из дальнейшего.

2

Спросим себя теперь: что же нужно понимать под революцией?

Определений ей существует великое множество. Наибольшее место среди них занимают определения абсолютно негодные. Сюда относятся, с одной стороны, определения «шоколадно-сладкие», с другой – «уксусно-горькие». Под ними я разумею те дефиниции, которые имеют дело не с реальными революциями в той форме, в какой они даны в истории, а с чистыми фикциями, продуктом собственного воображения авторов таких определений. «В наше время о революции можно говорить лишь там, где сумма свобод увеличивается», – читаем мы, например, у Бернштейна[3]. «Обычно принято называть русский октябрьский переворот революцией, – читаем мы у другого автора, – но пытки и революция – явления несовместимые. Там, где пытки – бытовое явление, там только реакция. Одна реакция»[4].

Эти концепции революции могут служить примером «приторно-шоколадных», чисто фиктивных определений революции. Почему? Да хотя бы потому, как увидит ниже читатель, что огромное большинство революций (если не все) в течение самого революционного периода и в периоды послереволюционные фактически, а не на словах не только не увеличивали «сумму свобод населения», а неизменно ограничивали, часто доводя ее до нуля. Следует ли отсюда, что ряд античных революций, революции средневековые, Великая французская революция или русская революция наших лет не являются революциями?

Революция и пытки, ответим мы второму автору, не только не представляют собой явлений несовместимых, но, наоборот, любой подлинно-глубокий революционный период всегда отмечен колоссальным ростом убийств, садизма, зверства, пыток, истязаний и т.д., намного превышающих нормы нереволюционного времени (см. ниже). Следует ли отсюда, что русская или французская, английская или гуситская революции[6*] перестают быть революциями? Эти при-

[3] Дни. № 17.

[4] Там же.

меры показывают всю фиктивность и произвольность подобного понимания революции. Авторы таких концепций – донкихоты революции, не желающие видеть прозаическую девицу из Тобосо или таз цирюльника, а видящие вместо них прекрасную Дульсинею Тобосскую и чудесный шлем рыцаря.

Если такой метод допустим в других областях поведения, то он абсолютно недопустим в области науки, обязанной изучать мир сущего таким, каким он дан.

Некоторые из подобного рода иллюзионистов пытаются найти выход из этих противоречий, указывая на то, что все эти «отрицательные» явления не относятся к существу революции, а представляют собой некий случайно-привходящий элемент или проявления не «революции», а «реакции».

И в этой аргументации скрыт тот же иллюзионизм, смешанный с мистицизмом.

Если подавляющее большинство революций сопровождается неизменно такими же «отрицательными» явлениями (пытками, уменьшением свобод, обеднением, одичанием и т.д.), то какое основание имеется у нас для того, чтобы называть эти явления «случайным элементом»? Никакого, кроме credo quia aubsurdum[7*], с которым науке не по пути. Называть их «случайным элементом революции» можно с таким же основанием, с каким понижение ртутного столбика – «случайным элементом» понижения температуры. Ссылка на «реакцию»? Иллюзионисты «шоколадно-сладкого» типа, употребляя этот термин, едва ли отдают себе полный отчет во всем его огромном значении. Для них, пожалуй, неожиданным будет заявление, что любой революционный период как целое неизбежно состоит из двух частей, неразрывно связанных друг с другом и неотделимых одна от другой, как неотделима голова живого человека от его туловища.

«Реакция» не есть явление, выходящее за пределы революции, а неизбежная часть самого революционного периода – вот его вторая половина. Диктатура Робеспьера или Ленина, Кромвеля или Яна Жижки означала не конец революции, а ее разгар. Между тем эти диктатуры знаменовали вступление революции во второй ее период – период «реакции», или «торможения», – а не знаменовали конец революции. Только тогда, когда кончается «реакция», когда общество входит в период нормального органического развития, только тогда революция может считаться оконченной. Вот почему иллюзионисты, жалуясь на «реакцию», не понимают, что тем самым они поносят революцию во второй ее стадии, столь же неотделимой от существа революции, как и первая ее стадия.

Схематически эта мысль может быть выражена так:

Все сказанное об иллюзионистах «сладко-шоколадного типа» с соответствующими изменениями применимо и к иллюзионистам «уксусно-горького» типа. Видя в революции «исчадие ада», «дело сатаны» и т.д., они так же далеки от понимания подлинной революции, как и первые.

Восхваляя «реакцию», они не понимают, что вопреки себе восхваляют революцию, отвергаемую ими, но только не в первой, а во второй ее стадии.

Сказанного достаточно, чтобы понять, почему все подобные концепции революции абсолютно непригодны.

Другие определения революции более научны. «Революция» – это изменение конституции общества, реализуемое путем насилия[5]. Das Wesen der Revolution besteht in einem plötzlinchen, unstetigen Ubergang von einem Politchen Gesamtzustand zu einem anderen, insbesoundere von einer Rechtsordnung des öffentlichen Lebens zu einem anderen… in einer plötzlinchen Verschiebung der Machtverteilung[6/8*]. Против подобных определений возразить нечего, кроме того, что они… слишком формальны и далеко не исчерпывают такого сложного явления, как революция.

Я не намерен прибавлять ко всем этим определениям еще одно дополнительное. Социальные науки слишком злоупотребляют определениями, чаще всего не давая по существу ничего, кроме чисто словесных формулировок.

Я поступлю иначе – так, как часто поступают естествоиспытатели. Я просто возьму и буду изучать ряд революций разных времен и народов: русские революции 1917–1923, 1905 гг., XVII в. – французские революции – 1870–1871, 1848, 1789 гг., германскую 1848 г. (революцию 1918 г. не беру, ибо она еще не закончена), английскую революцию XVII в., ряд средневековых революций, ряд античных революций, египетскую, персидскую (при Кобаде) и другие крупные революции. Это изучение покажет фактически основные черты того, что зовется революцией. В стороне оставляю лишь такие «революции», которые, подобно чешской 1918 г. или американской XVIII в., представляют собой не столько борьбу одной части данного общества с другой, сколько борьбу данного общества с иным, гетерогенным для него обществом. Такие революции представляют собой скорее войну одного общества с другим и существенно отличаются от «революций» настоящих, происходящих внутри одного и того же общества. Вот почему я исключаю их из коллекции изучаемых мною революций.

И в этих последних мое внимание больше всего приковано к революциям глубоким и «великим», потому что на них всего резче выявляются свойства революций. В ряду их наибольшее внимание отводится мной происходящей на наших глазах «русской революции». Она заслуживает этого внимания и потому,

[5] *Bauer A.* Essai sur les Révolutions, p. 11, 16.

[6] *Vierkandt A.* Zur Theorie der Revolution // Schmoller's Janrbuch für Gesetzgeburg, 46 Jahrgang, Heft 2, 1922, S. 19–20.

что по своей глубине и размаху является одной из самых великих революций, и потому, что я имел возможность изучать ее непосредственно, и потому, что она проливает свет на многие стороны прошлых революций. Последние два обстоятельства, с моей точки зрения, особенно ценны: в противоположность распространенному мнению «о суде истории», согласно которому принято считать, что «издали виднее», что «спустя ряд поколений можно лучше судить об исторических событиях», что «не столько настоящее помогает понимать прошлое, сколько, наоборот, только через прошлое можно понять и осветить настоящее», – я придерживаюсь мнения противоположного. Не потомки, а современники исторических событий с их непосредственным опытом (а не косвенным, основанным на случайно сохранившихся документах), с их ежедневным и адекватным восприятием явлений (а не опосредствованным, отрывочным, случайным и искаженным конструированием их) являются лучшими знатоками, наблюдателями и судьями. Это станет еще более бесспорным, если эти современники могут расширить круг личного наблюдения наблюдением массовым, статистическим учетом и другими научными методами корректировки своего непосредственного опыта. При таких условиях они несравненно более гарантированы от ошибок историка, изучающего события «издали», по редким и случайным данным, до него доходящим.

В естествознании непосредственный опыт давно уже признан более предпочтительным, чем косвенный: прошлое давно уже объясняется посредством производимого эксперимента или наблюдения данного времени. В социальных науках, увы, это еще не вполне усвоено. Здесь недостаточно еще понята вся ценность методологического правила: объяснять не столько прошлым настоящее, сколько через наблюдение и изучение процессов настоящего пытаться понимать многое из прошлого.

В силу этих соображений становится вполне понятным, почему наибольшее внимание я уделяю Русской революции. Ее прямое наблюдение помогает ориентироваться в других революциях, происходящие в ней процессы дают руководящие указания при анализе процессов последних.

Изучаемая таким образом коллекция революций действительно обнаруживает ряд сходств и однообразных закономерностей, в совокупности составляющих явление революции.

Каковы эти процессы и сходства, читатель увидит из книги. Скажу только, что приведенные определения революции учитывают лишь очень немногие и едва ли даже самые главные черты и процессы, из которых состоит последняя.

Революция – это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок – с другой. Каков характер этих изменений – ответ дается в первом очерке.

Революция означает, далее, изменение биологического состава населения, характера селекции, процессов рождаемости, смертности и брачности. Этой проблеме посвящен второй очерк.

Революция, в-третьих, означает деформацию морфологической структуры социального агрегата. Этому посвящен третий очерк.

Наконец, революция знаменует изменение основных социальных процессов. Этому посвящен четвертый очерк.

Пятый очерк дает краткое резюме произведенного нами анализа, своего рода «философию революции».

Шестой посвящен анализу причин революции.

Наконец, в виде приложения я присоединяю к книге очерк, посвященный этатизму[9*], который развертывает подробный ряд тезисов, очерченных в самой книге…

Таково вкратце содержание данной работы.

Отношение к революции чрезвычайно субъективно. Поэтому исследователь должен быть сугубо объективным. Абсолютно это не достижимо, но в меру сил должно быть выполнено.

Явления революции чрезвычайно эффектны, экзотичны и романтичны. Поэтому исследователь должен быть особенно прозаичным. Он должен подходить к ее исследованию с методами и заданиями натуралиста. Не порицание или похвала, не апофеоз или оплевывание революции являются целью данной работы, а изучение революции такой, какова она есть на самом деле.

В этих целях каждое формулируемое положение я стараюсь подтвердить соответствующими ссылками на факты. Конечно, в целях краткости я даю лишь минимум доказательств, отсылая за дальнейшими к цитируемым источникам. Лишь в порядке исключения я изредка отступаю от точки зрения исследователя и позволяю себе «оценочные суждения» моралиста. Но они столь резко отделены от описательных суждений, что не введут никого в заблуждение. В отличие от последних, они ни для кого не обязательны…

Таковы вкратце основные методологические приемы, которыми я руководствовался.

3

Подлинная природа революции совсем не похожа на те романтически-иллюзионистические представления о ней, которые столь часто складываются у безусловных ее апологетов. Многие черты революции, указываемые в данной работе, вероятно, покажутся им оскорбительными, искажающими «ее прекрасный лик». Естественно поэтому ожидать, что в моей книге они найдут «реакци-

онный» дух. Что ж, я охотно иду навстречу такому обвинению и готов принять на себя ярлык «реакционера», но... весьма своеобразного. Из книги читатель увидит, что революции исследуемого мною типа – плохой метод улучшения материального и духовного благосостояния масс. Обещая на словах множество великих ценностей, на деле, фактически, они приводят к противоположным результатам. Не социализируют, а биологизируют людей, не увеличивают, а уменьшают сумму свобод, не улучшают, а ухудшают материальное и духовное состояние трудовых и низших масс населения, не раскрепощают, а закрепощают их, наказывают не только и не столько те привилегированные классы, которые своим паразитизмом, своим распутством, бездарностью и забвением социальных обязанностей заслуживают если не наказания, то низвержения со своих командных постов, сколько наказывают те миллионы «труждающихся и обремененных»[10*], которые в припадке отчаяния мнят найти в революции свое спасение и конец своим бедствиям.

Если с объективной точки зрения «завоевания революции» таковы, – а они именно таковы, – то во имя Человека, его прав, его процветания, его свободы, во имя материальных и духовных интересов трудовых классов я считаю не только своим правом, но обязанностью воздерживаться от идолопоклонства пред революцией. Среди многочисленных бэконовских idola есть и «идол революции»[11*]. В ряду многих идолопоклонников и догматиков, приносящих живого человека в жертву разным «божкам», одно из первых мест занимают идолопоклонники революции... Этому «идолу» уже принесены в жертву миллионы людей, и все еще мало! Его почитатели продолжают требовать все новые и новые гекатомбы[12*]. Не пора ли отказаться от таких человеческих жертвоприношений молоху революции! Памятуя о том, что «не человек для субботы, а суббота для человека»[13*], во имя Человека я отказываюсь от поклонения этому идолу. Если я не могу предотвратить этих гекатомб, ибо революция – стихия, то могу воздержаться от славословия и благословения несчастной Трагедии Революции. Как всякая тяжелая болезнь, революция бывает неизбежным результатом многих причин. Но неизбежность болезни не обязывает меня хвалить и одобрять ее. Если такое воззрение есть «реакция», то я охотно принимаю на себя кличку «реакционера».

С чисто практической точки зрения, революционный метод лечения общественных зол так дорог, что «завоевания революции» ни в коем случае не оправдывают «расходов». Поэтому он и в этом отношении непригоден.

Наконец, изучая историю человеческого прогресса, я давно уже убедился в том, что главные и подлинные завоевания на этом пути были результатом подлинного знания, мира, солидарности, взаимопомощи и любви, а не ненависти, зверства и дикой борьбы – явлений, неизбежно связанных со всякой глубо-

кой революцией. «Бог не в громе и буре, а в тихом ветре», – так формулируется эта истина в Библии[14*]. Вот почему в ответ на призывы и славословия Революции мне хочется сказать словами Евангелия: «Отче мой! Да минует их чаша сия!»[15*] Правда, в применении к неглубоким революциям, не сопровождаемым огромной гражданской войной, все эти опасности в значительной мере как будто уменьшаются. Низвергнуть власть и дегенерировавшую аристократию, мешающую развитию общества, ценой небольших жертв и усилий на первый взгляд кажется делом практически целесообразным. Если бы дело обстояло так, то мне нечего было бы возразить на это. Я не защитник и не поклонник бездарной, паразитарной и выродившейся аристократии. Но, увы, революции – говоря языком медицины – похожи на «болезни атипические», ход и развитие которых врач не в состоянии предсказать. Иногда, начав с незначительного симптома, не внушающего никаких опасений, они неожиданно осложняются и кончаются смертельным исходом. То же самое можно сказать и о революции. Кто может быть вполне уверен, что, зажигая маленький костер революции, он не кладет начало огромному пожару, который охватит все общество, испепелит не только дворцы, но и хижины рабочих, уничтожит не только «деспотов», но и… самих зажигателей вместе с тысячами невинных лиц? Никто! Поэтому в таких вопросах особенно необходимо «семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать».

Это особенно следует помнить сейчас, когда воздух полон горючего материала, когда порядок – необходимое условие прогресса – колеблется, когда стихия революции захлестнула ряд обществ и грозит другим. Человечество сейчас, быть может, более, чем когда бы то ни было, нуждается в порядке. Даже худой порядок лучше беспорядка, как «худой мир лучше доброй ссоры». Вместо революционных путей и экспериментов есть другие пути улучшения социальных условий и проведения смелых реформ. Эти пути сводятся к следующему канону (canons) социальной реконструкции.

1. Никакая реформа не должна насиловать человеческую природу и противоречить основным ее инстинктам. Русский коммунизм, как и большинство революционных опытов, пример обратного.

2. Любая реформа должна считаться с реальными условиями. Большинство революционных реформ представляют собой грубое нарушение этого условия.

3. Практическому осуществлению реформы должно предшествовать внимательное изучение положения дел и конкретных условий. Революции полностью игнорируют и это условие.

4. Реформационный опыт должен быть испробован сначала в малом масштабе и только тогда, когда в этом малом масштабе он даст положительные результаты, возможен переход к опытам в большом масштабе. Революции, конечно, игнорируют это условие.

5. Реформы должны проводиться только легальными и конституционными методами, элемент насилия должен в них отсутствовать или допустим в совершенно ничтожном размере. Революции – полное отрицание этого правила[7].

Несоблюдение этих правил обрекает всякую попытку реформы на бóльшую или меньшую неудачу. Пора бы это усвоить. Но, увы, эти правила, соблюдаемые при постройке моста или при улучшении породы и условий существования коров, почему-то признаются излишними при реконструкции человеческого общества. Невежда здесь делается смелым революционным реформатором, учет реальных условий и изучение положения становятся «буржуазным предрассудком», требование осторожности и предварительного опыта в малом масштабе – трусостью и нечестностью, ненасильственный метод – «реакционностью», «дух разрушающий» eo ipso[16*] признается «духом созидающим»[17*]. Мудрено ли поэтому, что за такую «смелость» платятся жизнью тысячи людей. Наблюдая такие явления, какой-нибудь житель другой планеты поистине мог бы подумать, что коровы на Земле ценятся выше людей, ибо с ними обращаются бережнее, чем с последними, и они не приносятся в жертву резным идолам с такой щедростью, с какой люди закалываются ad majorem gloriam[18*] идола Революции. Таков один из примеров «разумности» поведения людей. Поистине не знаешь, плакать или смеяться при виде такой «разумности».

В заключение (ввиду того, что теперь вместо оценки аргументов по существу люди склонны оценивать их по паспорту человека) позволю себе прибавить, что эта книга принадлежит человеку, у которого революция не отняла ни богатства, ни почестей, ни привилегий, ибо у него их не было и до революции. Поэтому ссылка на буржуазное происхождение и озлобленность обиженного революцией человека в отношении автора неприменима.

Петроград 1922 г.
Прага, август 1923 г.

[7] Об этом каноне см.: *Ross E.* Foundations of Sociology, ch. XLV.

Очерк первый

ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ В ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. Общие положения, касающиеся механизма поведения людей

Чем больше мы изучаем человека, его поведение и психологию, тем сильнее убеждаемся в том, что он ничуть не похож на того «пай-мальчика», каким рисовали его рационалисты XVIII в. и позднейшего времени.

«Человек – существо, управляемое разумом, добродетельное по природе, совершенно мирное, лишенное злобы, полное альтруизма, всегда мыслящее и поступающее согласно логике разума, всецело подчиненное сознанию, руководствующееся только рациональными и справедливыми мотивами» и т.д. – вот основные черты концепции рационалистов. Если в нем и есть недостатки, добавляли они, то они вызваны несовершенством общественного строя и недостаточностью просвещения. Стоит уничтожить невежество и предрассудки, устранить недостатки социальной организации – и человек вновь станет совершенным, каким он вышел из рук природы... Зло не в нем, а вне его – такова иная редакция той же мысли. «Измените социальную среду – и исчезнут бедность и преступления, война и порок, несправедливость и невежество...»

Наша эпоха нанесла этой концепции страшные, почти непоправимые удары. Мировая бойня, революции, продолжающиеся в наши дни волнения и антагонизмы показали нам человека в совершенно ином виде, ничуть не похожим на этого рационалистического «пай-мальчика». Перед нами выступил человек-стихия, а не только разумное существо, носитель злобы, жестокости и зверства, а не только мира, альтруизма и сострадания, существо слепое, а не только сознательно-зрячее, сила хищная и разрушительная, а не только кроткая и созидательная.

Выявились, конечно, и рационалистические черты, но они совершенно были затенены свойствами противоположными.

В свете этих событий становится невозможным принятие очерченного оптимистически-рационалистического взгляда.

В том же направлении еще до войны и революции, с конца XIX в., менялись и научные взгляды во всех дисциплинах, имеющих дело с проблемами познания

природы и поведения человека. В годы войны и послевоенные этот уклон еще более усилился.

Во-первых, биология в отделе о наследственности в лице Гальтона–Пирсона и других показала и показывает нам громадное значение наследственности не только в области физических, но и в сфере психических свойств человека. Значение фактора наследственности, по сравнению с фактором среды и воспитания, теперь начинает оцениваться значительно выше, чем раньше[1]. Этим был нанесен и наносится первый удар рационалистическому воззрению на человека.

Во-вторых, развитие учения о *тропизмах* и *таксисах* (Ж. Леб и другие)[1*] показало, что они играют громадную роль и в поведении людей[2].

В-третьих, развивающееся на наших глазах учение о *внутренней секреции* показало, особенно в связи с опытами Штейнаха, Воронова и других, огромную зависимость всего нашего поведения и психических переживаний от характера и деятельности органов внутренней секреции, устройство коих опять-таки мало зависит от сознания[3].

Не менее разрушительными для рационализма были и исследования психологов самых разных направлений. Уже Ланге, Петражицкий, Рибо и другие достаточно четко подчеркнули роль чувств и эмоций в психологии и поведении человека[4].

З. Фрейд, его школа и ряд других психологов вроде Жане выдвинули на сцену громадную роль «подсознательного» и «бессознательного»[5]. С другой стороны, Торндайк, Мак-Даугалл и другие показали нам наличие, разнообразие и громадную детерминирующую силу прирожденных рефлексов у человека.

[1] См. сводку теорий и фактов в книге: *Starch D.* Educational Psychology. New York, 1919, а также последние работы Лотси, Schallmayer'a, Johannsen'a и Ch. Richet.

[2] См.: *Loeb J.* La nature chimique de la vie // Revue philosophique. 1921, decembre.

[3] Помимо множества работ на эту тему см. «Очерки физиологии духа» Ю. Васильева (Пг., 1923), пытающегося установить связь между внутренней секрецией и характером духовного творчества и переживаний, и *Berman L.* The glands regulating personality. 1921.

[4] «Эмоции, – заключает Ланге, – не только играют роль важнейших факторов в жизни отдельной личности, но они вообще самые могущественные из известных нам прирожденных сил. Каждая страница в истории отдельных лиц и народов доказывает их непреодолимую власть. Бури страстей погубили больше человеческих жизней, опустошили больше стран, чем ураганы, их поток разрушил больше городов, чем наводнения» (*Ланге Н.Н.* Душевные движения. 1896, с. 14).

«Слепая вера в "силу идеи", – подтверждает Рибо, – представляет на практике неистощимый источник иллюзий и заблуждений. Идея, если она не более чем идея, бессильна: она действует только тогда, когда она прочувствована... Можно основательно и глубоко изучить "Критику практического разума" И. Канта, испещрить ее блистательными комментариями, не прибавив ровно ничего к своей практической нравственности, имеющей совершенно другое происхождение» (*Рибо Т.* Психология чувств. СПб., 1898, с. 25). См.: *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1907.

[5] См.: *Фрейд З.* О психоанализе. М., 1911, а также множество других его работ и работ его учеников.

В ряду этих инстинктов оказались не только аграрный или социальный инстинкт, но и комбативно-драчливый, не только родительский, но и охотничий – вместе с инстинктом самоутверждения, инстинктом подчинения себе других людей и т.д.[6] Словом, человек оказался носителем не только мирных, спокойных и добродетельно-социабельных импульсов, но и противоположных им. Со своей стороны, бихевиористы и сторонники русской объективной школы в изучении поведения людей[7] еще сильнее выдвинули роль прирожденных, или безусловных, рефлексов, выявив полную зависимость от них «условных» и сознательных форм поведения.

Не остались в стороне и социологи. Л. Уорд и С. Паттен выявили огромную роль страдания и удовольствия в поведении человека и в социальной жизни[8]. «Trattato di sociologie generale» В. Парето, показавшего основную роль подсознательных чувств (residui) в поведении людей и подчиненную роль разума и сознания (derivazioni)[2*], полное несходство «логики чувств», управляющей поведением людей, и логики разума, в значительной мере лишь оформляющей приказы первой, переполненность поведения людей «актами нелогическими», – эта работа Парето особенно четко выявила воззрение на человека как на существо «нелогичное», «нерациональное», переполненное опять-таки импульсами не только мирными и социабельными, но и злостными, буйными, жестокими и дикими[9].

С другой стороны, социология в лице Тарда, Росса, Лебона, Михайловского, Сигеле, Гиддингса, Хайеса, и других показала нам громадную роль внушения и подражания, стихийно-слепое поведение толпы и масс[10]. Вместе с этим в курсах социологии в отделе «социальных сил и факторов поведения» инстинкты и слепые импульсы начинают занимать все более и более видное место.

Наконец, та же тенденция с конца XIX в. проявилась и в философии. «Бессознательное» Гартмана, «воля к власти» и «сверхчеловек» Ницше, «интуиция» Бергсона, роль ее в построении англо-американских неореалистов и плюралистов – все это симптомы того же порядка.

---

[6] См.: *Thorndike E.L.* The Original Nature of Man; *McDougall W.* Introduction to the Social Psychology. New York, 1929; *Patrick G.T.W.* The Psychology of Social Reconstruction. Boston, 1920.

[7] См.: *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. М.-Пг., 1923; *Бехтерев В.М.* Общие основы рефлексологии. Пг., 1918; *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921. См. нижеуказанные работы Watson'a, Mayer'a и других американских бихевиористов.

[8] См.: *Ward L.* Pure Sociology. Paris, 1906; *Ward L.* Dynamic Sociology. New York, 1883; *Patten S.N.* The theory of social forces // Supplement to the Annals of the American Academia of Political and Social Science. 1896, January.

[9] См.: *Pareto V.* Trattato di sociologie generale. Firenze, 1916, vol. I–II.

[10] См.: *Гиддингс Ф.Г.* Основания социологии. М., 1898; *Hayes E.C.* Introduction to the Study of Sociology. New York-London, 1920; *Ross E.* The Foundations of Sociology. New York, 1920; *Болдуин Дж.* Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. М., 1911–1912, т.1–2; *Тард Г.* Законы подражания. СПб., 1892; *Михайловский Н.К.* Герои и толпа, и т.д.

Если мирное состояние до войны позволяло недооценивать эту революцию во взглядах на природу и поведение человека, то теперь, после событий последних 8–10 лет, в современной атмосфере, начиненной бомбами и стихиями, после буйства и безумства миллионов людей, эта новая концепция гораздо острее привлекает наше внимание.

Яснее, чем раньше, становится иллюзорность рационалистического понимания природы человека, преувеличенной кажется роль его «идей», «разума» и «логической природы», недооцененной – роль слепых биологических импульсов и чересчур оптимистической – теория «прирожденной добродетельности человека».

Человек представляет собой носителя разных прирожденных рефлексов[11], не только кротких и социабельных, но хищных и злостных. «The real man is restless, aggressive and aspiring»[12/3*]. Его инстинкты заставляют его хотеть не только мира, но и драки, не только покоя, но и буйства, не только самопожертвования, но и убийства, не только справедливости, но и удовлетворения страстей, не только работы, но и лености. Они же принуждают его не только быть независимым, но в то же время подчиняться другим или властвовать над ними, не только любить одних, но и ненавидеть других, не только иметь необходимое, но и иметь не меньше и даже больше других (инстинкты драчливости, стадности, собственности, соперничества, самовыявления, любви к приключениям, инстинкты бродяжничества, властвования и т.п.).

Я уж не говорю о том, что человек хочет быть сытым, одетым, удовлетворять свои половые аппетиты и т.д. Словом, человек по количеству и качеству своих биологических инстинктов-рефлексов представляет собою бомбу, начиненную множеством сил и тенденций, способную взорваться и явить картину дикого буйства. Он, говоря словами Паскаля, похож на ангела, под которым кроется дьявол[4*]. Если мы не видим этого буйного дьявола постоянно, то только потому, что долгий путь исторического развития и жестокой исторической дрессировки до некоторой степени «утряс» и взаимно «уравновесил» инстинкты, с одной стороны, привел их в соответствие со стимулами среды и с поведением сочеловеков – с другой, наложил на них известные тормоза и повязки, прививаемые путем воспитания и носящие название правовых, моральных, религиозных, конвенциональных и других форм «социального контроля» – с третьей; наконец, создал известные, социально безвредные каналы, через которые они могут выявляться и удовлетворяться без диких и безумно-зверских форм беснования («сублимирование и канализация инстинктов» в социально безвредные формы: спорт, конкуренцию и т.д.). Благодаря всему этому поведение человека представляет собой известное *«равновесие»*. Он становится похожим на дикого жеребенка, сотнями

[11] Термины «прирожденный» или «безусловный рефлекс», «инстинкт», «прирожденный импульс» я употребляю как равнозначащие, ибо принципиальной разницы между ними нет.

[12] *Patrick G.T.W.* Op. cit., p. 111.

и тысячами условных к безусловных связей (между стимулами и организмом) со всех сторон пригвожденного к тысячам взаимно тормозящих стимулов, мешающих ему двигаться и бесноваться свободно.

Отсюда – нормальное и довольно мирное обычное поведение человека, равновесие его психики и поступков, взаимосогласованность и взаимоприспособленность (конечно, относительная) актов одних людей с актами других. Отсюда – регулярность поведения людей, относительный общественный мир и порядок, частое и видимое проявление поступков социабельных, заторможенное и ослабленное выявление импульсов ненависти и злобы, дикой борьбы и антисоциабельности. Сам процесс соблюдения этого социального «равновесия» в поведении благодаря повторению и привычке укрепляет его, делает равновесие более устойчивым, как бы сдерживает огонь вулкана все более и более толстой корой «культурной лавы».

Но стоит условиям среды измениться так, чтобы один–два или ряд основных инстинктов не могли удовлетворяться в достаточной мере, чтобы они начали «ущемляться», как все «равновесие» поведения человека расстраивается и терпит крушение. «Ущемленные» рефлексы начинают давить на другие, эти – на следующие, происходит взрыв, и наступает «извержение вулкана». Кора социальных форм поведения лопается и разрывается, огонь биологических импульсов прорывается наружу, и вместо культурного socius'а вы видите дикое животное, беснующегося дьявола, совершенно не похожего на знакомое вам культурное существо. Мирный человек делается убийцей, пацифист – милитаристом, честный – вором, целомудренный – развратником. Такие трансформации с отдельными лицами совершаются постоянно. Они дают почву для бытия в любом обществе полицейски-охранительного аппарата и уголовных судов с виселицами и тюрьмами, представляющих своего рода организацию для тушения взрывов и пожаров в поведении людей.

Когда же условия среды изменяются так, что вызывают ущемление основных инстинктов у *множества лиц*, тогда мы получаем массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение, носящее название бунта, мятежа, смуты, революции...

Таковы в самых общих чертах происхождение революций и их общая основная причина.

Да будет позволено сейчас остановиться на развитии и уяснении этих положений, набросанных пока скорее в художественных, чем в научных терминах. В интересах дела и точности я вынужден сделать отступление и напомнить читателю несколько основных положений, установленных современной наукой о поведении животных и людей, без которых все дальнейшее будет малопонятно.

Отсылая за подробностями и доказательствами этих положений к нижеуказанным работам, я здесь просто сжато их сформулирую.

1. Еще Спенсер подчеркнул, что жизнь есть непрерывное приспособление внутренних отношений (организма) к внешним (к среде). Вне этого непрерывного приспособления организм как некоторое целостное единство не может сохранять свою целостность, т.е. жизнь.

2. Это приспособление к среде или равновесие с ней достигается путем актов организма, посредством определенного реагирования на стимулы среды или их комплексы в виде данной обстановки.

3. Среди этих актов у человека различаются акты двоякого рода по характеру их связи со средой и ее стимулами: 1) акты (= рефлексы = инстинкты = реакции) наследственные, прирожденные или безусловные; здесь связь между определенными стимулами или обстановкой дана вместе с организмом, а не приобретена (например, связь между уколом и отдергиванием руки); 2) акты (реакции, рефлексы), приобретенные, условные, где связь между стимулом и определенной формой реагирования на него воспитана, «привита» индивиду в течение его личной жизни (например, связь между стимулами в виде «креста» и актом «крестного знамения», между видом знакомого и реакцией снимания шапки и т.д.). Первые – результат филогенетического развития, вторые – онтогенетического[5*]. Они отличаются друг от друга и многими другими чертами: a) различен нервный механизм их выполнения; b) прирожденные, или безусловные, акты более шаблонны и менее вариабельны, чем приобретенные, или условные; c) первые нельзя уничтожить, можно только иначе канализировать, задержать или ускорить их выявление; условные рефлексы в принципе можно привить и отвить: подобно одежде, их можно надеть и снять или заменить один «костюм» условных рефлексов другим.

4. Безусловные рефлексы выполняют основные функции приспособления к среде и сохранения жизни (группы рефлексов питания, самосохранения, размножения и т.п.). Условные – только добавочно корректируют первые, делая поведение человека более гибким и позволяя ему искуснее и тоньше маневрировать в ответ на изменения среды.

При постоянной среде это было бы излишне. При изменчивой и сложной среде, в которой жил и живет человек, одни безусловные рефлексы недостаточны: они слишком негибки и неуклюжи. Для восполнения этого недостатка у высших животных, особенно у человека, появилось громадное число условных рефлексов, облегчающих задачу приспособления к сложным и изменчивым условиям.

5. Условные рефлексы прививаются в конечном счете только на почве безусловных путем совпадения во времени действий безусловного и условного стимула. Наследственные рефлексы – их основа и пункт подкрепления. Без первых не могут существовать последние. Больше того – если действие условного стимула несколько раз не «подкрепляется» безусловным (например, зажигание

электрической лампочки, ставшее условным стимулом для реакции слюноотделения у собаки, не сопровождается подачей пищи), то условный рефлекс гаснет (слюноотделение на условный стимул света прекращается).

6. Из предыдущего следует, что *детерминирующая поведение людей сила безусловных стимулов-рефлексов гораздо больше, чем детерминирующая сила условных стимулов-рефлексов*. Первые представляют собой пар, толкающий человека-машину и в то же время определяющий общее направление поведения. Вторые – лишь подчиненные агенты, задачей которых служит техническое выполнение этих директив, их детальная разработка и осуществление применительно к обстоятельствам. Безусловные пищевые или половые стимулы приказывают организму выполнить акты утоления голода или половые рефлексы, условные лишь определяют детали наилучшего выполнения этого приказа в зависимости от конкретной обстановки.

7. Сообразно с этим все поведение человека состоит из ряда безусловных рефлексов, на каждом и вокруг каждого из коих наросли многие условные рефлексы. Первые представляют собой подобие ствола и основных ветвей дерева, вторые – мелкие побеги и листья, наросшие на них и прикрывающие их «голую» форму.

8. Безусловных рефлексов в поведении человека много. Общепринятой классификации их еще нет. Из существующих классификаций одни выделяют лишь основные группы безусловных рефлексов в виде группы рефлексов: пищевых, индивидуально- и группозащитных и половых, рассматривая все другие как усложнение этих рефлексов и их разновидности[13].

Другие дают несравненно более детальную таблицу наследственных инстинктов[14].

Не давая здесь классификацию инстинктов-рефлексов, наиболее верную с нашей точки зрения, констатируем лишь, что их много (что не исключает объединения их в небольшое число основных групп), что они разнородны, ча-

[13] Примером могут служить «Биологические основания сравнительной психологии» В. Вагнера (СПб., 1913, т. II).

[14] Примерами могут служить классификации Торндайка, Эллвуда, Мак-Даугалла и особенно Патрика, выделяющего следующие инстинкты: конструктивного труда, любопытства, манипуляций, собственности, индивидуального обладания, приобретения и собирания, драчливости, стадности, соперничества, лояльности, преданности, отцовской склонности и материнского поведения, инстинкт мышления, изобретения, организации, устройства жилища, домашний, бродяжнический, охотничий, любви к переменам и приключениям, лидерства, властвования, подчинения, тщеславия и самовыявления (*Patrick G.T.W.* Op. cit., p. 67). Сторонниками детальной классификации инстинктов и их множества являются также академик И.П. Павлов, выделяющий, в частности, особый «рефлекс свободы», Л. Петражицкий и В. Парето. См.: *Павлов И.* Двадцатилетней опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных, с. 219–210, 193–194 и passim; о других главнейших классификациях см.: *Parmelee M.* The Science of Human Behavior. New York, 1913, ch. XIII; *Сорокин П.А.* Система социологии. Пг., 1920, т. I, с. 87–88.

сто противоположны друг другу и не исчерпываются одними рефлексами социабельного характера, а включают в себя и такие акты, как рефлексы драчливости, самовыявления или индивидуальности (по терминологии Н.К. Михайловского[15]), властвования, захвата и т.д. В этом смысле человек является своего рода «coincidentia oppositirum»[6*].

9. Что касается условных рефлексов, то они бесчисленны по своей конкретной форме у человека. Огромное большинство актов, называемых в общежитии религиозными, правовыми, моральными, конвенциональными, эстетическими, вплоть до актов письма и речи – представляют собой условные реакции на условные стимулы. Акты крестного знамения, покаяния, причащения, судебного ритуала, вежливости, приличий, соблюдения моды и т.п., вплоть до нашей речи, оценок тех или иных явлений как красивых или безобразных, нравственных или безнравственных и т.д. – все это условные рефлексы, выросшие или воспитанные на стволе ряда безусловных рефлексов. С первого дня жизни они разными путями прививаются человеку, и в итоге у него устанавливается *определенная условная связь между определенными условными стимулами или обстановкой как комплексом последних* (например, *определенными лицами:* «отцом», «начальником», «знакомым»; *определенным местом или зданием:* церковью, кладбищем, кабаком; *определенным временем:* днем Пасхи, воскресеньем, именинами; *рядом явлений:* звоном, криком; *определенной обстановкой:* фабрики, судебного заседания, церковной службы, поля битвы и т.д.) *и между определенными способами реагирования на них* (акты молитвы в церкви, вставания во фронт перед генералом, пляски на балу и т.д.).

Условные реакции можно классифицировать *по степени сложности*. Есть условные рефлексы 1-го порядка, привитые прямо на безусловных; 2-го порядка, привитые или воспитанные на рефлексах 1-го порядка; 3-го порядка – основанные на предыдущих, 4-го, 5-го и т.д. порядков. Чем выше порядок условного рефлекса, тем он вариабельнее, более хрупок, легче гаснет и исчезает. Изменение безусловного рефлекса, над которым возвышается соответствующая пирамида условных рефлексов, влечет их общее колебание (подобно колебанию верхних этажей при колебании фундамента), угасание условного рефлекса 1-го порядка ведет к разрушению всех рефлексов высшего порядка, на нем основанных[16].

10. *Субъективным компонентом этих объективных актов служит наличие у человека соответствующих убеждений или правил поведения,* называемых религиозными, нравственными и т.д. «Не лги», «плати долги», «к обеду надевай фрак», «уступай место дамам», «молись Богу» и т.д. – это субъективное прояв-

[15] См.: *Михайловский Н.К.* Борьба за индивидуальность.

[16] См.: *Ленц А.К.* Методика и область применения условных рефлексов в исследовании высшей нервной («психической») деятельности» // Журнал психиатрии и неврологии. 1922, № 1; *Иванов-Смоленский Г.А.* Условные рефлексы в психиатрии // Там же.

ление соответствующих условных рефлексов. Изменение или исчезновение последних означает изменение или исчезновение и соответствующих убеждений. Иными словами, изменение условных рефлексов сопровождается надлежащим изменением этого субъективного мира «правил и убеждений».

11. Отношения разных безусловных рефлексов друг к другу, условных – друг к другу и первых ко вторым распадаются на три основных типа. 1) Когда ряд стимулов, в «поле влияния» которых находится человек, толкают его к совершению одних и тех же актов, мы имеем случай солидарного или, по Шеррингтону, «аллелированного»[7*] отношения их друг к другу[17]. Например, стимулы голода + холода + socius'a, предлагающего хлеб и мясо, толкают голодного человека в одном и том же направлении и дают пример солидарного взаимоотношения. При отсутствии противоположных стимулов под влиянием указанных человек решительно и без колебаний примется за еду. Ясными и решительными будут его мнения и убеждения относительно надлежащего поведения. 2) Когда стимулы, в «поле влияния» которых оказывается человек, требуют от него реакций противоположных, взаимно исключающих, мы имеем случай *антагонистического или тормозящего отношения разных стимулов-рефлексов друг к другу*. Примеры: половой детерминатор (в виде ряда стимулов, возбуждающих сладострастие) толкает человека к «греху», ряд других стимулов (требования морали, религии, боязнь наказания и т.д.) запрещают, тормозят «грехопадение». Детерминатор самосохранения толкает солдата бежать с поля битвы, ряд других – тормозят бегство. Если убеждения человека – субъективный компонент его рефлексов, то несовместимость последних ведет в таких случаях к противоречиям и в мире его убеждений. Они тоже становятся конфликтными. Наступает положение: «и хочется, и колется», «хочу, а вслед за тем: не смею»[8*]. Когда разные стимулы толкают человека к разным, но совместимым актам, мы имеем случай их *нейтрального взаимоотношения* и соответствующих реакций друг на друга. В чистом виде этот случай, однако, сравнительно редок.

12. Реальная среда, в которой живет и действует человек, состоит из такого множества различных стимулов, что одна часть их почти всегда оказывается антагонистом другой. Поэтому случай антагонизма разных стимулов-рефлексов – самый обычный для поведения человека. Наш организм как аппарат, пригодный для совершения самых различных актов (половых, пищевых, защитных и т.д.), представляет собой непрестанное «поле битвы» разных стимулов, стремящихся сделать его орудием выполнения своих реакций, превратить его из «чека на предъявителя» в свой «именной чек». Каждый момент поведения человека – равнодействующая бесчисленных «дуэлей» разных стимулов-рефлексов, происходящих в нем.

[17] См.: *Шеррингтон Ч.* Ассоциация спинно-мозговых рефлексов // Успехи биологии. 1912, с. 25–27.

13. Из этой «дуэли» победителем выходят сильнейшие стимулы-рефлексы, слабейшие же гаснут или не выполняются. Когда сила «дуэлянтов» равна – победу получает или tertius gaudens[9*], или человек начинает вести себя непоследовательно, противоречиво, становится нерешительным Гамлетом и часто… гибнет. Такая же непоследовательность, нелогичность и противоречие наблюдается в таких случаях и в мире идеологий и убеждений. Сейчас под влиянием одного стимула-победителя человек доказывает, что «a = b» (смертная казнь недопустима или война – преступление). Завтра под влиянием нового стимула-победителя он доказывает: «a не есть b» (смертная казнь буржуев, контрреволюционеров разрешается, война во имя Бога, справедливости, «Интернационала» и т.д. – похвальна). Такие акты – не исключения, а норма в поведении людей, и обычное представление о логической природе человека сильно преувеличено[18].

14. Так как безусловные рефлексы гораздо сильнее условных, взятых в чистом виде, то, как общее правило, из дуэли тех и других обычно выходят победителями первые. Условные рефлексы, тормозящие безусловные (если только первые не подкрепляются каким-либо другим безусловным рефлексом), «гаснут», исчезают, перестают выполняться.

15. Угасание условных рефлексов, тормозивших безусловный, означает освобождение последнего от пут и цепей, связывавших его активность и свободное проявление. Исчезновение каждого условного тормозного рефлекса похоже на обрывание веревки, прикреплявшей человека к определенному пункту (условному стимулу) и не дававшей ему свободы движений. Угасание всех таких условных связей напоминает освобождение человека от множества пут, которыми была ограничена свобода проявления его безусловных импульсов. В таком случае действия человека начинают определяться только безусловными стимулами и их рефлексами[19].

Таковы те положения, которые нужно было напомнить читателю. Из совокупности их следует, что поведение человека – явление исключительно сложное, что оно определяется в огромной своей части характером безусловных стимулов и рефлексов, что равновесие самого поведения достигается путем взаимоограничения и сложной борьбы разных стимулов и рефлексов друг с другом.

[18] См. об этом: *Pareto V.* Op. cit, vol. I–II.

[19] Развитие и подтверждение всех этих положений см.: *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. Пг., 1923; *Бехтерев В.М.* Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 и ряд диссертаций (Дерябина, Ленца, Орбели, Цитовича, Бабкина, Зеленого, Протоповича, Фролова и др.) из лаборатории Павлова и Бехтерева. См. также: *Meyer M.* Psychology of the other one. 1921; *Watson J.* Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. 1921; *Kempf E.* Automatic Function and the Personality; *Smith S., Guthrie E.* General Psychology in Terms of Behavior. Washington, 1921; *Weiss A.* Relation between Structural and Behavior Psychology // The Psychology Review. 1917, № 4. Подробный список литературы см. в моей «Системе социологии» (т. 1) и в книге «Голод как фактор».

§ 2. Общая характеристика деформации поведения во время революций

Поведение людей меняется и в обычное время. Чем же в таком случае отличаются «революционные мутации» поведения?

Тремя основными признаками: 1) *массовостью*, 2) *быстротой и резкостью* и 3) *специфическим характером*.

1. Изменение безусловных и условных рефлексов в обычное время носит *индивидуально-раздробленный и взаимно несогласованный характер*. С количественно-объемной точки зрения он не захватывает сразу большого числа индивидов. Ряд лиц, не кравших доселе, могут украсть, покорные могут оказать сопротивление властям и т.д. Но их акты не находят резонанса в поведении других членов общества.

Совсем иную картину мы видим при «революционных мутациях». *С объемно-пространственной стороны мутация здесь захватывает огромные зоны населения данного агрегата*. У массы лиц ряд условных рефлексов гаснет (например, рефлексы повиновения властям, уважения к собственности, привычного выполнения своей работы и т.д.), к массе лиц прививаются новые реакции, у массы лиц деформируются многие акты.

Таков первый *формальный признак «революционной деформации поведения».*

Вторым формальным признаком служит *быстрота, или темп изменения поведения*. Медленное массовое изменение поведения – обычное явление всех «нормальных» периодов социальной жизни. То, что характеризует «революционную деформацию», – это относительная быстрота и тем самым ее резкость. Говоря языком физики, *скорость протекания во времени процессов изменения поведения здесь несравненно бóльшая*.

В течение одного или нескольких месяцев поведение меняется радикально, скорость изменения достигает максимума и становится «бешеной». Отвивка множества рефлексов и прививка других, на которую раньше нужны были годы и десятилетия, теперь происходит в течении недель и месяцев[20].

Рабы, вчера еще беспрекословно повиновавшиеся господину, сегодня теряют все рефлексы повиновения, арестовывают и убивают его. Граждане, несколько дней тому назад еще не думавшие о сопротивлении властям, сегодня нападают на них. Крестьяне, неделю тому назад не помышлявшие посягать на чужие имения, теперь атакуют поместья. Мирный и добросердечный человек вдруг становится жестоким и кровожадным убийцей.

[20] «Окруженное ужасными опасностями Собрание прожило столетие в три года», – правильно замечает Мадлэн о французской революции (*Мадлэн Л.* Французская революция. Берлин, 1922, т. II, с. 208).

О речевых и субвокальных рефлексах нечего и говорить. Они меняются поистине с магической быстротой. В течение нескольких дней или недель монархист становится республиканцем, идеолог собственности – социалистом, верующий – атеистом. Как будто какой-то электрический ток проходит по членам общества и ведет к моментальному «угасанию», «отскакиванию» множества рефлексов, соблюдавшихся десятилетиями; и наоборот – к моментальной «прививке» множества новых норм поведения: религиозных, правовых, эстетических, моральных, политических, профессиональных и т.д.

Чернорабочий принимается за писание декретов и берет на себя функции управления, т.е. радикально меняет свои профессиональные акты. Металлист становится судьей, крестьянин – полководцем, подчиненный – повелителем; и наоборот: министр – рабочим, «буржуй» – скромным служащим.

Та же быстрая изменчивость характеризует и все течение революционного процесса. Он весь – движение и изменчивость, неустойчивость и смена.

Охваченные бешеным водопадом революции, индивиды срываются с насиженных мест, бросаются от одной профессии к другой, пропускаются через ряд партий, групп, верований – словом, меняют один «костюм рефлексов» на другой.

Обратной стороной этого факта, как увидим ниже, служит факт интенсивнейшей циркуляции и быстрых социальных перегруппировок в периоды революции. Неустойчивость и изменчивость поведения ведет здесь к неустойчивости и к постоянным колебаниям строения общества. Таков второй формальный признак «революционной мутации» поведения. Перейдем теперь к третьему.

Характеристика этой стороны несравненно сложнее. Попытаемся все же ее сделать. Как выше было указано, основные «пружины» поведения людей составляют прежде всего «безусловные стимулы», а основной «уток» первого состоит из совокупности безусловных рефлексов. Условные рефлексы – «надстройка» над последними, опирающаяся на них и прививаемая к ним.

Мы видели, что отношение их друг к другу бывает солидарным и антагонистическим. Когда основные безусловные рефлексы выполняются или, говоря субъективным языком, когда основные биологические потребности удовлетворяются в данных условиях при наличии данных условных рефлексов, последние могут благополучно сосуществовать с первыми – безусловными. Когда же какой-либо из основных безусловных рефлексов «ущемлен» (если воспользоваться терминологией Фрейда), не может выполняться, а соответствующая «безусловная потребность» удовлетворяться (например, потребность питания, половая, индивидуально- или группозащитная или сразу многие из них) и когда ряд условных рефлексов служит «тормозом», мешающим их выполнению (например, религиозные рефлексы в виде требований поста и запрета есть скоромное мешают удовлетворению голода, или правовые рефлексы в форме запрета пося-

гать на чужую собственность или нарушать правила целомудрия мешают захвату богатств другого или удовлетворению половых импульсов и т.д.), то между «ущемленным» безусловным и «тормозящими» его условными рефлексами начинается острый конфликт. *Он тем острее, чем сильнее ущемляется первый. Он начинает давить на все тормозящие условные рефлексы; чем далее – тем более, и в этой «дуэли» один из соперников должен быть разбит*. Совмещение их становится невозможным.

Если «дуэль» происходит между безусловным и чисто условными рефлексами, без поддержки их каким-либо другим безусловным рефлексом, то такая «дуэль» почти всегда кончается победой первого[21].

Условные рефлексы в чистом виде слабее безусловных. Нажим последних они редко выдерживают, а потому – при конфликтах – «отскакивают», «отвиваются», «гаснут», т.е. перестают выполняться. Там, где с первого взгляда кажется дело обратным, например в случаях «голодовок» в тюрьмах, принесения себя в жертву из-за «долга» (религиозного, партийного, патриотического и т.д.), где как будто бы рядом условных рефлексов депрессируются безусловные, – более внимательный анализ дает иные результаты, а именно: в подобных случаях мы обычно имеем не конфликт какого-либо безусловного рефлекса с *чистыми* условными, а конфликт первого со вторыми, *подкрепляемыми каким-либо тоже безусловным рефлексом*; условные скрывают его, «обволакивают», но сила их держится во втором. Отсюда – их победа. Не будь за ними их «безусловного» союзника – этой победы не было бы.

Наивно думать, что человек, поставленный между двумя силами, например, между силой безусловного рефлекса индивидуального самосохранения

[21] В книге «Голод как фактор»[10*] я даю следующий примерный индекс сравнительной силы разных безусловных и условных рефлексов.

Если детерминирующую поведение силу абсолютного голодания нормального организма в течение 48–70 часов принять за 100, то сравнительная сила других детерминаторов и их рефлексов будет колебаться в таких пределах:

1) безусловных рефлексов индивидуального самосохранения от неминуемой смертельной опасности – 100–150;

2) безусловных рефлексов индивидуального самосохранения от опасности косвенной, не смертельной – 30–80;

3) безусловных рефлексов групповой защиты жизни и жизненных интересов наиболее близких лиц (членов семьи, ближайших друзей и т.д.) – 90–140;

4) безусловных рефлексов защиты отдаленной группы ближних (государства, церкви, партии и т.д.) – 20–80;

5) безусловных половых рефлексов – 50–100;

6) совокупности различных условных рефлексов (правовых, моральных, религиозных, эстетических и т.д.), взятых в чистом виде, без поддержки их каким-либо безусловным рефлексом – 5–20.

Обоснование и способ выведения этих примерных index'ов указан в книге «Голод как фактор».

от смертельной опасности и силой чистого условного рефлекса (например, чистым сознанием долга, без подкрепления его другим безусловным рефлексом), пойдет по пути, требуемому вторым детерминатором. Таких чудес, как правило, не бывает[22].

Такой вывод следует из того, что безусловные рефлексы – наследственны, они, как результаты филогенезиса, «ввинчены в самый организм», не могут быть, пока он жив, от него отвиты (иначе – смерть) и появились давным-давно. Условные же рефлексы – результат индивидуального приобретения, они легко прививаются и отвиваются, они появляются очень поздно; прививаются только на почве безусловных рефлексов и без «подкрепления» их гаснут сами. Тем легче гаснут они при конфликте с безусловными – их основой, их корнем и стволом, на котором они живут и которым держатся. Запомним это.

Теперь примем во внимание (пока на веру, ниже это будет доказано), что *основными причинами массовых «революционных деформаций» поведения и тем самым революций* (см. ниже главу о причинах революций) *всегда были такие обстоятельства, которые вызывали сильнейшее ущемление какого-либо*

---

[22] Конкретной иллюстрацией этому может служить поведение русской армии после Февральской революции 1917 г. Временное правительство, введя идеальные свободы, уничтожив репрессии, в частности смертную казнь, надеялось управлять поведением граждан игрой на одних «высоких мотивах», т.е. условных рефлексах (напоминанием «долга перед родиной и революцией», «защитой завоеваний революции», апелляцией к моральным и социальным ценностям и т.п.); этим же путем «главноуговаривания» оно надеялось побудить солдат идти в бой – против пушек и смерти, держать их долго в окопах – в холоде, голоде, среди вшей, тифа и всяческих лишений. Нужно ли удивляться банкротству такой благородной, но наивной политики. «Свободные граждане» очень быстро стали «пьяными илотами»[11*], а «революционная армия» – сбродом бандитов, дезертиров и грабителей. Это было иным изданием куропаткинской стратегии и политики[12*]: «они нас пушками, а мы их иконами» (хотя бы и революционными). Только противопоставив смерти от неприятеля смерть сзади за дезертирство и неисполнение приказов, только выставив против ряда безусловных рефлексов другие – столь же сильные, – можно достичь успехов в управлении поведением масс. Иначе – как было всегда – «ворона будет клевать жертвенный пирог, а собака лизать жертвенные снеди, низшие захватят места высших и не будет ни у кого собственности» («Законы Ману»). Так и случилось. Подтверждение от обратного дает «политика» большевиков. Несмотря на ненависть огромной части населения – они держатся уже пять лет. Несмотря на полное нежелание народа сражаться – они достигли ряда успехов. Почему? Потому что сзади красноармейца стоял пулемет, а к виску граждан был приставлен револьвер террора. Эти «детерминаторы», возбуждающие рефлексы самосохранения, оказались куда действеннее, чем высокие мотивы. Граждане повинуются, армейцы – шли и идут на врага. Нельзя управлять огромной массой людей игрой на одних условных рефлексах. Такого общества еще не бывало и нет. Сказанное делает понятным наивность и многих современных рецептов спасения России, полагающих оздоровить и возродить ее только с помощью «религиозного сознания» (например, евразийцы[13*]), вкоренения идеи «патриотизма» и т.п. Все это хорошо и кое-какое значение имеет, но – при наличии за ними безусловных рефлексов, «одеждой» которых они и будут. Без этого они будут столь же действенны, как и «революционное главноуговаривание».

безусловного рефлекса или ряда безусловных рефлексов у массы лиц (например, рост голода и нужды; война как детерминатор, ущемлявший рефлексы самосохранения лица, и особенно неудачная война, вместе с первыми ущемлявшая и рефлексы группового самосохранения). *Ущемленный или ущемленные безусловные рефлексы начинали давить на все контрарные условные рефлексы. Итогом этого, согласно сказанному, может быть лишь отпадение, или угасание последних в поведении масс*. С другой стороны, как выше было указано, *у человека безусловные рефлексы редко выступают в голом виде*. «Человек есть существо, мотивирующее хорошими словами большинство своих поступков, вплоть до самых пакостных»[14*]. *Подавляющее большинство наших актов мы «пудрим», «одеваем» в «красивый» костюм множества условных рефлексов, особенно речевых.*

В отличие от животных человек редко совершает убийство без соответствующей речевой благородной мотивировки («во имя Бога», «прогресса», «Аллаха», «справедливости», «спасения души», «демократии», «завоеваний революции», «социализма», «республики», «братства», «равенства», «свободы», «счастья народа» и т.д.), редко ограбит ближнего без той же «пудры», редко совершит половой акт без соответствующей «романтики» и нежно-сложных аксессуаров, редко вырвет кусок изо рта своего ближнего, или один народ пойдет войной на другой без надлежащей симфонии множества «облагораживающих» условных рефлексов.

Наличие сознания и мышления у человека делает неизбежным для него «вуалирование» безусловных рефлексов множеством условных, особенно речевых. Плохо это или хорошо – но факт таков[23].

Если дело обстоит так, то отсюда следует, что *наряду с депрессированием и ослаблением множества контрарных условных рефлексов под напором «ущемленных безусловных рефлексов» последние должны вызывать появление, укрепление и развитие таких условных рефлексов, которые – в данной конкретной обстановке – не только не тормозят выполнение первых, но всячески благоприятствуют – «одобряют», «оправдывают», «мотивируют» – максимальное их осуществление, или «удовлетворение соответствующих безусловных потребностей»*.

Сказанное дает общее представление о том, в каком направлении происходит деформация поведения в революционные периоды.

В конкретном виде – она бесконечно разнородна и разнообразна. Описывать ее пестроту – нет возможности да и надобности. Но сущность ее намечается ясно. Как само явление революции, взятое в целом, имеет две основные фазы –

[23] Подробнее об этом см.: *Pareto V.* Trattato, vol. I–II (особенно vol. I). См. также: *Wallas G.* Human nature in politics. New York, 1909; *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1908, с. 4–5, 16–17.

подъема и падения, так и *в революционной мутации поведения также намечаются две основные стадии – подъема и понижения революционной волны*. Деформация поведения людей в обеих фазах резко различна, и потому необходимо отдельно указать основные черты изменения в той и другой стадии.

В чем же она состоит в первой фазе? *Во-первых, в угасании – депрессировании и ослаблении – множества условных рефлексов, контрарных при данных обстоятельствах ущемленным безусловным рефлексам масс*, т.е. мешающих их реализации и удовлетворению соответствующих потребностей[24]. Во-вторых, революционная деформация состоит в *«биологизации» всего поведения масс как следствии этого «угасания»*. Чем большее число тормозящих условных рефлексов угасает, тем сильнее это биологизирование, превращение человека-socius'а в человека-животное. Угасание всех антагонистических безусловным условных рефлексов означает отпадение множества тормозов, обуздывавших и сдерживавших полное проявление первых. С отпадением этих «тормозов» (в форме тормозящих религиозных, нравственно-правовых, эстетических, конвенциональных и других условных рефлексов, объявляемых революцией «предрассудками») безусловные рефлексы оказываются вполне свободными. Ничто, кроме них самих, больше не «стесняет» их. Они могут проявляться в полной мере. А поэтому *человек и его поведение становится в таких условиях функцией почти исключительно безусловных раздражителей и соответствующих им безусловных рефлексов*.

Но мало того. *Эта биологизация здесь достигает своего высшего напряжения в силу дополнительных условий революционной среды*. Безусловные рефлексы должны здесь проявляться в самых крайних, в самых «садических» формах не только потому, что они освобождены от тормозящих условных рефлексов, но и потому, что революционный комплекс раздражителей *в виде борьбы как основной формы деятельности в период революции* интенсивнейшим образом возбу-

[24] В первую очередь вместе с речевыми рефлексами, тормозящими ущемленные безусловные рефлексы, отпадают те условные рефлексы, которые более всего тормозят последние. Но вместе с ними угасает множество других, прямо и косвенно с ними связанных. Мы видели, что у человека только условные рефлексы первого порядка (*a*) прямо привиты на безусловных. Огромное число рефлексов второго порядка (*b*) привито на предыдущих (на *a*), рефлексы третьего порядка (*c*) воспитаны на *b*, четвертого (*d*) – на *c* и т.д.

Коль скоро значительная часть рефлексов первого порядка (*a*) в результате «дуэли» гибнет, то их угасание влечет за собой гибель и всех других рефлексов (*b*, *c*, *d*, *f* и т.д.) высших порядков, основанных и воспитанных на рефлексах первого порядка. Их «угасание» похоже на изъятие из сложного карточного домика нижних карт, или фундамента. Отнимите последние – и вся постройка развалится. То же и тут. Вот почему ошибочно думать, что при таком угасании условных рефлексов в результате «дуэли» с рефлексами безусловными дело сводится к «развинчиванию» двух-трех рефлексов. Нет! Угасает множество последних, вплоть до ряда нейтральных, отдаленно связанных с первыми. Огромная часть «социального костюма человека» (условных рефлексов высшего порядка), лишенная своей опоры (условных рефлексов первого порядка), отпадает, сваливается и обнажает голую ткань безусловных рефлексов.

ждает, стимулирует и доводит их до «белого каления»[25]. Чем острее и длительнее борьба, тем это «накаливание» будет резче.

В результате исчезновения условных тормозов поведения и выхода из-под контроля импульсов безусловных *на этой стадии*, как правильно утверждает проф. В. Савич (в докладе, сделанном им в Институте Лесгафта), *доминируют «процессы нервного возбуждения». «В результате чего поведение масс приобретает лихорадочный, возбужденный, бешено дикий характер. Он весь импульсивен, взбудоражен… не систематичен… эмоционален… полон "ажитации"*[15*]*, огромного натиска и энергии»*. Люди, подобно лодке в бурю, несутся с огромной энергией, «без руля и без ветрил»[16*] условных детерминаторов поведения, подгоняемые ураганом «накаленных» и разбушевавшихся безусловных рефлексов. Отсюда – стихийность и огромная разрушительная активность людей в первый период революции… Отсюда же – громадная активность освобожденных от тормозов, разбушевавшихся безусловных импульсов.

Такова вторая основная черта революционной деформации поведения.

Третьей ее чертой *служит появление и укрепление новых условных рефлексов, таких, которые не тормозят, а помогают удовлетворению ущемленных безусловных рефлексов*. Выше я уже указал, что у человека безусловные рефлексы редко выступают в «голом виде», без того, чтобы он не «завуалировал», не «окутал» их пышными одеждами условных рефлексов, особенно речевых. Давление ущемленных безусловных рефлексов не только гасит и «отвинчивает» тормозящие условные реакции, но изменяет одни и вызывает к жизни другие условные рефлексы, «благословляющие» и помогающие разгулу «ущемленных» безусловных импульсов. Первые служат теми «крыльями», на которых безусловные рефлексы взлетают ввысь, внешне преображаются из чисто животных импульсов в благородные и на вид величайшие ценности, помогают и актерам, и зрителям принимать их не за ту животную прозу, которой они являются на самом деле, а за высочайшую поэзию «Добра, Правды, Справедливости и Красоты». Они «оправдывают» эти импульсы. Они одевают их в прекрасный костюм. Акты убийства и грабежа, на которые толкают биологические импульсы, они «преображают» в акты «борьбы за Свободу, Равенство и Братство»; стрем-

[25] Это явление хорошо подметил Ч. Эллвуд. «В революциях всегда есть тенденция возврата к чисто животной деятельности, вследствие разрушений бывших привычек. Итогом может быть полное извращение социальной жизни в сторону варварства и животности, ибо борьба, как одна из самых примитивных форм деятельности, стимулирует все низшие центры активности… Она освобождает примитивные инстинкты человека, контролируемые с таким трудом цивилизацией. Насилие редко может быть применимо прямо в высшей стадии цивилизации без уничтожения целей, для которых оно предназначено. Его применение начинает процесс одичания, разрушительный для высших ценностей (условных стимулов поведения. – *П.С.*), с помощью которых человек так медленно научился управлять своим поведением» (*Ellwood Ch.* Introduction to Social Psychology. 1917, ch. VIII). См. также: *Ross E.* Foundations of Sociology, ch. XLV; *Лебон Г.* Цит. соч., passim.

ление завладеть чужим добром они гримируют в явления «общественно-святой реквизиции», половую распущенность – в «освобождение людей от суеверий», моральный цинизм – в великий «прогресс», зверский садизм – в «революционный героизм», разрушение ценностей – в «созидание и построение идеального общества» и т.д.

Такова их роль. Особенно ярко она проявляется в «речевых реакциях» во времена революций: в речах, брошюрах, листовках, газетах и в «субвокальных реакциях» – убеждениях и идеологии человека[26].

Все такие условные рефлексы не только не исчезают, но наоборот – множатся и крепнут. Но, как сказано, они не только не мешают «биологизации» поведения, а, напротив, усиливают ее, ибо они не тормозят безусловные импульсы (как угасшие условные рефлексы), а только «вуалируют», «гримируют» их и тем самым содействуют их размаху и разливу.

Таковы вкратце основные черты «революционной мутации» поведения на первой стадии, вытекающие из существа дела. Они даны во всех революциях, хотя конкретные их формы и могут чрезвычайно варьироваться в зависимости от множества условий времени и места.

Очертим теперь деформацию поведения во второй стадии революции, в период ее упадка.

В итоге дикой игры расторможенных безусловных рефлексов наступает «анархия». Они начинают антагонизировать друг с другом, ущемлять один другого, одни люди – других. Всякое приспособление к жизни и сама жизнь становятся трудными, почти невозможными, поэтому некоторые общества погибают. Другие выживают, но – как? Ущемленные друг другом и одними людьми, у других безусловные рефлексы начинают давить и ограничивать друг друга. Начинается «торможение» их – период «контрреволюции». К тому же результату ведет и истощение энергии, вызванное исключительно буйной прежней активностью. За несколько месяцев или за один-два-три года люди истощаются, организм их слабеет, становится вялым, вялыми становятся и безусловные рефлексы. В этом процессе на этой почве появляются сначала сильно действующие безусловные тормозные стимулы, затем к ним присоединяются условные тормозные, в итоге –

[26] Пусть не подумает читатель, что это «гримирование» происходит только в революционные эпохи. Это обычное явление в жизни людей. Примером может служить хотя бы поведение людей при посадке в переполненный трамвай или поезд. Пока человек не занял места – к чему толкают его импульсы, – его речевые и субвокальные рефлексы, состоящие на службе у этих импульсов, принимают определенный характер; «разум» начинает усиленно доказывать: «Подвиньтесь, господа! Есть же место. Какая невоспитанная публика. Только о себе и думают». Первый акт заканчивается: человек занял место. Теперь в трамвай лезут другие люди. Речевые субвокальные рефлексы делают поворот на 180 градусов, и человек начинает доказывать: «Да куда вы лезете! Видите, что нет места! Набиты, как сельди в бочке» и т.д. Эта комедия в двух актах постоянно повторяется в «Жизни человека», она проявляется ежедневно в различных областях поведения.

весь этот период, в противоположность первому, отмечен резкой печатью «торможения» и возрождения угасших условных тормозов. Разбушевавшиеся безусловные рефлексы берутся в «ежовые рукавицы», в «огонь и железо» и начинают «обуздываться». Так как на предыдущей фазе они доходят до состояния «белого каления», то для их обуздания необходимы столь же исключительные средства. Они обычно и появляются в виде «белого» или «красного» террора.

Наряду с этим происходит и прививка надлежащих условных тормозных рефлексов, главным образом – старых, угасших, но отчасти и новых. *В первый момент обуздание производится с помощью огня и железа, зверских и чисто механических мер, т.е. сильных безусловных стимулов.* Непосредственным результатом такого торможения, с одной стороны, и истощения энергии – с другой, является состояние «оцепенения» и «апатии» – увертюра ко второму периоду революции.

Огромная масса людей, еще вчера находившихся в состоянии безумной «ажитации», теперь связывается по рукам и ногам. На ее «свободы» (слова, печати, действия и т.д.) накладывается veto[17*], надевается намордник, а на общество – смирительная рубаха, стихию безусловных импульсов вводят в берега (иногда убивающие само общество, а не только его «ажитацию»). *Общество оказывается «закованным», связанным, оцепеневшим. На смену ажитации приходит тишина, остолбенение, инерция и апатия, на смену «возбуждению» – «торможение» и вялость, на место безумной импульсивности – утомленность и пассивность*.

Иногда это «торможение» производится руками «красных» усмирителей (Кромвель, Робеспьер, Ленин), иногда – «белых» (Кавеньяк во время революции 1848 года, Врангель и другие), но объективная роль и тех, и других в данном отношении однородна: все они, сами того не осознавая, совершают одно и то же дело «контрреволюции» – торможения «анархии» или дело «реакции».

Вслед за этой стадией усмирения «сумасшедшего» общества идет *стадия некоторого «пробуждения» от оцепенения, сопровождаемого прививкой условных тормозящих рефлексов*. Последние, подобно живой ткани, постепенно обволакивают собою (под повязками механических тормозов террора и других сильных безусловных тормозов) безусловные рефлексы; чем далее – тем сильнее, и, таким образом, *постепенно начинают заменять механические – «сильнодействующие» – бинты и тормоза террора и насилия*.

Чем скорее и энергичнее идет это воспитание условных тормозов, тем быстрее отпадают «механические» тормоза. Сплошь и рядом здесь случаются «перебои». Иногда «смирительная рубашка» с общества снимается раньше, чем тормозные условные рефлексы привьются и окрепнут. Тогда происходит новая вспышка «революционной активности», освобожденной от «сильнодействующих бинтов террора».

Эти вспышки ведут к новому усиленному механическому торможению, т.е. к рецидиву террора и подобных ему мер «укрощения». Последнее снова быстро ведет к оцепенению и к прививке тормозных рефлексов, до их достаточного укрепления. Только в этом случае механические тормоза окончательно снимаются с общества и революция может считаться законченной. Вне этого условия они могут сделаться «бытовым явлением».

Изучение ряда революций показывает, что *таких «рецидивов» в стадии отлива революции может быть несколько*. Революционная температура падает не по прямой, а по зигзагообразной, ломаной линии, с понижениями и повышениями.

Такова основная черта революционной мутации поведения во второй стадии революции.

Наряду с этим основным процессом на обеих стадиях происходит другой, более частный. На первой стадии революции расторможение рефлексов у одной части общества (восставших) ведет к торможению многих рефлексов у другой части (против которой восстают); на второй стадии часто происходит обратный процесс. Но это уже деталь, которую в данной работе мы описывать не будем. Она ничуть не покрывает и не заслоняет очерченных основных процессов расторможения в первый период, оцепенения и торможения во второй.

Из сказанного следует, что в противоположность первой стадии здесь 1) *биологическое ядро поведения начинает одеваться в костюм условных тормозных рефлексов, угасших в предыдущем периоде*. Происходит «реставрация», или «регенерация» огромного большинства их, частью в старой, частью в видоизмененной форме. 2) Тем самым здесь *начинают доминировать процессы торможения над возбуждением, «социализация» над «биологизацией», тормозная реакция над возбуждающей акцией.* 3) Резко изменяются и «мотивирующе-пудрящие» условные рефлексы, созданные в предыдущий период. Так как здесь происходит не разлив, а торможение биологических импульсов, то и *«возбуждающие» условные рефлексы становятся излишними и ненужными*. Если безусловные рефлексы обуздываются, то тем легче и сильнее «обуздываются» эти «крылья», эти «пособники» и подстрекатели последних. *Лишенные основы, они быстро никнут и гаснут, вытесняемые «тормозными» условными рефлексами*. Это особенно четко *проявляется в речевых и субвокальных реакциях*. Лозунги, идеологии, принципы, программы, оценки, верования и убеждения, эпидемически распространявшиеся на первой стадии революции, заражавшие массы и имевшие громаднейший успех, теперь теряют его, «дискредитируются», вызывают отрицательное к себе отношение – ненависть, иронию, презрение, издевательство. Новые боги, еще недавно столь обожаемые, теперь сбрасываются с пьедестала и на него возводятся старые – в старой же или модернизированной форме. Короче говоря, *налицо «реакция» в области речевых и субвокальных рефлексов*. То же самое происходит и в других областях условных рефлексов.

Сказанное, конечно, дает лишь основную схему, не исключающую отклонений, вариаций, второстепенных черт, но основную суть «революционной мутации» оно очерчивает.

Перейдем теперь к подтверждению и конкретизации сказанного. Рассмотрим подробнее характер деформации отдельных групп рефлексов.

Изучение их деформации еще больше убедит нас в правильности сказанного. Оно, далее, покажет нам правильность положения «история повторяется», вскроет черты сходства и различия разных революций и ряд деталей, не умещающихся в общей характеристике, данной выше.

§ 3. Деформация «речевых» рефлексов

Речь человека (устная и письменная) представляет собой особую форму условных рефлексов (speach-reactions). «Речевые рефлексы» интересны во многих отношениях. Они чрезвычайно гибки и многообразны по своему содержанию. Они являются показателями устремлений индивида, вскрывающими те стимулы, под действием коих он находится. В них обычно дается равнодействующая состояния организма и тех стимулов, которые детерминируют его поведение. В этом смысле, речевые рефлексы чрезвычайно сложны и представляют собой условные рефлексы наивысших порядков. Всякое значительное изменение условий и стимулов и всякое изменение рефлексов, их сложная игра и смена тотчас же проявляются в речевых рефлексах. В этом смысле они являются своего рода «термометром» состояния организма и окружающей его среды. Правда, это «термометр» своеобразный. Он показывает игру импульсов, особенно безусловных, в «приукрашенной», «облагороженной» и «завуалированной» форме.

В чистом виде последние выглядят прозаически, порой неэстетично. Речевые рефлексы дают этим импульсам «крылья» для взлета, красоту для ослепления и блеска, благородство – для необычайного энтузиазма и фанатизма. Они «обосновывают», «мотивируют», дают идеально заманчивые оправдания самым прозаически животным импульсам и преподносят их нам самим и другим людям в великолепной форме «добра, красоты, истины, прогресса, справедливости, бога, счастья людей» и т.д.

Из очерченной природы речевых рефлексов ясно, что они *в первую очередь деформируются при революциях*. Еще до революции этот «термометр», в виде роста речевых реакций недовольства и успеха их прививки к массе людей, отмечает рост «ущемленных» условий, с одной стороны, служит предвестником «взрыва» других рефлексов, с другой, и сам является фактором расторможения их – с третьей. «Недовольные речи», агитация, подрыв основ «ущемляющего

строя», рост «оппозиционности» – в газетах, памфлетах, брошюрах и на митингах, – распространение и прививка «освободительных идеологий» (энциклопедистов, Руссо и Вольтера во Франции, гуситства в Чехии, Уиклефа, лоллардов и индепендентов[18*] в Англии, марксизма, социализма и радикализма в Европе и т.д.) – все это проявляется еще до революции.

Начало ее характеризуется *«расторможением» речевых рефлексов – и с количественной, и с качественной стороны*. «Язык людей развязывается». Его «перестают держать за зубами». Он получает свободу (то же самое применимо и к письменным речевым реакциям). Начинаются речи, речи и без конца речи. Митинги и собрания, заседания и демонстрации. Широкая река газет, брошюр, листовок, плакатов, афиш – затопляет страну… Словом, количественно речевые рефлексы увеличиваются.

Растормаживаются они и «качественно». «Свобода слова и печати» – обычное и неизменное требование революций. Язык, молчавший раньше или не затрагивавший многих «святынь», теперь начинает «поносить», «бичевать», «обличать» все условия, ущемлявшие ныне освобождающиеся рефлексы. Он начинает призывать к низвержению этих тормозов и стимулировать их разрушение; а вслед за ними – в силу того, что они связаны с другими, условными тормозами, – и других «богов и святынь» (религию, церковь, собственность, мораль и т.д.). *«Долой!»* – вот монотонное резюме этих бесчисленных призывов. Призывы к «умеренности», «самоограничению» здесь не имеют успеха. Идеологии, тормозящие эту «неограниченную свободу» ущемленных аппетитов, не находят отзвука. Идеологии же такого рода свободы и призывы к ней, в наивном или рафинированном виде «благословляющие» низвержение всех тормозов (власти, церкви, религии, собственности, семьи, брака и т.д.), «пудрящие и облагораживающие» («во имя равенства», «Бога», «Интернационала») захват, грабеж, насилие, убийство, месть и другие безусловные стимулы, прививаются с быстротой эпидемий и обретают тысячи адептов.

Такова «деформация речевых реакций» в первый период революции.

Второй этап – *период количественного и качественного торможения речевых реакций*. И здесь они идут впереди других. *«Торможение» их – предвестник торможения других рефлексов и симптом перехода революции во вторую, тормозящую стадию* – независимо от того, «белой» или «красной» властью это торможение производится. На язык надевается узда. Масса газет закрывается. «Свобода печати» ограничивается. «Свобода слова» аннулируется. Митинги запрещаются. Агитация преследуется. За нарушение – кара, начиная с тюрьмы и кончая гильотиной или расстрелом. При таких «тормозах» люди начинают держать язык за зубами. Море речевых рефлексов высыхает. Вместо разнузданности речи наступает период «шептограмм». Воцаряется молчание…

Успех «растормаживающих идеологий» первого периода проходит. Их место начинают занимать идеологии, лейтмотивом которых становится лозунг: «Порядок и Торможение».

С наступлением нормальной жизни исподволь возвращается «способность речи». Сначала она нечленораздельна, похожа на мычание («эзопов язык»), потом делается более отчетливой, но во многом уступает «вакханалии языка» первого периода революции. Иногда, когда язык слишком «развязывается», снова начинается «торможение». Таких колебаний может быть несколько в продолжение одной революции.

Такова суть деформации речевых рефлексов в период революции.

Наряду с этим основным процессом происходят и другие. 1. *Появляется множество новых терминов для выражения новых переживаний*. 2. *Каждый период имеет свои любимые и преследуемые слова. Как правило, любимое слово первого периода становится ненавидимым во второй период, и наоборот*. 3. *То же самое относится и к идеологиям,* движение коих рассмотрим ниже. 4. *В каждый период словесная вакханалия охватывает «победителя», а тормозящее молчание – «побежденного». Каждая сторона тормозит другую*.

Подтвердим сказанное справками из истории.

Египетская революция (1600–2000 гг. до Р.Х.). Речевое воздержание в нормальное время считалось в Египте праведным делом. Недаром в «Книге Мертвых» в качестве дел, угодных Осирису, значится: «Я не говорил лишних слов». Эта добродетель, как видно из нижеприведенных слов современника тех событий Ипувера, во время революции исчезла. Язык растормозился. «Шума достаточно в годы шума… нет конца шуму. О, если бы затих шум на земле», – отмечает он в своей скорбной поэтической летописи египетской революции. «Рабыни не стесняются в речах, а когда их госпожи говорят – это им не нравится»[27].

Рим. Такую же расторможенность языка мы наблюдаем и здесь во время революций, участившихся к концу периода республики, начиная с эпохи Гракхов. С этого периода начинается беспрерывное «митингование», появляется и растет митингующий хлебный плебс, выделяются профессионалы речевых рефлексов – ораторы, политика начинает делаться на площадях, возникают «растормаживающие» – уравнительно-освободительно-радикально-социалистические – идеологии и лозунги. И наоборот – в периоды «усмирения», повторявшиеся несколько раз, происходит усиленное «торможение». «Пестрый уличный сброд никогда не переживал такой отличной поры, не имел таких веселых сходок. Имя всем этим маленьким – великим людям – легион. Демагогия совершенно превратилась в ремесло». Толпа все время на форуме. Агитация – громадна. Вместе с тем «уже раздались те многознаменательные слова, что только бедняк может

[27] *Викентьев В.* Революция в древнем Египте // Новый Восток. 1922, № 1, с. 290; *Тураев Б.А.* Древний Египет. Пг., 1922, с. 120–121.

быть представителем бедняков и что должна быть диктатура бедноты»[28]. Лозунги: «Долой тормоза!» (Сенат, патриациат, аристократию, богатых, собственность, семью, старых богов и т.д.), с одной стороны, кассирование долгов, передел земли – с другой, призыв к equatio pecuniae et bonorum equatio[19*] и т.д. – широкой волной разливаются по стране. «В грандиозном социальном движении в эту эпоху не было недостатка в элементах, увлекавшихся самыми крайними социалистическими и разрушительными идеями»[29].

В эпоху подавления, например при Сулле и позже, «безмолвный ужас давил всю страну и нельзя было услышать ни одного свободно выраженного мнения»[30].

Греция. То же самое явление мы видим и в греческих революциях VII–VI вв. до Р.Х. (в Афинах, Милете, Митилене, на Самосе, в Аргосе, Мегаре, Сиракузах и т.д.), в 427 г. в Керкире, в 412 – на Самосе, в 370 г. в Аргосе, а равно и в революциях, предводительствуемых Агисом IV, Клеоменом III, Набисом и т.д. Достаточно прочесть хотя бы описание Керкирской революции Фукидида, чтобы увидеть это[31].

Бесконечные и дикие буйства здесь предварялись и сопровождались тем же «буйством» языка, который тормозился в моменты отлива революций.

То же самое явление мы видим, например, до, во время и после *крестьянского восстания в Англии в 1381 г.* Незадолго до восстания появились: «растормаживающая» проповедь Уиклефа и его учеников, распространение «Видения Петра Пахаря»[20*], агитация Джона Болла и лоллардов. «Лолларды росли, как молодые побеги из корня дерева, и наполняли всю страну». В речевых рефлексах подрывается собственность, догмы церкви, привилегии сословий («...когда Адам пахал, а Ева пряла, кто дворянином был тогда?»), основы государственной власти. «Проповедовали, что собственность – дар благодати божьей, что грешники лишаются благодати, дающей собственность» и т.д.[32] После усмирения восстания приходит обычное «торможение».

То же самое – в *чешской революции XV в*. Ей предшествует опять-таки «растормаживающая» проповедь гуситства, «колебавшая самые основы католической церкви, отвергавшая повиновение Папе и все церковные учреждения, божественность которых нельзя подкрепить священным писанием». К этому ис-

[28] *Моммзен Т*. Римская история. М., 1887, т. III, с. 260, 81 и др.

[29] *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 514–521, 533, 503–582; *Пельман Р*. Ранний Христианский коммунизм. Казань, 1921. Подробности см.: *Феррero Г.* Величие и падение Рима. М., 1915–1916, т. I–III; *Duruy V*. Histoire des Romains. Paris, 1885, vol. V; *Ростовцев М.И*. Рождение Римской Империи. Пг., 1918.

[30] *Моммзен Т.* Римская история. М., 1887, т. II, с. 347.

[31] *Фукидид.* История. III, 82–85; подробности см.: *Пельман Р.* Цит. соч.

[32] *Вебер Г.* Всеобщая история. СПб., 1894, т. 8, с. 43–48. Подробности см.: *Оман Ч.* Великое крестьянское восстание в Англии. М., 1897; *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы. М., 1900, т. II; *Петрушевский Д.М*. Восстание Уота Тайлера. М., 1915; *Грин Дж.* Краткая история английского народа. СПб., 1897, вып. 1, с. 277–285.

подволь присоединялись критика и отвержение массы других социальных «тормозящих ценностей» (власти, сословий), в период гуситских войн приведшая к порицанию собственности… даже семьи. (Табориты, и среди других сект – голые адамиты[21*], провозглашавшие даже общность жен). Во второй стадии, после войн Яна Жижки и Прокопа, мы видим и «торможение» речевых рефлексов – количественное и качественное[33].

Нечто подобное видим и в *нидерландской революции XVI в*. Причем здесь в периоды торможения «язык каждого пленника завинчивался в железное кольцо и прижигался горячим железом»[34]. Чуть ослаблялось торможение – поднимался ропот.

Не иначе обстояло дело и в *английской революции XVII в*. Перед революцией «в высших классах недовольство (политикой Карла I) обнаружилось уклонением от двора и свободой мыслей (т.е. речевых рефлексов), дотоль неслыханной». Еще сильнее то же самое проявилось в низах.

Расторможение языка началось и шло crescendo. Идет небывалый урожай «растормаживающих» памфлетов в 1636 г. (Прейн, Бортон, Лильберн и др.), развязывается язык в парламенте и на улицах, критика смелеет, «свобода слова», «вольнодумство» и крайние учения растут. Речи крайних индепендентов, отвергавших аристократию и власть монарха не только в церкви, но и в государстве, требовавших равенства прав и распределения богатств, находили живейший отклик. «Вольнодумцам нравились такие речи, им хотелось довести революцию до крайних пределов»[35].

Дальше – больше. «В низших слоях обнаружилось кипучее волнение умов; по всем предметам стали требовать неслыханных реформ». «Их самоуверенность и повелительный язык равнялись их невежеству и незначительности… Потребованные к суду, они говорили, что не верят в законность самих судей… В церквях они бросались к кафедре и прогоняли с нее (умеренного) проповедника». Идеологии рационализма, эгалитаризма, коммунизма, республиканизма закружились ураганом. Началось «митингование», посыпался дождь растормаживающих памфлетов. В них писалось: «Закон есть печать хитрого порабощения», «Тюрьмы – святилище богатых и место мучений для бедных». Религиозное растормаживание иллюстрируют слова солдата: «If I choose to worship that

---

[33] *Вебер Г.* Цит. соч., с.205–207. Подробности см.: *Ли Ч.* История инквизиции. СПб., 1911, т. 1–2; *Denis E.* Huss et la querre des Hussits. Paris, 1878; *Palacky F.* Geschichte von Böhmen. Prag, 1851; *Каутский К.* От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. 1.

[34] *Мотлей Д.* История Нидерландской революции. СПб., 1866, т. 2, с. 57, 218.

[35] *Гизо Ф.* История английской революции. СПб., 1886, т. 1, с. 62–63, т. 2, с. 2–3. См. также: *Gardiner S.* History of the Great Civil War. New York, 1886–1891, vol. 1–2; *Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate. London, 1903, vol. 1–2; *Gardiner S.* O. Cromwell. 1899.

pinpoint, what is that to you»[22*]. «Боже праведный! – пишет современник о проповедях анабаптистов[23*]. – Сколько ужасных возмутительных криков, разрушений, убийств, пожаров. Слушая их, я думал об ответе Спасителя апостолам: “Вы не знаете, каким духом исполнены ваши сердца”»[36].

В театрах шли пьесы, осмеивавшие католичество, а вслед за тем начавшие осмеивать и самих реформаторов, так что «реформаторское духовенство принуждено было само принять меры против этого из боязни, как бы не быть и самому унесенным антирелигиозным движением»[37].

«Низвергать, низвергать и низвергать – вот все, что было в умах и сердцах людей», – так характеризовал положение дел сам Кромвель в своей речи в парламенте в 1654 г.[38]

Со второй стадии, с момента единовластия Кромвеля, началось и торможение – в виде арестов Лильберна, других памфлетистов, непокорных членов парламента; в виде подавления свободы слова и печати. Право печатания книг дается лишь четырем городам. Вводится строжайшая цензура. «Ни один журнал, ни одно периодическое издание не могли выходить без разрешения правительства, типографщики должны были представлять залоги. Подвергали суду и наказанию не только сочинителей, но и всякого купившего возмутительное сочинение, брали штрафы». Запрещаются митинги и собрания. Закрываются театры, изымаются из обращения все разносчики и уличные певцы, глава семьи обязывается держать взаперти детей и слуг, кроме немногих часов, и т.д. Словом, полное торможение; в итоге – «все уступило, все смолкло». Пришло оцепенение. Потом уже началось снова пробуждение в виде памфлетов и нападок на Кромвеля, но до конца своей жизни он удачно тормозил новое «развязывание языка»[39].

Великая французская революция.

И здесь в высших классах расторможение речевых рефлексов началось еще задолго до революции (энциклопедисты, Руссо, Вольтер и другие с их проповедью рационализма, космополитизма, геоцентризма, республиканизма, атеизма, прав человека, с их критикой тормозящих «суеверий»).

С началом революции «море речевых рефлексов разливается» и приобретает бешеный характер. Начинаются бесконечные митинги, рост клубов, брошюр, газет и т.д. Число якобинских клубов к началу 1791 года достигает уже 227, через три месяца их 345, к концу Конституанты[24*] – 406. Расторможение ясно

[36] *Гизо Ф.* История английской революции. СПб., 1886, т. 2, ч. 1, с. 96–97, т. 3, с. 7, 63–64.

[37] *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. СПб., 1906, с. 294.

[38] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. III, с. 109.

[39] Там же, т. 1, с. XXIV, т. 2, с. 51–52, 123, 176; *Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate, vol. 4, chap. XLII.

и в наказах, и в «Декларации прав человека», и в газетах, и в речах, и в театральных представлениях. Все старые тормоза – власть, король, тираны, аристократия, церковь, религия, семья – осмеиваются и критикуются. Число революционных пьес и «стихов» растет без конца. Их содержание – «апофеоз свободы, республики и равенства», с одной стороны, потакание всевозможным биологическим импульсам – с другой, растормаживание от суеверий – власти, церкви, семьи, собственности и т.д. – с третьей. Все эти пьесы: «Современное равенство», «День 10 августа», «Бюзо», «Кальвадосский царь», «Республиканская вдова», «Любовная гильотина», «Последний суд царей», «Карл XI», «Муж-духовник», «Еще кюре», «Свадьба Ж.Ж. Руссо», «Взятие Бастилии», «Дружба и братство» и т.д. – все они довольно монотонно перепевают эти мотивы, все они наполнены в изобилии лозунгами «Долой оковы!», «Да исчезнут тираны, цари, попы, аристократы!», «Пойдем и уничтожим ненавистные цепи!» и т.д. То же самое и в бесчисленных стихах, начиная с «Марсельезы» и кончая стихоплетениями Лагарпа, Мариуса, Шенье и других.

Тем же переполнены и газеты, в особенности самые популярные вроде «Друга народа» Марата и «Отца Дюшена». Сам язык их – «ядреный», чересчур крепкий, полусальный, полубредовый. «Из-под пера Марата вечно вырываются одни и те же слова: подлецы, злодеи, дьяволы». Призывы «Долой!» – неизменны. Требования голов – постоянны. Ж. Мишле подсчитал, что число их у Марата не более и не менее, как 270 000 голов. «Отец Дюшен» потакает растормаживанию всего[40].

Словом, буйство языка безгранично во всех отношениях.

Наряду с этим явлением, как и в других революциях, происходит и другое: язык меняется по существу. Вводится масса новых терминов, или изменяется смысл старых (budget, club, motion, constitution, aristocratie, revolutioner, lauterner, septembreser, guillotine, redicide, sans-cullote), новые выражения и шутки («сунуть голову в окно», «чихнуть в мешок» = гильотинировать), запрещается ряд слов (например, обращение на «вы», monsieur), делаются обязательными другие («ты», citoyen и т.п.). Словом, целая революция языка...[41]

С момента диктатуры якобинцев начинается одностороннее торможение. Антиякобинские речевые рефлексы преследуются. «Памела», «Друг законов», «Свадьба Фигаро» и даже пьесы Мольера без переделок не разрешаются к поста-

[40] Например, отменяется ввозная пошлина на вино. Он пишет: «Наконец-то наших ребят, любящих малость выпить, не будут разорять; вместо “мерзавчика” теперь можно хватить и “сороковку”. Какая радость!» И идет, по обычаю, добавление трехэтажного выражения.

[41] *Кабанес О., Насс Л.* Цит. соч., с. 250–310; *Олар Ф.В.А.* Ораторы революции; *Мадлен Л.* Французская революция, т. 1, с. 14, 25–26; *Taine H.* Les Origines de la Franice contemporaine, т. 1–3; История французской революции Ж. Мишле, Ж. Жореса и др.

новке. Вводится цензура театра, газет, речей. Происходит сильнейшее обуздание антиякобинского языка. После термидора[25*] этот язык развязывается[42], но зато тормозятся якобинские речевые реакции.

При директории торможение ширится и углубляется, в особенности после восстаний вроде фрюктидорского[26*]. Клубы закрываются, газеты тоже, вводятся разрешительный порядок, залоги, штрафы, аресты, контролируется театр и т.д.[43] При Наполеоне, как известно, этот процесс пошел дальше и привел почти к полному уничтожению свободы устного и печатного слова[44].

Революция 1848 г. во Франции. То же самое явление: с начала революции – бесконечные митинги и рост клубов, число коих достигает до 700. «Существовали сотни клубов, в которых каждый говорил то, что ему приходило на ум, каждый высказывал свои мечты и строил проекты. Стены были покрыты громадными афишами. Каждый день появлялись новые газеты, которые как бы хотели внушить страх своими громкими или грозными названиями, например: «Le Père Duchene», «La Commune de Paris», «Le Tribun de peuple», «La Voix des clubs», «La Voix de Femmes», «La Peuple», «L'Ami du Peuple»[27*] и т.д.

По обычаю, бесконечные празднества, иллюминации и демонстрации. В клубах «осыпали лестью пролетариев, называя их "народ, непогрешимый народ"». «Газеты соперничали друг с другом насильственным тоном статей». «Казалось, какое-то безумие охватило все общество». «Каждый день происходили все более и более угрожающие манифестации. Газеты предавались все более и более страстной полемике (и все) возбуждали к восстанию, к гражданской войне». То же неизменное «Долой!» по адресу всех тормозов, и «Да здравствует!» – по адресу «свободы» (расторможение).

После восстания 22–25 июня[28*] начинается резкое торможение, осуществляемое Кавеньяком. Масса газет закрывается. Вводится залог в 24000 франков (вызвавший реплику Ламенне «Мы не достаточно богаты: бедные – молчать»), усиливаются репрессии, клубы закрываются, собрания – также. Общий клич: «Порядок!» Позже снова видим некоторое расторможение, но после 13 июня 1849 г. Наполеон приказывает: «Прекратить агитацию, успокоить добрых и заставить терпеть злых». Законами 15 мая 1850 г. и другими «речевые рефлексы» берутся в ежовые рукавицы» (контроль печати, школы, церкви, закрытие газет, клубов и т.д.)[45].

---

[42] «Задушенная при тиране (Робеспьере) печать мстила. Она множилась… наряду с газетами появился целый дождь брошюр, нападавших на охвостье Робеспьера» (*Мадлен Л.* Цит. соч., т. 2, с. 156-157).

[43] Там же, с. 294. См. также соответствующие места в работах Тэна, Тьера, Жореса, в «Политической истории Французской революции» Ф.В.А. Олара (СПб., 1920) и др.

[44] См.: *Тарле Е.* Печать во Франции при Наполеоне. Пг., 1922.

[45] *Грегуар Л.* История Франции в XIX веке. М., 1896, т. 3, с. 21–52, 140–141, 446–450.

Сходное монотонно повторяется и во время *германской революции 1848 года.*

«Весной и летом 1848 г. в Берлине… каждый день приносил с собой новые собрания и плакаты. Клубы и газеты росли, как грибы. Свобода мнений и союзов была осуществлена…» «Власти старались положить этой свободе пределы, однако пришлось вооружиться на некоторое время терпением: пока еще не было возможности удовлетворить их фанатическую жажду порядка».

В Австрии «в домартовское время оппозиционной прессы совершенно не было». С началом революции «разом выросла новая пресса. Большинство органов имело революционный характер. Невинные журнальчики превратились в радикальные политические журналы. В общей сложности в Вене появилось до 220 политических газет. Многие из них говорили грубым и вульгарным языком» и т.д.

К концу 1848 г. началось торможение. 12 ноября в Берлине «все клубы и союзы были распущены, демократические газеты закрыты, войска срывали все плакаты, воцарилась военная диктатура»[46]. А там пошли обыски, аресты и обычная коллекция тормозных стимулов.

То же самое происходит во время *французской революции 1871 г.*

Уже в 1868 г. «оппозиция в палатах увеличилась, пресса стала смелее». Давление на нее – слабее. «La Lanterne» Рошфора[29*] имеет необычайный успех. Речи в 1869 г. столь смелы, что даже Делеклюз порицал их.

После Седана[30*] расторможение сразу делает громадный успех. Общий крик – «Низложение!». «Свобода прессы, собраний, афиш была безгранична». Бесконечные манифестации. Рост экстремизма во всех отношениях, приводящий к Коммуне[31*].

Но Коммуна же начинает и торможение. Антикоммунистическая печать закрывается. Лиссагаре заявил: «Мы требуем прекращения без фраз всех газет, враждебных Коммуне». С падением ее торможение падает на антитьеровские газеты, а затем – после расправы – и все газеты вводятся в «рамки»[47].

В точности такое же явление повторилось *в русской революции 1905–1906 гг. и повторяется сейчас, в революции 1917–1923 гг.*

Уже в конце 1916 г. «развязывание» языков и в Государственной Думе (речи Милюкова, Керенского, Чхеидзе, Шульгина и других[32*]), и в частных собраниях, и на улице, и в прессе началось. Чем ближе к концу февраля 1917 г., тем сильнее. С 27 февраля 1917 г. «расторможение» делает громадный скачок вверх[48]. Беспре-

[46] *Блос В.* Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907, с. 269, 220, 392–393.

[47] *Грегуар Л.* Цит. соч., т. 4, с. 185, 260, 373, 425; *Лиссагаре П.О.* История Парижской коммуны. СПб., 1906, с. 320, 417–431.

[48] См. уже опубликованные мемуары («Дни» Шульгина, «История второй русской революции» Милюкова, «Записки о русской революции» Суханова) и особенно газеты тех дней.

рывные митинги – всюду и везде: в домах, в казармах, в Государственной Думе, на улицах, в учреждениях…

Тон всех газет (вплоть до «Нового Времени») сразу меняется. В течение одной-двух недель появляется множество газет, одна другой левее. Стены города заклеились бесчисленными афишами. Расходование бумаги на воззвания и прокламации сразу повысилось в несколько раз. В один день монархические «речевые рефлексы» заменились республиканскими.

Уже в первой декларации Временного правительства были провозглашены все свободы[33*]. Далее, сразу же пошло растормаживание и освобождение солдат от воинской дисциплины с призывами, равносильными призывам убивать офицеров, не подчиняться приказам, кончать войну; к гражданам посыпались призывы вылавливать и убивать полицейских. Дальше – больше. Как из рога изобилия хлынули речи о 6–8-часовом рабочем дне, о ненужности утомительной работы; к крестьянам полетели воззвания забирать помещичьи земли, громить усадьбы, ко всем и вся – гимн о свободе, неограниченной и бесконечной свободе. Изредка еще раздавались лозунги: «рабочие – к станкам, солдаты – к оружию, крестьяне – подождите», но все это было каплей в море.

Расторможение прогрессировало: скоро появились речи о низвержении капитализма и буржуазии, о «социализации» всего и вся, о раскрепощении от буржуазных семейных предрассудков, о «религии – опиуме народа»[34*], о предательстве Временного правительства и соглашательских Советах, беспомощно пытавшихся теперь тормозить «углубление революции». В итоге – все речевые тормоза отпали. «Язык очутился в условиях полной свободы» и болтал то, что приказывали безусловные импульсы.

Песни, стихи, театральные пьесы, рассказы и т.д. приобрели соответствующий характер. Их основной мотив – «Долой!» и «Да здравствует свобода!».

Пришли большевики. В первые недели после октябрьского переворота и они еще не могли тормозить. Но в 1918 г. торможение началось. Все некоммунистические газеты были закрыты. Некоммунистические собрания, митинги и общества – ликвидированы. Посыпались аресты, обыски и… первые расстрелы. Торможение приняло хотя и односторонний, но неограниченный характер. За слово протеста – арест и избиение, за антисоветскую прокламацию – расстрел, за неразрешенное собрание – «к стенке».

В конце 1918 г. все смолкло. Язык страны оцепенел, кроме языка самих коммунистов. В 1919–1921 гг. вся страна, кроме 600 000 коммунистов, «лишилась языка». Ни одной коммунистической газеты, ни одной свободной речи, ни одной книги, изданной без благословения цензуры, ни одной визитной карточки, напечатанной без разрешения комиссара. Лишь шепотком, подозрительно осмотрев стены, два-три близких человека осмеливались сообщать друг другу «шептограммы». И то не всегда.

Вместе с тем резко изменилась и терминология. Появилось множество новых слов и выражений: «совдеп», «нарком», «чека», «наробраз», «совнархоз», «замкомпрод», «товарищ», «комбед». Наложен запрет на некоторые прежние слова: «господа», «милостивый государь» и т.п. Другие приобрели специфическое значение: «к стенке», «пустить в расход», «ликвидировать» (расстрелять), «буржуйка» (железная печка), «хановоз» (автомобиль) и т.д.[49] Словом, и здесь повторилось то же, что было и при других революциях.

С началом «нэпа», во второй половине 1921 и в начале 1922 гг., тормоза немного ослабли. К людям начала возвращаться способность «нечленораздельной речи». Они пытались сказать что-то оппозиционное. Появилось два-три журнала, вышло несколько книг с признаком оппозиционности[35*]. Они успешно раскупались. Слово «товарищ» стало встречать отпор. Публика начала чуть-чуть смелеть. Но… в середине 1922 г. журналы были закрыты, «мычавшие» лица – арестованы, часть выслана, кое-кто расстрелян и… Россия снова замолчала, перейдя на «шептограммы»… Молчит и по сие время, когда я пишу эти строки… Торможение «речи» 99,5% населения продолжается. Мудрые правители учат его пословице: «Слово – серебро, молчание – золото». Зато сами заливаются вовсю.

Дальше будет то же, что было и во время других революций. Или исподволь тормоза ослабнут, и население снова получит «умеренную свободу речи», далекую от вакханалий первого периода революции, или – при резком падении большевиков – будет временная полная заторможенность всех коммунистических, социалистических, революционных, атеистических, радикальных речевых рефлексов, взрыв мстительных речей по адресу большевиков, а затем – после нескольких подобных перебоев – рефлексы войдут в нормальное русло, близкое к тому, в каком они текли до революции.

Итог нашего обзора – «история повторяется».

Другой итог его – полное подтверждение выставленных общих положений. В разных координатах времени и пространства мы видим одно и то же[50]. Ниже будет показано, что даже содержание речевых рефлексов во всех революциях довольно однообразно.

Основное различие революций в этом отношении состоит лишь в том, что растормаживаются не одни и те же группы речевых рефлексов (язык «бичует» не

[49] См.: *Горнфельд А.Г.* Новые слова и словечки. Пг., 1922.

[50] Для полноты я мог бы увеличить эту коллекцию революций многими другими: китайскими, персидскими, мусульманскими и т.д. Но я считаю это излишним. Пусть читатель изучит с этой точки зрения хотя бы коммунистическую революцию маздакистов в Персии (при Кобаде) или множество революций в исламских халифатах (восстание коптов, коммунистов-бабекистов, рабов, измаилитов, карматов, ваххабитов и т.д.)[36*] – итог он получит тот же самый. См.: *Malcolm J.* The History of Persia. London, 1829, vol. I, p. 100–106, vol. II, p. 344, 353; *Мюллер А.* История Ислама от основания до позднейшего времени. СПб., 1895, т. 1, с. 161, 176, 182–192, 278–280, 216–217, 240, 193–196, 237–239.

одни и те же тормозные устои) и далеко не одинаково идет процесс расторможения: в одних революциях он останавливается на определенной меже, в других – идет дальше, пока не испепелит и не сбросит в грязь все «тормозные ценности».

Например, в революциях 1848 г. он мало затронул «тормоза», обуздывающие половые рефлексы; легко задел и тормоза, удерживающие людей от захвата и присвоения чужой собственности. То же самое в значительной мере относится и к Английской революции XVII в. В русской же революции 1917–1923 гг. и Великой французской расторможение речевых рефлексов пошло несравненно дальше; оно снесло тормоза, удерживающие людей от «поношения», «бичевания» и насмешек над «святостью семьи и брака», над недопустимостью насильственного захвата чужой собственности и даже самим институтом собственности и т.д.

Чем глубже революция, тем дальше идет этот процесс. Зато тем суровее, грубее, беспощаднее бывает и торможение. Ревнители «безграничной свободы» речевых рефлексов должны знать, что своими действиями они подготавливают безграничное же торможение «свободы слова».

Чем дальше разбег – тем сильнее отскок. Чем сильнее расторможение – тем сильнее торможение. «Действие равно противодействию». И наоборот: чем сильнее было механическое торможение «свободы слова» до революции, тем сильнее и глубже бывает расторможение, тем необузданнее зерно неограниченной свободы речевых рефлексов.

Сейчас мы рассмотрели эти явления только с формальной стороны. Ниже мы рассмотрим их с точки зрения «содержания» самих речевых «субвокальных» рефлексов: идей, мнений, оценок, убеждений и идеологий. Мы увидим, что и в этом отношении есть своя закономерность.

§ 4. Деформация реакций повиновения и властвования

В ряду многочисленных актов человека имеется особая группа реакций, которую можно назвать, с одной стороны, *рефлексами повиновения*, с другой – *рефлексами властвования*. Сущность первых состоит в том, что на данный стимул или комплекс стимулов (например, на приказ полицейского, судьи, губернатора, министра, отданный в надлежащей обстановке, обычно указываемой законом) индивид отвечает рядом реакций повиновения, приводящих этот приказ в исполнение. И наоборот, лицо, находящееся в положении «властителя» (т.е. опять-таки в среде определенных реагентов в виде «официального поста», «надлежащей обстановки»), при наличии определенных стимулов, соответствующих тому, что называется «обстановкой при исполнении служебных обязанностей», выполняет последние в виде «реакции властвования», отдачи повелений, требующих ис-

полнения. Реакции того и другого рода есть почти у каждого человека. Они не ограничиваются отношениями государственного властвования и подчинения, но имеют место во взаимоотношениях властвующих и подчиненных множества негосударственных групп: членов семьи, церкви, политической партии, профессионального союза, акционерной компании, членов какого-либо общества и т.д.

У любого населения в нормальном состоянии есть сложнейшая сеть таких взаимоотношений. Определенность и устойчивость выполнения этих реакций членами агрегата образует то, что носит название «порядок».

Являются ли такие рефлексы только условными или имеется и группа безусловных рефлексов этого рода, я не решаюсь сказать. Есть лица, определенно настаивающие на наличии «инстинктов», или «безусловных рефлексов» этого рода[51]. Есть лица, отрицающие их «безусловность». Не будем здесь обсуждать, кто из них прав. Констатируем лишь, что *огромное большинство этих реакций имеет «условный характер»* (т.е. связь между стимулом, например видом полицейского или листом бумаги за соответствующей подписью и с печатью, и надлежащей реакцией повиновения или властвования воспитана, а не наследственна).

В нормальное время эти реакции повиновения выполняются огромным большинством граждан. С другой стороны, четко и без колебаний выполняются и реакции властвования.

С приходом революции картина резко меняется. Всякая государственно-политическая революция в первой своей стадии характеризуется прежде всего угасанием громадного количества реакций повиновения у значительной части граждан. Условные связи между стимулами повиновения в лице «агентов власти» (полицейского, короля), их актов и символов, с одной стороны, и соответствующими реакциями повиновения со стороны граждан – с другой, разрываются. На привычный стимул повиновения не следует реакция послушания, как было раньше.

С другой стороны, *угасает много реакций властвования и у «властителей».* В обстановке стимулов, прежде вызывавших у них безапелляционные и решительные акты «властвования», теперь они их не совершают или реагируют вяло, с колебаниями и нерешительностью. Связи стимулов и реакций оказываются порванными и здесь…

В итоге – вся сложная цепь обмена этих реакций расстраивается, и государственный порядок исчезает. Когда рефлексы повиновения и властвования угасают *только во взаимоотношениях между гражданами и агентами государственной власти*, не задевая таких же рефлексов во взаимоотношениях других негосударственных групп (детей и отца – в семье, верующих – в церкви, рабо-

[51] См., например: *Patrick G.T.W.* The Psychology of Social Reconstruction. Boston, 1920, p. 63.

чего и предпринимателя – в экономической сфере, ученика и учителя – в школе, членов профессиональных советов и лидеров – в профессиональном союзе, негра и рабовладельца, подчиненной и властвующей национальности: например индусов и англичан и т.д.), мы имеем *революцию неглубокую, чисто «политическую»* (например, революцию 1848 г.). Когда же это угасание имеет место и в последних группах, революция становится более глубокой; тем более глубокой, чем большее количество групп ею задевается, чем большее число реакций повиновения и властвования «отвинчивается».

Остановимся кратко на характере и последовательности процесса угасания рефлексов этого рода.

1. Угасание рефлексов повиновения начинается обычно еще до революции. Выражается это в случаях отдельных нарушений порядка, мятежей и неповиновения отдельным агентам власти, мешающим совершению того, что требуется ущемленными рефлексами. Это – первые сигналы грядущей бури.

2. Если от ущемления страдают огромные массы, если власть не умеет «канализировать» ущемленные рефлексы и плохо «подкрепляет» рефлексы повиновения тормозящими стимулами, процесс расторможения быстро распространяется вширь и вглубь.

«Развинчивание» быстро охватывает огромные массы. Вслед за полицейским перестанут вызывать повиновение губернатор, министр, король. Падение последнего вызывает полное крушение рефлексов повиновения ко всем агентам бывшей государственной власти.

3. И не только к ним. Так как большинство других рефлексов повиновения воспитывалось в связи с повиновением государственной власти или даже на рефлексах повиновения последней, то угасание их ведет к большему или меньшему угасанию реакций повиновения всем «властям», связанным с ней. Чем теснее была эта связь, чем больше светили светом короля власти церкви, привилегированных, богачей и т.д. – тем сильнее будет это угасание. Вот почему в странах с одним основным «центром власти» падение последней тащит в бездну и другие авторитеты. В странах же «self-government», со многими независимыми центрами власти, крушение рефлексов повиновения государственной власти может не затрагивать серьезно реакций повиновения последним. Падение авторитета короля здесь может не сопровождаться падением авторитета церковных, семейных, сословных и других «властей», ибо реакции повиновения им воспитывались независимо друг от друга.

4. Если угасание не встречает серьезных тормозов, оно, вдобавок стимулируемое актами борьбы, прогрессирует и доходит до конца, приводя к «анархии». Наступает этап своеволия, неограниченного проявления «рефлексов свободы». Вслед за низложенной властью быстро приходит очередь и сбросившей ее оппозиции, если она пытается тормозить «своеволие», но не в силах организовать

это торможение. То же самое ждет ее преемников при той же тактике. Каждый из них силен лишь тогда, когда потакает «расторможению». В итоге – жизнь становится бесконечно трудной, почти невозможной. Общество или начинает гибнуть, или начинается новая прививка рефлексов повиновения.

5. Она достигается лишь путем введения сильнейших, безусловных тормозов: беспощадного террора, военных судов и тому подобных стимулов, сопровождаемых другими более мягкими мерами: агитацией, пропагандой, внушением, подражанием и т.д. Чем сильнее было расторможение, тем более беспощадными становятся эти меры. Вводятся они или «белыми», или «красными» диктаторами. Под жесткими бинтами этих мер быстро восстанавливаются угасшие рефлексы повиновения одних и властвования других. В этой стадии может быть несколько «перебоев». В итоге – рефлексы входят в берега, и революция кончается.

Такова общая схема. В зависимости от ряда условий здесь есть разные вариации, но мы не будем подробно останавливаться на них.

Из сказанного ясно, что террор и диктатура – неизбежные результаты революции. Кто хочет последней – должен хотеть и первые. Кто углубляет «революцию», тот тем самым подготовляет неограниченный разгул террора и диктатуры.

Проиллюстрируем сказанное одним-двумя примерами.

Начнем с *русской революции.*

Уже в 1916 г. появились первые симптомы угасания рефлексов повиновения. Субъективно это сказалось в потере авторитета власти, объективно – в явлениях хлебных и солдатских бунтов. В январе-феврале 1917 г. процесс пошел дальше. Мы видели выступления рабочих на улицах, первые схватки и первые массовые проявления неповиновения. Полицейских не слушали, солдаты и казаки перестали повиноваться офицерам. Машина властвования оказалась бездейственной. Отдельные части ее работали вяло. 26–27 февраля – переворот. В два-три дня угасание рефлексов повиновения царской власти распространилось вширь, на все главные города России, и вглубь – с полицейского до царя. Царь пал. В России все другие власти «светили его светом»; рефлексы повиновения им воспитывались в массах на почве рефлексов повиновения царю. Последние были рефлексами 1-го порядка, первые – 2-го, 3-го и т.д. порядков, воспитанные на этих рефлексах повиновения царской власти. Крушение их было изъятием нижнего этажа сложного здания рефлексов повиновения. Естественно, оно не могло не повлечь за собою в бездну и все другие авторитеты. Так и случилось. Вслед за угасанием рефлексов повиновения царю и его агентам быстро *погасли рефлексы повиновения солдат офицерам и генералам, рабочих – руководителям фабрик и предпринимателям, крестьян – дворянам, помещикам, представителям городского и земского самоуправления, вообще подчиненных – властвующим.* Пока Государственная Дума растормаживала рефлексы повиновения царской власти, она была в фаворе у масс. Как только, после падения пер-

вой, она попыталась тормозить неистовое своеволие – авторитет ее пал в две-три недели. Наследником ее стало Временное правительство. Но и его весна была коротка. В первые недели оно ничего не тормозило, а только распускало «вожжи». Как только оно попыталось это сделать, даже словесно, оказалось, что никакого авторитета у него нет. Уже 21 апреля разразился первый кризис и отставка Милюкова, в мае-июне произошли последующие кризисы, в июле – восстание, через три месяца – низвержение.

То же самое случилось и с первым (социалистическим, но не большевистским) «Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». Он был популярен, когда «потакал» расторможению. Как только он попытался тормозить – быстро стал терять всякий авторитет и разделил судьбу Временного правительства.

Тот же процесс мы наблюдали и в политических партиях. *Порядок и скорость падения их авторитета были пропорциональны степени близости их к царской власти и степени торможения ими разбушевавшихся импульсов масс*. Одновременно с падением царской власти погиб авторитет всех монархических партий, затем в один-два дня исчез авторитет партии октябристов и ее лидеров (Родзянко, Гучкова и других), в две-три недели пал авторитет кадет, вслед за ними пришла очередь плехановцев, трудовиков и всех «социал-соглашателей»: социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров. Очерченный порядок падения их авторитета вполне соответствует указанной пропорциональности.

На смену должны были прийти большевики, дававшие полный простор своеволию масс, *ничего не тормозившие, благословлявшие разнузданность всякого рода и дававшие ей идеальные облагораживающие словесные одежды*. Рабочим они говорили: берите фабрики, уничтожайте буржуев; крестьянам: громите усадьбы, захватывайте земли; солдатам: бросайте войну, убивайте офицеров; всем и вся: никого не слушайтесь, экспроприируйте, грабьте и убивайте буржуев, капиталистов, дворян, всех, кого хотите, «углубляйте революцию, проявляйте своеволие».

Успех большевиков был неизбежен.

Их противники, начиная с «Советов» первого созыва и кончая Временным правительством, не имели сильной воли, не умели и не могли «затормозить» это бешеное расторможение рефлексов повиновения.

Смертная казнь была отменена. Серьезные репрессии считались недопустимыми как проявление реакции. Простой арест почитался «контрреволюционным актом». Единственные тормоза, поставленные Советами и Временным правительством, состояли в «уговаривании», в воззваниях, в апелляции к совести, к «революционному сознанию», к «защите революции и родины». Вдобавок, и они были двусмысленны; не столько тормозили, сколько растормаживали. Солдатам говорили, с одной стороны: защищайте страну и слушайте команди-

ров, с другой – призывали к миру, рисовали войну как козни империалистов и ежеминутно твердили о реакционности командного состава. То же самое было во всех словесных выступлениях первого Совета и Временного правительства. В целях краткости проиллюстрирую сказанное лишь на примере угасания рефлексов повиновения солдат командному составу. Падение царской власти было ударом, разбившим рефлексы повиновения генералам и офицерам, воспитанные на рефлексах повиновения царю. Далее: 1) утомление от войны, 2) ущемленные войной безусловные рефлексы самосохранения, 3) большевистская «растормаживающая» агитация – все это толкало солдат «кончать войну», идти домой и не слушаться офицеров и генералов, приказывающих сражаться. Что же было противопоставлено этим могучим стимулам? Одни «речевые реакции», и то двусмысленного характера, скорее «растормаживающие» чем «тормозившие» эти могучие биологические импульсы.

Примером может служить содержание газеты «Фронт», издававшейся для солдат. В 29 ее номерах были: 1) 14 статей, доказывавших, что война нужна одним «буржуям», 2) призывы кончать войну, 3) статьи, осмеивающие национализм и прославлявшие «Интернационал», 4) множество резолюций, обличавших «контрреволюционность начальников», 5) пять статей подрывавших дисциплину, 6) протесты против постановления Министерства внутренних дел, 7) вообще – «Долой!».

Начиная со знаменитого «Приказа № 1», провоцировавшего избиение офицеров солдатами[37*], в том же роде были и другие устные и печатные «речевые рефлексы».

Нужно было быть очень наивным идеалистом, чтобы такими «тормозами» удержать развал армии, повиновение, дисциплину и боеспособность. Деникин прав, говоря, что «агитация революционной демократии беспощадно поражала самую сущность военного строя, его вечные неизменные основы: дисциплину, единоначалие и аполитичность». Революционные речи и воззвания «солдатская масса воспринимала как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чинопочитания». «Свобода – и кончено». В итоге «нарушение дисциплины и неуважительное отношение к начальству усилилось». Метко отмечает он далее и роль рефлекса самосохранения: «Быть может, со всем этим словесным морем и можно было бы еще бороться, если бы не одно явление, парализовавшее все усилия командного состава, – это охватившее солдатскую массу животное чувство самосохранения». «Оно было всегда (верно, ибо это безусловный рефлекс. – *П.С.*), но таилось (тормозилось. – *П.С.*) и сдерживалось примером исполнения долга, стыдом, страхом и принуждением. Когда все эти элементы (т.е. частью безусловные, частью условные тормоза) отпали, когда вдобавок явился целый арсенал понятий (революционная агитация), оправдывавших шкурничество и дававших ему идейное обоснование, армия жить далее не мог-

ла. Это чувство опрокинуло все усилия командного состава, все нравственные начала и весь военный строй». При таких условиях остановить развал «главноуговаривателям» было невозможно. (По приведенному выше индексу, детерминирующая сила речевых рефлексов, близкая к 5 или 10, имела против себя около 100+50+10=160, т.е. была бесконечно меньшей.)

«Какими словами заставишь идти людей на смерть, когда у них все чувства заслонило одно чувство самосохранения?» В итоге «расплавленная стихия вышла из берегов окончательно. Офицеров убивали, жгли, топили, разрывали… Потом – миллионы дезертиров… Потом Тарнополь, Калуга, Казань… Как смерч пронеслись грабежи, убийства, насилия, пожары по Галиции и другим губерниям. Это сделал солдат»[52].

То же mutatis mutandis[38*] произошло и с другими авторитетами и властями. Всюду и везде наблюдалось это «биологизирование» и расторможение. Лишь авторитет тех, кто всячески подстрекал это расторможение, оправдывал и благословлял его, т.е. большевиков, мог выигрывать и выигрывал. Они шли «по течению», своеволие подчиненных ничуть не тормозили, а лишь направляли и канализировали его по адресу «буржуев». Этим подстрекательством к разгрому и убийству плюс подачками они привязывали массы к себе и образовали с ними «единое товарищество на крови и преступлениях».

И они победили.

После победы, в первое время, они опять-таки не тормозили разбушевавшуюся стихию. Потом это пришлось делать и им. Но и здесь они следовали тому же методу: тормозили одних путем предоставления полной свободы ущемленным импульсам других. К этому присоединились агитация, пропаганда и привилегии наиболее активным «преторианцам» большевизма (право безнаказанного грабежа, насилия, паек в голодное время и т.д.). Таким путем был создан «кулак», на жизнь и на смерть связанный с большевиками.

Создана была ЧК. Через ЧК стали тормозить и других, в том числе и солдат. Приставив револьвер к виску гражданина, установив пулемет сзади солдат, беспощадно расстреливая, арестовывая, конфискуя – такими методами они начали прививку «угасших рефлексов повиновения».

Как только большевики перешли к стадии торможения, началось угасание реакций повиновения и по их адресу: начались восстания крестьян и рабочих (в Тамбове, Ярославле, на Дону, на Волге и т.д.). Но большевики уже имели «аппарат торможения» и подавили восстания. Первая плотина была поставлена. Восстания происходили и дальше, но снова подавлялись. В итоге к 1919–1920 гг. наступило «оцепенение» общества. Реакции неповиновения были сломлены путем беспощадных тормозящих стимулов.

[52] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Париж, 1921, т. 1, вып. 1, с. 44, 63–64, вып. 2, с. 91–93, 145–146, 104.

Армия, не хотевшая воевать, поставленная в поле таких детерминаторов, послушно пошла на войну, граждане, протестовавшие против малейшего ограничения их свободы, принуждены были смириться с полной ее потерей. Рефлексы повиновения советской власти не за совесть, а за страх стали прививаться, приказы – исполняются, повинности и налоги – осуществляются. Словом, восстановление угасших рефлексов повиновения во взаимоотношениях подданных и органов государственной власти осуществилось.

Правда, это восстановление в отношении большевиков непрочно. Смирительная рубашка, надетая ими на общество, столь тесна, что она ущемляет ряд других основных биологических рефлексов, она не только тормозит неограниченное проявление их, но душит само общество, мешает ему жить. Поэтому можно ждать нового взрыва «неповиновения», если «смирительная рубашка» не будет сделана более просторной.

Русская революция характеризуется, однако, расторможением рефлексов повиновения не только по адресу государственной власти, но и *по адресу множества негосударственных властей и авторитетов*. В 1918–1920 гг. мы имели расторможение рефлексов повиновения у многих членов церкви по адресу церковных властей, членов семьи – детей – по адресу родителей, рабочих – по адресу предпринимателей и руководителей предприятий, прислуги – по адресу их «господ», учащихся – по адресу учителей, массы – по адресу «интеллигенции» и «буржуев» вообще.

В России, где все авторитеты светили светом «царской власти», реакция повиновения другим «властям» воспитывалась на почве повиновения первой – иначе и быть не могло. Множество авторитетов и групп, подрывавших царскую власть, не знали, что, подрывая ее, они подрывают и свою власть; толкая ее в бездну – толкают и себя туда же. Так и случилось.

Наступило царство полного своеволия. «Порядок» исчез. Авторитеты угасали. Каждый делал, что ему заблагорассудится…

С 1920–1921 гг. и здесь наступил поворот. Ряд «авторитетов» стал восстанавливаться – частью на почве возрождения реакции повиновения советской власти, в силу тех же тормозов «револьвера» и террора, частью на почве противоположной: на почве ненависти к большевикам.

Идеи и идеологии, отличные от коммунизма и интернационализма, эта ненависть делает заразительными; носителей и организаторов таких идей и ассоциаций – авторитетными. С этого времени начинают оживать рефлексы повиновения рабочих – инженерам и предпринимателям, верующих – церковной власти, учеников – учителям, детей – родителям и т.д. Сейчас этот процесс ясно наметился. Но не везде и не в полной еще мере.

За шесть лет русская революция совершила свой круг. По объему и интенсивности расторможения рефлексов повиновения она одна из самых глубоких

революций, известных в истории. Не приходится удивляться тому, что процесс их восстановления идет так медленно, мучительно и жестоко. И здесь «действие равно противодействию», чем сильнее угасание, тем мучительнее оживление угасших рефлексов повиновения.

Аналогичный процесс происходил и при всех других революциях. Различие их в этом отношении лишь в глубине и объеме угасания рефлексов повиновения, а не в качестве. О *египетской революции* читаем: «Ни одно должностное лицо не на своем месте. Население точно вспугнутое стадо без пастыря. Чиновники убиты, судьи – бегут и разогнаны по стране…» «Змея (символ власти фараона) вынута из своего гнезда… Тайны фараонов Верхнего и Нижнего Египта разглашены… Законы судной палаты выброшены, и люди топчут их ногами, неимущие нарушают их на улицах…»

Так как в Египте все авторитеты и власти исходили от власти фараона, светили его светом, то легко понять, что здесь крушение власти фараона должно было вести к исчезновению и всех других «авторитетов». Расторможение должно было быть грандиозным. Так, по-видимому, и случилось. «Прежние рабы стали господами рабов… Дети князей выбрасываются на улицы и разбиваются об стены…» Отец убивает сына, сын – отца, брат – брата. Жрецы потеряли авторитет. «Нет более у Египта ни одного устоя, нет более Египта. Все погибло», – с отчаянием восклицает Ипувер[53].

Он же указывает и на стадию оцепенения. «Люди бродят по земле, как сонная рыба… Страна предоставлена собственной усталости, как скошенный лен».

Мы не знаем, долго ли тянулась эта анархия, но знаем, что в конце концов и здесь пришла стадия торможения и восстановления рефлексов повиновения.

Не иначе обстояло дело и в *греческо-римских революциях*. Здесь, особенно в Риме конца республики, эта смена процессов угасания и возрождения рефлексов повиновения повторялась несколько раз. Возьмите для примера описание Керкирской революции у Фукидида. Из него ясно глубокое и разностороннее расторможение очерчиваемых рефлексов повиновения. «Смерть предстала во всех видах, – пишет Фукидид. – Отец убивал сына, людей отрывали от святынь и убивали возле них, убивали всех, кто казался врагом, некоторые были убиты из личной вражды, кредиторы – должниками… Родственное чувство стало менее прочным… Верность скрепляли … совместным совершением преступления» и т.д.[54] Словом, мы видим полное крушение всех авторитетов и рефлексов повиновения по их адресу, анархию, биологизацию и после них – то же воспитание угасших реакций повиновения теми же жестокими средствами.

Сходное происходило и в других греческих революциях[55].

---

[53] *Викентьев В*. Цит. соч., с. 279–300; *Тураев Б.А*. Древний Египет, с. 70–71.

[54] *Фукидид.* История. Т. III, 81–85.

[55] Их описание см. в работах К. Белоха, B. Niese, Г. Бузольта, Р. Пельмана и др.

Выступление Гракхов на сцену знаменует начало угасания рефлексов повиновения государственной власти в лице Сената и других законных органов последней в Риме. «Простолюдины стали требовать, чтобы консул чтил самодержавный народ в каждом уличном оборванце»[56]. Ослаблялись реакции повиновения у народа и властвования – у прогнившей власти.

Гракх своей деятельностью усилил это расторможение. В итоге мы видим рост неповиновения, демагогии («расторможения»), переход к насилию, крови и торможение «кровавыми мерами». «Спущенные Гракхом с цепи демоны революции пожрали и его самого». Дальше – больше. Расторможение ширится и углубляется. «Трусость и неповиновение ослабили все связи общественного строя».

«Система управления стала отличаться озлоблением и переходила в терроризм… насилия и жестокости стали давать особое право на уважение…» Правосудие – падает. Идут громадные восстания рабов… Грабежи – стали нормой… Демагогия – сущностью политики. Религия – падает. Авторитет мужа и pater familias[39*] – также. «Если раньше, – пишет Варрон, – отец прощал мальчика, то теперь право этого прощения перешло к мальчику… Теперь не повинуются никакому закону», – резюмирует он кратко положение дел…

Зато и торможение принимает исключительно зверский характер.

Подчиненные перестали слушаться властвующих, дети – родителей, рабы – господ, союзники – римлян, жена – мужа, бедные – богатых, незнатные – знатных. Убивали, грабили, восставали, насильничали, кто как хотел. Из области права решение вопросов перенесено было в область войны, на острие меча. На смену этим стадиям угасания приходили стадии торможения такими мерами, что «безмолвный ужас давил всю страну и нельзя было услышать ни одного свободно выраженного мнения»[57].

А смена обоих периодов со времен Гракхов до времен Августа, как известно, происходила несколько раз[58].

В *русской революции XVII в.* «было необычайное своеволие в народе и шатость в умах… В общем кружении голов все хотели быть выше своего звания: рабы – господами, чернь – дворянами, дворяне – вельможами»[59]. Пал авторитет царя, церкви, вельмож, святынь и т.д. Зато и торможение было достаточно жестоким и кровавым.

Сходное происходило и при *всех средневековых революциях*, начиная с Жакерии[40*] и кончая восстаниями городских коммун.

«Народ, – пишет современник Чешской революции, – подобно Люциферу в древности, не хотел подчиняться никому, не хотел повиноваться ни папе,

[56] *Моммзен Т.* Римская история, т. II, с. 71–73.

[57] Там же, т. II, с. 374, т. III, с. 35.

[58] Фактический ход процессов и событий см. в указанных работах Т. Моммзена, Р. Пельмана, Г. Ферреро, М.И. Ростовцева и др.

[59] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1853, т. XII, с. 79–80.

ни королю». Позже некоторое повиновение удалось установить Яну Жижке путем беспощадных мер. После его смерти – опять «никакого признака авторитета». Прошел ряд лет, истощивших энергию чехов, прежде чем рефлексы повиновения – железом и кровью, – после битвы при Липанах[41*], были восстановлены[60].

Не иначе обстояло дело и в *английской революции XVII в*. Здесь, однако, угасание рефлексов повиновения в силу привычки английского народа к самоуправлению, ввиду многих центров власти, относительно независимых друг от друга, – не радировало очень широко по адресу негосударственных властей и авторитетов. Но в области повиновения государственным властям угасание пошло (как обычно бывает) дальше, чем хотели первые зачинщики революции и борьбы с королем.

И здесь мы видим сначала угасание реакций повиновения отдельным агентам государственной власти и церкви (лорду Страффорду и другим вельможам), потом – к самому королю, потом к парламенту, когда он перешел к торможению, потом – к самой армии и Кромвелю. Процесс экстремизируется и доходит до своего логического конца – до поглощения всех революционных авторитетов и реставрации. Исподволь «все страсти, все надежды, все мечты стали обнаруживаться и развиваться. В народе и армии обнаружилось кипучее волнение умов; по всем предметам стали требовать неслыханных реформ. Со всех сторон поднялись реформаторы. Они не останавливались ни перед законом, ни перед фактом». «Низвергать, низвергать и низвергать», – так характеризует этот период сам лорд-протектор[61/42*].

Со времени Кромвеля-диктатора начинается прививка угасших рефлексов повиновения. «Оставшись один, он крепко натянул пружины власти. С помощью армии он заставляет повиноваться население, с помощью одной части армии подавляет неповиновение другой, через институт генерал-майоров, через казни, аресты, штрафы, конфискации и другие меры он приучает народ к послушанию, подавляет заговоры и восстания и к концу своей жизни… укрощает взбунтовавшееся общество, подготовив почву для… повиновения народа Стюартам»[62].

Во *французской революции 1789 г.* сначала имело место угасание рефлексов повиновения по адресу отдельных представителей королевской власти (рост разбойничества, грабежей и т.д.). Торможение – слабо. У власти – ослабление рефлексов властвования. Людовик «не умел хотеть» и «не знал, чего он хочет». Аристократия была заражена вольнодумством и, по словам Малле дю Пана,

[60] *Denis E.* Huss et la querre des Hussits. Paris, 1878, p. 286, 340, 478.

[61] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. II, ч. 1, с. 96–97, 109.

[62] Фактический ход процесса и его чрезвычайно любопытные детали, на которых я здесь не могу останавливаться, см. в работах Ф. Гизо и S. Gardiner'a «History of the Great Civil War» и «History of the Commonwealth and Protectorate».

«благодаря светскости, эпикуреизму и изнеженности… была расслабленной». Старый порядок – «отсутствие энергии»[63].

Со времени созыва Генеральных Штатов[43*] процесс угасания повиновения идет crescendo[44*]; то же самое происходит и с реакциями властвования. Власть показывает себя импотентной при голосовании 4 мая, в зале для игры в мяч, в церкви Св. Людовика, 24, 28 июня и 12 июля в отношении солдат[45*]. Ее неудачные попытки торможения лишь сильнее раздразнивают рефлексы неповиновения. После взятия Бастилии у Людовика «не было больше ни закона, ни власти»; провинция приходит к выводу, что позволенное в Париже позволено и вне его, что чиновники должны быть устранены, замки – 40000 Бастилий – взяты приступом, словом, угасание рефлексов повиновения становится общим. В итоге, по словам Бальи, «все умели командовать, и никто – повиноваться… каждый округ считал себя сувереном»[64].

Быстро угасают рефлексы повиновения королю с его «осторожно, осторожно», к феодалам, аристократии и духовенству. Учредительное собрание, в первый период подстрекавшее это расторможение, – популярно, но очень быстро, с момента попыток торможения стихии, как и другие центры торможения (коммуны 1789 г.), теряет авторитет и «легко захлестывается бунтом». Уже в октябре 1789 г. «революция начала отстранять подлинных людей 1789 г., чтобы затем их пожрать»[65].

На сцену выходят жирондисты[46*]. Они очень быстро гибнут. Приходят якобинцы[47*], всячески поощрявшие полное своеволие масс, ничего не тормозившие и благословлявшие убийство, грабеж, резню и т.д. Они, как и большевики, лишь умело направляют страсти по адресу своих врагов и их достояния. Как и большевики, они образуют «товарищество на крови». С их приходом начинается стадия прививки рефлексов повиновения. С помощью масс они сначала приучают к повиновению «аристократов», затем с помощью своего кулака – других противников и сам народ. Их методы: террор, диктатура, революционный трибунал, убийства, аресты, конфискации, заложники и т.д., словом, обычные «революционные бандажи».

Наступает стадия оцепенелости. 1793 и 1794 гг. (до термидора) страшны своим молчанием. «Можно слышать, как летит муха»[66]. После термидора – снова некоторое оживление и угасание рефлексов повиновения.

---

63 *Мадлен Л.* Французская революция, т. 1, с. 45, 49.

64 Там же, с. 86–95, 108, 111–113.

65 Там же, с. 137. Недаром Мирабо, умирая, говорил: «Меня так возмущает мысль, что я принял участие только в грандиозном разрушении».

Сказанное об «отстранении подлинных людей 1789 г.» относится также к Барнаву, Верньо, Бриссо, Дантону и Демулену: все они были популярны, пока развинчивали тормозные рефлексы (см. там же, с. 216).

66 Там же, т. II, с. 156–157.

Новое торможение идет после дней жерминаля, прериаля, вандемьера и фрюктидора[48*]. «Депутаты осуждены, аристократы лишены прав, печать порабощена, священники сосланы, эмигранты расстреляны, царит лицемерный террор»[67]. «Нация кажется истощенной, как обезумевший истощен кровопусканиями, ваннами, голодом. За горячим жаром последовал упадок сил»[68].

В дальнейшем вспышки восстаний повторялись еще несколько раз, но они легко подавлялись. Наполеон окончательно довершил дело прививки угасших рефлексов повиновения и ввел их в норму. Попутно совершалась прививка рефлексов повиновения и другим – негосударственным властям: церкви, главам семейств, новой буржуазии, новой аристократии и т.д.

Тот же процесс повторяется в истории *германской революции 1848 г.* Здесь первые требования очень скромны. Угасания рефлексов повиновения королю еще нет. Позже «требования идут намного дальше завоеваний 18 марта»[49*]. Начинают требовать уничтожения налогов, монастырей, привилегий, бедности и т.д. Процесс не успевает развиться до конца. Государственная власть находит силы остановить его. 12 ноября вводится военная диктатура, и «сила революции исчезла. Крестьяне чувствовали себя удовлетворенными, а рабочие погрузились в равнодушие»[69].

В ходе *французской революции 1848 г.* падает король, быстро теряет симпатии и Временное правительство. Процесс экстремизируется. Красная республика начинает угрожать трехцветной. Рефлексы повиновения по адресу Временного правительства и Учредительного собрания начинают угасать (движение 17 марта, 16 апреля и 15 мая[50*]). Наступает «анархия», т.е. полное безначалие.

«Армия находилась в состоянии анархии. Солдаты бросали оружие и расходились по домам. В городе царило смятение и беспокойство. Рабочие перестали работать. Никто никого не слушал. Процесс шел crescendo до восстания 22–25 июня[51*]. После его подавления Кавеньяк начал усиленно прививать рефлексы повиновения путем расправы и жестоких репрессий. После отсутствия всякой узды последовал излишек узды»[70]. Наполеон III в первые годы своей Империи довершил это «воспитание».

То же самое повторилось в 1871 г. И здесь вначале «полиция отсутствовала». «Всякое доверие к иерархии исчезло… Устроены были суды (правительством национальной обороны) для суда над мятежными действиями, но они оправдывали всех преступников, потому что судьи недостаточно верили в законность права» (угасание рефлексов властвования). Быстро гаснут рефлексы повиновения и к правительству Национальной Обороны. Воцаряется общее безначалие,

67 Там же, с. 296.

68 *Мишле Ж.* Цит. соч., с. 48–58, 254, 158. См. также работы И. Тэна и Ж. Жореса.

69 *Блос В.* Цит. соч., с. 94, 160, 392–394, 408.

70 *Грегуар Л.* История Франции в XIX веке, т. 3.

в результате чего власть переходит к Коммуне. Но и ее весьма мало слушаются… «Самый ничтожный поручик не желает принимать от других приказов, а желает давать их всем… Среди солдат царило полное отсутствие дисциплины и большая распущенность»[71]. Коммуна приступила к торможению путем убийств и ограничения всяких свобод. Но эта задача была выполнена уже версальцами с помощью обычных методов террора и усмирения.

Мы пробежали ряд революций и видели, что выставленные нами положения в них повторяются. Две указанные стадии в каждой из них просматриваются вполне отчетливо. Угасание и новая прививка рефлексов повиновения – несомненны. Методы последней одни и те же: кровь и железо. Различие разных революций в обеих стадиях не качественное, а количественное. Кто надевает эту смирительную рубашку – Кавеньяк или Робеспьер, Ленин или белый генерал – это деталь, случайность, по существу малозначительная. Те и другие делают одно и то же дело, диктуемое необходимостью… С момента торможения революция входит в стадию «реакции». Авторами ее являются все те, кто умышленно или по недоумию содействует угасанию рефлексов повиновения в предыдущий период, кто работает в пользу насильственного свержения авторитетов, кто проповедует «полную свободу». Свалив власть и распустив вожжи, такие лица, сами того не желая, толкают революцию к крайностям, в результате чего многие их них сами же и гибнут. Английская, французская и русская революции пожрали большинство тех, кто их хотел, кто их ждал и трудился над их осуществлением. Отсюда вывод: кто не хочет этой смирительной рубашки, тот должен очень осторожно поступать в деле «подрыва авторитета власти». Прежде чем это делать, он должен очень серьезно подумать о том, как далеко пойдет процесс «угасания» и не приведет ли он к анархии, а через нее – к убийственной смирительной рубашке?

§ 5. Деформация трудовых рефлексов

Среди рефлексов человека есть особая группа «рефлексов труда». Эти рефлексы побуждают человека совершать ряд актов, необходимых для добывания средств существования. Выполнение таких рефлексов, когда они безвредны, не монотонны и не утомительны, когда они представляют собой то, что американцы называют creative workmanship[52*], не вызывает отрицательной реакции[72]. Человек их не избегает. Над любимой работой он может работать не 8, а 10, 16 часов.

[71] Там же, т. 4, с. 226, 361. См. также: *Лиссагаре П.* История Парижской Коммуны.

[72] Правильно говорит на этот счет G. Patrick: «Man is by nature a craftsman, but not a toiler. It is in this kind of activity that man finds his real life. This initiative, the exercise of genius, this foresight and daring, this instinctive effort to aim fame and fortune – is it work or play? Anyway it is his life. In this essentially human activity a man is happy because he lives»[53*] (*Patrick G.* The Psychology of Social Reconstruction, p. 127–128).

Отличны от них те рефлексы труда (toil), которые вызывают реакции отрицательные, и число таких «трудовых реакций» в поведении человека весьма значительно. Необходимость добывания средств существования заставляет совершать их. Не только эта необходимость. Если почему-либо сильные стимулы необходимости (голода, холода, принуждения, морали, права и т.д.) отпадают или ослабевают, то человек стремится освободиться от такого «труда»[73]. В нормальной жизни большинство людей воспитываются к выполнению таких работ самыми различными путями. Наказанием, принуждением, примером, наградами, моральными, правовыми, религиозными и т.д. стимулами людям прививается ряд условных рефлексов, приучающих их «в поте лица есть свой хлеб» и тормозящих реакции лености…

Наступление революции знаменует резкое изменение поведения людей в этой области.

В первый период ее оно заключается в отпадении условных «тормозов» лености.

Благодаря разным причинам – отвлечению сил на взаимную борьбу, отнимающую энергию и отучающую (как и война) от мирного труда, понижению способности предвидения и заботы о будущем, вере в то, что революция всех накормит, возможности поживиться чужим добром, существованию ранее накопленных запасов, соответствующей агитации и т.д. (см. ниже главу о причинах революций) – огромное большинство этих тормозящих «леность» условных рефлексов (нередко объявляемых революцией «буржуазными предрассудками») отпадает. Освобожденная от этих тисков естественная тенденция избегать выполнения актов труда сразу же оказывается без тормозов и пут. Отсюда – *рост лености, количественное и качественное угасание трудовых рефлексов, с одной стороны, рост желания жить за счет труда других, иначе говоря, рост паразитизма – с другой*. *Таковы обычные функции первой стадии революции*. Социальным результатом такой деформации является снижение производительности труда революционного общества, проедание его старых запасов, расстройство народного хозяйства, обнищание и голод.

Прославляя «труд» в своих речевых рефлексах, революция на первой стадии делает людей лентяями, трутнями, паразитами, т.е. объективно как раз отучает от труда.

Когда приходят эти неизбежные следствия роста лености, *наступает вторая стадия – стадия новой прививки угасших трудовых рефлексов, или обуздание лености.*

[73] В этом смысле верно, что «человек по природе склонен к лености… Ему не нравится монотонность регулярной работы и требуемое ею умственное усилие… Диких, мало заботящихся о завтрашнем дне только необходимость или принуждение заставляет трудиться» (*Westermarck E.* The Origin and Development of the Moral Ideas. London, 1908, vol. I, p. 268–269).

Голод, холод, нужда, вызываемые революцией, теперь вступают в свои права. Это они заставляли и учили трудиться первобытного человека[74].

Если условные «тормоза лености» угасли и стали бездейственными, то на сцену выступают эти жестокие стимулы труда и ставят революционному обществу ультиматум: *трудиться или… вымирать от голода, холода и нужды*.

Общество или вымирает, или принимает ультиматум. Эти «учителя» приучают его к работе – и косвенно, и прямо – через власть общества, все равно какую – белую или красную. С беспощадностью рабовладельцев она начинает принуждать к каторжному труду «свободных людей, низвергших рабство». И люди начинают снова трудиться. Но не по 8 часов, а по 16, не в меру сил, а сверх меры. Ибо… беспощаден бич смерти и голода: его ударов не может не слушаться никакое революционное общество.

В итоге – всякая глубокая революция, начатая во имя восьми- или шестичасового рабочего дня, объективно дает как раз обратное: не уменьшение, а увеличение продолжительности рабочего дня, трудности и неприятности самой работы… Такова еще одна «ирония истории».

Пробежимся по ее страницам для подтверждения этих общих теорем.

Русская революция 1917–1923 гг.

С самого же начала революции выяснилось угасание трудовых рефлексов, особенно в городах. Требование восьмичасового рабочего дня и его введение, даже на предприятиях, работавших на войну, – первое подтверждение сказанного. Фактически и восьмичасовой рабочий день не соблюдался: рабочие вместо того, чтобы работать, «митинговали» и проводили время за разговорами. Участились стачки. Общее настроение их было таково, что «теперь свобода, а раз свобода – то пусть буржуи работают». Не стало ни рабочей дисциплины, ни прилежания, ни внимания, никто никого не слушал. Любая попытка технически руководящего персонала навести порядок, например, дать выговор неисправному, уволить лентяя и т.д. – рассматривалась как «контрреволюция». Призыв «рабочие – к станкам» был гласом вопиющего в пустыне. Указания на то, что именно сейчас, ввиду революции и войны, нужно усилить производство, встречали единодушный отпор со стороны масс и социалистов[75].

---

[74] «Ленивы ли дикари или трудолюбивы – зависит от того, легко или трудно они могут обеспечить средства к жизни» (*Westermark E*. Op. cit., p. 268–269). См. также: *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. I, с. 15, 18, 24. Подробное исследование этой проблемы было сделано мною в уничтоженной советской властью книге «Голод как фактор».

[75] Вспомним хотя бы ту резко отрицательную реакцию, которую вызвало заявление социал-демократа П.П. Маслова, что сейчас (в 1917 г.) нельзя вводить восьмичасовой рабочий день ввиду войны и интересов революции. См.: *Маслов П.П.* Мировая социальная проблема. Чита, 1921, гл. 1.

Так началось угасание трудовых рефлексов и разрушение народного хозяйства России. Этот процесс перекинулся на другие слои населения, а несколько позже – и на крестьянство. Помещики и землевладельцы вынуждены были бросить свои хозяйства и земли ввиду их захвата крестьянами; фабриканты, инженеры и директора предприятий – ввиду угроз со стороны рабочих и их протестов по поводу любой попытки упорядочения работы; крестьяне – ввиду неопределенности положения захваченной ими земли, ввиду бесцельности работы, плоды которой отбирали коммунисты. Октябрьская революция довершила этот процесс прямой демагогией, благословлявшей леность пролетариата, введением шестичасового рабочего дня на ряде предприятий. Правда, большевики пытались почти сразу же принудительно заставить работать физически «буржуев» («трудовые лагеря», трудовые повинности для «буржуев»), но и из этого, кроме вымирания последних, не могло получиться никаких серьезных результатов.

Уже в конце 1917 г. работа страны стала угасать. В 1918 и 1919 гг. этот процесс продолжался. Трудовые рефлексы пали не только количественно, но и качественно: работа стала небрежной, невнимательной, неинтенсивной. Работа, раньше выполнявшаяся одним работником за день, теперь требовала 2–3 дней. Призывы «работать во имя революции», «для общей пользы», «для своей рабоче-крестьянской власти» и т.п. не действовали. Масса «лодырничала», о чем свидетельствуют следующие данные.

Колоссально возросли прогулы, представление о чем дают такие цифры: из рабочего времени прогулы и неявки на работу составляли в:

1920 – 1 треть года 40,6% (13,7 рабочих дней из 24,6 в месяц)
2 треть 33,2%
3 треть 23,5%
1922 – 1 треть 25,3%
2 треть 45,9%

В спичечной промышленности один рабочий вырабатывал в год ящиков спичек:

Годы	Кол-во ящиков	%
1913	187	100
1914	207	111
1915	158	82
1917	152	81
1918	113	60
1919	85	45
1920	65	35
1921	75	40

Один рабочий добывал в год торфа (%) и угля (%):

Годы	Торф	Уголь
1916	100	100
1917	72,9	65,7
1918	55,6	45,7
1919	52,3	34,3

По данным коммуниста Струмилина, валовая производительность фабричного рабочего изменилась следующим образом:

1913 – 100,0
1914 – 101,5
1915 – 125,8
1916 – 127,5
1917 – 85,5
1918 – 44,0
1919 – 20,2
1920 – 24,3
1921 – 29,6[76]

Коммунист Кактынь дает следующую сводную таблицу движения производительности труда одного рабочего[77]:

Годы	1913	1920	1921	1922
Промышленность	**Годовая продукция одного рабочего в пудах**			
Каменно-угольная	9165	2348	2893	4212
Нефтяная	15460	—	14510	13150
Металлопромышленность (в золот. руб.)	1988	342	415	685
Хлопчатобумажная пряжа	43	5	—	23,6
Льняная	48	16	30	32

Словом, производительность труда за 1918–20 гг. упала до 30% довоенной нормы[78].

На первом же Съезде Советов Народного Хозяйства коммунисты точно квалифицировали это падение рефлексов труда:

[76] *Прокопович С.Н.* Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923, с. 23–27.
[77] Экономическое строительство. 1923, № 2, с. 35.
[78] *Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 27.

«Мне смешно, – говорит один из них, – когда говорят о буржуазном саботаже… Мы имеем саботаж народный, пролетарский». Другой называет это «эпидемией неосознанного саботажа»[79]. «Рабочие только “числились” на фабриках или “посещали” их, но почти на них не работали»[80].

Под видом «субботников» и т.п. форм 6–8-часовой рабочий день заменился фактически 10–14-часовым. Власть, недавно еще поощрявшая «право на леность», теперь в силу необходимости беспощадно (и идиотски нерационально) начинает принуждать население работать. …За уклонение и нарушение декретов о трудовой повинности устанавливается беспощадная кара. Вводятся в игру самые грубые, но сильнодействующие зверские стимулы[81]. Наряду с ними сама жизнь в виде голода, холода и других стимулов заставляет население работать изо всех сил и сверх силы.

Люди вынуждены работать по 16–18 часов в день, чтобы хоть как-то просуществовать. Недавнее dolce fareniente[54*] забывается. Если раньше протестовали против 9-часовой работы, то теперь вынуждены работать без протеста вдвое больше. Так горький опыт жизни напоминает вечное «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой»[55*] обществу, забывшему эту заповедь.

Благодаря этому возрождению трудовых рефлексов развал народного хозяйства России с 1921 г. несколько замедляется, и кое-где обнаруживаются даже признаки улучшения. Конечно, это возрождение совершается с огромным трудом. Тенденция паразитизма предыдущего периода дает о себе знать в сотне явлений; вместо производительного труда люди в 1921–1923 гг. стараются обеспечить свое существование мошенничеством, спекуляцией, хищничеством. Отсюда – невероятное развитие этих явлений в России. Чуть ли не все население городов сейчас превратилось в спекулянтов. Тем не менее возрождение трудовых рефлексов началось. Не будь убийственной системы коммунизма, разорения и нелепейших мер регулирования труда со стороны советской власти, этот процесс шел бы гораздо быстрее. Революция начинает замыкать свой круг: угасив в первый период трудовые рефлексы, она с 1921 г. начала вновь возрождать их, напомнив русскому населению вечный закон: «не трудящийся да не ест»[56*].

---

[79] Профессиональный вестник. 1918, № 7–8, с. 7.

[80] *Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 23.

[81] Речевая идеология этой принудительной прививки дана была Л. Троцким на 3-м съезде профессиональных союзов в 1920 г.: «Мы идем к принудительному труду для каждого работника. Это основа социализма. Труд принудительный означает труд, где каждый работник занимает место, указанное ему органом власти… Это и есть понятие трудовой повинности. Этим самым мы признаем право государства отправлять каждого работника или работницу на то место, где они нужны для исполнения хозяйственных задач… Тем самым мы признаем право государства карать рабочего и работника (за неисполнение)… Милитаризация труда является неизбежной» и т.д. (см.: Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов 6–13 апреля 1920 г. Стенографический отчет. М., 1921). Такова эта идеология каторжного труда, называемая «социалистической».

Аналогичное явление мы видим и в других революциях.

«Нил разливается, но никто не пашет для него, – читаем в хронике Ипувера о *египетской революции*. – Никто больше не плывет на север в Библ за кедрами и маслом. Их не доставляют больше… Неджесы (городской пролетариат), раньше никогда не видавшие дня, жалкие батраки, лившие воду наземь, т.е. орошавшие поля от зари до зари, теперь "ходят без помехи" и "встречают день без боязни"».

Работа прекратилась. В итоге – начался голод. «От голода и ужаса стон по всей стране вперемежку с рыданиями». «Люди лишены одежды, колосьев, масла». «Сколько раньше засевалось зерна и сколько теперь? Но и эта малость погибает на корню за недостатком рук для уборки… Приходится питаться лупином, дуррой[57*] и злаками, вырывая их изо рта свиней. Пряностей и масла нет и в помине. Поля не обрабатываются. Новые здания не возводятся. Ничто новое не творится, а только перераспределяется старое». Наблюдательный Ипувер ясно отмечает и тенденцию паразитизма, выросшую у низших классов, живущих в первый период революции захватом и проеданием старых запасов и богатств, с одной стороны, с другой – вводящих трудовую повинность для «буржуев» в форме принудительных работ для них. «Царские склады и зерно Египта стали общим достоянием» (национализированы). «Люди зажиточные охвачены печалью, а неимущие ликуют. Бедняки стали богачами, а владельцы собственности – неимущими». Для бывших богачей и аристократов введены принудительные работы, они сделаны рабами. «Князья находятся в запасном магазине (концентрационном лагере), прежние рабы стали господами рабов», «знатные – исполняют чужие поручения, одевавшиеся в виссон подвергаются побоям, благородные дамы, страдают как рабыни»[82] и т.д. Словом, мы видим в основном картину, весьма знакомую лицам, жившим в России в годы революции, несмотря на то, что обе революции разделяет период в 3000 лет с лишним.

Та же картина много раз повторялась и в многочисленных *греческих революциях* с VII по II в. до Р.Х. И здесь первые периоды отмечены паразитизмом, захватом чужих богатств, их проеданием, введением принудительных работ для богачей, ростом лености и праздности масс, укреплением привычки жить за чужой счет[83]. Вследствие всего этого наступали нищета и голод, снова заставлявшие приниматься за работу, за изнурительный и непосильный труд.

---

[82] *Викентьев В.* Цит. соч., с. 284–300; *Тураев Б.А.* Цит. соч., с. 70–72.

[83] «Дележ стал прямо-таки постоянным учреждением в Афинах. На многих праздниках демос пиршествовал и распределял между собою по жребию остатки жертв на общественный счет. Алчность доходила до того, что державный народ непосредственно распределял конфискованное на суде имущество граждан». Сами Афины превратились в колонию 20000 граждан, паразитарно живущих за счет обираемых союзников и народов и т.д. Чем чаще повторялись революции – тем эта тенденция становилась сильнее. Особенно ярко все указанные черты выражены в комедиях Аристофана. Фактические подробности см. в цитированных трудах Р. Пельмана, Б. Низе, Г. Бузольта, К. Белоха.

Еще ярче это явление повторялось в длительно-революционный период Рима, *начиная с эпохи Гракхов и кончая падением республики*. Именно в этот период выступает на сцену римский ленивый, праздный и паразитарный плебс, требующий дарового хлеба и зрелищ – panem et circenses (ко времени Цезаря число лиц, получающих даровой паек от государства в Риме достигло – с членами семьи – 600 000 человек). С этого момента начинается рост захватов, грабежей, переделов и других легких путей добывания средств существования; с этого времени наступает падение труда и производительности в Италии, рост рабства, появляются полчища грабителей, корыстолюбие, спекуляция, жадность, праздность – словом, все признаки угасания трудовых рефлексов. С этого времени демос превращается в «праздную грубую толпу», в «ленивый хлебный плебс», паразитарно живущий за счет ограбляемого мира, превращенного в «добычу Римского народа». С этого же времени начинается обеднение и развал народного хозяйства. Революция «вызвала огромный финансовый кризис… повсеместное обеднение и обезлюдение… В промежуток между битвой при Пидне[58*] до Гая Гракха было воздвигнуто немало строений, а после 122 года – почти ничего»[84].

Только со времени Цезаря, и особенно Августа, начинается улучшение и возрождение трудовых рефлексов[85].

Не иначе обстояло дело и во времена позднейших крупных революций, например, жакерий во Франции, в Англии и Германии, во время гуситской революции[86], русской смуты XVII в., и других.

Всюду и всегда указанная нами деформация со всеми ее чертами повторялась стереотипно[87].

То же самое повторилось и в ходе *английской революции XVII в.* С развитием гражданской войны «страна была жестоко поражена в своих материальных интересах. Повсеместная и беспорядочная война разоряла города и села, уничтожала насущные средства народа, разрушала его промышленность. Финансовые

[84] *Моммзен Т.* Цит. соч., т. 2, с. 399–400, 403–404, 134, 46; т. 3, с. 446–447.

[85] Подробности всего этого см. в указанных работах Г. Ферреро, Duruy, М.И. Ростовцева, Л. Фридлендера. См. также: *Сальвиоли И.* Капитализм в античном мире. 1922; *Waltzing J.P.* Étude historique sur le corporation professionneles chez les Romains // Memoires courjnnés Бельгийской королевской Академии. Louvain, 1896, vol. I–II; *Виппер Р.Ю.* Очерки истории Римской империи. М., 1908.

[86] Гуситская революция очень скоро «вызвала индифферентизм к труду, леность, а затем бедность и нужду» (*Denis E*. Op. cit., p. 289).

[87] О французской Жакерии и ее итогах см.: *Levasseur P.* Histoire des classes ouvriéres. 1904, vol. 1, p. 508–509, 522–523; *Ковалевский М.М.* Экономической рост Европы. М., 1900, т. II; об английской революции см. указ. работы Ч. Омана, Д.М. Петрушевского, М.М. Ковалевского; о гуситской революции – работы E. Denis и Ф. Палацкого; о революции в Германии см.: *Kaser K*. Politische und Soziale Bewegungen im deutschen Burgertum zu Beginn des 16 Jahrhunderts. 1899, S.106.

меры парламента, злоупотребления вводили неурядицу; исчезла всякая безопасность в текущих запасах и в трудах для будущего». Наряду с этим видим рост грабежей, воровства и других способов легкой наживы… Наступает падение *трудовых рефлексов*, и «страна становится добычей уныния»[88].

«Всюду были заметны признаки обеднения»[89] и т.д. Только к концу кромвелевского протектората и с начала реставрации начинается четкое возрождение трудовых реакций.

Что то же самое – причем в наиболее резкой форме – имело место и во время *Великой французской революции*, нет надобности описывать.

П. Левассер кратко резюмирует положение дел, говоря: «Революция всегда является критическим периодом в отношении труда: она уничтожает капиталы, расстраивает потребление и парализует производство: в 1789 году это особенно ясно выявилось».

С началом революции страна трудится все меньше, с развитием ее – перестает работать совсем. Растут захваты и грабежи. Эти явления усиливаются борьбой, промышленным кризисом и безработицей. В широких массах, особенно в городах, растет паразитизм. «Рабочие не занимались никакой полезной работой… Продуктивность их труда в общественных работах была ничтожной. Нищенство сделало ужасающий прогресс в стране». Дальше – голод, болезни, нужда и страшное обнищание. Эти стимулы снова заставляют людей приняться за труд. Это и видим: во-первых, в мерах правительства, зверски принуждавших распустившееся население работать (закон Ле Шапелье[59*], запрещение стачек, регламентация труда, уничтожение его свободы, введение обязательной трудовой повинности, закон о максимуме, каравший тюремным заключением и даже смертной казнью рабочих, отказавшихся работать у хозяев, и приказывавший принудительно отправлять их на работы, обращать в батраков и т.д.), во-вторых – в возрождении изнурительного труда самого населения, вызывавшемся угрозой голодной смерти. Эти явления, начавшиеся уже в 1791 году, продолжались в эпоху Директорий[60*] и Наполеона, пока угасшие рефлексы труда не были восстановлены[90].

В силу вольных или невольных причин тот же факт повторился в *революции 1830 г.* и во время *восстаний 1831–1834 гг.* «Революция усилила промышленный кризис. Дела приостановились. Рабочие были без работы. Организованные общественные работы не привели к увеличению производительности труда. Требование сокращения рабочего дня и повышения тарифа – дальнейшие симптомы

[88] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. 1, с. XIII–XIV.

[89] *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному, т. II, с. 178; *Роджерс Дж.* История земледелия и цен в Англии, т. 5, с. 205, 623, т. 6, с. 54, 286.

[90] См.: *Levasseur P.* Histoire des classes ouvriéres, vol. 1, p. 57, 61–62; *Тарле Е.* Крестьяне и рабочие в эпоху французской революции. СПб., 1922, гл. 4.

того же порядка. Голод и… подавление восстаний оружием – быстро прервали процесс угасания рефлексов труда»[91].

Гораздо более четко этот процесс выявился во *французской революции 1848 г*. С началом революции рефлексы труда у рабочих стали быстро угасать. Они «не хотели теперь работать более 8 или 9 часов». Установление 10-часового рабочего дня вместо 12-часового, их уже не удовлетворяет. С открытием национальных мастерских[61*] начинается бегство сюда из частных мастерских, ибо здесь можно получать 1 франк 50 сантимов и… не работать. «Рабочие вели праздную жизнь и тем не менее получали плату; многие трудились только для виду; многие смеялись над правительством, платившим им, чтобы заставить их гулять целый день». Благодаря возможности лентяйничать «толпа рабочих в национальных мастерских постоянно увеличивалась; к концу мая их было не менее 115 000 человек, не считая 5 000 желающих». То же самое происходило и в других городах. Положение дел ярко резюмирует В. Гюго, который пишет: «Некогда нам мозолили глаза бездельники роскоши; сегодня мы видим перед собой бездельников нужды. Во время монархии существовали люди, ничего не делавшие, но неужели у республики будут свои лентяи?»[92]

Дальше – обычная история: углубление кризиса, рост расходов на эти мастерские, ухудшение финансов, голод, закрытие национальных мастерских, восстание и… возрождение трудовых рефлексов под влиянием голода, наказаний и смирительных мер Кавеньяка и Наполеона (введение 12-часового рабочего дня)[93].

Не иначе по существу обстояло дело в *германской и австрийской революциях 1848 г*. И здесь мы видим те же требования сокращения рабочего дня, те же стремления устроиться на государственный счет, тот же рост лености, трату времени на митинги, болтовню, пьянство и т.д., наконец то же явление, что и во Франции, с национальными мастерскими. В Вене на организованных общественных работах «многие стали бездельничать». «Начался прилив желающих стать на работы (из частных мастерских). Число их дошло до 50 000 человек. Всякая попытка заставить их серьезно работать встречала отпор». Апелляция к высоким мотивам «свободы», «революции», «общего блага», во имя которых рабочие должны были работать, оставалась безответной. В итоге – то же обнищание, следствием чего явились «сильные лекарства» для лечения угасавших трудовых рефлексов[94].

Сначала из-за осады, а потом гражданской войны и революции сходный процесс начался, но был прерван и в *Парижской революции 1871 г*.

[91] *Levasseur P*. Op. cit., vol. 2, p. 1–6.

[92] *Грегуар Л.* Цит. соч., т. 3, с. 13–17, 30–32, 109–110.

[93] Там же, с. 25–28, 135; см. также: *Levasseur P*. Op. cit., vol. III, p. 383–384, livre 5.

[94] *Блос В*. Цит. соч., с. 201–202, 221–222, 310–311; *Hartmann O*. Die Volkserheburg der Jahre 1848 und 1849 in Deutschland. Berlin, 1900.

С момента торжества Коммуны происходит резкое угасание трудовых рефлексов, начавшееся еще раньше. Рядом декретов и мер в начале своей деятельности (запрещением ночного труда, безвозмездным пособием безработным, отменой вычетов и штрафов, отменой квартирной платы, отсрочкой уплаты долгов, национализацией предприятий и т.д.) Коммуна понизила трудовую дисциплину. Начавшаяся гражданская война окончательно сделала ее невозможной. Отсюда – результат: «все работы прекратились, нищета стала всеобщей… В городе не замечалось и следа промышленной или какой-либо деятельности. Значительное число лавок и магазинов было закрыто, остальные оставались без покупателей». В итоге – голод, болезни и обычные следствия подобного положения дел[95]. Со времени падения Коммуны начинается быстрое возрождение трудовых рефлексов у парижского населения.

Из приведенного обзора видно, что в той или иной мере, в зависимости от глубины и продолжительности революции, всякая революция производит очерченную деформацию трудовых рефлексов.

Распевая дифирамбы производительному труду – она отучает от него трудящихся. Порицая праздность – она умножает число праздных. Бичуя спекуляцию и паразитизм за счет других – толкает людей к этому паразитизму.

Правда, революция ликвидирует бывший праздный класс общества, прямо и косвенно заставляет его приняться за работу. Но – увы! – это только капля в море, не покрывающая результаты противоположного характера. На место одного лентяя она плодит сотни, вместо одного паразита, спекулянта, махинатора – создает десятки. Вот почему эта сторона дела ничуть не компенсирует указанную.

Так снова и снова повторяется в истории «урок» людям: одним – праздным – говорящий, что своим паразитизмом они вызывают справедливое негодование и бурю революции, которая сожжет и уничтожит их или их потомков; другим – обремененным трудом, – что меньше всего кроваво-революционным путем можно облегчить бремя труда. Этот метод – не годен. Попытки применения его неизменно влекли, влекут и будут влечь за собой жестокое возмездие на голову общества, к нему прибегнувшего.

§ 6. Деформация рефлексов собственности

В ряду безусловных рефлексов человека имеется группа рефлексов, состоящих, с одной стороны, в актах захвата, владения, пользования и распоряжения рядом объектов, необходимых для жизни, с другой – в актах защиты их от посягательств со стороны других людей. Эту группу безусловных рефлексов можно

[95] *Грегуар Л.* Цит. соч., т. 4, с. 352–357, 409–410, 307–308; *Лиссагаре П.О.* Цит. соч., с. 259–261.

назвать рефлексами собственности. В элементарном виде они даны уже в мире животных и даже растительных организмов[96].

У человека эти безусловные рефлексы собственности обросли множеством условных. Одной из основных функций последних является «канализация» и оформление проявления первых, с одной стороны (как, где, когда, в каких пределах они могут осуществляться, где граница «моего» и «чужого» и т.д.), с другой – торможение и ограничение безграничного осуществления безусловных рефлексов собственности. Условные тормозящие рефлексы препятствуют посягательству на «чужую собственность», удерживают от актов ее захвата и присвоения.

В совокупности все эти группы рефлексов собственности определяют поведение каждого из нас в сфере «имущественных» отношений. Если я свободно беру и кладу в карман «мои» часы, лежащие на столе, и не трогаю вещей «чужих», если я спокойно вырываю овощи с «моей» гряды и не трогаю с соседней, «принадлежащей» другому, если, заплатив деньги, я «присваиваю» себе книгу из магазина, которую без выполнения актов уплаты я не присваивал, то такое поведение есть результат комбинации моих безусловных рефлексов собственности, оформляемых, канализируемых и тормозимых привитыми мне условными рефлексами…

Экономическая и гражданско-правовая организация общества и соответствующие правовые нормы являются по сути результатом такого поведения его членов, с одной стороны, с другой – представляют собой его описание и оформление.

В нормальное время рефлексы собственности устойчивы у большинства членов общества. В революционное время они значительно деформируются. В одних революциях – очень резко, в других – слабо. В первом случае мы имеем тип так называемой «социальной революции»; во втором – политической, религиозной или другой, но не «социальной».

[96] «Собственность есть факт естественный, существующий ранее всякой юридической организации. Она получает от последней лишь ту санкцию, через которую существующие факты признаются и кодифицируются. Среди разных теорий о праве собственности наиболее слабой, по мнению всех, является теория создания собственности законом. Собственность есть следствие тенденции, тем более инстинктивной, что она берет свое начало в самом организме человека, в форме его деятельности, в его чувстве социабельности», – правильно говорит Р. Петруччи. Далее он убедительно показывает, что акты захвата, присвоения и владения нужными объектами внешнего для организма мира, составляющие существо института собственности, наблюдаются и в мире животных и даже растений: всякий организм, пока он живет, не может не захватывать и не присваивать себе часть объектов внешнего мира (в виде пищи, питья, почвы, воздуха, света, тепла, «жилища» и т.д.). Без этого его жизнь была бы невозможной (*Petrucci R.* Les origines naturelles de la propriete. Leipzig, 1905, ch. I–II). О наличии у человека безусловных рефлексов собственности см.: *Thorndike E.L.* The Original Nature of Man. New York, 1920; *McDougall W*. Introduction to Social Psychology; *Patrick G.* The Psychology of Social Reconstruction. Boston, 1920.

В чем состоит деформация рефлексов собственности в эпохи революций? Ряд революций ставили своей задачей уничтожение их. Многие думают, что задача настоящих «социальных революций» к этому и сводится. Нужно ли говорить, что все это наивно-идеалистический вздор и частное проявление закона «социального иллюзионизма» (о котором см. ниже). Безусловные рефлексы собственности, неразрывно связанные с самой жизнью организма, уничтожены быть не могут. Можно лишь иначе «канализировать» их путем изменения соответствующих условных рефлексов – и только. Можно, например, попытаться удовлетворять их в формах так называемой «коллективной», а не «индивидуальной» собственности. Это действительно пытались сделать многие революции. К этому сводятся стремления социализма и коммунизма. Но легко видеть, что подобная «коммунизация» собственности не есть уничтожение самих рефлексов индивидуальной апроприации. Они остаются, и здесь в конечном счете потреблять и апроприировать «блага» будет индивидуальный организм, а не какой-то «коллективный» организм в виде коллективного рта и желудка. В некоторых особых случаях, как увидим ниже, рефлексы индивидуальной собственности масс могут легче удовлетворяться при условии «коллективной собственности на средства и орудия производства». В таких условиях может устанавливаться «институт коллективной собственности». Но он, как и сам социализм, ничуть не уничтожает рефлексы индивидуальной собственности, а только иначе канализирует их проявление. Во-вторых, как мы сейчас увидим, революция, часто выставляя лозунг «коллективизации» собственности, никогда его не осуществляла фактически. В-третьих, то же самое можно сказать и о принципе имущественного уравнения, нередко выставлявшемся революциями. Революции на первой своей стадии «уравнивали» имущества, но не в смысле установления прочного и длительного порядка, где каждому предоставлялась бы одинаковая доля материальных благ, а в смысле простого захвата и раздела богатств членов общества, общего объединения и равенства в нищете, очень быстро сменяемого процессом новой имущественной дифференциации, с гипертрофическим проявлением эгоистической жадности, корыстолюбия и всех отрицательных сторон рефлексов собственности.

Красивые слова об уничтожении частной собственности, всеобщем довольстве, имущественном равенстве и т.д. были и оставались простой словесной пудрой, увлекательной ширмой, за которой и под которой объективно происходили совершенно иные процессы, ничего общего с ним не имевшие[97].

С объективной точки зрения деформация рефлексов собственности на первой стадии революции состоит в следующем: *а) в отпадении тормозящих*

[97] И. Тэн прав, когда он пишет: «Каковы бы ни были великие лозунги Liberté, Fraternité, Egalité[62*], которыми революция украшает себя, она по своему существу есть простое перераспределение собственности; в этом состоит ее внутренняя опора, ее постоянная сила, ее первый двигатель и исторический смысл» (*Taine H.* La Revolution, vol. I, p. 38).

захват чужой собственности условно собственнических рефлексов у лиц бедных, с «ущемленными» и неудовлетворенными собственническими рефлексами; б) в силу этого – в интенсивнейшем проявлении у них безусловных рефлексов собственности (в форме захвата чужого достояния), прежде тормозимых отпавшими теперь условными рефлексами; в) у лиц богатых – в угасании и ослаблении рефлексов защиты своей собственности от посягательств других.

В итоге такой деформации разражаются громадные процессы захвата бедными достояния богачей (земли, капиталов и т.д.), достояния одних – другими (в форме грабежа, реквизиций, «национализаций», «уравнивания»). Граница, отделяющая «свое» от «чужого», пропадает. Люди, с угасшими тормозными рефлексами собственности, толкаемые ущемленными безусловными импульсами апроприации, бешено, стихийно начинают «утолять» последние. Где раньше они воздерживались от грабежа чужого, теперь – не воздерживаются. Происходит «черный передел» в буйных формах. «Грабь награбленное», «Да здравствует экспроприация эксплуататоров» и т.д. Те, у кого отбирают имущество, часто оказываются людьми с ослабленными рефлексами собственности.

Этот процесс (как увидим ниже, в особой главе) сопровождается широким разливом всякого рода речевых и субвокальных рефлексов (идей, идеологий, убеждений, мировоззрений), проповедующих «равенство», «обобществление», «имущественное уравнивание», обличающих собственность, корыстолюбие богатых, благословляющих экспроприацию, «коммунизацию» и т.д. – словом, идеологии уравнительно-коммунистического типа. Они быстро развиваются, успешно заражают массы с ущемленными рефлексами собственности и стимулируют их на акты захвата, «уравнивания», передела.

Вслед за этим периодом наступает второй, противоположный. Он имеет разные вариации в зависимости от того, доходит ли революция до конца или прерывается в своем развитии. Но сущность его одна и та же в обоих случаях. *Она состоит в новой и интенсивной прививке угасших тормозных рефлексов собственности, в прививке актов воздержания от захвата и присвоения «чужого достояния».*

Причины наступления этой стадии заключаются в общем обеднении, голоде, нищете, к которым приводит необузданность первого периода, падение производительности труда, прекращение интенсивной работы и другие следствия разгрома, грабежа, национализации и реквизиций первого периода, с одной стороны, с другой – утоление ущемленных рефлексов собственности у наиболее энергичной части «коммунизаторов» и «уравнителей». Последние теперь заинтересованы в охране своего достояния, первые – в избавлении от бед, к которым привела необузданная вакханалия нетормозимых рефлексов собственности предыдущей стадии.

Если прежние богачи одерживают верх и прерывают «углубление революции» – эта прививка совершается ими и их словами. Когда же революция доходит до конца, когда богатства разграбляются и делятся всякого рода «коммунизаторами», когда их не остается, когда делить уже нечего, кроме захваченного «национализаторами» достояния, когда новый передел может грозить только им – тогда прививка тормозных рефлексов совершается ими, ставшими теперь представителями «новой буржуазии», новыми, свежими и ревностными собственниками. Они поддерживаются теми группами, которые от революции экономически кое-что получили и до некоторой степени утомили ущемленные прежде имущественные рефлексы.

В обоих случаях «грабить награбленное» теперь воспрещается. Всякие акты посягательства строго наказываются. Устанавливаются сильнейшие тормозные стимулы: штрафы, аресты, тюрьма, смертная казнь. Общество лечат «огнем и железом». На разбушевавшиеся импульсы собственности накладывается узда. В итоге – после ряда перебоев – стихия вводится в берега. Оживает старое изречение: beati possidentes[63*]. Собственность вновь становится священной. Новые собственники, в отличие от старых, зубами и когтями защищают теперь свое достояние. Из «коммунизаторов» они превращаются в самых горячих защитников собственности.

В области идеологий и речевых рефлексов этот период характеризуется падением популярности уравнительных и коммунистических учений первого периода революции. Они теряют кредит доверия и популярность. Оживают и крепнут идеологии противоположные, в разных формах оправдывающие «священное право собственности»…

Такова сущность деформации в этой области рефлексов. Не во всех революциях она одинаково проявляется, но все они – хотя бы и в слабой мере – имеют эту тенденцию и выявляют ее. Перейдем к фактам.

Русская революция 1917–1923 гг.

Уже перед революцией – разгромы магазинов, рынков и т.п. явления, с одной стороны, с другой – рост популярности социалистических идеологий, с третьей – ряд национализаций и ограничений права собственности со стороны государства (под влиянием войны и требований «военного социализма»[64*]) свидетельствовали о начавшемся угасании рефлексов собственности. С началом революции это угасание стало катастрофическим. Рабочие стали захватывать предприятия, крестьяне – громить помещичьи усадьбы, апроприировать скот, мебель, земли, возрос процент имущественных преступлений и т.д. Через 2–3 месяца этот процесс стал стихийным. Со времени Октябрьской революции он был легализован. Законом 1918 г. все частновладельческие земли были конфискованы,

фабрики – реквизированы, капиталы и дома – также; граница между «своим» и «чужим» исчезла. Сначала отнимали достояние у богатых: рабочие – у капиталистов, крестьяне – у помещиков, дворники – у богатых жильцов, солдаты – у офицеров, коммунисты и матросы – у всех. Потом, когда богатства были поделены, начались реквизиции хлеба, скота, масла, молока и одежды у крестьян; люди с потухшими тормозными рефлексами собственности, главным образом коммунисты и матросы, реквизировали у всякого все, что могли: съестные припасы, золотые вещи, картины, книги, квартиры, все, вплоть до последней пары белья и серебряной ложки. Словом, у массы лиц тормозные реакции потухли. У других – богатых – рефлексы защиты своей собственности оказались очень слабыми. Они отдали почти все без сопротивления.

Это их угасание видно и из уголовной статистики имущественных преступлений. В 1918 г. в Петрограде было 327000 воров (22% населения), кравших в форме лишней хлебной карточки продовольствие. В Москве их было 1 000 000 (70% населения)[98].

Если преступность Москвы в 1914 году возьмем за 100, то в 1918 году

кражи выразятся цифрой	315
вооруженные грабежи	28 500
простой грабеж	800
мошенничество	370
присвоение	170[99]

На железных дорогах расхищение багажа увеличилось в 1920 г. в 150 раз по сравнению с мирным временем[100].

Не лучше дело обстоит и в 1922 г. По данным Советской рабоче-крестьянской инспекции за 1922 год на железных дорогах похищено: 2 640 000 пудов продовольствия, 7 826 000 пудов топлива, 65 000 пудов мануфактуры, обуви, кожи, мехов, 680 000 пудов сырья, 196 000 пудов разных ценных предметов – всего похищено 11 400 000 пудов на сумму 50 000 000 золотых рублей, составляющих 22% всего бюджета Комиссариата путей сообщения.

Эти официальные цифры – лишь слабая тень того, что было на самом деле. Но и они довольно красноречиво свидетельствуют о том, как сильно развинтились «тормозные» рефлексы собственности, с одной стороны, и во что объективно вылилась «коммунизация» – с другой.

Все это происходило под аккомпанемент звучных речевых рефлексов, таких как «имущественное равенство», «коммунизм», «уничтожение эксплуатации труда капиталом», «во имя справедливости», «общего блага» и массы подобных лозунгов.

[98] Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1920–1921, вып. III–V; Красная Москва. 1917–1920. М., 1920, с. 53.

[99] Красная Москва (глава о преступности).

[100] Известия ВЦИК, 20 октября 1921 г.

Соответствовала ли им действительность? Ничуть. Сами коммунисты точно характеризуют положение. Вместо национализации и общих интересов при захвате фабрик рабочими, по словам коммуниста Осинского, «развились мелкобуржуазные, собственнические взгляды на предприятия»[101]. Каждая группа рабочих захватывала фабрику и смотрела на себя как на ее собственников, расхищала и делила, что можно, между собой[102].

То же самое имело место и среди крестьянства. «Крестьянская масса не знает социализма и не хочет знать ничего, кроме даровой прирезки земли, – говорил уже в конце 1918 г. коммунист Мещеряков, – ее мелкобуржуазные предрассудки вылезают наружу совершенно неприкрыто»[103].

«Деревня (после захвата помещичьих земель) к социализму оказалась равнодушной: она решительно отвергла “коммунию”», – с печалью констатирует Осинский. То же самое авторитетно подтверждает и Ленин[104].

Далее, вместо общей сытости пришло массовое обеднение. Вместо имущественного равенства – уже в конце 1918 г. – были установлены десятки разных пайков, начиная с роскошного «совнаркомовского» пайка (с икрой, фруктами, вином и т.д.) и кончая голодным пайком «клади зубы на полку». Тогда же для оплаты труда введены были 34 различные тарифные ставки. В 1919 г. на съезде коммунистов была вынесена резолюция, одобрявшая не только материальные привилегии коммунистов по сравнению с некоммунистами, но и лучшее вознаграждение «ответственных коммунистов» по сравнению с неответственными.

В то время, как большинство умирало от голода, другие грабили, что могли, имели салон-вагоны, автомобили, несколько любовниц – все, вплоть до тропических фруктов, мехов, тонких духов и бриллиантов. Во имя коммунизма сдирали обручальные кольца, одежду и сапоги с расстрелянных и надевали их на себя или пускали в продажу.

Вместо уничтожения рефлексов собственности у «коммунизаторов» возникла лишь отвратительная необузданная жадность присвоения всего с живых и мертвых всеми способами и мерами…

Таков был первый этап революции.

К 1920 г. все было «поделено», все былые богатства исчезли. Больше делить стало нечего, ибо не стало буржуев. Пришли всеобщая бедность и голод. Власть стала «реквизировать» крестьян.

Началось отбирание у них хлеба и скота – всего, что можно было отобрать. Теперь начали «ущемляться» рефлексы собственности у крестьян. Итогом стали крестьянские восстания как акты защиты своего достояния от посягательств

[101] *Осинский Н.* Строительство социализма. М., 1918, с. 36.
[102] См.: Вестник Труда. 1920, № 3, с. 91.
[103] *Мещеряков Н.Л.* О сельскохозяйственных коммунах. 1918, с. 11–12, 17, 25.
[104] См. его «Речь на VIII Всероссийском Съезде Советов». 1921, с. 29–31.

власти. Они ширились и росли. Перекинулись на города, на солдат и матросов, которым больше не приходилось «коммунизировать» буржуев за их отсутствием. Вместе с этим многие из «коммунизаторов», кое-что награбив, теперь хотели бы сберечь для себя награбленное. «Коммунизм» им был больше не нужен.

Следствием всего этого явилось антикоммунистическое движение, достигшее апогея в марте 1921 г. в Кронштадтском восстании[65*]. «Кронштадтские матросы», еще два года назад бывшие самыми рьяными коммунистами, теперь выставили программу «Советы без коммунистов». Поистине знаменательная трансформация!

Итогом всего этого стала «новая экономическая политика», состоявшая в декоммунизации, в возрождении капитализма, фактической частной собственности – словом, в восстановлении угасших тормозных рефлексов собственности и ее охраны у новых собственников. За два года – 1921–1923 – этот процесс отчетливо выявился как в фактах, так и в декретах советской власти. Главными из них были: декрет о праве концессий, о денационализации фабрик, заводов и домов, о признании фактической частной собственности, о праве иметь неограниченную сумму денег, о восстановлении права наследования[105], о бессрочном индивидуальном пользовании и владении землей и т.д. Словом, к данному моменту в экономической области от коммунизма ничего не осталось, кроме… азиатского произвола советской власти.

В фактической же жизни за два года восстановление рефлексов собственности и всех отрицательных сторон капитализма (без его положительных) достигло геркулесовых размеров. Лихорадочный ажиотаж, спекуляция, мошенничество, сумасшедшая жажда обогащения, чудовищный контраст между роскошной жизнью коммунистов и «нэпманов» – с одной стороны, и миллионы умирающих от голода людей – с другой, беспощадные расстрелы воров и грабителей, посягавших на чужое достояние, колоссальные капиталы, скопленные «вождями коммунизма», их вхождение в качестве пайщиков и директоров во все главные тресты и акционерные компании[106], бесстыдное присвоение себе их прибыли, оплачиваемой за счет государства, беспощадная эксплуатация рабочих, расхищение фон-

[105] «Какой смысл ограничивать право наследования имущества 10 000 золотых рублей, – пишет г. Преображенский, комиссар финансов. – Разве лучше для страны и ее хозяйства, если нэпманы будут прожигать свои доходы в кафе, игорных притонах и т. д., вместо того, чтобы, скажем, строить собственные дома» (Правда. 1923, № 177).

[106] По исследованию самих же левых коммунистов оказалось, что самыми богатыми людьми, получающими огромную прибыль, являются Троцкий, Зиновьев, Радек, Каменев, Красин, Дзержинский и т.д. См. также в «Красной Газете» за 1922 г. статью «Куст Троцкого», пренаивно описывавшую, что акционерная компания с директором и пайщиком Троцким дала за 1921 г. несколько миллионов золотых рублей прибыли. Каменев является теперь главой компании, содержащей игорные дома и притоны. Зиновьев и Радек, по исследованию контрольной комиссии III Интернационала, не могли дать отчета в израсходовании трех миллионов золотых рублей и т.д.

да государства и т.д. – и все это воскресло снова, но, увы, в бесконечно худшей, чем раньше, форме.

Вместе с тем и в массе, в особенности в крестьянстве, «индивидуально-собственническая» стихия разлилась небывалым образом. Она проявляется прежде всего в стихийном выходе их из общины на индивидуальные участки – хутора и отруба, столь сильном, что власть декретом за октябрь 1922 г. принуждена была легализировать его. Русский крестьянин-общинник превратился теперь в мелкого буржуя (собственника-индивидуалиста).

Словом, «коммунистическая революция» в итоге дала появление и рост рефлексов индивидуальной собственности, в размерах раньше России неизвестных. (См. ниже о влиянии революции на экономическую жизнь.)

Сейчас реставрация угасших тормозных рефлексов собственности может считаться уже свершившейся. Верховной заповедью снова стало «beati possidentes». Но эти новые «possidentes», вышедшие из рядов «разрушителей собственности», имеют несравненно более сильные рефлексы собственности, чем бывшие богачи. Они, в отличие от последних, будут всеми силами защищать «свою собственность» и не позволят ее «национализировать».

Параллельно с этим процессом прививки угасших рефлексов собственности происходят сдвиги и в области идеологии. Яркий пример дают прежде всего сами коммунисты. Достаточно для этого сравнить их речи, брошюры, газеты и книги 1917–1919 и 1921–1923 гг. Они диаметрально противоположны – и то, что называлось «хорошим» в первый период (национализация, карточная система, имущественное равенство, коллективное управление, необходимость полного уничтожения частной собственности, грабеж буржуев, ставка на рабочих и т.д.), во второй период оценивается отрицательно. Теперь от старой коммунистической фразеологии осталось очень мало. Среди же населения к 1921 г. все коммунистические лозунги, столь популярные недавно, утратили всякий кредит доверия. Они стали предметом ненависти и презрения. Социализм и коммунизм потеряли всякое обаяние.

Стала расти популярность теорий и идеологий антикоммунистических и антисоциалистических, идеализирующих и оправдывающих капитализм, частную собственность, индивидуализм, личную инициативу, личные мотивы и т.д.

Словом, и здесь круг замыкается.

Место идеологий, стимулировавших захват чужого, «коммунизацию» и «национализацию», теперь заняли идеологии, прямо и косвенно одобряющие частную собственность и заповеди «не укради», «не трогай чужого», «не посягай на священное достояние и собственность других людей».

Таков в основных чертах процесс деформации рефлексов собственности, совершившийся в течение русской коммунистической революции. Ни коммунизма, ни имущественного равенства, ни общего благосостояния, ни уничтожения

частной собственности и капитализма он не дал, а только разорил страну, поменял людей местами в имущественной пирамиде и усилил рефлексы собственности согласно той схеме, которая была очерчена выше[107].

Сходный процесс мы видим и в других революциях. Разница их лишь в резкости выявления этих деформаций.

Египетская революция. «На дорогах подстерегают, чтобы разграбить ношу путника, – читаем у Ипувера. – То, что на нем, отнимается… Привратники говорят: "Пойдем грабить…" Бедняки стали богачами, а владельцы собственности – неимущими; тот, кто вымаливал для себя подонки, теперь владеет чашей, наполненной до краев» и т.д. У имущего «нет тени» (т.е. дома), негде преклонить голову. «Князья голодают… Благородные дамы ходят голодные, и они говорят: "Ах, если бы у нас было что поесть". Они в рубищах… Золото и ляпис-лазурь, серебро и малахит, сердолик и бронза висят на шеях у рабынь… Царские склады стали общим достоянием» и т.д.[108]

Из этих штрихов видно: массовое угасание тормозящих рефлексов собственности, захват чужого достояния, «национализация», ничуть не уничтожившая неравенства, т.е. те же черты, которые мы видим и в русской революции.

Не иначе обстояло дело и в *греческих революциях* VII–II вв. до Р.Х. И здесь «все выделявшиеся своими богатствами умерщвлялись, дома и поля, жены и дети их отдавались нищим, илотам и всякому сброду, храмы подвергались разграблению»[109]. Конфискации, реквизиции, массовый грабеж, национализации и т.д. – обычные спутники этих революций. Говоря словами Фукидида, «людей больше не удерживал (от этих действий) ни страх перед богами, ни человеческие законы»[110].

То же самое и в *римских революциях* конца республики. И Гракхи, и Марий, и Сулла, и Антоний, и Красс, и Помпей, и Цезарь, и Август – все они и их сторонники превратили право собственности в фикцию. Грабежи, захваты, конфискации, реквизиции и т.д. были колоссальны (один Сулла конфисковал и раздал своим сторонникам, например, более 120 000 земельных участков). Разбои, гра-

---

[107] Подробная картина – изо дня в день – всего этого процесса может быть прослежена по советским газетам («Известия», «Правда», «Экономическая жизнь»). См. также: речь Ленина «О продналоге»; *Далин Д.Ю.* После войн и революций. Берлин, 1922; *Маслов С*. Россия после четырех лет революции. Париж, 1922, т. 1–2; *Сорокин П.А*. Современное состояние России. Прага, 1923; *Милюков П.Н.* История второй русской революции. София, 1921–1923, т. 1–3; *Суханов Н.В*. Записки о русской революции. Берлин-Пб., 1922–1923, кн. 1–7, «Народное хозяйство» за 1921 и 1922 гг. (официальное издание), Экономический вестник, № 1, статью С.Н. Прокоповича в официальном сборнике «О земле», вып. 1–2; Экономист. 1922, №№ 1–5.

[108] *Викентьев В*. Цит. соч.

[109] *Fustel de Coulanges N.D*. La cité antique. Paris, 1905; *Niese B*. Op. cit., 2 Teil, S. 596–597, 3 Teil, S. 42–43; *Buzold G*. Op. cit., Bd. III, T. 1, S. 560–582.

[110] *Фукидид.* История. II, 21–22, 47–53; III, 81–85.

бежи и кражи достигли грандиознейших размеров и привели даже к основанию мощных государств пиратов.

«В столице и в менее заселенных местах Италии грабежи совершались ежедневно. Грабили все… Развились небывалая жадность и погоня за богатствами, подкуп, мошенничество и т.д. Бедность… считалась единственным наихудшим позором и преступлением; за деньги государственный человек продавал государство, гражданин – свободу, за деньги отдавалась знатная дама, подделка документов и клятвопреступление были так распространены, что клятва называлась “почвой для долгов”». И вместе со всем этим, несмотря на все переделы и национализации, «в распределение состояний вкралось страшнейшее неравенство». Рим превратился в «республику миллионеров и нищих»[111].

Передаю слово Р. Пельману, подводящему итог всех античных революций следующими словами: «В Греции (и Риме) в продолжение нескольких веков велась борьба, девизом которой были равенство, справедливость, братство… Неистовые взрывы ненависти и мстительности, грабежи, разбои, дикая разнузданность – таковы были явления, которыми сопровождались попытки практического осуществления экономического и социального уравнения. Наряду с правомерным озлоблением, вызываемым нищетой и эксплуатацией, беспрестанно обнаруживалась алчность к имуществу ближнего, которого изгоняли для того, чтобы самому – и притом только самому – занять его место… Поэтому не случайно в последние века греческой истории почти всегда, когда равенство было лозунгом,.. стремление индивидуума стоять выше других принимало грубейшие формы тирании. В этой последней характерно воплощалась алчность масс. Лица, выигрывавшие от революции, не обнаруживали того духа солидарности и справедливости, на которую претендовала социальная демократия. Нигде не оказалось ни следа… равенства и братства… Чуть только достигалась ближайшая цель социальной революции, т.е. более или менее значительное число ее участников овладевало капиталом и земельными участками, как вскоре обнаруживалось, что… не самоотверженная преданность идее общности, а личные интересы влекли их к борьбе. А эти интересы требовали, чтобы отдельное лицо удерживало то, что было приобретено им при общем грабеже. Теперь эти люди скорее имели основание бояться сатурналий революционной фазы. Так как от нового переворота они не могли уже выиграть, а лишь потерять, то им незачем уже было драпироваться в пролетарски-революционное облачение… Они обыкновенно становились реакционными, как в экономическом, так и в политическом отношении. Новые собственники мало смущались тем, что возле них снова возникли неравенство и бедность… О новом переделе они не желали и слышать, как только сами становились собственниками. …Поэтому братство вряд ли длилось

[111] *Моммзен Т.* Цит. соч., т. III, с. 68, 453, 461; *Фриндлендер Л.* Картины из бытовой жизни Рима. СПб., 1914, с. 21.

значительно дольше, чем пока не была побеждена враждебная партия и не был закончен грабеж»[112].

Едва ли нужно приводить цитаты и свидетельства, говорящие, что не иначе происходило дело и в ходе других революций в разных странах и в разное время…

Возьмите *персидскую революцию* при Кобаде или смуты при Ормузде III, и вы увидите захват, передел, общий грабеж и «национализацию» не только имущества богачей и вообще чужого имущества, но даже… жен в Моздакской революции[113].

Приглядитесь к многочисленным революциям в мире ислама: хариджитов, алидов, карматов, измаилитов, коптов, коммунистов-бабекистов, ваххабитов[66*] и т.д. – всюду вы увидите те же картины и те же процессы[114].

Перенесемся в Японию. И здесь, например, в революциях XV в. мы имеем те же «жакерии и прагерии[115/67*]».

А средневековые революции, вплоть до коммунистических? Разве *гуситская революция* в Чехии не началась с захвата богатств церкви, духовенства, немцев и знати, а потом и достояния других народов?

Разве и здесь все это не происходило под аккомпанемент коммунистических идеологий и не сопровождалось образованием коммунистического государства таборитов и многочисленных коммунистических сект: николаитов, беггардов, адамитов и т.д.? «Если все люди имеют равные права, почему богатство распределяется неравномерно? Имейте веру, и все остальное приложится, ибо богатство и земля не даны ли Богом своим верным детям?» «Взять добро другого, – учили проповедники, – не грех, а поступок, приятный Богу». Таковы были идеологии начала революции. В соответствии с ними – брали, национализировали и уравнивали имущество богатых, церкви, немцев и т.д., дошли до основания коммунистических сект и общин, провозглашавших даже общность жен. «Жадность – корень всего зла», – так комментирует современник всю эту возвышенную «коммунизацию»[116].

Но надолго ли все это было? По мере обогащения путем грабежа и захвата идеология коммунизма стала падать и рефлексы собственности возрождаться. Табориты «скоро уничтожали адамитов и открыли частной собственности путь

---

[112] *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 469–470, 494–498, 503–582. Подробнее см. в указанных работах Г. Ферреро, М.И. Ростовцева, В. Дюруи, Б. Низе, Г. Бузольта, О. Зеека и др.

[113] См.: *Malkolm J.* The History of Persia. London, 1829, vol. I, p. 100, 106, 120, vol. II, p. 344, 353.

[114] См.: *Мюллер А.* История Ислама от основания до позднейших времен. СПб., 1895, т. II, с. 33, 29, 161, 178, 182, 187–192, 195–196, 237–239, 278–281.

[115] См.: *De la Mazeliére*. Japon. Histoire et civilization. Paris, 1907, vol. II, p. 389.

[116] *Denis E.* Op. cit., p. 287.

в свое общество. И эта последняя с присущим ей образом мыслей – с завистью и жадностью – тем быстрее вытеснила коммунизм и братские отношения, чем скорее росло благосостояние и богатство таборитов – плод их беспрерывных грабежей. Равенство средств существования начало исчезать. В Таборе можно было найти бедных и богатых, и последние становились все менее склонными уделять первым от своего излишка»[117].

Следующий разговор крестьянина со священником рисует суть дела: «Это справедливо, – говорит крестьянин, – что сеньоры нас больше не будут давить и богатства будут равными». – «Но понравится ли тебе, – спрашивает священник, – если твой батрак войдет в твой дом и захочет быть равным тебе?» – «Конечно, нет». – «А почему?» – «Это невозможно; пожалуй, ты прав, лучше действительно следовать старому обычаю и лучше, если низшие будут подчиняться высшим»[118].

«Революционеры забыли свои обещания и оказались более жадными, чем старые властители. Те, кто кричал, что все блага должны быть общими, исключили своих товарищей из всякого дележа. Богатства, которые были порицаемы, когда принадлежали католикам, они теперь присвоили себе. Они обещали абсолютно свободное пользование лесами, водами и лугами, и они же лишили народ всякой свободы пользования и довели его до рабства»[119].

Тот же процесс повторялся во французской и английской жакериях (в смысле захвата чужой собственности, освобождения от имущественных обязательств и т.д.), в средневековых революциях, вплоть до коммунистических революций в Мюнстере и Мюльгаузене[120/68*].

Колоссальное ограбление ирландцев, почти поголовно лишенных всех своих земель и богатств (2 500 000 акров), рост краж и грабежей, массовый захват и конфискация имуществ роялистов кромвелианцами и роялистами – у противников, многочисленные реквизиции у мирного населения и множество других нарушений чужой собственности в первый период английской революции, с одной стороны. Торможение таких актов во второй ее период, с другой – достаточно известны, чтобы останавливаться на этом[121].

---

[117] *Каутский К.* От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, ч. 1, с. 198.

[118] *Denis E.* Op. cit., p. 287–288.

[119] Ibid., p. 348–349.

[120] Например, в Новом Иерусалиме Иоанна Лейденского лидеры коммунистической революции, захватив богатства, львиную их долю присвоили себе и даже во время голода не обнаруживали никакого желания делиться с голодавшей массой (*Каутский К.* Цит. соч., с. 384). О поведении масс во время жакерий см. указ. работы Ч. Омана и Д.М. Петрушевского, а также: *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы. М., 1903, т. III; *Levasseur P.* Histoire des classes ouvriéres, vol. II, p. 134.

[121] См.: *Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate, vol. IV, p. 82–84, vol. II, p. 22, 200, vol. I, 39; *Гизо Ф.* Цит. соч., т. I, с. XI–XII, XXII–XXIII, 192–194, т. III, с. 113.

Подтвердились лишний раз жадность и корыстолюбие победителей-революционеров, которые, став членами парламента, стяжали себе печальную славу[122].

Не было недостатка и в коммунистических идеологиях[123] (диггеры, люди пятой монархии[70*] и т.д.).

Ясна и тенденция восстановления тормозных рефлексов собственности во второй период[124].

Нет надобности говорить и об отсутствии имущественного равенства. В итоге революции имущественное неравенство скорее возросло, чем уменьшилось[125].

Сходное имело место в смысле развинчивания рефлексов собственности, роста разбоев, грабежей и в русской революции 1603–1612 гг., в движениях Разина, Пугачева и других восстаниях и оборванных революциях[126].

В несравненно большем масштабе тот же процесс происходил и во время Великой французской революции… Здесь уже перед революцией началось угасание тормозных условных рефлексов собственности (восстания 1785–1789 гг., ограбление лавок, складов, амбаров, рост краж, грабежей и т.д.[127]).

С началом революции тормоза моментально отскакивают. Начинается массовый захват земель, замков, богатств, легализованный и нелегализованный грабеж. Процесс идет crescendo. Сначала грабят богатых и аристократов, потом –

[122] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. II, ч. 1, с. 78–79.

[123] Вот пример воззваний того времени: «All landlords were thieves and murderers, – читаем мы в манифесте Everard'a. – It was now time for the English to free themselves from the landlords. Break in pieces quickly the band of particular property… and give they free consent to make the earth a common treasure»[69*] и т.д. (*Gardiner S.* Op. cit., vol. I, p. 43).

[124] Ее ясно выражает в своей речи в парламенте в 1654 г. Кромвель: «Дворянин, джентльмен, фермер, земледелец – вот настоящее ядро нации… Уравнители хотели сравнять все звания, все имущества, все собственности, хотели сделать одинаково богатыми и жильца, и хозяина дома. Но хотя бы они и успели в этом, подобное положение дел не могло быть продолжительно: совершив свое дело, эти же люди стали бы прославлять и защищать собственность и имущество, а между тем произвели бы много зла своими принципами, потому что тут есть слова, приятные беднякам и негодяям». 22 января 1655 года он говорил: «Если уж суждено республике страдать, то пусть она лучше страдает от богатых, чем от бедных, ибо когда угнетают бедные, сказал Соломон, тогда они подобны буре, которая истребляет все и ничего за собою не оставляет». Соответственно с этим, как известно, в этот период стали усиленно преследоваться всякие коммунистические движения, частные грабежи, кражи и т.д. (*Гизо Ф.* Цит. соч., т. III, с. 108, 127–128).

[125] См. об этом: *Бернштейн Э.* Коммунистические и демократо-социалистические течения в Английской революции XVII века // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, ч. 2, с. 64–263.

[126] См.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского, т. 11 и 12; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1917, с. 249–250; *Фирсов Н.Н.* Крестьянские волнения до XIX века // Великая реформа (юбилейное издание), т. 2.

[127] См. *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine. 1889. L'ancien régime, p. 200–213, 280–298; *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. М., 1919, с. 23, 39–41; *Афанасьев Г.Е.* Исторические и экономические статьи. Киев, 1908, т. 1, с. 402, 398, 434–435.

особенно со времени диктатуры якобинцев – начинается грабеж и бедных. Разражаются во имя liberté, egalité, fraternité бесконечные конфискации, реквизиции, национализации, захват, грабеж, спекуляции, мошенничество. Неприкосновенность чужой частной собственности на деле превращается в фикцию. Параллельно под разными формами растут и всякого рода эгалитарно-коммунистические теории[128]. Захватывают, кто что может. Несмотря на общее объединение, никакого имущественного равенства нет. Самые горячие революционеры грабят и присваивают себе огромные состояния.

«На этом то и строят свои громадные состояния ловкие террористы; этим объясняется происхождение их колоссальных богатств, которыми мирно пользуются после термидора эти заведомые негодяи, бывшие каждый в своем кантоне маленькими Робеспьерами, эти патриоты, которые теперь строят вокруг Орлеана дворцы, которые в Валансьене, разграбив общественную и частную собственность, владеют домами и имуществом эмигрантов»[129].

По окончании «дележки» приходит второй период: закрепления награбленного и оживления угасших рефлексов собственности. Издается декрет, провозглашающий священную неприкосновенность собственности. Начинается энергичное подавление посягательств на нее, подавляются социалистически-коммунистические движения (Бабефа и другие), всем обществом овладевают корыстный ажиотаж, хищничество, алчность богатства и материальных ценностей, появляются «нэпманы», новая «спекулятивно-биологическая буржуазия», за деньги – отдаются женщины, честь, совесть, за деньги можно купить и продать все[130].

Завершением этого процесса является, с одной стороны, Code Napoleone[71*] с его исключительно ярко выраженным принципом священности, неприкосновенности и усиленной защиты института частной собственности, а с другой – кровавые, массовые и беспощадные репрессии, которые Наполеон обрушил на грабителей и разбойников, дела которых решались военными судами.

---

[128] См.: *Taine H*. Les Origines de la France contemporaine, vol. II, p. 1–199; La Revolution, vol. III, p. 69–159; *Кареев Н.И.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1913, т. III, с. 146–288; *Tocqueville A*. Op. cit., p. 234–243.

[129] *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine, vol. III, p. 289–379, 360–364. См. также: *Мишле Ж.* Директория, т. 1, с. 19–80 и соответствующие места у Мадлена, Ж. Жореса, П.А. Кропоткина.

[130] Из революционеров Баррас владел Гробуа, Барер – замком Клиши, Тальен – дворцом Шальо, Мерлен – Монвалерионом. «Только в одном Комитете III г. можно найти 13 графов (равенство!), 5 будущих баронов, 7 будущих сенаторов империи, 6 будущих государственных советников, в Конвенте можно встретить от будущего герцога Отрандо до будущего князя Морлена, пятьдесят “уравнителей”, которые по истечении 15 лет будут владеть титулами, гербами, вышитыми мундирами, экипажами, майоратами, замками и дворцами. Фуше умрет с имуществом в 15 миллионов» и т.д. (*Мадлен Л.* Цит. соч., т. 2, с. 168–169, 163–165, 245, 314). См.: *Мишле Ж*. Цит. соч., с. 71–72, 80, 110–112, 158, 254; *Вандаль А*. Возвышение Наполеона. СПб., 1905, а также указ. работы П.А. Кропоткина и Ж. Жореса.

В меньшем размере, но те же тенденции проявились в революциях 1830 и 1848 г. во Франции и 1848 г. – в Германии.

Правда, здесь, особенно в германской революции, процессы растормаживания этих рефлексов были неглубоки (даже при восстаниях выставлялся лозунг «собственность священна»), тем не менее факты захвата земель, замков, освобождение от ряда имущественных обязательств, захват чужого движимого имущества, разнообразное ограничение права собственности, особенно богатых, – все это имело место. Если оно не было глубоко, то только потому, что эти революции были прерваны и заторможены в начале их развития.

Наконец, что это расторможение, и очень сильное, имело место в Парижской коммунистической революции в 1871 г., в русской революции 1905 г. (аграрное движение и т.д.) в венгерской – 1918–1919 гг. и даже в германской революции 1918 г., не требует доказательств.

Из сделанного обзора мы видим, что 1) наши положения о деформации рефлексов собственности вполне подтверждаются; 2) цель имущественного уравнения, выставлявшаяся многими революциями, ни одной из них не достигалась; 3) тем более не удавалось ни одной революции уничтожить или ослабить рефлексы индивидуальной собственности; 4) все революции на второй стадии не ослабляли, а раздували эти рефлексы до отвратительных размеров, гипертрофировали корыстную алчность, жадность, хищничество, словом, не социализировали человека, а делали его эгоистически-зоологическим собственником, причем тем сильнее, чем более коммунистической была революция; 5) прекрасные лозунги и слова, во имя которых и под покровом которых совершаются революционные процессы в области собственности, представляют собой лишь красивую маскировку для простого захвата чужого достояния в свою пользу, частный симптом освобождения рефлексов собственности от тормозов и оправдание их животной жадности. Объективное поведение людей ничуть не соответствует им; 6) это значит, что насильственная революция и подлинная социализация людей, насильственная революция и ослабление или уничтожение эгоистических рефлексов собственности абсолютно несовместимы. Тушить революциями последние равносильно тушению пожара керосином, оздоровлению человека путем сдирания с него кожи.

Не мешает об этом серьезно подумать тем, кто видит в революции средство для социализации людей и их рефлексов собственности.

§ 7. Деформация половых рефлексов

Половые рефлексы образуют одну из наиболее важных групп рефлексов в поведении людей. В основе своей они принадлежат к безусловным (наслед-

ственным) рефлексам. Это безусловное ядро у человека обрастает множеством условных (приобретенных) «одежд». В нормальные периоды общества неограниченное проявление половых рефлексов (или безудержное удовлетворение полового аппетита) тормозится множеством безусловных и условных стимулов. Примерами их служат смертная казнь и другие тяжкие наказания за недозволенную половую связь[131].

Другие виды наказаний: общественное порицание, позор, потеря чести, религиозные эпитимии, с одной стороны, с другой стороны – правовые, моральные и конвенциональные рефлексы, устанавливаемые путем воспитания и «изнутри» тормозящие половые импульсы.

В своей совокупности эти стимулы представляют собой «узду», вводящую удовлетворение сексуальных импульсов в определенные каналы, указываемые нормами права и морали данного общества.

Революция, объявляя многие из таких тормозов «суевериями» и «буржуазными предрассудками», тем самым очень часто разрушает их… К тому же результату ведет она и прямо – изменением норм семейно-брачного права. Этому же благоприятствует и дикая революционная борьба, непосредственно стимулирующая половые центры, причем иногда ее влияние усиливается и чрезмерным потреблением крепких спиртных напитков[132].

Угасание этих тормозящих рефлексов означает уничтожение «узды», сдерживавшей необузданность половых импульсов. Отсюда – *рост половой вольности как функция многих глубоких революций*.

Революции поверхностные, однако, могут не влечь за собой такого результата.

Мало того… Кровавая борьба как основная деятельность в периоды революции ведет не только к количественному росту половой вольности, но весьма

---

[131] См. соответствующие статьи в Библии, «Законах Ману», «Законах Хаммурапи» и других древних правовых кодексах. См. также: *Сорокин П.А*. Преступление и кара. СПб., 1914, с. 365–366: *Westermarck E*. History of the human Marriage; *Westermarck E*. The origin and development of the Moral Ideas. London, 1908, vol. I–II (ch. «Adultery»).

[132] Например, на душу населения приходилось спиртного:

в Саксонии		**во Франции**	
1846	3,52	1870	2,29
1847	3,20	1871	2,77
1848	4,28	1872	2,09
1849	4,89		
1850	4,40		
1851	3,42		

Во время русской революции страсть к спиртным напиткам была столь огромна, что когда массы дорывались до винных погребов, то не отходили от них, даже когда в них начинали стрелять. В октябре 1917 г. недели две на этой почве в городах шла настоящая война. В Зимнем дворце масса лиц утонула в вине и погибла. В 1919–1923 гг. по всей России шло колоссальное курение «самогона». Все меры борьбы с ним бессильны. Самым действенным видом взятки был спирт. С его помощью можно творить чудеса.

часто *придает ей характер садизма, удовлетворения полового аппетита с мучением и пыткой жертв*. Садизм половой весьма близок к садизму победителя, мстящего своему врагу. Они в значительной степени могут замещать и стимулировать друг друга. Вот почему беспощадная борьба во время революции не может не оказывать своего влияния на половую деятельность человека и в указанном направлении.

Так как половые рефлексы *менее вариабельны, чем многие другие, то их деформация в процессе революции наступает обычно позднее деформации других рефлексов* (например, речевых, рефлексов повиновения, трудовых и т.д.), *зато обуздание их совершается медленнее и труднее, чем нормализация других рефлексов.* Часто, когда последние уже введены в нормальное русло, половые рефлексы оказываются еще не обузданными, продолжающими свое «буйство»… Они отстают от многих рефлексов как в своем расторможении, так и в своем затормаживании. Таков результат, даваемый изучением ряда революции.

Перейдем к фактам.

Русская революция 1917–1923 гг.

Первым симптомом роста половой вольности здесь служат соответствующие речевые рефлексы (речи, статьи, агитация, книги и т.д.) большевиков. В речах и брошюрах г-жи Коллонтай, Лилиной-Зиновьевой, г. Полетаева – помощника комиссара народного просвещения – и многих других лидеров большевизма вплоть до Луначарского и Ленина, не говоря уже о простых большевиках, брак и семья квалифицировались как буржуазное суеверие, как проявление «собственнических инстинктов» капитализма[133]. Факт беременности двух 15-летних гимназисток был квалифицирован комиссаром просвещения Лилиной-Зиновьевой как вполне законное удовлетворение их половых и материнских потребностей. Это воззрение проводилось и проводится в «Союзах коммунистической молодежи», среди учащихся, где половая вольность не только не тормозится, а скорее поощряется. Эта проповедь «полового раскрепощения» кое-где (в Саратове, например, и в других местах) дошла даже до пропаганды обобществления женщин[73*]. Словом, характер речевых рефлексов, прививаемых населению, служит первым симптомом роста половой вольности.

Вторым – более важным симптомом – служит *изменение законов о браке и разводе.* Декрет от 20 декабря 1917 г. ввел такую свободу развода, что брак

[133] См., например, брошюру А.М. Коллонтай «Новая мораль» (СПб., 1919) и ответ Ленина, напечатанный в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 2–3), на мою статью в «Экономисте» (1922, № 1), указывавшую на рост половой вольности как следствие революции[72*]. Осыпая меня всевозможными ругательствами, Ленин квалифицирует этот рост как ценное завоевание революции, как раскрепощение 50% населения от великих буржуазных пут, от лицемерия, обмана и т.д.

может быть расторгнут просто по заявлению одного из супругов. Этот декрет дает полную возможность сегодня жениться, через день разойтись и вступить в новый брак, короче говоря, представляет собой способ легализации всех случайных половых связей. О том же свидетельствует и изменение законов об *аборте*. Аборт из наказуемого деяния был сделан ненаказуемым. Сверх того, он разрешается по столь многим поводам, что не представляет никакого труда получить разрешение на аборт всякому желающему.

Третьим симптомом роста половой вольности служит *само движение разводов за годы революции*. Статистика говорит о небывалом повышении разводов, с одной стороны, об исключительно короткой продолжительности брачных союзов – с другой, о природе советского брака как легальной форме нелегальных и случайных половых связей – с третьей.

А все это вместе взятое свидетельствует об отпадении «узды», сдерживавшей половую вольность.

Рост числа разводов мы видим сразу же после опубликования декрета 20 декабря 1917 г. В Москве в первые месяцы после его появления разводы бешено растут, затем, когда главная масса разводов совершается, они обнаруживают тенденцию к снижению, но с 1920 г., насколько мне известно, снова поднимаются и остаются на исключительно высоком уровне. Вот цифры разводов за 1918 г. в Москве:

Январь	– 98
Февраль	– 384
Март	– 384
Апрель	– 1 053
Май	– 980
Июнь	– 804
Июль	– 611
Август	– 507
Сентябрь	– 343
Октябрь	– 436
Ноябрь	– 384[134]

В Петрограде в 1920 г. число разводов было равно 92,2 на 10000 существующих браков или 1 развод на каждые 16 заключаемых браков. Этот коэффициент – исключительно высокий и неизвестный раньше Петрограду.

Причем из 100 расторгнутых браков:

51,1% были продолжительностью менее 1 года,
17,8% – от 1 до 2 лет,
8,2% – от 3 до 4 лет,
32,9% – свыше 4 лет.

[134] *Гойхбарг А.Г.* Еще о браках и разводах // Пролетарская революция и право. 1919, № 2–4; 1918, № 5–6. Точных цифр за 1919–1922 г. я сейчас не помню, поэтому не привожу их.

Из этих 51,1% расторгнутых браков

11% были продолжительностью менее 1 месяца,
22% – 2 месяца,
25% – 6 месяцев,
43% – свыше 6 месяцев[135].

В провинциальных городах дело обстояло еще хуже.

В 1921 и 1922 гг. 1 развод приходился:

в Полтаве – на каждые 4,9 заключенных браков,
в Николаеве – на 3,9,
в городах Запорожской,
Екатеринославской, Кременчугской
и Подольской губерний – на 3,8[136].

Учитывая, что раньше в России 1 развод приходился на 470 заключаемых браков (в городах он был несколько выше), легко понять всю катастрофичность сдвига в этой области за годы революции[137].

Другими бесспорными симптомами «разнуздания» половых рефлексов являются многочисленные факты, доступные непосредственному наблюдению.

Почти с самого же начала революции народ заплясал в буквальном смысле слова. Начались бесконечные «танцульки»: танцульки с концертом, с митингами, танцульки после докладов, танцульки во время голода, тифа, расстрелов… Танцуют и по сие время. Вместе с танцульками – примитивно грубый флирт и… любовные объятия[138].

В полицейских участках, пишет сама «Правда» (21 июня 1923 г.), «в отделении для арестованных уборные общие для обоих полов. Как только воры увидят, что женщина идет в уборную, они направляются туда и насилуют ее».

Половая распущенность молодого поколения приобрела невероятные размеры, особенно среди коммунистической молодежи. Всякая узда здесь отпала. Большое количество 12–13-летних мальчиков и девочек в городах живут половой жизнью. Светские браки между ними, особенно в городах, стали обычными «бытовыми явлениями».

Некоторое представление – но и то слабое – дают хотя бы следующие цифры дефлорированных девочек, освидетельствованных в 1919 г. в Центральном распределительном пункте в Петрограде, откуда они распределялись по детским

[135] Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921, вып. V, с. 27.

[136] Бюллетень Центрального Статистического Управления Украины. 1922, № 7, с. 29, № 2, с. 50.

[137] [См. «Примечания и дополнения», с. 591.]

[138] «Танцуют до упаду, до самозабвения, с каким-то сладострастием. Молодежь собирает свои скудные запасы, нанимает зал и танцует, танцует до седьмого пота. Часто на улице девица с кавалером на снегу пируэты выделывает» (Дни. № 89).

колониям, приютам и детским домам. Из всех девочек до 16 лет 96,7% оказались дефлорированными. Даже среди девочек до 10 лет процент дефлорированных был выше 10[139].

«Разврат среди малолетних, – пишет одна коммунистка, – растление детей, грандиозный процент венериков, разбитые жизни, исковерканные судьбы – вот результаты того тупика, в который вы зашли»[140].

Мудрено ли поэтому, что дети из колоний, приютов и т.д. не только жили и живут половой жизнью, но оказались в огромной своей части зараженными венерическими болезнями. На тысяче ежедневных фактов всякий внимательный наблюдатель может констатировать этот рост половой вольности.

То же самое mutatis mutandis[74*] относится и к взрослому населению.

«Что делается в семьях? – пишет та же коммунистка. – Неправильно понятая свобода чувства зачастую переходит в разнузданность инстинктов. Заурядным явлением стал рабочий, живущий одновременно с двумя-тремя работницами, и работница, имеющая несколько мужей. Привязанности меняются как перчатки»[141].

Причем любопытно было наблюдать изо дня в день это расторможение половых рефлексов с начала революции. Уже в первые ее месяцы поведение проституток на улицах Петрограда стало гораздо бесстыднее.

Революционный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стал их лозунгом в профессиональном смысле слова. Половые акты совершались чуть ли не на улице. Дальше процесс начал шириться и углубляться. Со времени «военного коммунизма» уличная проституция исчезла (ибо стала бесцельна), зато она вошла внутрь домов и семейств. Девочки и женщины стали открыто жить с теми, кто их кормил (матросами, комиссарами и т.д.). Появились даже специальные термины – «содкомы» и «совбары» («содержанки комиссаров» и «советские барышни») – для обозначения обширного класса таких любовниц[142].

Браки и разводы учащались. Семейные союзы стали распадаться. Моральное сознание в этой области – ослабляться. На помощь пришла соответствующая проповедь «полового раскрепощения» людей. Процесс захватил детей и молодежь; в итоге – та катастрофическая половая разнузданность, о которой

[139] Беру эти скудные данные из неопубликованных отчетов этого Распределительного пункта. В 1919–1922 гг. я специально занимался изучением состояния детей и учащихся в Петрограде и собрал – через учителей, воспитателей, чиновников, знакомых с некоторыми из комиссариатов – много материала, который коммунистами не опубликован, но за точность которого я ручаюсь.

[140] Цитирую по газете «Дни», № 202.

[141] Там же.

[142] Нередко агенты власти для спасения кого-либо от смерти или ареста требовали от хлопотавших женщин соответствующей «награды». Шантаж на этой почве приобрел широкий размах.

свидетельствуют приведенные данные и все вышесказанное[143]. С переходом к «новой экономической политике» – «проституция» сразу же выявилась. Сейчас улицы Петрограда и Москвы кишат проститутками. Еще больше их имеется в «скрытом виде» – служащих, машинисток и т.д., прирабатывающих себе на хлеб насущный проституированием. За деньги стали продажными ласки гораздо большего круга женщин[144]. Словом, рост половой вольности достиг грандиозных размеров[145].

За последние год-полтора намечаются и некоторые симптомы ограничения этой разнузданности, например, в деревнях женщины для прочности брака начали требовать помимо брачного договора в Совете и церковного венчания. Практика накладывает кое-какие ограничения на беспредельную свободу разводов; намечаются новеллы, ограничивающие сам декрет о разводах, растет неодобрительное отношение к вольной половой жизни, возрождается половой стыд и т.д. Но процесс еще резко не выявился. Вероятно, нужно будет еще ряд лет, чтобы возродить отпавшие тормоза половой вольности.

Наряду с этим количественным ростом половой вольности довольно резко проявились *половой садизм и половые извращения*.

Начиная со зверских изнасилований женского батальона в дни Октябрьской революции большевиками[75*], в течение этих лет, особенно в областях, охваченных гражданской войной, просто изнасилования и изнасилования, сопровождаемые садизмом, мучениями жертв, издевательствами над ними и половыми органами (вырезание женских грудей, ущемление мужских органов тисками, вырывание их, набивание в них травы, соломы, палок, прокалывание ножом и т.д.) были не очень редким явлением; во всяком случае, несравненно более частыми, чем раньше.

Вместе с тем надо полагать, что разнообразные половые извращения также возросли в значительной мере. Лично мне пришлось убедиться в этом в

[143] См. бытовые картинки, ярко описанные в рассказах коммунистического писателя Б. Пильняка (особенно его «Голый год» и «Былье»). См. также беллетристические произведения Яковлева, Козырева, Никитина, Вересаева и других писателей, живущих в Советской России и печатающихся в коммунистических журналах вроде «Красной Нови» и т.д.

[144] См. циркуляр Народного Комиссара Семашко, официально констатирующий это небывалое развитие проституции (Дни. №№ 186, 194, 193; Руль. № 777).

[145] Увеличилось и число абортов. «Известия» пишут: «Год от году количество абортов растет». В одной Москве ежемесячно рабочим и небогатым людям дается Московским отделом здравоохранения до 800 разрешений на аборт. Сюда не входит огромное число абортов, выполняемых без разрешения. Во всех родильных домах Москвы ежедневное число рожениц колеблется от 800 до 1 000. Учитывая, что каждая роженица лежит около 7 дней, легко понять громадный процент легальных абортов, поразительно поднявшихся за годы революции (Цитирую по газете «Руль», № 764).

«Известия» пишут: «Притонами разврата мы догнали довоенное время. Может быть, даже превысили довоенную норму». Кошмарны картины, рисуемые коммунистическими газетами Севастополя («Красный Маяк») и Одессы («Одесские Известия»). См.: Руль, № 777.

Петрограде по делу «клуба и общества гомосексуалистов». Власти предложили «Институту мозга» исследовать их комиссией, созданной из представителей института (в лице академика Бехтерева, профессоров Протопопова, Мясоедова, меня и других), и по полученным материалам узнали о существовании обширнейшей организации гомосексуалистов, насчитывающей больше 100 членов. Ряд других фактов заставляют думать, что это явление не единично. Словом, русская революция вполне подтверждает выставленные нами положения.

Русская революция 1905–1906 гг.

В меньшей мере, но тот же факт повышения половой вольности имел место и здесь. Он проявлялся в десятках разных симптомов. Во-первых, в ряде явлений, подобных нижеследующему: «Во время октябрьских беспорядков (1905 г.) в Одессе хулиганы открыто на улицах, среди белого дня растлевали девушек, насилуя их "до смерти" по нескольку человек подряд, распарывали беременным женщинам животы» и т.д. 9 декабря в Москве толпа буквально раздела на улице двух курсисток[146]. Таких фактов газеты того времени печатали немало.

Помимо этих отдельных фактов разнуздание половых рефлексов, особенно у молодого поколения, выявилось тогда в ряде более общих явлений. Во-первых, в появлении разнузданно-половых обществ и кружков, получивших специальное название «Огарки», во-вторых, в росте так называемых «афинских вечеров» в среде интеллигенции; в-третьих – в появлении на сцене «полового вопроса» и соответствующей литературы. В 1906–1907 гг. «половой вопрос» вместе с половыми излишествами – в речах, газетах, книгах – сделался центральным пунктом общественного внимания и разговоров. Вся эта картина нашла свое отражение в художественных произведениях того времени, произведших сенсацию. «Санин» и «У последней черты» Арцыбашева, «Огарки» Скитальца, «Навьи чары» Сологуба, «Яма» Куприна, «Ярь» Городецкого, эротические рассказы Кузмина, Каменского, Гиппиус, Нагродской, эротические стихи Бальмонта, Брюсова и других – вот что тогда занимало умы и в то же время отражало действительность. Эротизм, проповедь свободной любви, дискуссии по половому вопросу заливали собой журфиксы гостиных, собрания религиозно-философских обществ, страницы газет, журналов и брошюр.

Словом, повышение половой вольности в эту революцию – факт, не подлежащий сомнению, констатированный современниками и документами той эпохи.

[146] Новое Время. 1905, 11 декабря (примечание переводчика в книге: *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. СПб.,1906, с. 19).

Французская революция 1870–1871 гг.

Ряд фактов дают основание полагать, что и здесь в известной степени разнуздание половых рефлексов (усиленное войной, но ослабленное голодом) имело место. Об этом говорит, во-первых, статистика проституции Парижа. Число проституток было:

1868 – 5938
1869 – 5768
1870 – 6372
1871 – ?
1872 – 6007[147]

Число их, как видим, в 1870 г. возросло. Правда, Коммуна постановила: «Suppression du Trafic odieux des marchands d'hommes»[76*], но это постановление, по словам Lecour'a, осталось лишь «déclarations emphatique»[77*], ибо в то же время полицейские «bureaux des moeurs»[78*], как противоречащие «liberté de la femme»[79*], были закрыты. В итоге – зло возросло гораздо сильнее, чем раньше[148].

О том же свидетельствует статистика внебрачных рождений Франции, показывающая их систематическое повышение с 1871 по 1873 г.

На 100 рожденных детей было внебрачных:

	в 1871	1872	1873	1874	1875	1876
Во Франции	7,15	7,21	7,46	7,26	7,03	6,96
В Пруссии	7,77	7,05	7,65	7,15	7,38	7,36[149]

1870–1872 гг. были годами расторможения половых рефлексов, посему в 1871–1873 гг. они должны были дать повышение внебрачных рождений. С 1873 г. торможение половых рефлексов восстанавливается, падает и кривая внебрачных рождений. В Пруссии, находившейся, как и Франция, в состоянии войны, но не имевшей революции, как видим, такого движения не замечается.

Обратимся к заявленным требованиям «разделения стола и ложа» (la séparation de coups) и развода супругов (les divorces). Рассматривая диаграмму, приводимую Левассером, мы видим, что число их (demandes d'assistance judiciaire[80*]) в 1869 г. по сравнению с 1870 г. резко падает с 6 000 с лишним до 3 600, с 1870 по 1872 гг. идет непрерывный и резкий подъем: 3 600 в 1870, около 4 400 в 1871 г., около – 6 100 в 1872 г., далее в 1873 г. подъема нет, в 1874 число их падает до 5 700[150].

[147] *Oettingen A.* Op. cit., S. 203.
[148] *Lecour C.J.* La Prostitution à Paris et à Londres. 1872, p. 326.
[149] *Oettingen A*. Op. cit., Anhang (табл. 36); *Levasseur P.E*. La population française. Paris, 1891, vol. II, p. 32.
[150] *Levasseur P.E.* La population française, vol. II, p. 90.

Эти данные вместе с описаниями историков и современников, довольно рельефно отмечающими рост половой вольности во время революции и Коммуны, дают основание полагать, что и здесь наше утверждение верно[151].

Революция 1848 г.

Во Франции «преступления против нравственности» (attentats aux moeurs), которых до сих пор были 100–200 ежегодно, в 1848–1849 гг. поднялись до 280–505.

«В Саксонии внебрачные рождения по сравнению со средней величиной за 10 предшествующих лет было на 14–15% выше»[152].

Принимая внебрачные рождения 1847 года за 1000, в 1849–1850 гг. мы имеем повышение во всех странах, по которым прошла революция. С 1850–1851 годов волна идет книзу. Это видно из нижеследующих цифр:

Годы	Франция	Бавария	Саксония	Ганновер	Пруссия	Вюртенберг
1847	1000	1000	1000	1000	1000	1000
1848	1042	895	932	996	919	1018
1849	1092	1126	1135	1230	1239	1383
1850	1088	1140	1129	1220	1312	1284
1851	1104	1131	1107	1192	1304	1195[153]

В ряде стран это расторможение сказалось и на движении разводов и отлучения от стола и ложа. В Саксонии на 100 браков приходилось разводов в:

1845 – 2,16
1846 – 2,43
1847 – 2,04
1848 – 2,50
1849 – 2,27[154]

То же наблюдается и во Франции, где с 1847 по 1848 г. кривая их падает, а с 1848 по 1850 г. – поднимается.

С 1837 по 1840 г. на 1 000 браков их приходится	2,1
с 1841 по 1845	2,7
с 1846 по 1850	2,8

[151] См., например: *Грегуар Л.* Цит. соч., т. 4, с. 410; *Лиссагаре П.О.* Цит. соч., с. 328; «Дневник братьев Гонкур» и др.

[152] *Oettingen A.* Op. cit., S. 240.

[153] Ibid., S. 76, 311. 1847 год был годом голода и кризиса; отсюда – падение рождений в 1847 г. Зачатия 1848–1849 гг. могли сказаться лишь в 1849 и 1850, что мы и видим. Во Франции время с 1848 по 1851 г. – время непрекращавшихся волнений, закончившихся coup d'état Наполеона[81*]. Тот же результат мы получаем из цифр, указывающих процент внебрачных рождений. См. таблицу на с. 312 у Эттингена.

[154] *Oettingen A.* Op. cit., S. 154.

Равным образом число *подкидышей* в революционные годы и ближайшие к ним также значительно повышается; это мы видим во Франции в 1830–1831 и 1849–1850 гг., в Австрии – в 1848–1850 гг.[155] Все эти данные говорят определенно, что революция 1848–1849 гг. во всех охваченных ею странах сопровождалась ростом половой вольности.

Великая французская революция

Здесь это «разнуздание» было огромным. Начиная с 1790–1791 гг. оно шло crescendo и только во время Первой империи было заторможено.

Об этом говорит, во-первых, декрет о разводе 20 сентября 1792 г., предоставивший, с одной стороны, полную свободу развода (как и русский декрет 20 декабря 1917 г.), с другой – понизивший брачный возраст до 13 лет для женщин и до 15 лет для мужчин[156]. Во-вторых – громадный рост разводов. В течение первых 20 месяцев после издания декрета было 5 994 развода, а в VI г. число их превысило число браков. В-третьих – колоссальный рост подкидышей. Число брошенных внебрачных детей, не превышавшее в 1790 г. 23 000 в X г. превысило 63 000[157]. В-четвертых – колоссальный рост проституции за годы революции. До революции 1789 г. число проституток в Париже не превышало 20 000. За годы революции это число превысило 30 000. «Во время этой революции беспорядки и бесстыдства, произведенные в Париже проституцией, превзошли все, что может быть наиболее гнусного в этом отношении»[158].

В-пятых – прямые наблюдения современников. «13–14-летние дети вели себя так, что их слова и поступки в прежние времена были бы скандальными и для 20-летнего человека». «Узда половых инстинктов была ослаблена. Летом в очередях разыгрывались сцены человеческой животности и парижского озорства. Девки открыто занимались своим ремеслом. Издали слышался их разнузданный смех; в тени бульваров место для них было удобное; многие из них принесли свои матрацы и открыто предаются всякой мерзости… Мужчины… бросаются на женщин и обнимают их одну за другой…» «Сцены, происходящие в толпе (например, 5 октября), мало благопристойны»[159].

Не требуют описания оргии и сатурналии при празднествах «Свободы», «Богини Разума», больших выступлениях толпы и т.д.

После термидора «молодежь разнуздывается и распущенность становится модной». «Наслаждению предавались, забывая обо всем». «Моды эксцентрич-

---

155 Ibid., S. 331–335.

156 *Levasseur P.E.* La population française, vol. II, p. 67.

157 *Tain H.* Les origines de la France contemporaine. Paris, 1885, vol. III, p. 108.

158 *Levasseur P.E.* La population française, vol. II, p. 431–432; *Parent-Duchatelet A.* De la prostitution dans la ville de Paris. Paris, 1857, vol. I, p. 521.

159 *Tain H.* Les origines de la France contemporaine, vol. III, p. 108, 499.

ны». «Античность в моде». Рядом с санкюлотами[82*] появляются «безрубашечницы». «Надо снять очень мало с женщин, чтобы они походили на Венеру Медицейскую». И иностранцы, и газеты констатируют полную «разнузданность нравов». «Семья разрушена». «Семейный котел опрокинут». «Женщины переходят из рук в руки». «Женятся последовательно на нескольких сестрах, даже на матерях жен». В низах – «Содом и Гоморра». «Непристойные книги – любимое чтение наших девочек», – пишут газеты. «Все приходят к выводу, что нет больше моральных устоев». Как и в России – народ безумно пляшет. «Танцульки» – без конца. «Танцуют всюду – в Кармах, где на стенах можно еще видеть кровь 116 расстрелянных священников, на кладбищах Сульпиция», в домах и на площадях и т.д.[160]

Даже в тюрьмах – царство Эроса. Сами тюрьмы получили название «любовных». «Было без особого договора принято не обращать более внимания на законы общественных приличий. Беззастенчиво раздавались поцелуи, удовлетворялись самые горячие призывы»… «Ищут земного рая, и сама ночь перед казнью превращается подчас в ночь свадебных любовных восторгов». В итоге – масса женщин из тюрем вышли беременными[161]. Словом, расторможение половых рефлексов полное.

При этом налицо громадный рост *полового садизма*. Примерами его могут служить факты вроде нижеследующих: цветочнице в Пале-Рояле толпа «запихала во влагалище сноп соломы, а потом ее голую привязали к столбу, к которому прибили ее ноги гвоздями, наконец ей отрезали обе груди и подожгли солому»[162].

В Марселе семь или восемь женщин были обнажены и им с гнусной жестокостью сожгли низ живота[163]. В больнице Сальпетриер[83*] перебили 30 женщин, «насилуя одновременно, как живых, так и мертвых»; в сиротском отделении «растлили массу маленьких детей». «Не поддаются описанию возмутительные по распутству сцены, происходившие при убийстве принцессы Ламбаль. У нее вырезали груди, потом вспороли живот и вытащили все внутренности. Один из убийц, вырезав половые органы, устроил себе из них искусственные усы». Развивается эпидемия обнажения женщин, битья розгами, с «хватанием за самые нежные части тела, с удовлетворением грязных инстинктов зверства и разврата»[164]. По мнению некоторых авторитетов, с этого именно времени «женщины высших и средних классов начали сшивать свои сорочки между ног». И после

---

[160] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. II, с. 105–106, 280–285, 155, 289–290, 166–167.

[161] *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. СПб., 1906, с.130–132; *Мишле Ж.* История XIX века. Директория. СПб., 1882, т. 1, с. 49, 110–113, 254. См. так же: *Мадлен Л.* Цит. соч., т. 2; *Tain H.* Les origines de la France contemporaine, vol. II–V; *Вандаль А.* Возвышение Наполеона. СПб., 1905.

[162] *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз, с. 30.

[163] *Мишле Ж.* Цит. соч., с. 259.

[164] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. II, с.166–167.

Термидора «садизм утончает наслаждение». Устраивают балы и танцульки, «на которых любимым зрелищем является изображение казни на гильотине». Любят танцевать в местах казни со следами крови казненных и расстрелянных и т.д.[165]

Было бы бесполезно приводить дальнейшие подобные факты. Достаточно лишь сказать, что недостатка в них не было. Все, наиболее гнусное и отвратительное, что может изобрести человек-зверь, все это имело место во время революции в размерах, безгранично превышающих нереволюционное время.

Русская революция XVII в.

Современник Авраамий Палицын пишет: «Сердце трепещет от воспоминания злодейств: там, где стыла теплая кровь, где лежали трупы убиенных, там гнусное любострастие искало одра для своих мерзостных наслаждений. Святых юных инокинь обнажали и позорили. Были жены, прельщаемые иноплеменниками и развратом». «Красных же жен и девиц на много блуд взимаху и тако во многом сквернении нечиста умираху». «В объядение и пьянство велико и в блуд впадохом» и т.д.[166]

То же происходило и во время *нидерландской революции*, начавшейся в 1566 г. При общем расторможении половых рефлексов и здесь при массовых убийствах «некоторых щадили, чтобы они глядели, как насилуют их жен и дочерей. Совершались чудеса зверства. Ни очаг, ни церковь не считались священными»[167].

По-видимому, в очень слабой мере, но все же некоторый рост половой вольности имел место и в *английской революции* XVII в., что помимо прямых свидетельств указывается и теми исключительно строгими мерами торможения и поднятия моральности, которые начали вводиться к концу протектората Кромвеля[168].

Нет надобности говорить, что в жакериях, особенно во *французской, германской и чешской*, и вообще во весь «смутный» период XIV – начала XV в.

---

[165] *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз, с. 30–68; см. также: *Сигеле С.* Преступная толпа. СПб., 1898; *Lasseur*. La perversion sadique. 1898 и указанные работы по истории Французской революции.

[166] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. СПб., 1897, т. XI, с.190–191, т. XII, с. 79–80, 311.

[167] *Мотлей Дж.* История Нидерландской революции. СПб., 1886, т. 2, с. 403.

[168] См.: *Гизо Ф.* Цит. соч., т. 1, с. 22, 12–13; *Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate. London, 1903, vol. II, ch. XL. Вообще в Английской революции XVII века расторможение многих групп рефлексов гораздо слабее, чем в других революциях. По-видимому, это объясняется несравненно большей прочностью самих тормозных рефлексов у англосаксов. Можно предположить, что эта прочность не только результат воспитания, но и наследственная, ибо как у отдельного человека, так и у целых групп прочность ряда рефлексов не одинакова. То же наблюдается и у животных согласно опытам И.П. Павлова.

во Франции, конца XV – начала XVI в. в Германии и в период чешской революции – это расторможение, вместе с садизмом, имело место.

В чешской революции дело, как известно, дошло до того, что ряд сект – адамиты, николаиты[84*] и другие – публично провозгласили общность жен, ходили нагими и т.д.[169]

Сходное наблюдалось и в коммунистическом «Новом Иерусалиме» Иоанна Лейденского.

Положение дел в революционной Франции конца XIV – начала XV в. кратко описывается современником. «Unde cedes, rapine et nicendia, et hucusque spoliacionis ecclesiarum, violationis virginum, et quidquid rabies sacra – cenica excogitare potuisset, fuerat subsequenta» и т.д.[170/85*]

В революционный период Италии XIII–XIV вв. «паломников грабили и убивали, монахинь насиловали, и не у кого было искать защиты». Во Флоренции, по словам современника, «нравственная распущенность не знала границ. Святость брака не ставилась ни во что; богачи, ничем не стесняясь, покупали жен у бедных; это было таким обыкновенным явлением, что считалось чем-то вроде дозволенных законом торговых сделок»[171].

Римские революции

Здесь, начиная с Гракхов, «развод, который когда-то был в Риме неслыханным делом, сделался повседневным явлением». Даже образцовый семьянин Метелл Македонский говорил, что брак – «общественное бремя, которое, конечно, тяжело, но от которого патриот не должен уклоняться по чувству долга… Если бы могли это сделать, то, конечно, каждый из нас сложил бы это бремя с себя. Но природа устроила так, что и с женами неудобно жить, и обойтись без них нельзя»[172]. «Женщины почувствовали себя освобожденными не от одной опеки отцов или мужей. Любовные дела всевозможных разборов постоянно занимали всех. Балетные танцовщицы (mimae) могли поспорить с современными нам балеринами по разнообразию и виртуозности своего промысла. Но им существенный подрыв делал промысел дам аристократического круга. Любовные связи стали таким заурядным явлением в самых знатных семьях, что только необычайный скандал мог сделать их предметом особых сплетен…»[173]

---

[169] *Вебер Г.* Всеобщая история, т. 8, с. 190–191, 243; *Каутский К.* Цит. соч., с. 190–191. «Все связи дружбы и семьи были разорваны…» «Ни собственности, ни семьи; имущество и женщины – все было общим. Невозможно в печати воспроизвести те детали, которые дают на этот счет Aeneas Sylvius и Brez» (*Denis E.* Huss et la guerres Hussites. Paris, 1878, p. 267–268).

[170] *Levasseur P.E.* Histoire des classes ouvrières. 1900, vol. I, p. 522–527.

[171] *Вебер Г.* Цит. соч., т. 8, с. 378.

[172] *Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 412.

[173] Там же, т. III, с. 462–463.

«Газовые ткани, которые более обнажали, чем прикрывали формы тела, и шелковые одежды стали заменять старинное шерстяное платье не только у женщин, но и у мужчин»[174]. «Бывало, домохозяйка вращала рукой веретено, а в то же время не теряла из виду и горшка на очаге, – с горечью пишет современник Варрон, – теперь же дочь выпрашивает себе у отца фунт драгоценных камней, а жена у мужа четверик жемчуга. Бывало, в брачную ночь мужчина был безмолвен и смущен, теперь же женщина отдается первому красивому кучеру… Теперь за путешествующей дамой следует на виллу изящная толпа греческой лакейской сволочи и целая капелла». «Все добродетели исчезли, зато царствуют богохульство, вероломство и сладострастие»[175].

Нет надобности приводить дальнейшие свидетельства историков. Рост половой разнузданности, оргий, маскулинизация и эмансипация женщин и феминизация мужчин, изменение брачного законодательства в сторону «освобождения» от брачного рабства женщин, половые извращения, падение святости брака и прочности семьи и т.д. – все это достаточно бесспорно установлено. И все это происходило как раз в революционный период, начинающийся примерно с Гракхов и кончающийся Августом. Словом, правильность нашей теории мы видим и здесь.

То же самое происходило и в *греческих революциях*, особенно ясно проявляясь в III – начале II вв., когда эти революции стали частыми.

Есть указания на этот рост половой вольности и в папирусе Ипувера. «Припомаженные и принаряженные новоиспеченные кавалеры и дамы сходились вместе, чтобы “восхвалять богиню Мерт”, другими словами, чтобы петь и веселиться»[176].

Возьмем великую *персидскую революцию маздакистов*, при Кобаде. Она, как известно, привела к прямому объявлению «коммунизации женщин» и осуществлению на практике этого постановления[177].

Сделанный обзор, полагаю, достаточен, чтобы признать наши положения правильными.

В революциях глубоких и крупных, вовлекающих в борьбу народные массы, это разнуздание половых рефлексов приобретает резкий и массовый характер. В революциях неглубоких оно ограничивается слоями активно сражающихся революционеров. Помимо глубины самой революции величина разнузданности зависит и от степени наследственной и воспитанной прочности тормозных условных рефлексов. У народа с прочными тормозами, как у английского, она даже при длительной революции не достигает больших размеров; у народов с менее прочными тормозами (например, у русских и французов) она принимает катастрофический характер. Но это различия в величине, а не в сущности.

[174] Там же, т. II, с. 411.
[175] Там же, т. III, с. 537–538.
[176] *Викентьев В.* Цит. соч., с. 293.
[177] *Malcolm J.* Op. cit., vol. I, p. 100, 106, 120, vol. II, p. 334, 354.

Последняя же тут и там состоит в тенденции ослабления тормозов половой вольности и в росте последней. Разнуздывая людей во многих отношениях, революция стремится «освободить» их и в этом.

Предоставляю апологетам революции петь ей дифирамбы и за этот вид «раскрепощения» людей. Лично я воздерживаюсь от участия в таком дифирамбе.

§ 8. Деформация так называемых религиозных, морально-правовых, конвенциональных, эстетических и других форм социального поведения

Подавляющее большинство этих форм поведения представляют собой комплексы условных рефлексов высшего порядка. Это следует из того, что они не наследственны, а привиты индивиду окружавшей и окружающей его средой. Часть из них воспитана прямо на безусловных рефлексах, часть – на условных рефлексах низших степеней, в свою очередь привитых к первым. Каждая группа безусловных рефлексов у человека обрастает множеством условных рефлексов. Половые рефлексы окутаны рядом условных «одежд», указывающих, когда, где, при каких условиях и в каких формах они могут удовлетворяться и когда нет. Из совокупности таких рефлексов и образуется содержание морально-правовых и религиозных норм, регулирующих «половое» поведение и образующих «брачный кодекс морали и права».

Вещное и имущественное право представляет собой описание и корректирование имеющихся у членов общества «рефлексов собственности» с наросшими на них условными рефлексами этого рода.

Морально-правовые и религиозные нормы – не убий, чти отца твоего и матерь твою, люби ближнего, не лги, защищай свое отечество и церковь, трудись и т.п., вплоть до детальных норм судопроизводства и судоговорения, регламентирующих поведение судьи, свидетеля, подсудимого, – представляют собой усложнение ряда групп безусловных рефлексов: индивидуальной самозащиты (родительские и т.п. рефлексы), групповой самозащиты и других.

Совокупность религиозных и морально-правовых рефлексов в этом смысле является *«усложнением»* безусловных рефлексов, на которых она базируется. Так как первые указывают способы выявления последних, то в этом смысле они могут быть названы их *«одеждой»*. Так как в религиозно-правовых, моральных, эстетических и других условных рефлексах находят свое выражение все безусловные рефлексы, в этом смысле первые являются *«равнодействующей»* последних. Если первые представляют собой «усложнение» безусловных рефлексов, то отсюда следует, что *главную детерминирующую силу они получают от вторых*. Без них они были бы похожи на машину без пара. Но известно, что одежда, однажды

сшитая и надетая, может стеснять и в значительной степени регулировать движения организма, ее надевшего; машина, однажды созданная, определяет, как будет работать пар; точно так же и эти условные рефлексы, некогда появившись, могут в большей или меньшей степени рикошетом влиять на безусловные рефлексы, «корректировать» и «регулировать» их. В этом смысле они являются «регулятором» последних, или фактором, *корректирующим* их выявление.

Эту задачу они достигают *двумя* способами. В одних случаях они *стимулируют* человека к совершению ряда актов: «помогай ближнему», «молись», «люби Бога», «почитай родителей», «будь вежлив», «повинуйся властям», «уступай дамам место», «к обеду надевай фрак» и т.д. В других случаях они *тормозят, удерживают людей от совершения ряда актов:* «не убий», «не прелюбы сотвори», «не укради», «не лги», «не будь грубым», «не ешь с ножа» и т.д.

Главная их функция, в общем, состоит в такой гармонизации поведения людей, при которой в данных условиях *индивид и группа имели бы максимум шансов на выживание и развитие.*

Эти общие положения делают понятным характер их деформации в эпоху революции. Она должна состоять прежде всего *в угасании тех из них, которые так или иначе «сдерживают» и «обуздывают» ущемленные безусловные рефлексы, особенно сильно возбуждаемые борьбой и рядом стимулов революционной обстановки.*

Возросшее давление последних[178] разрывает путы условных тормозов и способствует их угасанию.

Поведение человека «оголяется». Это значит, что в первой своей стадии революция неизбежно ведет к *«деморализации»*.

Если в сложной машине один винтик соскочит со своего места, вся работа машины расстраивается. То же самое происходит и в сложном механизме человеческого поведения.

Отпадение условных тормозов, прекращение их корректирующей роли и гипертрофическое проявление каких-нибудь безусловных рефлексов начинает «заедать» и «затирать» другие рефлексы, и чем дальше – тем больше. Налаженный механизм поведения и взаимоотношений между людьми совершенно расстраивается, итогом чего служит сильнейшее ущемление ряда других рефлексов, а следствием этого – или гибель общества, или увеличение давления последних в сторону восстановления старого порядка и равновесия поведения. Результатом последнего служит *наступление стадии новой и усиленной прививки отпавших тормозов – моральных, правовых, религиозных и других рефлексов в стереотипно-старой или видоизмененной форме*. Начинается усиленный процесс быстрого восстановления последних с помощью «сильнейших стимулов». Кто не слушается власти – тому смертная казнь. Кто не работает – тот не ест.

[178] О том, почему это происходит, см. ниже в главе о причинах революции.

Кто крадет – расплачивается жизнью или тягчайшим наказанием. Кто плохо исполняет свои обязанности – изгоняется. Кто убивает – того самого убивают без пощады и т.д. Таким образом, *вторая стадия революции, не закончившейся гибелью общества, представляет собой процесс возрождения религии, права, морали и других угасших рефлексов – рефлексов «регулирующих и корректирующих».*

Что это так, мы уже видели при рассмотрении отдельных групп рефлексов (половых, речевых, собственности, труда и т.д.). Чтобы не повторять вышесказанного, приведем лишь дополнения, сжато рисующие колоссальный размах этого процесса.

Первая стадия революции

Во-первых, *гаснут те религиозно-морально-правовые рефлексы, которые тормозят убийства и посягательство на здоровье и телесную неприкосновенность. Говоря языком уголовного права, колоссально возрастают преступления против личности*. Заповедь «не убий» перестает соблюдаться и признаваться. Там, где проходит революция, дорога устилается трупам, искалеченными людьми, покрывается потоками крови. Ценность человеческой жизни низводится до нуля. Все это делается, конечно, не просто, а непременно ad majorem gloriam[86*] революции, под покровом звучных слов вроде «прогресс», «человечество», «братство», «равенство», «свобода», «коммунизм», «интернационал» и прочих хороших лозунгов, предназначенных для оправдания этих массовых преступлений революции. Правда, есть еще немало людей, с точки зрения которых убийство людей в одиночку – плохо, а оптом – хорошо; без аккомпанемента «хороших слов» – преступление, а в сопровождении их – «подвиг». Потому-то эти люди и склонны массовые гекатомбы революции считать чем-то высоко добродетельным. Оставим им это утешение, ибо не наша задача – читать им нравоучительные проповеди. Скажем лишь, что и они, при всех их иллюзиях, не могут сделать акт убийства, т.е. лишения жизни другого, – не убийством. А нам только это и нужно констатировать здесь[179].

С этой реально натуралистической (а попутно скажем, и с подлинно-моральной, свободной от всякого тартюфства и лицемерия) точки зрения револю-

[179] К числу таких «иллюзионистов» принадлежат и те уголовные статистики, которые при подсчете убийств в революционные годы почему-то считают только те случайные единичные убийства, которые формально дошли до суда, и не считают те тысячи и десятки тысяч, которые совершаются по приказу или без приказа «красной» и «белой» власти, при борьбе на баррикадах, на полях сражений, при поголовном избиении пленных, убийства и избиение в тюрьмах, из-за угла и т.д. Поистине своеобразный способ статистического подсчета. Впрочем, предоставим им заниматься этими фикциями. Мы интересуемся не ими, а актами убийства, лишения жизни другого в реально-натуралистическом смысле слова. Словесный аккомпанемент не помешает нам всякий подобный акт признать убийством, а не чем-либо другим.

ционные годы дают обильнейший урожай убийств, совершаемых с пытками, истязаниями и с невероятной жестокостью. Это так хорошо известно, что нет надобности приводить данные и подтверждения[180].

Уголовная статистика России не знает, чтобы за три года было убито около 2 млн русских граждан русскими же гражданами. То же самое можно сказать и обо всех других революциях. При подсчете всех лиц, насильственно лишенных жизни, революционные годы в каждой стране дадут громадные экстраординарные подъемы кривой убийств, далеко превосходящие самые криминальные годы нереволюционного периода. С учетом жестокости и садизма, с какими совершаются убийства, революционные годы опять-таки имеют право на «первую награду».

Людей убивают с исключительной жестокостью. Кровь опьяняет. Просыпается звериное наслаждение. Трупы убитых, части их тела, головы насаживаются на пики, несутся по городу (вспомним, например, казнь Монтроза, убийство де Лоне, Фулона и других), показываются всем, подносятся к лицу близких им лиц и т.д.

Уголовная хроника России уже давно не знала убийств путем зажимания половых органов в тиски, путем привязывания жертвы к двум согнутым деревьям и медленного разрывания на части при их выпрямлении, путем закапывания живых в землю, путем снимания кожи с живого, отрезания ушей, носа, рук, ног, протыкания глаз и т.д. Все это мы наблюдали в русской революции со стороны и «красных», и «белых»[181]. Варварство, садизм и средневековье с рафинированными пытками жертвы и близких ей лиц – воскресло. Нужно написать большую книгу об этих пытках и убийствах, чтобы человек, не наблюдавший все эти явления изо дня в день, мог представить себе весь их трагический ужас…[182]

---

[180] Некоторые данные см. в следующем очерке – «Влияние революции на биологический состав населения».

[181] Ряд фактов см. в брошюре М. Горького о русском крестьянстве[87*] «Социалистическом вестнике» (№ 5–6), «Днях» (№ 117). «Типы, подобные Комарову, убившему “ради удовольствия” свыше 30 человек, не были единичными» (Дни. № 188–189).

[182] Вот небольшая иллюстрация. «Я даже подсчитал, – говорит русский писатель И. Шмелев устами одного из своих героев, – что только в одном Крыму за три месяца! – человеческого мяса, расстрелянного без суда, без суда! – восемь тысяч вагонов, поездов триста. Сто сорок тысяч тонн свежего человеческого мяса, молодого мяса! Сто двадцать тысяч голов! Человеческих! У меня и количество крови высчитано… альбулиновый завод можно было бы наладить для… экспорта в Европу, если торговля с ней коммунистов наладится… Какой вклад в историю социализма! Странная вещь: коммунисты-теоретики, словокройщики, ни одного гвоздочка для жизни не сделали, ни одной слезки человеческой не утерли, хоть на устах всегда только и заботы что о человеческом счастье, – а какая кровавенькая секира! Вот оно великое Воскресенье… всем! А другие народы взирают с любопытством, что из этого “великого” дела выйдет. Боятся прервать такой-то опыт прививки социализма к полтораста миллионам! Два миллиона человеческих “лягушек” искромсали: и груди вырезали, и на плечи “звездочки” сажали, и над ретирадами затылки из наганов дробили, и стены в подвалах мозгами мазали… Это ли не “опыт”! А иностранные зрители ожидают результатов, и пока что торговлишкой перекидываются… Тоже, должно быть, во имя “гуманности”!» – с обоснованным сарказмом замечает справедливо негодующий русский писатель (*Шмелев И.* Солнце мертвых // Окно)[88*].

И за что убивали? Ни за что. Мыслимо ли было в дореволюционное время приговорить к смерти за… слово против царя, за исповедание своей религии, за написанную прокламацию или докладную записку, адресованную самой же власти, о печальном состоянии промышленности или просто за оппозиционный образ мыслей, ни в чем не проявившийся, за невзнос подати, за слово несогласия с рядовым агентом власти. Конечно, нет. Что-либо отдаленно похожее на это было абсолютно невозможно и немыслимо. За убийство и покушение на царя, на князей, на высших сановников – и то не всегда – казнили, но, конечно, не более одного-двух главных виновников. За все остальные преступления наказывали тюрьмой, в крайнем случае – каторгой. Лиц несовершеннолетних не казнили совсем[183]. Теперь все эти казни за «ничто» стали фактом. Расстреливали детей и взрослых пачками, десятками и тысячами[184].

Мыслимо ли было, чтобы за вину одного человека были расстреляны сотни людей, абсолютно никакого отношения к данному лицу и делу не имеющие? Конечно, нет. За эти годы это стало фактом. За покушение на Ленина было расстреляно более 3 000 человек, сидевших в тюрьмах по всей России[89*]. Институт «коллективной мести» и «заложничества» вошел в жизнь и стал нормой. То же самое – хотя и в меньшем масштабе – наблюдалось и в областях, занятых «белыми».

Я не смог бы закончить эту главу, если бы стал перечислять хотя бы важнейшие случаи той «стихии убийств», которая бушевала и бушует еще сей-

[183] См. «Русское уголовное уложение». Всего казнено было в среднем за год:

1881–1885 – 15,4
1886–1890 – 18,0
1891–1895 – 9,6
1896–1900 – 15,6

В дальнейшем в связи с революцией 1905–1906 гг. казни сразу делают громадный скачок, понижаясь после ее ликвидации.

В 1906	казнено 547 человек,
1907	1139
1908	1346
1909	717
1910	129
1911	73
1912	126

(см.: *Гернет М.Н.* Смертная казнь. М., 1913, с. 75–76).

В 1917–1921 гг. было казнено с обеих сторон не менее 1 000 000 (не считая прямых жертв гражданской войны, павших в боях). Эти цифры комментариев не требуют.

[184] Например, за одно кронштадтское восстание 1921 г. после его усмирения было казнено более 5 000 матросов. После взятия Крыма большевики в течение 3 месяцев под руководством Белы Куна – венгерского комиссара – расстреляли не менее 50 000 (по другим источникам – 120 000) человек на юге России и т.д.

час по необъятным русским просторам[185]. За шесть лет революция воздвигла себе памятник из трупов 2–2,5 млн человек, насильственно лишенных жизни (жертвы эпидемий, голода и т.п. не входят в число этих «трофеев» революции).

Не слишком ли пышен этот памятник? Не слишком ли много жертв давится триумфальной колесницей Великой Революции? Пусть на это ответят ее «трубадуры».

То же самое происходило и при других революциях. Разница лишь в количестве. «Святая Гильотина», реки Франции, ее тюремные застенки и т.д. могут засвидетельствовать, что людей топили и убивали с меньшей жалостью, чем котят. Сентябрьские убийства[90*], более 3 000 человек, унесенных гильотиной за два года в одном Париже, и 17 000 во всей Франции, 2 000 человек, уничтоженных в один прием в Леоне, 282 – в Тулоне, 120 – в Марселе, 332 – в Оранже, 1 800 расстрелянных Каррье в каменоломнях, 300 000 погибших в Вандее, тысячи и десятки тысяч французов, убитых французами же в других местах, зверства шуанов[91*], роялистов, «отрядов Иегуды» – все это известно. Известна и садистская жестокость, сопровождавшая эти бойни[186].

То же самое повторялось и во время других революций.

«Надо гильотинировать, чтобы тебя не гильотинировали» – таково, по словам Барраса, положение, создаваемое революцией.

«Убийства, убийства и без конца убийства» – вот краткое резюме греческих и римских, египетских и китайских, персидских и турецких, средневековых и более поздних революций, вплоть до русской и германской в лето от Р.Х. 1917–1923. «Смерть предстала во всех видах… Отец убивал сына, людей отрывали от святынь и убивали подле них»[187]. «Человека убивают рядом с его братом… Как может человек убивать своего брата! Брат восстал на брата, и отец относится к собственному детищу, как к врагу…» «Людей убивают всюду… Смерти вдосталь в стране. Крокодилы уже пересыщены добычей»[188], – эти описания Фукидидом Керкирской революции и Ипувером – Египетской – могут служить в этом отношении картиной всех революций.

В Гуситской революции на людей устраивалась охота. Тысячами бросали людей в шахты. И войска Сигизмунда, и «Ангела смерти» – Яна Жижки убийственным вихрем проносились по стране и «убивали всех чехов»[189].

---

[185] Достаточно сопоставить следующие цифры. За пять лет с 1901 по 1905 г. в России было казнено всего 93 человека, а за один май 1923 г., когда полоса массового террора уже кончилась, казнено 2 372 человека! Одно это сопоставление рисует положение дел достаточно ярко.

[186] См.: *Terneaux M.* Histoire de la Terreur. 1792–1794. Paris, 1862–1881, vol. 1–8.

[187] *Фукидид.* История. III, 81–85.

[188] *Викентьев В.* Цит. соч., с. 285.

[189] *Denis E.* Op. cit., p. 233, 247, 248, 259, 268–269.

И. Тэн совершенно прав, когда он называет революцию крокодилом, пожирающим сначала жирных и толстых, потом – тощих и бедных, наконец, самих убийц – лидеров и вождей революции[190].

Все это ясно показывает, в какой степени тормозные религиозно-правовые и моральные рефлексы угасают во время революции не только у революционеров, но и у всего революционного общества.

Революция – не только фактор криминализирующий, но эссенция и квинтэссенция самой кровавой и жестокой преступности.

Нет надобности после всего сказанного обращаться к уголовной статистике, учитывающей лишь случайную часть этих убийств. Покажет ли она их повышение или понижение – от этого картина ничуть не изменится.

Если она в некоторых случаях, как, например, в США во время гражданской войны, во Франции в 1830, 1848 и 1870 гг., покажет понижение, это будет обозначать лишь тот факт, что импульсы к убийству нашли свое удовлетворение в формах массового легального убийства, как верно указал A. Corne[191]. Нужно быть совсем дураком, чтобы во время революций (а также войны) удовлетворять свою страсть к убийству в «нелегальных» формах. Любой мало-мальски умный человек непременно будет делать это в «легальных» формах: сделается комиссаром, чекистом, солдатом одной из сторон и будет убивать, грабить и насиловать сторонников другой стороны «легально», «по декрету или ордеру», «по приказу начальства». Так бывает всегда, так случилось и в русской революции. Огромная часть уголовных преступников вошла в ряды чекистов и действовала вполне законно. Что это предположение о поглощении «легальными» массовыми преступлениями преступлений индивидуальных верно, это подтверждается и тем, что по окончании революции, с исчезновением возможности «легальных» убийств, возросшая склонность к насилию сразу же дает себя знать в резком повышении криминальных убийств. Во Франции они резко возросли в период с 1849–1852 по 1873 г.[192] То же самое наблюдалось и в США.

Вот почему такие случаи ничуть не опровергают сказанное. Но фактически и они очень редки. В большинстве революций и социальных кризисов уголовная статистика, оставляющая в стороне указанные десятки и сотни тысяч убийств, показывает чрезмерный рост «уголовных убийств». Например, в Москве в 1918 г. помимо революционных убийств число обычных убийств по сравнению с 1914 г. было выше в 11 раз, покушений на убийство – в 16 раз[193]. Присоедините сюда бесконечное число всевозможных банд, убивающих направо и налево,

[190] *Taine H.* La Révolution, vol. III, prèface.

[191] *Corne A.* Essai sur la criminalité // Journal des économistes. 1868, Janiver.

[192] *Levasseur P.E.* La population française, vol. II, p. 442–445; *Corne A.* Op. cit.

[193] Красная Москва. 1917–1920 гг. Издание Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. М., 1920 (статья о преступности).

десятками и сотнями, вырезание целых сел и городов[194], и вы получите лишь некоторое отдаленное представление о колоссальном росте даже тех убийств, которые регистрируются уголовной статистикой.

В меньшем масштабе, но то же самое повторилось и венгерской революции 1918-1920 гг. и началось в остановленной германской революции.

И то же самое видим мы в период римских революций, в египетской революции, в Италии XIII–XIV вв., во время жакерии и революции конца XIV – начала XV в. во Франции, во время религиозных революций XVI в. там же, в Германии конца XV – начала XVI в., в русской смуте XVII в., в английской, гуситской и нидерландской революциях, в революционные годы Италии XIX в., во Франции в 1788–1801 гг., в Индии во время революций XVII в., в Индокитае и т.д. Не буду приводить данные, а просто отошлю за ними к указанным ниже работам[195].

Может быть, найдутся люди, которые будут утешать себя тем, что убивают только «аристократию», «богачей», «буржуев», а не простой трудовой народ. Такое предположение – совершенная иллюзия. «Мелкие торговцы, ремесленники, служащие снабжали Фукье и Сансона 2/3 их “клиентов”»[196]. Кто, как не крестьяне, гибли в Вандее? Из тех двух миллионов, что убиты в русской революции, «буржуи» и «аристократы» составляют ничтожную часть. Огромная часть жертв приходится на долю крестьян и рабочих[197]. Много ли «аристократов» погибло в революциях 1830, 1848, 1871 гг.? Короче говоря, такая иллюзия не имеет под

---

[194] Ряд фактов подобного рода приведен в статье Колосова в «Былом», № 21.

[195] Подтверждения см.: *Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 138–139, 150, 160, 229, 334–336; т. III, с. 68 (Моммзен приводит данные о колоссальном росте пиратства, бандитизма, убийств, грабежей и т.д.); *Викентьев В.* Цит. соч.; *Вебер Г.* Цит. соч., т. VIII, с. 25–27, 29, 242, 271, 302, 317; *Levasseur P.E.* Histoire des classes ouvrière, vol. I, p. 503, 522–527, vol. II, p. 55; *Мотлей Дж.* Цит. соч., с. 67, 164–165; *Карамзин Н.М.* История государства Российского, т. XI, XII; *Denis E.* Op. cit., p. 189, 233, 247, 259, 268–269. См. также: *Richard G.* Les crises sociales et les conditions de la criminalité // L’année sociologique, 1899; *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914 (глава о колебании кар). G. Ricard прав, когда он пишет: «La société organise spontanément ou consciemment la resistance aux tendances criminelles, quand elle est à l’état normal, c’est-à-dire à l’état de developpment lent, harmonique et regulier; elle détermine l’apparition de la crimenalite quand elle est à l’état de crise. Tout crise affectuant profondément la discipline religieuse et politique d’un peuple: formé en son état social un processus criminell identique»[92*], – именно процесс кровавой и массовой преступности, идущей на убыль с момента ослабления социального кризиса (*Richard G.*, Op. cit., p. 17, 30).

[196] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. II, с. 155. По словам И. Тэна, из 12 000 изученных им казненных 7 545 принадлежало к рабочим, ремесленникам и к мелкой буржуазии. По Л. Блану, из 2 755 изученных им гильотинированных лишь 650, т.е. 23% принадлежало к зажиточным группам.

[197] Из изученных Мельгуновым жертв террора в Москве 1 286 человек относятся к трудовой интеллигенции, крестьян было 962, простых обывателей – 486, прислуги – 118, солдат и матросов – 28, мнимых и настоящих преступных элементов – 438, буржуазии – 22, священников – 19 (См.: Дни, № 210).

собой никакой почвы. Верно, что революции пожирают вначале «жирных», но очень быстро они переходят к пожиранию «тощих» и уничтожают их в громадных размерах.

Само собой разумеется, что угасание морально-правовых и религиозных рефлексов, удерживающих от убийства, *сопровождается угасанием и соответствующих «субвокальных» рефлексов, т.е. религиозно-морально-правового сознания недопустимости, греховности и преступности убийств. Это сознание гаснет*. Соответствующие заповеди или исчезают, или заменяются противоположными. Из «души» индивида как бы вынимается граммофонная пластинка с заповедью «не убий» и заменяется новой, с надписью «убий». В этом сознании убийство из греха и преступления вдруг превращается в добродетель.

Об этом говорят прежде всего революционные гимны вроде «Карманьолы», «Ça ira»[93*] и других песен и гимнов революции. Они – сплошной призыв к убийству:

На попов, на собак – на богатых,
Да на злого вампира-царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых –
И взойдет новой жизни заря[94*], –

вот образец этой революционной «морали убийства». Все противники становятся «нечистой кровью», проливать которую не только не грех, а великая заслуга.

Возникают культы «Ангела истребителя», «Святой Гильотины» и «святых расстрелов ЧК», убийство начинает вызывать не моральное отвращение, а наслаждение.

Вот примеры:

«Христос, уничтожь этих еретиков, этих осквернителей морали, не допусти этих бешеных собак, этих волков разорвать твоих агнцев», – такова одна из молитв времен Чешской революции[198].

После убийств 10 августа 1789 г. один «честный ремесленник» говорил: «Провидение мне сегодня хорошо помогло: я убил трех швейцарцев». После убийства де Лоне и инвалидов «женщины и дети плясали вокруг трупов, издавая возгласы сожаления, что голов не тысяча» и т.д.[199]

Слова якобинца Ошара, написанные им другу после избиения 209 жертв, типичны в этом отношении: «Какое наслаждение испытал бы ты, если бы видел осуществление национальной справедливости над 209 мерзавцами! Что за зрелище, достойное свободы! Дело пойдет!» «Пойдемте к подножию великого алтаря (гильотины), – восклицает Амар в Конвенте, – смотреть, как справляется красная месса!» «Сущность республики, – резюмирует Сен-Жюст, – заключается в уничтожении всего того, что ей противоречит. Виновны все, кто опирается

198 *Denis E*. Op. cit., p. 201.
199 *Мадлен Л.* Цит. соч., т. I, с. 109–110, 316.

на аристократию, виновны те, кто не хочет добродетели; виновны те, кто не хочет террора!» Марат каждый день во имя морали требует «убийств, убийств и убийств!».

Кутон, требуя в Конвенте усиления казней, аргументирует: «Всякое промедление – преступление; всякая формальность – общая опасность: время, необходимое для наказания врагов, не должно быть больше времени, необходимого для их опознания». Не нужно ни свидетелей, ни защитников, нужно выносить массовые приговоры.

Того же самого, но уже позже – после термидора, – требуют и роялисты устами Антрэга, желающего быть «Маратом королевской власти» и требующего 400 000 голов патриотов.

Вот каково это моральное сознание во время революции. Вот образцы морали, диктуемой человекоподобными антропоидами, утратившими моральные рефлексы.

То же самое в течение шести лет слышали мы из уст большевиков. Садистские убийства ЧК они превозносят, как великую добродетель, особо ревностных убийц награждают орденами и богатствами, Дзержинского провозглашают «святым человеком»…[200]

Иначе и быть не может у людей с угасшими морально-правовыми и религиозными рефлексами. Когда они вновь возродятся у них, они, подобно французским террористам, год спустя после конца террора «не в состоянии будут понять, как они могли это сделать»[201]. «Люди обезумели», – кратко отмечает Баррер.

Во время революций все дорого, кроме человеческой жизни. Она дешевеет до нуля и разрушается без суда и следствия, без свидетелей и защиты. Нет хле-

---

[200] Обоснование этой «морали» абсолютного цинизма см. в книге Троцкого «Терроризм и коммунизм», в книге одного из главнейших чекистов Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте» и особенно в речи Троцкого 18 июля 1923 г., обращенной к молодым революционерам. Троцкий провозгласил, что «у революционера не должно быть никаких моральных препятствий для применения неограниченного и беспощадного насилия». Поэтому атеизм, материализм и аморализм должны составлять основные принципы его мировоззрения. См.: Правда, 24 июля 1923 г.

Отсюда вытекает практический совет всем убийцам: никогда не следует убивать просто, без «хороших слов», а следует всегда убивать в сопровождении звучных слов вроде «свобода», «счастье человечества», «освобождение народа», «братство», «равенство», «коммунизм», «интернационал» и т.п. В этом случае есть много шансов не только на оправдание судом, но даже на зачисление в разряд «великих освободителей человечества». Действуя так, бесстрашный и ловкий убийца может сделать хорошую карьеру, и, наверное, уж найдется ряд «свободомыслящих», которые увидят в нем добродетельного героя.

Вот пример такого свободомыслия: «Кто убивает во имя свободы, тот может быть революционером», – так вещает газета «Дни» (№ 185). Странно лишь, что она порицает террор коммунистов и убийства головорезов. Ведь Дзержинский убивает «во имя свободы и блага человечества», а преступникам ничего не стоит сослаться на «свободу».

[201] *Мадлен*. Цит. соч., т. II, с. 92.

ба – зато в изобилии человеческое мясо, которым подчас и «причащает» Святая Революция «свободный и счастливый народ».

Не только морально-правовые и религиозные рефлексы, тормозящие убийство, но временами даже более сильные рефлексы, удерживающие от *людоедства*, гаснут в эпохи революции. Россия с XV в. знала много жесточайших голодовок. Но только во время двух из них людоедство принимало массовый характер: в 1601–1603 и в 1921–1922 гг., т.е. в годы социальных смут и революций[202]. Начиная с XV в. один только фактор голода был бы не в состоянии угасить рефлексы, удерживавшие от пожирания homo sapiens. Но когда к давлению голода присоединялись деморализация и озверение, производимые революцией, эти тормозные рефлексы временами угасали, и люди начинали пожирать себе подобных.

«Отцы и матери (во время смуты XVII в.) ели детей, дети – родителей, хозяева – гостей; человеческое мясо продавалось на рынках, путешественники боялись останавливаться в гостиницах», – такова картина этого людоедства. То же самое, но едва ли не в большем масштабе повторилось и в 1921–1922 гг. Людоедство приняло громадные размеры. Съедены были не один, не десять, а сотни и даже тысячи человек. Продажа человеческого мяса тоже практиковалась. Убийства с целью людоедства были частыми[203]. Повторяю, начиная с XV в. Россия много раз жестоко голодала, но людоедства не было, или оно было исключительно редким случаем. По «методу разницы», рост людоедства во время этих революций, помимо голода, приходится отнести за счет «освобождающей революции». Это подтверждается и фактами садистского питья крови и съедания тел убитых во время революций в Европе, уже давно вышедшей из полосы каннибализма. Подобные факты, по некоторым свидетельствам, имели место во французской революции (например, принуждение пить кровь убитых «за здоровье нации», предложение отведать сердце герцогини Ламбаль, чтобы «доказать зубами истинный патриотизм», Лекиньо, желающий отведать вкус крови и т.п.[204]). Во время нидерландской революции «в Веере хирург вырезал сердце у пленника, прибил его на корме корабля и приглашал горожан грызть его, что многие делали с диким удовольствием»[205]. Подобные же, вероятно, факты имел

[202] Как в России, так и на Западе во времена голода, случавшегося ранее XIV–XV вв., людоедство было довольно частым явлением. Но с того времени рефлексы, тормозящие каннибализм, настолько окрепли, что последний стал исключительно редким явлением во время голодовок. Подробно об этом см. в моей книге «Голод как фактор».

[203] См., например, сообщения большевистских газет: «Красная Газета» (31 декабря 1921 г.), «Правда» (5 января, 10 февраля, 26 марта, 22 мая 1922 г.), «Известия» (29 января 1922 г.) и др.

Фотографии людоедов см. в ряде изданий, например, в сборнике «О голоде» (под редакцией К.Н. Георгиевского. Харьков, 1922).

[204] *Кабанес О., Насс Л.* Цит. соч., с. 31, 46–47; *Мадлен*. Цит. соч., т. II, с. 82–92.

[205] *Мотлей Дж*. Цит. соч., т. II, с. 343–344.

в виду и Платон, когда говорил, что противники во время революционных периодов желают не только овладеть имуществом, но загрызть и съесть друг друга…

Подобные факты при всей их исключительности и редкости указывают на тенденцию «морального отупения», к которому ведет революция. К счастью, в наше время эти рефлексы стойки, и только в редких и исключительно голодных революциях они гаснут, да и то у меньшинства населения.

Но эти редкие факты говорят о следующем: если революции удается погасить, – пусть хотя бы изредка – даже эти рефлексы, тормозящие людоедство, наиболее сильно «ввинченные» в организм, то что же говорить о других тормозных рефлексах религиозно-морального характера, *удерживающих от нанесения вреда здоровью человека, физического насилия над ним, битья, ранения и сечения его, причинения физической боли, изнасилования и ряда других преступлений против личности.*

Если бессильными оказываются тормоза убийства, а временами даже людоедства, то ясно, что *рефлексы, тормозящие эти преступления, гаснут и «развинчиваются» еще сильнее и легче*. Отсюда понятен и не нуждается в доказательстве *колоссальный рост этих актов насилия, нанесения тяжких телесных повреждений, изнасилования и других преступлений против телесной целостности и здоровья личности в революционном обществе*.

Акты битья людей прикладами ружей, палками, розгами, разнообразные телесные наказания и т.д. широкой рекой разливаются в среде революционного населения, входят в обиход и становятся нормой. Телесное воздействие становится наилучшим «воспитательным» средством. Временами разражается целая эпидемия бичеваний и телесных воздействий, как это было во французской революции[206].

Как далеко это огрубение зашло в русской революции, видно из того, что на педагогических съездах 1920–1923 гг. серьезно обсуждался вопрос о введении телесных наказаний в школе как необходимого воспитательного средства. Фактически они и без того вошли в жизнь: в семью и школу и в другие учреждения. О массовых избиениях при арестах, о массовом сечении и порке розгами подозрительных лиц в «белых» и «красных» областях, о зверском «рукоприкладстве» в армиях для поддержания дисциплины и т.д. излишне говорить. Все это расцвело за эти годы в невиданных масштабах.

Наряду с такими мерами телесного воздействия практикуются и другие, более изощренные. Примером их может служить *«пытка голодом»*, ведущая к тому же разрушительному результату. Введение «классового пайка» русской революцией, в результате чего люди «третьей категории» обречены были на медленную голодную смерть, когда, говоря словами Зиновьева, им давалась ничтожная порция хлеба (1/16, 1/8, 1/32 фунта) лишь для того, «чтобы, нюхая его, они не забы-

[206] См.: *Кабанес О., Насс Л.* Цит. соч., гл. 4.

вали запах хлеба», умышленное морение голодом в тюрьмах, концентрационных лагерях и т.д. – все это получило огромное распространение за эти годы. То же может быть сказано и *о холоде, грязи, сырости, темноте, непосильных работах, лишении заключенных свежего воздуха и т.п. невыносимых условиях жизни, в которые одна сторона сознательно ставила другую*[207]. Человек, пробывший в таких лагерях несколько месяцев, или умирал, или выходил «тенью», калекой на всю жизнь. Прибавьте к этому уже настоящие средневековые пытки: «пробковую комнату» в Чк, куда сажали преступников и где они умирали медленной смертью от удушья, вбивание гвоздей под ногти, разрезание ножом, поджаривание на огне, окутывание мокрой простыней и битье «без синяков», угрозы расстрелом, принуждение быть зрителем расстрела других, изнасилования женщин и т.п.[208]

Повторяю: я никогда не закончил бы этой главы, если бы стал перечислять хотя бы отдельные важнейшие факты преступлений против телесной неприкосновенности человека в русской и других революциях. Скажу просто: урожай их грандиозен.

То же самое может быть сказано и о преступлениях против *«свободы личности»*. Морально-религиозные рефлексы, удерживающие от посягательств на *«свободу»* другого, гаснут еще сильнее. Об этом говорят простые и ясные данные о *количестве арестованных и лишенных свободы во время революции*. Тюрьмы не только переполняются, но их обычно не хватает. Приходится превращать в тюрьмы монастыри, замки, школы, церкви, устраивать специальные концентрационные лагеря[209].

Людей арестуют сразу сотнями и тысячами. За эти годы в России не так велик процент тех лиц, которые не были бы ни разу арестованы, во всяком случае, он в несколько десятков раз меньше, чем раньше.

То же самое было и при других революциях. *Всякие Habeas corpus Act'ы*[96*]*, «гарантии неприкосновенности и свободы человека» отменяются*. Людей

[207] Вот всего лишь две иллюстрации. «Социал-демократа Трейгера большевики посадили в ящик-клетушку без окон вместе с сумасшедшим китайцем-убийцей…» «При полицейском дознании пытают и истязают открыто и бесстыдно… До суда одевают кандалы. Отсылают здоровых людей в камеры сумасшедших; помещают политических в палаты для заразных» и т.д. (Дни, № 117; Социалистический вестник, № 5–6)[95*].

[208] Отдельные факты см. в книгах: «Че-ка» (издание партии социалистов-революционеров), «Кремль за решеткой» и в особенности фотографии и специальные разоблачения, которые делали «белые» о работе «Че-ка» после захвата Харькова, Киева и других городов, и «красные» о работе «контрразведки» белых после занятия «белых» городов.

[209] Например, в феврале 1923 г. в одних лишь московских тюрьмах только политических заключенных было 15 290 человек. 60% из них были рабочие и крестьяне, 40% – интеллигенты. В предыдущие годы число арестованных было еще больше (Дни, № 194). Во Франции перед 9 термидора находилось в тюрьмах около 400 000 арестантов (*Taine H.* Op. cit., vol. III, p. 283).

арестуют не только по простому подозрению, опирающемуся на какой-либо факт, но просто ни за что. Для ареста не требуется никаких формальностей. Достаточно первому агенту власти вздумать вас арестовать – и готово: арест произведен. Достаточно вашей физиономии не понравиться – и вашей свободе конец. Здесь не арестующим приходится доказывать виновность арестованного, а арестованным свою невиновность, что, как известно, составляет задачу весьма трудную.

Арестуют в домах, устраивают огромные облавы на улицах, на рынках, в кинемо, в театрах, церквях, школах, арестуют сразу сотни и тысячи «свободных граждан». Самый далекий от всякой политики человек, выйдя из дому, не мог быть уверенным, что он в него вернется, а не очутится в ЧК или в ином злачном месте. Нормой власти становится: «хватай, тащи и не пущай всех. Лучше арестовать и месяц продержать тысячу явно невинных лиц, чем упустить одного виновного». Пусть не подумает читатель, что я преувеличиваю. Фраза абсолютно адекватна содержанию… Все революционное общество, кроме первых моментов революции, может считать себя арестованным. Оно оказывается сразу «на усиленном, чрезвычайном, военном и осадном положении». Место обычных судов занимают «революционные трибуналы», не связанные никакими формальностями права, действующие по своему усмотрению и «революционной совести», т.е. полной бессовестности.

Революция, выставляя лозунг свободы, реально занимается тем, что уничтожает ее. Слова Эро де Сешеля: «Наступает время набросить покрывало на статую свободы», – оказываются трагически верными в применении к любой революции[210].

Не лучше и ближайшие результаты революции (см. ниже, очерк 4). К чему они приводят? Вместо свободы – к деспотизму и тирании в Греции, диктатуре Цезаря, Августа, Тиберия и Нерона в Риме[211], к тирании Маздака, Кобада и олигархов в Персии, Карла V, Наполеона I и Наполеона III во Франции, Кромвеля и Стюартов в Англии, Хорти – в Венгрии, большевиков и грядущего деспота (неизбежного) – в России и т.д. Будем объективны: тирания этих деспотов послереволюционного периода все же мягче, чем тирания деспотов периода революционного: свободы при первой все-таки больше, чем при второй, но… она не очень похожа на ту «свободу», во имя которой совершается революция, и по

[210] Чистой фикцией поэтому является утверждение Олара, что якобинцам была чужда теория насилия. Что же, когда они тысячами казнили, арестовывали, изгоняли и т.д., они не осуществляли насилие? Поистине иногда у таких «обожателей революции» ум заходит за разум, и они начинают высказывать явные нелепицы.

[211] «Когда (во времена Гракха) толпе дозволили вмешаться в дела управления, а у Сената вырвали из рук орудие власти – тогда для народной свободы настал конец, а Рим дожил не до владычества демократии, а монархии» (*Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 96). Это – увы! – повторялось много раз.

своему объему значительно уже, чем свобода дореволюционного периода[212]. Такова та «свобода», которую фактически приносит революция. Как видим, история умеет довольно зло иронизировать над людьми. Большим шутником поэтому приходится признавать того, кто приписывает революции «раскрепощающие и освободительные функции»[213].

То же самое может быть сказано и о *правах личности на свободу слова, мысли, религии, печати, собраний и т.д*. Если право на жизнь, как мы видели, аннулируется революцией, то тем более сводятся к нулю эти права. Морально-правовые и религиозные рефлексы, удерживавшие от посягательств на эти блага, гаснут. Биологизированные революцией люди без колебаний переступают границы и перестают уважать все эти права. В первый фазис революции революционеры затыкают рот противникам и накладывают на них печать полного молчания. Во второй период то же самое делают их противники-победители. В целом же все общество деградирует в этом отношении. Свобода слова, печати, собраний, мысли и т.д. исчезает. В каждый момент революции говорят, собираются, печатают только победители на данный момент. Вся оппозиция, все несогласные с ними, т.е. 9/10 общества, принуждены молчать. Не только за открытое высказывание, но за простое подозрение никак не выраженного несогласия – беспощадная кара. «Подозрительность ко всякому мнению… подслушанные речи… подмеченные слезы… сосчитанные вздохи… выслеженное молчание… полиция у семейного очага… везде шпионство и доносы…», – вот картина революции[214]. Вся долгая и упорная работа нормального периода истории, приучающая людей к взаимной терпимости, прививающая им рефлексы уважения к мнению и верованиям других людей, сразу уничтожается. Вместо свободы мы видим деспотическое самодурство одних и вынужденное рабство других. Русская революция и в этом отношении типична и доводит эти черты до предела. Через несколько недель после победы большевиков газеты были закрыты раз и навсегда. С 1918 г. в России печатаются лишь газеты коммунистов. Очень скоро были ликвидированы почти все частные издательства. Стали печататься только книги, получившие одобрение власти. Введена была цензура, по сравнению с которой цензура царского периода была царством свободы. Митинги некоммунистов не допускались. За

[212] Ряд верных замечаний на этот счет см. в книге: *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1908, с. 369–370, 539. Ниже мы увидим, что свобода действий, самоуправления и автономия индивида также страшно ограничиваются революцией.

[213] Причем лишаются свободы не только и не столько аристократические классы, но не в меньшей мере и трудовые слои населения. Пройдитесь по тюрьмам России, по тюрьмам Франции в 1789–1800 гг., посмотрите, кем они набиты, и вы увидите, что на 90% они наполнены рабочими и крестьянами. То же самое было и в других революциях. Поэтому пусть не утешают себя трубадуры революции мыслью, что в революционное время лишаются свободы только аристократия и буржуазия.

[214] *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1908, с. 539.

всякое оппозиционное слово – арест или расстрел. То же самое было проведено в школах и в системе преподавания. В 1920 г. официальный декрет, подписанный комиссаром Ротштейном, объявил, что «свобода научной мысли, как и все остальные свободы, есть буржуазный предрассудок», что лица, которые ведут преподавание не в духе коммунизма и марксизма, исключаются из школы; студенты, не согласные с догмой коммунизма, тоже. Начались аресты, высылки и другие наказания за «ненадлежащий образ мыслей». То же самое проявилось и по отношению к религиозным верованиям. И кто же все это произвел? Лица, которые до Октябрьской революции признавали и требовали «полной свободы слова, печати, собраний, союзов» и возмущались на любую ничтожную попытку их ограничения. Революция погасила у них все эти рефлексы, и они стали деспотами из деспотов. Едва ли приходится сомневаться в том, что после падения этой власти новая власть будет делать то же самое по адресу коммунистов. Общество в целом оказывается ограбленным в своей свободе. Таков итог всех революций.

«Свободу надо установить насилием, и необходимо установить деспотизм свободы, чтобы раздавить деспотизм королей», – сказал когда-то Марат. Увы, свобода и деспотизм свободы несовместимы, а потому революция давала лишь деспотизм произвола, а не свободу. Последняя, по более верному замечанию Монталамбера, «может жить лишь под тем условием, если убьет свою мать, убьет революцию». Только после ликвидации последней, с вступлением общества в полосу нормальной, нереволюционной жизни исподволь начинают оживать погашенные революцией морально-правовые рефлексы, удерживающие от произвола и посягательств на мысли, чувства, верования, слова и права других лиц.

В этом, как и в других рассмотренных случаях, революция убивает свободу, а не создает ее; способствует деградации человека, а не его совершенствованию; порождает колоссальный рост преступлений против свободы и других прав людей, а не уменьшает их.

Сказанное mutatis mutandis может быть повторено и по отношению к *имущественным правам человека*. Угасают тормозные религиозные и морально-правовые рефлексы, удерживающие от посягательств на имущественные блага других лиц. Это мы уже видели, когда речь шла о деформации рефлексов собственности. Иными словами, *революция ведет к колоссальному росту грабежей, разбоев, краж, мошенничества, взяточничества, подлогов, обманов и других имущественных преступлений*[215].

[215] Вот краткие дополнения к приведенным выше фактам. Во время Египетской революции: грабят на дороге, на крыше дома, в доме и т.д. (*Викентьев В.* Цит. соч.).

В ходе *керкирской революции:* массовый грабеж, должники убивают кредиторов, «большинство соглашается скорее, чтобы их называли ловкими плутами, чем честными простаками; последнего названия стыдятся, первому – радуются… Таким образом, вследствие смут явилось полное извращение нравов» (*Фукидид*. История. III, 81–85).

Они становятся массовыми, общими и неисчислимыми. Огромно количество лиц, у которых угасли указанные тормозящие рефлексы, которых охватывает корыстная жадность, толкающая их опять-таки под покровом громких слов к всяческому захвату чужих богатств и чужого имущества. Назовем ли мы эти акты «преступлениями» или нет – это не важно; а важно и несомненно то, что число их колоссально возрастает.

Факты были приведены выше. Я мог бы их увеличить до бесконечности, но полагаю, что это излишне: они известны и бесспорны.

В Риме «и богачи и бедняки сходились в одинаковой подкупности, деморализации, в одинаковом поползновении вести борьбу против собственности». Массовое пиратство, массовый грабеж, небывалая спекуляция, подлоги и мошенничество, всеобщее взяточничество (*Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 99, 137–138, 158, 211, 253, 316–317, 143, 349–350, т. III, с. 15, 29, 68, 79, 461, 464, 568).

Во время *жакерии во Франции* (так же как и во время крестьянских восстаний в Англии, Чехии, и Германии) – небывалый бандитизм. «Шайки соединялись в громадные отряды. Они грабили, разоряли, жгли селения и города, которые не откупались от грабежа контрибуциями». O, le miserable temps pour n'ober sortir des villes! – восклицает один современник. Cedes, rapine et nicendia, – отмечает другой[97*] (*Вебер Г.* Цит. соч., т. VIII, с. 27–29; *Levasseur P.E.* Histoire des classes ouvrière, vol. I, p. 522–523, vol. II, p. 55).

Во время *крестьянского восстания в Англии* «крепостные и крестьяне… разрушали и грабили дома, опустошали владения дворян, ломали изгороди, жгли крепостные акты»… В Лондоне «ограбили и разрушили дома и дворцы вельмож» и т.д. (*Вебер Г.* Цит. соч., т. VIII, с. 44–45). В Чехии период гуситских войн – это «длинный ряд осад, убийств и грабежей» (*Denis E.* Op. cit., p. 240, 287).

В *революциях Италии XIII в.* «нравы огрубели, грабежи и буйство были ежедневными явлениями, хищнические шайки ходили по римской области, по улицам Рима и буйствовали безнаказанно» и т.д. (*Вебер Г.* Цит. соч., т. VIII, с. 317).

В *английской революции XVII в.* «по мере продолжения революции слабело уважение к правам. Ложь, насилие и алчность быстро росли между людьми. По дорогам, вокруг городов размножались воры и разбойники; они ходили шайками и припутывали политические страсти к своим злодействам». Грабили, брали взятки, проявляли алчность и их противники – члены парламента и т.д. (*Гизо Ф.* Цит. соч., т. 1, с. 12–14, т. 3, с. 22–23).

Колоссальный рост грабежей и других имущественных преступлений во время Французской революции известен.

Часть цифр, говорящих об их росте во время русской революции, приведена выше. Достаточно сказать, что Россия едва ли когда знала такой рост краж, мошенничеств, подлогов, взяточничества и других имущественных преступлений. «У нас взятки на каждом шагу», – авторитетно заявил Ленин[98*]. Зло достигло таких размеров, что в 1921–1923 гг. была во главе с Дзержинским образована специальная комиссия по борьбе со взяточничеством: расстреляли много людей, но толку мало (См.: Правда, 22 октября 1921 г.; Красная газета, 15–16 апреля 1921 г.).

Детская преступность, по сравнению с дореволюционным временем, повысилась в Петрограде в 7,4 раза. То же самое – и по всей России (см.: *Аронович Г.* Детская преступность // Психиатрия и неврология. 1922, № 1). «Растет число таких преступлений, как воровство и грабеж». «Они принимают стихийные размеры» (Маховик, 27 июля 1921 г.; Известия, 12 февраля 1922 г.). Прибавьте к этому мошенничество с пайками и ордерами, массовые злоупотребления с «натур-премиями» и т.д., и тогда вы будете иметь хоть какое-то представление о грандиознейшем росте криминальности в России за годы революции.

Революции объективно ведут к росту великой корысти и жадности. Взяточничество начинает процветать, как никогда. Продажность – также. Происходит разлив самых низменных, самых эгоистических поступков. Правда, многие наивные люди, гипнотизируемые великолепными речевыми рефлексами революции, судят о действительности по ним и только по ним. Но давно уже было сказано: *«Важны не слова, а дела»*. Дела же, т.е. фактические поступки актеров и статистов революционной трагедии, совершенно противоположны их словам. Это становится вполне очевидным во второй фазе революции, по окончании дележки. Тогда, как мы видели, корысть выступает на сцену без всяких масок и «хороших слов»… Все общество во главе с бывшими «коммунизаторами» вспоминает заповедь «Beati possidentes!» и начинает лихорадочно гнаться за деньгами и материальными благами.

Что такое же угасание тормозных религиозно-правовых рефлексов происходит и в области *сексуального поведения*, мы видели выше. И здесь, говоря языком уголовного права, преступления против общественного приличия и нравственности растут колоссально.

То же самое происходит в области *социального служения и исполнения общественных обязанностей*. Начиная с крестьянина, перестающего платить подати, с рабочего, перестающего добросовестно трудиться, и кончая судьей, чиновником, полицейским и другими лицами, все начинают выполнять свои социальные обязанности плохо[216].

[216] Вот некоторые подтверждения. «В Риме – большинство граждан никуда не годились. Дисциплина солдат – пала. Добиться приговора над влиятельными людьми было невозможно… Многие из сенаторов никуда не годились… За деньги государственный человек продавал государство… гражданин – свободу. Подделка документов и клятвопреступление были распространены чрезмерно. Честь была забыта: тот, кто отказывался от подкупа, считался не честным человеком, а личным врагом… Присяжные игнорировали свои обязанности и бражничали. Должность офицеров и шар присяжного стали продажными. Власть – насквозь прогнила, бесконечно спекулировала и т.д. Словом, кровь должна была броситься в лицо всякого честного римлянина, если бы он вгляделся в страшно быстрый упадок нации». (*Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 72–73, 195, 211, т. III, с. 79, 76, 461).

В Англии – «злоупотребления и незаконные сделки рождались и множились, и парламент – неограниченный властитель богатства и участи государства – скоро прослыл вертепом неправосудия и разврата». Кромвель в разговоре с Уайтлоком характеризовал парламент еще более сильными словами (*Гизо Ф.* Цит. соч., т. III, с. 31, 22–23).

Коррупция должностных лиц, начиная с Мирабо, Дантона, Тальена и переходя к меньшим чиновникам революционной власти, особенно в эпоху Конвента и Директории, – известна. «Нет такого отдела управления, куда бы не проникла безнравственность и подкупность», – так гласит официальный отчет комиссии по деморализации (*Мадлен Л.* Цит. соч., т. II, с. 314).

Про должностных лиц русского советского правительства лучше не говорить. Ни в одном правительстве нет столь огромного количества взяточников, воров, беспринципных негодяев, строящих на крови людей свое богатство, под предлогом высоких идеалов совершающих архихищнические дела – как в советском правительстве, начиная с «лидеров мировой революции» – Зиновьева, Радека, Красина, Троцкого – и кончая последним агентом ЧК. Например, взяточничество должностных лиц было столь громадным, что с 1 ноября 1922 г. по 1 мая 1923 г. центральной комиссией по борьбе со взяточничеством было возбуждено

Только там, где дело идет о проявлении зверских рефлексов – в актах бойни, сражения, там они выполняются. Но это понятно: хорошие разбойники всегда были храбрыми бойцами, смелыми налетчиками и отчаянными противниками при защите своей жизни.

«Общественные интересы», «общее благо» – на устах у всей революции. И в то же время менее чем когда-либо люди склонны выполнять свои обязанности для этого общего блага. Подтверждение этому в области трудовых рефлексов мы видели выше. О том же говорят взяточничество, продажность, леность и недобросовестность должностных лиц в эпоху революции.

То же самое приходится сказать и об остальных морально-правовых поступках. Даже такие, казалось бы, особенно прочно «ввинченные» рефлексы, как *привязанность членов семьи друг к другу, как воздержание от причинения вреда супругу, отцу, детям, – даже эти рефлексы гаснут*. Революция обрывает даже и эти связи семейного альтруизма и солидарности[217].

Словом, какую бы область морально-правового поведения мы ни взяли, вывод получается один и тот же: *деморализация и угасание всех морально-правовых тормозных рефлексов*[218].

4 800 дел, закончившихся осуждением и приговором 61 человека к расстрелу, 629 человек к лишению свободы от 5 до 10 лет, остальных к тюрьме от 6 месяцев до 3 лет (Дни, № 175).

[217] Вот краткие свидетельства:

«Брат восстал на брата, и отец относится к собственному детищу, как к врагу. Человек смотрит на своего сына, как на недруга», – пишет Ипувер о египетской революции. «Верность скрепляли не божеским законом, а совместными преступлениями». «Отец убивал сына. Родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное товарищество», – пишет Фукидид о керкирской революции. То же самое повторилось и в римских революциях. Сципион, узнав о смерти своего родственника Гракха, сказал: «Так пусть погибнет всякий, кто совершает такие дела». Столь же отрицательно относилась к нему и его мать. Сципион, в свою очередь, был убит сторонниками Гракхов. О том же говорит убийство Цицерона Августом и т.д.

В нидерландской революции «не раз видели людей, которые хладнокровно помогали вешать своих родных братьев».

В русской революции XVII в. «люди сделались хуже зверей: оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском хлеба. Матери душили своих детей».

Во французской революции примером могут служить взаимоотношения Бурбонов и Филлиппа Эгалитэ. Общую картину рисует популярнейшая тогда пьеса «Республиканский супруг», где муж доносит на жену революционному комитету и добивается ее казни.

Всюду здесь, как и в русской революции, члены семьи часто оказывались по разные стороны баррикады и убивали друг друга. См.: *Викентьев В.* Цит. соч., с. 285; *Фукидид*. История, III, 81–85; *Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 97; *Мотлей Дж.* Цит. соч., т. II, 343–344; *Карамзин Н.М.* История государства Российского, т. XI; с. 67; *Кабанес О., Насс Л.* Цит. соч., с. 290–291.

[218] Слова Ф. Гизо о влиянии английской революции применимы ко всякой другой: «В этом всеобщем и повсеместном беспорядке среди злоупотреблений силой и среди крайностей всякому недоброму чувству открывались виды на успех. Людьми энергичными овладевала ненависть и мстительность; люди слабые предавались робости и подлости… ложь, насилие, алчность, малодушие во всех видах росли быстро между людьми, замешанными в борьбу». Остальная масса «теряла понятие о правах и обязанностях, о справедливости и добродетели или сохраняла их в смутном виде» (*Гизо Ф.* Цит. соч., т. I, с. XII–XIII).

Естественно, эта деморализация актов поведения сопровождается *деморализацией морального и правового сознания масс* (изменением «субвокальных рефлексов»).

Старое моральное сознание, как указывалось выше, тускнеет и быстро выветривается. Происходит «переоценка моральных ценностей», ведущая или к полному нигилизму, к смердяковскому «все дозволено», или к диаметрально противоположным моральным оценкам, представляющим собою «облагораживание» животных импульсов. Положение дел кратко, выразительно и верно рисует Фукидид на основе наблюдения керкирской революции. Вот отрывки из него: «Обычное значение названий заменили личным мнением, безрассудная дерзость стала называться мужеством, предусмотрительная медлительность – трусостью, рассудительность – обличием труса, внимательность ко всему – неспособностью к делу, безумная решительность – за свойство настоящего мужа, осторожное обдумывание – за предлог уклонения, кто вечно недоволен – заслуживает веры, кто ему возражает – тот человек подозрительный. Кто затеял коварный замысел и имеет удачу, тот умный, а кто разгадал это – еще умнее, кто же сумел обойтись без того и другого – предатель и трус. Восхваляли того, кто умеет сделать дурное раньше другого… Родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное товарищество, требовавшее риска без оговорок. Верность скрепляли не божескими законами, а совместным преступлением. Отомстить за обиду считалось важнее, чем претерпеть ее… Клятвы не соблюдались… Большинство соглашается скорее, чтобы их называли ловкими плутами, чем честными простаками; последнего названия стыдятся, первому – радуются… Таким образом, вследствие смут явилось извращение нравов» и т.д.[219]

Эта картина верно и типично передает характер деформации нравственно-правового сознания в эпохи революции. Дело вкуса – квалифицировать это изменение положительно или отрицательно. Дело исследователя – констатировать его несомненность и бесспорность.

Наконец, то же самое мы видим в области *узко-религиозных рефлексов.* Представляя собой, как и морально-правовые рефлексы, формы поведения, удерживающие от актов социально злостных, и стимулирующие к актам социально солидарным[220], религиозные рефлексы в силу указанных причин также гаснут в первый период революции. Угасание это начинается еще раньше и служит симптомом грядущих потрясений.

---

[219] *Фукидид.* История. III, 81–85.

[220] Об этой роли религии см.: *Durkheim E*. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912; *Ellwood Ch.A*. Reconstruction of Religion. New York, 1922; *Fustel de Coulanges N.D.* La cité antique. Paris, 1905; *Сорокин П.А*. Социологическая теория религии // Заветы. 1914, № 3; см. также главы, посвященные религии, в книгах: *Hayes E.C.* Introduction to the study of sociology. New York-London, 1920; *Ross E.A*. Social control. A survey of the foundations of order. New York, 1904.

Это выражается в падении авторитета религии, в ее преследовании, в росте атеизма и религиозного безразличия. Число лиц, посещающих богослужения, выполняющих обряды и верующих в догматы религии, падает, число лиц, освободившихся от «религиозного опиума», увеличивается.

Наряду с этим происходит другой процесс: вместо угасших верований и религиозных рефлексов появляются и прививаются новые, но такие, которые не тормозят, а благословляют те акты убийства, грабежа, насилия и т.п., к которым толкают разбушевавшиеся биологические импульсы.

Такова суть деформации религиозных рефлексов в первый период революции.

Это ясно отмечают современники египетской революции: «Попраны предначертания богов»; «Люди открыто хвастаются своим неверием»; «Перестали воскурять фимиамы, приносить в жертву тучных быков, совершаются святотатства, выбрасываются тела мертвых из гробниц» – словом, полный религиозный кризис[221].

То же самое видим и в Риме. «Политическая и социальная революции должны были разрушить прежний религиозный строй. Старые итальянские народные верования исчезают. Над развалинами старинной религии появляются неверие, государственная религия, эллинизм, суеверие, раскол и восточная религия с мистицизмом»[222].

Крестьянское восстание в Англии сопровождалось религиозной революцией, начатой Джоном Уиклифом, лоллардами и Джоном Боллом. То же явление повторилось накануне и во время английской революции XVII в.

Не иначе обстояло дело и с гуситской революцией, предшествуемой и сопровождаемой падением авторитета католической церкви, ростом гуситства, дальнейшей эволюцией его, экстремизацией и разделением на утраквистов, таборитов и ряд крайних сект[223].

Аналогичная история имела место перед и во время крестьянской войны в Германии (реформация) и ряда гражданских смут и войн во Франции XV–XVI вв. (эпоха религиозных войн). Об угасании религиозных рефлексов перед французской революцией и в первый ее период, о преследовании духовенства, попытках установить «Культ Разума»[99*] и т.д. достаточно известно[224].

То же самое повторилось в 1848 и 1870–1871 гг. во Франции. Сходное имело место в русских революциях 1905 и 1917–1923 гг.[225]

---

[221] См.: *Викентьев В*. Цит. соч., с. 298–299; *Тураев Б.А.* Цит. соч., с. 70–71.

[222] *Моммзен Т*. Цит. соч., т. I, с. 860–865, т. II, с. 419, т. III (глава о религии); *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918, с. 3–4.

[223] См.: *Ли Ч.* История инквизиции в средние века. СПб., 1911, т. I–II; а также указанные работы Ф. Палацкого и Э. Дени.

[224] Подробнее см.: *Кабанес О., Насс Л.* Цит. соч. (глава «Бог и Революция»).

[225] Для полноты картины можно было бы указать на аналогичные явления в персидской революции при Кобаде, на ряд турецких революций, на ряд революций ислама, начиная с революции самого Магомета и т.д.

В России перед революцией православная церковь была дискредитирована в глазах множества лиц. 9/10 интеллигенции были явными или скрытыми атеистами; быть верующим значило быть суеверным и отсталым. Это расторможение религиозных рефлексов пошло особенно быстро с момента революции. С этого времени оно перекинулось на широкие слои крестьянства и рабочих. Атеизм делал огромные успехи. С Октябрьской революции 1917 г. началось открытое преследование религии и ее служителей, интенсивнейшая пропаганда атеизма и «коммунистической религии». В 1917–1918 гг. она имела успех. Заразила многих. Религиозные рефлексы и верования угасали на глазах. Преследование церкви и религии властью продолжалось и усиливалось. Особенно жестокий характер оно приобрело в 1922–1923 гг. Но уже с 1920 г. в народных массах наметился обратный поворот – симптом начинающегося возрождения религиозных рефлексов (об этом см. ниже).

Отсюда мы видим, что религиозные рефлексы деформируются в том же направлении, что и морально-правовые. Учитывая, что основная роль тех и других состоит в создании, расширении и укреплении солидарных связей между членами общества, мы не будем удивляться угасанию их в периоды революции, по существу представляющей собой разрыв солидарно-социальных связей и отношений. Было бы чудом, если бы такого угасания не было.

Мы рассмотрели разнообразные группы правовых, моральных и религиозных рефлексов и видели, что все они деформируются в одном и том же направлении – в направлении угасания и ослабления тех из них, которые тормозят разгул биологических импульсов. Такое угасание означает *«одичание», «биологизирование» и «примитивизацию» человека*. Правда, на место угасших рефлексов прививаются новые; но как раз не тормозящие, а благословляющие и одобряющие биологические импульсы. Поэтому они не уничтожают «биологизацию», а скорее усиливают ее. Они – «красивые перчатки», не удерживающие руку от убийства, как угасшие рефлексы, а напротив – побуждающие к нему, прикрывая кровь и грязь святыми словами и лозунгами.

Второй период революции

Если общество, ставшее игралищем биологических импульсов, не гибнет в анархии, то рано или поздно наступает второй период революции, знаменующий *начало возрождения и новой прививки угасших правовых, моральных и религиозных рефлексов и соответствующего религиозно-морально-правового сознания.* Временами они возвращаются в конкретных формах, весьма близких к бывшим, временами – в отличных по внешнему виду, но в обоих случаях они сходны с угасшими в главном и основном: *в их тормозящей роли и функциях.*

Если раньше тормозящий рефлекс имел конкретную форму «не убий, ибо так заповедал Бог», а теперь – «не убий, ибо таково требование прогресса и социализма», то при различии второй части этих заповедей основная сущность их первой части одна и та же. То же самое mutatis mutandis применимо и ко всем другим случаям.

Начинается жесточайший период ускоренного воспитания угасших рефлексов права, морали и религии. Быстрота требует появления и действия самых сильных стимулов. Их мы и видим в действительности. Одичавшее революционное общество в 2–5–10 лет принуждено проходить курс «морального, правового и религиозного воспитания», для которого человечеству в свое время нужны были десятилетия и столетия…

За убийством следует беспощадное убийство. За кражу, разбой и грабеж – то же… Половые рефлексы исподволь вводятся в норму. Устанавливается скромная, но все же бóльшая свобода слова, печати и т.д. Вводятся кое-какие гарантии против необузданного деспотизма власти. Наряду с этим начинается проповедь и пропаганда морали и права. Начинается и быстро набирает темп возрождение религии, возвращение к старым формам приличий, конвенциональных манер и быта. Словом, общество начинает быстро одеваться в костюм угасших морально-правовых и религиозных рефлексов. Биологическая нагота его уменьшается. С ее уменьшением жизнь исподволь нормализуется, нормализация в свою очередь содействует возрождению и укреплению морально-правовых и религиозных рефлексов. Укрепление их делает менее необходимыми зверские стимулы и репрессии[226]. Конечно, этот процесс совершается не без перебоев, движение

[226] Частичной, но яркой иллюстрацией этого служит хотя бы число смертных казней, поднимающееся в первые годы после революции или в первые годы прививки угасших тормозов и систематически падающее по мере их воспитания и нормализации социальной жизни. Для Франции это отметил проф. Э. Гарсон. Так, консульство Наполеона начинается 605 смертными приговорами (1803 г. – начало серьезного торможения), к 1813 г. число их падает до 325. Реставрация – дальнейший резкий шаг по пути торможения после падения Наполеона – начинается с 514 смертных приговоров в 1816 г. Дальше количество их снижается до 91. В 1831 г. число их снова возрастает до 108, а к 1847 г. снижается до 65. После подавления восстания 1848 г. сотни лиц были расстреляны, а в 1870 г. (до революции) было лишь 11 смертных приговоров.

Не менее показательны цифры смертных приговоров до и после революции 1905–1906 гг. в России. В пятилетие 1901–1905 гг. казнено было всего 93 человека. В 1906–1908 гг., в годы торможения, как мы видели, число казней резко увеличивается.

В 1906 г. было казнено 547 человек,

1907 – 1 139
1908 – 1 340

Далее эти показатели резко снижаются:

1909 – 217
1910 – 129
1911 – 73

См.: *Сорокин П.А.* Преступление и кара, с. 428–429; *Гернет М.Н.* Смертная казнь, с. 75–76.

его в каждом отдельном случае очень сложно и извилисто, число жертв этого возрождения угасших рефлексов громадно, но общая суть его такова…

Кто начинает эту прививку – революционная или контрреволюционная власть, это деталь, случайность, не имеющая значения. Было бы долго подробно рисовать детали этого процесса. Позволю себе отослать читателя к изучению эпох конца революции и ближайших к ним. Изучая время Цезаря, Августа и его преемников в Риме, эпоху ликвидации Жакерии во Франции, крестьянских восстаний в Германии и Англии, эпоху «пражских компактатов» и последующие годы гуситской революции, время протектората Кромвеля и реставрации Стюартов в Англии, время Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича в России, период Директории и Наполеона во Франции, время Кавеньяка и первые годы президентства и империи Наполеона III, время Тьера и первых лет после 1871 г., период Витте–Столыпина после революции 1905 г., наконец, 1922–1923 гг. в России[227] – изучая эти годы, читатель найдет полное подтверждение указанных черт второго периода. При всех конкретных различиях актеров и сцен этих эпох пьеса в них играется одна и та же. Ее можно назвать «Возрождение и воспитание угасших морально-правовых и религиозных рефлексов». Таков повторяющийся «круговорот истории».

§ 9. Деформация психики членов революционного общества

В предыдущих разделах мы видели, что деформация поведения, вызываемая революцией на первой стадии, знаменует его примитивизацию и приближение к типу поведения животных. Для человека, знакомого с психологией и с рефлексологией, этого факта достаточно, чтобы определить, в каком направлении меняется психика революционного общества. Всякое угасание условного рефлекса физиологически означает *уничтожение проторенной соединительной*

[227] Множество симптомов в России 1921–1922 гг. указывает на вступление ее населения в эту стадию. [Во-первых, необычайно сильное возрождение религиозности населения. Вопреки бешеной пропаганде атеизма коммунистами, усилению преследований и расстрелов священников и верующих религиозное чувство народа и его привязанность к православной церкви интенсивно растут. Интеллигенция из атеистической стала верующей и мистически настроенной. Усилились репрессии за грабежи, убийства, кражи и взятки. Возрождаются трудовые рефлексы. Со стороны населения начинается реакция против половой вольности. Необычайно развились и развиваются рефлексы частной собственности не только в смысле алчного захвата чужого достояния, процветавшего и раньше, но и в смысле воздержания от такого захвата. Наблюдаются симптомы оказания взаимопомощи. Усиливается недовольство неограниченной тиранией власти, ее цинизмом, аморальностью и полным бесправием населения. Раздаются требования прав и законных свобод и т.д. Если бы политика власти была немного умнее, движение этого процесса возрождения выявилось бы гораздо интенсивнее и быстрее. Но и то, что имеется, говорит о том, что первый – «разнуздывающий период» – русской революции пройден, и русский народ вступил во вторую стадию революции.]

связи («замыкания») в сером веществе больших полушарий мозга, образованной при воспитании условного рефлекса. Нервная дуга последнего, как известно, состоит из трех основных частей: 1) *анализаторской, или рецепторной, части дуги условного рефлекса* (например, при восприятии световых раздражений она состоит из глаза, зрительного нерва, зрительных проводников и зрительного центра в коре головного мозга); 2) *замыкательного аппарата* в корковом веществе больших полушарий, соединяющего конец анализаторской части с третьим звеном дуги условного рефлекса; 3) *двигательно-рабочей части – эффектора*, оканчивающегося в мышце или железе и управляющего их деятельностью[228].

Без *замыкательного аппарата* возбуждение с анализатора на двигательную часть нервной дуги при условных рефлексах не может быть передано. Воспитание условного рефлекса и означает образование этого замыкания между внешним миром, вызывающим возбуждение анализатора-рецептора, и двигательной частью нервной системы, вызывающей реакцию организма на условный стимул. Угасание условного рефлекса означает *разрыв этой связи между анализатором и рабочей частью нервной системы*[229]. А это в свою очередь означает, что всякое воспитание условного рефлекса представляет собой установление новой, добавочной связи между внешним миром и организмом, лучшее знание первого и лучшее приспособление к нему, с одной стороны, и усложнение, централизацию и интегрирование работы нервной системы – с другой. Всякое угасание условного рефлекса означает разрыв, уничтожение бывшей связи между миром и организмом – с одной стороны, с другой – упрощение, примитивизацию и децентрализацию деятельности и строения коркового вещества и всей нервной системы.

Если такое угасание охватывает множество условных рефлексов, это означает «зарастание» проторенных путей в полушариях, уничтожение замыканий, превращение организма в аппарат, управляемый лишь безусловными стимулами и рефлексами, и разрыв связи между нервными центрами, уменьшение интегрирующей роли нервной системы[230], превращение всего организма в membra disjecta[100*], где нет высшего правительственного центра, а есть лишь ряд «местных властей» – отдельных нервных центров, действующих без единого плана и объединения, каждый по своему произволу.

Отсюда ясно, что *такая «примитивизация» механизма нервной системы при угасании условных рефлексов не может не вести к «примитивизации» всей психической жизни и деятельности.*

---

[228] Только благодаря замыканию зрительное раздражение (например, созерцание витрины гастрономического магазина голодным или вид соблазнительной картины) может передаться в соответствующие двигательные части нервной системы и вызвать работу «слюнной железы» или «половое возбуждение». Не будь замыкания, т.е. установления условного рефлекса, эти стимулы были бы «индифферентными» и не вызвали бы таких реакций.

[229] Подробности см. в указанных выше работах И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, Дж. Уотсона и др.

[230] См.: *Sherrington Ch.S.* The Integrative Action of the Nervous System. New York, 1906.

К такому же выводу мы придем, если посмотрим на этот процесс и с другой точки зрения. Рост условных рефлексов означает установление все новых и новых связей между организмом и средой, установление все новых и новых «замыканий» в сером веществе мозга; в силу этого – взаимосцепление их, взаимообусловливание и взаимоторможение. Серое корковое вещество становится подобием сложнейшей телефонно-телеграфной станции, куда стекаются одновременно множество телефонограмм и телеграмм, получаемых через разные анализаторы из внешнего мира. Эти разные, временами противоречивые телеграммы здесь «разбираются», часть их тормозит друг друга, и организм дает свой ответ лишь после оценки всей их совокупности. Процесс этого «разбора и оценки» требует времени и энергии. На обычном языке он носит название *«мышления» или «деятельности сознания и разума»*. Чем большее число условных рефлексов прививается, тем большее число «телеграмм» сюда стекается, тем сильнее они тормозят друг друга, тем сложнее и труднее делается их «разбор», тем больше времени и энергии от организма он требует, тем на более долгий срок откладывается действие, т.е. ответный акт организма. На субъективном языке это означает: *тем интенсивнее и серьезнее происходит процесс мышления и обдумывания, тем больше времени он требует для принятия определенного сознательного решения.* Теперь читателю будет понятно определение процесса мышления как «заторможенного рефлекса» или «заторможенного волевого процесса, не превратившегося в действие». Где этой заторможенности нет, как в безусловных рефлексах и привычно автоматических актах, там ответ организма на раздражение следует немедленно и автоматически, без всякого мышления. Где же есть мышление («как поступить», «как решить то-то и то-то»), там есть и торможение: там организм не отвечает сразу на стимулы; в корковом веществе идет тяжелый «разбор» всех «за» и «против» – тем более длительный и глубокий, чем сложнее, многочисленнее и противоречивее «телеграммы», приносимые анализаторами нервной системы и вступающие в связь друг с другом через «соединительно-замыкательные» пути условных рефлексов. Иногда этот «разбор» (например, при решении сложной научной проблемы) тянется месяцами и годами. Субъективно этот процесс мы переживаем как процесс мышления. *Чем серьезнее и сложнее обстановка, сознаваемая нами, тем глубже мы мыслим. Чем глубже мыслим, т.е. учитываем все обстоятельства, все многочисленные «за» и «против», тем больше требуется для этого времени, тем большая часть энергии уходит на эту внутреннюю работу, тем сильнее торможение, проявляющееся в откладывании действия, в его осторожности, непрямолинейности, временами – в гамлетовской нерешительности, даже во внешнем бездействии*. Что это так, теперь подтверждено рядом бесспорных экспериментов. Эти эксперименты показывают: чем сложнее умственная задача, задаваемая экспериментатором испытуемому, 1) тем сильнее запаздывает его двигательный ответ, иначе

говоря, тем больше времени уходит на «разбор» «за» и «против» в корковом веществе больших полушарий, 2) тем мускульно-двигательная сила этого ответа на аппарате слабее; это означает, что тем больше энергии уходит на процессы «внутреннего торможения» (мышления) и тем менее остается ее на внешние движения[231].

Отсюда ясна антимония «мышления» и «действия». Предельный символ первого, как правильно показано в «Мыслителе» Родена или на древнерусских иконах, это *полный покой, полное торможение*. Предельный образец максимальной решительности действий – это «прямое действие», «автоматический рефлекс», не знающий никаких сомнений и колебаний, это поведение животных, состоящее только из рефлексов в узком смысле слове и автоматических актов.

Теперь понятно, почему угасание множества условных рефлексов не в фигуральном, а в буквальном смысле этого слова означает физиологически и психически *примитивизацию всей душевной деятельности человека, приближение механизма работы его нервной системы, а вместе с ней и всей психической жизни к типу дикаря и животных, т.е. типу рефлекторных (в узком смысле слова) автоматических актов. Эта «примитивизация», это «упрощение» и «деградация» всей душевной деятельности и составляет основную черту деформации психики революционного общества в сторону приближения ее к психике дикаря и животных.*

Но это еще не все.

У животных и первобытного человека безусловные и условные рефлексы – при сравнительной несложности и малочисленности последних – составляют в своей совокупности несложную, но в длительном потоке времени достаточно приспособленную к среде систему, позволяющую им правильно воспринимать (анализировать) среду и адекватно реагировать на ее раздражения.

У человека при однобоком угасании рефлексов нервный аппарат становится похожим на сложную машину, у которой вдруг ослабли винты и гайки и порвались многие соединительные связи, скреплявшие ее части друг с другом и прикреплявшие ее к фундаменту. Благодаря этому вся машина начинает работать вкривь и вкось, с трением и перебоями.

Система анализаторов начинает доставлять в нервный центр искаженные телеграммы действительности, последний начинает плохо «корректировать» и

---

[231] См.: *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., 1922; *Мейман Э.* Интеллигентность и воля. [М.], 1917.

Ниже мы увидим колоссальное значение этих фактов для понимания многих явлений революции, в частности, для понимания того, почему правящие слои и лица, занимающиеся умственным трудом, если они наследственно закрыты и не обновляются притоком новых сил, в конце концов становятся «безвольными», мало способными к действию, и почему, напротив, народные низы, занимающиеся мускульным трудом, очень энергичны и решительны в действиях.

гармонизировать их друг с другом; в силу этого ответные реакции организма становятся малоадекватными. Происходит «отрыв от действительности» и ухудшение приспособительных реакций.

Это расстройство правильного функционирования нервной системы, сопровождаемое дезорганизацией психической деятельности, составляет вторую черту деформации психики революционного общества. Голод, холод, нужда, ужасы – обычные спутники революции – еще более усиливают эту черту. Из этих двух черт вытекают и ими объясняются все детали психологии революционного общества. Теперь перейдем к их рассмотрению.

1. В области познавательных переживаний: ощущений, восприятия, внимания, представления, ассоциаций и комбинирования идей – «примитивизация» и «дезорганизация» душевной жизни сказываются в следующих явлениях:

А) В том, что *революционное общество начинает воспринимать мир и среду однобоко и искаженно*. Этот факт сказывается в тысячах явлений. Обществу начинают мерещиться сотни заговоров там, где их нет. Оно вменяет в вину тягчайшие преступления лицам, которые к ним непричастны. Оно видит врагов в группах, которые ничуть не помышляют о его гибели, и друзей там, где действительно творится дело разрушения общества. Оно усматривает пользу от ряда явлений, объективно ведущих к вреду, и наоборот и т.д.[232]

Тот же факт сказывается и в том, что революционное общество даже не обнаруживает желания хорошо исследовать эту действительность. Возьмите революционный суд: даже там, где идет дело о жизни и смерти, он не находит нужным ни выслушивать свидетелей, защитников, ни устраивать состязательный процесс, ни соблюдать других условий, гарантирующих правильное познание поступков обвиняемых и обоснованность приговора. Все это заменяется нормой: «Приговаривай к смерти, а там пусть Бог разбирает, кто прав, кто виноват».

Ниже мы увидим ряд и других фактов.

Та же самая черта сказывается и в том, что революционное общество начинает чрезвычайно остро воспринимать одни явления, которые раньше не привлекли бы его внимания, и становится «тупым» к другим явлениям, в нормаль-

[232] Можно было бы привести сотни фактов, подтверждающих эти положения… «Атмосфера мнимых заговоров» пропитывает любую революцию. Вспомним «Pacte de famine» во время французской революции, убийство Флесселя, де Лоне; разгром домов Анрио и Ревельона, обвинения жирондистов в союзе с эмигрантами, эбертистов[101*] и даже Дантона – в пособничестве Питту и Кобургу – преступлениях, в которых они были абсолютно неповинны, и т.д. См.: *Мадлен Л.* Цит. соч., т. II, с. 57–58.

У нас – убийства Кокошкина и Шингарева, обвинения царя в намерении открыть фронт германцам, обвинения множества лиц – социалистов – в совместном заговоре с «корниловцами», «калединцами» и т.д., не соответствующие действительности, обвинения Рябушинского и капиталистов в организации голода, разгром торговцев, купцов, приказчиков и др. за якобы умышленное создание голода и т.д.

ном состоянии воспринимавшимся остро и заставлявшим концентрировать на себе внимание общества.

Разрушается хозяйство, растут смертность, голод, холод, болезни и эпидемии… Общество в первый период революции беззаботно игнорирует эти явления и занимается усиленной борьбой против… офицерских погон, срыванием гербов, слежкой за формой обращения граждан друг к другу (господин, товарищ, «вы» или «ты») и т.п. детскими бирюльками. Нет ткани на одежду. Это не мешает тысячи аршин тратить на флаги. Раньше всякая смертная казнь была «событием». Теперь бесконечные казни вызывают очень тупую реакцию. Раньше вид умершего, страданий и горя останавливал на себе внимание. Теперь «даже смерть оставляет в лучшем случае равнодушной»[233].

Раньше пожар одного дома или признак какого-либо разрушения водопровода, моста, здания и т.п. вызывал колоссальную тревогу. Теперь разрушаются целые города, села, горят фабрики и заводы – и это не вызывает никакой особенной тревоги. Об этом мало думают и быстро забывают. Словом, происходит колоссальное сужение способности восприятия общества: оно становится очень чутким к узкому – и объективно неважному – кругу явлений и… совершенно тупым ко всем остальному. Кроме узкой полосы первой, оно не видит, не слышит, не обоняет и не осязает другие явления. Они не входят в «поле его сознания», и общество становится неспособным оценить их значение.

В) Наряду с этим неверным восприятием явлений *у революционного общества деформируются процессы течения представлений и идей, процессы их ассоциации и связывания.*

Леви-Брюль показал, что основным законом, управляющим мышлением первобытных людей, является закон «соучастия» (loi de participation)[234], а не законы нашей логики разума: закон тождества, противоречия и т.д. Суть первого состоит в связывании и допущении «причинной связи» по простому признаку рядоположенности явлений в пространстве, во времени или сходству их по какому-нибудь внешнему и случайному признаку. Для дикаря не существует законов ни тождества, ни противоречия, ни других основных законов логики.

То же самое мы видим и в революционном обществе. Его мышление начинает управляться тем же «законом соучастия». Примеры: все носившие очки или сравнительно сносно одетые в нашей революции принимались за «буржуев» и «врагов народа». Достаточно было большевикам назвать «корниловцами», «колчаковцами» и «монархистами» всех социалистов-небольшевиков, чтобы в сознании широких масс произошло отождествление этих разнородных групп, боровшихся друг с другом не на жизнь, а на смерть. Достаточно было состо-

[233] «Во Франции, где великим культом был всегда культ мертвых, смерть больше не пользуется правом ни на уважение, ни на внимание» (*Мадлен Л.* Цит. соч., т. II, с. 289).

[234] *Levy-Brühl L.* Les functions méntales dans les sociétés inferior. Paris, 1912.

ять членом какой-нибудь коллегии, например, профессорской, два или три члена которой арестованы, или жить в одном доме или квартире с подозрительным человеком, или очутиться в театре, где ловят «контрреволюционера», или вашей фамилии оказаться в записной книге какого-нибудь арестованного, или заседать с ним в одной комиссии, или выйти на рынок, чтобы продать последние штаны, – чтобы вас арестовали или даже расстреляли без дальнейших разговоров. Случайной пространственной, профессиональной, временной, внешней связи достаточно, чтобы отождествить вас с «контрреволюционером» или спекулянтом, создать презумпцию заговора и расстрелять, хотя бы по всем другим признакам для нормального мышления было очевидно, что этого отождествления никак нельзя допустить… Не буду приводить тысячи других фактов того же рода. Как русская, так и другие революции изобилуют ими и ясно показывают управление мышления революционного общества примитивным законом соучастия[235].

Логика революционного мышления – сплошное нарушение закона противоречия.

«Граждане! Всем членам Конвента должна быть гарантирована свобода. Теперь, когда вы свободны в своих обсуждениях, я не требую от вас немедленного обвинения против 22 членов, но Конвент должен декретировать их арест», – эта речь Кутона от 2 июня 1793 г. представляет собой пример такой нелогичности. Не странно ли для обычной логики разума – воспевать гимн Свободе и во имя Свободы отправлять на тот свет всех несогласных? Не странно ли проповедовать братство и в то же время это братство демонстрировать гильотиной и расстрелами, не удивительно ли – с логической точки зрения – проповедовать неограниченное изъявление воли народа и в то же время не давать народу никакой возможности свободно эту волю выразить и беспощадно подавлять всякое свободно выраженное несогласие? Не кажется ли непоследовательным провозглашать недопустимость смертной казни, обвинять противников в ее применении, в подавлении свободы, в применении насилия, и в то же время доказывать их необходимость и применять смертную казнь, насилия и т.д. в безудержной мере. А все действия и логика революционеров в эпоху революции именно таковы.

Возьмите речи ораторов Конвента, возьмите любой номер большевистской газеты, и вы найдете таких нарушений основных законов логики в неограниченном количестве. Эта непоследовательность на протяжении времени проявляет-

[235] Частным случаем и проявлением того же закона соучастия служит и факт «коллективной ответственности» во время революций. Если в семье есть один «враг народа», то по закону соучастия все члены семьи отождествляются с ним. Если вы имеете дворянское происхождение, то все дворяне становятся «врагами», хотя бы многие из них годы провели в тюрьмах за революционную работу. И наоборот, если уголовный убийца вместе с революционерами готов резать буржуев, то он отождествляется с «идейными борцами за свободу» по этому простому признаку т.д.

ся еще сильнее. До созыва Учредительного собрания большевики агитировали за его созыв и полную власть. В день открытия разогнали его и стали доказывать буржуазность и ненужность Учредительного собрания вообще и всей системы парламентаризма. До января 1918 г. доказывали справедливость «всеобщего, равного, тайного и прямого голосования». После января – устарелость и контрреволюционность этой формулы. То же самое случилось и со свободой слова, печати и собраний. Еще ярче это произошло с необходимостью коллективного управления, коммунизма и национализаций. В 1918–1920 гг. усиленно доказывали пользу и необходимость их, с 1921 г. – наоборот, стали проповедовать вред национализаций, необходимость капиталистических предприятий и единоличного управления. Понадобились бы сотни страниц, чтобы привести документы, статьи и речи в эпохи революции, в которых логик найдет бездну материала для примеров нелогичности. Вся логика мышления революционного времени есть логика нелогичности[236].

Наряду с этой чертой *механизм ассоциаций, комбинирования представлений и идей революционного общества обнаруживает и другие сходства с примитивным обществом.*

Он примитивно беспорядочен, непоследователен и неустойчив. Сегодня такое-то явление квалифицируется как «преступление», завтра – как «добродетель», сегодня «враги народа» ассоциируются с «монархистами», завтра – с «либералами», послезавтра – с «социалистами», через день – с «коммунистами», а через несколько дней – с «анархистами». Сегодня – «Государственная Дума» и «жирондисты» – «спасители», завтра – «палачи народа». Сегодня такие-то группы борются друг с другом, завтра – обнимаются. В мелочах эти черты выступают еще ярче. «Поле сознания» общества похоже на растревоженный муравейник, где беспорядочно толкутся многочисленные представления и идеи, ассоциируются и диссоциируются без плана и последовательности, бессистемно и беспорядочно, образуя комбинации самые нелепые и архиабсурдные с точки зрения обычной логики.

---

[236] Вот один из тысячи примеров. В 1918 г. большевики, в том числе и Преображенский, издали декрет, ограничивавший наследственную передачу имущества размером 10 000 золотых рублей. В пользу декрета приводились десятки мотивов, доказывавших его целесообразность, справедливость, необходимость и т.д. А теперь г. Преображенский вот что пишет: «Какой смысл ограничивать право передачи по наследству имущества размером 10 000 золотых рублей? Разве лучше для страны и ее хозяйства, если нэпманы будут прожигать свои доходы в кафе, притонах и т.п. вместо того, чтобы, скажем, строить дома?» В 1918 г. доказывали: *a* есть *b*, в 1923 г. доказывают: *a* не есть *b*.

И так всюду. В 1917–1920 гг. гнали капитал в три шеи, а в 1923 г. Троцкий на XII съезде РКП говорил: «Если бы была возможность притока капитала, то неужели же мы не пошли бы навстречу целиком и не предоставили бы капиталистам широкое поле и высокие барыши» (*Троцкий Л.* Основные вопросы промышленности. М., 1923).

С) *Деформируются процессы воспроизведения и памяти*. Революционное общество – до известной степени – «теряет память», способность «запоминания и воспроизведения». Оно вдруг забывает все свои традиции, верования, идеи и отрывается от прошлого. Как бы волшебным ножом от него отрезаются все его исторические воспоминания, весь умственный багаж прошлого, накопленный веками и составляющий его «я»; оно забывает свое лицо, свое имя, свои национальные традиции, свои заветы и исторические черты. «Интернационализация» революционного общества – другое имя, обозначающее тот же факт. Лик общества искажается и денационализируется. Тот же факт «беспамятства» виден и в мелочах. Как скоро забываются обществом былые заслуги или преступления тех или иных лиц и групп! 27 февраля, 1 марта русские массы благодарят Государственную думу за ее великую освободительную роль. В конце марта они проклинают ее. Прошлые заслуги были забыты. То же самое случилось с Временным правительством и партиями социалистов. 5–10 июля 1917 г. они проклинали большевиков за восстание 3–5 июля. Через месяц это «преступление» было забыто. В отношениях отдельных лиц друг с другом эта черта проявляется еще ярче. Многолетние связи обрываются, память об услугах и долгой борьбе забывается и бледнеет… вчера – друзья, сегодня – враги…

2. *Тот же процесс дезорганизации и примитивизма выступает и в сфере чувственно-эмоциональных переживаний революционного общества*.

«Чувственно-эмоциональный тон» общественной техники становится удивительно импульсивным, неустойчиво-беспорядочным. Отчаяние и радость, взрывы ненависти и восторга, подавленности и безудержного веселья, обожания и презрения, мести и великодушия лихорадочно сменяют друг друга. Сегодня масса вас приветствует – завтра разрывает на куски. Сегодня Лафайет, Робеспьер, Керенский, Милюков, Чернов и другие – «идолы», завтра – «предатели».

«Как будто какая-то лихорадка овладела народом», – пишут современники о чешской революции. «Ученые того времени не знали, как объяснить это явление, и приписывали его влиянию звезд»[237]. Народ обезумел, отмечают современники французской революции. То же самое может быть сказано и о других революциях.

Некоторые исследователи подчеркивают импульсивность чувственно-эмоциональной жизни дикарей. Ту же черту мы видим и в революционном обществе. За настроение толпы здесь трудно поручиться. Оно часто кардинально меняется на протяжении нескольких дней, часов и минут. Если толпа радуется – то радуется, как пьяная, если обожает – то до упоения, если ненавидит – то до зверства. Ровного чувственно-эмоционального тона она не знает. Бесконечные манифестации, празднества и пляски, «Праздники Разума», «Свободы» и т.д. – с одной стороны, взрывы ярости, ненависти и гнева, злобы и страха, с другой –

[237] *Denis E*. Op. cit., p. 219.

все это заполняет собой первый фазис революции и говорит об исключительной неустойчивости и импульсивности. Чувства и страсти бурлят, кипят, толкутся «без руля и без ветрил», возбуждаемые и управляемые одним ветром случайных обстоятельств. Малейший повод, какая-нибудь фраза в статье или правительственном акте выводит массу из себя; столь же ничтожное обстоятельство вызывает ее восторг. Если толпа вообще неустойчива, то толпа революции исключительна в этом отношении.

Во вторую половину революции в силу усталости, истощения, голода и бедствия, это буйное состояние сменяется пассивностью, подавленностью и безразличием. Общество из буйного помешанного становится «тихопомешанным», мрачным и апатичным. «Приходит в себя» после припадка.

Принимать эту энергию разъяренного быка за волю – значит делать громадную ошибку…

Во второй период революции с иссяканием энергии и торможением это сразу и проявляется. Общество становится совершенно «безвольным» и «бесхарактерным». Оно делается неспособным к какому бы то ни было активному усилию. С ним можно делать что угодно. На этой-то полной волевой вялости и расцветают пышно роскошные цветы красной или белой диктатуры и тирании. Она бьет общество беспощадно, оскорбляет, мучает, терзает и хлещет его «в нос и в рыло»[102*], и… общество покорно сносит эти удары. У него не находится даже энергии для громкого протеста. Оно «точно скошенный лен», говоря словами Ипувера.

Таковы схематически изменения в отдельных областях душевных переживаний[238].

Перейдем теперь к характеристике деформации общей душевной жизни революционного общества.

Она еще отчетливее демонстрирует указанные черты примитивизма и дезорганизации, являющиеся результатом внезапного угасания многих условных рефлексов.

1. Уже давно рядом исследователей было отмечено громадное распространение рефлексов подражания в эпохи революций[239].

Явление подражания с бихевиористской точки зрения представляет собой не что иное, как *простой рефлекс*. Совершения определенного акта достаточно, чтобы он, будучи воспринятым, вызвал реактивный акт, состоящий в его повто-

[238] Ряд верных наблюдений см. в: *Galéot A.-L.* La psychologie révolutionaire. Paris, 1923; *Vierkandt A.* Zur Theorie der Revolution // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung. 46 Jahrgang, Heft 2, 1922.

[239] См.: *Сигеле С.* Преступная толпа. СПб.; *Кабанес О., Насс Л.* Цит. соч., гл. 1; *Тард Г.* Преступления толпы. Казань, 1893; *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1922.

рении. Нервная дуга такого рефлекса, как правило, чрезвычайно проста. Раздражения, воспринятые рецепторами, идут до ближайшего нервного центра или до центра его в коре больших полушарий и оттуда через двигательные нервы сразу передаются на рабочие органы, выполняющие реакцию повторения акта-стимула… Такие рефлексы подражания совершаются тем легче, чем сильнее диссоциированы различные части коры головного мозга, чем меньше в них проторено «соединительных замыкательных путей», иначе говоря, чем меньше воспитано или чем больше угасло условных рефлексов. Этим объясняется, почему дети и дикари более подражательны, чем взрослые и культурные люди; почему прогрессивные паралитики с диссоциированным головным мозгом[240] чрезвычайно подвержены подражательности, почему, наконец, толпа, находящаяся в условиях, вызывающих «усыпление высших центров сознания», подражательна[241].

Поскольку в революции угасает огромное количество условных рефлексов, то отсюда понятно, что роль рефлексов подражания должна значительно повыситься в психологических переживаниях и поведении революционной массы.

Так оно и есть. После работ Тарда, Михайловского, Сигеле, Бехтерева, Кабанеса, Гиддингса, Болдуина, Росси, Хайеса, Росса, Эллвуда и ряда других социологов нет надобности приводить факты. В исследованиях психологии толпы и ее подражательности главные факты и примеры, как известно, берутся именно из революций.

То же самое мы наблюдали за эти годы и в России. Роль рефлексов подражания колоссально возросла в поведении масс. Они стали «сомнамбулами». «Акционный стимул, в виде действия или речевого рефлекса, данный оратором, – повторялся толпой; напечатанный в газете – повторялся по стране; брошенный лидером коммунистов – подхватывался его стадом. И особенно характерно то, что тысячи ораторов в своих речах стереотипно повторяли термины и выражения их лидеров, часто не понимая их смысла, коверкая иностранные слова и произнося в целом речи, представлявшие собой набор фраз без смысла и содержания, но состоящие из выражений, стереотипно повторявших “образцы”».

Акционный стимул убийства или разгрома магазинов, данный одним, толкал к убийству и разгрому сотни и тысячи. Паника, страх и бегство или, наоборот, храбрость и решительность, проявленные одним, увлекали за собой и остальных солдат или граждан. Население представляло собой массу, по которой непрерывно пробегали волны подражательности. Про детей и молодое поколение не нужно и говорить: они стали исключительно подражательными. Как бы ни было нелепо какое-нибудь мнение, как бы ни было чудовищно какое-нибудь действие,

[240] См. докторскую диссертацию А. Ленца на эту тему и статью И.П. Павлова.

[241] См. соответствующие главы в книгах: *Hayes E.C.* Introduction to the study of sociology. New York-London, 1921; *Ross E.A.* Foundations of Sociology. New York, 1920; *Гиддингс Ф.* Основы социологии. 1898.

оно, выполненное четко и решительно, всегда находило огромное число подражателей. Общество превратилось в огромное загипнотизированное существо, которое можно было толкнуть на самые неожиданные действия, внушить ему самые нелепые бредни[242].

То же самое было и во время других революций.

Этот рост рефлексов подражательности служит ярким показателем примитивизации душевной жизни революционного общества.

Со второй стадии революции, с началом прививки угасших условных рефлексов, река подражательности мелеет.

2. *Вторым общим фактом дезорганизации и примитивизации всей душевной жизни служит явление неспособности революционного общества правильно воспринимать окружающую его обстановку, отрыв от реальности и исключительный иллюзионизм…*

Часть фактов этого рода приведена выше. Теперь обратимся к фактам более общим и более ярким.

Для дикаря, ребенка и психически больного граница между реальным и фантастическим, возможным и утопическим очень призрачна и неопределенна. Где кончается первое и где начинается второе, им трудно установить. За пределами небольшого круга их обычной будничной среды начинается мир смешения «реального» со «сказочным», фантастики с действительностью. Само различие «естественного» и «сверхъестественного» им чуждо и неизвестно[243].

То же самое мы видим и в революционном населении. Его представления о мире, о среде и характере совершающихся процессов, его понимание и оценка того или иного явления представляют собой полное искажение действительности. Невозможное ему кажется вполне возможным, и наоборот, гибельное – спасительным, иллюзия – реальностью. Оно начинает жить не в мире реального, а в мире фантастики. Оно начинает «бредить» и галлюцинировать.

А) Первым общим проявлением этих черт служит то, что может быть названо *законом революционного иллюзионизма и наивного суеверия*. Общество, вступающее в революцию, верит в возможность осуществления самых несбыточных фантазий и самых утопических целей. Оно выдвигает великие лозунги и верит в их реализацию. «Полная справедливость», «наступление рая на земле», «всеобщее довольство и счастье», «пришествие Христа на землю», «наступление 1 000-летнего царства», «пришествие пятой монархии Христа», «Egalité, Fraternité, Liberté», «Декларация прав человека», «всеобщий мир», «Интернационал», «мировая революция», «коммунизм», «душевное и телесное блаженство» и т.д. – вот лишь некоторые из многочисленных целей и лозунгов, выдвигавшихся революциями. Последние гарантируют их осуществимость. Массы – в первой

[242] Факты см. в книге В.М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» (гл. 5–12).

[243] См. об этом: *Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912.

фазе революции – верят в их реализацию. Ни тени сомнения у них нет. Вопрос «Возможно ли это?» не встает перед ними. Они зачарованы этими великими иллюзиями[244]. Загипнотизированные, они не видят того, что реально происходит вокруг них.

Вокруг творятся зверства и убийства – они твердят о начавшемся осуществлении братства. Усиливаются голод и нищета – они этого не видят и верят, что завтра революция даст не только сытость, но райское блаженство всем и вся. Разрушается народное хозяйство, пустеют поля, перестают дымиться фабрики, растет дороговизна – они ничуть не беспокоятся об этом: «Это простая случайность, завтра же революционный гений произведет чудеса». Повсюду идет внешняя и внутренняя война – массы усматривают в этом начало создания вечного и универсального мира. В реальном мире идет рост небывалого неравенства: большинство лишается всяких прав, меньшинство – диктаторы – становятся неограниченными деспотами – массы продолжают видеть в этом реализацию равенства. Кругом растет моральный развал, вакханалия садизма и жестокости – для масс это подъем морали.

С 1920 г. европейское общество вступило в полосу «реакций» (фактически – оздоровления) – в России продолжали ждать со дня на день взрыва мировой революции, как во время английской революции «люди пятой монархии» ждали ее пришествия, в средневековых революциях – 1 000-летнего царства Христа и т.д.

Словом, перед нами общество, потерявшее всякое чувство реальности и живущее в мире иллюзий и фантазмов. Эти примеры повторяются во всех революциях. Варьируются лишь конкретные детали.

Только после страшных ударов действительности во второй период революции народ «просыпается», «приходит в себя» и, как очнувшийся безумный, начинает понимать весь ужас реальной обстановки. Только теперь он освобождается от иллюзий и начинает осознавать действительность.

В) Это же явление иллюзионизма и отрыва от действительности ярко проявляется и *в успехе крайних теорий*. С подъемом революции и по мере угасания условных рефлексов происходит и рост популярности *экстремистских идеоло-*

[244] «Men's mind had so far drifted from one encourage of use and wont that to some of them every counsel of perfection seemed capable of immediate realization»[103*] – эта характеристика революционной психологии в Англии может считаться правильной в применении ко всем революциям (*Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate. London, 1903, vol. I, p. 29).

«Открывается новая эра: теперь не будет больше ни скандалов, ни преступлений, ни лени, ни вероломства. Не будет ни рангов, ни отличий, собственность будет уничтожена, человечество будет освобождено от труда, нищеты и голода. Не будет ни ученых, ни невежд, и блеск вечной истины будет в глазах у всех… Злые забудут злые дела» – такова одна из иллюзий чешской революции, которую принимали за нечто такое, что можно сразу же осуществить (*Denis E.* Op. cit., p. 266).

То же самое в иных формах встречаем и во времена других революций.

гий. Идеология «левее всякого здравого смысла» имеет максимальные шансы на успех. В непрерванных революциях она обычно очень скоро побеждает все умеренные (жирондистские, кадетские, социал-соглашательские и т.п.) идеологии. Чем утопичнее программа, чем она неосуществимее и чем большие блаженства обещает массам, тем больше шансов она имеет на успех, тем скорее завоевывает популярность и признание. Как грибы начинают множиться такие идеологии, одна левее и утопичнее другой. Начинается состязание в «экстремизме левее здравого смысла». И массы идут обычно за той идеологией, которая обещает наиболее неосуществимые «кисельные берега и молочные реки». Их психология такова, что они ничуть не сомневаются в том, что завтра эти реки потекут. То, что в нормальном состоянии общества принято было бы за утопию чудака, фантазию поэта или бред сумасшедшего, принимается за осуществимый план действий. Общество с упорством маньяка и энергией сумасшедшего принимается за постройку моста на луну. Препятствия? Их для него не существует, как нет их и для безумного. Если нужно опрокинуть мир – ему ничего не стоит это сделать, если нужно изменить движение планет – достаточно издать декрет. Оно верит в свое всемогущество, верит в реальное осуществление плана, как верит в свои вымыслы малое дитя. В этом факте, обычном для всех революций, указанная черта примитивизации и дезорганизации выступает вполне отчетливо. Лишь опять-таки исключительно тяжелые удары действительности при непрерванной революции исподволь приводят общество в себя. Во второй период революции начинается «тяжелое похмелье». Этот экстремистский иллюзионизм мало-помалу начинает таять. Появляется скепсис, потом разочарование, потом прямое дискредитирование всех крайних теорий. Обаяние их исчезает. С глаз общества спадает пелена, и оно видит реальное «разбитое корыто». Приходит – не без колебаний и перебоев – стадия отрицания и ненависти к экстремистским теориям, столь популярным еще недавно. Идеология общества делает резкий крен в обратную сторону…

3. Третьим общим проявлением того же факта служит *«прямой метод мышления и действия» в революционные эпохи.*

Рост и усложнение условных рефлексов означает рост и усложнение *извилистых* путей при достижении поставленных целей. Ту же мысль особенно четко выявил Л. Уорд[245], показав, что совершенствование разума означает замену прямых и часто непригодных путей к поставленным целям путями косвенными, окольными, более сложными. Совершенствование разума и цивилизации означает движение в этом направлении. «Примитивизация» – движение в обратную сторону.

Если дело обстоит так, то понятно, почему угасание множества условных рефлексов в революции должно влечь за собой усиленное применение методов

[245] См.: *Уорд Л.* Психические факторы цивилизации. М., 1897.

«прямого действия и прямого мышления» вместо косвенно-окольных и почему этот последний факт означает «примитивизацию» и регресс психики. Это мы видим во всех революциях. Это мы видим даже в самом названии революционного метода – «l'action directe»[104*]. Название строго адекватное, только вряд ли его сторонники подумали серьезно о всем его значении. Проф. Эллвуд и проф. Росс совершенно правы, когда говорят: «Методы достижения целей в революции суть методы наиболее характерные для самых низших стадий цивилизации: они нерефлекторны, крайне прямы и жестоки»[246]. Это – методы дикого быка, пытающегося прямо лбом пробить стену, методы, состоящие в простом применении грубой силы, в вере в универсальную пригодность физического насилия. Аксиома «мудрости» методов революционного мышления и действия проста и несложна:

Бей, руби их, злодеев проклятых…
И взойдет новой жизни заря[105*].

Чем больше голов будет отрублено – тем скорее придет обетованная земля. Чем больше насилия и террора – тем достовернее наступит царство Братства, Равенства и Свободы, Коммунизма и Социализма. «Чем больше разрушения – тем лучше», ибо «Дух разрушающий есть и Дух созидающий»[106*]… Поведение людей становится идентичным поведению крыловского Медведя, по «прямому методу» принявшегося гнать дуги. Результат, как известно, был неважным. «Дуги гнут с терпеньем и не вдруг». Иначе – получается только одно разрушение.

В этом – весь «закон и пророки революции». Это мы и видим в дикой и бессмысленной стихии насилия и разрушения, приходящей с революцией. Разрушается все и вся: люди и культурные ценности, поля и фабрики, села и города, музеи и библиотеки, происходит какая-то вакханалия уничтожения в большинстве случаев даже того, что нужно самой разрушающей массе. Освобожденные от тормозов основные импульсы человека развивают в нем бешеную силу и дикую энергию. Убеждения, доказательства, призывы не разрушать – бесполезны. Сорвавшийся с цепи человек делается ураганом, сеющим вокруг себя бессмысленную гибель, смерть и разрушение[247]. Повсюду налицо настоящее «прямое действие».

Таково же и мышление, как мы уже видели… Десяток «прямых лозунгов» делаются ключами, открывающими все тайны Сезама. Пара-другая тощих и жалких мыслишек (например, классовая борьба, национализация, диктатура пролетариата и архипримитивный материализм в русской революции) делается

[246] *Ellwood Ch.A.* Introduction to Social Psychology. 1917, ch. VIII; *Ross E.A.* Foundations of Sociology. New York, 1920, ch. XLV.

[247] Эта страсть к разрушению в 1918–1921 гг. в России отчетливо проявлялась даже в обычном у детей школьного возраста. Педагоги констатировали у них «какую-то эпидемию разрушения». В школах без всякой цели дети ломали парты, шкафы, окна, замки, двери, изрезали стены и т.д.

началом и концом всякой мудрости и знания. Все иное и несогласное – не допускается. Более сложные построения объявляются контрреволюцией. Основным аргументом для доказательства истины становится… дубина: тюрьма, арест, высылка, расстрел. Всякое сомнение в правильности «революционной догмы» квалифицируется как преступление. Место серьезной работы мысли занимает революционный сектантский догматизм, более нетерпимый, чем инквизиция. Словом, и здесь та же самая «примитивизация», доходящая до крайних пределов.

4. Четвертым проявлением тех же черт служит *«мания величия»*, охватывающая революционные массы и их вождей. Возьмите революционные речи, брошюры, статьи: каждый ничтожный шаг, делаемый революционерами, они преподносят как «открытие» новой эры, «новой страницы истории», как что-то абсолютно новое и исключительно важное в истории человечества. Потому-то многие революции, как английская, французская и русская, переменяли летосчисление и начинали отсчет времени с первого года революционного сдвига, меняли календарь, праздники и святых, вставляя на место старых, новых революционных угодников. Потому же они меняли названия улиц, городов, областей, еще при жизни называя их своими именами. Себя самих они считают, говоря на жаргоне русской революции, «передовым авангардом» человечества, сверхчеловеками, титанами, непогрешимыми святыми, по сравнению с которыми другие люди – «грешники» и что-то мизерное.

Свергли правительство – это значит «открыли новую эру». Победили кучку контрреволюционеров – опять «открыли новую эру». Распределили богатства каких-нибудь богачей – «открыли новую эру». Уменьшили на час рабочий день – опять «новая эра». О самых простых явлениях говорится в превысоком стиле. То, что здоровому человеку может казаться смешным, им кажется геройски-титаническим. Сами массы в собственных глазах и особенно вожди кажутся себе «гигантами». Газетный репортер превращается в «великого трибуна», самый посредственный конторщик – в «великого организатора», посредственный публицист – в «великого мыслителя». Отсюда – из этой мании величия – «революционная поза», ложно-классические жесты, величественные речи с апелляцией к Богу, к римским героям или «героям предыдущих революций». Отсюда – пышные празднества революции, ее демонстрации, манифестации и мистерии. Перед вами – не нормальные люди, а какие-то актеры, играющие одну из трагедий ложноклассицистов.

5. Та же примитивизация и дезорганизация душевной жизни проявляются в факте *исчезновения личной ответственности и в замене ее ответственностью коллективной, представляющей, как известно, явление обычное среди примитивных групп*. За преступления одного здесь наказываются сотни и тысячи лиц, не имеющих к нему никакого отношения («заложники», «круговая порука»,

«массовый террор», наказание целых городов и сел, целых социальных слоев и групп).

6. Наконец, дезорганизация душевной жизни, вызываемая революцией, сказывается в *значительном росте душевных заболеваний и психических расстройств* (см. ниже, очерк второй).

Сказанного достаточно, чтобы признать правильность положений о примитивизации и дезорганизации психической жизни революционного общества как факте и как неизбежном результате угасания условных рефлексов. Из этой черты вытекают и другие свойства революционной психологии, на которых я не буду сейчас останавливаться[248].

Этим и закончим очерк первый, характеризующий деформацию поведения и психики в эпохи революции…

Основные черты ее ясны, и нет надобности повторять их. Они рисуют картину, существенно отличающуюся от «романтически-фантастических» представлений о благодетельном влиянии революции. Выводы их гласят: *кто хочет «биологизирования» людей, кто хочет приближения их поведения к типу поведения животных, тот должен и может подготовлять революцию и углублять ее. Кто хочет, чтобы пришла гибель общества или стадия «торможения» кровью и железом, стадия удушающей смирительной рубашки, неизбежно следующая за стадией «освобождения», тот может желать насильственной революции. Кто хочет разрушения, вакханалии убийств, жестокостей, зверства, правовой, моральной и психической деградации общества, тот может желать насильственной революции. Ибо революция все это приносит.* Кто этого не хочет, тот не может не отвергать революции.

[248] О некоторых из этих свойств см. в указанных работах Galeot, Vierkandta'a, Кабанеса, И. Тэна (глава о психологии якобинства).

Очерк второй

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ НА СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ, ЕГО СМЕРТНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ И БРАЧНОСТЬ

Помимо деформации поведения революция изменяет биологический состав революционного населения, с одной стороны, с другой – процессы рождаемости, смертности и брачности последнего.

Совокупность этих изменений вкратце сводится к следующему:

1. Революция уменьшает количество населения и задерживает его прирост.

2. Революция обычно ведет к повышению кривой смертности, к понижению кривой рождаемости и в большинстве случаев (но не всегда) к повышению кривой брачности. Если кривая рождаемости падает мало, то кривая смертности поднимается резко, так что в итоге естественный прирост населения неизменно уменьшается.

3. Революция представляет орудие селекции «шиворот-навыворот». Она убивает «лучшие» по своим наследственным свойствам элементы населения и способствует выживанию «худших» элементов. В ней гибнут главным образом люди биологически наиболее здоровые, энергетически – трудоспособные; психически – самые волевые, талантливые и умственно-развитые; морально – наиболее устойчивые, обладающие прочными нравственными рефлексами.

4. Убивая их, в их лице революция убивает и носителей этих наследственных свойств, производителей соответствующего потомства, а следовательно, она ухудшает «биологически наследственный фонд положительных свойств народа», способствует его деградации и вырождению.

5. К тому же самому результату она ведет и посредством ухудшения жизнеспособности и здоровья выживающих элементов населения.

Все эти эффекты революции при равенстве прочих условий тем резче выявляются, чем революция кровавее, длительнее и острее. В неглубоких революциях они будут почти незаметными.

Дадим краткие пояснения и подтверждения этим положениям.

§ 1. Революция уменьшает население количественно

Это положение не требует подробных доказательств. Настоящая революция сопровождается обычно гражданской войной. Последняя, как и всякая война, усиленно пожирает людей. К тому же самому результату революция ведет и другими путями: снижением рождаемости, повышением смертности от эпидемий, нищеты, голода и других факторов, являющихся обычными спутниками, родителями или детищами революции.

Подтверждения. Население Советских республик с 1917 по 1922 г. убыло за эти пять лет революции на 15–16 миллионов. Революция поглотила не только естественный прирост населения, но сверх того и эти 15–16 миллионов[1].

Во время революции 1870–1871 гг. за три месяца было убито и расстреляно около 17 000 федератов и 878 версальцев[1*], ранено около 10–12 тысяч федералистов и 6 454 версальца. Общее число убитых с обеих сторон исчисляется в «25 000 французов, убитых французами же», не считая косвенных жертв гражданской войны[2].

Во время Парижской революции 1848 г. в ходе одного только восстания 26 июня было убито не менее 1 000 человек[3], если же подсчитать косвенные потери по всей Франции, то число жертв окажется, конечно, несравненно бóльшим.

За время французской революции 1789 г., по общему признанию, население городов резко убыло. Тур потерял одну треть жителей, Бордо – одну десятую, Ренн – одну восьмую, Лион – больше 80 000 человек и т.д. Вандейская война унесла около 300–400 тыс. человек. По отчетам префектов, в 37 департаментах население убыло, в 9 – осталось, каким и было, и лишь в 12 наметилось увеличение. По признанию огромного числа историков, революция и войны Наполеона – детище первой – унесли около 2 миллионов человеческих жизней. По данным Juglar'a и Raudot, с 1789 по 1801 гг. погибло 1 400 000 человек[4]. То же самое явление, хотя и в меньшей мере, мы видим и в Английской революю-

[1] По официальной статистике, население, живущее на территории современных советских республик с 1914 по 1920 г. убыло на 18–19 миллионов. 1921–1922 гг. унесли еще 2–2,5 миллиона. Вычитая из этих 21–22 миллионов 3 миллиона жертв мировой войны, 2 миллиона эмигрантов, мы и получаем указанную цифру. См.: Труды Центрального Статистического управления. М., 1922, вып. 3, с. 4; Экономист. 1922, № 4–5, с. 44. [См. «Примечания и дополнения», с. 591–593.]

[2] *Грегуар Л.* Цит. соч., т. IV, с. 427–428.

[3] Там же, т. III, с. 111, 132, 119, 129.

[4] *Мишле Ж.* История XIX в. Директория, т. 1. СПб., 1882, с. 133; *Levasseur P.E.* La population française. Paris, 1891, vol. III, p. 506–507; *Levasseur P.E.* Histoire des classes ouvriéres de 1789 à 1870. Paris, 1904, vol. I, p. 276–277; *Tain H.* Les origenes de la France contemporaine. Paris, 1889, vol. VIII. Хотя Левассер и склонен признать, что убыль населения городов была компенсирована приростом населения деревень, но его тезис не нашел поддержки у большинства специалистов (F. de Flax, Juglar, Raudot, Taine и др.).

ции XVII в. Несколько лет гражданской войны и здесь привели к тому же результату. Отдельные же эпизоды революции вроде поголовного избиения населения Дроггеда, Уэксфорда, избиения 100 тыс. или (по другим сведениям) 200 тыс. ирландцев в 1651 г.[5], очевидно, в сильной степени увеличили общее число жертв революции. Нужно ли говорить о тех громадных, исчисляемых десятками тысяч человек, опустошениях населения, которое произвела гуситская революция и ее войны (под руководством Яна Жижки, Прокопа и других), обессилившие население Чехии и количественно, и качественно[6].

Возьмите далее французскую Жакерию XIV в. и последовавшие за ней многочисленные восстания (майотенов, кабошинов и др.), трепавшие Францию с незначительными перерывами в течение нескольких десятилетий второй половины XIV и начала XV в. Они вместе с их результатом – эпидемией чумы – уменьшили ее население на одну треть[7].

То же самое может быть сказано и о крестьянском восстании Уота Тайлера в Англии, крестьянских восстаниях в Германии конца XV и XVI вв. – все они прямо и косвенно, совместно с голодом, чумой и другими эпидемиями, унесли жизни десятков тысяч людей. Ко всем им применимы слова историка: «Крестьяне свирепствовали... убивали рыцарей мучительною смертью, их жен и детей. Дворяне гнались за ними, убивали их тысячам; селения были выжжены, поля покрыты трупами»[8].

То же происходило и во время нидерландской революции XVI в., где погибло около одной трети населения, и во время русской смуты XVII в. и т.д. Не иначе обстояло дело и в революциях Древней Греции и Рима.

Революционный период Рима, начавшийся со времен Гракхов и включавший в себя гражданские войны Суллы и Мария, первого и второго триумвирата[3*], с их громадным истреблением противников, привел к почти полному уничтожению италиков-самнитов и этрусков[4*] и к огромной убыли коренного населения Рима и Италии. Общее число жертв намного превосходит 300 000 человек[9].

«Латинское племя в Италии вымирало ужасным образом». Страна обезлюдела. «В виде возмездия Италия получила пролетариат из рабов и вольноотпу-

---

[5] См.: *Гизо Ф.* Цит. соч., т. I, с. 34; *Gardiner S.R.* History of the Commonwealth and Protectorate, vol. IV, p. 82–84.

[6] См. цит. соч. Э. Дени и Ф. Палацкого.

[7] *Levasseur P.E.* Histoire des classes ouvriéres, vol. I, p. 521–533. «La Jacquerie, – говорит он, – n'eut d'autre effet que depeupler plusiers compagnes»[2*]. Париж, имевший в начале XIII в. более 200 000 жителей, теперь казался покинутым городом. Более 24 000 домов опустело. В Провансе из 3 200 ремесленников осталось 30, в Салле из 500 домов – 35, в Руссильоне из 80 – 30 и т.д.

[8] *Вебер Г.* Цит. соч., т. 8, с. 25–26.

[9] См.: *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918, с. 41–42, 29,100–101; *Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 404.

щенников из Малой Азии, Сирии и Египта. Но в большей части Италии не было даже такой замены чистых элементов нечистыми, и население воочию убавлялось»[10].

То же самое повторилось в III–IV вв. по Р.Х. Во времена постоянных смут и непрекращавшейся анархии.

Аналогичная же судьба постигла и греческие социальные агрегаты в периоды революции. Бесконечные убийства и здесь очень быстро и значительно уменьшали население. Когда же во II в. до Р.Х. революции (Агиса IV, Клеомена III, Набиса и др.) стали перманентными, то их прямым и косвенным результатом стало то ужасное обезлюдение Греции, которое описал нам Полибий[11].

Обратимся к революциям громадных агрегатов – таких, как, например, Китай. Здесь при огромном населении цифры убыли приобретают колоссальные размеры, исчисляемые десятками миллионов. Например, гражданская война 766–781 гг. уменьшила его население с 53 до 2 млн человек, восстание тайпинов – с 334 до 260 млн и т.д.[12/5*]

О такой же громадной смертности во время египетской революции свидетельствует и Ипувер: «Смерти вдосталь в стране... Всюду можно найти человека, закапывающего в землю своего брата... Покров мумии вопиет еще прежде, чем человек к нему приблизится... Умирает так много людей, что негде хоронить. Много мертвых погребается в реке (кидается в воду)... Смертности, кроме голода, убийств, гражданской резни и войн на все фронты, способствует чума, свирепствующая по всей стране»[13].

Нет необходимости приводить дальнейшие факты. Не будет большим преувеличением, если в заключение скажем, что число прямых и косвенных жертв революций, восстаний и мятежей уступает количеству жертв международных войн и столкновений, но составляет значительную величину по сравнению с ними. Смерть пожинает обильную жатву в обоих случаях борьбы человечества «за право и справедливость». Часть этой жатвы она получает не столько путем прямых убийств, сколько путем повышения смертности и снижения рождаемости населения революционного общества. Обратимся к этой стороне дела.

---

[10] Там же, с. 463–464.

[11] См.: *Fahlbeck P.* La décadance et la chute des peuples // Bulletin de l'Institut International de statistique, vol. XV, livre II.

[12] Статистические данные убыли населения во время восстания тайпинов, дунган и др. см. в: *Parker E.H.* China Past and Present. London, 1903, p. 26–27; *Steinmetz R.* Die Philosophie des Kriges. Leipzig, 1907, S. 60.

[13] *Викентьев В.* Цит. соч., с. 295.

§ 2. Движение смертности, рождаемости и брачности во время революций

Повышение смертности, падение брачности и рождаемости гражданского населения в годы войны – обычное явление. Смертность начинает повышаться вскоре после начала войны и снижается после ее окончания. Брачность снижается с началом войны и резко – обычно выше нормы – поднимается после ее окончания, когда реализуются задержанные войной браки. Через год-два она приближается к довоенной норме. Падение рождаемости обнаруживается спустя 9–10 месяцев после начала войны, а спустя 9–10 месяцев после ее окончания она резко повышается, чтобы снова снизиться до довоенной нормы через год или два[14].

Так как гражданская война есть та же война, то сходным должно быть и ее влияние на движение смертности и рождаемости.

К этому же результату ведут голод, эпидемии, нужда, ослабление жизнеспособности населения, неразрывно связанные с глубокими революциями.

Фактическая проверка действительно подтверждает, что в годы революции смертность обычно повышается, а рождаемость падает. Если же падение последней незначительно, то замедление прироста населения достигается соответствующим повышением смертности.

Что же касается брачности, то ее движение иногда отклоняется от очерченной схемы.

Если гражданская война не отрывает солдат надолго и на далекое расстояние, если революция сильно растормаживает половые рефлексы и усиливает половую вольность, если она создает такие условия, при которых жить и бороться за свою жизнь женатому легче, чем холостому (как в России за эти годы: благодаря разделению труда между супругами им было легче бороться за жизнь), если вдобавок революция, нуждающаяся в «пушечном мясе», покровительствует брачности и дает те или иные преимущества вступающим в брак (несколько аршин материи на приданое, улучшенный паек, как в России), то брачность может подняться в самые годы революции. Это мы и видим в России. Где этих условий нет, там она падает в годы революции (как и в годы войны) и поднимается по окончании гражданской борьбы.

Но зато в первом случае браки будут бездетными, и сами они по своей непрочности, случайности, кратковременности и легкости разрыва превратятся

[14] Эти явления наблюдались во время Прусско-датской войны 1864 г., Прусско-австрийской 1866 г., во время наполеоновских войн, Крымской войны, Франко-прусской 1870–1871 гг., Русско–турецкой войны 1877–1878 гг., Сербско–болгарской 1886 г., Балканской 1912–1913 гг., Русско–японской 1904–1906 гг., во время Гражданской войны в США, в мировой войне 1914–1918 гг. Статистические данные см. в моей статье «Влияние войны на состав и движение населения» (Экономист. 1922, № 1); там же указаны источники.

в «легальную форму случайных половых связей», без потомства, быстро возникающих и быстро разрывающихся. Данные статистики разводов и ничтожная продолжительность «революционных браков», упомянутая выше, свидетельствуют именно об этом.

Таково влияние революции на «естественное движение населения».

Теперь приведем данные.

Начнем с *русской революции*.

Представление о естественном движении населения дают следующие цифры (общих данных по всей РСФСР, к сожалению нет):

Повышение смертности

На 1 000 человек умирало

Губернии	*в 1914 г.*	*в 1920 г.*
Костромская	27,6	49,6
Московская	26,8	40,8
Нижегородская	29,1	33,8
Орловская	26,8	30,4
Пензенская	30,0	40,8
Рязанская	22,3	27,2
Тверская	25,7	27,0
Смоленская	28,3	33,4[15]

Здесь взяты губернии, которые не были ареной острой гражданской войны; но и в них, как видим, смертность резко возросла. В губерниях же, где эта война шла, увеличение смертности за годы революции еще значительнее.

То же самое следует сказать и о рождаемости. За годы революции, вплоть до окончания гражданской войны в 1920 г., она резко снизилась. После 1920 г. она должна была бы подняться, но голод, нищета, эпидемии, террор и т.п. условия в большинстве мест России, кроме ее столиц, продолжали понижать рождаемость и повышать или держать на высоком уровне смертность. Нижеследующие цифры подтверждают сказанное.

Понижение рождаемости

На 1 000 населения рождалось

Губернии	*в 1911 г.*	*в 1920 г.*
Новгородская	41,0	24,0
Смоленская	6,2	29,7
Тверская	43,3	20,1
Московская	41,5	24,5
Костромская	46,4	33,2

[15] Статистический ежегодник России. М., 1918, с. 93; Труды Центрального Статистического Управления. М., 1921, т. I, вып. 3, с. 4.

Нижегородская	47,9	24,9
Вятская	52,7	10,2
Пермская	55,1	19,0
Пензенская	64,8	28,0
Рязанская	43,4	25,4
Орловская	47,3	24,2[16]

Коэффициент рождаемости во всей России за весь XIX и начало XX в. колебался между 40 и 52 на 1 000 человек населения[17]. За годы революции он не поднимался выше 30 на 1 000.

Мудрено ли поэтому, что за годы революции в России, отличавшейся большой рождаемостью и быстрым приростом населения (на 1 000 человек естественный прирост был за XIX столетие и в начале XX от 12,0 до 18,1), рождаемость не покрывала смертности.

Это видно из следующих данных. На 1 000 населения в 1920 г. приходилось:

Губернии	*Рождений*	*Смертей*	*Разница*
Череповецкая	24,0	29,6	– 5,6
Новгородская	24,0	26,3	– 1,3
Смоленская	29,7	33,4	– 3,7
Тверская	26,1	27,0	– 0,9
Московская	24,5	40,8	– 13,3
Иваново-Вознесенская	2,8	46,3	– 13,5
Костромская	33,2	49,6	– 1,4
Нижегородская	24,9	33,8	– 8,9
Вятская	16,2	24,1	– 7,9
Пермская	19,0	26,0	– 7,0
Пензенская	28,0	40,6	– 2,8
Рязанская	26,4	27,2	– 1,8
Орловская	24,2	30,4	– 12,2[18]

В Николаевской губернии разница между смертностью и рождаемостью изменялась с 1914 г. следующим образом:

Годы:	Избыток рождений + Избыток смертей –
1914	+ 5 981
1915	+ 2 762
1916	+1 828
1917	+1 822
1918	+1 399
1919	– 4 698
1920	– 1 977[19]

[16] Статистический ежегодник России за 1913 г., с. 1–2; Труды Центрального Статистического Управления, вып. 3, с. 4.

[17] Энциклопедический словарь Брокгауза–Ефрона, т. 40, с. 628–629.

[18] Труды Центрального Статистического Управления, вып. 3, с. 4.

[19] Бюллетень Центрального Статистического Управления Украины. 1922, № 9, с. 29.

По разным городам Украины статистика убыли населения за 1921 г. такова:

Города	Избыток рождений + Избыток смертей –
Херсон, Алешки	– 1 987
Полтава	– 1 646
Лубны	– 1 192
Гадяч	+ 27
Зеньков	– 82
Кобеляки	+ 8l
Константиноград	– 44
Лохвица	+ 96
Миргород	– 151
Ромны	–103
Севастополь (март–июль l922)	– 1 064
Города Запорожской губ.	– 34
Города в губерниях: Екатеринославской, Запорожской, Кременчугской, Подольской (за первую четверть 1922 г.)	– 8 772
Царицынская губ. (за 1-ую пол. 1922 г на 1 000 человек)	– 67
Екатеринославская губ. (апрель–май 1922 г.)	– 6 025
Одесса (за 1-ую пол. 1922 г. на 1 000 человек)	– 85[20]
Елисаветоград (на 1 000 человек в 1922 г.)	– 91[21]

Что касается, наконец, местностей, постигнутых голодом в 1921–1922 гг., то картина вымирания их видна из следующих цифр: население Татарской республики с 1920 по 1922 г. уменьшилось на 470 000 человек, т.е. на 20%, население Башкирии – на 33%, Уральской области – на 25%, Керченского уезда – на 33%, Пугачевского уезда Самарской губернии – на 50%, Херсона – на 60% и т.д.[22]

Возьмем, наконец, статистику столиц. Из нее видно, как из года в год с начала войны изменялись смертность, рождаемость и брачность. С 1920–1921 гг. здесь наблюдается улучшение, но оно, к сожалению, не типично для всей страны. Жизнь в столицах начала улучшаться за счет остальной России; в большинстве же регионов РСФСР этого улучшения не произошло или произошло ухудшение.

[20] Там же, № 9, с. 37; № 7, с. 29; № 11, с. 50.
[21] Дни, № 166.
[22] Известия ВЦИК, № 214, 5 ноября.

На 1 000 населения приходилось:

Годы	Браков		Рождений		Смертей	
	в Петрограде	в Москве	в Петрограде	в Москве	в Петрограде	в Москве
1912	6,5	5,8	27,6	28,9	22,6	23,1
		(за 1910–1913)		(за 1911–1913)		(за 1910–1914)
1913	6,3		26,4		21,4	
1914	6,0	5,5	25,0	31,0	21,5	
1915	5,0	4,1	22,5	27,0	22,8	22,1
1916	4,7	3,9	19,1	22,9	23,2	20,2
1917	8,5	5,3	17,8	19,6	25,2	21,2
1918	9,2	7,5	15,5	14,8	43,7	28,0
1919	20,7	17,4	13,8	17,5	72,6	45,1
1920	27,7	19,6	21,8	21,9	50,6	46,2
1921	26,7	–	36,0	–	27,8	–[23]

Из этих цифр видно, что революция гораздо сильнее мировой войны повысила смертность, понизила рождаемость и, в отличие от войны, сильнейшим образом повысила брачность. Но до 1920 т. браки были бесплодны. Лишь с 1920–1921 гг., когда в столицах наметилось улучшение за счет всей России, смертность понизилась, рождаемость, задерживаемая в течение ряда лет, дала рекордную цифру (резко упавшую, насколько мне известно, в 1922–1923 гг.), и брачность обнаружила тенденцию к понижению, отчетливо проявившуюся в 1922 г.[24] Таково в сжатом виде влияние русской революции на движение населения.

Лишь с началом заката революции добыча Смерти начинает уменьшаться, а добыча Жизни – возрастать.

Нечто подобное должно было происходить и происходит во время других революций.

Эти эффекты тем резче обнаруживались, чем крупнее был масштаб самой революции.

ФРАНЦИЯ
Революция 1870–1871 гг.

Годы	*Прирост на 1 000 человек*
1868	+ 1,6
1869	+ 2,2
1870	– 2,8
1871	– 12,2
1872	+ 4,9
1873	+ 2,8
1874	+ 4,8[25]

[23] Материалы по статистике Петрограда. 1921, вып. V, с. 19; Красная Москва. 1917–1920 гг. М., 1920, с. 66, 64, 69.

[24] Данных за 1922 г. я сейчас не имею, но, будучи в России, я это понижение наблюдал воочию. [См. «Примечания и дополнения», с. 593.]

[25] *Levasseur P.E.* La population française, vol. II, p. 6–11.

Я отлично знаю, что эти цифры отражают прежде всего влияние Франко-прусской войны. Но в них отразилось и влияние революции, действовавшей в том же направлении, что и война. Это особенно ясно видно на движении населения департамента Сены.

Революция 1848–1849 гг.

Влияние этой революции было завуалировано огромным неурожаем 1847 г. и хорошим урожаем 1848–1849 гг. Тем не менее на приросте населения оно отразилось вполне определенно.

Прирост на 1 000 человек населения

Годы	Прирост населения
1846	4,1
1847	1,6
1848	2,9
1849	0,3
1850	6,3
1851	4,8
1852	4,3[26]

Революция 1789 и следующих годов

Точных данных о движении населения за годы великой революции нет. Но есть цифры, рисующие его до революции и в конце ее.

На 1 000 человек населения в конце царствования Людовика XVI приходилось 38–39 рождений, в 1800 г. – 33,1; браков – 8 и больше, в 1800 г. – 7,3; смертей – около 30, в 1800 – 27,8; в 1801 – 28,0; в 1802 – 31,9; в 1803 – 32,4[27].

Если брачность и смертность до и в конце революции мало изменились, то рождаемость снизилась. Исторические данные, приводимые И. Тэном, свидетельствуют о колоссальном росте смертности за годы революции и падении рождаемости – особенно в городах, бывших ареной революции.

Германская революция 1848–1849 гг.

По словам А. Эттингена, «эти годы характеризуются внезапным уменьшением прироста населения».

Коэффициенты последнего для Пруссии были таковы:

[26] Ibid., p. 6–11.
[27] Ibid., p. 6–11, vol. III, p. 509.

Годы	
1817–1828	1,7l
1828–1840	1,36
1840–1846	1,27
1846–1849	0,45

С 1850 г. снова наступает повышение[28].

Русская революция 1905–1906 гг.

Прирост на 1 000 человек населения

Годы	прирост
1903	18,1
1904	19,6
1906	13,1
1906	17,1
1907	18,7

На этих цифрах отразилось и влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. Но не только ее. Сказалась и революция 1905 г.

Относительно древних революций мы не располагаем статистическими данными. Зато о самых крупных из них, сопровождавшихся гражданскими войнами, мы имеем свидетельства современников, достаточно четко рисующие суть дела.

О колоссальной смертности в *египетской революции* свидетельство Ипувера было приведено выше. То же самое, как мы видели, имело место и в китайских революциях.

Выше были приведены свидетельства и о громадной смертности в Риме в эпоху длительных перманентных революций и смут конца периода республики. Историки и современники говорят нам и о падении рождаемости. «Прежде обильное рождение детей составляло гордость женщины, – читаем мы у Варрона, – теперь же, когда муж желает иметь детей, она отвечает: “Разве ты не знаешь, что сказал Энний: лучше трижды подвергнуться опасности в битве, чем однажды родить?”»[29]

Этим громадным падением рождаемости объясняются многочисленные попытки государственных властителей того времени стимулировать повышение рождаемости. Уже Гракх назначил вознаграждение тому, «у кого были законные дети». Цезарь отводит специальные земли тем, кто имел трех детей, лишает женщин моложе 46 лет, не имеющих детей, некоторых прав, дает ряд привилегий и преимуществ лицам, имеющим потомство. Известны, далее, Lex Julia, Lex Julia et Papia Poppea, Lex Julia de maritandis ordinibus[6*] и ряд других законов Августа,

[28] *Oettingen A*. Moralstatistik, S. 273–274.

[29] *Моммзен Т.* Цит. соч., т. III, с. 537–538.

направленные на повышение упавшей рождаемости. Войны и длительная череда непрерывных революций «обесплодили население»[30].

Сходное имело место и в Греции. Рост ее населения прекратился в конце III в. до Р.Х. Рождаемость резко снизилась. Началось обезлюдение, столь ярко нарисованное Полибием.

Это же время в истории Греции является эпохой острейших и кровавых революций, с небольшими перерывами длившихся в течение всего этого периода (революции Агиса IV, Клеомена III, Набиса, Килона и т.д.).

Внешние войны и внутренние революции и там, и здесь привели к одному и тому же результату.

Мы не знаем, повышалась или понижалась брачность в эти эпохи, но знаем, что брак стал менее прочным, разводы возросли, половая распущенность также, словом, было то же самое, что мы сейчас видим в России. Едва ли иным было естественное движение населения и при других крупных и длительных революциях, вовлекавших в борьбу обширные слои народных масс. О громадном росте смертности и падении рождаемости в эпоху жакерий, революции и междоусобных смут во Франции во второй половине XIV – начале XV в. свидетельства были приведены выше. То же самое приходится сказать о волнениях и о гражданской войне, связанной с религиозной революцией во Франции второй половины XVI в.

Результатом их было снова обезлюдение. «Les guerres de religiose ont été une periode de decadance… Les compagnes… se depeuplerènt»[7*]. «Население Франции, мало-помалу оправившееся от потерь Столетней войны[8*], снова уменьшилось». Из 1 500 семейств в Провансе в 1576 г. двадцать лет спустя осталось не более 500. То же было и в других городах[31].

Не иначе обстояло дело во время крестьянских войн и революций в Германии в XVI в., во время гуситской революции[32], во время русской революции XVII в. («могилы, как горы, везде возвышались», – пишет современник тех событий Авраамий Палицын[33]).

Едва ли иначе обстояло дело и при других глубоких и кровавых революциях. Только мирные общественные движения или мелкие революции, не сопровождаемые серьезной гражданской войной, могут не оказать очерченного влияния на движение населения. Революции же глубокие без этого не обходятся. Окончательный итог их один и тот же: замедление движения населения. Одни из них достигают этого одновременным падением рождаемости и повышением смертно-

[30] Подробности см. у Г. Ферреро, Т. Моммзена, О. Зеека, М.И. Ростовцева, Дюруи и др.

[31] *Levasseur P.E.* Histoire des classes ouvriéres de 1789 à 1870, vol. II, p. 55–56.

[32] «Народонаселение колоссально уменьшалось», и «революционные войны страшно ослабили нацию». Города обезлюдели, деревни также. От «нищеты и голода смертность была ужасающей» (*Denis E.* Op. cit., p. 255, 263, 328, 477–478).

[33] *Карамзин Н.М.* История государства Российского, т. XII, с. 78–80.

сти, другие могут не понижать значительно первую, зато неизбежно повышают вторую. Конечный результат один: обильное жертвоприношение человеческих жизней Царице Смерти.

§ 3. Революция как орудие «отрицательной селекции» и ухудшения биологически-расовых свойств народа

Революция изменяет состав населения не только количественно, но – что особенно важно – и качественно.

Современные войны, в отличие от древних, уничтожают «лучшую» часть населения и благоприятствуют выживанию и размножению его «худшей» части: менее здоровой, менее трудоспособной, менее талантливой, волевой и т.д.[34]

То же самое в еще большей степени может быть сказано о всякой революции, сопровождаемой гражданской войной и кровавыми схватками. Она представляет собой машину смерти, нарочито уничтожающую с обеих сторон самые здоровые и трудоспособные, самые выдающиеся, одаренные, волевые и умственно квалифицированные элементы населения. Процент их гибели в гражданских войнах гораздо выше, чем простых, рядовых элементов.

Здесь усилия обеих воюющих сторон направлены в первую очередь на то, чтобы уничтожать лидеров и выдающихся людей противного лагеря. Сначала одна сторона уничтожает лучшие элементы своих противников, потом другая; в итоге – страна лишается самых выдающихся лиц того и другого лагеря. Как и в обычной войне, борющиеся армии здесь составляются из лиц наиболее здоровых и трудоспособных (ибо слабые и больные не идут в армию), наиболее смелых, волевых, энергичных, наиболее стойких по своим убеждениям и моральным рефлексам, наконец, наиболее умственно развитых. «Серые люди», без воли и инициативы, равнодушные ко всему, кроме собственного благополучия, больные, малоразвитые, стараются обычно стать подальше от борьбы, не выдвигаются на видные места, не протестуют, остаются в тени, поэтому гибнут в меньшем размере. Процент гибели «лучших» гораздо больше, чем процент гибели «второстепенных».

---

[34] См. об этом мою статью «О влиянии войны на состав населения, его свойства и общественную организацию» (Экономист. 1922, № 1), а также: *Vaccaro M*. Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat. Paris,1 898; *Nowikow J*. Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives. Paris, 1896; *Nicolai G.F*. Die Biologie des Krieges. Zürich, 1919; *Jourdan D.S*. La moisson humaine // Revue internationale de sociologie. 1911. О влиянии последней войны в этом отношении см.: *Döring*. Великая война и естественное движение населения // Вестник статистики. 1920. № 5–8; *Darwin L*. On the statistical enquires needed after the war in connection with eugenics // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, March.

К тому же результату ведут революции и косвенно. Обнищание страны, голод и лишения, сопровождающие их, всего сильнее падают на «интеллигенцию» – класс людей, живущих умственным трудом. Плохо приспособленный к тяжелой физической работе и физическим лишениям, этот слой в таких условиях оказывается беспомощным. Спрос на его работу падает, вознаграждение – также.

Кроме того, нервная система intellectuels реагирует гораздо интенсивнее на «ужасы революционной борьбы», чем нервная система работников физического труда. Эти обстоятельства благоприятствуют усиленному вымиранию «интеллигенции», делают понятным более высокий процент их смертности по сравнению со смертностью умственно неквалифицированной массы, в особенности представителей мускульного труда.

Этому же результату содействует и политическая эмиграция в эпохи революций, часто удаляющая из страны элементы населения весьма ценные и выдающиеся. Остракизм в античном мире[9*], политическая эмиграция средневековых итальянских государств, выселение «еретиков» из Испании, гугенотов из Франции, политическая эмиграция последних веков, в том числе и вызванная революциями XVIII–XX вв., унесли немало первосортного человеческого материала из стран эмиграции. Если среди эмигрирующих бывают элементы отжившие, то не забудем, что среди них были и такие люди, как Фемистокл и Аристид, Платон и самая лучшая кровь Испании, Данте, Шатобриан, де Местр, Лафайет, Луи Блан, Мадзини и многие-многие другие. Можно по-разному оценивать их роль, но нельзя не признать их «незаурядности». То же самое можно сказать и обо всей массе политической эмиграции «белого» и «красного» лагеря. Общий уровень ее в общем и целом выше, чем уровень оставшейся массы. Потому-то она и эмигрирует или высылается из страны, что не желает примириться, что имеет волю, что опасна для победителя.

При таких условиях понятно, почему революция убивает «мозг, волю и совесть страны», почему она опустошает лучшие элементы населения с обеих борющихся сторон, почему она представляет собой орудие отрицательной селекции.

«Дайте лучших», – гласил римский принцип призыва солдат на службу. «Дайте лучших на смерть или на изгнание», – гласит и лозунг революции. Parcere subjectas et debellare superbos[10*] – эти слова в особенности применимы к революционной борьбе.

Но это еще не все... В лице «лучших» гибнут и лучшие «семена», носители лучших наследственных свойств народа. Эти последние не будут переданы потомству или будут переданы в меньшей мере. В последующих поколениях будут размножаться не семена погибших первосортных «сынов земли», а семена «второсортных людей». «Биологически наследственный фонд» народа от этого беднеет, ухудшается, деградирует. Ибо «каковы семена – такова и жатва». От вто-

росортных производителей нельзя ждать первосортного потомства. Революция в этом смысле похожа на огородника, вырывающего с гряды лучшие растения и оставляющего размножаться сорную траву – человеческий материал второго и третьего сорта.

Это тем более имеет значение, что главными действующими лицами в эпохи революций оказываются возрастные группы сравнительно молодые, далеко не исчерпавшие своей производительно-половой способности. Gowin показал, что средний возраст лидеров революционных и реформационных эпох редко превышает 40 лет[35].

«По векселям войны главные платежи приходится платить позже», – сказал Б. Франклин. Тем паче это применимо к кровавым революциям. Они опустошают не только лучшую кровь современников, но и общий «биологически-наследственный расовый фонд народа» – его будущие поколения. Они способствуют его качественной деградации и служат одним из факторов его декадентства. И тем сильнее, чем революционная борьба кровавее, ожесточеннее и богаче по числу жертв.

Ухудшая наследственно-расовые качества народа, они тем самым благоприятствуют ухудшению его творчества, замедлению прогресса, деградации всей его социальной организации. Ибо каковы люди – таково и общество. Из плохих по наследственным своим качествам людей никакие хорошие конституции не создадут совершенного общества. И наоборот, наследственно-одаренные люди сумеют создать удовлетворительное общество без всяких «идеальных деклараций и конституций».

Указанные следствия имеет всякая революция, сопровождаемая кровавой борьбой. Конечно, если жертвы последней невелики, эти эффекты будут незначительными. Если же революция длительна и кровава – она может иметь роковое значение для будущих судеб народа: она может стать той раной, которая ведет к могиле – к историческому закату революционной страны.

Наконец, к ухудшению биологических свойств народа революция ведет и тем, что она ослабляет здоровье и нервную систему выживших людей. Последние, будучи второсортным материалом, деградируют еще больше благодаря голоду, холоду, нищете, ненормальной и ужасной обстановке, эпидемиям и болезням – обычным спутникам кровавых революций.

В такой среде организмы выживших еще более ослабляются. Особенно это применимо к зачатым и рожденным в эпоху таких революций, с одной стороны, и к молодому поколению – с другой. Они платят своим здоровьем и деградацией за грехи отцов, за «завоевания революции», за все ее преступления и подвиги.

Подтвердим сказанное фактами.

---

[35] *Gowin B*. Correlation between Reformative Epochs and the Leadership of Young Men. 1909.

Русская революция

1. В то время как общая убыль населения за эти годы равна 13,6%, убыль мужских возрастных слоев от 15 до 60 лет, т.е. наиболее здоровой и трудоспособной части населения, равна 28%[36].

2. Погибли преимущественно мужчины, а не женщины. Вместо 996 женщин на 1 000 мужчин, как это было до войны, теперь приходится 1 250 женщин[37].

3. Более развитое и одаренное население европейской России, строившее Россию, потеряло 1/7 часть, население азиатской России – только 1/30[38].

4. С обеих сторон погибли преимущественно морально чистые элементы, лица с устойчивыми моральными рефлексами и сильным сознанием долга. Они не скрывали своих убеждений и не меняли их, как это делали люди беспринципные; они протестовали и боролись, шли на опасные места – и погибали. Вместе с тем в условиях зверской борьбы, лжи, мошенничества и цинизма они не крали, не мошенничали, не насильничали – и потому голодали, таяли биологически и… вымирали. Совсем иначе чувствовали себя лица морально-дефективные и циничные. В мутной воде революции они чувствовали себя великолепно: по мере надобности меняли убеждения, зверствовали, занимали видные посты и жили прекрасно. Поведение первого типа людей в условиях революции способствовало их вымиранию, поведение второго типа – выживанию. Процент гибели первых (с красной и белой стороны) был значительно выше процента гибели лиц аморальных.

5. Погибли преимущественно лица умственно квалифицированные. В обычной войне в армии процент гибели офицерства бывает выше, чем солдат. Это тем более имеет значение в гражданской войне. Почти все кадровое русское офицерство погибло еще в мировой войне. С начала революции процент гибели офицерства резко повысился. В первые же дни революции сотни и тысячи офицеров были убиты солдатами. Позже чуть не все офицерство легло костьми на полях гражданской войны. «Офицеров убивали, жгли, топили, разрывали, молотками пробивали головы»[39]. Офицерство же, начиная с «унтеров и фельдфебелей» – это «мозг армии», ее душа и культурная аристократия, это особенно относятся к русскому офицерству времен революции, вышедшему из народных, а не аристократических слоев. Возьмите далее лиц с университетским образованием. Если в Англии, по подсчетам Гальтона, их приходилось около 2 000 на каждый миллион населения, то в России их приходилось не более 500 на один миллион.

[36] Экономист. 1922, № 4–5 (статья А.Л. Рафаловича).

[37] См.: Статистический Ежегодник России за 1913 г., с. 60 и Ежегодники за 1918–1920 гг..

[38] Труды Центрального Статистического Управления. М., 1921, т. I, вып. 3.

[39] См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты, т. I, вып. II, с. 104.

Погибло же их не 8 000 на 16 миллионов (500×16) жертв революции, а во много раз больше: 20–30 тысяч – такова минимальная цифра гибели людей этого рода, т.е. их погибло в 3–4 раза больше, чем умственно не квалифицированных людей.

То же самое произошло и с народными учителями, процент гибели коих был гораздо выше, чем процент смертности населения.

Смертность профессуры за 1918–1922 гг. была в 6 раз выше смертности мирного времени и вдвое выше смертности остального населения Петрограда в 1918–1922 гг.

Выдающиеся же ученые, писатели, художники, эти уникумы нации, погибли в еще большем проценте. За годы 1917–1923 мы лишились громадного числа этих уникумов.

Умерли или убиты: академики Анучин, Шахматов, Тураев, Лаппо-Данилевский, Марков, Овсянико-Куликовский, Фаминцын, Арсеньев, Шимкевич, Иностранцев; крупнейшие ученые Палладин, Белелюбский, Туган-Барановский, Лопатин, Таганцев, Догель, Покровский, Хвостов, Е. Трубецкой, Введенский, Б. Кистяковский, Розин, Лазаревский; Л. Андреев, Блок и многие другие.

Смертность их была ужасающая. И без того бедная культурными силами Россия за годы революции стала нищей. «Мозг и совесть страны» вымерли и продолжают вымирать...

То же самое следует сказать и о людях с энергией и сильной волей, подобных генералу Корнилову, Духонину, Алексееву, митрополиту Вениамину, большевику Володарскому, эсэрам Гоцу, Тимофееву и другим.

Почти все сколько-нибудь сильное и волевое, осмеливавшееся поднимать борьбу против большевиков, истреблено ими. Та же судьба ждет и выдающихся большевиков после их падения. Élites с той и другой стороны истребляются ad majorem gloriam[11*] революции и контрреволюции.

Наконец, в силу специфических условий революции остающиеся в живых élites страшно быстро изнашиваются и сгорают в напряженно-лихорадочной работе (Ленин – пример) или косвенно убиваются в тюрьмах, ссылках и в убийственной атмосфере террора, насилия и голода.

Учтите все это, прибавьте к этому эмиграцию, и тогда вы поймете, что лучшая кровь нации, ее мозг и совесть погибли или выброшены за пределы России. Революция требует огромных жертв и производит убийственную антиевгеническую селекцию.

Учтите теперь влияние этого урона в связи с наследственностью, потерю лучших «семян» в лице погибших, и тогда ясна будет огромная величина этой жертвы.

Но мало того. Революция сильнейшим образом способствовала и деградации выживших, особенно молодого поколения.

Эта деградация заметна уже сейчас и проявляется в целом ряде симптомов. Во-первых, значительно уменьшился вес новорожденных. Исследования профессоров Личкуса и Валицкого показали, что вес новорожденных в 1918–1921 гг. значительно ниже веса новорожденных мирного времени.

Во-вторых, возрос процент мертворожденных[40].

В-третьих, снизилась жизнеспособность новорожденных: процент их смертности в первые дни после рождении возрос по сравнению с мирным временем.

В-четвертых, рост молодого поколения задержан и уменьшен (влияние отсутствия витаминов роста). 2 000 исследованных институтом Лесгафта детей Петрограда дают следующие цифры. Они, кстати говоря, указывают на весь ужас «детских домов», устроенных коммунистами, ибо показатели «интернов», т.е. детей, живущих в этих «домах», «колониях» и «приютах», хуже показателей «экстернов», т.е. детей, живущих у родителей.

Дети 1921–1922 гг.		Дети Петрограда мирного времени		
Возраст	Интерны	Экстерны	Приют принца Ольденбургского	Данные д-ра Боровского, исследовавшего детей беднейших слоев Петрограда в мирное время
7	105,9	112,0	–	118,0
8	112,8	115,8	–	118,5
9	117,4	122,5	–	122,9
10	121,8	126,6	132,0	126,8
11	126,0	129,5	133,4	130,4
12	131,8	134,5	138,2[41]	132,1

Сходная картина наблюдается и во всей России. Это понижение воочию видно на Красной армии. Рост ее солдат ниже роста солдат довоенного времени.

Исследование тех же 2 000 детей показало ряд других дефектов в их организме: в строении костяка, в объеме грудной клетки, в лимфатическом аппарате и т.д.

Из исследованных в Москве в 1923 г. Московским здравотделом 2 120 школьников, лишь 1 000 оказались здоровыми, 637 имели болезни внутренних органов, 286 – туберкулез, 442 – неправильное телосложение, 123 – болезни кожи, 134 – болезни глаз, 50 – болезни уха, 1 – сифилис[42]. Ужасы революции, голод, холод и лишения наложили свою трагическую печать на организм молодого поколения, на зачатых и рожденных в грехе революции.

[40] См.: Врачебное дело, 1 февраля 1921 г. (статья Личкуса и Валицкого).

[41] *Вяземский Н.В.* Изменения организма в период формирования (возрасты от 10 до 20 лет). СПб., 1901, т. 1, с. 66.

[42] Известия, 21 августа 1923 г.

В-пятых, половая разнузданность и гражданская война колоссально повысили процент венерических заболеваний и сифилиса среди населения. По самым уменьшенным расчетам процент их повысился в 6–7 раз по сравнению с мирным временем. По более вероятному подсчету повышение еще значительнее. Около 3–5% детей рождаются наследственными сифилитиками, в населении им заражено от 10 до 20%. Есть места, где процент сифилитиков и венериков достигает 50–60% всего населения. На Харьковском съезде работников здравоохранения 16 февраля 1923 г. было констатировано, что «во всех губерниях Украины наблюдаются массовые заболевания сифилисом. В Волчанском уезде две волости сплошь заражены этой болезнью. В Купянском уезде в двух волостях сифилитики составляют 60% населения»[43]. А на происходившем в мае 1923 г. съезде венерологов были констатированы особенно сильное распространение сифилиса и гонореи среди детей до 15 лет и рост их в Красной армии даже по сравнению с 1920 г. (доклады д-ров Тапельсона и Федоровского).

То же самое следует сказать и о туберкулезе. Процент туберкулезных также повысился колоссально. Сейчас от него умирают больше, чем от холеры и тифа[44].

Огромный процент населения переболел тифом. По данным профессора Тарасевича, одним сыпным тифом в 1919–1920 гг. переболело не менее 20% населения[45].

Прибавьте к этому тиф брюшной, возвратный, пятнистый. Все они продолжают бешено носиться по России. Присоедините сюда холеру, испанку, цингу, сонную болезнь, дизентерию, малярию, всевозможные формы простудных заболеваний, ураганом проносившихся по стране[46], и десятки других болезней, и тогда вы поймете, что не только 7, а 77 казней египетских обрушилось на население России.

Наконец, резко возросла душевная заболеваемость населения от кошмаров революции, голода и других ее «спутников». Психические же расстройства, особенно в голодных районах, приняли массовый характер[47].

---

[43] Дни, № 193; Руль, № 777.

[44] См.: Дни, № 103. Например, среди смоленских металлистов процент туберкулезных оказался равным 41%, среди печатников – 43%, среди рабочих химического производства – 50% и т.д. Такие цифры были неизвестны раньше России (московская газета «Труд»; цитирую по газетам «Дни», № 185 и «Руль», № 768).

[45] *Тарасевич Л.* Эпидемии последних лет в России // Общественный врач, № 1, с. 48.

[46] См.: Врачебное дело, 1922 (статья проф. Данилевского).

[47] См.: *Горовой-Шалтан В.А.* К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922, № 2, с. 34; *Осипов В.П.* О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде // Известия Комиссариата здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны. 1919, № 7–12. См. также: Известия, 12 февраля 1922 г.; Петроградская Правда, 10 марта 1922; Красная Газета, 31 января 1922 г. и др.

Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы признать доказанными все предыдущие положения применительно к русской революции. Она произвела ужасающее – количественное и качественное – опустошение и ухудшение населения России. Она заложила основы последующей его дегенерации.

В свете этих данных многое уясняется и в прошлой истории. Влияние других революций в силу тех же причин сходно с очерченным. Разница между ними лишь в величине урона, но не в сущности. «Умалились люди», – читаем у старца Онху и Ипувера, современников египетской революции. «Нигде, нигде не стало египтян». «Все гибнет». «Народ уязвлен и растлен в самом своем корне». «Народ стал подобен надломленной трости»[48]. В этих фразах современников отмечается та же черта революционного отбора «шиворот-навыворот». Отмечается и деградация выживших. Из-за голода и других бедствий люди так деградировали, что «нельзя отличить живых от мертвых. Люди бродят по земле, как сонная рыба». Робкие «ничего не различают на земле», другие сами кидаются в пасть крокодилам, «уже пресыщенным добычей». Великий и малый говорят: «Мне хотелось бы умереть». Народ – «точно скошенный лен». Голод, чума, взаимная резня убивают и ослабляют население[49].

Влияние римских революций конца республики достаточно известно. Они качественно опустошили Рим едва ли не больше, чем Пунические войны[12*]. Восстание италиков-крестьян «по количеству жертв может идти в сравнение только с Пуническими войнами, и кончилось оно после того, как наиболее энергичные, сознательные и культурные италики погибли почти все». Гражданские междоусобицы во времена Гракхов, гражданские войны Суллы и Мария, первого и второго триумвиратов опустошили остатки «лучших» потомков тех, кто строил Рим. В этих схватках погибли прежде всего сами élites: Гракхи, Спартак, Л. Друз, Катилила, Помпей, Марк Антоний, Цезарь, Меммий, Цицерон, Серторий и т.д. Кроме них погибла почти вся лучшая кровь нации. «Сулла и солдаты взяли Рим и покончили с главарями противников». С победой Мария «начались массовые преследования и избиения (противников) и в связи с этим – море гнусности и предательства». «Немедленно, – говорит современник тех событий Аппиан, – во все стороны бросились сыщики для истребления и розыска сенаторов и всадников; их истребляли без конца». За новой победой Суллы последовали новые гекатомбы. Под одним Римом «легли костьми десятки тысяч лучших сынов Италии». Следующий эпизод характеризует хладнокровность истребления. Во время заседания Сената 3 ноября 82 года стали доноситься стоны убиваемых. Сенаторы смутились. Сулла, не прерывая речи, спокойно заметил: «Hoc agannus,

[48] *Викентьев В.* Цит. соч., с. 283, 290, 294, 300; *Тураев Б.А.* Древний Египет. Пг., 1922, с. 60–61.

[49] *Викентьев В.* Цит. соч., с. 295.

p. c., seditiosi panculi meo iussu occidentur» [Будем продолжать, сенаторы, там по моему приказу избивают небольшое количество мятежников], а было их только... 8 000. То же самое повторялось и в борьбе первого и второго триумвиратов. «В эпоху Цезаря существовало не более 15–16 патрицианских родов». За патрициями угасли роды нобилей, всадников и римских правящих семейств. Кровь и раса древних римлян погибла. Место ее заняли вольноотпущенники, рабы, варвары и «развращенные люди всех национальностей». В итоге «все лучшее, самостоятельное, инициативное, гордое своим великим прошлым было уничтожено, частью бесконечно унижено», частью эмигрировало. Лучший биологический фонд народа был уничтожен, а потому… «творческая Италия… начала увядать и никнуть». Новые люди (из рабов и варваров) не способны были возродить жизнь страны[50]. Начался закат Рима. Два века он еще агонизировал, но с третьего века звезда Рима стала меркнуть и привела к гибели.

Аналогичное явление имело место и в *греческих революциях*. В революциях VI и V веков до Р.Х. «повсюду тираны вместе с насилием проводили одну и ту же политику: их правилом было уничтожение выдающихся голов». С падением тиранов – гибли они сами и их выдающиеся сторонники[51].

То же самое повторялось в революциях 427, 412, 370 гг. и позже, в I и II вв. до Р.Х. «Все выделявшиеся из массы умерщвлялись»[52]. «Множество выдающихся граждан убивается или отправляется в ссылку»[53].

Итог тот же: обеднение и ухудшение биологического фонда Греции, деградация, а вместе с ней – и начало заката. И здесь в борьбе гибли первостепенные élites (Поликрат, Гиппий, Гиппарх, Эфиальт, Клеон, Алкивиад, Сократ и другие, множество других высылалось из страны), с одной стороны, с другой – «лучшие из нации».

Сходное повторялось при позднейших революциях как в Европе, так и в других странах. Одной из причин быстрого увядания свежих арабских народов и халифатов, выступивших столь блестяще на сцену под знаменем ислама,

[50] *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи, с. 28, 17–19, 41–42. «Со времени Ганнибала прошло немногим более столетия. Кровь должна была броситься в лицо всякого честного римлянина, если бы он вгляделся в страшно быстрый упадок нации. Большинство граждан никуда не годилось» (*Моммзен Т.* Цит. соч., т. III, с. 422–423, 463–464,75–76). «Вольноотпущенники и варвары, продвигаясь к богатству и высоким постам, не имели ни желания, ни способностей сохранить высокую классическую культуру. Таким образом угасла одна из самых блестящих цивилизаций» (*Fahlbeck P.* La décadance et la chute des peuples // Bulletin de l'lnstitut International de statistique, vol. XV, livre 2, p. 370). См.: *Феррero Г.* Величие и падение Рима. М., 1916, т. I–III; *Seeck O.* Geschichte des Unterganges der antiken Welt; *Васильев Н.* Вопрос о падении Западной Римской империи. Казань, 1921.

[51] *Fustel de Coulanges N.D.* La cité antique. Paris, 1905, p. 324.

[52] *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма, с. 479–480.

[53] *Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten. Gotha. 1899, 2 Teil, S. 563–564.

были непрерывные внешние войны и внутренние революции, в течение 2–3 веков истощившие население и его лучшую часть[54].

Не иной результат имели кровавые революции итальянских республик средневековья, потери коих отчасти компенсировались притоком «свежей крови» множества новых народов, непрерывно приливавших в Италию. К тому же результату привели многочисленные жакерии и революции во Франции в XIV–XV вв. В итоге произошло колоссальное падение, обнищание и одичание Франции в XVI в.[55]

Чрезвычайно поучительна с этой точки зрения и *чешская гуситская революция* и последовавшие за ней войны. На протяжении нескольких лет гражданской резни и войн выдающиеся лидеры католиков, таборитов и утраквистов (Микулаш Желивский, Ян из Садло, Ян Гус, Ян Жижка, Прокоп-Большой и Прокоп-Малый и др.), непобедимые, грозные «воины Божьи» Яна Жижки и Прокопа погибли; первосортный материал был истреблен, осталась «слякоть». Гибель чешского государства после поражения при Белой Горе[14*] была подготовлена и стала неизбежной[56].

Тот же отбор «шиворот-навыворот», хотя и не в очень большом масштабе, имел место и в *английской революции XVII в*. Не говоря уже об Ирландии, население которой было опустошено качественно и количественно, среди самих англичан и шотландцев за годы революции гибель выдающихся лиц среди роялистов и их противников была весьма значительной. Можно по-разному оценивать таких лиц, как Страффорд, Лод, Монтроз, Кэпль, Гамильтон, Локкьер, Дерби и другие, с одной стороны, и таких, как Гемпден, Блейк и сам Кромвель, быстро сгоревшие в революции, – с другой, можно порицать или хвалить наиболее выдающихся республиканцев и роялистов, но что они были незаурядными фигурами и что большинство их погибло – это не подлежит сомнению.

О *французской революции 1789 г.* говорить не приходится. В течение 10–15 лет погибли почти все выдающиеся роялисты, жирондисты, якобинцы. Мирабо, Кондорсе, Бриссо, Гюадэ, Дантон, Марат, Робеспьер, Демулен, Лавуазье, Бабеф,

---

[54] См.: *Мюллер А*. История Ислама от основания до позднейшего времени. СПб., 1895, т. I–IV.

[55] Сжатую характеристику см.: *Levasseur P.E*. Histoire des classes ouvriéres de 1789 à 1870, vol. I, p. 515–516: «Les gens de métier epuises et appauvris par la lutte, étaient rentrés dans le silence»[13*]. То же самое случилось и с крестьянством.

[56] Уже в битве при Вышеграде погибли почти все потомки древних знаменитых и выдающихся родов. В позднейших гражданских войнах «аристократия рождения, богатства и таланта была истреблена или изгнана». При последней битве при Липанах погибли остальные 16 000 «воинов Божьих». «Чехия победила Чехию». Но ценой полного истощения Чехии. Окончательная гибель Чехии произошла позже, после Белой Горы, «но это время было подготовлено и объясняется потерями революционной эпохи» (*Denis E*. Op. cit., p. 265, 263, 328, 347–348,431–434, 437, 478).

Шенье, Эбер и другие – все они съели друг друга. Второстепенные же роялисты, якобинцы и умеренные сохранились. В терроре и в революционных войнах погибла лучшая кровь нации. Революция убила главным образом мужчин[57].

Революция и ее войны унесли главным образом: 1) трудоспособные слои населения в возрасте 20–28 лет и 2) наиболее волевые и незаурядные элементы.

В течение 10–16 лет нация была истощена. На месте грозных солдат резолюции ввиду их отвлечения на фронт стал плодиться второстепенный материал. Ватерлоо[15*] подвело итог этому отбору: с потомками второстепенного материала, рожденными в ужасе и голоде революции, гениальный полководец не мог победить, Налицо здесь то же развитие сифилиса и венерических болезней, деградация выживавших от голода, эпидемий и других революционных условий.

Известно далее, что после революционных и наполеоновских войн рост французских новобранцев между 1816 и 1836 гг. значительно снизился (данные Lagneau, Boudin'a, Виллерме, Фуассака и Брока), с другой стороны – увеличился процент бракуемых новобранцев, обладавших недоразвитием и «телесными недостатками всякого рода».

Например, в 1831–1835 гг. из 10 000 молодых людей негодными по росту были 875, в 1856–1860 – 613. Из 10 000 в 1831–1836 гг. были годные лишь 6 357, в 1856–1860 – 6 705. Эти новобранцы родились в последние годы империи. Сходное замечается и раньше среди новобранцев, родившихся во вторую половину революции[58].

Именно с этих лет революции начинается «деградация» французского населения (снижение роста, плодовитости и т.д.). То же самое mutatis mutandis[16*] может быть сказано о революциях 1830, 1848 и 1870 гг. Их опустошения были не столь обширны, но в том же направлении. Среди убитых и сосланных лиц того и другого лагеря было немало выдающихся по ряду качеств лиц. Все же население революциями было ослаблено и деградировано в той или иной мере. Потомство, рожденное в Париже в 1871–1872 гг., было столь дефектно, что получило даже специальное название «дети осады и революции (les enfantes de siege et de la Revolution)».

Процент мертворожденных в Париже также повысился. На 10 000 новорожденных их было в департаменте Сены:

1867–1868 гг.	–	698
1869–1870	–	760
1871–1872	–	766
1873–1874	–	694[59]

[57] См. наблюдения лорда Malmesbury и других современников, дневники которых цитирует И. Тэн (Цит. соч., т. VIII).

[58] *Boudin.* De l'accroi element de la taille et des conditions d'aptitude militaire // Memoire de la Societé d'antropologie. 1 serie, vol. II, 7 mai, 1863; *Villermé L.* Memoire sur la taille del'homme en France // Annales d'hygiene publique et medicine légale.1-er serie. Paris, 1829, vol. 1.

[59] *Oettingen A.* Op. cit., S. 703.

Рост сифилиса и половых заболеваний также имел место. 1848–1849 годы дают максимальные цифры сифилитиков во Франции в течение 1845–1854 годов.

Среди filles insoumises[17*]

Годы	Одна сифилитичка приходилась на
1847	6,6
1848	6,6

Одна сифилитичка на

Годы	В пригородах	В Париже	Среди filles isolées[18*]
1847	57 девушек	154	351
1848	37 девушек	125	181[60]

Один русский писатель (Шульгин) назвал войну и революцию явлениями «вшивыми». Из всего вышесказанного мы видим, что революция – явление алкогольное, сексуально распутное, тифоидно-холерное и убийственное. Теперь мы видим, что сверх того она явление сифилитичное.

Констатировано и повышение душевной заболеваемости. В этом отношении 1830–1831, 1848–1849 и 1872–1873 гг. дают резкое повышение случаев Paralyse; «ни в каком году не оказывается такого роста их, как в 1830–1831 (прирост с 9 до 14%), в 1848–1849 (подъем с 27 до 34%) и в 1872–1876 гг. вследствие событий 1870–1871 гг. (подъем на 37%)[61]».

Приведенные данные свидетельствуют о том, что влияние русской революции типично. Она особенно ярко выявила эти явления отрицательной селекции, деградации населения и ухудшения наследственного биологического фонда страны, которые присущи всякой кровавой революции. Разница их в этом отношении лишь количественная, а не качественная. Чем глубже, длительнее и кровавее революция, тем ее опустошающее влияние проявляется резче. Да иначе и быть не может, ибо сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия.

История повторяется.

Практический вывод из сказанного таков: кто хочет вымирания своего народа, падения рождаемости, ухудшения расового фонда своей нации, гибели его лучших элементов, деградации выживших, чумы, холеры, тифа, сифилиса, душевных расстройств, словом, кто хочет способствовать дегенерации своей нации, тот может и должен подготовлять насильственную революцию, углублять и расширять ее. Такой способ – один из лучших для достижения указанных эффектов. Кто их не хочет, тот может стоять лишь на пути реформ, а не кровавых революций.

Caveant consules![19*]

---

60 Ibid., S. 698.

61 Ibid., S. 681.

Очерк третий

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО АГРЕГАТА В ПЕРИОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. Общие положения, касающиеся структуры социального агрегата

Население любого социального агрегата распадается не прямо на индивидов, а на целый ряд групп – религиозных, семейных, объемно-правовых и т.д., – являющихся как бы посредниками между социальным агрегатом и индивидом[1]. Они представляют собою как бы ткани и органы, из совокупности которых состоит социальный агрегат.

Оборотной стороной этого расслоения социального агрегата на группы, или слои, служит факт принадлежности индивида не к одной, а ко многим группам, друг с другом не совпадающим и друг друга не покрывающим. Совокупность тех групп, к которым индивид принадлежит, и место, которое он в каждой из них занимает, можно назвать «системой социальных координат», определяющих его положение в «социальном пространстве», его социальный вес, социальную физиономию и характер поведения.

Состав членов каждой из этих групп, или слоев агрегата, не один и тот же, а с течением времени меняется. Одни индивиды выбывают из состава членов данной группы и переходят в другую (из одной партии, семьи, религии, имущественного слоя, профессии и т.д. – в другую партию, семью, церковь, профессию). На место выбывших членов группы прибывают новые. Это значит, что в любом агрегате происходит циркуляция индивидов из группы в группу, перемещение их в системе социальных координат, изменение состава членов каждой «ткани», или «органа» социального агрегата.

Каждая из групп похожа на пруд, в который вливается ручей, приносящий свежих членов из других прудов, и из которого вытекает ручей, уносящий быв-

[1] В интересах краткости проблема структуры социального агрегата здесь очерчивается в самых общих и не совсем точных чертах. В тех же целях я вынужден временами пользоваться такими терминами, как «организм», «орган» и т.п. Подробный анализ строения социального агрегата и всех проблем, связанных с ним, читатель найдет во втором томе моей «Системы социологии».

ших членов в другие группы; а все группы, вместе взятые, составляют то, что можно назвать общей структурой социального агрегата.

Так как при такой циркуляции далеко не всегда число членов, выбывших из данной группы или слоя, равно числу членов, вновь вошедших туда, то следствием этого является колебание объемов (числа членов) таких групп, или слоев агрегата. Объем тех из них, куда в данный момент вливается большое число индивидов, увеличивается и разбухает, объем других, откуда индивиды усиленно уходят, уменьшается и съеживается. Иногда дело доходит до того, что из данной группы (например, партии) уходят все ее члены, вследствие этого группа совсем исчезнет, объем ее падает до нуля. Иногда бывает так, что некоторые индивиды, ушедшие из тех или иных групп, не вливаются в существующие, а образуют новую группу, не имевшую места раньше (например, новую партию).

Следует, однако, сказать, что в нормальных условиях все эти процессы совершаются организованно, по определенной системе, без резких скачков и катаклизмов. И циркуляция индивидов, и колебание объемов групп совершаются постепенно и сравнительно медленно, хотя и с разной скоростью в разных агрегатах.

Это происходит потому, что в каждом агрегате имеется сложный механизм, регулирующий перемещение индивидов в «социальном пространстве», их размещение по разным группам или разным слоям одной и той же группы, их «отбор» и «подбор» для той или иной группы, а тем самым регулирующий и процессы колебания объемов последних (см. ниже).

Благодаря наличию и функционированию такого «механизма размещения», очерченные процессы перемещения индивидов и колебания объемов групп в нормальное время совершаются ровно, постепенно и без резких скачков. Они, как правило, не уничтожают упругости, постоянства, устойчивости и четкости структуры социального агрегата. Как процессы кровообращения и обмена веществ нормального организма не уничтожают однообразия и постоянства его морфологического строения и формы, так и процессы нормальной циркуляции индивидов и нормального колебания объемов разных групп агрегата не мешают ему сохранять один и тот же «морфологический тип», одну и ту же структуру, один и тот же социально-архитектурный стиль.

Эти вводные замечания были необходимы, чтобы понять характер тех изменений в структуре социального агрегата, которым он подвергается в периоды революций.

Перейдем к ним.

§ 2. Деформация структуры агрегатов в периоды революций

Революция означает не только деформацию поведения индивидов и изменение состава населения, но и резкую трансформацию структуры социального агрегата в указанном значении этого слова.

Спрашивается: 1) чем же характеризуется революционная деформация структуры агрегата? 2) чем отличаются процессы колебания объемов групп, изменения их состава и циркуляция в революционный период от этих процессов в нормальное время?

Начнем с первого вопроса как введения ко второму. Выше я подчеркнул, что в нормальном состоянии структура агрегата, несмотря на эти процессы, постоянна, устойчива и сохраняет свою форму. Равным образом устойчиво функционирует и механизм, регулирующий размещение и отбор индивидов для той или иной группы и их циркуляцию. Совершенно другую картину мы видим в первый период революции. Подобно расслабленному или парализованному и разлагающемуся организму, структура социального агрегата вдруг становится расслабленной, бесформенной и разваливающейся. Наступает «муть». Линии социального расслоения вдруг стираются, механизм, регулировавший циркуляцию и перегруппировки, парализуется. Он перестает действовать. А поэтому вся циркуляция принимает «анархический» характер. Тормозов нет, а потому индивиды потоком революции срываются с мест и несутся «куда глаза глядят», без плана, без системы, вне обычных «кровеносных и лимфатических» путей. Перед нами разбросанный муравейник: без стиля, формы и порядка, разлагающийся труп, с беспорядочно кишащими клетками, кочующими из органа в орган, просверливающими ткани и вместе с этим уничтожающими обычное строение социального организма…

Второй период революции – период воссоздания новой структуры агрегата. «Муть» мало-помалу проходит. Намечаются контуры расслоения на группы. Возрождается механизм отбора и циркуляции, придающий им определенную систему, порядок и устанавливающий тормоза. К концу этого периода воссоздание в основных чертах завершается. Перед нами – агрегат, снова имеющий форму, тип и упругость. Вопреки распространенному мнению, не следует думать, что новая структура радикально отличается от «старого режима». Напротив, она очень похожа на старую: различны только жильцы в разных комнатах этого по существу старого здания; новы вывески, да кое-какие переделки, и только…

Такова в общих чертах суть деформации социальной структуры в период революции.

Теперь перейдем к ответу на второй вопрос, который сделает вполне ясным только что сказанное.

Отличие революционного периода от нормального времени в этой области заключается в следующем.

1. Процессы изменения состава членов групп и циркуляции индивидов в первый период революции совершаются гораздо быстрее и захватывают огромное количество лиц.

2. Амплитуда колебания объемов групп здесь гораздо шире и резче.

3. Процессы образования новых сложных групп идут с гораздо большей скоростью.

4. Отличен механизм, регулирующий отбор, размещение в группы и циркуляцию индивидов, а потому иные результаты получаются в итоге его действий в области размещения индивидов в «системе социальных координат».

5. Во второй период революции мы замечаем «возврат к старому», выражающийся: а) в обратной циркуляции и тенденции к возвращению перемещенных индивидов в дореволюционное положение, б) в уменьшении амплитуды колебания объемов групп, в) в восстановлении старого механизма отбора и размещения индивидов, г) в приближении структуры агрегата к дореволюционному типу (хотя и не совпадая с ним полностью).

6. Если верно, что положение индивида в системе социальных координат определяет его социальную физиономию, его «душу» и поведение, то усиленное перемещение индивидов в социальном пространстве должно сопровождаться и усиленной «перегруппировкой душ». Члены агрегата, меняя места в системе социальных координат, должны соответственно менять и свои «души», свое поведение.

Перейдем к комментированию этих положений.

§ 3. Изменение состава групп, скорость, массовость и характер циркуляции

Скорость изменения состава групп можно измерять скоростью социального перемещения индивидов и количеством перемещенных лиц. Скорость перемещения, или циркуляции, можно измерять длиной «социального пространства», пройденного индивидом в определенное время. В тех группировках, где существует последовательность ступеней прохождения «снизу наверх» (например, от низшего чина до высшего, от писца до министра, от бедняка до миллиардера), пройденное социальное пространство или скорость циркуляции может измеряться количеством ступеней, на которые индивид поднялся (при восхождении) или спустился (при движении вниз) за такой-то период времени. В других группировках, где такой «табели о рангах» (или градаций) нет, скорость циркуляции может быть измеряема количеством переходов (включений и выключений) ин-

дивида из группы в группу (из одной партии в другую, из одной семьи в другую, из одной религии в другие и т.д.).

Массовость циркуляции, или количество перемещенных лиц, может быть измеряема количеством лиц, сдвинутых со своих мест или переменивших свое положение в системе социальных координат. Измеряемая таким образом скорость и массовость «циркуляции» революционного периода несравненно больше скорости и массовости нереволюционного времени в том же агрегате. А потому изменение состава групп социального агрегата во время революции происходит гораздо быстрее и интенсивнее.

Перейдем к доказательству этих положений на примерах изменения состава ряда групп.

Начнем с изменения состава и циркуляций в области профессиональной, объемно-правовой (управляющих и управляемых) и имущественной группировок.

Во всех этих группировках процессы изменения состава и циркуляции индивидов от одной профессии к другой, от одного слоя в объемно-правовой и имущественной пирамиде к другому в первый период революции делаются более быстрыми и массовыми[2]. Индивиды как бы моментально взлетают из низов имущественной или объемно-правовой пирамиды на верхи, перескакивая сразу ряд ступеней, и наоборот – падают сверху вниз с той же катастрофической быстротой и внезапностью. То же самое наблюдается и в перемене профессий: за год-два индивид меняет несколько профессий самих разных и даже противоположных. В нормальное время во всех этих переменах, подъемах и падениях есть постепенность: индивид исподволь из бедняка становится богатым, из мелкого чиновника – чиновником более высокого ранга, не столь быстро и резко меняет профессии. Кроме стран с сильной циркуляцией вроде США, значительные изменения во всех этих отношениях в большинстве агрегатов совершаются только в течение нескольких поколений[3].

---

[2] Для сравнения всегда следует брать один и тот же агрегат в нормальный и революционный период, а не разные агрегаты.

[3] См. об этом: *Сорокин П.А.* Система социологии, т. 2, гл. V. О. Аммон доказал для Карлсруэ, что из сельских пришельцев в первом поколении лишь 14% входит в средний класс и 4% в состав чиновников; во втором поколении уже 49% их сыновей входит в средний класс, а в состав чиновничества – 10%, в третьем поколении последняя цифра повышается уже до 25% (*Ammon O.* Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. Jena, 1895, S. 143–144). С другой стороны, P. Mombert, исследовав 1 653 человека, допущенных к Badischen juristischen Prufung, являвшихся кандидатами на занятие высших государственных и общественных постов, и 6 373 Lehrerseminaristen[1*], ясно показал ту же постепенность подъема снизу вверх (см.: *Mombert P.* Zur Frage der Klassenbildung // Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaften. Heft 3).

«Теоретически, – говорит Г. Майр, – человек представляется вполне свободным в выборе своей профессии, тем не менее сын земледельца обыкновенно становится земледельцем же, сын промышленника – промышленником» (*Майр Г.* Закономерность общественной жизни. М., 1899, с. 132). К аналогичному выводу приходит и F. Chessa в своей монографии «La transmissione ereditaria della professioni» (Torino, 1912). Соответствующий материал см. во втором томе моей «Системы социологии».

Во времена революций картина иная. Невозможное в нормальное время становится возможным.

Перейдем к проверке этих положений.

Начнем с *русской революции.*

Представление обо всем сказанном дают следующие факты. С помощью моих учеников я в 1921–1922 гг. произвел анкетное исследование социальной циркуляции в Петрограде за годы революции. Обследованию было подвергнуто 1 113 человек. Основные итоги таковы. Каждый из 1113 человек с 1917 по 1921 г. переменил свою основную профессию один или много раз. Подсчитав число всех перемен профессии всех этих лиц и разделив полученную цифру на 1 113, я получил число 5, указывающее среднее число перемен профессий за 3,5 года. Не только для Петрограда, но даже для Америки такой коэффициент профессиональной циркуляции и изменения состава профессиональных групп высок. Сходное обнаружилось и в области объемно-правового и имущественного положения этих лиц. Все оказались сдвинутыми со своих старых позиций. Большинство обеднело, небольшая часть стала сравнительно более богатой. «Социальный ранг» их также изменялся, и очень резко. Представление об этой резкости и скорости изменений дают хотя бы две анкеты. Сенатор и товарищ министра до революции за 3,5 года прошел следующие профессионально-имущественно-объемно-правовые позиции: голодающий огородник, арестант, заключенный в лагерь, торговец порошками от тараканов, конторщик в кооперативной лавке, переписчик на машинке в Академии наук, преподаватель в агрономической школе, член правления сельскохозяйственного общества, фотограф.

Семнадцатилетний деревенский парень, каким он был до революции, с 1917 по 1921 г. был: красноармейцем, рабочим на заводе, партийным агитатором, арестованным и приговоренным к смерти (белыми), членом заводского комитета, заведующим финансами в уездном городе, красным офицером, студентом, членом Губ. Комитета РКП, председателем губернской ЧК, членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, красным прокурором.

Быть может, другие лица имели не столь много перемен, как эти двое, однако все они имели их больше, чем в нормальное время. Именно во время революций

Судьба играет человеком....
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну…[2*]

Такова картина революционной циркуляции при микроскопическом анализе. Это малая капля того, что в громадном масштабе совершалось со всем населением России. Суть дела вкратце сводится к следующему.

С начала революции, в особенности после октябрьского большевистского переворота, произошел профессиональный, имущественный и объемно-право-

вой катаклизм. 27 февраля и в первые дни марта 1917 г. все бывшие властители царского периода вплоть до полицейских и первенствующее сословие в виде дворянства были сброшены с верхов объемно-правовой пирамиды, из управителей стали полуправными и бесправными илотами. На их место поднялись частью представители средних классов и торгово-промышленного слоя, частью – из низов пирамиды – представители рабочих и крестьян, частью – из обделенных народностей России – евреев, латышей и др. (Временное правительство и первый Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). Состав командующего класса – социально и этнографически – стал совершенно новым. К концу октября произошел новый взрыв, сбросивший новый командующий класс «на низы», окончательно похоронивший дворянство и поднявший новый пласт рабочих, солдат, люмпен-пролетариев и деревенскую бедноту на верхи – с одной стороны, с другой – еврейские элементы, латышей и авантюристов всех стран (Раковский, Варга, Садуль, Радек, Ротштейн и др.), в огромной пропорции заполнивших «командующие слои». «Кто был ничем, тот стал всем», и наоборот: новыми «дворянами» стали коммунисты, беднота и подонки общества, выступившие заодно с ними.

То же самое произошло и в области имущественной группировки. Благодаря «национализациям» и «коммунизациям» почти все богачи стали бедняками, а часть бедняков – богачами. Наряду с этим процессом перемещения произошло общее обеднение и уменьшение имущественной дифференциации.

Сходный катаклизм произошел и в области профессионального расслоения. Множество представителей мускульного труда – рабочие и крестьяне – хлынули в область профессий умственного труда в качестве комиссаров, правителей, пропагандистов, управляющих фабриками и заводами и т.д.; и наоборот, интеллигенция, учителя, профессора, студенты, организаторы, руководители предприятий (предприниматели, директора, инженеры и т.д.) и бывшие властители – были вынуждены заниматься физическим трудом: стали рабочими на фабриках, сторожами, землеробами, дроворубами, портовыми грузчиками, вокзальными носильщиками, служащими в столовых, кооперативах, огородниками и т.д. Те и другие, по словам Зиновьева, «меняли профессию чуть ли не каждый месяц»[4]. Словом, во всех этих отношениях произошло землетрясение, перевернувшее социальные пласты наоборот и кардинально изменившее состав групп: командующих и управляемых, привилегированных и обездоленных, богатых и бедных и, наконец, состав разных профессиональных групп.

Такова суть первого периода революции.

С 1921 г. начался процесс обратной циркуляции. Массовое перемещение индивидов оказалось неудачным. Наряду с лицами, сброшенными с верхов имущественной и объемно-правовой пирамиды ввиду их негодности и поднятыми на

[4] XI съезд Российской Коммунистической партии. М., 1922, с. 23.

«верхи» ввиду их способностей, метла революции выкинула сверху массу лиц, вполне способных занимать места в верхних слоях и, наоборот, подняла туда массу индивидов, не имевших ни способностей, ни навыков для соответствующего рода деятельности. Когда разрушительный период кончился и с 1921–1922 гг. пришлось приступить к созиданию, это сразу и выявилось. Неоправданно сброшенные властители, «богачи» и «организаторы» начали снова карабкаться наверх, «прирожденные рабы», «бедняки» и лица, пригодные лишь для мускульной работы, стали съезжать вниз. В армии места генералов, штабные и командные должности стали занимать бывшие царские генералы и офицеры, до того сидевшие в тюрьмах или служившие в белых армиях (генералы Брусилов, Клембовский, Достовалов, Борисов, Верховский, Лебедев, Слащев и другие). Масса революционных командиров, за исключением немногих «прирожденных стратегов», была уволена в отставку или переведена на низшие должности.

То же самое произошло и в других отраслях управления. В 1922–1923 гг. в большинстве из них все высшие руководящие посты, кроме постов самих народных комиссаров и одного-двух членов коллегии, уже были заняты «спецами», т.е. бывшими министрами (Некрасов, Кутлер, Покровский и другие), старыми бюрократами, чиновниками, профессорами и т.д. В государственных трестах, в Советах народного хозяйства верховные органы до 1921 г. заняты были почти исключительно рабочими, с 1921–22 гг. в правлениях трестов было два рабочих и один «буржуазный спец», в конце 1922 и в 1923 г. число рабочих еще более уменьшилось. По анкетам 1923 г. из исследованных 1 306 руководителей предприятий только 39% были рабочими по своей прежней деятельности, остальные 61% были не рабочими по происхождению. Среди них основную массу составляют бывшие владельцы и руководители предприятий[5].

Три-четыре года назад картина была совершенно иной. Этот подъем «бывших людей» и спуск «выскочек» продолжается и сейчас. Даже в ЧК в 1921–1922 гг. вошло немало деятелей старой царской охранки и жандармского управления (например, Комиссаров и др.). Сходное происходит в имущественной и профессиональной группировках. «Новая буржуазия» в значительной мере начинает составляться из старой. Старый кулак в деревне, торговец в городе, предприниматель и спекулянт, перерядившись в одежду «нэпмана» и «красного купца», снова лезут наверх. В профессиональной плоскости «воронежский битюг», занявший место Цицерона, и Цицерон, превращенный в битюга, снова возвращаются в прежнее положение. Словом, обратная циркуляция выявилась, тенденция «возвращения в дореволюционное состояние» очевидна и в значительной части уже реализована.

Социальные группы начинают заполняться старыми дореволюционными жильцами. «Кто был ничем» – опять становится ничем, «кто был всем» – опять

[5] Последние Новости, № 972.

стремится занять старое место. Конечно, определенная часть перенесенных на новые места в первый период революции, особенно евреев, застрянет там и «разбавит» собою старые элементы, но только часть. Таков круг революции и ее corsi и ricorsi[3*]. Сейчас (1923 г.) этот круг завершается. За 6 лет произошли процессы резкого изменения состава членов социальных групп, восходящей и нисходящей «циркуляции», на которое в обычное время нужны были бы если не столетия, то десятилетия.

То же самое в иной форме происходило и в области других группировок.

Из приведенных выше данных о движении разводов (см. параграф о деформации половых рефлексов) следует вывод, что более быстрый и массовый характер приобрела и междусемейная циркуляция индивидов.

Не иначе обстояло дело и с партийной группировкой.

Масса лиц за 5–6 лет в стране с неразвитой партийной жизнью успела пройти через ряд партий – от монархизма до коммунизма – и возвратилась к исходному внепартийному бытию. Словом, и в этой области скорость и массовость циркуляции (и изменений состава партий) были исключительными.

Не иначе обстояло дело и с межгосударственной циркуляцией (не в смысле территориального перехода границы, а в смысле принадлежности к определенному государству). Десятки лет граждане России, за исключением небольшого числа эмигрантов, оставались подданными этого государства. С начала революции сотни тысяч и даже миллионы лиц волей или неволей оказались подданными других государств: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Польши, Украины, Румынии, многие – 2 миллиона эмигрантов – оказались вообще без подданства: они стали «абонентами» Лиги Наций, людьми «без отечества». Причем значительная часть лиц меняла свое подданство несколько раз: из граждан Российского государства вдруг становилась гражданами Грузии, а из последних – гражданами РСФСР и т.д.

Такую же картину представляет собой и межрелигиозная циркуляция. Масса верующих с начала революции стала атеистами, часть начала переходить из православия к евангельским христианам, часть – к католикам, часть – к другим сектам. С 1922 г. из православной церкви, возглавляемой патриархом Тихоном, выделились: «Живая церковь», «Церковное возрождение», «Древле-Апостольская церковь»[4*]. Началась добавочная циркуляция между этими религиозными группами. С 1921–1922 гг. ясно наметился и обратный процесс: традиционно атеистическая русская интеллигенция стала делаться религиозной, мистической и потянулась в лоно православной церкви; то же наметилось среди тех, кто с начала революции стал атеистом и вышел из состава церкви; та же тенденция выявилась и среди народа – крестьян и рабочих. Все они вновь стали входить в лоно православия. Престиж православной церкви вырос; гонения на ее служителей и преследование религии властью не только не ослабили

церковь, не только не сократили числа ее деятельных членов, но создали вокруг нее ореол, усилили ее притягательную силу и вызвали возрождение православия.

Таким образом, и здесь за 6 лет революции масса лиц прошла через ряд религиозных и атеистических группировок, что в обычное время не имело места.

Не представляет исключения и территориальная циркуляция.

Несмотря на разрушение железных дорог, затруднявшее передвижение, все же можно утверждать, что за эти годы население России было гораздо менее «оседлым», чем раньше. Революция подняла с насиженных мест огромные пласты населения, раньше не думавшего о перемене своего оседлого образа жизни, бросала и продолжает бросать их с места на место по безбрежной российской равнине. В 1917–1918 гг. сотни тысяч людей потянулись из голодных городов в деревни[6], затем, с началом гражданской войны, огромные армии стали колесить от Владивостока до Польши, от Архангельска до Крыма и Персии; затем голод 1921–1922 гг. погнал миллионы голодных из голодных областей в другие. Легкая нажива, опасность погромов, возможность грабежа, мошенничества и спекуляции сняли с местечек тысячи евреев и перебросили их в столицы. Миллионы людей потеряли свой дом, стали российскими «перекати-поле», которых революция гоняла с места на место вплоть до Константинополя, Варшавы, Туниса, Европы, Азии, Америки и Африки. Вместо оседлой России перед нами был растревоженный муравейник с кишащими муравьями.

С 1921–1922 гг., с момента окончания гражданской войны, и здесь наметилась тенденция к «оседанию». Демобилизованные солдаты вернулись домой. Граждане, убежавшие из центров и городов, потянулись туда обратно, население столиц и городов стало расти. Население городов возросло с 15 730 490 человек в 1920 году до 16 330 274 в 1923 г. Население Москвы, равнявшееся в 1920 г. 1 028 000 человек, увеличилось до 1 542 874 в 1923 г.; население Петрограда – с 740 000 до 1 067 328[7].

Вместо «Руси на телегах, на конях, бредущей пешком», какой она была в первый период революции, мы видим Русь – «больного Илью Муромца, сиднем сидящего на одном месте».

То же самое может быть сказано и о множестве других циркуляций между всевозможными научными, художественными, литературными и другими группами, союзами и ассоциациями. Везде положение их членов и самих групп менялось много раз.

[6] Например, 1 февраля 1917 г. население Москвы равнялось 2 017 000 человек, 26 августа 1920 г. всего было 1 028 000 человек. Перед революцией в Петрограде было 2 420 000 жителей, в 1918 – 1 469 000, в 1919 – 900 000, в 1920 – 740 000 (см.: Красная Москва. 1917–1920. М., 1920; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921, вып. V). Всего из городов ушло за 1918–1920 гг. около 8 млн человек (За пять лет. 1917–1922. М., 1922, с. 295).

[7] Экономический вестник, № 2, с. 207–209.

Сходное мы видим и в других революциях. О росте скорости и массовости изменения состава групп и имущественной, объемно-правовой, профессиональной и государственной циркуляции в *египетской* революции говорит следующее наблюдение Ипувера. «Не имевший собственности – теперь состоятельный человек. Бедняки стали богачами, а владельцы собственности – неимущими. Бывший владелец одеяний ходит в лохмотьях, а тот, кто никогда для себя не ткал, имеет теперь полотно; тот, кто не делал для себя лодки, теперь владелец судна; не имевший хлеба владеет закромами, его амбар переполнен чужим достоянием. А богачи – голодают. Прежде состоятельный человек теперь проводит ночь, томимый жаждой; благородные дамы ходят голодные и говорят: "Ах, если бы у нас было что поесть"» и т.д.

Из этих штрихов ясен огромный имущественный катаклизм.

«Прежние рабы, – описывает Ипувер объемно-правовую циркуляцию, – стали господами рабов, а господа – рабами. Дети князей выбрасываются на улицу и разбиваются о стены. Ни одно старое должностное лицо не на месте» и т.д.

Сходное произошло и в области профессиональной циркуляции. «Строители пирамид сделались земледельцами, а князья выполняют тяжелые принудительные работы, жалкие неджесы, ставшие аристократами, теперь бездельничают. Вчерашний раб – сегодняшний правитель – покоится на роскошном ложе» и т.д.

Из слов о вторжении иноземных племен следует, что изменилось и подданство многих завоеванных египтян. Кроме того, происходила интенсивная религиозная циркуляция. «Земля перевернулась, как круг горшечника», – резюмирует Ипувер общую картину[8].

Из нее мы видим, что за короткий промежуток времени произошли изменение состава групп и колоссальная циркуляция, перевернувшая все вверх дном.

Не иначе обстояло дело и в *Риме* в революционный период конца республики. Он характеризуется интенсивнейшей перегонкой индивидов из богачей в бедняки, из рабов – в слой властителей, из одних профессиональных групп – в другие, из одной религии – в другую, из лона одной семьи – в лоно другой, из одной партии – в иную и т.д. Римский агрегат был похож на кипящий котел с бешено циркулирующими частицами воды. Победа каждого из диктаторов, начиная с Гракха (Мария, Суллы, Антония, Помпея, Цезаря, Августа и т.д.), означает смену одного катаклизма другим, резкое изменение состава большинства социальных групп, низвержение одного социального слоя и приход к власти другого: «кто был ничем, тот становился всем», и наоборот. Скорость и массовость циркуляции видны хотя бы из того, что за время революционного периода состав правящего класса кардинально изменялся несколько раз.

Патрицианская аристократия очень быстро исчезла в процессе революции. Ко времени Цезаря осталось не более 15 патрицианских родов. Место ее было

[8] См.: *Викентьев В*. Цит. соч.

занято всаднического сословием. Но ненадолго. В результате последующих переворотов богатые роды быстро сделались бедняками, и наоборот – ловкие бедняки быстро сделались богачами. Поэтому смена богачей происходила в чрезвычайно ускоренном темпе. Наряду с этим выступили на сцену рабы, вольноотпущенники, евреи[9], пролетариат, преступники и международный сброд.

Каждая боровшаяся сторона стремилась опереться на них, а потому должна была платить за поддержку раздачей должностей и богатств, освобождением от зависимости и назначением на высокие посты. Благодаря этому состав правящего класса стал все сильнее и сильнее пополняться выходцами из этих слоев, ко времени Цезаря и Августа почти целиком заполнивших «командующие классы». Вольноотпущенникам при Августе была дана почти исключительная привилегия занимать места всех высших и низших служащих в канцеляриях, конторах, бюро контроля и т.д. «Ближайшими к Августу людьми… были опять-таки его личные рабы и вольноотпущенники»[10].

Тот же факт имел место и при других революциях: в жакериях Франции, в Парижской революции, во время крестьянских восстаний в Германии, Англии, в гуситской революции[11], в русской смуте XVII в.

Всюду первый период революции характеризуется социальным обвалом: знать мгновенно сталкивается на низы, богачей грабят, быстро выдвигаются новые властители и лидеры из низших классов, меняется состав командующих и имущих слоев (У. Тайлер, Дж. Болл, Листер, вожди крестьянских восстаний во Франции и в Германии, Э. Марсель, майотены[5*], лидеры рабочих, мясники, кабошины[6*], Я. Жижка, Я. Гус, Микулаш Желивский, Прокоп, табориты и сироты и ближайшие сподвижники всех этих лидеров).

С момента подавления или естественного завершения революции начинается «обратная циркуляция»: после подавления восстания У. Тайлера, француз-

[9] Влияние евреев за время революции сильно возросло. По словам одного современника, «для наместника бывает опасным слишком вмешиваться в дела евреев своей провинции, так как по возвращении в Рим ему предстоит быть освистанным столичной чернью. Еврейство являлось теперь деятельным зародышем космополитизма и национального разложения и вследствие этого было полноправным членом Цезарева государства» (*Моммзен Т.* Цит. соч., т. III, с. 480–481). То же самое повторялось в английской, французской и русской революциях.

[10] *Ростовцев М.И.* Рождение Римской Империи, с. 134–136; см. указанные выше работы Т. Моммзена, E. Duruy, особенно O. Seeck'a, P. Fahlbeck'a и Н.А. Васильева. См. также: *Bouglé C.* La démocratie devant la science. Paris, 1923; *Sensini G.* Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali // Revista Italiana di Sociologia. 1913, sept.-oct.; и особенно *Pareto V.* Op. cit., vol. II.

[11] «Теперь, – пишет современник гуситской революции, – в Праге управляет не группа лиц, управлявших раньше. Теперь наиболее знатные по рождению, богатству и талантам либо казнены, либо изгнаны. Портные, плотники, рабочие всякого рода пополнили Совет; там есть даже иностранцы и крестьяне, пришедшие неведомо откуда» (*Denis E.* Op. cit., p. 330).

ской Жакерии, крестьянской войны в Германии, после пражских компактатов, окончания русской смуты наверх снова выплывают представители старых командующих и буржуазных слоев, в большей или меньшей степени разбавленные «новичками».

Нет надобности говорить, что в эти периоды революции наряду с имущественной и объемно-правовой циркуляцией происходили столь же интенсивно и другие циркуляции: межгосударственные, семейные, профессиональные, религиозные и т.д. Во всех этих отношениях индивиды революционных агрегатов чрезвычайно быстро меняли свое положение в системе социальных координат[12].

То же самое видим и в *английской революции*. Первый этап ее состоял в массовом низвержении высшей аристократии (кавалеров и высшего слоя англиканской церковной иерархии с королем во главе) и массовом подъеме ближайших к ним слоев, раньше имевших незначительное влияние в командующих классах. Второй этап – в сползании этих слоев вниз и в возвышении «средних и частью низших классов во главе с Кромвелем». «Главные землевладельцы, богатые граждане, именитые люди теперь удалялись от общественных дел, не участвовали в административных комитетах, в местных судах; власть переходила в руки людей низшего сословия, жадно хватавшихся за нее, способных действовать энергично, но не умеющих удержать ее в руках. Они с жадностью наслаждались удовольствием повелевать, властвовать, считать себя и называть избранниками Божьими»[13].

Протекторат Кромвеля, роспуск Долгого парламента[7*], уничтожение палаты лордов и т.д. – вот основные вехи, указывающие на этот второй «обвал». За ним начался третий, в виде многочисленных попыток еще более низких слоев (уравнителей, милленариев, мистиков, диггеров[8*]) свалить власть Кромвеля и средних слоев, на которые он опирался. Но этот «взрыв» был подавлен Кромвелем, в 1653–1656 гг. резко выступившим против них. С конца его протектората начинается обратная циркуляция, выразившаяся в резком разрыве Кромвеля с крайними группами, представлявшими интересы низов (см. его речь в парламенте 22 января 1655 г., ответ Фику и т.д.), в разгоне Бербонского парламента[9*], в заигрывании со слоями более высокими, в привлечении их в командующие классы и т.д.[14]

Этот процесс обратной циркуляции завершается реставрацией. «Королевская власть была восстановлена не одна: вместе с королем в правлении госу-

[12] Подробности см. в указанных выше работах. Для Франции см. специальную монографию: *Kolabinska M*. La circulation des élites en France depuis la fin XI siécle jusqu'a la Grande Revolution. Lausanne, 1912.

[13] *Гизо Ф*. Цит. соч., т. I, с. 133.

[14] «Кромвель соединился с ними и таким образом совершенно изменил свое положение: из демократа стал аристократом, из революционера – консерватором» (*Гизо Ф*. Цит. соч., т. III, с. 65).

дарства заняли прежнее место бывшие собственники, сельское дворянство, все знатные граждане, которых республика и Кромвель отстранили от общих дел. Восстановилась и епископская церковь»[15].

Сходная циркуляция происходила и в области других группировок: религиозной, партийной, профессиональной, государственной, территориальной и т.д. «Жар революции» подогревал «котел социального агрегата» и заставлял его элементы циркулировать быстрее и в бóльших массах, чем обычно.

Еще рельефнее эти процессы происходили во время *Великой французской революции*. Первое массовое перемещение здесь совершается в течение 4–5 месяцев. 14 августа 1789 г. знаменует низвержение всей аристократии и высшего духовенства с командующих позиций и замену их представителями третьего сословия «бывшего ничем и становящегося всем» (по словам аббата Сийеса)[10*]. В это же время перемещаются на более высокую ступень крестьяне, освобождающиеся от феодальной зависимости и повинностей. Законодательное собрание и Конвент означают дальнейшие этапы процесса массового перемещения в объемно-правовой пирамиде. Люди 1789 г. и жирондисты оттесняются с верхов низшими слоями: выходцами из интеллигентного пролетариата, рабочих, крестьян, преступников и подонков общества. Они персонально начинают занимать сословные места в администрации, из них составляются грозные комитеты якобинцев, они составляют главную массу клубов и секций, определяющих политику. Отдельные представители этих слоев за 2–3 года пробегают колоссальное «социальное пространство», становясь из рядовых юристов, ветеринаров, актеров, портных, столяров, неизвестных офицеров, рабочих, крестьян, газетчиков и т.д. лицами, занимающими самые высокие посты и имеющими право распоряжаться жизнью и смертью многих людей. Сходное происходит и в имущественной пирамиде. Уничтожение привилегий, конфискация имуществ, захваты, грабежи, эмиграция и т.д. разорили бывших богачей и привилегированных и сбросили их на низы. Все эти явления вместе с приобретениями национального имущества, захватами, грабежами, спекуляцией и т.д. обогатили массу новых лиц, создали группу больших и малых «разжиревших революционеров».

Массовые циркуляции в религиозной группировке, переход многих людей от веры к безверию, из «неприсяжной церкви» в «присяжную», из одной секты в другую, от культа суеверия к «культу разума» и т.д. происходили с не меньшей быстротой, чем другие циркуляции.

Рост межсемейной циркуляции мы уже видели выше (в параграфе о половых рефлексах). Усиление процесса – вольной и невольной – перемены подданства (в силу эмиграции, отделения ряда местностей от Франции и Парижа, завоеваний новых областей и т.д.) не требует доказательств. То же самое может быть сказано о территориальной циркуляции, равно как и о других.

[15] Там же, т. I, с. LI–LII.

В эпоху Директории и в первые годы консульства Наполеона начинается процесс обратной циркуляции во всех этих группировках. Он завершается в эпоху Реставрации возвращением множества лиц в «первобытное состояние» с разбавлением их «цепкими новичками».

То же самое происходит во время революции 1848 г. во Франции, Германии и Австрии, во время революции 1870–1871 гг. во Франции, революции 1905 г. в России, 1918 г. в Венгрии и Германии (где процесс обратной циркуляции еще не закончен), с тем, правда, различием, что революции эти, кроме Парижской 1871 г. и русской 1917 г., были неглубокими, поэтому и массовая циркуляция была также довольно поверхностной, ограничившись преимущественно объемно-правовым перемещением индивидов.

На основании сказанного тезисы о скорости и массовости циркуляции и быстрой перемены состава групп становятся ясными и едва ли оспоримыми.

Таково первое отличие циркуляции и перегруппировок, происходящих во время революции, от того, как они совершаются в обычное время.

Отличаясь актерами, обстановкой и другими конкретными мелочами, все революции играют в этом отношении одну и ту же пьесу, с тем, однако, различием, что в одних революциях она состоит только из двух частей, а в других растягивается на 4–6 актов.

§ 4. Изменение объемов социальных групп

Неизбежным результатом исключительно быстрой, массовой и нерегулируемой циркуляции в первый период революции является исключительно быстрое и резкое колебание объемов (числа членов) групп, на которые распадаются агрегаты. Они становятся похожими на пузыри, то раздувающиеся сверх меры благодаря стихийному притоку новых членов, то сжимающиеся до ничтожной величины, иногда до нуля, в результате их столь же стихийного выхода из группы. Наряду с этим колебанием и исчезновением возникают и новые группы. Следствием таких перегруппировок служит факт перемещения границ социального расслоения, а тем самым изменение и обесформление «морфологической структуры» социального агрегата[16].

Таким образом, в периоды революции мы видим изменение не только состава групп, но и их объемов, их числа, их взаимных пропорций, а тем самым, и всего морфологического строения населения как коллективного единства.

Поясним сказанное рядом фактов.

Русская революция. Возьмем профессионально-производственные группы. Период с 1917 по 1921 г. в этой области характеризуется, прежде всего, почти

[16] Общую теорию этих явлений см. во втором томе моей «Системы социологии».

полным уничтожением профессиональных групп: 1) предпринимателей – хозяев предприятий, 2) торговцев[17], 3) исключительным уменьшением объема групп индустриальных рабочих (численность их сократилась до 46%) – диктатура пролетариата привела чуть ли не к исчезновению пролетариата[18], 4) исключительной гипертрофией объема чиновников – «советских служащих» (почти 30% населения превратилось в чиновников и агентов власти)[19]. Среди них исключительно возросли группы контролирующие по сравнению с исполнительными: та же перепись Москвы выявила, что на двух чиновников-исполнителей приходится один-два или даже три (в некоторых комиссариатах) контролера, 5) некоторым увеличением объема земледельческих профессий, 6) полным уничтожением и уменьшением объема многих свободных и либеральных профессий (адвокатов и т.д.), 7) наконец, уменьшением профессиональной дифференциации вообще, ибо огромное число лиц, особенно представителей интеллигентных профессий, вынуждены были стать «энциклопедистами», т.е. обслуживать своими силам все свои потребности: шить, варить, стирать, возить бревна, колоть дрова, копать огороды, мести улицы, таскать тяжести и т.д.

Из этих явлений ясны: огромное изменение карты профессионального расслоения населения, передвижка границ между существующими профессиями, разбухание объемов одних профессий и уменьшение объемов других, смешение профессий и уменьшение профессиональной дифференциации.

С конца 1921–1922 гг. начинается обратный процесс: вновь появляется и растет группа предпринимателей и торговцев, резко – вдвое, втрое и вчетверо – уменьшается число чиновников («сокращение штатов»), начинают возрождать-

[17] Благодаря национализации торговли и промышленности, магазинов, фабрик, заводов, мастерских, домов, товаров, капиталов они исчезли, иными словами – объемы этих групп сократились почти до нуля.

[18] *Прокопович С.Н.* Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923, с. 27.

[19] По переписи 1920 г., в населении Москвы «советские служащие» составляли 50 с лишним процентов, а остальные 50% обслуживали их: столица России стала городом чиновников. То же самое имело место и в других городах. Возрос их процент и в деревнях. См.: Красная Москва. М., 1920; Красная газета (статья Ларина «Веселая арифметика»). До войны на 100 человек населения приходилось 1,5 чиновников и дворян (Статистический ежегодник России за 1908 г., с. 76). Теперь число одних только советских служащих колоссально возросло. Если судить о их численности по количеству лиц, состоящих на содержании у государства, то получаем такие цифры:

в 1918–1919 гг. было	12 млн чиновников
1910–1920	23
1920–1921	35

35 млн чиновников на 130 млн населения составляет 27% всего населения (вместо 1,5% до войны). Эти цифры ясно свидетельствуют о том, до какой степени разбухла эта группа; они же свидетельствуют о том, как вместо уничтожения бюрократии и государственного аппарата коммунисты создали небывалый бюрократизм и всеопекающее государство-Левиафан. (Данные взяты из книги: *Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 121).

ся либеральные профессии, идет книзу профессиональный «энциклопедизм», и вновь растет профессиональная дифференциация и специализация[20].

Подобный процесс происходил и в области имущественной дифференциации. В течение революции резко менялся не только состав жильцов разных слоев имущественной пирамиды, но и форма последней, количество слоев и величина каждого из них. 1917–1920 гг. – это годы общего обеднения, падения имущественной дифференциации или понижения имущественной пирамиды[21].

Богатства частных лиц были конфискованы. Благодаря этому одним ударом верхняя половина пирамиды была отсечена. Но и в более низких слоях ее произошло дальнейшее уравнивание. Это видно хотя бы из падения экономической дифференциации среди рабочих и в крестьянстве. По тарифным ставкам 1918 г. самый высокий заработок квалифицированного рабочего относился к наименьшему заработку чернорабочего как 175:100. Этого соотношения он, по декрету, не мог превышать. По 24 губерниям Советской России было крестьянских дворов:

	без посева	мелких, с посевом от 0 до 4 десятин	средних, с посевом от 4 до 8 десятин	крупных, с посевом более 8 десятин
1918	11,4%	59,1%	21,6%	7,9%
1919	6,5%	74,0%	16,4%	3,1%

Сократился процент безлошадных и многолошадных и увеличился процент однолошадных[22].

[20] По данным статистистического отдела Московского Совета, с 1920 по 1923 г. число предпринимателей в Москве увеличилось на 600%, бухгалтеров, конторщиков и счетоводов – на 400%, инженеров, архитекторов и техников, не состоящих на государственной службе, – на 350%, служащих в частной торговле – на 318%. Количество «нэпманов» возросло в 15 раз по сравнению с остальным населением, число служащих – в 7 раз (Цит. по: Дни. 1923, № 245). С другой стороны, продолжается «сокращение штатов», т.е. чиновников. Например, за 1922 г. в Народном Комиссариате путей сообщения к 1 июля произведено сокращение на 25%, к 1 января 1924 г. предполагается сократить количество чиновников еще на 20%. Но и при всех сокращениях число чиновников центрального управления НКПС по отношению к общему количеству рабочих в НКПС превышает в 3 раза цифры 1915 г. (в 1915 г. соотношение их было 1:90, в мае 1923 г. – 3:90). См.: Дни, № 248.

[21] В 1913 г. на одного человека народный доход составлял в год 101 р. 35 коп.
в 1921 38 р. 60 коп.
Месячный заработок рабочего до войны был 22 р.
в 1918 г. 8 р. 99 коп.
в 1919 г. 6 р. 77 коп.
в 1920 г. 7 р. 12 коп.
в 1921 г. 6 р. 95 коп.
в 1922 (1-я половина) 8 р. 22 коп.
(*Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 135).

[22] О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земельнохозяйственного строительства. М., 1921, вып. 1, с. 25, 34 (статьи А. Хрящевой и Б. Книповича); *Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 29–30.

Из этих данных видно всеобщее обеднение и сплющивание имущественной пирамиды[23]. Революция произвела экономическое уравнивание, но не путем обогащения бедняков, а путем обеднения богачей и всеобщего обнищания. Это, конечно, не помешало обогащению небольшого числа властителей и близких к ним лиц. Но это – частное явление, не компенсирующее общее разорение. В итоге вместо пирамиды мы получим своего рода трапецию с небольшим шпилем наверху.

С 1921 г. начинается обратный процесс роста имущественной дифференциации с тенденцией – пока еще слабо выраженной – к подъему национального дохода. И в городе, и в деревне хозяйственно сильные элементы – благодаря своему труду или же путем спекуляции, мошенничества, легальных захватов – снова начинают выделяться, снова возникает чрезвычайный контраст между бедностью и богатством. На фоне разоренной страны в 1922–1923 гг. этот контраст, особенно в городах, принимает самые резкие формы: здесь вы видите рядом роскошь столиц Европы, с одной стороны, и людей, умирающих от голода, – с другой. В деревне снова начинают выделяться «кулаки» и «беднота», растут относительно крупные и беспосевные хозяйства и уменьшается количество средних. Словом, разрушенная имущественная пирамида опять воскресает и тем быстрее будет воскресать, чем быстрее пойдет процесс подъема народного хозяйства.

За 6 лет революции произошли процессы, в нормальное время требующие десятилетия.

Столь же резкими были перегруппировки и в области объемно-правовой пирамиды. И здесь изменился не только состав «привилегированных» и «обделенных», «правящих» и «подчиненных» слоев пирамиды, но и форма последней, численность и величина отдельных ее слоев. Из верхов пирамиды исчезли дворяне, крупные помещики, почетные граждане, крупные бюрократы и именитые купцы. Место их заняли новые чиновники и новая аристократия, но в иной пропорции.

До революции численность потомственных дворян была около 300 тыс. человек. За годы революции число коммунистов, заменивших их на привилегированных местах, было в 1920–1921 гг. – 600 тыс., в 1922 г. – 420 тыс., в 1923 г. – 372 тыс. человек. До революции число чиновников вместе с дворянами не превышало 3 млн человек, за годы с 1918–1920 гг. численность их колебалась от 12 до 35 млн. Эти примеры показывают изменение величин разных слоев объемно-правовой пирамиды. Если, как делали это коммунисты, называть чиновников и представителей привилегированных сословий «паразитами», то революция вместо дезинфекции размножила их число до небывалых размеров.

[23] В эпохи экономического обеднения это имущественное уравнивание – обычное явление. Эпохи хозяйственного подъема, напротив, характеризуются ростом имущественной дифференциации; пирамида становится более крутой и высокой. См.: *Сорокин П.А*. Система социологии, т. 2, с. 406–407.

Изменилось строение пирамиды и в средних слоях. До революции не было бесправных лиц, ограничен был и произвол власти, начиная с царя. Жизнь каждого была гарантирована, и имелись в довольно широких пределах права гражданина и человека и на неприкосновенность личности и имущества, свободу слова и печати, союзов и собраний. Со времени Октябрьской революции картина резко изменилась. По объему прав контраст между новыми привилегированными и остальным населением бесконечно усилился: права и привилегии первых фактически были неограниченны, вторых – сведены к нулю. «Гражданин» Советской республики превратился в улитку, которую могла раздавить и давила нога первого попавшегося комиссара. Вместо пирамиды прав и привилегий получилась ровная плоскость равенства и бесправия одних и неограниченного самодурства других. С 1922 г. и здесь начинается тенденция к воссозданию пирамиды. И юридически, и фактически объем прав населения начинает расти; с другой стороны – начинает ограничиваться и вводиться в рамки самодурство новой аристократии и правящего слоя. Колоссально сокращается число чиновников, снижается численность членов коммунистической партии, меняется, как мы видели, состав правящего слоя. Понадобится немного лет, чтобы пирамида окончательно восстановилась, независимо от того, будет ли реставрация монархии или нет. В том и другом случае разница будет лишь в вывесках да в составе лиц, а не в сущности.

Мы видели выше, что произошли крупные перегруппировки и в сфере государственной территории и населения. Первая сократилась на 710 666 кв. верст, число подданных сократилось на 28 млн 571 тыс. человек, ставших гражданами других государств[24].

Еще резче та же черта видна на партийной группировке. К началу революции были следующие значительные партии: 1) монархистов, 2) октябристов, 3) торгово-промышленников, 4) кадет, 5) трудовиков, 6) социал-демократов и 7) социалистов-революционеров. В первые же недели революции первые три партии сошли почти на нет, зато с легкостью надувного пузыря стало расти число членов социалистических партий, особенно социалистов-революционеров. Из небольшой подпольной группы она за один-два месяца выросла до размеров партии, насчитывающей в своих рядах больше миллиона членов. На выборах в органы самоуправления летом 1917 г. она получила больше половины всех голосов. Партия коммунистов в марте 1917 г. еще не существовала как массовая, но к лету уже настолько выросла, что пыталась совершить июльский переворот. С августа начинается ее колоссальный рост и падение популярности социалистических партий. В октябре перегруппировка уже столь значительна, что коммунисты почти без борьбы устраивают октябрьский переворот. Все несоциалистические партии исчезают, социалистические – теряют своих членов,

[24] Статистический Ежегодник России. 1918–1920. М., 1921, вып. 1, с. 1–7.

численность коммунистов растет. В 1918–1921 гг. все остальные партии сходят на нет, остатки их уходят в подполье, на сцене остаются только коммунисты. С 1921–1922 гг. начинается их упадок, и в то же время происходит окончательная ликвидация других партий. На их месте намечаются новые, в новых формах и с новым содержанием: идет организация и возрождение новой монархической, новой республиканской партии и новой «партии беспартийных». Эти штрихи показывают, с какой кинематографической быстротой шел этот процесс партийных перегруппировок, происходили колебания их объемов. То же самое может быть сказано и о других элементарных группировках.

Громадное колебание объемов групп, их численности и расположения в социальном агрегате, столь ясное в русской революции в первый ее период, имело место в той или иной форме и в других революциях.

Возьмите *Великую французскую революцию*. В течение одного-двух лет все морфологическое строение населения Франции обесформливается и резко меняется. Верхний слой объемно-правовой и имущественной пирамиды в виде 270 тыс. представителей привилегированных сословий, 130 епископов, 120–140 тыс. клириков отсекается. Эти места, как мы видели, занимаются выходцами из других слоев, но трудно допустить, чтобы число их было равно этому числу «привилегированных» старого режима. Еще труднее допустить, чтобы форма имущественной и объемно-правовой пирамиды, число слоев в ней и величина каждого из них остались прежними. Если мы не можем привести точные цифровые данные, то знаем наверное, что здесь произошли огромные изменения. 2992538140 ливров – величина богатства церкви, находившегося в обладании 120–140 тыс. клириков – распылились и распределились совершенно иначе. Общая имущественная дифференциация уменьшилась. Положение крестьянства относительно улучшилось, этот огромный пласт населения относительно поднялся и в имущественном, и в объемно-правовом отношении; положение других слоев, в особенности рабочих, ухудшилось. И в объемно-правовом, и в имущественном отношении в общем и целом произошло «сплющивание» пирамиды; это не помешало, однако, появлению узкого шпиля над обедневшим и обесправленным населением – шпиля, состоявшего из небольшого числа вновь возвысившихся лиц. Не иначе обстояло дело и с объемами других групп. Объем государства Франция – число ее подданных и территория, подчиненная французской государственной власти, – сжавшись в первое время, на деле колоссально расширился. В два-три года резко изменились объемы партийно-политических групп: роялистов, фельянов, жирондистов, якобинцев, анархистов-коммунистов. Такие же огромные передвижки произошли и в объемах религиозной и профессиональной группировок и в количестве административных делений государства (на департаменты и т.п.).

Словом, старое строение французского социального агрегата изменилось колоссально и менялось столь быстро, что период с 1789 по 1795 гг. может быть назван периодом «обесформления» и «мути», когда трудно было найти четкие и ясные линии. Лишь с начала XIX столетия начинает ясно выступать новая Франция, снова становятся четкими очертания пирамиды объемно-правовых и имущественных группировок, границы религиозного, партийного, профессионального и другого рода расслоения.

Аналогичные явления происходили и во время *английской революции XVII в.* (менялись объемы групп: религиозных, объемно-правовых, государственных и государственно-административных, имущественных, профессиональных, партийных и т.д.), в русской революции XVII в., в ряде средневековых революций и, наконец, в античных революциях.

При отсутствии и недостаточности цифровых данных, указывающих величину этих колебаний, имеющиеся исторические свидетельства дают все-таки полное основание утверждать, что и здесь происходили те же самые процессы, которые очерчены выше.

§ 5. «Диссоциация» ненормальных кумулятивных групп и образование новых

Социальные группировки, на которые распадается население, можно делить на простые и сложные (кумулятивные). Под первыми я разумею совокупность лиц, объединенных в одно солидарное целое каким-либо основным сходством или одной социальной связью (например, сходством религии, профессии, партии или величиной богатства). Под вторым я разумею совокупность лиц, объединенных в одно целое двумя или большим числом таких простых социальных связей. Примером таких сложных социальных групп может служить, например, социальный класс как совокупность лиц, сходных между собою по объему прав, профессий, по степени «близости» друг к другу, по имущественному положению; территориально-языковая группа как совокупность лиц, занимающих одну территорию, имеющих один язык; каста и т.д. Конкретно таких кумулятивных групп имеется огромное количество[25].

Изучая строение этих сложных групп, можно выделить среди них «нормальные» и «ненормальные» кумулятивные группы. Дело в том, что не все простые связи одинаково легко вступают в кумуляцию друг с другом и не все они дают одинаково прочные соединения. Например, признак «богатства» легко вступает в соединение с признаками «привилегированности» и трудно – с признаком «обделенности». Поэтому кумулятивные группы «богатых привилегированных»,

[25] Учение о кумулятивных группах см. во втором томе моей «Системы социологии»[11*].

«бедных обделенных» встречаются часто (нормально), они устойчивы, не легко разлагаются, тогда как кумулятивные группы «бедных привилегированных», «богатых обделенных» встречаются редко (не нормальны), если же и встречаются, то оказываются неустойчивыми и легко разлагаются.

То же самое может быть сказано, например, о кумулятивных группах, состоящих из лиц «профессионально выполняющих особенно важные для жизни агрегата функции – привилегированных в правах», «ведущих паразитарный образ жизни – обделенных в правах». Они нормальны. Противоположные соединения (паразиты привилегированные), напротив, встречаются реже, а если и встречаются, то легко разлагаются. Первые сочетания в этих примерах можно назвать «нормальными кумуляциями», вторые – «ненормальными, неустойчивыми, обреченными на диссоциацию». Появление в каком-либо населении таких «ненормальных кумулятивных групп» – симптом близости «реакции перемещения», т.е. диссоциации этой ненормальной кумуляции и образования на ее месте новой нормальной кумулятивной группы.

В главе о причинах революции мы увидим, что предреволюционное время характеризуется особенно сильным развитием таких «ненормальных кумулятивных групп». Исподволь образуясь, как образуются нарывы в теле, они «до операции» могут существовать какое-то время. Революционная эпоха характеризуется быстрым уничтожением таких ненормальных в указанном смысле слова кумулятивных групп, иначе говоря, быстрой «реакцией перемещения». К этому в значительной степени и сводится «очистительная» работа революции. Проиллюстрирую сказанное двумя-тремя фактами.

Какую картину мы видим в Риме перед началом революционного периода (перед выступлением Гракхов)?

1) Аристократию, более бедную, чем народившаяся буржуазия (всадники[12*]), но более привилегированную по объему прав, чем последняя, и закрывающую двери для «новых людей» в командующие классы.

2) Аристократию, переставшую выполнять общественно-полезные функции, дегенерировавшую и в значительной степени паразитарную, но привилегированную[26].

3) Буржуазию более богатую, чем разорившаяся аристократия, но обделенную по объему прав сравнительно с первой. Наличия этих «ненормальных» кумуляций было достаточно, чтобы между ними началась борьба[27].

[26] Со 151 г. до Р.Х. «новые люди» устраняются и не допускаются на высшие посты. «Политическая карьера самой аристократии теперь начиналась не в военном лагере, а в прихожих влиятельных людей». Аристократия сгнила, стала паразитарной, не обнаруживала ни прежней доблести, ни прежней жертвенности, ни сурового долга, ни умения управлять. «Она была негодной политически и нравственно» (*Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 69–75, 132–134, 158).

[27] «Между людьми знатного происхождения существовала враждебная антипатия» (Там же, с. 112–113).

Она и началась. «Реакция перемещения» наметилась уже во время Гая Гракха, давшего ряд новых привилегий буржуазии (всадникам), начинающей теперь играть роль, почти равную Сенаторам[28].

Если бы само всадническое сословие оказалось на высоте, быть может, дело и ограничилось бы «буржуазной революцией»: диссоциацией группы старой аристократии (привилегированных паразитов более бедных) и группы новой буржуазии (более богатых обделенных в правах) и образованием на их месте нормальных групп: «более богатых и социально полезных привилегированных» и «менее богатых обделенных». Но всадники-богачи оказались не менее бездарными, чем нобилитет[29]. Сверх того, в борьбу, начатую нобилитетом и всадниками, оказались вовлеченными представители многих других классов – пролетариев, крестьян и рабочих, а потому революция пошла дальше. Понадобилось целое столетие борьбы с колоссальными перегруппировками, уничтожившими в значительной мере обоих противников, чтобы ко времени Цезаря и Августа произошло образование совершенно новых нормальных кумулятивных групп; богачи того времени стали привилегированными, привилегированные (чиновная аристократия) – богачами, каким бы путем ни были добыты эти привилегии и богатство. Несмотря на все перипетии революции, ее итог свелся к тому же результату: образованию «нормальных» групп на месте «ненормальных».

Сходную картину видим перед и во время *английской революции XVII в.* Здесь перед революцией «в последнее столетие в относительной силе различных классов общества произошли большие перемены, а между тем в правлении не было сделано соответствующих перемен». Привилегии лордов и придворной аристократии были огромными, несмотря на то, что «палата депутатов была теперь втрое богаче палаты лордов. У горожан, у провинциального дворянства, у фермеров и мелкопоместных собственников не было влияния на государственные дела сообразно с их значением в государстве. Они выросли, но не повысились. Отсюда этот гордый и могучий дух честолюбия. Демократия стремилась к возвышению и прокладывала себе дорогу через ряды ослабевшей аристократии»[30].

Это значит, что помимо других «ненормальных» кумулятивных групп здесь налицо были: 1) «привилегированные аристократы – более бедные», 2) «обделенные – более богатые» (буржуазия и другие слои, представленные в парламенте). Началась диссоциация этих групп в форме борьбы их друг с другом; в процессе революции они распались и в итоге ее заместились, особенно к 1688 г.[13*], «нормальными» кумуляциями. В этой реакции перемещения и состояла одна из работ, выполненных революцией.

[28] Там же, с. 112–113.
[29] Там же, с. 73, 211.
[30] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. I, с. IX.

Не иначе обстояло дело и во время *французской революции.* До революции мы имеем: 1) разбогатевшее третье сословие – «энергичное, интеллигентное, честолюбивое и настойчивое», по объему прав, однако, являющееся «ничем»; 2) дворянство, систематически разорявшееся и теперь более бедное, чем буржуазия, дегенерировавшее, ведущее паразитарный образ жизни, но пользующееся огромными правами и привилегиями[31]. То же самое может быть сказано и о верхах духовенства.

Такое положение дел не могло долго продолжаться. Либо «дворянский меч» должен был добыть себе власть и стать снова полезным обществу, либо злато буржуазии должно было притянуть себе привилегии и превратить третье сословие из «ничто» во «все».

Случилось последнее. Буржуазия «неравенством была доведена до бешенства. Она ненавидит дворян и стремится к свободе для того, чтобы добиться власти»[32]. «Чванство (буржуазии) создало революцию, свобода была лишь предлогом», – красочно, но точно сформулировал эту же мысль Наполеон. Началась борьба между этими группами. Как всегда, в нее были втянуты другие классы и другие группы. Борьба развернулась в революцию. В сложной картине революционных драм, трагедий и комедий указанная «реакция перемещения» составляла один из основных процессов революции. В итоге ее эти ненормальные группы были диссоциированы и на их месте образовались новые «нормальные»: «богатые привилегированные», «бедные обделенные», независимо от того, какими путями были добыты привилегии и богатства.

То же самое произошло и *в русской революции 1905 г. и в революции 1917 г.* Кумулятивная группа «благородного дворянства», монополизировавшая привилегии и власть, во второй половине XIX в. систематически беднела. Земля – основное богатство дворянства – уходила из его рук. К началу XX в. оно было более бедным, чем образовавшаяся торгово-промышленная буржуазия. Но по объему прав и привилегий оно было по-прежнему в исключительном положении. Обе группы – дворянство и торгово-промышленная буржуазия – стали «ненормальными», не говоря уже о других социальных группах. Русско-японская война дала толчок «реакции перемещения», вылившейся в революцию 1905 г. Она окончилась уменьшением привилегий дворянства и ростом прав и влияния торгово-промышленников (Государственная Дума, Гучковы, Коноваловы, Рябушинские и т.д.), шедших в ногу с рядом других социальных групп. Однако «реакция перемещения» не была вполне закончена. Не будь войны, она, вероятно, закончилась бы в «эволюционном порядке». Из года в год с 1905 по 1914 г. влияние дворянства падало, торгово-промышленных групп – росло.

[31] Характеристику «привилегированных» и «буржуазии» см.: *Тэн И.* Происхождение общественного строя современной Франции, т. I, гл. V; *Мадлен Л.* Цит. соч., т. I, гл. III.

[32] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. I, с. 37–43.

Война обострила борьбу между ними. Торгово-промышленная группа выступила во главе оппозиции против дворянской власти, показавшей свою неспособность, но не желавшей уступать позиции. Началась революция, в первой стадии которой была выполнена указанная «реакция перемещения». Дворянство было ликвидировано, власть Временного правительства была в сильной степени властью торгово-промышленной группы (Терещенко, Коновалов, Бурышкин и другие). Но исключительные условия вовлекли в борьбу другие классы, желавшие реализации своих интересов, отличавшихся от интересов и дворянства, и буржуазии. Революция пошла дальше и вышла за пределы борьбы дворянства и торгово-промышленной буржуазии. Однако, несмотря на это углубление, основной объективный результат ее, ясный уже и теперь, состоит именно в указанной «реакции перемещения». Дворянство, как ненормальная группа, исчезло. Если отдельные члены его вновь поднимаются в ранг «привилегированных», то не в качестве членов паразитарного дворянства, а в качестве активных людей, правдой и неправдой энергично добывающих состояние и выполняющих активную работу. В этой роли они вместе со старой и новой буржуазией из коммунистов начинают образовывать новую нормальную группу «богатых привилегированных», предназначенную для заполнения командных позиций. «Обедневшие дворяне» низведены на низы и предназначены для вхождения в группу «бедных обделенных». Таков основной итог русской коммунистической революции. Ее баланс и здесь оказался верным. Ей неважно, злато ли привлечет привилегии или население привилегированных или непривилегированных слоев само добудет себе злато; важно лишь, чтобы на месте «ненормальной» группы была «нормальная». Эту цель она достигает, а как и какими путями – ей нет до этого дела.

Эти примеры показывают, что я разумею под «реакцией перемещения», интенсивно происходящей в годы революции. Конечно, разложение ненормальных кумулятивных групп революцией не ограничивается перечисленными группами «богатых обделенных» и «бедных привилегированных». Наряду с ними имеется и множество других ненормальных групп, подвергающихся той же участи. Перечисление их не входит в мою задачу: это вопрос факта в каждой данной революции. Каждая из них разрезает такие «опухоли» в теле социального агрегата и уничтожает нарывы. Правда, при этом часто, чтобы вынуть занозу, разрезается и заражается весь организм, хирургический нож революции обычно режет без толку и наносит огромные раны, непростительные для всякого грамотного хирурга, но… только романтики могут требовать от революции знания и выучки. Мудрено от слепой стихии требовать какого-либо искусства. На то она и революция, чтобы быть «коновалом». Сказанное об уничтожении ненормальных групп лишний раз показывает дальнейшую работу революции в деле изменения структуры агрегата.

§ 6. Изменение механизма отбора и размещения индивидов в агрегате

Если перегруппировка и циркуляция в эпохи революций совершается иначе, чем в обычное время, то значит меняется и тот механизм социального агрегата, который регулирует отбор, циркуляцию и размещение индивидов в социальном пространстве, т.е. в системе группировок и в разных слоях одной и той же группировки[33].

При громадном конкретном разнообразии этого механизма в разных агрегатах задача его сводится к тому, чтобы размещение индивидов осуществлялось более или менее по формуле «каждому по его проявленным способностям, особенно прирожденным» – формуле, долго и резко нарушать которую не может безнаказанно ни один агрегат. В противном случае «пирожник начинает тачать сапоги», воронежский битюг – выполнять функции скаковой лошади, прирожденный раб – функции властителя; все социальные функции начинают выполняться плохо, агрегат заболевает, и начинается кризис.

Кроме эпох декаданса и предреволюционных периодов, когда такая картина действительно наблюдается (см. ниже главу о причинах революций), в нормальное время во всяком социальном агрегате этот механизм работает более или менее сносно. Состоя из ряда тормозящих условий (с одной стороны, требования экзаменов, обучения, того или иного проявления пригодности для данной роли и т.д., с другой – из ряда благоприятствующих условий, презюмирующих пригодность и не совсем таких уж глупых, какими они кажутся с первого взгляда: происхождение из талантливого рода, имущественная обеспеченность, рекомендации и т.д.), он в нормальные времена в общем и целом довольно сносно «просеивает» годных и отделяет их от «негодных», размещая их не идеально, конечно, но... и не так уж плохо[34].

Эта картина резко меняется в предреволюционные и особенно в революционные периоды. Порча механизма в предреволюционные эпохи ведет к тому, что во время революции он перестает действовать и заменяется принципиально иным. За рядом исключений, новый механизм отбора и размещения, устанавливающийся в первый период революции, работает вопреки правилу «каждому по его способностям». На двух-трех примерах проиллюстрирую сказанное.

[33] Под этим механизмом я, говоря словами О. Аммона, разумею «Die Einrichtungen welche dazu dienen sollen die Individuen “auszulesen” und jedes auf den Platz zu bringen, den es vermöge seiner Veranlagung am besten ausfüllen kan»[14*]. Этот механизм состоит из двоякого рода условий и приспособлений: одни имеют своей задачей затруднять подъем негодных индивидов, мешать ему, другие – благоприятствуют возвышению талантливых и пригодных индивидов. См.: *Ammon O.* Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. Jena, 1895, S. 52–53; подробнее см. во втором томе моей «Системы социологии» и ниже – главу о причинах революции.

[34] Подробнее обо всем этом см.: *Сорокин П.А.* Система социологии, т. II, гл. II–V.

Во-первых, резкое крушение старого механизма впредь до установления нового представляет своего рода прорыв отбирающего решета, позволяющий массе лиц через образовавшуюся огромную дыру проскакивать в совершенно не подходящие для них места, закрытые раньше. Такую картину мы и наблюдаем в начале революции. Сотни и тысячи лиц самозванно и самочинно захватывают ряд функций без какого бы то ни было экзамена и испытания их способностей. Один делается губернатором, другой – комиссаром, третий – министром, четвертый – мэром города, пятый – директором фабрики и т.д. Все это в таких условиях возможно, и все это происходит. Случайная речь, понравившаяся толпе, или энергия при убийстве «врагов народа», или какое-нибудь подобное обстоятельство заменяет собой серьезное испытание способностей, неизбежное в нормальное время. Достаточно учесть эти условия, чтобы понять, как много авантюристов и «сапожников в роли пирожников» неизбежно должно быть в первый период революции.

Возьмите, например, характер профессионального отбора в эпохи революции. В нормальное время для вхождения в любую профессию, а тем паче в высококвалифицированные профессии, требуется выявление профессиональной пригодности и опытности; индивид подготовляется к своей роли и подвергается ряду испытаний: проходит курс обучения, приобретает практический стаж, сдает экзамены, выполняет ряд работ и т.д. Без такой подготовки и испытания он не может приобрести бóльшую часть профессий и преуспеть в них. Мы не поручаем строить паровоз первому встречному, учить детей – любому гражданину, быть судьей – любому прохожему. В революции это условие за очень небольшими исключениями отпадает. Место профессиональной принадлежности специально к области квалифицированных профессий занимает «революционный диплом», «преданность революции и заслуги перед нею». Нереволюционность, напротив, служит признаком непригодности ко всякой ответственной работе. Я не преувеличиваю. С самого начала русской революции мы наблюдали эту картину. Все власть имеющие лица, вплоть до полицейских, были сразу смещены с их мест, хотя среди них было немало отличных профессионалов своего дела. И наоборот, все «революционеры» и сочувствующие революции были назначены на профессиональные роли, к которым они были совершенно не подготовлены и о которых не имели ни малейшего представления. Максимум революционности считался патентом, гарантирующим универсальную пригодность к любой профессии.

Еще резче сказалось это после Октябрьской революции. Размещение, произведенное ею не только в области управления, но и в области хозяйственной деятельности, было прямым нарушением здравого смысла. Инженеры, опытные организаторы и руководители предприятий сознательно изгонялись с фабрик и заводов под предлогом чистки предприятий от «паразитов» и «классовых врагов». «Присутствие инженера на заводе считалось соглашательством с буржуа-

зией, нарушением принципа диктатуры пролетариата»[35]. «Нам надо беспощадно довершить чистку всех решающих органов экономической власти от участия наших классовых врагов, не оставляя их в этих органах ни под каким видом, ни по каким соображениям», – такова была руководящая точка зрения коммунистов в формулировке коммуниста А. Кактыня[36].

При такой постановке дела неудивительно, что во главе предприятий ставились рабочие, не умевшие подписать своего имени, не имевшие никакого представления о хозяйственной деятельности. С 1921 г. началась чистка «негодных» элементов. Но она еще далеко не закончена. Представление о состоянии дел дают результаты анкеты 1922 г. Из исследованных 168 руководителей фабрик и промышленных предприятий оказалось лиц

с высшим образованием	13%
со средним	24%
с низшим	63%

По своей прежней деятельности около 70% из них были простыми крестьянами, рабочими и конторскими служащими, не имевшими никакой подготовки для своей теперешней роли. Из 169 человек было только 6 инженеров[37].

Результаты анкеты 1923 г., на которую ответили 1 306 руководителей предприятий, рисуют картину дальнейшей «чистки». Здесь по образовательному цензу лиц

с высшим образованием было	22%,
со средним	24,9%
с низшим	62,5%[38]

Причем из них даже теперь по оценке самих коммунистов лиц вполне годных для своего места было лишь 61%, малопригодных – 30,3% и совсем непригодных – 8,7%. Если так было в 1922 и 1923 гг., когда огромная чистка руководящего персонала от негодных элементов уже была произведена, то легко понять, каковы были образовательный ценз и подготовка руководителей промышленности в 1918–1921 гг.!

«Во главе промышленных предприятий ставились революционные эфемериды из эмигрантов, старых партийных работников, журналистов и т.п. лиц, в деле ничего не понимавших и создававших только “многолюдное безлюдье”»[39].

Один из коммунистов, Гастев, так охарактеризовал создавшееся положение дел: «Портной был поставлен во главе громадного металлургического завода, художник – во главе текстильного производства. При таком аппарате думать, что мы можем что-либо сделать, могут только люди богемы, а не люди, которые за-

[35] *Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 38.
[36] Сборник журнала «Народное хозяйство». М., 1918, кн. 1, с. 19.
[37] Экономическая жизнь. 1922, № 208; *Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 40–41.
[38] Данные газеты «Известия» (цит. по: Последние новости. 1923, № 972, 23 июня).
[39] *Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 38.

нимаются государственными задачами. Довольно, пора прекратить эту богему, этот бесконечный митинг»[40].

То же самое мы видим и в других областях. Например, еще летом 1923 г. на заседании Коллегии народного комиссариата юстиции комиссар юстиции Курский отметил, «что 80% народных судей не имеют элементарного представления о юриспруденции; такое же положение констатировано среди прокурорского надзора и судебных следователей»[41].

Эти данные свидетельствуют о том, до какой степени нелепо работал революционный механизм отбора и размещения, доводя до абсурда дефекты предреволюционного механизма, нарушая в корне принцип «каждому по его способностям». Форды и Карнеги могут быть среди крестьян и рабочих, но они не могут создаваться росчерком пера власти. Они выдвигаются благодаря проявлению своих организаторских талантов, а не благодаря своей «революционности», они подготавливаются к своей роли, приобретают и накапливают опыт, преодолевают препятствия, а не механически и не мгновенно делаются из портных руководителями металлургических заводов.

Легко понять, что такое нелепое размещение было одним из факторов дезорганизации промышленности и расстройства народного хозяйства. Когда это расстройство достигло крайних пределов, завопили в 1920–1921 гг. и сами коммунисты. Началась «чистка» второго периода революции, т.е. восстановление более нормального механизма социального отбора и размещения индивидов, признание принципа «профессиональной подготовки и пригодности», приближение к норме «каждому по его способностям». Началось упомянутое выше увольнение негодных элементов и приглашение «буржуазных специалистов» на их места. Одна из очередных «ошибок» была осознана. Негодность массы хороших коммунистов к выполнению занятых ими должностей была так велика, что в марте 1922 г. Ленин приветствовал даже надвигающийся финансовый кризис как средство «почистить» и «выбросить» массу бесталанных коммунистов с занятых ими хозяйственных мест. Этот кризис, говорил он, «может быть даже полезным: он почистит коммунистов из всяких государственных трестов. Только надо будет не забыть этого сделать. Так что… можно будет из кризиса извлечь пользу и почистить не так, как чистит центральный комитет коммунистической партии, а прочистить как следует всех ответственных коммунистов в хозяйственных учреждениях»[42].

То же самое наблюдалось и наблюдается и в других профессиях. Хороших педагогов, студентов и крупнейших профессоров-некоммунистов изгоняли, а на место их сажали «красных учителей, красных студентов и красных профессо-

[40] Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. М., с. 71–73.
[41] Дни, № 243.
[42] См.: XI съезд Российской Коммунистической партии. М., 1922, с. 26.

ров», не имевших никакой подготовки, никакого опыта, никаких знаний. Здесь, как и в других профессиях, размещение производилось не по профессиональной пригодности и подготовке, а по принципу преданности Советской власти и коммунизму. Недостатки предреволюционного периода, когда преданность царской власти нередко также заменяла профессиональную пригодность, были доведены до абсурда в первый период революции. Как тогда дворянское происхождение часто предпочиталось принципу проявленных способностей, так и теперь пролетарское происхождение в еще большей степени доминировало над вторым принципом. Как тогда лиц оппозиционно настроенных, бывших, однако, отличными профессионалами, устраняли или не давали им ходу, так и теперь, но в еще большей степени, оппозиционность к коммунизму вела к устранению, увольнению множества прекрасных специалистов, к аресту, расстрелу или к заключению в концентрационные лагеря, где они должны были таскать бревна, выполнять совершенно не подходящую для них работу и бесплодно тратить свои силы и способности. Как в то время «протекция» играла большую роль, так и теперь – в еще большей мере – хорошие отношения и близость к власти открывали все пути самым бездарным лицам. Как тогда взятки и подарки, лакейство и угодничество часто помогали возвышению индивидов, так и теперь – в еще большей мере – они играли основную роль.

Было бы напрасной тратой времени и сил приводить дальнейшие факты. Сказанное рисует картину ясно и дает представление о никуда не годном функционировании изменившегося механизма отбора и размещения индивидов в социальном пространстве в первый период революции.

Этим я, конечно, не хочу сказать, что при такой массовой переборке среди «проскочивших» не было ни одного человека, вполне пригодного для своей роли, или что, наоборот, среди выкинутых сверху не было лиц, которые вполне этого заслуживали. Было бы просто невероятно, если бы таких исключений не было; но они были именно исключениями, – а в русской революции очень редкими, – а не правилом. Если это не было видно в первый разрушительный период революции, то отчетливо выявилось во второй – созидательный. С его приходом сразу же началась упомянутая выше «обратная циркуляция», обратный подъем без основания выброшенных сверху и обратное «сползание» множества «выскочек», поднявшихся наверх без наличия соответствующих способностей[43].

То же самое явление четко просматривается и в других революциях. Возьмите *Парижскую революцию 1870–1871 гг.* Как состав «Центрального Комитета 20-ти секций», так и состав Коммуны состоял «из лиц, совершенно неизвестных

[43] Этот процесс чистки продолжается и по сей день. В телеграмме от 16 июня 1923 г. читаем: «Совет труда и обороны предложил советам народных хозяйств произвести коренную реорганизацию промышленных советов и назначить в последние исключительно лиц, занимавших раньше в крупных промышленных предприятиях ответственные должности» (Дни. № 192).

населению». «Что это за люди?» – восклицали многие, прочитав подписи[44]. На правящие места были выдвинуты лица, не подготовленные к ним, принадлежавшие к совершенно иным профессиям (красильщики, механики, аптекари, рабочие и т.п.)[45]. Мудрено ли поэтому, что власть, состоявшая из таких людей, была совершенно не способна справиться со своими задачами. «С первой же недели Коммуна оказалась слабой и легкомысленной, лишенной военного плана, не способной разобраться в трудных задачах момента», – говорят сами ее члены[46]. Если бы не было даже подавления Коммуны, нет сомнения, что с восстановлением нормальной работы механизма отбора большинство этих выскочек было бы сброшено обратно.

Во время *революции 1848 г. во Франции* Временное правительство провозглашается и составляется совершенно случайно из случайных лиц[47]. Механизм отбора был разрушен, и через образовавшуюся дыру попадают наверх первые случайные лица, никогда функции властвования не выполнявшие. То же самое случилось и на более низких постах. «На место префектов и субпрефектов были назначены комиссары и их помощники (из революционеров). Среди них оказалось много не только неспособных лиц, но просто негодяев. Критерием пригодности был признак революционности»[48]. Мудрено ли поэтому, что такое правительство в сильной степени способствовало дезорганизации Франции[49]. Этот плохой отбор и размещение очень быстро дают себя знать: уже в 1848–1849 гг. значительное количество «выскочек» не избирается и съезжает вниз, в 1850–1851 гг. идет дальнейшая чистка, кончающаяся coup d'état[16*]. После пе-

[44] *Грегуар Л.* Цит. соч., т. IV, с. 311, 322–330.

[45] Более 56 членов (из номинальных 90) подвергалось раньше тюремному заключению или изгнанию. Они приносили с собою весь гнев, все раздражение, всю страсть, свойственные людям озлобленным. За ними волновалась толпа политической, научной и литературной богемы, болтунов кафе, откладывавших на завтра осуществление своих грандиозных работ. Ж. Валлес описывает их так: «Из стола харчевни они устраивают себе трибуну и там под газом говорят книги; вечера проходят, дни идут, они наговорили 30 глав и не написали и пятнадцати страниц» (*Грегуар Л.* Цит. соч., т. IV, с. 342; *Лиссагаре П.* Цит. соч., с. 178–179).

[46] *Лиссагаре П.* Цит. соч., с. 214. «Исполнительная комиссия не умела распоряжаться. Центральный Комитет не хотел подчиняться». Во главе были неспособные люди, выскочки, «неудовлетворительный состав и недостаточность познаний становились с каждым днем очевиднее». Такова характеристика этих коммунистов, которую мы слышим из уст одного из них (там же, с. 230; см. далее всю гл. XVIII, рисующую бестолковость организации общественных учреждений).

[47] «По какому праву? – отвечает Ламартин на вопрос о праве этого правительства. – По праву крови, пожара, пожирающего наши здания, нации без вождей, народа без руководителей. По праву самых преданных и мужественных граждан». Что это, как не поэтическое переложение римского: res nullius primo occupandi cedit![15*] (*Грегуар Л.* Цит. соч., т. III, с. 5).

[48] Там же, с. 35. «Республиканцы 1848 г. требовали удаления со всех должностей лиц, не доказавших своей приверженности к республике участием в заговорах или тайных обществах».

[49] Там же, с. 10.

реворота мы видим усиление значения «деловитости», размещение по признаку пригодности, рост значения «спецов» – словом, знакомую картину.

Благодаря тому же расстройству механизма отбора масса непригодных элементов проскакивает в командные слои и во время *германской революции 1848 г.* «На сцену выдвигалась масса сумасбродных голов, которые хотели воспользоваться движением для своих любимых коньков. Были, например, господа, которым уничтожение обычая снимать шляпу при приветствии представлялось много важнее, чем ожидаемая конституция»[50]. Во Франкфуртском парламенте – бесконечное словоблудие и неумение действовать[51]. Журналистов видим в роли военачальников, поэтов – в роли экономистов, словом, «сапожников в роли пирожников». Мудрено ли, что в течение одного-двух лет обратный отбор выкинул много выскочек и поднял вновь большое количество неосновательно сброшенных лиц.

До термидора во время *Великой французской революции* шло массовое изгнание лиц, занимавших эти позиции раньше. С термидора идет обратная волна. Сразу же после него возвращаются в Конвент 73 изгнанных депутата, потом 10 жирондистов. Дальше процесс идет еще интенсивнее: Конституция III года[17*] возвращается к ограничительному имущественному цензу. Якобинцы все более и более сбрасываются сверху. При дополнительных выборах по «декрету двух третей» «из урн выходили очень умеренные бывшие члены Конституанты[18*], бывшие фельяны[19*] или же люди, враждебные падающему строю»[52]. Еще резче сказалось это при выборах в жерминале V года, когда проходят роялисты, в числе их бывшие министры Людовика XVI (Флери), агенты Людовика XVIII (Коломес), белые террористы (генерал Вильо), умеренные буржуа и консерваторы. Дальше процесс продолжается при Наполеоне и завершается реставрацией. То же самое происходило в профессиональной, религиозной и других группировках. Механизм отбора и размещения, наряду с пригодными и ценными индивидами пропустивший наверх много непригодных лиц в первый период революции и сбросивший вниз наряду с теми, кто этого заслуживал, лиц, пригодных властвовать, во второй период революции начинает работать серьезнее и производит ту же чистку, которую мы видели и в русской революции. Со второго периода революции принцип «специальной подготовки», «профессиональной пригодности», «деловитости» начинает играть все более и более серьезную роль. При Наполеоне он стал основным, ибо огромное большинство его сподвижников выбиралось именно по этому признаку. В силу этого во второй период происходит весьма резкое изменение размещения лиц по сравнению с первым периодом революции.

[50] *Блос В*. Германская революция. СПб., 1907, с. 110.

[51] Например, на одно первое чтение «основных прав» вначале было намечено 292 заседания. Это время было сокращено, но не достаточно (там же, с. 268–269).

[52] *Мадлен*. Цит. соч., т. II, с. 198.

Тот же процесс происходит и в *английской революции*, и, хотя здесь аппарат отбора не был столь сильно расстроен, как в русской революции, все же это расстройство имело место.

С углублением революции с командных позиций сбрасываются не только роялисты, но и множество отличных специалистов своего дела. Выбывает множество членов Долгого парламента: из 506 его членов в 1649 г. остается не более 100, и то… лиц с развитыми лакейскими способностями.

После казни короля и позже отпадают даже такие лица, как республиканцы-левеллеры. Из 41 члена Государственного Совета 22 отказываются принять присягу и выбывают. Увольняется масса прекрасных судей, сотни должностных лиц из числа чиновников и олдерменов. Кульминационным пунктом неудачного отбора служит Бербонский парламент, состоявший из лиц мало работоспособных и непригодных для своей роли (1653)[53]. С этого момента машина социального отбора начинает нормализироваться, что мы и видим уже по деловому составу the Protector's Council[20*], составленному согласно The Instrument of Government[21*]. «The members of the new Council were of the type of the men usually rise to ascendancy after a revolution has run its course – men of practical efficiency opposed to further changes in the state, and, above all, to anything savoring of fanaticism. Such men are usually content to devote themselves to the task to carrying on government without taking into account the theories on which any specie government is founded. Such were the instruments of Napoleon, and such too were the councilors of Oliver»[22*], – правильно замечает Gardiner[54]. Этот процесс улучшения работы механизма размещения и отбора продолжается и дальше.

Не то же ли видим мы и в других революциях? Разве длительная гуситская революция не привела во второй период к обратной циркуляции умеренных элементов – вельмож и калликсуинцев, выброшенных в первый период революции сверху? Разве многие из неудачливых таборитов и сирот не были сброшены обратно вниз после «пражских компактатов» 1433 г.?[55/23*] Разве и здесь принцип «деловых людей» не ясно выделяется в этот момент? А чем кончились Жакерия и долгие смуты XIV и XV вв. во Франции? Усилением королевской власти, окружившей себя отличными специалистами и деловыми людьми, создавшими великую Францию. Чем кончилась русская смута? Ростом царской власти, обратным подъемом множества низверженных, низвержением множества поднявшихся, усилением «делового начала» при отборе, торжеством «спецов» в виде роста значения профессионалов-бюрократов и приказного начала[56].

---

[53] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. III, с. 65–57; *Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate. London, 1903, vol. I, p. 5–9, vol. II, ch. XXVI–XXVII.

[54] *Gardiner S.* Op. cit., vol. III, p. 3.

[55] *Denis E.* Op. cit., p. 330, 348, 469–473.

[56] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. 1918, т. III, с. 198–271; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1917, с. 355–356, 361.

Каков был итог римских революций? Цезарь и Август, окруженные опять-таки «деловыми людьми», набираемыми из разных слоев общества, вплоть до рабов и вольноотпущенников.

Подводя итог этого беглого обзора, следует признать правильность наших положений об изменении механизма отбора и размещения индивидов. Русская революция и в этом отношении типична. Это сходство не исключает, конечно, различия революций в ряде деталей: в величине дезорганизации механизма отбора, процентной доле лиц, неудачно размещенных в первый и второй периоды революций, в быстроте темпа дезорганизации аппарата отбора и его восстановления, в проценте «выскочек», вполне подходящих к новой для них функции и т.д. Но это все – частные различия, ничуть не уничтожающие указанного основного сходства.

Очерченное изменение механизма распределения и отбора индивидов в период революций можно проследить и иначе – путем рассмотрения тех «психологических типов», которые он пропускает на верхи объемно-правовой и имущественной пирамиды, с одной стороны, и оставляет или низводит на низы – с другой.

И в этом отношении революционный отбор резко отличается от отбора нормального времени. Основные их отличия, если говорить вкратце, состоят в следующем.

Так как основная задача первого периода революции заключается в разрушении, а основная деятельность – в борьбе и связанных с нею интригах, то в этот период на первые роли неизбежно выступают энергичные люди с доминирующими разрушительными, а не созидательными импульсами; люди с узким кругозором, не умеющие и не желающие видеть те бедствия, которые происходят вследствие беспредельного разрушения, люди «одной идеи», экстремисты, неуравновешенные маньяки и фанатики с раздутым и неудовлетворенным самолюбием, полные эмоций ненависти и злобы, с одной стороны, бессердечные и равнодушные к чужим страданиям – с другой, словом, люди со слабо развитыми тормозными рефлексами, люди, вопреки обилию хороших слов, мало социабельные. Люди мирные, сострадательные, привыкшие созидать, а не разрушать, имеющие здравый рассудок и достаточно широкий кругозор, чтобы понимать опасности беспредельного разрушения, привыкшие взвешивать свои поступки и быть разумно осторожными, с сильными тормозами, люди уравновешенные и не зараженные экстремизмом – такого типа люди не имеют шансов на возвышение в первый период революции. Они остаются в тени, низводятся на низы и оказываются в страдательном положении.

Вот почему неудивительно, что первый – восходящий – период революции поднимает на верхи всякого рода авантюристов, маньяков, полуненормальных, самолюбивых и т.п. жертв неуравновешенной психики вместе с преступниками,

убийцами, проститутками и подонками общества, обладающими теми же чертами, принадлежащими к тому же психологическому типу.

Мадлен прав, говоря: «В эпоху кризиса все, что есть темного в нации, поднимается на ее поверхность – "белая пена", "красная пена"»[57]. Эта группа, занимающая доминирующее положение в первый период революции, в следующий ее период начинает вытесняться, уступая место людям второго и третьего типа.

Так как, с другой стороны, революция – это война, то, как и всякая война, она не может не выдвигать в первые ряды профессионалов этого дела. Поскольку вопросы справедливости и истины начинают решаться физической силой, поскольку «оружие критики» заменяется «критикой оружием», то рост власти военных – будут ли ими Цезарь или Август, Кромвель или Дюмурье, Ян Жижка, Прокоп, Наполеон, Монк или Врангель, Мак-Магон, Людендорф, У Пей Фу или Чжан Цзолинь – неизбежен. Революция, столь презрительно третирующая военщину и милитаризм, сама является их квинтэссенцией и сама готовит – неизбежно готовит – диктатуру военщины. Выдвижение на первые роли руководителей «критики оружием» – необходимая функция всякой революции.

Если вопросы начинают решаться насилием, то становится неизбежностью «вмешательство людей военного знания и военной силы в политическую революцию»[58]. Так было в Риме, так повторялось и всегда. Они же обычно и убивают свою мать – революцию – и на ее трупе возводят себе трон диктатора или императора (Цезарь, Август, Кромвель, Бонапарт и др.)[59].

Третьим психологическим типом, поднимаемым революцией, являются талантливые в маневрировании циники или «циники-комбинаторы», циники – крупные жулики, держащие нос по ветру, хорошо чующие погоду, готовые переменить свои убеждения и взгляды в любой нужный момент, не признающие ничего святого, кроме собственного благополучия.

Среди них нередко бывают талантливейшие специалисты своего дела. При таких свойствах большинство представителей данного типа благополучно проходят все стадии и реставрации революции. Однажды поднявшись на верхи, они остаются там навсегда. Искусно меняя свои взгляды, ловко маневрируя, обнаруживая талант в выполнении ряда функций, необходимых любой власти, эти «комбинаторы» подвергаются меньшему риску, чем представители других ти-

[57] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. I, с. 9.

[58] *Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 160.

[59] Вот почему я не могу не удивляться многим демократам, пацифистам и антимилитаристам, являющимся в то же время горячими поборниками глубоких революций, т.е. квинтэссенции антидемократизма, милитаризма, диктатуры, власти военщины и т.д. Их мозг, подобно божьему, представляет, по-видимому, своего рода mysterium magnum. Правда, они часто говорят: мы хотим революции, но без этих явлений. Увы, нельзя хотеть дождя без воды, зимы без морозов. Тот, кто хочет первого, хочет и второго, поэтому тот, кто хочет революции, не может не хотеть и ее сущности, и ее неизбежных последствий. «Любишь кататься – люби и саночки возить».

пов. Обычно люди этого типа вместе с военными оказываются ближайшими наследниками, а иногда и могильщиками революционных героев первого типа...

Примерами лиц первого типа могут служить: Ленин[60], Сталин, Троцкий, Зиновьев, Лацис, Радек, Кедров, Дзержинский и десятки тысяч русских коммунистов, вышедших из разных слоев: из преступников, бандитов, рабочих и крестьян, промотавшихся аристократов и буржуазии, неудачливых журналистов, литераторов и интеллигентов. Значительная часть их прошла через тюрьмы и каторгу, что не могло не отразиться на их нервах, чем и объясняются те каторжные методы и тот каторжный режим, которые они ввели вместо обещанного земного рая[61].

Бела Кун и его сподвижники – в венгерской революции, К. Либкнехт, Р. Люксембург и другие немецкие коммунисты – в германской революции 1918 г., большая часть членов Парижской коммуны, Г. Струве, Геккер, Бакунин, Блюм и другие – в германской революции 1848 г., Бланки и бланкисты во французской революции 1848 г., Марат, Эбер, Робеспьер, Сен-Жюст, Дантон, Кутон, Карно, Бабеф и множество якобинцев во французской революции, лидеры «людей пятой монархии»[24*] и крайних сект в английской революции, адамиты, пиккардисты[25*] и множество таборитов – в гуситском движении, Уот Тайлер, вожди Жакерии и крестьянских восстаний, люди, подобные Катилине, масса демагогов периода римских революций – все это люди первого типа, отмеченные печатью указанных черт.

Марий, Цинна, Серторий, Антоний, Помпей, Цезарь, Август, Ян Жижка, Прокоп Большой, Кромвель, Ферфакс, Монк, Дюмурье, Наполеон, Врангель, Каверьяк, Мак-Магон, Брусилов, Слащев, Буденный, Тухачевский, Фрунзе, Каменев и т.д. – образцы людей второго типа.

Красин, Стеклов, Некрасов, Кутлер, лидеры «сменовеховства», «живой церкви», буржуа, ставшие коммунистами, и коммунисты, перекрасившиеся из красного цвета в розовый, и все эти Гредескулы, Святловские, Елистратовы, Кирдецовы, Иорданские и тысячи других в русской революции; Талейрая, Тальен, Мерлен, Баррас, Фуше, Сийес, Камбасерес и сотни других лиц во французской революции, десятки «перевертышей» вроде Г. Милдмея и М. Уайтокера – в английской революции – образцы людей третьего типа.

От авантюристов и фанатических идеалистов – к военным диктаторам и талантливым циническим комбинаторам – такова линия развития революции в ее фазах. Только с момента вхождения революции в русло мирной жизни люди иного психологического типа начинают восходить в командные слои.

Как ни неприятны, быть может, люди второго и третьего типа, все же приходится предпочесть их людям первого типа: циники комбинаторы, по крайней мере, умеют жить сами и дают жить другим, тогда как непримиримые революци-

[60] Его болезнь медицински подтверждает этот прогноз.

[61] Отсюда практический вывод: нецелесообразно избирать на командные посты после низвержения старого режима много страдавших «борцов за свободу». Они неизбежно неуравновешенны и не годны для выполнения функций управления.

онеры-сектанты и сами не умеют жить, и не дают жить другим. Революционный и контрреволюционный фанатизм страшнее цинизма – такова горькая истина, преподносимая историей.

§ 7. Изменение поведения и психологии перемещенных лиц

Место, занимаемое индивидом в системе социальных координат, – факт, далеко не безразличный для его поведения. Характер социальных групп, к которым индивид принадлежал и принадлежит, и место (рядового члена, лидера), занимаемое индивидом в каждой группе, оказывает решающее влияние на его психологию и поведение. Каковы будут эти группы и каково будет место, занимаемое нами в той или иной из этих групп, таковым будет и наше поведение. Если эти группы будут в антагонизме друг с другом и будут давать своим членам директивы поведения, противоречащие друг другу, то и в нашем «я» будут противоречия, борьба разных «я», отражающих в субъективном мире объективный факт антагонизма разных социальных групп, к которым мы принадлежим. Наше поведение в этом случае будет противоречиво, непоследовательно, полно колебаний. В нашей психике будет происходить столкновение несовместимых обязанностей и стремлений. В поведении и психических переживаниях мы будем похожи на шар, толкаемый рядом социальных групп в противоположные стороны. Если, напротив, все группы, к которым мы принадлежим, будут солидарны друг с другом, будут давать своим членам директивы поведения, толкающие их в одном и том же направлении, то наше «я» будет цельным и единым, совесть – спокойной, сознание долга и обязанностей – лишенным колебаний и противоречий. Наше поведение в этом случае будет последовательным, решительным и уверенным. Мы будем похожи на шар, толкаемый рядом социальных групп в одном и том же направлении.

Не трудно понять, почему существует такая зависимость между положением индивида в системе социальных групп и его поведением. Факт вольной или невольной принадлежности к той или иной группе (религиозной, партийной, семейной, государственной, имущественной и т.д.) влечет за собой давление этой группы на поведение ее членов и необходимость исполнения последними ряда актов и обязанностей (семейных, государственных, профессиональных, религиозных и т.д.), вытекающих из принадлежности к группе. Являясь членом определенной семьи, человек не может не выполнять ряда актов родителя, сына и т.д., неизбежно связанных с его принадлежностью к данной семье. Будучи гражданином данного государства, членом определенной религиозной конфессии и представителем той или иной профессии, я не могу не выполнять ряда актов, представляющих собой осуществление моих прав и обязанностей как подданного государства,

члена православной церкви или представителя какой-то профессии. Между мной и группами, к которым я принадлежу, имеются как бы электрические провода, передающие мне те токи, которые исходят из этих групп, «дергают» меня и заставляют реагировать в той или иной форме в ответ на эти токи.

Наше поведение, рассматриваемое с этой точки зрения, представляет в огромной своей части не что иное, как совокупность реакций на «стимулы» и «директивы», исходящие из этих групп. То же самое можно сказать и о нашем «Я». Это большое «Я» состоит как бы из множества отдельных маленьких «я»: члена семьи, представителя профессии, человека определенного вероисповедания, члена партии и т.д., являющихся отражением разных групп, к которым мы принадлежим; каждое из коих занимает в нашей душе свой кусочек, имеет свою «сферу влияния». С учетом всего этого будет понятным утверждение: при равенстве прочих условий поведение индивида представляет собой равнодействующую давления тех групп, вольным или невольным абонентом которых он состоял и состоит[62].

Если верны предыдущие положения, то из них следует вывод, гласящий: *с изменением положения индивида в системе социальных координат должны меняться как его поведение, так и его маленькие «я» – различные душевные группировки, составляющие его единое «Я».* Человек, бывший в группе бедняков и обделенных, занимавшийся, например, мускульной работой грузчика, этот человек, перешедший в группу богатых и привилегированных, переменивший профессию грузчика на профессию министра, неизбежно будет иным человеком. Иначе он не удержится на этом месте. Если раньше он имел интересы, психику, образ жизни и поведение пролетария, то теперь он будет иметь психику, поведение, интересы и образ жизни господина. Из него при таком переходе как бы вынимаются маленькие «я» бедняка, обделенного и грузчика и вкладываются на их место «я» богача, привилегированного и министра. Если такой трансформации не произойдет, человек не удержится на своей новой позиции: или сам убежит, или будет выброшен. Отсюда понятно, почему любое правительство, из какой бы среды ни вышли его представители, хотя бы из архипролетарской, неизбежно будет иметь свои интересы, психологию, поведение, отличные от интересов, поведения и психики управляемых[63].

Поскольку во время революции происходит массовое перемещение индивидов в системе социальных координат, то отсюда следует, что оно не может не сопровождаться массовой трансформацией поведения и «душ» перемещенных лиц. Образно говоря, революция означает не только массовое перемещение лиц, но и массовое изменение «форм поведения» и «душ». В первый период ре-

[62] Доказательства этих положений см. во втором томе моей «Системы социологии». С психологической точки зрения явление множественности душевных группировок в одном индивиде, их солидарности и конфликтов довольно верно освещается школой З. Фрейда. См., например: *Фрейд З.* О психоанализе. М., 1911, с. 16–17, 25–26, 50 и др.

[63] *Сорокин П.А.* Система социологии, т. 2, с. 452–453.

волюции, когда, как мы видели, старая система координат обесформливается, а новая структура агрегата еще не сформировалась, такое же «обесформление», такая же муть наступает и в «душах» людей. Исчезают старые воззрения, убеждения, формы и нормы поведения. Новые еще не успевают кристаллизоваться. Перемещенные индивиды, у которых исчезли их старые «я», но не вложены еще новые «души», становятся похожими на «обалделых», «растерянных» лиц, потерявших устойчивость поведения и не знающих своего места. Из socius'ов, как мы видели выше, они становятся биологическими особями. Психика их дезорганизуется и становится примитивной. Тормозные рефлексы угасают. Пропасть между дозволенным и недозволенным исчезает. Сознание прав и обязанностей затушевывается. Подобно сомнамбулам, «обездушенные» индивиды, не управляемые более директивами из групп, к которым они принадлежали (ибо дезорганизовались сами группы), совершают многое, что при «старых душах» они считали недопустимым и отвратительным. Все это мы видели выше. Первый период революции кончается. Взбаламученное социальное море начинает оседать, «муть» уменьшается, все яснее и яснее кристаллизуется система социального агрегата, и оформляется его структура. Параллельно происходит процесс «кристаллизации» «душ» индивидов и их поведения. У кого социальные позиции остались прежними, у тех происходит восстановление старых «я» и старых форм поведения. Тот, кто оказался перемещенным, мало-помалу осваивается со своим положением, со своей новой ролью и исподволь получает ту «душу» и ту форму поведения, которые соответствуют его новому положению в системе социальных координат. Не приходится поэтому удивляться, когда мы видим бывшего монархиста в роли ярого коммуниста, и наоборот, бывшего пролетария, возмущавшегося раньше преследованиями рабочих, теперь – в роли комиссара, расстреливающего пролетариев и запрещающего их стачки, т.е. делающего то же самое, что раньше делал на его месте губернатор или полицейский; бывшего защитника свободы слова, печати, союзов и т.д. теперь, в роли председателя совета депутатов, объявляющего все «свободы» предрассудком и контрреволюцией, т.е. выполняющего функции исправника и пристава; бывшего противника смертной казни или войны теперь – в роли чекиста или военного комиссара, уничтожающего людей оптом и проповедующего «беспощадную войну». Изменяются, соответственно, их образ жизни, их манеры, жесты, речевые рефлексы, желания, убеждения, вкусы и психика. То же самое следует сказать и о тех, кто оказался перемещенным сверху вниз.

Такие явления массовых трансформаций поведения и «душ», резко бросающиеся в глаза в каждой революции, с учетом сказанного становятся не только понятными, но буквально неизбежными. Ключ к объяснению таких явлений лежит не в «подлости» этих лиц, а в самом факте их перемещения в социальном агрегате и в очерченной выше общей деформации поведения во время революции. Приведем конкретные факты, иллюстрирующие это общее явление. Кто в 1918–1922 гг. стоял во главе карательных отрядов, уничтожавших целые де-

ревни и пачками расстреливавших крестьян за неуплату налогов, за непокорность власти, за ее громкое порицание? В большинстве случаев – бывшие рабочие и бывшие крестьяне, прежде возмущавшиеся бесконечно более мягкими мерами успокоения крестьян, применявшимися царским правительством. Теперь, в новой своей роли, они беспощадно карали «бунтовщиков». Это ли не разительная перемена! В чем же дело? В том, что они переместились из положения рабочих в положение полицейских и властвующих. Это перемещение сопровождалось «трансформацией» их «душ» и поведения. Они получили ту же «душу», которую раньше имели их предшественники, занимавшие это место, а потому в своей новой роли они делают то же самое, что делали до них начальники полиции и карательных отрядов, только гораздо грубее и беспощаднее последних.

Кто в 1918–1923 гг. преследовал свободу стачек рабочих, объявлял их недопустимыми, объяснял агитацией врагов «революционного отечества» и плодом «иностранных денег»?[64] Бывшие рабочие и революционеры, раньше (до занятия правительственных постов) горячо защищавшие свободу стачек, смеявшиеся, когда правительство объясняло их результатом подкупа рабочих иностранными деньгами или результатом зловредной агитации. Теперь, заняв позицию старого правительства, они «надели на себя» его «костюм поведения», впитали его «душу», его воззрения, его психологию и логику (только в чрезвычайно ухудшенном виде). Что проповедовали Ленин, Троцкий, Зиновьев и прочие лидеры большевизма в своих речах, статьях и книгах до того, как они заняли посты министров и верховных властителей? Свободу слова, печати, союзов, собраний, всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право, гарантии волеизъявления народа, необходимость отмены смертной казни, прекращение войны и т.д. Что стали они проповедовать и делать, переместившись из положения простых агитаторов и журналистов в положение министров и верховных правителей? Абсолютно противоположное и вместе с тем то же самое, что проповедовало и делало царское правительство, но опять-таки в чрезвычайно ухудшенном виде. Старые «души» оказались из них вынутыми и вместо них вложены были ухудшенные «души» неограниченных деспотов и полицейских. Скажут: для такой пропаганды и действий большевистской власти были свои причины, они были вызваны необходимостью. Но ведь и у всякой власти также есть свои причины: никакая власть не делает такие акты ради одного удовольствия, а делает их в силу той же самой необходимости.

[64] Ряд прокламаций большевистской власти (например, к бастующим рабочим Трубного завода в Петрограде в 1921 г.) был в этом отношении точной копией прокламаций царского правительства, с тем лишь различием, что большевики прокламировали более беспощадные наказания за забастовку, чем старое правительство, вместо «жидовских и японских денег» применительно к обстоятельствам поставили «антантовские деньги», вместо «революционных смутьянов: эсеров, социал-демократов и прочих жидо-масонствующих» поставили «контрреволюционных смутьянов: эсеров, социал-демократов, колчаковцев, белогвардейцев и прочей антантовской сволочи». Вот и все различие.

Я бы никогда не закончил, если бы стал перечислять хотя бы главные факты подобной массовой перемены «душ» и «костюма поведения», имевшие место в ходе русской революции. Она полна ими, и всякий наблюдавший ее может указать сколько угодно подобных фактов.

Массовая перестановка лиц повлекла за собой и массовое перемещение «душ». Каждый, кто прочно занял новое положение в системе социальных координат, получил «душу» и «костюм поведения» тех, кто занимал это место раньше[65].

Нетрудно указать сотни таких же трансформаций и «перемены душ» – как индивидуальных, так и массовых, – происходивших во времена других революций. Ограничусь несколькими примерами.

Одним из основных требований революционеров XIX в., свергавших старую власть, было требование всевозможных свобод и обвинение свергаемого режима в тирании. Что же получалось, когда сами революционеры становились властью? В первые дни революции – прокламирование неограниченных свобод, затем, как мы уже видели, ограничение или полное аннулирование их. Осев на новых позициях, они вскоре начинали копировать старую власть.

Члены Центрального комитета Парижской коммуны 1871 г. до водворения на правительственные места были апологетами всевозможных свобод, противниками смертной казни и т.д.[66] Через месяц-полтора поведение их кардинально меняется. Все газеты, неугодные им, закрываются, гарантии неприкосновенности личности аннулируются, вводится военный суд, свобода слова, печати и все прочие свободы уничтожаются, масса явно невинных заложников расстреливается[67].

Словом, налицо полное отрицание всех своих предыдущих заявлений и полное воспроизведение всех критиковавшихся ими черт низвергнутого правительства или Версальской власти. Опять-таки скажут: эти меры были введены под влиянием необходимости. Конечно. Но всякое правительство вводит их

[65] Причем сплошь и рядом эта перемена поведения и психики оказывается детальным копированием поведения и психики низвергнутых предшественников. Например, красные курсанты РСФСР начали буквально копировать привычки старого офицерства. «У них замечается уклон в сторону мелкобуржуазной идеологии и перенятие привычек старой офицерской касты», – так характеризуют суть дела сами коммунисты (речь Шубина на конференции военной школы, напечатанная в «Военном вестнике» за 1923 г., цит. по: Дни, № 243). То же самое в большей или меньшей степени наблюдается всюду, вплоть до ГПУ, ставшего старой «охранкой».

[66] Еще 20 марта 1871 г. в «Journal Officiel» они с негодованием отвергают обвинения в противоположном и с гордостью заявляют: «Мы не подписали ни одного смертного приговора, национальная гвардия не принимала участия ни в одной казни» (Парижская Коммуна. Акты и документы. Пг., 1920, с. 17).

[67] См., например, постановление от 17 мая 1871 г.: «Прочь жалость, говорим мы, прочь милость, прочь пощада» (там же, с. 124–129). А вот отрывок из постановления 6 апреля 1871 г., на основании которого были введены военные суды: «Ввиду неотлагательной необходимости Коммуна постановляет: десять заложников должны быть расстреляны в наказание за убийства, совершенные версальцами…» (там же, с. 126).

не без необходимости, и основная необходимость состоит в том, что любой, кто занимает место власти, неизбежно наследует и основные черты ее поведения и психики. Иначе он будет сброшен[68]. Разве не то же самое произошло с Иорданом, Каппом, Гельдом, Фребелем, Бауэрами и другими в германской революции 1848 г., выступившими революционерами, а затем, после того, как заняли иные позиции, ставшими опорой порядка?[69]

Теперь обратимся к деятелям Великой французской революции. Против чего протестовали якобинцы до своего возвышения? Против тирании, деспотизма, lettre de cachet[26*], политического преследования и других притеснений свободы. Чего они хотели? Свободы, волеизъявления народа, республики, реализации принципов Декларации прав человека и т.д. Чем они стали – на словах и на деле – со времени своего возвышения? Полной противоположностью. Уважали волю народа и давали ей выявиться? Нет. Это очень ярко проявилось уже в прениях 27 декабря 1792 г. при решении участи короля. Когда в Собрании Салль предложил для решения обратиться к воле народа и узнать ее, «Робеспьер страстно возражал против этого». «Добродетель, – признался он, – осуществляется на земле меньшинством». Сен-Жюст сделал еще более важное признание: «Обращение к народу… не значит ли это восстановление монархии?»[70]

Этим все сказано: когда воля народа совпадает с их волей, они готовы ссылаться на нее, когда не совпадает… тогда придумываются сотни «идеологий», как в данном случае – об «избранном меньшинстве», и воля народа попирается. Разве не то же самое, но в более мягкой форме делал старый режим, поносимый ими? Не была ли сплошным отрицанием их предыдущих принципов вся их деятельность и все их речи со времени «восшествия на престол»? Вооруженной силой разгоняя собрания, выгоняя неугодных им членов из Законодательного собрания, лишая прав, применяя голую силу, уничтожив все свободы и гарантии, доведя террор до пределов, они стали полным отрицанием самих себя и точной копией самых жестоких деспотов-самодуров. Это ли не полная «перемена душ» и поведения? При внимательном изучении этой «трансформации» можно иногда обнаружить поразительные детали. Старый режим фальсифицировал результаты выборов, они фальсифицируют их в квадрате. Старый режим пытался обеспечить себе большинство насилием и махинациями. Они делают то же самое, например, постановляя, что члены Конвента должны быть избраны из их числа. Не они ли еще недавно протестовали против veto короля? Став членами Дирек-

[68] Это мы видим и в наши дни. Теперь в ряде европейских стран чуть ли не нормой стало начинать политическую деятельность крайним социалистом и, постепенно поднимаясь на верха, становиться более умеренным, а войдя в состав правительства, превращаться в ручного социалиста-буржуа (Клемансо, Вивиани, Эберт, германские социал-демократические министры и т.д.).

[69] *Блос В.* Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907, с. 224, 247, 262, 277, 379, 320–321, 341.

[70] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. II, с. 31.

тории[27*] (как, например, Ля Ревельер), они теперь хотят это veto для себя. Нужно ли, далее, указывать на других членов Директории, на участников Термидора, на «разжиревших» революционеров, которые по мере своего «разжирения», обогащения и восхождения соответственно меняли свои убеждение и поведение: раньше они проповедовали равенство – теперь жадно хватают титулы маркизов, графов, герцогов и баронов, раньше они низвергали монархию – теперь становятся ее министрами. Это отдельные факты. Но не полна ли ими вся история революции? Не произошло ли то же самое с сотнями тысяч лиц, перемещенных в социальном пространстве?

Не иначе обстояло дело и в Англии во время революции, начиная с самого Кромвеля. Читая его речи и рассматривая поступки, мы сквозь сеть многочисленных обращений к Богу видим, как с переменой социальной позиции меняются его поведение и его «душа». Не он ли возвел на эшафот короля за нежелание последнего считаться с волей народа, за неуважение к парламенту, за нарушение свобод и религиозные притеснения? Что же он делает, когда сам становится на место короля? Неугодные ему парламенты разгоняет, с волей народа не церемонится, вместо «Звездной Палаты» создает «Совет Протектора», вместо республики ведет дело к провозглашению себя королем, произвольно устанавливает налоги, произвольно арестует и казнит; словом, Кромвель-революционер и Кромвель-протектор – две разные личности с двумя разными «душами»[71]. То же самое применимо и к сотням других лиц, поднявшихся на верхи. Они переняли поведение и «души» своих предшественников. «Step by step the Government of the Commonwealth was to accommodate itself to its true position, and to rule by means which every one of its members would have condemned if they had been employed by Charles or Strafford»[28*], – правильно говорит историк[72]. Карл и его сподвижники нарушали конституцию; сподвижники Кромвеля, протестовавшие против этого раньше, теперь нарушают ее в 10 раз больше и т.д. Словом, заняв места старых властителей, бывшие революционеры перенимают и их «души». Не это

[71] В разговоре с E. Calamy на возражение того против единоличной власти как незаконной и неприменимой Кромвель теперь говорит: «Незаконная? Да, незаконная. Но почему она неприменима?» Calamy отвечает: «Потому что противна желанию нации, ибо девять десятых будет против вас». – «Но если я обезоружу девять и вручу шпагу десятому, разве тогда дело не будет сделано?» (*Гизо Ф.* Цит. соч., т. III, с. 29). Разве не Кромвель прежде защищал право парламента низвергать короля и казнить его? В 1654 г. он же, разгоняя неугодный ему парламент, говорит: «С вашей стороны не признавать этой (Кромвеля) печати, заседать здесь и не признавать власти (Кромвеля), силой которой вы здесь заседаете… это преступление, какое только может совершить человек против Божьего Провидения» (там же, с. 116). Читая эти слова Кромвеля, невольно думаешь, что их произносит Карл I, который действительно много раз говорил то же самое и почти в тех же выражениях.

[72] *Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate. 1903, vol. 1, p. 55. Недаром авторы «The Hunting of the Foxes» правильно отмечают: «The old King's person and the old lords are but removed, and a new king (Cromwell) and new lords with the Commons are in one House and so we are under a more absolute arbitrary monarchy than before»[29*] (Ibid., p. 33).

ли случилось и с религиозными группами? До своего превращения в привилегированную церковь индепенденты боролись за свободу совести, а епископальная церковь не желала признавать ее. После перемещения их роли переменились: бывшие ревнители религиозной свободы стали ее гонителями, а бывшие гонители – ее сторонниками.

Не полная ли свобода толкования и проповеди слова Божия была основным требованием гуситов до их перемещения на позицию властителей? Сколько раз специальные договоры подписывались ими на этот счет. Но как только табориты и утраквисты[30*] очутились у власти, картина меняется. Ян Жижка поголовно уничтожает адамитов и членов других сект за их толкования слова Божия, объявляет и ведет беспощадную войну против всех инаковерующих. То же самое делают в Праге и утраквисты. Они организуют массовую инквизицию, арестуют и убивают всех инаковерующих. До своего возвышения чешские революционеры бичевали богачей и поносили собственность. Теперь, захватив чужие богатства, они обращают их в личное достояние и превращаются в пылких защитников частной собственности. Не они ли раньше протестовали против угнетения и грабежа народа? Став властителями, они грабят его сильнее, притесняют беспощаднее, чем старые владыки[73].

Словом, сообразно переменам их положения происходит и перемена их поведения.

Эта массовая трансформация поведения и «душ» перемещенных индивидов, конечно, не исчерпывается приведенными примерами. Она происходит во время всех революций; она является универсально многообразной, охватывающей в том или ином отношении всех и вся. Каждый из них, осев на новых позициях, меняет одни стороны поведения, одни «души» – убеждения, верования, вкусы, оценки – на новые, соответствующие его новому положению[74]. Бедняк, ставший богачом, теряет «душу» бедняка и получает «душу» богача; бывший раб, ставший властелином, надевает «костюм поведения» последнего; преследуемый ревнитель свободы, ставший правителем, надевает цепи на своих противников и становится жандармом.

Эта трансформация тем резче, чем больше контраст между старым и новым положением. Лишь одно длительное социальное воспитание, частая перемена профессий в нормальной (как США), богатой и разносторонней стране и подлинно глубокая моральность могут смягчить эту трансформацию. Если же ничего этого не было и нет, то она неизбежно оказывается резкой, бьющей в глаза во всякой стране в периоды революций[173*].

---

[73] *Denis E.* Op. cit., p. 278–283, 294–295, 348–349.

[74] Как яркий пример обратного изменения «души» укажу на русского товарища министра внутренних дел при царе, энергично боровшегося раньше с забастовками. Перемещенный за годы революции в положение простого рабочего, он горячо возмущался запрещением стачек большевиками!

Очерк четвертый

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПЕРИОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. Изменения в области процессов управления

Рассмотрим теперь главнейшие изменения социальных процессов, происходящие в революционном обществе. Начнем с изменения процессов управления, или процессов политических. Подходя к вопросу с точки зрения того механизма, который регулирует поведение и взаимоотношения членов агрегата, мы можем представить два противоположных типа общества.

1. *Общество, в котором поведение его членов и их взаимоотношения регулируются не ими самими, не их свободной волей и соглашением, а регулируются властью, сверху, в обязательном принудительном порядке*. Здесь объем регулирующих функций власти и ее прав огромен, ее вмешательство – беспредельно. Она сверху предписывает, что́ должен делать индивид, какой работой заниматься, жениться или не жениться, как верить, как думать, как одеваться, что́ есть и т.д. Члены общества здесь похожи на манекенов, приводимых в движение властью. А власть похожа на центральную, единственную в обществе динамо-машину, приводящую в движение этих манекенов и регулирующую их действия.

Объем свободы, автономии поведения и самоуправления граждан ничтожен во всех областях социальных взаимоотношений: экономических, семейных, профессиональных, религиозных, интеллектуальных и т.д. Нет никаких границ, за пределы которых власть не могла бы переступать и за пределами которых не могла бы вмешиваться. *Тип общества с таким централизованно-принудительным механизмом управления и регулирования поведения граждан можно назвать централизованно-деспотическим, или этатическим.*

2. Противоположностью ему служит *тип общества, где поведение и взаимоотношения членов общества регулируются ими самими, их волей и соглашениями, где объем их автономии и свободы огромен и где напротив, объем прав, вмешательства и регулирующих функций власти ничтожен*. В такого типа обществах ничто принудительно не навязывается правительством членам общества. Не оно предписывает, а сам индивид выбирает религию, воззрения, идеологию и профессию; не власть, а сам индивид решает, нужно ли ему жениться или нет, какие экономические соглашения заключить, что производить, как и

сколько, как одеваться, что есть и пить, что читать, где жить и т.д. Здесь наряду с небольшой правительственной динамо-машиной в каждом индивиде имеется как бы особая «динамо-машина», которая приводит его в движение и регулирует его поведение. *Такой тип общества можно назвать автономно-самоуправляющимся, или демократическим*.

В чистом виде каждый из этих типов общества едва ли когда-нибудь существовал в истории. Но разные общества прошлого и настоящего времени имели и имеют характер то более близкий к первому типу, то более близкий ко второму.

Спрашивается: *в каком направлении деформируется организация общества во время революций? В сторону этатизма или автономизма?* Ответ на этот вопрос гласит: *1) В первые моменты революции организация общества деформируется в сторону неурегулируемого анархического автономизма. 2) Оно быстро сменяется деформацией противоположного характера, приводящей к деспотическому этатизму, намного превосходящему деспотизм дореволюционного периода.*

3) Только с окончанием революции этот этатизм-деспотизм, порожденный ею, начинает падать. Эти колебания происходят тем резче, чем глубже и насильственнее революция.

До сих пор огромное множество людей думает, что революция – это свобода. Для них эти термины звучат как синонимы. Нужно ли говорить, что такое верование совершенно необоснованно, если не разуметь под свободным обществом деспотически-этатический тип, а под свободой поведения – поведение манекена, приводимого в движение властью.

Революция, кроме ее первого полуанархического периода, это: *1) уменьшение автономии, прав и свободы граждан, 2) рост вмешательства, опеки, прав и регулирующих функций власти, иными словами – рост деспотического этатизма за счет свободного автономизма.* К такому выводу придет каждый, кто будет объективно изучать регулирующую организацию общества, поведение граждан и власти в эпохи революций и не будет судить о положении дел по одним революционным «речевым рефлексам», воспевающим свободу.

В частной жизни мы научились уже судить о людях не по их словам, а по делам. Этот принцип, к сожалению, не вполне еще проник в область социальных наук и в суждения, касающиеся исторических событий. Да, революция богата лозунгами и гимнами свободы и очень бедна соответствующими им делами. Она похожа на ловкого шулера, хорошими словами маскирующего не совсем хорошие дела. Многие, соглашаясь с тем, что во время самой революции объем свободы и автономия граждан падают, утешают себя тем, что зато по окончании революции он увеличивается, усматривая в этом заслугу последней. Да, после конца революции кривая деспотизма-этатизма действительно падает по сравнению с ее уровнем во время революции. Но этот-то факт и говорит о том, что революю-

ция и автономное самоуправление – вещи несовместимые, что они исключают друг друга, что рост автономизма после революции совершается не благодаря, а вопреки последней. Трудно поэтому видеть в этом заслугу революции. Затем, напрасно думают, что послереволюционный автономизм гораздо шире дореволюционного. Автономность, самоуправление и свобода римского общества во время Цезаря, Августа и преемников последнего были скорее меньшими, чем бóльшими по сравнению с дореволюционным[1], догракховским состоянием римского общества. Режим тиранов, установившийся после революций в Греции, трудно считать менее деспотическим, чем режим, предшествовавший революции. Франция вышла из революции XIV–XV вв. гораздо более централизованной и менее автономной, чем была прежде. С этого именно времени королевская власть стала неограниченной. Чехия вышла из революции гораздо более деспотической, ее население – несравненно более бесправным и закрепощенным, чем в дореволюционный период. То же самое случилось после русской смуты XVII в., закончившейся усилением царской власти, ликвидацией органов самоуправления, ростом централизма, бюрократизма и деспотизма. Трудно назвать более свободным режим Реставрации (время Карла II и Якова II) в Англии, или время Наполеона I, превратившего Францию в «казарму», или режим Наполеона III – продукт революции 1848 г., или режим адмирала Хорти и баварских монархистов после венгерской и баварской революций 1918–1919 гг. Если кое-где – и то при революциях неглубоких – этот послереволюционный режим был не менее «автономным», чем дореволюционный, то он не очень существенно превосходил его в этом отношении. Нередко, как мы уже отмечали, первый был менее широким, чем второй. Вот почему и это распространенное мнение, состоящее в том, что плоды свободы революция приносит позже, я не могу признать правильным.

Во-первых, это не так; во-вторых, если бы это и было так, то заслуга принадлежала бы не революции, а мирной работе населения, покончившего с революцией; в-третьих, страны вроде Англии, не знавшие революций в течение ряда столетий (с XVII по XX в.), не только не теряли свобод, но расширяли их гораздо быстрее, чем любое из обществ, потрясавшихся революцией. Это лишний раз говорит о том, что указанное распространенное мнение совершенно неверно.

Перейдем теперь к подтверждению тезиса об изменении социальной организации в сторону этатического деспотизма в периоды революций. Оно неизбежно потому, что *основными факторами подъема кривой деспотического этатизма являются: 1) война; 2) усиление голода и нищеты масс при наличии имущественной дифференциации*. С этой точки зрения этатизм, вызываемый войной, можно назвать (следуя терминологии русских коммунистов) *военным социализ-*

[1] В итоге революций «для народной свободы настал конец, а Рим дожил не до владычества демократии, а – монархии» (*Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 96). Это – увы! – почти всегда повторялось.

мом; этатизм, вызываемый голодом – *«голодным социализмом»*. Указанная роль войны была блестяще очерчена еще Г. Спенсером[2]; «этатизирующая» роль голода была изучена мной[3]. Так как глубокая революция – это синоним худшей из войн – войны гражданской и в то же время синоним роста нужды, голода и нищеты масс, то становится вполне понятным, почему организация революционного общества трансформируется в сторону этатического деспотизма. Неизбежность расширения функций власти следует из того, что революции означают периоды исключительно интенсивного разрушения старого режима, перемещения людей и собственности, изменения всей социальной структуры и социальных процессов. Очевидно, без чрезвычайного расширения функций и деятельности власти столь огромные изменения происходить не могут. Последняя требует первых и волей-неволей заставляет всякое революционное правительство быть энергичным, сильным, насильственным и требует его вмешательства во все сферы социальной жизни. Даже в области экономической деятельности и экономических взаимоотношений, где, казалось бы, вмешательство менее всего может иметь место, мы его видим в периоды революций. Это par exellence[1*] – периоды «принудительного этатического хозяйства» (Zwangswirtschaft[2*]).

Мы видели выше, что в греческих и римских революциях право собственности фактически сводится на нет. Другие имущественные права – также. Договоры и обязательства аннулируются. Отношения производства, распределения и обмена начинают регулироваться властью. Вводится ряд правительственных монополий, продовольственное дело начинает сосредоточиваться в руках власти. Область личной автономии граждан в регулировке этих взаимоотношений сокращается, иногда до нуля.

Эти явления мы видим в деятельности революционных правительств в Греции и Риме (тиранов VI–V вв., в революциях IV в., в деятельности Агиса, Клеомена, Набиса, в деятельности Гракхов, Мария, Суллы, Друза, Красса, Помпея, Цезаря, Антония и Августа) независимо от того, являлись ли они диктатурой богачей или бедняков. Вся разница между той и другой диктатурой состояла лишь в тех группах, у которых они отнимали достояние; но каждое из революционных правительств бесцеремонно реквизировало и расширяло свои функции в этом отношении беспредельно.

Сходную картину мы видим и позже в крупных революциях. Возьмете ли вы революции средневековья: французские XIV–XV вв., гуситскую, русскую XVII в., германские, например, руководимые Т. Мюнцером и Иоанном Лейденским, – всю-

[2] См.: *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1898, т. I–II (главы о военном и промышленном типе общества). См. также: *Сорокин П.А.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию (Экономист. 1922, № 1); *Сорокин П.А.* Война и милитаризация общества (Артельное дело. 1922, № 1–4).

[3] См. мою книгу «Голод как фактор» (гл. X: Голод и социально-экономическая организация).

ду здесь в разных формах проявляется тот же факт расширения произвола и вмешательства власти в сферу экономических взаимоотношений членов общества.

Организация настоящих коммунистических агрегатов в Мюнстере и Мюльгаузене с «обобществлением» средств производства и предметов потребления, с уничтожением частной собственности служит бесспорным доказательством сказанного. То же самое, как известно, имело место и в гуситской революции. Декретом 26 июля 1420 г. имущество эмигрантов-немцев, духовенства, всех противников гуситства, а позже и всех богатых людей было конфисковано. В Таборе и у таборитов частная собственность была уничтожена. Ряд сект – адамиты и другие – обобществили не только имущество, но и женщин. У крестьян безжалостно отнимали все, что они имели. Словом, частная автономия здесь была совершенно уничтожена[4].

Не иначе обстояло дело и в английской революции. Доказательством тому служат: 1) произвольные массовые конфискации, производившиеся революционным правительством и достигшие в Ирландии колоссальных размеров; 2) усиленная борьба с торговцами на почве борьбы с голодом: таксация цен, платы, прибылей и регулировка обмена и распределения; 3) произвольное налогообложение, взимание штрафов и пени; 4) принудительные займы у City и богачей; 5) ряд монополий, введенных правительством[5].

Колоссальная конфискация земель и имуществ эмигрантов и лиц, неугодных якобинцам, национализация церковного имущества, огромные «реквизиции» хлеба, скота, белья, обуви и прочей движимости (например, в Марселе Баррас заставил 20 тыс. человек отдать по 2 рубашки, в Лионе Фуше конфисковал всю обувь частных лиц и т.д.), декреты вроде декрета от 10 ноября о реквизиции всех свиней у частных лиц, таксация заработной платы и цен на продукты, карточная система, принудительные трудовые повинности, принудительная вербовка рабочих, закон о максимуме 4 мая и 30 сентября 1792 г., декреты 19–20 августа, 27, 11, 29 сентября, 2 октября, 24 ноября 1793 г., 28 января 1794 г., произвольные невыносимые налоги и поборы – все это и множество других мер свидетельствует о росте этатизма в экономической области во время *французской революции*[6]. Провозглашение неприкосновенности частной собственности осталось на бумаге. То же самое

[4] См.: *Denis E*. Op. cit., p. 228, 261–262, 281–287, 330.

[5] «Секвестр и конфискации производились против побежденных самым невыносимым и возмутительным образом… по произволу, так что никто не знал, каково его положение и какова будет его участь». Масса лиц «облагалась податями, взимаемыми насильственно», «на народ налагались огромные налоги» и т.д. (*Гизо Ф*. Цит. соч., т. I, гл. XXIII, т. II, с. 221–222; *Gardiner S*. History of the Commonwealth and Protectorate. 1903, vol. I, p. 24, 49, 251–252, 311–312, vol. II, p. 22, 187, 200, vol. III, p. 322, 328–330, 254).

[6] См.: *Hake F. von*. Zusammenbruch und Aufstieg des Frazosischen Wirtschaftsleben 1789–1799. München. 1923, S. 96–97, 109–111. «Uberhaupt gibt es während dieser Schreckenzeit in niemand, der auch nur etwas Besitz, der eine Stunde seines Lebens und seines Besitzes sicher wäre»[3*] (S. 120).

в иных формах повторилось во время революции 1848 г., о чем красноречиво свидетельствует один только факт учреждения национальных мастерских, не говоря уже о попытках власти взять в свои руки регулирование многих экономических отношений.

Безграничное расширение экономически-регулирующих функций власти во время Парижской коммуны, в германской, венгерской и особенно русской революции 1917–1922 гг. не требует подтверждения[7].

Юридическое уничтожение частной собственности, универсальная национализация земель, фабрик и движимого имущества, безграничные реквизиции и конфискации, полная централизация и монополизация всего производства, распределения и потребления в руках власти и ее органов, уничтожение частной торговли, уничтожение свободы труда и выбора профессий, уничтожение наследования, введение трудовых повинностей, превращение всего населения в государственных рабов, работающих по указанию государственной власти – все эти факты русской революции (а также баварской и венгерской) представляют собой лишь полное выражение обычных тенденций революции, в других революциях редко получавших столь крайнее и резкое проявление.

Кажущийся столь исключительным «русский опыт» коммунизации и построения коммунистического общества был не чем иным, как доведением этатического деспотизма (или Zwangswirtschaft) до его крайних пределов. Так как основные причины (война и голод), вызывающие рост этатизма, приняли в России исключительные размеры (7 лет мировой и гражданской войны плюс страшное обнищание), то неудивительно, что кривая этатизма под именем «коммунизма» (позже самим Лениным стыдливо названного «военным коммунизмом») поднялась исключительно высоко. В свете этих положений приходится изумляться той наивности, которую многие проявили, увидев в предельном деспотическом этатизме прообраз какого-то нового и более совершенного общества. Надо быть поистине наивным или невежественным человеком, чтобы делать такие оценки.

Если даже в области экономических отношений мы видим большее или меньшее усиление этатизма, то что же говорить о других областях поведения и взаимоотношений. Здесь рост деспотического этатизма бесспорен и ярко бьет в глаза в каждой революции. Это мы отчасти уже видели выше, в главе об изменении моральных и других форм поведения.

«Диктатура» – вот институт, неразрывно связанный со всякой глубокой революцией. Независимо от того, имеем ли мы диктатуру «белых» или «красных», единоличную или коллективную, она означает наличие власти, не связанной никакими ограничениями, имеющей право поступать как ей угодно, делать – что

[7] Характерно, что с ростом беспорядков в Германии в августе-сентябре 1923 г. стала расти и кривая этатизма. Правительство Штреземана с его принудительным займом, учетом валюты и ценностей, с огромными регулирующими заданиями – частный случай этого общего явления.

желательно, преступать какие угодно права. Так фактически и обстоит дело. Будут ли революционно-диктаторской властью тираны Греции, диктаторы и триумвиры Рима, Э. Марсель и Кабош, Ян Жижка и Прокоп, Иоанн Лейденский или Т. Мюнцер, Кромвель или якобинцы, Бланки, Л. Блан, Коссидьер, Парижская коммуна или русские коммунисты – все они юридически и особенно фактически начинают накладывать свою тяжелую лапу на все население, не стесняясь законами и правами.

Нормальные законы и гарантии неприкосновенности личности и ее свобод – падают. Место их занимают «военные положения» и исключительные суды (ЧК, революционные трибуналы и военные суды), без всяких формальностей уничтожающие людей сотнями, тысячами бросающие их в тюрьмы, сводящие на нет какие бы то ни было гарантии.

Свобода слова, печати, союзов, собраний – сводится на нет (мы видели выше). *Свобода религии, даже в религиозных революциях, как в Англии и Чехии, – становится фикцией. Свобода преподавания, воспитания и обучения – также. Свобода передвижения – запрещается*. Словом, какую бы область поведения и взаимоотношений вы ни взяли, всюду вмешательство, опека и принудительное давление власти колоссально возрастает, автономия всех граждан, кроме клиентов и сторонников власти, – сокращается. Гражданин связывается по рукам и ногам. Из автономного субъекта прав он делается простым объектом воздействия диктаторской власти. То же самое следует из факта *централизации всей власти в руках диктатора*, Комитета общественного спасения, «The Council of the State»[4*] или Центрального комитета российской коммунистической партии. Все функции власти: законодательная, исполнительная и судебная сосредоточиваются в руках одного человека или небольшой группы лиц. Ждать «умеренности и справедливости власти» в таких условиях не приходится.

О том же громадном росте этатизма говорит и *милитаризация всей общественной жизни в периоды революций, сопровождаемых гражданскими войнами*. Все общество превращается в казарму, народ – в армию, власть – в неограниченного полководца, делающего с народом, что ей угодно.

Все эти громадные симптомы делают бесспорным наш тезис. Фактов, подтверждающих эти положения столь много, они так легко могут быть указаны, что достаточно двух-трех примеров из истории крупнейших революций. Беру *английскую революцию*.

1) Вместо *нормальной власти в лице House of Commons, House of Lords*[5*] *и короля вся власть сосредоточивается в руках сначала небольшой группы лиц, потом – одного Кромвеля*. «Cromwell, Ireton and Harrison ruled The Council of Officers, and The Council of Officers ruled the State»[6*], – так кратко формулируют положение дел авторы «The Hunting of the Foxes». Позже – централизация и неограниченность власти, сосредоточившейся в руках Кромвеля, достигают зени-

та. 2) *Суд?* «Для поддержания жестокой политической тирании необходима была тирания судебная. Республиканский парламент пользовался ею без зазрения совести». Против солдат – военные суды, против оппозиции – исключительные суды. Против всех – аресты, ссылки и заточения – безо всякого суда. «Парламент поражал людей ужасом и рубил головы выдающимся». «Когда неподкупные судьи отказывались осуждать, Кромвель оскорблял, отставлял, сажал в тюрьмы адвокатов и судей с наглостью, беспримерной в самые худшие времена». Царит система неопределенных произвольных приговоров, столь типичная для революций (судить по «революционной совести», а не по нормам закона).

3) «С первых шагов революционное правительство довело почти до крайних пределов *политическую тиранию*. Кто не с ним – не может занимать должности… Все противники республики были поставлены в положение каких-то илотов, лишенных всяких политических прав».

4) *Свобода печати аннулируется*. Вводятся цензура и другие меры воздействия на печать, далеко оставляющие позади время Карла I.

5) *Религиозная свобода?* Уж она-то, казалось, должна быть. Но… «та самая партия, те самые люди, которые полстолетия с удивительным постоянством ратовали за религиозную свободу, сделавшись властителями, решительно исключили из всякой свободы три обширные класса: католиков, сторонников епископальной церкви и свободомыслящих». Их преследовали, сажали в тюрьмы, лишали должностей, конфисковывали их имущество, приговаривали к смерти.

6) *Самоуправление и уважение воли народа?* О, оно прекрасно доказывается многочисленными разгонами парламентов и неугодных власти членов лондонского City, изгнанием выборных лорд-майоров и ольдерменов[7*], исключением всех неугодных власти должностных лиц, введением института милиции и генерал-майоров, предназначенных опекать население, доносить и подавлять всякую оппозицию, «поступавших с монархической Англией, как с народом завоеванным и побежденным».

7) *Свобода собраний, союзов и передвижений* доказывается массовыми арестами, закрытием и запрещением сходок, театров, увеселительных зрелищ, разносчиков и уличных певцов, ограничениями свободы передвижения, изгнаниями и запрещениями жить в Лондоне и ряде других мест, приказами родителям держать слуг и детей дома, кроме немногих часов, разрешениями хватать и сажать в тюрьму всякого подозрительного человека и т.д.

8) *Свобода воспитания и мысли* помимо запретительных законов о печати отлично иллюстрируется «чисткой университетов»: изгнанием неугодных ректоров и профессоров и назначением на их место своих сторонников[8].

[8] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. I, с. XXII–XXXII, XI–XII, 125–126, 134, 270, т. II, с. 135, 51–52, 123, т. III, с. 19, 31, 35, 150–151, 147–160; *Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate, vol. I–IV.

Все эти факты говорят ясно, в какой мере кривая деспотизма и этатизма возросла в английской революции – добродетельнейшей из революций[9].

Черты «военного и голодного социализма», или этатизма, ясно видны и в *чешской революции.*

1) Страна превратилась в военную казарму с беспощадной дисциплиной.

2) Религия очень скоро стала принудительно регулируемой: католики, свободномыслящие, табориты испытывают на себе давление со стороны утраквистов, утраквисты – со стороны таборитов, и все инаковерующие преследуются и убиваются. Начав с провозглашения свободы религии, «Ян Жижка и его сподвижники отказывались от всякого мира с теми, кто не разделял их веру». То же самое в Праге делали и утраквисты. «Учредили настоящую инквизицию: в каждом городе 50 человек, известных правоверием, разыскивали и следили за всеми инаковерующими, не подчинявшимися догмам утраквизма. Они имели право заключать их в тюрьму и передавать в руки власти».

3) Воспитание – принудительно регулируется.

4) Свобода мысли, слова и писания – аннулируется.

5) Вместо суда – произвол.

6) В Таборе принудительно регулируются одежда, игры, пища, занятия и т.д.

7) Полное пренебрежение к избирателям и замена народной воли голой силой[10].

Еще в более резкой форме этот рост деспотизма выступает во *французской революции*. И здесь:

1) Сосредоточение всякой власти в руках кучки лиц и Робеспьера.

2) Огромная централизация, завершившая централизацию старого режима[11].

3) Полное уничтожение свободы слова, печати, союзов и собраний, кроме как для сторонников власти.

4) Милитаризация всей страны.

5) Уничтожение всяких гарантий прав и безопасности личности.

6) Замена судов исключительными трибуналами.

7) Преследование религиозной свободы[12].

8) Преследование инакомыслящих.

---

[9] «Они (революционное правительство) обещали свободу, а на деле были тиранами», – заключает Гизо (Цит. соч., т. I, с. XIX). «It is never possible for men of the sword to rear the temple of recovered freedom. Honestly as both military and political liders desired to establish popular government, they found themselves in vicious circle from which there was no escape»[8*], – пишет Гардинер (Op. cit., vol. I).

[10] *Denis E*. Op. cit., p. 222, 239, 261, 265–266, 281–283, 278–279, 282–283.

[11] См.: *Tocqueville A. de*. L'Ancien Régime et Revolution. 1877, p. 234–247, кн. II, кн. III (гл. 3); *Taine H*. La Revolution. 1885, vol. III: Le Programme Jacobin, p. 69–159.

[12] «Мы – Конвент, мы властны изменить религию» – таково было убеждение властителей.

9) Уничтожение самоуправления, полное пренебрежение к воле народа и избирателей (разгон и казнь членов Национального собрания, Конвента, органов самоуправления и т.д.).

10) Подавление свободы мысли.

11) Стеснение свободы передвижения и т.д. – все это известно и бесспорно.

Эро де Сешель был прав, предлагая «набросить покрывало на статую Свободы». Оно и было наброшено. «Вмешательство революционной власти во все области частной жизни, давление, производимое ею на труд, обмен и собственность, на семью и воспитание, на религию, нравы и чувства, – такова программа и практика якобинцев»[13].

В худшие времена старого режима едва ли тирания достигала того уровня, на который она поднялась во время революции; едва ли население когда-либо имело меньше прав в отношении власти, а правительство – более неограниченным, чем это было при революционной диктатуре.

В еще более резкой форме это явление выразилось в *русской революции.* Полное бесправие всего населения и неограниченный деспотизм кучки большевиков с их клиентами – такова краткая и точная формула положения дел за 1918–1922 гг.

1) Вся власть централизуется в руках 5–6 лиц – членов Политического бюро РКП[9*].

2) Абсолютное уничтожение свободы слова, печати, собраний, союзов.

3) Уничтожение судов и законов. Замена их произволом ЧК и революционных трибуналов.

4) Полная потеря каких бы то ни было прав, вплоть до права на жизнь.

5) Ликвидация религиозной свободы.

6) Уничтожение всякой свободы мысли, несогласной с догмой коммунизма.

7) Уничтожение всяких действительных выборов и органов самоуправления.

8) Аресты, расстрелы и высылки всех несогласных с властью и ее догмами.

9) Уничтожение всех имущественных прав.

10) Уничтожение свободы передвижения.

11) Принудительная – прямая и косвенная – регулировка: пищи, одежды, жилища, форм деятельности, характера воспитания и обучения детей, профессий, часов сна и бодрствования и т.д.

Словом, абсолютный деспотизм власти, полная централизация, всесторонняя опека и регулировка – с одной стороны, полное бесправие, превращение субъектов права в объект, лиц – в манекенов, людей – в вещи – с другой.

Такова картина «свободы», которую демонстрирует русская революция.

[13] *Taine H.* La Revolution. 1885, vol. III, p. 120–121; кн. II (гл. 1–2).

Я не буду приводить подтверждений из истории других революций. Смею лишь заверить, что все эти черты – в большей или меньшей степени – присущи каждой из них[14].

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод: если не разуметь под свободой свободу египетского раба, строившего пирамиды, свободу населения деспотий Востока, свободу самодурства диктатора и бесправия населения, то никакой другой свободы революционные времена не дают. Они централизируют, а не децентрализируют политический аппарат власти, усиливают тиранию, деспотизм и этатизм, а не ослабляют их, уменьшают, а не увеличивают объем прав, автономий, свободы и самоуправление граждан. Вот почему лозунги насильственной «революции» и «свободы» для меня звучат не как синонимы, а как вещи несовместимые. Всякий, кто желает глубокой и насильственной революции, тем самым содействует – хочет он или не хочет этого – росту тирании и «набрасывает покрывало на статую Свободы». Лишь с момента ликвидации революции это покрывало начинает сползать обратно. С этой точки зрения прав был Флобер, сказавший в «Воспитании чувств», что «в каждом непримиримом революционере таится прирожденный жандарм». Это звучит парадоксально, но верно.

§ 2. Изменения экономических процессов

1) Первая черта изменения экономических процессов в революционное время состоит в росте этатизма или в уменьшении автономии граждан в области экономических взаимоотношений. Эта черта только что была рассмотрена.

Характер других изменений легко предвидеть. Революция, отвлекая силы людей от борьбы с природой на борьбу друг с другом, ослабляя трудовые рефлексы, убивая своими эксцессами и грабежами уверенность в прочности обладания богатством, ослабляя своими уравнительными попытками стимул личной заинтересованности, с одной стороны, и усиливая леность, давая за нее премии – с другой, наконец, разрушая города и села, опустошая нивы и мастерские, неизбежно ведет:

[14] Положения, выраженные в декретах 12 марта 1848 г. комиссарами революционного правительства, типичны для характера деятельности любой революционной власти. Вот они:

«Каковы ваши полномочия? – писалось там. – Они безграничны. Как агенты революционной власти вы также революционеры... Вы зависите только от вашей совести... На вас возлагается обязанность руководить всем... Никаких сделок, никаких уступок». Еще резче ту же мысль выражал Луи Блан. См.: *Грегуар Л.* Цит. соч., т. III, с. 37–38.

Парижская коммуна 1871 г. «могла держаться только при помощи сильного давления на врагов. Правление ее превратилось в настоящую тиранию. Члены Коммуны не могли выносить ни малейшей критики и подавляли все независимые голоса. Они старались внушить страх и наполняли тюрьмы подозрительными лицами и заложниками. Затем, когда наступил решительный час, они старались всеми силами обеспечить себе месть. Их газеты не переставали требовать самых кровавых репрессалий» (Там же, т. V, с. 411).

2) *к падению производства в стране, к общему обеднению, тем самым к разрушению и дезорганизации всей экономической жизни общества*. Таков основной результат ее влияния. Наряду с ним имеются второстепенные:

3) *революция в первом фазисе часто уменьшает имущественную дифференциацию и приближает население к равенству в нищете;*

4) *во второй период – усиливает экономическое неравенство, причем нередко до пределов, превосходящих дореволюционный период;*

5) как мы видели выше, *интенсивно перемещает богачей в бедняки и обратно;*

6) чем кровавее, длительнее и глубже революция, тем эти эффекты резче. Если революция очень краткая и малокровная, то они могут быть ничтожными.

Таковы те объективные результаты, к которым вместо обещаемой всеобщей сытости, «кисельных берегов и молочных рек» ведет революция. Эти результаты очень четко выявились в *русской революции 1917–1922 гг.*

Об этом говорят нижеследующие цифры. Валовая производительность русской промышленности в пределах современной Советской России (без Сибири и Туркестана) в миллионах золотых рублей, по большевистской статистике, составляла (в процентном отношении к 1912 г.):

в 1912 г.	6 059,2	100%
1920	835,8	13,8
1921	370,0	14,4
1922	965,5	16,9[15]

Народный доход на одного человека составлял:

1913	100 руб. 35 коп.	100%
1916–1917	85 руб. 60 коп.	84,5%
1921	38 руб. 60 коп.	38,1%[16]

Продукция остальных видов промышленности к продукции 1913 г., принимаемой за 100%, относится так:

Виды промышленности	1913	1918	1919	1920	1921	1922
Каменноугольная	100	42	29	27	31	34
Металлургическая	100	12,2	2,6	2,4	3,0	3,9
Нефтяная	100	44	49	41	42	49
Добыча железной руды	100	0,2	0,0	1,6	1,6	2,2
Текстильная (льняная пряжа)	100	75	45	33	25	46
Шерстяная	100	–	19	23	17	27
Хлопчатобумажная	100	–	6,2	6	7,4	17
Сахарная	100	24	6	5	7	–[17]

[15] На новых путях. Итоги новой экономической политики за 1921–1922 гг. 1922, вып. III, с. 178–188.

[16] *Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 119.

[17] Экономическое строительство. М., 1923, № 2, с. 34.

Сельское хозяйство «процветало» не хуже. Это видно из площади посева и величины урожая.

Посевная площадь в пределах РСФСР в млн десятин была:

	1909–1913 (средняя)	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923
	83,5	88,5	85,1	78,2	78,2	–	–	62,3	54,9	49,2[18]	59,3
Урожай ржи с десятины (в пудах)	53,9	53,1	72,3	60,1	49,7	44,1	38,3	33,7	–	–	–
Урожай озимой пшеницы с десятины (в пудах)	62,3	65,4	87,1	71,7	57,7	47,6	34,3	32,7	–	–	–
Урожай яровой пшеницы с десятины (в пудах)	50,7	39	64,4	45,7	44,4	36,0	35,5	28,5	–	–[19]	

В итоге этого расстройства земледелия Россия, вывозившая до войны за границу 650 000 000 пудов, в 1921–1922 гг. дошла до людоедства на почве голода. Вместо «курицы в супе» революция накормила русский народ бифштексами из мяса... собственного ребенка.

Сходное происходило и с другими сельскохозяйственными культурами.

Лен	1914	1916	1920	1921	1922	1923
Площадь (тыс. десятин)	1 311	945,5	321,1	292,3	347,1	–
Сбор (тыс. пудов)	24 083	14 722	4 500	5 500	–	–

Хлопок	1915	1916	1921	1922
Площадь (тыс. десятин)	520	578	130	52
Сбор	15 млн		600–700 тыс.	

Табак	1 916	1918	1920	1921	1922	1923
Площадь (тыс. десятин)	6 750	2 967	537	231	?	1 800 (предположительно)
Сбор (тыс. пудов)	69,00	28,28	7,66	2,76	5,9	16 (предположительно)

Сахарная свекла	1914	1922	1923
Площадь (тыс. десятин)	683,4	159,2	232,3 (предположительно)
Сбор (тысяча 12-пудовых берковцев)	75 666	9 130	?[20]

Животноводство пало на 40–50% по сравнению с довоенными годами.

Транспорт разрушен так же. В дореволюционное время Россия имела 19 000 паровозов и 437 000 вагонов, теперь – 7 000 паровозов и 195 000 вагонов, и то не вполне исправных. Среднесуточная погрузка в 1913 г. составляла 31 000

[18] Экономическая жизнь, № 163.

[19] *Кондратьев Н.* Регулировка рынка хлебов за годы войны и революции. М., 1923. Данные о посевной площади за 1921–1922 гг. приведены по «Отчету Народного Комиссариата Земледелия за 1922 г.».

[20] Экономическая жизнь. 1923, № 172, 2 августа.

вагонов, в 1923 г. – 11 600 вагонов[21]. За годы революции разрушено 3 650 железнодорожных мостов и около 20% станционных зданий.

Финансы государства находятся в умопомрачительном состоянии. Количество бумажных денег в миллиардах рублей было:

на 1 января 1917	9,2
1918	27,3
1919	61,3
1920	225,0
1921	1168,6
1922	17539,5
май 1923	6076000,0

Обесценивание их шло так. Принимая цены 1913 года за 1, индекс цен за годы революции возрастает следующим образом:

1 января 1917	3,8
1918	23,3
1919	230,0
1920	2136,0
1921	26500,0
1922	182753,0
1923	19775000,0[22]

В переводе на товарные рубли вся эта бумажная масса стоила бы (в млрд руб.):

	1921	1922	1923
Январь	44	96	101
Февраль	44	67	106
Март	37	54	116
Апрель	40	42	104
Май	49	35	114
Июнь	42	51	–
Июль	37	69	–
Август	43	94	–
Сентябрь	56	128	–
Октябрь	71	144	–
Ноябрь	80	117	–
Декабрь	96	106	–

Заработная плата рабочих, опять-таки по данным большевиков, при «диктатуре пролетариата», считая пайки, одежду, жилище и все прочее, была равна:

В 1913–1917	22 руб. в месяц
1918	8,99
1919	6,77
1920	7,12
1921	6,95
1922	8,22[23]

[21] Известия. 1923, № 186, 21 августа.

[22] Цит. по книге С.Н. Прокоповича (с. 209); Экономический вестник, № 235, 174.

[23] Экономическая жизнь. 1922, № 264; *Прокопович С.Н.* Цит. соч., с. 135.

Фактически она была еще ниже[24]. Из этих данных ясно «благодетельное» влияние революции. Четыре года мировой войны были бесконечно менее разрушительными, чем четыре года революции. В итоге их – общая нищета… голод… людоедство... вымирание русского народа. Но, быть может, этой ценой достигнуто имущественное равенство? уничтожение частной собственности? обобществление средств и орудий производства? уничтожение эксплуатации и армии безработных?

Увы, нет! В первый период «военного коммунизма» (1918–1920 гг.), исключая самих коммунистических вождей, действительно произошло уравнение в нищете. Богатства были разграблены. Благодаря нормированию заработной платы и отбиранию всех излишков имущественная дифференциация, как мы видели, уменьшилась даже среди крестьян и рабочих. Но, увы, ненадолго! В 1921–1922 гг. даже коммунисты поняли разрушительное влияние «коммунизма», доведшее народное хозяйство до полного развала. Отсюда – лозунг: «Назад к капитализму!» С 1921 г., после введения «новой экономической политики», т.е. возвращения к капитализму, разрешения частной торговли, денационализации предприятий, разрешения концессий, допущения частной собственности, начался и рост имущественной дифференциации. Уже в 1922–1923 гг. он привел к бóльшим контрастам в имущественном отношении, чем контраст между уровнем жизни американского миллиардера и уровнем жизни американского рабочего. С одной стороны, мы видим массу людей, умирающих от голода, доведенных до людоедства, и ужасающую нищету, с другой – верхи власти, спецов и новую буржуазию, ведущих роскошный образ жизни, не отказывающих себе ни в чем. Уравнительная работа первого периода была сведена на нет.

Вместо уничтожения частной собственности в этот период (1921–1922 гг.) мы имеем ее фактическое и юридическое признание. Вдобавок – небывалый рост собственнической стихии, захлестнувшей весь коммунизм и принявшей зоологический оттенок. К 1923 г. из национализированных средств и орудий производства, домов и земли, торговли и банков в руках государства осталась лишь крупная индустрия. Коммунизация развалила и ее. Дефицит ее рос

[24] По другим официальным данным, в 1922–1923 гг. заработная плата рабочих составляла:

в октябре 1922	1 руб. 65 коп.
ноябре	1 руб. 16,1 коп.
декабре	1 руб. 19,7 коп.
январе 1923	1 руб. 16,1 коп.
феврале	1 руб. 44 коп.
апреле	1 руб. 38 коп.
мае	1 руб. 26 коп.

См.: «Труд» от 6 октября, 10 ноября, 12 декабря 1922 г., 5 января, 8 февраля, 3 марта, 6 мая 1923 г.; *Шварц С.* Государственный минимум заработной платы // Социалистический вестник. 1923, 1 июля.

и растет, поэтому в 1923 г. началась ее декоммунизация и денационализация[25]. В итоге – вся коммунизаторская работа революции также была сведена на нет.

Не лучше обстоит дело и с эксплуатацией. Во-первых, никакая эксплуатация капиталистического строя не может конкурировать с той эксплуатацией «государственного рабства», которая производилась властью в период военного коммунизма, заставляя население фактически работать по 14–16 часов, власть могла давать ему за это лишь 8 рублей в месяц. Людей эксплуатировали так, как не эксплуатирует хороший извозчик свою лошадь.

Поэтому первый период революции был отмечен колоссальным ростом эксплуатации трудовых классов. Переход от него к «новой экономической политике» был облегчением эксплуатации. Но... по сравнению с дореволюционным состоянием эта эксплуатация безмерно возросла. Вместо 8–10 часов работы теперь работают 10–12–14 часов. Вместо старой заработной платы – получают ее треть или четверть или одну десятую. Вместо гигиенических условий – работают в невозможной обстановке. Старое законодательство о защите труда аннулировано, новое – значится лишь на бумаге.

Армии безработных? Сейчас уже (1923 г.) она насчитывает более 1 000 000 человек, буквально обреченных на голод, ибо от государства они ничего не получают, кроме ничтожных грошей, а при общем развале промышленности найти работу не могут.

Итог ясен. Предоставляю рыцарям революции воспевать ей дифирамбы. Я лично не вижу никаких оснований для этого.

Какую картину в этом отношении дают другие революции? Быть может, не столь ужасную, как русская, но однородную с ней. *Ни одна из них не может похвастаться тем, что улучшила и повысила производительность страны, повысила уровень жизни трудовых классов, прочно укрепила имущественное равенство, уменьшила эксплуатацию, покончила с безработицей и институтом частной собственности.*

Венгерская и германская революции 1918? О влиянии первой нам красноречиво рассказывает один из ее вождей, профессор Е. Варга, бывший президентом венгерского Высшего совета народного хозяйства[26]. Картина – та же, что и в русской революции, только более мягкая, ибо опыт коммунистической революции здесь был скоро ликвидирован. Германская революция была «мелкобур-

[25] Развал этой крупной индустрии, «ее огромная задолженность, превысившая за 5 месяцев 1923 г. 85 млн золотых рублей, постоянное уменьшение производственной программы, отсутствие перспективы по возрождению и восстановлению нашей крупной промышленности... заставляют нас в интересах страны перейти к денационализации ряда промышленных предприятий первостепенного значения», – таков, по словам председателя Высшего Совета Народного Хозяйства народного комиссара Рыкова, сказанным им в июне 1923 г., итог коммунизации. Последняя цитадель коммунизма, таким образом, разрушается самими же коммунистами. (Цит. по: Дни, № 205).

[26] См.: *Varga E.* Die wirtschafspolitischen Probleme der proletarischen Diktature. Wien, 1921.

жуазной» и неглубокой, поэтому ее разрушительные эффекты были небольшими; кроме того, они во многом объясняются условиями Версальского мира.

Роль *Парижской революции 1870–1871 гг.* известна. Она еще более ухудшила и без того скверное экономическое положение парижского населения и Франции. Голод… болезни… вымирание – прекращение всякой промышленной и торговой деятельности... безработица – таковы ее результаты[27].

Роль *революции 1848 г.* была однородной. Попытавшись вначале помочь рабочим – путем организации Национальных мастерских, – она не справилась со своей задачей. Другими своими мерами она еще более дезорганизовала народное хозяйство, усилила нужду, безработицу и эксплуатацию[28].

Не иначе обстояло дело и в *германской революции 1848 г.* В Берлине «улицы поросли травой, дома обезлюдели, лавки полны товаров, но нет покупателей. Трудолюбивые граждане не находят работы, не имеют заработка, ремесленник впадает в нищету».

В итоге ее разве одни крестьяне ничего не потеряли, а скорее кое-что приобрели. «Рабочие же были обмануты во всех своих ожиданиях… Скудная милостыня в виде государственных и общественных работ не могла, конечно, улучшить материальное положение рабочих масс» и т.д.[29]

При пролетарской ли или при буржуазной революции – все равно революция бьет прежде всего и сильнее всего самый революционный рабочий класс.

«Революция 1830 г. усилила торговый кризис. Дела совсем приостановились. Рабочие были без работы»[30].

[27] См.: *Грегуар Л.* Цит. соч., т. IV, с. 307–308, 317, 409–410.

[28] «Революция уничтожила кредит… Расходы внезапно увеличились. Доходы должны были уменьшиться». «Деньги, – писал Гарнье-Пажес, – исчезают из казначейства, как вода из открытой шлюзы. Через неделю нам грозит банкротство». «На бирже 5-процентные бумаги продавались 23 февраля по 116 франков 10 сантимов, 7 марта курс их снизился до 89 франков, а вскоре он пал до 55 франков». Устанавливается принудительный курс, и вводятся новые налоги в 45 сантимов. «Народ терпел недостаток в хлебе; не существовало ни кредита, ни торговли, ни промышленности». Росла безработица (*Грегуар Л.* Цит. соч., т. III, с. 25–29). Влияние революционного 1848 г. на производство видно из следующих цифр:

	1847	1848	1849	1850
Сбор хлеба (в млн гектолитров)	97,6	88	91	88
Нефтяная промышленность (млн тонн)	5153	4000	4049	4434
Производство чугуна	592	472	414	406
Производство железа и стали	390	283	252	257
Производство сахара (млн квинталей[10*])	523,7	481,0	500,7	597,6
Производство хлопка и льна (тыс. кг)	47191	44759	63903	59272
Объем внешней торговли (млн франков)	2339	1644	2291	2555

«Никогда с начала XIX века Франция не проходила через ряд годов более неспокойных и менее благоприятных для развития промышленности, чем 1848–1851» (*Levasseur E.* Histoire des classes ouvriéres. 1904, vol. II, p. 454–464; livre V).

[29] *Блос В.* Цит. соч., с. 326, 403–404, 280–281.

[30] *Levasseur E.* Histoire des classes ouvriires, vol. II, p. 5.

О влиянии *французской революции 1789 г.* не приходится и говорить. Оно известно и очень сходно с влиянием русской революции. Общее обеднение (менее затронувшее крестьян), кризис промышленный, финансовый и торговый, обесценивание денег, безработица, голод, вымирание, с 1793 года – рост имущественной дифференциации, разлив собственнической стихии, опять голод и т.д. – все это известно и бесспорно. Причем и здесь «рабочие и ремесленники – главная жертва революции: ремесленник потерял работу, у него отняли все права: союза, стачек и голосования.

«Все было в корне разрушено, – пишет сам Ларевельер, – от разбитых дорог до погасших очагов, от странноприимных домов до раздвоенных умов, от пустой казны до развращенных сердец»[31].

«Ein trostloses Chaos in den Finanzen, dazu einem kostspiligen Krieg, traurige Agrarverhältnisse, Handekrisen, Lebensmittelnot, Teuerung, und das Land noch rauchend von Blute der Erschlagenen»[11*], – такова картина[32]. 100 бумажных ливров с 1789 г. до 1796 гг. упали до 3,7, после чего были выпущены мандаты, которые покатились вниз с той же быстротой[33]. Причем и здесь «через конфискацию имуществ духовенства и аристократии революционное законодательство стремилось к социальному нивелированию. Оно не было достигнуто ни в малейшей степени. Произошла только перегруппировка (Unschichtung). Очень быстро возникли новые громадные состояния»[34].

Если позже Франция поправилась экономически, то в сильной степени благодаря военному грабежу всей Европы и других стран.

Картину того же рода дает *Англия в период революции*. Гражданская война и рост армии пожирали доходы страны, расстраивали промышленность, торговлю, финансы, усиливали нужду и голод. Финансы республиканской власти находятся в плачевном состоянии. Расходы в 1651 г. возросли до 2750000 фунтов стерлингов, т.е. в три раза превзошли бюджет Карла I в 1635 г. Доходы – резко сократились. Отсюда – постоянный громадный дефицит. А потому: рост налогов, конфискация имуществ и богатств, акцизы, вплоть до продажи картин и даже соборов для пополнения казны. В связи с этим – расстройство народного хозяйства, общее обеднение, голод (1649 и др. гг.) и нужда[35].

Итоги революции: «Интересы демоса не были приняты английской революцией в расчет; религиозно-политический переворот содействовал лишь упроче-

---

[31] *Мадлен Л.* Цит соч., т. II, с. 164–165, 219. См.: *Levasseur E.* Histoire des classes ouvriéres, vol. I, livre I и p. 288–290; *Тарле Е.В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909, т. I–II, а также работы И. Тэна, Ж. Мишле, А. де Токвиля и других авторов.

[32] *Hake F. von.* Zusammenbruch und Aufstieg des Frazosischen Wirtschaftsleben 1789–1799. München. 1923, S. 78.

[33] Ibid., S. 248–249; там же см. диаграммы.

[34] Ibid., S. 246.

[35] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. I, с. XIII.

нию положения земельных собственников»[36]. «Положение беднейших классов до конца XVII столетия было постоянно плачевным»… «В 1696 г. бедные и нищие составляли четверть всего населения»[37].

Ту же картину дает французская революция конца XIV – начала XV в. Общее разрушение… голод... смерть... и т.д. вплоть до знакомого: «les metiers de Paris perdirent d'un seul coup leurs priviléges les plus chers, leurs droits les plus anciens et leurs chefs les plus écautes»[38/12*].

В итоге *гуситской революции* «победители-чехи не приобрели никаких важных результатов для своей национальной и общественной жизни»[39].

Уже к 1485–1486 гг. «нищета стала ужасной. Былое благосостояние совершенно исчезло. Иностранные купцы не осмеливались больше проникать в страну, ставшую добычей диких страстей. Ряд городов – в развалинах. Копи – покинуты. Прага управляла теперь нищими и обезлюдевшими городами. В деревнях нищета была еще ужаснее. Исчезла всякая безопасность. Друзья и враги, немцы и чехи, утраквисты и табориты сжигали деревни, уничтожали посевы, требовали налогов. Когда крестьянин отдавал последнее су одним, приходили новые солдаты, обвинявшие его в мире с неприятелем, и приходилось снова подкупать их, снова давать деньги – иначе смерть... Бедные страдали всего более». В итоге крестьяне покидали руины деревень, бежали в леса, в города, но и здесь гибли, ибо не могли найти ни работы, ни пропитания.

В начале революции провозгласили имущественное уравнение, в Таборе уничтожили частную собственность. «Результатом обобществления благ стали: индифферентизм, леность, а вскоре – нищета и бедность». Очень скоро поэтому начинается возврат к собственности: первый шаг состоял в том, что «решили лишь ограничить собственность, а не уничтожать ее» (гуситский «нэп»). За ним последовали – второй и третий, и кончилось дело «простым перемещением конфискованных богатств», причем «только знать и богачи воспользовались им. Из несметной массы богатств, грубо брошенных в обращение, лишь ничтожная часть попала в руки крестьян и рабочих», да и эта часть позже ушла из их рук. Кончилось все это полным восстановлением частной собственности, колоссальным ростом имущественного и всякого прочего неравенства, обеднением и закрепощением крестьянства феодалами и новой знатью[40].

В Риме, «когда разразилась революция, положение финансов значительно ухудшилось». «Страшный взрыв революционных восстаний подорвал финан-

[36] *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному, т. II, с. 393.

[37] *Бернштейн Э.* Коммунистические и демократо-социалистические течения в Английской революции XVII в. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. II, с. 239–241.

[38] *Levasseur E.* Histoire des classes ouvriéres, vol. I, p. 518.

[39] *Вебер Г.* Цит. соч., т. 8, с. 273.

[40] *Denis E.* Op. cit., p. 263, 240, 284–285, 288.

сы». Наступило колоссальное обеднение. В 105 г. «во всем гражданстве едва наберется 2 000 зажиточных семейств». «Положение свободных пролетариев было немного более сносным, чем положение невольников». Крестьянство разоряется. Свободное мелкое земледелие падает. Колоссально увеличивается количество рабов, в число которых «массами попадают свободные провинциальные жители»[41]. И все это – несмотря на безграничный грабеж покоренных стран и эксплуатацию провинций[42]. Вместе с тем все это ничуть не помешало громадному росту имущественной дифференциации, превратившей Рим ко времени Цезаря в «республику миллионеров и нищих»[43].

Я уже цитировал Ипувера и Онху, описывающих катастрофическое обнищание, вымирание, голод и развал всего хозяйства Египта в эпоху революции.

Таким образом, и здесь «история повторяется». Основные результаты революций разных времен и народов одни и те же.

Факторы их ясны и кратко указаны в начале параграфа. Ими служат:

1) Отвлечение сил и людей от производительной работы и борьбы с природой на борьбу друг с другом.

2) Колоссальная разрушительная работа, неразрывно связанная с революционной борьбой: города и села, нивы и фабрики, здания и жилища, средства и орудия производства – весь основной капитал общества беспощадно разрушается в пылу гражданской войны.

3) Огромные траты на армию, бюрократию и войны.

4) Отсутствие всякой безопасности и уверенности в прочности обладания своим имуществом и результатами труда, убивающее всякий стимул к усиленной производительной работе.

5) Угасание рефлексов труда и рост лености, вызываемые революцией.

6) Грабежи, беспредельные конфискации, реквизиции, национализации и уравнительная политика революции опять-таки неизбежно ведут к уничтожению стимулов усиленного труда и накопления.

7) Когда же они приводят к фактическому уничтожению частной собственности, к универсальной коммунизации средств производства и предметов потребления, к широкому проведению принципа имущественного равенства, как это было в русской и венгерской революциях этих лет, в гуситской и маздакистской, тогда падение производительности труда в стране принимает прямо катастрофический характер. Такая социализация и подобного рода уравнивание в конечном счете представляют собой систему привилегий за леность и премий за бесталанность, с одной стороны, и систему штрафов за энергичный труд и наказаний за предприимчивость – с другой. Раз все получают одинаковую долю

[41] *Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 134–137, 223.

[42] Там же, с. 387, 388–393.

[43] Там же, т. III, с. 453–459, 461, т. II, с. 404–409.

благ, то ленивый, имея гарантию на получение своей доли, становится еще более ленивым; трудолюбивые и предприимчивые, лишенные возможности извлечь хоть какую-то выгоду из своего труда и инициативы, неизбежно перестают тратить лишнюю энергию и работать в пользу лентяев. Происходит уравнение всей страны под труд последнего лентяя. Производство падает, приходит нищета. Стараясь уничтожить минусы частно-собственнического уклада, революция в таких случаях похожа на того хозяина, который вместе с яйцами убивает и курицу, несущую их.

Это мы и видели в русской и венгерской революциях.

Как только у крестьян стали отнимать все, кроме прожиточного минимума, они сократили свои запашки до размеров этого минимума. Как только уравняли заработную плату всех рабочих (разница между высшей и низшей ставкой была равна отношению 175 к 100), трудолюбивые и энергичные рабочие перестали работать и стали бездельничать. «Какой смысл работать зря». И наоборот, как только с 1921 г. этот принцип равенства был уничтожен, введены были премии за продуктивность и поштучная оплата, продуктивность труда на оставшихся предприятиях сразу поднялась.

Конечно, если бы люди были ангелами и так же горячо работали бы во имя «категорического императива», как и во имя личных интересов, такого результата могло бы не получиться. Но мы видели: люди очень далеки от ангелов; лишенные личных стимулов, они перестают работать. Так было во всех революциях (гуситской, в Национальных мастерских, в Парижской коммуне и т.д.), пытавшихся установить радикальное экономическое равенство и произвести социализацию. В меньшей мере то же явление происходило во всех революциях, ибо эта тенденция к «этатизации» и «уравниванию» в той или иной мере свойственна им всем.

8) К тому же обеднению рост «этатизации» при революциях ведет и иными путями. Во-первых, благодаря замене принципа конкуренции принципом государственной монополии, во-вторых, благодаря замене инициативного предпринимателя, подгоняемого стимулами выгоды и риска, чиновником государства, бюрократом, лишенным этих стимулов (ибо его жалование фиксировано) и далеко не всегда подготовленным, а тем более имеющим таланты для ведения подобных дел. «Казенное» отношение чиновника заменяет энергичнейшую деятельность предпринимателя, лавры мертвой монополии – стимулирующую конкуренцию, бюрократизм – талантливость, случайное назначение на данный пост – природное призвание, формализм с бесконечным числом официальных «входящих» и «исходящих» «доношений», «отношений», «разрешений», «инстанций», «совещаний», «комиссий, подкомиссий и секций» – быструю, решающую волю индивида.

Нужно ли доказывать, что такая замена, за очень небольшими исключениями, неизбежно влечет за собой падение производства, рутину, застой, китайщину, ухудшает производство, удорожает его и ведет к обеднению страны[44].

9) Во время революции все эти минусы этатизма усиливаются в десятки раз благодаря неудачному подбору и абсолютной неподготовленности «новоиспеченных руководителей» (см. выше), сплошь и рядом не имеющих ни малейшего представления о своей деятельности.

10) Наконец, к тому же результату этатизм ведет и в силу огромной армии самого чиновничества. В России, как мы видели, процент его достиг почти трети всего населения, в Австрии в 1918–1919 гг. – 1/6 населения. Причем на одного администратора приходится столько же, а то и вдвое больше «контролеров» и «наблюдателей». Такая орава чиновников представляет собой огромный балласт бесполезных трутней, проедающих то, что добывается другими слоями населения.

Этих причин более чем достаточно, чтобы понять, почему революция, и особенно социальная, ведет к нищете и голоду. Они же показывают, особенно после русско-венгерского опыта, что гипертрофированный этатизм и насильственно-радикальное экономическое уравнивание хороши на бумаге и… очень нехороши на деле, по крайней мере, пока люди не станут ангелами.

Не мешает об этом серьезно подумать социалистам, коммунистам и другим ревнителям гипертрофированного этатизма. Этот рецепт врачевания социальных болезней совсем не то, за что его выдают. Так, по крайней мере, говорит русский опыт и десятки других, бывших раньше в истории человечества. Впрочем, я не имею ни малейшего желания убеждать «неверующих», находящихся под

[44] «Регламентация вызывает новые регламентации: создание новых должностей распорядительных агентов, большое развитие чиновничества и увеличение сословия должностных лиц. Инициатива подавляется. Регламентация доходит до мелочей, бюрократизм – до геркулесовых столпов», – правильно говорит Г. Лебон (Психология социализма. СПб., 1908, с. 222).

В итоге – сплошь и рядом бумаги исписывается на бóльшую цену, чем стоит сама вещь,

«Один администратор управляет, три администратора ищут лучших методов управления, пять администраторов спорят о противоположных программах, семь – болтают. Совет администраторов – это собрание в одном месте людей, из которых одни приходят часом позже других и обязаны уйти на час раньше последних. Они обычно встречаются лишь на лестнице. Есть, правда, среди них члены, приходящие и уходящие аккуратно, но это те, которые лучше бы сделали, если бы не являлись совсем» (*De Leener*. La primauté de l'individu // Revue de l'Institut de Sociologie. 1922, p. 429). [См. также: *Kahn O.H*. Reflexions of a financier. 1922.]

Все эти минусы этатизма блестяще подтвердились на фактах русской революции. Какие предприятия здесь были всего более убыточными? Этатизированные. Где всего хуже шла работа? – На них. Где был безграничный бюрократизм? Здесь же. Чтобы получить фунт гвоздей, надо было потратить времени на получение разрешения от десятка органов, бумаги на переписку, износить подошвы в 10–20–50–100 раз больше, чем стоят гвозди. Человек, не видавший всего этого лично, не в состоянии представить ужаснейшей картины этого бюрократизма, бесталанности и проволочек, которую мы видели в России. Мудрено ли, что все это заставило самих коммунистов покончить со всей этой нелепейшей из нелепых систем.

См. ряд фактов в книге: *Маслов П.* Мировая социальная проблема. Чита, 1921.

давлением своих страстей. Кто не верит – пусть проделает опыт универсальной этатизации: тогда наверняка поверит, но, быть может, будет уже поздно.

[Сказанное объясняет также, почему мне неловко становится, когда я слышу мнения многих, усматривающих в революции лучшее средство борьбы с нищетой, неравенством, эксплуатацией и другими социальными бедствиями. *Такой рецепт столь же разумен, как совет гасить пожар керосином*.]

§ 3. Изменение в духовной жизни общества

I

Общие изменения в психологии революционного общества были очерчены выше. Опишем теперь, какие трансформации испытывает прежде всего та система, которая может быть названа «просветительно-образовательной» системой общества, или системой воспитания приспособительных условных рефлексов.

Школы, книги, лекции, лаборатории, газеты, журналы и т.д. – это социальные институты, выполняющие *функции накопления, распространения и углубления человеческого опыта*. С их помощью опыт одних поколений передается другим поколениям, знания одних людей приобретаются другими. Через эту систему циркулируют знания, идеи и верования в агрегате.

Как обстоит с ними дело во время революции? Какое влияние она оказывает на всю эту просветительно-образовательную систему?

Влияние революции в этом отношении, во-первых, состоит в том, что революция играет *роль реактива, помогающего отличить «псевдознания» и «псевдоопыт» от подлинного знания и опыта*.

Умственный багаж как отдельного человека, так и всего общества состоит не только и не столько из подлинных «знаний», соответствующих действительности, логически правильных и подтвержденных опытом. Под именем «знаний» и «научных положений» часто выступают теории, суждения, мнения и верования ложные, не соответствующие действительности, не основанные на опыте, но принимаемые за «истину» как отдельным человеком, так и большими группами людей. До первого сурового «экзамена» действительности они могут существовать и приниматься за непреложные истины. Такова, например, бóльшая часть политических и социальных идеологий, рисующих новый совершенный строй общества и указывающих «несомненные» средства его осуществления. Столкнувшись с действительностью, они сплошь и рядом экзамена не выдерживают: революция, пытаясь реализовать их и приводя к результатам, противоположным предполагавшимся, показывает экспериментально их ложность, утопизм, метафизический и псевдоопытный характер. Их ложность становится ясной, научность – развенчанной, из «знаний» они переходят в разряд «псевдо-

знания». Наряду с этим многие положения, считавшиеся раньше «суевериями», благодаря тому же experimentum crucis[13*] революции неожиданно оказываются оправданными и верными.

Нет надобности говорить о том, что *эта «селекционно-экзаменаторская» роль революции может быть только приветствуема*. Благодаря ей именно в революционные эпохи начинается усиленная «переоценка всех ценностей», происходят огромные сдвиги в области идеологии и мировоззрения, катастрофическое крушение теорий, бывших популярными, и оживление других, считавшихся «суевериями». Во-вторых, *сама революция, представляя собой колоссальную и прямую, а не косвенно-книжную «школу жизни», убедительно учит многому и в ряде отношений ведет к обогащению и углублению опыта*. Этим объясняется ряд открытий и новых изобретений, совершаемых иногда в периоды и под влиянием революции.

К сожалению, однако, оба эти влияния революции аннулируются множеством неблагоприятных условий, в итоге не только поглощающих указанные «плюсы», но и *наносящих серьезный ущерб количеству и качеству опыта, которым общество располагало до революции.*

Мы видели, как революция дезорганизует и примитивизирует нервную систему и умственный аппарат членов общества. При таких условиях «новаторская» и «селекционная» роль революции в этой области не дает тех результатов, которые она могла бы дать при наличии здоровой нервной системы и здорового душевного механизма. Вот почему революция от одной идеологической крайности ведет к другой, на место одного «псевдоопыта» ставит новый «псевдоопыт», противоположный первому, вместо одного «суеверия» вызывает другое. Этому же результату содействуют *исключительный догматизм, нетерпимость и подавление свободы мысли в периоды революции*. Диктаторствующие революционеры: Робеспьер и Ленин, Кромвель, Ян Жижка и другие – это самые узкие, самые нетерпимые догматики, самые фанатичные «революционные попы» – прямые наследники испанских инквизиторов.

Главный же вред, причиняемый революцией, состоит в том, что *она количественно разрушает и качественно ухудшает образовательно-просветительный аппарат общества, дезорганизует его работу и снижает его продуктивность*.

Принято думать, что революция увеличивает число школ – низших и высших, число институтов, лабораторий, книг, улучшает преподавание, содействует прогрессу науки и т.д. Поскольку дело касается революционного периода и глубоких революций, это утверждение приходится признать в корне *неверным*. Нижеследующее покажет это.

Подтвердим кратко каждый из этих тезисов на ряде фактов. Начнем с «селекционной» роли революции.

До русской революции в русском обществе были чрезвычайно популярны идеологии и теории марксизма, социализма, коммунизма, эгалитаризма и рево-

люционизма. «Уничтожение частной собственности», «обобществление средств и орудий производства», «диктатура пролетариата», «полное уравнивание имуществ», «классовая борьба», «низвержение царизма, замена его республиканским строем», «уничтожение религии», «вредность национализма и спасительность интернационализма» и т.д. – все это принималось за несомненную истину, за патентованные пути, гарантирующие осуществление идеального строя, всеобщей сытости и счастья, братства, равенства, свободы и земного рая.

Пришла революция. Идеологии начали осуществляться, патентованные рецепты были применены. И что же? Получилось нечто неожиданное. Наступило ухудшение во всех отношениях: ни сытости, ни равенства, ни свободы, ни братства, ни уничтожения эксплуатации – ничего. Не в теории, а буквально на своих боках, не косвенно, а путем личного опыта население проверило истинность этих идеологий и псевдонаучных построений. Проверило и… трагической ценой убедилось в их ложности. Отсюда – наблюдающееся сейчас в России всеобщее отвращение к идеологиям этого рода, полное дискредитирование их в глазах населения, и наоборот – рост положительной оценки предпринимательства, частной собственности, национализма, религии, даже более положительная оценка старого режима, в котором наряду с отрицательными сторонами видят сейчас немало и положительных[45].

Этот пример показывает селекционную роль революции в области знаний и опыта. Революционный опыт многое перевернул «вверх дном».

А разве не то же самое наблюдаем мы во Франции после практического осуществления идей коммунизма в 1871 г.? Разве разгром Коммуны не был разгромом идеологии коммунизма для современников этой революции? Разве после революции 1848 г. и в Германии и во Франции не произошло аналогичных же сдвигов в области социально-политических воззрений, вплоть до республики? Разве 5434226 голосов, полученных Наполеоном III из 7 327 345 при выборах в президенты[46], и 7 839 000 «да», одобрявших coup d'état[14*] при 466 000 «нет», не есть выражение этого громадного разочарования в идеологиях, еще недавно бывших «святыми»?

Великая французская революция в шесть-семь лет уничтожила все обаяние просветительской философии XVIII века: Вольтера, Руссо, энциклопедистов с их идеями рационализма, геометризма, эгалитаризма, этатизма, свободы, материализма, республиканства и т.д. Властителями дум стали: католическая церковь, Шатобриан, Ж. де Местр и другие лица, кардинально противоположные философам XVIII в.

[45] Подробнее см.: *Сорокин П.А*. Современное состояние России. Прага, 1923.

[46] Причем «замечено было, что наиболее социалистические департаменты доставили наибольшее число голосов принцу Наполеону» (*Грегуар Л*. Цит. соч., т. II, с. 168; см. также: *Levasseur E*. Histoire des classes ouvriéres, vol. II, p. 468).

То же самое, кстати говоря, имело место и в нынешней Италии: главными очагами фашизма стали места наибольшего распространения и популярности коммунизма.

Аналогичное было в последние годы английской революции и в ближайшие годы после нее. Сходное имело место и при других революциях.

Наряду с такой селекционной ролью революция, эта трагическая школа жизни, содействует новаторству и обогащению общества новым опытом в ряде областей бытия.

Исключительность событий выводит из спячки самые ленивые умы и заставляет их «шевелить мозгами», пробуждает интерес, знакомит с массой новых явлений, расширяет умственный кругозор и ведет к «открытиям». Население России за эти годы «на своих боках» ознакомилось со множеством явлений, относящихся к государственной жизни (формы правления, система выборов, конституция, etc), к экономической сфере (производство, собственность, регулирование, денежное обращение, валюты, концессии и т.д.) и другим сторонам бытия. Усвоена масса новых понятий, осознана необходимость образования, появился реализм, некоторая практичность, понятной стала связь судьбы индивида с судьбой всего общества и т.д. В науках, особенно социальных, события произвели огромные изменения. Многие из положений, принимавшихся до сих пор без спора (например, идеи прогресса, рациональной природы человека, законов развития; множество законов политической экономии и т.д.) теперь стали спорными. В связи с этим появились кое-какие новые концепции. Лавуазье, Лагранж, Лаплас, Вольней, Ламарк – вот имена, связанные с эпохой французской революции. «Все было жизнь и движение, лекции импровизировались и интересовали всех»[47].

Роберт Бойль, Джон Уоллис, Томас Гоббс, Кристофер Рен, Сет Уорд – вот имена людей, работавших во время английской революции. Оживление в Оксфорде и Кембридже, новые социальные и религиозные концепции, открытия в области естественных наук, если не реализованные, то придуманные во время и под влиянием революционных событий – таковы проявления «новаторской» мысли во время английской революции[48].

Но, как сказано, все это, за исключением немногих индивидуальных открытий, аннулируется другими разрушительными влияниями революции.

Дезорганизованная нервная система общества не умеет делать правильные выводы из этой «селекционной работы». Из одной крайности она бросается в другую и дает в итоге также искаженные продукты духовного творчества. Если до революции она обоготворяла одни теории со всеми их недостатками, то теперь отвергает в них и то ценное, что было и есть. Если раньше общество поклонялось гипертрофированному «материализму», «социализму», «коммунизму» «республиканизму» и «революционизму», то теперь оно бросается в противоположную крайность и начинает столь же однобоко и слепо верить «мистицизму», «капитализму», «монархизму», «примитивизму», «консерватизму» и т.д. В русской революции мы видели и видим, с одной стороны, необузданный, невежественный и

[47] *Мишле Ж.* Цит. соч., с. 125.

[48] *Gardiner S.* Op. cit., vol. IV, ch. XLI.

дикий утопизм коммунистов, зачеркивающих всю науку, весь опыт достижений всех поколений, отвергающих устами многих даже «буржуазную» химию, физику, арифметику и пытающихся создать «пролетарскую» химию, физику и математику; с другой стороны, мы наблюдаем возрождение и известный успех идеологий неограниченной монархии, социального строя XVI–XVII вв. (крайняя группа монархистов), гипертрофированного мистицизма (Лосский, Бердяев, Карсавин, Ильин, Новгородцев, евразийцы), отрицание Запада и западной культуры, экстремизм правого толка, сверхмерное восхваление частной собственности или догматическое повторение трафаретных либерально-бесформенных старых воззрений («Дни», «Последние Новости»). Во всем этом нет «чувства меры», осторожного различения истинного от ложного в каждой концепции. Наряду с коммунистическим «реакционный утопизм» сказывается и в мелочах: создавая, например, ряд учреждений за границей вроде Русского университета[15*], буквально копируют, до деталей, организацию университетов до 1914 г. и гордятся этим, забывая о колоссальных переменах, произошедших за эти годы, требующих изменений применительно к изменившимся обстоятельствам. Эта «изломанность», этот «красный и белый экстремистский утопизм» красной нитью проходят через всю духовную жизнь и творчество русского населения за эти годы.

Мало благоприятствует духовному развитию и *догматизм* революционной эпохи, обнаруживаемый обеими сторонами. «Свобода научного мышления – буржуазный предрассудок, а потому все профессора и преподаватели социальных наук должны согласовывать свои лекции с учением коммунизма и марксизма. Несогласные – лишаются права преподавать и увольняются с занимаемых ими должностей», – так гласил декрет 1921 г., подписанный комиссаром Ротштейном. Он приведен был в исполнение. То же самое было проведено во всех школах, на всех публичных лекциях и митингах; то же самое осуществлено было закрытием всех газет, кроме правительственных, запрещением печатать все книги, несогласные с догмой коммунизма и не одобренные правительственной цензурой. Излишне говорить, какой результат такой догматизм оказывает на мир опыта и знания. Критики (conditio sine qua non[16*] роста знаний) – не существует. Население обречено духовно питаться той невежественной дрянью, которую власть преподносит ему. Упадок мысли, роста и распространения знаний в таких условиях неизбежен. Тот же догматизм наблюдается и в других, например, эмигрантских кругах, но противоположного характера. Здесь все, что не подходит к эмигрантской психологии и идеологии, также отвергается, но не по существу, а просто потому, что оно в чем-то не сходится с господствующими здесь воззрениями. Догматизму «слева» соответствует догматизм «справа».

Набрасывая эти картины русской революции, я по существу охарактеризовал и другие революции. Тот же экстремизм, отсутствие чувства меры, неумение и нежелание истину отделить от лжи, умственная изломанность, бросание из крайности в крайность, догматизм и отсутствие свободы мысли и критики –

явления общие для всех крупных и глубоких революций. Вот почему и здесь благодаря этим условиям указанные плюсы революции аннулируются.

При глубоких революциях они аннулируются с избытком *расстройством просветительно-культурной организации агрегата.*

Благодаря борьбе и обнищанию, голоду и нужде, догматизму и нетерпимости школы всех родов начинают закрываться, разваливаться, издание книг и газет (кроме узкореволюционных, менее всего дающих знания и больше всего возбуждающих эмоции и искажающих действительность) сокращается; состав учителей, преподавателей и воспитателей народа начинает искусственно – и большей частью в худшую сторону – изменяться: хорошие, но неугодные власти лица исключаются, неподготовленные лакеи – включаются; то же самое следует сказать и о самих учащихся.

Плохо оплачиваемые учителя начинают вымирать или бежать со своих голодных мест на более сытые; к этому присоединяется отсутствие книг, пособий и других вспомогательных средств обучения.

В таких условиях народное образование и просвещение в конце концов деградируют – и тем сильнее, чем глубже и дольше революция.

Такой вывод заставляет сделать прежде всего русская революция. Наивные, невежественные или недобросовестные лица много писали о громадных заслугах Советской власти в области народного просвещения. Нужно ли говорить, что все это – вздор. Нижеследующие официальные данные служат ярким тому подтверждением.

Годы	Расходы на народное образование по Министерству Народного Просвещения	Общий бюджет государства	Увеличение бюджета государства (принимая 1903 г. за 100)	Увеличение расходов по МНП (принимая 1903 г. за 100)
1903	39353000 зол. руб.	1883000000	100	100
1904	42433000	1906000000	101	107
1905	42836000	1925000000	102	108
1906	43989000	2061000000	109	112
1907	45653000	2196000000	111	116
1908	53043000	2387800000	127	139
1909	64262000	2451400000	130	163
1910	79840000	2473100000	131	203
1911	97883000	2536000000	135	249
1912	118147000	2271800000	145	300
1913	142736000	3012000000	160	363
1914	161630000	3302000000	175	410
		(без военных расходов)		
1916	195623000	?	?	499
1917	214221000	?	?	544
1918	Не более 50000000	?	?	126
1919	Не более 40000000	?	?	100
1920	Не более 38000000	?	99	100
1923	36000000	1700000	99	91[49]

[49] Статистический Ежегодник России. СПб., 1914, XII отд., с. 16–17. Данные за 1916–1920 гг. см.: *Маслов П.* Цит. соч. Данные за 1923 г. взяты из доклада Луначарского (Известия, 26 декабря 1922; число преувеличено).

Если принять во внимание, что до революции на народное образование тратили значительные суммы и другие министерства (в 1914 г. общий расход всех министерств был близок к 280–300 млн золотых руб.[50]) плюс – огромный расход на образование земских и городских учреждений, в 1914 г. близкий к 360 млн руб., то красноречивость таблицы будет еще больше. Из нее ясно, как колоссально упали расходы государства на народное образование – и абсолютно, и относительно по отношению ко всему государственному бюджету – начиная с 1918 г. Детей школьного возраста, обучавшихся в школах, было:

в 1906 г. около	60%
1914	70%
1922	38%[51]

	Число начальных школ	Число учеников
1912	101547	6697385
1922	55000	4750000[52]

Из этих цифр, где данные 1922 г. преувеличены, всякий читатель может видеть «просветительную» роль революции.

И начальная, и средняя, и высшая школы на 70% разрушены за годы революции... Вместо «ликвидации безграмотности» получилась «ликвидация грамотности». Весь шум, поднятый большевиками, был сплошной недобросовестной рекламой. Здания школ разрушены. Нет учебников, бумаги и перьев. Учителя, не получая ничего, частью вымерли, частью превратились в батраков, даже в проституток (учительницы), часть счастливцев перешла на другую службу[53].

Приведенные в таблице данные за 1918–1920 гг. получены следующим образом:
Было израсходовано на народное образование

в 1918 г.	3074343000 сов. руб.
1919	17249374000
1920	114366070000

Если принять падение покупательной способности рубля

к 1 января	1918 г.	в 28,3 раза
1	1919	230,0
1	1920	3l36,0
1	1921	26500,0
1	1922	182753,0 –

то, беря половину каждого из этих коэффициентов к середине года, мы получим цифры, даже меньшие указанных в таблице. Индексы приведены в книге: *Преображенский Е.А.* Причины падения курса нашего рубля. М., 1922, с. 36–48.

[50] См. роспись государственных расходов на 1914 г.

[51] Доклад А.В. Луначарского // Известия. 1922, 26 декабря.

[52] Статистический Ежегодник за 1913 г., с. 112–113; Известия, № 293.

[53] См. указ. доклад Луначарского, рисующий ужасную картину существования школы и учителей.

Из высших школ были выброшены, расстреляны и высланы лучшие профессора и студенты, вместо них были назначены профессорами невежественные коммунисты, а студентами – коммунистическая молодежь[54].

Не иначе обстояло дело с газетами и книгами. Тираж всех газет РСФСР в 1921–1922 гг. был не больше тиража одного «Русского слова» до революции. Столь же резко сократилось число издаваемых и особенно покупаемых книг за годы революции, не говоря уже об их качестве[55]. В 1923 г. из общего числа грамотных крестьян не читают никаких газет 89%; через все волисполкомы по всей РСФСР за первое полугодие 1923 г. из 100 млн крестьян подписалось на газеты только 1 683 человека[56].

Словом, с какой бы стороны мы ни подошли к вопросу, получаем один и тот же вывод: разрушение, разрушение и разрушение. Революция в этом отношении (как и в других) отбросила Россию лет на 50–60 назад.

В какой мере разрушительная роль русской революции типична для других революций? Я думаю, что другие глубокие революции отличаются лишь величиной разрушения, а не качеством.

Подобно русской, *Великая французская революция* была также богата пышными обещаниями и прекрасными пожеланиями в области народного образования. Но рассуждения и декреты не суть еще акты. При Первой республике вследствие отсутствия средств было закрыто больше школ, чем открыто новых. В начале Консулата[17*] большинство генеральных советов и префектов констатировали, что народное образование чрезвычайно пострадало и находится в самом безотрадном состоянии. В официальном отчете 1793 г. читаем: «Le mal est a son comble. Les colleges sont déserts. La jeunesse languit depuis quatre ans dans l'oisivité»[18*]. В официальном докладе Грегуар говорит: «Все разрушено. Осталось только 20 агонизирующих колледжей. Из 800 дистриктов лишь 67 имеют начальные школы»[57]. Из этих штрихов ясна разрушительная роль Великой французской революции в деле народного просвещения. Рассматривая число школ, число учащихся, число грамотных рекрутов, число лиц, получивших звание baccalauréat és-lettres, bacc és sciences, licencie et doctorat en droit и en medicine[19*], мы видим, как в 1848–1850 и 1869–1871 гг. это число падает или рост их замедляется[58]. Эти данные говорят о том, что не иной была и роль революций 1848–1850 и 1870–1871 гг.

[54] Подробности см.: *Сорокин П.А.* Современное состояние России. Прага, 1923. Критерием при приеме в учебные заведения в 1922–1923 гг. становится не уровень знаний и способностей, а коммунистическая благонадежность. Для всех некоммунистов в 1922–1923 гг. двери школы были официально закрыты. Трудно признать такую «селекцию» разумной.

[55] См.: На чужой стороне. Берлин, 1923, сб. 1 (статья В. Розенберга)

[56] Дни. № 250. [См. «Примечания и дополнения», с. 593–594.]

[57] *Levasseur E.* La population française, vol. II, p. 480; *Levasseur E.* Histoire des classes ouvriéres. 1904, vol. I, p. 76, 93, 100.

[58] Цифры и диаграммы см.: *Levasseur E.* La population française, vol. II, p. 484, 503, 508.

Я боюсь утверждать определенно, что таков же был эффект английской революции, ибо в моем распоряжении нет цифровых данных ни pro, ни contra, но полагаю, что допущение дезорганизующего влияния ее на просвещение широких масс в той или иной мере не будет противоречить истине.

Едва ли нужно говорить о громадной дезорганизующей роли революционных периодов, подобных длинным и кровавым смутам России XVII в., Франции XIV–XV вв. и др.

В римский революционный период и под его влиянием «творческая Италия, не дойдя до высших ступеней оригинального творчества, начала упадать и никнуть». «Творчество иссякло в области точных наук». «Везде живет рутина». Приходит волна мистицизма, начинается рост суеверий, оживление восточных идеологий и культов (Иеговы, Митры, Изиды и т.д.), возрождение жречества. Сама система народного образования изменяется. Место действительных знаний заменяется стремлением изящно говорить, знать цитаты, поэзию и т.п. внешние атрибуты просвещения[59]. Пример русской революции заставляет полагать, что не могло быть иначе и во всех других кровавых революциях, если учитывать умственное состояние не отдельных единиц, а широких народных масс.

Конечно, в революции массы могли воспринимать отдельные новые лозунги и понятия (Filioque[20*], догмы протестантизма или индепендентов, революционные понятия и т.д.), но… едва ли последние могут быть названы подлинным знанием, едва ли они во всей их сложности воспринимались массами и, наконец, едва ли эти голые лозунги могут составлять значительную часть опытного умственного багажа людей.

Вместе с тем нужно указать и на то, что в прошлом, когда общества не имели столь сложной культурно-просветительной системы школ, институтов, лабораторий, книг, журналов, лекций и т.д., какую имеют современные общества, дезорганизующая роль революции могла быть гораздо меньшей. Чем проще какой-либо институт, тем легче он сохраняется при всех социальных конвульсиях. Там нечего было разрушать революции. В наши времена, картина иная. Сложная культурно-образовательная система современного общества требует заботливости, соизмерения ее частей, изменения планомерного, а не мгновенного. Иначе, расстроенная в одной части, подобно сложной машине, она начинает расстраиваться и в других. Революция не знает этой постепенности и осторожности. Она ломает сразу и решительно. Мудрено ли поэтому, что в итоге исчезают не только дефекты этой системы, но разрушается и она сама. Вот почему глубокая революция вместо просвещения народа ведет к усилению его невежества, приостанавливает рост образования, задерживает и тормозит подлинно научное творчество,

[59] *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи, с. 101–102, 109; *Ростовцев М.И.* Закат античной цивилизации // Русская мысль. 1922, кн. VI–VII, VIII–IX; *Моммзен Т.* Цит. соч., т. I, с. 860–865, т. II, с. 419, т. III (гл. о религии и духовном состоянии).

рост и расширение богатства подлинного человеческого опыта. Ее плюсы, увы, поглощаются целиком минусами. России, в которой до войны и революции образование и духовное творчество стало развиваться громадными темпами, где в 1910–1917 гг. всеобщая грамотность была на 3/4 осуществлена, теперь придется ждать много лет, прежде чем она сможет вернуться к довоенному и дореволюционному состоянию.

II

Перейдем теперь к характеристике изменений, относящихся к содержанию идеологий и настроений общества в период революции.

Если верно положение «желание – отец мысли», т.е. основные импульсы человека обусловливают характер его идеологии и убеждений (речевых и субвокальных рефлексов), то легко предвидеть направление тех сдвигов в идеологии, которые происходят в первый и второй период революций.

Оно состоит в том, что *в первый период революции обществом овладевают те идеологии и настроения, которые поносят и бичуют условия (лица, институты, учреждения), ущемляющие инстинкты общества, в той или форме одобряют и стимулируют освобождение от них и всех тех явлений, которые с этими условиями связаны*. Если у массы ущемлены бедностью и голодом инстинкты собственности и пищевые инстинкты, то успехом пользуются те идеологии, которые порицают собственность и богатство и стимулируют их захват и дележ. Если ущемлены инстинкты свободы (деспотизмом) или индивидуальной безопасности (казнями, войной и т.д.), то популярными становятся идеологии и настроения, бичующие эти ущемляющие условия и стимулирующие их уничтожение. При этом бичеванию подвергаются не только непосредственно ущемляющие условия, но и те, которые с ними, хотя бы косвенно, связаны. Если, например, инстинкты общества ущемлены войной или правительством, то все лица и учреждения, имеющие к ним касательство и находящиеся в хороших отношениях с ними, также вызывают ненависть масс; все идеологии, порицающие их, тоже становятся популярными. Здесь в большом масштабе происходит то, что в масштабе мелком совершается ежедневно: «Друг моего друга – мой друг», «Враги наших врагов – наши друзья».

Такова общая черта этих сдвигов. В какой конкретной форме выступают такого рода идеологии – это зависит от множества конкретных условий, времени и места. В одном случае такие «освобождающие» идеологии могут выступить в форме проповеди «чистого слова Божия» и будут порицать ущемляющие условия на основании Евангелия, в другом – на основании Корана, в третьем – путем ссылок на «Капитал» и «Коммунистический манифест» Маркса, в четвертом – на основании слов Вольтера, Руссо, Толстого. Но все это – деталь, своего

рода «соус», под которым преподносятся массам теории, бичующие ущемление и призывающие их к низвержению ущемляющих лиц, институтов и условий. Они лихорадочно распространяются не благодаря их логике, основательности и истинности суждений, а благодаря бичеванию «ущемления» и стимулированию соответствующих поступков. Будь та или иная теория архинелепейшей с научной точки зрения, но, если она удовлетворяет указанному условию, она будет принята как высшее слово истины. И наоборот, самое научное и обоснованное мнение не приобретет популярности, если оно противоречит инстинктам масс.

Такого рода «нелогичность» человека мы видим ежедневно; в массовом масштабе видели ее во время войны и послевоенные годы во всех воюющих странах, особенно отчетливо видим ее в периоды революций.

Сказанное объясняет, почему перед гуситской и многими средневековыми революциями быстро прививались учения Танхельма, Петра Брюнсенского, Генриха Лозанского, Арнольда Брешианского, лионских бедняков, катаров, патаренов, Уиклифа и лоллардов, Джона Болла, Яна Гуса, Мюнцера, миллениариев[21*] и других реформаторов, порицавших католическую церковь, ущемлявшую инстинкты масс, ее богатства, ее распутство, призывавших к неплатежу десятины, к отобранию богатств церкви или к возвращению ее к «евангельской бедности», к уничтожению привилегий феодалов и знати, к освобождению от тяжелых повинностей (например, «Видение Петра Пахаря») и т.д. Сказанное объясняет, почему перед английской революцией и при ее начале колоссальный успех имели памфлеты Прейна, Бортона, Бествика, Лильберна, идеологии левеллеров и индепендентов, бичевавшие ущемлявшие условия того времени (Епископальную церковь, Звездную палату, короля и т.д.); почему со второй половины XVIII в. «просветительская философия» с ее освободительными идеями энциклопедистов, Руссо, Вольтера и других заражает французское общество; почему кровожадные статьи Марата, «ядреные» писание отца Дюшена[22*] и др. имели небывалую популярность в первый период революции; почему социалистически-коммунистические идеологии Р. Оуэна, Сен-Симона и сен-симонистов, Кабэ, Леру, Прудона, Лассаля, Маркса и т.д. широкой волной разливались перед и в первый период революций XIX в. В разных формах и под разными «соусами» они бичевали то, что ущемляло революционные массы, и призывали к тому, на что их толкали ущемленные инстинкты. «Соусы» разные, но указанная суть их одна и та же.

Так обстоит дело перед революцией и в ее начале.

Во второй ее половине дело значительно меняется, причем характер изменения зависит от того, прервано или не прервано было развитие и углубление революции, успела ли она развиться до своих естественных глубин и испепелить себя самое или нет.

В главе о причинах революции мы увидим, что все глубокие революции, осуществляя «рецепты опасения», даваемые этими «освободительными» идеологиями, приводят *не к уменьшению ущемления инстинктов, а к его усилению.* Массы попадают «из огня да в полымя». То, от чего они ждали улучшение жизни, дает им ухудшение, от чего ждали сытости – дает голод, от чего ждали свободы – дает неограниченный деспотизм. Отсюда – *естественный и неизбежный поворот в идеологии и убеждениях масс в силу того же положения: «Желание (инстинкт) – отец мысли»*. Как «ущемляющие условия» старого режима вели к небывалому росту успеха идеологий революционных, бичевавших эти явления, так теперь еще более «ущемляющие условия» революции ведут к небывалому успеху идеологий и настроений «контрреволюционных», поворачивают общественное сознание на 180° и заставляют «поклониться тому, что сжигали, и сжигать то, чему поклонялись»[23*]. Отсюда – *при завершенных революциях – падение успеха идеологий первого периода революции* («c'est la faute de Rousseau, c'est la faute de Voltaire!»[24*]), *рост отрицательного отношения к ним и наряду с этим – колоссальный успех идеологий, бичующих ущемляющие условия революции и призывающие к их уничтожению*.

Такова эта «человеческая комедия» в двух актах, разыгрывающаяся при каждой завершенной революции. Такова «логичность» человеческого поведения и прочность «святых убеждений».

Если революция не завершилась и была прервана, если осуществление лозунгов революционных идеологий не успело вызвать колоссального ущемления и выявить на опыте свое банкротство – такого сдвига может и не быть или он будет более мягким, частичным и незаметным. В этот второй период отрицательные оценки в силу связи распространяются («радиируют») с одиозных революционных явлений на другие, с ними связанные, хотя бы сами по себе они и не были одиозными, и наоборот.

Такова основная закономерность колебания идеологий и настроений в периоды революций и ее ближайшие причины. Она объясняет и включает в себя все главнейшие черты этих сдвигов, является своего рода алгебраической формулой, в которой изменения религиозных воззрений, политических симпатий и антипатий, социально-правовых убеждений, моральных и других оценок, эстетических вкусов и других форм речевых и субвокальных рефлексов данного времени и места представляют собой простые арифметические величины.

Сама революция в предреволюционный и в первый ее период расценивается массами как благо; во второй ее период она начинает расцениваться как зло или, в лучшем случае – перестает вызывать какие бы то ни было восторги масс, кроме небольшого числа «революционных дел мастеров». В Риме, во время Гуситской революции и других революций средневековья, английской, французской 1789 г., германской 1848 г. французской 1871 г., русской и венгерской революций по-

следних лет второй их период был максимально «контрреволюционным». Среди современников революции, испытавших ее «прелести», она теряет всякое обаяние. Недаром И. Тэн правильно замечает, что идеализация французской революции началась лишь тогда, когда исчезло современное ей поколение. То же самое применимо и к другим революциям.

Если революционные идеологии первого периода пропагандировали идеи примитивно-арифметического эгалитаризма, то во второй период они теряют кредит доверия. Если революция провозглашала уничтожение частной собственности, то во второй период коммунистические идеологии теряют популярность. Если в первый период революции были боготворимы крайние ее партии (табориты, тысячелетники, люди пятой монархии, якобинцы в 1789 г., коммунисты и социалисты в революциях XIX в.), то во второй период они теряют все симпатии масс и становятся для них ненавистными. Если революция в период подъема проповедовала и покровительствовала определенным течениям философской и религиозной мысли (например, материализму, геометризму, культу Разума и т.д.), определенным эстетическим школам, определенного типа произведениям искусства, то во второй период в силу их тесной связи с революцией они теряют притягательную силу, дискредитируются и заменяются другими, часто противоположными. Шатобриан и де Местр занимают место Руссо и Вольтера, мистицизм – место материализма, идеологии консерватизма – место идеологий радикальных. «Левиафан» Гоббса приходит на место идеологий, отрицающих государство, аполитичный профессионализм – на место идеологии революционной политики, новые школы – на место революционных и т.д.

Если в предреволюционный и в первый период революции поносились старый режим, религия и церковь, старые аристократы, старый быт и традиции, то во второй ее период происходит рост симпатий к дореволюционному режиму, подъем религиозности, рост сочувствия ко всему, что беспощадно преследовалось и оскорблялось в первый период.

Отсюда – реставрация старого режима, оживление и возрождение Епископальной церкви в Англии, католической религии во Франции и других явлений, казалось, безвозвратно похороненных революцией. «Мертвецы» неожиданно воскресают более живыми, чем они были до революции.

Такова схематически суть этого сдвига[60]. В деталях он не так прямолинеен; здесь имеются полутени и полутона, но сущность их всех вполне соответствует этой схеме.

«Обществом овладевает реакционное настроение», – такова обычная формулировка этой мысли. Овладевает реакция не в смысле принудительного навязы-

[60] В интересах краткости я не привожу исторических фактов, подробно рисующих и подтверждающих очерчиваемую картину; читатель легко может проверить эти положения путем изучения отдельных революций с этой точки зрения.

вания кучкой реакционеров, а в смысле изменения общего настроения общества. «Реакция» приходит не потому, что к ней принуждают властители-«реакционеры», а потому и появляются «реакционеры» у власти, что «реакционным» становится население. Эта «реакция» по своей природе означает не нечто абсолютно отрицательное, в отличие от абсолютно-положительной революционности, как часто думают, а неизбежное и часто правильное корректирование ошибок революции приобретенным опытом, целесообразно-приспособительный порыв общества спасти себя самого от той гибели, к которой его привел первый период революции. Она – похмелье после пьяного буйства. Как ни тяжело это похмелье, все же оно менее гибельно, чем дальнейшее беспробудное пьянство с убийствами, драками и дикими скандалами. Через похмелье приходят к трезвой жизни, перманентное же пьянство приводит к каторге, сумасшедшему дому или к канаве под забором, а оттуда – в «мертвецкую» истории. Так бывает с отдельными лицами, так происходит и с целыми народами.

Сказанное объясняет всю конкретную картину изменений идеологии и настроений русского общества за эти годы. Очертим их несколько подробнее. На этом примере яснее станут предыдущие общие положения.

До революции и в первый ее период *социалистически-коммунистические идеологии*, главным образом марксизм, были чрезвычайно популярны в русском обществе. К 1921 г. картина резко изменилась. Всякая популярность коммунизма, а в связи с ним и социализма, исчезла. Больше того: слова «коммуния» и «социализм» стали ругательными и ненавистными. Имена Маркса и других лидеров социализма-коммунизма сделались одиозными. Многочисленные памятники, воздвигнутые им, стали тайно от власти разрушать или подвергать ряду издевательств[61].

Коммунистические книги и газеты перестали читаться. Численность членов коммунистической партии с 600 000 человек в 1920 г. снизилась до 372 000 в 1923 г.[62] Словом, произошло кардинально резкое изменение массовой идеологии. Теперь Россия представляет собой самую антисоциалистическую и антикоммунистическую страну в мире.

Обратной стороной этого явления служит *изменение отношения к институту частной собственности и к фигуре предпринимателя-капиталиста*. В России в частной собственности до революции видели источник всех зол, в предпринимателе-капиталисте – «паразита», «эксплуататора», «буржуя». Теперь картина иная. Частная собственность рассматривается как положительный институт. В ней видят сейчас «альфу и омегу» спасения. «Буржуй» из «паразита» превра-

[61] Например, в Одессе измазали весь рот и бороду Маркса пшенной кашей (которой очень долго питали население) и написали: «Ешь сам!»

[62] См.: Итоги партийной работы (Издание Российской Коммунистической партии). М., 1923.

тился в «организатора народного хозяйства», в человека, выполняющего важные социальные функции. «Без буржуя не проживешь», – так говорит сейчас народ.

Национализм и национальное чувство в России до революции были чрезвычайно слабыми. Быть может, Россия была наименее национально настроенной страной во всем мире. Национализм рассматривали как нечто нехорошее, даже постыдное. Идеологии «интернационализма» и «Интернационала», напротив, пользовались громадной популярностью. В первый период революции популярность последних возросла еще более. С 1920 г. наметился перелом. Теперь все идеологии «интернационализма» и «Интернационала» совершенно дискредитированы. Самые слова эти в России стали ругательными. Все слои общества охватило глубочайшее национальное чувство. «Национализм», «национальные начала и традиции», «национальный принцип» – таковы самые популярные лозунги в данное время в России.

«Интернационалисты», превратив Россию в проходной двор, где все «русское» топталось каблуками интернациональных авантюристов, оскорбляя ежедневно все национальные ценности, разорив Россию, продавая ее оптом и в розницу бывшим друзьям и врагам, доведя ее до гибели, естественно, должны были вызвать и вызвали – в виде спасительной реакции – небывалый рост национальных чувств в русском обществе.

То же самое случилось, как мы видели, и *в области религии*. Былой атеизм и равнодушное отношение к церкви с 1921 г. сменились небывалым религиозным подъемом. То же следует сказать и об *оценке многих сторон старого режима, вплоть до царя*. Если раньше она была совершенно отрицательной ко всем его сторонам, то теперь заменилась обратной, скорее переоценивающей его в положительном смысле. Немного найдется людей, которые не признавали бы старый режим бесконечно лучшим, чем современный режим, установленный большевиками. Немного найдется людей, которые теперь, как и в дореволюционный период, видят в нем только одни отрицательные черты. И очень много имеется людей, которые сейчас видят в нем чуть ли не совершеннейший режим из возможных. Этим объясняется рост монархических настроений среди русского населения.

То же самое относится и к ряду других идеологических явлений. Масса старых бытовых черт, раньше не ценимых, теперь начинают бережно культивироваться, как святыня.

Индивидуализм, раньше вызывавший отрицательное к себе отношение благодаря его противопоставлению социализму и коллективизму, теперь, наоборот, стал боевым популярнейшим лозунгом.

Материализм как воззрение, раньше имевшее успех и усиленно насаждавшееся большевиками, заменился увлечением идеалистическими и даже мистическими течениями мысли.

«Кубизм», «футуризм», super-футуризм[25*] и другие крайние школы в искусстве, с начала революции вступившие в союз с большевизмом, теперь также потеряли популярность и заменяются другими течениями, резко противоположными им. *Оценка русских социально-политических идеологов и деятелей также кардинально меняется*. Если раньше всех радикально-социалистических и революционных писателей относили в разряд «освободителей народа» и лиц положительных, а всех консервативных писателей и деятелей – в разряд вредных «козлищ», то теперь появилась и растет скорее обратная тенденция (например, оценка Столыпина, Леонтьева и других). И так – во всем[63].

Из сказанного легко видеть полную правильность нашей теоремы на примере русской революции. Конкретный характер этих сдвигов разный в разных революциях, но основная их сущность одна и та же, описанная на предыдущих страницах. «История повторяется» и здесь. Учитывая приведенные выше причины таких сдвигов, легко понять, что иначе и быть не может.

[63] Подробности см. в моей книге «Современное состояние России».

Очерк пятый

ИЛЛЮЗИИ РЕВОЛЮЦИИ

«Тартюфство» имело и имеет большой успех в частной и общественной жизни. Тысячи Тартюфов[1*] ежедневно и ежечасно маскируют свои довольно отвратительные дела блестящими словами и другими красивыми «условными одеждами»… И не без успеха… О них судят сплошь и рядом не по их делам, а по их словам. В итоге – социальный паразит часто получает репутацию «общественного героя», бесполезный крикун и демагог – ореол «борца за свободу», человек, презирающий физический труд и настоящих тружеников, но делающий на этом карьеру, – славу «защитника трудовых классов», субъект, морально распущенный, но искусно выдающий эту распущенность за «борьбу с отсталыми предрассудками», – популярность «прогрессивного человека»… «Тартюфство» – огромное, еще не исследованное социальное явление. Оно было в прошлом. Оно есть. Оно будет.

Быть может, никогда так резко оно не проявляется, как в эпохи революции. *Последняя в известной степени может быть названа Великим Тартюфом.* Почему? Потому что едва ли какой-либо Тартюф приписывает себе столь много добродетелей, как революция, и делает столь же мало, как она. [Даже у мольеровского Тартюфа расхождение между словами и делами было гораздо меньшим, чем у Революции и множества ее деятелей первого и второго периода. Революция – Великий Тартюф еще и потому, что она с поразительной гениальностью умеет маскировать свои прозаические и ужасные дела великими словами и заставить людей судить о ней не по делам, а по словам.] Мало Тартюфов так гениально лжет, как революция. [Мало найдется людей, которые так много обещают, как революция, и так мало делают по исполнению этих обещаний… Ложь, хвастовство и цинизм множества Тартюфов рано или поздно вскрываются. Ложь, хвастовство и цинизм революции – гениальны.] Она более успешно, чем кто бы то ни было, творит легенду: преступления и зверство возводит в подвиг, пигмеев делает гигантами, болтунов – героями, аморальных лиц – святыми, паразитов – освободителями. [И именно на периодах революции особенно легко констатировать «пудрящую роль» «речевых рефлексов» и их подчиненность инстинктам, их «лакейство» перед ними. Подобно приживальщикам и льстецам сильных мира сего, они занимаются лишь тем, что шьют «пышные уборы», маскирующие малопривлекательные дела. Vanitas vanitatum![2*] Изучая эту роль «слов» в революции,

еще раз убеждаешься в правильности положения: «Важны не слова, а дела», и еще раз вспоминаешь евангельский завет: «Не всякий, глаголяй ми: Господи! Господи! внидет в Царствие Отца Моего, но творяй волю Его…»[3*] Таковы те выводы, к которым приходишь, сопоставляя обещания и слова революции, с одной стороны, исполнения и дела ее – с другой…]

Быть может, сказанное звучит резко, но – увы! – оно правильно.

Все предыдущее говорит об этой правильности. Дополним теперь картину сопоставлением «слов» и «векселей» революции с ее делами и уплатой по последним. Вольно или невольно она всегда оказывалась «банкротом» и «неисправным должником».

Начнем с русской революции.

Сопоставим лист ее обещаний и исполнений.

ОБЕЩАНИЯ И СЛОВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.	ИСПОЛНЕНИЯ И ДЕЛА ЕЕ[1]
1. Разрушение социальной пирамиды неравенства – и имущественного, и правового, уничтожение класса эксплуататоров и эксплуатации.	1. Простая перегруппировка лиц из слоя в слой. Возрождение пирамиды неравенства, еще более высокой и крутой, чем была раньше. Небывалая эксплуатация всего населения коммунистической властью, ее агентами, преторианцами и клиентами, далеко превзошедшая эксплуатацию богачей и аристократии старого режима. Теперь – огромная эксплуатация населения теми же правительственными кругами плюс круги новой, хищной, спекулятивной и зоологической буржуазии. Небывалый голод на низах и роскошь наверху. Бесправность населения и неограниченный деспотизм, неограниченные привилегии правящих.
2. Имущественная обеспеченность и сытость.	2. Общее катастрофическое обеднение. Израсходование и проедание всего того, что было создано предыдущими поколениями. Грандиозный голод. Три миллиона умерших от голодной смерти. Людоедство и бифштексы из человеческого мяса. Разрушение всего народного хозяйства.
3. Свобода.	3. Полный безграничный диктаторский деспотизм власти. Всесторонняя опека населения. Превращение людей в «объект», в манекенов. Уничтожение свободы слова, печати, союзов, собраний, выборов, органов самоуправления, свободы труда, выбора профессий – словом, свобода египетского раба.

[1] Подробное подтверждение каждого тезиса см. в вышеприведенных данных и в моей книге «Современное состояние России».

4. Свобода еще.	4. Десятки тысяч расстрелянных. Из них не менее 2/3 падает на рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию.[2] Переполненные тюрьмы и т.д.
5. «Мир» и антимилитаризм.	5. Три года жесточайшей гражданской войны после того, как другие народы уже кончили воевать. Превращение всей страны в одну казарму. Мобилизация армии, превосходящей армию царского времени.[3] Милитаризация всей социальной жизни от фабрик и заводов до школ.
6. Уничтожение капитализма, частной собственности и создание коммунистического общества.	6. Создание «государственно-рабского» общества, разрушившего страну, отказ от него, обратное возвращение к частной собственности, небывалый разлив частно-собственнических импульсов и возврат к самым хищным и примитивным формам капитализма.
7. Автономия народов.	7. Небывалая централизация. Сосредоточение всей власти в руках Политического бюро РКП. Сокращение децентрализации старого режима.
8. Улучшение здоровья и всех сторон жизни населения и трудовых классов.	8. Вымирание 15–16 млн трудового населения за годы революции от голода, эпидемий, зверств и т.д. Стихийные эпидемии всех сортов. Огромное ухудшение здоровья. Небывалая нищета и нужда.
9. Моральное улучшение человека.	9. Огромная моральная деградация и криминализация. Превращение socius'а в животное. Рост биологизации людей над их социализацией.
10. «Диктатура пролетариата».	10. «Диктатура авантюристов всех стран», разбавленная худшими элементами пролетариата, в огромном большинстве снова сползающими сверху вниз. Огромное уменьшение и деклассирование самого пролетариата. Ухудшение его положения во всех отношениях.
11. Просвещение народа.	11. Ликвидация грамотности, рост безграмотности, разрушение школ и всего просветительно-образовательного аппарата страны.
12. Уничтожение религиозности.	12. Небывалый рост религиозности.
13. Раскрепощение свободы мысли.	13. Полная нетерпимость коммунистических «попов», полный догматизм коммунистической «церкви» и преследование всех инакомыслящих более беспощадное, чем преследование средневековой инквизиции.
14. Окончательное дискредитирование старого режима.	14. Возрождение под влиянием революции симпатий и положительного отношения к нему.
15. Пропаганда материализма.	15. Рост мистицизма и идеализма.

[2] См. подсчеты С. Мельгунова в его статье «Голова Медузы» (Дни, № 210).
[3] См. цифры и диаграммы в кн. Троцкого «Этапы революции». 1922.

Я мог бы продолжать этот список еще очень долго. Но думаю, довольно. Сопоставьте обе рубрики, и Вы увидите, насколько правильны мои положения о тартюфстве, цинизме и лжи революции. Эти результаты тем более важны, что русская революция не прервана. У власти находятся все те же крайние революционеры. Все изменения произведены их руками: сваливать вину – не на кого… Правда, руководители революции могут сказать: «Это получилось помимо нас, мы желали другого». Но любой политик должен отвечать не только за свои желания и рецепты, но и за те результаты, которые объективно получаются из его деятельности и рецептов. Инженер несет ответственность не только за свой проект, но и за то, что из его осуществления получается. Это во-первых. Во-вторых, самая элементарная этика требует, чтобы человек обанкротившийся признал свое банкротство, освободил место для более достойных и способных лиц и, наконец, чтобы после и во время банкротства он не убивал сотнями и тысячами людей ради одного цепляния за власть. Этого, увы, мы не видим ни в нашей, ни в других революциях. В-третьих, цинизм и ложь особенно будут ясными, если читатель возьмет в руки газеты («Правду», «Известия», «Красную газету» и другие) и писания большевиков в 1917–1919 гг. и в 1922–1923 гг. Они кардинально противоположны. То, что там хвалилось и признавалось необходимым во имя интересов революции и коммунизма, теперь признается ими же отрицательным, и наоборот… «Мы ошибались», – говорит Ленин. Но говорить так после миллионов жертв, принесенных на алтарь этих принципов, слишком мало. Кассир, кончающий с собой после растраты 1 000 рублей чужих денег, банкир, прибегающий к самоубийству после банкротства, командир, застреливающийся после проигранной битвы, бесконечно честнее, чем эти великие банкроты революции. Говорить «мы ошибались» и в то же время продолжать свои новые эксперименты и во имя новых ошибок морить страну голодом, продолжать массовые расстрелы, аресты и издевательства, отнимать у голодных последний кусок хлеба и вывозить его за границу для того, чтобы иметь деньги на оплату себя самих и своих клиентов, грабить страну и копить свою личную собственность, лгать, лгать и лгать без конца, пускаться на самые бесчестные интриги, авантюры и злодейства ради удержания своей власти, беспощадно угнетать рабочих, расстреливать крестьян и в то же время продолжать заграничным рабочим и трудящимся говорить «великие слова» – не есть ли это беспринципность, возведенная в принцип, цинизм возведенный в систему, ложь – ставшая нормой!

Увы, это бесспорно. Эти прямо подтверждается и моралью самих революционеров, далеко «опередившей» мораль отцов-иезуитов. Те додумались только до положения «цель оправдывает средства». А Троцкий на пятилетнем юбилее Коммунистического Свердловского университета 18 июня 1923 г. преподал молодому поколению такие моральные нормы: «Революционер есть тот, кто не боится взрывать и применять беспощадное насилие». В этих действиях революционер должен быть ограничен «только внешними препятствиями, а не внутренними…

В объективной обстановке, товарищи, и без того слишком много трений, чтобы подлинный революционер мог позволить себе роскошь помножать объективные препятствия и трения субъективными… Поэтому воспитание революционера есть прежде всего уничтожение всех субъективных препятствий (религии, морали, права и т.д. – *П.С.*), мешающих беспощадному насилию». Вот почему «мы считаем необходимым условием теоретического воспитания революционера атеизм как неотъемлемый элемент материализма»[4].

Эта проповедь морали цинизма не требует комментария. Она лишь формулирует то, что делалось и делается русскими коммунистами.

Основные результаты других революций уже были очерчены. Остановимся здесь лишь на дополнительных данных, еще ярче рисующих «иллюзии» революции, с одной стороны, ее своеобразное отношение к провозглашенным принципам – с другой, и фактическое их исполнение – с третьей.

Великая французская революция

ПРОВОЗГЛАШЕНО	ЧТО ПОЛУЧИЛОСЬ
1. «Все люди от рождения равны и должны пользоваться равными правами», – провозглашено было в «Декларации прав человека» 1789 г.	1. В Конституции 1790 г. все граждане разделены на активных и пассивных (не имеющих права голоса). Уже законом 22 декабря 1789 г. вводится это деление. Основа ограничения – имущественный ценз. Сверх того среди самых активных граждан избранными могут быть лишь граждане, платящие налог, равный одной марке серебра. Это «равенство» в Конституциях 1791 и последующих годов еще резче нарушается. Во имя этого «равенства» массы населения ставятся «вне закона» и лишаются каких бы то ни было прав, тогда как другие – сами властители – присваивают себе jus vitae ac necis[4*] над населением и т.д.
2. Liberté[5*].	2. Мы уже видели эту «свободу». Она осуществилась в неограниченном деспотизме диктаторов и в полной бесправности населения.
3. Liberté du Travail[6*].	3. Закон Ле Шапелье[7*] и последующие законы, с одной стороны, и практика обязательных трудовых повинностей для рабочих и крестьян, с другой – красноречиво говорят об этой «свободе труда».
4. Fraternité[8*]	4. Практика «Святой Гильотины» и массовых убийств, расстрелов и утоплений, произведенных во имя Fraternité.
5. 22 мая 1790 г. провозглашается: *«Французская нация отказывается от всяких войн с целью завоевания».*	5. Завоевание Бельгии, Голландии, Рейна, а потом большинства стран Европы.

[4] Правда, 24 июня 1923.

6. «Воля народа – высший закон».	6. Уничтожение этой воли и всяких свободных выборов. Когда Робеспьер не уверен в этой воле, он провозглашает: «Добродетель на земле всегда осуществляется меньшинством». Народное утверждение приговора о казни короля отклоняется 424 голосами против 483, ибо, по словам Сен-Жюста, «обращение к народу грозит восстановлением монархии». Позже – знаменательный декрет о 2/3 членов конвента, которые, зная, что их не переизберут, принудительно навязывают себя народу и т.д. – словом, попирание этой воли на каждом шагу.
7. В 1789 г. провозглашается равенство граждан перед налогами.	7. В 1791 г. оно аннулируется.
8. Провозглашается 19 ноября в декрете: *«Франция идет на помощь всем народам, желающим обрести свои свободы».* Наполеон 27 апреля 1796 г. в воззвании пишет: *«Народ Италии! Французская армия разбила ваши оковы»* и т.д.	8. Под этой пышной оболочкой кроется и осуществляется следующее: «Директория, страдающая от бедности, непрестанно жаждала денег». Наполеону она пишет: «Нельзя ли захватить Casa Santa и неисчислимые сокровища… Их оценивают в 10 млн фунтов стерлингов. Этим Вы совершили бы самую замечательную финансовую операцию». Наполеон под аккомпанемент пышных слов о свободе и т.д. грабил Италию и одну республику за другой… Такова подлинная природа этих актов «освобождения» и их настоящие мотивы.
9. Сытость.	9. Голод масс. «На улицах большое число несчастных, без сапог, без одежды, ищущих в мусорных кучах всяких отбросов, лишь бы утолить испытываемый голод» и т.д.
10. Царство Добродетели и Разума.	10. Исключительная преступность, разнузданность, царство «революционного догматизма» и нетерпимости, инквизиция «революционных попов» и т.д.
11. Равенство, бескорыстность и братство самих революционеров.	11. Баррас, захвативший Гробуа и укравший громадные деньги, Бурсо – Брюнц, Мерлен – Монтвалерию, Тальен – Шальо, Барер – Клини, и сотни других якобинцев, грабивших всех и вся, скупавших за бесценок и без конкурентов замки и имения и т.д. Масса графов, баронов, сенаторов империи, ее государственных советников, герцогов, людей с гербами и вышитыми мундирами – вышедших из якобинских ревнителей равенства и братства, отлично показывают и равенство, и братство, и бескорыстность и прочие добродетели «освободителей».
12. Свобода и «долой тиранов и королей».	12. «Божьею милостью император Наполеон I», а за ним Бурбоны.

Эти примеры, которые опять-таки можно без конца увеличивать, ясно говорят, в какой мере революция уплатила по своим векселям, что она говорила и что сделала.

Революция 1848 г. во Франции

ПРОВОЗГЛАШЕНО	ПОЛУЧИЛОСЬ
«Временное Правительство Французской республики обязуется гарантировать существование рабочих с помощью труда». «Парижский народ открывает новую эру». «Уничтожение эксплуатации человека человеком». «Революция положит конец долгим и несправедливым страданиям рабочих». «Воля народа», «Республика», «Свобода» и т.д.	1) Бойня рабочих. 2) Голод. 3) Рост эксплуатации. «Импровизированные вожди нового правительства во имя братства, равенства и свободы возбуждали самые радужные надежды, давали самые преувеличенные обещания. Иллюзия не долго длилась. Вместо обновленного общества, вместо обещанного золотого века Франция представляла собой самое плачевное зрелище. Самая злосчастная анархия царила в мире идей и фактов, в народе и правительстве, в провинции и столице. Народ терпел недостаток в хлебе, не существовало ни кредита, ни торговли, ни промышленности».[5] Любая партия, особенно крайняя, если голосование народа не в ее пользу, пытается аннулировать его и добиться своего силой. Свободы нет. Вместо республика – Наполеон III и т.д.

Революция 1871 г.

ОБЕЩАНО И ПРОВОЗГЛАШЕНО	ПОЛУЧИЛОСЬ.
«Сегодня Париж открыл книгу истории на пустой странице и начертал на ней свое могущественное имя» (Прокламация Центрального комитета). Свобода выборов и всемерное уважение воли народа. В Манифесте Коммуны от 19 апреля 1871 г. обещают: «Полную общинную автономию, неприкосновенность прав и каждому французу свободное отправление обязанностей, выборы путем избрания или конкуренции. Право контроля над всеми должностными лицами и право отставлять их. Абсолютная гарантия индивидуальной свободы совести и свободы труда» и т.д.	«На крестьян и жителей мелких городов коммунары смотрели как на лиц, не способных управлять собственными местными делами. Республика и не думала освобождать их от строгого надзора префектов. Вместо автономии провинции, которые с точки зрения правительства Коммуны были ретроградны, попытались подчинить их себе силой». «Якобинцы вновь появились под маской свободы, а местная автономия аннулировалась центральным деспотизмом». Вместо всеобщей гласности и прозрачности всех своих действий уже 29 марта «заседания Коммуны объявляются закрытыми» (вот и контролируй!). Вместо свободы мысли, печати и т.д. – все газеты, неугодные Коммуне, закрываются, инакомыслящие – преследуются, неприкосновенность личности – аннулируется. Вместо обещанного земного рая – «25 000 французов, убитых французами же, сожжение многих памятников, унижение родины перед чу-

[5] *Грегуар Л.* Цит. соч., т. III, с. 135.

жеземцами, республика, опирающаяся только на честное слово старика (Тьера), уничтожение всех надежд на политическое и социальное обновление страны, возбуждение слепой ненависти между классами – таковы были результаты двухмесячной гражданской войны»[6].

То же самое происходило и во время *английской революции*. «Революционеры обещали свободу, а на деле дали тиранию. Они обещали соединение и торжество протестантизма, а вместо того вели войну с протестантской страной».

И далее здесь: вместо роста прав и вольностей народа – их ограничение, вместо уничтожения произвола – его рост, вместо уважения воли народа – полное игнорирование и систематическое ее нарушение и т.д. Мудрено ли поэтому, что вместо провозглашенной республики, уничтожения королевской власти и палаты лордов монархия явилась снова, палата лордов – тоже, а республика погибла бесславно[7].

Ухудшение экономического положения масс и других сторон их жизни мы видели выше.

Пропасть между обещаниями и векселями революции, с одной стороны, и ее делами – с другой, и здесь оказалась громадной.

Гуситская революция

ОБЕЩАНО И ПРОВОЗГЛАШЕНО	ПОЛУЧИЛОСЬ
1. Свобода религии.	1. Колоссальная нетерпимость и беспощадное преследование всех инаковерующих.
2. Равенство	2. Отсутствие равенства.
3. Освобождение от повинностей и многое другое. «Табориты мечтали о полной трансформации общества. Они сделали чистую доску и на руинах феодализма пытались строить новый мир». Милленарии верили в то, что откроется новая эра, «когда не будет ни преступлений, ни лжи, ни злоупотреблений». Все будут абсолютно равны. Исчезнет собственность. Не будет ни богатых, ни бедных, ни ученых, ни невежд, ни знатных, ни незнатных; исчезнут даже различия ума, сердца и пола. Человечество будет освобождено от необходимости трудиться, от нищеты и голода и т.д.	3. Рост закрепощения масс. 4. Полное разорение страны. 5. Голод, убийства, эпидемии, чума и все «семь казней египетских». 6. Разгул страстей. Народ проиграл. Страна проиграла. Выиграла лишь знать. «Власть новых господ была тяжелее и безжалостнее, чем старых». Народ потерял все права на управление. «Вожди таборитов… изменили своим принципам. Они проповедовали свободу, а на деле лишь заменили старых господ. Они дали народу лишь призрак освобождения.

[6] Там же, т. IV, с. 349, 428.

[7] «Нам говорят, – кричал майор Бек 2 февраля 1658 г., – не восстанавливайте короля и палаты лордов, потому что Бог презрел их. Отдаю вам назад ваши слова: Бог так же презрел и республику. Была ли пролита хоть капля крови, когда ее выбросили вон? Право, еще никогда не бывало, чтобы республика, умирая, произвела так мало шуму».

> Крестьяне и рабочие впали в нищету. Страна покрылась руинами. Еще сильнее была потеря веры и иллюзий, разочарование в освободителях. Элита вместо того, чтобы быть представительным собранием народа, стала представительным собранием одних феодалов. «Повсюду проникали неравенство и привилегии». «Классовые контрасты возросли, барьеры между классами стали непреодолимыми». Крестьяне и рабочие потеряли все свои права и впали в рабство, жена была отдана во власть мужа, сестра – брата. В итоге революции в XVI в. «в Чехии не было больше ни короля, ни народа, а были лишь господа и рабы». «Темная ночь пала над Чехией», еще более сгустившаяся после Белой горы и порабощения страны немцами[8].

Я не буду продолжать эту «очную ставку» слов и дел революции, ее обещаний и исполнений. Могу лишь сказать, что другие глубокие революции дают тот же результат. И важно здесь вот что: этот результат наиболее тяжелым оказывается именно для «низших», трудовых классов. Важно и другое: этот отрицательный результат дают все глубокие революции, независимо от того, была ли заменена революционная власть контрреволюционной или нет. И русская, и Великая французская, и английская, и гуситская революции не были прерванными. Они развивались до конца. Власть здесь сохранялась в руках лиц и групп, выдвинутых революцией, а не ее противниками. И, однако, мы видим, что это условие ничуть не мешает, а скорее способствует при данной же власти наступлению результатов, противоположных обещаниям и словам революции. Уста революции говорят одно, а руки делают другое; сегодня она возвещает одно, а завтра или сегодня же попирает свои обещания и декларации. Так было, и так есть. И ни один революционер, не отрицая фактов, не может сослаться в свое оправдание на то, что им, мол, «помешали водворить рай, низвергнув их с трона». Для самых крупных революций эта ссылка не годится. Никто не мешал ни таборитам, ни якобинцам, ни Долгому парламенту, ни Кромвелю, ни русским коммунистам устроить обещанный рай, кроме… «необходимой силы вещей». Если, давая свои обещания, они их не учитывали, значит они были утопистами и легкомысленными людьми, поджигавшими дом, не опасаясь пожара. [Таких безумцев сажают в сумасшедший дом.] Если они учитывали «силу вещей», надеялись их победить и не победили, это опять говорит не в их пользу. Если же, разжигая пожар, они знали, что сила вещей их сломит и от пожара будут только жертвы и развалины, то таких «поджигателей» сажают в тюрьму даже за поджог простого амбара, а не только целой страны с тысячами жертв.

[8] *Denis E.* Op. cit., p. 266, 263, 288, 294, 349, 469–478.

Я – не прокурор и пишу это не для предания суду «поджигателей», а для того лишь, чтобы показать всю иллюзорность аргументации «неисправимых революционеров», подобных бездарным и слишком снисходительным к себе людям, вечно видящим источник неудач и вину не в себе и в революционерах, а в других людях и побочных обстоятельствах. [И прерванные, и непрерванные глубокие революции – учит история – полны иллюзий, лжи, тартюфства, цинизма и «вместо хлеба дают камень». Быть может, такая квалификация покажется оскорбительной многим поклонникам революции, которые представляют собой разновидность самых слепых идолопоклонников. Но… для меня нет идолов, в том числе и «идола революции». Памятуя о том, что «не человек для субботы, а суббота для человека»[9*], я беру ее такой, какова она есть. Если она – Великий Тартюф на деле, такой я и показываю ее. Если же вдобавок этот Тартюф в то же время является прожорливым Молохом, пожравшим и пожирающим людей немногим меньше, чем кровный брат этого Молоха – Война, то не является ли обязанностью всех и каждого предупредить других людей: «Берегитесь этого Молоха, он требует немало жертв. Обещает много, но не дает ничего… кроме пышных слов и иллюзий, требуя за них слишком тяжелую плату».

Эти строки – простое предупреждение, хотя я и знаю, что «речевые рефлексы» (в том числе и эти) вообще мало весомы. Они становятся значительными лишь тогда, когда человек или общество проверит их «на своей шкуре». Нужно испытать революцию на деле, смотреть в ее лицо изо дня в день, побывать в ее лапах – тогда и только тогда возможно познать ее подлинное лицо и все ее подлинные черты, указанные выше. Дальность расстояния – во времени или пространстве – при благосклонном участии многочисленных присяжных революции, слишком «мудрых» историков и особенно ущемленных инстинктов – вела и ведет к искажению этих подлинных черт, к превращению «грязной девицы из Тобосо» в «прекрасную Дульсинею», дикого зверя – в сверхчеловека, фактора регресса – в великий прогресс.

Пробыв пять лет в лапах революции, лично не потеряв в ней ничего – ни богатств, ни социальных привилегий – ничего… кроме близких друзей и множества иллюзий, я тем не менее не имею теперь никакой охоты заниматься такими искажающими трансформациями.

Во имя человека и особенно интересов трудовых классов я позволяю себе идола называть идолом, Тартюфа – Тартюфом. Мой личный опыт и факты истории – за меня. Иллюзионизм идолопоклонников революции не вызывает во мне уважения.

Этим и объясняется моя «святотатственная дерзость».]

Очерк шестой

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. Основные причины революций

Анализ причин революций всего лучше начать с тех причин, которые вызывают революционную деформацию поведения индивидов. Если меняется поведение членов общества в указанном направлении, то неизбежно меняется и вся социальная жизнь, ибо она слагается из поведения и взаимодействия членов общества.

Какие же причины вызывают массовую и исключительно быструю деформацию поведения?

Вопрос о причинах, поставленный в общей форме, всегда неясен и несколько отдает метафизикой. Под причинами в данном случае я разумею *совокупность тех условий, которые составляют ближайшее и непосредственно предшествующее революции звено причинной цепи,* уходящей в целом в бесконечность прошлого и теряющейся в бесконечности будущего. Ответим сразу же на этот вопрос. Каковы бы конкретно ни были условия, из которых слагается общая, основная и вечная причина революций, она всегда состоит в росте «ущемления» главных инстинктов у значительной части общества, в невозможности их минимально-необходимого удовлетворения, чем бы и кем бы такой рост «ущемления» ни вызывался.

Иными словами, она состоит в усилении препятствий, мешающих жить этой части агрегата, в росте неприспособленности их к существующим условиям.

Такова та суммарная причина революций, которая складывается из множества мелких и даже ничтожных, различных по времени и месту причин.

Если *потребность питания* (или пищевые рефлексы) значительной части населения в силу каких бы то ни было причин ущемляется голодом, то налицо оказывается одна из причин волнений и революций.

Если *рефлексы индивидуального самосохранения* ущемляются произвольными казнями, массовыми убийствами или кровавой войной, то налицо другая причина смут и революций.

Если *рефлексы группового самосохранения* (членов семьи, близких, единоверцев, единопартийцев и т.п.) ущемляются оскорблением святынь этой группы, издевательством над ней, ее членами, их арестами, ссылками, казнями и т.д., налицо третья причина мятежей и революций.

Если *потребность в жилище, одежде, тепле* и т.п. не удовлетворяется в минимальном размере, то перед нами еще одна порция горючего материала для пышного костра революции.

Если *рефлексы половые* вместе с их разновидностями – ревностью, желанием обладать любимым субъектом только самому – ущемляются у обширной группы членов невозможностью их удовлетворения, изнасилованиями, развращением их жен и дочерей, принудительными браками или разводами и т.д., налицо пятая причина революций.

Если *инстинкты собственности* у массы лиц «ущемляются» их бедностью, отсутствием всякой собственности при наличии огромных богатств у других лиц, налицо шестая причина революций.

Если *инстинкт самовыражения и собственного достоинства* (selfexpression, по Россу, или «индивидуальности», по Михайловскому) у массы лиц «ущемляется» оскорблениями, недооценкой, постоянным и несправедливым игнорированием их заслуг и достижений, с одной стороны, и завышенной оценкой менее достойных лиц – с другой, то налицо еще одна причина революций.

Если у многих членов общества их *инстинкты драчливости, борьбы и конкуренции, творческой работы, разнообразия и приключений и «рефлексы свободы»* (в смысле свободы действий и слов или беспрепятственного проявления своих прирожденных склонностей) ущемляются чересчур мирным состоянием, однообразной монотонной средой, работой, которая не волнует ни ума, ни сердца, бесконечными преградами, мешающими передвигаться, говорить, думать и делать что нравится, то налицо еще целый ряд условий, благоприятствующих революции, налицо еще несколько групп, которые встретят ее возгласами «Осанна!».

Этот перечень не исчерпывающий; он только указывает основные рубрики инстинктов, из-за ущемления которых происходит катастрофический взрыв революции, и – вместе с тем – те социальные группы «ущемленных», руками которых старый порядок будет низвергнут и стяг революции водружен.

Для наступления революции необходимо или исключительно сильное «ущемление» самых важных инстинктов, или ущемление целого ряда последних. Конкретные исторические революции почти всегда представляют собою второй случай. Далее, как было сказано, для наступления революции необходимо, чтобы «ущемление» охватывало *если не подавляющее большинство, то, во всяком случае, значительную часть членов общества*. Ущемление у небольшой части общества существует всегда и ведет к единичным нарушениям порядка, носящим название «преступлений». Когда же это ущемление становится массовым, оно ведет к массовому нарушению и низвержению порядка, к актам, которые тождественны тем, которые – будучи малочисленными – называются преступлениями, а когда становятся массовыми, меняют свою квалификацию и из «преступлений» превращаются в «революцию».

Рост ущемления, как и все в мире, понятие относительное. Бедность или богатство человека измеряются не только тем, что он сейчас имеет, но и тем, что он имел раньше, и тем, что имеют другие. Сегодняшний полумиллионер, вчера обладавший несколькими миллионами, чувствует себя обедневшим и даже бедным по сравнению с прежним своим положением и по сравнению с миллиардерами. Рабочий, получающий 200 долларов в месяц, – бедняк в богатой Америке и богач в нищей России. То же самое можно сказать и об усилении или ослаблении «ущемленности». *«Ущемление» усиливается не только тогда, когда трудности удовлетворения того или иного инстинкта растут, но и тогда, когда, не возрастая или даже уменьшаясь, они уменьшаются не так быстро, как у других лиц и групп.* При виде изысканного и роскошного стола у других человек – даже совершенно сытый – чувствует себя относительно голодным и «ущемленным» в своих пищевых запросах. Имея приличный и чистый костюм или достаточно удобное жилище, человек при виде модного шикарного платья чувствует себя плохо одетым, оказавшись в роскошных апартаментах, находит свою квартиру скромной и недостаточно удобной. Происходит опять ущемление соответствующих импульсов[1]. Человек, имеющий широкий круг прав, чувствует себя ущемленным в своих правах, наблюдая еще большие привилегии у других.

Эти примеры поясняют мою мысль и делают понятным, почему в ряде случаев перед революцией «ущемление» инстинктов у многих лиц росло не потому, что оно возросло абсолютно, а потому, что оно уменьшилось у других лиц или групп того же общества, потому что *увеличились имущественная, правовая и другая дифференциация и неравенство*. Эту относительную ущемленность следует постоянно иметь в виду.

Такова вечная и основная причина революций. Но для наступления и особенно успешного развития последних она недостаточна. Необходимо еще, чтобы совокупность социальных групп, защищающих порядок, и совокупность средств, находящихся в их распоряжении, были бы недостаточными для подавления усилившихся попыток низвержения существующего строя. Когда возросшей революционной силе ущемленных инстинктов эти группы могут противопоставить возросшую силу торможения и тем уравновесить рост давления последней, революции может не быть. Мы получим тогда лишь ряд подавленных сепаратных мятежей – и только. Когда же группа порядка не в состоянии проявить это усиленное торможение и тем самым уравновесить возросшее давление ущемленных инстинктов – мы получаем революцию. Итак, 1) рост ущемления главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп

[1] «We are developing new types of destitutes – the authmobileless, the yachtless; the Newport – cottegeless, The subtlest luxuries become necessities and their less is bitterly resented»[1*], – метко замечает G. Patrick о новых американских «бедняках и ущемленных» (*Patrick G*. Op. cit., p. 133). См. также: *Weyl W.* The New Democracy, p. 246.

порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов – таковы необходимые и достаточные условия наступления революций.

§ 2. Почему ущемление рефлексов ведет к революциям

Почему рост ущемления основных инстинктов у массы лиц ведет к массовой революционной деформации поведения?

Потому что «ущемленные» основные рефлексы неизбежно будут толкать людей искать какой-то выход из создавшегося положения, как ищет его любой организм, оказавшийся в непригодной для него среде. Результатом ущемления (например, пищевых рефлексов – голодом) будет рост недовольства, появление чувства, что жить невозможно. Старые формы поведения оказываются теперь непригодными. Приходится искать новые. Ущемленный рефлекс начинает давить прежде всего на ряд условных рефлексов, мешающих его удовлетворению, например, ущемленный голодом рефлекс питания начинает давить на условные тормоза, удерживающие от актов кражи («не кради»), нищенства, грабежа, от актов употребления в пищу скоромного во время поста и от множества других, которые в сытом состоянии считались недопустимыми. В итоге этого давления множество подобного рода тормозных условных рефлексов начинает угасать.

Никогда не кравший человек становится вором и грабителем; стыдившийся протянуть руку за милостыней теперь ее протягивает; верующий перестает соблюдать посты; подчинявшийся нормам права теперь их нарушает; бывший аристократ, подавив в себе чувство стыда, берет пару брюк и идет на рынок их продавать; человек, стыдившийся некогда есть на улице, теперь, получив кусок хлеба, ест его где угодно; презиравший раньше тех или иных людей теперь из-за куска хлеба покорно «бьет им челом» и т.д.[2] Словом, первым итогом этого ущемления становится разрыв и угасание большинства условных рефлексов, мешающих его удовлетворению. Это означает уже громадное изменение поведения. Угасание условных рефлексов означает освобождение ущемленного наследственного рефлекса от множества пут, т.е. знаменует его разнуздание. В то же время это угасание представляет собой ослабление ряда условных тормозов, удерживающих от совершения злостных актов кражи, грабежа, насилия, святотатства и т.д. Поведение человека начинает биологизироваться. Мало того. Освободившийся от пут условных рефлексов ущемленный инстинкт начинает теперь давить на другие инстинкты. Равновесие их взаимоотношений исчезает.

[2] См. мою книгу «Голод как фактор», где подробно показана громадная деформация поведения под влиянием голода и угасание всех противоречащих ему условных рефлексов[2*].

Под давлением первого сдвигаются с места вторые. Изменение их силы и выявления ведет к разрыву ряда новых условных рефлексов, сдерживавших и канализировавших проявление первых. Это означает дальнейшую биологизацию и ослабление тормозов, удерживавших от антисоциальных актов, дальнейшее нарушение равновесия поведения. Если власть и группы порядка не в состоянии соответственно усилить тормоза, поведение ущемленных лиц претерпевает революцию; культурные одежды условных форм поведения быстро спадают, и вместо socius'а мы видим разнузданного зверя. А если изменилось поведение массы лиц, то тем самым наступает развал общественного порядка и происходит очерченное выше изменение процессов социальной жизни, т.е. начинаются волнения, смуты и революция.

§ 3. Ущемление рефлексов питания и революция

Теорема о росте ущемления основных инстинктов как об основной причине революций может быть доказана разными способами, начиная с экспериментов и кончая данными статистики и истории.

В интересах краткости я не буду здесь останавливаться на подробном исследовании функциональной связи между движением кривой мятежей и революций, с одной стороны, и движением кривой ущемления всех основных инстинктов – с другой. Я поступлю иначе. Возьму одну из самых сильных групп рефлексов, а именно рефлексы питания, и постараюсь более или менее подробно показать функциональную связь между их ущемлением и революциями. После этого я могу ограничиться лишь краткими указаниями на другие явления, подтверждающие указанную теорему… В совокупности они будут вполне убедительными и понятными. Читатель сам легко может их проверить и развить. Рост ущемления пищевых рефлексов происходит двумя путями: 1) путем ухудшения существовавшего пищевого режима масс, конечным пределом коего является физиологически недостаточное питание и абсолютное голодание, 2) путем улучшения пищевого режима одних слоев общества, опережающего улучшение пищевого режима других слоев и усиливающего, таким образом, контраст между ними (социально-относительное голодание).

Рост ущемления пищевых рефлексов низших слоев общества происходит и в том, и в другом случае. Сообразно с этим, если наша теорема верна, мы должны наблюдать рост имущественных преступлений (краж и т.д.) как единичных нарушений порядка и угасания условных рефлексов, и рост волнений и революций как массовых явлений того же рода всякий раз, когда питание масс ухудшается абсолютно, ухудшается относительно и особенно когда при абсолютном понижении количества и качества пищи широких слоев населения роскошь

и богатство, а следовательно, и питание высших слоев не понижается, а повышается (иначе говоря, растет имущественное неравенство).

Перейдем к проверке этой функциональной связи. Начнем с движения имущественных преступлений.

1) Первым подтверждением этой функциональной связи служит контингент тех социальных слоев, которые поставляют основную массу преступников против собственности. Ими являются в огромной своей части бедные социальные слои. Имущие в области этих преступлений составляют гораздо меньший процент. Исследованиями Вассермана, Тарновского, Всесвятского и других это положение установлено вполне определенно. Так, например, в Австрии на каждые 100 тыс. рабочих было осуждено за кражу 480 человек, капиталисты и живущие на пенсию дали на то же число только 45 осужденных. «Типичными преступлениями рабочего класса, – говорит М.Н. Гернет, – являются похищение чужого имущества и телесные повреждения. Из общего числа осужденных рабочих-ремесленников 52% были осуждены за кражу, а среди фабричных рабочих – 42%». Без комментариев связь этих явлений – бедности, т.е. более ущемленных пищевых рефлексов у бедных, чем у богатых, и повышенного уровня краж – понятна после сказанного[3].

2) Вторым подтверждением служит так называемый «календарь преступников». «Преступления против собственности (во Франции) составляют максимум в декабре и январе – в те месяцы, когда бедные сильнее всего страдают от лишений и нужды», – говорит Левассер[4]. В других странах – в Англии, Германии, России, Сербии, Болгарии, Бельгии – из года в год максимум преступлений против собственности тоже приходится на зимние месяцы, когда бедняку труднее добывать пищу, а минимум – на лето и осень, когда это делать легче. Это явление, установленное Лакассанем, Левассером, Майром, Фойницким, Эттингеном, Тарновским, Гернетом и другими, снова определенно подтверждает наш тезис[5].

3) Третьей категорией фактов, еще рельефнее говорящих о том же, служит факт повышения преступлений против собственности в земледельческих странах в годы неурожая и дороговизны, когда эффекты последних не компенсируются импортом и иными путями, и факт повышения преступлений в годы промышленных кризисов в странах индустриальных, т.е. и там, и тут – в годы роста

[3] *Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914, с. 391–392. «В Италии в 1889 г. бедные составляли 77,58% общего числа преступников; имеющие минимум необходимого – 13,34%, зажиточные – 6,12%, богатые – 2,3%. В Австрии в 1896 г. необеспеченные составляли 86,7% преступников, малообеспеченные – 13%, обеспеченные – 0,3%. В Пруссии в 1905 г. 77% общего числа преступников составляли бедняки. В Швейцарии необеспеченные составляют 81,8% преступников, средние – 9,7%, обеспеченные – 5% (см.: *Жижиленко А.А.* Преступность и ее факторы. Пг., 1922, с. 62).

[4] *Levasseur E.* La population française. Paris, 1891, vol. II, p. 456–457.

[5] См.: *Гернет М.Н.* Цит. соч., с. 380–383; *Oettingen A.* Op. cit., S. 488–490 (там же – сводка мнений, данные и диаграммы); *Жижиленко А.А.* Цит. соч., гл. III.

ущемления пищевых рефлексов. Эти явления достоверно установлены моральной статистикой. Изучив движение преступлений во Франции с 1838 по 1886 г., Левассер приходит к выводу: «Урожаи оказывают значительное влияние на движение преступлений, по крайней мере, в те времена, когда богатств было меньше и когда импорт не умерял подъем кривой преступности. Нарушения законов увеличиваются во времена неурожая хлебов, так как нужда, усиливающаяся в такие периоды, толкает к кражам. Это особенно видно в 1847 и 1854 гг., являющихся годами плохого урожая»[6]. К такому же выводу пришел Г. Майр, сопоставляя годичные колебания цен на хлеб и числа преступлений в Баварии с 1836 по 1861 г.[7] То же самое для всей Германии с 1882 по 1898 г. констатировал Берг, для Сербии (сопоставляя цены на кукурузу и движение преступлений против собственности) – Вадлер, для Италии – Форназари ди Верче, для Англии – Туган-Барановский, для России – Тарновский, Людеров, Трайнин, Гуревич, Гернет, Чарыхов и другие[8].

Так, в Калужской губернии (губернии земледельческой и потребляющей) «годы подъема хлебных цен – 1881, 1892 и 1907 – так же, как и годы падения цен – 1883, 1888, 1894–1895, 1900–1901 – всегда сопровождались соответствующими изменениями в том же или следующем году кривой преступности. По Калужской губернии числа осужденных за кражи… параллельны с ценами на хлеб и нуждою населения в собственном хлебе… Грабежи и разбои подчинены этому же закону»[9]. Такая же связь была установлена Тарновским для Петроградской губернии, Трайниным – для Московской, Гуревичем – для Нижегородской, Тарновским – для 5 губерний. «Так, в 1880–1881 гг. хлеб сильно подорожал, и число возникших дел о краже и насильственных похищениях поднялось на 20% выше среднего. Вместе с падением цен на рожь в 1885–1890 гг. снизилась и преступность»[10]. Указанная связь между ухудшением питания масс и увеличением числа преступлений против собственности (а отчасти и против личности) в странах индустриальных, согласно сказанному, должна проявляться в годы промышленных кризисов, когда растет армия безработных, доходы рабочих падают, стало быть, и питание их ухудшается. Наблюдается ли она в действительности? Да, наблюдается. Беру для примера Англию, в частности, ее промышленные районы. Исследование М.И. Туган-Барановского показывает, что в годы

---

[6] *Levasseur E*. Op. cit., vol. II, p. 442.

[7] *Mayr G*. Statistik und Gesellschaftslehere. Berlin, 1917, Bd. III.

[8] См.: *Oettingen A*. Op. cit., S. 486–488; *Ван-Кан Ж*. Экономические факторы преступности. М., 1915; *Donger W.A*. Criminality and Economic Conditions; *Aschaffenburg G.* Crime and its Repression. Boston, 1913; *Чарыхов Х.М.* Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910; *Туган-Барановский М.И.* Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894, с. 158 и гл. IV, VII, IX.

[9] *Гернет М.Н*. Цит. соч., с. 386–387.

[10] Там же, с. 387–390.

благополучия преступность снижается, в годы кризисов – возрастает. «Промышленный застой начала 40-х гг. вызывает особенно сильное увеличение числа преступлений»[11]. То же самое отмечается в годы 1825, 1826, 1827 (кризис), в 1847–1848 (кризис, застой); позже максимум преступности наблюдается в 1854, 1857 и 1863 гг. (первые два года – годы кризисов, а в 1863 г. хлопковый голод достиг своего максимума); дальнейшее усиление преступности мы находим во второй половине 70-х гг. – в период промышленной депрессии. Сказанное достаточно определенно подтверждает нашу теорему.

4) Наконец, она подтверждается прямо и бесспорно резким подъемом кривой преступности в годы действительно массового голодания. Эти годы, ceteris paribus, являются особенно «преступными» годами, т.е. годами, когда голод депрессирует все задерживающие его утоление условные рефлексы, в результате чего люди en masse[3*] совершают акты правонарушения, резко растет число краж и грабежей, образуются целые банды грабителей и разбойников, нападающие на тех, кто имеет продовольствие и деньги. Это наблюдалось во время голода в древности, средневековье и в Новое время, вплоть до голода 1921–1923 гг. в России[12]. Приведенные данные вполне подтверждают функциональную связь, указанную выше. Когда голодают немногие – это дает единичные преступления на почве голода. Когда начинают голодать массы – это вызывает массовое притяжение к пищевым скопам и массовые попытки их захвата; а так как владельцы богатств обычно мешают этому и защищают свое достояние, так как и государственная власть чаще всего делает то же самое, то отсюда становится неизбежной борьба голодных с сытыми, бедноты с богачами и властью, охраняющей права и достояние последних. Эти явления и составляют то, что носит название – в зависимости от масштаба борьбы – волнений, бунтов, восстаний и революций.

Таково механическое объяснение связи голода, или ущемления пищевых рефлексов, и общественных волнений. Из него следуют и те условия, которые необходимы для того, чтобы голод вызвал эти явления.

Основные из этих условий суть следующие:

1) Наличие значительного ухудшения (относительного или дефицитного) питания масс:

a) значение имеет не только ухудшение питания масс и превращение его из недефицитного в дефицитное, но и всякое значительное ухудшение пищевого режима с более высокого уровня на более низкий, хотя бы этот низкий уровень и не был дефицитным голоданием;

b) громадное значение имеет, далее, быстрота и резкость этого понижения и ухудшения питания масс. При равенстве прочих условий чем резче и быстрее

[11] *Туган-Барановский М.И.* Промышленные кризисы в современной Англии, с. 261, 267, 300 и гл. IV, VII, IX (см. диаграммы №№ 3, 7, 11).

[12] Факты см. в моей книге «Голод как фактор».

совершается это понижение, тем сильнее и быстрее происходит ущемление пищевых рефлексов, следовательно, общественные волнения будут вероятнее. И психологически, и физиологически в этом случае реакция организма будет более бурной;

с) в связи с этим условием находится третье – их производное. Ущемление имеет свою границу, перейдя которую оно ведет уже не к усиленной борьбе за жизнь, а к полной апатии, поэтому наиболее активных действий от голодающих (относительно или дефицитно) масс можно ждать тогда, когда голод велик, но не чрезмерен. При абсолютном голодании такими моментами максимума активности будут первые 1–2–3 дня; при относительном голодании – наиболее резкие моменты его дальнейшего ухудшения до того момента, когда дефицит становится столь громадным, что организм лишается энергии, необходимой для совершения активных действий, и превращается, по сути дела, в «живой труп»[13].

Таково первое условие и связанные с ним релевантные обстоятельства.

2) Вторым необходимым условием для начала волнений является наличие в данном обществе имущественной дифференциации, или слоя богачей, обладающих пищевыми запасами и их эквивалентами в виде богатств всякого рода. Если нет этой дифференциации, если все бедны, если нет скопов продовольствия и их эквивалентов (богатств) в пределах области, охваченной голодом, то нет пищевого магнита, некого атаковывать и нечего захватывать.

И наоборот, чем сильнее имущественная дифференциация, чем бóльшие скопы сосредоточены в руках определенных лиц и групп, тем сильнее магнит, тем интенсивнее притягивает он голодные человеческие «опилки»: тяготение человеческих масс и стремление их к захвату богатств будут тем интенсивнее, чем больше имущественная пропасть между богатыми и бедными, сытыми и голодными. Таково второе необходимое условие.

3) Третьим само собой разумеющимся условием является невозможность или большая трудность покрытия продовольственного дефицита иными способами.

Таковы основные условия, необходимые для того, чтобы массовый голод привел к массовым волнениям, восстаниям, бунтам и революциям.

Дополнительными условиями, благоприятствующими такому эффекту, служит множество обстоятельств.

1) Степень и объем добровольной помощи голодным со стороны власти и богачей. Чем она больше, тем меньше вероятность восстания.

[13] «Организм, утеряв значительную часть своего существа, уже не думает об активных мерах для улучшения своего положения. Голод действует подобно наркозу; вслед за начальным возбуждением организма – бурной реакцией – следует период угнетения-апатии. Такие крайне истощенные голодные не только не решительны, но они поражают своим смирением, покорностью судьбе, отличаются низкопоклонничеством и лестью» (*Вальдман В.А.* К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь XXV-летия врачебно-научной деятельности (1894–1919) проф. И.И. Грекова. Пг., 1921, с. 441).

2) Характер условных рефлексов населения и степень их прочности. Если эти рефлексы в течение ряда поколений были такими, что часто не могли помешать захватам, нарушениям прав собственности и прав личности (а соответствующие им убеждения тоже дозволяли и одобряли это), то они, по сути дела, не являются тормозами, удерживающими людей от захватов, нападений и насилий, и чем они слабее, тем легче произойдут волнения под влиянием голода. Если же, наоборот, в народе воспитано чувство уважения к чужому достоянию, если он приучен к воздержанию от нарушений чужих имущественных и личных прав, то голоду нужно сначала преодолеть силу сопротивления этих рефлексов, и, только подавив их, он может вызвать волнения.

Спрашивается теперь: всегда ли массовый голод приводит к волнениям, если имеются указанные выше необходимые и содействующие началу восстаний второстепенные условия: отсутствие добровольной помощи со стороны богачей и власти, наличие у населения соответствующих рефлексов и т.д.?

Всегда, за исключением тех случаев, когда давление голода нейтрализуется другими столь же могучими детерминаторами.

Мне не раз приводилось экспериментировать с голодными собаками. Я клал перед ними кусок хлеба или мяса, и они жадно набрасывались на него. После этого я снова клал кусок, но брал палку и запрещал собаке его трогать. Если она его трогала, то получала сильный удар и после двух-трех таких «уроков» усваивала, что лежащий перед нею кусок трогать нельзя, поскольку палка – налицо. То же самое и с человеком. Поставьте перед голодным аппетитный бифштекс, и – если нет никаких тормозов – он его с удовольствием съест; но если приставить к его виску револьвер и пригрозить, что, как только он прикоснется к находящемуся перед ним «магниту», прогремит выстрел, то, естественно, он к нему не притронется. При наличии таких нешуточных тормозов акты захвата продовольствия со стороны голодных масс могут быть заторможены.

Как бы ни был силен голод, но если к виску голодающих приставлен револьвер, т.е. введено военное или осадное положение, отдан приказ о расстреле на месте при любой попытке захвата, то бунты и волнения могут быть заторможены. Эффект голода будет нейтрализован другим «сильнодействующим» средством.

Вот почему во время некоторых сильнейших голодовок в России, на Западе, в Индии, когда условия, необходимые для возникновения волнений, были налицо, они все-таки не возникали или не принимали значительных масштабов.

Как видим, дело обстоит не так просто, как это часто изображают сторонники двух противоположных мнений. Сторонники одной из этих точек зрения говорят, что голод всегда ведет к волнениям. «Неверно», – приходится отвечать им на основании всего вышеизложенного. Если ухудшение питания совершается исподволь и медленно, если в обществе нет резкой имущественной дифференциации или если имеются более легкие способы удовлетворения голода, если

вдобавок к этому богачи, общество и власть делают все, что в их силах, для облегчения голода, если правительственный аппарат крепок, то волнений может и не быть.

Но следует ли отсюда, что правы те, кто утверждает, будто голод не ведет к восстаниям и волнениям, что восстают только сравнительно сытые? Такое мнение высказывают как историки (А.В. Романович-Славатинский, М.М. Ковалевский, отчасти Е.В. Тарле и другие), так и некоторые биологи (Л.А. Тарасевич, В.М. Бехтерев), которые в известной мере отрицают функциональную связь между голодом и восстаниями.

«Давно замечено, – пишет М.М. Ковалевский, – что революционные движения, хотя и вызываются избытком общественных бедствий, загораются обыкновенно не в моменты наибольшей приниженности, а, наоборот, в периоды сравнительного подъема благосостояния масс. Вся история может служить иллюстрацией этой мысли. Положение крестьянства при Людовике XVI было, разумеется, несравненно лучше, чем в последние годы царствования Людовика XIV. Это не приблизило, однако, на столетие французского переворота. Самосознание, возникающее одновременно с материальной обеспеченностью, открывает глаза крестьянству на возможность улучшить свое положение новыми коллективными усилиями»[14]. Сходным же образом думают Тарасевич, Бехтерев, Тарле, Романович-Славатинский, Вальдман и др.

Утверждение М.М. Ковалевского, как и вышеназванных авторов, содержит только один правильный пункт, гласящий, что сильное дефицитное голодание масс, приводящее к крайнему истощению, не сопровождается волнениями и революциями. Выше я уже указывал на это обстоятельство. Но из него вовсе не следует, что «революционные движения загораются... в моменты сравнительного подъема благосостояния масс», т.е. в моменты, когда их пищевой режим улучшается. Это положение спорно, и доказать его, думается, было бы очень трудно.

Целый ряд фактов повседневной жизни и исторических событий свидетельствует о том, что крупные социальные движения начинаются именно в моменты снижения уже устоявшегося уровня питания масс, а не в моменты его повышения. Исключением являются только такие ухудшения, когда имевшийся до них уровень питания был крайне дефицитным и истощил население до крайности.

Таковы вкратце условия, при которых ухудшение питания масс (относительное и дефицитное голодание) ведет к волнениям и революциям.

Очертив эту связь между голодом и волнениями, попытаемся теперь подтвердить ее.

1) Первой группой многочисленных и часто повторяющихся фактов, легко доступных наблюдению и проверке, прямо говорящих об этой связи, *служат проявления недовольства, начиная с ропота и кончая бунтами, в небольших со-*

[14] *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы. М., 1900, т. II, с. 525–526.

циальных агрегатах (в пансионах, столовых, общежитиях, в продовольственных очередях, ресторанах, трактирах, среди солдат, рабочих и других лиц, живущих на готовых харчах и получающих определенный «рацион», и т.д.) – проявления, которыми почти всегда сопровождается ухудшение их питания. Мне, вопреки мнению М.М. Ковалевского, неизвестны факты, когда такие группы реагировали бы ропотом, бранью, битьем посуды, мордобоем и другими формами «бунта» на улучшение их рациона, обеда, пайка, «харчей» и продовольственных выдач. Напротив, всякое увеличение количества и улучшение качества таких выдач вызывает реакцию в виде чувства удовольствия, благодарности, радости и т.п.

Зато при снижении кривой количества и качества пищи реакция «недовольства», «протеста», «возмущения» обычна. Кто не слыхал и не знает о «продовольственных бунтах» в учебных заведениях (духовных семинариях, пансионах, студенческих столовых), приютах, богадельнях, на фабриках, в армии и т.д., вспыхивавших в ответ на ухудшение питания. Сотни таких фактов имели место в русских «государственных столовых» за эти годы, когда и без того дрянная их пища становилась еще хуже; при выдаче пайков, когда их величина уменьшалась или ухудшалось их качество, и т.д., и т.д.[15] Уменьшение количества и снижение качества пищи, получаемой соответствующей группой людей, во всех этих случаях влекло и влечет за собой маленькие бунты, волнения, иногда – революции, заканчивающиеся «ниспровержением» «существующего продовольственного строя», его властей и агентов, битьем посуды и разгромом помещений, иногда избиением действительных или мнимых виновников ухудшения.

Во всех такого рода событиях отчетливо проявляется указанная связь между ухудшением питания и возникновением волнений и революций. Нужно ли говорить, что они представляют собой уменьшенную копию крупных социальных волнений? Допустим, что вместо 50 перед нами 500 тысяч человек, у которых уменьшается количество пищи и снижается ее качество, и тогда вместо «бури в стакане воды» (в приюте, общежитии, богадельне) мы увидим бурю уже более солидную, представляющую собой общественное событие (в виде грандиозного митинга, массовой демонстрации под лозунгом «Хлеба!» или в виде разгрома хлебных лавок, базаров, продовольственных складов и т.п.).

Одного указания на такие факты достаточно, чтобы признать сформулированное выше основное положение доказанным.

2) Второй разряд фактов, подтверждающих эту теорему, предоставляет история, позволяющая сопоставить даты и места крупных волнений с характером движения кривой питания масс. Хотя исторические доказательства (вопреки

[15] Я лично наблюдал десятки и сотни таких протестов и волнений в Доме ученых в феврале-апреле 1921 г., когда выдачи пайков резко сократились, в 1918–1919 гг. в столовой университета и Бестужевских курсов, в продовольственной лавке рабфаковцев и студентов Петроградского университета, etc[4*].

обычному мнению историков) – самые неточные и неудовлетворительные (ибо здесь всегда имеется ряд иксов, и чем древнее эпоха, тем их больше; данные, свидетельства и описания всегда приблизительны), однако для проверки наиболее фундаментальных процессов пригодны и они. Если на основании этого материала нельзя точно определить, на сколько калорий снизилось питание, например, английских рабочих в 40-е гг. XIX в. или французских крестьян и горожан в 1788–1789 гг., то все же можно вполне определенно сказать, улучшилось оно или ухудшилось, т.е. усилилось или ослабло «ущемление пищевых рефлексов».

Перейдем теперь к проверке нашей теоремы.

Древний Восток. При всей неразработанности истории Древнего Востока в ней все же зафиксированы случаи возникновения волнений на почве недостатка продуктов питания. В Египте, пишет Масперо, «небольшие бунты случались нередко и всегда вызывались нуждой и голодом. Бóльшая часть платы состоит здесь в хлебе, пшене, масле, порциях пищи, которые начальники работ обыкновенно раздают с первого числа каждого месяца и которых должно хватить до первого числа следующего месяца». «В первые дни семья наедается досыта, но уже в середине месяца порции уменьшаются и начинается ропот; в продолжение последней недели наступает настоящая голодовка, и это отзывается на самой работе. Если справиться в официальных записях, которые вели на местах работ писцы, то окажется, что ближе к концу каждого месяца происходили общие забастовки, вызываемые голодом и слабосилием рабочих»[16].

Было бы интересно проследить связь между колебаниями бедности и волнений в истории Египта. Но, к сожалению, у нас нет необходимых для этого данных. Можно только утверждать, что отдельные эпохи смут и волнений совпадают с периодами обнищания страны. Так, время после XII династии было одним из самых бедственных в Египте[17]. В это время «в экономическом отношении страна быстро клонилась к упадку», «общее шаткое положение вещей подорвало ее сельское хозяйство и промышленность»[18]. Эта же эпоха была и временем величайших социальных революций и смут, о которых дают представление записи современников тех лет – старцев Онху и Ипувера.

Такие же совпадения имеются и в другие эпохи, например, при Эхнатоне[19], после XIX династии[20], при Рамзесе III[21] и после него, во времена правления XXI–XXIV династий[22/5*].

---

[16] *Масперо Г.* Древняя история. СПб., 1903, с. 25–28; *Тураев Б.А.* Древний Египет. Пг., 1922, с. 120–121.

[17] *Тураев Б.А.* Цит. соч., с. 70.

[18] *Брэстед Д.* История древнего Египта. М., 1915, т. 1, с. 224.

[19] *Брэстед Д.* Цит. соч., т. II, с. 33, 84.

[20] Там же, с. 156.

[21] Там же, с. 179–181.

[22] Там же, с. 200–208, 218, 231–232.

Греция. Здесь связь обеднения массы населения, а следовательно, и ухудшения ее питания с ростом волнений и революций проявляется в том, что начиная с рубежа VII–VI в. до Р.Х., знаменующего собой аграрную революцию, обезземенивание крестьянства, ухудшение материального положения масс, появление богатых групп и рост имущественной дифференциации, начинаются и социальные революции со всеми их жестокостями и насилиями. Эксплуатация крестьянской массы достигает крайней степени. В Афинах, например, крестьяне должны были довольствоваться 1/6 долей урожая, отдавая 5/6 в пользу землевладельца. Просуществовать на 1/6 часть урожая было невозможно. Массы обрекались на голодное и полуголодное существование. С этого же времени начинаются и революции. Появляется партия пролетариата («кулаков» по терминологии того времени), начинается беспощадная борьба сытых и голодных. «У массы населения сознание безысходной социальной нищеты должно было уступить место другому настроению. Все общественные классы, кроме привилегированного, были охвачены революционным порывом. Разгораются ужасные страсти и преступные инстинкты»[23]. Вспыхивает Мегарское восстание (ок. 640 г.)[6*], происходившее, по словам современника, под лозунгом: «Сперва ищи пропитание, добродетели же – когда у тебя уже есть на что жить». Бедняки набрасываются на богачей, разражаются неистовства, противники готовы «съесть друг друга живьем»[24].

Позже с некоторыми перерывами бедность масс и имущественные контрасты не уменьшались, а в общем возрастали. «Демократия не уничтожила нищеты; напротив она сделала ее более чувствительной...». Численность бедняков росла непрерывно. Росли и волнения, борьба партий обострялась, становилась все более и более жестокой, перевороты учащались[25].

В это время «даже в демократических Афинах простолюдин одевался не лучше раба. Жизнь массы населения находилась на весьма низком уровне. Поденная плата, равнявшаяся трем оболам[7*] (в V в. до Р.Х.), была недостаточна для прокормления семьи, несмотря даже на нетребовательность южан». Позже, хотя среднее вознаграждение за квалифицированный труд поднялось до 1½ и 2–2½ драхм, «покупательная способность денег снизилась, так что это повышение заработной платы вряд ли может быть признано симптомом увеличения доходов низших классов народа». В Аттике, по подсчетам Г. Майра, минимум, необходимый для существования четырех человек, в конце IV в. до Р.Х. равнялся 525 драхмам[8*], так что заработная плата, равнявшаяся 1½ драхмам в IV в. и 1 драхме в V в., оказывалась ниже этого минимума, необходимого для существования. В других местах дело обстояло еще хуже. Положение усугубляла к тому же и война, которая шла в течение 55 лет[26].

---

[23] *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 353.

[24] Там же, с. 358–359.

[25] Там же, с. 397–399 и гл. XII.

[26] Там же, с. 370–372, 375, 376.

Мудрено ли, что при таком дефиците продовольствия социальные конвульсии в обществе становятся весьма частыми, в известной мере перманентными. «Бедность порождает гражданскую войну и преступление», – писал Аристотель, резюмируя свои наблюдения над положением вещей[27]. «Пролетарий этих времен – прирожденный революционер»[28]. «Бедность и имущественное неравенство становятся побудительными мотивами, вызывающими беспрерывные революции», – говорит Пельман[29]. Социальная борьба V в., согласно Фукидиду, порождалась «желанием отделаться от бедности, которую долго приходилось терпеть, и страстным желанием овладеть чужим имуществом»[30]. Революция следует за революцией: в 427 г. – в Керкире, в 412 г. – на Самосе, в 370 г. – в Арагосе и т.д., с отбиранием имущества богачей, с захватом земель, «социализациями», бесчисленными убийствами и насилиями[31].

Известно, что Афины после Персидской войны в течение 30-летнего мира жили сравнительно благополучно[32]. В этот период не было крупных волнений и переворотов. Но вот – разражается Пелопоннесская война[9*]. Начинает увеличиваться нужда. Сокращаются государственные подачки. Массы населения нищают. К концу войны все продовольствие (в блокируемых Афинах) иссякает и люди начинают умирать с голоду[33]. И что же мы видим? Видим, как с ростом бедности и голода начинаются и конвульсии афинского общества. Внутренняя борьба обостряется, переворот следует за переворотом. Таковы, не говоря о мелких переворотах, революции 411 и 409 гг. Вслед за ними происходят социальные перевороты, руководимые Критием, Фераменом и «тридцатью тиранами»[10*], которых быстро свергают, – словом, голодный агрегат начинает почти беспрерывно биться в сильнейших революционных конвульсиях[34], кровь льется потоками, жестокость доходит до чудовищных размеров, гражданская война – до максимума. По причине такого же обнищания в этот период происходят революции в Керкире и Аргосе[35].

В Спарте особенно резкое обеднение и рост имущественной дифференциации выявляются в середине III в. до Р.Х. К этому времени «большинство ее граждан обеднело, и, так как они не могли осуществлять свои гражданские права,

---

27 *Аристотель*. Политика. II, III, 7, 1265b.

28 *Пельман Р*. История античного коммунизма и социализма, с. 451.

29 Там же, с. 452.

30 См.: *Drumann K.W.A.* Die Arbeiter und Communisten in Griecheland und Rom. Königsberg, 1860, §§ 17 и 46.

31 *Пельман Р*. Цит. соч., с. 455–456; *Пельман Р*. Очерки греческой истории и источниковедения. СПб., 1908, т. 1, с. 149–150.

32 См.: *Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht des Chaeroneia. Gotha, 1897, Bd. III, Teil I, S. 580–582, 562–565.

33 Ibid.,Teil II, S. 1402–1403, 1450, 1614, 1628.

34 Ibid., S. 1456–1457.

35 См.: *Фукидид*. История. III, 81–85.

должности и общее управление сосредоточились в руках кучки людей. Число спартанцев, имевших недвижимую собственность и богатства, было не более ста человек; таким образом, громадные состояния сосредоточились в руках немногих»[36]. В этот же именно период мы встречаемся здесь с острейшими социальными революциями и переворотами (Агиса IV [243–237] и Клеомена III [236–220 гг. до Р.Х]), сопровождавшимися чудовищной резней, террором, конфискациями, «социализациями» и т.д.

В дальнейшем сытость Спарты не увеличивается. Войны еще более ухудшают ее положение. Вместо обогащения «многие граждане вышли из этих войн еще более разоренными, и это послужило причиной последующей борьбы и переворотов». Социальная революция стала чуть ли не перманентной. При Набисе (конец III – начало II вв.) снова повторяется старое: «Множество выдающихся и имущих граждан убивается или отправляется в ссылку, их имущество тиран раздает бедным, их жен отдает своим друзьям и солдатам» и т.д. Чем дальше, тем положение становится все хуже, наряду с этим почти без перерыва продолжаются и социальные катаклизмы (188 г. и др.), доведшие Спарту до полного упадка и гибели[37].

Конечно, указанная нами связь между революциями и обнищанием масс и усилением их голодания описана довольно суммарно, без желательной точности, но все же и такое описание, хотя и весьма приблизительно, но фиксирует эту связь. Революции начинаются со времени обеднения масс и роста имущественной дифференциации, учащаются по мере их роста и прекращаются, пожалуй, только с момента подчинения Греции Риму, когда страшное обезлюдение и мир принесли, наконец, материальную обеспеченность[38].

Рим. Почти то же самое мы наблюдаем и в истории Рима. В начальный ее период, когда «сплошь консервативное крестьянство, крепко державшееся за землю, безусловно господствовало на форуме,.. поразительным образом нет упоминаний ни о каких резких классовых противоречиях, ни о сколько-нибудь глубоких классовых конфликтах, ни о нападках на общественный строй»[39].

Позднее, по мере обезземеливания крестьянства, роста населения Рима и увеличения численности пролетариата[11*], следовательно, с подъемом кривой бедности и голода резко начинает подниматься и кривая восстаний. А бедность была страшная. «Армия нищеты разрослась до огромных размеров». Ее составляли бедный городской пролетариат, бедные сельские пролетарии плюс армия рабов. «При дороговизне жизни в Риме рабочий, зарабатывавший около 3 сестерциев[12*] в день, был жалким пролетарием. В Риме скопилась столь огромная масса того элемента, который можно назвать низшим осадком пауперизма, –

[36] *Niese B.* Geschihte der Griechischen und Makedonischen Staaten. Gotha, 1899, 2 Teil, S. 296–297.

[37] Ibid., S. 563–564; Teil 3, S. 42–43.

[38] См.: *Мейер Э.* Народонаселение в древности // Народонаселение. М., 1897.

[39] *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 546–548.

нищих и бродяг, голодной черни, словом, босяцкого пролетариата, – что о его населении отзывались, как о клоаке»[40].

Не лучше обстояло дело и вне Рима. К концу республики общее положение масс продолжало ухудшаться, имущественная дифференциация – увеличиваться. «В римском государстве не наберется и 2 000 человек, владеющих каким-либо имуществом», – так охарактеризовал ситуацию трибун Л. Филипп в 104 г. до Р. Х.[41]

«Даже у лесных зверей имеются логовища, – говорит в своей речи Тиберий Гракх, – граждане же, сражавшиеся за честь и славу государства, не знают, где приклонить главу. У них не осталось ничего, кроме света и воздуха»[42].

Катилина, возглавивший еще одно движение, охарактеризовал положение так: «Дома у нас нищета, вне дома – долги; печально наше нынешнее положение, еще безотраднее будущее»[43].

В итоге – ряд революционных конвульсий (движения и восстания Гракха, Цинны, Катилины, Целия, Долабеллы, Спартака, Сатурнина и другие), с ничтожными по времени интервалами следующих друг за другом. Это – с одной стороны. С другой – гражданские войны и развитие преступности – с третьей.

Всюду здесь в порыве «злобного отчаяния беднота становится движущей и разрушительной силой; она переживает республику и не перестает тревожить и систему цезарей»[44].

Наряду с этими «перманентными революциями», бурлящими в конце республиканского периода истории Рима, начиная со II-го в. до Р.Х., в Италии в несметном количестве появляются шайки разбойников. «Раньше, – пишет Дионисий Галикарнасский, – не было случаев, чтобы бедные врывались в дома богачей в надежде найти там съестные припасы или же пытались похитить доставленный на рынок хлеб». Теперь это стало нормой[45]. Вместе с тем все чаще и чаще вспыхивают восстания рабов.

Гражданская война заливает всю страну. Ее лозунгом становится «Война дворцам и мир хижинам», выдвинутый эннским царем рабов[46/13*].

Весь общественный организм бьется в судорожных конвульсиях, его клетки, испытывающие нехватку пищи, начинают поедать и истреблять друг друга.

---

[40] Там же, с. 451. См. также: *Сальвиоли И.* Капитализм в античном мире. 1922, с. 13–18, 24, 165–170.

[41] *Мейер Э.* Народонаселение в древности // Народонаселение. М., 1897. Подробнее об ухудшении материального положения римского населения к концу республики см.: *Fustel de Coulanges N.D.* Op. cit., part XII; *Drumann K.W.A.* Op. cit., S. 23–24, 39–43; *Niese B.* Grundriss der Römischen Geschichte. München, 1906, S. 146–147; *Duruy V.* Histoire des Romains. Paris. 1885, vol. VII, p. 522–523.

[42] *Пельман Р.* Цит. соч., с. 555–556, 563.

[43] Там же, с. 564.

[44] Там же, с. 555.

[45] Там же, с. 548–549, 702.

[46] Там же, с. 549.

Гражданский мир полностью исчезает. То, что во всем этом «вопрос желудка» играет основную роль, помимо всего сказанного подтверждается еще и тем, что основные требования бунтующих всегда так или иначе были связаны с вопросом о хлебе: требование раздела государственных земель, выдвинутое Спурием Кассием, аграрный и фрументарный законы братьев Гракхов[14*], закон Мария о снижении цен на хлеб, лозунг «экспроприации богачей», выдвинутый в ходе целого ряда других революций, аграрные требования Сатурнина и Друза и т.д. Даже чисто политические требования были средством к завоеваниям экономическим и продовольственным. «Лозунг "Вся власть народному собранию" ставил своей ближайшей целью обеспечить суверенным гражданам дешевый, а затем и даровой хлеб за счет государства, т.е. реально либо за счет подчиненных и зависимых от Рима, либо за счет имущих, по отношению к которым все средства принуждения казались дозволенными»[47].

Что же касается самого Рима, то он со своим населением, выросшим почти до миллиона человек, был в конце республиканского периода охвачен хроническим голоданием, а потому и непрерывными волнениями. «Необходимо было беспрестанно успокаивать массы и… это успокоение откровенно признается мотивом, побудившим цезаризм признать право масс на хлеб и зрелища». Но… «никогда не удавалось добиться прочного успокоения. Буйные скопища неистовствующих народных масс и всевозможные насилия составляют постоянную рубрику в истории города. Обыкновенно возмущения масс вызывались их затруднительным экономическим положением, жалобой на высокие цены съестных припасов и озлоблением против действительных или мнимых виновников этих высоких цен»[48]. «Римский плебс всегда был готов на беспорядки, как только опаздывал хлеб, привозимый из-за моря»[49]. «Вскоре после Брундизийского соглашения[15*] флот Помпея отрезал Италию от хлебных рынков, начался голод», а с ним и снова гражданская война[50].

«В 32 г. вследствие высокой цены на хлеб опять чуть было не начался бунт». Неурожай и голод 5–8 гг. сопровождались волнениями и бунтами, то же самое произошло в 19 г. В 52 г. «хлеба (в Риме) осталось только на пятнадцать дней, разразился бунт, и Клавдий с трудом избежал народной ярости». Нечто подобное повторилось и в 68 г.[51]

---

[47] *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи. СПб., 1918, с. 10–11. Он же правильно подчеркивает, что «еще более обострилась (социальная) борьба под влиянием… вопроса продовольственного».

[48] *Пельман Р.* Цит. соч., с. 555–556.

[49] *Фридлендер Л.* Картины из бытовой истории Рима. СПб, 1914, с. 27–28; *Сальвиоли И.* Цит. соч., с. 166.

[50] *Ростовцев М.И.* Цит. соч., с. 141.

[51] *Waitzing J.P.* Étude historique sur le corporations professionneles chez les romaines // Memoires couronnеїs Бельгийской Королевской Академии. 1896, vol. II, p. 20.

Начиная с Августа в силу ряда причин в I–II вв. экономическое положение населения Рима если не улучшается, то и не ухудшается. Этот же период является и периодом сравнительного спокойствия[52].

В III в. снова происходит резкое ухудшение. В силу разных причин растут нищета и голод, с одной стороны, с другой – концентрация богатств и имущественная дифференциация. В это время «земля стала производить мало, и голод превратился в постоянную угрозу, промышленность пала», новых завоеваний и добычи не было, приток рабов почти прекратился, натиск варваров стал сильнее и т.д. – словом, наступило сильнейшее обеднение масс и усиление их голодания[53].

С этого же времени, как известно, резко поднимается кривая анархии, смут, переворотов, бандитизма, восстаний и революций, прекращавшихся лишь на короткое время и продолжавшихся в общем до падения Западной Римской империи[54].

Ту же самую картину в этот период и позже мы видим и в римских провинциях, еще не захваченных варварами. Непрерывные волнения, пролетарские социальные революции вроде революции африканских крестьян, анархия, огромные шайки бандитов и грабителей (скамары, циркумцеллионы, багауды[16*] и т.д.) – вот типичные явления этого периода. Голодавшие солдаты, «собрав вокруг себя голодных поселян и бродяг разных наций, положили начало скамарам, которые вступали в сражения с регулярными войсками и вели переговоры с римскими полководцами, как равные с равными»[55]. По словам современника, здесь «все вооружились на взаимную гибель»[56].

Связь между голодом и волнениями и здесь выступает довольно четко. Дефицитный обмен веществ римского агрегата влечет за собой кровавые конвульсии и борьбу.

Византия. Известно, что после Юстиниана (да отчасти и при нем) внутренняя история Византии изобилует волнениями, восстаниями, большими и малыми революциями. С X в. они становятся в известной мере перманентными. Не ошибемся, если в качестве одной из главных причин такой

---

[52] *Duruy V.* Histoire des Romains. Paris, 1885, vol. VI, p. 531.

[53] См.: *Duruy V*. Op. cit., vol. VI, ch. XCV, p. 350–351; *Niese B*. Grundriss der Römischen Geschichte. München, 1906; *Сальвиоли И*. Цит. соч., гл. IX.

[54] См.: *Duruy.* Op. cit., vol. VI, VII; *Niese B*. Op. cit., p. 50–51.

[55] *Thierry Am*. Récits de l'histoire Romain au V siecle. 1860, p. 141–171.

[56] См.: *Jordanes.* De Gothorum origine et rebus gestis, L–LII; *Salvianus*. De gubernatione Dei, V. «Порабощенные и истощенные массы поднимались в открытом восстании… Выступает образцовый тип пролетарской революции, "тяжелая поступь" марширующих пролетарских батальонов… Убивая и грабя, сжигая и опустошая, проходили мятежники по стране. Колоны[17*] кинулись на поместья, рабы – на господ. Восставшие, встречая, например, носилки, заставляли сидящих меняться ролью с носильщиками, а рабы и зависимые принуждали господ исполнять вместо них тяжелую работу» (*Пельман Р*. Ранний христианский коммунизм. Казань, 1920, с. 36–38).

«лихорадки» назовем дефицитный обмен веществ. Необеспеченное сельское население, разоряемое бесконечными реквизициями, грабежом и податями власти, волновалось и восставало. Даже во времена Юстиниана провинции на этой почве «почти непрерывно представляли картину войны» (населения с властью и ее «продорганами»)[57]. Не без этой причины вспыхнуло и знаменитое восстание 532 года.[58]

«Народные бедствия были нередким явлением», а голодовки, особенно в X, XI и XII вв., – частыми. Так, например, они были (от засухи) в 1026, 1028–1029, 1032–1034, 1037, 1040, 1054, 1058–1059 и др. гг. Мудрено ли поэтому, что «революции были беспрерывными». Императоры менялись, возводились и низводились чуть ли не ежегодно. «Ни один император не мог считать себя в безопасности на троне; из общего числа лиц, занимавших престол, добрая половина окончила жизнь насильственным образом»[59].

Кроме того, страна в то время, по-видимому, была перенаселена; по подсчетам Холмса, плотность ее населения в VI в. была вдвое больше, чем теперь, и равнялась 1/3 плотности населения современной Англии. При уровне развития производительных сил того времени такая плотность была избыточной и значительную часть людей обрекала на голод, а следовательно, создавала кадры участников волнений и смут[60].

Средние века. Мелкие локальные волнения, разгром лавок, вторжения в дома богачей, убийства были нередкими явлениями во время голода в Средние века. Так было, например, в Праге и Магдебурге; в «Страсбурге дело дошло до мятежа», в ряде монастырей низвергали аббатов и на их место возводили новых лиц – virum juvenem, sed industrium et providum[18*] и т.д.[61]

Если подобные волнения здесь не очень часты, то следует, с одной стороны, учитывать, что голодовки эти были истощающими и смертельными, а с другой – что они тонули в общей массе средневековых волнений, перманентной борьбы, разбоев, грабежей, войн и социальных движений, начиная со всякого рода еретических и коммунальных восстаний и кончая крестовыми походами против еретиков и иноверцев, постоянно трепавшими средневековые агрегаты лихорадкой и конвульсиями.

Если мы зададимся вопросом об их причинах, то едва ли сможем согласиться с теми историками, которые сводят их к одним только религиозным верова-

[57] *Holmes W.* The age of Justinian and Theodorae. London, 1907, p. 450–452. «Сбор налогов встречал регулярное сопротивление и вызывал кровавые восстания».

[58] Ibid., p. 453–458. Одной из причин восстания было огромное скопление голодных беглецов с семьями (см.: Очерки по истории Византии. СПб., 1912, вып. II, с. 63–65).

[59] *Скабаланович Н.А*. Византийское государство и церковь. СПб., 1884, с. 252–253, 134, гл. I и III.

[60] *Holmes W.* Op. cit., p.136–137, 123.

[61] *Curschmann F.* Hungersnöte in Mittelalter. Leipzig, 1900, Bd. II, S. 53–54.

ниям[62] (т.е. условным раздражителям, почти всегда более слабым, чем безусловные) или какому-то «духу свободы», обуявшему вдруг средневековые коммуны, к невежеству или, наоборот, – успехам в деле просвещения и т.д.

Привести в движение сотни тысяч людей и заставить их отправиться в Святую Землю или на юг Франции, рисковать жизнью, страдать и гибнуть – этого не в состоянии сделать комплекс условных рефлексов, вызываемых условными же стимулами, которые называются религией. О необоснованности и бессодержательности гипотезы, согласно которой коммунальные движения были вызваны «духом свободы», недавно писалось в научной литературе[63]. Еще менее подтверждается она такими фактами, как грабеж богачей, срывание ценностей с богатых дам, разгромы и т.п. – обычным аккомпанементом коммунальных революций[64].

Религиозные и другие условные стимулы хотя и сыграли во всем этом свою роль, но весьма скромную. Более серьезные мотивы надо искать глубже – в области безусловных раздражителей, в частности, голодном состоянии масс.

Оно в Средние века было бытовым явлением. В то время «население было бедным и плодовитым»[65]. «Угнетенная невероятной бедностью народная масса» в силу ужасных условий существования обычно голодала[66]. Нередко голод имел катастрофические последствия. Чрезвычайно типична в этом отношении и самая неуравновешенность психики масс того времени, ненормальный ее характер, делавший возможными все средневековые духовные эпидемии, психозы, массовый гипноз и помешательства со всеми нелепейшими верованиями и идеологиями того времени[67]. Такая психика и такое поведение типичны для голодающего общества.

Если дефицит продуктов питания в Средние века носит хронический характер, то немудрено, что социальные организмы бьются в конвульсиях, что «война здесь является нормальным состоянием», что под разными ло-

---

[62] «Видеть в войнах, подобных Альбигойскому крестовому походу[19*], только религиозные войны, значит быть вне реальности», – правильно отмечает Парето, который, анализируя средневековые хроники, вскрывает «желудочные» причины человеческих действий (*Pareto V.* Trattato di sociologia generale, vol. I, p. 804–805).

[63] См.: *Оттокар Н.П.* Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919.

[64] См., например: *Лависс Э., Рамбо А.* Эпоха крестовых походов. М., 1914, т. I, с. 403–404.

[65] Там же, т. I, с. 8.

[66] *Ли Ч.* История инквизиции. СПб, 1911, т. 1, с. 388.

[67] Это была «впечатлительная масса, доступная самым крайним порывам, суеверная. В воображении всех невидимый мир (дьяволов, ангелов, ведьм, etc) рисовался реальным». «Народы этой эпохи легко поддавались впечатлению минуты и доходили до исступления (шабаши, бичующие себя флагелланты[20*], женщины, нагими бегавшие по улицам, крестовые походы детей, ужасы инквизиции и т.д.)» (Там же, с. 38, 94).

зунгами вспыхивают волнения, в которых не трудно усмотреть их «желудочную основу»[68], что страны превратились в «непотребный дом народов, где обитатели грызутся друг с другом» (Данте), что мира и спокойствия нет. В таких условиях их и не может быть. Конкретные лозунги, вокруг которых развертывались движения, могли быть разными, иногда до смешного пустыми (например, спор в 1220 г. между флорентийским и пизанским посланниками из-за собаки, вызвавший войну), но было бы наивно видеть суть дела в таких внешних поводах. Не будь собаки, война или восстание вспыхнуло бы из-за «кошки», не было бы призыва освобождать Святую Землю, появился бы другой; если социальный организм болен, недостатка в симптомах болезни не будет: она проявится не в одном месте, так в другом, не этим, так иным способом.

Проследим с этой точки зрения ряд важнейших социальных движений в истории Англии, Франции, Германии и России. Их связь с ухудшением экономического положения масс, а следовательно, и питания (ибо 50–80% бюджета бедняка идет на питание) проявляется довольно ясно: они разражаются в годы ухудшения и особенно много их в периоды тяжелого экономического положения.

Англия. Непосредственно перед «войной баронов»[21*] дела в Англии шли все хуже и хуже… «Недовольство усилилось из–за голода 1257–1258 гг. и вскоре перешло всякие границы»[69].

Большое восстание баронов, столь богатое последствиями в истории английской конституции, по мнению Лингардта, безусловно, было ускорено дороговизной 1257–1258 гг.[70]

Начало XIV в. после смерти Эдуарда I (1307 г.) и во время правления Эдуарда II (1307–1327) было бурным периодом истории Англии, временем кулачного права, низложения и убийства короля, больших волнений, анархизации и бесцеремонных расправ, которые учиняли друг над другом представители враждующих партий. Эти же годы были годами голодовок и резкого повышения

[68] Например, призывы к неплатежу десятины и к отобранию богатств церкви в движениях, связанных с именами Танхельма, Петра Брюнсенского, Генриха Лозаннского, Арнольда Брешианского, лионских бедняков и т.д. (*Ли Ч.* Цит. соч., т. I, с. 42–44, 46–48). Далее, «неурожаи, предшествующие 1095 г. по всей Европе, сильно содействовали тому одушевлению, которое произвели крестовые походы» (*Рошер В.Г.* Цит. соч., с. 60). Именно XI в. отмечен рядом страшных голодовок (их было не менее одиннадцати); сильнейший голод был и перед вторым крестовым походом в 1045–1047 гг. И особенно охотно шло в поход население голодных мест (*Curschmann F*. Op. cit., S. 62–68, 51–55). С другой стороны, среди них, как и среди тех, кто участвовал в походе против альбигойцев и других еретиков, было «немало таких, которые искали случая пограбить да погулять; и всех равно привлекала добыча» (*Ли Ч.* Цит. соч., с. 95). Фактическое поведение крестоносцев красноречиво свидетельствует об этом.

[69] *Грин Д.Р.* История английского народа. М., 1897, т. I, с. 185.

[70] *Рошер В.Г.* Цит. соч., с. 60–61.

цен на хлеб[71]. По Роджерсу, средняя цена тонны хлеба (в марках) была такая: в 1271–1280 гг. – 84,50, в 1281–1290 гг. – 75,81, в 1291–1300 гг. – 90,73, в 1301–1310 гг. – 79,64; в 1311–1320 гг. она повышается сразу до 111,79, затем в 1321–1330 г. несколько снижается – до 99,90 и в дальнейшем идет на понижение: 67,75 и т.д.

Хотя в силу целого ряда причин (неизбежной неточности исторического материала, малозначительности сведений о номинальной цене на съестные припасы, если отсутствуют соответствующие данные о заработной плате и покупательской способности денег и т.д.) номинальное движение цен – неудовлетворительный критерий для оценки повышения или понижения экономического уровня социальных групп (почему я и не привожу всех соответствующих таблиц), однако в ряде случаев вместе с другими свидетельствами они могут иметь некоторую ценность и до известной степени служить показателями повышения или понижения кривой питания масс. Вот почему в некоторых случаях я их все-таки привожу.

Понижение экономического уровня, а следовательно и ухудшение питания, имело место и до, и во время крестьянского восстания 1381 г. Достигнутый ранее, после «Черной смерти» 1349 г.[22*], уровень жизни населения в конце 70-х – начале 80-х гг. стал снижаться. «Страна переживала последний период бесславной войны, которая разоряла ее в течение десяти лет». В связи с ней находился бесконечный рост податей и обложений, падавших главным образом на крестьянство. «Общины беднеют», – заявляли члены парламента в 1380–1381 гг. Ухудшилось положение вилланов[23*], из которых лорды выколачивали штрафы и дефициты. Прибавьте к этому знаменитый poll tax 1380 года[24*], наибольшей тяжестью легший на беднейшие слои населения, рост безземельных и малоземельных крестьян, составивших одну треть всех несвободных крестьян, наконец, образование в городах «несчастного слоя представителей грубого труда, вечно висевших на волоске от голодной смерти», а наряду с ними появление группы богачей и рост имущественной дифференциации[72] – и картина обнищания, рисуемая современником, будет ясна: «богатый радуется, бедный плачет, народу невтерпеж, и страна быстро пустеет». Фруассар подчеркивает, что больше всего пострадали в этом отношении графства Кент, Эссекс, Бедфорд, «которые и стали первым очагом восстания». Итог – социальная конвульсия

[71] «Шесть лет (во втором десятилетии XIV в.) принадлежат к самым мрачным эпохам в истории Англии. Ряд страшных голодовок усилил бедствия» (*Грин Д.Р.* История английского народа. М., 1891, т. I, с. 248).

[72] См.: *Грин Д.Р.* История английского народа, т. I, с. 277, 281, 295. О богатстве знати ходили невероятные рассказы. «Хлеб настолько поднялся в цене, что за день работы невозможно было заработать пшеницы в количестве, достаточном для прокормления одного человека».

в виде восстания, идеологически, как всегда, «припудренная благородными лозунгами»[73].

Конец XV и XVI вв. (эпоха Тюдоров) характеризуется относительным благополучием, низкими ценами на хлеб (максимум – 54 марки за тонну, минимум – 30 марок), и она же во внутреннем отношении была эпохой сравнительного покоя и отсутствия волнений[74].

В годы, предшествовавшие революции 1649–1650 гг., произошло резкое снижение экономического уровня, а следовательно, и ухудшение питания масс. В эти годы «всюду были заметны признаки обеднения. Плохие урожаи 1646 и 1647 гг. повысили цену квартера пшеницы с 30 тысяч до 58 с лишним, в той же пропорции произошло повышение цен на овес, гречиху и горох. Мясо подорожало вдвое против прежнего. Заработная плата тоже увеличилась, но далеко не в равной пропорции»[75].

Присоедините к этому неурожай 1646–1647 гг., колоссальный рост населения, численность которого достигла к тому времени четырех миллионов человек, тогда как полвека назад, в конце царствования Елизаветы, оно не превышало (по подсчетам Роджерса) 2,5 миллионов, «огораживания» и отнятие земли у арендаторов при Карле I, лишавшее их куска хлеба, что уже и раньше вызывало бунты (например, в 1637 г.). «Нас разоряют, чтобы наделить пастбищами телят эссекских. Все осушено, а нам остается только умереть», – говорили восставшие. Наряду с этим происходило обогащение других групп и рост имущественной дифференциации. Итог – конвульсии, сначала местного значения (в 1642 г. в графстве Линкольн и других местах, а еще раньше – при Эдуарде VI, когда восставшие призывали: «Пойдемте к господам в дома, там мы найдем оружие, деньги и съестные припасы»), а затем – и всеобщая революция 1649–1650 гг.[76]

---

[73] *Оман Ч.* Великое крестьянское восстание в Англии. М., 1907, с. 6–7, 9–10, 11, 18, 25–26. *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы, т. II, с. 589, 592, 600. *Петрушевский Д.М.* Восстание Уота Тайлера. М., 1915; *Эшли У.* Экономическая история Англии. М., 1897, с. 5, 39–43.

[74] См.: *Schmitz O.* Op. cit., S. 437–438.

[75] *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному, т. II, с. 178. См.: *Роджерс Дж.* История земледелия и цен, т. V, с. 205, 623, т. VI, с. 54, 286. Рошер пишет, что «средняя цена квартера пшеницы с 1626 по 1645 г. составляла 39,10 тысячи, в 1646 г. – 48, в 1647 – 78,8, в 1648 – 85, в 1649 – 80, в 1650 – 76» (*Рошер В.Г.* Цит. соч., с. 61); Т. Тук и У. Ньюмарч приводят такие цены квартера пшеницы: 1646 г. – 49,2; 1647 – $65,5^{1}/_{4}$; 1648 – $75,6^{1}/_{4}$; 1649 – $71,1^{1}/_{5}$ (*Tooke T., Newmarch W.* Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 1858, Bd. II, S. 797–799). См. также: *Sommerlad Th.* Zur Geschichte der Preise // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1910, Bd. VI, S. 1167–1168. П. Левассер определяет цену гектолитра зерна в 1600–1610 гг. в 16 франков 37 сантимов (см.: *Levasseur E.* Le prix du blé dans divers au XIX siécle // Bulletin de l'Institut International de Statistique, vol. XVIII, p. 111).

[76] *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному, т. II, с. 360–369; *Rogers J.* The Economic Interpretation of History. London, 1891, p. 174; *Каутский К.* Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. II, с. 76.

Следующей бурной эпохой в смысле внутренних волнений в истории Англии являются конец XVIII в. и почти вся первая половина XIX в. Несмотря на некоторые временные затишья, в целом она представляет собой один из самых неспокойных периодов в истории Англии.

И этот же период отмечен такими явлениями, как обнищание масс, рост дороговизны, намного обгонявший рост заработков, увеличение имущественной дифференциации и резкое снижение реальной заработной платы. Вот лишь некоторые тому подтверждения. «1795 г. в Англии был одним из наиболее беспокойных. Урожай был плохой, война расстроила промышленность, народ все больше нищал, а вместе с тем проявлял и все большую склонность к беспорядкам». «Происходили митинги под открытым небом, один из которых был по-настоящему грандиозным (в нем участвовало до 150 000 человек)». Лозунги были такие: «Мир!», «Дайте хлеба!», «Нет – голоду!». Совершено было, как известно, нападение на королевскую карету и т.д.[77] 1795 г. является годом резкого повышения цен на хлеб. Цена за квартер пшеницы в 1791 г. была 49 шиллингов, в 1792 – 47, в 1794 – 54, а в 1795 сразу подскочила до 82[78]. Это снижение уровня жизни народных масс, несмотря на некоторые колебания, приняло с начала XIX в. характер чрезвычайный. Дороговизна резко росла, повышение заработков значительно отставало[79]. [В период с 1820 по 1850 г. цена квартера пшеницы колебалась от 39 до 76 шиллингов[80], в период с 1830 по 1845 г. – от 111

[77] См.: *Кареев Н.И.* История Западной Европы, т. IV, с. 472–473.

[78] *Tooke T., Newmarch W.* Op. cit., p. 797–799. По Левассеру, за время с 1779 по 1790 г. «средняя цена гектолитра пшеницы увеличилась на 20 и даже на 33 франка» (*Levasseur E.* Le prix du blé cans divers au XIX siécle // Bulletin de l'Institut International de Statistique, vol. XVIII, p. 112).

[79] Это видно хотя бы из следующей таблицы:

Год	Цена за квартер пшеницы (в шиллингах)	Средняя заработная плата за неделю (в шиллингах и пенсах)	Год	Цена за квартер пшеницы (в шиллингах)	Средняя заработная плата за неделю (в шиллингах и пенсах)
1799	76		1810	112	
1800	127		1811	108	
1801	129		1812	118	
1802	67	13 ш. 10 п.	1813	120	
1803	60		1814	85	
1804	69		1815	76	
1805	88		1816	82	5 ш. 2 п.
1806	88	10 ш. 6 п.	1817	116	4 ш. 3 п.
1807	78		1818	98	
1808	85		1819	78	
1809	106		1820	76	

[80] *Tooke T., Newmarch W.* Op. cit., p. 798–799.

до 140[81].] Приведенные данные по заработной плате, конечно, приблизительны. Как показывают исследования Bowley, Wood'а и других, заработная плата в Англии в это время испытывала значительные колебания в зависимости от места и характера производства. Но главное, что в конце XVIII – начале XIX вв. она почти не повышалась даже номинально, а реально, конечно же, падала[82]. То же самое следует сказать и о первой половине XIX в.

Словом, факт обнищания масс, а следовательно, и ухудшения их питания в это время не подлежит никакому сомнению. В итоге мы видим, что английский социальный агрегат почти полстолетия находится в состоянии перманентного волнения и революционных конвульсий, временами несколько затихавших, но в общем не исчезавших вплоть до конца 40-х гг. XIX в.[83]

Со второй половины XIX в. начинается весьма значительное и почти неуклонное улучшение материального положения масс в Англии, а следовательно, и улучшение их питания[84].

Этот же период является и периодом относительного спокойствия и внутреннего мира. В общем и целом революционные стремления английских рабочих за это время становятся все более умеренными, а потом и вовсе исчезают, рабочий

[81] *Афанасьев Г.Е.* Исторические и экономические статьи. Киев, 1909, т. II, с.454–455. «Ясно, что заработная плата не поднималась вместе с ценой на хлеб – происходило совершенно противоположное» (там же, с. 505).

[82] *Bowley A.* Wages in the United Kingdom in the nineteenth Century. 1900, p. 32–34, 40, 70.

[83] Происходят восстания сельскохозяйственных рабочих, массовые поджоги хлебных складов, мельниц, целый ряд беспорядков в городах, грандиозные митинги и стачки, заговоры, образование мощных союзов, убийства и небывалая агитация, чрезмерное распространение бродяжничества и воровства, борьба за парламент, реформу 1832 г., за реформы 20-х гг., борьба против хлебных законов, чартизм[25*] и т.д. Причем и в течение этого периода обострение борьбы происходит в годы особенно неурожайные (после 1837–1840, 1845–1847 гг., после голода в Ирландии 1856–1857 гг.) и в годы промышленных кризисов. Помимо указанных выше работ, см.: *Rosenblatt F.* The Chartist movement in its Social and Economic Aspects // Columbia University Studies. New York, 1916, vol. LXXIII, № 1; *Slosson P.W.* The Decline of the Chartist Movement // Ibid., № 9; *Миклашевский И.Н.* История политической экономии. Юрьев, 1909, с. 298, 345–346; *Джефсон Г.* Платформа, ее возникновение и развитие. СПб., 1901, т. II., с. 45–128, 189–194, 294–296, 370–418; *Гаммедж Р.* История чартизма. СПб., 1907; *Tildsley.* Die Entstehung und die okon. Grundsatzen Chartistenbewegung. 1889; *Dicey A.* Law and Public Opinion in England. 1908; *Уэбб С. и Б.* История рабочего движения в Англии. СПб., 1899.

[84] Представление о нем дает следующий index реальной (а не номинальной) заработной платы рабочего класса с 1850 по 1900 г., если реальную заработную плату 1850 г. принять за 100:

Годы	*Реальная заработная плата*
1850	100
1860	103
1870	118
1880	134
1890	166
1900	183

(*Wood G.H.* Real Wages and the Standard of Comfort since 1850 // Journal of the Royal Statistic Society. 1909, March, p. 102–103).

класс «обуржуазивается», место революционности занимает либерализм и реформизм. Конечно, и в то время бывали периоды относительного роста волнений, но они не приобретали острых форм и больших размеров и совпадали опять-таки с моментами роста безработицы и ухудшения материального положения, т.е. усиления относительного или дефицитного голодания. Таковыми были, например, волнения 1862 г., вызванные огромным ростом безработицы (по причине «хлопкового голода»), в результате чего жизненный уровень массы рабочих снизился до уровня пауперов[26*]; таковы волнения 70-х гг., особенно 1878 г. (в Ланкашире), волнения 1885–1886 гг., когда дело дошло даже до грабежа лавок и магазинов в Лондоне; стачки, митинги, рост популярности идей анархизма и коллективизма в 1890–1893 гг. Именно эти годы были годами кризисов и безработицы[85]. Но все это была сравнительно мелкая рябь, не сильно нарушавшая внутренний мир. Так продолжалось вплоть до 1917–1921 гг., когда – с ростом дороговизны – жизненный уровень рабочих Англии снизился, армия безработных стала стремительно увеличиваться[86]. Имущественная же дифференциация не уменьшилась. Процент безработных среди членов тред-юнионов возрастал. Так, в 1916–1917 гг. он был равен 0,5, в 1918 г. – 0,9, в 1919 г. – 2,1, в 1920 г. – 1,1, в январе 1921 г. – 6,9, в феврале – 8,5, в марте – 10,0, в апреле – 17,6, в мае – 22,2 (не считая бастовавших горнорабочих). Общая численность безработных в апреле 1921 г. составляла 1 615 000 человек, плюс 897 000 работающих неполное время[87]. Эти данные определенно говорят об усилении если не дефицитного, то относительного голодания масс, какого в таких размерах давно уже не знала Англия. И что же? Наряду с этим усилением мы видим и рост волнений и революционных конвульсий рабочего класса, тоже давно уже неизвестный Англии в таком масштабе: забастовки и стачки по своему размаху и числу участников приобрели небывалые размеры[88], рабочее движение

[85] Подробнее об этих движениях см.: *Туган-Барановский М.И.* Цит. соч., 3 изд., с. 413, 425, 427–428, 433, 435, 438–4440, 452–453.

[86] Уже в 1916 г. питание рабочих Англии ухудшилось по сравнению с довоенным временем (см.: *Ferguson*. The Family Budgets and Dietaries of Forty Lab Class Families in War Time // Proceedings of the Royal Society of Edinburgh. Vol. XXXVII, p. 120–133); причем, как показывает Wood, ухудшение питания особенно резко коснулось бедных классов. См.: *Wood F*. The increase in the Cost of food or different classes of society since the outbreak of War // Journal of the Royal Statistic Society. 1916, Joule, p. 501–508.

[87] *Боголепов М.И*. Европа после войны. Пг., 1921, с. 23, 47. С 1921 г. в связи с кризисом происходит снижение заработной платы (см.: Экономист. № 4–5, с. 293).

[88] Число бастовавших было: в 1914 – 327055 человек
в 1915 – 401930
в 1916 – 284396
в 1917 – 86027
в 1918 – 1096000
в 1919 – 2581000

(Сборник статистических сведений о современном экономическом положении иностранных государств. М., 1922, с. 32).

«полевело», волнения участились, демонстрации, митинги, захваты предприятий, разгромы продовольственных лавок, магазинов и т.п. стали частым явлением, возникла коммунистическая партия, левое крыло в рабочей партии усилилось, армия сторонников «прямого действия»[27*] увеличилась – словом, с усилением голода социальный организм Англии стал менее спокойным, начал биться в конвульсиях волнений и беспорядков. О связи этих двух явлений свидетельствуют сотни телеграмм, вроде следующих: «*Лондон*. 20. IV. В угольных копях Ланкашира бастующие углекопы разграбили лавки со съестными припасами, булочные и рыбные торговые ряды. Много товаров было выброшено на улицу, откуда женщины и дети растащили их по домам. Убытки достигают нескольких миллионов фунтов»[89]. Или: «В Норвиче безработные, участвовавшие в демонстрации, вошли в ратушу и заявили: "Мы должны что-нибудь иметь к Рождеству. Околевать с голоду мы не намерены. Если безработные не найдут работы – будут волнения"»[90]. А сколько было острых волнений, заставивших правительство даже мобилизовать войска и принять военные меры во время грандиозной забастовки горнорабочих в марте-мае 1921 г.!

Поистине, сходные причины в сходных условиях вызывают сходные результаты. «Люди волнуются, а количество и качество калорий руководят ими», – так можно перефразировать изречение Боссюэ[28*].

Перейдем к Франции.

Франция. *Жакерия* 1358 г. Ухудшение положения крестьян перед 1358 г. общеизвестно. В XIII и начале XIV в. их положение было более или менее сносным. Д'Авенель находит даже, что в XIII в. реальные доходы крестьянина и рабочего были очень высоки[91]. Во второй же половине XIV в. произошло резкое ухудшение.

1) «Период с 1351 по 1375 г. был временем наибольшей дороговизны за всю эпоху феодализма: средняя цена хлеба во Франции поднялась на 9 франков за гектолитр. Эти же 25 лет царствования Иоанна Доброго и Карла Мудрого отмечены также тем, что покупательная способность денег была самой минимальной, а жизнь – наиболее дорогой»[92].

[89] Руль. 1921, 21 апреля.

[90] Петроградская правда. 1921, 1 февраля.

[91] *D'Avenel G*. Paysans et ouvriers. Paris, 1899, p. 11–18, 28.

[92] Ibid., p. 152. Покупательная способность драгоценных металлов по сравнению с их способностью в 90-х гг. XIX в., принимаемой за единицу, была такова:

в 1201–1225 – 4⅓
1226–1300 – 4
1301–1350 – 3½
1351–1375 – 3
1376–1400 – 4

(См.: *D'Avenel G.* La fortune privée. 1895, p. 37).

2) Как раз в этот же период цена на хлеб совершает резкий скачок вверх. Тонна пшеницы в марках стоила в среднем: в 1276–1300 гг. – 7,79, в 1301–1325 – 96,99, в 1325–1350 – 75,04, в 1351–1375 г. – 100,80[93].

3) Эти обстоятельства отягчались грабежом населения и предшествующими 1358 г. двумя годами полного неурожая. «Безысходное положение, в которое крестьянство попало из-за феодальной неурядицы, должно было неизбежно, помимо всякого стремления к уравниванию состояний, привести к кровавому столкновению с поместным сословием».

После поражения при Пуатье[29*] армия «жила систематическим грабежом населения, и в силу этого, по словам современника, земли в течение двух лет, непосредственно предшествовавших восстанию, вовсе не обрабатывались». В 1358 г., когда впервые появились жаки, «сбор винограда произведен не был, поля оставались невспаханными и незасеянными, на пастбищах не видно было ни коров, ни овец. Глаз не отдыхал при виде зеленых лугов и желтеющих нив. Всюду господствовала глубокая нищета, особенно среди сельских жителей, так как сеньоры умножали их бедствия, отнимая у них даже самое необходимое для поддержания хотя бы нищенской жизни»[94].

Налицо была и резкая имущественная дифференциация. Итог – всем известные грандиозные революционные конвульсии социального агрегата.

Под влиянием того же фактора одновременно с крестьянским восстанием в те же годы произошла революция в Париже (собрание Генеральных штатов и движение Э. Марселя[30*]). Не обошелся без нашей причины и мятеж панцирников в Париже, где поборы и пошлины с товаров задевали материальные интересы и низов, и буржуазии[31*].

Еще яснее прослеживается связь между голодом и социальными волнениями в междоусобицах и смутах второго десятилетия XV столетия, в частности в гражданской войне Арманьяков и Бургиньонов и вакханалиях кабошинов[32*] (1412–1413). Это период мрачный во всех отношениях. Неудачи французов в ходе Столетней войны[33*], беспорядочное правление, сумасшествие короля и т.д. совершенно расстроили экономику страны и ухудшили положение народа[95].

---

[93] *Schmitz O*. Die Bewegung der Warenpreise in Duetschland von 1851–1902. Berlin, 1913, S. 434–435.

[94] *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы. М., 1900, т. II, с. 543.

[95] С 1401 по 1440 г. цены на хлеб снова растут. С 4 франков 65 су они поднимаются в среднем до 7 франков 20 су, а на юге Франции – до 50 франков. И именно со второго десятилетия XV в. юг Франции испытывает голод, продолжавшийся без перерыва в течение десяти с лишним лет. Голодавшие Арманьяки легко могли двинуться куда угодно, а тем более на Париж. «Это было время, когда Арманьяки и Бургиньоны по очереди лили кровь в Париже» (*D'Avenel G*. Paysans et ouvriers, p. 152–153). См.: *Coville*. Les cabochiens et l'ordonnance de 1413. 1890.

Период с 40-х гг. XV до середины XVI вв. характеризуется ростом благосостояния, низкими ценами на хлеб и высокой заработной платой[96]. Этот же период характеризуется и отсутствием больших волнений.

Следующей эпохой, особенно бурной по внутренним движениям и волнениям в истории Франции, является вторая половина XVI в. Это время отмечено такими явлениями и событиями, как религиозные войны, Варфоломеевская ночь, целый ряд восстаний в городах и селах, «Лига», парижская революция, смена династии Валуа Бурбонами и т.д.[34*]

Спрашивается: не стоит ли и это повышение волнений в функциональной связи с ухудшением питания?

На этот вопрос следует ответить положительно. Об этом говорят прежде всего конкретные причины отдельных восстаний. Так, восстание 1548 г. в Гиени произошло из-за соляного налога, в 1568 г. в Нормандии – из-за грабежа и насилий солдат, отнимавших имущество граждан, и непомерных налогов. Аналогичные поводы были у восстаний, происходивших в 1593–1595 гг.[97]

Еще более знаменательно то, что как раз именно в эту эпоху кривая цен на хлеб и продукты питания делает резкий, небывалый скачок вверх.

Тонна пшеницы в марках стоила в 1476–1500 гг. в среднем 44,80, в 1501–1525 гг. – 44,80, в 1626–1650 гг. – 78,40. Далее цена пшеницы совершает скачок и становится больше вдвое и втрое с лишним: в 1550–1575 гг. – 134,40, в 1576–1600 гг. – 224,00, а затем, в 1601–1625 гг., снова несколько снижается – до 159,60. Цена хлеба в период с 1576 по 1600 г. – самая высокая на всем протяжении XV–XVI и первой половины XVII в.[98]

«В течение полстолетия, с 1526 по 1575 г. средняя для всей французской территории цена на хлеб поднялась с 4 франков до 7, в затем и до 12 за гектолитр. При Генрихе III (1574–1589) и в последние 25 лет XVI в. цены в 30 и 40 франков (за гектолитр) были обычными… В 1595–1596 гг. средняя цена равнялась 43 и 47 франкам. Понятно, что это экстраординарное подорожание вызвало крайнее обнищание народа»[99].

---

[96] *D'Avenel G.* Paysans et ouvriers, p. 14–15, 28, 154.

[97] *Гуго К.* Социализм во Франции в XVII–XVIII вв. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. II, с. 315–321.

[98] *Schmitz O.* Op. cit., S. 434–436. В Париже, по Левассеру, цена за тонну пшеницы в марках росла так:

Годы	*Цена*
1520–1529	80,30
1530–1539	87,70
1540–1549	88,59
1550–1559	96,77
1560–1569	145,38
1570–1579	183,01
1580–1589	195,58

(Ibid., S. 434–436).

[99] *D'Avenel G.* Paysans et ouvriers, p. 156–157.

Представление об этом росте нищеты станет еще более ясным, если учесть, что в то же самое время покупательная способность денег резко упала (ее коэффициенты по сравнению с покупательной способностью денег в конце XVIII в. таковы: 1451–1500 – 6, 1501–1525 – 5, 1526–1550 – 4, 1551–1575 – 3, 1576–1600 – 2,5[100]), номинальная заработная плата сельскохозяйственных и промышленных рабочих также сильно понизилась. «Поденщик, который при Карле VIII (1483–1498) зарабатывал 3 франка 60 су, при Генрихе IV зарабатывал не более 1 франка 95 су. Таким образом, рабочий конца XVI в. зарабатывал на жизнь лишь половину того, что зарабатывал его дед сто лет тому назад»[101]. И у ремесленников – как у мастеров, так и у чернорабочих (manoeuvres) – с начала XVI в. начинается снижение заработка. Поденная плата снизилась с 4 франков 80 су при Людовике XII до 2 франков 85 су при Карле IX (1560–1574). К концу XVI в. она снизилась еще больше[102].

Таким образом, цены на продукты питания росли, а заработная плата и покупательная способность денег резко падали. Следовательно, питание все ухудшалось, голодание усиливалось. На свой годичный заработок рабочий мог купить в 1451–1525 гг. 46 гектолитров зерна, в 1526–1550 гг. только 25 гектолитров, в 1551–1575 гг. – 15 и, наконец, в 1575–1600 гг., уже только 9¾ гектолитра.

«Если допустить, что рабочий или ремесленник довольствовался только сухим хлебом и холодной водой и ежедневно потреблял килограмм хлеба, что составляет около 500 литров зерна в год, то получается, что на одежду, квартиру, освещение и удовлетворение других потребностей у него оставалось средств, на которые можно было купить всего лишь 475 литров зерна. Если же он имел семью, то даже и этого хлеба у него не было… В таком случае рабочий должен был довольствоваться хлебом из овса»[103]. Таков был уровень питания в эту эпоху. В итоге – волнения, смуты, революция, словом – судорожные конвульсии голодающего социального агрегата.

Следующей эпохой волнений является вторая половина XVIII в., закончившаяся революцией 1789 г. Мелкие хлебные волнения, конечно, происходили и в промежутках между этими эпохами крупных волнений (например, в 1699 в Понтуазе, во время голода 1709 г. и др.), но я на них не останавливаюсь.

Восемнадцатое же столетие является веком: 1) падения покупательной способности денег; 2) снижения заработков рабочих и крестьян; 3) подорожания хлеба и продуктов питания; 4) неурожаев и 5) небывалой роскоши привилегированных сословий. Таким образом, во Франции в XVIII в. налицо имеется, с одной стороны, ряд явлений, объективно свидетельствующих об усилении голодания и обнищания масс или об ухудшении их питания, а с другой – ряд усло-

[100] *D'Avenel G.* La fortune privée. 1895, p. 7.
[101] *D'Avenel G.* Paysans et ouvriers, p. 28–29.
[102] Ibid., p. 91.
[103] Ibid., p. 159–160.

вий, благоприятствующих волнениям. Причем, чем ближе к концу века, тем эти факторы все более и более усиливались. Наряду с этим учащались и усиливались социальные волнения, закончившиеся катаклизмом – революцией.

Теперь кратко подтвердим эти положения.

Коэффициенты покупательной способности денег были таковы:

1701–1725	2,75
1726–1750	3,00
1751–1775	2,33
1776–1790	2,00[104]

Заработная плата сельских батраков, слуг, поденщиков, ремесленников и рабочих в течение XVIII в. была чрезвычайно низкой, снизившись еще больше при Людовике XVI. Если в предыдущие столетия она равнялась 3–5 франкам в день, то «в период 1751–1775 гг. поденщик получал не больше 1 франка 75 су, а при Людовике XVI и того меньше – 1 франк 64 су[105]. Поденная плата мастера колебалась в XVII в. от 3 франков при Генрихе IV до 2 франков 30 су при Кольбере, поденная плата рабочего – от 2 франков 28 су до 1 франка 70 су. В XVIII в. мастер зарабатывал 2 франка 84 су при министерстве Флери и 2 франка 30 су в момент начала революции, рабочий соответственно – 2 франка 10 су и 1 франк 64 су перед революцией»[106].

«Франция 1789 г. богата, а ее крестьянин и рабочий бедны; Франция 1475 г., очевидно, была бедной, в то время как ее пролетарий был богат. Вот явление, весьма заслуживающее запоминания»[107].

Рост цен на хлеб в XVIII в. виден из следующей таблицы:

Годы	Цена за тонну пшеницы (в марках)
1726–1750	123,20
1751–1775	148,40
1776–1790	168,00
1791–1795	125,63
1796–1800	244,52[108]

Кроме того, XVIII век постоянно страдал от неурожаев. «Чуть неурожай – и хлеба не хватало. В Париже в течение восьмидесяти лет 12 раз происходило

[104] *D'Avenel G*. La fortune privée, p. 17.

[105] *D'Avenel G*. Paysans et ouvriers, p. 66–67.

[106] Ibid., p. 120–121.

[107] Ibib., p. 135. См. также: *Tocqueville A. de*. L'Ancien Regime et la revolution. 1877, p. 179–180.

[108] *Schmitz O.* Op. cit., S. 434–436. В переводе на мясо рогатого скота заработная плата поденщика (в килограммах мяса) равнялась:

1726–1750	1,78
1751–1775	1,56
1776–1790	1,24

(*Sommerlad Th*. Zur Geschichte der Preise // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1910, Bd. VI, S. 1180).

сильное подорожание, голодовки же в провинции, в Лиможе, Пуату, Гиени стали явлением частым и периодическим»[109].

По «Les cahiers en 1789»[35*], питание масс рисуется в это время в таком виде: «Пища поденного рабочего – хлеб, обмакиваемый в соленую воду. Мясо ели только в последний день масленицы, в день пасхи и день именин». «Рабочие питались почти исключительно хлебом и водой, спали на соломе и жили в норе (un reduit). Условия их жизни были хуже, чем у американских дикарей»[110]. «Обедневший крестьянин походил скорее на дикаря. Одежда и жилище его были ужасны. Пища отличалась скудостью. Мясо ели совсем немногие – две трети населения его не употребляло»[111].

По мере ухудшения экономического положения, и в первую очередь питания масс, в XVIII в. стали усиливаться и волнения. «Неурожай 1739 г. вызвал три восстания в провинции». «В 1740 г. в Лилле произошли народные волнения из-за отсутствия зерна». «В Париже народ был готов к революции». «В 1747 г. из-за хлеба произошли значительные волнения в Тулузе», «в 1750 г. – в Берне», «в 1752 г. – трехдневное восстание в Руане и его окрестностях, в Дофине и Оверни». В одной только Нормандии восстания вспыхивали в 1725, 1737, 1739, 1752, 1765, 1766, 1767, 1768 гг. – и все из-за хлеба». «В 1770 г. – волнения в Реймсе, в 1775 г. – в Дижоне, Версале, Сен-Жермене, Париже, в 1782 г. – в Пуатье, в 1785 г. – в Провансе, в 1788–1789 гг. – в Париже и во всей Франции[112]. Неурожай 1752 г. вызвал волнения. «С 1765 г. урожаи становились все хуже, и в 1768–1770 гг. ситуация сложилась настолько серьезная, что в Лиможе и Оверни дело дошло до того, что народ по-настоящему бедствовал». «Увеличение цен на хлеб вызвало волнения в ряде мест Нормандии, Шампани, Иль-де-Франса и Бургундии. Всколыхнувшийся народ нападает на хлебные запасы на базарах и складах и даже грабит хлеб в амбарах у самих земледельцев. Волнения происходили в Реймсе, Дижоне, Шалоне, Монтаржи и тысяче других мест. В Руане восстание вспыхнуло 22 марта и продолжалось в течение нескольких дней, то прекращаясь, то возобновляясь снова. Буяны, не встречая никакого сопротивления, грабили лавки и хлебные склады купцов, а также амбары разных монастырей, как в городе, так и в его окрестностях»[113].

[109] *Афанасьев Г.Е.* Исторические и экономические статьи, т. I, с. 70.

[110] *D'Avenel G.* Paysans et ouvriers, p. 290. См. также: *Levasseur E.* Histoire des classes ouvriéres. 1904, vol. I; *Тарле Е.В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909; *Кареев Н.И.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879; *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. Paris, 1899, vol. II: L'ancien régime, p. 199–200.

[111] *Афанасьев Г.Е.* Исторические и экономические статьи, т. I, с. 65.

[112] *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. Paris, 1899, vol. II: L'ancien régime, p. 200–203.

[113] *Афанасьев Г.Е.* Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892, с. 142–143.

Урожай 1774 г. был плохим, не лучший ожидался и в 1775 г. Вспыхнувшие весной 1775 г. беспорядки приняли весьма крупные размеры, получив даже название «мучной войны». Эту смуту пришлось подавлять силой, для чего пришлось поставить под ружье 25000 солдат.

«С этого времени в Версале начинают расклеивать прокламации, направленные против короля и его министров. Бунты были подавлены, но они оставили глубокий след»[114]. С 1777 по 1783 г. урожаи были хорошими, и волнений происходило сравнительно немного. С 1784 г. начинается новая полоса неурожаев, и волнения растут. В 1785 и 1786–1787 гг. произошел ряд волнений и бунтов в Севеннах, Визиле, Жеводане, Лионе, Виваре, Пуатье и других местах[115].

В конце XVIII в. Франция становится похожей на вулкан с непрекращающимся гулом, сотрясением почвы и мелкими, но частыми извержениями. Росли волнения, росло число браконьеров, бандитских шаек, бродяг, нищих, разбойников, словом, формировалась армия будущей революции[116]. Эти конвульсии голодающего социального агрегата в конце концов, поскольку голод не исчезал[117], а привилегированные сословия богатели, должны были привести к катастрофе.

Эта катастрофа опять-таки была ускорена неурожаем 1788 года. «И вот бунты приняли широкие и угрожающие размеры… Первым поводом для движения был вопрос о хлебе»[118].

К неурожаю присоединились еще промышленный кризис и безработица. «Безработица и дороговизна хлеба – вот два бича, от которых больше всего страдало население Парижа в 1789 г. Промышленный кризис стал остро ощущаться уже с 1787 г. К концу 1788 г. во Франции насчитывалось более 200 000 безработных. Потребление повсеместно сократилось. Зима 1788–1789 гг. была особенно тяжела для промышленности и торговли; производство сворачивалось». Вдобавок «голодный год гнал в Париж из провинции новые и новые массы безработного люда, и этот горючий материал внушал беспокойство многим наблюдателям». «На этой почве и разыгралась та стихийная вспышка, которая прекрасно характеризует страшную возбудимость нуждающейся городской массы 1789 г. и ее готовность пойти на самые решительные и немотивированные действиям по любому ничтожному внешнему поводу. Этой первой вспышкой в Париже были бурные беспорядки за неделю до открытия Генеральных штатов (в апреле

---

[114] *Кропоткин П.А*. Великая французская революция. М., 1919, с. 23.

[115] *Афанасьев Г.Е*. Исторические и экономические статьи, т. I, с. 402, 398.

[116] См.: *Taine H*. Les origines de la France contemporaine. Paris, 1899, vol. II: L'ancien régime, p. 280–298.

[117] Ibid., p. 292–298.

[118] *Кропоткин П.А*. Цит. соч., с. 39–41. «Хлебные бунты в городах с 1789 г. были явлением гораздо более частым, чем прежде. Наиболее чувствительны были затруднения циркуляции хлеба для Парижа» (*Афанасьев Г.Е*. Исторические и экономические статьи, т. I, с. 434–435).

1789 г.), поведшие к разгрому домов фабрикантов Ревельона и Анрио[36*]. Причина этого бунта была исключительно в голоде, безработице, дороговизне и отсутствии хлеба»[119].

Чем дальше, тем дело становилось хуже. «Голод свирепствовал в Париже все больше и больше. Даже плохой, желтой, горелой муки и той (около 27 июля и позже) не хватало… В ряде мест предпринимались попытки скосить зеленые хлеба»[120].

Голод усиливался – усиливались и волнения, как в провинции, так и в Париже. 8 июля – бунт безработных, 10-го – сожжение застав в Париже, 12-го Камилл Демулен уже призывает к оружию, 13-го народ направляется туда, где есть хлеб, а именно в монастырь Сен-Лазар, и осаждает его с криками: «Хлеба, хлеба!», 14-го июля – взятие Бастилии[121]. Голод усиливался – все интенсивнее шло и «углубление» революции. «Стоял сентябрь; жатва была закончена, но хлеба не хватало. У дверей булочных громадные очереди с раннего утра, и часто после долгих часов ожидания люди уходили без хлеба». Движение 5 октября началось при криках «Хлеба!». И здесь главной причиной и главным требованием толпы был хлеб.

В 1789 и начале 1790 г. голод усиливался crescendo[37*] – crescendo развертывалась и революция. Но в 1790–1791 гг. ее «углубление» и «расширение» начинает замедляться и приостанавливаться. Почему? Потому что 1790 и 1791 гг. были годами относительно более благополучными, чем 1789. Кризис 1789 г. ослабел; урожаи 1790 и 1791 гг. были сносными, промышленность стала оживать, безработица уменьшилась[122]. Приостановилось или замедлилось и углубление революции. Появилась слабая надежда на введение стихии в берега. Но, увы, «с 1792 г. это временное улучшение исчезает, и Франция – особенно после начала войны с первой коалицией[38*] – вступает в новый длительный кризис»[123]. С этого же года кривая революции снова делает резкий скачок вверх и последняя «углубляется» до своих крайних пределов. С усилением голода человеческие «клетки» начинают поедать друг друга, старые устои разрушаются один за другим, стихия революции выходит из берегов и затопляет потоками крови всю Францию.

«По мере того, как надвигалась зима 1792–1793 гг., голод в городах принимал все более и более мрачный характер. Муниципалитеты выбивались из сил, чтобы добыть хлеб, хотя бы по четверти фунта на жителя». Одновременно

---

[119] *Тарле Е.В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909, ч. I, с. 17–18, 51.

[120] *Кропоткин П.А.* Цит. соч., с. 46–47, 61–72.

[121] Там же, с. 111, 149, 155, гл. XV; *Афанасьев Г.Е.* Цит. соч., т. I, с. 434–435. См. также: *Тарле Е.В.* Цит. соч. (здесь очень четко обрисованы движения рабочих и их основная причина – нужда).

[122] См.: *Тарле Е.В.* Цит. соч., с. 116–117.

[123] Там же, с. 122.

с этим росло и недовольство богатыми и правящими жирондистами[39*]. Восстание против них стало неизбежным, и 31 мая 1793 г. оно вспыхнуло. Но не накормил и Конвент – поэтому в том же 1793 г. в восьми департаментах Франции начались восстания и против него. Так как голод не прекращался, то должна была пасть и диктатура Горы. Термидор[40*] был неизбежен[124]. Во все эти годы голодные восстания не прекращаются. «21 жерминаля вспыхивает восстание в Эвре, потому что на целую неделю выдают только по 2 фунта муки на едока, за три дня перед тем выдавали всего лишь по 1½ фунта. Вспыхивают восстания в Диеппе 14 и 15 прериаля, потому что народу выдается всего по 3–4 унции хлеба, восстание в Вервене 9 прериаля, потому что муниципалитет повысил цену с 25 до 50 су за фунт, восстание в Лилле 4 мессидора по той же причине». «Два раза вспыхивали восстания в столице – в жерминале и прериале III-го года[41*] (после уменьшения пайка с 1 фунта и до ¾ фунта). Продолжались они и после термидора и приобретали временами крупные размеры»[125].

Наполеон сумел дать выход этим волнениям, развязав завоевательные войны. В результате революционного террора и войн численность населения Франции уменьшилась, и благодаря этому и некоторым другим обстоятельствам, «эпоха реставрации была временем относительно высокого благосостояния масс»[126]. Она же была и эпохой сравнительно очень спокойной.

С конца 20-х гг. снова начинается ухудшение положения и застой в промышленности[127]. И снова начинаются волнения – революция 1830 г., ряд восстаний (вроде Лионского восстания 1831 г., проходившего под лозунгом: «Vivre en travaillant ou mourir en combattant»[42*]). «Создался порочный круг: недостаток работы вызывал восстания, а восстания еще более ухудшали хозяйственную жизнь». Поэтому годы 1831–1832 были «годами перманентных восстаний рабочих под лозунгом: “Работы или хлеба!”»[128].

Не без связи с голодом произошла и Февральская революция 1848 г., и июньское восстание рабочих. 1847 г. был годом сильного неурожая, 1847 и 1848 гг. были, кроме того, годами промышленного кризиса. Положение и крестьян, и особенно рабочих ухудшилось. Исследование Левассера показывает, что заработная плата рабочих даже по сравнению с началом XIX в. понизилась, а не повысилась. «Почти всех рабочих задел кризис 1848 года». В ряде производств это снижение зарплаты по сравнению с уровнем 1830 г. было громадным. В то же время жизнь

[124] См.: *Кропоткин П.А.* Цит. соч., с. 327, 394, 435.

[125] *Taine H.* Op. cit., vol. III, p. 529–532.

[126] *Кареев Н.И.* История Западной Европы, т. IV, с. 590.

[127] Л. Блан пишет, что в 1830–1831 гг. заработок рабочих, равный раньше 4–6 франкам, снизился до 18–25 су (*Blanc L.* Revolution française. Histoire de dix ans 1830–1840. Paris, 1877, vol. III, p. 48). См. также: *Levasseur E.* Histoire des classes ouvriéres. 1904, vol. II, p. 6–7.

[128] *Levasseur E.* Op. cit., p. 10–11.

в Париже подорожала почти вдвое. Вместо 3 000 франков теперь для того, чтобы сохранить тот же уровень жизни, что и в 1830 г., нужно было 6 000 франков. «В эпоху кризиса и неурожая нищета особенно велика была в торговых и промышленных департаментах»[129].

Социальной функцией такого детерминатора явилась Февральская революция 1848 г.[130] Но, как почти и все революции, она не улучшила положения трудящихся масс, число калорий не возросло. «Более 100 000 безработных было в Париже, и промышленные департаменты оставались в том же (печальном) положении». После закрытия Национальных мастерских[43*] рабочие оказались в безвыходном положении. Закрытие их (22 июня), начавшийся голод и его угроза вызывают июньское восстание, начавшееся на следующий день[131].

Наконец, связь революции и Коммуны 1871 г. с голодом слишком известна, чтобы на ней настаивать. С кризиса 1866 г. начинается ухудшение положения рабочих, а вместе с тем и рост забастовок. Война и осада сделали положение отчаянным[132/44*]. Революция произошла в осажденном городе, с имущественной дифференциацией, с огромным дефицитным голоданием, не имеющим никакой возможности покрыть голод иными способами.

Нечто похожее происходило позднее и в других местах. Например, в Бельгии в связи с кризисом 1884–1886 гг. «произошло сильное сокращение спроса на рабочие руки; оно особенно резко проявилось в 1886 г.; и этот же год отмечен огромными и кровавыми забастовками»[133].

То же самое мы видим и в 1919–1921 гг. Дороговизна[134], экономический кризис, падение заработной платы, рост безработных – словом, ухудшение экономического положения рабочих Франции в эти годы вызвало «полевение» рабочего класса, профсоюзов, социалистической партии, увеличение числа коммунистов и сторонников III-го Интернационала, рост популярности идей «прямого действия» и «социалистической революции», рост забастовок, волнений и кровавых столкновений[135].

Снова и снова мы видим, что одна и та же причина в сходных условиях вызывает сходные результаты.

---

[129] Ibid., p. 259, 262–264, 281, 285.

[130] См.: *Маркс К.* Классовая борьба во Франции в 1848–1850 гг. СПб., 1906, с. 32–33.

[131] *Levasseur E.* Op. cit., p. 382–387.

[132] См.: *Лукин (Антонов) Н.* Парижская коммуна. М., 1922, с. 55–56.

[133] *Denis H.* Le mouvement de la population et ses conditions economiques // Memoirez couronnes. Бельгийская Королевская Академия, vol. LIX, p. 8.

[134] По сравнению с индексом цен 1901–1910 гг., принятым за 100, цены во Франции росли за годы войны, достигнув максимума в сентябре 1920 г., когда индекс был равен 607,5, затем стали понемногу спускаться, понизившись до 411,9 в марте 1921 г.

[135] Число бастовавших рабочих было: в 1914 г. – 160 566 человек, в 1919 г. – 651 702 (Сборник статистических сведений о современном экономическом положении иностранных государств. М., 1922, с. 32).

Германия. Таким же образом можно было бы проверить нашу теорему и на истории Германии. В полном объеме я этого делать не буду, а остановлюсь на одном-двух революционных движениях в истории этой страны.

Очень бурной эпохой крестьянских восстаний, коммунальных движений, борьбы бедноты с богачами в городах (а также рыцарских восстаний, религиозных междоусобиц и войн) в истории Германии является конец XV века и первые 35 лет XVI столетия.

Эти же периоды, как показали исследования Лампрехта, Роджерса, Зоммерланда, отчасти Инама-Штернегга и особенно Казера, являются годами резкого подорожания продуктов питания, падения доходов трудовых масс, обременения их податями и налогами, роста бедности, а в связи с этим – и резкого ухудшения питания. Например, цены на хлеб в Саксонии были таковы:

Годы	*Рожь*	*Пшеница*	*Ячмень*	*Овес*
1455–1480	10,62	13,90	10,69	5,47
1521–1530	22,50	–	–	–
1531–1540	29,44	29,80	22,89	12,51[136]

Заработки, наоборот, не росли, а, скорее, падали. К этому присоединился ряд неурожайных лет. «Питание крестьянина в это время было скудное. Особенно же плохо приходилось во время войн, ибо война того времени должна была кормиться войной, т.е. грабежом населения». Прибавьте к этому грабительские объезды короля, постоянные неурожаи, невыносимое налоговое бремя – и голодание населения становится бесспорным[137]. «Теперь эксплуатация сделалась невыносимой, – писал Лютер. – Разве помогло бы крестьянину, если бы на его поле росло столько гульденов, сколько на нем стеблей и зерен?»[138] Между тем имущественная разница между чернорабочим и крестьянином, с одной стороны, и буржуазией и аристократией – с другой, была чрезвычайно резкой.

Следствием такого положения вещей становится рост восстаний в конце XV и в начале XVI в.: в 1476 г. – восстание в Бегейме, в 1491 г. – восстание «сырников», рисовавших на своих знаменах скверный ячменный хлеб с зеленым сыром (красноречивая эмблема), в 1493 г. – мятеж в Швабии, в 1500 и последующих годах – движение «башмака», в 1514–1515 гг. – восстание «Бедного Конрада»[45*], в 1525 г. – великое крестьянское восстание, целый ряд восстаний в 1530–1532 гг. (в Оснабрюке, Падеборне, Мюнстере и в Нижней Германии) и т.д.[139]

---

[136] *Sommerland*. Op. cit., S. 1181.

[137] *Кулишер И.М.* Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918, с. 98–105.

[138] *Каутский К.* От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, ч. 1, с. 249–250, 277.

[139] Подробнее см.: *Kaser K.* Politische und soziale Bewegungen in deutschen Burgertum zu Beginnen der 16 Jahrhunderts. Stuttgart, 1899; *Schoenlanck B*. Soziale Kampfe vor dreihundert Jahren. Leipzig, 1894. В Нижней Германии много восстаний было в 1530–1532 гг. В эти же

Еще яснее прослеживаемая нами связь выступает в волнениях 1840-х гг. в Германии и в революции 1848 г.: революция цен, индустриальный переворот, рост безработных, падение заработков, дороговизна, плюс неурожаи 1846–1847 гг. «Рабочие едва оплачивали соль для своей похлебки»[140].

Наконец, четкое выявление этой связи дает и Германии в 1918–1923 гг. К концу войны питание германского населения резко ухудшилось. Несмотря на суррогаты, не хватало ни белков, ни жиров. Смертность мирного населения в связи с этим повысилась.

Параллельно с усилением голодания росли и волнения. Произошла революция. Голодный социальный агрегат «нереволюционного» немецкого народа стал биться в конвульсиях. С конца 1922 и в 1923 г. положение снова стало резко ухудшаться. Недоедание и голод в это время резко усилились. Бурные беспорядки второй половины 1923 г. были ответом на этот рост голодания и бедности. В июле-октябре 1923 г. началось стремительное падение марки. Отсюда – растущие беспорядки в городах Германии, в августе-октябре достигшие громадных размеров и в данный момент, когда я пишу эти строки, грозящие перерасти в настоящую гражданскую войну.

Теперь ту же связь голода и волнений проследим на истории России.

Россия. В истории России связь голода и волнений выступает не менее ясно. Метод «сопутствующих изменений» легко ее вскрывает. Уже в древности летописцы подметили эту связь.

В 1024 г. «в Суздальской области, по словам летописца, народ умирал с голоду, волновался и производил мятежи»[141].

В 1070 г. во время голода «убивашета многы жены и имение их отъимашета себе».

В 1230–1231 гг. «инии паки злыи человецы почаша добрых людии дома зажигати, кде чююче рожь и тко разграбливаху имение их»[142].

В голод 1279 г. ятвяги[46*] перебили отряд Владимира Васильковича, посланный к ним с житом. «И избиты быша, жито поимаша, а людьи потопиша»[143].

В 1291 г. «по случаю дороговизны произошел мятеж, и грабиша коромольницы торг».

годы здесь наступила страшная дороговизна. Четверик ржи стоил летом 1529 г. 3½ шиллинга, в 1530 г. он стоил уже 9 шиллингов, а в 1531 г. цены поднялись еще больше. В Дортмунде в 1530 г. четверик ржи стоил 5½ шиллингов, в 1531 г. – 14 шиллингов. Плюс – «турецкий налог» в размере 10% всех доходов. В итоге – резкое увеличение числа восстаний (см.: *Каутский К.* Цит. соч., т. 1, с. 337–341).

[140] См.: *Блос В.* Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907; *Hartmann O.* Die Volkserheburg der Jahre 1848–1849 in Deutchland. Berlin, 1900.

[141] *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. М., 1858, с. 453.

[142] Там же, с. 455, 457.

[143] Там же, с. 470. См.: *Соловьев С.М.* История России, кн. I, с. 887–888.

В 1314 г. во время голода во Пскове «почали бяху грабити недобрии люди села и дворы в городе и клети на городке»[144].

Дана независимая переменная – голод (a), и за ним следует его функция – волнения (b).

То же самое происходит и в более поздние времена.

Экономическое положение масс к концу XVI в. значительно ухудшилось. В центральной России, по исследованию Рожкова, у малоземельного крестьянина по уплате всех податей и оброка получался дефицит в 14 денег. Он не мог свести концы с концами. Только у более обеспеченных крестьян оставался небольшой избыток. «Крестьяне старых областей беднели и разорялись. Подати и оброки были невыносимы»[145].

Это явление должно было привести ко взрыву и конвульсиям. Нужно было только его резкое усиление. Такое усиление и было дано страшными неурожаями 1601–1602 гг. и наступившим в 1601 г. «баснословным голодом»[146]. В связи с ним и начались волнения. «Толпы народа для спасения себя от (голодной) смерти составляли шайки и добывали себе пропитание разбоем… Ни одна область Руси не была свободна от разбойников. Они бродили около Москвы, и против одной такой шайки Хлопка царю Борису пришлось выставить крупную военную силу, которой – и то с трудом – удалось одолеть эту толпу разбойников».

С 1601 же года появились слухи о самозванце и начинается «великая смута»[147]. «Именно с этого голода началась, по словам современника, “беда во всей России” – наступило смутное время»[148]. Голодающий агрегат России начинает биться в судорогах, его клетки принимаются усиленно истреблять друг друга, один правитель сменяется другим и, не накормив население, сбрасывается в свою очередь[149] – и так продолжалось до тех пор, пока не обнищала вся страна и не уменьшилась плотность населения.

Следующей эпохой, богатой волнениями, было царствование Алексея Михайловича. Положение и питание народа в то время ярко рисуется патриархом Никоном в его письме 1661 г.: «Ты всем проповедуешь поститься, – пишет он царю, – а теперь и неведомо, кто не постится ради скудости хлебной; во многих местах

[144] *Лешков В.Н.* Цит. соч., с. 471–472.

[145] *Рожков Н.А.* Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI в. // Дела и дни. Пг., 1920, кн. I, с. 78–79.

[146] См.: *Фирсов Н.Н.* Исторические характеристики. Казань, 1922, с. 6–7 (Голод перед смутным временем).

[147] *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1917, с. 249.

[148] *Платонов С.Ф.* Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело. 1921, № 9–16.

[149] В 1608 г. народ ждет спасения от царя и, прежде обвиняя в своем страдании Бориса, теперь винит Василия, говоря: «Сии убо глад и меч царевна ради несчастия!» или крича: «Хлеба! Хлеба! Иначе – да здравствует Тушинский![47*]» (*Лешков В.Н.* Цит. соч., с. 484).

и до смерти постятся, потому что есть нечего; все данями обложены тяжкими; везде плач и сокрушение; нет никого веселящегося в дни сии». В письме, написанном в 1665 г., он добавляет: «Берут людей на службу, хлеб, деньги дерут немилостиво; весь род христианский отягчил данями сугубо, трегубо и больше – и все бесполезно»[150].

Неудивительно, что все это царствование полно мятежами и волнениями. Наряду с мелкими бунтами здесь было много крупных волнений. «В 1648 г. мятежи в Москве, Устюге, Козлове, Сольвычегодске, Томске и других городах; в 1649 г. приготовления к новому мятежу закладчиков в Москве, вовремя предупрежденному; в 1650 г. бунты в Новгороде и Пскове; в 1662 г. новый мятеж в Москве из-за медных денег; наконец, в 1670–1671 гг. огромный мятеж Разина»[151].

Некоторые из этих бунтов, например, бунты в 1650 г. в Новгороде и Пскове вспыхивали непосредственно на почве голода. «Народ жаловался, что ныне, государь, и достоль стала у нас хлебная скудость, и ни единого осмака дорогой ценой на торгу и нигде купить не добудем и мы… до остатку с голоду помираем и многие, государь, православные христиане по деревням едят оловину, и сосну, и ужовину». И в 1649 г. во Пскове была «хлебная скудость и дороговизна большая»[152].

Продовольственную почву имел и бунт 1643 г. из-за высоких цен на соль, и бунт 1662 г., вызванный дороговизной из-за выпуска медных денег и спекуляции.

Спокойствия в стране не было. Она перманентно билась в конвульсиях. Положение вещей ярко рисует современник – шведский посол Родэс в своих донесениях: «Видно, что это дело (бунт) распространяется и, кажется, как скоро огонь в одном месте потушен, сейчас же снова загорается в другом месте, как будто здесь и там лежит под холодной водой скрытый пышущий жар»[153].

Наконец, как правильно отмечают Соловьев и Платонов, не обошлось без продовольственной причины и восстание Разина. «Вследствие тяжелого экономического положения» народ бежал на Украину и на Дон. «Народа на Дону все прибывало, а средства пропитания сокращались»[154] (выходы отсюда были закрыты Польшей и татарами). «Этих беглых скопилось на Дону так много, что здесь возник “голод большой”»[155]. «Лишась последнего выхода, голытьба казацкая

[150] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. 1918, т. III, с. 307–308.

[151] *Ключевский В.О.* Цит. соч., с. 303.

[152] *Курц Б.* Состояние России в 1650–1655 г. по донесениям Родэса. М., 1915, с. 23–24.

[153] Там же, с. 27.

[154] *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории, с. 365. См. также: *Соловьев С.М.* История России, кн. III, с. 291–292.

[155] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1843, т. IV, № 202; *Фирсов Н.Н.* Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. М., 1911, т. II, с. 27.

опрокидывается внутрь государства и поднимает с собой низшие слои населения против высших»[156]. И здесь, как видим, недостаток калорий играл свою роль[48*].

При Екатерине II целый ряд крупнейших неурожаев и голодовок (1766, 1772, 1774, 1776, 1783, 1784, 1785, 1787, 1788 гг.)[157] и непомерное усиление эксплуатации народа привели к тому, что произошла вспышка крупных бунтов: картофельный бунт 1765 г., Московский («чумной бунт»)[49*], вызванный в конечном счете голоданием 1771 г., и Пугачевский бунт 1773–1774 гг., плюс до сорока других крестьянских восстаний[158].

Связь их с голодом ясна. После неурожая 1766 г. «особенно усилились волнения помещичьих крестьян»[159].

«Некоторые исследователи ставят Пугачевский бунт в связь с неурожаем, охватившим восточные области России. Самый разгар этого бунта относится к осенним месяцам голодного 1774 года»[160].

В то же самое время происходит множество волнений среди заводских крестьян (Сиверса, Чернышева, Демидова и др.), которые «с запущенной недоимкой и пашней быстро обращались в совершенно нищих», «алчно пожираемых заводчиками»[161].

Новая волна крестьянских волнений начинается в 1796–1797 гг. Они охватили, перекидываясь с одного места на другое, 32 губернии. В жалобах крестьян ясно указывается их причина: «Мы из сил своих вышли и ваших (помещичьих) уроков сработать не можем, потому что мы хлеба уже для пропитания не имеем, от мразу и гладу умираем, а пропитание имеем только-только, как маленькие ребята наши, ходя в мир, напросят и нас напитают»[162].

С 1826 по 1861 г. произошел целый ряд крестьянских волнений. Среди прочих их причин «экономические причины отмечены в 208 волнениях». Из них чисто «продовольственной нуждой» вызвано было 30, плюс 17 волнений в связи с переселением и голодом[163].

Крупные крестьянские волнения этого периода обнаруживают явную связь с голодом. Годами крупных голодовок и неурожаев этого периода были 1833–1834, 1847–1848, 1855[164]. И что же мы видим? Крупные волнения и беспорядки именно в эти годы и в местах голода.

---

156 *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории, с. 365; *Соловьев С.М.* История России, кн. III, с. 291–292.

157 *Ермолов А.С.* Цит. соч., с. 6, 22.

158 *Фирсов Н.Н.* Исторические характеристики. Казань, 1922, с. 4.

159 Там же, с. 44.

160 *Ермолов А.С.* Цит. соч., с. 22.

161 *Фирсов Н.Н.* Цит. соч., с. 36.

162 Там же, с. 56–58.

163 *Игнатович И.И.* Крестьянские волнения // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. М., 1911, т. III, с. 49–50.

164 *Ермолов А.С.* Цит. соч., ч. I, с. 43–56.

Ряд некрупных волнений был и в следующие неурожайные годы (1867–1868, 1873, 1880 и 1891–1892), но мерами власти и общества, путем переселений и другими средствами, голод удавалось смягчить или дать ему иные выходы.

Далее, начиная с 1905 г. Россия вступила в полосу неурожаев. Неурожай этого года был громадный. Он «охватил огромную площадь земель Европейской России, причем от него пострадали многие из важнейших по земледельческой культуре районы (Черноземный, Средневолжский, Заволжский), площадь полей в которых составляет 43% всех пахотных земель России». Недобор хлебов по сравнению с пятилетием составил в Пензенской губернии 65,3%, Рязанской – 53,3%, Воронежской – 51,3%, Тульской – 49,5%, Саратовской – 48%, Тамбовской – 42%, Симбирской – 40% и т.д.[165]

Начались волнения, разгром помещичьих усадеб, хлебных запасов, разбор запасных хлебных магазинов, столкновения и убийства толпой земских начальников, помещиков и т.д. Это аграрное движение, вызванное голодом, совпало с общим возбуждением в городах, вызванным иными детерминаторами, в частности – войной.

Итог – революция 1905 г. Одна из главных скрытых ее причин – сокращение калорий, поступающих в организм крестьян и рабочих.

Сильнейшим был и неурожай 1906 г. Он был «исключительным по размерам охваченной им площади». Дело ухудшила еще необычайно суровая зима 1906–1907 гг. Осенью цены резко поднялись по сравнению с весной (на 20–100%). Итог тот же самый – продолжение революции в 1906–1907 гг.

Наконец, фактор голода лежал и в основе революции 1917 г. Мы на себе испытали, как с 1916 г. наше питание (особенно в городах) резко пошло на убыль[166]. К концу 1916 и началу 1917 г. города стали голодать. Итогом явились сначала разрозненные разгромы рынков, лавок, магазинов, рост недовольства и

[165] Там же, с. 276–278.

[166] Вот иллюстрации:

	Потребление белка в граммах		
	1913–1914	*1915–1916*	*1916–1917*
Артель механиков	131,5	119,0	113,5
Артель красильщиков	119,5	106,4	96,6
Артель ткачей	109,9	102,2	101,3
Артель женщин	99,8	81,5	79,7

Причем белки животного происхождения систематически сокращались. Потребление жиров в 1915–1916 и 1916–1917 г. в процентах к потреблению их в 1913–1914 гг.:

	1913–1914	*1915–1916*	*1916–1917*
Артель механиков	100	87	47
Артель красильщиков	100	90	65
Артель ткачей	100	76	62
Артель женщин	100	86	67

Сократилось и потребление углеводов. См.: *Сваницкий Н.* Питание московских рабочих во время войны // Вестник статистики. 1920, №№ 9–12, 1921, №№ 1–4, с. 135–136. В 1918–1919 гг. дело еще более ухудшилось и в качественном и количественном отношениях. См.: *Клепиков С.А*. Питание русского крестьянства. М., 1920, с.12.

агитации. В январе-феврале 1917 г. в городах (благодаря слабости власти и целому ряду благоприятных обстоятельств) разразился хлебный бунт, начавшийся с остановки и опрокидывания трамваев и перешедший в опрокидывание более солидных вещей, вроде престолов и правительств. Опрокинули монархию. Но голод усиливался[167]. Параллельно «углублялась» и революция: в октябре опрокинули Временное правительство и стали «социализировать буржуев» (значение имущественной дифференциации).

Поскольку голод усиливался и поскольку было что «социализировать», революция должна была «углубляться» и власть должна была быть в руках тех, кто поощрял эту социализацию. Перелом должен был наступить тогда, когда, во-первых, национализировать стало бы уже нечего, во-вторых, голод оставался бы ненасыщенным, и в результате пришлось бы кое-кому, в частности крестьянству, не столько брать, сколько отдавать. Так оно и случилось. С 1919 г., когда все было поделено, в городах и потребляющих губерниях нужда возросла, а в производительных губерниях все излишки и даже почти все, вплоть до семян, стало отбираться, по стране прокатилась волна стихийных восстаний против Советской власти. При микроскопическом анализе этой эпохи мы видим еще более детальное проявление связи между волнениями и голодом. В 1919, 1920 и 1921 гг. крестьянское движение (бандитизм, махновщина, антоновщина) обычно резко усиливалось с осени и, как правило, было гораздо сильнее зимой, чем весной и летом. Причем осенью обычно происходило взимание разверстки и продналога, заставлявшее крестьян бороться с реквизициями, грозившими им голодом – опасностью, для них, увы, не мнимой. В центрах потребляющих, в частности в городах, волнения усиливались с февраля-марта: с этого момента учащались забастовки, демонстрации и акции протеста. Обычно больше всего их было в весенние и летние месяцы, до созревания овощей и нового урожая. Причина понятна: в феврале-марте обычно заканчивались или начинали подходить к концу запасы старого урожая; нового еще не было; недовоз и перебои регулярных выдач хлеба (в силу распутицы) учащались, сам паек уменьшался; в итоге – рост волнений.

Это явление особенно резко дало себя знать в феврале-марте 1921 г. В феврале 1921 г. в Петрограде и Москве наступило резкое ухудшение продовольственного снабжения (из-за сибирского восстания и расстройства транспорта).

[167] Например, рабочие ударной группы в Петрограде получали суточных калорий:

Июль (1917)	1698	Январь (1918)	698
Август	1657	Февраль	554
Сентябрь	1584	Март	954
Октябрь	1393	Апрель	992
Ноябрь	1167	Май	480
Декабрь	1038		

В 1918 г. среднее число потребляемых в день калорий равнялось 1 617 (плюс покупаемое на рынке); в 1919 г. – 1 394 (но покупалось меньше); в 1920 г. – 1 577 (*Словцов Б.И.* Государственное питание рабочих ударной группы за 1917–1920 гг. // Бюллетень отдела статистики труда, № 32).

«Экстраординарные» пайки были отменены. Все остальные пайки были сокращены на треть в течение двух-трех дней. Следствием такого положения дел стал рост забастовок, волнения, 24–27 февраля выход рабочих на улицу. Волнение росло. Власть усилила тормоза: 25 февраля вводится военное положение, 2 марта – осадное. Волнение перебрасывается в Кронштадт[50*]. Вспыхивает настоящее восстание. Все тормоза пускаются в ход. Наряду с этим принимаются героические меры улучшить снабжение рабочих, им предоставляются маршрутные поезда, снимаются заградительные отряды, дается право провоза продуктов, из последних запасов им выдаются хлеб, масло, мясо и т.д. Благодаря этим мерам по уменьшению голода и усилению тормозов в Питере удается ослабить движение. То же самое происходит и в Москве. Изолированный Кронштадт 18 марта падает. (Опять-таки отчасти, как объясняют Петриченко, Козловский и другие, потому, что власть восставших не сумела быстро улучшить продовольственное снабжение Кронштадта.) Здесь связь, анализируемая нами, проступает резко и отчетливо.

Столь же ясно проступает она и в забастовочном движении. Причина забастовок видна из требований забастовщиков. Таковыми были у железнодорожников – требование «права провоза продуктов» («провизионки»), у рабочих – права провоза двухпудовой нормы хлеба и т.п. Почти все забастовки в Петрограде в 1919 г. происходили «на экономической почве, а именно в связи с вопросами продовольствия»[168]. Политические требования носили лишь дополнительный характер, и не всегда они выдвигались. Непосредственной причиной прекращения работ являлось отсутствие хлеба. Эти более детальные сопоставления делают исследуемую нами связь еще более очевидной и бесспорной.

Подобные явления наблюдаются, особенно в наши годы, чуть ли не ежедневно. Телеграф приносит известия о них почти каждый день[169].

Во второй половине 1920 г. продовольственное положение Польши, в частности ее рабочих, ухудшилось. Следствие – рост волнений и забастовок с продовольственными требованиями. Такие требования правительству предъявляет, в частности, союз горнорабочих[170].

В Австрии «во время продовольственных беспорядков в 1921 г. в Вене рабочие, собравшись перед зданием парламента, отправились массами по улице, рассыпались по отелям, кофейням и банкам, избивая спекулянтов»[171].

«*Оренбург*. 7 февраля толпа голодных в 100 человек напала на хлебные ряды базара и разгромила их»[172].

---

168 *Новосельский С.А*. Забастовочное движение в промышленности Петрограда // Бюллетени отдела статистики труда. 1919, № 8, 15 ноября, с. 3–7.

169 Например: «*Чита. 23 июня.* В Китае, в провинции Хунань, начались голодные бунты, угрожающие разрастись в национальное бедствие» (Красная газета. 1921, 5 июля).

170 Robotnik. 29.X.1920.

171 Красная газета. 1921, 16 декабря.

172 Петроградская правда. 1922, 17 февраля.

Целый ряд аналогичных демонстраций, забастовок и волнений происходил в эти годы во Франции, в Англии, Германии, Италии и других странах. Постепенное улучшение продовольственных дел в ряде стран Европы сопровождается и «поправением» и «успокоением» рабочего революционного движения. Отмена хлебных карточек, когда хлеба имеется в избытке, действует гораздо сильнее в смысле успокоения волнений и «контрреволюции», чем всякая агитация или введение осадного положения.

Напротив, с ростом недоедания и голода в Германии в 1922–1923 гг. снова начинают расти забастовки, волнения, демонстрации, кровавые столкновения и попытки низвержения существующего строя.

Я не хочу тем самым сказать, что революции вызываются только «ущемлением» пищевых рефлексов и что другие факторы не играют роли. Конечно, играют. Но важно было на примере одного из основных рефлексов показать значение его «ущемления» в процессе возникновения волнений. Этим объясняется, почему я сконцентрировал внимание на голоде. Теперь, когда связь между голодом и волнениями выяснена, мы можем перейти к другим рефлексам и другим доказательствам нашей основной теоремы[51*].

§ 4. Ущемление других инстинктов и революция

Сказанное о связи ущемления пищевых рефлексов и революционных взрывов с соответствующими изменениями применимо и к другим основным инстинктам. Подобно предыдущему можно проследить и констатировать связь движения кривой революции и кривой ущемления последних. Приведу несколько примеров.

1) Возьмите хотя бы *ущемление инстинкта собственности* в вышеуказанном значении этого слова. *Всякий раз, когда в обществе усиливается ущемление рефлекса собственности его членов вследствие обеднения одних при обогащении других и когда число таких членов растет, пропорционально возрастают и шансы революции.* В правильности этого положения мы отчасти убедились при изучении функциональной связи между голодом и революцией. Почему пролетариат – «мускульный» и «умственный» – является наиболее революционным классом в обществе? Потому что его рефлексы собственности ущемлены сильнее, чем у других классов; он не имеет ничего или имеет очень мало; дом, в котором он живет, не его собственность, орудия его труда – чужие, настоящее его – не обеспечено, будущее – тем более, словом – «ни кола, ни двора». А кругом – огромные богатства. Этот контраст еще сильнее ущемляет его инстинкты собственности, как материнские инстинкты у бездетной женщины, не находящие удовлетворения. Отсюда – его революционность, его вечное ворочанье

«на постели из гвоздей», на которую его уложила история. Его социализм – с диктатурой, с мечтой об экспроприации эксплуататоров, с имущественным равенством и коммунизацией есть прямой результат этой ущемленности рефлексов собственности. Как только у ряда пролетариев эти рефлексы – благодаря революции – удовлетворяются, весь их социализм и коммунизм, как мы видели, исчезает. Из ярых коммунизаторов и уравнителей они превращаются в ярых собственников, в оплот порядка и священной собственности.

Из кого обычно рекрутируется основная армия революции? Из бедняков, из лиц, которым «терять нечего, а приобрести они могут многое»; из лиц с ущемленными рефлексами собственности. «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов», – вот к кому вечно адресуется революция и вот у кого она находит горячий отклик. И в греческих и римских, египетских и персидских, в средневековых и современных революциях легионы революции рекрутировались и рекрутируются из бедноты. Это именно бедняки давали революции те многочисленные руки, которыми она совершала свое дело. О чем говорит этот факт, как не о той же связи между ущемлением инстинктов собственности и революцией.

Не видели ли и не видим ли мы связь этого ущемления рефлексов собственности и социальных волнений за последние годы обеднения масс, голода и безработицы при наличии богатства частных лиц почти во всех европейских странах? Не заколебалась ли почва всюду? Не стали ли расти беспорядки, забастовки, волнения и успех революционно-коммунистических идеологий? Не видим ли мы и сейчас их революционную роль в самом антиреволюционном народе – в Германии, кое-как еще удерживающейся на краю пропасти?

Достаточно этих указаний, чтобы намеченная связь стала ясной.

2. Возьмите далее ущемление *инстинкта индивидуального самосохранения, имеющего своей задачей выживание индивида, и ущемление рефлекса группового самосохранения, преследующего задачу выживания социальной группы:* семьи, рода, народа, племени, государства, церкви, вообще – «группы ближних», «своего коллектива». Оба они наследственны. Оба – могучи. Рост ущемления их у членов общества, особенно ущемления одновременного, нередко ведет к революциям. Ярким примером их ущемления является *неудачная война*. Война – орудие смерти. Она исключительно сильно ущемляет инстинкт индивидуального самосохранения, заставляя человека насиловать себя и подавлять этот неистребимый, протестующий инстинкт жизни. Неудачная война сверх того ущемляет и инстинкт группового самосохранения у побежденных, подвергая их риску, унижению, оскорблению и опасности исчезновения как группы… Кроме того, война готовит дорогу революции и десяткам иных путей.

Мудрено ли поэтому, что итогом такого ущемления часто бывает социальный взрыв. Ущемленные инстинкты рвут тормозные условные рефлексы, анну-

лируют повиновение и дисциплину, порядок и культурные формы поведения и дают в итоге одичалые орды обезумевших людей, подобных русским солдатам 1917 г. и отчасти германским 1918 г., которые делаются рабами инстинкта самосохранения, бросают войну и дико набрасываются на власть, низвергают порядок и поднимают знамя революции…

Сказанное объясняет, почему огромный процент революций наступает в итоге или во время неудачной войны. Революции наших лет: русская, венгерская, германская, турецкая, греческая и болгарская – все произошли в указанных условиях[52*].

А русская революция 1905 г.? Турецкая, свергшая Абдул-Гамида после неудачной войны? А Французская революция 1870–1871 гг.? Разве они происходили не во время и не в результате неудачной войны? Можно пойти дальше и указать немало других революций, разразившихся в тех же условиях. Французская жакерия и революции конца XIV в. произошли в итоге бесславной войны и пленения Иоанна при Мопертюи; то же самое относится к английскому восстанию 1381 г.; революционное брожение, являющееся прологом английской революции, началось после неудачной войны с ковенантерами[53*]. И разве не то же самое мы видим в Германии, Италии и других странах в конце XVIII – начале XIX в., после того, как они потерпели поражения от революционных и наполеоновских войск? В Афинах – после неудачной для них Пелопонесской войны, в Керкире и т.д.?

Я привел в качестве примера только часть революций, разразившихся во время и в итоге неудачных войн. Но и этот краткий перечень в связи со сказанным выше является довольно красноречивым.

Конечно, война ведет к революции не только в силу «ущемления» указанных инстинктов, но и в силу ущемления других инстинктов – по причине роста нужды, голода, холода и т.д., однако основная революционная роль ее заключается именно в ущемлении указанных инстинктов. Поэтому люди, желающие войны и организующие ее, не должны были бы жаловаться на революционное наследие – до известной степени детище первой. Кто сеет ветер, не должен жаловаться на бурю. «Любишь кататься – люби и саночки возить».

Сказанное о войне может быть сказано и *о правительственном режиме полного произвола и неограниченных казней, арестов и ссылок. Он также представляет собой комплекс стимулов, сильнейшим образом ущемляющих инстинкты самосохранения индивида.* Отсутствие всяких гарантий и уверенности в своей безопасности, ущемляя рефлексы самосохранения, ведет к обычным результатам ущемления: к росту тревоги, недовольства, негодования и… к попыткам насильственного удаления «ущемляющего режима».

Косвенно такой режим «ущемляет» и инстинкты группового самосохранения, ибо у каждого арестованного и казненного есть семья, друг, единомышленники и близкие. *Когда же этот режим ущемляет прямо эти инстинкты*, путем

преследования того или иного символа группы и ее ценностей и членов (путем преследования религиозных, партийных, национальных и других групп), *то таким путем он ущемляет эти инстинкты прямо* и еще сильнее поднимает шансы революции, увеличивая кадры «ущемленных лиц». Отсюда понятно, почему такое общество всегда «беременно революцией», почему в нем почва заминирована и при малейшем ослаблении тормозов происходит революционный взрыв.

Эти указания на войну и режим произвола как на обстоятельства, сильнейшим образом «ущемляющие» инстинкты группового и индивидуального самосохранения, делают понятными революционизирующую роль первых, с одной стороны, и связь ущемления этих инстинктов с революцией – с другой.

3. *Не трудно также понять революционизирующую роль ущемления «других инстинктов, в частности полового*. Легенда о римской революции, вспыхнувшей якобы из-за того, что последний римский царь обесчестил одну из римских горожанок[54*], не так наивна и не так далека от действительности. «Si non e vero e ben trovato»[55*], – можем мы сказать об этой легенде. «Ущемляться» половые рефлексы могут разными условиями и способами: у одних – тем, что они не могут быть достаточно удовлетворены, у других – огромным развратом привилегированных, ущемлением ими «инстинкта ревности» путем обольщения и развращения жен и дочерей низов, путем полового распутства и т.д. Роль ущемления «половых рефлексов» часто совершенно не учитывается. Она с первого взгляда не заметна, и, однако, она очень серьезна. Что это так – ясно видно из множества революционных речей и воззваний, возбуждающих гнев народа указанием на «ущемление» этой группы рефлексов. В этих речах (быть может, бессознательно) прорывается и проявляется революционность этого фактора.

«Рабочие, если… вы не желаете, чтобы ваши дочери служили оружием наслаждения в объятиях плутократии… опомнитесь и восстаньте»[173]. Это воззвание Парижской коммуны может служить образцом таких речей и воззваний. И кто может сказать, что мотивы восстания, указанные здесь, не были зачастую одной из тех сил, которые зажигали пожар революции. Разве всякий, кто хотя бы немного знаком с историей, не знает, что одним из основных преступлений, вменяемых власть имущим революционерами всех времен и народов, было обвинение их в разврате, распутстве, в обольщении жен и детей низших слоев, т.е. в поступках, ущемляющих эти рефлексы. Изучите историю падения множества авторитетов и престижей, и вы убедитесь, что половое поведение последних, ущемляющее эти рефлексы масс, было одной из постоянных причин их падения. Разврат папского двора и католического духовенства второй половины средневековья не был ли одной из главных причин того, что Римская церковь стала называться «вавилонской блудницей», потеряла авторитет, а вместе с ним и повиновение себе?

[173] *Грегуар*. Цит. соч., т. IV, с. 356.

Разве в той ненависти, которую католическое духовенство возбудило против себя со стороны чехов перед гуситской революцией и со стороны населения ряда стран перед реформацией, малую роль играло половое поведение духовенства, заключавшееся в том, что «они развращали, а не морально усовершенствовали своих прихожан»[174], что почти все они обвинялись в разврате, держали конкубин[56*], заводили гарем, жили половой жизнью с матерями, сестрами, превратили монастыри в дома терпимости, уединение исповеди – в брачный альков и т.д.?[175] Все это не могло не «ущемлять» половых рефлексов масс, не могло не вести к потере авторитета, а если авторитет какой бы то ни было власти потерян – ее существование становится беспочвенным.

Перенесемся в Россию 1916–1917 гг. Что окончательно «доконало» царский режим? Распутинство, правильное или неправильное обвинение царицы и двора в половом распутстве[176]. Распутинство уничтожило авторитет царя и было одним из факторов русской революции. И разве не то же самое происходило перед французской революцией, когда такие же обвинения выдвигались против Марии Антуанетты и двора? Не видим ли мы постоянно в обычной жизни крушения многих авторитетов на почве их распутного поведения и скандалов, связанных с ним? Наконец, стоит представить себе на минуту, что в современных культурных странах власть декретировала бы для себя право на любую женщину или девушку и попробовала бы проводить этот декрет в жизнь. Нужно ли говорить, что революция была бы весьма вероятным итогом такого ущемления половых рефлексов населения. Подобный experimentum crucis[57*] – одно его допущение – красноречиво говорит об указанной роли этой группы инстинктов.

Я не могу здесь систематически проследить роль ущемления этих рефлексов в подготовке революции (подобно тому, как прослежена была роль голода), но думаю, что этой темой стоило бы заняться: она оказалась бы несравненно более серьезной, чем думают многие. Приведенные штрихи до известной степени подтверждают это.

4. Нечто подобное можно сказать и об *«ущемлении» рефлекса свободы*[177].

---

[174] *Denis E*. Op. cit., p. 13–14.

[175] *Вебер Г.* Цит. соч., т. 8, с. 190–191; *Ли Ч*. История инквизиции. СПб., 1911.

[176] См. Об этой роли распутинства в деле падения авторитета царя в народе и армии в статье Шульгина «Дни» («Русская мысль») и в цитированной книге А.И. Деникина.

[177] Следуя академику И.П. Павлову, я разумею под ним прирожденный инстинкт, толкающий к преодолению препятствий, ограничивающих свободу передвижения, свободу движения органов тела, свободу целого ряда действий. «В этом смысле рефлекс свободы есть общее свойство, общая реакция животных, один из важнейших прирожденных рефлексов. Не будь его, всякое малейшее препятствие, которое встречало бы животное на своем пути, совершенно прерывало бы течение жизни. И мы знаем хорошо, как все животные, лишенные обычной свободы, стремятся освободиться, особенно дикие, впервые плененные человеком. Но факт, столь общеизвестный, до сих пор не имел специального обоснования и не был зачисляем в систематику прирожденных рефлексов». Человек, связанный по рукам и ногам,

Исключительно сильное ограничение свободы движения, передвижения и ряда действий человека (свободы слова, поступков и т.д.) ущемляет этот инстинкт. Только тогда, когда ущемление его (как и во время голода) переходит границу и ломает этот рефлекс – хотя бы временно (см. эксперименты Павлова, сломавшего путем многодневного голодания этот инстинкт у собаки), – только при таком превращении людей в биологических рабов ущемление его может не вызывать революционной реакции. До тех пор всякое приращение его ущемления усиливает сопротивление и стимулирует уничтожение ущемляющего режима. Вот почему режим «несвободы», или «деспотизма», неизбежно минирует социальную почву и вызывает или необходимость исключительно сильно тормозящих средств «железа и крови», до поры до времени способных задержать этот взрыв, сломать «рефлексы свободы», или необходимость революции.

Эта зависимость между ростом ущемления рефлексов свободы и наступлением мятежа столь ясно проходит через историю, что нет нужды доказывать ее фактами и примерами.

То же самое может быть сказано и об ущемлении других прирожденных и приобретенных рефлексов. Быть может, роль каждого из них, особенно условных, взятых в чистом виде, не столь существенна, как перечисленных выше, составляющих необходимые условия жизни и выживания (ибо primum vivere, deinde filosofare[58*]), тем не менее эта роль отнюдь не равна нулю.

5. *Возьмите, например, группу рефлексов самовыявления (selfexpression) наследственных склонностей*. Факт различия наследственных свойств у разных индивидов сейчас установлен твердо и начинает уже утилизироваться при определении и выборе профессии. Допустите, что «механизм размещения индивидов в социальном пространстве» (см. выше) испортился, и в обществе индивиды начинают попадать на места и на роли, совершенно не соответствующие их наследственным способностям: «прирожденный правитель» попадает на место простого рабочего, «прирожденный Цицерон» – на место крючника, «поэт Божьей милостью» – на место бухгалтера, прирожденный организатор – на роль портного, и наоборот.

Что получается из такого положения дел? Сильнейшее ущемление инстинктов самовыявления каждого из этих лиц. Ни один из них не будет доволен своим положением и будет – сознательно или бессознательно – проклинать цепи, привязавшие его к постылой профессии, и мечтать об их разрыве. Вместе с тем каждый из них будет плохим работником в этой опротивевшей ему профессии. Перед

посаженный в тюрьму или даже в «золотую клетку» рая, ограниченный в свободе передвижения, слова, ряда действий, подобно животным, инстинктивно стремится освободиться, иногда даже рискуя жизнью. Все это – проявление и усложнение этого рефлекса, указанного русским ученым и исследователем поведения. См.: *Павлов И.П.* Цит. соч., с. 203–204, там же – описание его экспериментов. См. также: *Сорокин П.А*. Система социологии, т. I, с. 90; *Pareto V.* Trattato di sociologie generale, vol. I, p. 556.

нами – новая группа ущемленных лиц, жаждущих революции как «освобождения». «Прирожденный властитель», ставший рабочим, превращается в могучего конспиратора, Цицерон – в агитатора, организатор – в организатора подпольной партии, поэт – в певца революции, другие «неудачники» – в солдат ее армии; в итоге – одна из сил революции готова.

Мы предположительно допустили такое неудачное «ущемляющее» распределение индивидов в обществе, но наша гипотеза очень близка к действительности. В предреволюционное время, действительно, такое неудачное размещение индивидов имеет место. Формула «каждому по его способностям, особенно прирожденным» в этот период не соответствует действительности ни в малейшей степени. Вот почему в такие времена особенно много лиц с ущемленным инстинктом «самовыявления», еще сильнее ущемляемым протежированием, похвалами и искусственной славой и привилегиями, падающими на долю бездарных и «прирожденных рабов», находящихся на верхах общественной пирамиды, и их прислужников. Отсюда – оппозиционность и революционность «ущемленных» писателей и мыслителей, журналистов и поэтов, политических деятелей и профессоров, литературной и научной богемы, предпринимателей и горожан, а внизу – массы ущемленных лиц, ненавидящих свое дело, стремящихся на «верхи» и готовых кричать «Осанна» всякому избавителю, всякой критике и разрушению ущемляющего строя.

6. *Сходное может быть сказано и об ущемлении других инстинктов, в большей или меньшей степени ведущем к тому же результату*. Причем, как следует из всего контекста книги, революционизирующая роль ущемления инстинктов обычно выступает на поверхности явлений не в «голом», а в «завуалированном» виде. Налицо здесь мы видим как будто совершенно иные поводы революций: то введение корабельной подати, заставившей Гемпдена отказаться от всякой уплаты и тем самым дать повод для взрыва, то введение «The Prayer Book»[59*], то созыв или не созыв Генеральных Штатов, то борьбу из-за ответственного министерства, то борьбу из-за способа подачи голосов, то спор из-за той или иной религиозной догмы, то какое-либо иное – религиозное, политическое или какое угодно – разногласие. Думать, что эти конкретные причины сами по себе могут вызвать революцию при отсутствии ущемления основных рефлексов у масс, было бы довольно наивно. Они являются лишь той искрой, которая попадает в пороховой погреб. Они лишь «повод» и та конкретная частная форма, в которую выливается накопившееся недовольство и революционность ущемленных инстинктов[178]. Революционная сила их самих невелика, во всяком

[178] Историк чешской революции вполне прав, говоря на этот счет следующее: «Les passions humaines ont un rôle dans toutes les transformations religieuses, mais elles se cachent, se présentent sous une forme dogmatique et theologique»[60*] (*Denis E*. Op. cit., p. 32). То же самое можно сказать и о других речевых реакциях. См.: *Pareto V*. Op. cit., passim.

случае, совершенно недостаточна для вызова революционной бури[179]. Когда же ущемление инстинктов налицо – любое, самое пустое событие может послужить поводом для взрыва. Как у лиц, взаимно ущемляющих друг друга, самый ничтожный, случайный пустяк вызывает ссору и драку, так и тут, если ущемление инстинктов у масс дано, недостатка в поводах для взрыва не будет. Роль их может сыграть самое пустячное событие, но такое, которое прямо или косвенно задевает и имеет отношение к ущемлению инстинктов.

Иными словами, постановка грандиозных трагедий, драм и комедий революции на исторической сцене решается главным образом ущемленными безусловными рефлексами. От них зависит, быть или не быть постановке пьесы «Революция». Если они решили: «быть» – пьеса будет сыграна, и недостатка в актерах не будет. «Валентность»[61*] безусловных импульсов несравненно больше, чем «валентность» совокупности условных рефлексов. Последние выступают не столько в роли сил вызывающих революцию, сколько в роли факторов, определяющих сцену, формы, грим, костюмы и характер реплик революционной трагедии. Именно эти условные «идеологические факторы» и определяют конкретные формы, диалоги, монологи и лозунги революции. Пойдет ли она под знаменем «Святой земли», «Утраквизма», «Короля», «Социализма», «Интернационала», «Истинной веры», «Конституции», «Правового государства», «Демократии», «Республики» и т.д. – это определяется ими. Будут ли при этом любимыми авторитетами «Христос», «Ян Гус», «Руссо», «Лютер», «Маркс», «Толстой» или «К. Либкнехт» – это опять-таки зависит от них. Будут ли конкретные речи актеров рассуждениями о «Библии» и правильном толковании заветов Христа или рассуждениями о «национализме», о «прибавочной ценности и эксплуатации капитала» – это опять определяется ими. Будут ли актеры изображать на своих знаменах и носить «чашу», «фригийский колпак», «зеленый сыр» или «черную рубаху», «пятиугольную звезду» и «красный флаг» – это опять зависит от них. Будут ли они собираться в катакомбах, в зданиях церквей, в средневековых ратушах или в зданиях современных парламентов – решается ими. Будут ли они распространять свои убеждения с помощью пергаментов и рукописей или с помощью ротационных машин – зависит опять-таки от них. Чем будут производиться эффектные сцены убийств – дубиной, топором, луком, мечом или 10-дюймовым орудием, динамитом, танками и дредноутами – это опять решают они. От них же зависит в известной мере, как далеко зайдут акты расторможения.

Словом, роль их главным образом – роль факторов, определяющих конкретные формы движения. Было бы, однако, неосторожно сказать, что, однажды появившись, они не играют никакой роли в качестве causa efficiens[62*] революции.

---

[179] См. в первом очерке index относительной детерминирующей силы разных рефлексов.

Агитация, устная и печатная пропаганда, несомненно, имеют некоторое значение и содействуют кристаллизации недовольства и революционных целей. Но успех они имеют лишь тогда, когда почва подготовлена ущемлением инстинктов масс. Без этого они, как и другие условные стимулы, бессильны произвести огромный социальный взрыв, требующий более эффективных сил. Несмотря на большие средства, затраченные на монархическую пропаганду при старом режиме в России, соответствующие идеологии совершенно не имели успеха. Они противоречили ущемленным инстинктам. Напротив, идеологии социализма, коммунизма, революции эпидемически заражали население. Лозунги коммунизма имели невероятный успех с июня-июля 1917 г.

Прошло три года. Коммунисты монополизировали всю печать, прекрасно поставили агитацию и пропаганду. И что же? Их идеологии, недавно столь популярные, не имеют теперь никакого успеха. Напротив, идеологии «контрреволюционные», вплоть до монархизма, находят живой отклик. Этот пример, повторявшийся много раз в периоды революций, ясно говорит о недостаточной силе «речевых рефлексов», взятых самостоятельно. То же самое, mutatis mutandis[63*], применимо и к другим условным рефлексам. Они – сила, главным образом, оформляющая движение революционного пара; последний же заключался и заключается в ущемлении безусловных рефлексов.

§ 5. Иное доказательство того же

Если наша теорема верна, то из нее следует: 1) *что в предреволюционный период мы должны находить исключительно сильное ущемление ряда основных инстинктов масс;* 2) *что лицами и группами, предрасположенными к революции, в любом обществе будут такие лица и группы, у которых те или иные основные инстинкты ущемлены;* 3) *так как количество ущемленных инстинктов и характер их ущемленности у разных лиц и групп не одинаковы, то, согласно теореме, это количество и качество определяет и объясняет: a) как далеко пойдет революционность каждой группы и b) какие из них и в каком порядке будут отставать от революции.* Поясню сказанное. Дореволюционный строй может ущемлять:

у одной группы ряд инстинктов –	a, b, c, d, e, f
у другой –	a, b, c, d, n
у третьей –	a, b, m, d
у четвертой –	a, f, c
у пятой –	a, n
у шестой –	a

Легко понять, что первая группа будет наиболее экстремистской и всего позже отстанет от революции, ибо труднее удовлетворить ее импульсы и уничто-

жить ущемление всех ее инстинктов. Каждая из последующих групп будет более умеренной в своих революционных требованиях и раньше предыдущей будет отставать от революции. Ущемление инстинкта *а* шестой группой может быть удалено всего скорее, и потому она раньше всех отстанет от революции. Эта схема вытекает из теоремы и объясняет действительное положение разных групп в период революции[180]. 4) *Наконец, если наша теорема верна, то те социальные агрегаты, постоянные условия которых ущемляют инстинкты масс сильнее, чем постоянные условия других агрегатов, должны быть более революционными, чем последние.*

Таковы выводы из нашей основной теоремы.

Верны ли они? Я думаю, да.

Дадим комментарии к 1, 2 и 3 положениям. Обратитесь к изучению условий предреволюционного периода в любом обществе, и вы ясно увидите громадное ущемление множества основных инстинктов у массы групп данного общества.

Что мы имели перед русской революцией 1917 г.?

1) Сильнейшее ущемление инстинктов индивидуального самосохранения у 15–16 миллионов мобилизованных солдат, производимое ужасающей войной, ее смертоносностью, холодом, голодом, окопами, лишениями и т.д.

2) Сильнейшее ущемление инстинктов группового самосохранения у 90% населения, вызванное неудачами войны, бездарностью власти и даже изменой ее агентов[181].

3) Сильнейшее ущемление инстинктов пищевых, вызванное расстройством народного хозяйства и ростом голода в городах, резко выявившимся в конце 1916 г.[182]

4) Сильнейшее ущемление «инстинктов свободы» военными положениями, введением для всей России с 1914 г. военной цензуры, военными судами, произволом агентов власти и т.д.

5) Ущемление рефлексов собственности, вызванное обеднением обширных групп населения в ходе войны (рабочих, государственных чиновников, интеллигенции, части буржуазии и крестьян), с одной стороны, и обогащением

[180] Она же объясняет и «контрреволюционный» реставрационный радикализм разных ущемленных групп. Чем больше число инстинктов и чем сильнее революция ущемила их у разных групп, тем более экстремистскими будут эти группы в своих реставрационных стремлениях. Группа придворной знати и аристократических верхов ущемляется всего сильнее, поэтому ее реставрационные желания являются обычно самыми крайними и самыми пылкими. Группы, мало ущемленные революцией, наоборот, бывают и будут очень умеренными в своих реставрационных тенденциях: они пытаются удержать максимум «завоеваний» революции.

[181] Вспомним речь П. Милюкова в Государственной Думе о «глупости и измене», потрясшую страну[64*]

[182] См. выше «Голод и революция», а также: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922.

небольшой кучки спекулянтов, нажившихся на войне – с другой, ростом вмешательства власти в регулирование имущественных отношений – с третьей (государственный контроль промышленности, твердые цены на хлеб, как всегда, отставшие от рыночных и т.д.).

6) «Ущемление» «половых рефлексов» населения распутством на верхах и «распутинством».

Не буду говорить об ущемлении других инстинктов и о бездарности власти в деле их торможения и канализации, о чем речь пойдет ниже.

Эти условия были вполне достаточны, чтобы вызвать оглушительный взрыв революции. Ее никто специально не готовил[183], но все ждали, как стихию, не зная ни дня, ни часа ее прибытия. Как стихия – она и пришла.

Какая группа была предрасположена к ней?

Да чуть ли не все 96% населения, ибо у всех те или основные инстинкты были ущемлены. Первыми выступили солдаты и рабочие[184], ущемленные сильнее других почти во всех своих основных инстинктах. К ним немедленно присоединились разные группы среднего класса: чиновники, интеллигенция, служащие частных, земских и городских учреждений, вплоть до торгово-промышленного класса, и крестьянство. Каждая из этих групп была так или иначе «ущемлена», а потому совсем не нашлось защитников старого режима, и он пал в два-три дня почти без всякой борьбы.

Дальше начинается интереснейшее развертывание «революционных» требований разных групп, их характер и порядок выбытия из революции.

Приведенная выше схема построена именно на фактах русской революции.

Единодушный порыв почти всего населения снес «ущемляющий старый режим». Но через одну-две недели единодушие исчезает, начинается дифференциация и разделение единой недавно массы противников старого режима как раз по числу и характеру ущемленных инстинктов. В первые же два-три дня после 27 февраля проходит первая борозда в виде дуализма «Советов» и «Временного правительства». Падение царизма, означавшее и падение дворянства, уничтожило «ущемление» торгово-промышленников привилегиями дворянства и бюрократии, уничтожило ущемление массы общественных, земских и городских деятелей, не допускавшихся раньше к высоким постам, офицеров из народа, забиваемых гвардейско-аристократическими элементами, широких кадров интеллигенции и служащих, ущемленных в рефлексах свободы, видевших источник военных неудач в старом правительстве. Все эти группы были удовлетворены, они составили теперь кадры сил, выдвинувших Временное правительство, и хотели остановить бег революции. Голод, холод, война, лишения, монотонность

[183] См. об этом «Пять дней» Мстиславского и первый том «Записок о революции» Н. Суханова.

[184] См.: *Милюков П.Н.* История второй русской революции, т. 1.

тяжелой работы их задевали мало, а потому их ущемленные инстинкты были до известной степени удовлетворены.

Иначе обстояло дело с солдатами, рабочими, крестьянами, с деклассированными, преступными и неприспособленными элементами. Предыдущие группы и Временное правительство вовсе не собирались кончать войну, следовательно, основное ущемление инстинктов самосохранения у солдат не было уничтожено, в потому… солдаты не могли остановиться на Феврале.

Что дала Февральская революция массам рабочих? Кроме бумажных свобод – почти ничего. Она не улучшила их экономического положения, напротив, голод усилился, монотонная работа на фабриках осталась какой была и прежде, кругом царила та же роскошь «буржуев», мозолившая им глаза, в кругах Временного правительства им, как массе народа, отведена была очень скромная роль.

Словом, ни ущемления инстинктов пищевых, ни собственности, ни свободы, ни ряда других Февральская революция не устранила. А потому…рабочие должны были идти дальше и стремиться к устранению этих ущемленных условий, не существовавших для первых умеренных групп. То же самое можно сказать и о крестьянстве. Февральская революция обещала, но не дала ему сразу «ущемлявшие» его помещичьи земли, не облегчила, а усилила его повинности по доставке хлеба и продовольствия (введение хлебной монополии Временным правительством, усиление требований хлеба и других продуктов, к октябрю – реквизиции всего хлеба, кроме семян и необходимого минимума для пропитания), не возвратила рабочих рук, взятых в виде солдат, не облегчила и не удешевила доставку предметов промышленности. А потому… крестьянство не имело основания выступать против дальнейшего углубления революции.

Еще в большей степени это относится к преступным, деклассированным и авантюристским элементам умственного и мускульного пролетариата. «Муть» углубляющейся революции была им необходима.

Так появилась эта первая трещина. В то время как первые группы хотели задержать революцию, вторые – гнали ее дальше. А поскольку во втором лагере были рабочие, огромная армия, требовавшая мира во что бы то ни стало, хотя бы «похабного», и крестьянство, т.е. три основные силы, Октябрь был предрешен…

Он был ускорен еще и тем, что в самой первой группе скоро произошло дальнейшее раздробление. Торгово-промышленники, духовенство и офицерство, ущемленные рабочими, не слушавшими предпринимателей, народом, сократившим доходы духовенства, солдатами, убивавшими офицеров, – эти группы очень скоро отделились от других групп средней интеллигенции, которые не подвергались со стороны революции таким ущемлениям. Они перестали поддерживать Временное правительство, не умевшие тормозить бег революции, и стали концентрироваться вокруг «Ставки» Главнокомандующего. Временное правительство повисло в воздухе, не имея иной опоры, кроме небольших групп

служащих и интеллигентов. С другой стороны, и Ставка была бессильна, ибо армия (солдаты) была не с ней, а против нее. Выступление Корнилова было ликвидировано тремя десятками агитаторов. Временное правительство для своей защиты сумело собрать лишь 300 юнкеров и пало так же легко, как и царский режим. Пришла Октябрьская революция, т.е. углубление Февраля «ущемленными» рабочими, солдатами, крестьянами и деклассированно-криминальными элементами. В первые месяцы октябрьский переворот облегчил ущемление всех поддержавших его групп: крестьяне получили санкционирование и одобрение производимых ими земельных захватов, армия – мир и возможность вернуться домой, рабочие – право на леность, основные места на командующих позициях, право на «ущемление буржуев», получили фабрики и заводы в свои руки, подонки общества, преступники, авантюристы приобрели места в правительстве и свободу для проявления своих склонностей в форме узаконенного грабежа и убийства буржуев и контрреволюционеров.

Отсюда – сила Октября и большевиков. Прошло несколько месяцев и картина начала меняться. Крестьянству больше ничего не давали, а требовали с него все больше и больше в виде бесконечных реквизиций, поборов и грабежей. В итоге – восстание крестьян и начало их отхода от революции, сдерживавшееся опасностью возврата помещиков, старого режима и старых «ущемлений». В исходном положении очутилась и Красная армия, кроме 300–400 тыс. особо привилегированных «преторианцев» большевизма. Рабочий класс в 1919–1920 гг. тоже почувствовал ущемление от голода, трудовых повинностей, бюрократизации и тирании новой власти.

Начались восстания рабочих, красноармейцев и крестьян, в марте 1921 г. чуть-чуть не свергшие правительство. Путем уменьшения ряда ущемлений, отказа от коммунизма и усиления тормозов оно удержалось. Но для сохранения своего существования оно вынуждено было увеличивать численность своих преторианцев, привлекать на службу богатыми окладами часть интеллигенции («спецов»), возможностью спекуляции – часть коммерсантов. Но для содержания их власть должна была все сильнее и сильнее грабить крестьян и эксплуатировать рабочих. Такое ущемление последних в 1922–1923 гг. окончательно перебросило их во враждебный лагерь. Теперь вся опора советского правительства состоит из преторианцев, «спецов» и отчасти «нэпманов» – опора слабая, если бы страна не была утомлена войной, революцией, чрезмерным голодом, эпидемиями и если бы громадная территория и разбросанность населения не затрудняли его организацию. Из этого схематического очерка видно, что наши 1-е, 2-е и 3-е положения вполне подтверждаются фактами русской революции.

Колоссальное ущемление инстинктов у крестьян, рабочих, буржуазии, низшего духовенства и интеллигентов бесспорно наблюдалось и перед началом французской революции 1789 г.

Крестьянство было ущемлено бесконечными феодальными повинностями и налогами, сверх того – голодом 1788 г., рабочие – голодом и бедностью, буржуазия «была доведена до бешенства» привилегиями дворян, низшее духовенство – привилегиями высшего, все – «даже привилегированные – чувствовали себя притесненными», «общество, стесненное деспотической анархией, в тисках которой оно билось, с упованием делало вывод, что теперь королевству дадут конституцию»[185]. Взрыв был неизбежен, и он произошел. Предрасположенными к революции оказались большинство групп, составлявших подавляющее большинство населения. По степени революционного экстремизма и времени выхода из революции здесь замечается та же закономерность. Как только какая-либо из делавших революцию групп получает удовлетворение ущемленного инстинкта – она теряет интерес к революции; если же революция сама (в лице революционной власти) начинает ущемлять ее – она становится против этой власти.

Наиболее экстремистскими и здесь были деклассированные элементы: рабочие, преступники и авантюристы, составлявшие ядро якобинства, его главнейших и рядовых деятелей. Они в союзе с массой других групп были «загонщиками» революции.

Рабочие и ремесленники, сначала толкавшие ее вперед, с момента ущемления их инстинктов в виде усиления голода, роста безработицы, закона Ле Шапелье, введения такс на труд, принудительной трудовой повинности и т.д., переходят в лагерь противников революционной власти и пытаются двигать по-своему революцию дальше (дело Бабефа), но неудачно. Крестьяне, освободившись от повинностей и увеличив свои земли, становятся равнодушными к революции; когда же она начинает ущемлять их бесконечными поборами и реквизициями – становятся врагами революционного правительства. То же самое повторяется и с духовенством, не говоря уже о третьем сословии.

И здесь в силу общего ущемления революционный порыв сначала был единодушным, потом в силу разных интенсивностей и числа ущемленных рефлексов он разделяется на разные струи. Чем дальше бежали максимально ущемленные экстремисты, тем революционный поток сильнее мелел, тем больше сзади оставалось групп, достигших нужного им избавления от ущемления, и тем сильнее революция в лице своего авангарда ущемляла эти группы и отбрасывала их назад в лагерь противников ее дальнейшего углубления и экстремизации. К концу ее ущемление от зарвавшейся революции стало столь же общим, как и ущемление от «старого режима». В результате революционная власть потеряла опору и пала, чтобы дать место новой, давшей некоторое облегчение от убийственного ущемления революции.

[185] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. I, с. 16–18, 35–36; *Taine H.* Les origines de la France contemporaine, vol. I; *Tocqueville A*. L'ancien regime et Revolution, passim.

То же экстраординарное ущемление рефлексов населения властью мы видим в английской революции. Правление Карла – сплошная тирания, не оправдываемая ничем. Законы и права населения систематически нарушаются. Обещания короля не выполняются. Вводится большое число новых налогов и новых монополий, привилегий (на соль, мыло, уголь, железо, вино, кожи, крахмал, табак, пиво и т.д.) и новых сборов. Народ разоряется. Королевские леса произвольно расширяются за счет частных. Оспариваются в пользу короля бесспорные права населения на имущество, на доходы с должности и т.д. Судьи и администрация развращены. Население угнетается постоями солдат. «Самоуправство со дня на день сильнее тяготело над богатыми, потому что из них можно было извлечь прибыль, и над бедными, потому что они были не опасны». «Дворянам было приказано жить в своих поместьях». Сверх всего этого мы видим религиозное принуждение населения и духовенства, цензуру и т.д.[186] Нужны особые способности, чтобы суметь так ущемить множество рефлексов почти всех слоев населения. Отсюда – взрыв. Дальнейшее течение процесса в отношении радикализма разных групп и времени их выхода из революции соответствует теоремам 2 и 3.

Перед чешской революцией XIV в. свобода и равенство исчезли. «Феодализм делался все более и более гнетущим; налоги – более тяжелыми, повинности – более многочисленными». Притеснение со стороны сеньоров росло. «У кого искать правосудия, когда обидчик стал в то же время судьей… колон перестал быть собственником своего поля… каждый день чехи чувствовали, что они все сильнее и сильнее ввергаются в рабство, развивающееся вдобавок под иностранным влиянием». Прибавьте к этому и их обеднение наряду с обогащением знати, особенно немцев и католической церкви, испорченность и разврат духовенства, и станет ясным, как возросло качественно и количественно ущемление инстинктов перед революцией[187].

Я не буду приводить данные о других революциях, читатель может сам проверить эти положения анализом предреволюционного состояния революционных стран с этой точки зрения.

Из сказанного следует, что число групп, «предрасположенных» к революции, при крупных революциях большое. Они чрезвычайно разнородны и охватывают самые разнообразные виды социальных групп, начиная от профессора, обойденного в чем-либо, журналиста, обиженного редактором, intellectuals, почему-либо «ущемленных» аристократией и существующими отношениями, промотавшегося аристократа, прогоревшего богача, оскандалившегося авантюриста и кончая – умирающим от голода рабочим, вечным бунтарем-преступником и человеком, отдающим жизнь за благо других людей. Одних толкает голод и холод, других – зависть, честолюбие, месть, страх, корысть и жадность, третьих – сострадание и желание улучшить положение людей…

[186] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. I, с. 1–70.
[187] *Denis E.* Op. cit., p. 33–34.

Но все это лишь разные формы «ущемления». В силу его Руссо и Вольтер, Ян Гус и Иероним Пражский, индепенденты и Лильберн, Маркс и Лассаль, Лавров, Михайловский, Плеханов и другие прокладывали дорогу революции и потрясали основы порядка. В силу его же проповедь крайних и умеренных «освободителей» подхватывается, падая на благоприятную почву «ущемленных» масс. В силу того же, наконец, происходит дальнейшее распыление революционных сил, их взаимная борьба и гибель революции.

Наконец, наше положение оправдывается разной революционностью города и деревни. Правильно было замечено профессором Hayes'ом, что городское население, как правило, более революционно, чем деревенское[188]. Город чаще треплется лихорадкой революции, чем деревня. Первый начинает революцию, вторая – в конце концов, обычно «обуздывает» ее. (Свежие примеры: Россия, Бавария, Венгрия, Италия, более ранние: Парижская революция 1871 г., Великая французская революция и т.д.)

В чем же дело? В том, что человек, его рефлексы и инстинкты менее приспособлены к современной городской жизни, чем к деревенской. Городская среда – явление относительно новое в истории человечества, особенно среда современного индустриального города. Все поведение человека в течение многих тысячелетий приспособлялось к деревенской, а не к городской среде. Очутившись в ней со старыми инстинктами, он очутился «на постели из гвоздей», к которой его инстинкты не были приспособлены.

Возьмите для примера огромный пласт городского пролетариата. Какова обстановка его жизни? Работа в закрытых помещениях, царство бездушных машин, стали и угля… Грохот и шум. Изо дня в день одна и та же работа, монотонная, механическая, на дающая ничего ни уму, ни сердцу. Где и когда инстинкты человека приспособлялись к такой среде? Могут ли они найти здесь свое удовлетворение? Конечно, нет. Ни инстинкт творчества и изобретения, ни инстинкт разнообразия и перемены места, ни любовь к приключениям и многое другое здесь не находят удовлетворения[189]. Прибавьте к этому, что у пролетариата нет собственности. Его существование и заработок не обеспечены. Голод и нужда – обычные спутники. Вдобавок, все эти инстинкты еще более ущемляются тем, что здесь он находит «вершины плутократических Анд и бездны беспросветной бедности»[190]. Мудрено ли поэтому, что городской пролетариат – умственный и физический – вечно недоволен, непрерывно ищет выхода и перманентно рево-

[188] См.: *Hayes E.C.* Introduction to the study of sociology. New York–London, 1921, p. 62–63.

[189] См.: *Сорокин П.А.* Город и деревня // Крестьянская Россия. Прага, 1923, сб. IV, с. 4–16.

[190] *Hayes E.C.* Op. cit., p. 63.

люционен. Он не может быть не революционным. Не может не ворочаться в той клетке, в которую его посадила история. Это мы и видим[191].

Деревня – та среда, к которой приспособлялся человек в течение тысячелетий. Быть может, она живет беднее города, зато здесь нет ущемления от имущественных контрастов. Быть может, крестьянин работает больше 8 часов, зато его работа живая, над живой природой. Труд творческий, а не механически-монотонный. Другие его инстинкты здесь также находят удовлетворение. Кроме того, разлагающих сил города здесь меньше. Вот почему деревня консервативна, была и остается оплотом порядка. Только в случаях абсолютно невозможных условий, ущемляющих ряд инстинктов (сильный голод и т.п.), она становится революционной и создает жакерии. Без них деревня не подвержена революции[192]. Этот факт лишний раз подтверждает правильность нашей теории о причинах революции[193].

На основании сказанного мы можем признать ее правильность. Попутно я указал и ряд условий (голод, война, деспотизм, привилегии, имущественная дифференциация, половая распущенность верхов и т.д.), которые вызывают это ущемление и нарушают равновесие поведения людей.

Равным образом сказанное объясняет, из кого составляются кадры революционеров, как далеко разные группы идут в «углублении» революции, как, в каком порядке и почему из нее выходят.

§ 6. Дезорганизация торможения, дегенерация власти и революция

Для наступления революции необходимо не только массовое ущемление основных инстинктов, но, как сказано выше, *нужно еще наличие второго условия в виде недостаточного и неумелого торможения революционного взрыва,*

---

[191] Ущемляющий характер города и неприспособленность человека к нему доказывается и множеством других явлений: быстрой биологической изнашиваемостью людей в городах, большим процентом преступности, мертворожденных, самоубийств и болезней. См. мою статью «Город и деревня», а также: *Mayr G.* Moralstatistik mit einschluss der Kriminalstatistik. Freiburg i B. und Leipzig, 1917, S. 108–109, 139, 274, 332–333, 504–505, 724–729.

[192] См.: *Сорокин П.А.* Город и деревня, с. 17.

[193] Еще одним частичным подтверждением того же общего положения является и та исключительная роль, которую играли и играют в революции евреи. С этой их ролью мы встречаемся и в Риме, и в средневековье, в английской революции и во французских революциях 1789, 1848, 1871 гг., в германской революции 1918 г. и в русских революциях 1905 и 1917 гг. Люди без отечества, живущие всегда в чужой обстановке, сосредоточившиеся на функциях посредничества и т.д., они представляют собой народ со многими ущемленными рефлексами, а потому – служили и служат поставщиками огромного числа революционеров и экстремистов для революций всех стран и времен.

стимулируемого ущемленными инстинктами. Под недостаточностью и неумелостью торможения я разумею неспособность власти и правящих групп: a) противопоставить усиливающемуся давлению ущемленных инстинктов контрдавление, уравновешивающее первое; b) удалить или ослабить причины, вызывающие «ущемление»; c) разбить и разделить «ущемленные» группы на части, противопоставить их друг другу (divide et impera[65*]) и тем самым ослабить противника; d) дать выход другим ущемленным инстинктам в формах нереволюционных.

Как бы ни был силен голод, но если к виску голодающего приставить револьвер, он не тронет пищу, находящуюся перед ним: акты, стимулируемые голодом, будут подавлены, хотя бы ценою смерти голодного от истощения. То же самое может быть сказано и о массах с ущемленными инстинктами. В любом обществе в любой момент имеется большее или меньшее ущемление инстинктов у значительной части его членов. Если оно не ведет к волнениям и восстаниям, то происходит это благодаря торможению со стороны органов власти и неущемленной части общества. Более того, мы знаем немало случаев в истории, когда исключительно сильное массовое ущемление инстинктов не вызывало революций. Вместо революционного взрыва происходило… вымирание одних членов общества от ущемления инстинктов и сервилизация[66*] других. В чем же дело? В исключительно сильном и умелом торможении. Примерами таких обществ могут служить общества побежденные, завоеванные иноземцем-победителем. История дает их в неограниченном количестве, вплоть до Бельгии и части Франции, занятой немцами в 1914–1918 гг., до Рура, оккупированного французами и бельгийцами в 1923 г., до России, завоеванной кучкой интернациональных проходимцев и с 1921–1922 гг. ненавидимых не менее, чем ненавидели немцев в Бельгии и во Франции, чем ненавидят бельгийцев и французов в Рурской области.

Несмотря на это ущемление, оккупанты держались и держатся и в состоянии сдерживать взрыв[194].

Для революции нужно не только ущемление инстинктов, но и наличие недостаточно сильного и умелого торможения со стороны власти и командующих слоев.

Видим ли мы его в предреволюционные эпохи? Конечно.

Предреволюционные эпохи просто поражают исследователя бездарностью власти и вырождением привилегированно-командующих слоев, не способных ни выполнять успешно функции власти, ни противопоставить силе силу, ни разделить и ослабить оппозицию, ни уменьшить ущемление, ни канализировать его в формах, отличных от революции. Все предреволюционные правительства отмечены печатью какой-то «бледной немочи». Импотентность, нерешительность

[194] Об исторической роли карательного и наградного торможения см.: *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914, с. 67–251.

и колебание, неумелость, растерянность, легкомысленная беззаботность – с одной стороны, испорченность, развращенность и изнеженность, с другой, – таковы черты предреволюционных правящих классов. Ни воли, ни ума, ни хитрости. «Нет кормчего. Где он в сей день? – Или он дремлет? – Вот, мощи его не видно». «Царь обессилел и перестал служить опорой». «Змея (уреус – символ власти фараона) вынута из своего гнезда»… Такими словами жалуется Ипувер на бессилие и слабость фараона накануне и во время египетской революции[195].

В Риме перед Гракхами и в первое время революции видим такую же дегенерацию власти: вместо мудрых, решительных и могучих patres conscripti[67*] перед нами выродившийся Сенат, заискивающий, льстящий, подлаживающийся к толпе и ее вожакам. «Уже никто не осмеливается распоряжаться достоянием и кровью граждан на пользу отечества». Вместо героев – перед нами карлики, вместо великого Сената – сгнившая охлократия[68*], место суровых воинов и правителей занято «малодушной и безнравственной аристократической сволочью»[196].

Во Франции перед жакерией и революциями конца XIV в. королем стал Иоанн – неудачный правитель, бездарный полководец, окруженный такой же бездарностью, как и он сам.

В Англии мы имеем Карла I и его окружение, опять-таки не умеющих последовательно проводить принятую однажды линию поведения и только раздражающих население своими колебаниями и истерическими вспышками деспотизма. Правительство то арестует оппозицию, то выпускает ее; то созывает парламент, то распускает. Затеяв войну, не умеет ее вести; начав борьбу с народом, не доводит ее до конца; не способно даже защитить своих любимцев (Бэкингема, Страффорда, Лода и других). «Не чувствуется ни твердых намерений, ни могучей руки»[197]. Вдобавок – огромная расточительность двора и безрассудная растрата денег на синекуры своим любимцам (пенсии с 18 000 фунтов стерлингов при Елизавете поднялись теперь до 120 000 фунтов, издержки королевского дома – с 45 000 до 80 000 и т.д.). Сверх того, власть систематически «ущемляет» рефлексы населения своими действиями[198].

Нужно быть особо бездарной властью, чтобы уметь так успешно возбуждать население против себя и так неумело тормозить возбуждение.

То же самое можно сказать об Иоанне Безземельном и о Якове II с окружавшими их лицами.

---

[195] *Викентьев В.* Цит. соч., с. 288–300.

[196] См.: *Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 69–80, 132.

[197] *Гизо Ф.* Цит. соч., т. I, с. 47.

[198] «Тирания Карла была если и не самой жестокой, зато самой несправедливой, какую только когда-нибудь испытала Англия. Она не могла представить в свое извинение никакой общественной необходимости и блестящего результата, а между тем ради удовлетворения неизвестных нужд оскорбляла древние права… Не обращала внимания ни на законы, ни на слова самого короля и пускалась на всякие угнетения» (Там же, с. 50–51).

Состояние дворянства и власти перед французской революцией известно… Аристократия не способна защищаться в сомкнутом строю и идти на необходимые уступки… Ришелье систематически понижал стойкость характеров потомков магнатов, Людовик XIV продолжал его дело. «Ее отучили от стойкости и обрезали корни». «Благодаря светскости, эпикуреизму и изнеженности, она стала совершенно расслабленной». Вдобавок – скандальность и развращенность ее поведения, полная посредственность, модный, но легкомысленный либерализм, «потеря веры в собственное право», чисто паразитарный образ жизни, полное непонимание обстановки. Еще в 1789–1790 гг. «дворянство улыбается и не понимает революции»[199].

Полезные функции, выполнявшиеся когда-то предками аристократии, теперь перестали выполняться, но привилегии сохранились. Такое положение долго длиться не может[200].

Король – добродушный, добрый, веселый человек, но, как правильно сказал Наполеон, «когда о короле говорят, что он добр, то значит его правление никуда не годится». Людовик – «не умел хотеть. Он не знал, чего он хочет». «Его правительство, быть может, самое честное из всех, было чем угодно, но не правительством эпохи кризиса»[201].

Раньше Капетинги были освободителями, судьями и защитниками народа, теперь перестали ими быть. «Если же король не является более ни предводителем войск, ни высшим судьей и ни покровителем коммун, то кто же он?»

Вдобавок – рядом Антуанетта и лощеные придворные, хорошо знающие и Руссо, и Вольтера, но лишенные воли, энергии и умения понимать обстановку.

Эта импотентность власти проявляется с самого же начала революции: 6 мая 1789 г. – при решении вопроса, как голосовать сословиям; при сцене Jeu de paume[69*]; при отказе третьего сословия разойтись в церкви св. Людовика, при lit de justice[70*]. Власть сначала пытается тормозить, но сразу же уступает и тем только раздражает население. И то же видим в ее поведении с солдатами 24 и 28 июня 1789 г. и т.д. Колебание, нерешительность и бестолковое раздражение пронизывает все ее действия от начала революции до смерти Людовика. «Узда»

[199] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. I, с. 30–35; *Tocqueville A.* Op. cit., passim; *Taine H.* L'ancien Regime, ch. I.

[200] «Каково бы ни было известное учреждение, – правильно отмечает И. Тэн, – современники, наблюдающие за ним в течение сорока поколений, не могут считаться плохими судьями; если они уступают ему свою волю и имущество, то лишь пропорционально его услугам… Нельзя думать, чтобы человек мог быть признателен ни за что, так сказать, по ошибке, и чтобы он стал давать много привилегий без достаточных побудительных причин: он слишком себялюбив и завистлив для этого»… Раньше, привилегированные оказывали эти услуги, теперь же «перестали исполнять свою должность, места их стали синекурой, и привилегии – злоупотреблениями» (*Тэн И.* Происхождение современной Франции. СПб., 1907, т. 1, с. 8, 552–553).

[201] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. I, с. 47–54.

ослабляется с самых первых моментов: «Людовик XVI (в мае-июне 1789 г.) считал себя еще королем, но он уже им не был. У него не было ни власти, ни закона»[202].

А разве не то же самое происходило перед началом русской революции? Николай II – копия Людовика XVI. Александра Федоровна – копия Марии-Антуанетты. Придворные, все эти дряхлые Горемыкины, бездарные Штюрмеры, психически больные Протопоповы, сексуально-ненормальные Вырубовы и т.д. – что все это, как не ухудшенная копия придворных Людовика XVI? Ни одного волевого и умного министра; перед нами – собрание физических и психических «импотентов», бездарных правителей, изнеженных и цинических карликов[203].

Стоит сравнить эту картину с тем, что было еще 30 лет назад при великом императоре Александре III, чтобы увидеть всю катастрофичность дегенерации власти и правящей среды.

Приходится удивляться не тому, что катастрофа наступила, а тому, что она наступила так поздно.

А само благородное дворянство? Некогда, как и французское дворянство, оно выполняло важнейшие функции управления, защиты страны, суда, несло государеву службу. За это оно имело – и по праву – ряд привилегий. Но уже с конца XVIII в., – когда оно «Указом о вольности дворянства» было освобождено от обязанностей, но сохранило свои привилегии, началась его деградация. Мало-помалу оно превращалось в паразита, его привилегии – в синекуры, его претензии – в необоснованные злоупотребления. В значительной своей части оно просто проедало те богатства, которые остались от прошлого и время от времени вырывались из народных средств. Даже тогда, когда оно проявляло активность, как это было, например, в 1905–1914 гг. в лице «объединенного дворянства», оно показывало не заботу о благе государства и целой страны, а просто хищнические примитивно-эгоистические аппетиты паразитарной группы[204].

Не приходится поэтому удивлять тому, что история позвала его на суд и ликвидировала этот нарост на теле России, не приходится удивляться и тому, что оно не сумело проявить почти никакой энергии в деле самозащиты, защиты старого режима и его главы – царя. Смерть русского дворянства была лишена какого бы то ни было героизма.

Аналогичное явление мы наблюдаем и во времена других революций. Сказанное подтверждает правильность нашей теоремы о второй причине революции: вырождении власти. История терпит правительства хищные, жестокие,

[202] Там же, с. 86.

[203] См. «Письма императрицы Александры Федоровны», воспоминания Витте, Белецкого, Вырубовой, «Из потонувшего мира» графини Клейнмихель и другие мемуары придворных, которые, сами того не желая, рисуют грандиозную картину вырождения и ничтожества.

[204] См.: *Ковалевский М.М.* Чем обязана Россия объединенному дворянству. СПб., 1914.

циничные, но лишь тогда, когда эти правительства сильны, хотят властвовать, умеют править и, несмотря на все свои отрицательные черты, оказывают обществу ряд услуг.

Правительства же «добрые», но импотентные, жестокие, но паразитарные, благородные, но бесполезные она не терпит.

Такое вырождение власти и командующих слоев при сравнительной замкнутости последних, рано или поздно, по-видимому, становится своего рода необходимостью. Оно вызывается как биологическими, так и социальными причинами.

Биологические причины вырождения заключаются, прежде всего, в неудачном смешении крови, в результате чего потомки талантливых прирожденных властителей, какими, например, были родоначальники русского и французского дворянства, становятся мало похожими на предков и по своим полученным по наследству свойствам являются не властителями «божьей милостью», а «прирожденными рабами», не имеющими никаких талантов правителя. Такая дегенерация всегда грозит бедствиями обществу; в переходные же моменты она влечет за собой катастрофу. Положение ухудшается еще и тем, что такой же процесс, но в обратном направлении и в силу тех же причин бывает и с потомками бывших рабов. Их дети иногда рождаются со свойствами «прирожденных властителей».

Если бы «механизм социального размещения» работал исправно и сразу же помещал первых на место подвластных, а вторых – на место властителей, никакой бы беды и не было. Необходимый для процветания общества принцип «каждому по его способностям, особенно прирожденным» в этом случае был бы соблюден. Но, увы, такой эластичной циркуляции пока еще нет ни в одном обществе. В силу массы условий неудачные потомки «властителей по праву» остаются «вверху» и занимают места своих предков, то же относится и к «головастикам» из низов. Равновесие общества начинает подтачиваться с двух сторон. И в верхнем, и в нижних слоях копятся неудачные «несоответствующие жильцы»; первые не способны выполнять функцию властителей, вторые – функции подвластных; первые дезорганизуют общественную жизнь сверху, вторые, стремясь низвергнуть бездарную власть, дезорганизуют ее снизу.

Положение дел ухудшается еще и рядом специфических условий: негодные потомки властителей, без всяких усилий очутившись наверху, в силу соблазнительных условий существования верхних слоев общества начинают вести легкомысленную, часто порочную жизнь и от этого вырождаются еще быстрее. Сверх того они окружают себя лицами, похожими на них самих, но совершенно непригодными для выполнения функций властвования. Как указано выше, «социальный механизм размещения индивидов» начинает работать исключитель-

но плохо. Он начинает производить отбор правителей не по их действительным способностям, а по одной «фикции» таковых: по ничем не обоснованному предположению, что потомки «прирожденных властителей» должны быть пригодными для властвования в силу своего происхождения, в силу наследственных заслуг. Теперь такое предположение фактически совершенно не соответствует действительности.

То же самое может быть сказано и о находящихся внизу «прирожденных властителях» – потомках рабов. Чем далее, тем все более и более накапливается таких «белых ворон» в разных слоях социальной пирамиды. Во времена, предшествующие революции, этот процесс происходит еще интенсивнее.

Когда аристократия сильна и талантлива, для нее не нужны искусственные барьеры, ограждающие ее от конкуренции «новичков». Когда этих способностей нет, искусственные меры для нее, как костыли для больного, становятся необходимыми. Это мы и видим в действительности. В период декаданса, перед революцией, выродившиеся командующие слои чисто искусственными мерами закрывают доступ в свою среду и к высшим постам для всех «головастиков» снизу. Это мы видим в Риме, где со 151 г. совершенно закрывается доступ на верхи для всех «новичков»[205].

Колабинская, исследовавшая циркуляцию élites во Франции со II в., констатирует, что как раз с конца XVII – начала XVIII в. циркуляция для «головастиков» снизу наверх была страшно затруднена десятками барьеров, которыми вырождающиеся командующие слои стремились оградить себя[206].

Тот же факт наблюдается и перед английской революцией XVII в., когда верхушка знати во главе с королем пыталась не только затруднить циркуляцию снизу наверх, в особенности из среды выросших средних классов, но низвести последние на низ, отстранив их от того участия в управлении, которое они уже имели (попытки короля править без парламента, нарушение вольностей народа и т.д.).

То же самое имело место перед русской революцией 1905 г., когда дегенерированные русские командующие круги упорно не хотели допускать к участию в управлении талантливых выходцев из других групп, не желали ограничить своих прав и даже увольняли талантливых «выскочек» вроде Витте.

Заслуживают здесь особенного упоминания исключительные барьеры, созданные в России против проникновения наверх евреев[207].

---

[205] *Моммзен Т.* Цит. соч., т. II, с. 69–75.

[206] *Kolabinska M.* La circulation des élites en France. Lausanne, 1912 (периоды с 1610 по 1715 и с 1415 по 1489 гг.).

[207] Отсюда понятно, почему особенно много «головастиков» должно было накопиться среди евреев в России и почему при прорыве барьеров они оказались в таком огромном количестве и сыграли громадную роль в русской революции. Аналогичное явление, как было указано выше, имело место и во время других революций.

Легко понять, что благодаря таким мерам процесс накопления «негодных властителей» наверху и «головастиков» внизу еще более усиливается. Давление последних против барьеров, мешающих им проникнуть наверх, возрастает, ущемление неудачным правлением – также. Рано или поздно прорыв барьеров становится неизбежным. Неизбежность его ускоряется и усиливается наступлением трудных обстоятельств и кризисов. Происходит революционный взрыв. Перепонки и барьеры, мешающие циркуляции, сносятся одним ударом. Варварская метла революции принимается за основательную чистку зараженного социально организма. Не особенно разбирая правых и виноватых, одним ударом она выбрасывает большинство привилегированных сверху и поднимает наверх множество обитателей «социальных подвалов». Ее метод примитивно прост и элементарен. Огромная дыра прорванного селекционного решета позволяет производить массовое перемещение.

Благодаря такой неразборчивости, как мы видели выше, результаты этого примитивного перемещения оказываются совсем нецелесообразными. Среди массы перемещенных наверх «головастиков» оказывается огромное количество мнимых «головастиков», не обладающих нужными способностями. И наоборот – среди массы выброшенных сверху оказывается немало лиц, выброшенных неосновательно. Поэтому во второй период революции ей самой приходится поправлять свою работу «путем» обратной циркуляции. Она, как было показано выше, это и делает.

Если в средних и низших слоях населения было достаточно «прирожденных властителей», операция кончается сравнительно благополучно. «Головастики», поднявшись наверх, остаются там и, смешавшись с остатками недегенерированной прежней аристократии, восстанавливают нарушенное равновесие социального организма. Излеченный такой операцией, он с течением времени выздоравливает и может жить дальше, впредь до нового накопления «белых ворон» и нового взрыва. Если же «фонд головастиков» в низах был ничтожный, если их там не было (такая возможность не исключена), тогда некем заменить дегенерированную власть, тогда революция ведет к медленной или скорой агонии общества, к его декадансу, как это было в Риме. После гибели патрициата, нобилей и всадников, история здесь пыталась вербовать головастиков из «вольноотпущенников», плебса, рабов и варваров, но безуспешно. По исчерпании их фонда началась агония, кончившаяся гибелью Западной Римской империи. Таков этот «круговорот истории» или ее «сказка про белого бычка», рассказываемая от Адама до наших дней. Из общих факторов, ведущих к такому результату, я указал лишь *неудачное смешение крови и вытекающую отсюда неудачную гибридизацию, с одной стороны, с другой – неэластичность социальной циркуляции и расстройство механизма социального отбора и размещения индивидов.*

Но помимо их есть ряд других причин, ведущих к тому же результату. Укажу из них две.

Первая заключается в падении плодотворности и быстром вымирании замкнутых аристократических групп, не пополняемых притоком свежей крови; вторая – в атрофии их энергии и воли, наступающей в силу гипертрофического перевеса умственной работы над мускульной – перевеса, требуемого профессией властителя новых времен.

Какими причинами вызывается падение плодовитости и вымирание замкнутой аристократии – не будем здесь касаться. Просто констатируем этот факт. Приведу несколько цифровых данных. Число спартиатов во времена Ликурга было 9 000, в 480 г. – 8 000, в 420 г. – 6 000, в 371 г. – 1 200, во время Аристотеля – 1 000, в 230 г. – 700, из которых только 100 настоящих. В Афинах после Херонейской битвы[71*] пришлось сразу возвести в ранг эвпатридов 20 000 метеков[72*] и рабов. В Риме в позднейшую эпоху, чтобы иметь 300 сенаторов, пришлось за отсутствием оных возвести в это звание 177 плебеев. Ко времени Цезаря осталось лишь 15–16 патрицианских родов. Вслед за ними угасли и роды всадников. Ко времени Клавдия угасли даже те роды, которые возвысились при Цезаре и Августе[208].

По свидетельству К. Бюхера, выдающиеся роды средних веков редко существовали более ста лет[209].

В Англии из 500 семейств древней знати сейчас нет ни одного, которое выжило бы до нашего времени. Их фамилии носят лица, ничего общего с ними не имеющие, а пожалованные этими фамилиями гораздо позже. С 1611 г. здесь угасло 753 баронских семейства. Пэры быстро вымирают[210].

В Аугсбурге из 51 семьи сенаторов в 1308 г. к 1538 г. осталось только 8. В Нюрнберге из 118 патрицианских родов в 1390 г. 63 угасло менее чем в сто лет. Из 381 правящего семейства в Берне в 1717 г. к 1787 г. 148 из них исчезло[211].

Из 1 219 семейств шведской знати 946 (77,6%) угасло в период 0–100 лет, 251 – в 100–200 лет, лишь одна семья пережила 300 лет. Из 1 547 фамилий 1 298 (84%) исчезло на третьем поколении[212]. По Vacher'у, «королевские расы по продолжительности жизни своих членов ниже рас народных»[213].

---

[208] *Bouglé C.* La democratie devant la science. Paris, 1904, p. 81; *Вольтман Л.* Политическая антропология. СПб., с. 279.

[209] *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. II, с. 149.

[210] *Bouglé C.* Op. cit., p. 81; *Doubleday T.* The True Law of Population. 1853, p. 35; *Galton F.* Hereditary Genius. 1892, p.125–126.

[211] *Furlan.* La circulation des élites // Revue internationale de sociologie. 1911, p. 850–860.

[212] *Fahlbeck P.* La noblesse du Suéde // Bulletin de l'Institut International de statistique. 1912, vol. XII, livre 1, p. 173

[213] *Vacher.* La longevité dans les familles // Bulletin de l'Institut International de statistique, vol. IX, livre 2.

Наряду с быстрым вымиранием замкнутая аристократия обречена на бесплодие. В династии Капетингов из 118 браков между родственниками 41 был бесплоден. В династии Веттингов из 128 браков 7 бесплодны, в Виттельбахской династии из 29 браков 9 бесплодных, 3 – по одному ребенку[214]. Процент бесплодных браков в шведской аристократии, исследованной Фальбеком, растет с каждым поколением (в первом он равен 13,72%, во втором 63,68%), смертность растет, и растет женское потомство за счет мужского[215].

Ф. Гальтон показал, что браки выдающихся людей, женившихся на дочерях и наследниках старых аристократических семейств (пэров), становятся также менее плодовитыми.

Вот цифры: на 100 браков каждого рода приходилось сыновей:

Число сыновей каждого брака	В браках, где мать была heiress[73*]	В браках, где мать не была heiress
0	22	2
1	16	10
2	22	14
3	22	34
4	10	20
5	6	8
6	2	8
7	0	4
И выше	0	0[216]

Этот факт ускоренного вымирания замкнутой аристократии ведет к росту «пустоты» на верхах. Если эта «пустота» своевременно и целесообразно не заполняется свежей кровью, происходят еще более ускоренная дегенерация и вымирание верхов, а тем самым усиление необходимости «взрыва».

Вторым добавочным фактором дегенерации замкнутой аристократии служит неизбежная атрофия ее воли. Дело в следующем. Эксперименты, проведенные психологами, показывают, что чем более трудная умственная задача дается испытуемому, тем позже следует его двигательно-мускульная реакция и тем она слабее. Энергия организма в этом случае тратится на внутримозговые процессы, и ее остается мало для мускульного проявления вовне. «Мыслительная деятельность и внешнее проявление движений находятся в обратном отношении друг к другу: чем более усложняется и чем более напряженным становится мыслительный процесс, тем менее интенсивным становится внешнее проявление движений».

«Напряженное мышление подсказывает такие веские аргументы в пользу самых противоречивых решений, что в итоге получается – бездействие»[217].

[214] *Вольтман Л.* Цит. соч., с. 110.

[215] *Fahlbeck P.* Op. cit., p. 168–181.

[216] *Galton F.* Op. cit., p. 130–131.

[217] *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека. М., 1922, с. 122–128 (там же – опыты и диаграммы).

Отсюда понятно, почему глубокое мышление сопровождается и требует глубоко-спокойной позы, почему сильно рефлектирующие люди нерешительны, похожи на Гамлетов. Идеальным положением мыслителя является недвижимость «Мыслителя» Родена, застывших поз святых на древнерусских иконах, неподвижная фигура факира[74*].

Если верна эта противоположность мышления и действия (воли)[218], глубокого рефлектирования и решительности, то из нее следует, *что социальные группы, занимающиеся преимущественно интеллектуальными функциями, будут более бездеятельными, безвольными, «гамлетизированными», неспособными к «прямому действию», по сравнению с группами, занимающимися мускульным трудом и «мало думающими».*

Настоящий ученый, жрец, факир – забывчив и недеятелен. Он всегда Гамлет в той или иной мере; для него все – проблема. Каждый вопрос имеет сотню pro и contra. Прежде чем решить и действовать, ему нужно «обдумать вопрос». В процессе этого обдумывания – методического, систематического и глубокого – энергия и время уходят. Для неученого – все просто. Проблем не существует. Он привык действовать прямо и все решать сразу[219]. Отсюда следует: *если одни замкнутые группы из поколения в поколение занимаются только или главным образом интеллектуальной работой, атрофия их воли и энергии действия становится неизбежной.*

Если другие группы из поколения в поколение занимаются лишь мускульной работой, у них должна быть гипертрофия энергии действия и недостаток энергии мышления.

Каковы основные профессиональные функции правящей аристократии нового времени? Чисто или почти чисто интеллектуального характера. Каковы социально-профессиональные функции «низов»? Главным образом мускульная работа.

Отсюда трагическая антиномия, в той или иной мере существующая в большинстве обществ и достигающая апогея в предреволюционные периоды. Она служит одной из причин импотенции воли и действия правящих слоев пред-

[218] См.: *Мейман Э.* Интеллигентность и воля. М., 1919.

[219] Отсюда следует, что «человек глубокой мысли» редко может быть хорошим «человеком дела». Но зато «человек одного действия» редко будет человеком «удачного действия». Для последнего нужно некоторое равновесие ума и воли. У людей удачного действия, у гениальных организаторов мы это и находим. «Наполеон не был гением порядка интеллектуального. Он не имел мысли, которая не была бы действием, и все его действия были великими», – правильно говорит De Leener. Не менее верно он подчеркивает, что Платон был бы скверным главой государства, хороший профессор международного права был бы посредственным министром иностранных дел, и наоборот, блестящий дипломат был бы весьма посредственным представителем кафедры международного права (*De Leener.* La primauté de l'individu // Revue de l'Institut de sociologie, 1922, p. 440).

революционного периода и бешеной слепой энергии, решительности и «прямоты действия» масс, которые указаны выше.

Власть «не умеет хотеть» и «не знает, чего она хочет». Она «обдумывает», «созывает совещания», без конца говорит, пытается действовать, но вяло, нерешительно, противоречиво. Так было с римским Сенатом, с Вацлавом и Сигизмундом, с Карлом I, Людовиком XVI, Николаем II и т.д.

Массы, напротив, недостаточно думают и взвешивают свои акты и их результаты, зато обнаруживают стихийную энергию и решительность. Более того, сказанное объясняет, почему власть старого режима, перехваченная «интеллигентными» группами, редко остается в их руках. Их губит интеллигентность. Вместо действия – они говорят, говорят и говорят, и говорят блестяще и прекрасно, пишут самые тонкие резолюции с «постольку-поскольку»[220], всесторонне обдумывают вопросы, приготовляют без конца план действий, время уходит, энергия тратится на «словесность», и в итоге… нуль действия.

Забывая, что в такие эпохи «действие должно быть быстрым, а бесконечный вербализм парализует его»[221], интеллигентные группы, становясь китайскими мандаринами, неизбежно готовят себе крах.

Так было в русской революции, где власть Советов первого созыва и Временного правительства состояла в значительной мере из представителей интеллигентных слоев. Вместо действия – они «говорили», начиная с «главноуговари-

[220] Это «постольку-поскольку», ставшее нормой в русской революции, всегда типично для интеллигентных слоев. В русской революции круги интеллигенции (социалисты-революционеры, меньшевики, кадеты и др.) несравненно больше думали о резолюциях, чем о действиях, гораздо больше тратили энергии на выработку и согласование их, чем на вторые. Родив после многих часов изнурительного труда резолюцию, они считали дело сделанным, забывая, что резолюция – одно, а дело – это совсем другое, что «постольку-поскольку» хорошо на бумаге, но очень скверно на деле. Примером этого общего явления может служить «глубокомысленное» описание Н. Сухановым мотивов и целей знаменитого воззвания «ко всем народам». При его составлении, пишет он, «нужно было избегнуть двух Сцилл и двух Харибд. Во-первых, надо было соблюдать Циммервальд (вот о чем заботятся! – *П.С.*) и тщательно избегать оборончества и, во-вторых, надо было подойти к солдату и парализовать всякую игру на открытии фронта Советом… Эта двойственность задачи, эта противоречивость требований заставляли танцевать на лезвии под страхом сковырнуться в ту либо другую сторону» (*Суханов Н.* Записки о революции. 1922, кн. II, с. 188–200).

И такую-то резолюцию, где даже ее авторы должны «танцевать на лезвии» и не знают, как согласовать несогласуемое, публикуют как директиву поведения масс и солдату говорят сразу: «кончай войну» и «надо воевать». Быть может, в ратифицированных мозгах авторов воззвания это противоречие и было разрешено, но солдаты были поставлены им в невозможное положение: они не знали, чего от них требует резолюция. Она только посеяла нерешительность и колебания. Там, где требовались ясные приказы, массе преподносились резолюции с «двумя Сциллами и двумя Харибдами». Эта черта проходила через все поведение «социал-соглашателей», пока массы, не получая от них ничего, кроме подобных вещей, не повернулись к ним спиной и не сбросили их.

[221] *De Leener*. Op. cit., p. 141.

вающего» главы власти, вместо дел – сочиняли бесконечное число головоломных резолюций, проектов и планов действий, с непременными оговорками «постольку-поскольку», с «двумя Сциллами и двумя Харибдами».

Мудрено ли поэтому, что они «проговорили революцию» и проявили импотентность не меньшую, чем импотентность царского правительства.

То же самое было с жирондистами, этими прототипами очерченных русских интеллигентных кругов; «жирондисты лишь писали и говорили, а левые – действовали»[222].

То же самое случилось с говорунами в английской революции, начиная с говорунов парламента. Они говорили, а Кромвель и его солдаты действовали. Судьба первых – судьба сброшенных русских и французских интеллигентов. То же было в революциях 1848, 1870–1871 гг. и др. За исключением единиц, общая масса интеллигентов обнаруживала ту же гипертрофию вербализма, импотентость и бессилие.

Это явление выступает и в нереволюционное время[223].

Сказанное объясняет, почему власть неизбежно переходит от таких интеллигентных кругов к людям действия и к массам, мало думающим, но не страдающим отсутствием решительности и энергии. Для них нет «постольку-поскольку», «тысячи Сцилл и Харибд». Усвоив соответствующий примитивный лозунг, подсказанный им их инстинктами, они, подобно урагану, бешено ломают и сносят все на пути, пока… не встречают такую же решительность или не израсходуют всю свою энергию. «Индивидуальная и коллективная энергия масс, раньше сдерживаемая обветшавшей теперь машиной, взорвалась и в течение 10 лет развилась так, что явила миру невиданное зрелище», – эти слова о французской революции применимы к активности масс в любом крупном перевороте.

Отсюда понятно также, почему в революции лидерами становятся люди фанатичные, однобоко думающие и не заботящиеся о бесконечных pro и contra, или военные вожди, сама профессия которых есть профессия дела и приказов, а не слов и рассуждений.

Таковы основные причины, объясняющие, с одной стороны, импотентность предреволюционной власти, с другой – порчу механизма отбора, с третьей – энергию масс, с четвертой – неумелость и недостаток торможения.

Кроме этих основных причин есть множество других, содействующих наступлению взрыва, но они или второстепенны, или входят в качестве элементов в указанные общие факторы революции, поэтому здесь можно на них не останавливаться.

---

[222] *Мадлен Л.* Цит. соч., т. I, с. 251.

[223] Правительство из глубоких ученых – едва ли не худшее и наиболее импотентное из всех правительств, правильно говорит В. Парето. Такое правительство было бы разновидностью китайского мандарината. Suum cuique![75*]

§ 7. Общие причины наступления второй стадии революции, или контрреволюции

Как видно из предыдущего, вторая стадия революции, или контрреволюция – необходимое следствие первой. Основными симптомами ее наступления служат: рост процессов торможения за счет расторможения, начало возрождения угасших условных рефлексов, обратная циркуляция и приближение структуры революционного агрегата к старой структуре. Чьими руками начинаются и продолжаются эти процессы: руками ли Ленина, Кромвеля, Робеспьера или руками Кавеньяка, Наполеона, Августа, генерала Врангеля (в революции 1848 г.) – это мелочь, совершенно не меняющая суть дела.

После всего сказанного здесь, мы можем быть краткими.

Если основная причина первой стадии революции состоит в ущемлении инстинктов масс, то та же самая причина приводит и ко второй стадии. Почему?

Потому что, как мы видели из предыдущего, первая стадия глубокой революции не только не уничтожает этого ущемления, но очень скоро усиливает его. Поведение масс, отныне управляемое лишь стихией безусловных рефлексов, становится анархическим: один безусловный рефлекс начинает «заедать» и «ущемлять» другой, одни люди – других. Голод не уменьшается, а увеличивается, следовательно, пищевые рефлексы ущемляются еще сильнее. Индивидуальная безопасность не возрастает, а падает, смерть – от убийств, голода, эпидемий не понижается, а колоссально повышается, следовательно, и рефлексы самосохранения ущемляются еще сильнее. Конфискация имущества – сначала богачей, а потом и народных масс в форме возросших реквизиций, налогов и поборов – ущемляет еще сильнее инстинкт собственности; рост полового распутства – ущемляет половые рефлексы; произвол власти – ущемляет рефлексы свободы и т.д. Словом, какую бы область основных рефлексов мы ни взяли, всюду, за очень небольшими исключениями, ущемление усиливается, а не уменьшается, и тем сильнее, чем глубже революция. В этом «первозданном хаосе» bellum omnium contra omnes[76*] наступает общее ущемление основных рефлексов. Именно в такие периоды теория Гоббса, выработанная, кстати сказать, на опыте английской революции, в известной мере оправдывается. Приспособление людей к среде и друг к другу становится еще более неудачным. Оно резюмируется в речевых рефлексах: «так жить дальше нельзя», «нужен порядок», «порядок во что бы то ни стало».

И люди, наученные горьким опытом, под влиянием неумолимых учителей – голода, холода, болезней, нужды и смерти – оказываются перед дилеммой: или вымирать и гибнуть, продолжая революционный разгул, или найти новые выходы. Ущемленные инстинкты приводят их к необходимости поисков новых приспособительных актов, к необходимости торможения безудержного разгула многих инстинктов и восстановления угасших тормозящих условных рефлек-

сов. Путем трагического опыта они приводятся к сознанию, что многое из того, что раньше они считали «предрассудком» и от чего теперь «освободились», в действительности представляет собой ряд условий, необходимых для сносной совместной жизни, для существования и развития общества.

Желание безудержной свободы заменяется теперь желанием «порядка», тоска по «освободителю» от старого режима – тоской по «освободителю» от революции, т.е. насадителю порядка. «Порядок» и «да здравствует тот, кто его может дать» – вот общий крик второго периода революции, доминирующий и в Риме ко временам Цезаря и Августа, и в Чехии к концу революционных войн, и в Англии ко времени Протектората, и во Франции ко времени возвышения Наполеона, и в 1849–1851 гг., и в 1871 г., и в России в 1922–1923 гг.

К тому же результату ведет физическое истощение масс. Бешеная энергия, которая тратится в первом периоде революции, имеет своим следствием быстрое расходование запасов энергии человеческого организма. Эти запасы не бесконечны. Человек – не «perpetuum mobile»[77*]. Истощение ускоряется еще голодом и нуждой, делающими невозможным пополнение громадного расходования энергии первого периода. Истощение само по себе ведет к торможению многих рефлексов. Приходит апатия, индифферентизм, своего рода сонливость масс. В этом состоянии они делаются легко доступными для «обуздания» и торможения со стороны любой энергичной группы. То, что было невозможно в первый период, теперь становится чрезвычайно легким. Население становится инертной массой, из которой можно лепить многое. Она – благоприятнейший материал для деятельности любых «обуздывателей». Так революция, толкавшая раньше к полному разнуздыванию, сама неизбежно создает условия, благоприятные для появления деспотов, тиранов и обуздания масс…

Этих двух причин: дальнейшего ущемления инстинктов и истощения энергии масс (не говоря уже о других, второстепенных) – вполне достаточно для наступления «контрреволюции». Почему последняя выражается в большем или меньшем приближении всей структуры общества к старым порядкам и к старому строю? Почему формы поведения, циркуляция, объемы групп, религиозная, политическая, экономическая и бытовая стороны социальной жизни снова испытывают такую обратную деформацию?

И это понять нетрудно. Любой строй общества не случаен, а представляет собой результат многовекового приспособления людей к среде и друг к другу, итог многовековых усилий, поисков и попыток найти наилучшие возможные формы общественной организации и жизни. В любой установившейся социальной организации, как бы несовершенна она ни была с точки зрения дилетантского радикализма, всегда сконденсирован огромный реальный (а не фиктивный) опыт народа, бесчисленные поиски, усилия и эксперименты многих поколений, направленные на то, чтобы найти наилучшие формы, возможные при

данных конкретных условиях. Только невежда или фантазер может думать, что этот строй, устанавливавшийся и существовавший веками, представляет собой сплошной абсурд, сплошное недоразумение, сплошную ошибку.

«Каждый день существования любого строя представляет собой непрерывный плебисцит членов общества, и если он существует, то значит, большая часть их отвечает на вопрос молчаливым “да”», – можем сказать мы, перефразировав слова Э. Ренана. Если строй данного общества такой, а не иной, это значит, что при существовавших реальных условиях иной, более совершенный строй был бы или труднее осуществимым или на самом деле менее совершенным.

Предреволюционная эпоха уменьшает его совершенство, его приспособленность, делает его в ряде отношений дефектным, но, конечно, не во всех. Трудно допустить, чтобы условия столь резко изменились, что весь строй общества оказался совершенно непригодным, весь опыт предыдущих поколений – лже-опытом, все социальные инстинкты – заблуждением. Дефекты вызывают взрыв. Этот взрыв, однако, уничтожает не только дефекты общества, но и огромное число вполне пригодных институтов, учреждений, форм поведения, наилучших при данных условиях. Поэтому, когда начинается нормализация общественной жизни, естественно, она начинает отливаться в те формы, которые не утратили своего совершенства, которые уже знакомы, которые при данных условиях являются наилучшими. Ориентировочные поиски общества неизбежно приводят к этим формам. Отсюда – их реставрация. Отсюда – обратное приближение общества, пытавшегося абсолютно порвать с прошлым, к этому прошлому. Только те институты и формы быта, которые действительно изжиты, которые когда-то были целесообразными, а теперь в силу изменившихся условий, перестали ими быть, только они обречены на замену их новыми. Рядом с «реставрацией» мы и видим эту замену, ибо ни одна революция не кончается абсолютной реставрацией прошлого. Таковы механизм и причины контрреволюции.

Но, спросят меня, если революция, вызванная ущемлением инстинктов, сама еще сильнее ущемляет их, то чем же и как же разрешается этот тупик? Если голод, войны, деспотизм и т.д. приводят к революции, а революция приводит к еще большему голоду, войнам и деспотизму, то не получается ли какой-то безвыходный трагический круг истории? Как же он развязывается?

Чрезвычайно просто и – при глубоких революциях – стереотипно-однообразно. Он не разрешается, а разрубается… Разрубается он Смертью… Этот «выход» никогда не изменяет и всегда имеется в распоряжении людей. Общество, не умеющее жить, не способное своевременно производить целесообразные реформы и бросающееся в объятия революции, платит за эти грехи вымиранием значительной части своих членов, становится данником этой всемогущей Повелительницы…

Только заплатив эту дань, оно, если не погибает совершенно, получает некоторую возможность существовать и жить дальше, но не путем полного отрыва от своего прошлого и не путем зверской взаимной борьбы, а, напротив, путем обратного возвращения к большей части своих прежних устоев, институтов и традиций (только абсолютно изжитые из последних погибают), путем мирной работы, кооперации, взаимопомощи и солидарности членов и групп общества друг с другом. Если общество не способно вступить на этот путь, революция кончается его окончательным декадансом и гибелью…

Таково решение этих «тупиков» истории.

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ[1*]

К стр. 346[2*]: *Разводы*. – Точных статистических данных о количестве разводов в дореволюционной России не было. Известно только, что в 1885 г. среди православного населения Европейской России один развод приходился на каждые 470 браков, заключенных в том же году. Согласно данным, которые Г. фон Майр приводит в своем исследовании «Moralstatistik» (Tübingen, 1917, S. 197), в период с 1893 по 1897 гг. на тысячу браков приходилось ежегодно 1,3 развода. С этого времени до 1917 г. число разводов увеличилось, но едва ли более чем в два раза. Данные, приведенные в 1922 г. в газете «Известия», свидетельствуют о том, что на 11,2 заключенных брака приходится один развод. Согласно последним статистическим данным, опубликованным советским правительством (Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1924, с. 34), в 1920–1922 гг. один развод приходился на 11,7 брака, в 1923 г. – один развод на 12,9 брака, заключенных в том же году. Небольшое снижение числа разводов в 1923 г. может быть первым симптомом ограничения сексуальной свободы, наступившей в результате революции.

К стр. 398: *Уменьшение населения России за годы революции*. – Согласно Статистическому ежегоднику России за 1913 год и Статистическому ежегоднику за 1916 год, вышедшему в Москве в 1918 г., население России составляло:

на 1 января 1911 г.	167003400 человек
на 1 января 1912 г.	171059900
на 1 января 1913 г.	174099600
на 1 января 1914 г.	ок. 178000000

В 1920 г. в Советской России проживало 131546045 человек, а в регионах, отделившихся от России (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Карском пашалыке) – 28571000 человек, что в сумме составляет 160117045. Таким образом, население России за период с 1914 по 1920 гг. уменьшилось на 17 или 18 млн. (см.: Статистический ежегодник России за 1918–1920 гг., с. 6–7, 2–3). Такой же результат мы получим, если вычтем 3139800 – численность населения регионов, отделившихся от России после 1914 г., указанную в большевистском «Статистическом ежегоднике», – из 178000000 (такой была численность населе-

ния Российской империи в 1914 г.), а затем из полученного результата вычтем численность населения Советской России в 1920 г.

Примерно такие же результаты получатся, если сравнить данные переписи 1916 г. и 1920 гг. Согласно этим данным, на территории Советского Союза (без Туркестана и Закавказья) проживало:

	Городское население	*Сельское население*	*Численность армии*	*Всего*
В 1916 г.	96,8 млн	25,163 млн	14,2 млн	136,363 млн
В 1920 г.	99,0 млн	17,620 млн	5,3 млн	121,920 млн

(См.: Перспективы развития сельского хозяйства СССР. М., 1924, с. 77–78).

Наконец, в «Трудах Центрального Статистического Управления» (т. 1, вып. III, с. 4–5) сообщается о том, что население только в 47 областях Советской России, в которых перепись 1920 г. проводилась более тщательно, уменьшилось с 88000370 человек (в 1914 г.) до 73495879 человек (в 1920 г.). Это дает усеньшение численности населения только в этих 47 областях в 11504473 человека, или на 13,6%. Все эти официальные советские данные резко противоречат цифре 135599015 – т. е. численности населения России (в границах нынешней Советской России) в 1914 г., предлагаемой «Статистическим ежегодником за 1918–1920 гг.». Сравнивая это число со 131546045 (такова численность населения Советской России в 1920 г., согласно этому Ежегоднику), мы обнаруживаем, что население страны сократилось всего на четыре миллиона человек. Это противоречие, однако, объясняется очень просто. На с. 62 составители Ежегодника откровенно признаются, что они уменьшили данные прежнего Центрального Статистического управления о численности населения России в 1914 г. на десять процентов. Таким простым способом они получили 135 млн вместо 146–147 млн и тем самым снизили сокращение численности населения с 17 или 18 млн человек до четырех миллионов. Кроме того, следует учитывать, что и численность населения России в 131546045 человек в 1920 г. преувеличена. Составители Ежегодника приняли население многих регионов России, где перепись населения в 1920 г. не могла быть произведена, равным численности их населения в 1916 г. Таким образом, их подсчеты дают значительно большее число, чем реальная численность населения в 1920 г. Выше сказанное дает все основания считать, что сокращение населения России с 1914 по 1920 гг. составляет не менее 17 или 18 млн человек.

К тому же, согласно подсчетам большевиков, голод 1921–1922 гг. унес жизни примерно пяти миллионов человек. Допуская, что около двух из этих пяти миллионов были компенсированы за счет родившихся, мы получаем дополнительное сокращение населения России на три миллиона человек. В целом,

за период с 1914 по 1922 гг. мы имеем сокращение численности населения России на 20 или 21 млн человек.

Из этих 20 или 21 млноколо 2,5 млн составляют жертвы Мировой войны. (Из них 682213 человек были убиты, из 3638271 попавших в плен не меньше половины возвратилос в Россию к моменту переписи 1920 г.; другая половина вместе с погибшими составляет 2,5 млн человек. См.: Народное хозяйство СССР. М., 1924, с. 55; книга выпущена для членов Российской Коммунистической партии). Около двух миллионов составляют эмигранты. Если вычтем из 20 или 21 млн эти 4 или 5 млн (жертвы войны и эмигранты), то получим от 15 до 17 млн человек, являющихся жертвами Великой Русской революции.

К стр. 405: *Рождаемость, смертность и брачность*. – Статистический раздел книги «Народное хозяйство СССР» (с. 32–34) предлагает следующие данные (на тысячу человек):

Годы	*Количество браков*	*Количество рождений*	*Количество смертей*	*Увеличение или уменьшение*
1911–1913[1]	8,1	44,1	27,2	+ 16,9
1920–1922[2]	11,7	33,0	33,2	– 0,2
1923[3]	12,9	42,9	22,5	+ 20,4

Данные за 1923 г. свидетельствуют о весьма значительном улучшении ситуации, но, к сожалению, показатели этого года, учитывающие только тринадцать наиболее благополучных губерний, не пострадавших серьезно ни от голода, ни от гражданской войны, нельзя рассматривать как типичные для всей России. Это предположение подтверждается результатами переписи населения 145 сел Украины, опубликованных в «Современной медицине» (Одесса, 1924, апрель-июнь). В 1920–1923 гг. уровень смертности в этой части России составил 33 на 1000 человек населения, а уровень рождаемости – 26. Таким образом, смертность все еще превышает рождаемость, составляя 7 человек на 1000 жителей.

К стр. 494: *Просвещение и образование в России*. – Численные данные об образовании и количестве школ и учащихся в дореволюционной России, приведенные мною в основном тексте книги, охватывают всю Российскую империю. Теперь интересно было бы сравнить как развивалась ситуация в нынешней Советской России до и в течение революции. Некоторые статистические данные на сей счет опубликованы в «Народном хозяйстве». Хотя приведенные здесь данные не точны, они, тем не менее, довольно красноречивы.

[1] Европейская Россия.

[2] Двадцать губерний, не пострадавших от голода.

[3] Тринадцать губерний.

Согласно этой официальной публикации (с. 36), в 1914 г. затраты на просвещение и образование составляли 5,7 % всего бюджета, в 1922–1923 гг. они составили всего лишь 3,0 %, а 1923–1924 – 3,9 %. В 1913 г. Министерство Народного Просвещения потратило на эти цели в пределах территории нынешней Советской России 126818000 золотых рублей (с. 36). В 1923–1924 гг., согласно докладу Луначарского, сделанному им на сессии последнего Всероссийского Съезда Советов в октябре 1924 г., Наркомпрос потратил на эти же цели всего лишь около 30000000 золотых рублей. Согласно этому докладу, на территории нынешней Советской России в 1913 г. было 62 тыс. начальных школ, в которых обучалось 4,2 млн учащихся, в 1923 г. начальных школ было 49 тыс., а численность обучающихся в них составляла, 3,7 млн человек. Короче говоря, этот доклад, так же как и данные о положении высшей школы, опубликованные в газете «Известия» (22 августа 1924 г.), внушают тревогу и свидетельствуют о сильнейшей деградации сферы образования и просвещения.

О росте грамотности в старой России можно судить по проценту грамотных и неграмотных новобранцев, призываемых в армию. Данные, которые приводит по этому поводу «Народное хозяйство» (с. 51), выглядят так:

Годы	Процент грамотных	Процент безграмотных
1874–1883	21,98	78,2
1884–1893	30,57	69,43
1894–1903	43,75	56,25
1904–1913	69,62	37,38

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ «ЛИСТКИ ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА»

Leaves from a Russian Diary. By Pitirim Sorokin. E. P. Dutton and Company. $ 3.

S. H.

ЭМИГРАНТ ОГЛЯДЫВАЕТСЯ НАЗАД

Профессор Сорокин уехал из Москвы и России в сентябре 1922 г. «в ботинках, присланных одним чешским ученым, в костюме, подаренном Американским комитетом помощи голодающим, и с полусотней долларов в кармане». Больше пяти лет, начиная с 1917 г., этот социолог жил, видимо, в самом водовороте тех бурных событий, которые происходили в России. Его описание Красной революции, которая лишила Керенского власти и создала нынешний советский режим, дает некоторые подробности тех страшных – для воображения читателя – лет. Мы думаем, что благодаря этому писательскому мастерству, книга профессора Сорокина станет ценным подспорьем для воссоздания истории России послевоенного времени.

Но издатели анонсируют книгу как вклад в понимание того, какова «реальная жизнь в сегодняшней России». Мы же считаем, что в этом отношении «Листки из русского дневника» дают очень мало. Много воды утекло за те два года, что прошли с момента, когда профессор Сорокин очутился в пограничном городке Себеже, покидая империю Советов ради более благоприятной среды в не-коммунистических странах. Если два года назад представители русской интеллигенции, особенно студенты и преподаватели, стремились вырваться из России, то теперь – и это факт – те русские, которые оказались в эмиграции, всячески стараются получить разрешение на возвращение в страну. Гонения практически прекратились. Жизнь и собственность в России так же гарантированы, как и везде в Европе. Мы недавно разговаривали со многими профессорами и студентами российских вузов и выяснили, что, хотя они вынуждены работать на изношенном оборудовании и зачастую не испытывают симпатий к коммунистической программе, правительство не вмешивается в их деятельность или даже помогает им.

Очень многое нужно бы написать о России. Но то, что написано, должно, на наш взгляд, преследовать одну цель: способствовать пониманию современной российской ситуации, с тем, чтобы эта ситуации могла получить конструктивное решение. Трудно поверить в то, что книга профессора Сорокина выполняет какую-нибудь другую цель, кроме как пополнение обширной библиотеки той литературы, которая призывает осудить Советское правительство за бесспорные ужасы революции, но проливает мало света на нынешние условия существования. И многие народы мира считают немудрой политику, продолжающую изоляцию русского народа от всех полезных контактов с миром по причине ужасов революционного периода, который уже в прошлом.

(Christian Science Monitor. 1924, November 11)

Г[ершель] Б[рикелл][1*]

КНИГИ НА НАШЕМ СТОЛЕ

Россия в настоящий момент выпала из сводок новостей. После смерти Николая Ленина мы мало слышим о том, что в ней происходит. Но что бы ни происходило при режиме архиавантюриста Троцкого и его подручных, это неизбежно бледнеет и тускнеет по сравнению с яркими событиями первых дней революции и в наступившие затем времена – в те кровавые месяцы, когда ЧК уничтожала людей сотнями и тысячами. В дни, когда события в России приняли чрезмерно кровавый характер, а ее коммунистические хозяева привлекали к исполнению своих зловещих приказов китайцев, латышей и татар. Читать книгу профессора Питирима Сорокина – это как бы рассматривать медленно развертывающуюся перед глазами картину всего, что происходило в Петрограде, Москве и отдаленных областях страны в период с 1917 по 1922 г. Автор, как и многие другие, впоследствии убитые большевиками, сначала и сам был революционером; при царском правительстве он был арестован, когда ему было всего 17 лет.

Будучи сыном мастерового и интеллектуалом высшего среднего класса[2*], он принимал активное участие в свержении царя и формировании правительства Керенского (если его можно назвать правительством). Почему это правительство потерпело столь позорную неудачу и почему власть перешла в руки весьма немногочисленной кучки коммунистов, профессор Сорокин объясняет очень четко. Керенский был трагической фигурой:

«Иногда я чувствую симпатию к Керенскому, иногда злюсь на него. Как человек он честен, искренен и готов отдать свою жизнь ради блага страны. Но он некомпетентен, безволен, не имеет четкой позиции… Больше всего он, по-видимому, упивается сознанием собственной чистоты, человечности и высокого идеализма. Хороший человек, но слабый руководитель, типичный представитель русской интеллигенции».

Нередко он дает беглые характеристики исторических деятелей, чьи имена мир узнал совсем недавно. То, что автор подумал о Троцком, когда впервые его увидел, интересно и показательно:

«Что касается Троцкого, то если сложатся благоприятные условия, он, безусловно, достигнет высокого положения. Этот театральный бандит – настоящий

авантюрист. Его товарищи по социал-демократической партии (меньшевики) отзываются о нем так: “Троцкий на каждый митинг приходит со своим стулом. Сегодня он сидит с одной партией, завтра – с другой”».

После захвата власти большевиками довольно быстро наступила смута, на которую в течение столь долгого времени работало большинство русских. Профессор Сорокин в течение многих недель скрывался в лесах, где за ним охотились, как за зайцем, а потом сам сдался советским комиссарам. Его бросили в тюрьму. Товарищей его выводили на расстрел, некоторых убивали на его глазах. В последний момент его спас один его бывший студент; Ленин написал статью в «Правде» и, чтобы показать свое великодушие, велел сохранить ему жизнь и позволил преподавать в университете, который уже подмяли под себя Советы. Хладнокровное мужество человека проявляется во всем; он не хвастается, но и перед лицом грозящей ему смерти, иногда даже лютой смерти, он продолжал работать против советской власти, не боясь даже в своей аудитории высказывать свои антикоммунистические взгляды. Позже он преподавал в одном из советских институтов в Царском Селе – в одной из тех школ, которые, надо сказать, показывали некоторым иностранным визитерам с тем, чтобы они у себя дома рассыпали восторженные похвалы в адрес Ленина и Троцкого. Из книги мы узнаем, что там происходило на самом деле. Откровение не из приятных.

О том, какова была жизнь при советской власти, профессор Сорокин рассказывает с простотой и очевидностью истины. Не похоже, чтобы он что-то преувеличил. Разумеется, он пишет как непримиримый противник коммунизма, но он пишет и как специалист в области социологии и психологии, как опытный наблюдатель, который даже в самых критических ситуациях анализирует свои и чужие реакции на необычные ситуации. Интересный случай, свидетелем которого был профессор Сорокин, произошел на обеде, устроенном в честь ни много ни мало самого Герберта Уэллса. Профессор и кое-кто еще пытались рассказать Уэллсу всю правду о ситуации, но Максим Горький сразу же их пресек. Вполне естественно, что в результате Уэллс уехал назад, увидев только то, что желательно было советским руководителям. Те, кто привык с сочувствием относиться к Советам, к Ленину и Троцкому, после прочтения этой книги, наверное, изменят свое к ним отношение. Она написана ясно и просто, без претензий на форму или стиль, но вместе с тем это чрезвычайно интересное историческое свидетельство. Отметим, однако, что книгу следовало бы отредактировать более тщательно.

(New York Evening Post. 1924, November 11, 1924)

Чарльз Рехт

ПСИХОЛОГИЯ БЕЖЕНЦА

На верхнем этаже одного из высотных зданий Берлина располагается скромная редакция русской газеты «Дни»[3*]. Ее главный редактор Александр Керенский – хрупкого телосложения мужчина, не имеющий никаких явных особенностей, кроме умения писать для читателей, которых у него тысяча с лишним человек. Он прищуривает глаза и пристально разглядывает вас, так что его близорукость становится на удивление очевидной. Когда он поднимается со стула, вы замечаете, что он шаркает ногами, что его волосы коротко пострижены по русской моде, а его чрезвычайно скромная одежда наводит на мысль о поражении и отставке. Когда он начинает говорить, ваша жалость к нему усиливается.

Полуденное солнце за его сутулой спиной начинало заходить за обезумевшим республиканским Берлином 1924 года. Керенский, однако, говорил о Москве 1917 года, о том, что он не имеет никакого отношения к знаменитому приказу № 1[4*], о деле Корнилова и вообще о прошлом, пока, наконец, не понимаешь, что это такой склад ума, который не в состоянии осознать свою печальную действительность, а продолжает переживать и переоценивать свое некогда славное прошлое. Профессор Сорокин, бывший секретарь Керенского, так же как и сам Керенский, страдает от болезни изгнания, от психологии, свойственной беженцам.

Маколей, рассказывая о вигах, бежавших в Нидерланды и вынашивавших там планы свержение Карла II, пишет: «Политик, изгнанный из страны враждебной партией, как правило, смотрит на общество, из которого он изгнан, через ложные очки. Каждый объект искажается и обесцвечивается благодаря его сожалениям, его стремлениям и обидам. Каждое небольшое недовольство кажется ему предвестием революции. Каждый бунт – восстанием. Он не может поверить, что его страна не тоскует по нему так же сильно, как он тоскует по ней.

…Чем дольше его пребывание на чужбине, тем сильнее становится эта галлюцинация... С каждым месяцем его нетерпение вновь оказаться на родной земле возрастает, и с каждым месяцем его родная страна вспоминает о нем все реже, скучает по нему все меньше. Это заблуждение становится почти безумием, когда многие изгнанники, страдающие по одной и той же причине, оказываются вместе в чужой стране. Главное их занятие – говорить о том, кем они когда-то были и кем они еще могут стать, разжигать друг в друге враждебность к их общему врагу, питать друг друга экстравагантными надеждами на победу и отмщение».

Как исторический документ книга Сорокина имеет ценность в очень ограниченном смысле – она освещает его психологию. История русской революции

рассказана и пересказана другими. Благодаря его книге, однако, мы получаем возможность увидеть психическое состояние русского интеллектуала и его жесткую оппозицию к Советскому правительству. Бегство автора от своих врагов, его почти невероятное избавление, описание им зверств его врагов звучали бы гораздо убедительнее, если бы профессор не допускал иногда оплошности и не совершал того, что юристы называют показаниями в ущерб собственным интересам. Когда, например, он узнает, что английские войска в Архангельске концентрируются, чтобы свергнуть советскую власть, он претерпевает тяжкие, прямо-таки стивенсоновские, приключения, чтобы добраться до лагеря контрреволюции, но в конце концов вынужден сдаться советским властям. В итоге он получает должность в университете, тем не менее, когда началось восстание в Кронштадте, профессор пишет: «В это время мы оба – моя жена и я – схватили воспаление легких. Она легла в больницу первой, а я на следующее утро, хотя и был очень плох, пошел на приватную встречу с шестью профессорами, двумя адвокатами и двумя священниками, с которыми мы обсуждали план действий, в случае если правительство падет; прикидывали планы формирования нового правительства, реорганизации судов…» И хотя он беспощаден и не знает меры в своем осуждении кровавых оргий, творимых Чрезвычайной комиссией, созданной Советским правительством, он с сожалением констатирует: «Мы, умеренные, не кровожадны, тем не менее для того, чтобы предотвратить повторение таких бунтов, мы должны проявить бóльшую твердость. Если необходимо казнить несколько тысяч бандитов, чтобы спасти миллионы жизней русских людей, мы должны быть готовы сделать это…»

Бывший секретарь премьер-министра России видел, как и при царе, и при правлении Львова и Керенского падает и рассыпается вся ткань социальной жизни, и он делал вид, что страстно желал прихода вооруженного диктатора, который прекратит хаос и наведет порядок. Когда, наконец, Советское правительство установило свою власть на всей территории России, автор проявляет своеобразную заботу о большевиках. Он, как тот пресловутый ирландец, хотел бы их убить ради их же собственного блага: «Если бы их противникам удалось их уничтожить, они навсегда вошли бы в историю как мученики, пытавшиеся установить новый строй, но погибшие прежде, чем их эксперимент успел оправдать себя. Из всех возможных вариантов конца, на который они обречены, им достался самый неудачный: постепенный, медленный распад. Им суждено уничтожить свой идеал своими же собственными руками, продемонстрировать его миру во всей его гнилости и со всеми его ужасами...» И все же, думается нам, доктор Сорокин изучал историю христианства. Университетские профессора в качестве государственных мужей, с тех пор как их принстонский коллега продемонстрировал такое вопиющее неуважение к циничным урокам истории[5*], пригодны, по-видимому, только для того, чтобы подтверждать правоту остроумного изречения Б. Шоу: «Тот, кто не умеет, учит других».

РУССКИЙ СОЦИАЛИСТ И УЧЕНЫЙ ДАЕТ ПРИЗНАТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

Профессор Сорокин, автор серьезной и внушительной по объему «Системы социологии», два тома которой в скором времени выйдут в Филадельфии в издательстве J.B. Lippincott, на протяжении многих лет подвергался преследованиям и гонениям со стороны царского правительства как революционер. О значительности роли, которую играл проф. Сорокин в революции 1917 г., свидетельствует тот факт, что Керенский назначил его на должность личного секретаря и редактора официального печатного органа революционного правительства.

В своем дневнике профессор Сорокин убедительно вскрывает те причины, в силу которых пало правительство Керенского. Нижеследующие выдержки из этого правдивого дневника наверняка убедят любого читателя в том, что совершенно безнадежно ожидать со стороны нынешних советских руководителей каких бы то ни было существенных изменений.

(1919) *О Петроградском университете, в котором он возглавлял социологический факультете.*

«Официальная статистика утверждает, что число студентов с 9 тысяч до революции возросло до 20 тысяч человек… Во всем университете было не больше трех-четырех сотен… Несколько дней назад покончил с собой профессор Хвостов. Профессор Иностранцев вчера принял цианистый калий. Так умерли видный философ и самый знаменитый геолог России… Наши факультетские собрания мало чем отличаются теперь от поминальных речей в честь усопших коллег. Закрывая одно из таких собраний, ректор Шимкевич обратился к нам с мрачной шуткой:

– Господа, – сказал он, – прошу вас, не спешите так умирать. Умирая, вы себе делаете облегчение, а нас озадачиваете кучей проблем. Вы знаете, как трудно сейчас доставать для вас гробы; вы знаете, что нет лошадей, чтобы доставить на кладбище ваши бренные останки; и вы также знаете, как дорого стоит выкопать могилы для вашего вечного успения. Прошу вас, пожалейте же своих коллег и постарайтесь жить как можно дольше». – Pp. 230, 231.

(The Nation. 1924, November 26, p. 577)

Фундамент, на котором держится нынешняя власть в России

«Охранительные пикеты красных были выставлены и в лесу, и на всех главных просеках… В этом глухом лесу мне открылась полнейшая бесполезность любой революции и вся суетность социализма и коммунизма. Катастрофа революции, глубокие исторические корни большевизма, ненавидимого большинством народа, – да, это так, – но опирающегося на пассивность русского народа, ошеломили меня. Только когда народ испытает на себе все ужасы большевизма, когда переживет трагический, возможно, смертельный опыт коммунизма, только тогда он вылечится от этой страшной болезни раз и навсегда… Только тогда исчезнет эта треклятая пассивность, и народ, приученный к тирании, превратится в самоуправляемую нацию… Отныне я – не революционер, ибо революция есть катастрофа». – P. 172.

Самые яркие, откровенные и правдивые личные воспоминания, которые когда-либо приходили из России.

(The New Republic. 1924, November 26)

[LEAVES FROM A RUSSIAN DIARY BY PITIRIM SOROKIN]

<…> «Листки из русского дневника» профессора Сорокина – это беспощадное обличение гнусной власти большевистского правительства, пришедшего на смену революции, начатой голодными женщинами и детьми, требовавшими хлеба и селедки. Профессор Сорокин, мыслитель, пользующийся европейской известностью, а ныне профессор социологии в университете Миннесоты, в захватывающей манере рассказывает о событиях, в которых он сам принимал участие: о своей тюремной жизни, скитаниях в лесах и бегстве от преследователей. И даже в более чем захватывающей, поскольку страшны и ужасны те факты, о которых он рассказывает. Есть в книге и миниатюрные зарисовки лидеров. Лицо Ленина «напоминает мне лица прирожденных преступников из альбома Ломброзо, и в то же время в нем есть что-то похожее на религиозных фанатиков из числа староверов».

«Что за отвратное создание этот Зиновьев! В его писклявом бабьем голосе, в его лице и жирной фигуре есть что-то отвратительное и непристойное; это редкий моральный и умственный выродок».

Внимание многих читателей привлекут страшные главы «Красная месса» и «Memento mori», заставят их изменить свои убеждения и задаться вопросом, может ли какой-нибудь здравомыслящий человек выступать в защиту этих монстров у власти.

Самые ужасные дела, творившиеся во времена Великой французской революции, – ничто по сравнению с кровавыми злодеяниями и актами садистской жестокости, совершенными большевиками, дорвавшимися до власти. И мучениками из числа ученых и истинных патриотов! Мы не знаем более увлекательной книги, изданной в последние годы, ни другой такой книги, которая в одинаковой степени вызывала бы чувство изумления, ужаса и сострадания. <…>

(The Boston Herald. 1924, December 24)

Полковник А.М. Николаев[6*]

РОССИЯ ИЗНУТРИ

Это важная книга. Несомненно, она представляет собой «чрезвычайно интересный и живой рассказ о себе», но в то же время ее следует рассматривать как человеческий документ, представляющий огромный исторический интерес, содержащий информацию, которую может сообщить только тот, кто занимает соответствующее положение.

Автор – человек, принадлежащий к самой верхней прослойке российской интеллигенции (он был профессором социологии Петроградского университета, членом правительства Керенского в качестве его секретаря) – рассказывает в простой искренней манере о том, что происходило в России и что он сам видел и пережил. Его рассказ вполне убедителен, несмотря на то, что это произведение несет на себе отпечаток личности автора и в нем невозможно провести разграничительную линию между замечаниями и размышлениями автора, с одной стороны, и его переживаниями – с другой.

Автор постоянно жил в России вплоть до сентября 1922 г., когда он был выслан, и прошел через все мытарства, выпавшие на его долю при большевиках. С самого начала хаотических потрясений, вызванных революцией, он был свидетелем всего: и «ситуации, когда все дозволено», и коммунистического царства террора и массовых казней, и самоистребления народа в гражданской войне, и его вымирания от недоедания, тифа и голода, разрушения культуры и уничтожения всех представителей культурных сил страны. Сам он, как и многие представители его класса, был объявлен «контрреволюционером» и стал объектом охоты при игре в «кошки-мышки».

Блуждая «на лоне природы», он скрывался в лесах и деревнях, вел жизнь беглеца, лишенного еды и одежды, а потом и «отшельника», обреченного на «вечное одиночество и молчание»; наконец, он принял отчаянное решение (ведь «рано или поздно они схватят меня») и добровольно сдался «в лапы ЧК». Глава, в которой он описывает свое тюремное заключение – она называется «Красная месса» – и как оно выглядело и что он там пережил, ожидая казни, чем-то напоминает картины, которые Октаву Мирбо его воображение помогло нарисовать при описании кровавых ужасов в его страшной книге «Сад мучений» («Jardin des supplices»)[7*].

Только последняя – вымысел, а первая – реальный факт. Есть и другие главы в дневнике, которые не уступают вышеназванным. Содержание всей книги

больше похоже на описание ночного кошмара, чем реальной жизни. Таким образом, читателю покажутся естественными такие высказывания автора: «В этом глухом лесу мне открылась полнейшая бесполезность любой революции»; и далее: «Отныне я – не революционер, ибо революция есть катастрофа». Поскольку автор был членом старейшей российской партии социалистов-революционеров, которая боролась со старым режимом, используя против существовавшего в то время правительства приемы и методы насилия, эти его заявления приобретают особую значимость.

В ежедневной прессе этой страны было много сообщений об условиях жизни в современной России. Изредка свидетельства очевидцев появлялись и в периодических изданиях. Рассказ баронессы Марии Врангель[8*] о ее «Исходе из России», опубликованный в «Atlantic Monthly» в 1922 г., является одной из самых замечательных историй такого рода. Однако все эти публикации либо носили фрагментарный характер, либо относились к начальному этапу этого мрачного периода. Сравнительно мало публиковалось здесь русских беженцев, которые оставались под большевистским правлением в течение длительного времени. Книга профессора Сорокина – пока что единственное произведение, написанное на английском языке русским очевидцем событий, которое охватывает весь пятилетний период от начала революции до голода 1922 г. включительно.

Нынешнее поколение русских людей, пишет В. Маклаков, последний посол досоветской России во Франции, в своем очерке «Россия в 1900–1917 гг.», находится в особом положении[9*]. Для этого поколения все бывшее до революции, хотя это – происходило всего несколько лет тому назад, уже стало историей, и окончательный приговор этому уже вынесен. Но между тем временем и тем, что произошло после революции, лежит пропасть. Революция еще не стала историей, и ее современники пока еще даже не задумываются о приговоре истории. Они – жертвы революции, и такое их положение не гарантирует беспристрастности.

Нет сомнения в том, что будущий историк русской революции подойдет к книге профессора Сорокина именно с такой точки зрения. Но каким бы ни было его окончательное суждение, уже и сейчас совершенно ясно, что в «Листках из русского дневника» он найдет подтверждение фундаментальной идеи Токвиля. В нескольких словах идею известного историка французской революции можно сформулировать таким образом: революция, уничтожив все, что она хотела уничтожить и что, несомненно, распалось бы в прах само, не строит ничего нового; напротив, методы, которые употреблялись при монархическом режиме, вновь пускаются в дело, только теперь они становятся еще более жестокими.

(New York Evening Post. 1925, January 3)

СТРАНА БЕЗУМИЯ

Leaves from a Russian Diary, by Pitirim Sorokin
New York: E.P. Dutton & Company.

Modern Russian History, by Alexander Kornilov,
translated by Alexander Kaun. New York: Alfred A. Rnopf.

Fragments from my Diary, by Maxim Gorky
New York: Robert M. McBride & Company.

Leonid Andreev. A Critical Study, by Alexander Kaun
New York: B. W. Huebsch.

The Romance of New Russia, by Magdeleine Marx
New York: Thomas Seltzer.

Еще пять репортажей из дурдома под названием Россия. Правда, мадмуазель Маркс пытается доказать, что его обитатели вполне вменяемы, но ее доказательство бьет мимо цели: оно может убедить социалистов, либералов и других подобных им мечтателей, и никого больше. Горький, Сорокин и Корнилов гораздо более убедительны. «Я думаю, – пишет Горький, – что нет страны, где люди говорили бы так много, думали так бессвязно, беспутно, как говорят и думают они в России». Затем он приводит примеры – целую вереницу патологических случаев. Такое ощущение, будто присутствуешь на заседании американского медицинского колледжа. Сорокин рассказывает лишь свою собственную историю – невероятную повесть о том, как он прятался в русских лесах, а за ним по пятам неотступно следовали большевистские ищейки. Наконец, устав от этого трагического фарса, он сдался. Но Ленин, вместо того чтобы вздернуть его, выступил со статьей, в которой его похвалил! Где, кроме России, могло такое произойти? Позднее Сорокин бежал в Германию, а сейчас является профессором в университете Миннесоты, преподает социологию. Я только надеюсь, что юных представителей этого великого штата – Кнута и Оле – он учит не той социологии, которая преобладает в его родной стране.

Книга Корнилова посвящена истории России в XIX в., и доведена А. Кауном до 1916 г. Это долгая история отчаянных и, как правило, безрезультатных усилий привить некоторые элементы западной цивилизации стране, преимущественно варварской и азиатской. Эти усилия, оказывается, больше всех предпринимали

иностранцы, главным образом австрийцы и немцы. Война, начавшаяся в 1914 г., стала по существу попыткой избавиться от них. Тем не менее, по словам Кауна, местные ученые с энтузиазмом поддержали ее. Андреев, о котором он подробно пишет в отдельной книге, находился в авангарде этой патриотической шумихи. Но главным результатом войны стало полное уничтожение интеллигенции (некоторые из них, как Сорокин, убежали в леса и болота, другие, как Андреев, умерли с горя) и полное возрождение восточного деспотизма. Сегодня Россия находится на уровне культурного развития Персии. Даже Турция, Португалия и Румыния являются странами более цивилизованными, чем она.

(The Library. 1925, January, p. 127)

Лоуренс Мартин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ СОЦИОЛОГА

По университетскому городку университета Миннесоты прогуливается сегодня профессор социологии, который пережил величайшую социальную революцию всех времен и народов, который участвовал в формировании кабинета правительства, был секретарем Керенского, десятки раз смотрел смерти в лицо и видел ее во всех ее мыслимых и немыслимых ужасах. Этот человек, Питирим Сорокин, наконец обнародовал свой дневник, который он вел в эти страшные годы.

Как история или как социология, он имеет два явных дефекта: он написан с явно антибольшевистской позиции, и, несомненно, отредактирован и подретуширован. Г-н Сорокин утверждает, что начал писать эту книгу, опираясь на свои дневниковые записи и на свою память, в ноябре 1923 г., когда прибыл в эту страну.

Удивительная правота дневниковых пророчеств и предчувствий – вот главное свидетельство ретуши. Впервые увидев Ленина и Троцкого, он сразу же понимает, что эти люди далеко пойдут.

Дневник начинается с января 1917 г. На третьей странице уже разворачивается революция, и вот ее причина: «Русскую революцию начали голодные женщины и дети, требующие хлеба и селедки». Г-н Сорокин, профессор социологии в Петрограде, – сторонник буржуазной республики; а коммунизм и даже социализм для него – анафема. Вот почему он не может сказать ни одного доброго слова ни о ком из большевиков. Ленин – «отталкивающая личность», его лицо напоминает ему «лица прирожденных преступников из альбома Ломброзо». Он пробуждает «самые низменные животные инстинкты у бездумных масс». Троцкий – это «театральный бандит». Зиновьев – «отвратное создание». «В его писклявом бабьем голосе, в его лице и жирной фигуре есть что-то отвратительное и непристойное; это редкий моральный и умственный выродок».

Несмотря на предвзятость (вполне законную, конечно, если учесть, что пришлось пережить проф. Сорокину), очевидно, что большевики были единственной партией, которая имела хоть какую-то программу, а также способность и решимость эту программу реализовать. Может быть, их программа была отвратительной и дьявольской, но непростительная слабость Керенского, этого «русского Гамлета», ведущего страну в пучину хаоса, способствовала тому, что успех большевиков стал неизбежным.

Г-н Сорокин рассказывает о тревожных телеграммах, сообщавших «о забастовках на заводах, солдатских бунтах и анархических настроениях среди крестьян». Будучи секретарем Керенского, он все эти сообщения передавал ему, «однако пользы от этого почти никакой, так как Керенский практически не занимается конструктивной работой, а вместо этого составляет резолюции, с которыми правительству нечего делать. Колеса государственной машины крутятся вхолостую. Иногда я чувствую симпатию к Керенскому, иногда злюсь на него... Он некомпетентен, безволен, не имеет четкой позиции. Он ничего не знает об искусстве управления и воображает, что делает большое дело, когда пишет бумажные планы по отмене смертной казни в условиях войны и революции… Он, по-видимому, упивается сознанием собственной чистоты, человечности и высокого идеализма».

Г-н Сорокин пересказывает старую байку о том, что большевиков финансировала Германия. Правда, сам он ничего не знает, а просто передает слух. «Распространяется слух, что они подкуплены германским штабом для того, чтобы подстрекать Россию к гражданской войне». Позже Троцкий нанимает богатые апартаменты в Петрограде, большевистские чиновники становятся толстыми и холеными, а их жены обвешиваются драгоценностями.

В этом автобиографическом повествовании драматических эпизодов больше, чем в каком-нибудь романе Джозефа Флетчера[10*]. Зимний дворец, где скрывались члены Временного правительства, был окружен большевиками и обстрелян с военного крейсера «Аврора». «Отчаянное сопротивление атаке большевистских войск оказывали женский батальон и отряд юнкеров, да еще министр Коновалов призывал на помощь по телефону. Несчастные девушки и несчастные парни – положение их было безнадежно, и мы понимали, что озверевшие матросы после взятия дворца, скорее всего, порвут их на куски. Что мы могли сделать? Наскоро посовещавшись, мы приняли решение, что все мы… должны организовать шествие к Зимнему дворцу и предпринять все возможное для спасения министров, женщин-солдат и юнкеров. Мы уже приготовились идти, когда прозвучал телефонный звонок и в трубку прокричали:

– Ворота Дворца взяты. Началась бойня… Скорее! Толпа уже захватила первый этаж. Все кончено. Прощайте… Они ломают дверь. Они…»

<Некоторые эпизоды рассказаны[1]> с неподражаемой иронией. «Вот выступает большевик, одетый в солдатскую форму, а на груди у него сияет медаль. Он страстно поносит царя, аристократов, офицеров, громко призывает к отмене всех наград и привилегий, всех знаков различия.

– А что же ты сам носишь медаль на груди? – поинтересовался кто-то.

– О, эта медаль – совсем другое дело, – ответил оратор. – Мне ее сам царь вручил за военную службу».

[1] Текст газеты поврежден, фраза восстановлена по смыслу.

Автор вместе со всеми смеется над этим простым солдатом, но некоторая доля такой же наивности есть и в следующем высказывании: «На учительской конференции (где речь самого Сорокина “вызвала большой патриотический подъем”) пытался выступить и Ветошкин, но публика отказалась его слушать. Слава Богу, люди здесь более вменяемы, чем в Петрограде».

Бесподобно сочетание иронии и пафоса в тюремных сценах. В петроградскую Бастилию большевики согнали «выдающихся» узников. Когда прибывает новая партия профессоров, экс-министров и аристократов, заключенный Авксентьев, бывший министр внутренних дел, встречает их возгласом: «Представители суверенного народа, добро пожаловать в храм свободы». Они занимаются гимнастикой, им дают свет, разрешают принимать посетителей, но только в определенные часы. Надзиратель каждому из них приносит на день кипяток, в котором плавает немного капусты и кусочек мяса, сахар, чай и четверть фунта хлеба. Время от времени друзья контрабандой получают интересные известия.

(Chicago Evening Post. 1925, January 30)

Луис Ветмор

LEAVES FROM A RUSSIAN DIARY, BY PITIRIM SOROKIN

Русский менталитет отличается от европейского так же, как китайский. До войны 1914–1918 гг. нас заморочили целым рядом книг, авторы которых пытались нам доказать, что русский народ относится не к Востоку, а к Западу. В течение многих лет классическая работа д-ра Уоллеса о России[11*] была главной книгой (на английском языке), отстаивающей эту несостоятельную точку зрения. Затем, когда популярность этого толстого тома прошла, Стивен Грэхем снабдил нас серией книг, проникнутых сентиментальностью, которые ставили своей целью изобразить русского крестьянина как мягкую и простую душу, преисполненную своеобразным христианским мистицизмом, единственным в современном мире наследником учения Христа[12*]. Перед нашими глазами прошла вереница русских странников, благочестивых и святых, связанных с теми, чьи благородные души принесли обратно в материалистический мир христианскую веру и практику. Во время войны Г. Уэллс развил этот миф о русских, мыслящих по-западному, написав чрезвычайно невежественную и пропагандистскую книгу, в которой главной мыслью было то, что революционный русский почти во всем походит на современного англичанина![13*] До этого бывший сенатор Беверидж (Beveridge) написал книгу, доказывавшую, что русское продвижение в Азию было на самом деле продвижением западной цивилизации[14*]. Русская революция стала, по крайней мере на время, закрытой главой в интерпретации русской ментальности как западной, и чтение «Листков из русского дневника» профессора Сорокина избавляет раз и навсегда от сладких капризов Стивена Грэхема, рассматривающего духовную красоту русской крестьянской души. Революция ясно доказала, что масса русского народа жестока и звероподобна и что русский крестьянин имеет столь же слабое представление об истинно христианской духовности, как и последователи некоторых из наших американских «измов». Довольно трудно западному человеку, человеку европейской культуры понять русского. Тот, кому доводилось тесно общаться со многими русскими, от графа Витте до несчастных беженцев, осевших ныне в Швейцарии, Франции и Америке, вынужден будет признать, что, независимо от образования, они имеют склонность к крепким напиткам, очень сладкому чаю при полном непонимании того, что западный человек называет словом «мораль». Вообще, преобладающее чувство, которое русский, со своей вечной тягой к исповедальности в речах и литературе, пробуждает в западном человеке – это глубокое раздражение. Рос-

сия – это Восток и останется Востоком. Внешний лоск западной культуры, который Петр Великий и его продолжатели придали некоторой части русского дворянства, не открыл Россию для Европы, а открыл Европу для некоторых русских, которые достаточно богаты, чтобы каждый год проводить несколько месяцев в Париже и на французской Ривьере. Масса русского народа остается полностью вне воздействия западных идей.

Лучшим средством, способным создать впечатление о том, что русский народ действительно мыслит по-европейски, является, по-видимому, художественная литература. Следует, однако, отметить, что единственный англоязычный писатель, дающий подлинное представление о русском уме, это Хью Уолпол, автор романов «The Dark Forest» и «The Secret City»[15*]. И еще Джозеф Конрад в романе «На взгляд Запада» (Under Western Eyes); но Конрад сам был славянином[16*].

Профессор Сорокин, будучи русским, приводит в своей книге некоторые любопытные подробности о революции и русском характере. Он показывает нам противоречия и безнадежный хаос первых дней революции, когда все политические партии, за исключением большевиков, тратили драгоценные часы на бесконечные разговоры – эту неизменную русскую слабость. Большевики действовали, причем действовали, исходя из простой идеи, что самый легкий путь к власти – это убийство любого, кто стоит на пути к ней. Они остаются у власти и по сей день, благодаря неукоснительному следованию этой программе.

Интересно отметить, что большевики инстинктивно осознают, что главный их враг – это католическая церковь. Русская православная церковь есть гроб повапленный, государственное учреждение, как духовная сила в России совершенно неэффективна, при царизме ее могущество опиралось на полицию и ту защиту, которую оказывает грубое суеверие. Мы, помнится, слышали, как Артур Рэнсом[17*] уверял Сесила Честертона[18*] в том, что русское православие самое удобное для тех, кто к нему принадлежит, потому что оно никогда не связывало религиозные обряды, такие как месса или паломничество в те или иные места, с моральной практикой. В то время мы усомнились в этих словах, полагая, что они вызваны его инстинктивным «антиклерикализмом», но революция показала нам истинность его утверждения. Капитан Френсис Мак-Куллох в своей книге «Bolshevik Persecution of Christianity» доказывает, что большевики сознательно ставили перед собой цель любыми средствами уничтожить христианство в России. По всей России православных священников убивали сотнями, зачастую безо всякого суда или же с жалким подобием суда. Затем трагическая очередь дошла до монсеньора Будкевича[19*], кардинала Цепляка[20*] и католического духовенства. Большевики осознавали, что единственным настоящим противником Красного Интернационала является другой великий Интернационал – вселенская и универсально-демократическая католическая церковь. Любопытно отметить тот факт, не замеченный, кажется, ни одним из авторов, пишущих о европейских

делах и событиях, что большевизм был побежден в Европе организованной силой католицизма в четырех католических странах: в Баварии, Венгрии, Польше и Италии.

Большевизм потерпит поражение, поскольку он не способен увлечь за собой крестьянство. Нынешнее советское правительство совершенно неспособно выработать свою широкую и основополагающую программу национализации земли. Большевистские пропагандисты могут заявлять о том, что в России земля национализирована, и в теории, может быть, так оно и есть. Но не на практике. Русский крестьянин всегда считал землю своей неотъемлемой частной собственностью. Он и сейчас так считает; и вот это его глубочайшее чувство и страстное желание распоряжаться землей как своей собственностью большевизм должен будет пресекать.

Книга профессора Сорокина стоит того, чтобы ее прочесть, даже если допустить, как мы и допускаем, что при описании некоторых персонажей и политических движений в России она иногда пристрастна. Будучи секретарем Керенского (этот чрезвычайно неадекватный джентльмен сейчас живет и бедствует в Берлине, где издает антибольшевистскую газету, тираж которой составляет несколько сотен экземпляров), профессор Сорокин многое видел, еще больше слышал и был, по крайней мере, некоторое время в состоянии наблюдать и понимать странный ход русской революции.

(The Commonweal. 1925, March 4, pp. 469–470)

[LEAVES FROM A RUSSIAN DIARY, BY PITIRIM SOROKIN]

«Ведение дневника есть чистой воды ребячество, однако в данном случае это может быть делом весьма полезным даже для серьезного человека», – пишет Питирим Сорокин в своем предисловии к «Листкам из русского дневника» (изд-во «Dutton»). Ребячество вполне доказало свою полезность. Книга получилась информативной и значимой, поскольку является живым рассказом очевидца об условиях жизни в сегодняшней России. Г-н Сорокин, бывший секретарь Керенского и редактор газеты «Воля народа» (революционного органа печати), авторитетно заявляет: «Если будущие историки станут искать зачинщиков русской революции, пусть они не выдвигают какую-нибудь замысловатую теорию. Русскую революцию начали голодные женщины и дети, требующие хлеба и селедки». Исходя из этой предпосылки, г-н Сорокин и ведет свой рассказ и бесстрастный анализ революции. Содержание и читабельность «Листков из русского дневника» позволяют от всей души рекомендовать книгу и коммунистам, и аристократам, и тем, кто стоит на распутье.

(The Bookman. 1925, March)

КАК РОССИЯ ПОТЕРПЕЛА КРАХ

Об истории крушения России уже написано несколько интересных книг разными наблюдателями, но ни одна из них не является столь живой, как «Листки из русского дневника» Питирима Сорокина, сыгравшего значительную роль в социальной революции, которая вынесла Керенского на передний план. Когда во главе революции встали большевики, Сорокин оказался в списке их врагов, за ним развернулась повсеместная охота, его дважды арестовывали, один раз приговорили к смерти, но в конце концов ему удалось спастись благодаря вмешательству одного его бывшего студента, имевшего большой вес в советских кругах. Его рассказ представляет собой удивительную историю, поскольку изложена она в виде дневника, каждая запись в котором могла оказаться для Сорокина последней. В общем история большевистского переворота рассказана примерно так же, как и другими – как история беспощадной бойни. Но Сорокин был секретарем премьер-министра Керенского, пустослова и мечтателя; и в некоторых своих записях он показывает, насколько этот человек был недальновиден. Керенский не несет ответственности за эту ужасную трагедию, и тем не менее она не произошла бы, не будь он таким бесплодным мечтателем. Он был человеком с самыми лучшими побуждениями, и, хотя он не был красным, Ленин и большевики воспользовались им самым эффективным образом. Их вполне устраивало, что Керенский оставался на посту премьер-министра, произнося речи и предаваясь мечтаниям, пока они не закончат все свои приготовления. Потом наступило одичание. Но Керенский, даже столкнувшись с разрухой, беспомощностью и безнадежностью, готов был уверять участников Демократического совещания в том, что правительство способно подавить любой мятеж и поддержать правопорядок в стране. Тем самым он позволил Ленину и его соратникам подготовить взрыв, потрясший всю Россию. Профессор Сорокин (сейчас он профессор социологии в университете штата Миннесота) рассказывает удивительно яркую историю, страшную историю человеческой бессмыслицы и человеческой дикости; но это одна из тех историй, которую особенно должны прочитать политики. Тогда они поймут, почему Ленины закономерно приходят на смену Керенским.

(The Courier. Brisbane, Queensland. 1926, January 16)

Рета Чайлд Дорр[21*]

СОВЕТСКИЙ РАЙ С БЛИЗКОГО РАССТОЯНИЯ

«Листки из русского дневника» проф. Питирима Сорокина – нечто большее, чем «еще одна книга о русской революции». Более четко, чем все журналистские репортажи, мемуары, личные рассказы и впечатления, которые уже появились в печати, она отвечает на два непонятных вопроса: почему большевизм, хотя это учение разделяет ничтожная кучка людей, до сих пор сохраняет свою убийственную власть над более чем ста миллионами несогласных с ним людей? Как в действительности существуют под властью коммунистов науки, искусства, литература? Профессор Сорокин, как никто другой, способен ответить на оба этих очень спорных вопроса. Он был одним из тех выдающихся ученых, которые не захотели бежать от красного террора, но оставались на своих постах до тех пор, пока большинство из них не были убиты или не умерли от голода или тифа. Сорокин не только продолжал свою работу в университете, но и принимал активное участие в политике. Его дневник, начатый без каких-либо видов на его публикацию в будущем, представляет собой ежедневную хронику почти всех событий, происходивших в России с 1917 до конца 1922 г., когда он вместе с группой других мужественных людей был изгнан из Советского рая просто потому, что власти в тот момент уже пресытились кровью, чтобы убивать еще кого-нибудь.

В 1917–1922 гг. Питирим Сорокин возглавлял кафедру социологии Петроградского университета, был профессором социологии в сельскохозяйственной академии и в Институте народного хозяйства, а также возглавлял отделение социальной рефлексотерапии в научно-исследовательском Институте мозга. Еще до 1917 г. он был известен как автор нескольких книг по социологии, а в течение последующих четырех лет голода и борьбы успел написать «Систему социологии», «Социологию революции» и замечательный труд о «Влиянии голода на человеческое поведение». «Социология революции» уже переведена и скоро появится в Соединенных Штатах.

Как и многие другие русские интеллектуалы, профессор Сорокин был членом партии социалистов-революционеров и в ранней юности познакомился с царской тюрьмой. Когда произошла революция, он с головой ушел в работу по выработке для страны либеральной конституции. Он был делегатом первого Петроградского совета и получил предложение занять пост в правительстве Керенского. Он, однако, предпочел стать личным секретарем диктатора, которого он и жалел, и презирал, в надежде, что послужит России, направляя вечно колеблющуюся политику Керенского. Надежда оказалась тщетной. Направлять Керенского было не проще, чем ориентироваться в тумане. Он мог препятство-

вать и препятствовал многим честным усилиям Корнилова и других патриотов, направленным на то, чтобы дисциплинировать армию и подавить чернь. Корнилов покончил жизнь самоубийством. Многие другие руководители были убиты. Некоторые впали в безнадежное отчаяние. В то время как либеральные круги все дальше и дальше удалялись друг от друга, большевистское меньшинство консолидировалось вокруг своих фанатичных и беспринципных вождей. Как всегда в таких случаях, меньшинство одержало верх. Этот роковой раскол интеллигенции в сочетании с тем, что Сорокин называет «проклятой пассивностью» русского народа, стали причиной торжества большевизма и того, что господство коммунистической тирании продолжается до сих пор.

Чтобы преодолеть инерцию людей, надо было приложить героические усилия. Издавались газеты, призывавшие их бороться за Учредительное собрание. И когда в январе 1918 г. они сплотились и были разогнаны пулеметами, решено было перенести всю пропаганду на крестьян. Вся эта деятельность Сорокина и его товарищей была расценена как преступная. Несколько месяцев они скрывались в диких лесах, питаясь ягодами и грибами, а на них шла охота, как на зверей, и многие из них были схвачены и расстреляны. Голод и холод в конце концов вынудили Сорокина сдаться в руки ЧК, которая быстро приговорила его к смертной казни. После нескольких недель почти невероятные ужасов, пережитых в тюремной камере, в которой люди предпочли бы умереть от тифа, чтобы избавиться от страданий, Сорокина выручили его бывшие студенты, ставшие коммунистами.

Лишенный почти всего, он вернулся к своей работе в университете. Преподаватели, будучи людьми «второй категории» с точки зрения полезности государству, получали паек, которого едва хватало на то, чтобы не умереть. Если бы крестьяне не привозили контрабандой продовольствие в Петроград, все, кроме самых сильных, пишет Сорокин, должно быть, умерли бы в считанные недели. Питьевую воду, кишащую болезнетворными микробами, каждый раз приходилось кипятить на самодельной железной печи, бесполезные карточки на топливо годились только для разведения огня. Преподаватели и студенты вынуждены были работать весь день, так что занятия шли по вечерам в неотапливаемых и неосвещенных помещениях.

«Я читал лекции в темноте и почти не видел слушателей. Когда мне надо было заглянуть в свои записи, я просил: “Кто так богат, что одолжит мне свечной огарок?” Обычно кто-нибудь одалживал мне крохотную свечку, которую я старался поскорее задуть; студентам, которые вели свои записи в темноте, иметь чуть-чуть света было совершенно необходимо, чтобы учиться. Несмотря на все препятствия, в том числе и постоянный голод, студенты ухитрялись добиваться почти таких же успехов, как в нормальное время. Я говорю о тех старых студентах, которые вернулись в университет после войны. У нас была группа и новых студентов, направленных Луначарским (наркомом просвещения), который распорядился, чтобы пролетарских детей зачислили в университет без экзаменов. Мы называли их студентами “нулевого курса” и проводили с ними дополнительные занятия».

Именно эти «нулевые» студенты и вызывали восхищение иностранных визитеров и вдохновляли их писать хвалебные оды высшему образованию, которое впервые стало доступным широким массам русского народа. Беда системы состояла в том, что коммунисты сделали жизнь профессорско-преподавательского состава невыносимой. Многие были расстреляны как «контрреволюционеры», другие были заключены в тюрьму, а больше всего было тех, что умерли, либо покончив жизнь самоубийством, либо став жертвой невыносимых условий. Иногда дневник Сорокина читается как страшная история погибающего мира:

«Ça ira! Несколько дней назад покончил с собой профессор Хвостов…

Профессор Иностранцев вчера принял цианистый калий…

Так умерли видный философ и самый знаменитый геолог России…

Профессора Розин, Дьяков, двое Волковых, Вильев, Капустин, Покровский, Батюшков, Кулишер, Острогорский, Каринский, Арсеньев умерли один за другим; остальные умирают. Умирают от тифа, от гриппа, от воспаления легких, от холеры, от голода – от всех семижды семидесяти казней египетских. Друг, которого сегодня видишь живым, назавтра умирает. Наши факультетские собрания мало чем отличаются теперь от поминальных речей в честь усопших коллег. Закрывая одно из таких собраний, ректор Шимкевич обратился к нам с мрачной шуткой:

– Господа, – сказал он, – прошу вас, не спешите так умирать. Умирая, вы себе делаете облегчение, а нас озадачиваете кучей проблем. Вы знаете, как трудно сейчас доставать для вас гробы; вы знаете, что нет лошадей, чтобы доставить на кладбище ваши бренные останки; и вы также знаете, как дорого стоит выкопать могилы для вашего вечного успения. Прошу вас, пожалейте же своих коллег и постарайтесь жить как можно дольше».

Сорокин был одним из тех упрямцев, которые предназначены не только для того, чтобы жить, но и для того, чтобы из своих страданий выплавлять золото для мира научных исследований. Испытавший на себе, что такое голод, он провел тщательное исследование рефлексов голода у отдельных людей и социальных групп. Это было трудно, говорит он, потому что чем больше он размышлял о голоде, тем сильнее испытывал голод, тем больше его мучили сны об обильной еде. Будучи каждый день под угрозой смерти не только от лишений, но и от ищеек ЧК, он продолжал писать свои книги, которые, как он надеялся, может быть, сохранятся после его смерти. Не довольствуясь подручным материалом, полученным в опустевшем городе, он отправился в районы, где в 1921 г. от голода погибли миллионы людей. Об этом голоде и его причинах он говорит словами старой пословицы: «Неурожай – от Бога, голод – от людей». Страшный голод в России был следствием коммунистического ограбления крестьян, реквизиции зерна, даже посевного, в засушливых районах, выхода из стоя системы железнодорожного сообщения, так что невозможно было перевозить продукты и оказывать систематическую помощь. Представители интеллигенции, пытавшиеся оказать помощь и организовавшие комитет помощи голодающим, были арестованы, и некоторые из них расстреляны за обычное тогда преступление – контрреволю-

цию. Когда Сорокину запретили дальнейшее преподавание, он с одним своим сотрудником отправился в Самарскую и Саратовскую губернии для изучения голода. Но здесь ученый потерпел неудачу. Слишком велики были увиденные им ужасы. Испытав нервное потрясение от увиденного, Сорокин уехал, получив от этой поездки не столько как ученый, как «человек и как враг группы людей, способных причинять такие страдания роду человеческому».

Каждому, кто любит читать великие произведения художественной литературы, лучше было бы почитать Сорокина: рассказ о сумасшедшем старике в умирающей деревне, который каждый день в определенные часы звонит в церковный колокол, веруя в то, что мир услышит его и придет на помощь. И помощь пришла. «Этот сигнал SOS, который сумасшедший крестьянин послал во все концы земли, был услышан. Он пересек океан, ударил в сердца великого американского народа и принес помощь и спасение от мучительной смерти по крайней мере десяти миллионам мужчин, женщин и детей».

Когда Сорокин покидал Россию, университет был полностью большевизирован. Указ комиссара Ротштейна гласил, что свобода мысли и научных исследований есть буржуазный предрассудок; что все профессора, преподаватели и писатели должны преподавать и писать в полном соответствии с марксистской и коммунистической теорией; и что те, кто не согласен с этим, будут уволены. Факультет отказался выполнить эти условия, поэтому выборные деканы были заменены коммунистическими профессорами, а к ректору – самому выдающемуся зоологу России – приставлен специальный комиссар, еврей-первокурсник по фамилии Цвибак. Матроса Балтийского флота назначили деканом факультета юридических и социальных наук, и новый преподаватель заявил, что все буржуазные науки не заслуживают ничего, кроме презрения.

Сорокин и около сотни других ученых были высланы. Прожив около года в гостеприимной Чехословакии, автор «Листков из русского дневника» приехал в Соединенные Штаты, куда его пригласили читать лекции в университетах и летних школах. Полгода назад он получил должность профессора в университете Миннесоты, где в безопасности он может писать, основываясь на своем чрезвычайно богатом опыте, о нисходящем прогрессе той экспериментальной вивисекции, какую коммунисты производят над телом России. И как ни жаль, что этот эксперимент оказался столь растянутым по времени, но если бы коммунистам настал скорый конец, то они воспринимались бы как мученики, пытавшиеся создать новый социальный строй, но погибшие прежде, чем их учение обнаружило свою ошибочность.

«Из всех возможных вариантов конца, на который они обречены, им достался самый неудачный: постепенный, медленный распад. Им суждено уничтожить свой идеал своими же собственными руками, продемонстрировать его миру во всей его гнилости и со всеми его ужасами; а самим все глубже и глубже погрязать в трясине коррупции, алчности, преступности и скотства, громоздить все более и более высокие горы трупов. Какой еще конец может быть ужаснее этого?»

(The Literary Digest International Book Review. 1925, pp. 187–188)

C. V. D.

РУССКИЙ ЖИРОНДИСТ

Питирим Сорокин, в настоящее время профессор социологии в университете Миннесоты, оставив свои научные занятия в 1917 г. при Временном правительстве, стал секретарем Керенского. Сначала он был умеренным, хотя и понимал слабости своего руководителя. Но умеренность в тех условиях, в каких оказался г-н Сорокин, не то качество, которое помогает выживанию. Население России обезумело, а то крыло, которое представляли собой большевики, находилось во власти доктрины. В течение страшных 4 лет он был сначала узником, потом беглецом, скрывавшимся в дремучем лесу, затем профессором в коммунистическом университете Петрограда, и все это время он находился под подозрением и в опасности. Этот документ, составленный на основании дневниковых записей, один из самых драматичных среди тех, что когда-либо были написаны о революции. Его ненависть к диктатуре безмерна и, несомненно, послужит усилению позиции госсекретаря Хьюза[22*]. Совершенно независимо от своих непосредственных политических заданий, книга г-на Сорокина вызывает бесконечные вопросы, такие как: достигалось ли что-нибудь и когда-нибудь с помощью революции; бывало ли так, что умеренные, когда революция побеждала, имели хоть малейший шанс не стать ее жертвой; и, конечно же, есть ли в мире такая наука об управлении, которая могла бы спасти страну во время кризиса без того, чтобы ее граждане испытали чудовищные страдания? Г-н Сорокин касается этих вопросов как пристрастный участник событий, который в то же время является и ученым, но не дает на них исчерпывающего ответа. Его выводы носят гуманный, но неконструктивный характер и исчерпываются словами, имеющими универсальное применение: «жестокость, ненависть и несправедливость никогда не были и никогда не будут способны построить на земле Царство Божие». Так думают и в это верят все хорошие люди, но хороших людей не меньше, чем плохих, косят бесконечно жестокие взмахи маятника глупости, который движется взад-вперед между революцией и реакцией.

([?], p. 286–287)

[О «ЛИСТКАХ ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА» ПИТИРИМА СОРОКИНА]

The World: Дневник представляет собой замечательный человеческий документ – рассказ о терроре и тюремном заключении, о холодном и полуголодном укрывательстве в лесах, о жизни в шалашах и на чердаках. Ничего столь же яркого нет о французском терроре. Здесь мы наблюдаем интеллигенцию (Intelligentsia) и становимся свидетелями ее мученичества.

The Christian Advocate: Здесь есть страницы, которые похожи на окно в топке печи, охваченной языками пламени… Мы видим, какой ужас творился на улицах в те беспокойные дни, какая нищета царила в домах, видим взлеты и падения сменяющих друг друга претендентов на власть… Доктор Сорокин выпустил книгу, которая, вероятно, навсегда останется ценным источником информации о тех событиях, что в ней описываются. Но это и нечто гораздо большее, чем историческое описание. Это столь же яркое повествование о приключениях человека в чрезвычайных условиях, как и те, что когда-то выходили из-под пера Конрада и Стивенсона.

The Saturday Review: Профессор Сорокин является не представителем пресловутой русской аристократии, а интеллектуалом, видным представителем той социальной группы, которая в России называется интеллигенцией, и человеком, который мужественно боролся против царя и царизма на протяжении всей своей плодотворной жизни. Он – один из тех, кто составляет гордость русской науки, убежденный либерал, моральная чистота которого никогда не ставилась под сомнение. Можно абсолютно верить тому, что он пишет и говорит... Его «Листки из русского дневника» – замечательная книга.

Клод Дж. Бауэрс[23*]: Профессор Сорокин, член Думы, секретарь Керенского, дает нам графическое изображение революции... Ленин спас его от расстрела с целью использовать его как преподавателя, и те главы его книги, в которых рассказывается об обращении с интеллигенцией, просто убийственны… Его книга – замечательный человеческий документ.

Эрнест Писко

РУССКИЕ ГАМЛЕТЫ

За исключением последней главы, «Тридцать лет спустя», это перепечатка без изменений книги, изданной в 1924 г. Ее автор, родившийся в России гарвардский социолог Питирим Сорокин, был профессором Петроградского (Ленинградского) университета, когда в феврале 1917 г. разразилась русская революция. О том, что в этом перевороте большевики не играли практически никакой роли, – об этом факте сейчас почти все слишком часто забывают.

Среди людей, которые свергли царизм, были представители разных взглядов: от умеренных консерваторов до социал-демократов и радикальных аграрных реформаторов. По своим политическим и социальным взглядам они были диаметрально противоположны большевизму. Их лидеры по своим моральным убеждениям превосходили Ленина. Но они не были едины и решительны. Это были русские Гамлеты, архитекторы воздушных замков, которые не знали, что такое кирпич, даже если спотыкались об него. Это были говоруны, а не люди дела. И поэтому они проиграли. Ибо массы, зачарованные картиной разрушенных традиций и песнями сирен о всеобщей свободе, устремились за теми, кто самым решительным образом решил покончить с прошлым.

Автор дневника рисует яркую картину этого процесса. Будучи редактором одной из ведущих антибольшевистских газет, членом нескольких правительственных комитетов и в течение некоторого времени личным секретарем премьер-министра Федора <sic!> Керенского, он мог с близкого расстояния наблюдать, как среди его соратников усиливались разногласия и росла разобщенность и как соотношение сил изменилось в другую сторону. Он также дает некоторые яркие описания революционной толпы, которая разлилась по улицам Ленинграда, грабя и разрушая все на своем пути.

Дважды арестованный после того, как Ленин захватил власть, и дважды освобожденный благодаря вмешательству высокопоставленных друзей-большевиков, профессор Сорокин был включен в 1922 г. в список тех русских «неисправимых» ученых, которых Троцкий приказал выслать, чтобы избежать необходимости их казнить. Этот факт, так же как рассказ автора о днях, проведенных им в тюрьме, ярко свидетельствует об изменениях Советской внутренней политики, произошедших в течение последних 30 лет. После того, как в 1929 г. был выслан сам Троцкий, не было ни одного «неисправимого», которому разрешили бы покинуть Советский Союз.

Как рассказ очевидца о первоначальных месяцах беспорядочного брожения и проволочек и о годах становления советской власти, книга ничуть не утратила своего первоначального эффекта. Но в другом отношении эти дневниковые листки, по-видимому, безнадежно устарели. Оба прогноза автора – о том, что Россия под большевистским правлением придет в упадок, и о том, что режим будет свергнут изнутри, – до сих пор не сбылись.

В заключительной главе, написанной в последние месяцы, профессор Сорокин стремится обосновать свое прежнее мнение, заявляя, что большевистская революция достигла «величайшего успеха как могильщик... распадающегося социально-культурного порядка» и потерпела «колоссальный провал в качестве конструктивной творческой силы». Это интересная, но чисто умозрительная точка зрения, основанная на его зачастую произвольной трактовке фактов. Как и в своей более ранней книге «Реконструкция гуманности», автор еще раз доказывает, что он мощный проповедник бескомпромиссно идеалистической философии. И снова, как и прежде, он отказывается учитывать медленные и глубокие изменения в жизни общества – любого общества, – вызванные течением времени.

(Magazine Section. 1950, March 23, 1950)

ПРИЛОЖЕНИЯ

II. РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ «СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ»

The Sociology of Revolution. By Pitirim A. Sorokin.
Philadelphia: J.B. Lippencot Co. 1925.

В. Власьев

ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

Из цикла лекций проф. П.А. Сорокина на тему «Социология революции»

В Праге, в помещении русско-чешской земледельческой Едноты, перед отъездом проф. П.А. Сорокина в Америку состоялась лекция на указанную выше тему. Лектор указывает на необходимость детально и объективно ознакомиться с сущностью революции вообще, так как человечество с 1914 г. вступило в полосу социальных кризисов, когда одни народы захвачены революцией, а над другими носится ее тень.

Рассмотрению существа революции было предпослано указание на ложность большинства определений революции, каковые можно разделить на две группы:

1) «шоколадно-сладкие»;

2) «уксусно-кислые».

Первые определения идеализируют революцию. Так, Бернштейн считает, что революция существует там, где объем свободы увеличивается. По мнению проф. Сорокина, ни одна революция объема свободы не увеличивала, а увеличивала объем зверств, пыток и убийств.

Отнесение этих явлений к реакции неправильно, так как реакция есть неизбежная, неотъемлемая часть революции, и, понося реакцию, хулят саму революцию.

Вторые определения, отрицательно относясь к революции, идеализируют реакцию, как бы идущую на смену революции, забывая, что реакция есть один из этапов революции, и, хваля реакцию, тем самым хвалят революцию.

Переходя к рассмотрению существа революции, лектор устанавливает следующую схему.

Революционный процесс характеризуется:

1) психическими изменениями революционного общества;

2) биологическими изменениями;

3) изменениями в структуре общества;

4) изменениями самих социальных процессов.

Проф. Сорокин останавливается на проблеме изменения настроений людей, их психики во время революции.

В XVIII в. рационалисты идеализировали человека, считая, что зло лежит не в природе человека, а в окружающей обстановке. В действительности же по

природе своей человек – существо не альтруистическое и разумное, а слепое и хищнически-эгоистическое.

По исследованиям ученых, психика человека определяется (в %) наследственностью – от 60 до 90%, средою и воспитанием – от 40 до 10.

В нашей жизни роль знания и сознания невелика; нами управляют слепые инстинкты; разум же только тонкая пленка, сдерживающая лаву слепых инстинктов. По словам Паскаля, «человек – это дьявол, покрытый одеждою ангела».

Только веками выработанные сдержки поддерживают равновесие между социальными и антисоциальными инстинктами. Это равновесие нарушается, когда ущемляются основные инстинкты у массы членов данного общества. Это основная причина революции. Второй причиной является дегенерирующее правительство. Характерные черты изменения поведения людей во время революции проявляются в изменении черт поведения у всей массы и ниспадении «культурной одежды» с человека. Его поведение определяется чисто биологическими импульсами. Начинается «растормаживание» от прежних тормозов: религии, морали, права и пр.

В итоге, в 1-ом периоде революции люди выступают «распоясавшимися», без психических тормозов; отсюда создается стихийная сила, все сносящая.

Во 2-ой период революции благодаря дикой игре биологических импульсов начинается или гибель общества, или «торможение», выражающееся в прививке обществу «социальных тормозов». Это вторая часть революции – реакция, когда надевают на революционное общество смирительную рубашку.

После бешенства наступают апатия, изнеможение. Касаясь русской революции, лектор указывает, что Россия уже года два находится в апатично-отдыхающем состоянии.

Во втором периоде накладываются «социальные бандажи», под которыми нарастают естественные ткани социальных импульсов. Когда же последние в достаточной степени нарастут, бандажи снимаются, революция кончается и начинается нормальный период общественной жизни.

Далее автор подробно останавливается на характерных явлениях в области психики революционного общества, сводящихся к ослаблению речевых импульсов (бесконечные речи), половых (колоссальная половая распущенность, характеризующая революции у всех народов) и импульсов подчинения и властвования.

(Студенческие годы. Прага, 1923, № 6–7, октябрь–ноябрь, с. 31)

У.К. Абботт

ПЛОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Со времени выхода в свет труда Лебона не было столь замечательного и интересного, а в равной степени и столь же поучительного исследования, посвященного той великой социологической теме, какой посвящена эта книга, и профессор Сорокин превзошел своего французского предшественника, поскольку испытал революцию на собственном опыте. Он работал, так сказать, в лаборатории революции. Правда, он не мог записать все свои выводы, находясь в этой лаборатории, и, только оказавшись в более благоприятной атмосфере Чехословакии после того, как его в 1922 г. выслали из России, он написал свою книгу. Нельзя его рассматривать и как реакционера, ибо с самого начала волнений, охвативших Россию, он был не просто главой социологического факультета Петроградского университета, но и одним из лидеров умеренно-революционной партии, редактором газеты «Воля народа», членом Всероссийского крестьянского совета и членом Учредительного собрания. Фактически он является либералом из либералов, а не аристократом-эмигрантом, и, хотя в результате его деятельности, направленной на то, чтобы добиться определенных «культурных, нравственных, а косвенным образом и политических целей» при большевистском правительстве, он трижды подвергался аресту, был приговорен к смерти и в конце концов выслан из страны уже в 1918 г., не будучи, как сообщает нам издатель его книги, ни социалистом, на революционером, Сорокина – по его собственному мнению – нельзя считать ни реакционером, ни теоретиком реакции.

Каков же результат его изучения русской революции? Если говорить кратко, то это самое страшное обвинение того режима, который только что появился, еще более страшное по той причине, что основано оно по большей части не только на его личном опыте и наблюдениях, а на документах, опубликованных самими большевиками. По сравнению с этим объективным и на редкость спокойным описанием революции и ее результатов самые страстные обличения противников большевизма воспринимаются как незначительные, а рассказы тех, кто побывал в России по приглашению ее правительства и по возвращении встал на его защиту, кажутся чуть ли не смехотворными. И все же эта книга не просто рассказ о русской революции, это и глубокое исследование революции как таковой. Она охватывает весь свой предмет, т.е. те революции, которые были в древности и в современную эпоху. В ней рассматривается как одно из самых лучших из когда-либо сделанных описаний революции – рассказ Фукидида о революции

в Керкире, так и события во Франции в XVIII в. и в России в XIX в. Затрагиваются в ней и такие проблемы, как физические и психологические последствия крушения социального строя и права и разрушения того, что иногда пренебрежительно называют «тормозами», т.е. религии и морали, которые в периоды такого рода потрясений испытывают на себе народные массы.

И совсем безрадостна та картина, которую рисует профессор Сорокин. Возвращение цивилизованного народа в состояние дикости, причем иногда дикости изощренной и сознательно насаждаемой, невеселая перспектива даже для тех, кто пребывает в заблуждении насчет того, что революция якобы есть конструктивная и контролируемая сила человеческого поведения. По сравнению с бесстрастным описанием Сорокиным тех ужасов, которые обрушились на его страну, самые страстные риторические разоблачения кажутся бледными и слабыми. Какую бы антипатию ни испытывали мы все к репрессивной системе царского режима, каким бы противником ее ни был он сам, приходится тем не менее пересматривать прежнюю оценку жестокости этого режима, приходится признать, что в целом он был гуманен и доброжелателен по отношению к людям, по сравнению с тем строем, который установили его враги, справившие свой триумф. «Мыслимо ли было в дореволюционное время, – пишет Сорокин в одном месте своей книги, – приговорить к смерти за слово против царя, за исповедание своей религии, за написанную прокламацию или докладную записку, адресованную самой же власти, о печальном состоянии промышленности, или просто за оппозиционный образ мыслей, ни в чем не проявившийся, за невзнос подати, за слово несогласия с рядовым агентом власти. Конечно, нет. Что-либо отдаленно похожее на это было абсолютно невозможно и немыслимо... Теперь все эти казни за “ничто” стали фактом». К этому он добавляет одну весьма красноречивую таблицу. За период с 1885 по 1905 г. в среднем ежегодно приговаривали к смертной казни приблизительно 15 человек; за время с 1917 по 1922 г. было казнено как минимум 600 тысяч, причем их казнили в ЧК без суда, а такое выражение, как «коллективная месть», стало нормой в политической фразеологии.

Одну из самых интересных особенностей подобного рода социальных движений Сорокин находит в таких фразах, свидетельствующих о «мегаломании», или «мании величия», которая изобретает «девизы», чтобы скрыть отсутствие идей или нечто еще более худшее, как «классовая борьба», «национализация», «диктатура пролетариата», «начало новой эры» и тому подобные «шиболеты», звучащие высокопарно, но фактически бессодержательные. Такова картина, которую он рисует, выступая против «романтической фантазии», свойственной многим из тех, кто считает революцию благородной и героической силой, способствующей прогрессу человечества. Это самое страшное и недвусмысленное обвинение в адрес того заблуждения насчет революции, которое все еще проявляется в научных трудах, в том числе и в работе И. Тэна. Эту книгу прочтут

многие, а прочитать ее следовало бы большему числу людей, чем то, которое ее действительно прочтет, потому что она имеет дело с реальностью. В ней нет ничего против либерализма и того, что называют «прогрессом»; если она и учит чему-то, то лишь одному: революция ни в коем случае не является той благотворной силой, какой ее часто изображают, она не является просто реакцией на предшествующую ей жестокость, революция как социальная сила обладает не прогрессивным, а реакционным характером, она отбрасывает назад в варварство, а не продвигает вперед к более совершенной цивилизации, это проклятие, а не благословление. Против подобного рода доктрин, безусловно, подадут свой гневный голос те, кто, не имея знаний и личного опыта профессора Сорокина, все еще считают переворот, произошедший в России, шагом этой страны в сторону прогресса, а не крушением. Но, полемизируя с ним, они найдут в его лице, в тех фактах, о которых он пишет, и в тех большевистских отчетах, которые он цитирует, стойкого противника. И кто бы во что ни верил, считает ли он себя сторонником или противником революции, но к этой замечательной книге он должен отнестись с самым серьезным вниманием.

(Saturday Review of Literature, 1925, 11 April, p. 664)

Гарри Элмер Барнз

РЕВОЛЮЦИЯ В АМЕРИКЕ

The New Barbarians. By Willbur C. Abbot. Little, Brown and Company. $ 2, 50.
The Sociology of Revolution. By Pitirim A. Sorokin. J.P. Lippincott and Company. $ 3[1].

Д-р Сорокин – бывший профессор социологии Петроградского университета, который после многочисленных злоключений вырвался из лап большевиков, наконец осел в качестве профессора социологии в университете Миннесоты. Опыт его жизни при советском правительстве охладил революционный пыл прежнего члена российской партии социалистов-революционеров, и его книга представляет собой полное развенчание революции как метода социальных преобразований. Тем не менее перенесенные им испытания не совсем помутили его социологический разум, и он искренне признает, что революции, как бы ни были они опустошительны и неудовлетворительны в качестве метода социального преобразования, будут происходить и будут оправданы до тех пор, пока тому или иному обществу с помощью глупых репрессий не дают развиваться нормальным образом.

Первый раздел книги, в котором речь идет о поведении людей во время революций, малозначителен и оригинальностью не блещет. Здесь предпринята попытка интерпретировать революционное поведение с помощью таких понятий, как условный рефлекс и обусловленное им поведение, в полном соответствии с общими положениями психологической теории, разработанной Павловым, Бернхемом и другими. Несмотря на то, что существует множество самых современных работ по психологии революции, в книге воздается должное во всех отношениях устаревшему исследованию Лебона. Общая теория д-ра Сорокина заключается в том, что во время революции социально обусловленное поведение, преобладающее в периоды упорядоченной общественной жизни, сменяется поведением неуправляемым, и человеком начинают двигать самые элементарные, почти животные импульсы, так что революционный период всегда сопровождается всякого рода насилием, жестокостью и беспорядками. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, автор ссылается на опыт зафиксированных в истории революций – как реальных, так и вымышленных, начиная с революции в Древнем Египте в 2000 г. до Р.Х. и заканчивая большевистским переворотом, произошедшим в 1917 г. Но на всем протяжении книги главный акцент он делает на русской

[1] Печатается перевод только той части рецензии, которая посвящена «Социологии революции».

революции, которую изображает в крайне неприглядном виде. При этом, однако, он объясняет ее эксцессы в первую очередь психологией революции как таковой, а не уникальной одержимостью Ленина и его соратников.

Д-р Сорокин утверждает, что революция биологически контрселективна, что она всегда осуществляет «отбор самых худших» и уменьшает население количественно. Революция разрушает структуру социального агрегата, поэтому анархия и беспорядки продолжаются до тех пор, пока не устанавливается диктатура, использующая еще более жесткие методы подавления, чем те, против которых и совершалась революция. Точно так же разрушает и извращает революция и социальные функции. Человеческая энергия из сферы производительного труда направляется на борьбу и грабеж. Анархия разрушает общественную безопасность, обессмысливает труд и делает бесполезной бережливость. Им на смену приходят воровство и лень. К этим смертоносным результатам необходимо добавить чрезвычайных рост численности армии и бюрократии. Тот ужас и те разрушения, которые несет с собой революция, можно предотвратить, только создав такую социальную систему, которая позволит производить целенаправленные, конструктивные и планомерные изменения. Несмотря на всю свою враждебность по отношению к большевикам, д-р Сорокин признает, что в 1917 г. в России сложились условия, при которых «оглушительный революционный взрыв» был неизбежен.

Многие читатели этих двух книг могут сказать, что д-р Сорокин рисует картину тех ужасов, которые могут ожидать и нас в этой стране, если мы не объединимся и не направим всю нашу энергию на то, чтобы подавить новых варваров. Другие по зрелому размышлению придут к выводу, что д-р Сорокин передает нам точное впечатление о том, что нас ожидает, если в нашей общественной жизни по-прежнему будут преобладать такие люди, как мистер Аббот и мистер Кулидж. Технологические и экономические реалии современной жизни требуют более героических усилий, чем буколическая бережливость или детские площадки и участие в прибыли. Рецензент не верит в революцию, но в отличие от мистера Аббота придерживается мнения, что нынешние выборы в Америке и Британии могли бы использовать гораздо более фундаментальный стимул, чем просто победа над действительно подрывными и разрушительными силами, действующими в современном обществе.

(The Nation, June 10, 1925, p. 669)

Джон Грирсон

В книге профессора Сорокина прослеживаются изменения в «психологии, идеологии, верованиях и оценках» русского народа в период революции. Изложение сопровождается кратким анализом других более ранних революций, но главную ценность книги представляет материал, касающийся России и получаемый, так сказать, из первых рук. Сочинение профессора Сорокина не свободно от недостатков, свойственных любому «разоблачению». Будучи очевидцем тех событий, которые он анализирует, причем одним из тех, кто оценивает большевистское правительство как совершенно антинародное, он позволяет своему настроению прорываться наружу.

По этой причине его научные суждения, как правило, несколько ущербны. Он слишком часто обрушивается на большевиков с грубой бранью. Они, по его словам, «тупые», «узколобые» индивиды и ничего более, а Ленин и Троцкий довольно наивно классифицируются им как люди, «принадлежащие к тому же психологическому типу, что и маньяки, воры, убийцы, проститутки и прочие отбросы общества». Он до такой степени эмоционален и так склонен уклоняться от своей научной задачи, что находит для себя возможным называть типичного революционера не иначе как «обманщиком и лицемером».

С таким раздражением, если, конечно, оно не имеет никаких причин, следовало бы обратиться в лечебницу для душевнобольных. Все это вызывает досаду по той причине, что фактический материал книги действительно уникален, а особенно потому, что профессор Сорокин при случае вполне может освободиться от этого своего настроения и написать такие превосходные главы, как, например, «Причины революции».

Тем не менее книга содержит так много интересного материала, что те, кто изучает социальную психологию, найдут ее весьма ценной.

(American Journal of Sociology, Chicago, 1925,
vol. XXXI, № 3, November, p. 399–400)

М. Мухин

В конце прошлого года в социологической серии Липпенкотта вышла книга бывшего петербургского профессора Питирима Сорокина, который в настоящее время занимается социологией в Миннесоте, – «Социология революции».

В своем исследовании проф. Сорокин учитывает все крупные революции от Тарквиния и Гракха (и еще более древние – египетские) до Октябрьской революции 1917 г.

К сожалению, ссылаясь на гуситское движение и таборитские войны, автор не учитывает украинскую революцию 1648 г., которая позволила бы ему провести аналогию с революцией в Риме в 510 г. до Р.Х. (Чаплинский – Тарквиний) (с.378), а кроме того, и в других случаях позволила бы ему обогатить приводимые им примеры и усилить его аргументацию.

Проф. Сорокин, будучи далек от «шоколадно-сладкого» оптимизма, склоняется больше в пользу трагической концепции революции:

История «похожа на автора, без устали пишущего все новые и новые драмы, трагедии и комедии, с новыми действующими лицами, с новой обстановкой, но… с сюжетами, много раз уже фигурировавшими в предыдущих произведениях этого неутомимого и плодовитого творца».

«Все сказанное относится и к великой трагикомедии, называемой “Революцией”. На исторической сцене она шла и идет довольно часто. При этом каждая постановка не похожа на другую. Различны условия времени и места, различны декорации и актеры, костюмы и грим, монологи, диалоги и хор толпы, число актов и размах “исторически-театральных эффектов”. И тем не менее во всем этом несходстве повторяется множество сходств: при всем различии декораций, актеров и т.д. разыгрывается одна и та же пьеса, что и дает основание называть разные ее постановки одним и тем же названием “Революция”».

Будучи участником и беспристрастным наблюдателем, может быть, одной из самых величайших трагедий истории, автор «в противоположность распространенному мнению “о суде истории”, согласно которому принято считать, что “издали виднее”, что “спустя ряд поколений можно лучше судить об исторических событиях”, что “не столько настоящее помогает понимать прошлое, сколько, наоборот, только через прошлое можно понять и осветить настоящее”», придерживается мнения противоположного. «Не потомки, а современники – лучшие судьи и наблюдатели истории. Исторический опыт первых основан на документах, а потому неадекватен, в то время как опыт современников не опосредован ничем; их знакомство с событиями непосредственно, они переживали их еже-

дневно и на себе лично, в то время как знания потомков отрывочны, случайны и обезличены. Это утверждение становится еще весомее в отношении тех современников, которые расширяют круг своего индивидуального опыта опытом других людей, статистическими обозрениями и другими научными методами, дополняющими и корректирующими личностное знание. В этом смысле поколение современников больше гарантировано от ошибок, чем историк, исследующий события спустя несколько поколений, или иностранный наблюдатель, до которого доходит лишь случайная информация».

Автор ставит перед собой цель абсолютно объективную и научную: «Явления революции чрезвычайно эффектны, экзотичны и романтичны. Поэтому исследователь должен быть особенно прозаичным. Он должен подходить к ее исследованию с методами и заданиями натуралиста. Не порицание или похвала, не апофеоз или оплевывание революции являются целью данной работы, а изучение революции такой, какова она есть на самом деле».

Книга проф. Сорокина состоит из четырех частей. Первая посвящена изменениям поведения людей во время революции, вторая – влиянию революции на состав населения, третья – изменениям структуры социального агрегата, четвертая – модификации социальных функций в ходе революции.

Всесторонне проанализировав влияние революций на человеческое общество и причины революций, автор приходит к такому выводу: «Если голод, войны, деспотизм и т.д. приводят к революции, а революция приводит к еще большему голоду, войнам и деспотизму, то не получается ли какой-то безвыходный трагический круг истории? Как же он развязывается?»

«Чрезвычайно просто и – при глубоких революциях – стереотипно-однообразно. Он не разрешается, а разрубается… Разрубается он Смертью… Этот “выход” никогда не изменяет и всегда имеется в распоряжении людей. Общество, не умеющее жить, неспособное своевременно производить целесообразные реформы и бросающееся в объятия революции, платит за эти грехи вымиранием значительной части своих членов, становится данником этой всемогущей Повелительницы».

«Только заплатив эту дань, оно, если не погибает совершенно, получает некоторую возможность существовать и жить дальше, но не путем полного отрыва от своего прошлого и не путем зверской взаимной борьбы, а, напротив, путем обратного возвращения к большей части своих прежних устоев, институтов и традиций (только абсолютно изжитые из последних погибают), путем мирной работы, кооперации, взаимопомощи и солидарности членов и групп общества друг с другом. Если общество не способно вступить на этот путь – революция кончается его окончательным декадансом и гибелью».

«Таково решение этих “тупиков” истории».

Можно не соглашаться ни с основной концепцией автора, ни с его окончательными выводами, но в несомненную заслугу ему следует поставить серьезную обоснованность всех его утверждений и несомненную убедительность его аргументации в контексте основной его концепции.

В качестве третьестепенных недостатков книги можно указать на некоторые утверждения, являющиеся следствием небрежного отношения автора к приводимым им фактам. Так, на с.376 свержение Абдул-Гамида объясняется неудачной войной, в то время как на самом деле оно связано с целым рядом международных событий и произошло лишь после аннексии Боснии и Герцеговины и провозглашения независимости Болгарии, так что если это свержение и произошло после неудачной войны, то войны дипломатической. На с.217 поэт А. Блок приписан к числу ученых, а А.П. Введенский назван в списке умерших, хотя в то время, когда вышла «Социология революции», он еще был жив. На с.405 встречаемся с не совсем правомерным противопоставлением царя Николая II царю Александру III. Последний, кстати говоря, наделен титулом «великий», которого он вовсе не заслуживает, так как в целом его правление ненамного превосходит исторические заслуги Николая II. Чтобы в этом удостовериться, достаточно перечитать хотя бы Валуева, который в своих дневниках четко запечатлел признаки упадка и разложения, свойственные периоду правления Александра III.

(Суспільство. Прага, 1925, сб. I–II, с. 149–150)

Ф. Репейников

ЛИЦО РЕВОЛЮЦИИ

I

Экономические кризисы наблюдались даже в эпоху натурального хозяйства. Войны, нападения разбойничьих шаек, болезни, пожары, землетрясения, неурожаи, недостаток зверья, птицы, рыбы и т.п. явления вызывали периоды частичного или общего недостатка хозяйственных благ. Однако специфическую форму экономические кризисы в том смысле, в каком употребляется этот термин современной наукой, приняли лишь в начале прошлого столетия. И экономическая мысль тотчас же отозвалась на это явление – и вопросы о природе и причине кризисов, заняв центральное место в науке о народном хозяйстве, остаются в фокусе ее и по настоящее время[1].

Политические кризисы, или то, что в новой истории получило название революций, также известны были и первобытному человеку. Смена господствующих социальных групп, смена коренных начал права, смена идеологии, вдохновляющей носителей власти, наблюдается на всех ступенях социальной эволюции. Недаром деятели Великой французской революции считали нужным украсить «Храм Свободы» изображением Моисея, Конфуция, «Сына Марии», Солона, Ликурга, Гракха, Брута... Но точно так же, как экономические кризисы, специфическую форму революций кризисы политические принимают только со времени 1793 г.

За последние два десятилетия революции получили эпидемический характер, перебрасывались и на Восток, обнаруживая, как правильно указал Л. Гартман, тенденцию захватывать все более обширные территории, стремление к мировым масштабам.

Но, если историки описанию революций посвящали немало трудов, социологи и даже политики проблеме революции уделяли слишком мало внимания в полную противоположность усердному изучению экономистами проблемы кризисов хозяйственных. Между тем последние в гораздо большей степени носят стихийный характер, их никто не подготовляет, они приходят, как тать в нощи. Революции же – продукт человеческой воли, и если одни их боятся, их

[1] См., например, блестящий и исчерпывающий очерк о кризисах талантливого немецкого экономиста Арт. Шпиттофа в последнем 4-м издании Handwörterbuch der Staatswissenschaften (VI т., с. 8–89). Там же обстоятельная библиография предмета.

бегут, их подавить пытаются, то другие видят в революции дух созидающий, стремятся разжечь политический пожар и тогда, когда для этого надобны героические усилия ряда поколений.

Сравнительно недавно, однако, и социология поставила тему о революции в порядок дня. Дать отчет о некоторых новейших исследованиях по интересующему нас вопросу, попытаться наметить некоторые выводы из них и составит содержание настоящего очерка.

II

Одной из основных работ по теории революции остается и теперь этюд, принадлежащий не цеховому ученому, написанный к тому же в неприятной, недостаточно солидной манере: «Die Revolution» Густава Ландауэра, вышедшая в коллекции Бубера «Die Gesellschaft» (Frankfurt a. M., 1907). Книжка эта, перегруженная балластом[2], ценна некоторыми отчетливыми положениями. Автор ее устанавливает два понятия: топии и утопии. «Топией» он называет относительно стационарное, устойчивое состояние общежития. Устойчивость «топии» меняется, постепенно приближаясь к состоянию неустойчивости – «утопии». «Топии» неизменно сменяются «утопиями». Революцией же автор называет период, когда прежней «топии» нет, новая еще не установилась. «Практические требования общежития требуют, чтобы в момент революционного восстания в переходную эпоху власть, доверенная в форме диктатуры, тирании, временных правительств и т.п., достигла положения “топии”». «Новая топия, созданная, чтобы спасти утопию, означает, однако, поражение последней». «Необходимость новой топии диктуется не только разрушением благодаря революции хозяйственной жизни, но и нередко вмешательством враждебных внешних сил».

Диктатура в момент революции, по мнению Ландауэра, так же нужна, как неограниченная власть капитана на судне дальнего плавания. На одном из ганзейских судов, цитирует он старинный документ, при отправлении судна в путь капитан обратился к команде со следующими словами: «Так как мы предоставлены теперь только Богу и волнам, каждый из нас должен быть равен другому. И так как нам грозят бури, высокие волны, пираты и прочие опасности, мы должны держать твердый порядок, чтобы довести наше путешествие до благополучного конца». Для поддержки порядка команда избрала фогта и шеффенов. Когда же плавание окончилось, капитан опять собрал всех и сказал им: «Происходившее на палубе нашего корабля мы должны простить один другому и предать забвению. То, что мы делали вкривь и вкось, было сделано во имя справедливости. Поэтому мы приглашаем всех забыть вражду, которую один мог затаить против

[2] Очень повредило Ландауэру увлечение дилетантским, сумбурным произведением К. Бруннера «Die Lehre von den Geistigen vom Volke» (I. B., 1907).

другого, и на хлебе и соли поклясться, что он не будет поминать других лихом. Если все же иной чувствует себя обиженным, пусть идет к наместнику и до захода солнца требует суда...»

В 1922 г. Немецкое социологическое общество, первые два съезда которого состоялись в 1910 и 1912 гг., собралось в третий раз, причем темой обсуждения избрана была на этот раз «сущность революции»[3]. Главный докладчик съезда проф. Л. фон Визе, соглашаясь в общем с Ландауэром в его терминологии и характеристике революции как трагического конфликта между действительностью и идеологией, внес в освещение вопроса много нового и ценного. В основу своего анализа он кладет учение о социальных отношениях. Визе подразделяет последние на отношения связи (сближения, приспособления, уравнения, соединения) и вражды (соперничества, противопоставления, столкновения). Но вместо того, чтобы свести революции к явлениям столкновения (конфликтным), Визе выясняет, что революции не только освобождают, но и связывают.

Каждая правящая группа уподобляется Визе костенеющей массе. Только в состоянии полуподвижности масса эта жизнедеятельна. В покое она грозит оцепенеть, в неспокойное время растекается и улетучивается... Революции в социальной жизни имеют такое же значение, как мутации в биологии и явления физического мира, положенные Планком в основу его квантовой теории[4]. Вопреки Аристотелю ученые разных областей знания сходятся теперь на опровержении общеобязательности принципа непрерывности – natura non facit saltus[24*].

Одно из положительных достижений революции – в отборе ею нового правящего меньшинства. Визе допускает, что революции, как и войны, могут не окупать себя, издержки их превысят приобретения, но решительно [выступает] против того, чтобы «навсегда закрыть клапан революции». Желающие выпрямить пути истории должны «так организовать общество, чтобы исчезла соблазнительность и желанность революций, чтобы для них не осталось оснований и причин».

Кореферент Визе, недавно скончавшийся марксист пр[оф]. Л. Гартман, наиболее существенным для революций считал то, что они создают новое право, разрывая правовую преемственность с прошлым; они являются массовыми движениями с применением силы, но должны считаться с тенденциями исторического развития. «Реакционная революция» никогда не может поэтому рассчитывать на длительный успех. Если революция сорганизует массу и сделает последнюю «всем», реакция вообще невозможна.

[3] Verhandlungen des Dritten Deutschen Soziologentage am 24 und 25 September 1922 in Jena. Tübingen, 1923. Verlag von Mohr (Siebeck).

[4] См.: *Planck M.* Physikalische Rundblicke. Leipzig, 1922.

Гартман назвал страх перед революциями просто глупым: историю нельзя заклинать, революции нередко неизбежны. И он, и ранее Ледерер[5] полагали, что никогда нельзя объяснять революцию только ошибками и неудачами старой власти, которая и при исключительной ее благонамеренности бывает органически враждебна новым велениям жизни.

Ледерер видит в революции прорыв идей в жизнь, преображение идеей действительности, реализацию идеи с помощью массового движения.

Особенно подчеркивает идейный момент в революции А. Либерт[6]. Еще И.Ф. Фрис, напоминал Либерт, в 1803 г. указывал, что косность личности и сила привычки служат гарантиями государственного порядка. Воля почти каждого гражданина обременена косной склонностью двигаться предпочтительнее по проторенной колее, чем пробивать новые пути. Сам Либерт считал, что революции оправдывают себя, когда проводят примат разума над традицией. Легитимистам он указывает, что эта традиция к тому же источником своим имеет не только правотворчество законной государственной власти, но и дворцовые интриги, насилие и завоевания[7].

Либерт стремится связать проблему революции с философией истории, выдвинуть метафизическую сторону революции. Но и строго позитивные исследователи не склонны замалчивать колоссальное значение в революции, наряду с рационалистическими тенденциями ее вождей, моментов совершенно иррациональных. И не только в отношении психопатологическом, к чему склонны некоторые психиатры, как, например, знаменитый Крэпелин, проявивший в этом вопросе изрядное филистерство. Объективную работу по психологии революции дал Фреймарк[8]. Он приводит, между прочим, речь Лауфенберга памяти Либкнехта: «Культура, создававшаяся столетиями, не дает себя переделать в короткое время и сдвинуть себя на новые устои. Здесь дело идет об одном из самых могучих процессов человеческой истории, который займет собой, вероятно, не одно только поколение. Он потребует тяжелых боев, победы будут сменяться поражениями. Нам не суждено будет увидеть конечного торжества, но великая идея человечности не может не победить...»

По разным причинам мы лишены возможности подробнее и полнее остановиться на немецкой литературе по социологии революции. К некоторым выводам ее мы еще вернемся. Сейчас мы подчеркнем только, что, несмотря на гипертрофию в немецкой научной мысли осторожности и умеренности, представители разнообразных ее течений сумели найти чисто объективный язык по отношению к революции.

---

[5] *Lederer E*. Einige Gedanken zur Soziologie der Revolution. Neue Geist Verlag, 1918.

[6] *Liebert A*. Vom Geist der Revolution. Berlin, 1921.

[7] Ср.: *Stammler R*. Wirtschaft und Recht. 2 A., S. 495.

[8] *Freimark H.* Die Revolution als psychologische Massenerscheinung. München und Wiesbaden, 1920.

III

Полной противоположностью этому объективизму является только что вышедшая на английском языке в Америке работа нашего соотечественника П.А. Сорокина[9]. Профессор Иллинойского университета E.C. Hayes снабдил работу лестным отзывом. Прежде чем говорить о книге, не лишне остановиться на биографии автора. Он – самородок, вышедший из низов народных: его отец – маляр, мать – крестьянка, зырянка. Ему 35 лет. Он окончил Петербургский университет в 1914 г., в 1922 г. защитил при том же университете свою магистерскую диссертацию (два первых тома своей «Системы социологии», изд[анной] «Колосом»), в том же году был выслан за границу и, прожив около года в Чехии, перекочевал в Новый Свет. Теперь он состоит профессором социологии крупного американского университета в штате Миннесота (Миннеаполис). Еще в России он проявил себя как сторонник модного среди американских социологов направления – «бихевиоризма», полагающего, как и русская школа И.П. Павлова, в основу изучения человеческого поведения методы естественно-научные и отвергающего противопоставление наукам о природе наук о духе (Geisteswissenschsften). Сам Сорокин в особенности проявляет развязно враждебное отношение к философии, этике и т.п., хотя и не умеет отделаться от «моралина».

Несмотря на то, что автор не новичок в научной литературе, книга написана с исключительной легковесностью. Нового для него в книге очень немного. Значительную часть развиваемых в ней мыслей он излагал – пусть не так грубо и под заглушавшим «запах» соусом – еще на страницах выходивших в Советской России журналов «Вестник литературы», «Утренники» и «Экономист». Он даже не потрудился надлежащим образом систематизировать свои мысли. Читателя, привыкшего к научному языку, неприятно шокирует встречающаяся местами фельетонная лирика дурного тона (о фарисеях революции и т.п.).

Неприятное впечатление производит внешний научный аппарат книги. Несмотря на то, что автором цитируется обширная литература, знакомство с последней носит случайный характер. Ему остались, например, неизвестны указанные выше работы немецких социологов, как и многое другое[10]. В то же время он ссылается как на авторитетные научные работы на такие псевдо-научные произведения, как пресловутая «Коллективная рефлексология» В.М. Бехтерева, как «Революционные неврозы» Кабанеса и Насса, как «История французской революции» Мадлена, почему-то являющегося главным его путеводителем при привлечении материалов об эпохе 1793 г.

[9] The Sociology of Revolution by Pitirim A. Sorokin, Ph. D. Philalelphia and London, 1925.

[10] Автор, по-видимому, не знаком с книгой Park'a и Burgess'a «Introduction to the science of sociology». Нигде у него нет следов знакомства с сочинениями Rosher'a, Ratzenhofer'a, Cartellieri, Mückle'a.

Поразительно, что в книге, написанной на английском языке и рассчитанной на иностранного читателя, он чаще цитирует книги иностранных ученых по русским переводам, чем крайне затрудняет возможность проверки большинством читателей его ссылок и цитат. Нечего уже и говорить, что в академических работах от автора требуется знание литературы в оригинале. Даже постоянно цитируемый автором знаменитый папирус Ипувера о революции в Древнем Египте (приблизительно за 2 тысячи лет до Р.Х.) излагается по журнальной статье В. Викентьева в «Новом Востоке», а не по английскому изданию первоисточника, который Викентьевым положен в основу статьи[11].

Для несолидности доказательств автора характерно, что, говоря о том, что революция развратила половой быт в России, он в доказательство ссылается на обогащение русского языка новыми словами:... «soderjanka (mistress), barischnia (miss)». Или автор знает родной язык недостаточно хорошо? Иначе как назвать такое обращение с «научными аргументами»?..

Архитектоника книги весьма своеобразна. Автор не согласен со взглядом, что для научной обработки предпочтительнее иметь материалы исторического характера, что историческая перспектива дает возможность лучше разобраться в событиях, он считает, что современники, а не историки – лучшие наблюдатели и судьи исторических событий. Вряд ли стоит опровергать это парадоксальное положение. Не говоря уже о том, что показания многих активных участников событий становятся известными обыкновенно очень поздно, что сводка даже наличных материалов требует длительного времени, не следует забывать, что о делах судят по их результатам, а судить должны лица незаинтересованные... Во всяком случае, автор, верный своему положению, в основу изучения социологии революции кладет эпоху Советской власти в России и лишь затем экскурсами в истории революций как новейшего времени, так и средневековья (крестьянские и религиозные движения) и древности (Рим, Греция, Египет...) доказывает, что все проявившееся в Великой русской революции присуще революциям всех времен и народов. Отсюда – двусмысленность работы П.А. Сорокина. Он стремится в научной форме дать памфлет против большевизма, предостеречь от повторения большевистских опытов иностранцев, которых он запугивает неисключенностью и для Америки революционных потрясений, с другой [стороны,] – он косвенно (сознательно или бессознательно?) оправдывает деятелей великой русской революции, доказывая, что иными способами революции нельзя делать, к иным результатам революция не может привести. Внутреннее почтение автора к деятелям РКП выражается в его сопоставлениях: «Кромвель, Робеспьер, Ленин», «Красины и Стекловы, Талейраны и Сийесы»...

[11] *Gardiner A*. The admonitions of an egyptian sage. Leipzig, 1909.

IV

Переходим к существу книги П.А. Сорокина. Она распадается на пять частей: I. Извращение поведения людей во время революции; II. Влияние революции на состав населения, смертность, рождаемость и брачность; III. Изменения в структуре социального агрегата в период революции; IV. Изменения социальных функций в период революции; V. Причины революции.

После ряда лет мирного «органического» развития истории человечества, полагает П.А. Сорокин, история вступила в «критический период. Никто не может быть спокоен, что революционный ураган рано или поздно не разрушит и его собственный дом. Никто!» Поэтому и нужно изучать революцию, посреди которой мы живем, изучать подобно натуралисту. Революции принято было идеализировать, к бэконовским идолам следует прибавить и «идола революции». «Трудность задачи усложняется тем, что революция – в терминах медицины – болезнь атипичная. Все же некоторая схематичность присуща всем революциям». Нормальный период сменяется подъемом революционной волны, достигающей своего апогея, после чего наступает «реакция», вторая неизбежная часть революции – и лишь когда и реакция изжита и наступает в жизни общества снова нормальный период, только тогда и можно утверждать, что революция изжита.

«Революции всегда экзотичны и романтичны, их исследователь должен быть поэтому прозаиком». Пусть оскорбленные тем, что автор разоблачает якобы «прекрасный лик революции», назовут его реакционером – он согласен принять эту кличку с оговоркой, что он реакционер, но особенный, необычный... Он не против социального прогресса, но считает, что революция – дурной метод усовершенствования социальных отношений. «История учит, что все основные и действительные достижения приобретались как плоды знания, мира, взаимности, взаимопомощи и любви, но не как плоды ненависти, зверства, безумной борьбы, неизбежно связанных всегда с великими революциями».

Вместо революционных методов, по мнению Сорокина, есть и другие, более целесообразные – пути реформы. Реформа не должна насиловать человеческую природу и противостоять ее основным инстинктам. Внимательное изучение конкретных социальных условий должно предшествовать практическому осуществлению реформы. Каждый опыт преобразования должен прежде всего быть испробован в скромных масштабах и только в случае успеха повторен в больших. Реформы должны осуществляться только законным и конституционным способами.

Революция задерживает прогресс, уверяет Сорокин, не говоря уже о том, что жертвы ее неисчислимы, ибо в эпоху ее ничто так не обесценивается, как сам человек.

«Теоремы» об ущербности революции для общества доказываются рядом случайных фактов и цифр, причем автор пользуется ими крайне неубедительно. «Post hoc ergo propter hoc»[25*], очевидно, полагает он, приводя данные для эпох после и войны, и революции (Франция 1871 г., Германия 1918 г., Россия 1905 и 1917 гг.). Элиминировать побочные факторы он даже не пытается. В минус последней русской революции он ставит даже временное сокращение рождений. Но отчего тогда не подсчитать количество недородившихся против обычных норм за последние десятилетия хотя бы во Франции? Тогда окажется, что эпохи мирного развития иногда более «убийственны», чем революции и войны...

Разбор совершенно неверных утверждений Сорокина об экономических последствиях революций вообще и последней русской революции в особенности завел бы нас слишком далеко. В оправдание ему в этом случае может быть выдвинуто лишь то, что он не экономист и мог быть введен в заблуждение той тьмою ложных по этому вопросу сообщений, под которыми подписывались не только до того безвестные, а теперь приобретшие печальную репутацию экономисты, но и более авторитетные и объективные исследователи, как С.Н. Прокопович, М.В. Бернацкий, М.В. Брайкевич, А.Н. Анцыферов и многие другие... Тех, кто хотел бы уяснить действительное состояние русского народного хозяйства после революции, отсылаем к сжатому, но насыщенному данными очерку А.В. Пешехонова «Современная Россия в цифрах»[12]. К сожалению, однако, и в характеристике духовной жизни революционных обществ П.А. Сорокин уклонился от истины. Так, по его словам, «кубизм, футуризм, супрафутуризм и прочие крайние течения в искусстве, объединившись с большевизмом, потеряли (!) популярность и замещены противоположными им течениями». Материализм уступил место идеализму и мистицизму. В политике идет переоценка Столыпина, Леонтьева и других[13] в положительную сторону. Характерным для идеологии современного русского общества он указывает как «типичные и популярные примеры» книги Бердяева, Струве, Карсавина, Франка... Что эти книги нашли тароватых издателей – мы не оспариваем, хотя и тароватость эта не так уж широка, судя по длительным перерывам в выходе объединяющего эту группу журнала «Русская мысль». Но что литература эта находит покупателей и читателей – мы весьма сомневаемся. Вообще описательная часть труда, а она занимает главное место, особенно неудовлетворительна. Больше интереса возбуждает чисто теоретическая часть «Социологии революции». Остановимся подробнее на главах, посвященных генезису революции.

---

[12] Записки института изучения России. Прага, 1925, кн. I, с. 131–178; также издана отдельно.

[13] Назвать в числе этих других К.П. Победоносцева в Соединенных Штатах, где имеются сотни тысяч русских беженцев, главным образом евреев, из царской России, Сорокину, к счастью для него, не хватило смелости...

Главную причину ее он видит в угнетении инстинктов, в недостаточном насыщении потребностей питания, крова, одежды, тепла, в умалении, раздражении или оскорблении полового инстинкта и т.п. Потребности он считает изменчивыми и нормируемыми обстановкой. Ссылаясь на Patrick'a и W. Weiss'a, он говорит теперь о появлении в Америке нового типа униженных и обделенных: людей без автомобилей, без яхт, без особняков. Предметы роскоши самые прихотливые могут стать предметами первой необходимости, и лишение их будет горько ощутительно. С другой стороны, некоторые потребности, временами обостряющиеся, как потребность свободы слова и другие высшие духовные потребности, оказываются недостаточно упорными и сильными, особенно в массах.

Городская обстановка особенно содействует раздражению потребностей. К тому же значительная часть городского населения, поставляемая деревней, живет в непривычных условиях. Города – естественные очаги революций. Уклад жизни сельской, насчитывающий за собой тысячелетия мало меняющегося быта, наоборот, опора охранительного консервативного начала.

Особенно благоприятна почва для революции, когда потребности недостаточно удовлетворяются. Тогда происходит «дуэль инстинктов»: инстинктов самосохранения, патриотизма, свободы, собственнического.

Подавление и угнетение инстинктов у отдельных лиц толкает их на путь уголовных преступлений. Подавление и угнетение инстинктов широких масс вызывает революции. Революции, однако, находят благодатный, заранее готовый материал в преступной части общества, а также в деклассированных, но остававшихся ранее пассивными его элементах.

Пренебрежение массовыми народными потребностями обычно свидетельствует о вырождении власти. Революции на первых стадиях побеждают, ибо не получают отпора. Вместо «великого (!!!) императора Александра III» в 17 г. на престоле был слабый Николай II. Уже доброта властителя – его порок. Сорокин ссылается на Наполеона, сказавшего, что, «когда народ говорит, что король милостив, он думает, что тот плохой вождь».

Обычно вырождаются не только правительства, но и близкие им высшие сословия.

Но тем не менее «старый порядок» по отношению к новому, создаваемому революцией, оказывается высшей формой.

«Горек и трагичен опыт людей, – с пафосом восклицает Сорокин (pro domo sua?), – убеждающихся, что то, что они считали предрассудком, и от которых они совершенно освободились, является комплексом условий, необходимых для комфортабельной жизни общества, для его существования и развития». Вместо свободы начинают тогда требовать порядка. «Каждый устойчивый социальный порядок, как бы ни совершенен он казался с точки зрения незрелого радикализма, есть тем не менее продукт неимоверно сжатого реального национального опыта, результат

несчетных напряжений, усилий, попыток многих поколений в поисках наилучших форм, совместимых с существующими конкретными условиями. Лишь невежда или человек, утопающий в фантазиях своего собственного мозга, может воображать, что порядок, создавшийся и существующий столетиями, может представлять только необъятную бессмыслицу, недоразумение, сплошную ошибку».

Общество, которое попадает в руки революции, оплачивает «наказание за свое прегрешение гибелью соответствующей части своих членов; оно *уплачивает выкуп, требуемый всемогущим Господом*». Уплатив дань, общество должно восстановить большинство былых устоев, учреждений, обычаев, иначе оно обречено на гибель и разрушение.

Так пишет теперь бывший социалист и бывший революционер П.А. Сорокин. Окончив чтение его книги, мы вспомнили статью одного публициста, весьма близкого прежнему Сорокину, скрывшегося под несколько странным псевдонимом Н. Чаадаев, – «О псевдореволюционерах, приемлющих революцию»[14].

«Революция – страшное дело и великое таинство. Нужно или принимать ее всю как великое таинство, пусть страшное, пусть мистическое, пусть трагически-кровавое. Так принимает ее прирожденный революционер. Или следует принимать только одно ее лицо, категорически отвергнув другое. Или, наконец, совсем не принимать...»

П.А. Сорокин выбирает теперь последнее. Почему? Одни, склонные идеализировать людей, скажут: ушиблен революцией. Другие отнесут его к разряду политических спекулянтов и карьеристов, применяющих социологические формулы: учитывая, что «по формуле» революции сменяются реакциями, он перестраивает личную идеологию, чтобы остаться на гребне волны... Третьи – крайние скептики – объяснят метаморфозу П.А. Сорокина более грубо. Они скажут, что он просто приспособился к требованиям академического рынка и учел, что наибольший спрос на социологов наблюдается в американских университетах, каждый из которых существует на средства одного или нескольких американских миллиардеров. В практике политической жизни Соединенных Штатов вошло в обычай выхватывать из революционной среды видных деятелей, соблазняя их положением, материальной обстановкой и всеми другими способами политического подкупа. Для того, чтобы рассеять миражи, открывшиеся американским рабочим «русским экспериментом», особенно убедительно выдвинуть обвинителем этой революции ученого, ее наблюдавшего, вышедшего из народа, работавшего в рядах революционеров...[15]

[14] Утренники. Петроград, 1922, кн. II, с. 187–189.

[15] В предисловии к этой книге Сорокина пр[оф]. Hayes сообщает, что он выслан из России под угрозой смертной казни, если попытается вернуться (?). В одной распространенной американской иллюстрированной газете печатались рекламные статьи о «красном Робинзоне», как окрестили Сорокина в этой газете, причем подчеркивалось, что он бывший личный секретарь Керенского и т.д. Реклама, конечно, была пущена не даром.

Чужая душа – потемки. Не будем строить наших предположений. Напомним только, что и у писателей более крупных и стойких (как у В.Г. Белинского) были свои «Бородинские годовщины», за которые им было потом мучительно стыдно. Мы были бы рады, если бы «блудному сыну» русской социологии стало бы когда-нибудь стыдно за его «The Sociology of Revolution».

V

Читателю, мало знакомому с идеологами реакции, начиная с Э. Берка и А. Мюллера, и с апологетами порядка вроде Ле Пле или крайне близкого последнему по многим излюбленным мыслям К.П. Победоносцева, построения П.А. Сорокина могут показаться по крайней мере не лишенными оригинальности. Пусть попытаются они ознакомиться с этой заплесневевшей на библиотечных полках литературой, хотя бы, например, со знаменитым «Московским сборником»[16]. Мы же перейдем теперь от последователей революции к самой революции.

Первое, что поражает в революции, – это ее катастрофичность. Но катастрофичность свойственна космосу вообще[17]. Разве история вселенной не есть ряд катастроф? И не только как результат катастрофы возникла наша планета, но и по сейчас история земли – безотносительно к населяющим ее людям – полна катастроф. Катастрофальна история человечества. Гибнут государства и культуры, вырождаются расы. Катастрофальна жизнь индивида. Самое рождение его – в муках. В терзаниях и болезнях [проходит] жизнь, обрывающаяся так часто, когда человек не успел еще выявить свое «я», запечатлеть его.

Революция – катастрофа, но такая, на которую идут сознательно, как соглашаются на мучительную, но необходимую операцию. Революции никогда не начинаются стихийно, ибо для объединения масс на коллективное выступление требуются всегда организующие центры. Правда, и вожди революции оказываются затем – с начала революции – отданными развитию событий, уже не зависящих от их воли. Но это свойственно не только революциям. Жизнь всегда оказывается как бы новой химической реакцией, результата которой заранее не предугадать. Поэтому так и заманчива жизнь, что она таит в себе бесконечное множество возможностей, является азартной лотереей.

Но цена крови вовсе не обязательная цена революций. Революции могут быть и бескровны, если за пионерами слишком много сторонников или если представители прошлого настолько благоразумны, что понимают свою обреченность.

[16] Они принуждены будут согласиться, что хоть Сорокин и реакционер, но отнюдь не своеобразен...

[17] Даже математикам известны случаи так называемого разрыва функций. Не лучший ли символ для революции?!.

Революция, конечно, опасный метод решения социальных задач. Жизнь, однако, требует смелости и дерзания. Без угрозы революций власть, даже благожелательная и совестливая, распускалась бы, обленивалась бы, опускалась бы.

Революция вовлекает массы к участию в социальном творчестве, и лишь коренная перестройка общества на началах общеобязательной *политической* повинности устранила бы в будущем эту положительную сторону революций. Но только эту.

Мыслить жизнь без революций просто немыслимо. Развитие жизни никогда не останавливается. И у него есть своя закономерность, ритмичность. Накопляется энергия и, достигнув определенных границ, преобразует свои формы. Вода превращается в пар или лед; почка распускается в лист или цветок; зародыши человека превращаются в плод его, бурно отделяющийся затем от выносившей его матери... Неясные мелодии, образы и мысли превращаются в симфонии, картины, книги...

И эти смены форм бытия суть те же революции.

Но только человеком переживаемая им и его средой революция ощущается как нечто анормальное и болезненное. Объясняется это леностью сознания, тяготеющего к покою, но не только этим: в сознании человеческом заложен элемент трагизма. Недаром M. Hauriou определял индивидуализм как неповиновение человеческого существа эволюции, как путь прогресса, но не триумфальный, а скорбный; личность несет свое «я», как крест...[18]

Революции лишь крутые подъемы на пути прогресса. Те, кто боится революций, должны быть последовательными. Не нужно вводить новых машин, ибо они вызывают жертвы не только среди рабочих, но и среди предпринимателей. Не нужно сообщать об открытиях, подрывающих кредит к старым признанным теориям. Правы были судьи Галилея, но и правы были тогда фарисеи, требовавшие: «Распни Его»...

Старый Китай – идеал этих политиков. Но и там не спастись было бы от вечной динамики жизни.

Исторические течения подобны «ветру, который, надувая паруса корабля, идущего в одном направлении, заставляет спустить паруса на корабле, идущем обратно».

Будем же искать попутных ветров для лучшего устройства человеческого общества, помня слова философа: «В том, что должно быть, – основа того, что есть», – и не устрашимся грозного лица революции[26*].

(Воля России. Прага, 1925, № IV, с. 134–146)

---

[18] *Hauriou M*. La science sociale. Paris, 1896.

Проект Дворца Советов в Москве

КОММЕНТАРИИ

ЛИСТКИ ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА

Первое издание книги «Leaves from a Russian Diary» вышло в декабре 1924 г. в Нью-Йорке в издательстве «E.P. Dutton & Co». В следующем году книга была выпущена в Лондоне издательством «Hursts and Blachett». В 1927 г. в Нью-Йорке вышло еще одно издание книги (в издательстве «Harper & Bros»). Все три издания были однотипны, объемом VI+310 стр.

Второе, дополненное, издание (с частично измененным названием) вышло в 1950 г. в США: Leaves from a Russian Diary – and Thirty Years After. Boston, Beacon Press, 1950 (повторено в Нью-Йорке изд-вом «Kraus», 1970). Объем второго издания – XI+346 стр.

Настоящий перевод выполнен по второму изданию 1950 г., титульный лист которого помещен на с. 46.

В 1963 г. некоторые главы «Листков…» в сокращенном виде вошли в автобиографическую книгу П.А. Сорокина «A Long Journey» (New Haven, Conn.: College and University Press).

В России до настоящего времени были переведены и опубликованы лишь отдельные фрагменты «Листков из русского дневника»:

Листки из русского дневника // Рубеж. Сыктывкар, 1991, № 1, с. 57–73; 1992, № 2, с. 3–18;

Жизнь в царстве смерти: 1919–1922 // Мир Севера. 2001, №5, с.50–56.

Первое издание книги вызвало многочисленные рецензии, список которых (не претендующий на полноту) приведен ниже. На издание 1950 г. удалось выявить четыре рецензии. Рецензии, отмеченные звездочкой (*), см. в приложениях к настоящему изданию.

Анализ некоторых рецензий дан в книгах: *Johnston B.V.* Pitirim A. Sorokin: an intellectual biography. University Press of Kansas, 1995, p. 30–31; *Зюзев Н.Ф.* «Американские горки» Питирима Сорокина. Сыктывкар, 2009, с. 9–10. Для ознакомления с позднейшими рецепциями «Листков…» (и других произведений) Сорокина большой интерес представляет статья: *Christensen B.J.* Pitirim A. Sorokin: A Forerunner to Solzhenitsyn // Modern Age. Fall 1996, p. 383–391.

* *S. H.* An Emigré Looks Back // Christian Science Monitor. 1924, November 5.

* *H. B.* Books on Our Table // New York Evening Post. 1924, November 11.

* A Russian Socialist and Student makes a confession // The New Republic. 1924, November 26.

* *Recht Ch.* Refugee Psychology // The Nation. November 26, 1924, p. 577.

The Nation, 1924, November-December.

* The Boston Herald. 1924, December 12.

* *Nikolaieff A.N.* Russia from Within // New York Evening Post, N.Y., 1925, 3 January.

* The Land of Lunacy // The Library. 1925, January, p. 127.

* *Wetmore L.H.* Review of Leaves from a Russian Diary // Commonwealth, 1925, 4 March, p. 469–470.

* *Martin L.* A Sociologist's Political Memories By Lawrence Martin // Chicago Evening Post, 1925, January 30.

Smertenko J.J. Review of Leaves from a Russian Diary // New York Herald Tribune, N.Y., 1925, 14 March.

* The Bookman. 1925, March.

Lasswell H.D. // American Journal of Sociology, Chicago, 1925, vol.XXXI, July, №1, p. 108–109.

* *Dorr Rh. Ch*. The Soviet Paradise at Close Range // The Literary Digest International Book Review. 1925, pp. 187–188.

* *C. V. D*. A Russian Girondist // [?], p. 286–287.

* How Russia Collapsed // The Courier. Brisbane, Queensland. 1926, January 16.

Eminent Sociologist Analyzes Success and Failure of Red Revolt // New York Herald Tribune Boor Review. 1950, March 12, p. 13.

* *Pisko E.* Russian Hamlets // Magazine Section. 1950, March 23.

Iswolsky Helene // Commonweal. 1950, June 16, p. 252.

Warren W.B. // The Russian Review. 1950, vol. 9, № 3 (July), p. 233–235.

Предисловие к изданию 1950 года

[1*] В оригинале: cordon sanitaire (*фр*.). В буквальном смысле «санитарный кордон» – это карантинная (санитарная) линия, специально организуемый барьер для остановки распространения эпидемии. Установить «санитарный кордон» против Советской России призвал в 1919 г. премьер-министр Италии В. Орландо, заявивший на Версальской конференции: «Обычно, чтобы остановить распространение эпидемии, устанавливают санитарный кордон. Если принять подобные же меры против распространения большевизма, он мог бы быть побежден, ибо изолировать его – значит победить». В рамках этой программы в 1920–1930 гг. была создана (под эгидой Великобритании и Франции) группа лимитрофных (пограничных) государств вдоль европейских границ Советской России с целью сдержать проникновение коммунистических идей в страны Западной Европы. В состав этих лимитрофных государств входили Эстония, Латвия, Литва, Польша и Финляндия. — 48

[2*] Обычно: Amicus Plato, sed magis amica veritas (*лат.*) – Платон мне друг, но истина дороже (или, как у Сорокина: но еще больший друг – истина) – слова, приписываемые Аристотелю. — 48

Прелюдия

[1*] Утверждение в общем виде весьма спорное: достаточно вспомнить «Дневники» Л.Н. Толстого, М.М. Пришвина, братьев Гонкур, А.В. Никитенко и многих других. Сорокин, несомненно, опирается здесь на собственный опыт – он вел дневник в 1905–1906 гг., когда учился в Хреновской церковно-учительской школе. В настоящее время этот дневник хранится в ИРЛИ, ф. 863, ед.хр. 55. — 51

[2*] Имеется в виду выступление П.Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. на открытии очередной сессии Государственной Думы. В своем выступлении Милюков говорил о слухах об измене, об императрице и «окружавшей ее камарилье», т.е. главным образом о Распутине (на немецком языке, что спасло его выступление, по словам самого Милюкова, «от ферулы председателя, но, конечно, было немедленно расшифровано слушателями»). Говоря об

этих слухах и о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, Милюков в каждом случае предоставлял слушателям решать, «глупость» это «или измена». Речи Милюкова, Шульгина и Маклакова были запрещены для печати, но они были распечатаны на пишущих машинках в миллионах экземпляров и разлетелись по всей стране. Подробнее см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания, М., 1991, с. 444–446; *Чернявский Г., Дубова Л.* Милюков. М., 2015, с. 289–299.

На ближайшем после 1 ноября заседании Государственной Думы «нападение, как пишет Милюков, продолжалось». В.В. Шульгин произнес ядовитую и яркую речь – и «сделал практические выводы» (Там же, с. 445). О событиях ноября–декабря 1916 г. В.В. Шульгин подробно рассказывает в своих воспоминаниях «Дни». См.: *Шульгин В.В*. Годы. Дни. 1920. М., 1990, с. 396–418.

Через день после выступления П.Н. Милюкова, на следующем заседании Думы, выступил с речью А.Ф. Керенский. Он начал ее словами: «Страна истекает кровью», – а закончил угрозой в адрес правительства: «Мы заставим уйти тех, кто губит, презирает, издевается над страной!» «Обе речи [Милюкова и Керенского] мгновенно разошлись по стране в сотнях рукописных копий (причем в ряде случаев эти списки содержали гораздо более крамольные слова, нежели оригиналы). Газеты окрестили происходящее в Думе “штурмом власти”» (*Федюк В*. Керенский. М., 2009, с. 70–71). — 51

[3*] Имеются в виду депутаты Санкт-Петербургской городской думы, в состав которой Н.Д. Шубин-Поздеев (бывший уездный предводитель дворянства) был избран гласным (т.е. членом с правом голоса). — 51

[4*] В оригинале: Worker’s University of the Viborg district of Petrograd. Речь идет о Народном университете имени Л.И. Лутугина, находившемся на Васильевском острове (14 линия, д. 39). На Выборгской стороне рядом с металлическим заводом в помещении ремесленного училища было открыто отделение университета, предназначенное специально для рабочих. Сорокин преподавал там вместе со своим другом Александром Гизетти (не путать с Л.А. Гизетти, расстрелянным в 1921 г. по «Таганцевскому делу»!). Занятия происходили ежедневно с 7 вечера до 12 ночи. Подробнее см.: *Дойков Ю*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 115. — 52

[5*] В оригинале: Bread and herrings. Демонстрации, предшествовавшие Февральской революции, как правило, проходили под лозунгами «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Лозунг «Хлеба и селедки!», скорее всего, вымысел Сорокина, направленный на снижение пафоса революции (и вообще, и русской в частности). — 52

[6*] 26 февраля (11 марта) 1917 г. 4-я рота запасного батальона Павловского полка, находившегося в Петрограде, первой в столице перешла на сторону революции, но ее выступление было подавлено. Летом 1917 г. из запасного батальона был развернут Павловский гвардейский резервный полк (в октябре – 3,7 тыс. человек), который находился под влиянием большевиков.

После Июльских дней 1917 г. по приказу Временного правительства он был частично расформирован. Полк участвовал в подавлении корниловщины. Во время Октябрьского вооруженного восстания павловцы арестовали двух министров Временного правительства, заняли штаб Петроградского военного округа, охраняли Русский музей, штурмовали Зимний дворец, участвовали в подавлении юнкерского мятежа 1917 г. и мятежа Керенского–Краснова. В начале 1918 г. оба Павловских полка (основной и резервный) были расформированы. — 53

Глава первая

[1*] Имеются в виду Преображенский гвардейский и Волынский резервный гвардейский полки. В Февральской революции активное участие принимали вторая рота запасного батальона Преображенского полка и учебная команда (350 человек) Волынского полка, восстание которой возглавил «первый солдат революции» унтер-офицер запасного батальона Т.И. Кирпичников (расстрелянный в ноябре 1917 г. по приказу генерала А.П. Кутепова). — 55

[2*] В оригинале: the Economic Committee of the Union of Cities and Zemstvos (County Councils). Имеется в виду «Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов» (Земгор) – созданная в 1915 г. на базе земств и городских дум посредническая структура по распределению государственных оборонных заказов. Председателями Земгора были князь Г.Е. Львов и М.В. Челноков. — 55

[3*] Прежнее (до февраля 1923 г.) название Московского вокзала в Петербурге. — 56

[4*] Деятельность Государственной Думы была временно приостановлена указом Николая II от 26 февраля 1917 г. 27 февраля на частном совещании членов Думы был создан Временный комитет Государственной Думы, который в ночь на 28 февраля 1917 г. принял решение «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». В результате 2/15 марта в результате переговоров с Исполкомом Петроградского совета (эсерами и меньшевиками) комитет сформировал Временное правительство, которое не отменило распоряжение о временной приостановке деятельности Думы, но и не распустило ее. С этого времени она существовала как «частное учреждение», причем депутаты продолжали получать государственное денежное содержание. — 57

[5*] Адрес О.О. Грузенберга в С.-Петербурге: Кирочная ул., д. 32/34. См.: Список присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты и их помощников к 31 января 1914 г. СПб., 1914. Кирочная улица с 1932 по 1988 г. носила имя Салтыкова-Щедрина. Сейчас это жилой 6-этажный дом с административными помещениями. — 57

[6*] В «Социологии революции» Сорокин указывает источник этой цитаты: роман «Воспитание чувств». Однако в этом романе такой цитаты нет. Есть похожая по смыслу: «В каждом слоге слова “республика” слышался лязг ножа гильотины» (*Флобер Г.* Госпожа Бовари. Воспитание чувств. М., 1971, с. 585). Нечто похожее говорил и Б. Констан: «В глубине души революционера таятся измена и бешенство» (*Шатобриан Р.* Ренэ. *Констан Б.* Адольф. М., 1932, с. 15–49). — 58

[7*] Окружной суд помещался в здании бывшего Старого Арсенала (находился на углу Литейного проспекта и Шпалерной улицы на месте д. 4 по Литейному просп.). Здесь проходили важнейшие процессы над участниками народнического движения 1870-х гг., в 1878 г. состоялся суд над В.И. Засулич, в 1881 г. – суд над участниками покушения на Александра II, в 1887 г. – над участниками покушения на Александра III. В февральские дни 1917 г. здание, которое даже не пытались спасать, полностью выгорело и оставалось в руинах до 1932 г., когда на его месте построили административное здание НКВД, прозванное в народе Большим домом. — 59

[8*] В начале войны 1914 г. в России был принят сухой закон (предположительно – до окончания войны), и практически вся не реализованная на тот момент продукция оказалась под охраной на государственных винных складах. За годы войны на винных складах скопилось 70 млн ведер спирта (в пересчете на 40-градусный алкоголь). Февральская революция началась в том числе и с разграблений винных складов. Подробнее см.: *Марченя П.П.* Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008, № 17, с. 84–95. — 59

Глава вторая

[1*] Последнее правительство Николая II состояло из 11 министров, обер-прокурора Святейшего Синода, Государственного контролера и 2 главноуправляющих. Вот их список:

председатель Совета Министров – *князь Николай Дмитриевич Голицын* (1850–1925), в должности с 27 декабря 1916 г.; 28 февраля был арестован, давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства; после захвата власти большевиками остался в России, зарабатывал на жизнь сапожным ремеслом и охраной общественных огородов; в советское время трижды подвергался арестам органами ВЧК–ОГПУ, после третьего ареста в связи с «Делом лицеистов» в 1925 г. расстрелян;

министр внутренних дел – *Александр Дмитриевич Протопопов* (1866–1919), в должности с 20 декабря 1916 г.; 28 февраля добровольно явился в Таврический дворец и сдался революционерам; с 1 марта по сентябрь 1917 г. находился в заключении в Петропавловской крепости, затем некоторое время под охраной в лечебнице для нервных больных; после захвата власти большевиками переведен в Москву, находился в заключении в Таганской тюрьме, где 27 октября 1918 г. был расстрелян в порядке «административного усмотрения»;

министр иностранных дел – *Николай Павлович Покровский* (1865–1930), в должности с 30 ноября 1916 г. по 4 марта 1917 г.; в апреле 1917 г. возглавил Русско-Американский комитет содействия экономическому сближению России и США; после Октябрьской революции эмигрировал, занимался наукой, в том числе читал лекции в Каунасском университете;

министр финансов – *Петр Львович Барк* (1869–1937), в должности с 6 мая 1914 г.; был под арестом с 1 по 5 марта 1917 г., после освобождения вместе с семьей уехал в Крым, где в дальнейшем оказывал финансовую помощь Белому движению, в 1920 г. эмигрировал в Англию;

министр путей сообщения – *Эдуард Брониславович Войновский-Кригер* (1864–1933), находился на посту ровно 2 месяца, после Февральской революции уехал за границу, где вел научную работу;

министр земледелия – *Александр Александрович Риттих* (1868–1930), в должности с 12 января 1917 г.; с начала Февральской революции скрывался, после октября выехал в Одессу, а затем эмигрировал;

министр торговли и промышленности – *князь Всеволод Николаевич Шаховской* (1874–1954), в должности с 6 мая 1915 г.; в дни Февральской революции с 1 по 5 марта находился под арестом; после Октябрьской революции эмигрировал во Францию;

министр юстиции – *Николай Александрович Добровольский* (1854–1918), в должности с 20 декабря 1916 г.; с 3 марта по 4 апреля 1917 г. содержался в Петропавловской крепости; в августе 1917 г. с разрешения Чрезвычайной следственной комиссии выехал на Кавказ; в Кисловодске был арестован большевиками как заложник и расстрелян в числе других 59 заложников в Пятигорске в октябре 1918 г. по постановлению ЧК;

министр народного просвещения – *Николай Константинович Кульчицкий* (1856–1920), в должности с 27 декабря 1916 г.; в 1918 г. был арестован большевиками, но вскоре освобожден, в 1921 г. из Крыма уехал в Англию, где работал в Отделе анатомии Лондонского университета; погиб в результате несчастного случая, упав в шахту неработающего лифта;

министр Императорского Двора – *граф Владимир Борисович Фредерикс* (1838–1927), в должности с 6 мая 1897 г.; 27–28 февраля 1917 г. его особняк был одним из первых разграблен и сожжен в Петрограде солдатами и толпой; 9 марта 1917 г. был арестован и доставлен в Таврический дворец; 11 марта по рекомендации врачей-психиатров перевезен в Евангелическую больницу, откуда вскоре был освобожден, жил в Петрограде; в 1924 г. с разрешения советского правительства вместе с дочерью выехал в Финляндию;

военный министр – *генерал Михаил Алексеевич Беляев* (1863–1918), в должности с 3 января 1917 г.; во время Февральской революции пытался организовать подавление беспорядков; арестован 1 марта 1917 г., находился в заключении в Петропавловской крепости, откуда вскоре был освобожден; по постановлению Временного правительства от 1 июля 1917 г. вновь арестован и освобожден после Октябрьской революции; в 1918 г. арестован органами ЧК и расстрелян;

морской министр – *адмирал Иван Константинович Григорович* (1853–1930), в должности с 19 марта 1911 г., 1 марта 1917 г. смещен с должности и уволен со службы; с 1919 г. работал в различных архивных учреждениях, в 1924 г. добился разрешения на выезд из страны и уехал во Францию;

обер-прокурор св. Синода – *Николай Павлович Раев* (1856–1919), в должности с 30 августа 1916 г.; уволен 3 марта 1917 г., был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, но не арестовывался; жил на Северном Кавказе при бывшем Петроградском митрополите Питириме (Окнове);

Государственный контролер – *Сергей Григорьевич Феодосьев* (1880–1937), в должности с 30 ноября 1916 г.; после революции уехал в Сибирь, был Председателем Государственного экономического совещания в правительстве А.В. Колчака; эмигрировал в Лондон;

главноуправляющий государственным здравоохранением – *Георгий Ермолаевич Рейн* (1854–1942), в должности с 1 сентября 1916 г.; после Февральской революции арестован, содержался в Таврическом дворце, а затем переведен в Петропавловскую крепость, вскоре освобожден; участвовал в Белом движении, затем эмигрировал; умер в Софии;

главноуправляющий государственным коннозаводством – *Павел Александрович Стахович* (1865–?), в должности с января-февраля 1917 г., после Февральской революции скрылся, предположительно эмигрировал.

Говоря о «министрах и придворных сановниках», Сорокин, однако, имеет в виду не только этих выше поименованных министров, но и экс-министров и их «товарищей» (заместителей). В газете «Известия революционной недели» сообщалось, что 27 февраля «в 5½ ч. вечера в помещение Гос. Думы под сильным конвоем революционного народа был доставлен председатель Гос. Совета бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов». В тот же день подал в отставку председатель Совета министров. «По слухам, подали в отставку и остальные члены кабинета, за исключением Протопопова. В течение дня революционным народом были произведены обыски в квартирах всех членов кабинета. Ни одного из министров арестовать не удалось, так как никого из них не оказалось дома».

Во втором номере указанной газеты (от 28 февраля) появилась заметка «Арестованные» следующего содержания:

«Министерский павильон Таврического дворца переполнен высокопоставленными узниками. Кроме И.Г. Щегловитова, арестованного еще 27 февраля, сегодня в разное время под конвоем доставлены:

Бывший председатель Совета Министров Б.В. Штюрмер.

Бывший товарищ министра внутренних дел Протопопова, генерал-лейтенант П.Г. Курлов.

Экс-министр здравоохранения Г.Е. Рейн.

Член Г. Совета Ширинский-Шахматов.

Небезызвестный генерал М.С. Комиссаров.

Товарищ министра путей сообщения И.Н. Борисов.

Начальник управления железных дорог С.Б. Богашев.

Начальник главного управления военно-учебных заведений генерал Забелин.

Петроградский градоначальник генерал-майор Балк.

Начальник военно-медицинской академии генерал Карцев.

Адмирал Гирс и бесконечное количество второстепенных чинов администрации и полиции».

В последующие дни были арестованы: министр внутренних дел А.Д. Протопопов (который сам явился в Таврический дворец и был арестован А.Ф. Керенским, имевшим с ним конфиденциальный разговор), министр путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер, министр юстиции Добровольский, бывший директор департамента полиции генерал Климович, помощники петроградского градоначальника генерал-лейтенант Вендорф, Лысогорский и все главные чины градоначальства, председатель Союза русского народа д-р Дубровин (у него был арестован и архив), бывший председатель Совета Министров И.Г. Горемыкин (1 марта), министр торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховской, бывший министр внутренних дел Н.А. Маклаков, графиня Клейнмихель, бывший военный министр В.А. Сухомлинов, бывший председатель петроградской судебной палаты сенатор Крашенинников (2 марта), граф В.И. Коковцев, усмиритель революционного движения 1905 г. генерал Ренненкампф, финляндский генерал-губернатор Зейн и М.М. Боровитинов, государственный секретарь С.Е. Крыжановский, бывший министр народного просвещения Кульчицкий (3 марта). 2 марта значительная часть арестованных была переведена в Петропавловскую крепость. — 62

[2*] Известна лишь одна мартовская речь, произнесенная М. Горьким на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов: 7 марта – об организации «Дня похорон» жертв революции и оформлении массовых праздников. — 64

[3*] По официальным приблизительным данным в первые дни Февральской революции в Кронштадте погибло около 60 офицеров, в Гельсингфорсе – 39. Некоторые историки общую потерю в личном составе офицеров флота определяют в 200 человек, считая в том числе до 120 офицеров, которых пришлось отчислить от должности и убрать с судов ввиду протеста команды. Подробнее см.: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. — 64

[4*] Этот слух оказался ложным (см. ниже прим. 1* на с. 658–659). — 65

[5*] Первый номер газеты под названием «Известия Петроградского совета рабочих депутатов» вышел 28 февраля 1917 г. — 65

[6*] Текст телеграммы приводит Ю.В. Дойков; подписана она, правда, иначе, чем утверждает П.А. Сорокин.

«Циркуляр министра юстиции об освобождении всех политических заключенных.
Всем прокурорам судебных палат и окружных судов.
Предписываю немедленно под вашей личной ответственностью освободить всех осужденных и подследственных, заключенных по политическим преступлениям всех категорий и преступлениям религиозным. Предлагаю произвести лично освобождение, передав каждому освобожденному приветствие от моего имени. Предпишите начальникам охранных отделений немедленно освободить всех задержанных в порядке охраны по тем же преступлениям.
Подписал:
Министр юстиции, член Государственной Думы (от Саратовской губернии) А. Керенский».

(*Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 142). — 65

[7*] В оригинале игра слов: Provisional (or Visionary) Government. — 65

[8*] Имеется в виду речь П.Н. Милюкова 2 марта 1917 г. в Екатерининском зале Таврического дворца, в которой он объявил состав Временного правительства во главе с князем Львовым. На вопрос: «Кто вас выбрал?» Милюков ответил: «Нас выбрала революция». О царе и династии Милюков сказал: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола – или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». Это заявление Милюкова широко распространилось по городу. Пришедшим вечером во дворец офицерам Милюков

заявил, что слова о династии являются его «личным» мнением (*Милюков П.Н.* История второй русской революции. София, 1921, вып. 1, с. 56). — 65

[9*] Знаменитый «Приказ № 1» был напечатан в № 3 «Известий Петроградского Совета». Вот его текст полностью:

Приказ № 1

1 марта 1917 года

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, выбрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее – должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и *ни в коем случае не выдаваться офицерам*, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

(Цит. по: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991, т. 1, с. 145–146). — 66

Глава третья

[1*] Текст «отречения» под заголовком «Манифест Николая II» был опубликован 3 марта в «Известиях революционной недели». Манифест гласил:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы

и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним – повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

НИКОЛАЙ

2-го марта 1917 года, 15 часа, в гор. Пскове».

В этом же номере газеты сообщалось о том, что «Великий князь Михаил Александрович отказался от своих прав на престол». На следующий день в «Известиях революционной недели» (№ 9, 4 марта) было опубликовано «Отречение великого князя Михаила Александровича»:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа.

Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае восприять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Подписал: МИХАИЛ

3 марта 1917 г.

Петроград». — 67

[2*] Имеется в виду «Манифест Временного правительства» от 3 марта 1917 г.:

«Граждане!

Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, что он дозволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью.

Председатель совета министров и министр внутренних дел князь Г.Е. Львов.

Министр иностранных дел П.Н. Милюков.

Министр военный и морской А.И. Гучков.

Министр путей сообщения Н.В. Некрасов.

Министр торговли и промышленности А.И. Коновалов.

Министр народного просвещения А.А. Мануйлов.

Министр финансов М.И.Терещенко.

Обер-прокурор Святейшего синода В.Н. Львов.

Министр земледелия А.И. Шингарев.

Министр юстиции А.Ф. Керенский.

Государственный контролер И.В. Годнев.

Министр по делам Финляндии Ф.И. Родичев.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедальных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего прямого равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, председатель Совета Министров кн. Г.Е. Львов, министры: П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов, А.А. Мануйлов, М.И. Терещенко, Вл.Н. Львов, А.Н. Шишарев, А.Ф. Керенский» (Вестник Временного правительства. 1917, № 1/46, 5 марта).

Критическому разбору этого манифеста П.А. Сорокин посвятил статью «Политическая программа временного правительства» (Ежемесячный журнал, 1917, № 2, 3, 4, стб. 333–346), которую закончил словами: «Правительство заслуживает полной поддержки в осуществлении начертанной программы.

<…> Однако… эту поддержку оно заслуживает лишь в том случае, если прямо и искренно будет идти объявленной декларацией дорогой. Если же оно будет уклоняться от исполнения своих обещаний, если в объявленные формулы будет вводить ограничения и кривотолкования, естественно, должно измениться и наше отношение к нему. В этом случае, быть может, тактику активной поддержки правительства придется заменить тактикой активной борьбы с ним.

Пока этого отклонения нет. Пока правительство последовательно и честно выполняет свои обещания. В силу этого оно заслуживает полной поддержки русского общества, поддержки, диктуемой спасением родины и закрепощением добытых революцией свобод.

В этих случаях должно помнить слова Герцена: Мы идем с теми, кто освобождает народы, и до тех пор, пока освобождает». — 67

[3*] Здание (точнее ряд зданий) Бестужевских курсов находится на 10-й линии Васильевского Острова (дома 31–35). В 1918 г. Высшие женские курсы были реорганизованы в 3-й Петроградский университет, который в 1919 г. присоединился к Петроградскому (ныне Санкт-Петербургскому) государственному университету, которому эти здания принадлежат и сейчас. — 67

[4*] Имеются в виду социалистические резолюции, принятые на Циммервальдской и Кинтальской конференциях 1915–1916 гг.

Международная социалистическая конференция в Циммервальде состоялась 5–8 сентября 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд. Образовавшееся на конференции левое крыло (так называемая Циммервальдская левая) во главе с В.И. Лениным, объединившее 8 делегатов (кроме Ленина и Зиновьева – представителей от левых социал-демократов Швеции, Норвегии, Швейцарии, Германии, Польши и Латвии), внесла наиболее радикальные проекты резолюции и манифеста, которые были отвергнуты большинством. Тем не менее принятый конференцией манифест признал войну империалистической со стороны всех вовлеченных в нее стран, осудил социалистов, голосовавших за военные бюджеты и участво-

вавших в правительствах воюющих стран, и призывал «начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций».

Кинтальская (или Вторая Циммервальдская) конференция открылась 24 апреля 1916 г. в Берне (Швейцария), но дальнейшие ее заседания (25–30 апреля) проводились в горном поселке Кинталь. Манифест, принятый в Кинтале, развивая идеи манифеста, принятого на Циммервальдской конференции, отражал ленинское влияние и растущую силу Циммервальдской левой. Кинтальская конференция содействовала в ряде стран активизации левых групп, из которых впоследствии сложилось ядро Коммунистического Интернационала. — 68

[5*] В оригинале: ambition's debt is paid – цитата из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (действие 3, картина III); слова Брута после убийства Цезаря:

Народ, сенаторы, не бойтесь, стойте!
Смотрите: властолюбья долг оплачен!

(*Шекспир В.* Собрание избранных произведений. СПб., 1993, т. IX, с. 93). — 70

[6*] Похороны жертв Февральской революции (180 погибших) состоялись на Марсовом поле Петрограда 23 марта 1917 г. Еще 5 марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил назначить похороны на 10 марта, но в этот день они не состоялись, и срок церемонии еще не раз переносился, пока, наконец, не была назначена окончательная дата. Официально день 23 марта был объявлен Днем воспоминания о жертвах Революции и всенародным праздником Великой Русской Революции на все времена. Описание похорон см. в дневнике М.М. Пришвина (*Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. М., 1991, с. 258). — 71

[7*] Ночной жизни Петрограда в первые месяцы революции П.А. Сорокин посвятил статью «Ночью на Невском», предназначенную, вероятно, для газеты «Дело народа», но не опубликованную при его жизни. Статья опубликована Ю.В. Дойковым по рукописи, сохранившейся в фонде газеты «Воля народа» (ЦГИА СПб., ф. 1698, оп. 1, д. 35, лл. 17–21). См.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 159–162.

«Семечки, – пишут современные историки, – тоже стали своеобразным завоеванием революции. Это отмечают все современники» (*Ушаков А., Федюк В.* Корнилов. М., 2012, с. 77). И приводят далее свидетельство генерала М.Д. Бонч-Бруевича: «Читатель, помнящий семнадцатый год, не забыл серого, шуршащего под ногами ковра из шелухи, которой были покрыты мостовые и тротуары едва ли не всех городов бывшей империи. Семечками занимались в те дни не только на митингах, но и при выполнении любых обязанностей: в строю, на заседании Совета и комитетов, стоя в карауле и даже на первых после революции парадах… От неустанного занятия этого шел шум, напоминавший массовый перелет саранчи…» (*Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1958, с. 136–137). — 71

[8*] Указ Временного правительства об амнистии был подписан 6 марта 1917 г. Общая политическая амнистия была объявлена, как говорилось в самом указе, «во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в ознаменование окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе». Помимо указа об общей политической амнистии, 14 марта было издано постановление о воинской амнистии и 17 марта постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления». В итоге эти и последовавшие за ними указы Временного правительства об амнистии привели к тому, что, по подсчетам специалистов, в 1917 г. на свободу вышли 80% всех заключенных. Хлынувшие в города и села уголовники принялись заниматься обычным для себя делом, что повысило уровень преступности в десятки раз. После Октябрьского переворота 1917 г. ситуация стала еще хуже: многие сотрудники уголовного розыска, даже являвшиеся политическими противниками большевиков, были готовы продолжать свою ра-

боту, чтобы хоть как-то оградить мирное население от разгула преступности. Однако новая власть долгое время подозрительно относилась к профессионалам, отказываясь от их помощи. Результатом этого стала настоящая кровавая волна преступности, захлестнувшая Россию в период с 1917 по 1922 г., пока, наконец, она не была обуздана репрессивными мерами ЧК (см.: *Бабицкий А.Ф.* Революция и преступность: пагубные последствия амнистии // URL: http://www.chuchotezvous.ru/social-disasters/598.html (дата обращения: 16.11.2015). — 71

[9*] Санкюлоты (от фр. *sans* – «без» и *culotte* – «короткие штаны») – так аристократы и буржуа, носившие короткие штаны с шелковыми чулками, первоначально именовали представителей городской бедноты; в годы якобинской диктатуры термин «санкюлот» становится самоназванием патриота и революционера.

Интерес к книгам о французской революции в России после февраля 1917 г. отмечает и М.М. Пришвин. В своем дневнике 23 марта 1917 г. он пишет: «Когда начала смолкать стрельба на улицах и люди стали выходить из домов массами на Невский, в это время газетного голода вынес некий торговец множество книг в зеленой обложке, мгновенно его окружила огромная толпа, и когда я добился своей очереди, то ни одной книги для меня не нашлось: все было раскуплено. Книга эта была “История французской революции”. Кто только не прочел ее за эти дни!» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. М., 1991, с. 258). — 74

Глава четвертая

[1*] Так проходит мирская слава (*лат.*) – слегка перефразированная цитата из книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу» (I, 3, 6): «О как скоро проходит мирская слава» (O quam cito transit gloria mundi). Эти слова звучат во время церемонии вступления в сан нового римского папы в знак того, что все земное, в том числе получаемые им власть и слава, призрачно, изменчиво и тленно. — 75

[2*] Группа русских политических эмигрантов во главе с В.И. Лениным выехала из Швейцарии в Россию 27 марта (9 апреля). Утром 31 марта (13 апреля) эмигранты прибыли в Стокгольм и вечером того же дня выехали из Стокгольма в Россию через Финляндию. Из Швейцарии вместе с Лениным и Крупской выехали 30 политических эмигрантов, в том числе И.Ф. Арманд, Г.Я. Сокольников, Г.Е. Зиновьев с женой и др. Троцкий, однако, добирался до России другим путем. Он и освобожденные вместе с ним из английского плена русские эмигранты прибыли в Петроград, по-видимому, в ночь с 4 (17) на 5 (18) мая 1917 г., причем в одном поезде с ними в Петроград прибыл и Э. Вандервельде, о чем сообщала газета «Новая жизнь» (см.: Приезд Л.Д. Троцкого (Бронштейна) // Новая жизнь. 1917, № 16, 6/19 мая, с. 3). — 75

[3*] В Великом Устюге с 12 по 17 мая 1917 г. проходил съезд учителей города и уезда, в работе которого принял участие и П.А. Сорокин. Подробнее см.: *Дойков Ю*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 147. — 76

[4*] Облигации «Займа свободы» были выпущены Временным правительством в марте 1917 г. Облигации имели номиналы в 50, 100, 500, 1 000, 5 000, 10 000, 25 000 рублей, а позже, постановлением от 25 апреля 1917 г., были выпущены облигации в 20 и 40 рублей. Обозначен был срок – 49 лет, из расчета 5% годовых. Однако особого интереса к займу со стороны населения не замечалось. По словам министра финансов того времени, основными подписчиками на заем были состоятельные слои населения, поверившие новому режиму. Более бедные слои отнеслись к «Займу свободы» с недоверием. Всего по займу Временное правительство получило около 4 млрд рублей. — 77

[5*] П.Н. Милюков ушел в отставку (или, как он сам выражался, «его ушли») с поста министра иностранных дел 2 мая 1917 г. Поводом послужила нота Министерства иностранных дел о целях войны за подписью Милюкова. В ноте шла речь о «всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы», что стало удобным поводом для антиправительственным выступлений 20–21 апреля, в ходе которых несколько большевистских и анархистских групп даже применили оружие. Подробнее см.: *Чернявский Г., Дубова Л.* Милюков. М., 2015, с. 344–351. — 78

[6*] Первый номер газеты «Воля народа» вышел 29 апреля (12 мая) 1917 г. В числе сотрудников были Е. Брешко-Брешковская, В. Миролюбов, В. Чернов, Б. Савинков, М. Пришвин, А. Звоницкая и др. Газета (под этим названием) выходила до 24 ноября (7 декабря), вышло 207 номеров. — 78

[7*] Луи де Брукер посетил Россию по поручению генсовета Бельгийской рабочей партии с целью агитации за продолжение войны; с этой же целью он посетил ряд других стран Антанты. — 78

[8*] Альбер Тома (в качестве французского социалиста и министра вооружений и военной промышленности Франции) прибыл в Петроград 9/22 апреля 1917 г. Целью его визита были переговоры с Временным правительством и Петроградским Советом и оказание на них давления в сторону продолжения войны до победного конца. Вместе с ним в Россию приехали два других представителя II Интернационала – Гендерсон и Вандервельде. Во время своего визита А. Тома посетил Москву (7–9 мая) и ряд других городов России. 1 июня 1917 г. отбыл на родину.

Видимо, после визита в редакцию «Воли народа» Вандервельде, А. Тома и де Брукер дали согласие на участие в иностранном отделе газеты. — 78

Глава пятая

[1*] В оригинале: Peasant's Conference – I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, состоявшийся в Петрограде 4 (17) мая – 28 мая (10 июня) 1917 г. — 79

[2*] Ленин выступил на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов 22 мая (4 июня) с речью по аграрному вопросу и от имени большевистской фракции съезда внес написанный им проект резолюции, согласно которой:

«1. Все помещичьи и частновладельческие земли, а равно удельные, церковные и так далее должны немедленно перейти к народу без всякого выкупа.

2. Крестьянство должно организованно, через свои Советы крестьянских депутатов, брать всю землю на местах немедленно для хозяйственного распоряжения ею, нисколько не предрешая этим окончательного установления земельных распорядков Учредительным собранием или Всероссийским Советом Советов, если народ передаст центральную государственную власть в руки такого Совета Советов.

3. Частная собственность на землю вообще должна быть уничтожена, то есть право собственности на всю землю должно принадлежать только всему народу; распоряжаться же землею должны местные демократические учреждения.

4. Крестьяне должны отвергнуть совет капиталистов, помещиков и их Временного правительства относительно «соглашения» с помещиками на местах для установления немедленного распоряжения землей; распоряжение всей землей должно определяться организованным решением большинства местных крестьян, а не соглашением большинства, т.е. крестьян, с меньшинством, и притом ничтожным меньшинством, т.е. с помещиками.

5. Против перехода к крестьянству всех помещичьих земель без выкупа борются и будут бороться всеми средствами не только помещики, но и капиталисты, обладающие очень большой силой не только денежной, но и силой влияния на темные еще массы через газеты, через многих, привыкших к господству капитала, чиновников, служащих и т.п.

Поэтому переход всех помещичьих земель к крестьянству без выкупа не может быть ни проведен до конца, ни упрочен без разрушения в крестьянских массах доверия к капиталистам, без тесного союза крестьянства с городскими рабочими, без перехода всей государственной власти полностью в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и др. депутатов. Только государственная власть, находящаяся в руках подобных Советов и управляющая государством не через полицию, не через чиновников, не через оторванную от народа постоянную армию, а через всенародную, поголовную, вооруженную милицию рабочих и крестьян, в состоянии обеспечить изложенные выше и требуемые всем крестьянством земельные преобразования.

6. Сельскохозяйственные наемные рабочие и беднейшие крестьяне, то есть такие, которые добывают себе средства к жизни отчасти наемным трудом, не имея достаточно земли, скота, орудий, должны всеми силами стремиться к самостоятельной организации в особые Советы или в особые группы внутри общекрестьянских Советов, чтобы отстаивать свои интересы против богатых крестьян, неизбежно стремящихся к союзу с капиталистами и помещиками.

7. Вследствие войны, России, как и всем воюющим, а также многим нейтральным (невоюющим) странам, грозит разруха, катастрофа, голод вследствие недостатка рабочих рук, недостатка угля, железа и проч. Спасти страну может только переход рабочих и крестьянских депутатов к надзору и руководству всем производством и распределением продуктов. Поэтому необходимо теперь же подготовлять соглашения Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих депутатов об обмене хлеба и других деревенских продуктов на орудия, обувь, одежду и прочее, без посредства капиталистов и с устранением их от заведования фабриками. В тех же целях надо поощрять переход помещичьего скота и орудий в руки крестьянских комитетов для общего пользования этими орудиями и этим скотом. Равным образом надо поощрять устройство из каждого крупного помещичьего имения образцового хозяйства с общей обработкой земли наилучшими орудиями под руководством агрономов и по решениям Советов депутатов от сельскохозяйственных рабочих» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 32, с. 165-167). — 79

[3*] К сожалению, на сегодняшний день не выявлено ни одной статьи Троцкого, направленной против П.А. Сорокина, как, впрочем, и других большевистских публицистов (кроме В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева), хотя такие статьи, несомненно, были. Ю.В. Дойков пишет: «Кто только не издевался над Сорокиным, начиная с Ленина, Троцкого, Зиновьева и кончая Гредескулом, какими-то: Кедр-Ливанским… и И. Сосисом» (*Дойков Ю*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 392). Так что проблема «Сорокин–Троцкий» до сих пор остается белым пятном современной «сорокинианы». — 81

[4*] В примечаниях к «Дальней дороге» А.В. Липский пишет: «По свидетельству Е.Н. Кондратьевой [дочери Н.Д. Кондратьева. – *В.С.*], ее отец часто, смеясь, вспоминал этот эпизод. Посидев некоторое время в ресторане в компании приглашенных друзей, Сорокин встал и ушел с женой, предоставив друзьям самим расплачиваться за съеденное и выпитое» (*Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М., 1992, с. 274).

Здесь уместно сказать несколько слов о жене П.А. Сорокина, сыгравшей выдающуюся роль в судьбе своего мужа. Елена Петровна Баратынская родилась 10 июля 1894 г. в семье земского врача Петергофского уезда Петра Алексеевича Баратынского и его жены Клавдии Никитичны. Ее отец П.А. Баратынский родился в 1862 г., окончил курс медицинских наук в 1887 г., работал земским врачом в селе Копорье Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии, затем вольнопрактикующим врачом в Санкт-Петербурге и старшим врачом губернской земской больницы Тамбова, имел чин надворного советника. Ю.В. Дойков в своей книге о Питириме Сорокине пишет, что в 1904 г. в Севастополе Е.П. Баратынская окончила с золотой медалью женскую гимназию А.А. Ахновской, что, конечно, не соответствует и не может соответствовать действительности. Поскольку вслед за этим утверждением он приводит свидетельство, выданное Симбирским предводителем дворянства, подтверждающее ее потомственное дворянство и датированное 2 ноября 1904 г., то надо полагать, что в 1904 г. Е.П. Баратынская в гимназию только поступила, а по ее окончании в 1912 г. поступила на

физико-математический факультет Бестужевских курсов. В Петербурге она, как и П.А. Сорокин, посещала литературный кружок и философские семинары, которые проводил в своей квартире К.Ф. Жаков. В квартире Жакова они и познакомились.

Начало переписки между П.А.Сорокиным и Е.П. Баратынской относится к 1916 г., когда они еще не были мужем и женой. Приведем отрывки из двух писем.

15 мая. Старая Зиновьевка.

...Пишу тебе уже после того, как устроилась на новом месте. Поселились на самом краю села, рядом с усадьбой, от лугов близко и помещение удобное. Работу начали, и, как всегда бывает, в самом начале встречается масса затруднений и сложностей. Приходится определять и кое-что, за невозможностью определения, угадывать. Ошибки, конечно, будут, впрочем, думаю, не особенно существенные[1]. Места хорошие, красивые. Река Барыш <в Симбирской губ., приток р. Суры> небольшая, быстрая и, собственно, на реку-то не похожа. Пойма тоже небольшая; после Волги-то и этих бесконечных пространств здесь все покажется маленьким и мизерным. Зато село наше большое, собственно, оно не так уж велико, как центрально. Здесь есть и почта, и волость, и базар, и большая усадьба, которая разбросила свои владения по всему уезду. Мы с сотрудницей устроились независимо от кого <бы> то ни было и даже сами себе обед делаем. Правда, это не особенно весело и удобно, тем более что приходится целый день проводить в лугах; зато и обеды наши примитивны. Сейчас уже начнем очередную работу и будет спешка...

У нас здесь очень холодно, и мы, как французы в Москве, накутываем на себя все, что есть теплого, и все-таки зябнем. Я начинаю думать, что это свойство данной местности, и вера в то, что тепло будет, во мне никак не может ужиться. Правда, люди здесь теплые, а это, пожалуй, лучше. Числах в первых июня приедет Шенников, и мы уже все свои сомнения выписываем, приготовляемся к встрече не столь уж дорогого, как нужного гостя. Ведь начальство наше. Здесь все удивлены, что у нас нет начальства. И, чтобы не уронить свою честь, Шенникова мы произвели в начальство. Вот чем занимаемся!

9 июня.

[...] Вчера только вернулась из странствий. Пришлось поехать на три дня в маршрутное обследование других лугов по Барышу (река, пойму которой изучаем). Путешествовала с Шенниковым. Конечно, маршрутное исследование интереснее стационарного, но слишком с большими неудобствами сопряжено оно; особенно плохо приходится в смысле еды и помещения. В одном селе клопы довели меня до того, что среди ночи пришлось перетаскиваться на улицу, лечь в телегу и спать, хотя было очень холодно, под шумом жующих коров и лошадей. В другом месте из-за дождя не удалось лечь на дворе и пришлось спать в одной комнате с Шенниковым. Правда, мы не раздевались и, кроме того, устроили перегородку из простыни, но все-таки неудобно. Конечно, все странствия сопровождались красноречивыми толпами, и с особым сожалением смотрели на меня бабы, когда узнавали, что я девка и путешествую с «чужой мущиной». Зато знаний прибавляется масса, куда яснее становятся все лугообразующие процессы, и каждое явление, каждая новая формация заставляет внимательно присматриваться к ней и искать причин ее образования. Стационарные занятия по-прежнему много отнимают времени, особенно заметно теперь, так как [за] три дня моего отъезда моя сотрудница, хотя и была здесь, не смогла, конечно, выполнить работу за двоих. Теперь идет спешка. Немного посвободнее будет, и проеду еще в другую сторону верст за 40. Возможно, что в начале июля придется ехать с Шенниковым опять в маршрутное уже на большее время на р. Уссу. Это случится, если приедет к нам помощница. Я бы хотела и променяла бы даже своих не очень свирепых клопов на очень свирепых чужих.

Бракосочетание П.А. Сорокина и Е.П. Баратынской состоялось 26 мая 1917 г. Отец Е.П., доктор П.А. Баратынский, прислал Сорокину поздравительное письмо:

Многоуважаемый Питирим Александрович.

Под шум клокочущих политических страстей поздравляю Вас по личному делу с вступлением в брак. Вы как социолог лучше меня оцениваете значение брачного соединения людей. Этой первоначальной ячейки, из которой строится все государство. В русских обычаях желать новобрачным счастья: счастья согласной любовной жизни, счастья долгой совместной жизни до старости. Всего этого я от души желаю Вам. Я с семьей (жена и

мальчик) живем [*четыре слова неразборчивы*] отдыхаем, пробудем здесь до пятнадцатого июля. Лена писала, что Вы на лето остаетесь в Санкт-Петербурге. Сама она обещает в конце августа приехать в Тамбов. Я бы очень хотел и прошу Вас приехать к этому времени к нам в Тамбов. Отдохнуть у нас от Вашей работы. Лене я недавно послал заказное письма в Зиновьевку. Будьте здоровы. Я и жена шлем Вам душевный привет.

16 июня 1917 г.

Уважающий Вас Петр Баратынский.

Е.П. сразу после свадьбы уехала на летнюю практику заниматься изучением лугов и пойм рек в Тамбовской губернии. Сохранилось более тридцати ее писем к Питириму Сорокину, написанных в 1917 г… Вот отрывки из некоторых ее писем:

9 июня.

Получила твое письмо из Зырянии, т.е., конечно, не письмо, а какую-то открытку. По-моему, лучше совсем не писать, чем писать открытки. Хотела было и я отплатить тебе тем же, да не хватило духу.

29 июня.

Ты должен получить от меня по крайней мере пятнадцать писем. Я их писала тебе бесконечно много, и в каждом я тебя зову в Тамбов. Неужели и на такое приглашение у тебя хватит храбрости отказать. Тогда по праву твоей жены я буду требовать, чтобы муж возвратился ко мне хотя бы на день, имею же я такое право. Нет, серьезно, устраивай так, чтобы побыть немного со мной, мне все равно как, лишь бы с тобой, мой дорогой, милый, хороший. Как ты думаешь на этот счет? Я знаю, как ты думаешь. Ты думаешь, что ты тоже хочешь побыть со мною, но дела прежде всего, и я тебе говорю, что делу я не помешаю.

Целую и люблю мою светлую радость.

Твоя Лена.

1 июля.

Родной мой, хороший мой.

Как я теперь хорошо знаю, как знаю чувство тоски без тебя. Никогда раньше и не думала, что можно до такой степени соскучиться, не верила и не знала […] Получила твое письмо из Архангельска. Ужасно рада твоему успеху. Рада и тому, что ты пишешь, что соскучился без моих писем в пути […] Потом помнишь, ты поцеловал меня в первый раз. […] Я бы сама тебя не поцеловала первой. […] И даже еще в прошлом году мне иногда казалось, что нет и во мне и в тебе временами общего.

7 июля.

Дорогой Питирим, любимый мой.

Я так за тебя беспокоюсь в связи с событиями в Петрограде. Так тревожно и больно […]. Сегодня отправила тебе срочную телеграмму и жду ответа […]. Боюсь за тебя ужасно. Жалко, что так много сил, энергии и здоровья тратится в борьбе со всякими подлецами и наглецами […] У нас здесь все тихо и мирно, не верится, что где-то буря и волнение, никакие отголоски сюда не доходят. Редкие газетные известия волнуют очень немногих здесь, остальным нет дела ни до чего.

16 июля.

Здравствуй, мой дорогой друг.

Получила твою телеграмму от 6 июля и немного успокоилась. […] Писем от тебя не имею с 27 июня. […] Если бы я знала, что застану тебя в Петрограде, то приехала бы к тебе через четыре дня. 20-го кончаю работу, и если получу от тебя письмо с известием, что ты в Петрограде, то поеду к тебе, если же письма не будет, то выезжаю в Тамбов числа 22-го из Симбирска и 25-го буду в Тамбове.

15 августа.

Приехала сегодня в Тамбов. После работ жила на даче около Симбирска, где жили и наши, затем проехалась по Волге. Сейчас, что буду делать, ясно не представляю, полагаю, надо позубрить органическую, не знаю, смогу ли дома хорошо заниматься: слишком отвлекают.

22 августа.

Я буду в Петрограде, вероятно, вскоре после 1 сентября. До 1-го меня задерживает всякая домашняя мелочь, а кроме того и папочка хочет, чтобы я немного пожила дома. [...] Дома живу с удовольствием, немного занимаюсь, вожусь с братом, никуда не хожу

и много думаю о тебе и о том, как наладятся наши отношения […]. Я представляю себе до того ясно сейчас тебя. Нашу предстоящую встречу, что сердце замерло, что-то сильное вырвалось наружу, и всю меня наполнило такой радостью, как будто ты уже здесь со мной. Это было, правда, недолго, но скоро, скоро будет и долго, да, мое солнце, да? [...] Чтобы быть в это время ближе к тебе, читаю твою книгу. Не подумай, что это единственная причина заставляет меня ее читать, нет, я бы не стала этого делать, если бы было неинтересно.

В ожидании приезда жены Сорокин подыскал и снял недалеко от редакции «Воли народа» квартиру, о чем свидетельствует следующий документ:

Договор Е.В. Ивашенцевой и П. Сорокина.

Ивашенцева сдает квартиру своего брата, С.В. Ивашенцева, № 13 д. 4 по Надеждинской улице с 26 августа по 1 июля 1918 года.

Сорокин обязан вносить за квартиру с полной обстановкой за два месяца вперед по 200 рублей в месяц. Прислуге платить по 20 рублей в месяц.

26 августа 1917 г. Подписи.

(Письма Е.П. Баратынской-Сорокиной приведены по изданиям: *Дойков Ю*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 137–140; *Сорокин П.А*. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006, с. 18–20).

19 марта 1918 г. после сдачи экзаменов по естественному отделению на физико-математическом отделении Высших женских курсов по решению испытательной комиссии Е.П. была удостоена диплома 2-ой степени. В примечании к удостоверению говорилось: «По своим отметкам Елена Петровна Баратынская имеет право на диплом первой степени, каковой ей может быть присужден по представлении сочинения». Остаток 1918 г. она, как и ее муж, посвятила «политике»: по крайней мере с момента лесных «странствий» Питирима она неотлучно находилась в Великом Устюге, а затем, после его добровольной сдачи ЧК, выполняя роль «связной» между узником и внешним миром, в немалой степени способствовала благополучному завершению всей этой истории (подробнее об участии Е.П. Сорокиной в деле освобождения мужа см. в статье А.В. Липского «Житие неистового Питирима» // *Сорокин П.А*. Система социологии. М., 1993, т. 1, с. 31–34).

Переехав вслед за мужем в Америку, Е.П. стала крупным биологом, специалистом в области цитологии, профессором Американского института биологических наук. Ее некролог см.: New York Times. 1975. 5 September, p. 32. — 82

[5*] С Т.Г. Масариком Сорокин встречался в день своей свадьбы, т.е. 26 мая 1917 г. См.: *Дойков Ю*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 152. О приезде Масарика в Россию в 1917 г., о цели и результатах его приезда см.: Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000, с. 123–127. О «чешской проблеме» Сорокин писал в статье «Si vis pacem…» (Ежемесячный журнал. 1917, № 2–4, февраль–апрель, с. 285–304). Анализируя в этой статье варианты послевоенного переустройства Европы, Сорокин допускал возможность реализации так называемого «национального проекта», согласно которому «каждая нация образует государство». В таком случае, писал Сорокин, «те из современных государств, которые составлены из различных наций (народов), как например Австрия, должны будут распасться на ряд отдельных государств: например, венгерское, хорватское, чешское и т.д.». — 82

[6*] Имеется в виду наступление русской армии, начавшееся 18 июня 1917 г. на Юго-Западном фронте. В этот день А.Ф. Керенский направил Временному правительству телеграмму, в которой говорилось: «Сегодня великое торжество революции, Русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление». Вначале наступление развивалось успешно: войска VIII армии генерала Корнилова заняли города Калуш, Станислав и Галич. Но к 1–2 июля наступательный порыв всего фронта иссяк, и наступление полностью

прекратилось. Потери русской армии к этому моменту составляли 1 222 офицера и 37 500 солдат. — 83

[7*] 6 июля 1917 г. австро-германские войска перешли в контрнаступления и к 15 июля отбросили части русской армии на линию Броды, Збараж, река Збруч. Потери русской армии превысили 50 тысяч человек. Подробнее см.: *Головин Н.Н*. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939, т. 2, с. 207. — 83

[8*] Официально смертная казнь на фронте была восстановлена 12 июля 1917 г., но фактически это была легализация уже проводившейся самосудной практики расстрелов в армии. Сам Л.Г. Корнилов стал применять ее, не дожидаясь официального возобновления смертной казни, и уже 9 июля 1917 г. последовали первые расстрелы в количестве 14 человек. Подробнее см.: *Ратьковский И.С*. Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // Новейшая история России. 2015, № 1, с. 48–57. — 83

[9*] На самом деле статья называется «Гибель нации» (Воля народа. 1917, № 121, 17 сентября). Название статьи навеяно одноименным фильмом Тома Диксона «Гибель нации», который демонстрировался с сентября 1917 г. в петроградских кинотеатрах «Паризиана» и «Юпитер».

5 (18) июля, когда еще был не ясен исход июльского восстания большевиков, парламент Финляндии одобрил социал-демократический проект о передаче себе верховной власти. Однако этот закон о восстановлении автономных прав Финляндии был отклонен Временным правительством России, парламент Финляндии был распущен, а его здание заняли российские войска. 10 (23) июня на заседании Комитета Центральной рады был принят и в тот же день обнародован Первый Универсал, провозгласивший в одностороннем порядке национально-территориальную автономию Украины в составе России. Законодательным органом объявлялось Всенародное украинское собрание (Сейм), избираемое всеобщим равным, прямым, тайным голосованием, при этом ясно давалось понять, что его решения будут иметь приоритет над решениями Всероссийского учредительного собрания. 1 мая 1917 г. во Владикавказе по инициативе Временного Центрального комитета объединенных горцев прошел Первый Горский съезд, на котором был образован Съезд объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Центральному комитету Союза объединенных горцев непосредственно подчинялись Дагестанская область, горские округа Терской области, Ногайский участок Терской области, Кубанский Горский областной комитет и Кубанский Горский областной совет, исполнительные комитеты ногайцев и караногайцев Ставропольской губернии. Аналогичные процессы происходили в Татарстане, Башкирии, в Сибири и других регионах бывшей Российской империи. — 85

[10*] Автор этого девиза – немецкий юрист Рудольф Иеринг (1812–1890), автор книги «Борьба за право» (1872). Изречение стало девизом эсеров в 1902 г. — 85

Глава шестая

[1*] Этот инцидент, произошедший 5 июля 1917 г., описан многими его очевидцами и участниками. Наиболее известным является, пожалуй, рассказ Ф.Ф. Раскольникова. «Когда первые ряды кронштадтцев, – пишет Раскольников, – вступили в небольшой сквер, разбитый перед фасадом Таврического дворца, и подошли к тяжелым белоснежным колоннам, то Рошаль и другие товарищи остались вместе со всеми снаружи, а я вошел внутрь, чтобы сообщить о нашем приходе, попросить оратора и выяснить дальнейший церемониал демонстрации. Встретив тов. Троцкого, я подошел к нему.

Но едва мы успели бегло обменяться впечатлениями, как кто-то из меньшевиков взволнованно подбежал к нам и сообщил: “Кронштадтцы арестовали Чернова, посадили его в автомобиль и хотят куда-то увезти”.

Троцкий и я немедленно отправились к месту происшествия, сговариваясь на ходу о необходимости отменить этот самочинный арест и непременно, во что бы то ни стало, освободить Чернова. Никаких разногласий на этот счет у нас не было. Выйдя на подъезд, мы прошли сквозь расступившуюся толпу кронштадтцев прямо к автомобилю, в котором без шапки сидел арестованный Виктор Чернов. Вождь эсеровской партии не мог скрыть своего страха перед толпой: у него дрожали руки, смертельная бледность покрывала его перекошенное лицо, седеющие волосы были растрепаны.

Троцкий и я вскочили в автомобиль и пытались жестами восстановить молчание, чтобы обратиться к товарищам-кронштадтцам со словом дружеского увещания. Несколько минут не удавалось водворить тишину. Толпа гудела, шумела, волновалась, подавала реплики, переговаривалась.

Чувствовалась огромная ненависть со стороны крестьян в матросских и солдатских шинелях к “министру статистики”, который всяческими путями, под разными несостоятельными предлогами оттягивал и отсрочивал до Учредительного собрания разрешение аграрного вопроса, понимавшегося тогда только в одном смысле – как передача всей земли в руки крестьян. Впоследствии в “Крестах” тов. Троцкий показал мне одного уголовного матроса, запомнившегося ему как участника ареста Чернова, и видел в этом подтверждение своей версии о том, что арест был произведен десятком субъектов полууголовного, полупровокаторского типа. Однако я категорически считаю попытку ареста Чернова отнюдь не результатом провокации, а стихийным поступком самих кронштадтских массовиков, в глазах которых министр земледелия и вождь партии эсеров Виктор Чернов, как саботажник земельной проблемы, являлся худшим типом врагов народа и революции.

Пока толпа перекатывалась неясным гудением голосов, сливавшихся в общем гуле, я, стоя в автомобиле, успел перекинуться несколькими словами с ближайшими ко мне товарищами.

– Зачем вы арестовали Чернова? Куда вы хотите его везти? – спросил я.

– Не знаем, – недоумевающе отвечали одни.

– Куда хотите, тов. Раскольников. Он в вашем распоряжении, – отвечали другие.

Видя растерянность Чернова, я шепнул ему: “Это недоразумение. Вы будете освобождены”. Чернов посмотрел на меня каким-то рассеянным взглядом и ничего не ответил: по-видимому, он плохо отдавал себе отчет во всем происходящем. У тов. Троцкого мелькнул план на случай неудачи немедленного освобождения Чернова: поехать вместе с ним в автомобиле, отвезти его за несколько кварталов и затем выпустить на свободу. Но я решительно запротестовал, заявив тов. Троцкому: “Это невозможно, это позор! Если вы выедете с Черновым, то завтра скажут, будто кронштадтцы хотели его арестовать! Нужно Чернова освободить немедленно”.

Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы бурливое волнение массы, если бы делу не помог горнист, сыгравший обычный судовой сигнал, призывающий команду к полной тишине и спокойствию. Тогда тов. Троцкий прыгнул на передний кузов, покрывающий моторный двигатель автомобиля, и взмахом руки подал сигнал к молчанию.

В одно мгновенье все стихло, и воцарилась мертвая тишина. Громким, отчетливым, металлическим голосом, отчеканивая каждое слово и тщательно выговаривая каждый слог, тов. Троцкий произнес короткую речь приблизительно следующего содержания:

– Товарищи кронштадтцы, – начал он, – краса и гордость русской революции! Я не допускаю мысли, чтобы решение об аресте министра-социалиста Чернова было вами сознательно принято. Я убежден, что не найдется ни одного человека, стоящего за арест, и не поднимется ни одной руки за омрачение нашей сегодняшней демонстрации, нашего сегодняшнего празд-

ника, нашего торжественного смотра сил революции ненужными, ничем не вызываемыми арестами. Кто тут за насилие, пусть поднимет руку. – Тов. Троцкий остановился и обвел взглядом всю толпу, словно бросая вызов своим оппонентам. Толпа, с напряженным вниманием прослушавшая его речь, застыла в немом молчании.

Никто даже не приоткрыл рта, никто не вымолвил ни слова возражения.

– Гражданин Чернов, вы свободны, – торжественно произнес тов. Троцкий, оборачиваясь всем корпусом к министру земледелия и жестом руки приглашая его выйти из автомобиля. Чернов был ни жив ни мертв. Я помог ему сойти с автомобиля: с вялым измученным видом, нетвердой, нерешительной походкой он поднялся по ступенькам и скрылся в вестибюле дворца» (*Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990, с. 137–138). См. также: *Троцкий Л.* История русской революции. М., 1997, т. 2, ч. 1, с. 45–46; *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991, т. 2, с. 333–335. — 90

[2*] Самокатчики – военнослужащие велосипедных (самокатных) подразделений. В России самокатчики использовали французские велосипеды «Пежо», а с 1915 г. в русской армии стал широко применяться складной самокат системы капитана Жерара.

Другие очевидцы события (Л. Троцкий и Н. Суханов) называют это подразделение не полком самокатчиков, а 176-м запасным пехотным полком, пришедшим из Красного Села. Полк был «большевистским» и подчинился распоряжению меньшевика Ф. Дана (выставил караулы для охраны Таврического дворца) якобы по недоразумению. См.: *Троцкий Л.* Указ. соч., с. 47–47; *Суханов Н.* Указ. соч., с. 335; М.С. Урицкий и 176-й полк в июльские дни 1917 года // Красная летопись. 1933, № 5–6. — 91

[3*] Имеется в виду статья Г.А. Алексинского и В.С. Панкратова «Ленин, Ганецкий и К° – шпионы!», опубликованная 5 (18) июля в газете «Живое слово». В статье говорилось:

«При письме от 16 мая 1917 года за № 3719 начальник штаба Верховного Главнокомандующего переправил Военному Министру протокол допроса от 28 апреля сего года прапорщика 16 Сибирского стрелкового полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику разведывательного отделения штаба Верховного Главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл на фронт 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры Германского генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент германского Генерального штаба и председатель Украинской секции «Союза освобождения Украины» А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Поручено стремиться вести всеми силами к подорванию доверия Русского народа к Временному Правительству. Деньги на агитацию получаются через некого Свендсона, служащего в Стокгольме при Германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц.

Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией "Ганецкий", и Парвус (доктор Гельфанд). В Петрограде: большевик, присяжный поверенный М.Ю. Козловский, родственница Ганецкого – Суменсон, занимающиеся совместно с Ганецким спекуляциями, и другие. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через "Дисконто-Гезельшафт" на Стокгольм в "Виа-Банк", а отсюда на Сибирский банк в Петроград, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2 000 000 руб. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами.

По поручению Временного Правительства были выключены вчера телефоны во всех большевистских организациях, в типографиях, занятых большевиками, и в частных квартирах большевиков. Ввиду угрозы большевиков захватить телефонную станцию, на Морскую улицу, к помещению, занимаемому телефонной станцией, был послан бронированный автомобиль.

По полученным сведениям, большевики готовили нападение на контрразведывательные отделения Генерального штаба. К помещению, занимаемому отделением, был выслан бронированный автомобиль».

В том же номере газеты «Живое слово» была помещена заметка «Кто разоблачил Ленина?»:

«Комитету журналистов при Временном Правительстве доставлено за собственноручной подписью члена 2-й Государственной Думы т. Алексинского и шлиссельбуржца В. Панкратова следующее письмо:

"Мы, Нижеподписавшиеся, Григорий Алексеевич Алексинский, бывший член 2-ой Гос. Думы от рабочих Петрограда, и Василий Семенович Панкратов, член партии социалистов-революционеров, пробывший 14 лет в Шлиссельбургской тюрьме, считаем своим революционным долгом опубликовать выдержки из только что полученных нами документов, из которых Русские граждане увидят, откуда и какая опасность грозит Русской свободе, рев. армии и народу, кровью своей эту свободу завоевавшим. Требуем немедленного расследования.

(Подписи) Г. Алексинский и В. Панкратов». — 92

[4*] Аресты, о которых пишет Сорокин, произошли ночью 10 (23) июля. 6 июля Временное Правительство создало особую следственную комиссию для расследования июльских событий и привлечения виновных к ответственности. Согласно приказу Временного правительства, отданному 7 (20) июля, аресту подлежали: Ленин, Луначарский, Зиновьев, Коллонтай, Козловский, Суменсон (двоюродная сестра Ганецкого Суменсон Евгения Маврикиевна), Семашко, Парвус, Ганецкий, Раскольников и Рошаль. Троцкий на тот момент еще не вошел в состав большевистской партии, но в знак солидарности с большевиками сам настоял на своем аресте, после чего и оказался в «Крестах».

Ленин ушел в подполье. В Петрограде ему пришлось сменить 17 конспиративных квартир, после чего до 8 (21) августа 1917 г. он вместе с Зиновьевым скрывался недалеко от Петрограда – в шалаше на озере Разлив. В августе он скрылся на территории Финляндии, где проживал до начала октября. Вскоре расследование по делу Ленина было прекращено из-за отсутствия доказательств.

7 сентября 1917 г. большевики, в том числе и Троцкий, арестованные за попытку июльского переворота, были освобождены Временным правительством одновременно с арестом наиболее активной и государственно мыслящей группы генералитета. — 92

[5*] «Когда его младший брат Людовик, назначенный им в 1806 г. в Голландию королем, вздумал как-то похвалиться перед Наполеоном, что его, Людовика, в Голландии очень любят, то старший брат сурово оборвал младшего словами: "Брат мой, когда о каком-нибудь короле говорят, что он добр, значит царствование не удалось" (quand on dit d'un roi qu'il est bon, le règne est manqué)» (*Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1992, с. 105). — 93

[6*] Николая II и его семью 31 июля 1917 г. отправили в Тобольск, куда они прибыли 6 августа. См.: *Панкратов В.С.* С царем в Тобольске. Л., 1925. — 94

Глава седьмая

[1*] В оригинале – All-Russian Conference: Государственное совещание в Москве (Московское государственное совещание), проходило 12 (25) – 15 (28) августа 1917 г. Совещание было созвано Временным правительством для информирования граждан России о политической ситуации в стране и объединения поддерживающих его сил среди разных слоев и групп российского общества. На Совещании присутствовало около 2 500 чел.: 488 депутатов Государственной думы всех созывов, 129 представителей от Советов крестьянских депутатов, 100 – от Советов рабочих и солдатских депутатов, 147 – от городских дум, 117 – от армии и флота, 313 – от кооперативов, 150 – от торгово-промышленных кругов и банков, 176 – от профсоюзов, 118 – от земств, 83 – от интеллигенции, 58 – от национальных организаций, 24 – от духовенства и т. д. — 95

[2*] После антиправительственных выступлений в Петрограде газета «Правда» была закрыта 5 (18) июля 1917 г. и до октября выходила под другими названиями («Листок “Правды”», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь»).

19 июня была освобождена от захвативших ее анархистов дача Дурново; в ходе этой военно-полицейской операции (в которой участвовала казачья сотня и батальон пехоты с бронемашиной) погиб анархист Ш.А. Аснин и было арестовано 59 человек. Однако выселить большевиков из захваченного ими особняка балерины Кшесинской так и не удалось: попытка, предпринятая властями 12 июня 1917 г., не увенчалась успехом, так как Петроградский военный округ и рабочая милиция отказались содействовать выселению, а вечером 12 июня Исполком Петросовета постановил выселение прекратить. — 95

[3*] См. прим. 1* на с. 671. — 96

[4*] В таких примерно выражениях рассказывает об этом событии Н.И. Костомаров: «Тогда [в сентябре 1611 г. – В.С.] в том же Нижнем Новгороде выступил перед народом выборный нижегородский земский староста Козьма Захарыч Минин-Сухоруков, ремеслом “говядарь” [т.е. скотопромышленник. – *В.С.*]. На всенародной сходке у собора он говорил народу в таком смысле: “Православные люди, похотим помочь Московскому государству, не пожалеем животов наших, да не токма животов – дворы свои продадим, жен, детей заложим и будем бить челом, чтоб кто-нибудь стал у нас начальником. Дело великое! Мы совершим его, если Бог поможет. И какая хвала будет всем нам от русской земли, что от такого малого города, как наш, произойдет такое великое дело: я знаю, только мы на это подвинемся, так и многие города к нам пристанут, и мы избавимся от иноплеменников”» (*Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, гл. 30). — 98

[5*] «Коль славен наш Господь в Сионе» – неофициальный гимн, широко использовавшийся до официального принятия гимна «Боже, царя храни», в нотных изданиях XIX в. сопровождался отметкой «национальный русский гимн». С 1856 по октябрь 1917 г. часы-куранты Спасской башни в Московском Кремле вызванивали мелодию «Коль славен...» наряду с «Преображенским маршем». Слова поэта М.М. Хераскова, музыка – Д.С. Бортнянского:

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык.
Велик Он в небесах на троне,
В былинках на земле велик.
Везде, Господь, везде Ты славен,
В нощи, во дни сияньем равен.

Во время октябрьского переворота 1917 г. часы пострадали при артиллерийском обстреле Кремля. Спустя год они были восстановлены, и над Красной площадью зазвучали новые мелодии часов: «Вы жертвою пали» и «Интернационал». С 2000 г. Кремлевские куранты исполняют официальный гимн Российской Федерации. — 98

[6*] В оригинале: Hamlet wavering to and fro. — 98

[7*] Ср. с оценкой Н.Н. Суханова: «Речь министра-президента была не только патетической, но раздраженной и вызывающей – налево и направо. Керенский, казалось бы, должен был произнести *программную* речь от имени правительства. Но никакой программы он не дал. Мало того: было бы напрасно искать в его полуторачасовой речи какого-либо делового содержания. Этого не было… Но с неожиданной щедростью премьер сыпал угрозы направо и налево, всем врагам революции, уверяя, что он, Керенский, имеет в своих руках всю власть, огромную власть, что он силен, очень силен и сокрушит и сумеет подчинить себе всех, кто станет на пути спасения родины и революции. Кроме того, в речи было немного велико-

державности, немного общесоюзного патриотизма и целое море мещанской, обывательской публицистики. Впрочем, пышно-расплывчатые фразы Керенского дышали неподдельной искренностью и искренней любовью к родине и свободе. Несомненно, в этой речи он дал высокие образцы политического красноречия. И опять был на высоте Великой *французской* революции, но – не *русской*» (*Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1992, т. 3, с. 62). — 98

[8*] По словам Н.Н. Суханова, А.А. Бубликов выступил на Московском совещании с «вакхическим гимном промышленности и торговле. Чем должны быть они? Всем – ради родины и самой демократии. Что они сейчас? Ничто: промышленность дышит на ладан, разоряемая революцией, а торгово-промышленные классы устранены от государственной работы. Il faut changer tout cela! [Надо все это изменить!] У всей правой части загорелись глаза. Трещина превращалась в пропасть… Совещание решительно не удавалось.

Но вдруг Бубликов, сойдя с трибуны, подошел к Церетели и всенародно протянул ему руку. Церетели встал и ответил тем же. Весь зал внезапно умилился и задрожал от рукоплесканий. Как будто бы что-то преломилось в настроении собравшихся… А ведь, пожалуй, совещание и нельзя будет считать определенно неудавшимся… А? Как вы думаете?.. Еще бы, ведь эти две сцепленные руки и изображали тот аркан, на котором помещик и биржевик тащили "всю демократию".

Но – "по общему голосу" – совещание спас вождь и основатель российской социал-демократии Г.В. Плеханов. Представляя на совещании только самого себя, Плеханов был вызван Керенским на трибуну в числе других "икон" русской революции – Кропоткина, Брешковской. И Плеханов нашел "настоящие" слова, нашел "общий язык" для двух частей собрания, создав иллюзию взаимного понимания и сотрудничества – для безнадежных обывателей. Слова Плеханова были просты, язык незатейлив, хотя речь его была красна… Разве, с одной стороны, не твердят советские лидеры, что мы делаем буржуазную революцию? И разве можно делать ее без буржуазии? А с другой стороны, может ли существовать развитое капиталистическое общество без рабочего класса и его организаций?.. Если нет, протяните друг другу руки, придите к соглашению во что бы то ни стало, не изображайте тех двух кошек из ирландской сказки, которые дрались так жестоко, что от них остались одни хвосты.

<…> В заключение всех речей снова выступил Керенский. Очевидно, он был измучен и нервно потрясен до последней крайности. Его речь была гераклитовски темной, если не сказать сумбурной, и наконец он замолк среди совершенно неясных фраз и выкриков.

Так кончилось Государственное совещание – в ночь на 16 августа… Никакого политического дела, конечно, из него не вышло. Но все же вышел довольно любопытный всенародный смотр буржуазии и промежуточных, мелкобуржуазных групп, оторванных от масс, которые в конечном счете были призваны решить судьбы революции» (*Суханов Н.Н.* Там же. с. 65–66). — 98

[9*] О поездках и выступлениях П.А. Сорокина в августе 1917 г. см.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 154. — 99

[10*] В начале августа П.А. Сорокин был выдвинут кандидатом в Учредительное собрание на уездном съезде Совета крестьянских депутатов в Яренске и на первом съезде крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда (*Дойков Ю.* Там же). — 99

[11*] По поводу образования этого комитета ЦК РСДРП(б) 31 августа 1917 г. направил местным партийным организациям циркулярное письмо, в котором говорилось: «В дни, когда угрожала Петрограду сильная опасность со стороны контрреволюционных войск Корнилова, ЦИК создал "Комитет народной борьбы с контрреволюцией". В этот комитет вошли пять человек из президиумов ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского Совета крестьянских депутатов, по три человека от ЦК партии эсеров, большевиков и мень-

шевиков, два от Всероссийского Совета профессиональных союзов, один от Петроградского Совета профессиональных союзов, один от Центрального совета фабрично-заводских комитетов, два от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и один представитель от ЦК Балтийского флота».

Комитет организовал распределение оружия и боеприпасов по частям Петроградского гарнизона, мобилизовал железнодорожников и почтово-телеграфных служащих с тем, чтобы помешать продвижению участников мятежа к столице.

Н.Н. Суханов, называвший Комитет народной борьбы с контрреволюцией Военно-революционным комитетом, сообщает, что он начал работу к полудню 28 августа 1917 г. «Он действовал в эти дни непрерывно, помещаясь в нижнем этаже Смольного, в комнате № 21. Председателем комитета был избран известный нам заслуженный в революции эсер Филипповский, более или менее военный человек. Членами комитета были Мартов, Каменев, Рязанов, Невский, Вайнштейн, Либер, Элиава, Синани, Лазимир, Заварин и другие, хорошо не знаю, кто именно <…>. В комнате № 21, в примыкающих и в нижнем коридоре происходила с утра до ночи невообразимая кутерьма. Здесь был штаб обороны от Корнилова. Вереницы штатских и военных людей проходили тут, получая директивы по политике и стратегии. Комнаты были наполнены десятками и сотнями каких-то совершенно новых лиц, неизвестно откуда взявшихся и поспешивших на службу революции в критический час…

Военно-революционный комитет 28 августа начал с обследования и локализации возможных корниловских баз в Петербурге: таковыми были, конечно, всякого рода юнкерские училища и офицерские организации. Тут были, несомненно, прочные контрреволюционные ячейки, деятельность которых было необходимо парализовать. Впрочем, перед лицом советских эмиссаров доблестные юнкера усиленно перекрашивались в коалиционный и правосоветский цвет. Аресты пока были исключением…

Затем были приняты меры к преграждению путей корниловским войскам. Возможно, что некоторые распоряжения тут были отданы и Керенским, хотя это более чем сомнительно. Но во всяком случае организации железнодорожников находились в полном распоряжении Совета. И в тот самый час, когда министр-президент совещался с фактическими инициаторами корниловщины относительно *соглашения*, Военно-революционному комитету было уже доложено (около трех часов дня) об исполнении важнейших его приказов: около Луги был разрушен железнодорожный путь, было устроено крушение и загромождение полотна, расчистка и поправка которого должна была занять не меньше суток.

Но, пожалуй, наиболее существенными мерами, принятыми в тот же день, были меры по *вооружению рабочих*. Разумеется, тут была не только инициатива, но ультимативное требование большевиков. Это, насколько я знаю, было условием их участия в Военно-революционном комитете, условием передачи в его распоряжение всех большевистских организационных средств. Большинство комитета не могло не принять этого условия, если смотрело серьезно на свои задачи. Но оно хорошо оценивало все принципиальное значение этой меры, и оно уступало не без борьбы. Однако нельзя же в самом деле взять на себя ответственность за возможный успех Корнилова, если его объявил мятежником и преступником даже Керенский… Военно-революционный комитет постановил: ввиду необходимости “противопоставить вооруженным силам контрреволюции мобилизованные силы рабочих, признать желательным вооружение отдельных групп рабочих для охраны рабочих кварталов, фабрик и заводов под ближайшим руководством районных Советов и под контролем комитета. В случае необходимости группы эти вливаются в действующие воинские части и всецело подчиняются общему военному командованию”» (*Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1992, т. 3, с. 113–114). — 101

[12*] Об освобождении из тюрьмы Троцкого и других большевиков 7 сентября 1917 г. см. прим. 4* на с. 671. — 101

[13*] Не совсем так: открытие Демократического совещания было запланировано на 12 сентября, а открылось оно 14 сентября в 17 часов 25 минут. См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции, т. 3, с. 172, 385. — 103

[14*] Подробное изложение речей Троцкого и Церетели дает Н.Н. Суханов (там же, с. 188–191). — 103

[15*] Вот как описывает открытие Демократического совещания и речь на нем А.Ф. Керенского современный историк:

«Открытие Демократического совещания было намечено на 14 сентября 1917 года. Прошел всего месяц со времени Государственного совещания в Москве, и могло показаться, что история повторяется снова в мельчайших подробностях. Вновь театральный зал, бархат кресел и золоченые ярусы. Вновь гигантская масса публики, шум и спертый воздух. Разве все было беднее и грязнее. На сцене стоял длинный стол президиума, по бокам которого в виде украшения были установлены две кадки с пальмами. К столу был прикреплен плакат, где большими буквами было написано “Не курить!”.

Заседание началось в полшестого вечера – почему-то все созданные революцией органы власти тяготели к ночным бдениям. Открыл заседание Чхеидзе. Его речь была пронизана пессимизмом. За полгода революции Россия скатилась к пропасти. “Вместо скачка в царство свободы мы сделали скачок в царство анархии”. Стране нужна ответственная власть, способная предотвратить новые контрреволюционные выступления. Чхеидзе еще был на трибуне, когда в зале появился Керенский. Еще недавно это было бы встречено овацией, сейчас по залу прошел только легкий шумок. Впрочем, когда Керенский попросил слова, это, как и прежде, вызвало оживленные аплодисменты. Окрыленный поддержкой, Керенский начал свою речь. Он построил свое выступление по обычным канонам, но не учел, что публика в зале совсем не та, к которой он привык. Керенский пытался апеллировать к аудитории, подталкивая ее к нужной реакции. До сих пор это срабатывало безотказно, но на этот раз все пошло вкривь и вкось.

“Временное правительство поручило мне приветствовать настоящее собрание, – начал Керенский, – но я не могу говорить, прежде чем не почувствую, что здесь нет никого, кто мог бы мне лично бросить упреки и клевету, которые раздавались в последнее время”. Керенский не успел кончить фразу, как из зала раздались громкие крики: “Есть! Есть!” Начался шум, и председательствующему Чхеидзе с трудом удалось навести порядок.

Керенский был явно растерян, но ему оставалось только делать вид, что он ничего не замечает. “Позвольте мне в кратких чертах изложить то, что называется корниловщиной, и то, что, я могу сказать по праву, было мной вскрыто и уничтожено”. Немедленно из зала раздались крики: “Не вами, а демократией и Советами!” Керенский попытался взять примирительный тон: “Да, демократией, так как все, что я делал, я делал ее именем”. По словам Керенского, о готовящемся заговоре он знал за месяц. “Я знаю, чего они хотели, потому что, прежде чем искать Корнилова, они приходили ко мне и предлагали этот путь”. “Кто приходил?! Кто предлагал?!” – закричали из зала. Керенский смешался, что происходило с ним крайне редко. Он почти скороговоркой повторил уже известный всем по газетам рассказ о визите Львова.

Казалось, оратор забыл, что он собирался говорить. Керенский уже было повернулся, чтобы уйти с трибуны, но после секундного колебания вновь обратился к залу. Теперь он говорил о растущей анархии, о немецкой угрозе, о попранной свободе. Из зала в ответ кричали: “А смертная казнь?!” Керенский не выдержал: “Я говорю вам, кричащим оттуда: подождите сначала, когда хотя бы один смертный приговор будет подписан мною, Верховным главноко-

мандующим, и я тогда позволю вам проклинать меня". Нельзя не увидеть искренности этих слов, но как оратор Керенский позволил себе недопустимый промах – он начал оправдываться перед слушателями. Видимо, почувствовав это, он закончил выступление уже на другой ноте: "Когда я прихожу сюда, я забываю всю условность положения, то место, которое я занимаю, и говорю с вами как человек. Но человека не все здесь понимают, и тогда я скажу вам тоном власти. Кто осмелится покушаться на свободу республики, кто осмелится занести нож в спину русской армии, тот узнает власть Временного правительства, правящего доверием всей страны". Керенский сошел с трибуны под аплодисменты публики, но это была не прежняя восторженная овация, а нечто весьма напоминающее обструкцию. Этот раунд он проиграл и вполне понимал, что произошло» (*Федюк В*. Керенский. М., 2009, с. 308–309). — 104

[16*] Имеется в виду так называемый Предпарламент (официальное название со 2 (15) октября 1917 г. – Временный совет Российской республики), совещательный орган при буржуазном Временном правительстве. Образован на заседании президиума Демократического совещания 20 сентября (3 октября) 1917 г. Первоначальное название – Всероссийский демократический совет. Общее число членов определялось в 313 человек (из расчета 15% от каждой фракции и группы Демократического совещания). Образованное 25 сентября (8 октября) новое коалиционное Временное правительство ограничило права и функции Предпарламента и изменило его состав; в Предпарламент включались также представители так называемых цензовых, т.е. буржуазно-помещичьих, организаций и учреждений (партии кадетов, торгово-промышленных объединений и др.). Число членов увеличилось до 555. По неполным данным, в него вошли 135 эсеров, 92 меньшевика, 30 народных социалистов, 75 кадетов; большевики получили 58 мандатов. — 104

[17*] Жирондисты – политическая партия периода Великой французской революции, получившая свое название по департаменту Жиронда, откуда происходили многие деятели партии. Будучи представителями республиканской торгово-промышленной и земледельческой буржуазии, жирондисты находились у власти с 1792 г. до 31 мая – 2 июня 1793 г., когда они были свергнуты в результате народного восстания. — 104

[18*] Первое заседание Предпарламента состоялось 7 (20) октября 1917 г. и ознаменовалось скандалом: демонстративным выходом из него большевиков (что Л.Д. Троцкий назвал «маленьким пистолетным выстрелом»). См.: *Суханов Н.Н*. Записки о революции, т. 3, с. 236–237. — 105

[19*] С.Л. Маслов 3 (16) октября 1917 г. стал министром земледелия в составе третьего коалиционного состава Временного правительства, сменив на этом посту В.М. Чернова. — 106

Глава восьмая

[1*] Говоря о «зверских изнасилованиях» женского батальона в дни Октябрьской революции большевиками, П.А. Сорокин опирается, по-видимому, на слухи, которые распространялись на страницах антибольшевистской прессы и на заседаниях городской думы. Советские ученые, напротив, в течение всех лет существования советской власти доказывали, что Октябрьский переворот произошел почти без жертв с обеих сторон или, по крайней мере, при минимальном количестве жертв. По подсчетам советских историков, общее число жертв за период октябрьского вооруженного восстания составляло: убитых 10–15 человек, раненых около 50–60. Что касается жертв во время взятия Зимнего дворца, то они составляли 6 убитых и несколько раненых (*Ерыкалов Е.Ф*. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 461–462). Джон Рид, свидетель тоже не вполне объективный, пишет по этому

поводу следующее: «Говорилось, что некоторые женщины-солдаты были выброшены на мостовую из окна, почти все остальные были изнасилованы, а многие сами покончили с собою, будучи не в состоянии пережить все эти ужасы». Однако особая комиссия, назначенная для расследования всех обстоятельств дела, засвидетельствовала, что «из окон Зимнего дворца не было выброшено ни одной женщины, что изнасилованы были трое и что самоубийством покончила одна, причем она оставила записку, в которой пишет, что "разочаровалась в своих идеалах"» (*Рид Д.* Восставшая Мексика. Десять дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968, с. 550). — 110

[2*] Имеется в виду статья «Победителям» (Воля народа. 1917, № 156, 28 октября). — 110

[3*] Генерал Н.Н. Духонин, бывший при Керенском начальником штаба верховного главнокомандующего, принял на себя обязанности верховного главнокомандующего 1 ноября 1917 г. ввиду безвестного отсутствия Керенского. Советское правительство потребовало от Духонина официально обратиться к немцам с предложением прекратить военные действия и начать переговоры о мире. Ставка (находившаяся в то время в Могилеве) ответила на это молчанием. В ночь на 9 ноября Духонина вызвали к прямому проводу. В Петрограде у аппарата находились Сталин и Крыленко. Духонину вновь, на этот раз ультимативно, было предписано приступить к заключению перемирия. Он ответил, что только правительство, поддерживаемое армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность для достижения результатов, и указание Совнаркома выполнить отказался. В тот же день Совнарком объявил Духонина смещенным со своего поста. Новым главковерхом Совнарком назначил прапорщика Н.В. Крыленко. Духонину под страхом ответственности было предписано продолжать ведение дел до прибытия его преемника. Н.В. Крыленко прибыл в Могилев около 11 часов вечера 19 ноября 1917 г. Первым делом большевистский главковерх распорядился доставить к нему Духонина. Они беседовали около часа, после чего Крыленко отбыл в город, оставив Духонина в вагоне. Часа через два Крыленко донесли, что у вагона, где находился Духонин, собралась толпа солдат и матросов, которая требует его выдачи. Крыленко немедленно отправился на вокзал. С трудом пробившись сквозь людскую массу, он поднялся на площадку вагона и стал уговаривать собравшихся разойтись.

В конце концов толпу удалось успокоить. Солдаты выражали готовность уйти, если им выдадут пусть не самого Духонина, так хотя бы его погоны. Крыленко и приехавший с ним генерал С.И. Одинцов (кстати, однокурсник Духонина по академии) прошли в вагон и попросили у Духонина для спасения его жизни его погоны. У Духонина тряслись руки, и он не мог отцепить погоны от кителя. Тогда Одинцов сам отвязал их и передал Крыленко.

Получив погоны, толпа разошлась. Но через полчаса Крыленко снова вызвали из вагона. Оказалось, что пришла делегация матросов и требует выдать ей Духонина. Крыленко опять начал уговоры, но в это время другие матросы проникли на площадку за его спиной, ворвались в вагон и вытащили наружу Духонина. Кто-то всадил ему в спину штык, затем его сбросили на землю и добивали ногами. Поживились и мародеры – с тела стащили сапоги, вытащили часы с бумажником и сняли верхнюю одежду. На следующий день гроб с телом Духонина был поставлен в товарный вагон и прицеплен к киевскому поезду. В Киеве Духонин был похоронен на Лукьяновском кладбище.

История русской революции полна кровавых эпизодов. Убийство десятков и сотен старших и высших офицеров стало привычным делом и проходило незамеченным. Но расправа над Духониным явилась одним из первых дел такого рода и потому прогремела на всю страну. Выражение "отправить в штаб Духонина" как эвфемизм для обозначения убийства было повсеместно распространено на протяжении всей Гражданской войны. В этом смысле смерть Духонина стала началом страшной междоусобной бойни» (*Ушаков А., Федюк В.*

Корнилов. М., 212, с. 271–272; см. также: *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. London, 1991, с. 41). Следует отметить, что есть версия о том, что убийство генерала Духонина было если не спровоцировано Крыленко, то, по крайней мере, произошло с его попустительства. — 111

[4*] Трубочный завод был основан в Петербурге в 1869 г. с целью ликвидировать экономическую и военную отсталость страны, о чем свидетельствовало поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. Перед Первой мировой войной Трубочный завод оказался одним из самых крупных в городе по численности рабочих. Целый ряд политических партий добивались своего влияния на его коллектив. Отражением тех событий явился митинг, состоявшийся на заводе в мае 1917 г., на котором выступали министры Временного правительства, лидеры меньшевиков. Позицию большевиков защищал В.И. Ленин. После революции Трубочный завод стал именоваться Государственным заводом № 1, а затем был назван в честь М.И. Калинина, работавшего здесь в 1906–1907 и 1917 гг. Во время Великой Отечественной войны в условиях жестокой блокады здесь создавалось новейшее по тому времени ракетное оружие, которое после битвы под Москвой народ назвал «Катюшей». Адрес завода: Уральская улица, 1. — 112

[5*] В дни выборов в Учредительное собрание (12–14 ноября 1917 г.) проголосовало 44 445 тыс. избирателей; за большевиков – 10 649 тыс., или 24%, за эсеров, меньшевиков и депутатов различных национальных партий – 26 374 тыс., или 59%, за кадетов и партии, стоявшие правее кадетов – 7 420 тыс., или 17%. Из 703 делегатов, избранных в Собрание, 229 были эсерами, 168 – большевиками, 39 – левыми эсерами (*Рубинштейн Н.* Большевики и Учредительное собрание. М., 1938, с. 54–55). Результаты выборов были опубликованы 30 ноября. — 113

[6*] Точнее – «Союз защиты Учредительного собрания», который был создан в Петрограде 23 ноября (6 декабря) 1917 г. Союз объединил представителей правых эсеров, меньшевиков, народных социалистов, кадетов, правления отдельных профсоюзов и кооперативов. Председателем Союза стал эсер В.Н. Филипповский. Союз выдвинул лозунг «Вся власть Учредительному собранию!», участвовал в организации ряда демонстраций, издавал газету, выпускал и распространял листовки. После роспуска Учредительного собрания в ночь на 7 (20) января 1918 г. Союз распался. — 113

[7*] Заключительные строки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Из Гете» (1840). — 113

[8*] Имеется в виду Н.Д. Кондратьев. — 115

[9*] Сорокин по-английски и, разумеется, прозой пересказывает арию Шакловитого из третьего действия «Хованщины»:

Спит стрелецкое гнездо. Спи, русский люд, ворог не дремлет!
Ах, ты и в судьбине злосчастная, родная Русь!
Кто ж, кто тебя, печальную, от беды лихой спасет?
Аль недруг злой наложит руку по судьбу твою?
Аль немчин злорадный от судьбы твоей поживы ждет?
Стонала ты под яремом татарским, шла, брела за умом боярским.
Пропала дань татарская, престала власть боярская,
А ты, печальница, страждешь и терпишь!
Господи, ты, с высот беспредельных наш грешный мир объемлющий,
ты, ведый тайная вся сердец, болящих, измученных,
Ниспошли ты разума свет благодатный на Русь, даруй ей избранника,
той бы спас, вознес злосчастную Русь, страдалицу.
Ей, господи, вземляй грех мира, услышь меня:
Не дай Руси погибнуть от лихих наемников! — 115

Глава девятая

[1*] Этот день и процедуру ареста ярко и подробно описал в своем дневнике писатель М.М. Пришвин (тоже арестованный в этот день).

«2-го числа Нового Года, – пишет Пришвин, – трамваи не ходили, я поколебался, идти мне в редакцию хлопотать о выпуске Литературного приложения к “Воле Народа” или махнуть рукой: кому теперь нужно Литературное приложение! Мороз был сильный, раздумывать было некогда – побежал и довольно скоро прибежал в редакцию. Там сидели солдаты с ружьями, и два юнца-комиссара жестоко спорили между собой, кого арестовывать, всех или не всех. Ордер у них был арестовать всех подозрительных.

– Я не подозрительный, – горячо говорил член Учредительного Собрания.

И про меня кто-то сказал:

– Это писатель!

Арестующий комиссар ответил:

– С 25-го числа это не признается.

И потребовали мой портфель. Я сказал, что портфель наполнен рукописями поэтов и писателей и передать их не могу. Я не член Учредительного Собрания, не член партии, даже не член редакции, в чем же мог выразиться мой пафос, как не в защите Литературного портфеля. И я его защищал:

– Я не дам!

И добился того, что его решили оставить при мне, но приложить печать к застежке. Сургуча не было, взяли свечу и накапали и загадили портфель. <…>

Нас привезли на Гороховую, № 2 и, поставив в углу комнаты трех мальчиков с ружьями, оставили часа три сидеть на лавочке друг против друга в полутьме. Потом стали одного за другим вызывать, мы думали, к допросу, готовились, сговаривались, кому за кем выходить. Я был один из последних и, надев пальто, в сопровождении конвойного пошел по длинному коридору. Где-то в извилине коридора меня остановил какой-то комиссар, записал мое имя и попросил вывернуть карманы. Ощупав всего, он меня отпустил, и конвойный повел дальше, и, наконец, я почувствовал: вот эта последняя дверь, вот где трибунал. Изумленный, я остановился на пороге, передо мной сидели все мои прежние товарищи по редакции и все смеялись. И скоро я смеялся вместе с ними, когда вскоре вошел следующий за мной арестованный. Похоже было на игру в жмурки или как песочные часы пересыпают из одного яичка в другое.

Мы проголодались и потребовали у стерегущего нас воды и хлеба.

– Я спрошу, – сказал стерегущий. И удалился. Вернувшись, он объявил: – Скоро вас отвезут в тюрьму, там вы получите воды и хлеба.

Скоро двух членов Учредительного Собрания отдельно увезли в Петропавловку, а нас пятерками в грузовике назначили ехать в пересыльную тюрьму.

В грузовике перед отправлением наши конвойные – латыши затеяли спор о том, где находится пересыльная тюрьма, и, не выяснив хорошо это, поехали, всюду спрашивая у прохожих, где находится тюрьма пересыльная.

По пути один из нас завел с латышами разговор – очень длинный, и тут мы узнали, что на Ленина было покушение, и мы обвиняемся в соучастии ниспровержения существующего строя» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1918–1919. М., 1994, с. 6–7).

5 января 1918 г. в газете «Воля страны» (так стала называться «Воля народа») появилось редакционное сообщение:

«2-го января было произведено новое, выходящее из ряда вон насилие над “Волей Народа”. В помещении редакции газеты появился отряд красногвардейцев под предводительством комиссара “комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем” Другова. Предъявив

ордер на производство обыска и арест “подозрительных лиц”, эти господа арестовали всех находящихся в помещении граждан! Были арестованы не только ответственные редакторы газеты, в том числе члены Учредительного Собрания А.А. Аргунов и П.А. Сорокин, но и служащие конторы и типографии: экспедитор, управляющий хроникой С.В. Фрид, редактор литературного отдела известный писатель М.М. Пришвин и лица, зашедшие в помещение редакции и конторы по тем или иным мотивам… Всех служащих и посторонних, не оказавшихся “подозрительными”, отводят в особое помещение. “Подозрительных” обыскивают, принимают бумаги и затем по 4–5 человек увозят на автомобиле на Гороховую, 2. <…>» (Там же, с. 354). — 119

[2*] Накануне нового 1918 г., действительно, произошло это уникальное в истории советской дипломатии событие: по распоряжению Совнаркома комиссар Благонравов арестовал румынского посланника графа Константина Диаманди (посла в России с 1913 г.) и вместе с сотрудниками его миссии препроводил в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Поводом для ареста послужили следующие обстоятельства. В середине декабря (по старому стилю) из Кишинева было получено сообщение о том, что румынские войска вступили в Бессарабию, оккупировали ряд населенных пунктов, расстреляв при этом революционеров. Кишиневский революционный комитет принял меры для урегулирования возникшего конфликта – направил в Яссы своих представителей. Они были задержаны румынскими военными властями, приговорены к расстрелу, и только вмешательство русских частей спасло им жизнь. 16 (29) декабря Наркоминдел вручил Диаманди ноту, в которой Советское правительство потребовало прекращения этой акции, равносильной объявлению войны, и принять соответствующие меры.

Посол был предупрежден, что в случае продолжения провокации будут приняты ответные меры по отношению к контрреволюционным румынским заговорщикам, независимо от того, какие посты они занимают в румынской иерархии. Диаманди даже не соизволил подтвердить получение ноты. 30 декабря (12 января) было получено сообщение: румынские войска начали окружение и разоружение 49-й революционной дивизии, члены ее полковых комитетов арестованы. 31 декабря (13 января) румынскому посольству была направлена еще одна нота, в которой содержалось требование немедленно освободить арестованных и дать гарантии, что подобного впредь не повторится. Текст ноты был передан по радио также в Бухарест. «Неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных». Но Диаманди игнорировал и это обращение и не поставил Наркоминдел в известность, сообщено ли о нем в румынскую столицу, более того: он назначил на момент истечения срока, установленного Советским правительством, прием в посольстве. Сутки истекли. В.И. Ленин направил в Наркомат по военным делам предписание «арестовать немедленно всех членов румынского посольства и румынской миссии, а равно всего состава служащих при всех учреждениях посольства, консульства и прочих официальных румынских учреждений». Прямо с приема Диаманди во фраке был доставлен в крепость. После освобождения из крепости (т.е. на следующий день) Диаманди было дано 10 часов на то, чтобы выехать из страны, а румынский золотой резерв, вывезенный ранее во время войны в Москву для сохранности, было приказано «сохранить как собственность румынского народа и не допускать к нему румынскую олигархию». Эти деньги были конфискованы в пользу России в качестве частичного восполнения потери Бессарабии, когда через несколько недель она была официально аннексирована Румынией. См. также: *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. М., 1990, с. 156–157. — 120

[3*] Стаккато (*итал.*) – отрывистое исполнение звуков, при котором они четко отделяются один от другого. — 121

[4*] См. прим. 5* на с. 672. — 121

[5*] Comme il faut (*фр.*) – комильфо, приличный, порядочный, с хорошими манерами человек; хорошо одетый, элегантный. — 122

[6*] Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов в Париже 24 августа 1572 г., организованная королевой-регентшей Екатериной Медичи и вождями католиков Гизами.

Сентябрьская резня – массовые бессудные расправы над заключенными, которые содержались в тюрьмах Франции, в начале сентября 1789 г. По приблизительным подсчетам, число убитых колебалось от 1 100 до 1 400 человек. См.: *Матьез А.* Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995, с. 222. — 122

[7*] У А. Конан Дойла: «Клянусь своими десятью пальцами»; выражение встречается в романах «Белый отряд» и «Сэр Найджел». — 123

[8*] Учредительное собрание начало свою работу 5 января 1918 г., а утром 6 января после первого заседания было разогнано большевиками. После разгона Собрания в Петрограде и Москве состоялись демонстрации в его поддержку, в которых участвовали рабочие многих крупных заводов, но они были расстреляны красногвардейцами. — 124

[9*] А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин, в начале января переведенные по состоянию здоровья из Петропавловской крепости в Мариинскую больницу, были убиты ворвавшимися в нее пьяными матросами и красногвардейцами в ночь с 6 на 7 января 1918 г. В убийстве принимали участие около 30 человек, но непосредственными «исполнителями» были трое: матросы О. Крейс (эстонец) и Я.И. Матвеев и красногвардеец С.И. Басов. Шингарев был расстрелян из револьвера и заколот штыками, а Кокошкин убит Матвеевым двумя выстрелами в упор – в рот и в сердце (он умер сразу, а Шингарев – через полтора часа). К следствию по делу об их убийстве было привлечено 8 человек (в том числе и Басов), но матросы-убийцы так и не были арестованы, так как флотские экипажи отказались их выдать, и большевистские власти с этим смирились. До суда дело так и не дошло. 15 марта 1918 г. в связи с выходом левых эсеров из Народного комиссариата юстиции предложенная ими редакция обвинительного заключения была отвергнута большевиками. После чего дело об убийстве Кокошкина и Шингарева развалилось, непосредственный соучастник убийства С.И. Басов был освобожден из-под ареста и получил назначение на один из фронтов. — 124

[10*] Ринальдо-Ринальдини – атаман разбойников, герой одноименного романа немецкого писателя Х.А. Вульпиуса (1762–1827). — 125

[11*] «Чертова перечница» – еженедельная сатирическая газета, начатая в Петрограде сразу после закрытия «Нового Сатирикона». В редакции газеты собралась значительная часть бывших сатириконцев: А. Аверченко, А.С. Грин, А.И. Куприн, Дон-Аминадо и многие другие. Редактором газеты стал Василевский (Не-Буква). Дон-Аминадо вспоминал, что «Чертова перечница» была «листком официально-юмористическим, неофициально – центром коллективного помешательства. Все неожиданно, хлестко, нахально, бесцеремонно. Имен нет, одни псевдонимы, и то выдуманные в один миг, тут же на месте». Однако в том же 1918 г. издание газеты пришлось перенести в Киев, где вышло еще 8 ее номеров, после чего издание прекратилось. — 125

[12*] Если начинать отсчет тюремного заключения Сорокина со 2-го января 1918 г., то получается, что «за ворота крепости» он вышел 28, а не 23 февраля, как считает Ю.В. Дойков (см.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 410). — 128

Глава десятая

[1*] В Москве П.А. Сорокин принимал участие в работе нелегального VIII съезда партии эсеров, происходившего 7–16 мая 1918 г. — 129

[2*] На Адмиралтейской набережной установлены два памятника Петру I: «Петр I спасает погибающих в Лахте в 1724 г.» и «Петр I обучается в г. Саардаме в Голландии корабельному делу в 1697 г.» («Царь-плотник»), отлитые по моделям скульптора Л.А. Бернштама и подаренные городу императором Николаем II (в 1909 и 1910 гг.). Оба памятника в конце 1918 г. были снесены по решению Коллегии по делам искусств Наркомпроса РСФСР (которая сочла их «антихудожественными» и «уродливыми»), а сама набережная переименована в набережную Рошаля. «Царь-плотник» вернулся на свое место лишь в 1996 г. в виде копии, снятой с памятника, установленного в Саардаме, и подаренной Санкт-Петербургу. Но в начале 1918 г. «Царь-плотник» еще стоял на своем исконном месте и еще вселял надежду… — 129

[3*] Если бы Сорокин писал для русскоязычного читателя, то, возможно, здесь он процитировал бы Пушкина: «Пока надеждою горим, Пока сердца для чести живы…» («К Чаадаеву», 1818; в каноническом тексте вместо «надеждою горим» – «свободою горим», однако в варианте стихотворения, опубликованном в «Северной Звезде» (1829), строка звучит именно так). Но в оригинале – сухая проза: Our hopes were still alive, our courage strong. — 129

[4*] Мф. 11, 12. — 129

[5*] Слова Петра накануне Полтавского сражения (27 июня 1709 г.). Эти слова (их авторство принадлежит Феофану Прокоповичу) отлиты из бронзы на памятнике Петру I на месте Полтавской битвы. См.: *Павленко Н.И.* Петр I. М., 2007, с. 162. — 129

[6*] Цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (7, XXXVI). — 129

[7*] На Пречистенке и у Никитских ворот в Москве шли самые тяжелые бои 29 октября 1917 г. — 130

[8*] Брест-Литовский договор был заключен 3 марта 1918 г. между Советской Россией, с одной стороны, и странами Четверного союза – Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. По условиям договора Россия теряла территории Украины, частично Белоруссии, Польши и Прибалтики, а также Великого княжества Финляндского; Россия также теряла довольно значительную часть территорий на Кавказе; русская армия и флот должны были быть немедленно демобилизованы и полностью должны были покинуть места сражений; Черноморский флот должен был отойти к командованию Германии и Австро-Венгрии; договор обязывал Советское правительство немедленно прекратить не только военные действия, но также всякую революционную пропаганду на территории Германии, Австрии и в странах-союзниках. Брестский мир был аннулирован в ноябре 1918 г. решением ВЦИК РСФСР. — 130

[9*] Имеется в виду IV (Чрезвычайный) Всероссийский съезд Советов, проходивший в Москве 14–16 марта 1918 г. Съезд ратифицировал Брестский мирный договор и принял решение о переносе столицы из Петрограда в Москву (куда все правительственные учреждения уже переехали 8–12 марта 1918 г.). — 130

[10*] «Союз возрождения России» (в оригинале: The League for the Regeneration of Russia) возник в марте–мае 1918 г. в Москве как широкая коалиция политических партий, противостоявших Совету народных комиссаров. Был основан членами партий кадетов, энесов (народных социалистов) и эсеров, позднее в него вошли независимые социал-демократы и меньшевики. Членство в «Союзе...» было индивидуальное, и участники полностью сохра-

няли свою партийную принадлежность, как и до вхождения в «Союз...». Политическая программа «Союза...» включала в себя несколько пунктов: непризнание Брестского мира; восстановление России в границах 1914 г., за исключением Польши и Финляндии; возрождение русской государственности; передача власти директории в переходный период до созыва Учредительного собрания. — 130

[11*] С Павелецкого вокзала можно доехать до Саратова, Самары, Астрахани и Царицына (Волгограда). Вероятнее всего, «одним из городов на Волге», куда направился Сорокин с женой, был Саратов. — 131

[12*] С 1932 г. – город Мичуринск Тамбовской области. — 132

[13*] Возможно, это сравнение Сорокин заимствовал у Л.Н. Толстого, который в трактате «Что такое искусство?» писал: «В своей книге “Les problèmes de l’esthétique contemporaine” [Проблемы современной эстетики] он [Гюйо] серьезно говорит о том, что ощущения осязания, вкуса и обоняния дают или могут давать впечатления эстетические:

“<…> Каждый из нас может вспомнить, что наслаждения вкуса были подлинно эстетическими”.

И он рассказывает, как выпитый им в горах стакан молока дал ему *эстетическое* наслаждение» (*Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 22-х тт. М., 1983, т. 15, с. 50).

У Гюйо далее следует: «Un jour d’été, après une course dans les Pyrénées poussée jusqu’au maximum de la fatigue, je rencontrai un berger et lui demandai du lait; il alla chercher dans sa cabane, sous laquelle passait un ruisseau, un vase de lait plongé dans l’eau et maintenu à une température presque glacée: en buvant et dont chaque gorgée savoureuse me ranimait, j’éprouvai certainement une série de sensations que le mot agreeable est insuffisant à désigner. C’était comme une symphonie pastorale saisie par le goût au lieu de l’être par l’oreille. [Однажды летом, до изнеможения находившись по Пиренеям, я встретил пастуха и попросил у него молока. Он пошел в свою хижину, взял кувшин с молоком и на какое-то время погрузил его в почти ледяную воду протекавшего ниже ручья: каждый глоток этого свежего молока, насыщенного всеми горными ароматами, оживлял меня, я испытал такие ощущения, что слово вкусное здесь совсем не годится. Для вкуса это было то же самое, что пасторальная симфония для слуха] (*Guyau J.-M.* Les problèmes de l’esthétique contemporaine. Paris, 1884, p. 64). — 132

[14*] В оригинале пояснение в скобках: bagmen. — 133

[15*] О «Союзе возрождения России» см. прим. 10* на с. 682–683.

«Союз защиты Родины и Свободы» (в оригинале неправильно: the League for the Fatherland and the Revolution) – военная антибольшевистская организация, созданная в марте 1918 г. в Москве Б.В. Савинковым и организовавшая в июле 1918 г. Ярославское, Рыбинское и Муромское восстания. Готовились восстания в Москве и Казани, но аресты некоторых его членов в мае 1918 г. сорвали их. После подавления восстаний организация фактически распалась. В январе 1921 г. была восстановлена на совещании русских эмигрантов в Варшаве под названием «Народный союз защиты родины и свободы», который на протяжении 1921–1923 гг. предпринимал попытки вести борьбу и подрывную деятельность против большевистского режима. В начале 1924 г. основной контингент «Народного союза...», действовавшего на территории Советского Союза, был уничтожен ОГПУ в ходе операции «Синдикат–2», Б. Савинков погиб в тюрьме ОГПУ в том же году. — 134

[16*] «Возрождение» – ежедневная политическая и литературная газета, значившаяся «беспартийной», но на самом деле – орган «Союза возрождения России», выходивший в Москве при ближайшем сотрудничестве главнейших его деятелей из партии эсеров: И.И. Бунакова, М.В. Вишняка, И.Н. Коварского, П.А. Сорокина, А.Р. Гоца, Н.Д. Авксентье-

ва, А.А. Аргунова, М.Я. Гендельмана и В.М. Зензинова. Сотрудничавшие с газетой кадеты свои фамилии не выставляли. Редактором-издателем газеты был Евгений Трупп. Редакция размещалась по адресу: Гранатный переулок, 9 (угол Спиридоновки и Гранатного переулка). К работе газеты привлекались видные представители науки, литературы, искусства. За короткий период, в течение которого газета выходила, в ней были опубликованы «Записки» А.Ф. Керенского, «Мысли о России» Федора Степуна, а также работы И.Г. Эренбурга, М.О. Гершензона, В.Ф. Ходасевича, Л. Шестова. Сорокин опубликовал в ней две статьи. Первый номер вышел 29 мая, последний – 22 июня 1918 г.. Газета была закрыта по решению московской ЧК «за статьи контрреволюционного характера». Комплект газеты имеется в бывшем архиве Октябрьской революции. — 134

[17*] Имеется в виду книга: *Керенский А.Ф.* Дело Корнилова. М.: «Задруга», 1918. Предисловие к ней датировано 3. IV. 1918 г. — 135

[18*] А.В. Липский в комментариях к «Дальней дороге» пишет, что на этой встрече «Керенский просил своего бывшего секретаря позаботиться о жене и детях. Сорокин, выезжая из Москвы на Север, забрал их с собой в Коми край и поселил в деревне Кочпон у родственников своего друга архитектора А. Холопова, где Ольга Львовна Керенская и ее дети жили до осени 1918 г., когда их забрали местные чекисты и отправили в Великий Устюг. Дальнейшая судьба их неизвестна…» (*Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М., 1992, с. 283; по-видимому, эти сведения получены от сыктывкарского историка М.Б. Рогачева, работавшего с делом по аресту Керенской в архивном подразделении УФСБ по Республике Коми). Дальнейшая судьба О.Л. Керенской и ее сыновей известна: после 1920 г. ей вместе с сыновьями удалось выехать в Эстонию, а затем перебраться в Англию, где она работала машинисткой и волонтером женской неправительственной организации. А.Ф. Керенский в Париже женился на австралийской журналистке, преподавал в университетах США, в послевоенные годы неоднократно приезжал к сыновьям в Англию. Старший сын Олег Александрович Керенский стал выдающимся инженером-мостостроителем, проектировал знаменитый мост через пролив Босфор в Турции и был награжден королевой Елизаветой II высшим орденом Британской империи. Младший сын Керенских Глеб Александрович стал успешным инженером-энергетиком. Ольга Львовна умерла в Англии в 1975 г., на пять лет пережив мужа. — 135

[19*] В июне 1918 г. — 135

[20*] Об этой встрече Сорокин рассказывает и в своей книге «Современное состояние России» (хотя ошибочно относит ее к 1919 г.):

«В 1917 г., в октябре, мне пришлось выступить с речью в одном полку. Я убеждал солдат не идти за большевиками. Я рисовал им те гибельные результаты, которые принесет большевизм. Я делал это ради исполнения долга, но я знал, что сейчас они мне не верят и не поверят. Зная это, я кончил свою речь словами: “Я знаю, что вы мне не верите сейчас. Но прошу вас запомнить следующее: был человек, который вас предупреждал. Он исполнил свой долг. Запомните эти слова. Через год-два вы их вспомните. Вспомните и... тогда поверите. Но будет уже поздно...”

В 1919 г. я ехал на пароходе... Вдруг ко мне подходит один мужик, истощенный, грязный, оборванный... “А ведь я вас узнал, – тихо сказал он мне. – Помните, вы выступали в нашем полку... Много раз я вспоминал ваши слова. Дураки были мы, большие дураки... Оправдалось все, что вы говорили... Теперь взялись за ум... да поздно”... Поверили, весь русский народ поверил, да поздно...» (*Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 490). — 136

[21*] Речь идет об «Элементарном учебнике общей теории права в связи с учением о государстве», изданном в Ярославле в 1919 г. — 136

[22*] Имеется в виду Троице-Гледенский (Гледенский Троицкий) монастырь, основанный в XII в. и находящийся в четырех верстах от Великого Устюга при слиянии рек Сухоны и Юга. — 137

[23*] В оригинале название романа приведено по-французски: Les Dieux Ont Soif. — 138

[24*] Начиная с этого места главы, Сорокин рассказывает о событиях, описанных им в статье «На лоне природы», опубликованной на русском языке (Современные записки. 1923, № XVII/II). См.: *Сорокин П.А*. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 317–330. — 138

[25*] В оригинале: Society Economic Research. Вольное экономическое общество было основано в Санкт-Петербурге в 1765 г.; официально прекратило свою работу в 1919 г. В.И. Ленин его членом, разумеется, никогда не был, но трижды выступал в его стенах во время революции 1905 г., когда в здании Общества размещался Петербургский совет рабочих депутатов. — 139

Глава одиннадцатая

[1*] В оригинале: revolution. Поскольку в данном случае Сорокин пишет это слово со строчной буквы, это дает право перевести его в исконном и буквальном смысле как «переворот» (от позднелат. *revolutio* – «поворот», «переворот», «превращение», «обращение»). — 141

[2*] В статье «На лоне природы» Сорокин называет этого знакомого крестьянина по имени: дед Афанасий (*Сорокин П.А*. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 323). — 144

[3*] В оригинале: twenty-four miles. Поскольку американская миля равняется 1 609 м, а русская верста – 1 066,8 м, то фактически Сорокину предстояло пройти за 5 часов больше 30 верст (36, считая точно), что действительно очень много, но молодой здоровый мужчина до 30 лет (а Сорокину в 1918 г. было 29) при средней скорости 6,9 км/час справиться с этой задачей может. — 144

[4*] В статье «На лоне природы» Сорокин поясняет в скобках: «так одеваются крестьяне» (*Сорокин П.А*. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 323). — 144

[5*] В оригинале: he gave me a glass of tea with cognac. Написано, конечно, для американского читателя, поэтому в данном случае точностью перевода пришлось пожертвовать ради правды жизни: до сих пор в русских деревнях и небольших городах, тем более на севере, предпочтительными напитками остаются чистый спирт, водка, самогон. К тому же в статье «На лоне природы», рассказывая этот эпизод, Сорокин пишет: «Он заботливо дал мне чаю со спиртом и устроил спать в бане…» (Там же, с. 324). — 146

[6*] В статье «На лоне природы» Сорокин рассказывает о судьбе Двужильного иначе: «Студент Двужильный, бедняк из бедняков, схвачен в одной деревне латышами и расстрелян как “буржуй” и “враг народа”» (Там же, с. 325). Ю.В. Дойков в написанной им биографии П.А. Сорокина сообщает: «Северо-Двинская губчека была создана в Великом Устюге 14 августа, через 6 дней после объявления в губернии чрезвычайного положения. Разместилась губчека в помещении бывшего Общественного собрания (угол Торгового переулка и Успенской улицы) и затем перебралась в особняк купцов братьев Чебаевских у Земляного моста. ЧК не только расстреливала, но и регулярно, для запугивания населения, печатала сообще-

ния о расстрелах в местной газете. Благодаря им можно установить судьбы соратников Сорокина. Так, 4 сентября Северо-Двинская ЧК сообщала:

"…в ночь на 1 сентября в час ночи был расстрелян белогвардеец, организатор восстания в городе Великий Устюг – бывший офицер Петр Юрьевич Двужильный. Двужильный разрабатывал план захвата власти в городе путем организации белой гвардии из офицеров и местного студенчества. <…> План был широко задуман и разработан, но внезапный обыск на даче Запаловых 14 августа предупредил и расстроил весь план <…>. Петр Юрьевич Двужильный был арестован в деревне Конечной Нестеферовской волости в доме гражданина Григория Ивановича Бороздина 30 августа в 12 часов ночи, когда он уже лежал и спал на сеновале…"

По этим опубликованным чекистским данным за сентябрь-ноябрь в Великом Устюге был расстрелян 51 человек…»

Далее приводится выдержка из автобиографической заметки, написанной в начале 1970-х гг. бывшим заведующим Отделом по борьбе с контрреволюцией Северо-Двинской губчека П.И. Жерихиным: «В январе месяце 1918 г. прибыл из Москвы в г. Великий Устюг, где и был назначен начальником отряда Красной гвардии, а позднее в конце мая или в начале июня месяца по распоряжению Северо-Двинского губкома и губисполкома мне была поручена организация Чрезвычайной Комиссии. К середине июня месяца Чрезвычайная Комиссия была организована, где я остался работать в качестве члена Чрезвычайной Комиссии и заведующим отделом по борьбе с контрреволюцией. К тому времени в г. Великом Устюге положение было очень тяжелое, контрреволюция наседала серьезно, и мне, как зав. отделом, пришлось серьезно поработать. Нам удалось обезглавить местных организаторов правых и левых эсеров и задержать и арестовать их руководителей Петра Зепалова и Двужильного. Зепалов был арестован под Архангельском около фронта, намереваясь перейти фронт. Кроме того, удалось задержать и арестовать бывшего секретаря Керенского – Питирима Александровича Сорокина и бывшего командующего Казанским военным округом генерала Сандецкого и других бывших офицеров. Журавский, Уатт, все они входили в контрреволюционную организацию. Дело Питирима Сорокина на основании телеграммы за подписью В.И. Ленина было направлено в ВЧК г. Москвы в распоряжение т. Дзержинского» (*Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 205, 381). — 146

Глава двенадцатая

[1*] Фортиссимо (*итал.* fortissimo) – очень громко; музыкальный термин для обозначения силы звука. — 149

[2*] Модерато (*итал.* moderato) – умеренно, сдержанно; в музыке – темп между andante и allegro. — 149

[3*] Джек Лондон – нередкий гость на страницах книг и статей Питирима Сорокина, недаром еще в России друзья в шутку называли его «русским американцем». Сам же П.А. Сорокин считал, что Мартинов Иденов «немало в нашей рабочей среде» (*Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 254). Произведения Дж. Лондона были очень популярны в России в начале XX в. благодаря переводам и изданиям И.А. Маевского, который к 1918 г. завершил первое издание в 22 томах и выпустил 20 томов второго издания авторизованного собрания сочинений Дж. Лондона. Характерно для русской истории начала прошлого века, что Дж. Лондона читает и скрывающийся в лесах контрреволюционер и умирающий вождь революции (Н.К. Крупская рассказывала, что она читала больному Ленину понравившийся тому рассказ американского писателя «Любовь к жизни»). Подробнее об этом феномене см.: *Разгуляев Г.А.* Американская мечта в России на рубеже XIX–XX-го веков // http://samlib.ru/r/razguljaew_georgij_arkadxewich/amerii.shtml — 150

[4*] Выражение из «Геттисбергской речи» («Gettisberg Address») президента США А. Линкольна, произнесенной им 19 ноября 1863 г. на национальном военном кладбище города Геттисберг (штат Пенсильвания), в районе которого 1–3 июля 1863 г. произошло решающее сражение в ходе Гражданской войны между Севером и Югом. Речь Линкольна заканчивалась знаменитыми словами: «...Все мы, собравшиеся здесь, должны проникнуться твердой убежденностью в том, что эти люди погибли здесь не напрасно; что народ наш по воле Бога еще узрит новое рождение свободы; что правительство из народа, волей народа и ради народа никогда не погибнет» (цит. по: «Сделать прекрасным наш день...». Публицистика американского романтизма. М., 1990, с. 464). — 151

Глава тринадцатая

[1*] Оставьте всякую надежду (*итал.*) – надпись на вратах Ада в «Божественной комедии» Данте (Ад, III, 9). — 153

[2*] Сдача Сорокина ЧК произошла 30 октября 1918 г. Ю.В. Дойков установил, что в день публикации в Велико-Устюжской газете «Крестьянские и Рабочие Думы» знаменитого «отречения» Сорокина (29 октября) он еще находился на свободе. Вот текст этого письма-«отречения»:

«Сим довожу до сведения граждан избирателей Вологодской и Северо-Двинской губернии членов партии – с-р, что я: 1) отказываюсь от звания члена Учредит<ельного> собрания и всех прав и обязанностей, связанных с этим званием. 2) выхожу из состава партии соц<иалистов>-революционеров.

Основные мотивы, побудившие меня к этому шагу, таковы: 1) ввиду резко изменившихся со времени выборов в Учред<ительное> собрание политических и социальных условий страны, а равно и политического настроения народа я не могу считать себя правильным выразителем воли народа. 2) ввиду того же обстоятельства и чрезвычайной сложности современного внутригосударственного положения я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственное дело политического руководства и представительства народных масс.

При таких условиях каждый честный общественный деятель обязан сделать для себя надлежащий вывод, а именно: обязан отказаться от политики и прав и обязанностей политического работника. Этот вывод настоящим письмом я и делаю.

Сказанное объясняет и мой выход из партии соц<иалистов>-революционеров, раз я отказываюсь от всякой политической деятельности, то, естественно, я не могу состоять ни в какой политической партии, с одной стороны, числиться в партии мертвой единицей, с другой, нести ответственность за ее политику.

К этим общественно-политическим мотивам должен еще присоединить мотив личного характера. Он состоит в моем горячем желании вернуться к прерванной чисто научной работе и к работе по культурному просвещению народа. Истекший год революции научил меня одной простой истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезной, но и может быть общественно вредной, работа же в области науки и народного просвещения – всегда полезна и всегда нужна народу, в особенности же в эпохи коренного переустройства всей государственной и общественной жизни.

Этой работе, от которой на год с лишним я был оторван событиями и которую считал делом всей жизни, я отдаю отныне все свои слабые силы.

Прив<ат>-доц<ент> Петроградского Университета и Психоневрологического Института, бывший член Учред<ительного> Собрания и бывший член партии с<оциалистов>-революционеров Питирим Сорокин».

Вслед за письмом Сорокина в газете была помещена заметка:

«*От редакции:* помещая письмо гр. Сорокина, обращаем внимание товарищей на целый ряд соглашательских перлов, щедро рассыпанных в этом письме.

1). Гр. Сорокин не считает себя “правильным выразителем воли народа в силу изменившихся условий страны”. Очевидно, гр. Сорокин все же считает, что он был вы-

разителем воли народа, что Учредительное собрание было органом выявлений народных стремлений. Ясно, что гр. Сорокин не отказывается от идеи Учредительного собрания.

2). Моменты жесточайшей схватки трудовых масс с капиталом гр. Сорокин определяет лишь как чрезвычайное сложное внутреннее и международное положение страны. Но раскаявшийся соглашатель не хочет видеть в диктатуре пролетариата смертный приговор его партии.

Соглашатель хочет скрываться за бест не партийной науки, в храме народного просвещения. Гр. Сорокин заявляет, что не может состоять ни в какой политической партии.

Мы говорим гражданину Сорокину: "Вы хотите укрыться, не сознавши<сь> в ваших ошибках. Двери науки закрыты для тех, кто жалким лепетом о своей партийности не хочет помочь революционному пролетариату. Наука не нуждается в таких "тружениках"».

(*Сорокин П.А*. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 330–331; обращаем внимание на то, что во всех переизданиях редакционной заметки в пункте 2 допущена одна и та же ошибка: вместо «за бест» напечатано «за бюст». Видимо, публикаторы сочли, что слово «бест» опечатка, и исправили ее по собственному разумению. На самом деле слово «бест» персидского происхождения и означает оно место, дающее всякому преследуемому властью право временной неприкосновенности, т.е. недосягаемое, но не скрытое убежище).

Ознакомившись с текстом этой заметки «От редакции», Сорокин в тот же день или на следующий (т. е. 29 или 30 октября) написал письмо следующего содержания:

«В Северо-Двинское бюро партии коммунистов.

Я отправляюсь сейчас добровольно, без вызова в ЧК для того, чтобы дать объяснения в моей политической деятельности и предоставить себя ее суду, если в моей деятельности будет усмотрено преступление. Наряду с Чрезвычайной комиссией считаю необходимым дать эти объяснения и бюро партии коммунистов как партии правящей, несущей на своих плечах весь труд великого строительства социалистической России, и просить партию коммунистов дать мне возможность открыто работать под ее контролем в области культурно-просветительной работы на пользу Советской Республики.

Мотивы моей просьбы таковы: хотя с декабря 1917 г. я почти прекратил политическую работу и с этой целью приехал сюда в начале июля, однако тот факт, что я был против октябрьского переворота, носил звание члена Учредительного собрания, числился в партии социалистов-революционеров и, наконец, в июне здесь выступил два раза с речью, заставили меня быть в стороне от народа, опасаться с наступления событий в Архангельске ареста и потому принуждали меня, начиная с конца августа, делать вид, что я скрываюсь, фактически же из этих трех месяцев я прожил два в городе и около месяца в лесу. Теперь такое состояние стало для меня невыносимым, оно давало повод думать, что я по-прежнему стою против Советской власти и октябрьского переворота. Между тем уже давно зародилось во мне сомнение в правильности моей старой политической позиции. Теперь, хотя и с запозданием, я пришел к выводу, что я ошибался. Подобно тысячам лиц, даже таких, как М. Горький, теперь я понял, что Октябрьская революция была началом мировой революции, что партия коммунистов делает величайшее в мире дело социалистического устройства государства, и потому всякий социалист, всякий честный человек обязан не тормозить это великое дело, а помогать ему. В развернувшейся борьбе социализма с капитализмом я, сын пролетария и крестьянки, не могу быть в рядах империалистов, а должен быть в рядах трудового народа. А для этого выход один: нужно признать открыто свои политические ошибки и отказаться от старой платформы, ибо она силою событий толкнула в стан империализма. Это доказывается историей всех коалиционных антибольшевистских правительств: в итоге их у власти становятся генералы, реакционные капиталисты, с которыми быть мне заодно неестественно и недопустимо. Придя к таким выводам, я решил покончить с моим политическим прошлым. С этой целью я: 1. Публично отказываюсь от звания члена Учредительного собрания. 2. Вышел из партии социалистов-революционеров. 3. Иду в Чрезвычайную комиссию. Дальнейшее скрывательство для меня становится нравственно невыносимым и политически бессмысленным, ибо оно давало бы повод думать обо мне, что я держусь все еще старых политических воззрений, ибо оно отрывало меня от трудового народа, ибо оно не давало мне возможности принять посильное участие в деле строительства социалистической Родины. Таковы вкратце мотивы моих действий. Напрасно поэтому редакция "Крестьянских

и Рабочих Дум" обвинила меня в том, что я не сознаюсь в своих ошибках. Все мое письмо в редакцию есть сплошное сознание в своей ошибке, чем и вызван отказ от политики, ибо плохой политик, каким я был, не должен быть политиком: не права редакция в том, что я хочу укрыться за беспартийность. Из партии социалистов-революционеров я вышел, ибо не хочу нести ответственность за ее политику. Если бы после этого я сразу же стал проситься принять меня в коммунисты, то это было бы неискренне, фальшиво и недостойно меня, ибо нельзя партии менять, как перчатки, оскорбляло бы и партию коммунистов, ибо право на звание члена любой партии надо заслужить. Вот почему я в письме и заявляю, что я не могу состоять ни в какой партии, а хочу быть полезным социалистической родине в иной, не политической области, в частности в области научной и культурно-просветительного творчества: здесь, быть может, я сумею принести больше пользы. Таковы вкратце мои мотивы и такова моя просьба к партии коммунистов. Зная, что не в духе партии пролетариата карать за прошлые политические ошибки, вызванные ошибочно понятыми, но честными мотивами служения народу и социализму, и не имея за собой политических преступлений в настоящем, я позволю себе надеяться на то, что товарищи коммунисты по-человечески примут меня и помогут мне в удовлетворении моей просьбы, от чего никто не теряет: ни власть, ни партия коммунистов, ни пролетариат, ни я.

Приват-доцент Петроградского университета *Питирим Сорокин*».

(*Дойков Ю*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 213–215). — 155

[3*] Адрес губчека в Великом Устюге указан в прим. 6* на с. 685. — 155

[4*] По-видимому, Сорокин прав: никаких доказательств его участия в контрреволюционном перевороте в Архангельске (2 августа 1918 г.) не было и быть не могло (по причине его неучастия). В «Красной книге ВЧК» фамилия Сорокина встречается всего один раз, да и то не в показаниях обвиняемых, а в «Воспоминаниях» В.И. Игнатьева. «В июле месяце, – пишет Игнатьев, – в политический центр "Союза возрождения" приехал представитель вологодского отделения "Союза возрождения". Он заявил, что в Вологде подготовка к перевороту почти закончена, все готово, ждут только высадки союзнического десанта в Архангельске. Намечена также конструкция временной власти в Северной области, но не хватает только будущих министров, так как на месте у них, кроме Сергея С. Малова, Дедусенко, Питирима Сорокина, других кандидатов нет, и вологодский отдел просит Петроград дать других членов Северного правительства» (Красная книга ВЧК. М., 1990, т. 2, с. 109). — 156

Глава четырнадцатая

[1*] В оригинале: The Red Mass. В «Дальней дороге» название этой главы неправильно переведено как «Красный террор». На самом деле названия глав этой части, начиная с 13-й, иронично повторяют этапы христианской мистерии: 13) Ад (с эпиграфом из Данте), 14) Красная месса (аналогия черной мессы), начинающаяся с покаяния и заканчивающаяся евхаристией (причащением); 15) воскресение 16) первые шаги в коммунистическом раю. В последующих частях и главах книги «коммунистический рай», однако, оборачивается адом, и герой повествования, пройдя все его круги, благополучно бежит из него, т.е. снова воскресает, но уже по-настоящему. — 157

[2*] Кандид – наивный и простодушный персонаж одноименной «философской повести» Вольтера, который принимает на веру слова философа Панглоса о том, что «все происходит к лучшему в этом лучшем из возможных миров». — 157

[3*] В оригинале: commissar of public instruction. В «Дальней дороге» переведено как «комиссар юстиции», а сам эпизод взят под сомнение (с. 122, 286). Ю.В. Дойков считает, что этим комиссаром был Ефим Максимович Микеров, петроградский рабочий, заведовавший

в 1918 г. Северо-Двинским губотделом юстиции (*Дойков Ю*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 218). — 164

[4*] Слова из «Канона молебного ко Пресвятой Богородице». — 165

[5*] Положение обязывает (*фр*.). — 166

Глава пятнадцатая

[1*] Луза – ближайшая к Великому Устюгу железнодорожная станция, откуда Сорокина доставили в Вятку, затем в Нижний Новгород, затем – в Москву. Дата, указанная Сорокиным, неверна. А.В. Липский в своих комментариях указывает дату прибытия Сорокина в Лузу – 29 ноября 1918 г., никак, впрочем, ее не обосновывая (*Сорокин П.А*. Дальняя дорога. М., 1992, с. 286). Поскольку далее в тексте главы Сорокин еще раз допускает хронологическую путаницу, называя датой прибытия в Москву 16 декабря, хотя на самом деле это произошло 3 декабря (А.В. Липский пишет: «2 или 3 декабря 1918 г.». – Там же), можно предположить следующее. Как известно, 24 января 1918 г. декретом СНК РСФСР был введен григорианский календарь, в соответствии с которым была введена поправка в 13 суток: после 31 января 1918 г. в России наступил день 14 февраля и в стране был введен календарь нового стиля. На предыдущих страницах книги Сорокин называет только одну конкретную дату: 2 января 1918 г. – дату своего первого ареста при большевиках, но эта дата дана еще по старому стилю. Далее в тексте книги он оперирует неделями, месяцами, временами года, но точных конкретных дат, как правило, не называет. Как и многие другие современники «смены календарного стиля», Сорокин, видимо, оказался дезориентирован во времени и, называя первую конкретную дату, произвел, так сказать, двойной пересчет: дату нового стиля еще раз перевел на новый стиль, в результате чего 30 ноября оказалось 13 декабря, а 3 декабря – 16 декабря. — 169

[2*] Статья В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина» была опубликована в «Правде» 21 ноября 1918 г. Ленин писал в ней:

«"Правда" поместила сегодня замечательно интересное письмо Питирима Сорокина, на которое надо обратить особое внимание всех коммунистов. В письме этом, напечатанном в "Известиях Северо-Двинского Исполнительного Комитета", Питирим Сорокин заявляет о своем выходе из партии правых эсеров и о сложении им с себя звания члена Учредительного собрания. Мотивы автора письма сводятся к тому, что он затрудняется не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и потому "отказывается от всякой политики". <…>

Это письмо заслуживает прежде всего внимания, как чрезвычайно интересный "человеческий документ". Не очень часто встречается такая искренность и прямота, с которой П. Сорокин признается в ошибочности своей политики. Едва ли не в большинстве случаев политики, убеждавшиеся в неправильности занятой ими линии, пытаются прикрыть свой поворот, затушевать его, "выдумать" какие-нибудь более или менее посторонние мотивы и т.п. Открытое и честное признание своей политической ошибки само уже по себе является крупным политическим актом. Питирим Сорокин не прав, когда пишет, что работа в области науки "всегда полезна". Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры упорной проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе. С другой стороны, открытое заявление видного, т.е. занимавшего известный всему народу и ответственный политический пост, человека об его отказе от политики – есть тоже политика. Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы.

Политическое значение письма Питирима Сорокина именно в настоящий момент чрезвычайно велико. Оно дает нам всем "урок", который надо хорошенько продумать и усвоить.

Всякому марксисту давно известна та истина, что *решающими* силами во всяком капиталистическом обществе могут быть только пролетариат и буржуазия, тогда как все

социальные элементы, стоящие между этими классами и подходящие под экономическую рубрику мелкой буржуазии, *неизбежно* колеблются между этими решающими силами. Но от книжного признания этой истины до умения делать вытекающие из нее выводы в сложной обстановке практической действительности – дистанция огромного размера.

Питирим Сорокин – представитель чрезвычайно широкого общественного и политического течения, меньшевистско-эсеровского. Что это – одно течение, что разница между меньшевиками и эсерами, с точки зрения их отношения к борьбе между буржуазией и пролетариатом, несущественная, это доказали особенно убедительно и особенно наглядно события русской революции с февраля 1917 года. Меньшевики и эсеры – разновидности мелкобуржуазной демократии, такова экономическая сущность и основная политическая характеристика данного течения. Из истории передовых стран известно, как часто это течение, в его молодости, окрашивается в "социалистический" цвет.

Спрашивается, что оттолкнуло особенно сильно представителей этого течения от большевиков, от пролетарской революции, несколько месяцев тому назад и что вызывает у них теперь поворот от враждебности к нейтральности? Совершенно очевидно, что причиной поворота явился, во-первых, крах германского империализма, связанный с революцией в Германии и других странах, а равно с разоблачением англо-французского империализма; во-вторых, разоблачение буржуазно-демократических иллюзий. <…>

Факты – упрямая вещь, – говорит английская пословица. А нам пришлось за последние месяцы пережить такие факты, которые означают величайший перелом всей мировой истории. Эти факты заставляют мелкобуржуазных демократов России, несмотря на их ненависть к большевизму, воспитанную историей нашей внутрипартийной борьбы, повернуть от враждебности к большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его. Миновали те объективные условия, которые особенно резко оттолкнули от нас таких демократов-патриотов. Наступили такие мировые объективные условия, которые *заставляют* их повернуть в нашу сторону. Поворот Питирима Сорокина отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота *целого класса*, всей мелкобуржуазной демократии. Тот не марксист, тот плохой социалист, кто не сумеет учесть и использовать этого.

Далее. Вера в универсальное, всеспасающее действие "демократии" *вообще*, непонимание того, что она является *буржуазной* демократией, исторически ограниченной в своей полезности, в своей необходимости, такая вера и такое непонимание держались во всех странах веками и десятилетиями, особенно прочно среди мелкой буржуазии. Крупный буржуа прошел огонь, воду и медные трубы, он знает, что демократическая республика, как и всякая другая форма государства при капитализме, есть не что иное, как машина для подавления пролетариата. Крупный буржуа *знает* это из своего интимнейшего знакомства с настоящими руководителями и с наиболее глубокими (зачастую именно в силу этого наиболее прикрытыми) пружинами всякой буржуазной государственной машины. Мелкий буржуа по своему экономическому положению, по всем условиям своей жизни меньше способен усвоить эту истину, даже держится иллюзий насчет того, будто демократическая республика означает "чистую демократию", "свободное народное государство", внеклассовое или надклассовое народовластие, чистое проявление всенародной воли и так далее и тому подобное. Прочность этих предрассудков мелкобуржуазного демократа неизбежно вызывается тем, что он дальше стоит от острой классовой борьбы, от биржи, от "настоящей" политики, и было бы совершенно немарксистским ожидать, будто одной пропагандой и в скорое время можно искоренить эти предрассудки.

Но всемирная история несется теперь с такой бешеной быстротой и разрушает все привычное, все старое молотом такой необъятной мощности, кризисами такой невиданной силы, что самые прочные предрассудки не выдерживают. Естественно и неизбежно возникла у "демократа вообще" наивная вера в учредилку, наивное противоположение "чистой демократии" "пролетарской диктатуре". Но то, что пережили "учредиловцы" в Архангельске и в Самаре, в Сибири и на юге, не могло не разрушить самых прочных предрассудков. Идеализированная демократическая республика Вильсона *оказалась* на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов. Средний "демократ" вообще, меньшевик и эсер, думал: "куда уж нам, какой-то высший, якобы, тип государства, какая-то Советская власть! Дай бы нам бог обыкновенную демократическую республику!" И, конечно, в "обыкновенное", сравнительно мирное время такой "надежды" хватило бы на долгие десятилетия. <…>

Если Питирим Сорокин сложил с себя звание члена Учредительного собрания, это не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии. Раскол среди нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется ней-

тральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам, продающим Россию англо-американскому капиталу, стремящимся удушить революцию чужеземными штыками. Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его, есть одна из насущных задач текущего момента. <…>

Недостаточно того, чтобы поддержать этот поворот, чтобы встретить поворачивающих к нам дружелюбно. Политик, сознающий свои задачи, должен научиться *вызывать* этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины. Революционный пролетарий должен знать, кого надо подавлять, с кем надо – когда и как – уметь заключать соглашение. Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостнями, продающим Россию иностранным "союзным" империалистам. Было бы комедией пытаться "убеждать" и вообще "психологически влиять" на них. Но так же, – если не более, – нелепо и смешно было бы настаивать на одной только тактике подавления и террора по отношению к мелкобуржуазной демократии, когда ход вещей заставляет ее поворачивать к нам.

Колебания мелкобуржуазных демократов неизбежны. Достаточно было немногих побед чехословаков, и эти демократы впали в панику, сеяли панику, перебегали к "победителям", готовы были раболепно встречать их. Разумеется, нельзя ни на минуту забывать, что и теперь – достаточно будет частичных успехов, скажем, англо-американо-красновских белогвардейцев, и колебания начнутся в другую сторону, усилится паника, умножатся случаи распространения паники, случаи измен и перелетов на сторону империалистов и так далее, и тому подобное. Это мы знаем. Этого мы не забудем. Завоеванная нами чисто пролетарская основа Советской власти, поддерживаемой полупролетариями, останется неизменно прочной. Наша рать не дрогнет, наша армия не колебнется, – это мы знаем уже из опыта. Но, когда глубочайшие всемирно-исторические перемены вызывают неизбежный поворот в нашу сторону среди масс беспартийной, меньшевистской, эсеровской демократии, мы должны научиться, и мы научимся, использовать этот поворот, поддержать его, вызвать его в соответственных группах и слоях, осуществить все возможное в деле соглашения с этими элементами, облегчить тем работу социалистического строительства, ослабить тяжесть мучительной разрухи, темноты, неумелости, замедляющих победу социализма».

Ю.В. Дойков опубликовал целый ряд архивных документов, проливающих свет на обстоятельства, связанные с освобождением П.А. Сорокина.

«Москва. Кремль
Управление делами
Из Вологды
Прин[ято] 26.XI
Тов. Элиава
Телеграмма

На запрос тов. Элиава по прямому проводу Устюгские товарищи: председатель Северодвинского Губисполкома Сегаль и председатель Чрезвычайкома Линдеман сообщили следующее: "Сорокин находится сейчас в губернской тюрьме. 30 октября Сорокин явился добровольно в Северодвинский Чрезвычайком и был тогда же арестован. По этому поводу запрошена Москва, Всечрезвычком, как поступить. Дело следствием не закончено, о дальнейшем направлении его дела запрошены Московская и Петроградская чрезвычком[иссии], от которых получен ответ. От Московской – держите крепче у себя, и от Петроградской: дело Сорокина и его самого переслать к нам в Петроград. Письмо написано им и передано в редакцию, когда он находился еще на свободе, дней за пять до его явки в чрезвычайком[иссию]. Документов, компрометирующих Сорокина, у Чрезвычайкома нет. Имеются лишь показания его самого, что он до ареста с июля до октября по день ареста скрывался в лесу. Сегал. Линдеман". Я просил дело следствием продолжать, но до распоряжения из Москвы ничего не предпринимать в отношении Сорокина.

Председатель Волгубисполкома Ветошкин».

Этой телеграмме предшествовал телефонный разговор между Ш. Элиавой (членом Вологодского губисполкома, который в это время находился в командировке в Москве) и председателем Вологодского губисполкома М.К. Ветошкиным. Оба они – студенческие друзья Сорокина.

«26 ноября 1928 г.
У аппарата Элиава.
Здравствуйте, Михаил Кузьмич.
Прошу немедленно запросить Великий Устюг о Питириме Сорокине. Владимир Ильич интересуется этим делом. Необходимо узнать, где Сорокин сейчас, если арестован, то когда и за что, что ему грозит, есть ли какое-либо [решение] о направлении его дела. При каких условиях написано его письмо в редакцию. Сведения эти должны быть даны сегодня к 8 часам вечера по петроградскому времени. Записку адресуй в Кремль, Управлению делами, для меня. Сообщи положение дел в Вологде, губернии и на фронте. Я приеду на будущей неделе, на губернском съезде Советов буду обязательно. Сегодня вечером жду точных сведений о судьбе Сорокина. До свидания. Элиава»

(*Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 215–216).

Подробно хронология освобождения Сорокина прослежена в комментариях А.В. Липского. См.: *Сорокин П.А*. Дальняя дорога. М., 1992, с. 286–288. — 169

[3*] На самом деле 3 декабря 1918 г. — 170

[4*] Вторая жена Я.Х. Петерса Антонина Захаровна (1896–1986). — 171

[5*] В «Дальней дороге» (с. 126) этот «близкий друг» назван по имени: профессор Н. Кондратьев. — 171

[6*] В «Дальней дороге» имена этих «прошлых друзей» тоже раскрыты – Пятаков и Карахан (с. 127). — 172

Глава шестнадцатая

[1*] См. прим. 3* на с. 654. — 173

[2*] В оригинале: Mrs. D. П.А. Сорокин раскрыл этот инициал в «Дальней дороге». Мария Николаевна Дармолатова (ум. 1942), жена бывшего коллежского советника и банковского служащего Дмитрия Ивановича Дармолатова, имела восьмикомнатную квартиру в Петрограде по адресу: Васильевский остров, 8 линия, дом 31, квартира 5, пятый этаж. У них было четыре дочери: Анна Радлова (1891–1949), поэтесса и переводчица, жена режиссера С.Э. Радлова (1892–1958), умерла в лагере; Сара Лебедева (1892–1967), скульптор, жена художника В.В. Лебедева (1891–1967), Вера (?–1919), покончившая с собой, и ее сестра–близнец Надежда (?–1922), жена Евгения Осиповича Мандельштама, младшего брата поэта, умершая во время родов. В своих «Воспоминаниях», относящихся к 1919 г., Е.О. Мандельштам писал:

«… В это время на Васильевском острове мы с Надюшей наслаждались нашей семейной жизнью и дорожили каждым днем, прожитым вместе. В одной из пустых комнат огромной квартиры Дармолатовых поселились друзья Надюши: известный социолог Питирим Сорокин и его жена Лена Баратынская, близкая подруга Нади по Бестужевским курсам. Сорокин был яркой и примечательной во многих отношениях фигурой. Уроженец далекого северного городка – Великого Устюга, он упорно добивался поставленной еще в юности цели – стать ученым. Крайне нуждаясь, он все же сумел закончить Петроградский университет и не случайно выбрал для себя такую область, как социология. Начиная с 1917 года он стал членом партии с.-р. и активно участвовал в ее деятельности в период нахождения у власти Временного правительства. Он был близок к Керенскому, очень ценившему его. В дальнейшем Сорокин разочаровался в с.-р. и вообще решил полностью себя посвятить науке.

Питирим Александрович был сильным, крепким человеком, с умным, выразительным лицом, немногословным, как многие северяне. Лена Сорокина казалась полной противоположностью мужу: изящная, стройная, с тонкими, красивыми чертами лица, общительная и

веселая. Чудесная была пара, легко вписавшаяся в уклад нашей семьи с ее радостной атмосферой. Сорокин как раз в это время, в 1919 году, закончил работу над своим первым фундаментальным курсом социологии. Корректурные гранки этой книги давались на прочтение и мне, и, читая их, я впервые познакомился с социологией, значение которой сразу после революции очень возросло. Эти гранки много лет лежали у нас на антресолях, и я очень сожалею, что не сохранил их.

В начале 1920 года Сорокин обратился с письмом к Ленину, в котором просил разрешить ему отъезд в Америку. Он писал, что вышел из партии с.-р. и не собирается больше принимать участие в политической жизни…» (Новый мир. 1995, № 10, с. 150–151). — 174

[3*] В оригинале: commissariat of dwellings. — 174

[4*] В оригинале: commissariat of Supply. — 174

[5*] В книге «Современное состояние России», рассказывая об «академическом пайке», Сорокин писал: «В настоящее время этот паек состоит из: 40 фунтов хлеба черного в месяц, 4 фунтов масла, 15 фунтов селедок (или иногда мяса), 12 фунтов крупы, 6 фунтов гороху или фасоли, 2,5 фунтов сахара, четверти фунта чая, 2 фунтов соли, раньше еще давали 1 фунт мыла и табак, теперь отменили. Когда такой паек выдавали регулярно – что, увы, часто не имело места, – ученые чувствовали себя вполне довольными, особенно малосемейные; многосемейным приходилось хуже. <…>

Этим пайком жило и живет до сих пор огромное большинство ученых. Денежный гонорар, получаемый за лекции, так ничтожен, что в счет не идет. Только с апреля 1922 г. власть сочла необходимым дать сверх пайка еще “денежное довольствие”, колеблющееся сейчас от 125 до 25 млн рублей в месяц в зависимости от категории ученого» (*Сорокин П.А*. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 471). – 175

[6*] Одно из этих издательств – издательство Ярославского сельскохозяйственного и кредитного Союза Кооператоров. Именно в нем и вышли оба учебника, написанные Сорокиным. — 175

[7*] В «Дальней дороге» (с. 128) названа фамилия этого издателя – Ф. Седенко (Ф.И. Витязев-Седенко), который был директором петроградского кооперативного издательства «Колос» (сначала оно называлось «Революционная мысль»), созданного в 1918 г. и в 1920 г. выпустившего главный труд Сорокина, написанный в России, – двухтомную «Систему социологии». — 176

[8*] В оригинале: he urged that his Society needed it. — 176

Глава семнадцатая

[1*] Содержание этой главы во многих деталях совпадает с содержанием очерка П.А. Сорокина «Как мы жили...» (Дни. Берлин, 1922, № 3, 1 ноября, с. 2). — 179

[2*] Живописный рассказ об одной такой «разборке» особняка на дрова приводит в своих воспоминаниях о жизни тех лет жена Сорокина Елена Петровна. См.: *Сорокин П.А*. Голод как фактор. Сыктывкар, 2014, с. 402–403. — 179

[3*] В оригинале в скобках дано пояснение для англоязычного читателя: which means «don’t breathe» (p. 219). — 180

[4*] Этот факт подтверждает и жена П.А. Сорокина в своих воспоминаниях.

« – Я благодарен Ленину и Вам за сохранение моей жизни, – сказал Питирим Луначарскому, но отклонил предложение и указал, что он потерпел поражение в борьбе с коммунистами, но его идеи в образовании остались неизменными, отличными от коммунистических, и поэтому он попросил разрешить делать научную работу в избранной им области – социологии» (*Sorokin Elena*. My Life with Pitirim Sorokin // International Journal of Contemporary Sociology. 1975, vol. 1, № 1–2, p. 15; цит. по: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 222). — 183

[5*] В оригинале (p. 227): Professors Vvedensky and Swere enlightened us… По-видимому, это описка или опечатка (допущенная американским наборщиком ради сохранения грамматической правильности фразы) и читать следует: Professors Vvedensky and S. were enlightened us…

Professor S. – вероятнее всего, Борис Иванович Словцов, на работы которого Сорокин ссылается в своей книге «Голод как фактор». — 184

[6*] Александр Карлович Ленц (1882–1952), ученик И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, защитивший диссертацию на тему «Об изменении химического состава мозга при голодании». — 184

Глава восемнадцатая

[1*] Помни о смерти (*лат.*). — 185

[2*] Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский крайне тяжело воспринял большевистскую революцию и гражданскую войну. Кончина его произошла по нелепому случаю: по пути на лекцию в университет ученый упал и повредил ногу, с травмой оказался в больнице, после операции умер от заражения крови (7 февраля 1919 г.). — 185

[3*] Ça ira (*фр.*) – Дело пойдет, дело пойдет на лад! – название и припев одной из самых знаменитых песен Великой французской революции, появившейся летом 1790 г. (в годовщину взятия Бастилии) и до «Марсельезы» являвшейся неофициальным гимном революционной Франции. Дословный перевод вне контекста столь же мало понятен, как и припев русской «Дубинушки», поэтому приводим первый куплет полностью:

Ah! Ça ira! Ça ira! Ça ira!	Ах, дело пойдет! Дело пойдет на лад,
Les aristocrates à la lanterne	Аристократов на фонарь,
Ah! Ça ira! Ça ira! Ça ira!	Ах, дело пойдет! Дело пойдет на лад,
Les aristocrates, on les pendra!	Аристократов повесят. — 185

[4*] Вениамин Михайлович Хвостов в состоянии глубокой депрессии, вызванной разрухой эпохи «военного коммунизма», в феврале 1920 г. покончил жизнь самоубийством (повесился). — 185

[5*] Александр Александрович Иностранцев 31 декабря 1919 г., не выдержав тяжелых условий жизни в Петрограде, вызванных блокадой и интервенцией, покончил с собой. Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга. — 185

[6*] Профессор Одесского медицинского института Яков Моисеевич Розенблат умер в 1928 г., но возможно, что в данном случае П.А. Сорокин перепутал его с психиатром Павлом Яковлевичем Розенбахом (1858–1918), профессором юридического факультета Петербургского университета. — 186

[7*] У Сорокина ошибочно – Карпинский. — 186

[8*] В оригинале (p. 231): Professor K. Возможно, что это В.М. Хвостов (в английской транслитерации Khvostov), фамилию которого Сорокин скрыл в данном случае не по конспиративным, а по этическим соображениям. — 186

[9*] В оригинале: L. Инициал раскрыт в «Дальней дороге» (с. 132). — 187

[10*] Николай Николаевич Щепкин, лидер «Всероссийского национального центра». 15 сентября 1919 г. вместе с товарищами казнен в подвалах Лубянки. 23 сентября 1919 г. газета «Известия» сообщила о расстреле 67 лиц во главе со Щепкиным. — 187

[11*] Ириновская железная дорога – узкоколейная магистраль, начинавшаяся от Охтинского вокзала на берегу Невы в районе Панфиловой улицы и тянувшаяся к Ириновке (недалеко от Рахья), где находилось имение барона Корфа, владельца торфяников. В конце 1920-х гг. Охтинский вокзал и пути к нему были демонтированы и на их месте организовано трамвайное сообщение. Место массовых казней в 1920–1930-х гг. находилось между станциями Охта и Бернгардовка (расстояние между которыми составляет 15 км) по Ириновской железной дороге. — 187

Глава девятнадцатая

[1*] В оригинале: Agricultural Academy of Czarskoe Selo, т. е. Сельскохозяйственная академия имени Стебута. — 189

[2*] На самом деле этот разговор происходил между французским послом и императрицей Елизаветой Петровной. Вот как излагает этот эпизод лицеист Ф.Ф. Матюшкин (друг А.С. Пушкина) в письме к Созоновичу от 18 июля 1817 г. (из Царского Села): «Царскосельский дворец построен в 1744 году графом Растрелли, напоминает век Людовика XIV, век вкуса и роскоши, и несмотря на то, что время истребило яркую позолоту, коею были густо покрыты кровли, карнизы, статуи и другие украшения, все еще может почесться великолепнейшим дворцом в Европе. Еще видны на некоторых статуях остатки сей удивительной роскоши… Когда императрица Елизавета приехала со всем двором своим и иностранными министрами осмотреть оконченный дворец, то всякий, пораженный великолепием его, спешил изъявить государыне свое удивление; один французский министр, маркиз де ла Шетарди, не говорил ни слова. Императрица заметила его молчание, хотела знать причину его равнодушия и получила в ответ, что он не находит здесь главной вещи – футляра на сию драгоценность» (*Грот К.Я.* Пушкинский Лицей (1811–1817). СПб., 1998). — 190

[3*] Противопоставление «советской конины» и «царской свинины» – популярная тема анекдотов и фольклора тех лет. В деревнях и городах на столбах и заборах можно было увидеть такие надписи: «Лучше царь со свининой, чем Ленин с кониной!»; «Долой Совет, долой конину, даешь царя, даешь свинину!»; «Долой Совет, козлам сена нет, Совет со зла убил козла».

Популярны были и частушки на эту тему, вроде следующей:

Ленин Троцкому сказал:
«Давай сходим на базар.
Купим лошадь карюю,
Накормим пролетарию!»

(См.: *Архипова А.* Последний «царь-избавитель»: советская мифология и фольклор 20–30-х гг. XX в., с. 14 // Политический фольклор в России. Исследования и публикации. М., 2013). — 190

[4*] Эти исследования проводились в Петрограде в 1921–1922 гг. кабинетом физического обследования при институте П.Ф. Лесгафта (обследовано было 2 000 детей). Результаты исследований Сорокин приводит своих в книгах «Голод как фактор» (Сыктывкар, 2014, с. 68) и «Современное состояние России» (см.: *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 428). — 191

[5*] В оригинале: Professor R. Инициал раскрыт в «Дальней дороге» (с. 133). Речь идет о примечании, помещенном на с. 142 второго тома первого издания «Системы социологии»: «Если бы гипертрофическая оценка могущества государственного коллектива ограничивалась одними фикциями догматиков, беда была бы невелика. Но, увы! “Рассудку вопреки” на ту же позицию фактически становятся и те, кто с виду часто отрицает государство, – многие революционеры, а на деле верят в его всесилие. Фактически они самые горячие идолопоклонники государства. Они не менее догматиков верят во всемогущество и чудодейственную силу государства. Этим суеверием вызвано их стремление к захвату государственной власти. Они мнят, что, овладев рулем государственной машины и пустив ее в ход, они чрез посредство всесильного государства могут совершить чудеса и перекроить жизнь населения, как им будет угодно. Отсюда лозунги: “Завоевание власти”, “диктатуры пролетариата или революционеров” и т.д. К числу таких фетишистов всемогущества государства принадлежат и коммунисты. Забывая изречение Тацита: Quid leges sine moribus [Что пользы в напрасных законах там, где нет нравственности], они до сих пор еще, по-видимому, не отказались от своего фетишизма и все еще надеются путем давления всесильной государственной машины перекроить жизнь населения. Действительность жестоко мстит за такой фетишизм, беспощадно разрушает такие иллюзии. Веря во всемогущество государства, они надеются чрез его посредство осчастливить подданных РСФСР. Подданные “от счастья” вымирают. Фетишисты уверяют, что им удалось и удается улучшить жизнь. Жизнь понизилась до уровня варварства. Органы власти поют гимны свободному труду. Свободного труда не стало, воцарилось государственное рабство и крепостничество (“трудовая повинность”, etc.). Путем государственной машины они стараются уничтожить войну и водворить мир. Действительность преподносит им войну без конца и края. Они верят, что чрез государство они разрушат гидру капитализма. Увы! капитализм в самых низких и отвратительных формах расцвел, зато хозяйство целиком разрушено. Надеялись водворить равенство. Вместо равенства действительность преподнесла такое неравенство, такую бесправность большинства и привилегированность меньшинства, такое изобилие “ленных прав”, такую феодальную иерархию, какая едва ли имелась до революции. Беспощадными расстрелами надеялись воспитать честность агентов власти, искоренить взятки, продажность и т.д. Расстрелы шли, а взятки процветали, да еще как! Не будем приводить дальнейших примеров. Их тысячи.

Лучшего опыта, доказывающего иллюзорность всемогущества государства и его власти, не нужно. Практика нашей революционной власти – опыт неоспоримый, красноречивый, произведенный в широких размерах. Социология могла бы быть благодарной за такой эксперимент, если бы он не был оплачен ценой жизни, страданий и лишений сотен тысяч. Но раз он произведен, не учесть его было бы преступлением пред наукой и человечеством. Результат его гласит: государство далеко не всемогуще. История и жизнь населения зависят не только от государства, но и от других, негосударственных групп. Используя государственную власть, кое-что можно достигнуть, но не все. Пора перестать фетишизировать силу государства» (*Сорокин П.А.* Система социологии. М., 1993, т. 2, с. 173–174). — 192

Глава двадцатая

[1*] Делегация английских тред-юнионов была направлена в Россию по решению конгресса Британских тред-юнионов для ознакомления с политическим и экономическим положением России. В состав делегации входили члены лейбористской партии Бен Тернер (глава делегации), Э. Сноуден, Т. Шоу, Р. Вильямс, от тред-юнионов М. Бонфильд, А. Парсель, Г. Скиннер. Вместе с ними приехали официально не входившие в делегацию представители английской Независимой рабочей партии Уолхэд и Клиффорд Аллен. 12 мая делегация прибыла в Петроград, а 18 мая в Москву. На Каланчевской площади в честь делегации состоялся митинг, части Московского гарнизона устроили парад. Затем в Большом театре состоялось соединенное заседание Всероссийского центрального совета профессиональных союзов, Моссовета, Московского городского совета профессиональных союзов, Правления профсоюзов и фабрично-заводских комитетов с участием всей делегации тред-юнионов. Члены делегации объехали ряд городов Поволжья и выезжали на фронт, участвовали в субботниках. 26 мая делегация была принята В.И. Лениным. По возвращении на родину делегация опубликовала доклад о положении в России (British Labour Delegation to Russia 1920. Report. London, 1920).

Бертран Рассел приехал в Россию 19 мая 1920 г. в составе лейбористской делегации и пробыл здесь до 17 июля 1920 г. Посетил Кремль, где более часа беседовал с Лениным, встречался также с Троцким, Горьким и Блоком. Удалось ему встретиться и с представителями оппозиции, а также с простыми людьми. По возвращении в Англию написал книгу «Практика и теория большевизма» (1920; рус. перевод: М., 1991).

Герберт Уэллс приехал в Петроград 26 сентября 1920 г., 6 октября в Москве его принял В.И. Ленин. По возвращении в Англию Г. Уэллс написал свою знаменитую книгу «Россия во мгле». Первый раз он посетил Россию в 1914 г. — 195

[2*] Дворец Труда находится на площади Труда в С.-Петербурге в бывшем Николаевском дворце, построенном в 1853–1861 гг. по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера. Дворец Труда был торжественно открыт 8 ноября 1918 г. В настоящее время Николаевский дворец занимает Совет Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, он используется также в коммерческих целях, часть помещений сдается под офисы. — 195

[3*] Обед в честь Г. Уэллса состоялся 30 сентября 1920 г. Подробное его описание см. в книге: *Чертанов М.* Герберт Уэллс. М., 2010, с. 322–330. — 196

[4*] Видимо, разговоры на тему «Что нам дадут?» были типичными для тех лет. Во всяком случае, быт и нравы Дома ученых мало чем отличались от быта Дома литераторов, ярко описанных в мемуарах Ирины Одоевцевой. Она, в частности, приводит строки из «единственного, как нельзя более современного стихотворения» поэта В.А. Зоргенфрея (добавляя при этом: «Мы все на разные лады повторяли при встрече строки из него»):

– Что сегодня, гражданин,
На обед?
Прикреплялись, гражданин,
Или нет?

– Я сегодня, гражданин,
Плохо спал!
Душу я на керосин
Обменял.

(*Одоевцева И.* Избранное. М., 1998, с. 302).

Это строки из стихотворения «Над Невой», написанного в 1920 г. — 196

[5*] Послужной список, букв.: «бег жизни» (лат.). — 197

[6*] А.В. Липский в своих комментариях поправляет Сорокина: «Фамилия “первокурсника, отобравшего печать”, – не *Цвибак*, а *Бошняк*» (с. 289, прим. 11). Однако именно М.М. Цвибак в 1921 г. был назначен правительственным комиссаром Петроградского университета. — 198

[7*] Снискание расположения (*лат.*). — 198

[8*] Мф. 4: 4, 10. — 198

Глава двадцать первая

[1*] При чтении этой главы следует учитывать, что в 1921 г. Сорокин побывал в Тамбове дважды: в январе (для изучения голода) и в июле (для «изучения общественных результатов массового недоедания и для чтения лекций в Тамбовском университете»). См.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 264. Но о второй своей поездке в Тамбов Сорокин по каким-то причинам в этой главе не упоминает. Тамбовское восстание вспыхнуло 15 августа 1920 г. и закончилось 16 июля 1921 г. (в этот день М.Н. Тухачевский доложил ЦК РКП(б): «Мятеж ликвидирован, Советская власть восстановлена повсеместно»). Если бы январская поездка Сорокина в Тамбов была в 1921 г. единственной, то он никак не мог бы читать приказ М.Н. Тухачевского, который был назначен командующим войсками Тамбовской губернии 27 апреля 1921 г., а в Тамбов прибыл 12 мая. Если же предположить, что Сорокин, приехав в Тамбов в январе, оставался там до лета 1921 г. (а читатель, знакомый с хронологией событий, именно это и должен предположить), то окажется, что поездка была не трехнедельной, а самое главное, в таком случае Сорокин не мог бы стать очевидцем Кронштадтского восстания, которому посвящена следующая глава. Чтобы выдержать жанр дневника и избежать анахронизмов, Сорокину следовало бы разбить эту главу на две: в 21-й описать свою январскую поездку в Тамбов, затем перейти к событиям Кронштадтского восстания, затем снова «вернуться» в Тамбов. Может быть, по причине такой хронологической неувязки Сорокин, готовя к печати в 1960-х гг. книгу «Дальняя дорога», весь этот «тамбовский эпизод» из нее исключил. — 201

[2*] Неточная цитата из речи В.И. Ленина 5 декабря 1919 г. на VII съезде Советов. У Ленина: «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!» (Речь с некоторыми сокращениями была напечатана 7, 9 и 10 декабря 1919 г. в газетах «Правда» [№№ 275, 276 и 277] и «Известия ВЦИК» [№№ 275, 277]). — 202

[3*] Такого приказа – дословно – Тухачевский не издавал. Но в целом Сорокин верно передает дух приказов «красного Бонапарта», выпущенных им в период подавления Тамбовского восстания. Вот некоторые самые знаменитые из них:

№ 130, г. Тамбов
12 мая 1921 г.
[Приказ участникам бандитских шаек]

Именем Рабоче-Крестьянского правительства Полномочная комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета вам объявляет:

1. Рабоче-Крестьянская власть решила в кратчайший срок покончить с разбоем и грабежом в Тамбовской губернии и восстановить в ней мир и честный труд.

2. Рабоче-Крестьянская власть располагает в Тамбовской губернии достаточными военными силами. Все поднимающие оружие против Советской власти будут истреблены.

3. Вам, участники бандитских шаек, остается одно из двух: либо погибать, как бешеным псам, либо сдаваться на милость Советской власти.

4. Именем Рабоче-Крестьянского правительства Полномочная комиссия вам приказывает:

Немедленно прекратить сопротивление Красной Армии, разбой и грабеж, явиться в ближайший штаб Красной Армии, сдать оружие и выдать своих главарей.

5. К тем, кто сдаст оружие, приведет главарей и вообще окажет содействие Красной Армии в изловлении бандитов, будет широко применено условное осуждение и в особых случаях – полное прощение.

6. Согласно приказа красного командования за № 130 и «Правил о взятии заложников», опубликованных Полномочной комиссией 12 сего мая, семья уклонившегося от явки забирается как заложники, и на имущество накладывается арест.

Семья содержится две недели в концентрационном лагере. Если бандит явится в штаб Красной Армии и сдаст оружие, семья и имущество освобождаются от ареста. В случае неявки бандита в течение двух недель, семья высылается на Север на принудительные работы, а имущество раздается крестьянам, пострадавшим от бандитов.

7. Все, кто оказывает то или иное содействие бандитам, подлежат суровой личной и имущественной ответственности перед судом реввоентрибунала как соучастники измены трудовому народу. Только немедленным раскаяньем, выдачей главарей и оружия они могут заслужить прощение.

Участники бандитских шаек!

Полномочная комиссия вам заявляет:

Ваши имена известны Чека. Будете взяты либо вы, либо ваша семья и имущество. Сдавайтесь!

№ 171, г. Тамбов
11 июня 1921 г.
Уполиткомиссиям 1, 2, 3, 4, 5

Начиная с 1 июня решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края. Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду. Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке.

Дабы окончательно искоренить эсеро-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко
Командующий войсками Тухачевский
Председатель губисполкома Лавров
Секретарь Васильев
Прочесть на сельских сходах.

Приказ
Командующего войсками Тамбовской губернии
№ 0116/оперативно-секретный

г. Тамбов
12 июня 1921 г.

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский
Начальник штаба войск Генштаба Какурин

Приказ
Полномочной Комиссии ВЦИК № 116

г. Тамбов
23 июня 1921 г.

Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу чистки. Намечаются особенно бандитски настроенные волости, и туда выезжают представители уездной политической комиссии, особого отделения, отделения военного трибунала и командования вместе с частями, предназначенными для проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60–100 наиболее видных лиц в качестве заложников, и вводится осадное положение. Выезд и въезд в волость должны быть на время операции запрещены. После этого собирается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полномочной Комиссии ВЦИК №№ 130 и 171 и написанный приговор для этой волости. Жителям дается 2 часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через два часа.

Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желающие исполнить это становятся отдельно, разбиваются на сотни, и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию (представителей Особого отдела и Военного трибунала). Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства проводятся новые расстрелы и т.д.

По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей и отправляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция.

Настоящее Полномочная Комиссия ВЦИК приказывает принять к неуклонному исполнению.

Председатель Полномочной Комиссии Антонов-Овсеенко
Командующий войсками Тухачевский

См. также: *Соколов Б.* Тухачевский. М., 2008, с. 165–181. — 203

[4*] Вандея – междоусобные войны конца XVIII и начала XIX в. во Франции, в провинции Вандее, в состав которой входили Пуату, Анжу и Бретань; главную массу населения этой провинции составляло крестьянство, патриархальный строй сохранился дольше, чем в других частях Франции, и потому здесь революционное движение не встретило сочувствия. В 1791 г. в Вандее вследствие агитации духовенства и дворян начались волнения, казнь короля усилила их, и в 1793 г. поднялось настоящее восстание. Конвент послал в Вандею две армии, которые стали беспощадно разорять области: леса и нивы сжигались, женщины и дети уводились во внутреннюю Францию, скот был конфискован. Эти суровые меры ввиду их неуспешности вскоре были отменены. В 1793 г. вандейцам были обещаны мир и прощение, в 1795 г. подписан договор, но за неисполнение его вожди вандейцев были взяты в плен и расстреляны. Полное покорение Вандеи произошло в 1800 г. — 203

[5*] В биографии А.С. Антонова – как ее излагает Сорокин – много неточностей, обусловленных, конечно, обстоятельствами времени и места. Объективное описание событий и биографий участников восстания см. в книге: *Сенников Б.* Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М., 2004. — 203

[6*] См. прим. 4* на с. 687. — 204

[7*] Имеется в виду введение новой экономической политики (НЭП), имевшей целью восстановление народного хозяйства и последующий переход к социализму. Главное содержание НЭПа – замена продразверстки продналогом в деревне (при продразверстке изымали до 70% зерна, при продналоге – около 30%), использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме концессий, проведение денежной реформы, в результате которой рубль стал конвертируемой валютой. Решение о переходе к новой экономической политике было принято 14 марта 1921 г. на X съезде РКП(б). Главными причинами введения НЭПа стали Кронштадтское восстание и крестьянские волнения в стране (в том числе и Тамбовское восстание). Фактически НЭП был свернут к октябрю 1928 г., но юридически прекращен 11 октября 1931 г., когда было принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР. — 204

Глава двадцать вторая

[1*] В оригинале: two Communist agents. — 205

[2*] В оригинале: muzhiks. — 205

[3*] В оригинале: prod-razverstka (food tax). — 206

[4*] В оригинале: the head peasant. — 206

[5*] Фабрика «Лаферм» – первое табачно-папиросно-сигаретное производство в России и первая сигаретная фабрика в мире. К началу Первой мировой войны фабрика превратилась в трест, состоящий из 14 фабрик и контролировавший две трети производства табачных изделий. В 1920-х гг. фабрике было присвоено имя М.С. Урицкого. Расположена по адресу: Васильевский остров, 9-я линия, 40. В настоящее время это торгово-офисный центр «Торговый остров». — 207

[6*] В данном случае Сорокина подвела память: это не пародия на «Интернационал», а популярная частушка того времени. В ней бесконечное количество куплетов, от сравнительно безобидных до очень злых и иногда непристойных. Вот некоторые примеры:

Я на бочке сижу,
А бочка качается!
Я у Ленина служу,
Троцкий обижается!

Я на бочке сижу,
А под бочкой мышка.
Скоро белые придут,
Коммунистам крышка!

Я на бочке сижу,
А под бочкой мышка.
Мой муж комиссар,
А я коротышка.

Я на бочке сижу,
А под бочкой склянка.
Мой муж коммунист,
А я спекулянтка.

Я на бочке сижу,
А под бочкой каша.
Не подумайте, жиды,
Что Россия ваша.

Куплет, который приводит Сорокин, можно перевести и так:

Я на бочке сижу,
Бочка ходит ходуном…
Нас Чека рассорить хочет –
Мы их к черту пошлем.

Но многочисленные пародии на «Интернационал» действительно были. Вот одна из таких пародий:

Вставай и в лавку отправляйся,
Полфунта хлеба получай,
И этим ты полдня питайся,
Потом в столовую ступай.
Дадут там поварешку супу
И ложку каши-размазни;
Ты этим целый день питайся,
А про Совет не говори.
Весь мир картошкой мы засадим,
Потом на рынок повезем;
По тридцать тысяч забодаем
И по-буржуйски заживем.
Это есть наш последний
И решительный бой –
С картошкой, со свеклой
Подохнет род людской.

Начало другой пародии Сорокин приводит в книге «Современное состояние России»:

Лишь мы, работники всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но урожаем – никогда.

(*Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 451). — 207

[7*] См. прим. 7* на с. 702. — 207

[8*] Современный исследователь пишет: «Нет никаких точных данных о числе погибших, но из одного источника следует, что кронштадтцы потеряли 600 убитыми, более 1 000 ранеными и приблизительно 2 500 человек были арестованы.

Некоторые тела были сильно изуродованы. На последней стадии внутри крепости передовые отряды устроили страшное кровопролитие, стремясь отомстить за утонувших в заливе товарищей. Чувство ненависти, охватившее солдат, когда они подошли к крепости, лучше всего передает высказанное одним из солдат сожаление, что бежавших по льду в Финляндию мятежников не расстреливали с самолетов. Троцкий и С.С. Каменев считали возможным использовать против мятежников химическое оружие, и, если бы Кронштадт продолжал сопротивляться, планировалось начать газовую атаку» (*Эврич П.* Восстание в Кронштадте. 1921 год. М., 2007, с. 205).

Другой историк сообщает, что «советские войска захватили в плен 2 444 мятежника», «жестоких кар в отношении пленных матросов в Кронштадте не было» (*Семанов С.Н.* Кронштадтский мятеж. М., 2003, с. 242, 244).

Наконец, есть еще одна точка зрения: «В 1921 году по делу Кронштадтского восстания было приговорено к расстрелу 2 103 человека», т.е. почти все взятые в плен (*Иофе В.* Расстрелы на Ржевском полигоне // Звезда. 1997, № 8).

См. также: *Шишкина И.* Кронштадтский мятеж 1921 года: «неизвестная революция»? // Звезда. 1988, № 6. — 209

[9*] Предварилка – Дом предварительного заключения. В Петрограде находился на Шпалерной улице. — 209

Глава двадцать третья

[1*] В оригинале пояснение в скобках: bourgeois of the New Economic Policy. — 211

[2*] В оригинале: 21 мая, но это явная ошибка. Речь идет именно о 1 мая, на этот день в 1921 г. пришлась православная Пасха. — 212

[3*] Решающий опыт (*лат.*), букв.: эксперимент креста, критерий достоверности научного знания. — 212

[4*] Речь идет о статье Сорокина «Отправляясь в дорогу... (Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета, 21 февраля 1922 года)» (Утренники. 1922, кн. 1, с. 10–12). — 212

[5*] Имеется в виду статья «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию» (Экономист. 1922, № 1, с. 77–107). Именно на эту статью Сорокина Ленин обрушил свою критику в программной статье «О значении воинствующего материализма» (Под знаменем марксизма. 1922, № 3) и именно в ней Сорокин назван «дипломированным лакеем поповщины». «Если г. Сорокину, – писал Ленин в своей статье, – 92 развода на 10 000 браков кажутся цифрой фантастической, то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений, 5-е изд., т. 45, с. 33).

Г.Е. Зиновьев в докладе на конференции РКП(б) по вопросу «О возрождении буржуазной идеологии и задачах партии» объявил редакцию журнала «Экономист» штабом контрреволюции, а в качестве примера, демонстрирующего ненависть интеллигенции к советской власти, привел Питирима Сорокина, который «выступает с заявлениями в том духе, что русская интеллигенция должна занять по отношению к Советской власти “англо-саксонскую позицию”, которая заключается в том, чтобы участвовать в строительстве России, не обращая внимания, невзирая на Советскую власть, несмотря на то, что она существует <…>. И вот такая “англо-саксонская позиция” открыто проповедуется со страниц печати в России» (Петроградская правда. 1922, 11, 12 августа). — 212

[6*] Сорокин ошибается: настоящая фамилия Володарского – не Коган, а Гольдштейн. — 213

[7*] Начальная строка стихотворения А.С. Пушкина «Памятник» (1836). — 213

[8*] Относительно письма Н.С. Таганцева к Ленину существуют две прямо противоположные версии. Легенду о том, что Н.С. Таганцев просил за сына, опровергает директор Государственного архива РФ Сергей Мироненко: «Есть дневник Таганцева, где он пишет:

“Господи, какая чушь! Я никогда не просил Ульянова-Ленина ни о каком помиловании сына, потому что это было бесполезно”». Но на самом деле в дневнике Н.С. Таганцева написано прямо противоположное: «Я написал два письма Ленину и Гринбергу, в которых у первого я в приличной форме ходатайствую о возможном смягчении участи Володи, а у Гринберга, с которым я был близок и который лично знал Володю, прямо прошу защиты и, во всяком случае, спасения жизни. От Гринберга уже получил (правда, словесное) сообщение, через бывшую в Москве нашу заведующую, чтобы я не боялся, что ничего страшного не будет. Но пока это одни слова, которых, конечно, мало, о чем я написал во втором моем к нему письме, посланном через Осадчего». См.: http://википедия.орг.рф/wiki/Дело_Таганцева — 215

[9*] Николай Степанович Таганцев умер 22 марта 1923 г. в возрасте 80 лет. — 216

Глава двадцать четвертая

[1*] 13 июля 1921 г. было передано обращение М. Горького «Ко всем честным людям!». Обращение было написано Горьким и передано им в западную прессу по просьбе Ленина. Сам В.И. Ленин с подобными призывами к мировой общественности не обращался. Первой организацией, откликнувшейся на этот призыв, была ARA (см. прим. 2* на с. 706). — 217

[2*] Имеется в виду Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПГ), или Помгол, утвержденный 21 июля 1921 г. решением ВЦИКа. Комитет возглавил председатель Моссовета Л.Б. Каменев, а А.И. Рыков назначен его заместителем. Почетным председателем избран писатель В.Г. Короленко. В состав Помгола вошли 12 представителей власти (М.М. Литвинов, А.В. Луначарский и др.) и известные ученые и общественные деятели России: М. Горький, графиня С. Панина, Вера Фигнер, бывший председатель II-й Гос. Думы Ф. Головин, экономист С. Прокопович и его жена Е. Кускова, Н. Кишкин и др. В просоветской печати комитет издевательски называли «Прокукиш» – от фамилий организаторов – С.Н. Прокоповича, Е.Д. Кусковой и Н.М. Кишкина. В сентябре 1921 г., на следующий день после того, как первая партия продовольствия от ARA (Американской помощи голодающим) поступила в Россию и члены Помгола собрались для встречи с Каменевым, все общественники, за исключением двух человек, были арестованы ЧК и оказались на Лубянке. Через прессу их обвинили во всевозможных контрреволюционных деяниях. От смертной казни их спасло вмешательство Ф. Нансена: их выпустили из тюрьмы и выслали (одних – за границу, других – в отдаленные места России). Постановлением Президиума ВЦИК от 27 августа 1921 г. Помгол был распущен. — 217

[3*] Институт мозга – Институт по изучению мозга и психической деятельности, созданный по инициативе его первого директора В.М. Бехтерева. Позднее переименован в Государственный рефлексологический им. В.М. Бехтерева институт по изучению мозга, в 1948 г. преобразован в Институт физиологии центральной нервной системы Академии медицинских наук СССР, в 1950 г. вошел в состав Института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР (ныне – Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН).

Научно-исследовательский исторический институт при Петроградском университете был создан в 1921 г., закрыт в 1923 г.

Социологический институт был создан в 1918 г. (до 1919 г. назывался Социобиблиологическим), проводил публичные лекции и чтения с целью популяризации социологических знаний среди населения. В 1919–1921 гг. институт организовал проведение ряда лекций (Н.И. Кареева, П.А. Сорокина и др.) для всех желающих получить социологическое обра-

зование, а также чтение ряда самостоятельных систематических курсов (П.А. Сорокина, Н.А. Гредескула, К.М. Тахтарева и др.) по социологии.

В 1922–1923 гг. все научно-исследовательские институты были ликвидированы, а факультеты общественных наук закрыты, разработка фундаментальных проблем социологии в Советской России прекращена. — 218

[4*] В этом перечне губерний, охваченных голодом, отсутствует Тамбовская губерния, которую Сорокин посетил в это же время, но о которой уже рассказал в 21-й главе. — 218

[5*] Имеется в виду помощь, оказанная России Американской администрацией помощи голодающим (ARA). — 220

[6*] В оригинале: the church village. До революции село отличалось от деревни тем, что в нем была церковь. — 221

[7*] Втор. 28: 16, 18, 20, 30, 31–34, 53. — 222

Глава двадцать пятая

[1*] В оригинале по-латыни: Circenses, т.е. вторая составляющая требования римской черни времен упадка империи: Panem et circenses! (Хлеба и зрелищ). — 223

[2*] American Relief Administration (ARA) – формально негосударственная организация в США, существовавшая с 1919 г. до конца 1930-х гг. и принимавшая большое участие в оказании помощи Советской России в ликвидации голода 1921–1923 гг. Руководителем данной организации президент Вильсон назначил Герберта Гувера, уже имевшего опыт поставок продовольствия в Бельгию с 1914 г. — 223

[3*] Слушание по делу митрополита Вениамина (к которому было привлечено еще 86 человек) началось 10 июня 1922 г. 5 июля трибунал объявил приговор, а в ночь с 12 на 13 августа того же года митрополит Вениамин и вместе с ним архимандрит Сергий (Шеин), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров были расстреляны на окраине Петрограда. — 224

[4*] В здании бывшего Дворянского собрания в Петербурге теперь располагается филармония на площади Искусств. — 224

[5*] «Kyrie eleison» (греч. «Господи, помилуй») и «Достойно есть яко воистину блажити Тя» – начальные слова православных молитв. — 224

[6*] Лк. 23: 34, 46. Последние слова Иисуса Христа на кресте. — 225

[7*] Процесс над эсерами проходил в августе 1922 г. Руководство партии правых эсеров обвинили в организации терактов против большевистских лидеров в 1918 г. По решению Верховного трибунала ВЦИК 12 человек (среди них 8 членов ЦК) были условно приговорены к смертной казни: приговор в отношении их должен был быть незамедлительно приведен в исполнение, если партия эсеров станет использовать вооруженные методы борьбы против советской власти (14 января 1924 г. смертный приговор был заменен 5-летним тюремным заключением с последующей 3-летней ссылкой в отдаленные районы страны). Еще 10 подсудимых были приговорены к разным срокам заключения. Уже после процесса, в сентябре 1922 г., был арестован и приговорен к расстрелу, замененному 10 годами заключения, еще один член ЦК партии. — 225

Глава двадцать шестая

[1*] В «Дальней дороге» (с. 141): на квартиру профессора Кондратьева. — 227

[2*] Т. е. жена Н.Д. Кондратьева. — 227

[3*] Поиски профессора Софронова не увенчались успехом: ни в одном списке высланных за границу в 1922 г. такой фамилии нет. Можно предположить, что в данном случае имеется в виду профессор Всеволод Викторович Стратонов (1869–1938), астрофизик, декан физико-математического факультета Московского университета, арестованный 17 августа 1921 г. В дальнейшем его фамилия неоднократно упоминается вместе с названными Сорокиным. См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005 (по именному указателю). — 228

[4*] В оригинале: Scarlet fever, что в буквальном переводе означает «красная лихорадка». Возможно, в русском тексте телеграммы так и было написано. — 228

[5*] Самые масштабные аресты интеллигенции в Москве и Петрограде произошли в ночь с 16 на 17 августа 1922 г.

О высылке из страны в 1922 г. большой группы интеллигенции М. Геллером написано обстоятельное исследование «Первое предостережение» – удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вестник РХД, 1978, № 127. См. также: *Хоружий С.* Философский пароход: Как это было // Литературная газета. 1990, № 19, 9 мая, с. 6; № 23, 6 июня, с. 6; *Колодный Л.* Изгнание философов // Московский комсомолец. 1990, 12 и 13 июня; *Сапов В.В.* Высылка 1922 года: попытка осмысления // Социологические исследования. 1990, № 3 (там же – воспоминания двух «участников» высылки: Б. Харитона и М. Осоргина); Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005; *Егоров В.В.* «Философский пароход», или как из России выгоняли знаменитостей // Молодой ученый. 2012, № 9, с. 225–228. Материалы из архива КГБ о высылке Сорокина см.: Социологические исследования. 1991, № 10, с. 122–124. Ниже приводится документ, который дает некоторое представление о «технологии высылки»:

«СПИСОК АНТИСОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ Г. ПЕТРОГРАДА

Июль 1922 г.

1. СОРОКИН ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ – ар[естован], высылается.
2. ИЗГОЕВ (ЛАНДЕ) АЛЕКСАНДР СОЛОМОНОВИЧ – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
3. ЗУБАШЕВ Е.Л. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
4. БРУЦКУС БОРИС ДАВИДОВИЧ – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
5. КАГАН А.С. – ар[естован], высылается, отпущен на свободу для ликвидации дел.
6. ЛУТОХИН Д.А. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
7. ПУМПЯНСКИЙ Л.М. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
8. ФРОМЕТ – не разыскан.
9. ЗАМЯТИН Е[ВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ] – арестован, высылка отсрочена впредь до особого распоряжения – постановление Комиссии т. Дзержинского от 31/8 с. г.
10. ПЕТРИЩЕВ А.Б. – ар[естован], высылается.
11. БУЛГАКОВ С[ЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ] – не разыскан.
12. ВОЛКОВЫССКИЙ Н.М. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
13. ХАРИТОН БОРИС – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
14. ЧААДАЕВ – не разыскан.
15. КАРСАВИН ЛЕВ ПЛАТОНОВИЧ – арестован, подлежит высылке, на свободе для ликвидации дел.
16. ЛОССКИЙ НИКОЛАЙ ОНУФРИЕВИЧ – ар[естован], высылается.
17. ГУТКИН А.Я. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.

18. КАНЦЕЛЬ ЕФИМ СЕМЕНОВИЧ – высылка приостановлена впредь до получения от тов. Циперовича ручательства и обоснования такового. Постановление Комиссии 31/8 1922 г.
19. ЗБАРСКИЙ ДАВИД СОЛОМОНОВИЧ – не разыскан.
20. САДЫКОВА Ю.Н. – ар[естована], подлежит высылке, на свободе.
21. БРОНШТЕЙН ИСАЙ ЕВСЕЕВИЧ – ар[естован], высылается, на свободе.
22. ПАВЛОВ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ – не разыскан.
23. КАРГЕНС НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ – ар[естован], подлежит высылке, на свободе.
24. СОЛОВЕЙЧИК ЭМАНУИЛ БОРИСОВИЧ – не разыскан».

(История России. 1917–1940. Хрестоматия. Сост. В.А. Мазур и др., под ред. М.Е. Гловацкого. Екатеринбург, 1993).

Этот документ, составленнsй в Петроградской ЧК, интересен, помимо всего прочего, тем, что П.А. Сорокин присутствует в нем в двух своих ипостасях – под своей настоящей фамилией и под псевдонимом «Чаадаев». Неудивительно, что чекистам не удалось последнего разыскать. — 228

[6*] Евгений Осипович Мандельштам (см. прим. 2* на с. 693–694). — 228

[7*] Сорокин близко к тексту передает общий смысл интервью, которое Л.Д. Троцкий дал американской журналистке Луизе Брайант, опубликованное в «Правде» 30 августа 1922 г.

«Те элементы, – сказал Троцкий, – которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, – все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политическими агентами врага. Мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением». — 228

[8*] О статье в «Петроградской правде» см. прим 5* на с. 704. О какой статье в «Красной газете» идет речь, не установлено. Ранее в ней была напечатана статья Н.А. Гредескула «Прошлое и будущее (по поводу университетского дня)» (Красная газета. 1922, № 46, 26 февраля), но в данном случае имеются в виду августовские или сентябрьские выпуски газеты. — 229

[9*] Имеются в виду две подписки, которые Сорокин дал 13 сентября 1922 г.

[I] **Подписка**

Дана сия мною гр. Сорокиным Питирим Александровичем IV отд. СОГПУ в том, что обязуюсь согласно постановления ГПУ в 10-дневный срок ликвидировать свои служебные и личные дела и выехать на свой счет заграницу. По истечении срока перед отъездом обязуюсь с полученными документами явиться в IV отд. к нач. отд. тов. Зарайскому для сообщения времени отъезда.

13/9-22 г.

Питирим Александрович Сорокин.

[II] **Подписка**

Дана сия мною, гр. Сорокиным Питирим Александровичем Государственному Политическому Управлению в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Советской Власти. Ст. 71-я Уголовного Кодекса РСФСР, карающая за самовольнot возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания? мне объявлена, в чем и подписуюсь

Питирим Александрович Сорокин.

13 сентября 1922 года

Дело Питирима Сорокина (Дело Н-1525) хранится в Центральном архиве ФСБ РФ. Кроме подписок в нем имеется еще ряд материалов, проливающих дополнительный свет на историю высылки Сорокина (располагаем их здесь в хронологическом порядке).

[III] **Заключение**

По делу 15962 о гр. Сорокине Питирим Александровиче.

Арестован 19/9 1922 года. Находится на свободе.

По наведенным справкам о прежней судимости Уч.Р.О.ГПУ не проходит.

1922 года августа ___ дня, Я, сотрудник для поручений IV Отделения СОГПУ — Шешкен, рассмотрев дело за №15962? нашел: что гр. Сорокин Питирим Александрович с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних для РСФСР затруднений, свою контрреволюционную деятельность усиливал. А посему, на основании п. 2. лит. Е Положения о ГПУ от 6/11-с.г.: в целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Сорокина полагаю выслать его из пределов РСФСР заграницу БЕССРОЧНО.

Принимая во внимание заявление, поданное гр-ном Сорокиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд заграницу за свой счет, – для устройства личных и служебных дел дать 7 дней, с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока и после явки немедленно выехать заграницу.

20/9-22 г.

Пом. Нач.IV Отделения СОГПУ В. Шешкен

Согласен – Зарайский

Утверждаю – Ягода

[IV] **Выписка из протокола Заседания Коллегии ГПУ (судебное) от 26 сентября 1922 года.**

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело №15962 Сорокин Питирим Александрович, обвин. в анти-советской деятельности. Находится на свободе. Доклад тов. Шешкена. Утвердил тов. Ягода	На основании п.2 лит. Е Пол. о ГПУ от 6/11-с/г. выслать из пределов РСФСР заграницу. Предоставить 7 дней для устройства личных и служебных дел, обязав явкой по истечении указанного срока в ГПУ и выезда заграницу.

Секретарь Коллегии ГПУ Езерская

[V] **Заключение**

По делу № 15962 о гр. Сорокине Питириме Александровиче.

Освобожден 26 сентября 1922 г.

Я, сотрудник IV Отделения СОГПУ – Шешкен, рассмотрев дело за № 15962 о гр. Сорокине П.А., нашел:

Сорокин П.А., по постановлению Президиума ГПУ от 26/9-с/г., в целях пресечения его антисоветской деятельности, выслан заграницу, и дело следствием закончено, а посему полагаю: дело сдать в архив.

Сотрудник IV Отделения СОГПУ (подпись) В. Шешкен

7 октября 1922 года

Согласен. Н. Зарайский.

Согласен 13/X-22 Дзержинский

[VI] **Выписка из протокола**

Заседания Коллегии ГПУ (судебное) от 23 октября 1922 года

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело №15962 Сорокин Питирим Александрович. По постанов. Коллегии ГПУ от 26/9-22 г., – выслан за границу. Доклад т. Шешкена. Утвердил тов. Уншлихт	Дело прекратить и сдать в архив.

Секретарь Коллегии ГПУ Езерская

Целиком Дело опубликовано в книге: *Дойков Ю*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 327–330. Ранее отдельные документы из него были опубликованы в других изданиях. См.: Социологические исследования. 1991, № 10, с. 122–123; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005, с. 333.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о тех людях, чьи подписи стоят на приведенных документах и которые в 1922 г. в большей или меньшей степени распоряжались судьбами почти всей русской интеллигенции, в том числе и судьбой Питирима Сорокина. Итак, по алфавиту:

Езерская, Езерская-Вольф Романа Давыдовна (1899–1937) – польская еврейка, родившаяся в Варшаве. Член партии с 1917 г. С 1921 г. в ВЧК – секретарь Президиума ВЧК, Коллегии ГПУ, уполномоченный Юридического отдела. После партийной дискуссии 1923 г. за поддержку троцкистской оппозиции была уволена из ГПУ. Затем была на подпольной работе в Польше, где в 1926 г. была арестована и посажена в тюрьму. В 1932 г. после освобождения возвратилась в Москву и училась в Международной ленинской школе. С 1934 г. работала в Париже (в польском представительстве при Французской компартии) и Москве (референт представительства компартии Польши при Исполкоме Коминтерна). Затем арестована, обвинена в шпионаже и расстреляна 11 декабря 1937 г. Подробнее о ней см.: *Абрамов В*. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005.

Зарайский, Зарайский-Зубрий (Зубрин) Никифор Иванович (1890–?) – член РСДРП(б) с 1918 г. и с этого же года сотрудник ВЧК–ОГПУ. В 1922 г. – помощник начальника отделения, затем заместитель начальника и начальник секретно-оперативной части 4-го отделения СО ГПУ. С декабря 1922 г. по сентябрь 1923 г. – заместитель начальника и начальник секретно-оперативной части Астраханского губотдела ГПУ. С декабря 1923 г. – помощник начальника милиции 1-го района Коломенского уезда Московской губернии. В 1924–1925 гг. находился под следствием по обвинению в злоупотреблениях по должности в период работы в органах ВЧК–ГПУ. Постановлением Коллегии ОГПУ от 13 июня 1925 г. лишен права работать в органах ОГПУ. С августа 1926 г. работал товароведом во Всесоюзном металлургическом синдикате. В последующие годы он оказался на родине П.А. Сорокина в Коми АССР, жил в Княжпогосте, работал экспедитором базы ООС Севжелдорлага. 19 февраля 1943 г. был арестован и 4 апреля 1944 г. приговорен по 58-й статье (58-10: пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти) к расстрелу, замененному на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Уншлихт Иосиф (Юзеф) Станиславович (1879–1938), партийный деятель и один из создателей советских органов госбезопасности – ВЧК–ГПУ. 11 июня 1937 г. был арестован, обвинен в принадлежности к «диверсионно-шпионской сети» польской разведки в СССР, 28 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу и 29 июля 1938 г. расстрелян на полигоне «Коммунарка» в Московской области.

Шешкен Вольдемар Янович родился в семье булочника-латыша и «курляндской польки», был рабочим на железной дороге, служил в российской армии, в июне 1917 г. дезертировал, в 1918 г. работал в Брянской федерации анархистов, публиковал статьи в «Вестнике анархии»; в августе 1918 г. при разгроме этой федерации скрылся в Орле. Пересмотрев взгляды, Шешкен начал сотрудничать в «Орловских известиях», которые редактировал будущий главный цензор СССР (начальник Главлита) Б.М. Волин. Затем служил в Красной Армии, был военным корреспондентом на Западном фронте. В 1921 г. вошел в редакционно-издательскую коллегию Южбюро ЦК союза горнорабочих, был редактором ряда газет уездного масштаба, писал статьи, рассказы, песни, пьесы для рудничных театров. В мае 1921 г. Шешкен был взят на службу в Особый отдел Киевского военного округа, а в сентябре того же года оказался

в Москве, в штатах Секретного отдела ВЧК–ОГПУ, занимавшегося политическим сыском. Бывший литератор участвовал в агентурном наблюдении за М. Горьким и другими писателями, дослужившись до поста помощника начальника 4-го отделения Секретного отдела ОГПУ (работа против правых буржуазных партий – кадетов, октябристов и т.п.). Затем был начальником 14-го отделения Секретного отдела ГПУ СССР (антисоветские элементы в вузах и «казенное осведомление» в совучреждениях). Но в июле 1926 г. Шешкена убрали из Москвы и забросили в Бурят-Монголию, затем он работал в Томске (зам. нач. окротдела ОГПУ в Сибири) и Карелии, а в 1929 г. прибыл в Казахстан (врио нач. Секретно-оперативного управления Полпредства ОГПУ СССР по Казахстану). Видимо, ему удалось пережить все политические бури, унесшие жизни его коллег, занимавшихся в 1922 г. высылкой интеллигенции, так как его личное дело хранится в С.-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 349, оп. 003, д. 312) в фонде Ленинградского Дома ученых им. М. Горького АН СССР (1923–1953). Подробнее о нем см. *Тепляков А.Г.* Опричники Сталина М., 2009.

Ягода Генрих Григорьевич (имя при рождении – Енох Гершевич Иегуда; 1891–1938), с 1920 г. – член президиума ВЧК, с сентября 1923 г. – второй заместитель председателя ОГПУ, с июля 1934 г. – глава НКВД СССР и Главного управления госбезопасности. 28 марта 1937 г. был арестован НКВД и в марте 1938 г. предстал на Третьем Московском процессе как один из главных обвиняемых. Расстрелян 15 марта 1938 г. в Лубянской тюрьме НКВД. — 230

[10*] Выслан (*фр.*). Речь идет о заграничном паспорте. Свой советский паспорт («паспортную книжку»), выданный ему 29 декабря 1917 г., Сорокин оставил в России. См.: Питирим Александрович Сорокин. М., 2003, фото 38–40. — 231

[11*] Имеется в виду рецензия на книгу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии» (Экономист. 1922, № 3, с. 143–148). — 232

[12*] Поезд Москва–Рига отходил с Миндавского (ныне – Рижского) вокзала; в этом же поезде из России навсегда уезжал Ф.А. Степун. Следует отметить, что это была самая первая партия высылаемых, пароход «Обербургомистр Хакен» отплыл из Петрограда 29 сентября, а пароход «Пруссия» – 16 ноября. — 232

[13*] Среди кооператоров, уезжавших из России на «философском поезде», следует назвать И.Ю. Баккала, А.И. Сигирского, Н.И. Любимова, И.П. Матвеева, М.Д. Шишкина. Особо следует выделить тех, кто был объединен вокруг кооперативного издательства «Задруга», выпустившего за 11 лет своего существования более 500 книг, предназначенных в основном для бедных слоев населения. Среди них – С. Мельгунов, А. Изюмов, В. Кудрявцев, А. Булатов. С их высылкой кооператив «Задруга» был ликвидирован. — 232

[14*] Все свое ношу с собой (*лат.*). — 232

[15*] Имеется в виду лекция «Современное положение России и ее ближайшие перспективы», опубликованная в берлинской газете «Руль» (1922, № 561, 5 октября). — 233

[16*] Не остались без внимания в Советской России и первые выступления Сорокина в Берлине. На них сразу же откликнулся поэт-правдист Иван Логинов, написавший стихотворение «Из доклада изгнанного гада»:

Дождемся мы когда-нибудь
Большевиков падения…
Хотя берет порою жуть:
Да хватит ли терпения?
Я лично буду продолжать
Свою «социологию»…

И между делом помогать
Епископу Евлогию.

(Красная газета. 1922, № 238, 19 октября, с. 5).

Затем выступил со своим «маленьким фельетоном» «пролетарский поэт» Демьян Бедный. «Фельетон» предваряла «присказка»:

Вышвырнутый за границу в числе прочих белых интеллигентов небезызвестный «социолог» Питирим Сорокин повествует нынче в «Руле» о том, что в отношении «будущей России» он готов ограничиться «примитивным демократическим строем», но даже этот примитивный демократический строй должен быть введен с известной последовательностью, а не сразу. В данный же момент «надо начать с того режима, который был, приблизительно, в царствование Александра III».

Затем следовал и самый «фельетон», носивший пышное название «О Питириме белобоком, об Уншлихте жестоком и о тетереве культурном на токовище литературном»:

Пити, пити, Питирим,
Питирим, тирим, тирим!
Ай, сорока-белобока,
Вот мы где уже парим!
Ну ж, Сорокин, молодчина!
Замечательный мужчина,
Пуришкевич аккурат,
«Примитивный демократ!».
Козырнул он примитивом
С монархическим мотивом!
– Славься, славься, русский царь,
Православный государь!
Вот он, бывший-то эсерик,
До каких дошел Америк
И какой рисует рай!
Хоть ложась, да помирай!

* * *

Уж сорока ты сорока.
Сколь стрекочешь весело!
Уншлихт, стоишь ты упрека,
Хоть люблю тебя зело:
Ну, зачем такую птицу
Ты спровадил за границу?
Будет Горький нас винить,
Про культуру нам бубнить:
– Не в Берлине этой птице,
А в советской быть столице,
С чистым зернышком в зобу,
На учете в Це-Ку-Бу,
На учете
И в почете.
Бу! Бу-бу! Бу-бу! Бу бу!

Бу!.. «Портрет литературный»
Дам я парой русских строк:

– Горький, тетерев культурный,
Вот он друг каких сорок!!

(Красное знамя. Томск, 1922, № 254, 14 ноября, с. 2). — 233

[17*] Т.Г. Масарик, с которым Сорокин познакомился еще в 1917 г., был избран президентом Чехословакии в 1918 г. (и оставался им до 1935 г.). — 233

[18*] «Крестьянская Россия» – эмигрантская партия правоэсеровского толка (1921–1927). Была образована в Праге с целью организации русского крестьянства для борьбы за его политические и экономические интересы. Выпускала несколько различных изданий, в том числе и одноименный сборник (Прага, 1922–1924 гг., всего 9 номеров в 6 книгах), в котором в период своего нахождения в Праге сотрудничал и Сорокин.

«Хутор» – двухнедельный журнал, посвященный интересам русского земледелия; издавался в Праге в 1922–1924 гг.

Следует также отметить, что за время своего пребывания в Чехословакии Сорокин принял (хотя и заочно) участие в процессе над А. Конради (убийцей В. Воровского). Подробнее см.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин в Праге. 1922–1923. Архангельск, 2009. — 233

[19*] Имеются в виду США, куда Сорокин прибыл в октябре 1923 г. — 233

[20*] В оригинале: millennium. Миллениум – латинское слово, смысловой эквивалент греческому «хилиазм»: учение (или вера) в тысячелетнее царствие Христа на земле. Впервые это свое кредо Сорокин изложил в записи, сделанной в альбом писателя и критика В.Ф. Булгакова (хранящийся в РГАЛИ): «Жить и действовать при всех условиях, стремиться любить людей и мир… Жизнь, даже самая тяжелая – великое благо по сравнению со смертью, а любовь – душа жизни. П. Сорокин, 19. 04. 1923» (Цит. по: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин в Праге. 1922–1923. Архангельск, 2009, с. 40). — 234

Глава двадцать седьмая

[1*] Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (House Un-American Activities Committee) – комиссия палаты представителей конгресса США, действовавшая в 1934–1975 гг. Была создана в 1934 г. для борьбы с «подрывной и антиамериканской пропагандой». В 1938 г. получила статус временной комиссии, в 1946 г. – статус постоянной комиссии. В 1969 г. переименована в «Комиссию по внутренней безопасности». С юридической точки зрения прилагательное «неамериканская» (un-American) означало деятельность, источники финансирования которой находились за рубежом. — 238

[2*] Луис Буденц, Уиттакер Чамберс и Элизабет Бентли – американские коммунисты, связанные с советской разведкой, но в конце 1940 – начале 1950-х гг. отрекшиеся от коммунизма и давшие показания о своей шпионской деятельности. Именно с показаний Э. Бентли в 1948 г. началась «охота на коммунистов» в США. В число подозреваемых в симпатиях к коммунизму попал и сам П.А. Сорокин. См.: *Дойков Ю.В.* «Мы должны переварить тоталитаризм и достичь мира...» (Из досье ФБР на П.А. Сорокина. 1954 г.) // Отечественные архивы. 1996, № 4, с. 49–55. — 238

[3*] Порыв (*фр.*). — 241

[4*] В оригинале ошибочно: V.I. Lapshin. — 242

[5*] В оригинале ошибочно: N. Karpinsky. — 242

[6*] Шибболет (*евр.*: «колосья») – пароль, установленный судьей Иеффаем во время войны против ефремлян: каждый ефремлянский беглец мог быть сразу опознан по особому произношению этого слова (Суд. 12, 5–6). — 242

[7*] В данном случае Сорокин ошибается. Л.И. Петражицкий в 1921 г. эмигрировал в Польшу, где возглавил кафедру социологии Варшавского университета. Взрыв национализма и слепая ненависть ко всему русскому, которые переживала Польша в те годы, воспринимались Петражицким крайне болезненно. В результате нервного срыва он покончил с собой 15 мая 1931 г. — 242

[8*] Сорокин передает общий смысл знаменитых слов Ивана Карамазова: «Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столького стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к “боженьке”... Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка…» (*Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1982, т. 11, с. 288). — 243

[9*] Вероятно, ошибка памяти Сорокина: перед фамилией физика П.Н. Лебедева должна, по идее, стоять фамилия *физика* А.Г. Столетова (1839–1896), а не *физиолога* А.Ф. Самойлова. — 245

[10*] Смысл, разумное основание (*фр.*). — 245

[11*] Полицейское государство (*нем.*). Термин применялся с 1851 г. в Австрии для обозначения всевластия полиции, сложившегося в эпоху реакции после подавления революции 1848–1849 гг. Слово Polizei отличалось в то время от современного и обозначало административную власть вообще, а слово Polizeistaat вызывало в памяти образы абсолютных монархов прошлого и противопоставлялось верховенству закона в правовом государстве (Rechtsstaat), предложенному И. Кантом. — 246

[12*] Блаженны (счастливы) имущие (*лат.*) – выражение О. Бисмарка. — 250

[13*] В оригинале: Gadget-mindedess, gadget-inventiveness. — 251

[14*] В оригинале: X-Committees on un-X Activities. — 253

[15*] Ост-Индия – термин, употреблявшийся в прошлом в отношении территории Индии и некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии. — 253

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Печатается по машинописи, хранящейся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (г. Киев) в фонде Н.Е. Шаповала (№ 3563). Первое упоминание в печати об этой машинописи (хранившейся в фонде Н.Е. Шаповала как «рукопись книги неведомого автора») содержится в статье Ю.В. Дойкова «Питирим Сорокин и Никита Шаповал» (Социологический журнал. 1999, № 3/4, с. 216). Подробно история этой машинописи (и несостоявшегося издания книги на русском языке) прослежена в письмах П.А. Сорокина к Н.Е. Шаповалу, опубликованных в издании: *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008, с. 537–569.

При подготовке текста к изданию проведена следующая работа:

– произведена минимальная стилистическая правка;

– восстановлены или уточнены выходные данные книг и статей, на которые ссылается автор;

– написание имен собственных в большинстве случаев приведено в соответствие с современными нормами;

– отрывки текста, зачеркнутые в машинописи, заключены в квадратные скобки.

«Социология революции» стала второй книгой П.А. Сорокина, изданной на английском языке (вышла в свет в январе 1925 г.). Тексты перевода и «оригинала» практически совпадают (за исключением третьего параграфа шестого очерка, отсутствующего в английском варианте), однако американское издание имеет ряд структурных отличий, зафиксированных в нижеследующей таблице:

Содержание английского и русского вариантов «Социологии революции» П.А. Сорокина

Английский вариант	Page	Русский вариант	Стр. машинописи/ наст. издания
Предисловие (Preface)		Предисловие	
Part I	1	**Очерк первый.** Изменение поведения людей в эпохи революций	1/273
I. Деформация человеческого поведения в эпохи революций (The Perversion of Human Behavior in Revolution)	1		
II. Природа и механизм человеческого поведения (The Nature and Mechanism of Human Behavior)	17	§ 1. Общие положения, касающиеся механизма поведения людей	1/273
III. Общая характеристика изменения поведения во время революций (General Characteristics of the Change of Behavior During Revolution)	32	§ 2. Общая характеристика деформации поведения во время революций	25/283

IV. Деформация «речевых» рефлексов (The Transformation of «Speech-Reactions»)	41	§ 3. Деформация «речевых» рефлексов	50/293
V. Деформация реакций собственности (Perversion of the Reactions of Ownership)	58	§ 4. Деформация реакций повиновения и властвования	73/304
VI. Деформация половых реакций (The Perversion of Sexual Reactions)	81	§ 5. Деформация трудовых рефлексов	94/317
VII. Деформация трудовых реакций (The Perversion of Labor Reactions)	102	§ 6. Деформация рефлексов собственности	112/327
VIII. Деформация реакций властвования и повиновения (Perversion of Reactions of Authority and Subordination)	117	§ 7. Деформация половых рефлексов	142/342
IX. Деформация религиозных, этических, эстетических и других приобретенных форм поведения (Perversion of Religious, Moral, Aesthetics and Other Acquired Forms of Conduct)	137	§ 8. Деформация так называемых религиозных, морально-правовых, конвенциональных, эстетических и других форм социального поведения	172/357
X. Психология революционного общества (The Psychology of Revolutionary Society)	170	§ 9. Деформация психики членов революционного общества	218/380
Part II	193	**Очерк второй.** Влияние революции на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность	251/397
XI. Влияние революции на состав населения и его смертность, рождаемость и брачность (The Influence of Revolution on the Composition of the Population and Its Death, Birth and Marriage Rate)	193		
1. Революция численно сокращает население (Revolution Diminishes the Population Numerically)	196	§ 1. Революция уменьшает население количественно	251/398
2. Уровень смертности, рождаемости и брачности (The Death, Birth and Marriage Rate During Revolution)	200	§ 2. Движение смертности, рождаемости и брачности во время революций	257/401

3. Революции как орудие отрицательной селекции и ухудшение наследственных свойств народа (Revolutions as an Instrument of Negative Selection and an Aggravation of Hereditary Race Qualities)	212	§ 3. Революция как орудие «отрицательной селекции» и ухудшение биологически-расовых свойств народа	271/409
Part III.	229	**Очерк третий.** Изменение структуры социального агрегата в периоды революций	295/421
XII. Изменения в структуре социального агрегата в периоды революций (Changes in the Structure of the Social Aggregate in Periods of Revolution)	229		
1. Общие замечания о структуре социального агрегата (General Remarks Concerning the Structure of the Social Aggregate)	231	§ 1. Общие положения, касающиеся структуры социального агрегата	295/421
2. Деформация структуры агрегата в периоды революции Deformation of the Structure of the Aggregate in the Periods of Revolution)	233	§ 2. Деформация структуры агрегатов в периоды революций	298/423
3. Изменения состава групп, скорость и «всеохватность» циркуляции (Changes in the Composition of Groups, Velocity and Generality in Circulation)	235	§ 3. Изменение состава групп, скорость, массовость и характер циркуляции	300/424
4. Изменения объемов социальных групп (Changes in the Volume of Social Groups)	252	§ 4. Изменение объемов социальных групп	322/435
5. «Диссоциация» «ненормальных» кумулятивных групп и образование новых («Dissociation» of «Abnormal» Cumulative Groups and Formation of the New Ones)	261	§ 5. «Диссоциация» ненормальных кумулятивных групп и образование новых	333/441
6. Изменения механизма отбора и размещения индивидов в агрегате (Changes in the Mechanism of Selection and Distribution)	268	§ 6. Изменение механизма отбора и размещение индивидов в агрегате	342/446
7. Какие психологические типы возникают во время революций? (What Psychological Types are Climbing Up In Revolution?)	280	§ 7. Изменение поведения и психологии перемещенных лиц	351/457

8. Изменения поведения и психологии перемещенных лиц (Changes in the Behavior and Psychology of the Transposed Individuals)	284		
Part IV	297	**Очерк четвертый.** Изменение социальных процессов в периоды революций	375/465
XIII. Деформация функций общества в периоды революций. I. Правительственные функции (The Modification of Social Functions During Revolutionary Periods. I. Governmental Functions)	299	§ 1. Изменения в области процессов управления	375/465
XIV. Деформация функций общества в периоды революций. II. Экономические функции (The Modification of Social Functions During Revolutionary Periods. II. Economic Functions)	317	§ 2. Изменения экономических процессов	394/475
XV. Деформация функций общества в периоды революций. III. Духовная жизнь общества (The Modification of Social Functions During Revolutionary Periods. III. The Spiritual Life of Society)	334	§ 3. Изменения в духовной жизни общества	417/487
XVI. Иллюзии революции (The Illusions of Revolution)	360	**Очерк пятый.** Иллюзия революции	446/503
Part V	365	**Очерк шестой.** Причины революций	466/513
XVII. The Causes of Revolution	365		
1. Основные причины революции (The Main Causes of Revolution)	367	§ 1. Основные причины революций	466/513
2. Почему ущемление инстинктов приводит к революции (Why Does the Repression of Impulses Lead to Revolutions?)	371	§ 2. Почему ущемление инстинктов ведет к революциям	470/516

3. Какие социальные группы должны стать революционными, в какой степени и почему? (What Social Groups Have to Be a Revolutionary, in Which Degree and Why?)	385	§ 3. Ущемление рефлексов питания и революция	471/517
		§ 4. Ущемление других инстинктов и революция	529/558
		§ 5. Иное доказательство того же	543/566
4. Дезорганизация сил социального контроля (Disorganization of the Powers of Social Control)	397	§ 6. Дезорганизация торможения, дегенерация власти и революция	558/574
5. Общие причины наступления второй стадии революции или контрреволюции (The General Causes Contributing to Call Forth the Second Stage of the Revolution or the Counterrevolution)	408	§ 7. Общие причины наступления второй стадии революции, или контрреволюции	581/587
Примечания и дополнения (Notes and Addenda)	415		/591

«Примечания и дополнения», которые автор, готовя книгу к изданию на английском языке, включил в нее, по-видимому, когда книга была уже сверстана, печатаются в настоящем издании после шестого очерка.

Тексты авторского и издательского предисловий (в переводе В.В. Сапова) помещены здесь:

Предисловие [к американскому изданию]

Эта книга написана в Чехословацкой Республике, где я нашел самое госпеприимное убежище и дружеское участие после того, как в октябре 1922 г. был выслан из России Советским правительством. Лишь благодаря гостеприимству чехословацкого народа и правительства я смог закончить этот труд. Поэтому для меня не только глубочайшее удовольствие, но и общественный долг выразить самую искреннюю признательность Президенту Чехословацкой Республики доктору Т.Г. Масарику; д-ру А. Масарик; премьер-министру д-ру А. Швегле, министрам иностранных дел д-ру Э. Бенешу и д-ру Й. Гирсе; д-ру К. Крамаржу, сенатору Клофачу и многим другим представителям чехословацкого народа.

За публикацию этой книги я особенно благодарен профессору Э.К. Хейсу, который не только обеспечил мне эту возможность, но и любезно согласился взять на себя утомительный труд по исправлению и совершенствованию моего английского. Кроме того, я должен поблагодарить его за ценные научные советы и тот доброжелательный интерес к моей судьбе, который меня ободрял и очень сильно поддерживал. Эта благодарность является всего лишь слабым выражением моей глубочайшей признательности ему.

Описывая последствия русской революции, я в подавляющем большинстве случаев пользовался данными, сообщаемыми большевиками. Не потому, что коммунистическая статистика внушает больше доверия, – просто я хочу быть объективным. Будучи неточной, а зачастую и довольно противоречивой, эта статистика обладает одним ценным качеством: она изображает ситуацию не хуже, а скорее лучше, чем она есть в действительности. Таким способом коммунисты, занимающиеся сбором статистических данных, пытаются избежать преувеличения негативных итогов революции, которые приписывают ей некоторые исследователи. Во имя все той же объективности я снабдил книгу некоторыми замечаниями и текущими данными, которые были мне недоступны, когда я собирал материалы для этой книги и работал над ней.

Питирим Сорокин

5 декабря 1924 г.

Предисловие издателя

Что касается настоящего тома, то это как раз тот случай, когда есть более чем веские основания для написания издательского предисловия, цель которого состоит в том, чтобы представить американским и английским читателям автора, у которого уже имеется вполне сложившаяся репутация в Европе. Профессор Сорокин возглавлял в Петербургском университете факультет социологии, список написанных им на русском языке книг, некоторые из которых переведены на другие европейские языки, а также многочисленных статей по социологии и праву выглядит впечатляюще.

В начальный период революции в России он вместе с Керенским, Брешковской («бабушкой русской революции») и другими был лидером умеренной революционной партии. Он был главным редактором газеты «Воля народа», членом Всероссийского крестьянского совета и членом Учредительного собрания.

Однако в 1918 г. он уже перестал быть и социалистом, и революционером, но принимал активное участие в организации российского крестьянства для решения культурных, нравственных, а косвенным образом и политических задач, будучи одним из редакторов «Крестьянской России» и издательства «Хутор».

Из-за этой перемены взглядов, а также по причине его деятельности его три раза арестовывали большевистские власти, приговорили к смерти, но не привели приговор в исполнение, а вместо этого выслали его из России, запретив возвращаться в страну под угрозой смерти.

Он нашел приют в Чехословакии, получив приглашение от президента Масарика. Позднее, желая изучить культурную и экономическую организацию жизни американских фермеров, а также и некоторые другие стороны американской общественной жизни, он решил отправиться в Америку, где русские рабочие, серьезно готовившиеся к участию в реорганизации России, когда им представится возможность вернуться на родину, избрали Сорокина одним из своих лидеров. Приехав в Соединенные Штаты, он прочитал лекции во многих американских университетах.

Настоящая книга представляет собой мощное обвинение в адрес всех революций и доказывает необходимость тщательного социального контроля. В ней содержится ряд обобщений, основанных не только на опыте русской революции, но и на истории революций вообще, описываются характерные черты, свойственные всем революциям, где бы и когда бы они ни происходили.

Для процветания общества необходимо определенное соотношение между стабильностью и изменениями. Перевес одного из этих условий влечет за собой изменение другого

и соответствующую реакцию с его стороны. В обществе, руководителям которого удалось слишком хорошо оградить его от всяких изменений и поддерживать неизменным порядок, который они установили, назревает революция. В то же время революция прививает отвращение к производимым ею эксцессам и стремление к миру, порядку и контролю.

Зло одной из этих крайностей не доказывает, что надо стремиться к другой. Разумеется, ни одна из них не может продолжаться бесконечно; хотя строгий порядок, использующий все возможные способы социального контроля, способен продержаться гораздо дольше, чем может продлиться революция. Он способен держаться так долго и в такой целости, что революция становится неизбежной. Но революция, в силу самой природы вещей, есть явление преходящее. Просвещенное общество не может терпимо относиться ни к параличу, наступающему в результате сверхконтроля, ни к ярости восстания. Здесь, как и везде, практическое решение состоит в нахождении должной пропорции между двумя этими тенденциями. В здоровом обществе должна быть как консервативная, так и прогрессивная партия, обе должны быть достаточно мощными, чтобы в результате их противостояния сохранялось нормальное равновесие.

Настоящим томом профессор Сорокин, опираясь на солидную коллекцию фактов, которым он дает блестящую интерпретацию, сделал существенный вклад в сокровищницу социальной мудрости.

Э. К. Х[ейс]

Книга «The Sociology of Revolution» (Philadelphia: J.B. Lippincott Co; London, 1925) была переведена на японский (1926), немецкий (Die Soziologie der Revolution. München: J.B. Lehmanns Verlag, 1928) и латышский (Revolucijas sociologija. Riga: Vaŗavīksanas, 1929) языки. На английском переиздавалась дважды – в 1967 и 2000 гг. Кроме того, один из фрагментов книги (The Perversion of Human Behavior in Revolution) был перепечатан в сборнике: *Sorokin P.A.* On the practice of sociology. Ed. and with introduction by Barry V. Johnston. Chicago–London: The University of Chicago Press, 1998, p. 257–264.

Ранее на русском языке были опубликованы переводы 1-й и 17-й глав английского издания в сборнике: *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с. 266–294 (перевод А.Ю. Согомонова); небольшой отрывок из книги опубликован Ю.В. Дойковым в журнале «Звезда» (1998, № 11, с. 90–92).

Первое издание «Социологии революции» вызвало многочисленные критические отзывы, из которых укажем следующие:

* *Abbott W.C.* The Working of Revolution //Saturday Review of Literature. 1925, 11 April, p. 664;

Meuter H. // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. 1926, Heft. 4, S. 461–464;

* *Barnes H.E.* Revolution in America // The Nation. 1925, 10 June, p. 668–669;

Rubinow I.M. Are Revolutions Worthwhile? // New Leader. 1925, vol. 6, June, p.4;

* *Grierson J.* The Review of «The Sociology of Revolution» // The American Journal of Sociology. 1926, vol. 7, p. 399;

Park R.E. Review of «The Sociology of Revolution» // The Annals of the American Academy of Arts and Sciences. Philadelphia, 1926, vol. 123, p. 230–231;

* *Мухин М.* Рец. на «The Sociological Revolution» // Суспільство. Прага, 1925, сб. I–II, с. 149–150 (на украинском языке);

* *Репейников Ф. [Лутохин Д.А.]* Лицо революции // Воля России. Прага, 1925, № IV, с. 134–146.

E. Jenny // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1929, H. 1, März, S. 77–79 (рецензия на немецкое издание «Социологии революции»).

На первой странице суперобложки (т.е. на ее лицевой стороне) американского издания помещены два отзыва – У.К. Абботта (отрывок из указанной выше рецензии) и Ч.Э. Эллвуда (по-видимому, отрывок из рецензии, найти которую, к сожалению, не удалось):

«Со времен выхода в свет труда Лебона в данной обширной области социологии не появлялось столь замечательной и интересной, равно как и поучительной работы, как эта. Во что бы человек ни верил, будь он за или против революции, он должен обратить на этот выдающийся труд самое пристальное внимание» (*Уилбур Кортес Абботт*).

«Это ценная книга, которую должны прочесть самые широкие слои публики. Я не знаю другой такой книги, которая при внимательном чтении была бы столь хороша» (*Чарльз Э. Эллвуд*, президент Американской социологической ассоциации).

Не все отзывы носили столь же положительный характер. Довольно холодно отозвался о «Социологии революции» Роберт Парк, заметив, что «даже если речь идет о научной работе, то самое лучшее, а может быть, и самое худшее, что можно о ней сказать, это что она наводит на размышления». М.И. Рубинов, не ссылаясь непосредственно на мнения, высказанные Гриерсоном и Парком, отметил следующее: «Я уверен в том, что профессор Сорокин сделал большое дело... во-первых, он дал научное (scholarly) описание симптомов, процессов и хода развития революционных призывов. Ценность этого научного вклада сохранится даже после того, как субъективные пристрастия, обусловленные личными переживаниями профессора Сорокина, выпавшими на его долю во время Русской революции, утратят все свое значение». Второе положительное качество труда П.А. Сорокина, по мнению Рубинова, представляет собой ценность скорее для политических деятелей, чем для ученых. «Если профессиональный пропагандист и агитатор сумеет заставить себя прочитать эту книгу с полным беспристрастием, то он составит себе ясное представление о цене любой революции. Вряд ли он сможет составить его, имея на глазах непроницаемые шоры, будучи убежденным в том, что революция как таковая есть некое событие, переходный процесс, наилучшее средство для достижения цели. Таким образом, для ума рассудительного книга послужит доказательством полной абсурдности формулы “перманентная революция”». Рубинов был, кажется, единственным рецензентом, обратившим внимание на недостатки английского языка П.А. Сорокина (правда, отнеся их на счет редактора): «Профессор Сорокин пишет на иностранном для него языке, к изучению которого он, надо полагать, приступил уже в зрелом возрасте. С учетом обстоятельств он справился со своей задачей прекрасно, но самый факт совершенно очевиден для читателя. Так как книга издана как очередной выпуск серии (Lippincott Sociological Series), выходящей под редакцией профессора социологии одного из американских университетов, этот последний и должен нести ответственность за недостатки данной книги, поскольку он как редактор уделил ей недостаточно внимания и не вычитал корректуру должным образом. Книга изобилует фразами, написанными не по-английски и даже синтаксическими ошибками, которые, будь они сделаны в сочинении студента-второкурсника, несомненно, были бы отмечены красным карандашом. Небрежность, по причине которой были пропущены такого рода ошибки, является, конечно, нечестным поступком по отношению к глубокомысленному автору» (цит. по: *Johnston B.V.* Pitirim A. Sorokin. An Intellectual Biography. Lowrence (Kansas), 1996, p. 35, 284–285).

Но самыми суровыми критиками книги оказались соотечественники автора из среды эмигрантов (в Советской России книга, кажется, вовсе не была замечена; хотя «железный занавес» еще не был столь непроницаемым, каким он стал в 30-е гг., для Питирима Сорокина он уже оказался закрытым наглухо). Помимо статьи Ф. Репейникова (помещенной в «Приложениях») приведем мнение Ф.А. Степуна, который в статье «Религиозный смысл революции» писал (ссылаясь при этом на немецкий перевод «Социологии революции»): «В своей научно очень несолидной, но публицистически очень страстной “Социологии революции” Питирим Сорокин, собрав большой материал, безусловно доказал не требующую доказательств

истину, что все революции роковым образом описывают один и тот же порочный круг: разрушают в процессе своего развития те принципы, во имя которых начинают свой путь» (*Степун Ф.А*. Сочинения. М., 2000, с. 388).

См. также: *Зюзев Н.Ф*. «Американские горки» Питирима Сорокина. Сыктывкар, 2009, с. 10–12.

Рецензии, отмеченные звездочкой (*), см. в «Приложениях».

Введение

[1*] П.А. Сорокин использует термины социальной философии Сен-Симона, по мнению которого история человеческого общества представляет собой поочередную смену двух эпох (или состояний) – критических и органических. Подробнее см.: Изложение учения Сен-Симона. М.-Л., 1947, с. 104. — 263

[2*] Не знаем (*лат*.) – выражение из знаменитой лекции Э. Дюбуа-Реймона «О границах естествознания». В заключительной части этой лекции он сказал: «Относительно загадки в вещественном мире естествоиспытатель давно уже привык произносить с мужественным самоотречением свое “ignoramus”... Но по отношению к загадке, что такое материя и сила и как они в состоянии думать, он раз навсегда должен обречь себя на гораздо труднее дающийся приговор: “ignorabimus” [не узнаем]» (*Дюбуа-Реймон Э*. О пределах познания природы. Могилев-на-Днепре, 1874, с. 24). — 263

[3*] *Идиографический* (от *греч*. idios – «особенный», «своеобразный» и grafo – «пишу») – метод познания, который применяется в гуманитарных науках (или науках о культуре, по терминологии баденской школы неокантианства), в отличие от метода *номографического* (от *греч*. nomo teteo – «издавать законы»), применяемого в естествознании. Понятия эти введены в науку В. Виндельбандом и подробно развиты Г. Риккертом. См.: *Виндельбанд В*. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904, с. 320; *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, с. 80–81. — 263

[4*] Танненберг – ныне Стембарг, населенный пункт в Польше в Ольштынском воеводстве, которое до 1945 г. входило в состав бывшей Восточной Пруссии. «Битвой под Таннебергом» считается Грюнвальдская битва 1410 г., а также часть Восточно-прусской операции 1914 г., закончившейся окружением и разгромом двух корпусов 2-й русской армии. — 263

[5*] Имеются в виду слова из Книги Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “Смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (1, 9–10). — 264

[6*] Гуситская революция (гуситское революционное движение) – борьба чешского народа в первой половине XV в. против католической церкви и немецкого засилья, вылившаяся в так называемые гуситские войны (1419–1437), которые велись под руководством Яна Жижки и Прокопа Великого. Подробнее см.: *Рубцов Б.Т*. Гуситские войны. М., 1955. — 265

[7*] Верю, ибо это абсурдно (*лат*.) – слова, которые приписывают Тертуллиану. — 266

[8*] Сущность революции заключается во внезапном, импульсивном переходе от одного политического строя к другому, особенно от одного правопорядка общественной жизни к другому... во внезапной перемене соотношения сил (*нем*.). — 267

[9*] Этатизм (от *фр*. état – «государство») – политическая доктрина, согласно которой государство рассматривается как высший результат и цель общественного развития. «Госу-

дарство – все, личность гражданина – ничто» – такова формула «предельного» этатизма. Сущность этатизма в той его форме, в какой он сложился в России после революции, очень хорошо выразил академик И.П. Павлов: «Мы живем под господством жеского принципа: государство, власть – все… личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – все это в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение» (цит. по: Звезда. 1989, № 10, с. 116). «Приложение», о котором упоминает П.А. Сорокин, и, соответственно, «очерк, посвященный этатизму», в экземпляре машинописи, которым мы располагаем, отсутствуют. — 269

[10*] Слова Иисуса Христа: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28). — 270

[11*] По словам Ф. Бэкона, идолы – это «глубочайшие заблуждения человеческого ума»; «их обман является результатом неправильного и искаженного предрасположения ума, которое заражает и извращает все восприятия интеллекта». Бэкон выделял 4 вида «идолов»: идолы рода (воздействующие на интеллект в силу самих особенностей общей природы человека), идолы пещеры (воздействующие в силу индивидуальной природы каждого человека), идолы площади (воздействуют на интеллект в силу особенностей самой природы общения) и идолы театра (результат неверных теорий или философских учений и ложных законов). См.: *Бэкон Ф.* Сочинения в 2-х тт. М., 1977, т. 1, с. 307. — 270

[12*] Гекатомба (от *греч*. hekaton – «сто») – жертвоприношение сотни быков, а также всякое большое жертвоприношение; в переносном смысле – огромное (и, как правило, бессмысленное) принесение в жертву людей ради идеи, учения и т.п. — 270

[13*] Мр. 2, 27. — 270

[14*] Такой цитаты в Библии нет, скорее есть противоположная: «В вихре и в буре шествие Господа» (Наум. 1, 3). Правда, близкая по смыслу цитата встречается в 3 Книге Царств: «... не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра» (19, 12). — 271

[15*] «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия...» (Мф. 26, 39). — 271

[16*] Тем самым (*лат*.). — 272

[17*] Выражение из статьи М.А. Бакунина «Реакция в Германии»: «Дух разрушающий есть вместе с тем и дух созидающий» (*Бакунин М.А*. Сочинения и письма. М., 1987, с. 226). — 272

[18*] К вящей славе (*лат*.). «К вящей славе Господней» – девиз ордена иезуитов. — 272

Очерк первый

[1*] *Тропизмы* – определенные движения организмов, происходящие под влиянием различных раздражителей. Тропизмы называются положительными, если движение направлено в сторону раздражителя, и отрицательными, если оно направлено от раздражителя. В зависимости от раздражителя различают несколько видов тропизмов: хемотропизмы – под влиянием химических веществ, гелиотропизмы – под влиянием света, геотропизм – под влиянием силы тяжести, электротропизм и т.д.; *таксисы* – двигательные реакции свободно передвигающихся микроорганизмов и простейших растений. Различают фототаксисы, термотаксисы, гальванотаксисы, хемотаксисы и т. п. — 274

[2*] Согласно В. Парето, любые теоретические построения, любые идеологии являются оправданием действия и имеют целью придать последнему внешне логичный характер, скрыв

его истинные мотивы. Парето назвал идеологические системы, обладающие ложным содержанием, «деривациями» (derivazioni), т.е. производными от чувств, названных им «остатками» (residui), коренящимися в иррациональных пластах человеческой психики. — 275

[3*] На самом деле человек неугомонен, агрессивен и честолюбив (*англ.*). — 276

[4*] Такой цитаты, дословно, у Паскаля нет, но в целом ее можно считать парафразом его многочисленных высказываний о двойственной природе человека. Например: «Что же это за химера – человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной». «Человек благодатью делается как бы подобен Богу и сопричастным божественному Его естеству, а без благодати подобен диким животным». «Он ни ангел, ни животное, но человек». «Человек – ни ангел, ни животное; к несчастью, тот, кто хочет стать ангелом, становится животным» (*Паскаль Б.* Мысли. М., 1995, с. 110, 111–112, 239, 267). См. также: *Рих А.* Блез Паскаль. Отчаянность веры. М., 2001, с. 24–33. — 276

[5*] *Филогенетическое* (от *греч.* fylon – «род», «племя», «вид» и genesis – «происхождение») развитие – процесс формирования некоторой систематической группы организмов; развитие *онтогенетическое* (от *греч.* ontos – «сущее») – процесс развития индивидуального организма. Согласно биогенетическому закону, сформулированному в 1866 г. Э. Геккелем, организм в ходе индивидуального развития (онтогенеза) проходит стадии, которые его предки прошли в филогенезе. — 278

[6*] Совпадение противоположностей (*лат.*). — 280

[7*] От *греч.* allélon – «друг друга», «взаимно» (заменяющие, усиливающие и т.п.). — 281

[8*] Слова леди Макбет (*Шекспир У.* Макбет, действие 1, сцена IV). — 281

[9*] Третий радующийся (*лат.*) – т.е. человек (в данном случае – «дуэлянт»), выигрывающий от распри двух сторон. — 282

[10*] «Голод как фактор» – последняя книга П.А. Сорокина, подготовленная им к печати в Советской России. Книга должна была выйти в свет в 1922 г., но после высылки ученого из страны отпечатанные листы по решению цензуры были уничтожены, а остальной набор рассыпан. Лишь совсем недавно книга была полностью восстановлена и наконец-то издана в России. См.: *Сорокин П.А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003; Сыктывкар, 2014). — 285

[11*] Илоты – местные жители Лаконии и Мессении, покоренные спартанцами и превращенные ими в государственных рабов. «Пьяными илотами» П.А. Сорокин назвал большевиков в своей статье «Победителям», опубликованной в газете «Воля народа» на третий день после октябрьского переворота 1917 г.: «*Вы – пьяные илоты*. В трагические минуты революции что вы делаете? Добравшись до складов Зимнего дворца, вы, как стая жадных псов, набрасываетесь на вина, напиваетесь и безумствуете в пьяном кошмаре» (*Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 311). — 286

[12*] Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии, в 1898–1904 гг. – военный министр, в 1904–1905 гг. – командующий войсками в Маньчжурии; в Мукденском сражении в феврале 1905 г. его армии нанесла поражение армии японского генерала Т. Куроки. — 286

[13*] Евразийцы – сторонники идейно-политического и общественного учения в русском послеоктябрьском зарубежье 20–30-хх гг. XX в., заявившего о себе выходом сборника «Ис-

ход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев» (София, 1921), авторами которого были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский; в разработке идеологии евразийства активное участие принимали также Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин и др. Подробнее см. статью В.П. Кошарного в словаре «Русская философия» (М., 1995, с. 148–149). — 286

[14*] Приведенное высказывание является автоцитатой. В одном из примечаний к книге «Голод как фактор» Сорокин писал: «Недаром я на лекциях определяю человека как “животное, отличающееся от других животных тем, что оно мотивирует хорошими убеждениями и высокими словами всякую мерзость”» (*Сорокин П.А*. Голод как фактор. М., 2003, с. 228). — 287

[15*] От *фр*. agitation – «волнение», «возбуждение», «беспокойство». — 289

[16*] Выражение из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1, XV):

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил...

(*Лермонтов М.Ю*. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1986, т. 2, с. 55). — 289

[17*] Запрет (*лат*.). — 291

[18*] *Лолларды* (от *средненидерл*. lollaert – «бормочущий [молитвы]») – участники крестьянско-плебейского движения XIV в. в Англии, отвергавшие привилегии церкви и требовавшие секуляризации ее имущества; сыграли большую роль в идеологической подготовке восстания Уота Тайлера в 1381 г., а впоследствии и в подготовке английской Реформации; *индепендентами* стали впоследствии называть «броунистов» (потом «барровистов») – членов религиозной секты в Англии и Голландии, основанной в 1581 г. Робертом Броуном (1549–1630), а после его смерти в тюрьме возглавленной Генри Барроу, которые стремились к отмене всех внешних форм религии; учение этой секты в Англии реформировал И. Робинс (ум. 1625). — 294

[19*] Уравнивание денежного и имущественного достояния (*лат*.). — 296

[20*] «Видения Петра Пахаря» – поэма английского поэта Уильяма Ленгленда (ок. 1330 – ок. 1400), принадлежавшего к низшему духовенству. В ней обличаются общественные порядки, существовавшие в Англии накануне крестьянского восстания 1381 г.; интерес к ней возрос в период Реформации и в годы Английской буржуазной революции XVII в. В рус. переводе – «Видение Уильяма о Петре Пахаре». М.-Л., 1941. — 296

[21*] *Табориты* – леворадикальное крыло гуситов, объединявшее крестьян, городское плебейство и ремесленников; название происходит от имени укрепленного лагеря Табора в южной Чехии на р. Лужице, основанного ок. 1420 г. Табориты отрицали обрядность, многие догматы и всю организацию католической церкви, стремились восстановить порядки раннехристианской («коммунистической») церкви, отвергали почитание святых, требовали отмены постов, заупокойных молитв, индульгенций, уничтожения икон, реликвий, мощей, церковных облачений, вводили богослужение на родном языке. Табориты составили основное ядро армии, созданной под руководством Яна Жижки; последние их отряды были окружены и уничтожены в крепости Сион 6 сентября 1437 г. *Адамиты* (или «пиккардисты») – общее название сект, которые под предлогом святости и возвращения к невинности первобытных людей предавались грубому распутству. Впервые секта появилась в Италии и Германии в 1418 г., затем в конце XVIII в. возродилась в Австро-Венгрии, в 1848 г. и в конце XIX в. объявилась в США в штате Нью-Йорк. Члены секты объявили себя сторонниками свобод-

ной любви, устроили свою жизнь на коммунистических началах, предполагающих общность имущества и жен, полное отречение от собственности и семьи. — 297

[22*] Стану я еще поклоняться такой дряни, которой поклоняетесь вы (*англ.*). — 298

[23*] Анабаптисты (от *греч.* anabaptizo – «вновь погружаю», «вновь крещу»), или, как они сами себя называли, «христианские братья», – представители крестьянско-плебейского крыла Реформации. Расцвет их движения приходится на 20–30-е гг. XVI в., особенно широко оно было распространено в Германии, Швейцарии, Моравии и Голландии. — 298

[24*] Конституанта (*фр.* Constituante) – Учредительное собрание во Франции в 1789–1791 гг. — 298

[25*] Термидор – контрреволюционный переворот 27/28 июля 1794 г. (9 термидора по республиканскому календарю), в результате которого Робеспьер и его ближайшие сторонники были арестованы и казнены. — 300

[26*] *Директория* (точнее: Исполнительная Директория) – правительство Французской республики, существовавшее с 4 ноября 1795 г. до 10 ноября (18 брюмера) 1795 г. Директория состояла из 5 членов (директоров), избиравшихся Советом пятисот и Советом старейшин. Под «*фрюктидорским восстанием*» подразумевается государственный переворот, совершенный Директорией 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г., в результате которого из состава Совета пятисот и Совета старейшин было исключено значительное число сторонников монархии, приняты меры против возвращения во Францию дворян-эмигрантов и против контрреволюционной агитации неприсягнувших священников. Конец Директории положил переворот, совершенный 18 брюмера Наполеоном Бонапартом. Подробнее см.: *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1992, с. 55. — 300

[27*] По подсчетам одного современника, с 24 февраля по 20 августа 1848 г. только в Париже появилось 283 новых газет и журналов; в названиях многих из них чувствовалось сильное влияние традиций Великой французской революции: «Le Père Duchene» («Папаша Дюшен») – газета, выходившая с 10 апреля по 24 августа 1848 г. под редакцией Ж.-К. Кольфаврю; «La Commune de Paris» («Парижская Коммуна») – ежедневная политическая газета демократического направления, выходившая с 9 марта по 8 июня под редакцией Мари-Жозефа Собрие (1825–1854); «Le Tribun de peuple» («Трибуна народа») – «орган трудящихся», ежедневная общественно-политическая газета, выходившая с 16 по 30 марта 1848 г., ее издателями и сотрудниками были журналист Франсуа Альфонс Эскирос (1814–1876), рабочий-социалист Лагалуа и аббат Констант; «La Voix des clubs» («Голос клубов») – газета, издававшаяся 12–26 марта под редакцией Гюстава Робера; «La Voix de Femmes» («Голос женщин») – социалистическая и политическая газета, выходившая в Париже с 14 марта по 20 июня 1848 г. под редакцией видной деятельницы женского движения Эжени Нибойе, «La Peuple» («Народ») – журнал демократических республиканцев и социалистов, выходивший с 1 октября 1848 г. по 14 мая 1849 г. под редакцией П.Ж. Прудона; «L'Ami du Peuple» («Друг народа в 1848 году») – ежедневная газета социалистического направления, издавшаяся с 27 февраля по 14 мая 1848 г. Ф.В. Распайлем (1794–1878). Подробнее см.: Революции 1848–1849. М., 1952, т. I, с. 205–206. — 300

[28*] Имеется в виду июньское восстание в Париже, поводом для которого послужило распоряжение правительства, предписывающее всем холостым рабочим в возрасте от 18 до 25 лет, внесенным в списки национальных мастерских, немедленно вступить в армию; всем остальным предлагалось приготовиться к немедленной отправке на работу в провинцию Солонь. После 3 дней уличных боев восстание было подавлено. На баррикадах погибло свыше

500 инсургентов, не менее 11 тыс. человек было перебито после боя, общее количество арестованных составило 25 тыс. человек. — 300

[29*] «La Lanterne» («Фонарь») – журнал, издаваемый с 1868 г. и приобретший большую популярность за острую критику бонапартизма. В августе 1868 г. Рошфор был приговорен к тюремному заключению, но укрылся в Брюсселе, где продолжал издавать свой журнал, переправляя его во Францию. — 301

[30*] В районе Седана (города на юго-западе Франции, в департаменте Арденны, на реке Маас) 1–2 сентября 1870 г. во время франко-прусской войны была разгромлена французская Шалонская армия генерала М.Э. Мак-Магона; было взято в плен свыше 100 тыс. человек, в том числе и император Наполеон III. 4 сентября в Париже началась революция, и во Франции была провозглашена республика. — 301

[31*] Имеется в виду Парижская коммуна, провозглашенная 18 марта 1871 г. и просуществовавшая 72 дня (до 28 мая). Коммуна успела провести ряд социалистических преобразований: установила максимум жалованья государственным служащим, равный зарплате квалифицированного рабочего; отделила церковь от государства; отменила задолженность по квартплате; вернула вещи, заложенные в ломбард на сумму до 20 франков; установила минимальную зарплату рабочих и служащих; ввела рабочий контроль над производством на некоторых крупных предприятиях и т.д. Подробнее см.: История Парижской коммуны 1871 г. М., 1971. — 301

[32*] О речи П.Н. Милюкова см. прим. 2* на с. 652–653. На самом деле «языки развязались» еще раньше. 27 апреля 1915 г. В.А. Маклаков опубликовал в газете «Русские ведомости» статью «Трагическое положение», в которой, не называя Николая II по имени, представил его в образе «безумного шофера». «Вы несетесь в автомобиле по крутой и узкой дороге, – писал Маклаков, – один неверный шаг – и вы безвозвратно погибли. В автомобиле близкие люди, родная мать ваша. И вдруг вы видите, что ваш шофер править не может... В автомобиле есть люди, которые умеют править машиной, но оттеснить шофера на полном ходу – трудная задача». Отсюда дилемма: или следует подождать времени, «когда минует опасность» (т.е. кончится война), или внять матери, «которая будет просить вас о помощи», и все же немедленно отстранить «безумного шофера».

Пройдет чуть меньше 3 лет, и С.Н. Булгаков напишет о кадетах, подхвативших прозрачно-аллегорический намек Маклакова: «Да если бы они понимали что-нибудь в России, они знали бы, какую ставку делают, говоря о “перемене шофера”, по подлому тогдашнему выражению» (*Булгаков С.Н.* Труды по социологии и теологии. М., 1997, т. 2, с. 313). — 301

[33*] См. прим. 2* на с. 659. — 302

[34*] Известный «тезис» К. Маркса, сформулированный им в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843–1844): «Религия – есть опиум народа» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 1, с. 415). — 302

[35*] Из журналов следует отметить «Вестник литературы», «Экономист» и альманах «Утренники», в которых Сорокин опубликовал ряд своих статей. См.: Журналы «Вестник литературы» (1919); «Летопись Дома литераторов» (1921–1922); «Литературные записки» (1922). Аннотированный указатель. М., 1996 (в приложении к этому изданию напечатана статья Д. Лутохина. «Советская цензура. По личным воспоминаниям», в которой автор подробно рассказывает историю закрытия «Экономиста» и «Утренников»). Из книг «с признаками оппозиционности» следует отметить в первую очередь сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (М., 1922), названный В.И. Лениным «литературным прикрытием белогвардей-

ской организации», и книгу самого П.А. Сорокина «Система социологии» (Пг., 1920, т. 1–2). См. также прим. 5* на с. 704. — 303

[36*] *Маздакисты* – сторонники народного движения в Передней Азии в V–VI вв., возглавляемого манихейским жрецом Маздаком и направленного против аристократии и высшего духовенства.

Копты – египтяне, исповедующие христианство с некоторыми чертами ислама.

Бабекисты – сторонники Бабека (ок. 798/800–838), вождя крупного народного восстания в Азербайджане и Западном Иране в 816–837 гг.

Измаилиты (исмаилиты) – приверженцы наиболее распространенной мусульманской шиитской секты, возникшей во второй половине VIII в. в Арабском халифате. Название секты происходит от имени Исмаила, старшего сына шиитского имама Джафара. Последний лишил Исмаила права наследовать имамское достоинство будто бы за его пристрастие к вину, а на самом деле за то, что тот примкнул к группировке, требовавшей активных действий против суннитских халифов. Вопреки решению Джафара, члены группировки признали Исмаила имамом и с тех пор стали именоваться исмаилитами. Исмаилиты создали четко действовавшую тайную организацию, руководство в которой захватили крупные феодалы, использовавшие в своих интересах антифеодальные восстания, происходившие под исмаилитскими лозунгами. Так, опираясь на движение исмаилитов, захватили верховную власть в Тунисе фатимиды (909 г.). К исмаилитам примыкали карматы, составлявшие левое крыло их движения. К концу XI в. в среде исмаилитов произошел раскол в виде образования неоисмаилизма, ставшего идеологией секты ассасинов, которые обожествили своего имама.

Карматы (этимология слова не установлена) – приверженцы фанатичной мусульманской секты, возникшей в конце IX в. в Южном Ираке; в начале X в. образовали государство в Восточной Аравии, просуществовавшее до XI в.

Ваххабиты (от имени основателя – Мухаммеда ибн Абд-аль Ваххаба)– последователи социально-религиозного течения в арабских странах, зародившегося в конце XVIII в., выступавшие с требованием восстановления «чистоты» начального ислама. К началу XIX в. ваххабиты образовали самостоятельное государство, ликвидированное в 1818 г., но восстановленное в 1901 г. В 1924 г. они завоевали Западную Аравию; позже образовалось ваххабитское государство – Саудовская Аравия. — 303

[37*] О «Приказе № 1» см. прим. 9* на с. 658. — 309

[38*] С соответствующими изменениями (*лат.*). — 310

[39*] Отец семейства, глава семьи (*лат.*). — 313

[40*] Жакерия (от Jacques Bonhomme – «Жак-Простак» – презрительного прозвища, данного крестьянину дворянами) – антифеодальное восстание крестьян во Франции в 1358 г. Следует отметить, что П.А. Сорокин употребляет это слово как синоним крестьянского восстания вообще, поэтому у него можно встретить упоминания об английской, немецкой и даже японской «жакерии». — 313

[41*] Липаны – населенный пункт в Чехии близ города Чески-Брод. Здесь 30 мая 1434 г. объединенное войско панов-католиков и чашников численностью около 20 тыс. человек нанесло поражение полевому войску таборитов и их союзников (10–12 тыс. человек). С битвой под Липанами связывают конец гуситского революционного движения. — 314

[42*] Лорд-протектор (Англии, Ирландии и Шотландии) – официальное звание О. Кромвеля с декабря 1653 г., означавшее его личную диктатуру; до этого, с мая 1650 г., он был лордом-генералом – главнокомандующим всеми вооруженными силами республики. — 314

[43*] Генеральные штаты – высший орган сословного представительства (духовенства, дворянства, горожан) в феодальной Франции. Впервые Генеральные штаты были созваны в 1302 г.; в конце XIV в. они созывались все реже и часто заменялись собраниями нотаблей, с 1614 по 1789 г. они не созывались вовсе. Накануне Великой французской революции в условиях острого политического кризиса Генеральные штаты были созваны 5 мая 1789 г. 17 июня депутаты третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием, которое, в свою очередь, объявило себя Учредительным собранием, ставшим высшим представительным и законодательным органом революционной Франции. — 315

[44*] Усиливаясь, по нарастающей (*итал.*). — 315

[45*] *4 июля 1789 г.* в церкви св. Людовика в Версале состоялся молебен по случаю открытия Генеральных штатов, на котором присутствовали тысяча двести народных представителей; на следующий день король открыл заседание.

В «*зале для игры в мяч*» депутаты третьего сословия, напуганные проектами роспуска Национального собрания, которым они объявили себя 17 июня, и ободряемые угрожающим поведением парижского и даже версальского населения, все (за исключением одного) присягнули, что не разойдутся до тех пор, пока не выработают конституцию для Франции; за неимением залы депутаты третьего сословия перенесли свои заседания в церковь св. Людовика, где вскоре к ним присоединились представители духовенства.

25 (а не 24) *июня 1789 г.* солдаты французской гвардии, покинув свои казармы, пили и братались с народом, который увлекал их за собой в разные кварталы Парижа и ходил по улицам с криками «Долой попов!».

В конце июня 11 солдат французской гвардии были арестованы за отказ зарядить свои ружья боевыми патронами; 30 июня из-за этого случая в Париже начался настоящий бунт. Наконец, 12 июля (в день отставки Неккера) Камилл Демулен призвал народ к оружию; солдаты французской гвардии открыли огонь по королевскому немецкому полку, сохранявшему верность королю; было убито 2 солдат и 2 лошади. Через 2 дня пала Бастилия. — 315

[46*] О жирондистах см. прим. 17* на с. 676. — 315

[47*] Якобинцы – в период Великой французской революции члены Якобинского клуба, сторонники полного политического равенства, наиболее радикальные деятели революции. — 315

[48*] Месяцы «республиканского календаря», который был введен декретом Конвента от 5 октября 1793 г.; новая эра начиналась с 22 сентября 1792 г. (дня провозглашения республики). Новый календарь делил год на 12 месяцев, по 30 дней в каждом. Они получили свои названия по временам года; осенние месяцы назывались: вандемьер – месяц сбора винограда (с 22 сентября по 21 октября), брюмер – месяц туманов (с 22 октября по 20 ноября), фример – месяц морозов (с 21 ноября по 20 декабря); зимние: нивоз – снежный месяц (с 21 декабря по 19 января), плювиоз – дождливый месяц (с 20 января по 18 февраля), вантоз – месяц ветров (с 19 февраля по 20 марта); весенние: жерминаль – месяц произрастания (с 21 марта по 19 апреля), флореаль – месяц цветов (с 20 апреля по 19 мая), прериаль – месяц лугов (с 20 мая по 18 июня); летние: мессидор – месяц жатвы (с 19 июня по 18 июля), термидор – месяц жары (с 19 июля по 17 августа), фрюктидор – месяц плодов (с 18 августа по 16 сентября). Каждый месяц состоял из 3 декад, десятый день назывался «декади» и был праздничным днем. Оставшиеся 5 (для високосного года – 6) дополнительных дней назывались санкюлотидами и были днями национальных праздников (праздник ума, праздник труда, общественного мнения и т.д.). Республиканский календарь действовал по 1 января 1806 г. — 316

[49*] 18 марта 1848 г. началась революция в Пруссии, рабочие и бюргеры вышли на демонстрацию перед королевским дворцом и подверглись нападению со стороны правитель-

ственных войск; на улицах Берлина начались бои, закончившиеся победой восставшего народа. Утром 19 марта было обнародовано воззвание короля Фридриха-Вильгельма IV к народу, в котором говорилось о выводе войск из столицы. См.: Революции 1848–1849. М., 1952, т. I, с. 285–289. — 316

[50*] В указанные дни 1848 г. во Франции произошли следующие события:

17 марта – народная демонстрация в Париже, подача петиции правительству с требованием вывода войск из Парижа и отсрочки выборов в Учредительное собрание до 31 мая;

16 апреля – массовая демонстрация парижских рабочих на Марсовом поле и Ипподроме;

15 мая – выступление народных масс в Париже; неудачная попытка демонстрантов распустить Учредительное собрание и создать новое правительство. — 316

[51*] См. прим. 28* на с. 727. — 316

[52*] Творческое (созидательное) мастерство (*англ.*). — 317

[53*] Человек по природе своей – творец, а не ремесленник. Именно в такого рода деятельности обретает человек свою подлинную жизнь. Что представляет собой такая затрата сил, инициативная, исполненная ума, предвидения и отваги, наполненная стремлением к славе и удаче, – труд или игру? Во всяком случае в этом и состоит жизнь человека. В этой присущей только ему деятельности находит человек свое счастье, пока он живет (*англ.*). — 317

[54*] Сладостное ничегонеделание (*итал.*). — 322

[55*] Быт. 3, 19. — 322

[56*] Слова апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10). — 322

[57*] *Лупин* (люпин), волчий боб – растение семейства бобовых, которое культивировали для получения зерна, использовавшегося в пищу и на корм животным после вымачивания в морской и пресной воде; *дурро* (хлебное сорго) – однолетнее растение семейства злаков, зерно которого перерабатывают на крупу и муку, зеленые растения используют на корм, сухие стебли – на топливо. — 323

[58*] В битве при Пидне (портовом городе в Македонии) в 168 г. до н.э. римские войска под предводительством Эмилия Павла одержали победу над македонским царем Персеем; победа означала конец македонского царства и греческой независимости. — 324

[59*] Закон Ле Шапелье – антирабочий закон, принятый Учредительным собранием 14 июня 1791 г. по предложению депутата И.Р. Ле Шапелье. Закон под страхом наказания (лишения политических прав и штрафа в 500 франков) запрещал объединение рабочих в профсоюзы и другие ассоциации, а также стачки. Хотя сам Ле Шапелье в период якобинской диктатуры был казнен по обвинению в контрреволюционной деятельности, его закон продолжал оставаться в силе. Он был отменен (в отношении запрета стачек) только в 1864 г., свобода деятельности профсоюзов была восстановлена во Франции лишь в 1884 г. — 325

[60*] См. прим. 26* на с. 727. — 325

[61*] Национальные мастерские – форма организации общественных работ для безработных во Франции. 22 июня 1848 г., когда было принято решение о частичном закрытии Национальных мастерских, в них было занято свыше 100 тыс. человек. 3 июля, после жестокого подавления июньского восстания, Национальные мастерские были распущены. — 326

[62*] «Свобода, братство, равенство» (*фр.*) – главный лозунг Великой французской революции. — 329

[63*] См. прим. 12* на с. 714. — 331

[64*] Точнее было бы говорить о «военном коммунизме», который, по словам В.И. Ленина, был «временной мерой», вынужденной «войной и разрухой» (см.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5 изд., т. 43, с. 220). — 331

[65*] О Кронштадтском восстании и введении НЭПа см. прим. 8* на с. 703–704 и прим. 7* на с. 702. — 334

[66*] *Хариджиты* (от *арабск.* «харидж» – «повстанец») – приверженцы наиболее ранней секты в исламе. Движение хариджитов возникло в начале второй половины VII в. Согласно их учению халиф получает власть от общины путем выборов, причем выбран может быть любой мусульманин, в том числе и негр. Проявляя фанатическую нетерпимость ко всем инакомыслящим, хариджиты применяли террор, насилие и убийства по отношению не только к господствующим классам, но и к трудящимся.

Алиды – сторонники четвертого халифа Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, убитого в 661 г. одним из хариджитов и объявленного шиитами первым имамом. Некоторые секты крайних шиитов обожествляют Али и почитают его больше, чем Мухаммеда.

О коптах, бабекистах, измаилитах, карматах и ваххабитах см. прим. 36* на с. 729. — 338

[67*] Прагерия – мятеж феодальной знати во Франции в 1440 г. — 338

[68*] *Мюнстерская коммуна* (1534–1535) – революционная власть анабаптистов в г. Мюнстере (Германия, земля Северный Рейн-Вестфалия). Была установлена в результате вооруженной борьбы граждан Мюнстера и пришлых анабаптистов против сеньора города князя-епископа Франца Вальдека. 23 февраля 1534 г. анабаптисты получили большинство голосов в магистрате – все, кто отказался принять сторону и веру анабаптистов, были изгнаны из города. Власть фактически сосредоточилась в руках «главного пророка» Яна Матиса, а после его гибели (5 апреля 1534 г.) – Иоанна Лейденского, который в апреле-мае 1534 г. распустил магистрат, заменив его советом «12 старейшин». В дальнейшем в связи с осложнением военной обстановки (город был осажден войсками епископа) и внутренними конфликтами была введена личная диктатура Иоанна Лейденского, провозглашенного царем «Нового Сиона» (Мюнстера) и будущим владыкой мира. Анабаптистские власти провели в Мюнстере ряд преобразований, носивших «уравнительно-коммунистический» характер: отменили деньги, ввели всеобщую трудовую повинность, моногамная семья была заменена полигамной, нарушения общественного порядка карались вплоть до смертной казни и т.п. 25 июня 1535 г. Мюнстер был взят войсками епископа; деятели коммуны, в том числе Иоанн Лейденский, были преданы жестоким пыткам и казнены.

Мюльгаузен (Мюльхаузен) – город в Германии, в округе Эрфурт; во время Крестьянской войны 1524–1526 гг. был центром революционного движения в Тюрингии и главным центром деятельности Томаса Мюнцера. Социально-политическая программа Т. Мюнцера, близкая к анабаптистской, предусматривала «общность имуществ», которую он и пытался ввести в Мюльхаузене, поселившись здесь в конце февраля или в начале марта 1525 г. 15 мая 1525 г. отряд Мюнцера потерпел поражение в битве при Франкенхаузене от объединенных войск князей. Т. Мюнцер был взят в плен и после мучительных пыток казнен. Подробнее см.: *Смирин М.М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955. — 339

[69*] Все землевладельцы были ворами и убийцами. Теперь настало время, когда англичане могут освободиться от помещиков. Разорвать решительно узы частной собственности... и освободиться от них, чтобы сделать землю общим достоянием (*англ.*). — 340

[70*] *Диггеры* (*англ*. diggers – «копатели») – представители крайне левого крыла революционной демократии в английской революции XVII в., которые устами своего идеолога Дж. Уинстэнли провозгласили идеал «свободной республики», не знающей эксплуатации человека человеком.

«Люди пятой монархии» (квинтомонархисты) – сторонники протестантского течения, возникшего в Англии в XVII в., верившие в близкое второе пришествие и тысячелетнее царство Иисуса Христа («пятое царство»). — 340

[71*] Кодекс Наполеона (*фр*.) – французский гражданский кодекс, введенный в 1804 г. — 341

[72*] См. прим. 5* на с. 704. — 344

[73*] См. исследование И.Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории» (Париж, 1977). — 344

[74*] См. прим. 38* на с. 729. — 347

[75*] См. прим. 1* на с. 676. — 348

[76*] Запретить гнусную торговлю своим телом (*фр*.). — 350

[77*] Высокопарная декларация (*фр*.). — 350

[78*] Отделы нравственности (*фр*.). — 350

[79*] Свобода женщины (*фр*.). — 350

[80*] Просьбы о юридической помощи (*фр*.). — 350

[81*] Государственный переворот (*фр*.). Имеется в виду переворот 2 декабря 1851 г., в результате которого Луи Наполеон Бонапарт, избранный 10 декабря 1848 г. президентом республики, сосредоточил всю государственную власть в своих руках, а ровно через год (2 декабря 1852 г.) был провозглашен императором под именем Наполеона III. — 351

[82*] См. прим. 9* на с. 662. — 353

[83*] Сальпетриер – женская больница в Париже. Описываемые П.А. Сорокиным события произошли во время сентябрьских убийств 1792 г. См.: Революционный невроз. М., 1998, с. 276. — 353

[84*] Николаиты – христианская секта в Богемии, основанная в 1417 г. крестьянином Николаем из местечка Власенник. Николаиты считали, что церковь утратила свой нормальный вид и что кроме Библии существует другое божественное откровение, которое получается непосредственно отдельными членами секты. В 1676 г. они издали свое «Исповедание веры», которое, однако, не сохранилось. Об адамитах см. выше, прим. 21* на с. 726. — 355

[85*] Всюду смерть, грабежи, убийства и несправедливость, разграбления церквей, насилия над девственницами и столь неистовая жестокость, что это трудно себе и вообразить (*лат*.). — 355

[86*] См. прим. 18* на с. 724. — 359

[87*] Имеется в виду брошюра М. Горького «О русском крестьянстве», которая вышла в Берлине в 1922 г. в издательстве И.П. Ладыжникова. Во втором выпуске альманаха «Утренники» (1922) П.А. Сорокин (подписавшись псевдонимом Н. Чаадаев) поместил специальную статью («О псевдореволюционерах, приемлющих революцию»), посвященную критике «псевдореволюционных» взглядов М. Горького. — 360

[88*] «Самая страшная книга» (по словам А. Амфитеатрова), написанная на русском языке, посвящена расстрелу без суда и следствия тысяч офицеров, представителей интеллигенции, не пожелавших эмигрировать и поверивших большевикам. В числе убитых был и сын И.С. Шмелева Сергей, могилу которого он с женой тщетно пытался разыскать. Книга произвела колоссальное впечатление на Т. Манна, Р. Роллана, Р. Киплинга, Г. Гауптмана и др. — 360

[89*] Имеется в виду покушение (Ф. Каплан) на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. на заводе Михельсона. В тот же день в Петрограде был убит эсером председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. О числе расстрелянных заложников см.: *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990, с. 24–45. Сам С.П. Мельгунов ссылается на Лациса, по словам которого, за вторую половину 1918 г. было расстреляно 4,5 тыс. человек. — 361

[90*] См. прим. 6* на с. 681. — 362

[91*] Шуаны (от *фр*. chat-huant – «сова», крику которой подражали шуаны в своем условном сигнале) – контрреволюционные мятежники, действовавшие в период Великой французской революции, Директории и консульства на северо-западе Франции. Окончательно движение шуанов было подавлено в 1803 г. — 362

[92*] Само общество сознательно или спонтанно организует сопротивление преступным тенденциям, когда оно находится в нормальном состоянии, т.е. в состоянии медленного, гармоничного и правильного развития; оно же обусловливает появление преступности, когда находится в состоянии кризиса. Всякий кризис оказывает глубокое влияние на религиозную и политическую дисциплину народа, на его социальное состояние и соответствующие ему формы преступности (*фр*.). — 364

[93*] Карманьола (от названия итальянского города в Пьемонте) – французская революционная народная песня-пляска, впервые прозвучавшая в Париже после взятия дворца Тюильри (10 августа 1793 г.).

Ça ira – см. прим. 3* на с. 695. — 365

[94*] Не совсем точная цитата из «Новой песни» («Русской марсельезы») П.Л. Лаврова (1875). Последняя строка читается так: «Засветись новой жизни заря!» (Русская поэзия XIX века. М., 1974, т. 2, с. 530). — 365

[95*] Имеется в виду меньшевик Н. Трейгер, история которого изложена в передовой статье «Пытки» (Дни. Берлин, 1923, №117, 18 марта), причем сама газета ссылается как на источник на статью «Драма в ссылке» (Социалистический вестник, Нью-Йорк, 1923, №5–6/51–52, 16 марта, с. 16–17).

Дело происходило в Семипалатинске. Из центра был прислан большевик Исаев, бывший председатель Петроградской городской думы, который, видимо, попал в опалу и здесь, в Семипалатинске, завел дружбу с секретарем местного горсовета. В городе существовала колония ссыльных социал-демократов (т.е. меньшевиков) – «социалистическая колония». По согласованию со своим «другом»-начальником Исаев вознамерился осуществлять «чисто техническое руководство» собранием колонии, коллегиально принимавшим в ней все решения. Последовал протест – сначала частный: либо ты не настоящий социал-демократ, либо лакей. Выбери, за кого ты. Исаев категорически отказался не устанавливать контроль и при этом выходить из состава социал-демократов. В итоге собрание началось под фактическим председательством Исаева. Последовал протест уже официальный в виде доклада с трибуны. Докладчиком был как раз Н. Трейгер – молодой социал-демократ, уже тяжело больной. Трейгер раскритиковал Исаева в пух и прах и был немедленно арестован; рабочие, присутствовавшие на заседании, в знак протеста покинули зал. Исаев и его сторонники были вне себя и требовали для Трейгера сурового наказания. Его жестоко пытали: он был помещен в

ящик размером 3 на 2 шага вместе с сумасшедшим китайцем-убийцей, о чем и упоминает Сорокин. Ему вменяли в вину участие в «колчаковском заговоре». Он отвечал, что перед любым судом легко докажет свою невиновность и в знак протеста объявил голодовку. В конце концов его, правда, освободили, но он слег окончательно (воспаление легких плюс острый невроз сердца). Вскоре, однако (когда номер «Социалистического вестника» был уже подписан; поэтому об этом сказано в примечании редакции), его приговорили к пяти годам тюрьмы.

Газета «Дни» комментирует этот случай так: нам скажут, что это произошло в Семипалатинске, но вот что происходит в Петрограде... И дальше излагается аналогичная история со ссылкой на нелегальную социал-демократическую газету «Рабочий листок», выходившую в Петрограде. Левого эсера Михаила Николаева били по половым органам, выдавливали ему глаза и т.п. Другой факт: политических заключенных (обвиняемых, проходящих по данному процессу) в тюрьмах часто помещали вместе с убийцами. Это, по словам газеты «День», остроумно называлось «послать в камеру доктора Гааза». — 369

[96*] Habeas Corpus Act (Хабеас корпус акт) – закон, принятый английским парламентом в 1679 г., один из основных конституционных актов Великобритании. Согласно этому закону по заявлению арестованного, в котором он под присягой перечисляет основания неправомерности своего ареста, судья обязан в установленные сроки издать приказ о его доставке в суд для проверки заявления. Заявление рассматривается судьей единолично в присутствии арестованного; судья вправе освободить его (безоговорочно или под залог) или же направить обратно в тюрьму, установив, что он арестован правомерно. Действие Habeas Corpus Act'a может быть приостановлено парламентом при чрезвычайных обстоятельствах (во время войны, при внутренних беспорядках и т.п.). Название закона происходит от начальной строки приказа судьи о доставке арестованного: Habeas Corpus ad subjiciendum… — 369

[97*] О, несчастное время, когда нельзя выйти из города! (*фр*.). Смерть, грабежи и мор (*лат*.). — 373

[98*] В докладе на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. В.И. Ленин сказал: «У политически просвещенного народа взяток не будет, а у нас они на каждом шагу» (*Ленин В.И*. Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 44, с. 172). — 373

[99*] О попытках установить «Культ Разума» во время Великой французской революции см.: *Кропоткин П.А*. Великая французская революция. М., 1979, с. 407–409. С резким протестом против этого «культа» выступил в Якобинском клубе Робеспьер, который пытался противопоставить ему «религию Верховного Существа». Праздник Верховного Существа состоялся всего один раз – 8 июня 1794 г. (2 прериаля), но симпатий к себе в народных массах не пробудил и, по сути дела, стал прелюдией конца революции. См. также: *Блос В*. История Французской революции. Пг., 1919, с. 293–295. — 377

[100*] Разбросанные члены, разорванные части (*лат*.) – выражение Горация («Сатиры», I, 4, 39–44, 56–62). — 381

[101*] Собственник бумажной и обойной фабрики Ревельон (сам бывший рабочий) прославился фразой: «Для рабочего достаточно черного хлеба и чечевицы, белый хлеб – не для него». 27 апреля 1789 г. народ, раздраженный его словами, стал носить по улице его чучело, чтобы судить его и сжечь. 28 апреля толпа явилась к фабрике Ревельона и заставила его рабочих бросить работу; затем она взяла штурмом и разграбила его дом. Это событие стало непосредственным предвестием Французской революции. Подробнее см.: *Кропоткин П.А*. Великая французская революция. 1789–1793. М., 1979, с. 40–41.

Эбертисты – политическая группировка левых якобинцев, названная по имени одного из ее руководителей Ж.Р. Эбера. Эбертисты выступали за усиление террора, строгое соблюде-

ние закона о максимуме цен на хлеб, борьбу со спекуляцией. Кроме того, они были сторонниками политики дехристианизации и добивались изгнания из Конвента правых якобинцев, группировавшихся вокруг Ж.Ж. Дантона. 14 мая 1794 г. эбертисты, угрожавшие восстанием в случае, если их требования не будут удовлетворены, были арестованы и 24 марта по приговору Революционного трибунала гильотинированы. — 384

[102*] Неточная цитата из стихотворения Дениса Давыдова «Современная песня»:

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.

(Русская поэзия XIX века. М., 1974, т. 1, с. 139). — 389

[103*] Мозги у людей были настолько заморочены, что некоторые из них считали, будто любой проект о совершенствовании можно реализовать немедленно (*англ.*). – 392

[104*] Прямое действие (*фр.*) – программное требование французских анархо-синдикалистов, сформулированное одним из видных теоретиков этого движения Г. Лагарделем. «Прямое действие предполагает деятельное вмешательство отважного меньшинства… Образуется избранная группа, которая в силу своего качества увлекает массу и направляет ее на путь битвы» (цит. по: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991, с. 473–474). — 394

[105*] См. прим. 94* на с. 734. — 394

[106*] См. прим. 17* на с. 724. — 394

Очерк второй

[1*] *Федераты* – бойцы Парижской коммуны; *версальцы* – силы контрреволюции, обосновавшиеся в Версале (во главе с А. Тьером), и их войска под командованием маршала М. Мак-Магона, которые, опираясь на содействие прусских войск, жестоко подавили революцию. Название «версальцы» надолго стало синонимом палачей революции. — 398

[2*] Жакерия привела только к тому, что некоторые области совершенно обезлюдели (*фр.*). — 399

[3*] Триумвиры – члены триумвиратов (официальное название – «коллегия трех для упорядочения республиканского строя»), в состав которых входили: Марк Красс, Гней Помпей и Юлий Цезарь (первый триумвират, заключенный в середине 60 гг. до н.э.); Марк Антоний, Марк Эмилий Лепид и Октавиан Август (второй триумвират, заключенный в ноябре 43 г. до н.э.). — 399

[4*] *Италики* – индоевропейские племена, населявшие Аппенинский полуостров вплоть до Южной Италии, в состав которых входили бруттии, компанцы, луканы, сабиняне, самниты; римляне подчинили их к середине III в. до н.э. после длительных войн. *Этруски* – коренное население Италии, под владычество которых сначала попали римляне (древнеримские цари Тарквинии были этрусками); к 282 г. до н.э. римляне их покорили, остатки этрусского населения были постепенно романизированы. — 399

[5*] О какой гражданской войне идет речь, непонятно. В это время в Китае царствовала Танская династия (618–907 гг.). Однако в упомянутые Сорокиным годы гражданской войны, к тому же настолько разрушительной, не было. Со смертью в 755 г. императора Сюань Цзуна закончилась эпоха расцвета этой династии. На смену ей пришел глубокий политиче-

ский кризис. Восстание против власти дома Тан, которое было возглавлено губернатором одной из провинций Ань Лушанем, произошло в том же 755 г. Дошло до того, что новый император был вынужден бежать из столицы Танской державы. Хотя мятеж был в конце концов подавлен, в 762 г. Ань Лушань поднял новое восстание, закончившееся тем же. Вплоть до 780 г. шли постоянные усобицы между самими губернаторами, сопровождавшиеся повсеместными отказами платить произвольно устанавливаемые чиновниками налоги, крестьянскими восстаниями, бунтами военных. Но гражданской войной все это назвать никак нельзя. В 754 г. при попытке дома Тан покорить своего южного соседа – государство Наньчжао – погибло 200 тыс. китайских воинов. Но и эта война была скорее завоевательной, чем гражданской. В одной из своих статей П.А. Сорокин пишет о гражданской войне в Китае, которая шла в период с 754 по 760 г. и «уменьшила население его с 45 до 9 миллионов» (Жертвы войны в прошлом и настоящем // Эхо. Вологда. 1914, № 193, 5 сентября).

Восстание тайпинов (1850–1864) – крестьянская война в Китае, направленная против маньчжурской династии Цин, в ходе которой восставшие провозгласили создание Небесного государства всеобщего благоденствия («Тайпин тяньго»). — 400

[6*] Закон Юлия, Закон Юлия и Папия Поппея, Закон Юлия о порядке бракосочетания (*лат.*) – особые законы о браке и безбрачии, изданные Августом в связи падением нравов; закон Папия Поппея, принятый в 9 г. до н.э., подтверждал и развивал закон Августа против безбрачия. — 407

[7*] Религиозные войны стали периодом упадка... Области обезлюдели (фр.). — 408

[8*] Столетняя война – война между Англией и Францией (1337–1453), основной причиной которой было стремление Франции вытеснить англичан из Гиени, а Англии – ликвидировать вассальную зависимость Гиени от Франции и вернуть утраченные при Иоанне Безземельном Нормандию, Анжу и другие области, а также стремление обоих государств к господству над Фландрией. Война закончилась капитуляцией Англии в Бордо (19 октября 1453 г.). — 408

[9*] Остракизм (*греч.* ostrakismos – «суд черепков») – голосование посредством подачи голосов на черепках (ostraka), введенное в Афинах в конце VI в. до н.э. Клисфеном. Граждане писали на черепке имя тех, чье политическое влияние считали необходимым ограничить, отправив их в изгнание. — 410

[10*] Покорных щадить и усмирять горделивых (*лат.*) – слова из «Энеиды» Вергилия (VI, 853). Ср. перевод С. Ошерова:

Римлянин! Ты научись народами править державно –
В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных! — 410

[11*] См. прим. 18* на с. 724. — 413

[12*] Пунические войны – общее название трех войн Рима против Карфагена (пунийцев). В первой Пунической войне (264–241 гг. до н. э.) Карфаген потерял все владения в Сицилии и Сардинии и должен был заплатить крупную контрибуцию. Вторая Пуническая война (218–201 гг. до н. э.), в ходе которой Ганнибал в 218–216 гг. чуть не завоевал Италию, закончилась победой римлян при Заме. В ходе третьей Пунической войны (149–146 гг. до н. э.) Карфаген был разрушен, а его жители сделаны рабами; город и страна стали составной частью Римского государства (провинцией Африка). — 416

[13*] Ремесленники, разорившиеся и изнурившие себя в ходе борьбы, погрузились в молчание (*фр.*). — 418

[14*] Белая Гора – гора западнее Праги, на которой 8 ноября 1620 г. во время Тридцатилетней войны произошло сражение между чешскими войсками (Протестантская уния) и имперско-баварской армией (Католическая лига), в ходе которого чешские войска потерпели поражение; Чехия утратила самостоятельность, попав на 300 лет под власть австрийских Габсбургов. — 418

[15*] Ватерлоо – населенный пункт в Бельгии к югу от Брюсселя, вблизи которого 18 июня 1815 г. английскими и прусскими войсками была разгромлена армия Наполеона. В результате этого разгрома наполеоновская империя потерпела окончательное крушение. — 419

[16*] См. прим. 38* на с. 729. — 419

[17*] Здесь: гулящие (*фр.*). — 420

[18*] Изолированные девушки (*фр.*), т.—е. воспитывающиеся дома. — 420

[19*] Пусть консулы будут бдительны! (*лат.*) Сокращенный вариант выражения Caveant (или Videant) consules, ne quid res publica detrimenti capitat – Пусть консулы смотрят, чтобы республика не понесла какого-либо ущерба. Оно представляло собой древнеримскую формулу чрезвычайного сенатского постановления, означавшую введение чрезвычайного положения с предоставлением консулам диктаторских полномочий. — 420

Очерк третий

[1*] Badischen juristischen Prufung (*нем.*) – Баденский юридический экзамен; Lehrerseminaristen (*нем.*) – студенты педагогического института. — 425

[2*] Цитата из народной песни «Шумел, горел пожар московский…», представляющей собой песенную переработку баллады Николая Соколова «Он», посвященной Наполеону. Полный текст куплета:

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда:
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда. — 426

[3*] Приливы и отливы (*итал.*) – выражение Дж. Вико, часто встречающееся и в произведениях А.И. Герцена. См., например: *Герцен А.И.* Сочинения в 9-ти тт. М., 1956, т. 3, с. 339. — 429

[4*] *«Живая церковь»* – одно из направлений так называемого обновленческого движения внутри православной церкви, начавшегося в 1922 г. Во главе «Живой церкви» и созданного ею Высшего церковного управления стояли протоиереи Александр Введенский, Владимир Красницкий, священники Александр Боярский, Евгений Белков, псаломщик Стадник и другие. На поместном соборе 1923 г., организованном «живоцерковниками», были утверждены «реформы» церковной жизни, в том числе закрытие монастырей и ликвидация святых мощей. Хотя многие священнослужители поддержали обновленческий раскол, массы народа сохранили верность «тихоновской» церкви.

Крайний радикализм программных установок «Живой церкви» и революционная фразеология членов этой группы шокировали умеренных сторонников церковной реорганизации, которые образовали *«Союз церковного возрождения»*, возглавляемый председателем Высшего церковного управления архиепископом Антонином (Грановским). Программа данного союза отличалась неопределенностью позиций и нечеткостью формулировок. Главное внимание уделялось в ней освещению социальных аспектов христианского движения, и факти-

чески не рассматривался вопрос о преобразованиях в области догматики и уклада церковной жизни.

Вскоре в «Союзе церковного возрождения» обнаружились собственные радикалы, объединившиеся вокруг петроградского священника А. Введенского. Они отошли от группы Антонина, образовав *«Союз общин древлеапостольской церкви»*, занявший промежуточное положение между ранее возникшими группировками. Союз общин древлеапостольской церкви требовал весьма радикальных преобразований как в православной церкви, так и в церковной организации, но его члены избегали «революционных» формулировок.

Состоявшийся в августе 1923 г. пленум Высшего церковного совета распустил «Живую церковь», «Союз церковного возрождения» и «Союз общин древлеапостольской церкви», а созданную на их основе организацию наименовал Российской православной церковью, тогда как раньше она называлась обновленческой церковью. Фактически деятельность обновленческого движения прекратилась к 1927–1928 гг., а со смертью своего главного идеолога А. Введенского в 1946 г. оно окончательно перестало существовать. Подробнее см.: Русское православие. Вехи истории. М., 1989, с. 623–634. — 429

[5*] Имеется в виду восстание «молотобойцев», или «майотенов» (подмастерьев, поденщиков и мелких торговцев), вспыхнувшее в Париже 1 марта 1382 г. при первой попытке взимания введенного с января того же года косвенного налога. Восставшие захватили в арсенале боевые молоты, вооружились ими и стали убивать сборщиков налогов, разгонять королевских чиновников, освободили из тюрем заключенных. — 432

[6*] Кабошины (кабошьены) – участники народного восстания в Париже в 1413 г. Одним из вождей восставших был Симон Лекутелье по прозвищу «Башка» (по-французски Caboch). Основные требования восставших состояли в снижении налогов и отставке королевских чиновников. Восстание было жестоко подавлено в конце августа 1423 г. объединенными силами Арманьяков и Бургиньонов. — 432

[7*] Долгий парламент был созван английским королем Карлом 13 ноября 1640 г. и фактически стал законодательным органом начавшейся английской революции. Просуществовал свыше 12 лет (отсюда и название) и был разогнан О. Кромвелем 20 апреля 1653 г. — 433

[8*] *Уравнители* (левеллеры) – радикальная демократическая партия Английской революции, которая до 1647 г. существовала как левое течение индепендентов; во главе левеллеров стояли Дж. Лильберн, Р. Овертон, У. Уолвин и др. *Милленарии* (от *лат*. mille – «тысяча») – последователи религиозно-мистического учения о втором пришествии Христа и установления его тысячелетнего царства, которое представлялось им как царство справедливости, всеобщего равенства и благоденствия. О *диггерах* см. прим. 70* на с. 733. — 433

[9*] Бербонский (Малый) парламент («парламент святых») – законодательное собрание при Кромвеле, созданное после окончания гражданской войны в 1653 г. В состав парламента входили «гранды», которые неожиданно для его создателей стали на путь социальных реформ (отмена десятин, введение гражданского брака и т.п.). После разгона Бербонского парламента Кромвель установил режим личной военной диктатуры – протекторат. — 433

[10*] Не совсем точная цитата из знаменитой брошюры аббата Сийеса «Что такое третье сословие?» (рус. перевод 1905). — 434

[11*] См.: *Сорокин П.А*. Система социологии. М., 1993, т. 2, с. 297–387. — 441

[12*] Всадники – в Древнем Риме второе после сенаторов сословие с имущественным цензом 400 тыс. сестерциев. — 442

[13*] В 1688 г. в Англии произошла так называемая Славная революция – государственный переворот, в результате которого Яков II Стюарт был смещен с престола, а королевская власть была передана его зятю голландскому штатгальтеру Вильгельму III Оранскому. — 443

[14*] Институты, предназначенные для того, чтобы производить отбор индивидов и ставить их на те места, которым они наиболее соответствуют (*нем.*). — 446

[15*] Ничья вещь становится собственностью первого овладевшего ею (*лат.*) – одно из положений римского гражданского права. — 451

[16*] См. прим. 81* на с. 733. — 451

[17*] Конституция III года (1795) фактически установила во Франции режим Директории, хотя и называлась республиканской, как и Конституция 1793 г. Согласно этой конституции выборы носили косвенный (двухступенчатый) характер; избирателем был каждый гражданин, достигший 21 года, владевший известным имуществом и предоставивший доказательства того, что он регулярно платил подати. Новая конституция вводила двухпалатную систему: народное представительство должно было состоять из Совета пятисот и Совета старейшин. Кроме того, Конвент, чтобы обеспечить себе на ближайшее время большинство в обоих советах, издал два новых декрета, согласно которым две трети советов состояли из членов Конвента, причем эти две трети должны были избираться не избирателями, а самим Конвентом. — 452

[18*] См. прим. 24* на с. 727. — 452

[19*] Фельяны (фейяны) – члены политического клуба в Париже, основанного в июле 1791 г.; название получили по месту своих заседаний – в помещении, ранее принадлежавшем монашескому ордену фельянов. Клуб фельянов образовали представители крупной конституционно-монархической буржуазии, вышедшие из состава Якобинского клуба. Руководящую роль в нем играли А. Барнав, А. Ламет, А. Дюпор. После свержения монархии 10 августа 1792 г. Клуб фельянов прекратил свое существование. — 452

[20*] Совет протектора (*англ.*). — 453

[21*] Орудие управления (*англ.*) – английская конституция, принятая в 1653 г. — 453

[22*] Членами нового Совета были люди такого типа, которые приходят к власти после того, как революция завершает свой цикл, – люди практического действия, настроенные против дальнейших изменений в обществе и главное – лишенные какого бы то ни было фанатизма. Подобного рода люди, как правило, считают себя обязанными поддерживать правительство независимо от тех теорий, на которые правительство, каким бы оно ни было, опирается. Такими были люди, на которых опирался Наполеон, такими же были и советники Оливера [Кромвеля] (*англ.*). — 453

[23*] Пражские компактаты (от *лат.* compaciscor – «договариваюсь») – соглашение умеренного крыла гуситов (так называемых чашников) с феодально-католическим лагерем, заключенное 30 ноября 1433 г. Признавало в Чехии причащение «под обоими видами» для мирян, свободу церковной проповеди в духе гусизма, фактически предоставляло духовенству право владеть землями и управлять церковными имениями. Пражские компактаты не удовлетворили таборитов и были ими отвергнуты; в 1462 г. были отменены папой Пием II. — 453

[24*] См. прим. 70* на с. 733. — 456

[25*] См. прим. 21* на с. 726. — 456

[26*] Королевский указ об изгнании, о заточении без суда и следствия (*фр.*). — 462

[27*] См. прим. 26* на с. 727. — 463

[28*] Постепенно правительство республики освоилось со своим истинным положением и стало править такими методами, которые каждый из его членов осудил бы, если бы их применяли Карл или Страффорд (*англ.*). — 463

[29*] Не успели мы свергнуть прежнего короля и бывших лордов, как уже новый король (Кромвель) и новые лорды заседают в Палате Общин, так что мы теперь живем под властью более абсолютной монархии, которая творит больший произвол, чем прежняя (*англ.*) — 463

[30*] Утраквисты (от *лат.* sub utraque specie – «[причащение] под обоими видами») – одно из названий представителей умеренного крыла гуситского движения; другое их название – «чашники», так как они требовали причащения всех верующих не только хлебом, но и вином из чаши, что в католицизме является привилегией духовенства. — 464

Очерк четвертый

[1*] Преимущественно, по преимуществу (*фр.*). — 468

[2*] Централизованно управляемое хозяйство (*нем.*). — 468

[3*] Вообще в течение всего этого страшного времени никто ничем по-настоящему не владел, ни одного часа никто не мог быть уверен в безопасности своей жизни и своего имущества (*нем.*). — 469

[4*] Государственный Совет (*англ.*). — 471

[5*] Палата общин, Палата лордов (*англ.*). — 471

[6*] Кромвель, Айртон и Харрисон управляли Советом офицеров, а Совет офицеров управлял государством (*англ.*). — 471

[7*] *Лорд-майор* (Lord Major) – лорд-мэр; *ольдермен* (aldermen) – член муниципального совета в Англии. — 472

[8*] Люди, полагающиеся на силу оружия, никогда не могли построить храм, под сенью которого укрывалась бы свобода. Военные предводители и политические лидеры, искренне желая установить народное правительство, оказываются в порочном круге, из которого нет выхода (*англ.*). — 473

[9*] В данный период Политбюро из 5 человек существовало в двух составах: в марте 1919 г. по итогам VIII съезда были избраны: В.И. Ленин (Ульянов), Л.Б. Каменев (Розенфельд), Л.Д. Троцкий (Бронштейн), И.В. Сталин (Джугашвили), Н.Н. Крестинский; 22 марта 1921 г. – Ленин, Троцкий, Каменев, Сталин, Г.Е. Зиновьев (Е.-Г.А. Апфельбаум). См.: *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. L.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990, с. 882. — 474

[10*] Квинталь – старинная французская мера, равная 48,9 кг. — 481

[11*] Абсолютный хаос в финансах, непомерная дороговизна, жалкое положение сельского хозяйства, торговые кризисы, отсутствие продуктов питания, рост цен и земля, еще дымящаяся от крови убитых (*нем.*). — 482

[12*] Мастерские Парижа в мгновение ока утратили все свои основные привилегии, свои старинные права и остались без руководителей, которые о них больше всего заботились (*фр.*). — 483

[13*] См. прим. 3* на с. 704. — 488

[14*] См. прим. 81* на с. 733. — 489

[15*] Вероятнее всего, имеется в виду Русский народный университет в Праге (1923–1939; с 1933 г. – Русский свободный университет). См. о нем: Русские в Праге. Прага, 1928. — 491

[16*] Непременное условие (*лат.*), букв.: «условие, без которого нет». — 491

[17*] Первая республика во Франции была провозглашена в 1792 г. и просуществовала до 9 ноября 1799 г. (18 брюмера VIII года). С этого времени начинается период «консулата» (правильнее – «консульства»), когда власть номинально принадлежала трем консулам, избранным на 10 лет, фактически же была сосредоточена в руках первого консула – Наполеона Бонапарта. Первоначально вторым и третьим консулами были аббат Сийес и П.Р. Дюко, а по Конституции VIII года – Ж. Камбасерес и Ш. Лебрен. В августе 1802 г. Бонапарт и оба других консула были объявлены пожизненными консулами Французской республики. Период консульства закончился 18 мая 1804 г., когда Наполеон был провозглашен императором. — 494

[18*] Положение стало критическим. Школы опустели. Молодежь изнывает от четырехлетней праздности (*фр.*). — 494

[19*] Бакалавр изящной словесности, бакалавр наук, лиценциат и доктор права и медицины (*фр.*). — 494

[20*] Filioque (букв.: «и сына» – *лат.*) – католическое дополнение к символу веры, в котором, по формулировке первого и второго Вселенских соборов (325 и 381 гг.), Святой сын исходит от Бога-Отца. Полемика по поводу этого добавления послужила одной из главных причин разделения церкви на католическую и православную в 1054 г. — 495

[21*] *Лионские братья* (или *вальденсы*) – приверженцы религиозной ереси, возникшей в XII в. среди плебейских масс южнофранцузских городов и затем распространившейся среди сельского населения Южной Швейцарии, а позднее в Германии и Чехии. По преданию, название получено по имени лионского купца Пьера Вальда, который в 1176 г. создал общину «совершенных», давших обет не владеть собственностью, не иметь семьи и не думать о завтрашнем дне. Они отрицали католические таинства, перевели Евангелие на народные языки, отказывались от подчинения духовным и светским властям, более того – требовали их ликвидации. Учение вальденсов было осуждено в 1215 г. IV Латеранским собором. В XV в. папа Сикст IV предпринял против них крестовый поход. В 1545 г. французские войска учинили над ними массовую расправу в Дофинэ. Массовые избиения вальденсов имели место в 1655 и 1685 гг.

Катары (от *греч.* kataros – «чистый») – последователи широко распространившейся из Южной Франции с конца XII в. ереси, в начале XIII в. проникшей в Англию и северную Германию, вплоть до Пруссии, и сомкнувшейся с еретическими движениями Северной Италии. По своему мировоззрению катары были дуалистами, во многом смыкавшимися с манихеями: все зло в мире они объявляли порождением дьявола, а поскольку церковь освящала подобные «порождения дьявола», катары объявили и ее дьявольской силой. Катары создали свою религиозную организацию, поощряли добровольный уход из жизни, самоубийство. Одной из ветвей катаров были альбигойцы, против которых в начале XIII в. были организованы истребительные «альбигойские войны». К концу XIII в. движение катаров было почти полностью подавлено, чему способствовали и элементы непротивленчества в их учении.

Патерены, патарии (*итал.* – букв.: «тряпичники») – презрительное прозвище сторонников миланского монаха Ариальда (XI в.), возглавившего движение против «симонии» (продажи и покупки церковных должностей).

О *лоллардах* см. прим. 18* на с. 726; о *милленариях* – прим. 8* на с. 739. — 497

[22*] «Отец [Папаша] Дюшен» – газета, которую издавал Э.Р. Эбер во время Великой французской революции; названа по имени главного героя фарса «Масленичное блюдо», который за несколько лет до революции давался в ярмарочном балагане; этот герой – «настоящий» папаша Дюшен – не мог произнести трех слов подряд без отборного ругательства; газета Эбера прославилась теми же качествами. В травле Марии Антуанетты Эбер превзошел все пределы бесстыдства и мерзости, а на другой день после ее казни описывал, как «слетела со своей паскудной журавлиной шеи голова царственной самки». См.: Революционный невроз. М., 1998, с. 471–477. — 497

[23*] Парафраз цитаты из стихотворения Михалевича, персонажа романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»:

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок, душою я стал:
И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

(*Тургенев И.С.* Собрание сочинений в 6-ти тт. М., 1968, т. 2, с. 75, 85). — 498

[24*] «В том вина Вольтера, в том вина Руссо» (*фр.*) – слова сатирической песни Беранже. — 498

[25*] Слово «*кубисты*» впервые было употреблено в 1908–1909 гг. французским критиком Л. Воселем как насмешливое прозвище группы художников, изображавших предметный мир в виде комбинации геометрических тел и фигур. Термин «кубизм» вначале обозначал формальный эксперимент, предпринятый во Франции между 1907 и 1914 гг. небольшой группой художников под влиянием П. Сезанна, африканской скульптуры и искусства примитивистов. К числу кубистов относятся П. Пикассо, Ж. Брак, Х. Грис и др. (в литературе – Г. Аполлинер, М. Жакоб, А. Сальмон, Г. Стайн и др.).

Футуризм (от *лат.* futurum – «будущее») – авангардистское художественное движение 10-х – нач. 20-х гг. XX в. в Италии и России. В Италии рождение футуризма отмечено «Манифестом футуризма» Ф. Маринетти, опубликованным в 1909 г. в парижской газете «Фигаро». Установки футуризма разделяли поэты Дж.П. Лучини, П. Буцци, А. Палаццески, К. Говони, композитор Б. Прателла, живописцы У. Боччони, К. Карра, Дж. Балла, Дж. Северини, Л. Руссоло, архитекторы А. Сант-Элиа, М. Кьяттоне. В России представителями футуризма были Д. Бурлюк, В. Хлебников, Елена Гуро, В. Маяковский, В. Каменский, А. Крученых, Б. Лившиц и др. — 502

Очерк пятый

[1*] Тартюф – герой одноименной пьесы Ж.Б. Мольера, нарицательное имя ханжи и лицемера. Впоследствии П.А. Сорокин охарактеризовал Тартюфа как образец «циничной чувственной ментальности». См.: *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000, с. 49–50. — 503

[2*] Суета сует (*лат.*) – библейское выражение (книга Екклезиаста. 1, 2). — 503

[3*] «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!” – войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21). — 504

[4*] Право распоряжения жизнью и смертью (*лат.*) – отцовское право в Древнем Риме. — 507

[5*] Свобода (*фр.*). — 507

[6*] Свобода труда (*фр.*). — 507

[7*] См. прим. 59* на с. 731. — 507

[8*] Братство (*фр.*). — 507

[9*] См. прим. 13* на с. 724. — 512

Очерк шестой

[1*] У нас возникает новый тип лишений – отсутствие автомобиля, отсутствие яхты, неимение виллы в Ньюпорте. Самые утонченные предметы роскоши становятся жизненной необходимостью, а их отсутсвие тяжело переживается (*англ.*). – 515

[2*] См. прим. 10* на с. 725. — 516

[3*] В массе, в массовом порядке (*фр.*). — 520

[4*] О годах жизни в Советской России П.А. Сорокин рассказывает в третьей части «Листков из русского дневника». — 524

[5*] XIX-я династия правила в 1345–1200 гг. до н.э.; ее основателем был фараон Хоремхе, его преемниками были Рамзес I и Рамзес II; время правления XXI–XXIV-й династий – 1085–715 до н.э.; это было время раздробленности и ослабления Египта, ставшего жертвой нибийских завоеваний. — 525

[6*] Имеется в виду восстание в Мегаре, в результате которого к власти пришел тиран Феаген, снискавший популярность тем, что, возглавив бедноту, перебил стада, принадлежавшие родовой знати. Социальные процессы, происходившие в то время, нашли яркое отражения в стихах мегарского поэта Феогнида. См. также: *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997, с. 46–48. — 526

[7*] Обол – самая мелкая серебряная или медная древнегреческая монета; афинский серебряный обол весил 0,73 г. — 526

[8*] Драхма – денежная единица различного достоинства древней (и современной) Греции. Масса афинской серебряной драхмы составляла 4,46 г (1 драхма = 6 оболам). Во времена Солона медимн зерна стоил 1 драхму, бык – 5 драхм; при Перикле прожиточный минимум семьи составлял 1/3 драхмы в день. — 526

[9*] Пелопоннесская война – серия войн за господство в Греции между демократическими Афинами и олигархической Спартой в 431–404 гг. до н.э., описанных в «Истории» Фукидида. — 527

[10*] Тридцать тиранов – так называются 30 олигархов (Ферамен, Критий и др.), которые после поражения Афин в Пелопоннесской войне при поддержке спартанского наварха (командующего флотом) Лисандра захватили неограниченную власть и с 404 г. до н.э. установили в Афинах режим террора. — 527

[11*] Имеется в виду «пролетариат» в древнеримском, а не современном смысле слова; в Риме пролетариями называли тех, кто не имеет никакого достояния, кроме потомства (proles). — 528

[12*] Сестерций – самая мелкая римская серебряная монета достоинством 2,5 асса. В период поздней республики сестерций был бронзовой монетой, Август велел чеканить его из латуни (27,3 г). — 528

[13*] Энна (ныне Кастроджиованни) – город в Сицилии, где в 134 г. до н.э. вспыхнуло восстание рабов под предводительством раба Эвна, провозгласившего себя сирийским царем Антиохом. Римлянам понадобилось почти 3 года, чтобы подавить это восстание. Под Энной их войска простояли 2 года, после чего город был взят не столько силой оружия, сколько голодом. См.: *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994, т. II, с. 61–52. — 529

[14*] Согласно аграрному закону Тиберия Гракха, римляне не должны были владеть землей площадью более 500 югеров; для этого необходимо было изъять ее излишки у крупных латифундистов и поделить их между бедными и безземельными гражданами. Фрументарный (от *лат*. frumentarius – «относящийся к хлебу») закон Гая Гракха предусматривал снижение цен на зерно и продажу хлеба беднякам (по их личной заявке) за половину цены. См.: *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994, т. II, с. 81. — 530

[15*] См.: там же, с. 249–292. — 530

[16*] *Скамары* (букв.: «разбойники») – участники народного движения (в основном беглые рабы, колоны и разорившиеся крестьяне), охватившего в V–VI вв. Фракию и Иллирию. В начале VI в. все области Северной Фракии находились в руках скамаров, особенно большой размах это движение получило в период начавшегося вторжения славян во Фракию и облегчило им завоевание Балканского полуострова. *Циркумцеллионы* (от *лат*. circumcelliones – «бродящие вокруг клетей»), или агонистики, – члены демократической христианской секты в римской Африке IV–V вв., считавшие себя сторонниками «истинной веры» и выступавшие с проповедью аскетизма и мученичества; возглавили ряд восстаний сельской бедноты и рабов. *Багауды* (возможно, от *кельт*. baga – «борьба») – участники антиримского движения в Галлии и Северной Испании в III–V вв., основную массу которых составляли разорившиеся крестьяне, мелкие ремесленники, закрепощаемые колоны и беглые рабы. — 531

[17*] Колоны – в поздней Римской империи зависимый слой сельского населения. Колоны были прикреплены к земле и не имели права покидать ее без разрешения хозяина. — 531

[18*] Людей молодых, но трудолюбивых и предусмотрительных (*лат*.). — 532

[19*] Альбигойские войны – крестовые походы в 1209–1229 гг. на юге Франции против еретического движения приверженцев учений катаров и вальденсов. — 533

[20*] Флагелланты (букв.: «бичующиеся») – представители религиозного движения в Западной Европе XIII–XV вв., по представлениям которых для достижения нравственного совершенства необходимо самобичевание. Первым провозвестником флагеллантизма был Петр Дамиани (1006–1072). В 1349 г. учение флагеллантов было объявлено еретическим, а в 1417 г. окончательно осуждено Констанцским собором. — 533

[21*] «Война баронов» – гражданская война в Англии (1263–1267) между сторонниками так называемых Оксфордских провизий, устанавливавших режим баронской олигархии, и рыцарями, которые представили королю Генриху III Вестминстерские провизии (1259), защищавшие рыцарство и свободных крестьян от произвола крупных феодалов и королевской администрации. В годы этой войны возник английский парламент (1265), окончательно утвердившийся при Эдуарде I. — 534

[22*] Черная смерть – историческое название эпидемии чумы в Европе в 1347–1353 гг., за время которой погибло около 25 млн человек (почти половина ее населения). — 535

[23*] Вилланы (от *лат*. villa – «усадьба») – в Англии категория крестьянства, находившаяся в одной из наиболее суровых форм феодальной зависимости. — 535

[24*] Подушный налог (*англ*.). Впервые этот поголовный единовременный налог был введен парламентом в 1377 г.; в 1380 г. он был увеличен втрое. Налог и злоупотребления при его взимании послужили поводом к крестьянскому восстанию под предводительством Уота Тайлера. — 535

[25*] Чартизм – рабочее движение в Великобритании в 30–50-х гг. XIX в., проходившее под лозунгом борьбы за «Народную Хартию» (People's Charter). — 538

[26*] Паупер (от *лат*. pauper) – нищий, неимущий. — 539

[27*] См. прим. 104* на с. 736. — 540

[28*] Парафраз цитаты из «Всемирной истории» Ж.Б. Боссюэ: «Человек волнуется, а Всевышний руководит им». Эту цитату неоднократно приводит в своих сочинениях М.М. Ковалевский. См., например: *Ковалевский М.М*. Социология. СПб., 1910, т. 1, с. 10. — 540

[29*] Битва при Пуатье (в ходе Столетней войны) произошла в 1356 г. Французы потерпели поражение, король Иоанн Безземельный вместе со многими сеньорами попал в плен к англичанам, которые потребовали за него и других феодалов непомерный выкуп. — 541

[30*] Имеется в виду Парижское восстание 1357–1358 гг., вызванное резким ухудшением положения парижан после поражения французских войск при Пуатье. Восстание возглавил купеческий прево (старшина) Парижа Этьенн Марсель. На созванных в феврале Генеральных штатах Э. Марсель выработал так называемый Великий мартовский ордонанс, в котором содержалось требование участия Генеральных штатов в управлении государством, их регулярный созыв 2 раза в год для решения важнейших дел, контроля над взиманием налогов, расходами государственной казны и т.д. 22 февраля восставшие захватили королевский дворец, власть в столице фактически перешла в руки Э. Марселя. Тем не менее в июле 1358 г. восстание было подавлено, Э. Марселя убили его бывшие приверженцы. — 541

[31*] См. прим. 5* на с. 739. — 541

[32*] *Арманьяки и Бургиньоны* – группировки крупных феодалов во Франции первой половины XV в., боровшиеся между собой за власть во время правления слабоумного короля Карла VI (1380–1422). Конец борьбе между ними положил договор в Аррасе (1435). О *кабошинах* см. прим. 6* на с. 739. — 541

[33*] См. прим. 8* на с. 737. — 541

[34*] *Религиозные войны* – войны между католиками и кальвинистами (гугенотами) во Франции во второй половине XVI в.

Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов в Париже 24 августа 1572 г., организованная королевой-регентшей Екатериной Медичи и вождями католиков Гизами.

Под *целым рядом восстаний в городах и селах*, вероятно, следует понимать крестьянское движение «кроканов», охватившее Францию в конце XVI – начале XVII вв. Свое название движение получило от лозунга «На грызунов» (Aux croquants), как называли восставшие дворянство, духовенство, королевских чиновников и откупщиков.

«Лига» (точнее «Католическая лига») – объединение части французского католического духовенства и дворянства, учрежденное в 1576 г. для борьбы с гугенотами. В конце 1576 г. Лига фактически распалась и была восстановлена в 1585 г.

Парижская революция – так называемый «день баррикад», народное восстание в Париже 12–13 мая 1588 г. — 542

[35*] Так называемые «наказы» избирателей своим депутатам в Генеральные штаты. — 545

[36*] См. прим. 101* на с. 735. — 547

[37*] См. прим. 44* на с. 730. — 547

[38*] В состав «первой коалиции» входили Австрия и Пруссия, затем к ним присоединилась Англия, а позднее и Россия. — 547

[39*] См. прим. 17* на с. 676. — 548

[40*] *Гора* (монтаньяры) – левая демократическая группировка Конвента, представлявшая партию якобинцев и занимавшая в Конвенте верхние ряды. О *термидоре* см. прим. 25* на с. 727. — 548

[41*] О республиканском календаре см. прим. 48* на с. 730. — 548

[42*] Жить, работая, или умереть, сражаясь (*фр.*). Лионское восстание 1831 г. началось 21 ноября в связи с отказом мануфактуристов принять новые, более высокие расценки ткацких работ, выработанные смешанной комиссией из предпринимателей и ткачей. 23 ноября правительственные войска были разбиты в боях с восставшими и вынуждены были оставить город, однако вступившие в Лион 1–3 декабря крупные воинские части подавили восстание. — 548

[43*] См. прим. 61* на с. 731. — 549

[44*] См. прим. 30* и 31* на с. 728. — 549

[45*] «Башмак» – название тайных крестьянских союзов в Юго-Западной Германии XV – начале XVI в., сыгравших важную роль в подготовке крестьянской войны. — 550

[46*] Ятвяги – древнепрусское племя, близкое к литовцам; обитало между средним течением Немана и верховьем реки Нарев. — 551

[47*] Имеется в виду Лжедмитрий II по прозвищу Вор; поскольку его укрепленный лагерь был расположен в подмосковном селе Тушино, за ним в истории закрепилось прозвание «тушинский вор». Подробнее см.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993, с. 287–297. — 552

[48*] П.А. Сорокин, по-видимому, специально обходит молчанием эпоху Петра I, поскольку всегда давал его личности и преобразованиям негативную оценку. — 554

[49*] «Чумной бунт» в Москве вспыхнул в сентябре 1771 г. во время эпидемии чумы; обстановка усугубилась безработицей основной массы городского населения и голодом вследствие закрытия мануфактур из-за карантина, отсутствием медицинской помощи и т.д. Непосредственной причиной бунта послужила попытка московского архиепископа Амвросия в качестве карантинной меры воспрепятствовать жителям толпами собираться около чудотворной иконы у Варварских ворот Китай-города. После трехдневных уличных боев восстание было жестоко подавлено войсками под командованием Г.Г. Орлова. — 554

[50*] См. прим. 8* на с. 703–704. — 557

[51*] Абзац вписан от руки. — 558

[52*] В *Венгрии* (до 1918 г. входившей в состав Австро-Венгерской империи) в марте 1919 г. была провозглашена Советская республика, просуществовавшая 133 дня; в 1920 г. к власти пришел контр-адмирал Хорти.

В *Германии* революция произошла в ноябре 1918 г.; она покончила с полуабсолютистской монархией, трудящиеся добились ряда демократических прав, на Учредительном собрании, открывшемся в феврале 1919 г. в Веймаре, была принята республиканская конституция, а Германия провозглашена парламентской республикой. «Веймарская республика» просуществовала до прихода к власти Гитлера в 1933 г.

В *Турции* в 1908 г. произошла так называемая Младотурецкая революция, приведшая к свержению султана Абдул-Гамида II.

В *Греции* после того, как турецкая армия разбила ее войска 9 сентября 1922 г. и заняла Измир, 24 сентября началось восстание, которое привело к свержению монархической партии. Король Константин отрекся от престола в пользу своего сына Георга II и покинул Грецию. На выборах в декабре 1923 г. большинство получили сторонники провозглашения Греции республикой. 19 декабря 1923 г. король Георг II тоже уехал из страны.

В *Болгарии* в сентябре 1918 г. произошло солдатское Владайское восстание, в ходе которого было объявлено о низвержении царя Фердинанда и провозглашена республика. Хотя восстание было подавлено, царь Фердинанд 3 октября был вынужден отречься от престола, передав его своему сыну Борису, и бежать из страны. — 560

[53*] Ковенантеры (от *англ*. covenant – «соглашение», «договор») – сторонники Реформации в Шотландии, подписавшие в 1638 г. договор о союзе и защите кальвинистской церкви в ответ на попытки Карла I унифицировать по английскому образцу церкви Англии и Шотландии, что фактически означало начало борьбы шотландцев против абсолютизма. — 560

[54*] Точнее не царь (Тарквиний Гордый – седьмой и последний царь Рима), а его старший сын Секст, опозоривший добродетельную супругу Л. Тарквиния Каллатина Лукрецию, которая покончила с собой. Это послужило причиной взрыва народного негодования и изгнания этрусков и последнего царя из Рима (508 г. до н.э.). — 561

[55*] Если это и не правда, то хорошо придумано (*итал*.). — 561

[56*] Конкубины (*лат*.) – женщины, сожительствующие с мужчинами без заключения брака или находящиеся в так называемом свободном браке. — 562

[57*] См. прим. 3* на с. 704. — 562

[58*] Прежде жить, а уж затем философствовать (*лат*.). — 563

[59*] Точнее: «The Book of Common Prayer» – Книга общей молитвы, которая согласно Акту о единообразии (англиканского богослужения), первоначально принятому в 1559 г. и окончательно утвержденному в 1662 г., была признана единственным официальным молитвенником. Согласно этому Акту все государственные чиновники и священники должны были принять причастие по законам англиканской церкви и подписать декларацию, что они никогда не поднимут оружие против монарха; около 2 тысяч священников, отказавшихся принять причастие, было изгнано из своих приходов. — 564

[60*] Человеческие страсти играют определенную роль во всех религиозных преобразованиях, но они всегда скрыты и представлены в догматической и теологической форме (*фр*.). — 564

[61*] Валентность (от *лат*. valentia – «сила») – способность атома к образованию связей; количественной мерой валентности принято считать число других атомов в молекуле, с которыми данный атом образует связи. — 565

[62*] Производящая причина (*лат*.). — 565

[63*] См. прим. 38* на с. 729. — 566

[64*] См. прим. 2* на с. 652–653. — 567

[65*] Разделяй и властвуй (*лат.*) – принцип империалистической политики, латинская формулировка которой возникла уже в Новое время; ее формулировку приписывают Людовику XI или Н. Макиавелли. — 575

[66*] Сервилизация (от *лат.* servilis – «рабский») – превращение в рабов. — 575

[67*] Отцы сенаторы (*лат.*) – в древнем Риме почетный титул сенаторов. — 576

[68*] Охлократия (*греч.*) – власть толпы, в греческой теории государства обозначение крайней, извращенной формы демократии со всеми ее отрицательными последствиями. — 576

[69*] Jeu de paume (*фр.*) – «Же де Пом», игра в мяч; здесь имеется в виду клятва в зале для игры в мяч, о которой см. прим. 45* на с. 730. — 577

[70*] Lit de justice – королевская ложа (в Генеральных штатах), которую рабочие, присланные для ее уборки, отказались убирать из опасения помешать продолжающемуся (вопреки приказу короля) заседанию. Церемониймейстеру, явившемуся для того, чтобы напомнить приказ короля, Мирабо ответил: «Пойдите скажите тем, кто вас послал, что мы здесь находимся по воле народа и покинем наши места лишь под натиском штыков». Подробнее см.: *Матьез М.* Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995, с.63–67.

Об остальных упомянутых событиях см. прим. 45* на с. 730. — 577

[71*] В битве при Херонее (городе на северо-западе Беотии) в 338 г. до н.э. Филипп II Македонский разбил войска афинян и фиванцев, что положило конец государственной независимости Северной и Центральной Греции. — 582

[72*] *Эвпатриды* – в буквальном переводе с греческого «сыновья благородных отцов»; *метеки* (*греч.* «переселенцы») – лично свободные люди, переселившиеся в какой-либо греческий полис, но не имевшие здесь гражданских прав. — 582

[73*] Наследница (*англ.*). — 583

[74*] Факир (*араб.*, букв.: «бедняк») – в данном случае не фокусник, дрессировщик, престидижитатор и т.п. (именно в этом смысле слово «факир» чаще всего употребляется в русском и большинстве европейских языков), а мусульманский странствующий дервиш. — 584

[75*] Каждому свое (*лат.*). — 586

[76*] Война всех против всех (*лат.*) – по Т. Гоббсу, гипотетическое состояние человечества в дообщественном состоянии (или при отсутствии «гражданского состояния»). См.: *Гоббс Т.* Сочинения в 2-х тт. М., 1991, т. 2, с. 95. — 587

[77*] Вечный двигатель (*лат.*). — 588

Примечания и дополнения

[1*] В издании на английском языке этот текст помещен в конце книги (p. 415–419); здесь печатается в переводе В.В. Сапова. — 591

[2*] Указаны страницы настоящего издания. — 591

ПРИЛОЖЕНИЯ

[1*] Брикелл (Brickell) Генри Гершель (1889–1952) – американский издатель, писатель и литературный критик. — 598

[2*] В оригинале: intellectual of the solid middle-class. — 598

[3*] Адрес редакции газеты «Дни» в Берлине – Fridrichstrasse, 204. — 600

[4*] См. прим. 9* на с. 658. — 600

[5*] По-видимому, имеется в виду американский президент Вудро Вильсон (1856–1924), выпускник (1879), а затем ректор Принстонского университета (1902–1910). Его «Четырнадцать пунктов» (1918), предусматривавших послевоенное устройство мира, в том числе и создание Лиги наций (за его миротворческие усилия он был в 1919 г. удостоен Нобелевской премии мира), вызвали неоднозначную реакцию в США. В период своего президентства (1913–1921) находился под сильным влиянием полковника Э. Хауса, который незадолго до окончания Первой мировой войны выдвинул такую идею (дневник от 19 сентября 1918 г.): «…остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная европейская часть страны». — 601

[6*] Николаев Александр Михайлович (1876–1967) – полковник Генерального штаба. Российский военный агент в Пекине, Лондоне, с 1916 г. – в Вашингтоне. После Октябрьского переворота 1917 г. вышел в отставку и остался жить в США. Работал в американском банке, затем 20 лет – в отделе каталога Нью-Йоркской публичной библиотеки. Писал книжные рецензии для газеты «New York Times». Гражданин США (1933). Во время Второй мировой войны служил в органах американской военной цензуры. — 605

[7*] Октав Мирбо (Mirbeau; 1848–1917) – французский писатель, романист, драматург, публицист и художественный критик, творчество которого было очень популярно в дореволюционной России (в 1910–1912 гг. в России вышло полное собрание его сочинений в 10 томах).

«Сад пыток», или «Сад мучений» – роман О. Мирбо, впервые опубликованный в 1899 г. в разгар скандала вокруг дела Дрейфуса. В нем жестоко критикуется лицемерие европейской цивилизации, кровавый «закон убийства», лежащий в основе английского и французского колониализма; содержатся язвительные выпады против буржуазной морали и капиталистического государственного устройства, основанных на убийстве. Роман открывается ироничным посвящением: «Священникам, солдатам, судьям, людям, воспитывающим, наставляющим и управляющим людьми, посвящаю я эти страницы убийства и крови».

Русский перевод: М., 2008. — 605

[8*] Врангель Мария Дмитриевна (урожденная Дементьева-Майкова) (1858–1944) – мать генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля. В 1917–1920 гг. жила в Петрограде, с 1918 г. служила в Музее города, исполняя обязанности эмиссара художественного отдела, в конце Гражданской войны ей удалось бежать из РСФСР. Автор воспоминаний «Моя жизнь в коммунистическом раю» (Архив русской революции. Берлин, 1922, кн. 4, с. 198–214), в которых она, в частности, пишет: «Если бы каждый из нас, очевидцев эпохи большевизма, хоть бы один факт, им пережитый или ему достоверно известный об изуверствах большевиков, занес бы на страницы печати, какой бы грандиозно-чудовищный памятник современным “героям”, исчадиям ада, был бы оставлен потомству!» См. также: Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006. — 606

[9*] См.: *Маклаков В.* Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике 1880–1917 гг. М., 2006. — 606

[10*] Флетчер (Fletcher) Джозеф Смит (1863–1935) – английский журналист и писатель, автор множества исторических и детективных романов (его собрание сочинений насчитывает 100 томов), пользовавшихся огромной популярностью в Англии. Несмотря на это, Флетчер был практически неизвестен в США до момента, когда президент Вудро Вильсон не признался в своей любви к его произведениям. — 610

[11*] Дональд Маккензи Уоллес (1841–1919) – английский государственный служащий, редактор и иностранный корреспондент. В 1870–1875 гг. жил в России, по возвращении в Англию в 1876 г. издал двухтомный труд «Россия в 1877 году», который имел большой успех, был несколько раз переиздан и переведен на многие языки. Иллюстрированное издание на русском языке («Россия, ее история и состояние к 1877 году») вышло в 1910 г. — 612

[12*] Стивен Грэхем, Грэм (Graham; 1884–1975) – английский писатель и путешественник, неоднократно и подолгу бывавший в России. Автор книг: «Бродяга на Кавказе» (A Vagabond in the Caucasus, 1911), «Непознанная Россия» (Undiscovered Russia, 1912), «Меняющаяся Россия» (Changing Russia, 1913), «С русскими паломниками в Иерусалим» (With the Russian Pilgrims in Jerusalem, 1913).

Накануне и в период Первой мировой войны его сочинения приобрели в Великобритании чрезвычайную популярность, он прослыл знатоком русского народа и «загадочной» русской души. С началом Первой мировой войны Грэхем работал корреспондентом «Таймс» в России. Его отчеты для этой газеты впоследствии были переизданы как книги: «Россия и мир» (Russia and the World, 1915) и «Через русскую центральную Азию» (Through Russian Central Asia, 1916). В годы Первой мировой Грэхем был одним из самых активных пропагандистов британо-российского союза, членом «Общества друзей России», выступал с лекциями о России в Британии. Правда, его нередко, особенно в России, критиковали за упрощенное изображение русского народа, а в Англии его будут упрекать за то, что он вводил британское общество в заблуждение своим воспеванием «Святой Руси». – 612

[13*] Имеется в виду «воспитательный роман» Г. Уэллса «Джоан и Питер» (Joan and Peter, 1918), во второй части которого имеется целый раздел, специально посвященный России 1914 года и представляющий собой своего рода лирический путевой дневник. Уэллс воспринимал Россию не только непосредственно, но и через призму представлений о «святой Руси», широко распространенных в Европе, вдохновлявшейся Великой Русской Идеей, каковая гнездится где-то в мистических глубинах души русского мужика. «Азия надвигается на Европу – с новой идеей. Когда видишь это, лучше понимаешь Достоевского. Начинаешь понимать эту Святую Русь, и она представляется чем-то вроде страдающего эпилепсией гения среди народов – вроде его Идиота, добивающегося нравственной истины, протягивающего крест человечеству. Христианство для русского означает – братство», – так Уэллс описывает Россию. Россия была для него не просто загадочной и варварской страной. Перед читателями предстает облик земли, где правит произвол, где все продается и покупается, где благоденствующие, ленивые и бесчестные процветают, а честные и деятельные голодают, сидят по тюрьмам и каторгам. – 612

[14*] Альберт Иеремия Беверидж (1862–1927) – американский историк и политический деятель, сенатор США от штата Индиана. В 1903 г. после поездки в Сибирь издал книгу «Русский прорыв» (The Russian Advance), в которой выразил свое восхищение активным продвижением России в Азии и оправдывал каждый шаг царского правительства. В дальневосточных городах и деревнях он видел сходство с американским Диким Западом и торжество цивилизованного начала, а в «славянском духе» ощущал неодолимую мощь. Внешняя политика империи на Тихом океане казалась ему образцовой, возможность столкновение с Японией маловероятной, а идея революции в России недостойной серьезных рассуждений. – 612

[15*] Хью Уолпол (Walpole, 1884–1941) – английский писатель, во время Первой мировой войны работавший в России в Красном Кресте. Был свидетелем Февральской революции. Автор двух романов, основанных на событиях его жизни в России: «The Dark Forest» («Темный лес», 1916) и «The Secret City» («Тайный город», 1919). — 613

[16*] Джозеф Конрад (1857–1924) – английский писатель польского происхождения (наст. имя и фамилия – Теодор Юзеф Конрад Коженевский). В романе «На взгляд Запада» действие начинается в С.-Петербурге (взрыв террористами жандармского генерала де П.; в основу сюжета положено реальное событие – убийство шефа жандармов В.К. фон Плеве в 1904 г.), а продолжается в Женеве, в среде фанатично настроенных революционеров-эмигрантов (прототипы действующих лиц — М.А. Бакунин, кн. П.А. Кропоткин, С.М. Степняк-Кравчинский, С.Л. Перовская, Е.Ф. Азеф и др.), куда из России направлен завербованный полицией студент.

Впервые роман был опубликован в журналах «The English Review» и «The North American Review» в 1910–1911 гг., на русский язык переведен и впервые издан спустя более чем столетие: Тайный агент. На взгляд Запада. М., 2012 (Литературные памятники). — 613

[17*] Артур Рэнсом (Ransome, 1884–1967) – английский журналист, писатель, разведчик, женатый на бывшей секретарше Троцкого Е.П. Шелепиной. В 1914–1915 гг. совершил несколько поездок в Россию в качестве корреспондента газеты «Daily News» и агента британской разведки. Во время революции 1917 г. входил в ближайшее окружение большевистских лидеров, после захвата большевиками власти участвовал в разборке секретного архива русского министерства иностранных дел. Тесное общение с большевиками позволило Рэнсому брать интервью у Ленина и Троцкого. В октябре 1919 г. через Рэнсома эстонское министерство иностранных дел устно передало Совнаркому тайное предложение о перемирии. Издал книгу «Россия в 1919 году» (Russia in 1919). В своих поездках между Россией, прибалтийскими и скандинавскими странами и Англией вместе с женой вывозил из России алмазы по поручению компартии. — 613

[18*] Сесил Эдвард Честертон (1879–1918) – английский журналист и политический комментатор; в 1908 г. издал анонимную биографию своего более известного брата Г. К. Честертона. — 613

[19*] Константин Ромуальд Будкевич (Буткевич; 1867–1923) – священник Римско-католической церкви, прелат Папы Римского, репрессированный во время гонений на христианство в Советском Союзе. В 1922 г. о. Будкевич был допрошен по делу католического духовенства Петрограда, обвиненного в создании антисоветской, контрреволюционной организации с целью противодействия декрету об отделении церкви от государства; в ожидании судебного процесса находился под подпиской о невыезде. В марте 1923 г. был вызван на суд в Москву, где 10 марта был арестован. 21 марта начался суд над 15 католическими священниками, который продолжался 5 дней и на котором о. Будкевич был признан виновным и приговорен расстрелу. — 613

[20*] Ян Феликс (Ян Гиацинтович) Цепляк (Cieplak; 1857–1926) – епископ Римско-католической церкви Российской империи и Польши, фигурант уголовного дела в РСФСР в 1923 г. 21–26 марта 1923 был подсудимым на судебном процессе в Москве (имевшем большой международный резонанс) над 15 католическими священнослужителями. Был приговорен к смертной казни, замененной после протестов международной общественности 10 годами лишения свободы. 9 апреля 1924 г. был освобождён из Бутырской тюрьмы и выслан в Польшу, откуда через месяц переехал в Рим в распоряжение Папы Римского. В начале 1925 г. архиепископ Цепляк по приглашению американского епископата выехал в США, где посетил

около 400 церквей и произнес около 800 проповедей. Умер в США от простуды, осложненной переутомлением. Похоронен в кафедральном соборе Вильнюса. — 613

[21*] Рета Чайлд Дорр (1868–1948) – американская журналистка, участница американского движения суфражисток (борцов за предоставление женщинам избирательных прав). Дважды побывала в России, была свидетельницей русской революции 1917 г., автор книги «Русская революция изнутри» (Inside the Russian Revolution, 1917). По ее словам, Россия превратилась в «варварскую и полубезумную страну... Народ, завороженный речами ораторов, привел Ленина к власти, который, когда немцы вторглись в Россию, пошел на заключение Брест-Литовского договора… Россия погибла». — 617

[22*] Хьюз (Hughes) Чарльз Эванс (1862–1948) – американский государственный деятель, в 1921–1925 гг. – государственный секретарь США, один из наиболее активных противников признания Советского Союза, отказавшийся от участия в работе Генуэзской и Гаагской международных конференций и мотивировавший свою позицию необходимостью наказания большевиков за национализацию ими иностранной собственности, отказ выплачивать долги царского правительства и вообще выполнять свои международные обязательства. К. Радек назвал Хьюза «воплощением концентрированной ненависти капитала к Советскому Союзу», а Г.В. Чичерин – «наиболее непримиримым из всех непримиримых врагов Советского Союза». — 621

[23*] Бауэрс (Bowers) Клод Джернэйд (1878–1958) – американский журналист, историк, политический деятель и дипломат, посол президента Франклина Рузвельта в Испании и Чили, редактор «New York World». — 622

[24*] Природа не делает скачков (*лат.*). — 640

[25*] После этого, следовательно, по причине этого (*лат.*). — 645

[26*] Автор этой рецензии – Далмат Александрович Лутохин (1885–1942), с которым Сорокин познакомился еще в начале 20-х гг. в Петрограде, участвуя как автор в журнале «Экономист» и альманахе «Утренники», главным редактором которых и был Лутохин. В 1922 г. Лутохин, как и Сорокин, был выслан из Советской России и обосновался в Праге. Однако через 5 лет он вернулся в СССР; в 1935 г. был арестован и приговорен к ссылке, которая через год – по ходатайству А.М Горького – была отменена. В 1936 г. Лутохин приехал в Ленинград, где и умер во время блокады. Подробнее о П.А. Сорокине и Лутохине см.: Две судьбы: Питирим Сорокин и Далмат Лутохин // Важская область. Шенкурск Архангельской обл., 1992, № 6, с. 17–31 (публ. Ю.В. Дойкова). О негативном отношении Лутохина к Сорокину свидетельствуют его неопубликованные мемуары «Школа жизни» (рукопись хранится в РГАЛИ) и написанные им в 1928 г. воспоминания «Зарубежные пастыри» (рукопись хранится в ИРЛИ [ф. 529, оп. 1, д. 26] РНБ [ф. 445, ед. хр. 10]). Письма П.А. Сорокина к Лутохину хранятся в ИРЛИ, ф. 592, оп. 1, д. 239. «Зарубежные пастыри» были опубликованы Ю.И. Каболиным в историческом альманахе «Минувшее» (СПб., 1997, [вып. 22], с. 13-111). К числу «зарубежных пастырей» автор, помимо П.А. Сорокина, относит В.В. Шульгина, А.И. Гучкова, П.Б. Струве, С.В. Завадского, В.А. Розенберга, П.Н. Милюкова, Е.Д. Кускову и С.Н. Прокоповича, А.А. Чупрова, К.Р. Кочаровского, Керенского, М.Л. Слонима, В.М. Чернова и А.В. Пешехонова. Ниже приводится полностью текст главы «Питирим Сорокин»:

Кажется, осенью 1921 г. я попал в Питерский Дом литераторов, что помещался тогда на Бассейной улице, на публичную лекцию проф. Питирима Сорокина. Его я никогда раньше не встречал, отзывы же о нем были разные. На кафедре появился высокий, худой, бритый молодой человек в очках; манеры его были не лишены комизма, он неуклюже жестикулировал длинными ручищами, часто поправлял очки. Говорил хрипловатым баском не просто даже, а нарочито просто – и в то же время старался показать всеобъемлющую

ученость. Но ученостью не томил, разбавляя ее разными случаями, достойными украшать уголовную хронику дешевой газетки.

Он сообщил аудитории о голоде в древности, в Средние века и в Новое время, о случаях голода во всех 5 частях света, о голодах в России и о послереволюционном голодании... Указал на надвигающийся снова голод ввиду гибели большей части урожая – и по программе должен был высказать предположения о том, каковы будут демографические, антропологические, этнографические, экономические, политические, культурные и иные последствия голода. Настроение полуголодной, хотя по тому времени даже «элегантной» аудитории было уже достаточно омрачено всем ранее сказанным. Но заключительного слова ждали все... Вдруг при самом же подходе к заключительной части лекции у лектора сорвался голос, вместо слов послышался какой-то страшный всхлип – и он стремглав, поправляя очки, ринулся с кафедры за кулисы... Лекция была порвана, оборвана высокодраматически, и аудитория оценила великого патриота, который так любит родину-мать, что не может сохранять самообладание, говоря о ее муках и злосчастиях... И в то же время никакая власть не могла привлечь к ответственности только за истерику, хотя бы и зело красноречивую.

Один старый журналист, которому я потом рассказывал об этом эпизоде, припомнил случай с его отцом, но давний, в бытность студентом на лекции проф. С.П. Шевырева. С тем также на одной из лекций случилась подобная история: расплакался и убежал, обронив около кафедры какую-то бумажку. Студенты подняли ее: там набросан был конспект лекции – а в конце значилось: «*восторг и слезы*»...

Тогда я так не истолковал «слез» Сорокина. Вскоре я с ним познакомился. Редактор «Вестника литературы» А.Е. Кауфман, от которого я потом этот журнал унаследовал, нередко советовался со мной о новых сотрудниках. Спросил о Сорокине. Я посоветовал его привлечь. Так мы и познакомились – по делам журнальным. Впрочем, подробностей первых встреч не помню. Может быть, я позвал его в Русское техническое об-во прочесть какой--либо доклад – и просьбу направил через Ф.И. Витязева. Решительно не помню. Отчетливы становятся в моей памяти лишь наши встречи в редакционной коллегии «Экономиста», в которой я председательствовал. В коллегии П.А. бывал гостем, держал себя скромно и ничем не выявлял какой-либо определенной точки зрения. Насколько был решителен в статьях, настолько же сговорчив в разговорах. «Понимаю, понимаю», — примирительно басил он... Заходил в редакцию часто, привел как-то и свою красавицу жену Елену Петровну Баратынскую. Звал к себе в Детское Село, где его навещали «всякие народы», в том числе и особенно – американки из АРА. Но я как-то не удосужился съездить.

Потом журналы были закрыты, а я арестован. По выходе узнаю, что без меня проведывали семью Сорокины. Он был в Москве, когда задерживали высланных; явился сам в ГПУ, и с него взяли лишь обязательство уехать за границу, не возвращаясь в Питер. Он все же съездил и даже моих проведал.

В феврале 23 г. я попал в Берлин. И через несколько дней по приезде читаю в газете «Руль»: доставлено письмо для Д. Лутохина. Получил – от Сорокина из Праги. Узнал из газет о моем приезде, зовет в Прагу, уже исхлопотал мне стипендию. Я долго колебался, ехать ли, но в конце мая снялся с семьей и приехал в Прагу. Сейчас же по приезде отправился со всеми своими в Черножице, деревушку, где жили Сорокины. Видимо, наше нашествие их чем-то смутило, но оба старались быть ласковыми – и П.А. даже стал вдруг наставлять меня житейской мудрости, к которой я всегда был глух:

– Обязательно сходите к Е.А. Ляцкому. Имя рек..., но пригодится вам весьма – и ничего не имею, если при встрече ругнете меня, это расположит его в вашу пользу. Когда будете у м-ра Гирса, не скрывайте вашего положительного отношения к революции, чехам приелась эмигрантская узость.

Макиавеллевский цинизм Сорокина только огорчил меня, но я старался найти этому цинизму приличествующее объяснение, тем более что цинизм был так топорен, что скорее жалеть приходилось циника за наивность.

Сами ютились они в какой-то голубятне. Сорокин имел достаточное количество монет, но много тратил на английские уроки и копил на дорогу в Америку. Работал чрезвычайно много. Работал над английским языком; даже разгуливал по полям, произнося вслух спичи и лекции – и потешая разговорами с самим собой чехов. Очень много писал. Кое-что и читал.

Тем не менее у него находилось время и для встреч с приятелями. Он несколько раз навещал меня, хотя я жил в часе ходьбы от него. Один раз Сорокины совершили со мной 40-килом[етровую] прогулку к порогам святого Яна на реке Влтаве, по-немецки Молдава.

А хороша дорога из Черножиц к этим порогам. Вы идете сначала проезжей дорогой, обсаженной старыми сливами, орешником, яблонями, потом через густой тенистый лес пробиваетесь напрямик, не ища тропы, к обрывистому берегу Молдавы, спускаетесь вниз и идете дальше вдоль реки: скалы то сжимают ее, то расходятся далеко, оставляя простор для богатых селений... А там, где уже близко пороги, вдоль реки пройти трудно: нужно перевалить через высокую гору, всю покрытую лесом, полным птиц, зайцев, серн, и сойти прямо к порогам, около которых приютилась скромная харчевня. Вам дадут яичницу, сыр, пива – и даже могут зажарить курицу либо гуся.

Когда идешь к порогам, по дороге освежая себя добрым пильзенским или иным чешским пивом, то, право, неохота всерьез заниматься политическими дискуссиями. Хочется вспомнить детство и резвиться. И когда ваш сосед начинает доказывать, что России нужен монарх, но монарх особенный – вот бы Форд согласился (уж лучше Пешехонов – был бы мужицкий царь, заметил Чириков, когда я передал ему об этой «остроте» Сорокина); доказывает, что величайший государь был Александр III, а Победоносцев – гениальный государственный человек и дальше в том же роде, и когда знаешь, что собеседник – социолог и бывший с.р.-овский цекист, то становится сначала даже весело: здорово острит человек... Очевидно, я был простодушен. Такие исповеди, как Л. Тихомирова, кое-чему научат и простодушного – но ведь она еще не была напечатана.

А затем – кроме политики – разговоры шли и личные, автобиографические, так сказать. Питирим Александрович вспоминал свою жизнь, она не лишена в его передаче занимательности.

Родился что-то около 1890 г. Мать-зырянка умерла, когда ему было 3–4 года, отец русский, маляр, пьяница, заставил детей сызмальства помогать ему в ремесле; ходили по деревням, мазали крыши, поправляли иконки... Лет в 10 Питирим бросает отца (все пропивал), и с братом начинают работать сами. Зашли как-то в сельскую школу, там Питирима уговорили начать учиться... И он начинает зимой посещать училище, летом по-прежнему малярничал. На выпускных экзаменах инспектор в восторге от успехов Сорокина, от того, как он прочел стихотворение «Клеветникам России», – и выхлопатывает стипендию в учительский институт. С 14 лет в партии с.р.-ов. Потом – студент Психоневрологического института. Секретарь Ковалевского, видный деятель партии с.р., личный секретарь министра-президента Керенского, профессор... «Сон свершился наяву». Скачок по социальной лестнице сделал редкий – и когда Сорокин уже в годы революции был на родине, он не мог принимать у себя брата – спившегося рабочего...

Ну можно ли поверить, слушая такие рассказы о себе в ясный, теплый день, когда все кругом благостно, что «сын народа» – «враг народу»...

И к тому же молодой профессор еще просто не доучился. Он так стремительно делал карьеру, что читать много он не успевал вне самого главного; особенно поражала скудость его философских знаний.

– Сорокин – ха-ха-ха, – заразительно смеялся при имени П.А. один старый философ, – избрал своими учителями Сергея Радонежского... де Роберти и Александра III «Миротворца», о котором Владимир Соловьев говорил, что это чурбан, упавший с неба к дикарям, из почтения смазывающим его калом. А для Сорокина – воплощение высшего разума...

В Праге Сорокин «умнел». Приехав, он сначала братался со старыми товарищами по партии, потом перекочевал в «Крестьянскую Россию», политическую группку, созданную с.р.-овскими ренегатами С.С. Масловым и А.А. Аргуновым вместе с савинковцем А.Л. Бемом. Эта группка все же была под Милюковским патронатом. Перед отъездом в Америку Сорокин порвал и с ними – и стал работать с правыми аграрниками.

Его разговоры звучали своеобразно:

– Вот Гирс – умный человек, понимает, что в крестьянской Чехии социалисты долго не продержатся у власти, – и перед выборами записывается в земледельческую (кулацкую) партию...

Или:

– После всякой революции реакция неизбежна; но если реакцию осуществляют правые, она мягче;

– А мстить не стали бы разные Марковы, попав к власти? – спрашиваю я.

– Ну, конечно, *не без этого*, – злорадно хихикает Сорокин.

Больше всего огорчения испытал Сорокин перед отъездом из Европы в Новый Свет, узнав, что «Крестьянская Россия» не додала ему каких-то довольно больших денег. «Я-де думал, что коллеги бесплатно работают, – жаловался он, – и отказался от редакторского жалованья. Оказывается же, они получают, и немало, обсчитали почти на тысячу долларов...»

Иногда меня даже начинало чрезвычайно интересовать, как в голове этого молодого ученого совмещаются квакерский пуританизм и ненасытная жажда карьеры, несомненная потребность научной работы и дешевое политиканство, опускающееся до обывательского интриганства, стремление к сложным, хотя и путаным социологическим построениям и философское невежество...

И мне хотелось верить, что плюсы профессора органичны, а минусы от биографии: тяжелое детство, дурное влияние с.р.-овского подполья, убогая обстановка наших академических кругов. Попадет в Америку – исцелится от многого, надеялся я.

И когда Сорокины откочевали в Новый Свет, я довольно долго поддерживал с П.А. переписку. Он находил время присылать мне довольно обстоятельные сообщения о своих успехах – только успехах! – в Соединенных Штатах, писал немного о работах по ботанике жены – и только.

Прочтя ряд эпизодических курсов в разных университетах, он осел в Миннесотском университете (3-м по величине в Соединенных Штатах, отмечал он), стал full professor of sociology – «ординарным» по социологии, ведет свои семинары и курсы только с graduate students (вроде наших «оставленных»). Так, в 1924/25 г. он читал курсы: «Социология деревни» (Rural sociology), «История социальных теорий», «Современная социальная проблема», «Социальная морфологию». И находил время очень много писать. Им ведь изданы за 4 года, что он в Америке, ряд толстых книг (мемуары, «Социология революции», «Социальная мобильность», «История новейшей социологии»).

Жизнь в Штатах ему пришлась по душе, в одном из писем он сделал отступление от обычных ему тем и описал ее: «Библиотека университета великолепна, о внешнем комфорте университетских зданий нечего и говорить... поле – campus – университета занято всегда сотнями автомобилей (здесь, кажется, в ватер и то скоро будут ездить в автомобилях). Три читальных зала библиотеки более комфортабельны и такого же размера каждая, как, например, зала Публичной библиотеки (в Питере)... Отлична от европейской и система преподавания», – но ему по душе. «По душе даже и то огромное место, которое занимает здесь спорт и военное обучение. Даже сам я начал “американизироваться” и около часу каждый день занимаюсь спортом в hand-ball в великолепном здании для гимнастических и физических упражнений...

Американские профессора отличный народ. Я легко схожусь с ними. И что хорошо – здесь как-то среди американцев – нет наших академических интриг. Самое большое различие не мешает быть друзьями.

Штат Миннесота – фермерский и считается одним из самых радикальных, но опять-таки этот радикализм (рабочих, приезжающих на работу в собственных автомобилях, и фермеров, имеющих не только автомобили, но огромное большинство – дорогие радио, через кои каждый день узнают, сидя у камина, цены на все по всей Америке и Европе, слушают концерты, речи и т.д. из Нью-Йорка, Сан-Франциско или Чикаго; пришлось и мне говорить уже по радио три раза мои речи) – этот радикализм, я говорю, не похож на наш. Российский радикализм – это либо анархия, либо упадочничество, либо подлость, либо – глупость (извините, такова его история, сущность и общественная роль). В здешнем радикализме, подчас очень здравомысленном, – вы чувствуете реализм, баланс, силу, напор свежих сил. Он не отрывается от реальности, он очень по-своему консервативен. Такой радикализм я понимаю и принимаю. Наш российский – да будь он трижды проклят. Теперь еще более, чем год раньше, я презираю этих наших “социалистов” и всю шатию. Читаю, например, “Дни” и так и хочется мне обозвать всех этих “стоящих на посту” – *телятами*, именно телятами – тех, кто из них честен, и *мелкими* плутами и бездельниками – тех, около которых Вы вертитесь (шатию из Воли России, Пламени и т.д.). На что они, куда они – эти паразиты, всю жизнь жившие на субсидиях либо из кармана глупого капиталиста, либо... из государственной казны. Поистине, великим несчастием для России будет, если эти телята и балаболки станут у власти снова. Не дай, Господи. Всю свою жизнь они болтают о демократизме, а так и не знают, что такое демократизм. Ведь с их точки зрения, напр[имер], автократическая власть президента ун-та, назначающего профессоров, – это реакция. Военное обучение студентов – реакция. А вот в демократической Америке это считают нормой – и хорошо делают. Ну, довольно об этом.

Вы видите, Америка меня не “исправила” (с Вашей точки зрения), а укрепила меня в “реакционности”...»

Дальше П.А. пишет о своих делах, сначала об успехах академических и литературных, а потом о бытовых: «Сняли мы здесь по-американски скромную, по-нашему – отличную квартиру – газовая кухня, круглые сутки горячая вода, ванна, электричество, телефон и т.д. Автомобиля своего не завели еще, но можно было бы, т[ак] к[ак] стоит он

здесь пустяк. Если летом будем свободны – возможно, купим его и отправимся колесить вдоль и поперек по Америке – месяца на полтора от культуры к жизни на лоне природы – в палатках, в лесу, в горах (скалистых), как делают американцы. Такая резкая перемена жизни мне тоже нравится...

Все предыдущее, однако, не значит, что я перестал думать о России. Нет. Регулярно читаю не только и не столько "Руль", "Дни", но и "Известия" и "Правду". Сейчас я люблю Россию больше, чем раньше. Но не хочу ныть и стонать. Это бесполезно. А стараюсь многому научиться, многое приметить, что было бы приложимо для Родины, что я мог бы осуществить, если суждено, как я верю, мне вернуться. Для России – учусь и учу; и рад, что могу это делать, оставив эмигрантскую среду. Рад, что (биологически ощущаю это) что-то во мне крепнет, оседает и "вопит". Да так, что никакие суждения "телят" и "балаболок" или, наоборот, сумасшедших телят и одержимых справа – мне теперь абсолютно безразличны, их шатания – чужды, их сплетни – противны. Такая "кристаллизация" идет сейчас во мне...

Привет от нас обоих Вам обоим и милым вашим детям – сделайте их "крепкими" не как камень, а как упругая пружина...» Дальше следовала приписка: "здесь мы очень сошлись с М.И. Ростовцевым. Он чересчур большой пессимист по отношению к России, но я люблю его за его "крепость", бескомпромиссность и прямоту. Хороший парень и большой умница – не только ученый. За него теперь конкурируют лучшие американские университеты, предлагая ему одно условие лучше других (здесь ведь при контракте профессоров торговаться надо, как при "бизнесе"). Мне это тоже нравится. Как нравится и то, что профессора ведут себя не как наши жрецы, а как простые смертные. "Плохо" одно здесь, в особенности в Middle West Америке: не пьют, черти, совсем. Не пьют да и только.

Волей-неволей – и я не пью. И вместо водки и пр. все мы пожираем без конца ice-creame – мороженое и пьем массу холодной воды Америки – очень хорошую действительно. (Здесь считается, что каждый человек в день должен выпить не менее 10 стаканов холодной воды: чем больше, тем лучше.) Я привыкаю к этому исподволь. Едят здесь много: но не так много мяса, как сырой зелени, масла, молока и особенно фрукты. Стоит все это сравнительно дешево».

Я привел довольно длинную выдержку из одного письма Сорокина (от 21/X. 1924), написанного через год после отъезда из Европы. Это письмо было менее «рекламно», чем прочие.

А через полгода он послал мне свою «Sociology of Revolution» и просил: «Если будете писать что-либо о книге, то все же ругайте с резоном, а не ругайте только из-за и во имя того, что следует ругнуть».

Должно быть, я опять писал ему, что меня тянет не на Запад, а на Восток – домой, т[ак] к[ак] следовала приписка: «Что же. Кому хочется – пусть едет в Россию. Это даже хорошо, если только едущие не будут подхалимничать, а вести себя по-человечески. Что касается меня – я *органически презираю* теперешних головотяпов – т.е. правителей (даже не ненавижу, а презираю) и, несмотря на беспредельную любовь к России (могу повторить Макиавелли – Amo la patria mia piu dell'Anima [Люблю свою родину больше своей души]) и готовность вернуться и работать для нее в самых тяжелых условиях – теперь мой возврат бесполезен, и ни на какие покорности и малейшие уступки этим мерзавцам я органически не могу пойти. Пока же, живя тут и работая, я – по выражению губернатора штата – делаю для России больше, чем я мог бы сделать в самой России. То же нужно сказать и о таких лицах, как М.И. Ростовцев. Встречаясь с нами, они, т.е. американцы, начинают понимать, что настоящие русские – это что-то совсем другое, чем они привыкли думать раньше, отождествляя русских либо с еврейскими эмигрантами, либо с полудикими крестьянами, да что говорить. Если бы Вы тут пожили, поняли бы, какую галиматью разводили тут наши, рисуя Россию как "погром" и дикую страну..."

Книга, присланная мне Сорокиным, и взволновала, и возмутила меня. Она не только шла дальше того, что Сорокин говорил, но показывала, что Сорокин не просто проверяет себя и обостряет в разговоре мысли, а уже готов публично выступить на стезю Катковых. В книге было к тому же много лжи. И я дал, как умел, отповедь Сорокину. С.р-ы из «Воли России» напечатали мою статью, за что и получили потом нагоняй от «Дней», который так смутил их, что затем они не решались долго меня печатать.

«Дни» выразили удивление, о чем напечатали курсивом, «как могла появиться в органе, ведущем яркую и жестокую кампанию против большевиков, статья, написанная настолько двусмысленно, что ее можно принять за гимн большевицкой контрреволюции, упорно называемой ее автором последней русской революцией... Куда-то занесут по-

путные ветры г. Репейникова» – (псевдоним, под которым я напечатал эту и ряд других статей в «Воле») – «Нам кажется, что во всяком случае было бы хорошо, если бы они его поскорее унесли из "Воли России"...»

В своей статье я отметил и легковесность работы, и дурной научный аппарат книги, и передержки. Указал и на двусмысленность работы: П.А. Сорокин «стремился в научной форме дать памфлет против большевизма, предостеречь от повторения большевистских опытов иностранцами, которых он запугивает неисключенностью и для Америки революционных потрясений, с другой [стороны], он косвенно (сознательно или бессознательно) оправдывает деятелей Великой русской революции, доказывая, что иными способами революции нельзя делать, к иным результатам революция не может привести. Внутреннее почтение автора к деятелям РКП выражается и в его сопоставлениях: «Кромвель, Робеспьер и Ленин», «Красины и Стекловы, Талейраны и Сиейсы»...

Я подчеркивал, что П. Сорокин называет Александра III «великим императором», а старый порядок высшей формой по отношению к созданному революцией, и цитировал, между прочим, такую страницу книги: «...горек и трагичен опыт людей, убеждающихся, что то, что они считали предрассудками и от которых они совершенно освободились, является комплексом условий, необходимых для комфортабельной жизни общества, для его существования и развития». Вместо свободы начинают тогда требовать порядка. «Каждый устойчивый социальный порядок, как бы ни несовершенен он казался с точки зрения незрелого радикализма, есть тем не менее продукт неимоверно сжатого реального национального опыта, результат несчетных напряжений, усилий, попыток многих поколений в поисках наилучших форм, совместимых с существующими конкретными условиями. Лишь невежда или человек, утопающий в фантазиях своего собственного мозга, может воображать, что порядок, создававшийся и существовавший столетия, может представлять только необъятную бессмыслицу, недоразумение, сплошную ошибку...» Общество, которое попадает в руки революции, оплачивает «наказание за свои прегрешения гибелью соответствующей части своих членов; оно уплачивает выкуп, требуемый всемогущим Господом». Уплатив дань, общество должно либо восстановить большинство былых устоев, учреждений, обычаев или «обречено на гибель и разрушение».

«Так пишет бывший социалист и бывший революционер П.А. Сорокин, – комментировал я эту цитату в своей статье, – докончив чтение его книги, мы вспомнили статью одного публициста, весьма близкого прежнему Сорокину, скрывшегося под несколько странным псевдонимом Н. Чаадаева, – "О псевдореволюционерах, приемлющих революцию": "Революция – страшное дело и великое таинство. Нужно или принимать ее всю, как великое таинство, пусть страшное, пусть мистическое, пусть трагически кровавое. Так принимает ее прирожденный революционер. Или следует принимать одно ее лицо, категорически отвергнув другое. Или, наконец, совсем не принимать". П.А. Сорокин выбирает теперь последнее. Почему? Одни, склонные идеализировать людей, скажут: ушиблен революцией. Другие – отнесут его к разряду политических спекулянтов и карьеристов, применяющих социологические формулы: учитывая, что "по формуле" революции сменяются реакциями, он перестраивает личную идеологию, чтобы остаться на гребне волны... Третьи – крайние скептики, объяснят метаморфозу П.А. Сорокина более грубо. Они скажут, что он просто приспособился к требованиям академического рынка и учел, что наибольший спрос на социологов наблюдается в американских университетах, каждый из которых существует на средства одного или нескольких американских миллиардеров. В практике политической жизни Соединенных Штатов вошло в обычай выхватывать из революционной среды видных деятелей, соблазняя их положением, материальной обстановкой и всеми другими способами политического подкупа. Для того, чтобы рассеять миражи, открывшиеся американским рабочим "русским экспериментом", особенно убедительно выдвинуть обвинителем этой революции ученого, ее наблюдавшего, вышедшего из народа, работавшего в рядах революционеров... В предисловии к книге Сорокина проф. Hayes сообщает, что он выслан из России под угрозой смертной казни, если попытается вернуться [...] В одной распространенной американской иллюстрированной газете печатались рекламные статьи о "Красном Робинзоне", так окрестили Сорокина в этой газете, причем подчеркивалось, что он бывший личный секретарь Керенского и т.д. Реклама, конечно, была пущена не даром.

Чужая душа – потемки. Не будем строить наших предположений. Напомним только, что и у писателей более крупных и стойких (напр[имер], у Белинского) были свои "Бородинские годовщины", за которые им было потом мучительно стыдно. Мы были бы рады, если бы "блудному сыну" русской революции стало бы когда-нибудь стыдно за его "социологию революции"».

Я подчеркнул под конец, что Сорокин в своем реакционерстве отнюдь не своеобразен, повторял Бэрка, Ад. Мюллера, Ле-Плэ и «Московский сборник».

Статью, которую я назвал «Лицо революции», я тотчас же по ее опубликовании послал П.А. Сорокину и просил его, если он будет мне отвечать, подождать появления второй моей статьи «Изнанка революции», дополняющей первую. «Воля России», напуганная предостережением Керенского, заявила мне, что напечатают «Изнанку» только в том случае, если на нее даст ответ сам В.М. Чернов. Последний от этого уклонился – и статья напечатана не была ни «Волей России», ни другими эмигрантскими изданиями. Она гуляла по редакциям – и кто-то ее оставил в свой архив.

Сколько помнится, основная мысль второй статьи была та, что изнанка у революции есть, однако изнанка вообще присуща жизни, но мы эту изнанку замечаем лишь тогда, когда начинаем вести тяжбу с историей.

Сорокин не стал ждать второй статьи. Я не знаю, ответил ли он мне в печати, но я получил от него длинное письмо. Вот оно:

«Миннеаполис, Минн[есота] 3 мая 1925

Далмат Александрович.

Только что прочел Вашу статью о моей книге. Мне не важно, что Вы говорите и как рассуждаете о моих взглядах – я всегда рассматривал Вас как милого человека и, конечно, безграмотного дилетанта (sic!). Но вот что важно: Вы позволяете в своей статье сделать ряд утверждений относительно моей честности (“Победоносцева не назвал, боясь евреев”, “приспособляется к миллионерам” и т.д.). Я не знаю, отдавали ли Вы себе отчет, что это значит, когда Вы писали. Я не понимаю, как же, думая так обо мне, Вы находили нужным писать мне дружеские письма.

Если бы я так же думал о Вас, то ведь я легко мог бы сказать, что этой, как другими своими статьями за последнее время, Вы делаете себе карьеру у большевиков, с которыми, кстати, в 1918-19 г. Вы очень солидарно “национализировали”.

Но... я этого не думаю. Эти и подобные утверждения я просто объясняю Вашею легкомысленностью, дилетантизмом и просто российской “беззаботностью” к фактам и лицам.

Тем не менее – и Вы это поймете, надеюсь, – с человеком, который мне говорит “подлец приспособляющийся”, я не могу дальше быть ни в дружеских, ни в каких бы то ни было отношениях. Это – практический вывод.

Теперь в добавление пару слов о фактах. Если бы Вы чуть-чуть их знали, то поняли бы, что в Америке и, в частности, в этом университете “карьеристу” выгоднее быть “pink socialist” [розовым социалистом] или в худшем случае – либералом, раскланивающимся с революцией, чем быть тем, что я есть. Я себе сильно – очень сильно – порчу “карьеру” своими черносотенными взглядами. Это первое.

Второе – ссылки о моей начитанности. Читатель, не знающий ничего, может подумать, что Вы читали те книги, о которых пишете. А вот я говорю: Вы читали статьи v[on] Wiese, и это почти все. Остальные ссылки “сдули” из этого немецкого сборника. Книгу Park and Burgess (моих хороших знакомых) Вы приплели ни к селу ни к городу (ибо она почти ничего не говорит о революции, кроме 2-3 страниц). Из этого Вы видите, я читал эти книги. Но не делал на них ссылок, потому что “безграмотные” стараются блеснуть ссылками, а для тех, кто немножко знает, – есть мера. Могу еще добавить, если уж на то пошло, я прочел целый курс истории теорий о революции, начиная с китайцев (Конфуций etc.) и кончая нашим временем. Но в книге у меня ни Конфуций, ни Платон, ни Теогнис, ни Аристотель, ни Bodin, ни сотни других не упоминаются. Если бы Вы были здесь, я показал бы Вам 3 толстые тетради конспектов и “цитат” из первоисточников этих авторов. Посему мне не обидно и немножко смешно читать Ваши “ученые” декларации и обвинения меня в неначитанности. Я вспоминаю: “Дайте русскому школьнику, не знающему астрономии, карту неба, и он на другой день принесет ее исправленной”.

Для Вас, может быть, будет полезным прочесть VI и следующие книги Платоновской “Республики” и главы о революции “Политики” Аристотеля; сличить места у Hobbes’a, Bodin’a (в книге о республике и т.д.). Странное дело: почти все они отзываются о революции не лучше, чем я. Или и они были “подкуплены”? Или и они были “легкомысленны”?.. Я боюсь, что Вы и их снисходительно похлопаете по плечу, как хлопаете Le Play и Burke’a! (Извините, но это уж хамство.)

Я раньше предвидел и писал Вам, что Вы напишете обо мне. Ваше мнение – особенно теперь, когда я имею блестящие отзывы крупнейших историков, социологов, психологов и даже биологов Америки о книге, – мне могло быть только “курьезно”. И за резкий отзыв я не думал и не думаю обижаться. Но я никогда даже и не воображал, что Вы так

думаете обо мне как о человеке. Раз я “мошенник”, для меня, также и для Вас, полагаю, нет никаких резонов поддерживать сношения. Если бы я был на Вашем месте и так думал о Вас – я давно бы уже прервал всякую переписку. Теперь, узнав Ваши взгляды, я это делаю.

Кончаю письмо пожеланием, чтобы Вы немножко серьезнее относились к той ответственности, которая лежит на всяком пишущем и печатающем что-либо: “кондачок” хорош в танцах, но не в науке или публицистике.

П. Сорокин»

Письмо длинно, а еще Гейне сказал, что, «когда хотят отставку дать, не станут длинно так писать»... Но я решил, что действительно пора поставить точку в наших отношениях.

Очень жалею, что до меня не дошли последующие его книги – и особенно его история современной социологии. Вероятно, я мог бы тогда еще раз подтвердить, что «авторитетный социолог» читает не все, что ему следует.

Эволюция политическая Сорокина, по-видимому, идет все дальше и дальше. Уже после того, как из «Возрождения» ушел Струве и его заменили обыкновенные желтые публицисты, на страницах газеты появилась политическая статья П.А. Сорокина, которую я не читал, но которая, судя по откликам, очень гармонировала с тоном газеты.

Следовательно, в оценке морального облика Сорокина, данной в изложенном выше отзыве о его «трактате» о революции, я был слишком осторожен и мягок: он не из тех, кто впадает в ошибки и потом за них краснеет...

(Минувшее. Исторический альманах. 22. СПб., 1997, с. 33–45). — 649

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А

Абдул-Гамид II (1842–1918), турецкий султан, правивший в 1876–1909 гг. и свергнутый в результате Младотурецкой революции; в 90-х гг. по его указу были организованы жестокие армянские погромы (отсюда его прозвище Кровавый), умер в заключении в Стамбуле — 560, 637

Август (Augustus) Гай Юлий Цезарь (69 до н. э. – 14 н.э.), римский император (с 27 г. до н.э.), основатель принципата – формы правления, при которой сохранялись республиканские институты — 313, 324, 336, 356, 370, 375, 380, 407, 431–432, 443, 454–456, 467–468, 531, 582, 587–588

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), русский политический деятель, член ЦК партии эсеров, министр внутренних дел в составе второго коалиционного Временного правительства, председатель Всероссийского демократического совещания, после октябрьского переворота 1917 г. – один из организаторов Комитета спасения Родины и революции, в ноябре 1918 г. арестован и принудительно выслан за границу, в 1940 г. переехал в США, где и умер — 75, 82, 102–103, 122–123, 611

Авогадро (Avogadro) Амедео (1776–1856), итальянский физик и химик — 264

Авраамий Палицын (до принятия монашества – Аверкий Палицын; ум. 1626), русский политический деятель и писатель, активно содействовавший победе ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского — 354, 408

Агис IV, спартанский царь, правивший в 244–241 гг. до н.э.; начал проведение земельных реформ, предусматривавших возврат к установлениям Ликурга, но эти его планы были сорваны царем Леонидом II — 296, 408, 468

Адам и **Ева** (*библ.*), первые люди, созданные Богом и изгнанные из Рая — 296, 581

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), провокатор, секретный сотрудник департамента полиции с 1892 г., один из руководителей боевой организации партии эсеров — 68

Айртон (Ireton) Генри (1611–1651), английский государственный деятель — 471

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1843, т. IV — 553

Александр III («Миротворец») (1845–1894), российский император с 1881 г. — 121, 189, 578, 637, 646

Александра Федоровна (урожденная принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская; 1872–1918), императрица, жена императора Николая II с 1894 г. — 578

– Письма императрицы Александры Федоровны // Переписка Николая и Александры Романовых. Берлин; М.–Л., 1922, т. 1 — 578

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), русский генерал, в 1915–1917 гг. – начальник Штаба Верховного Главнокомандующего — 413

Алексей Николаевич (Романов) (1904–1918), наследник-цесаревич и Великий Князь, пятый ребенок и единственный сын Николая II и Александры Федоровны; расстрелян 17 июля 1918 г. вместе с родителями, сестрами и слугами — 65

Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 г. — 380, 552

Алкивиад (ок. 450–404 до н.э.), афинский стратег в период Пелопоннесской войны — 417

Амар (Amar) Жан Пьер Андре (1755–1816), участник Великой французской революции, депутат Конвента, член Комитета общественной безопасности — 365

Аммон (Ammon) Отто (1842–1916), немецкий социолог, представитель социал-дарвинизма — 425, 446
– Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen [Общественный порядок и его естественные основания]. Jena, 1895 — 425, 446

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938), русский писатель, публицист, литературный и театральный критик; в августе 1921 г. бежал на лодке с семьей из Петрограда в Финляндию, умер в Италии — 196

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), русский писатель и драматург — 240, 413

Анрио, французский фабрикант, дом которого в Париже был разгромлен рабочими накануне Великой французской революции — 384, 547

Антоний Марк (Marcus Antonius) (ок. 83–30 до н.э.), римский политический деятель и полководец — 336, 416, 431, 456, 468

Антонов Александр Степанович (1889–1922), один из руководителей Тамбовского восстания, член партии эсеров; в ноябре 1917 г. занял пост начальника Кирсановской уездной милиции, но в июле по собственному желанию ушел с занимаемого поста ввиду несогласия с антикрестьянской политикой большевистского правительства; скрывшись от преследования властей, организовал партизанский отряд, начав вооруженную борьбу с большевиками; после поражения восстания вместе с братом Дмитрием скрывался в одной из Тамбовских деревень, где они были обнаружены и убиты — 202–204

Антрэг (Antraigues) Эммануэль Анри Луи Александр де Лонэ, граф (1753–1812), французский публицист, депутат Учредительного собрания, роялист; 22 июля 1812 г. в деревне Барне близ Лондона вместе со своей женой был убит слугой-итальянцем, который вслед за тем и сам застрелился — 366

Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923), русский антрополог, географ, этнограф и археолог, один из основоположников антропологии в России — 413

Аппиан (ок. 100 – ок. 170 н.э.), греческий историк из Александрии, автор «Истории Рима» в 24 книгах, в которых содержится достаточно полное описание римских гражданских войн — 416

Аргунов Андрей Александрович (1866–1939), российский политический деятель, один из лидеров партии эсеров, был женат на сестре эсера Владимира Евгеньевича Павлова (1873–?), умер в эмиграции в Праге — 75, 104, 111, 119–121, 123, 131

Аристид (ум. ок. 468/467 до н.э.), афинский политический деятель и стратег, предводительствовавший афинянами в битве при Платеях — 410

Аристотель (384–322 до н.э.), древнегреческий философ — 527, 582, 640
– Политика — 527

Аристофан (ок. 445 – ок. 386), древнегреческий поэт и комедиограф — 323

Арманьяки и **Бургиньоны**, группировки крупных феодалов во Франции первой половины XV в., боровшиеся между собой за власть во время правления слабоумного короля Карла VI (1380–1422) — 541

Арнольд Брешианский (Arnaldo da Brescia) (кон. XI/нач. XII вв. – 1155), итальянский политический деятель, борец против католической церкви — 497, 534

Аронович Гедалий Давидович (1894–1966), врач-невропатолог, профессор — 373
– Детская преступность // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922, вып. I — 373

Арсеньев Константин Константинович (1837–1919), русский публицист, юрист, один из руководителей партии демократических реформ, почетный академик Петербургской академии наук — 186, 413, 619

Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927), русский писатель — 349
– Санин. СПб., 1908 — 349
– У последней черты // Земля. 1910–1912, сб. 4, 7, 8 — 349

Афанасьев Георгий Емельянович (1848–1925), русский историк и журналист, с 1879 г. – директор Одесского общества взаимного кредита — 340, 538, 545–547
–Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892 — 545
– Исторические и экономические статьи. Издание почитателей и друзей. Киев, 1908–1909, т. I–II — 340, 538, 545–546

Ахматова Анна Андреевна (1889–1966), русская поэтесса, переводчица и литературовед — 240

Б

Бабеф (Babeuf) Франсуа Ноэль (Гракх) (1760–1797), французский философ-утопист, руководитель движения «во имя равенства» — 341, 418, 456, 571

Бабкин Борис Петрович (1877–1950), русский физиолог, автор трудов по физиологии пищеварения, с 1922 г. в эмиграции — 282

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), русский философ и революционер, идеолог анархизма — 456

Балакирев Милий Алексеевич (1836–1910), русский композитор и музыкально-общественный деятель, глава «Могучей кучки» — 240

Бальи, Байи (Bailly) Жан Сильвен (1736–1793), французский астроном, в годы Великой французской революции – мэр Парижа, автор воспоминаний — 315

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), русский поэт-символист — 240, 349

Барер де Вьезак Бертран (1755–1841), деятель Великой французской революции, якобинец, член Комитета общественного спасения — 341, 508

Барнав (Barnave) Антуан Пьер (1761–1793), деятель Великой французской революции, депутат Учредительного собрания — 315

Баррас (Barras) Поль Жан Франсуа Никола (1755–1829), деятель Великой французской революции, депутат Конвента, член Комитета общественной безопасности — 341, 362, 456, 469, 508

Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920), русский филолог, историк литературы и критик, умер в Петрограде 19 марта 1920 г. от голода и болезней — 186

Бауэр (Bauer) Бруно (1809–1882), немецкий философ-младогегельянец, приват-доцент Берлинского и Боннского университетов, во время революции 1848 г. вместе с братом Эдгаром входил в состав Франкфуртского национального собрания — 462

Бек (Beake), английский политический деятель, майор, член Палаты лордов, протестовавший против решения о ее роспуске, принятом Палатой общин в 1658 г. — 510

Белелюбский Николай Аполлонович (1859–1922), русский инженер и ученый в области строительной механики и мостостроения — 413

Белецкий Степан Петрович (1873–1918), в 1907–1909 гг. – самарский вице-губернатор, в 1914–1915 гг. – директор департамента полиции, в 1915–1916 гг. – товарищ (заместитель) министра внутренних дел; арестован при Временном правительстве, расстрелян чекистами — 578

– Воспоминания // Архив русской революции. Берлин, 1923, кн. XII — 578

Белох (Beloch) Карл Юлиус (1854–1929), немецкий историк античности — 312, 323

Бенеш (Beneš) Эдуард (1884–1948), государственный и политический деятель Чехословакии, в 1918 г. – министр иностранных дел, в 1935–1938 гг. – президент Чехословакии — 261

Бентли (Bentley) Элизабет (1906–1963), американская шпионка, агент НКВД, с 1945 г. – двойной агент; в 1948 г. предстала перед Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности, с ее показаний началась «охота на коммунистов» в США —238

Берг (Berg) Фридрих Теодор (р. 1806), шведский врач и статистик — 519

Бергсон (Bergson) Анри (1859–1941), французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе (1928) — 275

Берджесс (Burgess) Эрнест Уотсон (1886–1966), американский социолог, один из основателей Чикагской школы, с 1934 г. – президент Американского социологического общества — 642

– The Introduction to the Science of Sociology (1921; в соавторстве с Р. Парком) — 642

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский философ и публицист — 228, 242, 491, 645

Берман (Berman) Луи (1893–1946), врач, эндокринолог и невролог — 274

– The glands regulating personality [Железы и их влияние на личность]. 1921 — 274

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943), русский ученый-экономист, министр финансов в последнем составе Временного правительства (с 25 сентября 1917 г.), участник белого движения, с 1920 г. в эмиграции — 122, 645

Бернштейн (Bernstein) Эдуард (1850–1932), немецкий социал-демократ — 265, 340, 483, 627

– Коммунистические и демократо-социалистические течения в Английской революю-

ции XVII в. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. II — 340, 483

Бествик, английский врач, автор антипапистского и антиправительственного памфлета, который по решению Звездной палаты был приговорен (вместе с Прейном и Бортоном) к выставлению у позорного столба, отрезанию ушей, уплате штрафа в 5 000 фунтов стерлингов и пожизненному заключению; приговор был приведен в исполнение 30 июня 1637 г. — 497

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927), русский психиатр и психолог — 217, 275, 282, 349, 381, 389–391, 523, 642
– Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 — 275
– Коллективная рефлексология. Пг., 1921 — 275, 389, 391

Библия. Книги Священного Писания — 271, 343, 565

Блан (Blanc) Луи (1811–1882), французский утопический социалист, историк и журналист, деятель революции 1848 г. — 364, 410, 471, 475, 548
– Revolution française. Histoire de dix ans 1830–1840. Paris, 1877, vol. III [Французская революция. История десяти лет. 1830–1840] — 548

Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1805–1881), французский революционер — 456, 471

Блейк (Blake) Роберт (1599–1657), английский адмирал, во время гражданских войн 1642–1646 и 1648 гг. командовал отдельными кавалерийскими отрядами, действовавшими против роялистов; с 1649 г. – на командных должностях во флоте — 418

Блок Александр Александрович (1880–1921), русский поэт — 413, 637

Блос (Blos) Вильгельм (1849–1927), немецкий историк, публицист и политический деятель — 301, 316, 326, 452, 462, 481, 551
– Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907 — 301, 452, 462, 551

Блюм (Blum) Роберт (1807–1848), глава демократической партии Саксонии во время революции 1848 г.; будучи посланным франкфуртским парламентом в Вену, был там расстрелян 9 ноября контрреволюционными войсками Виндишгреца — 456

Бойль (Boyle) Роберт (1627–1691), английский химик и физик — 490

Боголепов Михаил Иванович (1879–1945), русский экономист — 539
– Европа после войны. Пг., 1921 — 539

Болдуин (Baldwin) Джеймс Марк (1861–1934), американский психолог, социолог, историк — 275, 390
– Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. Методы и процессы. М., 1911–1912, т. 1–2 — 275

Болл (Ball) Джон (ум. 1381), английский народный проповедник, идеолог левеллеров; в 1381 г. был арестован, но в том же году освобожден восставшими крестьянами и вместе с У. Тайлером встал во главе повстанцев; после поражения восстания был казнен — 296, 377, 432, 497

Бонапарт – см. Наполеон I

Борис Годунов (ок. 1552–1605), русский царь с 1598 г. — 552

Борисов Вячеслав Евстафьевич (1861–1941), генерал-майор (1907), военный писатель; до 1900 г. служил в Генеральном штабе, в 1910 г. вышел в отставку, во время Первой мировой войны находился при начальнике Ставки, в 1918 г. перешел на службу в Красную армию, позднее эмигрировал в Югославию, где и умер; заведовал библиотекой Сербской военной академии — 428

Боровский Александр Кириллович (1889/1892–1968), выдающийся пианист и педагог; в 1915–1920 гг. – профессор Московской консерватории; воспользовавшись возможностью получить латвийское гражданство по факту рождения на территории этой страны, в 1920 г. покинул Россию; с 1940 г. постоянно жил в США — 240

Боровский Петр Фокич (1863–1932), русский врач — 414

Бортон, пуританский проповедник, автор памфлета, направленного против привилегий, предоставленных в Англии католикам, и против развращенности королевского двора; по решению Звездной палаты был приговорен (вместе с Прейном и Бествиком) к выставлению у позорного столба, отрезанию ушей, уплате штрафа в 5 000 фунтов стерлингов и пожизненному заключению; приговор был приведен в исполнение 30 июня 1637 г. — 297, 497

Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь (1627–1704), французский писатель, церковный деятель, епископ — 540

Боули (Bowley) Артур Лайон (1869–1957), английский экономист и статистик — 538
– Wages in the United Kingdom in the nineteenth Century [Заработная плата в Великобритании в XIX в.]. 1900 — 538

Браиловский (Brailowsky) Александр (1896–1976), американский пианист, прославившийся как исполнитель музыки Ф. Шопена; до 1911 г. жил в России — 240

Брешковская, Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934), деятель русского революционного движения, одна из создателей и лидеров партии эсеров, а также ее Боевой организации, известная как «бабушка русской революции»; с 1910 г. до Февральской революции находилась в ссылке, с 1918 г. – в эмиграции, умерла в Чехословакии — 75, 81, 84, 93

Бриссо (Brissot) Жан Пьер (1754–1793), деятель Великой французской революции, лидер жирондистов — 315, 418

Брока (Broca) Поль (1824–1880), французский анатом и антрополог — 419

Брукер (Brouckére) Луи де (1870–1951), бельгийский социал-демократ, член Бельгийской рабочей партии (БРП); в 1917 г. посетил Россию по поручению генсовета Бельгийской рабочей партии с целью агитации за продолжение войны — 78

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), русский генерал (с 1916 г.), в Первую мировую войну – командующий Юго-Западным фронтом, с 1920 г. – председатель Особого совещания при Главкоме Красной армии, затем служил в центральном аппарате Красной армии — 428, 456

Бруцкус Борис (Бер) Давидович (1874–1938), российский экономист, статистик, агроном, общественный деятель; в 1922 г. выслан из Советской России, с 1935 г. жил в Иерусалиме — 228

Брэстед (Breasted) Джеймс Генри (1865–1935), американский египтолог — 525
– История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915, т. I — 525

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), русский поэт-символист — 349

Бубликов Александр Александрович (1875–1941), инженер путей сообщения, член IV Государственной думы, прогрессист, после Февральской революции – комиссар в Министерстве путей сообщения; 28 февраля 1917 г. приказал остановить царский поезд, вышедший из Ставки в Царское Село, по решению Временного правительства 8 марта 1917 г. в составе делегации комиссаров Государственной думы прибыл в Могилев для ареста бывшего царя и препровождения его в Царское Село; в сентябре 1917 г. уехал в Америку, где и остался в эмиграции — 98

Бугле (Bouglé) Селестен (1870–1940), французский социолог, представитель школы Э. Дюркгейма, директор Высшей нормальной школы в Париже — 432, 582
– La démocratie devant la science. Paris, 1904 [Демократия с точки зрения науки] — 432, 582

Буденный Семен Михайлович (1883–1973), советский военачальник, в годы Гражданской войны – командующий 1-й Конной армией — 456

Буденц (Budenz) Луис (1891–1972), американский журналист и писатель, член Компартии США, сотрудник, а позднее редактор коммунистической газеты «Дейли Уоркер»; в 1945 г. под воздействием радиопроповедей Фултона Шина отказался от коммунистической деятельности и «возвратился в лоно римско-католической церкви», стал платным осведомителем ФБР, выполняя роль свидетеля-эксперта на слушаниях об антиамериканской активности в судах, а также автором антикоммунистических брошюр — 238

Бузольт (Busolt) Георг (1850–1920), немецкий историк античности — 312, 323, 338, 527
– Griechische Geschichte bis zur Schlacht des Chaeroneia [Греческая история до битвы при Херонее]. Gotha, 1897, Bd. III, Teil I–II — 527

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), русский экономист, религиозный философ и богослов, с 1918 г. – священник, в 1922 г. выслан из Советской России — 242

Бунаков (наст. фамилия: Фондаминский) Илья Исидорович (1880–1942), российский революционер, член партии эсеров, в 1907–1917 гг. и с 1919 г. жил в эмиграции; в 1941 г. принял православие, погиб в Освенциме — 75

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), русский писатель, поэт, переводчик, с 1920 г. в эмиграции; лауреат Нобелевской премии (1933) — 240

Бурбоны (Bourbon), французская королевская династия, занимавшая престол в 1589–1792, 1814–1830 гг. — 375, 508, 542

Бурсо, Бурсо-Малерб (Boursault-Malherbe) Жан-Франсуа (1750–1842), деятель Великой французской революции, якобинец, автор нескольких комедий — 508

Бурышкин Павел Афанасьевич (1887–1955), московский промышленник, в 1917 г. – представитель торгово-промышленной группы при Временном правительстве, автор воспоминаний «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954; М., 1991) — 445

Бухарин Николай Иванович (1888–1938), советский политический деятель, экономист и социолог — 242
– Теория марксизма [Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.-Пг., 1922] — 242

Бэкингем, Бекингем (Buckingham) Джордж Вильерс (1592–1628), герцог, английский политический деятель, фаворит и министр Якова I и Карла; парламент неоднократно обвинял его в многочисленных нарушениях и требовал суда над ним; был убит офицером Фелтоном — 576

Бюллетень Центрального Статистического Управления Украины. 1922, № 7, № 2, № 9 — 346, 403

Бюхер (Bücher) Карл (1847–1930), немецкий экономист и статистик — 319, 582
– Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. I–II — 319, 582

В

Вагнер Владимир Александрович (1849–1934), русский биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России, проф. Петербургского, затем Ленинградского университета (1906–1931), один из организаторов Психоневрологического института в Петербурге — 279
– Биологические основания сравнительной психологии. СПб., 1913, т. II — 279

Вадлер, статистик, изучавший связь между годичными колебаниями цен на хлеб и динамикой преступлений против собственности в Сербии — 519

Ваккаро (Vaccaro) Микеланджело (1854–1937), итальянский социолог и юрист — 409
– Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat [Социологические основы права и государства]. Paris, 1898 — 409

Валицкий, проф. [Статья] // Врачебное дело. 1921, 1 февраля — 414

Валлес (Vallés) Жюль (1832–1885), французский писатель, участник Парижской коммуны, автор романа «Инсургент» (Пг., 1921) — 452

Валуа (Valois), французская королевская династия, правившая в 1328–1589 гг. — 542

Вальдман Виктор Александрович (1892–1970), врач-терапевт, профессор Ленинградского государственного педиатрического института — 521, 523
– К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь XXV-летия врачебно-научной деятельности (1894–1919) проф. И.И Грекова. Пг., 1921 — 521

Вальсинг (Waltzing) Жан Пьер (1857–1929), бельгийский историк — 324
– Étude historique sur le corporations professionneles chez les Romaines [Исторические очерки о профессиональных корпорациях у римлян]. Louvain, 1896, vol. II — 324

Вандаль (Vandal) Луи Жюль Альбер (1853–1910), французский историк — 341, 353
– Возвышение Наполеона. СПб., 1905 — 341, 353

Вандервельде (Vandervelde) Эмиль (1866–1938), бельгийский социалист, реформист; в 1917 г. после Февральской революции приезжал в Россию агитировать за продолжение участия в Первой мировой войне, в 1922 г. присутствовал на процессе правых эсеров в Москве в качестве защитника — 78, 226

Ван-Кан (van Kan) Жозеф (1877–1946), нидерландский социолог — 519
– Экономические факторы преступности. М., 1915 — 519

Варга (Varga) Евгений Самуилович (1879–1964), философ и экономист, профессор политэкономии Будапештского университета (1918), нарком финансов, а затем председатель Высшего Совета народного хозяйства Венгерской советской республики, в 1919 г. эмигрировал в Советскую Россию, академик АН СССР (1939) — 427, 480

– Die wirtschafspolitischen Probleme der proletarischen Diktature. Wien, 1921 (рус. перевод: Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. М., 1922) — 480

Варрон Марк Терренций (116–27 до н.э.), римский писатель и ученый-энциклопедист — 313, 356, 407

Василий – см. Шуйский В.В.

Васильев Николай Александрович (1880–1940), философ, этик, психолог, историк, поэт и переводчик — 417, 432

– Вопрос о падении законов Римской империи и античной литературы в историографической литературе и в связи с теорией истощения народов и человечества. Казань, 1921 — 417

Васильев Ю.А. Очерки физиологии духа. Опыт объективной трактовки душевных явлений. Пг., 1923 — 274

Вассерман (Wassermann) Рудольф (р. 1884), криминалист и статистик, автор книги «Понятие и границы уголовной статистики. Логическое исследование» (Харьков, 1912) — 518

Вацлав IV (Václav) (1361–1419), чешский король с 1378 г., император «Священной Римской империи» в 1378–1400 гг. (низложен с немецкого престола курфюрстами); при нем началось Гуситское революционное движение, которому он некоторое время оказывал поддержку — 585

Введенский Александр Иванович (1889–1946), с 1921 г. – протоиерей, с 1924 г. – митрополит, один из основателей и лидеров «Живой церкви», проповедовавший «коммунистическое христианство» — 224

Введенский Алексей Иванович (1861–1913), русский религиозный философ — 242

Введенский Николай Евгеньевич (1852–1922), русский физиолог, ученик И.М. Сеченова, член-корреспондент Петербургской академии наук — 180, 184, 413

Вебб, Уэбб (Webb) Сидней (1859–1947) и Беатриса (1858–1943), супруги с 1892 г., английские экономисты и общественные деятели, идеологи тред-юнионизма и так называемого фабианского социализма — 538

– История рабочего движения в Англии. СПб., 1899 — 538

Вебер (Weber) Георг (1808–1888), немецкий историк, учитель, а потом директор высшей городской школы в Гейдельберге — 296–297, 355, 364, 373, 399, 483, 562

– Всеобщая история, СПб., 1894, т. 8 — 296, 355

Вейсс (Weiss) Альберт Пол (1879–1931), американский психолог-бихевиорист, автор работ по теоретической и экспериментальной психологии — 282

– Relation between Structural and Behaviour Psychology [Соотношение между структуральной и бихевиористской психологией] // Psychological Review. 1917, № 4 — 282

Вениамин (в миру Казанский В.П.; 1874–1922), митрополит Петроградский и Гдовский; за сопротивление, оказанное советским властям при насильственном изъятии церковных ценностей (после того, как согласие на добровольное пожертвование было уже дано), привлечен к суду и расстрелян в ночь с 12 на 13 августа — 224–225, 413

Вересаев (наст. фамилия Смидович) Викентий Викентьевич (1867–1945), русский писатель, литературовед и переводчик — 348

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945), русский естествоиспытатель, мыслитель, общественный деятель — 245

Верньо (Vernier) Пьер Виктюрьен (1753–1793), деятель Великой французской революции, депутат Законодательного собрания и Конвента — 315

Верховский Александр Иванович (1886–1938), русский военный деятель, генерал-майор (1917); сначала был настроен против большевиков, но после ареста в 1918 г. изменил свои взгляды и в 1919 г. вступил в Красную армию — 105, 428

Вестермарк (Westermarck) Эдвард (1862–1939), финский социолог и этнограф — 318, 343
– History of the human Marriage [История человеческого брака]. London, 1891 — 343
– The origin and development of the moral ideas [Происхождение и развитие нравственных идей]. London, 1908, vol. I–II — 318, 343

Вестник труда. 1920, № 3 — 333

Ветошкин Михаил Кузьмич (1884–1958), революционер-большевик, российский и советский государственный и партийный деятель, член Всероссийского учредительного собрания от Вологодской губернии, с 1944 г. – на научной и преподавательской работе, автор работ по истории революционного движения в России и истории КПСС — 76–77, 138, 163, 612

Веттинги (правильнее Веттины: Wettin), саксонская династия — 583

Видение Петра Пахаря (правильно: Видение о Петре Пахаре), аллегорическая поэма английского поэта Уильяма Ленгленда (ок. 1330 – ок. 1400), написанная в 1362 г., ставшая особенно популярной в период Реформации и годы Английской буржуазной революции XVII в. — 296, 497

Вивиани (Viviani) Рене (1871–1925), французский государственный деятель, премьер-министр Франции — 462

Визе (Wiese) Леопольд фон (1876–1969), немецкий социолог, представитель формальной школы в социологии, основатель (вместе с М. Шелером) Института социальных наук Кельнского университета, основатель и издатель (1921–1954) журнала по социологии и социальной психологии, который с 1921 по 1934 г. выходил под названием «Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie» — 640

Викентьев Владимир Михайлович (1882–1960), русский египтолог, профессор, автор нескольких повестей, написанных на сюжеты из истории Древнего Египта, с 1924 г. – сотрудник Каирского университета — 295, 312, 323, 336, 356, 362, 364, 372, 375, 377, 400, 416, 431, 576, 643
– Революция в древнем Египте // Новый Восток. 1922, кн. 1, февраль — 295

Виллерме (Villermé) Луи-Ренэ (1782–1863), французский врач и статистик — 419
– Memoire sur la taille del'homme en France [Исследование роста мужчин во Франции] // Annales d'hygiene publique et mèdicine légale.1-er serie. Paris, 1829, vol. 1 — 419

Вильев Михаил Анатольевич (1893–1919), русский астроном, специалист в области небесной механики и истории астрономии; владел, кроме ряда современных иностранных языков, латинским, древнегреческим и древнееврейским; читал египетские иероглифы, владел арабским языком, переводил эфиопские летописи; в возрасте 26 лет умер от испанки, но за 7 лет активной деятельности успел написать более 120 статей по фундаментальной астрономии и истории науки — 186, 619

Вильо (Willot) Виктор Амедей де (1755–1823), граф, французский политический деятель, генерал, роялист, в 1798–1799 гг. командовал войсками, контролировавшими Марсель, участник «белого террора» — 452

Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954), русский историк — 324
– Очерки истории Римской империи. М., 1908 — 324

Вирен Роберт Николаевич (1857–1917), российский адмирал, во время Февральской революции убит революционными матросами (14 марта заколот штыками на Якорной площади в Кронштадте) — 65

Витте Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель — 380, 578, 580, 612
– Воспоминания. Берлин, 1922 — 578

Виттельбахская династия, Виттельсбахи (Wittelsbacher), южно-германская династия, правившая в 1180–1918 гг. в Баварии — 583

Владимир Василькович (ум. 1288), владимирско-волынский князь — 551

Возрождение, ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в Москве с 29 мая по 22 июня 1918 г. — 134

Волков Ефим Ефимович (1844–1920), известный русский художник-передвижник, пейзажист, посвятивший свое творчество главным образом воспеванию красоты природы северной и средней полосы России, действительный член Академии художеств — 186, 619

Волков Иван Михайлович (1882–1919), русский востоковед, египтолог и ассиролог, приват-доцент историко-филологического факультета Петроградского университета; в 1918 г. сидел в Осташковской тюрьме за близость к церковным кругам; выйдя из тюрьмы, прибыл в Петроград, где 16 октября 1919 г. умер — 619

Володарский (наст. фамилия Гольдштейн, а не Коган, как у П.А. Сорокина) Моисей Маркович (1891–1918), революционный деятель, в 1905 г. вступил в Бунд, в 1917 г. примкнул к большевикам, после Октябрьской революции – член ВЦИК, убит 20 июня эсером — 213, 413

Вольней, Вольне (Volney) Константен Франсуа (1757–1820), французский философ и политический деятель, автор сочинения «Руины, или Размышления о революциях империй» (1791, рус. перевод: 1928) — 490

Вольтер (Voltaire) (псевдоним Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778), французский писатель, мыслитель и публицист — 294, 298, 489, 496–499, 573, 577
– Кандид (1759) — 157

Вольтман (Voltmann) Людвиг (1871–1907), немецкий социолог и антрополог, по политическим взглядам бернштейнианец, пытался примирить социализм с неодарвинизмом — 582–583
– Политическая антропология. СПб., 1905 — 582

Вольф Маврикий Осипович (1825–1883), выдающийся русский издатель, книгопродавец, просветитель и энциклопедист; основавший в 1882 г. издательство на паях «Товарищество М.О. Вольф»; товарищество владело сетью книжных магазинов в Москве, Петербурге и других городах России — 74

Воля народа, газета правых эсеров, издававшаяся в Петрограде с 29 апреля (12 мая) по 24 ноября (7 декабря) 1917 г., вышло 207 номеров — 75–76, 111, 509, 615, 629

Воронов Николай Григорьевич (1857–1915), русский социолог — 274

Врангель (Wrangel) Фридрих Генрих Эрнест (1784–1880), прусский генерал, в сентябре 1848 г. назначенный Фридрихом-Вильгельмом IV командующим Бранденбургским военным округом, в который входил Берлин; 12 ноября ввел свои войска в Берлин и издал инструкцию, отменявшую все демократические свободы — 291, 455–456, 587

Врачебное дело. 1921, 1 февраля — 414
1922 — 415

Врубель Михаил Александрович (1856–1910), русский художник, работавший практически во всех видах и жанрах изобразительного искусства: живописи, графике, декоративной скульптуре и театральном искусстве — 241

Всесвятский Петр Васильевич (1884–1938), русский правовед и статистик, автор статьи «Преступность и жилищный вопрос в Москве» (Семинарий по уголовному праву прив.-доц. М.Н. Гернета, 1909, вып. 20) — 518

Вуд (Wood) Джордж Генри (1874–1945), английский экономист и статистик, ученик и последователь А. Боули — 538
– Real Wages and the Standard of Comfort since 1850 [Реальная заработная плата и уровень жизни с 1850] // Journal of the Royal Statistic Society. 1909, vol. 70, March — 538

Вырубова Анна Александровна (урожд. Танеева; 1884–1964), с 1904 г. – фрейлина царского двора, любимая фрейлина последней царицы; была проводником влияния Г. Распутина, в декабре 1920 г. эмигрировала из России — 578
– *Танеева А. (Вырубова)*. Страницы из моей жизни. Берлин; М., 1923 — 578

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954), советский государственный и партийный деятель, дипломат, юрист, один из организаторов сталинских репрессий — 242

Вяземский Н.В. Изменения организма в период формирования (возрасты от 10 до 20 лет). СПб., 1901, т. I — 414

Г

Гальтон (Galton) Фрэнсис (1822–1911), английский психолог и антрополог — 274, 412, 582–583
– Hereditary Genius [Наследственная гениальность]. 1892 — 582

Гамильтон (Hamilton) Джеймс (1606–1649), герцог, шотландский роялист — 418

Гаммедж (Gammage) Роберт Джордж (1815–1888), деятель английского рабочего движения, автор первой крупной работы о чартизме — 538
– История чартизма. СПб., 1907 — 538

Ганнибал (247–181 до н.э.), карфагенский полководец — 417

Гардинер (Gardiner) Сэмюэль (1829–1902), английский историк — 297–298, 314, 339–340, 354, 392, 399, 453, 463, 469, 472–473
– History of the Great Civil War [История Великой гражданской войны]. New York, 1886–1891, vol. 1–2 — 297, 314

– History of the Commonwealth and Protectorate [История республики и протектората]. London, 1903, vol. I–II, IV — 297–298, 314, 339, 354, 399, 453, 463, 469, 472
– Oliver Cromwell [Оливер Кромвель]. London, 1899 — 297

Гарнье-Пажес (Garnier-Pages) Луи Антуан (1803–1878), французский политический деятель, умеренный республиканец, участник революции 1830 и 1848 гг., с 5 марта 1848 г. – министр финансов, автор мемуарной книги «История революции 1848 года» (СПб., 1862–1864, т. 1–2) — 481

Гарсон (Garson) Эмиль (1851–1922), французский юрист, профессор университетов в Лилле и Париже, автор работ по уголовному праву — 379

Гартман (Hartmann) Эдуард фон (1842–1906), немецкий философ, автор книги «Философия бессознательного» (1869) — 275, 641

Гастев Алексей Капитонович (1882–1941), участник революционного движения в России, поэт, один из зачинателей научной организации труда (НОТ) в Советской России — 448

Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ, представитель немецкой классической философии — 185
– Феноменология духа (1807) — 185

Геккер (Hecker) Фридрих Франц Карл (1811–1881), немецкий демократ, один из руководителей республиканского восстания в Бадене в апреле 1848 г.; после поражения восстания эмигрировал в Швейцарию, а затем в США, где принимал участие в Гражданской войне 1861–1865 гг. на стороне северных штатов — 456

Гельд (Geld) Фридрих-Вильгельм (1813–1872), немецкий демократ, отставной прусский офицер, издававший журнал «Локомотив», пользовавшийся исключительной популярностью среди широких слоев берлинского населения в первые недели революции 1848 г.; до 5 мая 1849 г. был главой прусского кабинета — 462

Гемпден (Hampden) Джон Георг (1594–1643), английский юрист и политик, деятель Английской буржуазной революции — 418, 564

Гендерсон (Henderson) Артур (1863–1935), английский политический деятель — 78

Генрих III (1551–1589), король Франции с 1574 г., последний из династии Валуа — 542

Генрих IV (1553–1610), французский король с 1594 г., первый из династии Бурбонов — 543–544

Генрих Лозанский (Henri de Lausanne; ум. 1148), французский еретик, воспитанник клюнийского монастыря; проповедовал в южной Франции в одеянии кающегося грешника против злоупотреблений церкви, за что подвергся преследованиям; его приверженцы носили имя генрикианцев — 497, 534

Гернет Михаил Николаевич (1874–1953), русский юрист, специалист в области уголовного и исправительно-трудового права — 361, 379, 518–519
– Смертная казнь. М., 1913 — 361, 379
– Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1916 — 518

Гиддингс (Giddings) Франклин Генри (1855–1931), американский социолог, президент Американского социологического общества (1908) — 275, 390
– Основания социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации. М., 1898 — 275, 390

Гизетти Лев Антонович (1899–1921), командир взвода 3-го минно-подрывного дивизиона, арестован по «Таганцевскому делу» и в ночь на 26 августа расстрелян — 215

Гизетти Софья Васильевна (1892–1921), статист 2-го разряда сельхозсекции губернского статистического отдела, жена Л.А. Гизетти, расстреляна вместе с ним в ночь на 26 августа 1921 г. — 215

Гизо (Guisot) Франсуа Пьер Гийом (1787–1874), французский государственный деятель, историк — 297–298, 314, 325, 339–340, 354, 373–375, 399, 433, 443, 453, 463, 469, 472–473, 482, 572, 576

– История английской революции. СПб., 1886, т. I-III — 297–298

Гиммер – см. Суханов

Гиппарх, сын древнегреческого тирана Писистрата, младший брат Гиппия, убитый в 514 г. до н.э. Гармодием и Аристогитоном — 417

Гиппий (565/560–490 до н.э.), сын афинского тирана Писистрата, который после смерти отца стал правителем Афин и продолжал его дело — 417

Гиппиус Зинаида Николаевна (1867–1945), русская поэтесса и писательница, жена Д.С. Мережковского — 349

Гирса (Girsa) Вацлав (1875–1954), чешский дипломат, в 1921–1927 гг. – заместитель министра иностранных дел Э. Бенеша, в 1927–1935 гг. посол Чехословакии в Польше, в 1935–1938 гг. – посол в Югославии — 261

Гитлер (Hitler) Адольф (1889–1945), глава германского фашистского государства (1933–1945) — 241, 254

Глазунов Александр Константинович (1865–1936), русский композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель, с 1928 г. в эмиграции — 240

Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874–1956), советский композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель — 239

Гоббс (Hobbes) Томас (1588–1679), английский философ и социальный мыслитель, заложивший основы органической социологии и теории общественного договора — 490, 499, 587

– Левиафан (1651) — 499

Гойхбарг Александр Григорьевич (1883–1962), юрист, руководил работами по составлению Гражданского кодекса РСФСР — 345

– Еще о браках и разводах // Пролетарская революция и право. 1918, № 5–6, 1919, № 12–14 (подп.: А.Г.) — 345

Гонкур (Goncourt), братья Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870), французские писатели — 351

– Дневник братьев Гонкур. СПб., 1898 — 351

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), русский государственный деятель, в 1895–1899 гг. – министр иностранных дел, в 1906 и 1914–1916 гг. – председатель Совета министров — 578

Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941), литературный критик, многолетний сотрудник «Русского богатства», автор многих статей «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» об иностранных и русских писателях, издатель собрания сочинений С.Т. Аксакова — 303

– Новые слова и словечки. Пг., 1922 — 303

Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1867), русский советский поэт, в молодости близкий к символистам — 349
– Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические. СПб., 1907 — 349

Горовиц (Horowitz) Владимир Самойлович (1903–1989), американский пианист еврейского происхождения, эмигрировавший в США из Советского Союза; один из величайших пианистов XX в. — 240

Горовой-Шалтан Владимир Антонович (1896–1951), врач из клиники душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии — 415
– К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922, № 2 — 415

Горький Максим (псевдоним Алексея Максимовича Пешкова) (1868–1936), русский советский писатель и общественный деятель — 64, 191, 196, 198, 217, 240, 360, 599, 607
– О русском крестьянстве. Берлин, 1922 — 360

Гоц Абрам Рафаилович (1882–1940), участник революционного движения в России, активный член боевой организации партии эсеров, брат эсера Михаила Рафаиловича Гоца (1866–1906) — 73, 75, 81–82, 88, 413

Гракхи, братья: 1) Тиберий (Tiberius Gracchus) (162–133 до н.э.), римский народный трибун до 133 г.; 2) Гай Семпроний (Gaisus Gracchus) (153–121 до н.э.), римский народный трибун в 123 и 122 гг. до н. э. — 295, 313, 324, 336, 355–356, 370, 375, 399, 407, 416, 431–443, 468, 529–530, 576, 638

Гревс Иван Михайлович (1868–1941), русский историк, профессор Бестужевских курсов (1892–1918) и Петербургского (Ленинградского) университета (1899–1941) — 212

Грегуар (Gregoire) Анри (1750–1831), французский политический деятель, аббат, конституционный епископ, депутат Конвента — 494

Грегуар (Gregoire) Луи (1819–1897), французский историк — 300–301, 316, 326–327, 351, 398, 451, 475, 481, 489, 509, 561
– История Франции в XIX веке. М., 1896–1897, т. 3–4 — 300, 316

Гредескул Николай Андреевич (1864–1941), юрист и публицист, член ЦК партии кадетов, после революции преподавал в вузах Ленинграда — 198, 456

Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956), русский композитор, в 1925 г. вместе со своей второй семьей эмигрировал в Европу, более 10 лет прожил в Париже, а с началом войны, в 1939 г., переехал в Нью-Йорк — 240

Грин (Green) Джон Ричард (1837–1883), английский историк-позитивист — 296, 534–535
– Краткая история английского народа. СПб., 1897, вып. 1 — 296, 534–535

Гронский Павел Павлович (1883–1937), русский юрист, общественный деятель и политик, активный участник Февральской революции, с 1920 г. в эмиграции — 64

Грузенберг Оскар Осипович (1866–1840), российский юрист и общественный деятель, член партии кадетов, с 1920 г. в эмиграции — 57

Гуго (наст. фамилия Линдеман) Карл, немецкий социалист — 542
– Социализм во Франции в XVII–XVIII вв. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. II — 542

Гуковский Александр Исаевич (1865–1925), публицист, присяжный поверенный, эсер, один из организаторов газет «Дело народа» и «Воля народа», 2 января 1918 г. был арестован в редакции «Воли народа» вместе с другими членами редколлегии (освобожден в феврале 1918 г.); в августе 1918 г. – член правительства Северной области во главе с Н.В. Чайковским; осенью 1919 г. эмигрировал во Францию; покончил жизнь самоубийством 17 января 1925 г. в Париже — 69, 75, 119

Гумилев Николай Степанович (1886–1921), русский поэт, расстрелянный по «Таганцевскому делу» — 215–216, 240

Гуревич С. Движение преступности против собственности в Нижегородской губернии в 1891–1904 гг. в связи с экономическим положением губернии // Семинарий по уголовному праву М.Н. Гернета, М., 1908, вып. 1; Право, 1909, № 1 — 519

Гус (Hus) Ян (1371–1415), национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации; на церковном соборе в Констанце был осужден как еретик и сожжен на костре – 418, 432, 497, 565, 573

Гучков Александр Иванович (1862–1936), русский промышленник и политический деятель, октябрист, председатель III Государственной думы — 64, 308, 444

Гюадэ (Guadet) Маргерит Эли (1755–1794), деятель Великой французской революции, член Конвента — 418

Гюго (Hugo) Виктор Мари (1802–1885), французский поэт и писатель — 326

Гюйо (Guyau) Жан-Мари (1854–1888), французский философ-позитивист, сторонник утилитаризма — 132

Д

Даблдей (Doubleday) Томас (1790–1870), английский экономист и публицист, противник мальтузианства — 582

– The True Law of Population [Истинный закон народонаселения]. 1853 — 582

Д'Авенель (d'Avenel) Жорж (1855–1939), французский историк, исследователь истории Франции XVII века — 540–545

– La fortune privée à travers sept siècles. Paris, 1895 [Частное имущество на протяжении семи веков] — 540, 543–544

– Paysans et ouvriers [Крестьяне и рабочие]. Paris, 1899 — 540–545

Дайси (Dicey) Альберт Венн (1835–1922), английский юрист, теоретик права — 538

– Law and Public Opinion in England [Право и общественное мнение]. 1908 — 538

Далин (наст. фамилия Левин) Давид Юльевич (1889–1962), общественно-политический деятель, социолог, публицист, историк революционного движения, мемуарист; меньшевик, доктор политической экономии; в 1910–1917 гг. жил за границей, в марте 1917 г. вернулся, в 1921 г. был выслан; после этого жил сначала в Берлине, с 1939 г. – в Париже, с 1940 г. – в Нью-Йорке — 336

– После войн и революций. Берлин, 1922 — 336

Дан Федор Ильич (настоящая фамилия Гурвич; 1871–1947), российский революционер и политический деятель, один из лидеров и теоретиков меньшевизма; после Февральской революции – член исполкома Петроградского совета и Президиума ЦИК 1-го созыва;

после Октябрьской революции работал врачом в системе Наркомздрава; в 1922 г. выслан за границу — 73, 81–82, 88–89

Данилевский Василий Яковлевич (1852–1939), русский физиолог, ответственный редактор «Врачебного дела», профессор Харьковского университета (1883–1909, 1917–1921), академик АН УССР (1926) — 415

– Об изменении функциональных свойств нервного волокна под влиянием стрихнина, лецитина, алкоголя и других веществ (в соавторстве с Я.И. Периханянцем) // Врачебное дело. Киев, 1920, № 7–8, 15 мая; 1921, № 21–26, 1 февраля — 415

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), русский социолог, публицист, идеолог панславизма — 243

Данте Алигьери (Dante) (1265-1321), итальянский поэт, философ, политический деятель — 156, 410, 534

Дантон (Danton) Жорж Жак (1759–1794), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев — 315, 374, 384, 418, 456

Дарвин (Darwin) Леонард (1850–1943), четвертый сын Ч. Дарвина, президент Королевского геологического общества (1908) — 409

– On the Statistical Inquiries Needed after the War in Connection with Eugenics [О необходимости проведения статистических исследований после войны в связи с евгеникой] // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, March — 409

Дармолатова Вера Дмитриевна (?–1919), дочь М.Н. Дармолатовой, покончившая с собой — 176, 185

Дармолатова Мария Николаевна (ум. 1942), жена бывшего коллежского советника и банковского служащего Дмитрия Ивановича Дармолатова, домохозяйка, в квартире которой в Петрограде в 1919 г. жил П.А. Сорокин с женой — 174, 176, 179, 228

Дармолатова Надежда (?–1922), дочь М.Н. Дармолатовой, сестра-близнец В.Д. Дармолатовой, жена Евгения Осиповича Мандельштама, младшего брата поэта; умерла во время родов — 228

Двужильный Петр Юрьевич, студент, бывший офицер, организатор восстания в городе Великий Устюг; расстрелян по приговору Северо-Двинской ЧК 1 сентября 1918 г. — 142, 146

Деборин (наст. фамилия Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963), советский философ — 242

Делеклюз (Delescluze) Луи Шарль (1809–1871), французский революционер, журналист, активный участник революции 1848 г. и противник бонапартистского режима; в 1871 г. избран членом Парижской коммуны, погиб на баррикадах в Париже в дни последних боев с версальцами — 301

Дело народа, ежедневная политическая и литературная газета, центральный орган партии эсеров, издавалась в Петрограде с 15 (28) марта 1917 г. под ред. В.В. Сухомлина; закрыта советским правительством 14 (27) января 1918 г. — 69, 75

Де Лоне (de Launay) Бернар Жордан (1740–1789), последний комендант Бастилии, согласившийся сдать ее восставшему народу и растерзанный толпой — 360, 365, 384

Де Местр (De Maistre) Жозеф Мари (1753–1821), французский политический деятель и философ — 410, 489, 499

Демидов, Никита Демидович Антуфьев (1656–1725), тульский кузнец, выдвинувшийся при Петре I и получивший огромные земли на Урале для строительства металлургических заводов — 554

Демулен (Desmoulins) Камилл (1760–1794), деятель Великой французской революции, адвокат; накануне восстания 14 июля 1789 г. призывал народ к вооруженной борьбе с монархией; гильотинирован по решению революционного трибунала — 315, 418, 547

Дени (Denis) Эрнест (1849–1921), французский историк, автор работ по чешской истории — 297, 314, 324, 338–339, 355, 362, 364–365, 373, 388, 392, 408, 418, 432, 453, 464, 469, 473, 483, 511, 562, 564, 572

– Huss et la querre des Hussits. Paris, 1878 — 297, 314, 355

Деникин Антон Иванович (1872–1947), с осени 1918 г. до начала апреля 1920 г. – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и зам. верховного правителя России адмирала А.В. Колчака — 309–310, 412, 562

– Очерки русской смуты. Париж, 1921, т. 1, вып. 1–2 — 310, 412

Дерби (Derby) Джеймс Стэнли (1607–1651), граф, английский военный деятель — 418

Державин Николай Севастьянович (1877–1953), советский филолог-славист и историк, академик АН СССР (1931); с 1917 г. – профессор, а в 1922–1925 гг. – ректор Петроградского университета, с 1947 г. до конца жизни – директор ленинградского отделения Института славяноведения АН СССР — 244

Дерінг (Döring). Великая война и естественное движение населения // Вестник статистики. 1920, № 5–8 — 409

Дерябин Викторин Сергеевич (1875–1955), физиолог и психиатр, ученик и продолжатель дела И.П. Павлова — 198, 282

Джефсон (Jephson) Генри (1845–1914), английский историк — 538

– Платформа, ее возникновение и развитие. История публичных митингов в Англии. СПб., 1901, т. II — 538

Джордан (Jourdan) Дэвид Старр (1851–1931), американский биолог, ихтиолог и издатель — 409

– La moisson humaine. Essay sur la décadanse des races [Человеческая жатва. Эссе об упадке рас] // Revue internationale de sociologie. 1911 — 409

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), советский государственный и партийный деятель, в 1917–1920 гг. – председатель ВЧК — 334, 366, 373, 456

Дни [Газета, выходившая в Берлине с 29 октября 1922 г. по 28 июня 1925 г. (№ 1–801), а затем в Париже с 16 сентября 1925 г. по 30 июня 1928 г. (№ 802–1465) под ред. А. Милашевского, с № 85 – М.М. Тер-Погасяна; в политике занимала правоэсеровские позиции] — 233, 491

1922. № 17, 17 ноября, пятница [Бернштейн Э. 7 ноября 1917 – 9 ноября 1918] — 265
1923. № 89, 14 февраля, среда [Без точки опоры (Письмо из Петербурга)] — 346
№ 103, 2 марта, пятница [Русская хроника: Туберкулез и сифилис] — 415
№ 117, 18 марта, воскресенье [Пытки] — 360, 369
№ 166, 19 мая, суббота [Смертность и рождаемость на Украине] — 404
№ 175, 31 мая, четверг — 325
№ 185, 12 июня, вторник — 366, 415

№ 186, 13 июня, среда — 348
№ 188–189, 15–16 июня, пятница-суббота — 360
№ 192, 20 июня, среда — 450
№ 193, 21 июня, четверг — 348, 415
№ 194, 22 июня, пятница — 348, 369
№ 202, 1 июня, воскресенье — 347
№ 205, 5 июня, четверг — 480
№ 210, 11 июля, среда — 364, 505
№ 243, 21 августа, вторник — 449, 461
№ 245, 23 августа, четверг — 437
№ 248, 26 августа, воскресенье — 437
№ 250, 29 августа, среда — 494

Догель Александр Станиславович (1852–1922), выдающийся русский гистолог и цитолог, профессор С.-Петербургского университета — 413

Докучаев Василий Васильевич (1846–1903), русский геолог и почвовед, основоположник национальной школы почвоведения и географии почв; создал учение о почве как об особом природном теле, открыл основные закономерности генезиса и географического расположения почв — 245

Долабелла Публий Корнелий (ок. 69–43 до н.э.), древнеримский политический деятель, зять Цицерона; будучи народным трибуном, неудачно пытался провести закон о кассации долгов — 529

Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927), князь, один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии; во время гражданской войны – организатор движения в поддержку Добровольческой армии, осенью 1920 г. эвакуирован в Константинополь; в 1926 г. нелегально перешел границу СССР, был задержан и впоследствии расстрелян — 122

Достовалов Евгений Исаакович (1882–1938), генерал-лейтенант Генштаба, участник русско-японской и Первой мировой войн, с 1918 г. в Добровольческой армии, в мае 1919 г. – генерал-майор и начальник штаба 1-го армейского корпуса (Добровольческого) при генерале Кутепове; после эвакуации армии генерала Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. оказался в Греции, в 1922 г. вернулся в Советскую Россию, где в 1938 г. был расстрелян — 428

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель — 242, 243

Друз, Марк Ливий Друз (ок. 124–91 до н.э.), римский политический деятель, народный трибун, автор ряда демократических реформ, убитый политическими противниками — 416, 468, 530

Друманн (Drumann) Карл Вильгельм Август (1786–1861), немецкий историк и археолог — 527, 529
– Die Arbeiter und Communisten in Griecheland und Rom [Рабочие и коммунисты в Греции и Риме]. Königsberg, 1860 — 527

Дурново Петр Павлович (1835–1919), русский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии, управляющий Департаментом уделов (1882–1884), харьковский (1866–1870) и московский (1872–1878) губернатор, в 1905 г. – московский генерал-губернатор, член Государственного Совета; владелец дачи Дурново на Полюстровской набережной в Петрограде и старинного особняка на Английской набережной — 77, 79, 85

Духонин Николай Николаевич (1876–1917), русский военный деятель, генерал-лейтенант; с сентября 1917 г. – начальник штаба при верховном главнокомандующем А.Ф. Керенском, после Октябрьской революции – верховный главнокомандующий, в связи с невыполнением приказа СНК о вступлении в мирные переговоры с австро-германским командованием смещен с должности и арестован; убит на вокзале толпой солдат и матросов, узнавших об освобождении им из тюрьмы руководителей корниловщины (генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и др.) — 111, 413

Дьяков, профессор, лицо неустановленное — 186, 619

Дьяконов, сокамерник П.А. Сорокина в тюрьме Великого Устюга (1918) — 160

Дюма (Dumas) Александр (1802–1870), французский писатель, драматург и журналист — 123

Дюмурье (Dumouriez) Шарль Франсуа (1739–1823), французский генерал, воевавший сначала на стороне революционного правительства, но вскоре ему изменивший и сдавшийся под покровительство австрийцев — 455–456

Дюркгейм (Durkheim) Эмиль (1858–1917), французский социолог и философ, основатель французской социологической школы — 376, 391

– Les formes élémentaires de la vie religieuse [Элементарные формы религиозной жизни]. Paris, 1912 — 376, 391

Дюруи (Duruy) Виктор (1811–1894), французский историк и политический деятель, в 1863–1869 гг. – министр образования, с 1869 г. – сенатор; автор трудов по истории Древней Греции, Древнего Рима и Франции, член Французской академии — 296, 324, 338, 408, 432, 529, 531

– Histoire des Romains. Depuis les temps les plus recules jusqu'à la fin du regne des Antonins [История римлян с древнейших времен до конца правления Антонинов]. Paris, 1870–1885, vol. I–VII — 296, 529, 531

Е

Евангелие — 271, 496

Екатерина II Великая (1729–1796), российская императрица с 1762 г. — 190, 554

Елизавета I (Elizabeth; 1533–1603), английская королева — 536, 576

Елистратов Аркадий Иванович (1872–1955), русский советский правовед и социолог, автор книги «Борьба с проституцией в Европе» (Казань, 1909) — 456

Ерманский (настоящая фамилия Коган) Осип Аркадьевич (1867–1941), российский политический деятель (социал-демократ), теоретик в области рационализации производства и организации труда, публицист и мемуарист; в 1921 г. вышел из РСДРП, стал профессором экономики Первого МГУ, сосредоточился исключительно на исследованиях в области рационализации и научной организации труда; в последующие годы неоднократно подвергался арестам, последний раз – в 1940 г., умер в исправительно-трудовом лагере — 58

Ермолов Алексей Сергеевич (1846–1917), государственный деятель России, ученый-аграрник, в 1892–1905 гг. возглавлял Министерство государственных имуществ — 554
– Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909, т. I — 554

Есенин Сергей Александрович (1895–1925), русский поэт — 240

Ефремов Иван Николаевич (1866–1945; по некоторым данным 1933), российский политический деятель, член Государственной думы I, III и IV созывов, министр юстиции, затем министр государственного призрения Временного правительства; осенью 1917 г. был назначен посланником России в Швейцарии, после прихода к власти большевиков остался за границей — 64

Ж

Жаглар (Juglar) Клемент (1819–1905), французский врач и статистик, в 1860 г. первым выдвинувший идею о существовании экономических циклов — 398

Жане (Janet) Пьер (1859–1947), французский психолог и психопатолог — 274

Жерар (Gerhardt) Шарль Фредерик (1816–1856), французский химик, способствовавший введению в химию закона Авогадро — 264

Жижиленко Александр Александрович (1873–193?), русский правовед, специалист в области уголовного права, профессор Петербургского университета — 518
– Преступность и ее факторы. Пг., 1922 — 518

Жижка (Žižka) Ян (ок. 1360–1424), деятель гуситского революционного движения, полководец, один из основателей и гетманов Табора (с 1420 г. – первый гетман таборитов), после размежевания между правыми и левыми таборитами в 1422 г. возглавил силы левого таборитского крыла и основал Малый Табор; умер от чумы во время осады города Пршибислава — 266, 297, 314, 362, 399, 418, 432, 455–456, 464, 471, 473, 488

Жорес (Jaurès) Жан (1859–1914), французский историк, видный деятель международного социалистического движения, убитый накануне Первой мировой войны французским шовинистом Р. Вилленом — 299–300, 316, 341
– История Великой французской революции. М., 1920–1923, т. 1–3 — 299

З

За пять лет. 1917–1922. Сборник ЦК РКП. М., 1922 — 430

Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), русский писатель, драматург, автор исторических романов — 143

Зайцев Борис Константинович (1881–1972), русский писатель; во время революции и последующей гражданской войны были убиты его племянник и пасынок, а сам он был арестован за активное участие в Помголе, затем едва не умер от сыпного тифа; в июне 1922 г. вместе с семьей переехал в Берлин, затем в Италию, а в декабре 1922 г. – в Париж, где прожил около полувека — 240

Законы Ману. СПб., 1913 — 286, 343

Законы Хаммурапи, вавилонского царя. М., 1914 — 343

Замятин Евгений Иванович (1884–1937), русский писатель, критик и публицист; во время Гражданской войны, оставаясь убежденным социалистом, критиковал политику большевистского правительства; в 1929 г. заявил о выходе из Союза писателей, а в июне 1931 г. написал письмо И.В. Сталину с просьбой разрешить ему выезд за границу; по ходатайству Горького получил положительный ответ и в ноябре 1931 г. уехал сначала в Ригу, затем в Берлин, откуда в феврале 1932 г. – в Париж — 228, 240

Заславский Давид Иосифович (1880–1965), российский публицист, литературовед, литературный критик, журналист; социал-демократический, бундовский и коммунистический деятель, участвовал в травле О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака и многих других инакомыслящих — 240

Зворыкин Владимир Козьмич (1888–1982), русско-американский инженер, родившийся и получивший образование в России и впоследствии эмигрировавший в США, один из изобретателей современного телевидения — 245

Зеек (Seeck) Отто (1850–1921), немецкий историк античности, профессор, умер в Риге — 338, 408, 417, 432
– Geschichte des Unterganges der antiken Welt [История гибели античного мира]. Bd. I — 417

Зеленый (Seliony) Георгий Петрович (1878–1951), русский биолог, ученик И.П. Павлова, доктор медицины — 282

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953), российский политический деятель, член ЦК партии эсеров, в ноябре 1917 г. избран депутатом Учредительного собрания; на уфимском государственном совещании избран членом Всероссийского временного правительства; после прихода к власти адмирала А.В. Колчака выслан в Китай, в январе 1919 г. через Японию прибыл в Париж, где занимался литературно-журналистской и политической деятельностью — 75, 85

Зепалов Петр Николаевич (1892–1918), ученый криминолог, социолог, криминальный статист, близкий друг П.А. Сорокина; кандидат в Учредительное собрание по списку социал-демократов Вологодской губернии, до октябрьского переворота 1917 г. был комиссаром губернской юстиции в Великом Устюге; как участник сопротивления большевистской диктатуре оказался в застенках Губернской Северо-Двинской ЧК в Великом Устюге, где и был расстрелян 4 ноября 1918 г.; П.А. Сорокин посвятил ему одно из своих стихотворений и наряду с М.М. Ковалевским и Е.В. Де-Роберти свою книгу «Система социологии» — 137–138, 163, 170

Зиновьев (наст. фамилия Апфельбаум) Григорий Евсеевич (1883–1937), советский государственный и партийный деятель — 75, 80, 88, 90, 92, 175, 183, 190, 205, 207, 212, 214, 225, 229–230, 241, 334, 368, 374, 427, 456, 460, 604, 609

Зомбарт (Sombart) Вернер (1863–1941), немецкий экономист, социолог и историк — 263
– Soziologie. Berlin, 1923 (рус. перевод: Социология. Хрестоматия. М., 1926) — 263

Зоммерлад (Sommerlad) Теодор (1869–1940), немецкий экономист и историк — 536, 544
– Zur Geschichte der Preise im Mittelalter und im 16 Jahrh [К истории цен в Средние века и XVI столетии] // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Hrsg. von dr. J. Conard u. a. Jena, 1910, Bd. VI — 536, 544

Зубашев Ефим Лукьянович (1860–1928), русский химик-технолог, общественный и государственный деятель; в конце 1917 г. был выдвинут кандидатом в члены Учредительного собрания по Алтайскому избирательному округу от партии народной свободы; в 1920–1922 гг. – профессор кафедры химии и технологии углеводов в Петроградском технологическом институте; в 1922 г. был выслан из Советской России, работал профессором Русского научного института в Берлине (1923–1924), с 1925 г. – профессор Русского народного университета, с 1927 г. – профессор Русского юридического факультета в Праге — 228

И

Иванов Николай Иудович (1851–1919), русский военный деятель, генерал от артиллерии, в годы Первой мировой войны – главнокомандующий Юго-Западным фронтом; в самом начале Февральской революции был назначен командующим Петроградским военным округом и направил войска в Петроград для подавления восстания; 2 марта 1918 г. генерал Рузский от имени Николая II известил его телеграммой о том, что он снят с должности командующего Петроградским военным округом, ему было приказано вернуть на фронт те части, которые были направлены в Петроград, и 3 марта генерал Иванов отправился назад в Могилев; после октябрьского переворота присоединился к Белому движению, умер от тифа 27 января 1919 г. в Одессе — 64

Иванов-Разумник (наст. фамилия: Иванов) Разумник Васильевич (1878–1946), русский писатель, литературный критик, публицист, историк — 69

Иванов-Смоленский Анатолий Георгиевич (1895–1982), русский психиатр, патофизиолог, ученик В.М. Бехтерева и И.П. Павлова, в лаборатории которого работал в 1921–1924 гг. — 280

– Условные рефлексы в психиатрии // Журнал психиатрии и неврологии. 1922, № 1 — 280

Игнатович Инна Ивановна (1879–1967), русский советский историк — 554

– Крестьянские волнения // Великая реформа [19 февраля 1861 – 1911]. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. М., 1911, т. III, с. 41–65 — 554

Иегова (Яхве), имя Бога в Ветхом Завете, которое он дал сам себе: «Я есмь Сущий [Иегова]» (Исх. 3, 14) — 495

Иероним Пражский (ок. 1380–1416), чешский реформатор, друг и сподвижник Яна Гуса, осужденный как еретик и погибший на костре — 573

Известия — 65, 336, 348, 448, 506, 591
20 октября 1921 — 332
29 января 1922 — 367
12 февраля 1922 — 373, 415
5 ноября 1922 (№ 214) — 404
26 декабря 1922 (№ 293) — 492–493
21 августа 1923 (№ 186) — 414, 478
22 августа 1924 — 594

Изида (Исида), богиня древнеегипетской религии, супруга Осириса и мать Гора — 495

Иисус Христос — 365, 391–392, 565, 612

Ильин Иван Александрович (1883–1954), русский философ, литературный критик и публицист — 491

Илья Муромец, один из главных героев-богатырей русского былинного эпоса — 430

Инама-Штернегг (Inama-Sternegg) Карл Теодор фон (1843–1908), немецко-австрийский историк-экономист и статистик — 550

Иностранцев Александр Александрович (1843–1919), русский геолог, член-корреспондент Петербургской Академии Наук, покончил с собой вместе с женой — 185, 413, 602, 619

Иоанн Безземельный (1167–1216), английский король с 1199 г. из династии Плантагенетов; в отличие от старших братьев, не получил владений во Франции, чем и объясняется его прозвище — 576

Иоанн II Добрый (1319–1364), французский король с 1350 г. из династии Валуа, правивший в период Столетней войны; в битве при Пуатье (1356) потерпел поражение и попал в плен, в 1360 г. вернулся в Париж, однако ввиду неуплаты выкупа полностью и бегства из Англии сына-заложника возвратился в 1364 г. в Лондон, где вскоре умер — 540, 560, 576

Иоанн Лейденский (Jan van Leiden) (1509–1536), голландский анабаптист, вождь Мюнстерской коммуны (1534–1535) — 339, 355, 468, 471

Иордан (Jordanes), готский историк VI в. — 531
– De Gothorum origine et rebus gestis [О происхождении и деяниях готов] — 531

Иордан (Jordan) Вильгельм (1782–1861), немецкий юрист и политический деятель, либерал, участник революции 1848 г., депутат Франкфуртского национального собрания — 462

Иорданский Николай Иванович (1876–1928), журналист, публицист и общественный деятель, член РСДРП (меньшевик), в 1921 г. редактировал советскую газету «Путь», издававшуюся в Гельсингфорсе, в 1922 г. вступил в ВКП(б), в 1923–1924 гг. был советским полпредом в Италии — 456

Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952), русско-американский химик, генерал-лейтенант, доктор химических наук, профессор, академик С.-Петербургской Академии наук; с 1930 г. стал «невозвращенцем», в декабре 1936 г. исключен из членов Академии наук СССР, в январе 1937 г. лишен гражданства СССР, после чего уехал в США — 245

Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (1859–1935), русский композитор и дирижер — 239

Ипувер (Ipuwer), предполагаемый автор древнеегипетского трактата «Речения Ипувера», сохранившегося в копии времени Нового царства (примерно XIV–XIII вв. до н.э.) — 295, 312, 323, 336, 356, 362, 375, 389, 400, 407, 416, 431, 484, 525, 576, 643

Истории дипломатии, многотомный труд советских историков, вышедший под редакцией В.П. Потемкина в 1941–1945 гг. (в 3 томах); второе переработанное и дополненное 5-томное издание выпущено в 1959–1979 гг. — 244

Итоги партийной работы (Издание Российской Коммунистической партии). М., 1923 — 500

Й

Йоханссен (Johannsen) Вильгельм-Людвиг (1857–1927), датский ботаник и генетик — 274

К

К. – см. Кондратьев Н.Д.

Кабалевский Дмитрий Борисович (1904–1987), советский композитор, дирижер, пианист и педагог — 240

Кабанес (Cabanés) Огюстен (1862–1928), французский врач и историк — 298–299, 349, 353–354, 367–368, 375, 377, 389–390, 396, 642
– *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. СПб., 1906 — 298, 349, 353–354

Кабош (от *фр*. caboch – «башка»), прозвище Симона Лекутелье, живодера по профессии, который возглавил народное восстание в Париже в 1413 г. — 471

Кабэ (Кабе) Этьен (1788–1856), французский публицист, выдвинувший идею коммунистического переустройства общества — 497

Кавеньяк (Cavaignac) Луи Эжен (1802–1857), французский государственный деятель, генерал, руководивший подавлением Июньского восстания 1848 г. в Париже — 291, 300, 316–317, 326, 380, 456, 587

Казер (Kaser) Курт (1870–1931), немецкий историк, профессор в Граце — 324, 550
– Politische und soziale Bewegungen im deutschen Burgertum zu Beginn des 16 Jahrhunderus [Политические и социальные движения в немецких городах в начале XVI века]. Stuttgart, 1899 — 324

Кактынь (Кактиньш) Артур Мартынович (1893–1937), советский государственный и партийный деятель, по национальности латыш, большевик с 1916 г., с 1919 г. – председатель ЦСНХ Туркестанской республики, с 1920 г. – зам. председателя Украинского СНХ, в 1922–1925 гг. – зам. отв. ред. «Экономической жизни» — 321, 448
– Хозяйственное состояние России (Краткий обзор хозяйственной деятельности Советской России за пять лет) // Экономическое строительство. 1923, № 2, февраль, с. 24–42 — 321

Камбасерес (Cambacérès) Жан Жак, герцог де (1753–1824), французский юрист и государственный деятель, комиссар Конвента — 456

Каменев (наст. фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936), советский государственный и партийный деятель, один из видных соратников В.И. Ленина, в 1919–1926 гг. – член Политбюро — 82, 334

Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936), советский военный деятель, командарм 1-го ранга, во время Первой мировой войны занимал штабные должности, в 1918 г. добровольно вступил в Красную армию — 456

Каменский Анатолий Павлович (1876–1941), писатель-декадент, автор многочисленных сборников рассказов — 349

Каминка Август Исаакович (1865–1941?), российский юрист, общественный и политический деятель, публицист и издатель, один из организаторов и лидеров партии кадетов; в 1918 г. эмигрировал в Финляндию, с 1920 г. жил в Берлине, где был соучредителем издательства «Слово» и одним из основателей и руководителей газеты «Руль» (1920–1931); в последние годы жил в Риге, где после захвата города немецкими войсками в июле 1941 г., началось массовое истребление евреев; скорее всего, А.И. Каминка погиб в результате уничтожения населения Рижского гетто осенью 1941 г. — 170

Камков (наст. фамилия Кац) Борис Давидович (1885–1938), лидер партии эсеров, один из создателей партии левых эсеров; в советское время неоднократно подвергался арестам, тюремным заключениям и ссылкам; в последний раз был арестован в феврале 1937 г., в марте 1938 г. выступал свидетелем на процессе «Правотроцкистского антисоветского блока»; 29 августа 1938 г. Тройкой НКВД приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян на Бутовском полигоне — 88

Кан (Kahn) Отто Герман (1867–1934), американский банкир, сыгравший большую роль в реорганизации железнодорожной системы США, филантроп, коллекционер картин и бронзовых скульптур — 486

– Reflections of a financier [Размышления финансиста.]. London, 1922 — 486

Кант (Kant) Иммануил (1724–1804), немецкий философ, родоначальник немецкого классического идеализма — 274

– Критика практического разума (1788) — 274

Капетинги (Capetingi), династия французских королей (в 987–1328 гг.), основанная Гуго Капетом — 577, 583

Капица Петр Леонидович (1894–1984), советский физик, лауреат Нобелевской премии (1978); до 1934 г. с семьей жил в Англии и регулярно приезжал в СССР, в 1934 г. после очередного приезда на родину был лишен права выезда за границу, а виза его была аннулирована; английская пресса, комментируя случившееся, писала о том, что профессора Капицу принудительно задержали в СССР — 245

Капков, бывший комиссар, бывший служащий Северо-западной транспортной компании, сокамерник П.А. Сорокина в тюрьме Великого Устюга (1918) — 168

Капп (Kapp) Фридрих (1824–1884), немецкий политический деятель и литератор, участник революции 1848 г. — 462

Капустин Михаил Яковлевич (1847–1920), племянник Д.И. Менделеева, профессор гигиены, член и товарищ председателя III Государственной думы, с 1916 г. – заслуженный ординарный профессор Петербургского университета — 186, 619

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), русский писатель и историк — 313, 340, 354, 364, 375, 408

– История государства Российского. СПб., 1853, т. XI, XII — 313, 340, 354, 364, 375, 408

Карахан (наст. фамилия Караханян) Лев Михайлович 1889–1937), советский государственный деятель; учился на юридическом факультете Петербургского университета (не окончил), экстерном окончил Томский университет (1916); в 1904 г. вступил в РСДРП, меньшевик; с марта 1918 по 1920 г. – заместитель наркома по иностранным делам, в 1927–1934 гг. – заместитель наркома иностранных дел, затем (до 3 мая 1937 г.) посол СССР в Турции; отозван в Москву и арестован; 20 сентября 1937 г. Военной коллеги-

ей Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день — 230–231, 233

Карбасников Николай Павлович (1852–1921), русский книгоиздатель, начавший свою деятельность в 1871 г., в 1908 г. основал «Товарищество Н.П. Карбасников», в которое вошли его сыновья; товарищество имело книжные магазины в Петербурге, Москве, Варшаве, Вильно — 74

Кареев Николай Иванович (1850–1931), русский историк и социолог — 341, 537, 545, 548
– Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879 — 545
– История Западной Европы в новое время. СПб.,1913, т. III — 341
– История Западной Европы в новое время. СПб.,1894, т. IV — 532, 548

Каринский Михаил Иванович (1840–1917), русский логик и философ, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии — 186, 242, 619

Карл I (Charles) (1600–1649), английский король с 1625 г., казненный по приговору Верховного суда трибунала, созданного Долгим парламентом — 297, 463, 472, 482, 536, 572, 576, 585

Карл II (Charles) (1630–1685), английский король — 467, 600

Карл V (Charles) Мудрый (1338–1380), французский король — 370, 540

Карл VIII (Charles) (1470–1498), французский король с 1483 г. — 543

Карл IX (Charles) (1550–1574), французский король с 1560 г. — 299, 543

Карнеги (Carnegie) Эндрью (1835–1919), американский сталепромышленник; в начале своей карьеры был простым телеграфистом, затем стал одним из самых крупных миллионеров США, основал ряд фондов: фонд Карнеги по усовершенствованию преподавания (1906), фонд Карнеги по борьбе за мир (1910), Институт Карнеги в Вашингтоне (1902), потратив при этом на благотворительность в общей сложности 350 млн долларов — 449

Карно (Carnot) Лазар Никола (1753–1823), французский государственный и военный деятель, математик, в 1795–1797 гг. – член Директории, в 1800 г. – военный министр, после второй реставрации Бурбонов в 1815 г. изгнан из Франции — 456

Карпинский Александр Петрович (1846–1936), русский геолог, академик, с мая 1917 г. и до конца жизни – первый выборный президент Российской академии наук (с 1925 г. – АН СССР) — 196

Каррье (Carrier) Жан Батист (1756–1794), деятель Великой французской революции, член Конвента, содействовавший учреждению революционного трибунала; в октябре 1793 г. был послан в Нант, где устраивал массовые казни пленных вандейцев; после термидорианского переворота казнен — 362

Карсавин Лев Платонович (1882–1952), русский религиозный философ и историк-медиевист, с 1921 г. – ректор Петроградского университета, в 1922 г. выслан за границу, с 1928 г. – профессор университета в Каунасе, в 1940–1946 гг. – в Вильнюсе; в 1946 г., оказавшийся на территории, занятой советскими войсками, был арестован и заключен в один из лагерей ГУЛАГа, находившийся в местечке Абезь Коми АССР (т.е. на родине Сорокина), где и умер — 212, 228, 491, 645

Кассий Спурий Висцеллин, из древнего патрицианского рода в Риме; в 501 г. до н.э. был первым magister equitum; в 502, 493 и 486 гг. был выбран консулом — 530

Катилина (Catilina) Луций Сергий (108–62 до н.э.), римский претор в 68 г. до н.э.; в 66–63 гг. пытался захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов; заговор был раскрыт Цицероном — 456, 529

Каутский (Kautsky) Карл (1854–1938), немецкий социал-демократ, один из лидеров и теоретиков II Интернационала — 297, 339, 355, 536, 550–551
– От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, ч. I — 297, 339, 536, 550

Кац – см. Камков Б.Д.

Кедров Михаил Сергеевич (1878–1941), советский государственный и партийный деятель, учился на юридическом факультете Московского университета и в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, окончил медицинский факультет Лозаннского университета, в 1919 г. – председатель Особого отдела ВЧК в северных областях; отличался патологической жестокостью, уничтожил тысячи людей в ходе карательных операций, ввел практику заполнения барж арестованными и затем расстрела их из пулеметов до потопления — 135, 138, 456

Кемпф (Kempf) Эдуард Джон (1885–1971), американский психолог и психопатолог — 282
– Automatic Function and the Personality [Автоматическая функция и личность]. New York; Washington, 1918 — 282

Керенский Александр Федорович (1881–1970), русский государственный и политический деятель, глава Временного правительства — 51, 62–63, 65, 75, 80–81, 83, 93–107, 110–111, 121, 134–135, 203, 232, 301, 388, 597, 600–602, 605, 609–610, 614–617, 621–623, 647

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк, деятель кадетской партии, профессор Московского университета, депутат 2-й Государственной думы, в 1922 г. выслан за границу — 213, 228

Килон, афинский аристократ, победитель на Олимпийских состязаниях 640 г. до н.э.; в 632 г. до н.э. пытался установить в Афинах тиранию, но потерпел поражение, его сторонники были убиты по приказу архонта Мегакла в храме у алтаря, где они искали защиты — 408

Кирдецов Григорий Львович (наст. имя и фамилия: Иосиф Эдуардович Фиц-Патрик; 1880–1938), экономист, журналист и общественный деятель, сотрудник «Биржевых ведомостей», с осени 1918 г. в эмиграции в Дании, Чехословакии, редактор газеты Северо-Западного правительства «Свободная Россия» (1919–1920), с лета 1921 г. – в Берлине, соредактор газеты «Накануне»; в 1922–1923 гг. – заведующий отделом печати советского полпредства в Берлине, с 1924 г. – пресс-атташе советского полпредства в Риме, в середине 1920-х гг. вернулся в СССР, сотрудник Народного комиссариата иностранных дел, автор политического словаря-справочника «Весь мир», который в 1929–1930 гг. был издан 9 раз; летом 1935 г. арестован, погиб в заключении — 456

Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920), русский философ, социолог и правовед, один из авторов сборника «Вехи» (1909); умер в Краснодаре после операции — 413

Кишкин Николай Михайлович (1864–1930), русский политический деятель, член ЦК партии кадетов, министр государственного призрения в правительстве А.Ф. Керенского, в 1921 г. – один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим, арестован за антисоветскую деятельность, освобожден по амнистии; с 1923 г. работал в Наркомздраве РСФСР — 122

Клавдий (Claudis) (10 до н.э. – 54 н.э.), римский император — 530, 582

Клейнмихель (урожд. Фон Келлер) Мария Эдуардовна (1846–1931), графиня, хозяйка великосветского салона в Петербурге, умерла в Париже — 578
– Из потонувшего мира. Мемуары. Пер. с французского. Берлин, 1918; Пг.-М., 1923 — 578

Клемансо (Clemenceau) Жорж (1841–1929), премьер-министр Франции в 1906–1909, 1917–1920 гг. — 462

Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1923), генерал от инфантерии, с декабря 1915 г. – начальник штаба Юго-Западного фронта, в октябре–декабре 1916 г. – командующий 11–й армией, в мае–сентябре 1917 г. – главнокомандующий Северным фронтом; в 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, в 1918 г. – член Военсовета Северо-Кавказского фронта, в 1918–1920 гг. – постоянный член Военно-законодательного Совета при РВСР, член Особого Совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики, умер в заключении — 428

Клеомен III (260–219 до н.э.), царь Спарты в 235–221 гг. до н.э., реформатор конституционно-правовой системы Спарты и ее армии — 296, 408, 468, 528

Клеон (ум. 422 до н.э.), афинский демагог, стратег во время Пелопоннесской войны, после смерти Перикла наиболее влиятельный политик Афин — 417

Клепиков Сократ Александрович (1895–1978), советский книговед, библиограф и экономист — 555
– Питание русского крестьянства. М., 1920 — 555

Клофач (Klofáč) Вацлав Ярослав (1868–1942), чешский политик, журналист, председатель партии национальных социалистов — 261

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), русский историк — 453, 553
– Курс русской истории. 1918, т. III — 453, 553

Книга Мертвых, условное название набора магических формул и рисунков на папирусе, клавшемся покойнику в гробницу в Древнем Египте, начиная с XVI в. до н.э. — 295

Книпович Борис Николаевич (1880–1924), экономист-статистик, в 1917–1921 гг. работал в Наркомземе — 437
– Направление и итоги аграрной политики 1917–1920 гг. // О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М., 1921, вып. 1 — 437

Кобад (Кабадес, Кавад, Гобад), персидский царь из династии Сасанидов, сын Фируза, преемник Палаша, царствовал в 488–531 гг. — 267, 303, 338, 356, 370, 377

Кобург, Фридрих Иосиф Саксонский, герцог Кобургский (1737–1815), австрийский фельдмаршал, командовавший войсками, вторгшимися в революционную Францию с целью реставрации монархии — 384

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), русский историк, социолог и правовед — 296, 324–325, 339, 483, 523–524, 536, 541, 578
– От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. М., 1906, т. 1–3 — 325, 483, 536
– Экономический рост Европы. М., 1900, т. II, 1903, т. III — 296, 324, 339, 523, 536, 541
– Чем обязана Россия объединенному дворянству. СПб., 1914 — 578

Ковилль (Coville) Альфред (1860–1942), французский историк и государственный деятель — 541
– Les cabochiens et l'ordonnance de 1413 [Кабошьены и ордонанс 1413 года]. Paris, 1890 — 541

Козловский Александр Николаевич (1861–1940), генерал-майор, командовавший артиллерией Кронштадтской крепости во время восстания 1921 г., после подавления восстания со многими мятежниками ушел в Финляндию, где и умер — 557

Козырев Михаил Яковлевич (1892–1942), советский поэт и писатель-сатирик, автор книги «Морока. Настоящие рассказы» (М., 1922) — 348

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918), русский политический деятель, кадет, юрист, депутат I Государственной думы — 96, 121–122, 124–125, 127, 242, 384

Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952), деятель международного и российского рабочего движения, советский дипломат — 86, 92, 101, 344
– Новая мораль. Пг., 1919 — 344

Коломес [правильно: Эмбер-Коломес] (Imbert-Colomés) Жак-Пьер (1729–1809), руководитель контрреволюции в Лионе, агент Людовика XVIII — 452

Колосов Евгений Евгеньевич (1879–1938), один из основателей партии эсеров, автор книги «Очерки мировоззрения Н.К. Михайловского» (1912), после Февральской революции 1917 г. – депутат Учредительного собрания, после окончания гражданской войны занимался историей революционного движения, в 1938 г. сослан в Тобольск, где работал в музее, чуть позже арестован и расстрелян — 364
– Как это было? (Массовые убийства при Колчаке в декабре 1918 г. в Омске и гибель Н.В. Фомина) // Былое. 1923, № 21, май, с. 250–297 — 364

Кольбер (Colbert) Жан Батист (1619–1683), крупный деятель французского абсолютизма, министр Людовика XIV — 544

Кольцов Михаил Ефимович (настоящее имя – Моисей Фридлянд; 1898–1940), советский публицист, журналист, писатель и общественный деятель; в 1915 г. поступил в Психоневрологический институт (слушал лекции П.А. Сорокина); активный участник Февральской и Октябрьской революций, в 1918 г. с рекомендацией А.В. Луначарского вступил в РКП(б), с 1920 г. работал в отделе печати Наркомата иностранных дел, специальный корреспондент ряда периодических изданий, в том числе газеты «Правда» (1922–1938); во время Гражданской войны (1936–1939) был направлен в Испанию как корреспондент «Правды» и одновременно негласный политический представитель властей СССР при республиканском правительстве; 1 февраля 1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к смертной казни по обвинению в «антисоветской и троцкистской деятельности»; на следующий день приговор был приведен в исполнение — 231

Комаров Николай Павлович (наст. имя и фамилия – Федор Евгеньевич Собинов) (Слава) (1886–1937), видный советский государственный и партийный деятель; окончил три класса церковно-приходской школы, активный участник революции 1905 г., в 1917 г. – председатель завкома завода «Новый Лесснер», член Петроградского комитета РКП(б), участник штурма Зимнего дворца, с января 1919 г. – начальник Особого отдела, с 1920 г. – председатель Петроградской ЧК и одновременно начальник Особого отдела охраны финской границы; пользовался неограниченным доверием Г.Е. Зиновьева, один из главных организаторов красного террора против населения города и губернии, широко применял казни заложников и аресты по «классовому» принципу; с 1931 г. – нарком ком-

мунального хозяйства РСФСР, в июне 1937 г. исключен из партии и арестован, за участие в троцкистско-зиновьевской антисоветской организации приговорен к смертной казни и расстрелян – 360

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910), русская актриса — 241

Комиссаров Михаил Степанович (1870 – после 1927), генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, с 1906 г. – помощник начальника Петербургского отделения, в 1909–1916 гг. – начальник Енисейского, Пермского, Саратовского, Вятского, Варшавского жандармских управлений; прославился неразборчивостью средств с целью продвижения по службе; после 1917 г., по некоторым сведениям, агент ВЧК-ОГРУ в среде российской эмиграции — 428

Конан Дойл (Conan Doyle) Артур (1859–1930), английский писатель (по образованию – врач), автор многочисленных приключенческих, исторических, публицистических, фантастических и юмористических произведений — 123

Кондорсе (de Condorcet) Жан-Антуан-Никол Коришот (1743–1774), французский писатель и политический деятель — 418

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938), русский экономист, автор теории «длинных волн», близкий друг П.А. Сорокина — 115, 186, 477, 567
– Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922 — 477, 567

Коновалов Александр Иванович (1875–1948), русский государственный деятель, министр торговли и промышленности во Временном правительстве — 107, 109, 245, 444–445, 610

Константинов, сокамерник П.А. Сорокина в тюрьме Великого Устюга (1918) — 160

Коран – 496

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал, в 1917 г. – верховный главнокомандующий — 83, 96, 98–103, 413, 570, 600, 607, 618

Корнилов Константин Николаевич (1879–1957), русский психолог, противник рефлексологии В.М. Бехтерева и американского бихевиоризма — 383, 583
– Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., 1922 — 383, 583

Коссидьер (Coussidiere) Луи Марк (1808–1861), деятель французского революционного движения, участник Лионского восстания 1834 г. и Февральской революции 1848 г., после победы которой занял пост префекта полиции Парижа — 471

Крамарж (Kramář) Карел (1860–1937), чешский политик, юрист и промышленник, перед Первой мировой войной – лидер младочехов — 261

Крамаров Григорий Моисеевич (Моисей Ицкович Исаакович; 1887–1970), участник трех революций, подвергался арестам, ссылкам; в 1906 г. приговорен к 4 годам каторги, неоднократно совершал побеги, в 1917 г. – член ВЦИК, потом воевал на Восточном фронте; впоследствии работал в Коминтерне, в Международной Ленинской школе, публицист; с 1924 г. – председатель Общества изучения межпланетных сообщений, автор книг «Первое в мире Общество межпланетных сообщений» и «На заре космонавтики»; в последние годы жизни – член Всесоюзного комитета космонавтики Федерации авиационного спорта СССР и Авиационной секции Советского национального объединения историков естествознания и техники АН СССР; похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище (Ко-

лумбарий, 128 секция); в его честь назван небольшой ударный кратер в экваториальной области обратной стороны Луны (кратер Крамаров) — 127–128

Красин Леонид Борисович (1870–1926), советский государственный и партийный деятель — 334, 374, 456, 643

Красная газета — 229, 436, 506
1921, 22 января — 436
15–16 апреля — 373
5 июля — 557
16 декабря — 557
31 декабря — 367
1922, 31 января — 415
1922 [статья «Куст Троцкого»] — 334

Красная Москва. 1917–1920 гг. Издание Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. М., 1920 — 332, 334, 363, 405, 430, 436

Красная Новь, ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал, выходивший в Москве в 1921–1942 гг.; первый советский «толстый» литературный журнал — 348

Красный Маяк (Севастополь) — 348

Красс Марк Лициний (ок. 115–53 до н.э.), римский политический и военный деятель, погиб вместе с большей частью войска во время сражения с парфянами — 336, 468

Кремль за решеткой. (Подпольная Россия). Берлин, 1922 — 369

Крестьянская Россия, русскоязычный научно-публицистический сборник, издававшийся в Праге в 1922–1924 гг. одноименной эмигрантской партией правоэсеровского толка (всего вышло 9 номеров в 6 книгах) — 233, 573

Кристи Михаил Петрович (1875–1956), большевик, прибывший в 1917 г. в Россию вместе с В.И. Лениным и А.В. Луначарским в «пломбированном вагоне»; в 1918–1926 гг. – уполномоченный Наркомпроса в Петрограде, с 1926 г. заместитель начальника Московского отделения Главнауки, с 1928 г. – директор Третьяковской галереи — 183, 198

Критий (ок. 460–403 до н.э.), вождь крайних олигархов-рабовладельцев в Афинах — 527

Кромвель (Cromwell) Оливер (1599–1658), вождь английской буржуазной революции — 266, 291, 298, 314, 340, 354, 370, 374, 380, 418, 433–434, 455–456, 463, 471–472, 488, 511, 586–587, 643

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, русский революционер, теоретик анархизма, ученый-географ и геолог — 243, 340–341, 546–548
– Великая французская революция. М., 1919 — 340, 546

Крылов Иван Андреевич (1768–1844), русский баснописец, писатель и драматург — 394

Крымов Александр Михайлович (1871–1917), русский генерал; во время Корниловского выступления 25 августа 1917 г. направил 3-й кавалерийский корпус и Туземную дивизию в Петроград на подавление выступлений в столице; 30 августа прибыл к Керенскому, где представил ему свои объяснения произошедших событий, и после предложения Керенского о сдаче полномочий, понял, что оказался в ловушке, устроенной с целью выманить

его и, отделив от верных ему частей, насильно изолировать; выйдя из кабинета Керенского, застрелился — 103

Кузмин Михаил Александрович (1875–1936), русский писатель, поэт и композитор, близкий к символистам — 349

Кузьмин Николай Максимович (1883–1943?), общественный деятель, поэт и драматург; в мае 1917 г. вместе с П.А. Сорокиным входил в состав исполкома Всероссийского Совета Крестьянских депутатов; в 1916 г. на страницах «Ежемесячного журнала» полемизировал с Сорокиным по поводу его статьи «Две бездны нравственности» (Ежемесячный журнал. 1916, № 2); в 1918 г. неоднократно арестовывался ЧК, несколько месяцев сидел в тюрьме — 56

Кулишер Иосиф Михайлович (1878–1934), русский экономист и историк народного хозяйства — 186, 550, 619
– Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918 — 550

Кун (Kun) Бела (1886–1939), деятель венгерского и международного рабочего движения, в 1916 г. попал в Россию в качестве военнопленного, в 1917 г. вступил в партию большевиков, в 1918–1920 гг. находился в Венгрии; в 1920 г., будучи председателем Крымского ревкома, вместе с Р. Землячкой организовал массовый расстрел белых офицеров (в их числе был сын писателя И.С. Шмелева) — 361, 456

Куприн Александр Иванович (1870–1938), русский писатель и публицист — 349
– Яма (1909–1915) — 349

Курский Дмитрий Иванович (1874–1932), советский государственный и партийный деятель, в 1918–1928 гг. – нарком юстиции РСФСР, первый советский генеральный прокурор — 449

Курц Борис Григорьевич (1885–1938), русско-украинский историк, востоковед и педагог; репрессирован — 553
– Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родэса. М., 1915 — 553

Куршман (Curschmann) Фриц (1874–1946), немецкий историк — 532, 534
– Hungersnöte in Mittelalter [Массовый голод в Средние века]. Leipzig, 1900, Bd. II — 532

Кусевицкий (Koussevitzky) Сергей Александрович (1874–1951), русский и американский композитор и дирижер, после революции руководил симфоническим оркестром в Петрограде (1917–1920); в 1921 г. переехал в Париж, в 1924 г. – в США, где до 1949 г. руководил Бостонским симфоническим оркестром — 240

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958), автор знаменитого «Кредо» (1899), в 1921 г. вместе со своим мужем С.Н. Прокоповичем возглавляла Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол), в 1922 г. выслана за границу, проживала сначала в Праге, потом в Женеве — 233

Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927), русский художник — 241

Кутлер Николай Николаевич (1859–1924), русский государственный и общественный деятель, в 1905 г. – министр земледелия, кадет — 428, 456

Кутон (Couthon) Жорж Огюст (1755–1794), деятель Великой французской революции, депутат Законодательного собрания, Конвента, член Комитета общественного спасения — 366, 386, 456

Кшесинская Матильда Феликсовна (1872–1971), русская балерина и педагог; летом 1917 г. навсегда уехала из Петрограда, первоначально в Кисловодск, а в 1919 г. – в Новороссийск, откуда вместе с сыном отплыла за границу; ее особняк на Большой Дворянской улице самовольно заняли солдаты мастерских запасного автобронедивизиона, а по договоренности с ними – Петербургский комитет РСДРП(б), его военная организация, а затем и ЦК РСДРП(б), экспедиция газеты «Правда» и редакция газеты «Солдатская правда»; с 3(16) апреля по 4(17) июля 1917 г. здесь работал и произносил речи с балкона особняка В.И. Ленин, дом превратился, как писали петроградские газеты, в «главный штаб ленинцев» — 77, 79–80, 85

Кэпль, Кейпл (Capel) Артур (1603–1649), лорд, участник английской революции XVII в., один из предводителей роялистов; казнен 9 марта 1649 г. вместе с Джеймсом Гамильтоном решением суда и по настоянию О. Кромвеля — 418

Л

Л., доктор – см. Ленц А.К.

Лависс (Lavisse) Эрнст (1842–1922), французский историк — 533
– Эпоха крестовых походов. М., 1914, ч. I (в соавторстве с А. Рамбо) — 533

Лаврентий из Бржезова (Brez; Laurent de Brezova; Lavřinec z Březove; 1370 – после 1437), чешский рыцарь, утраквист, выдающийся гуситский писатель и поэт, прославлявший гуситские победы, автор «Гуситской хроники, 1414–1421» (М., 1962) — 355

Лавров Петр Лаврович (1823–1900), русский философ и социолог, теоретик революционного народничества — 243, 573

Лавуазье (Lavoisier) Антуан Лоран (1743–1794), французский химик, во время революции – сторонник конституционной монархии; в 1768–1792 гг., будучи членом «Компании откупов» (организации финансистов, бравшей на откуп государственные налоги), приобрел большое состояние, часть которого израсходовал на устройство лабораторий и научные исследования; вместе с другими откупщиками казнен по приговору революционного трибунала — 418, 490

Лагарп (de La Harpe) Жан Франсуа де (1739–1804), французский поэт, драматург и литературный критик — 299

Лагранж (Lagrange) Жозеф Луи (1736–1813), французский математик и механик — 490

Лазаревский Николай Иванович (1868–1921), русский правовед, автор монографии «Русское государственное право» (Пг., 1917), ректор Петроградского университета, расстрелянный в 1921 г. по «Таганцевскому делу» — 214–216, 242, 413

Лазерсон Максим Яковлевич (1880–1952), русский социолог, правовед и политический деятель, с 1920 г. в эмиграции — 184, 187

Ламарк (Lamarque) Жан-Батист Пьер Антуан де Моне (1744–1829), французский естествоиспытатель — 490

Ламартин (Lamartine) Альфонс Мари Луи де (1790–1869), французский поэт-романтик, политический деятель и историк — 451

Ламбаль (de Lamballe) Мария-Тереза Луиза де Савой-Кариньяк де (1749–1792), княгиня (принцесса), близкая подруга Марии-Антуанетты, растерзанная 3 сентября толпой, ворвавшейся в тюрьму Форс — 353, 367

Ламенне (Lamennais) Фелисите Робер де (1782–1854), французский публицист и философ, аббат, один из родоначальников христианского социализма — 300

Лампрехт (Lamprecht) Карл Готфрид (1856–1915), немецкий историк — 550

Ланге (Lange) Карл Георг (1834–1900), датский философ, психолог и физиолог, один из авторов (наряду с У. Джемсом) сосудо-двигательной теории эмоций — 274
– Душевные движения. Психофизиологический этюд. СПб., 1896 — 274

Ланьо (Lagneau) Жюль (1851–1894), французский философ, автор статьи «Последствия войн» (Les consequences des Guerres // Seances et Travaux de l'Academie des Sciences Morales et Politiques. 1892) — 419

Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1749–1827), французский астроном, математик и физик — 490

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), русский историк, член Петербургской академии наук (с 1899 г.) — 185, 413

Лапшин Иван Иванович (1870–1952), русский философ, ученик и последователь А.В. Введенского; в 1922 г. выслан из Советской России, после чего поселился в Чехословакии, где и остался до конца жизни — 228, 242

Ларевельер, Ларевельер-Лепо (La Révelliere-Lépeaux) Луи Мари де (1741–1824), французский государственный деятель — 482

Ларин Ю. (псевдоним Михаила Зальмановича Лурье) (1882–1932), деятель революционного движения в России, экономист и литератор; в августе 1917 г. примкнул к большевикам; после победы большевиков работал в комитетах и комиссиях ВСНХ – 436
– Веселая арифметика // Красная газета. 1921, № 14 (291), 22 января — 436

Лассаль (Lassale) Фердинанд (1825–1864), деятель немецкого рабочего движения, организатор и первый президент Всеобщего германского рабочего союза — 497, 573

Лафайет (La Fayette) Мари Жозеф Ив Рок Жильбер Мотье (1757–1834), французский политический деятель, генерал, участник войны американских колоний за независимость, участник Великой французской революции и Июльской революции 1830 г. — 388, 410

Лацис Мартин Иванович (наст. фамилия и имя Судрабс Ян Фридрихович) (1888–1938), советский государственный и партийный деятель, в июле-ноябре 1918 г. – председатель ЧК, в 1919–1921 гг. – председатель Всеукраинской ЧК — 366, 456
– Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920 — 366

Леб (Loeb) Жак (1859–1924), американский биолог, профессор Чикагского (с 1892 г.) и Калифорнийского (с 1902 г.) университетов, создатель теории тропизмов — 274
– La nature chimique de la vie [Химическая природа жизни] // Revue philosophique. 1921, decembre — 274

Лебедев Павел Павлович (1872–1933), русский и советский военный деятель, участник Первой мировой войны, генерал-майор, начальник штаба 3-й армии; в 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, участвовал в разработке и проведении операций по разгрому войск Колчака, Деникина и Юденича — 110, 428

Лебедев Петр Николаевич (1866–1912), русский физик-экспериментатор, первым подтвердивший на опыте вывод Максвелла о наличии светового давления, создатель первой в России научной физической школы, профессор Московского университета (1900–1911) — 245

Лебон (Le Bon) Гюстав (1841–1931), французский социолог, социальный психолог и публицист — 275, 287, 289, 371, 486, 629, 632
– Психология социализма. СПб., 1908 — 287, 371, 486

Левассер (Levasseur) Пьер Эмиль (1828–1911), французский экономист и историк — 324–326, 339, 350, 352, 355, 363–364, 373, 398–399, 405, 408, 418, 481–483, 489, 494, 518–519, 536–537, 542, 545, 548–549
– La population française [Французское население]. Paris, 1891, vol. II, III — 350, 352, 363, 398, 405, 494, 518
– Histoire des classes ouvrières de 1789 à 1870 [История трудящихся классов с 1789 по 1870]. 1900, t. I; 1904, t. II — 324–325, 339, 355, 364, 373, 398–399, 408, 418, 481–483, 489, 494, 545, 548
– Le prix du blé dans divers au XIX siécle [Цены на зерновой хлеб в XIX веке] // Bulletin de l'Institut International de Statistique, vol. XVIII — 536–537

Леви-Брюль (Levy-Brühl) Люсьен (1857–1939), французский философ и психолог-позитивист, близкий к социологической школе Э. Дюркгейма — 385
– Les fonctions mentales dans les sociétés inférior. Paris, 1912 [рус. перевод: Первобытное мышление. М., 1930] — 385

Левитан Исаак Ильич (1860–1900), русский живописец-передвижник; крупнейший мастер русского пейзажа конца XIX в. — 241

Лекиньо (Lequinio) Мари Жозеф (1740–1813), французский политический деятель, член законодательного собрания и Конвента; в качестве комиссара Конвента с большой жестокостью проводил в северных и западных департаментах закон о подозрительных лицах — 367

Лекур (Lecour) Шарль Жером (1748–1877), начальник первого дивизиона полиции парижской префектуры — 350
– La prostitution à Paris et à Londres. 1789–1870 [Проституция в Париже и Лондоне в 1789–1870 гг.]. Paris, 1872 — 350

Ленин Владимир Ильич (1870–1924), организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель и глава Советского государства — 47, 68, 75–77, 79–80, 92, 120, 122, 126–127, 139, 155, 169, 172, 190, 202, 204, 212, 214–216, 241–242, 251–253, 266, 291, 317, 333, 336, 344, 361, 373, 413, 449, 456, 460, 470, 488, 506, 587, 598–599, 604, 607, 609, 616, 622–623, 633–634, 643
– О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия). М., 1921 (ПСС, т. 43) — 336
– О значении воинствующего материализма [ответ Ленина на статью П.А. Сорокина, напечатанную в журнале «Экономист» (1922, № 1)] // Под знаменем марксизма. 1922, № 3 — 344

Ленц Александр Карлович (1882–1952) российский невропатолог и психиатр, ученик И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, с 1918 г. – военный врач Красной Армии, ассистент Клиники душевнобольных Военно-медицинской академии РККА — 280, 282, 390
– Об изменении химического состава мозга при голодании (автореферат диссертации) — 390

– Методика и область применения условных рефлексов в исследовании высшей нервной («психической») деятельности // Журнал психиатрии и неврологии. 1922, № 1 — 280

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), русский философ, писатель и публицист — 243, 502, 645

Леру (Leroux) Пьер (1797–1871), французский философ, один из основателей христианского социализма (ввел само слово «социализм»), последователь А. Сен-Симона — 497

Лесгафт Петр Францевич (1837–1909), русский педагог, анатом и врач — 289, 414

Ле Шапелье (Le Chapelier) Исаак Рене Ги (1754–1794), деятель Великой французской революции, депутат Учредительного собрания, казненный во время якобинского террора — 325, 507, 571

Лешков Василий Николаевич (1810–1881), русский историк славянофильского направления, профессор Московского университета — 551–552

– Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858 — 551

Ли (Lee) Генри Чарльз (1825–1909), американский историк, автор трудов по истории папства и католической церкви — 297, 377, 533–534, 562

– История инквизиции. СПб, 1911, т. I–II — 297, 377, 533, 562

Либер (наст. фамилия Гольдман) Михаил (Марк) Исаакович (1880–1938), один из лидеров меньшевизма, после Февральской революции – член исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; к Октябрьской революции отнесся отрицательно, называл ее «исключительно удавшейся контрреволюцией»; в советское время неоднократно подвергался арестам и ссылке, в 1937 г. арестован в Алма-Ате, приговорен Тройкой НКВД к высшей мере наказания и 4 октября 1937 г. расстрелян — 73, 80

Либкнехт (Liebknecht) Карл (1871–1918), деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии — 456, 565, 641

Ликург, легендарный законодатель Спарты, который якобы по велению дельфийского оракула создал политические институты Спарты — 582, 638

Лилина-Зиновьева (Лилина) Злата Ионовна (1882–1929), участница революционного движения в России, после II съезда РСДРП примкнула к большевикам, член Ленинградского Совета десяти созывов, автор и редактор-составитель нескольких книг, жена Г.Е. Зиновьева — 344

Лильберн (Lilburne) Джон (ок. 1614–1657), деятель английской буржуазной революции, руководитель и идеолог левеллеров, автор «Манифеста» и «Соглашения свободного народа Англии», содержащих изложение его политических и социально-экономических воззрений — 297–298, 497, 573

Лингард (Lingard) Джон (1771–1851), английский историк, автор сочинения «A history of England from the first invasion by the Romans to the commencement of the reign of William III». 1819–1830, vol. 1–6 [История Англии со времен первого вторжения римлян до начала правления Вильгельма III] — 534

Лиссагаре (Lissagaray) Проспер Оливье (1838–1901), французский журналист; издавал в дни Парижской коммуны 1871 г. революционные газеты — 301, 317, 327, 351, 451

– История Парижской коммуны. СПб., 1906 — 301, 317

Листер (Lister) Джофри, красильщик из Норвича, вождь английских инсургентов во время восстания 1381 г.; двинулся с дружиной, которая по дороге возросла до 50 тыс. человек, к Лондону на помощь Уоту Тайлеру, причем члены его дружины занимались не только грабежом, но и брали дворян в заложники, пытаясь выторговать себе таким образом у короля определенные льготы; Листер одержал несколько мелких побед, но, встретившись у Виджингама с войском епископа норвичского Генриха ле-Спенсера, был разбит, взят в плен и подвергнут тройной казни: повешению, обезглавливанию и четвертованию (см.: *Ковалевский М.М.* Английская пугачевщина // Русская Мысль. 1895, № IX) — 432

Личкус Лазарь Григорьевич (1858–1926), русский врач-акушер, директор Мариинского роддома в Петербурге, с 1923 г. – профессор Ленинградского медицинского института — 414
– [Статья] // Врачебное дело. 1921, 1 февраля — 414

Лод (Laud) Уильям (1573–1645), английский церковный деятель, один из ближайших и наиболее ненавистных народу советников короля Карла I, с 1633 г. – архиепископ Кентерберийский (глава англиканской церкви) — 418, 576

Локкьер Роберт (1626–1649), сторонник Дж. Лильберна, солдат одного из тех полков, которые в апреле 1649 г. отказались отправиться в Ирландию для проведения карательной операции; по приказу О. Кромвеля 5 солдат были приговорены к расстрелу, 4 помилованы, а Р. Локкьер был расстрелян 28 апреля в Лондоне на кладбище Св. Павла — 418

Ломброзо (Lombroso) Чезаре (1835–1909), итальянский судебный психиатр и антрополог, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве — 79, 604, 609

Лопатин Лев Михайлович (1855–1920), русский философ и общественный деятель — 413

Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965), русский философ, основатель интуитивизма и представитель персонализма в России; в 1922 г. выслан из Советской России — 212, 228, 242, 491

Лотси (Lotsy) Ян Паулус (1867–1931), голландский ботаник, автор метафизической теории «эволюции при постоянстве видов» — 274

Лукин Николай Михайлович (псевдоним: Н. Антонов) (1885–1940), русский историк — 549
– Парижская коммуна 1871 года. М., 1922 — 549

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), советский государственный деятель, писатель и критик, в 1917–1929 гг. – нарком просвещения — 82, 88, 92, 155, 183–184, 198, 344, 492–493, 594, 618
– Доклад Наркома по просвещению тов. А.В. Луначарского (Вечернее заседание 24 декабря) // Известия ВЦИК. 1922, № 293 (1732), 26 декабря, вторник, с. 2–3 — 492–493

Лысенко Трофим Денисович (1898–1976), советский агроном и биолог, основатель и крупнейший представитель псевдонаучного направления в биологии – мичуринской агробиологии, академик АН СССР (1939), академик ВАХСНИЛ (1935) — 245

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, после победы Февральской революции 2 марта 1917 г. возглавил в качестве министра-председателя Временное правительство, в котором занял также пост министра внутренних дел, 7 июля 1917 г. вышел в отставку; после Октябрьской революции уехал в Сибирь, затем за границу, умер в Париже — 101, 601

Людендорф (Ludendorff) Эрих (1865–1937), немецкий военный и политический деятель, генерал пехоты, с августа 1914 г. фактически руководивший действиями на Восточном фронте, а с августа 1916 г. – действиями всех вооруженных сил Германии — 455

Людеров, русский криминалист — 519

Людовик XII (Louis XII) (1462–1515), французский король в 1498–1515 гг. — 315, 543, 577

Людовик XIV (Louis XIV) (1638–1715), французский король с 1643 г., время правления которого ознаменовано расцветом королевского абсолютизма — 523, 577

Людовик XVI (Louis XVI) (1754–1793), французский король в 1774–1792 гг., свергнутый с престола в ходе Великой французской революции и казненный по приговору Конвента — 314–315, 406, 452, 523, 544, 577–578, 585

Людовик XVIII (Louis XVIII) (1755–1824), французский король в 1814–1815 и 1815–1824 гг. — 452

Люксембург (Luxemburg) Роза (1871–1919), деятель немецкого, польского и международного рабочего движения — 456

Лютер (Luther) Мартин (1483–1546), вождь Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма — 550, 565

Люцифер (*лат*. lucifer, буквально – «носитель света»), в христианской мифологии падший ангел, дьявол — 313

Лядов Анатолий Константинович (1855–1914), русский композитор, дирижер и педагог — 240

Ляпунов Александр Михайлович (1857–1918), русский математик и механик, академик Петербургской академии наук (1901) —245

М

М., писатель — 198

Магомет, устаревшая транскрипция имени основателя ислама Мухаммеда — 377

Мадзини (Mazzini) Джузеппе (1805–1872), итальянский революционер, один из вождей итальянского национально-освободительного движения — 410

Мадлен (Madelin) Луи (1871–1956), французский историк, который в своих работах проводил мысль о том, что Наполеон закрепил основные завоевания революции — 299, 309, 315, 341, 353, 364–367, 374, 384–385, 444, 452, 452, 462, 482, 571, 577, 586, 642
– Французская революция. Берлин, 1922, т. I–II — 299, 315

Маздак (ум. 529), проповедник религиозно-философского учения и руководитель крестьянского движения в Персии — 370

Майр (Mayr) Георг фон (1841–1925), немецкий статистик и государственный деятель — 264, 425, 518–519, 526, 574, 591
– Закономерность общественной жизни. М., 1899 — 264, 425
– Statistik und Gesellschaftslehre [Статистика и обществоведение]. Berlin, 1917, Bd. 3 — 519

– Moralstatistik mit einschluss der Kriminalstatistik (Sozialstatistik. Bd. I) [Моральная статистика, включающая криминальную статистику (Социальная статистика, т. 1)]. Freiburg i. B. und Leipzig, 1917 — 574, 591

Мак-Даугалл (McDougall) Уильям (1871–1938), англо-американский психолог и социальный психолог, представитель инстинктивизма в социологии — 274, 275, 279, 328
– Introduction to Social Psychology. London, 1908 (рус. перевод: Основные проблемы социальной психологии. М., 1916) — 275, 328

Мак-Магон (Mac-Mahon) Мари Эдм Патрис Морис (1808–1893), французский военный и государственный деятель, маршал (1859), в 1873–1879 гг. – президент Французской республики — 455–456

Малле дю Пан (Mallet-Dupan) Жак (1749–1800), французский публицист, уроженец Женевы, монархист и убежденный противник революции — 314

Малмсбери (Malmesbury) Джеймс Харрис (1746–1820), лорд, английский государственный деятель, дипломат, автор дневников и мемуаров (Diares and correspondence James Harris, first earl of Malmesbury. London, 1844; Memoirs of an ex-minister. An authobiography. London, 1885) — 419

Малькольм (Malcolm) Джон (1769–1833), английский государственный деятель и историк — 303, 356
– The History of Persia from the most early period to the present time [История Персии с самого раннего периода до настоящего времени]. London, 1829, vol. I, II — 303

Малявин Филипп Андреевич (1869–1940), русский живописец и график, автор «лениниан», член объединений «Мир искусства» и «Союз русских художников» — 241

Марат (Marat) Жан Поль (1743–1793), деятель Великой французской революции, ученый и публицист — 299, 366, 372, 418, 456, 497

Марий Гай (Gaius Marius) (ок. 157–86 до н.э.), римский полководец и политический деятель — 336, 456

Мария-Антуанетта (Marie Antoinette) (1755–1793), жена французского короля Людовика XVI, сестра австрийского императора Франца I, казненная после свержения монархии во Франции — 577

Марк Антоний (82–30 до н.э.), римский политический деятель и полководец, во время гражданской войны один из полководцев Юлия Цезаря; в 43 г. до н.э. вместе с Октавианом и Лепидом заключил второй триумвират, в 36 г. до н.э. женился на египетской царице Клеопатре VII; его ссора с Октавианом привела к войне между ними, в которой Марк Антоний проиграл и покончил с собой — 416

Марков Андрей Андреевич (1856–1922), русский математик, специалист по теории чисел, теории вероятностей и математическому анализу, ординарный академик Петербургской академии наук (с 1896 г.) — 196, 245, 413

Маркс (Marx) Карл Генрих (1818–1883), немецкий философ и экономист, деятель немецкого и международного рабочего движения — 143, 212–213, 241–242, 251, 496–497, 500, 549, 565, 573, 607
– Классовая борьба во Франции в 1848–1850 гг. СПб.,1906 — 549
– Капитал — 496
– Коммунистический манифест — 496

Марсель (Marcel) Этьенн (?–1358), руководитель Парижского восстания 1357–1358 гг. — 432, 471, 541

Маршалл (Marshall) Джордж Кэтлетт (1880–1959), государственный и военный деятель США, генерал армии, лауреат Нобелевской премии мира, инициатор плана Маршалла (1947) – программы помощи Европе после Второй мировой войны, в осуществлении которого участвовали 17 европейских стран, включая Западную Германию; поскольку американцы в качестве предварительного условия предоставления помощи этим странам потребовали выведения коммунистов из состава правительств стран, подписавших договор (что и было выполнено к 1948 г.), план считается одним из инструментов «холодной войны» — 237

Масарик (Masaryk) Алиса (1879–1966), дочь президента Т.Г. Масарика, председатель Чехословацкого Красного Креста, одна из основательниц социологической секции Союза чехословацких студентов, в 1918–1920 гг. – член революционного Национального собрания — 261

Масарик (Masaryk) Томаш Гарриг (1850–1937), чехословацкий государственный и политический деятель, философ и социолог, в 1918–1935 гг. – президент Чехословацкой республики — 82, 233, 261

Маслов Петр Павлович (1867–1946), русский экономист, социал-демократ (меньшевик), после Октябрьской революции 1917 г. отошел от политической деятельности, вел педагогическую и научную работу; академик АН СССР (1929) — 319, 486, 492

– Мировая социальная проблема. Чита, 1921 — 319, 486

Маслов Семен Леонтьевич (1874–1938), ученый-экономист, министр земледелия Временного правительства, после Октябрьской революции от политической деятельности отошел, вернулся в Москву, с 1921 г. был председателем совета Центра сельскохозяйственной кооперации, в 1929 г. ушел на пенсию; в 1931–1934 гг. отбывал ссылку в Казахстане за принадлежность к нелегальной эсеровской организации, в 1938 г. был арестован по прежнему обвинению и 20 июня 1938 г. приговорен к расстрелу (приговор приведен в исполнение в тот же день) — 106

Маслов Сергей Семенович (1887 – не ранее мая 1945), русский экономист, политический деятель и публицист, член партии эсеров; с 1921 г. в эмиграции; в 1945 г. был депортирован в СССР — 336

– Россия после четырех лет революции. Париж, 1922, т. 1–2 — 336

Масперо (Maspero) Гастон Камиль Шарль (1846–1916), французский египтолог — 525

– Древняя история. СПб., 1903 — 525

Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921, вып. III–V — 332, 346, 405, 430

Маховик. 27 июля 1921 (статья «В местах неурожая») — 373

Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930), русский советский поэт — 240

Мезенев, купец, сокамерник П.А. Сорокина в тюрьме Великого Устюга (1918) — 167

Мейер (Meyer) Макс (1873–1967), германо-американский психолог и музыкальный теоретик — 282

– Psychology of the other one [Психология одного из двух]. 1921 — 282

Мейер (Meyer) Эдуард (1855–1930), немецкий историк древности — 528–529

– Народонаселение в древности // Народонаселение и учение о народонаселении. М., 1897 — 528–529

Мейман (Meumann) Эрнест (1862–1915), немецкий педагог и психолог, основатель экспериментальной педагогики — 383, 584
– Интеллигентность и воля. [М.], 1917 — 383, 584

Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956), русский историк, публицист и политический деятель, в 1922 г. высланный из Советской России — 364, 505
– Голова Медузы (Немного статистики) // Дни. 1923, № 210, 11 июля — 505

Меммий Гай (ок. 98 – ок. 46 до н.э.), народный трибун, первоначально сторонник Помпея, потом Цезаря, поэт и оратор, знаток философии и покровитель литераторов; был осужден за подкуп и изгнан из Рима (в 52 г. до н.э.) — 416

Мендель (Mendel) Грегор Иоганн (1822–1884), австрийский биолог, основоположник учения о наследственности, названного в его честь менделизмом — 264

Мерлен (Merlin de Thionville) Антуан Кристоф (1762–1833), деятель Великой французской революции, якобинец, депутат Законодательного собрания и Конвента — 341, 456, 508

Мерт, в египетской мифологии – богиня музыки и пения — 356

Метелл Квинт Цецелий (ум. 115 до н.э.), римский претор, подавивший в 148 г. до н.э. восстание Андриска, выдававшего себя за законного наследника Македонского престола Филиппа; после этого Македония была объявлена римской провинцией, а Метелл получил прозвище Македонский — 355

Мещеряков Владимир Николаевич (1885–1946), большевик, советский партийный и государственный деятель, дипломат, после Октябрьской революции 1917 г. работал в Народном комиссариате земледелия, нарком земледелия Украинской республики (1919), в последующие годы находился на дипломатической работе во Франции, Швеции, Норвегии — 333
– О сельскохозяйственных коммунах. М., 1918 — 333

Миклашевский Иван Николаевич (1858–1901), русский экономист и статистик — 538
– История политической экономии. Философское, историческое и теоретическое начала экономии. Юрьев, 1908 — 538

Микулаш Желивский (Zeliv) (?–1422), участник гуситского движения, руководитель восстания в Праге 30 июля 1419 г., в 1419–1422 гг. контролировал весь город и установил в нем диктатуру радикального крыла гуситов; 9 марта 1422 г. сторонники умеренного крыла движения заманили его и его сторонников в Староместскую ратушу и в тот же день обезглавили — 418, 432

Милдмей (Mildmay) Генри (ок. 1593–1664), английский политический деятель, член Долгого парламенты — 456

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), русский историк и социолог, публицист и политический деятель — 51, 65, 77–78, 301, 308, 336, 388, 567–568
– История второй русской революции. София, 1921–1923, т. 1–3 — 301, 336, 568

Минин Кузьма (полное имя Кузьма Минич Захарьев Сухорукий; конец XVI в. – 1616), русский национальный герой, организатор и один из руководителей Земского ополчения 1611–1612 гг. в период борьбы русского народа против польской и шведской интервенции — 97

Мирабо (Mirabeau) Оноре Габриэль Рикети (1749–1791), граф, деятель Великой французской революции, избранный в Генеральные штаты от третьего сословия — 315, 374, 418

Миролюбов Виктор Сергеевич (1860–1939), русский литератор, оперный певец, издательский деятель, с 1898 г. возглавлял литературно-научный «Журнал для всех», в 1910 г. редактировал сборники издательства «Знание», в 1917 г. сотрудничал в правоэсеровской газете «Воля народа», после Октябрьской революции работал в Центральном кооперативном издательстве, редактировал журнал «Артельное дело» — 75

Митра, древнейшее арийское божество небесного света, солнца и правды, почитавшееся в Иране, Индии и Северной Месопотамии; Геродот отождествлял Митру с греческой Афродитой — 495

Михаил, Великий князь Михаил Александрович (1878–1918), младший брат Николая II, который отрекся от престола в его пользу; 3(16) марта 1917 г. в ответ на Манифест отречения Николая II был составлен «Манифест Михаила» (опубликован 4(17) марта), в котором Михаил Александрович попросил всех граждан России подчиниться Временному правительству и объявил, что примет верховную власть только в случае, если народ выразит на то свою волю посредством всенародного голосования на выборах представителей в Учредительное собрание, которое должно было решить вопрос об «образе правления» государством; после Октябрьского переворота уехал в Пермь, где в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. был убит группой местных чекистов и милиционеров — 65, 67

Михаил Феодорович (1596–1645), первый русский царь из династии Романовых, избранный на престол в феврале 1613 г. Земским собором — 380

Михайловский Николай Константинович (1842–1904), русский публицист, социолог, литературный критик, один из идеологов народничества — 243, 275, 280, 390, 514, 573
– Герои и толпа —275
– Борьба за индивидуальность — 280

Мишле (Michelet) Жюль (1798–1874), французский публицист и историк романтического направления — 299, 316, 341, 353, 398, 482, 490
– История XIX века. СПб., 1882, т. 1: Директория — 341, 353, 398
– История французской революции [Histoire de la révolution française. Paris, 1846–1857, vol. 1–7] — 299

Мольер (настоящие имя и фамилия Жан Батист Поклен) (1622–1673), французский драматург, актер и театральный деятель — 299

Моммзен (Mommsen) Теодор (1817–1903), немецкий историк, специалист по истории Древнего Рима и римскому праву — 143, 296, 313, 324, 337, 355, 364, 370, 373–375, 377, 399, 407–408, 417, 432, 442, 455, 467, 484, 495, 576, 580
– Римская история. М., 1887, т. II, III — 143, 296, 313

Монк (Monk, Monck) Джордж (1608–1670), английский военный и политический деятель, генерал, покоритель Шотландии — 455–456

Монталамбер (Montalembert) Марк Рене де (1714–1800), маркиз, французский военный деятель и теоретик фортификации, дивизионный генерал — 372

Монте-Кристо, граф, главный герой приключенческого романа А. Дюма — 144

Монтроз (Montrose) Джеймс Грэм (1612–1650), граф, шотландский военный деятель — 360, 418

Мотлей, Мотли (Motley) Джон Лотроп (1814–1877), американский историк — 297, 354, 364, 367, 375
– История Нидерландской Революции и основания республики соединенных провинций. СПб., 1866, т. 2 — 297, 354

Мстиславский (наст. фамилия Масловский) Сергей Дмитриевич (1876–1943), левый эсер, подполковник Военной академии, активный участник масонской ложи «Великий Восток народов России», автор ее устава; участник революции 1905–1907 гг., Февральской революции и гражданской войны, в 1917 г. – комиссар Петросовета, арестовывал семью Николая II, в дальнейшем занимался литературной работой, написал ряд художественных произведений по истории революционного движения в России — 69, 73–74, 94, 568
– Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин; Пб.; М., 1922 — 568

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), русский композитор, участник «Могучей кучки» — 115, 240
– Хованщина (1872–1881; не закончена; первую сценическую редакцию «Хованщины» в 1883 г. выполнил Н.А. Римский-Корсаков) — 115

Муссолини (Mussolini) Бенито (1883–1945), итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии, диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922–1943 гг.; после свержения в 1943–1945 гг. возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии — 241

Мюллер (Müller) Август (1848–1892), немецкий востоковед — 303, 338, 418, 648
– История ислама от основания до позднейших времен. СПб., 1895, т. I–IV — 303, 338, 418

Мюнцер (Münzer, Müntzer) Томас (ок. 1490–1525), немецкий революционер, один из главных вождей Крестьянской войны в Германии (1524–1526) — 468, 471, 497

Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937), русский историк и публицист, один из основателей «Союза возрождения России» (1918), с 1918 г. в эмиграции — 228, 232

Мясковский Николай Яковлевич (1881–1950), русский композитор, педагог и музыкальный критик — 239

Мясоедов, профессор, сотрудник Института мозга — 349

Н

Н., писатель — 223, 226

На новых путях. Итоги новой экономической политики за 1921–1922 гг. 1922, вып. III — 476

Набис, Набид (Nabis), тиран Спарты с 207 по 192 г. до н.э., продолживший реформу, начатую Агисом IV и Клеоменом III — 296, 408, 468, 528

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), русский юрист, политический деятель и публицист, один из организаторов и лидеров Конституционно-демократической партии, отец писателя Владимира Набокова, в 1918 г. – министр юстиции Крымского краевого правительства, в 1919 г. эмигрировал, погиб в Берлине во время покушения эмигрантов-монархистов на П.Н. Милюкова — 64, 66

Нагродская Евдокия Аполлоновна (1866–1930), русская писательница-декадентка, автор романов «Белая колоннада», «Гнев Диониса» и многочисленных рассказов — 349

Наполеон I Бонапарт (Napoleon) (1769–1821), французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император Франции (1804–1815) — 93, 300, 316, 325–326, 341, 351, 370, 379–380, 435, 444, 452, 455–456, 467, 508, 548, 577, 584, 587–588, 646

Наполеон III (Napoleon III), Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), французский император в 1852–1870 гг., сын Гортензии Богарне, падчерицы Наполеона I, и его брата Луи Бонапарта; в декабре 1848 г. был избран президентом Французской республики, 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот и провозгласил себя императором Наполеоном III — 316, 370, 380, 467, 489

Народное хозяйство России. Берлин, 1921, вып. 1 — 336

Народное хозяйство России. М.–Л., 1922, вып. 2 — 336

Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1924 — 591, 593–594

Натансон Марк Андреевич (1850–1919), российский революционер и политический деятель, с 1906 по 1917 г. – в эмиграции, после Февральской революции в мае 1917 г. вернулся в Россию через территорию Германии (по утверждению В.М. Чернова, «в пломбированном вагоне»), возглавил левое крыло партии эсеров, поддерживал Ленина и большевиков, поддержал разгон большевиками Учредительного собрания, в 1919 г. из-за угрозы ареста выехал за границу, умер в Швейцарии — 81, 108

На чужой стороне. Берлин, 1923, сб. 1 — 494

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), русский государственный и политический деятель, кадет, один из руководителей «Земгора», министр Временного правительства — 428, 456

Нерон Клавдий Цезарь (37–68), римский император с 54 г. из династии Юлиев-Клавдиев — 370

Низе (Niese) Бенедиктус (1849–1910), немецкий филолог, профессор в Марбурге и Бреславле – 312, 323, 336, 338, 417, 528–529, 531
- Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten [История греческих и македонских государств]. Gotha. 1899, 2 Teil, 1903, 3 Teil — 417, 528
- Grundriss der römischen Geschichte nebst Quellenkunde [Очерк римской истории и римского источниковедения]. München, 1906 — 529, 531

Никитин Николай Николаевич (1895–1963), русский советский писатель, с 1921 г. – участник литературной группы «Серапионовы братья» — 348

Николаи (Nicolai) Георг Фридрих (1874–1964), немецкий врач и социолог, доктор медицины, пацифист — 409
- Die Biologie des Krieges. Betrachtungen eines deutschen Naturforschers [Биология войны. Размышления немецкого натуралиста]. Zürich, 1919 — 409

Николай II; Николай Александрович Романов (1868–1918), последний российский император — 64, 94, 189, 578, 585, 637, 646

Никон (в миру Никита Минов; 1605–1681), церковно-политический деятель России, в 1652–1667 гг. – патриарх Русской православной церкви — 552

Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900), немецкий философ и поэт — 275

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), русский философ и правовед — 242, 491

Новиков (Nowikow) Яков Александрович (Jacque) (1849–1932), русско-французский социолог — 264, 409
- Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives [Борьба между человеческими сообществами и их последовательные фазы]. Paris, 1896 — 409
- Consicence et volanté sociales [Общественное сознание и социальная воля]. Paris, 1897 — 264

Новицкий Юрий Петрович (1882–1922), русский ученый-юрист, последователь Б.А. Кистяковского, православный общественный деятель, с 1914 г. приват-доцент, а затем профессор Петербургского университета; в 1922 г. арестован и судим на Петроградском процессе «по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей», был приговорен к смертной казни и 13 августа 1922 г. расстрелян вместе с митрополитом Вениамином, архимандритом Сергием и адвокатом И.М. Ковшаровым; в 1922 г. причислен к лику святых как новомученик — 224–225

Новое Время. 1905, 11 декабря — 349

Новосельский Сергей Александрович (1872–1953), русский демограф и статистик — 557
- Забастовочное движение в промышленности Петрограда // Бюллетени отдела статистики труда. 1919, № 8, 15 ноября — 557

Ногин Виктор Павлович (1878–1924), профессиональный революционер, советский партийно-государственный деятель; философ-марксист, в 1917 г. – первый нарком по делам торговли и промышленности — 82

Ньютон (Newton) Исаак (1643–1727), английский физик и математик, заложивший основы классической механики и астрономии — 264

О

Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920), русский языковед и литературовед, почетный академик Петербургской академии наук, умер в одесской клинике от нарушения циркуляции крови — 413

Огановский Николай Петрович (1874–1938), экономист-аграрник, статистик и политический деятель, после Февральской революции 1917 г. вошел в состав организационного комитета народно-социалистической партии, с мая 1917 г. – член исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов; в 1918–1920 гг. заведовал экономическим отделом Сибцентросоюза, с сентября 1921 г. жил в Москве, работал в наркомате земледелия; в 1931 г. г. был приговорен к 5 годам лишения свободы, в 1933 г. на оставшийся срок был выслан в Башкирию, после освобождения из ссылки в 1935 г. остался жить в Уфе — 105

О голоде. Под ред. К.Н. Георгиевского. Харьков, 1922 — 367

О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М., 1921, вып. 1 — 336, 437

Одесские Известия [правильно: Известия Одесского совета рабочих и красноармейских депутатов] — 348

XI съезд Российской коммунистической партии. Резолюции и Постановления XI Съезда Российской коммунистической партии (большевиков). 27 марта – 2 апреля 1922. М., 1922 — 427

Одинцов Борис Николаевич (1882–1967), русский ученый-почвовед, в 1922 г. выслан из Советской России, жил в Праге, читал лекции в Пражском институте кооперации, в 1945 г. перед приходом советских войск вместе с семьей перебрался в Западную Германию, с 1951 г. жил в Нью-Йорке — 228

Озеров Иван Христофорович (1869–1942), профессор, экономист, финансист и писатель, в 1918 г. – экономический советник гетмана Скоропадского, в 1920-х гг. сотрудничал с журналом «Экономист», в 1922 г. включен в список высылаемых за границу профессоров, но высылка была приостановлена, а затем отменена; в 1927 г. вышел на пенсию, в 1930 г. арестован, приговорен к высшей мере наказания с заменой 10 годами лишения свободы, 1930 г. провел в Бутырской тюрьме, затем отбывал наказание на Соловках и на Беломорско-Балтийском канале, в 1933 г. после амнистии уехал в Воронеж, где отбывала ссылку его жена; в 1936 г. их поселили в Доме престарелых ученых в Ленинграде, где он и умер во время блокады — 228

Олар (Aulard) Франсуа Виктор Альфонс (1849–1928), французский историк — 299–300, 370
– Ораторы революции. М., 1907–1908, т. 1–2 — 299
– Политическая история Французской революции. М., 1920 — 300

Оман (Oman) Чарлз Уильям Чейдуик (1860–1946), английский историк — 296, 324, 339, 536
– Великое крестьянское восстание в Англии. М., 1907 — 296, 536

Онху, древнеегипетский «старец», автор записок — 416, 484, 525

Орбели Леон Абгарович (1882–1958), русский физиолог, ближайший ученик и сотрудник И.П. Павлова — 282

Ормузд III (V в.), персидский царь из династии Сасанидов, убитый в 459 г. своим братом Перозом — 338

Осинский Н. (псевдоним Валериана Валериановича Оболенского) (1887–1938), советский партийный и государственный деятель, экономист — 333
– Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. М., 1918 — 333

Осипов Виктор Петрович (1871–1947), русский психиатр — 415
– О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде // Известия Комиссии Здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны. 1919, № 7–12 — 415

Осирис, в древнеегипетской религии сын бога земли Геба и богини неба Нут, унаследовавший царство отца, но убитый братом, злым богом Сетом, который разрезал его тело на 40 частей и разбросал по всей стране; жена Осириса Исида собрала их и, сложив вместе, оживила с помощью магических заклинаний — 295

Осоргин Михаил Андреевич (настоящая фамилия Ильин; 1878–1942), русский писатель и журналист, в 1922 г. выслан из Советской России — 228

Острогорский Моисей Яковлевич (1852–1919), русский политолог, историк, юрист, социолог, профессор Психоневрологического института в Петербурге — 186, 619

Отрепьев Григорий (Гришка Отрепьев, Лжедмитрий I), беглый монах Чудова монастыря, около 1601 г. стал выдавать себя за царевича Дмитрия и взошел на русский престол под именем Дмитрия I — 190

Оттокар Николай Петрович (1884–1957), русский историк-медиевист, идейный единомышленник и близкий друг Л.П. Карсавина, с 1922 г. в эмиграции — 533
– Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919 — 533

Отчет Народного Комиссариата Земледелия X Всероссийскому съезду Советов. 1922. М., 1923 — 477

Ошар (Hochard), участник Великой французской революции, якобинец — 365

Оуэн (Owen) Роберт (1771–1858), английский социалист-утопист — 497

Очерки по истории Византии. СПб., 1912, вып. II — 532

П

Павлов Владимир Николаевич (1891–1925), советский партийный деятель, член РСДРП(б) с 1912 г., в 1917 г. – член Центральной комендатуры, а затем Главного штаба Красной гвардии Петрограда, активный участник Октябрьского переворота, сопровождал арестованных министров в Петропавловскую крепость, был назначен ее комендантом — 120, 124, 127–128

Павлов Иван Петрович (1849–1936), русский физиолог, академик (с 1907 г.), создатель учения о высшей нервной деятельности — 195–196, 198, 217, 244–245, 275, 279, 282, 354, 381, 390, 562–563, 632, 642
– Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы. Сборник статей, докладов, лекций и речей. М.-Пг., 1923 — 275, 279, 282

Палацкий (Palacky) Франтишек (1798–1876), чешский историк и философ — 297, 324, 397, 399
– Geschichte von Böhmen [История Богемии]. Prag, 1851, Bd. II — 297

Палладин Владимир Иванович (1859–1922), русский ботаник и биохимик, академик Петербургской академии наук — 413

Пальчинский Петр Иоакимович (Акимович) (1875–1929), русский инженер, экономист, политический деятель, племянник Н.В. Чайковского; с 30 августа 1917 г. – генерал-губернатор Петрограда, в октябре руководил обороной Зимнего дворца, 25 октября (7 ноября) был арестован победившими большевиками и заключен в Петропавловскую крепость (освобожден под большой залог через 4 месяца); в 1920-е гг. находился на хозяйственной работе, был консультантом при разработке проекта ДнепроГЭСа, в 1928 г. арестован и приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу по обвинению в руководстве заговором и вредительством на железнодорожном транспорте и в золото-платиновой промышленности — 107, 122

Панкратов Василий Семенович (1864–1925), русский революционер, член «Народной воли»; после Февральской революции присоединился к оборонческой группе эсеров «Воля Народа», в августе 1917 г. был назначен комиссаром отряда специального назначения охранять бывшего царя в Тобольске, в конце 1919 г. (или в 1920 г.) переехал в Москву; умер от сердечного приступа 5 марта 1925 г. в Москве, выслушав речь о судебном разбирательстве над провокатором «Народной воли» Окладским — 94

Паран-Дюшатле (Parent-Duchatelet) Алексис Жан Батист (1790–1836), французский врач, доктор медицины, президент Совета оздоровления Парижа, специалист по вопросам гигиены — 352
– De la prostitution dans la ville de Paris [Проституция в Париже]. 1857, vol. I — 352

Парето (Pareto) Вильфредо (1848–1923), итальянский социолог и экономист — 55, 275, 279, 282, 287, 432, 533, 563–564, 586
– Trattato di sociologia generale [Трактат по общей социологии]. Firenze, 1916, vol. I–II — 55, 275, 287, 533

Парижская Коммуна. Акты и документы. Пг., 1920 — 461

Паркер (Parker) Эдуард Харпер (1849–1926), английский синолог — 400
– China Past and Present [Китай в прошлом и настоящем]. London, 1903 — 400

Пармели (Parmelee) Морис (1882–1969), американский социолог, экономист и криминолог — 279
– The science of human behavior [Наука о человеческом поведении]. New York, 1913 — 279

Паскаль (Pascal) Блез (1623–1662), французский философ, физик и математик, сторонник янсенизма — 276, 628

Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), русский поэт и писатель, лауреат Нобелевской премии (1958) — 240

Патрик (Patrick) Джордж Томас Уайт (1857–1949), американский философ и психолог — 275–276, 279, 305, 317, 328, 515, 646
– The Psychology of Social Reconstruction [Психология социальной реконструкции]. Boston, 1920 — 275, 305, 317, 328

Паттен (Patten) Симон Нильсон (1852–1922), американский экономист и социальный философ — 275
– The theory of social forces [Теория социальных сил] // Supplement to the Annals of the American Academia of Political and Social Science. 1896, January — 275

Пельман (Pöhlmann) Роберт (1852–1914), немецкий историк античности — 296, 312–313, 323, 337–338, 417, 526–531
– Очерки греческой истории и источниковедения. СПб., 1908, т. 1 — 527
– История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910 — 296, 338, 417, 526–528
– Ранний христианский коммунизм. Казань, 1920 — 296, 531

Перспективы развития сельского хозяйства СССР. М., 1924 — 592

Петерс Антонина Захаровна (1896–1986), вторая жена Якова Христофоровича Петерса (1886–1938), одного из создателей и первых руководителей ВЧК; после осуждения мужа была приговорена к 8 годам исправительно-трудовых работ; наказание отбывала в АЛЖИРе (Акмолинском лагере жен изменников родины), освобождена из Карлага в 1946 г. — 170

Петерсон Карл Андреевич (1877–1926), участник Октябрьского переворота 1917 г., член военно-революционного комитета; вошел в первый состав ВЧК, в 1918 г. направлен в Северо-Двинскую губернию комиссаром дивизии латышских стрелков, осуществлявшей карательные операции в прифронтовой полосе — 159–160, 165, 169–170

Петр I Великий (1672–1725), русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. — 613

Петр Брюнсенский, Петр де Брюи (Pierre Bruys, Brusius, Bruzius), предводитель средневекового антицерковного движения, живший в XII в. в Лангедоке, был основателем религиозной секты брюсианов; его учение дошло до нас в изложении Петра Достопочтенного, главы Клюнийского ордена, боровшегося с Бернаром Клервосским; дал убежище Абеляру. Брюи учил, что напрасно крестят детей, что для почитания Бога не нужно церквей – Его можно призывать всюду, отрицательно относился и к остальным церковным обрядам (молитвам, милостыне, погребению); к проповеди он приступил около 1105 г., его учение быстро распространилось по Лангедоку, а также Гиени; в 1125 г. (по другим данным, в 1126 г.) он был сожжен на костре в Сен-Жиле; начатое им движение нашло нового вождя в лице Генриха Лозаннского — 497, 534

Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931), польско-русский социолог и правовед — 242, 274, 279
– Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907 — 274

Петриченко Степан Максимович (1892–1947), глава Временного революционного комитета, созданного во время Кронштадтского восстания в марте 1921 г., после подавления мятежа бежал в Финляндию, работал на советскую разведку, в 1941 г. был арестован финскими властями, а в апреле 1945 г. передан в органы контрразведки Красной армии; умер 2 июня 1945 г. во время этапирования его из Соликамского лагеря во Владимирскую тюрьму — 557

Петров, крестьянин, сокамерник П.А. Сорокина в тюрьме Великого Устюга (1918) — 160

Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939), русский и советский живописец, график, теоретик искусства, писатель и педагог — 241

Петроградская правда — 229
1921, 1 февраля — 540
1922, 17 февраля — 557
10 марта — 415

Петруччи (Petrucci) Рафаэль (1871–1917), французский социолог и востоковед, специалист по японскому искусству — 328
– Les origines naturelles de la propriete. Essai du sociologie comparée [Естественное происхождение собственности. Очерк сравнительной социологии]. Bruxelles-Leipzig, 1905 — 328

Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942), русский историк — 296, 324, 339
– Восстание Уота Тайлера. М., 1915 — 296

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933), русский статистик, публицист, политический деятель, один из основателей партии народных социалистов (энесов); в 1922 г. выслан за границу, жил в Риге, Праге и Берлине, неоднократно безуспешно просил советское правительство разрешить ему вернуться на родину — 228, 232, 645

Пильняк (наст. фамилия Вогау) Борис Андреевич (1894–1937), русский писатель — 240, 348
– Былье. Пг.-М., 1920 — 348
– Голый год. Пб.-Берлин, 1922 — 348

Пирсон (Pearson) Карл (1857–1936), английский математик, биолог и философ — 274

Питт (Pitt) Уильям Младший (1759–1806), государственный деятель Великобритании, в 1783–1801 и 1804–1806 гг. – премьер-министр — 384

Платон (Platon) (427–347 до н. э.), древнегреческий философ — 368, 410, 584

Платонов Сергей Федорович (1860–1933), русский историк, академик АН СССР (1920–1931), после революции 1917 г. подвергся критике со стороны историков-марксистов, умер в Самаре — 340, 453, 552–554
– Лекции по русской истории. Пг., 1917 — 340, 453, 552–554
– Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело. 1921, № 9–16 — 552

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), русский философ и пропагандист марксизма — 84, 573

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642), князь, русский национальный герой, военный и политический деятель, глава народного ополчения, освободившего Москву от польско-литовских оккупантов — 97

Покровский Иосиф Алексеевич (1868–1920), русский юрист, профессор римского и гражданского права — 186, 213, 413, 619

Покровский Николай Николаевич (1865–1930), русский государственный деятель, в 1914–1916 гг. – член Государственного Совета, в 1916–1917 гг. – министр иностранных дел — 428

Полетаев Николай Гурьевич (1872–1930), деятель российского рабочего движения, в 1918–1921 гг. – на издательской и хозяйственной работе в Москве — 344

Полибий (Polybius; ок. 200–120 до н.э.), древнегреческий историк, автор «Всемирной истории» в 40 книгах (полностью сохранились первые пять) — 400, 408

Поликрат, тиран острова Самос (537–522 до н.э.), которого персидский сатрап Оретес заманил в Сарды и распял на кресте — 417

Помпей (Gnaes Pompeius Magnus) Гней (10–48 до н.—э.), римский полководец и политический деятель — 189, 336, 416, 431, 456, 468, 530

Попов, студент, сокамерник П.А. Сорокина в тюрьме Великого Устюга (1918), убитый на его глазах — 160

Попов Александр Степанович (1859–1905), русский физик и электротехник, профессор, изобретатель — 245

Последние новости. 1923, № 972, 23 июня — 448

Правда — 68, 79–80, 95, 214, 336
1921, 22 октября — 373
1922, 5 января — 367
10 февраля — 367
26 марта — 367
22 мая — 367
1923, 21 июня — 346
24 июня — 507
24 июля — 366
9 августа, № 177 — 334

Прейн, английский юрист, автор памфлета, направленного против привилегий, предоставленных в Англии католикам, и против развращения королевского двора; по решению Звездной палаты был приговорен (вместе с Бертоном и Бествиком) к выставлению у по-

зорного столба, отрезанию ушей (что в отношении к нему не могло быть исполнено, поскольку они уже были у него отрезаны за написание другого памфлета), уплате штрафа в 5 000 фунтов стерлингов и пожизненному заключению; приговор был приведен в исполнение 30 июня 1637 г. — 297, 497

Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937), большевик с 1903 г., в 1918 г. – левый коммунист, с 1923 г. – активный деятель троцкистской оппозиции, в 1927 г. исключенный из партии, в 1929 г. восстановлен, но затем снова исключен и репрессирован — 334, 387, 493

– Причины падения курса нашего рубля. М., 1922 — 493

Приключения бедолаги Карла Маркса в коммунистической России (The Adventures of the poor fellow, Karl Marx, in Communistic Russia), рукописная сатирическая поэма неизвестного автора — 213

Прокоп Большой (ок. 1380–1434), деятель гуситского революционного движения, священник, с 1426 г. – главный политический и военный руководитель таборитов, погиб в битве под Липанами — 297, 399, 418, 432, 455–456, 471

Прокоп Малый (ум. 1434), деятель гуситского революционного движения, с 1428 г. – начальник так называемых сирот (одного из революционных направлений гуситов), погиб в битве под Липанами — 418

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), русский экономист, статистик, общественный и политический деятель, один из организаторов и руководителей «Помгола», в 1922 г. выслан из Советской России — 321–322, 336, 436–437, 448, 476, 478, 645

– Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923 — 321, 436

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953), русский композитор, в 1922 г. эмигрировал из Советской России, но в 1932 г. возвратился — 239, 240

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1917), русский государственный деятель, член партии октябристов, с сентября 1916 г. – министр внутренних дел, одно из наиболее доверенных лиц императора Николая II, расстрелян по приговору ВЧК — 53, 578

Протопопов Виктор Павлович (1880–1957), русский советский психиатр и физиолог высшей нервной деятельности, профессор, сотрудник Института мозга, действительный член Академии наук УССР — 349

Профессиональный вестник. 1918, № 7–8 — 322

Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809–1865), французский философ и экономист, теоретик анархизма — 497

Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948, Москва), русский советский ученый-агрохимик, физиолог и биохимик растений, академик АН СССР (1929) — 245

Психиатрия и неврология. 1922, № 1 — 373

Птолемеи, династия правителей Египта в IV–I вв. до н. э. — 183

Пугачев Емельян Иванович (1742–1775), руководитель восстания крестьян и казаков в России в XVIII в. — 340

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), русский общественный деятель, один из лидеров «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», один из участников убийства Г. Распутина — 122, 125

Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937), советский партийный и государственный деятель, учился на экономическом отделении юридического факультета Петербургского университета (исключен в 1910 г. после третьего курса); с ноября 1920 по декабрь 1921 г. – руководитель Центрального управления каменноугольной промышленности Донбасса, председатель Главного концессионного комитета, в 1921–1923 гг. – кандидат в члены ЦК РКП(б), с марта 1922 г. – заместитель председателя Госплана; в сентябре 1936 г. выведен из ЦК и исключен из партии и арестован, в качестве одного из главных обвиняемых привлечен к процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» и приговорен к расстрелу — 111, 232

Пятигорский (Piatigorsky) Григорий Павлович (1903–1976), американский виолончелист российского происхождения; в 1919 г. стал членом струнного квартета имени Ленина, а также концертмейстером группы виолончелей оркестра Большого театра; через 2 года покинул СССР, уехав сначала в Варшаву, потом в Лейпциг, затем в США — 240

Р

Радек (наст. фамилия Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939), деятель российского и международного рабочего движения, публицист — 334, 374, 427, 456

Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928), русский философ, историк философии и переводчик — 192

Разин Степан Тимофеевич (?–1671), донской казак, руководитель восстания крестьян и казаков в 1667–1671 гг. — 340, 553

Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941), советский государственный и партийный деятель, в 1918–1923 гг. – председатель СНК Украины, с 1923 г. – на дипломатической работе; по делу об «антисоветском правотроцкистском блоке» осужден на 20 лет; 11 сентября вместе с М.А. Спиридоновой, Д.Д. Плетневым и другими расстрелян в орловской тюрьме — 427

Рамбо (Rambaud) Альфред (1842–1905), французский историк — 533

Рамзес III (Ramses) (ум. в 1156 до н.э.), египетский фараон — 525

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872–1916), фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны, считался «провидцем» и «целителем», убит монархистами — 51, 190

Рассел (Russell) Бертран (1872–1970), английский философ, социолог, математик и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1950) — 195

Растрелли (Rastrelli) Бартоломео Франческо (Варфоломей Варфоломеевич) (1700–1771), граф, русский архитектор итальянского происхождения, академик архитектуры Императорской Академии художеств (1771) — 189

Рафалович Алексей Львович, русский советский экономист — 412
– Россия и международный рынок // Экономист. 1922, № 4–5 — 412

Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943), русский композитор, пианист, дирижер; после революции 1917 г. покинул Россию, умер в США — 240

Ревельон, французский фабрикант, дом которого в Париже был разрушен восставшими рабочими накануне Великой французской революции — 384, 547

Рен (Wren) Кристофер (1632–1723), английский архитектор и ученый, крупнейший представитель английского классицизма — 490

Ренан (Renan) Жозеф Эрнест (1823–1892), французский писатель, историк и филолог-востоковед — 589

Репин Илья Ефимович (1844–1930), русский художник — 241

Рерих Николай Константинович (1874–1947), русский художник, философ, писатель и общественный деятель, с 1917 г. жил в эмиграции в Индии —241

Ржевский Владимир Алексеевич (1865 – после 1917), русский политический деятель, прогрессист, с 1911 г. – председатель московской уездной земской управы, депутат IV Государственной думы, 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. С конца марта — комиссар Временного комитета в Москве, 15 июня 1917 г. сложил полномочия члена Временного комитета; дальнейшая его судьба неизвестна — 57

Рибо (Ribot) Теодюль Арман (1839–1916), французский психолог — 274
– Психология чувств. СПб., 1898 — 274

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908), русский композитор, педагог, дирижер, общественный деятель, участник «Могучей кучки» — 240

Ринальдо Ринальдини – атаман разбойников, герой одноименного романа немецкого писателя Х.А. Вульпиуса (1762–1827) — 125

Ришар (Richard) Гастон (1860–1945), видный французский социолог, редактор «Revue internationale de sociologie», постоянный автор и рецензент этого журнала, с 1928 г. – редактор «Annales de l'Institut internationale de Sociologie» — 364
– Les crises sociales et les conditions de la criminalité [Социальные кризисы и причины преступности] // L'année sociologique. 1900, vol. III — 364

Ришелье (Richelieu) Арман Жан дю Плесси (1585–1642), французский государственный деятель, кардинал — 577

Роббинс (Robbins) Раймонд (1873–1954), американский общественный деятель, юрист по образованию, горнопромышленник, в 1917–1918 гг. руководил американской миссией Красного Креста в России, после возвращения в США в 1918 г. продолжил свою деятельность в пользу большевиков, был сторонником признания Советского Союза — 130

Робеспьер (Robespiere) Максимилиан (1758–1794), деятель Великой французской революции, один из лидеров якобинцев — 72, 266, 291, 300, 317, 388, 418, 456, 462, 473, 488, 508, 587, 643

Роден (Podin) Рене Франсуа Огюст (1840–1917), французский скульптор — 383, 584

Роджерс (Rogers) Джеймс Эдвин Торолд (1823–1890), английский экономист-историк — 325, 535–536, 550
– The Economic Interpretation of History [Экономическая интерпретация истории]. London, 1891 — 536
– History of agriculture and prices in England [История земледелия и цен в Англии]. Oxford, 1866–1902, vol. 1–7 — 325, 536

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), русский политический деятель, один из лидеров партии октябристов, с 1911 г. – председатель Государственной думы, в 1918–1920 гг. находился при армии генерала Деникина, эмигрировал в Югославию — 58, 63–64, 308

Родо (Raudot) Клод Мари (1801–1879), французский политик и публицист, автор ряда исторических работ о Великой французской революции и Наполеоне — 398

Родэс, Родес (Rodes; Rhodes) Иоганн де (начало XVII в. – 1655), торговый комиссар Швеции в России (с 1647 г.), автор сочинений о России XVII в., в том числе «Подробного донесения о происходящей в России коммерции» (октябрь 1653) — 553

Рожков Николай Александрович (1868–1927), русский историк и социолог — 552
– Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI века // Дела и дни. Исторический журнал. Пг., 1920, кн. I — 552

Розенберг Владимир Александрович (1860–1932), историк, редактор «Русских ведомостей», выслан из Советской России в 1922 г. на «философском пароходе» — 494
– Сказка о рыбаке и рыбке // На чужой стороне. Берлин, 1923, сб. 1 — 494

Розенблат Яков Моисеевич (1872–1928), врач-рентгенолог, профессор Одесского медицинского института, основавший в Одессе один из первых в России Частный химико-бактериологический институт, умер от профессиональной болезни рентгенологов («рассеянного рака») — 186

Розенблатт (Rosenblatt) Франк Фердинанд (1882–1927), американский историк, автор работ по истории чартизма — 538
– The chartist movement in its social and economic aspects [Чартистское движение в его социальных и экономических аспектах]. New York: Columbia University, 1916 (Studies in history, economics and public law, vol. LXXIII, № 1) — 538

Розенфельд (Rosenfeld) Курт (1877–1943), немецкий адвокат, социал-демократ, в 1922 г. вместе с другими юристами-социалистами был допущен к защите на процессе правых эсеров в Москве; защитники, однако, были поставлены в такие условия, что выступили с протестом и покинули советскую столицу — 226

Розин Николай Николаевич (1871–1919), русский правовед и общественный и политический деятель, профессор (с 1911 г.) Томского университета — 174, 186, 413, 619

Романович-Славатинский Александр Васильевич (1832–1910), правовед, профессор Университета св. Владимира в Киеве — 523
– Голода в России и Западной Европе и меры правительства против них. Киев, 1892 — 523

Романовы, династия русских царей, правивших с 1613 по 1917 г. — 121

Росс (Ross) Эдвард Олсворт (1866–1951), американский социолог и социальный психолог — 264, 272, 275, 289, 390, 376, 394, 514
– Foundations of Sociology [Основания социологии]. New York, 1920 — 264, 272, 275, 289, 390, 394
– Social control. A survey of the foundations of order [Социальный контроль. Обозрение оснований порядка]. New York, 1904 — 376

Росси (Rossi) Пеллегрино (1878–1948), итальянский социолог и психолог, автор работ по «общественной психологии» — 390

Ростовцев (Rostowzew) Михаил Иванович (1870–1952), русский историк античности и археолог, в 1918 г. эмигрировал из Советской России — 296, 313, 324, 338, 399, 408, 417, 432, 495, 530
– Рождение Римской империи. Пг., 1918 — 296, 399, 417, 432, 495, 530
– Закат античной цивилизации // Русская мысль. 1922, кн. VI–VII, VIII–IX — 495

Ротштейн Федор Аронович (1871–1953), советский дипломат, историк, академик АН СССР (1939), один из основателей Британской коммунистической партии (1920), в 1921–1922 гг. – полномочный представитель РСФСР в Иране, затем член Коллегии Народного комиссариата иностранных дел (1923–1930) — 197, 372, 427, 491, 620

Рошер (Roscher) Вильгельм Георг (1817–1894), немецкий экономист, основоположник исторической школы политэкономии — 534, 536
– О хлебной торговле и мерах против дороговизны. Казань, 1857 — 534

Рошфор (Rochefort) Виктор Анри (1831–1913), французский публицист и политический деятель, участник Парижской коммуны, после падения которой уехал из Франции; вернулся в 1880 г. по амнистии — 301

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), русский композитор, пианист, дирижер и музыкальный педагог, брат пианиста Николая Рубинштейна — 240

Рузвельт (Roosevelt) Франклин Делано (1882–1945), 32-й президент США, возглавлявший страну во время мирового экономического кризиса и Второй мировой войны, единственный американский президент, избиравшийся более чем на два срока — 254

Руль [Ежедневная газета, основанная И.В. Гессеном, А.И. Каминкой и В.Д. Набоковым; выходила в Берлине с 17 ноября 1920 г. (№1) по 14 октября 1933 г. (№3309); слыла одной из самых непримиримых по отношению к большевикам]
1921 № 129, 21 апреля, пятница — 540
1922 № 764, 7 июня, четверг — 348
№ 768, 12 июня, вторник — 415
№ 777, 22 июня, пятница — 348, 415

Русанов Николай Сергеевич (1859–1939), русский революционер, народоволец, затем эсер, после революции 1905 г. жил в Париже, в 1917 г. вернулся в Россию, но после Октябрьской революции эмигрировал — 69

Русское уголовное уложение (правильно: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных), свод уголовного права в России, составленный в 1845 г., переработанный в 60-х гг. XIX в.; в редакции 1885 г. Уложение действовало до Октябрьской революции 1917 г. — 361

Руссо (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский писатель, философ и публицист — 294, 298, 489, 496–497, 499, 565, 573, 577

Рутенберг Петр (Пинхас) Моисеевич (1878–1942), инженер, политический деятель и бизнесмен, активный участник русских революций 1905 и 1917 гг., впоследствии один из руководителей сионистского движения; в июле 1917 г. вернулся (после 11 лет эмиграции) в Россию и был назначен заместителем главы города, во время штурма Зимнего дворца 7 ноября 1917 г. был в числе защитников резиденции Временного правительства, был арестован вместе с министрами последнего Временного правительства и посажен в Петропавловскую крепость, в августе 1918 г. уехал из России — 122, 125

Рыков Алексей Иванович (1881–1938), советский государственный и партийный деятель — 480

Рябушинский Павел Павлович (1871–1924), русский промышленник, октябрист, накануне Октябрьской революции 1917 г. ставший признанным лидером российской контрреволюционной буржуазии — 384, 444

Рязанов (наст. фамилия Гольдендах) Давид Борисович 1870–1938), деятель российского революционного (социал-демократ) и профсоюзного движения, историк, основатель и первый руководитель Института Маркса и Энгельса (ИМЭ), директором которого был с 1921 по начало 1931 г.; в 1937 г. арестован и 21 января 1938 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен по статье 58-8 к расстрелу (расстрелян в тот же день) — 102

С

С., профессор – см. Словцов Б.И.

Савинков Борис Викторович (1879–1925), русский политический деятель (эсер), писатель; с 1920 г. в эмиграции, в 1924 г. вернулся в Россию, репрессирован — 83–84, 96, 134

Савич Владимир Васильевич (1874–1936), русский физиолог и фармаколог, профессор, в 1898 г. окончил Военно-медицинскую академию и остался работать в лаборатории И.П. Павлова, в 1904–1905 гг. – участник русско-японской войны; после революции возглавлял кафедры различных ленинградских медицинских институтов — 289

– [Доклад в Институте Лесгафта] — 289

Садуль (Sadoul) Жак (1881–1956), деятель французского рабочего движения, в 1918–1920 гг. – участник гражданской войны в России; будучи атташе при французской военной миссии в Петрограде, под влиянием бесед с В.И. Лениным отказался служить своему правительству, в конце 1919 г. вступил в Красную армию, за что во Франции заочно был приговорен к смертной казни; во Францию вернулся в 1924 г. — 427

Салль де Ла (de la Salle), маркиз (1731–1814), французский политический деятель, назначенный командующим национальной гвардией — 462

Сальвиан (Salvianus) Марсельский (390–484), христианский писатель и проповедник в Галлии, автор труда «О власти Господа» (De gubernatione Dei) и других сочинений — 531

Сальвиоли (Salvioli) Джузеппе (1857–1928), итальянский юрист и экономист — 324, 529, 531

– Капитализм в античном мире. Харьков-Екатеринослав, 1922 — 324, 529

Самойлов Александр Филиппович (1867–1930), русский физиолог, профессор Казанского и Московского университетов — 245

Сансон (Sanson) Анри (1767–1840), известный французский палач, казнивший Марию-Антуанетту; ему приписывается сочинение «Записки палача» (1862) — 364

Сатурнин (C.-L. Apuleius Saturninus), римский политический деятель I в. до н.э., стремившийся провести новые аграрные законы — 529–530

Сборник журнала «Народное хозяйство». М., 1918, кн. 1, март — 448

Сборник статистических сведений о современном экономическом положении иностранных государств. М., 1922 — 539, 549

Сваницкий Н. Питание московских рабочих во время войны // Вестник статистики. 1920, №№ 9–12, 1921, №№ 1–4 — 555

Святловский Владимир Владимирович (1869–1927), русский историк и экономист, с ноября 1905 г. – член Центрального бюро Петербургских профсоюзов, редактор его журнала «Профессиональный союз» — 198, 456

Северянин Игорь (наст. имя Игорь Васильевич Лотарев; 1887–1941), русский поэт Серебряного века, оказавшийся после заключения Брестского мира (1918) в Эстонии и в Россию не вернувшийся; умер в Таллине — 240

Селиванов Дмитрий Федорович (1855–1932), профессор «чистой математики» Петроградского университета и Эстонского педагогического института; в 1922 г. выслан из России вместе с группой интеллигенции; умер в Праге — 228

Семашко Николай Александрович (1874–1949), советский партийный и государственный деятель, один из организаторов советского здравоохранения, в 1918–1930 гг. – первый нарком здравоохранения РСФСР — 348

Сен-Жюст (Saint-Just) Луи Антуан (1767–1794), деятель Великой французской революции, сподвижник Робеспьера, член Конвента и Комитета общественного спасения, после термидорианского переворота гильотинирован — 365, 456, 462, 508

Сен-Симон (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760–1825), французский мыслитель, социолог, социалист-утопист — 497

Сенсини (Sensini) Гвидо (1879–1958), итальянский экономист — 432
– Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali [Теория состояния равновесия социальных классов] // Revista Italiana di Sociologia. 1913, sept.-oct. — 432

Серебряков Михаил Васильевич (1879–1959), советский историк и философ; с 1919 г. служил в политотделе Балтийского флота, в том же 1919 г. стал одним из основателей Научного общества марксистов, в 1920–1930 гг. – руководитель этого общества и редактор «Записок Научного общества марксистов»; с 1921 г. – профессор Петроградского университета, входил в бюро группы левой профессуры (с 1922), проректор (1922), одновременно возглавлял факультеты общественных наук (1923), права (1925), в 1927–1930 гг. – ректор университета — 197

Серов Валентин Александрович (1865–1911), русский живописец и график, мастер портрета — 241

Серторий (123–72 до н.э.), римский полководец и государственный деятель, будучи противником Суллы, установил в Мавритании режим, независимый от Рима; погиб в результате заговора — 416, 456

Сиверс Яков Ефимович (1731–1804), русский государственный деятель, дипломат, в 1764 г. – Новгородский губернатор — 554

Сигеле (Sighele) Сципио (1868–1913), итальянский социолог, ученик и последователь Э. Ферри — 275, 354, 389–390
– Преступная толпа. СПб., 1898 — 354, 389

Сигизмунд I (1368–1437), император «Священной Римской империи» в 1410–1437 гг.; унаследовав после смерти брата Вацлава IV чешский престол, вел борьбу против гуситского революционного движения, организовывал вместе с папой крестовые походы против гуситов — 362, 585

Сидоров, сокамерник П.А. Сорокина в тюрьме Великого Устюга (1918) — 160

Сикорский Игорь Иванович (1889–1972), русский и американский авиаконструктор, в 1919 г. эмигрировал в США, в 1923 г. основал авиационную фирму «Sikorsky Aero Engineering Corporation», где занял должность президента — 245

Сийес, Сьйес (Sieyes) Эммануэль Жозеф (1748–1836), аббат, деятель Великой французской революции, накануне революции опубликовал брошюру «Что такое третье сословие?», был избран в Генеральные Штаты депутатом от третьего сословия; член Конвента, один из авторов «Декларации прав человека и гражданина» — 434, 456, 643

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979), русский советский писатель, поэт, киносценарист, журналист и общественный деятель —240

Скабаланович Николай Афанасьевич (1848–1918), русский историк-византинист — 532
– Византийское государство и церковь. СПб., 1884 — 532

Скиталец (наст. фамилия Петров) Степан Гаврилович (1869–1941), русский писатель, примыкавший к издательству «Знание» — 349
– Огарки (1906) — 349

Скобелев Матвей Иванович (1885–1938), участник социал-демократического движения в России, меньшевик, депутат IV Государственной думы, министр труда Временного правительства России, после Октябрьской революции – член РКП(б), сотрудник Наркомата внешней торговли РСФСР, член Главного концессионного комитета СССР и председатель Концессионной комиссии РСФСР, сотрудник Всесоюзного радиокомитета; расстрелян 29 июля 1938 г. — 56, 73, 102

Слащев Яков Александрович (1885–1929), генерал, во время Первой мировой войны – командир лейб-гвардии Московского полка, во время гражданской войны в Добровольческой армии командовал бригадой и дивизией, в 1920 г. эвакуировался в Турцию, в 1921 г. с разрешения советского правительства вернулся в Россию, был амнистирован, преподавал тактику на курсах комсостава «Выстрел», оставил воспоминания — 428, 456

Словцов Борис Иванович (1874–1924), русский биолого-химик, в 1920–1922 гг. – директор Института экспериментальной медицины, умер от рака желудка, который, возможно, был спровоцирован многочисленными экспериментами, поставленными им на себе — 184, 556
– Государственное питание рабочих ударной группы за 1917–1920 гг. // Бюллетень отдела статистики труда, № 32 — 184, 556

Слоссон (Slosson) Престон Уильям (1892–1984), американский историк, профессор Бристольского университета — 538
– The Decline of the Chartist Movement [Закат чартистского движения] // Columbia University Studies. New York, 1916, vol. LXXIII, № 9 — 538

Смилга Ивар Тенисович (1892–1937), советский политический, государственный и партийный деятель, экономист; в декабре 1934 г. после убийства С.М. Кирова исключен из ВКП(б) и арестован 1 января 1935 г.; 10 января 1937 г. приговорен к расстрелу за «участие

в троцкистской контрреволюционной террористической организации» и в тот же день расстрелян — 163

Советская энциклопедия (Большая советская энциклопедия), наиболее известная и полная советская универсальная энциклопедия, выдержавшая 3 издания; первое издание (1926–1947) насчитывало 65 томов и дополнительный том «СССР» без номера — 244

Современная медицина. Одесса, 1924, апрель–июнь — 593

Сократ (ок. 470–399 до н. э.), древнегреческий философ — 417

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), русский философ, поэт и публицист — 242

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), русский историк — 551, 553–554
– История России. СПб., б/г, 3-е изд., кн. I–III — 551, 553–554

Сологуб (наст. фамилия Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927), русский писатель-символист — 349
– Навьи чары (при переиздании в 1914 г. – «Творимая легенда») — 349

Соломон (*библ.*), третий израильский царь, сын Давида, автор Притч — 340

Сорвачев Василий Иванович (1884–1942), председатель Северо-Двинской губернской ЧК в 1918–1919 гг. (которая располагалась в Великом Устюге), затем возглавлял губернский совнархоз — 155

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968):
– Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Экономист. 1922, № 1 — 468
– Война и милитаризация общества // Артельное дело. 1922, № 1–4 — 468
– Гибель русской нации [Гибель нации] // Воля народа. 1917, № 121, 17 сентября — 85
– Голод как фактор [М., 2003]. Влияние голода на человеческое поведение и социальную организацию — 282, 285, 319, 367, 468, 516, 520
– Город и деревня // Крестьянская Россия. Прага, 1923, сб. IV — 573–574
– Кризис нашего времени [The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook. New York, 1941] — 239
– Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914 — 343, 364, 379, 575
– Система социологии. Пг., 1920, т. I–II — 191, 279, 425, 438, 446, 458, 563
– Система социологии, т. III (не издан) — 217
– Современное состояние России. Прага, 1923 — 336, 489, 494, 502, 504
– Социологическая теория религии // Заветы. 1914, № 3 — 376
– Социология революции [Sociology of Revolution. Philadelphia–London, 1925] — 617
– Социальная и культурная динамика [Social and Cultural Dynamics. New York, 1937–1941, vol. 1–4] — 239

Софронов – см. Стратонов В.В.

Социалистический вестник. Берлин, 1922, № 5–6 — 369, 479

Спартак (?–71 до н.э.), вождь крупнейшего восстания рабов 73/74–71 гг. до н.э. в Италии, уроженец Фракии — 416, 529

Спенсер (Spenser) Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма — 278, 468
Основания социологии. СПб., 1898, т. I–II — 468

Спиридонова Мария Александровна (1884-1941), российская террористка, одна из руководителей партии левых эсеров; с 1906 по 1917 г. отбывала тюремное заключение за убийство советника тамбовского губернатора, после Февральской революции освобождена по распоряжению министра юстиции А.Ф. Керенского и в мае приехала в Москву, где стала играть одну из главных ролей среди левых эсеров; после Октябрьской революции была сторонницей сближения с большевиками, но в 1918 г. резко поменяла позицию; неоднократно подвергалась арестам и административным ссылкам; последний раз арестована в 1937 г. и приговорена к 25 годам тюремного заключения; 11 сентября 1941 г. расстреляна вместе с другими 153 политическими заключенными Орловской тюрьмы — 81, 103, 108

Сталин (наст. фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), советский партийный и государственный деятель, глава самого жестоко тоталитарного государства XX в. — 241–242, 251–254, 456

Сталинский Евсей Александрович (1880–1953), публицист, прозаик, литературный критик, эсер, с 1908 г. в эмиграции во Франции; весной 1917 г. вернулся в Россию и стал сотрудничать в петроградских газетах; в 1919 г. вернулся в Париж, в 1924–1932 гг. – соредактор журнала «Воля России», в 1927–1932 гг. – журнала «Социалист-революционер», в начале Второй мировой войны переехал в Нью-Йорк — 75, 119

Старч (Starch) Дэниел (1883–1979), американский психолог и педагог — 274
– Educational Psychology [Педагогическая психология]. New York, 1920 — 274

Статистический ежегодник России. 1908. — 436

Статистический ежегодник России. 1913. Пг., 1914 — 403, 591

Статистический ежегодник России. 1914. Пг., 1915 — 591

Статистический ежегодник России. 1916. М., 1918 — 591

Статистический ежегодник России. 1918–1920. Вып. 1. М., 1921; вып. 2. М., 1922 — 402, 591, 592

Стеклов (наст. фамилия Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1942), участник революционного движения в России, советский государственный деятель, историк и публицист, в 1917–1925 гг. – редактор газеты «Известия ВЦИК» — 58, 72, 92, 94, 456

Степан, крестьянин, помогавший продовольствием П.А. Сорокину и его спутнику во время их скитаний в Северо-Двинских лесах в 1918 г. — 148

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), русский государственный деятель, с апреля 1906 г. – министр внутренних дел, инициатор и руководитель реформы крестьянского надельного землевладения, начатой в ноябре 1906 г. и прекращенной постановлением Временного правительства от 28 июня (11 июля) 1917 г.; убит эсером Д.Г. Богровым — 380, 502, 645

Стравинский Игорь Федорович (1882–1971), русский композитор, дирижер и пианист; перед началом Первой мировой войны выехал с семьей в Швейцарию и в Россию больше не вернулся, был гражданином Франции (1934) и США (1945) — 240

Стратонов (у Сорокина ошибочно: Софронов) Всеволод Викторович (1869–1938), русский астрофизик, профессор (1918), декан физико-математического факультета МГУ; в 1922 г. выслан из Советской России, последние годы жизни жил в Праге — 228

Страффорд (Strafford) Томас Уэнтуорт (1593–1641), английский государственный деятель, один из ближайших советников Карла I, который наделил его огромной властью, в ноябре 1640 г. в обстановке начавшейся революции был обвинен Долгим парламентом в государственной измене, арестован и позднее казнен — 314, 418, 576, 463

Струве (Struve) Густав (1805–1870), немецкий демократ, республиканец, организатор восстаний в Бадене (в апреле и сентябре 1848 г.), член временного революционного правительства, в 1851 г. эмигрировал в США, в Европу вернулся в 1863 г., умер в Вене — 456, 645

Струмилин Станислав Густавович (1877–1974), советский экономист и статистик, академик АН СССР (1931), в 1921–1937 и 1943–1951 гг. работал в Госплане СССР — 321

Стучка Петр Иванович (Петерис Янович) (1865–1932), политический деятель Латвии и Советского Союза, в 1919–1920 гг. – заместитель наркома юстиции и одновременно председатель особой межведомственной комиссии по борьбе со спекуляцией и связанных с ней должностных преступлений при ВЧК, с 1923 г. – председатель Верховного суда РСФСР — 242

Стюарты (Stuart, Stewart), королевская династия, правившая в Шотландии (с 1371 г.), а затем также и в Англии (1603–1649, 1660–1714), после смерти королевы Анны престол перешел к Ганноверской династии, находившейся со Стюартами в отдаленном родстве — 314, 370, 380

Сулла (Sulla) Луций Корнелий (138–78 до н.э.), римский государственный деятель, с 53 г. – диктатор Рима — 296, 336, 399, 416, 431, 468

Суханов (наст. фамилия Гиммер) Николай Николаевич (1882–1940), экономист-аграрник и публицист, учился в Высшей школе общественных наук в Париже (1902), после Октябрьской революции работал экономистом в различных научных учреждениях, в 1931 г. осужден по процессу «контрреволюционной меньшевистской организации» — 58, 64, 301, 336, 568, 585

– Записки о русской революции. Берлин; Пб., 1922–1923, кн. 1–7 — 301, 336, 568, 585

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), русский генерал от кавалерии, генерал-адъютант, с 1909 г. – военный министр; в июне 1915 г. под давлением общественного мнения был уволен от должности, а в марте 1916 г. уволен с военной службы, арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости (в октябре того же года переведен под домашний арест); после Октябрьской революции переведен в тюрьму «Кресты»; по амнистии, как достигший 70-летнего возраста, 1 мая 1918 г. освобожден и выехал в Финляндию, а оттуда в Германию — 122

Сципион, Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (ок. 185–129 до н.э.), римский полководец и политический деятель, в 146 г., будучи консулом, захватил и разрушил Карфаген, завершив III Пуническую войну; несмотря на родственные связи с Гракхами, враждебно относился к их аграрной программе — 375

Т

Таганцев Владимир Николаевич (1890–1921), русский географ, расстрелянный по постановлению Президиума Петроградской ЧК — 214, 215, 413

Таганцев Николай Степанович (1843–1923), русский юрист, криминалист, государственный деятель, отец В.Н. Таганцева — 214, 216

Таганцева (урожд. Марцинкевич) Надежда Феликсовна (1894–1921), уроженка Могилевской губернии, домохозяйка, жена В.Н. Таганцева, расстрелянная вместе с мужем — 214–215

Тайлер (Tyler) Уот, руководитель крестьянского восстания в Англии в 1381 г. — 399, 432, 456

Талейран, Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgor) Шарль Морис (1754–1838), французский государственный и политический деятель, в 1788–1791 гг. – епископ Отенский, отлученный от церкви римским папой, в 1797–1799 и 1799–1808 гг. – министр иностранных дел Франции, в 1814 г. активно способствовал реставрации Бурбонов, в 1830–1834 гг. – посол в Лондоне — 72

Тальен (Tallien) Жан Ламбер (1767–1820), участник Великой французской революции, журналист, якобинец, член Конвента — 341, 374, 456, 508

Танхельм, предводитель средневекового антицерковного движения, еретик, проповедовавший в первой половине XII в. в северной Галлии и Бретани — 497, 534

Тапельсон Самуил Львович, врач-венеролог, участник происходившего в мае 1923 г. съезда венерологов — 415

Тарасевич Лев Александрович (1868–1927), русский микробиолог, один из организаторов борьбы с эпидемиями в годы Гражданской войны — 415, 523
– Эпидемии последних лет в России // Общественный врач. 1919, № 1 — 415

Тард (Tarde) Габриэль (1843–1904), французский социолог, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии — 264, 275, 389, 390
– Законы подражания. СПб., 1892 — 275
– Социальные законы. СПб., 1906 — 264
– Преступления толпы. Казань, 1893 — 389

Тарле Евгений Викторович (1875–1955), русский историк — 240, 244, 300, 325, 482, 523, 545, 547
– Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909, ч. I–II — 482, 545, 547
– Печать во Франции при Наполеоне. Пг., 1922 — 300
– Крестьяне и рабочие в эпоху французской революции. СПб., 1922 — 325

Тарновский Евгений Никитич (1859–1936), русский юрист и уголовный статистик, заведовал статистическим отделом Министерства юстиции в дореволюционной России и в первые годы Советской власти, автор статьи «Влияние хлебных цен и неурожаев на движение преступности против собственности в России» (Журнал Министерства Юстиции. 1898, № 8) — 518–519

Тартюф, герой одноименной комедии Ж.Б. Мольера, нарицательное имя ханжи и лицемера — 73, 503, 512

Тахменев, сокамерник П.А. Сорокина в тюрьме Великого Устюга (1918) — 160

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), русский крупный землевладелец и капиталист-сахарозаводчик, в 1915–1917 гг. – председатель Киевского областного военно-промышленного комитета, министр финансов Временного правительства, с мая 1917 г. – министр иностранных дел, в ночь на 26 октября (8 ноября) был арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами, бежал из-под ареста в Западную Европу; умер в Монако — 122, 445

Терно (Terneaux) Луи Мортимер (1808–1871), французский историк — 362
– Histoire de la Terreur. 1792–1794 [История террора]. Paris, 1862–1881, vol. 1–8 — 362

Тиберий Клавдий Нерон (42 до н.э. – 37 н.э.), римский император в 14–37 гг., пасынок Августа, усыновленный им в 4 г. н.э. и объявленный наследником в завещании — 370, 529

Тимофеев Евгений Михайлович (1885–1941), видный эсер, в партии с 1903 г., в 1904 г. избран в состав ЦК партии, в 1906–1917 гг. находился в ссылке в Иркутске, член Учредительного собрания по Иркутскому округу; после Октября 1917 г. продолжал активную политическую деятельность, в 1920 г. арестован, был обвиняемым на процессе над партией эсеров в 1922 г., приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Уральск, где он работал в местном Губплане, занимался экономикой и археологией; в 1939 г. приговорен к 25 годам лишения свободы, срок отбывал в Орловской тюрьме, где и был расстрелян в 1941 г. — 413

Тихвинский Михаил Михайлович (1868–1921), инженер-химик, профессор Петроградского технологического и Горного институтов; в 1921 г. арестован и расстрелян по «Таганцевскому делу» — 215–216

Тихон (в миру Василий Иванович Белавин) (1865–1925), патриарх Московский и всея Руси (с 1917 г.), активный борец против советской власти, предавший ее анафеме, в мае 1922 г. привлечен к суду и заключен под домашний арест в Донском монастыре — 429

Тойнби (Toynbee) Арнольд Джозеф (1889–1975), английский историк и социолог, автор 12-томного труда «A Study of History» (1925–1965), в котором он, под влиянием О. Шпенглера, стремился переосмыслить все общественно-историческое развитие человечества в духе круговорота локальных цивилизаций (которых он насчитывал сначала 21, затем сократил до 13, не считая второстепенных и недоразвитых) — 243

Токвиль (Tocqueville) Алексис де (1805–1859), французский социолог, историк и политический деятель — 341, 473, 482, 544, 571, 577, 606
– L'ancien régime et revolution. Paris, 1877 (рус. перевод: Старый порядок и революция. М., 1997) — 473, 544, 571

Толстой Алексей Николаевич (1882/1883–1945), русский советский писатель и общественный деятель — 240

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), русский писатель и мыслитель — 242, 496, 565

Тома (Thomas) Альбер (1878–1932), французский политический деятель, социалист, с 1916 г. – министр вооружений; после Февральской революции ездил в Россию, где вел переговоры с Временным правительством и Петроградским советом, с 1919 г. – председатель Международной организации труда — 78

Торндайк (Thorndike) Эдуард Ли (1874–1949), американский психолог, работавший главным образом в области сравнительной психологии и проблем обучения — 274–275 279, 328
– The Original Nature of Man [Истинная природа человека]. New York, 1910 — 275, 328

Трайнин Арон Наумович (1883–1957), русский криминолог и статистик, автор трудов по уголовному праву — 519

Трейгер Н., социал-демократ, сосланный в Семипалатинск и пытавшийся сопротивляться произволу большевиков, по ложному обвинению в «колчаковском заговоре» был приговорен к 5 годам тюрьмы — 369

Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов 6–13 апреля 1920 г.: Стенографический отчет. М., 1921 — 322

Троцкий (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), советский государственный и партийный деятель, один из вождей Октябрьской революции 1917 г., в 1929 г. выслан из СССР, убит агентом НКВД — 75, 77, 80, 82, 86–88, 90, 92, 101, 103, 155, 180, 228, 241, 322, 334, 366, 374, 387, 456, 460, 505–507, 598–599, 609–610, 623, 634
– Терроризм и коммунизм. Пг., 1920 — 366
– Основные вопросы промышленности. Доклад и заключительное слово на XII съезде РКП(б). М., 1923 — 387
– Этапы революции. 1922 — 505
– Речь 18 июля 1923 г. // Правда. 1923, 24 июля — 507

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), князь, русский философ, правовед и общественный деятель, умер в Новороссийске, находясь в рядах Добровольческой армии — 120, 413

Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), русский религиозный философ, публицист, общественный деятель — 242

Труд. 1922, 6 октября, 10 ноября, 12 декабря; 1923, 5 января, 8 февраля, 3 марта, 6 мая — 415, 479

Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 26 мая – 4 июня 1918 г.: Стенографический отчет. М., 1918 — 449

Труды Центрального Статистического Управления. М., 1921, т. I, вып. 3 — 398, 402–403, 412, 592

Трумэн (Truman) Гарри (1884–1972), 33-й президент США (1945–1953), разработавший доктрину, названную его именем и обосновывавшую правомерность вмешательства США во внутренние дела других государств с целью противодействия коммунистической угрозе, поскольку от падения демократического режима страдают якобы интересы США — 237

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919), русский экономист и социолог, в 1917–1918 гг. – министр финансов Центральной Рады — 413, 519–520, 539
– Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894 — 519–520

Тук (Tooke) Томас (1774–1858), английский экономист, примыкавший к классической школе политэкономии, критик теории денег Рикардо — 536–537
– Die Geschichte und Bestimmung der Preise [История цен и состояние обращения]. 1858, Bd. II (в соавторстве с У. Ньюмарчем) — 536

Тураев Борис Александрович (1868–1920), русский историк, основоположник отечественной школы истории и филологии Древнего Востока — 293, 312, 323, 377, 413, 416, 525
– Древний Египет. Пг., 1922 — 295, 312, 416, 525

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), советский военный деятель, маршал Советского Союза (1935), отличился при ликвидации Кронштадтского мятежа и крестьянского восстания в 1921 г. на Тамбовщине («антоновщины»); репрессирован Сталиным — 203, 456

Тьер (Thiers) Адольф (1797–1877), французский государственный деятель и историк — 300, 380, 510

Тьерри (Thierry) Амедей Симон Доменик (1797–1873), французский историк, брат О. Тьерри — 531
– Récits de l'histoire Romain au V siècle [Рассказы из истории Рима V века]. 1860 — 531

Тэн (Tain) Ипполит (1828–1893), французский философ и историк, один из основоположников социологии искусства — 299–300, 316, 329, 340–341,352–353, 363–364, 369, 396, 398, 406, 419, 444, 473–474, 482, 499, 545–546, 548, 571, 577, 630
– Происхождение современной Франции. СПб., 1907, т. I — 444, 577
– Les origines de la France contemporaine [Происхождение современной Франции]. Paris, 1885–1889, vol. I-IV — 299, 340–341, 352–353, 398, 545–546, 571
– La Revolution. Paris, 1885, vol. I, III [вторая часть «Les origines de la France contemporaine», которая состоит из 3 томов: l) «L'Anarchie»; 2) «La Conquête Jacobine» и 3) «Le Gouvernement révolutionnaire»] — 329, 341, 363, 473–474
– L'ancien Régime [Старый режим] — 340, 545–546, 577

Тюдор (Tudor), королевская династия в Англии (1485–1603) — 536

У

Уайтлок (Whitelocke) Балстроуд (1605–1675), английский парламентский деятель, член Долгого парламента, сыграл большую роль в отставке графа Страффорда; в эпоху правления Кромвеля был весьма влиятелен, входил в его правительство, в 1657 г. возглавил тех, кто убедил Кромвеля принять королевский титул (хотя официально он назывался титулом лорда-протектора); в 1653–1654 гг. – посол в Швеции — 374

Уайтокер, Уитейкер (Whitaker) М., деятель Английской революции XVII в. — 456

Уиклиф (Wyclife) Джон (1320–1384), представитель бюргерской ереси в Англии, профессор Оксфордского университета, учение которого пользовалось большой популярностью у лоллардов — 377, 497

Уншлихт Иосиф (Юзеф) Станиславович (1879–1938), советский партийный деятель, один из создателей советских органов государственной безопасности – ВЧК-ГПУ, в 1937 г. был арестован, обвинен в принадлежности к «диверсионно-шпионской сети польской разведки в СССР» и 29 июля 1938 г. расстрелян — 233

Уоллес (Wallas) Грехем (1858–1932), английский политический деятель, социалист, социальный психолог и политолог, внесший заметный вклад в развитие эмпирического подхода к изучению человеческого поведения, один из лидеров Фабианского общества — 287, 612
– Human nature in politics [Природа человека в политике]. New York, 1909 — 287

Уоллис Джон (1616–1703), английский математик, друживший с И. Ньютоном и оставивший интересные мемуары — 490

Уорд (Ward) Лестер Фрэнк (1841–1913), американский социолог, основоположник психологического эволюционизма в США, первый президент Американского социологического общества — 275, 393
– Pure Sociology [Чистая социология]. Paris, 1906 — 275
– Dynamic Sociology or Applied social science as based upon statistical sociology and the less complex sciences [Динамическая социология, или Социальная наука, осно-

ванная на статистической социологии и менее сложных дисциплинах]. New York, 1883 — 275
– Психические факторы цивилизации. М., 1897 — 393

Уорд (Ward) Сет (1617–1689), английский астроном — 490

Уотсон (Watson) Джон Бродес (1878–1958), американский психолог, основоположник бихевиоризма — 275, 282, 381
– Psychology from the Standpoint of a Behaviorist [Психология с точки зрения бихевиориста]. 1921 — 282

У Пей Фу (1873–1939), китайский генерал, политик, ученый-конфуцианец и поэт; в качестве разведчика участвовал в русско-японской войне на стороне Японии, в 1906 г. был пленен, но бежал; активный участник Первой мировой войны, в 1921 г. – генерал-инспектор провинций Хубэй и Хунань — 455

Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918), советский партийный и государственный деятель, с марта 1918 г. – председатель Петроградской ЧК, 30 августа убит эсером — 113–114

Ухтомский Сергей Александрович (1886–1921), бывший князь, скульптор и живописец, ассистент художественного отдела Русского музея, расстрелянный по «Таганцевскому делу» за передачу за границу «сведений о музейном деле и доклад о том же для напечатания в белой прессе» — 215

Уэллс (Wells) Герберт Джордж (1866–1946), английский писатель, в 1920 г. посетивший Советскую Россию — 195–197, 599, 612

Ф

Фаворский Алексей Евграфович (1860–1945), русский химик-органик, академик АН СССР (1929) — 245

Фальбек (Fahlbeck) Понтус (1850–1923), шведский историк-юрист, профессор государственной науки в Лундском университете — 400, 417, 432, 582–583
– La noblesse de suéde [Шведское дворянство] // Bulletin de l'Institut International de statistique. 1912, t. XII, livre 1 — 417, 582
– La décadance et la chute des peuples [Упадок и вырождение народов] // Bulletin de l'lnstitut International de statistique, vol. XV, livre 2 — 400

Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918), русский ботаник, физиолог растений — 413

Федоров Николай Федорович (1829–1903), русский философ-космист — 242

Федоровский А.Н., врач-венеролог, участник происходившего в мае 1923 г. съезда венерологов, приват-доцент, работал в отделе социальной гигиены Украинского государственного венерологического института в Харькове — 415

Фемистокл (534–459 до н.э.), государственный и военный деятель Афин, в 470 г. был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни, после чего бежал сначала в Аргос, а затем в Сузы к Артаксерксу I, который доверил ему управление несколькими городами — 410

Ферамен, Терамен (ок. 451–403 до н.э.), афинский политический деятель, глава умеренной олигархии, совершившей в 411 г. до н.э. антидемократический переворот и захватившей в 404 г. власть; один из Тридцати тиранов — 527

Ферреро (Ferrero) Гульельмо (1871–1942), итальянский историк — 296, 313, 324, 338, 408, 417
– Величие и падение Рима. М., 1915–1916, т. I–III — 296, 417

Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945), русский геохимик и минералог, один из основоположников геохимии — 245

Ферфакс (Fairfax) Томас, барон Камерон (1612–1671), деятель Английской буржуазной революции, в январе 1645 г. по предложению О. Кромвеля назначен генералом и главнокомандующим парламентской армией, в 1648 г. перешел в оппозицию к индепендентам, в 1650 г. подал в отставку — 456

Фик (Feake) Кристофер, английский политический и религиозный деятель, проповедник, принадлежавший к секте Людей пятой монархии, после падения в Англии монархии секта сначала поддержала Кромвеля, но после введения протектората члены секты изменили свое отношение к нему, а их проповеди приобрели мятежный характер; вскоре лидеры секты (Т. Харрисон, Р. Овертон, Фик, Д. Роджерс и другие) были арестованы и в 1661 г. казнены — 433

Филипп Л., римский трибун в 104 г. до н.–э. — 529

Филлипп Эгалитэ, Луи-Филипп Жозеф-Филипп Эгалите (1747–1793), герцог Орлеанский, брат короля Людовика XVI — 375

Фиркандт (Vierkandt) Альфред (1867–1953), немецкий социолог и этнолог, основатель Немецкого социологического общества (1910), в 1934 г. отправлен на пенсию с запрещением читать лекции, с 1945 г. – председатель Кантовского общества — 267, 389, 396
– Zur Theorie der Revolution [К теории революции] // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgeburg, 46 Jahrgang, Heft 2, 1922 — 267, 389

Фирсов Николай Николаевич (1864–1934), русский историк, профессор — 340, 552–554
– Исторические характеристики. Казань, 1922 — 552–554
– Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. М., 1911, т. II — 340

Флеккель Борис Осипович (1891–1918), член партии эсеров, в 1917 г. – секретарь Петроградской организации партии, был также одним из секретарей А.Ф. Керенского; после Октябрьского переворота участвовал в вооруженной борьбе против большевистской власти; в сентябре 1918 г. был арестован при попытке перейти линию фронта и расстрелян по приговору Казанской ЧК — 74

Флери (Fleury) Андре Эркюль де (1653–1743), французский государственный деятель, премьер-министр при Людовике XV — 452, 544

Флессель (Flesselles) Жак де (1721–1789), купеческий старшина в Париже, избранный главой буржуазной Парижской коммуны; накануне штурма Бастилии выдал народу, пришедшему к нему за оружием, вместо ружей ящики со старым бельем — 384

Флобер (Flaubert) Гюстав (1821–1880), французский писатель — 58, 475
– Воспитание чувств — 58

Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913), русский юрист — 518

Форд (Ford) Генри (1863–1947), американский капиталист, один из основателей автомобильной промышленности в США, в 1936 г. учредил знаменитый фонд Форда, предоставлявший гранты ученым — 449

Форназари ди Верче (Fornasari di Verce), итальянский криминалист и статистик, автор книги «La criminalita e le ricende economiche in Italia» (Torino, 1893) — 519

Франк Семен Людвигович (1877–1950), русский религиозный философ и психолог, в 1922 г. высланный из Советской России — 228, 242, 645

Франклин (Franklin) Бенджамин (Вениамин) (1706–1790), американский просветитель, государственный деятель и ученый — 411

Франс (France) Анатоль (1844–1924), французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1921) — 138
– Боги жаждут (1912) — 138

Фребель (Frobel) Юлиус (1805–1893), участник революции 1848 г. в Германии, представитель левого крыла Франкфуртского парламента — 462

Фрейд (Freud) Зигмунд (1856–1939), австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа — 86, 274, 284, 458
– О психоанализе. М., 1911 — 274, 458

Фридлендер (Friedländer) Людвиг (1824–1909), немецкий историк и филолог — 324, 530
– Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914 — 530

Фролов Н. О влиянии резкого изменения в составе пищи // Архив биологических наук. 1922, № 3-5 — 282

Фронт, газета для солдат, издававшаяся в Минске в 1917 г. — 309

Фруассар (Froissart) Жан (1338–1410), французский поэт и один из крупнейших хроникеров позднего средневековья — 535

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925), советский партийный, государственный и военный деятель — 456

Фуассак (Foissac) Пьер, французский врач и статистик — 419

Фукидид (Thucydides) (460–396 до н.э.), древнегреческий историк — 296, 312, 336, 362, 372, 375–376, 527, 629
– История — 296, 312, 336, 362, 372, 375–376, 527

Фукье, Фукье-Тенвиль (Fouquier-Tenville) Антуан Кентин (1746–1795), деятель Великой французской революции, общественный обвинитель революционного трибунала — 364

Фулон (Foulon) Тулан Франсуа Андриен, участник Великой французской революции, член совета Коммуны, охранник королевы — 360

Фуше (Fouché) Жозеф (1759–1820), участник Великой французской революции, член Конвента — 341, 456, 469

Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) Нума Дени (1830–1889), французский историк — 336, 376, 417, 529
– La cité antique. Paris, 1905 (рус. перевод: Гражданская община античного мира. 1867) — 336, 376, 417

Х

Хаммурапи (Hammurabi) (1792–1750 до н.э.), вавилонский царь — 343

Харрисон (Harrison) Томас (1606–1660), английский политический деятель, участник революции, генерал-майор, голосовавший за осуждение Карла I, командовал конвоем, привезшим короля для казни в Лондон, в 1651 г. был избран в Государственный совет, принимал участие в подавлении роялистского мятежа в мае 1649 г., после реставрации в мае 1660 г. арестован и 13 октября казнен — 471

Хачатурян Арам Ильич (1903–1978), советский армянский композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель — 239

Хвольсон Орест Данилович (1852–1934), российский и советский ученый-физик и педагог, член-корреспондент Петербургской академии наук, с 1920 г. – почетный член Российской АН (с 1925 г. – АН СССР) — 182

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920), русский правовед и социолог, покончил с собой — 185, 413, 602, 619

Хейс (Hayes) Эдвард Кэри (1868–1928), американский социолог, профессор университета Иллинойса — 197, 275, 376, 390, 573, 642, 647
– Introduction to the study of sociology [Введение в изучение социологии]. New York – London, 1921 — 275, 376, 390, 573

Хейфец Яша (1901–1987), американский скрипач еврейского происхождения, один из величайших скрипачей XX в.; в 1910 г. начал учиться в С.-Петербургской консерватории, в 1917 г. остался в США и в 1925 г. получил американское гражданство — 240

Хлопок, главарь разбойничьей шайки, действовавшей при Борисе Годунове в окрестностях Москвы — 552

Холмс (Holmes) Уильям Генри (1846–1933), американский историк и археолог — 532
– The age of Justinian and Theodorae [Эпоха Юстиниана и Теодора]. London, 1907 — 532

Хорти (Horthy) Миклош (1868–1957), фашистский диктатор в Венгрии в 1920–1944 гг.; после падения Венгерской советской республики осуществлял белый террор, 1 марта 1929 г. провозглашен регентом, в октябре 1944 г. передал власть Ф. Салаши и выехал в Германию, был интернирован в Баварии, с 1949 г. жил в Португалии — 370, 467

Хренников Тихон Николаевич (1913–2007), русский советский и музыкально-общественный деятель — 240

Христос – см. Иисус Христос

Хрящева Анна Ивановна (1868–1934), статистик, в 1916–1917 гг. руководила переписью в Петроградском отделе переписи — 437

Хутор (Khutor), русский двухнедельный журнал, посвященный интересам русского земледелия, издававшийся в Праге в 1922–1924 гг. — 233

Ц

Цвибак Михаил Миронович (1889–1937), советский историк, преподаватель факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ, профессор Ташкентского университета; в 1917 г. был зачислен на историко-филологический факультет Петроградского университета (с 1919 г. – факультет общественных наук), с того же года – член партии левых эсеров, с 1918 г. – РКП(б), в 1921 г. – правительственный комиссар Петроградского университета, в 1925 г. примкнул к «зиновьевской» оппозиции, за что в 1926 г. был «откомандирован» в Ташкент и назначен профессором и заведующим кафедрой истории Среднеазиатского университета и преподавателем Среднеазиатского Коммунистического университета — 197–198, 620

Цезарь Гай Юлий (100–44 до н.э.), римский политический деятель и полководец — 324, 336, 370, 380, 407, 416–417, 431–432, 443, 454–456, 467–468, 484, 582, 588

Целий, Марк Целий Руф (до 84–48 до н.э.), римский оратор и народный трибун, погибший при неудачной попытке переворота — 529

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959), политический деятель России и Грузии, во втором составе Временного правительства, сформированном в мае 1917 г., министр почт и телеграфов; после роспуска Учредительного собрания уехал в Грузию, где стал одним из лидеров независимой республики, после ввода Красной армии в Грузию в 1921 г. эмигрировал сначала во Францию, а в 1940 г. в США — 73, 82, 88, 90, 98, 103

Цинна, Луций Корнелий Цинна (?–84 до н.э.), римский военачальник и политический деятель, четырежды консул (87–84 гг.) — 456, 529

Цитович (Tsitivich) Иван Сергеевич (1876–1955), ученый-физиолог и фармаколог, ученик И.П. Павлова — 282

Цицерон (Cicero) Марк Туллий (106–43 до н.э.), римский оратор и политический деятель — 375, 416, 428, 563–564

Ч

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926), русский революционер, после Февральской революции депутат Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, депутат Всероссийского Учредительного собрания; резко враждебно отнесся к захвату власти большевиками, был членом «Всероссийского комитета спасения родины и революции», в 1918–1919 гг. возглавлял правительство Северной области в Архангельске, с мая 1920 г. жил в эмиграции в Лондоне — 84, 92, 138–139, 166

Чайковский Петр Ильич (1840–1893), русский композитор — 240

Чамберс (Chambers) Уиттакер (1901–1961), член Коммунистической партии США и советский разведчик, отрекшийся от коммунизма и ставший его ярым противником — 238

Чарыхов Христофор Михайлович, русский криминалист, помощник присяжного поверенного в Москве — 519

– Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910 — 519

Чебышев Пафнутий Львович (1821–1894), русский математик и механик, основоположник петербургской математической школы — 245

Черепенников Василий Иванович (1835–1908), крестьянин Ярославской губернии, ставший купцом 1-й гильдии, основатель торгового дома «В.И. Черепенников с сыновьями» в С.-Петербурге; после его смерти дело перешло к сыновьям Александру и Ивану Васильевичам, владельцам 11 магазинов колониальных товаров и 12 чайных лавок, 5 доходных домов (3 на Литейном, по одному на Фонтанке и Невском) — 68

Чернов Виктор Михайлович (1873–1953), русский философ и общественно-политический деятель, теоретик и лидер партии эсеров, в мае-августе 1917 г. министр земледелия Временного правительства, с 1920 г. – в эмиграции — 75, 85, 88, 90, 245, 388

Черномазов Мирон Ефимович (литературный псевдоним Н. Лютеков; 1882–1917), провокатор, который в мае 1913 г. начал работать в большевистской «Правде», где скоро стал ночным выпускающим, но 22 января 1914 г. был удален по подозрению в провокации; 7 марта 1917 г. был арестован как провокатор и в тюрьме отравился — 68

Чернышев Петр Матвеевич, полковник, симбирский губернатор, в 1773 г. был разбит Пугачевым и повешен — 554

Чертова перечница, еженедельная сатирическая антибольшевистская газета, издававшаяся в 1918 г. в Петрограде, а затем в Киеве бывшими сотрудниками «Нового Сатирикона» — 125

Черчилль (Churchill) Уинстон (1874–1955), премьер-министр Англии (1940–1945, 1951–1955) — 254

Чесса (Chessa) Федерико (1882–1960), итальянский экономист, демограф и статистик — 425
– La transmissione ereditaria della professioni [Наследственная передача профессии]. Torino, 1912 — 425

Чжан Цзолинь (1876–1928), китайский политический деятель, генерал, участвовавший в подавлении Синьхайской революции, перед Первой мировой войной стал генерал-губернатором, в 1922 г. потерпел поражение в борьбе с У Пей Фу, Цао Кунем и др., в том же году объявил об автономии Маньчжурии, где провел ряд военных и экономических реформ, погиб в 1928 г. во время взрыва поезда, устроенного японцами — 455

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936), советский государственный деятель, дипломат, племянник философа Б.Н. Чичерина, с 1918 по 1930 г. – нарком иностранных дел РСФСР (с 1923 г. – СССР) — 230

Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926), социал-демократ, лидер меньшевиков — 63–64, 72, 82, 88, 90–91, 301

Ш

Шальмайер (Schallmayer) Вильгельм (1857–1919), немецкий врач, автор трудов по гигиене и евгенике — 274

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), русский оперный и камерный певец, в разное время – солист Большого и Мариинского театров, а также театра Метрополитен Опе-

ра, первый народный артист Республики (1918–1927), с 1922 г. находился на гастролях за границей, в частности в США; в 1927 г. сборы от одного из концертов пожертвовал детям эмигрантов, что на родине было истолковано как поддержка белогвардейцев, 24 августа 1927 г. Постановлением Совнаркома РСФСР он был лишен звания народного артиста и права возвращаться в СССР — 240

Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа Рене (1768–1848), французский писатель и политический деятель, в 1793–1800 гг. жил в эмиграции в Англии — 410, 489, 499

Шахматов Александр Александрович (1864–1920), русский филолог, академик, исследователь русского, индоевропейских и ряда других языков, умер после операции, осложненной дизентерией — 413

Шварц С. (псевдоним Соломона Мееровича Моносзона) (1883–1973), меньшевик, с 1921 г. в эмиграции в Берлине, сотрудник «Социалистического вестника» — 479
– Государственный минимум заработной платы // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1923, № 12 (58), 1 июля — 479

Швегла (Švehla) Антонин (1873–1933), чешский государственный деятель, один из лидеров аграрной партии, в 1922–1929 гг. – председатель чехословацкого правительства — 261

Шенланк (Schoenlanck) Бруно (1859–1901), немецкий журналист, социал-демократ — 550
– Soziale Kampfe vor dreihundert Jahren, altnürnbergische Studie [Социальная борьба в течение трехсот лет, исследование по истории древнего Нюрнберга]. Leipzig, 1894 — 550

Шенье (Chénier) Андре Мари (1762–1794), французский поэт, казненный во время Великой французской революции — 419

Шенье (Chénier) Мариус [Мари] Жозеф (1764–1811), французский писатель, участник Великой французской революции, якобинец, автор трагедий «Фенелон», «Карл IX», «Тиберий» и др., популярных в годы революции, брат поэта Андре Шенье — 299

Шеррингтон (Sherrington) Чарльз Скотт (1859?–1952), английский физиолог — 281, 381
– Ассоциация спинномозговых рефлексов и принцип общего поля // Успехи биологии. Одесса, 1912, вып. 1 — 281
– The Integrative Action of the Nervous System. New York, 1906 (рус. перевод: Интегративная деятельность нервной системы. Л., 1969) — 381

Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923), русский зоолог, академик, в 1918–1923 гг. – ректор Петербургского университета — 186, 197–198, 212, 413, 602, 619

Шингарев Алексей Иванович (1869–1918), земский деятель, врач, публицист, член партии кадетов, министр Временного правительства, убитый в больнице революционными матросами — 121–122, 124–125, 127, 384

Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950), русский писатель — 240, 360
– Солнце мертвых // Альманах «Окно». Париж, 1923, № 2 — 360

Шнейдер (Schneider) Александр Петрович (1887–?), партийный деятель, областной продовольственный комиссар (1918–1919), представитель немецкой автономии в центральных государственных органах РСФСР и СССР, с 1912 г. – член партии эсеров; с 1918 г. – член исполкома Трудовой коммуны Области немцев Поволжья; в 1937 г. арестован по делу «о подпольной националистической фашистской организации в АССР Немцев Поволжья; дальнейшая его судьба неизвестна — 88

Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), русский советский писатель, киносценарист. Лауреат Нобелевской премии (1965) — 240

Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975), русский советский композитор, пианист, музыкально-общественный деятель — 239

Шпенглер (Spengler) Освальд (1880–1936), немецкий философ, представитель философии жизни — 243

Шрейдер Григорий Ильич (1860–1940), экономист, публицист, член партии эсеров, в 1917 г. – городской голова Петрограда; в дни Октябрьского переворота Шрейдер занял антибольшевистскую позицию (уже вечером 7 ноября он был во главе манифестации за освобождение членов правительства); вошел в президиум Демократического совещания и участвовал в антибольшевистском Комитете спасения Родины и революции; после разгрома белого движения на юге России эмигрировал — 108, 126–127

Штейнах (Steinach) Эйген (1861–1944), австрийский физиолог и биолог, автор трудов по изменению пола у млекопитающих путем удаления и пересадки половых желез — 274

Штейнберг Исаак Захарович (1888–1957), юрист и философ, член партии эсеров, участник заседания Учредительного собрания 5 января 1918 г., нарком юстиции (декабрь 1917 – март 1918), в марте 1918 г. вышел из Совнаркома и уехал на юг для борьбы против немцев, возглавлял эсеров-легалистов, неоднократно подвергался арестам, в 1923 г. эмигрировал — 108, 126–127

Штейнмец (Steinmetz) Рудольф (1862–1940), голландский историк права, этнолог и социолог, профессор антропологии и социологии в Утрехте — 400
– Die Philosophie der Krieges. Leipzig, 1907 (рус. перевод: Философия войны. СПб., 1915) — 400

Штреземан (Stresemann) Густав (1878–1929), германский политический деятель, в августе-ноябре 1923 г. возглавлял правительство большой коалиции, министр иностранных дел Германии — 470

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), русский государственный деятель, председатель Совета министров, в 1916 г. министр внутренних и иностранных дел — 578

Шубин В. Старое по-новому // Военный вестник. М., 1923, № 20, 9 июля — 461

Шубин-Поздеев Николай Дмитриевич (1865–1922), санкт-петербургский уездный предводитель дворянства, камергер, гласный Санкт-Петербургской городской думы, член правления Общества содействия нуждающимся учащимся народных училищ Санкт-Петербургского уезда и вице-председатель Российского общества покровительства животным, в 1912–1913 гг. – член ЦК Партии прогрессистов, после Октябрьской революции эмигрировал, умер во Франции — 51

Шуйский Василий Васильевич (?–1538), князь, боярин, воевода в русско-литовских войнах, фактический правитель России после смерти Елены Глинской — 552

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), русский политический деятель, один из лидеров националистов, публицист, 2 марта 1917 г. вместе с А.И. Гучковым предъявил в Пскове Николаю II требование Думы об отречении от престола, после Октябрьской революции участвовал в создании Добровольческой армии, в 1925–1926 гг. нелегально приезжал в СССР; в 1944 г. арестован в Югославии и приговорен в Советском Союзе к тюремному заключению, освобожден в 1956 г., умер во Владимире — 51, 64, 301, 420, 562

– Дни // Русская мысль. Прага, 1922, кн. I–II, III, VI–VII, VIII–XII; Берлин, 1923, кн.I–II, III–V, VI–VIII — 301, 562

Щ

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), русский государственный деятель, в 1906–1915 гг. – министр юстиции, последний председатель Госсовета Российской империи; во время Февральской революции был арестован и находился в заключении в Петропавловской крепости с 1 марта 1917 г. по 26 февраля 1918 г.; затем перевезен в Москву и как заложник публично расстрелян 5 сентября 1918 г. вместе с другими государственными и церковными деятелями Российской империи (Н.А. Маклаковым, А.Н. Хвостовым, протоиереем Иоанном Восторговым) — 122

Э

Эбер (Hébert) Жак Рене (1755–1794), деятель Великой французской революции — 419, 456

Эберт (Ebert) Фридрих (1871–1925), немецкий государственный деятель, президент Веймарской республики — 462

Эверард (Everard) Уильям, деятель Английской революции XVII в., бывший солдат, уволенный со службы и считавший себя пророком, автор манифеста «Знамя истинных левеллеров поднято», опубликованного в Лондоне в 1649 г. — 340

Эдуард I (Edward) (1239–1307), английский король с 1272 г. из династии Плантагенетов — 534

Эдуард II (Edward) (1284–1327), английский король с 1307 г. из династии Плантагенетов — 534

Эдуард VI (Edward) (1537–1553), английский король с 1547 г. из династии Тюдоров — 536

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948), советский режиссер театра и кино, художник, сценарист, теоретик искусства — 241

Экклезиаст (Екклесиаст), автор книги Ветхого Завета, о жизни которого ничего не известно; книга изображает человека, наслаждающегося жизнью, который в конце концов спрашивает о смысле своего бытия — 264

Экономист. 1922, №№ 1–5 — 212–213, 336, 344, 398, 401, 409, 412, 468, 539, 642

Экономическая жизнь — 336

Экономическая жизнь. 1922, № 163 — 477

Экономическая жизнь. 1922, № 208 — 448

Экономическая жизнь. 1922, № 264 — 478

Экономическая жизнь. 1923, № 172, 2 августа — 477

Экономический вестник. Берлин, 1923, кн. 1, 2 — 336, 430

Экономический вестник, № 235 — 478

Экономическое строительство. М., 1923, № 2 — 321, 476

Элиава Шалва Зурабович (1883–1937), советский партийный и государственный деятель, первый председатель Вологодского губернского совета Рабочих и солдатских депутатов (март–декабрь 1917 г.) и председатель Вологодского губернского исполнительного комитета (январь–апрель 1918 г.); в 1937 г. репрессирован, расстрелян — 99

Эллвуд (Ellwood) Чарлз (1873–1946), американский социолог, профессор университета в Миссури, 14-й президент Американского социологического общества (1924) — 279, 289, 376, 390, 394

– Introduction to Social Psychology [Введение в социальную психологию]. 1917 — 289, 394

– Reconstruction of Religion [Реконструкция религии]. New York, 1922 — 376

Эльман Михаил Саулович (1891–1967), российский и американский скрипач; в 1911 г. переселился в США, однако гражданство принял лишь 12 лет спустя — 240

Энгель Евгений (Генрих) Александрович (1887 – дата смерти точно не установлена: 1932 или 1942), русский социолог, после Октября 1917 г. – профессор Петроградского университета, а затем и Петроградского сельскохозяйственного института, автор первого учебника социологии для средней школы — 198

Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895), немецкий экономист, философ и политический деятель, один из лидеров немецкой социал-демократии, близкий друг и соратник К. Маркса — 212

Эней Сильвий (Aeneas Sylvius) де Пикколомини (1405–1464), писатель-гуманист, автор многочисленных церковно-политических и географических трудов, с 1458 г. – папа римский, взошедший на престол под именем Пия II; в своей книге «История Богемии» (Historia Bohemiae) с величайшей похвалою писал о героизме Яна Гуса — 355

Энний Квинт (239–169 до н.э.), выдающийся римский поэт архаического времени, автор «Анналов», «Сатир», басен и эпиграмм — 407

Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1897, т. 40, с. 628–629: *Покровский В.И.* Население — 403

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), русский советский писатель, поэт, публицист и общественный деятель — 240

Эро де Сешель Мари Жан (1759–1794), деятель Великой французской революции, депутат Законодательного собрания, член Конвента — 370, 474

Эрос (Эрот), в греческой мифологии – бог любви — 353

Эттинген (Oettingen) Александр (1827–1900), немецкий евангелистский теолог и статистик — 350–351, 406–407, 419, 518–519

– Die Moralstatistik [Моральная статистика]. 1882 — 407

Эфиальт (ок. 500–461 до н.э.), политический деятель Древних Афин — 417

Эхнатон, древнеегипетский фараон, правивший ок. 1400 г. до н.э. — 525

Эшли (Ashly) Уильям Джеймс (1860–1927), английский историк и экономист — 536

– Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897 — 536

Ю

Юстиниан (Justinianus) (483–565), византийский император с 527 г. — 531–532

Я

Яков II (James) (1633–1701), английский король в 1685–1688 гг. из династии Стюартов, второй сын Карла I, брат Карла II; политика Якова II вызвала консолидацию оппозиционных сил, которые пригласили занять английский престол его зятя, штатгальтера Нидерландов Вильгельма Оранского, после высадки в Англии Вильгельма Карл бежал за границу — 467, 576

Яковлев (наст. фамилия Трифонов-Яковлев) Александр Степанович (1886–1953), советский писатель, автор повести «Повольники» (1922) о революции в Поволжье и других произведений — 348

Ян из Садло (Sădlo z Kostelce Jan) (ум. 1421), участник гуситского движения, примыкавший к его умеренному крылу — 418

Ясинский Всеволод Иванович (1884–1933), русский инженер-технолог, конструктор паровых турбин, профессор МВТУ, в 1921 г. по приглашению М. Горького участвовал в работе Помгола, в августе 1922 г. был арестован и 29 сентября выслан за границу (покинул Петроград на пароходе «Обербургомистр Хакен»), стал первым директором Русского научного института в Берлине (1923–1931) — 228

A

Aeneas Sylvius – см. Эней Сильвий

Aschaffenburg G. Crime and its Repression [Преступление и его подавление]. Boston, 1913 — 519

B

Bauer A. Essai sur les Révolutions [Эссе о революциях]. Paris, 1908 — 264, 267

Berman L. – см. Берман Л.

Boudin. De l'accroi element de la taille et des conditions d'aptitude militaire [О факторе роста и условиях годности к военной службе] // Memoire de la Societé d'antropologie. 1 serie, vol. II, 7 mai, 1863 — 419

Brez – см. Лаврентий из Бржезова

C

Calamy E. — 463

Chessa Fed. – см. Чесса Ф.

Corne A. Essai sur la criminalité [Очерк о преступности] // Journal des économistes. 1868, Janiver — 363

Coville – см. Ковилль А.

Curschmann F. – см. Куршман Ф.

D

Darwin L. – см. Дарвин Л.

D'Avenel G. – см. Д'Авенель Ж.

De Flax F. — 398

De la Mazeliére A.R. Japon. Histoire et civilization [Япония. История и цивилизация]. Paris, 1907–1913, vol. 1–6 — 338

De Leener. La primauté de l'individu [Главенство индивида] // Revue de l'Institut de Sociologie. 1922 — 486, 584–585

Denis E. – см. Дени Э.

Denis H. Le mouvement de la population et ses conditions economiques // Memoirez couronnes. Бельгийская Королевская Академия, vol. LIX — 549

Donger W.A. Criminality and Economic Conditions [Преступность и экономические условия] — 519

Doubleday – см. Даблдей Т.

Drumann – см. Друманн К.В.А.

Duruy V. – см. Дюруи В.

E

Economic Review — 197

Edinburgh Review (1917–1918) — 197

F

Fahlbeck P. – см. Фальбек П.

Ferguson. The Family Budgets and Dietaries of Forty Lab Class Families in War Time [Семейный бюджет и диета сорока рабочих семей] // Proceedings of the Royal Society of Edinburgh, vol. XXXVII — 539

Furlan. La circulation des élites [Циркуляция элит] // Revue internationale de sociologie. 1911 — 539

G

Galeot A.-L. La psychologie révolutionaire [Психология революционера]. Paris, 1923 — 396

Gini C. – см. Джини К.

Gowin B. Correlation between Reformative Epochs and the Leadership of Young Men [Соотношение между эпохами реформаций и лидерством молодежи]. 1909 — 411

H

Hake F. von. Zusammenbruch und Aufstieg des Französischen Wirtschaftsleben 1789–1799 [Развал и восстановление народного хозяйства Франции в 1789–1799]. München. 1923 — 469, 482

Harrison – см. Харрисон Т.

Hartmann O. Die Volkserheburg der Jahre 1848 und 1849 in Deutchland [Народное восстание в Германии в 1848–1849 гг.]. Berlin, 1900 — 326, 551

Hayes E.C. – см. Хейс Э.К.

Hirschfeld O. – см. Гиршфельд О.

Historical Review — 197

The Hunting of the Foxes [Охота на лисиц пятью гончими], памфлет времен Английской революции; этот шуточный и в то же время трагический рассказ о поданной пятью солдатами просьбе и о понесенных ими наказаниях представляет собой манифест левеллеров; авторство приписывается Лильберну, Овертону или тем солдатам английской армии, от имени которых он написан — 463, 471

J

Johannsen – см. Йоханссен В.Л.

Jordan D.S. – см. Джордан Д.С.

Juglar C. – см. Жаглар К.

K

Kahn O.H. – см. Канн О.Г.

Kaser K. – см. Казер К.

Kempf E. – см. Кемпф Э.Д.

Kolabinska M. La circulation des élites en France depuis la fin XI siecle jusqu'a la Grande Revolution [Циркуляция элит во Франции с конца XI века до Великой революции]. Lausanne, 1912 — 433, 580

L

Lasseur. La perversion sadique [Садистское извращение]. 1898 — 354

Lecour C.J. – см. Лекур К.Ж.

M

Malkolm J. – см. Малькольм Дж.

Meyer M. – см. Мейер М.

Mombert P. Zur Frage der Klassenbildung [К вопросу о формировании классов] // Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaften. 1921, Heft 3 — 425

N

Nicolai G.F. – см. Николаи Г.Ф.

Niese B. – см. Низе Б.

O

Outlook (1919) — 197

P

Parent-Duchatelet A. – см. Паран-Дюшатле А.Ж.Б.

Parker E.H. – см. Паркер Э.Х.

Parmelee M. – см. Пармели М.

Patrick G.T.W. – см. Патрик Дж. Т. У.

Petrucci R. – см. Петруччи Р.

R

Raudot C.M. – см. Родо К.М.

Richard G. – см. Ришар Г.

Richet Ch. — 274

Robotnik (Рабочий). 1920, 29 октября [ежедневная газета, издававшаяся в Варшаве в 1906–1939 гг., орган Польской социалистической партии] — 557

Rosenblatt F. – см. Розенблатт Ф.Ф.

S

Saunders – см. Сондерс А.М.К.

Schallmayer W. – см. Шальмайер В.

Schmitz O. Die Bewegung der Warenpreise in Deutschland von. 1851 bis 1902 [Колебание цен на товары в Германии с 1851 по 1902 гг.]. Berlin, 1913 — 536, 541–542, 544

Schoenlanck B. – см. Шенланк Б.

Seeck O. – см. Зеек О.

Sensini G. – см. Сенсини Г.

Slosson P.W. – см. Слоссон П.У.

Smith S., Guthrie E. General Psychology in Terms of Behavior [Общая психология в терминах поведения]. Washington, 1921 — 282

Sommerlad T. – см. Зоммерлад Т.

Starch D. – см. Старч Д.

T

Terneaux M. – см. Терно М.

Tildsley. Die Entstehung und die ökonomischen Grundsätze Chartistenbewegung [Истоки и экономические принципы чартистского движения]. Jena, 1889 — 538

V

Vacher La longévité dans les familles [Продолжительность жизни семей] // Bulletin de l'Institut International de statistique, vol. IX, livre 2 — 582

W

Wallas G. – см. Уоллес Г.

Waltzing J.P. – см. Вальсинг Ж.П.

Weiss A. – см. Вейсс А.

Weyl W. The New Democracy [Новая демократия]. New York, 1916 — 515

Wood F. The increase in the Cost of food or different classes of society since the outbreak of War [Рост цен на продовольствие или разные классы общества после начала войны] // Journal of the Royal Statistic Society. 1916, vol. 79, July — 539

Wood G.H. – см. Вуд Дж. Г.

Составитель В.В. Сапов

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Сапов. Идол Революции 7

ЛИСТКИ ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА

Предисловие к изданию 1950 года 47

ЧАСТЬ I
1917

Прелюдия. Январь–февраль 1917 51
Глава первая. День первый 55
Глава вторая. На следующий день: 28 февраля 1917 61
Глава третья. Раз свобода – то все дозволено: март–апрель 1917 67
Глава четвертая. Свет и тени 75
Глава пятая. Агония: май–июнь 1917 79
Глава шестая. Взрыв: июль–сентябрь 1917 87
Глава седьмая. Новые кризисы 95
Глава восьмая. Бездна: октябрь–декабрь 1917 107

ЧАСТЬ II
1918

Глава девятая. В Петроградской Бастилии 119
Глава десятая. Игра в кошки-мышки 129
Глава одиннадцатая. Скитания 141
Глава двенадцатая. На лоне природы 147
Глава тринадцатая. «Lasciate Ogni Speranza Voi ch'Entrate» 153
Глава четырнадцатая. Красная месса 157
Глава пятнадцатая. Воскрешение 169
Глава шестнадцатая. Первые шаги в коммунистическом раю 173

ЧАСТЬ III
1919–1920

Глава семнадцатая. В лоне коммунистической культуры ... 179
Глава восемнадцатая. «Memento mori» ... 185
Глава девятнадцатая. В царской обители ... 189
Глава двадцатая. Красная «наука» ... 195

ЧАСТЬ IV
1921–1922

Глава двадцать первая. Мстители ... 201
Глава двадцать вторая. Искупление ... 205
Глава двадцать третья. Новая бойня ... 211
Глава двадцать четвертая. SOS ... 217
Глава двадцать пятая. Новые пьесы ... 223
Глава двадцать шестая. Высылка ... 227

ЧАСТЬ V
Тридцать лет спустя

Глава двадцать седьмая. Русская революция как гигантский успех и чудовищный провал ... 237
Революция как гигантский успех ... 237
Революция как чудовищный провал ... 239
Распространение просветительских учреждений и культурных ценностей как главная конструктивная работа революции ... 250
Причины, в силу которых революция преуспела в качестве разрушительной силы и потерпела провал как сила созидательная ... 252

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Предисловие к русскому изданию ... 261

Введение ... 263

Очерк первый. Изменение поведения в эпохи революций ... 273
§ 1. Общие положения, касающиеся механизма поведения людей ... 273
§ 2. Общая характеристика деформации поведения во время революций ... 283
§ 3. Деформация «речевых» рефлексов ... 293
§ 4. Деформация реакций повиновения и властвования ... 304

§ 5. Деформация трудовых рефлексов ... 317
Русская революция 1917–1923 гг. ... 319
§ 6. Деформация рефлексов собственности ... 327
Русская революция 1917–1923 гг. ... 331
§ 7. Деформация половых рефлексов ... 342
Русская революция 1917–1923 гг. ... 344
Русская революция 1905–1906 гг. ... 349
Французская революция 1870–1871 гг. ... 350
Революция 1848 года ... 351
Великая французская революция ... 352
Русская революция XVII века ... 354
Римские революции ... 355
§ 8. Деформация так называемых религиозных, морально-правовых, конвенциональных, эстетических и других форм социального поведения ... 357
Первая стадия революции ... 359
Второй период революции ... 378
§ 9. Деформация психики членов революционного общества ... 380

Очерк второй. Влияние революции на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность ... 397
§ 1. Революция уменьшает население количественно ... 398
§ 2. Движение смертности, рождаемости и брачности во время революций ... 401
§ 3. Революция как орудие «отрицательной селекции» и ухудшения биологически-расовых свойств народа ... 409

Очерк третий. Изменение структуры социального агрегата в периоды революций ... 421
§ 1. Общие положения, касающиеся структуры социального агрегата ... 421
§ 2. Деформация структуры агрегатов в периоды революций ... 423
§ 3. Изменение состава групп, скорость, массовость и характер циркуляции ... 424
§ 4. Изменение объемов социальных групп ... 435
§ 5. «Диссоциация» ненормальных кумулятивных групп и образование новых ... 441
§ 6. Изменение механизма отбора и размещения индивидов в агрегате ... 446
§ 7. Изменение поведения и психологии перемещенных лиц ... 457

Очерк четвертый. Изменения социальных процессов в периоды революций ... 465
§ 1. Изменения в области процессов управления ... 465
§ 2. Изменения экономических процессов ... 475
§ 3. Изменение в духовной жизни общества ... 487

Очерк пятый. Иллюзии революции ... 503

Очерк шестой. Причины революций ... 513
§ 1. Основные причины революций ... 513
§ 2. Почему ущемление рефлексов ведет к революциям ... 516

§ 3. Ущемление рефлексов питания и революция ... 517
§ 4. Ущемление других инстинктов и революция ... 558
§ 5. Иное доказательство того же ... 566
§ 6. Дезорганизация торможения, дегенерация власти и революция ... 574
§ 7. Общие причины наступления второй стадии революции, или контрреволюции ... 587

Примечания и дополнения ... 591

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Рецензии на книгу «Листки из русского дневника»

S. H. Эмигрант оглядывается назад ... 597
Г. Брикел. Книги на нашем столе ... 598
Ч. Рехт. Психология беженца ... 600
Русский социалист и ученый дает признательные показания ... 602
[Leaves from a Russian Diary by Pitirim Sorokin] *The Boston Herald* ... 604
А.М. Николаев. Россия изнутри ... 605
Страна безумия ... 607
Л. Мартин. Политические мемуары социолога ... 609
Л. Ветмор. Leaves from a Russian Diary, by Pitirim Sorokin ... 612
[Leaves from a Russian Diary by Pitirim Sorokin] *The Bookman* ... 615
Как Россия потерпела крах ... 616
Р. Ч. Дорр. Советский рай с близкого расстояния ... 617
C. V. D. Русский жирондист ... 621
[О «Листках из русского дневника» Питирима Сорокина] ... 622
Э. Писко. Русские Гамлеты ... 623

II. Рецензии на книгу «Социология революции»

В. Власьев. Изменение поведения людей во время революции ... 627
У. К. Абботт. Плоды революции ... 629
Г. Э. Барнз. Революция в Америке ... 632
Дж. Гирсон ... 634
М. Мухин ... 635
Ф. Репейников. Лицо революции ... 638

Комментарии ... 651

Указатель имен и цитируемой литературы ... 761

ПЛАН-ПРОСПЕКТ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ П.А. СОРОКИНА

*__Том 1.__ Ранние сочинения. 1910–1914
*__Том 2.__ Преступление и кара, подвиг и награда. 1914
__Том 3.__ Ранние сочинения. 1915–1918
__Том 4.__ Ранние сочинения. 1919–1923
__Том 5.__ Система социологии. 1920
__Том 6.__ Элементарный учебник общей теории права. 1919
Общедоступный учебник социологии. 1920
Популярные очерки социальной педагогики и политики. 1923
*__Том 7.__ Голод как фактор
__Том 8.__ Художественные произведения
*__Том 9.__ Листки из русского дневника. Социология революции. 1924
__Том 10.__ Социальная мобильность. 1927
__Том 11.__ Современные социологические теории. 1928
__Том 12.__ Принципы сельской и городской социологии. 1929
__Том 13.__ Статьи и рецензии. 1929–1937
__Тома 14–17.__ Социальная и культурная динамика. 1937–1941
__Том 18.__ Кризис нашего времени. 1941
SOS: Смысл нашего кризиса. 1951
*__Том 19.__ Человек и общество в условиях бедствий. 1942
__Том 20.__ Социальная причинность, пространство, время. 1943
__Том 21.__ Россия и Соединенные Штаты. 1944
__Том 22.__ Общество, культура и личность. 1947
__Том 23.__ Социальные философии в век кризиса. 1950
__Том 24.__ Причуды и недостатки современной социологии. 1956
__Том 25.__ Пути и могущество любви. 1954
__Том 26.__ Американская сексуальная революция. 1956
Власть и нравственность. 1959
Основные тенденции нашего времени. 1964
__Том 27.__ Дальняя дорога. 1963
Автобиографические статьи и материалы
__Том 28.__ Социологические теории современности. 1966
__Том 29.__ Неизданные произведения
__Том 30.__ Из эпистолярного наследия

Тома, отмеченные звездочкой, вышли в свет

Научное издание

Сорокин Питирим Александрович

ЛИСТКИ ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА
СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Издание подготовил
В. В. Сапов

Художник обложки
Л. В. Сапова
В оформлении обложки использована
картина Б.М. Кустодиева «Большевик» (1919–1920)

Редактор *В. И. Трошева*
Технический редактор, компьютерная вёрстка – *С. И. Оверин*
Корректор *Г. Г. Оверина*

Подписано в печать 18.11.2015. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл.печ.л. 68,37. Уч.-изд.л. 64,54
Тираж 400 экз. Заказ №

ООО «Анбур». 167982, г. Сыктывкар, ул. К.Маркса, 229

Отпечатано с готового оригинал-макета в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ООО «Коми республиканская типография»
167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

ISBN 978-5-91669-185-6